

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

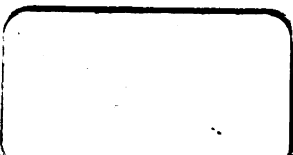
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Библиотека для чтения

(Cellar)

15 B7

*QCA

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ТОМЪ СХХV.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ,

**ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ,
ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.**

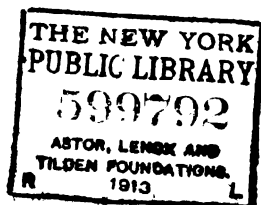
*Ἐπεὶ δὲ τί ἀισχρὸν, τὸ ἑτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γνῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν των προγεγενημένων ἀνδράων
ἐν τοῖς ἐπιγυρομένοις οὐχ ὀμοίαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ των ἀδικηθέντων.*

Βοσταν. ἀπὸ Χονορθουκ. IV, 8, 9.

ТОМЪ СТО-ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ,
6 мая 1854 года.

Ценсоръ Н. Пейкеръ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ПЕЧАТА ОТДѢЛЕНІЯ ЦЕНСУРА ВНУТРЕН. СТРАНИ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

МЕЧТЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

=

СОЧИНЕНІЕ АВТОРА „НАСЛѢДСТВА“.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

У Анны Павловны были два или три музыкальные вечера, великолѣпные, но совсѣмъ не веселые. Роскошь подавала принужденность. Блескъ не значалъ удовольствіе. Викторъ Ивановичъ любилъ разыгрывать роль лорда и пера Вандербригана съ полу-милліонномъ фунтовъ годового дохода. Онъ былъ того мнѣнія, что, у него, или должно все быть великолѣпно или вовсе не быть. Под-герцога было содаино

на эти вечера, это торжество гения великихъ модистокъ, швей, портныхъ, великихъ парикмахеровъ и ювелировъ, передъ которыми гений великихъ артистовъ и композиторовъ сдѣлалъ страшное фiasco. Въ этой слишкомъ блестящей и слишкомъ разнородной толпѣ, занятой предпочтительно своимъ мелкимъ тряпочнымъ тщеславіемъ и невнимательной къ самолюбію разума и таланта, артисты чувствовали себя не на-мѣстѣ и не въ духѣ. Вся находчивость Анны Павловны, вся грація Лизы, все англійское гостепріимство и русское радушіе Виктора Ивановича не могли одушевить ихъ. Музыка погибла въ шопотъ паркетныхъ любезностей, въ шумъ нескромныхъ разговоровъ, въ варварствѣ щегольства и свѣтскости.

— Здѣсь ничего не слышно! слишкомъ много брилліантовъ и золота!... сказалъ Карлъ Брюловъ, вставая съ мѣста вполонивъ піесы Сервѣ и уходя въ кабинетъ хозяина, съ намѣреніемъ броситься въ объятія прелестной гавайской сигарки.

Величественные ужины, которые составили бы славу Вателей и Каремовъ, еслибы эти повара уже давно не были безсмертными, довершили убійство удовольствія блескомъ.

Лиза, принужденная быть счастливою и веселою, умирала отъ скуки и отъ изнеможенія, но съ такою прелестною улыбкою, что нельзя было не завидовать ея блаженству. Анна Павловна и Викторъ Ивановичъ были вполнѣ довольны ея признательностью.

Александръ — классическое чудовище! — не былъ ни на одномъ изъ этихъ вечеровъ. У любезной мадамъ Р***, по субботамъ, онъ также не показывался. Несмотря на двѣ образцовыя записочки Анны Павловны, которая обладала гениемъ записочекъ, онъ не сдѣлалъ чести этой музыкѣ удостоить ее своего присутствія. Разъ или два онъ заѣзжалъ къ Мечневимъ, но, явственно выбиралъ такое время, когда никого дома не было.

— Этакой упрямецъ!... дуется!... а любить насъ!... хотѣлъ бы быть съ нами... а прячется!... я радъ, что не-крайней-мѣрѣ наша Лиза весела и наслаждается отъ всей души, говорилъ съ удивительною тонкостью взгляда жемѣ пронизательный Викторъ Ивановичъ.

Въ самомъ дѣлѣ, куда же пропалъ Александръ? Того, что онъ дѣлалъ, что думалъ, что чувствовалъ во все это время, исторія не знаетъ донынѣ. Событія этихъ любовныхъ трехъ недѣль скрываются во мракѣ временъ, какъ говорятъ мужчины въ своихъ романахъ, исторіей называемыхъ. Мои ретроспективныя изслѣдованія доставляли мнѣ только слѣдующіе факты, которыхъ достовѣрность (слогъ мужчинъ) будетъ, я надѣюсь, утверждена здравомыслящею историческою критикою.

Восходя обратно до самыхъ древнихъ временъ — до вечера у Сборовыхъ — усматривается, что москѣ Александръ убѣжалъ отъ зловредной Вѣры Николаевны какъ угорѣлый. Онъ бросился въ переднюю, на лѣстницу, въ сѣни, на крыльцо, въ сани, разстроенный, блѣдный, уничтоженный: страшная буря страстей поднялась въ этомъ красавцѣ, на шлѣ холодномъ и разсудительномъ; всѣ его чувства, надежды, соображенія, планы, всѣ его понятія о женщинахъ и женскомъ сердцѣ были опрокинуты вверхъ ногами. Это видѣли; на это есть свидѣтельницы, заслуживающія всякаго довѣрія со стороны читателей. За пол-часа передъ тѣмъ, когда Вѣра ему улыбалась, женщина казалась ему существомъ неземнымъ, вылитымъ изъ теплоты, радуги и благоуханія, идеаломъ всего прекраснаго въ природѣ, вещественно и нравственно, восхитительнымъ цвѣткомъ, сокровищемъ, счастьемъ. Когда Вѣра, съ искусственнымъ равнодушіемъ, надежнѣйшимъ щитомъ женщины, которымъ мы должны умѣть закрываться чтобы не погибнуть отъ першаго удара льстивыхъ враговъ нашихъ, когда умница Вѣрочка отвернулась отъ него, когда она ловко ускользнула отъ этой мужской пасти, уже разверзавшейся жадно и алчно на пажраніе ея молодости, свободы, здоровья, беззаботливости, совѣстно сказать какъ сталъ онъ думать о женщинахъ: женщина представилась ему тогда змѣею, червою какъ измѣна, коварною какъ загадка, опасною какъ хелера—которой онъ ужасно боялся — тряпкою, вѣтромъ, обманомъ, ничтожествомъ. Это также достовѣрно. Всѣ они такъовы! Но что было далѣе, когда онъ пріѣхалъ домой, когда воѣжалъ въ свой кабинетъ?.. Сознаюсь, что намъ,

женщинамъ, чрезвычайно трудно наблюдать и описывать то, что дѣлають у себя на-единѣ влюбленные мужчины, которымъ любовь не удается. Одного только такого мужчину видѣла я случай наблюдать, и то въ замочную скважину двери. Онъ былъ ужасно смѣшонъ. Вбѣжавъ въ свой кабинетъ, со шляпою на головѣ, онъ остановился посреди комнаты и, казалось, призадумался. Потомъ вдругъ сорвалъ шляпу съ головы, швырнулъ ее въ уголъ комнаты, на какой-то диванчикъ, и сталъ разстегивать перчатки. Работа шла не удачно; онъ изорвалъ перчатки въ куски и бросивъ ихъ туда же, закричалъ: «Кто тамъ?... зачѣмъ здѣсь никого нѣтъ?» Въ это мгновеніе слуга вошелъ съ подносомъ, на которомъ находился чайный приборъ и горячій чай. «Я здѣсь, отиѣчалъ камердинеръ, становя подносъ на столикъ: побѣжалъ только въ буфетъ за чаемъ.» Влюбленный господинъ сердито топнулъ ногою, далъ пинка столику, и опрокинулъ столикъ, свѣчи, подносъ и чай на коверъ, къ великому испугу слуги, который тотчасъ бросился подбирать подстилки, чашки и чайники. «Зачѣмъ ты здѣсь? кричалъ влюбленный: кто тебѣ велѣлъ подавать чай?»—«Вы всегда изволите кушать чай, возвратясь домой, смиренно оправдывался слуга: вы сами изволили приказывать...»—«Зачѣмъ вы не спите до-сихъ-поръ?... пошли спать!... тотчасъ!... чтобы здѣсь и духу вашего не было слышно.... Зачѣмъ естѣишь?...—«Можетъ-быть вамъ, сударь, будетъ угодно рождѣваться...» — «Вонъ!... Запирай дверь!» Слуга удалился и занеръ дверь кабинета. Влюбленный, все по-прежнему стоялъ посреди комнаты. Онъ запустилъ обѣ руки въ свои волосы и поднялъ ихъ кверху въ видѣ китайской башни, въ знакъ отчаянія. Спусти двѣ три минуты онъ подошелъ къ зеркалу: черты его были взрыты, глаза мертвы, лицо страшно; вся физиономія показывала глубокое внутреннее страданіе. Миѣ стало немножко жаль этого молодого человѣка, хотя его мужская гордость и не хотѣла сознаться въ томъ, что это печальное состояніе было дѣйствіемъ глубокаго расстройства сердца, и старалась принисать бѣду расстройству желудка: потому-что влюбленный, увидавъ свое лицо, сперва почувшалъ у себя пульсъ, потомъ высунулъ языкъ

передъ зеркаломъ, осматрѣлъ этотъ органъ съ большою критикой, и закурилъ сигару — верховное мужское лекарство противъ всѣхъ невзгодъ души, тѣла и судьбы. Съ этимъ негуманнымъ оружіемъ во рту, онъ усѣлся въ кресла противъ письменнаго стола — пускалъ струи дыму для наблюденій надъ своеобразнымъ движеніемъ его въ воздухѣ — размышлялъ о чемъ-то очень глубоко — и вдругъ ударилъ сильно кулакомъ по столу и воскликнулъ: «Проклятіе!... жой я дуракъ!... какъ мнѣ было не замѣтить того что...» Молчаніе, и струи дыму. «Нѣтъ ужъ впередъ, надѣюсь, не влюблюсь я ни въ одну изъ васъ, сударыни!... не стѣнть!... Пришелъ же въ голову такой вздоръ!...» Молчаніе. «Кокетка! ну, просто кокетка!... дрянъ!... ледъ!... Ужъ когда я не раскатылъ ся сердца!...» Онъ бросилъ сигару и, схватившись обѣими руками за пылающую голову, облокотился на столъ и началъ плакать — рыдать какъ ребенокъ — рвать волосы на головѣ. Жалко было смотрѣть на эту побѣжденную, увиженную и лежачую спѣсь, которая, казалось, умѣла не бить ея, пощадить, простить. Но вдругъ спѣсь встрепенулась, встала, и начала гордо ходить по комнатѣ большими шагами. Я слышала слова: «Ну, стѣнть лш!... что жъ она такое!... женщина, и болѣе ничего!... Я презираю... да! я презираю... эту пустую дѣвчонку... Дрянюшка!.. тряпка!.. кокетка!.. ужасная кокетка!.. такая кажись добродушная.... и такая коварная!... К чему она мнѣ?... к чему всѣ онѣ, подобныя ей?... Нѣтъ, ужъ впередъ...» Онъ скинулъ съ себя фракъ и задумался; потомъ побѣжалъ къ письменному столу, схватилъ перо и началъ писать... видно, посланіе къ безцѣнной дрянюшкѣ. Писалъ онъ, и рвалъ; рвалъ и писалъ, и слезы ручьемъ текли по лицу.... У меня шея заболѣла отъ психологическихъ наблюденій въ ключевую дырочку, и я оставила несчастнаго влюбленнаго, который, какъ я знаю, не прилежъ во всю ночь. На другой день онъ являлъ видъ вставшаго изъ могилы мертвеца. Когда мы спрашивали его о причинѣ, онъ увѣрялъ насъ, что вчера вечеромъ съѣлъ... мы подхватили: грибъ!... нѣтъ, возвратилъ онъ, три сотни устриць, съ двумя вѣрными пріятелями, и это бросило его въ жаръ.... въ устрицахъ, говорятъ,

бездна фосфору.... и немножко разстроило, но пройдет—ничего — тѣмъ болѣе, что онъ далъ себѣ слово впередъ не любить устриць.

Пріятельница Анны Павловны, почтеннѣйшая Аграфена Карповна Подметкина, которая знаетъ все что дѣлается въ городѣ и кругомъ города на двадцатипяти верстахъ въ радіусѣ, увѣряла меня положительно, что по возвращеніи отъ Сборовыхъ Александръ Петровичъ дѣлалъ, думалъ и восклицалъ точь-въ-точь то же что и этотъ влюбленный господинъ, съ тою только разницею, что чаю онъ не опрокинулъ наземь, но, прогнавъ камердинера, выпилъ стакана три съ отчаянія — страсти человѣческія высказываются такъ различно!—и, прорыдавъ съ пол-часа, заигралъ на скрипкѣ очень печально. Слезы капали на резонансовую доску, рука дрожала, игра совершенно выходила изъ правилъ строгаго классицизма: невольно слышались въ ней волненія души, бьенія сердца, чувство, страсть — шарлатанство!... какъ говорить строгая школа. Лишь только Александръ примѣтилъ это, онъ съ ужасомъ положилъ скрипку обратно въ ящикъ и началъ ходить или, точнѣе, бѣгать по комнатамъ. Онъ былъ истинно и глубоко несчастный. Сколько онъ написалъ записокъ къ коварной Вѣрѣ Николаевнѣ, съ точностью неизвѣстно; но достовѣрно то, что сто разъ клялся онъ, что *ея* не любить, не хочетъ любить, не увидитъ болѣе—что она не стоить такой страстной любви и тѣхъ жестокихъ мученій, которыя эта любовь причиняетъ ему — что онъ ее презираетъ — терпѣть не можетъ — не навидитъ; и сто разъ мысленно стоялъ передъ нею на колѣняхъ, благоговѣя передъ ея прелестями, совершенствами, добродѣтелями, и умоляя объ одномъ ласковомъ взглядѣ, объ одной снисходительной улыбкѣ. Было одно мгновеніе, что онъ обдумывалъ, какъ бы ей отомстить, истерзать ее, слабую и беззащитную, довести до отчаянія, уничтожить.... Эти мужнины, въ своихъ нѣжныхъ страстяхъ, настоящіе Готтентоты! Жалко подумать, что мы должны любить безъ памяти, обожать, такихъ чудовищъ. Въ заключеніе, прекрасное чудовище, развязывая галстухъ передъ зеркаломъ, рѣшило окончательно, что Вѣ-

ра нестерпимая кокетка, и дало себѣ слово, что впередъ она не поймаетъ его; послѣ чего бросилось на постель, зажекло руки подъ голову, и думало, думало, думало, пока не начало дремать.

Благодѣтельный сонъ успокоилъ страшную бурю, которая такъ долго терзала его, и пріятное видѣніе... но какое видѣніе!... Мужчины много пишутъ о мечтѣ, но мечтать вовсе не умѣютъ. Днемъ мечта имъ нужна только для рѣшмы. Передъ сномъ они видятъ только деньги, чины или козыри. Но когда спать, когда всѣ расчеты смолкнуть, мечта иногда слетаетъ и на нихъ на розовыхъ крыльяхъ, окруженная золотымъ туманомъ. Сонъ безпристрастенъ, и хочетъ, чтобы и они бѣдняжки были иногда счастливыми. Видѣніе Александра Петровича было нѣсколько запуганное, перевитое думами, которыя долго волновали его наяву. Онъ видѣлъ всё квартеты... но какіе!.. квартеты исполненные въ неземномъ совершенствѣ, съ дружною совсѣмъ нечеловѣческою, безъ малѣйшаго признака страсти или увлеченія, какъ разыгрываются этого роду піесы лишь за облаками. Послѣднимъ былъ квартетъ Бетховена, въ сі-бемол, одинъ изъ прекраснѣйшихъ. Александръ Петровичъ игралъ такъ чисто и такъ вѣрно, какъ въ сей доли плача и не играютъ. Съ послѣднимъ аккордомъ, онъ и товарищи его вскочили, внѣ себя отъ восхищенія, спрашивая другъ друга, есть ли на землѣ счастье выше этого. Вдругъ, откуда не вольмись, Вѣра Николаевна, въ бальномъ нарядѣ и блестящая какъ солнце. Она слетѣла, изъ дальнихъ странъ эфирныхъ, на облакѣ кружевъ, которыя свистѣли въ воздухѣ, еще дрожавшемъ звуками послѣдняго такта.

— Чтѣ вы это дѣлаете? сказала она, съ презрѣніемъ взглянувъ на пюпитры и на бетховенскія ноты: вы играете... вы разбираете эту скуку?... а я безъ васъ плачу... я уснуть не могу... я несчастна...

И она улыбнулась ему такъ заоблачно, такъ свѣтло и тепло, что Александръ Петровичъ весь растаялъ. Онъ хотѣлъ схватить ее руками, прижать къ сердцу, поцѣловать: потому что эта улыбка, эти губки, явственно выманивали поцѣлуй... но она исчезла, и въ рукахъ у него остался только

кусочек доретой вряпки... кружева. Онъ искалъ ее взоромъ въ воздухъ. Нѣтъ видѣ ни слѣда волшебницы! Онъ идетъ къ своему повятру, хочетъ убрать жетвую тетрадь несравненнаго квартета... Что это?... не тетрадь, а тяжелый гробовой камень!... Съ большимъ трудомъ отворачиваетъ онъ его... о! ужасъ!... тамъ Вѣра Николаевна кокетничаетъ съ Модеративнымъ, который у ногъ ея отрекается отъ Бетховена. Вся кровь закипѣла въ Александрѣ Петровичѣ. Онъ бѣжитъ по полю... Какая-то долина... горы... рѣка... по рѣкѣ плаваютъ блюда съ странными кушаньями и та же самая ужасная тарелка, на которой за ужиномъ коварная Вѣра Николаевна показывала ему картину счастья у швейцарской хижимы... За рѣкою, на роскошномъ лугу, усыпанномъ чуднѣйшими цвѣтами, стоитъ диванъ... на диванѣ сидятъ самымъ мирнымъ сномъ огромная лилія, бѣлая, свѣжая, невинная... нѣтъ!... не лилія, а Лиза, прекраснѣе всѣхъ цвѣтовъ, свѣжѣе и невиннѣе всѣхъ лилей. Едва узнавъ на нее взоръ Александра Петровича, она проснулась.

— Что это! вы спали подъ кварталетъ Бетховена!... сказалъ онъ съ негодованіемъ.

— Успокойтесь, отвѣчала она съ кроткою улыбкой: я все слышала. Меня принесъ сюда самъ Бетховенъ... вотъ онъ здѣсь... подъ диваномъ.

Александръ проснулся, и, протирая глаза, спрашивалъ у себя, сонъ ли это или дѣйствительность. Но онъ тотчасъ заснулъ снова и уже ничего не грезилъ; потомъ утромъ, когда онъ вставалъ, ему пришли на умъ всѣ эти странныя видѣнія. Образъ Лизы, погруженной въ блаженный сонъ невинности, очаровалъ его совершенно. Надѣвъ одинъ сапогъ и держа другой въ рукахъ, онъ цѣлыя сорокъ пять минутъ просидѣлъ на краю постели въ глубокомъ размышленіи о прелестяхъ и совершенствахъ этой доброй дѣвушки, этой тихой и сладкой души. Онъ сравнивалъ ее съ Вѣрою: какая разница!... можно ли естественную розу сравнивать съ искусственною, какъ бы хитро ни была сдѣлана послѣдняя? На счетъ ума, тонкости, проникательности, Лиза, оказавъ не совѣсти, не уступить ни въ чемъ Вѣрѣ. «Право, я не вижу, продолжалъ думать Александръ»

Петровичъ, чѣмъ Лизанья хуже Вѣры! Чудная, несравненная дѣвушка!... другой такой навѣрное нѣтъ на свѣтѣ. Жаль только, что она — такая льдишка... никого не любить! Съ тѣхъ поръ какъ ее знаю, я не видалъ ее влюбленною ни одного разу... Она ни кѣмъ не занимается!... А счастливы были бы тотъ, кто бы разогрѣлъ это сердце! Жена была бы чудесная... кроткая, преданная, послушная... а это главное!... (Чудовище!.. родился жить подъ башмакомъ у жены, а какъ рассуждаетъ!)... Забавно, какъ я рассердился на нее, во снѣ, за то, что она спала во время такого чудеснаго квартета... Но отъ нея это станется, покалуй, и наяву. Чего ждать отъ ребенка, подобно ей неименнающаго ни сокровищъ искусства, ни употребленія, которое можно изъ нихъ сдѣлать? Зачѣмъ я, спрашивается, всегда держалъ себя такъ далеко отъ нея?... Глухо!... Съ нею мнѣ нечего было опасаться... Какое тутъ опасеніе?... тѣмъ болѣе, что я всегда искренно любилъ ее!.. Видѣте того чтобы удалиться отъ нея, не лучше ли было бы сблизиться съ этимъ пѣвннтельнымъ существомъ, простѣить его, указать ему надлежащій путь въ музыкѣ!...

Онъ быстро надѣлъ второй сапогъ, позавтракалъ, и вышелъ изъ дому съ геройской рѣшимостью не видать Вѣры и сблизиться съ Лизою. Около обѣденнаго времени, подѣжавъ къ дому Мечневыхъ, онъ уже ненавидѣлъ Вѣру и думалъ объ одной Лизѣ — думалъ съ преданностью — съ восторгомъ — надѣялся увидѣть въ ней вскорѣ—лишь только она пойметъ его теорію — свѣтлѣйшій идеалъ женщины. Лиза принадлежала ему по праву какъ нареченная сестра и какъ ученица. Когда Лиза кончила великое дѣло, называемое воспитаніемъ, когда отъ нея отстали, одинъ за другимъ, все учителя, и остался одинъ учитель музыки—этотъ только назывался учителемъ, обязанности же его исполнялъ Александръ. Онъ имѣлъ самое прямое вліяніе на ея занятія. Лиза усердно слушала его совѣты, согласовала ихъ по возможности съ своими чувствами, даже и то, что не противилось домашнему образу мыслей, обычаямъ и вкусу ея семьиства, и то она заботливо удерживала въ памяти. Такая добрая воля, такое послушанье, усердіе, стараніе, мог-

ли бы удовлетворить всякую взыскательность; но Александръ такъ любилъ Лизу, такъ чистосердечно желалъ ей пользы, что никогда не былъ доволенъ и все требовалъ болѣе. Онъ безпрестанно бранилъ ее, въ доказательство своей преданности. Да, по правдѣ, и было за что! Сколько разъ заставлялъ онъ ее врасплохъ на горячемъ преступленіи, за дѣломъ, несказаннымъ словами, неслышаннымъ ушами: то за полькой, которую она повторяла, чтобы потомъ позабавить маленькихъ племянниковъ; то за опернымъ нумеромъ, который былъ особенно пріятенъ превратному вкусу Виктора Ивановича; то за вещицей, ничтожною въ сущности, но посвященною Лизѣ, и которую, слѣдовательно, надо было играть, чтобы не обидѣть сочинителя. Бывали піесы, слишкомъ трудныя для Лизы, а между-тѣмъ она упрямо ихъ разучивала, потому что онѣ вызывали пріятныя воспоминанія. Всѣ эти ужасы, и еще многіе другіе, давали Александру право говорить:

— Бѣдная Лиза! право, жаль!..... такой достойный, такой умный ребенокъ: и съ такимъ дурнымъ направленіемъ! Нельзя оставлять ее: мои совѣты, серіозное изученіе, образцовыя произведенія еще могутъ раскрыть ей глаза....

Почти съ такими же мыслями пошелъ онъ и теперь къ Мечневымъ, и, еще говоря о любви Лизѣ, хотѣлъ довести ее до того, чтобы она сама созналась, какъ тѣсна, какъ мелочна музыкальная сфера, въ которой она жила; надѣялся пробудить въ ней потребность расширить, увеличить эту сферу богатствами, которыя ей предлагалъ, сокровищами, къ которымъ могъ дать ей доступъ. Вотъ съ какими похвальными намѣреніями Александръ пришелъ къ безцѣнному своему Виктору Ивановичу. Заслуживалъ ли онъ бѣду, какую надѣлалъ самъ? Могъ ли предвидѣть, какъ разстанется съ нимъ? Но Александръ небоялся такихъ бѣдъ, и всегда пошелъ бы къ нимъ на встрѣчу: онъ только душевно сожалѣлъ, что Мечневы, такіе прекрасные люди, разсудительные во всемъ прочемъ, всегда расходились съ нимъ въ вопросѣ о музыкѣ и могли довести его до ссоры.

И вы знаете, какимъ бѣдствіемъ кончился неудачный опытъ Александра сблизиться съ Лизой. Ссора съ Викторомъ

Ивановичемъ вконцѣ обѣда была страшнѣйшимъ ударомъ, какой могла испытать и вынести теперь его измученная, истерзанная душа. Онъ только-что примѣтилъ, что Лиза къ нему неравнодушна — что она вовсе не льдинка — только-что начиналъ любить ее правильно, широко, классически—свѣтлая будущность уже видѣлась ему вдали — какъ эта злополучная ссора снова отбросила его во тьму и хаосъ. Онъ совершенно растерялся, и, по возвращеніи домой, былъ почти боленъ. Черная грусть овладѣла имъ до основанія. Какъ быть! что дѣлать? куда дѣвать эту страсть, которая жжетъ и пожираетъ его? Прежде онъ ея не чувствовалъ, пока горизонтъ былъ чистъ и вверху сіяла надежда; но лишь только налетѣло темное облако неизвѣстности, лишь только страсть столкнулась съ сомнѣніемъ и пренятствіями, она бросилась на него — какъ всегда бываетъ — съ остервененіемъ голодной и раздраженной гѣны. Голова у Александра шла кругомъ. Онъ уже готовъ былъ влюбиться — уже рѣшительно былъ влюбленъ въ Лизу, на зло Вѣру — но, за Викторомъ Ивановичемъ, нѣтъ возможности любить Лизы!... Такъ на зло Виктору Ивановичу онъ опять влюблялся въ Вѣру: но Вѣра явственно играетъ его сердце и счастіемъ — Вѣра коварна и жестока — Вѣра вѣтренница, эгоистка, кокетка: какъ можно любить Вѣру!... А между-тѣмъ любовь впиалась въ сердце змѣею и сосетъ кровь его, гложетъ внутренности, душитъ въ горахъ. Положеніе, согласитесь, ужасно драматическое — одно изъ тѣхъ, которыя прежде называли «раздирательными». Александръ Петровичъ не видѣлъ выхода изъ этого египетскаго лабиринта.

Друзья, которые его обожали, примѣтивъ это глубокое душевное расстройство, хотѣли разсѣять грусть его во что бы то ни стало. Въ общемъ собраніи рѣшено, что полукѣры здѣсь никуда негодятся — нужно употребить самое сильное и радикальное средство, прибѣгнуть къ верховному лекарству, противъ котораго ничто устоять не можетъ: устроить симфонію—собрать всѣ таланты и всѣ средства— и разыграть публично девятую симфонію Бетховена, какъ самую возвышенную и темную, которой никто еще не по-

нать и которая, слѣдовательно, могучимъ интересомъ своимъ для искусства, непременно заставитъ Александра Петровича забыть всѣ смуты и невзгоды жизни. Эта симфонія, предметъ безконечныхъ диссертаций между учеными музыкантами, не была еще въ то время исполнена никѣмъ и ни разу въ нашей столицѣ. Слава этого подвига была бы нетлѣнная. Александру Петровичу, по праву, предоставлялись почести предводительствующей скрипки. Всѣ эти обстоятельства, превосходно соображенные иными друзьями, были дѣйствительно въ состояніи потушить, искоренить, уничтожить хоть какую любовь въ гармоническомъ сердцѣ истиннаго дилеттанта, записнаго музыкальнаго фанатика. Положено нещадить ни какихъ трудовъ и расходовъ, преодолѣть всѣ затрудненія, и набрать, если нужно, силою, исполнителей и слушателей, чтобы только развеселить и исцѣлить Вологодина. Но все бесполезно. Александръ Петровичъ былъ чрезвычайно тронутъ артистическимъ значеніемъ, какое придавали ему, и, чтобы выразить благодарность за вниманіе, отдалъ свое вниманіе, свое время, свой кошелекъ въ распоряженіе добрыхъ друзей, но самъ неучаствовалъ въ исполненіи — боялся, что въ каждой нотѣ увидитъ Вѣру или Лизу — спутаетъ глаубокомысленную гармонию — и уронитъ непонятное твереніе великаго. Никакія убѣжденія друзей не могли ободрить его. Александръ былъ мраченъ, чувствовалъ себя не въ духѣ, и не рѣшился. При первой репетиціи онъ не слышалъ ни одной ноты. На вторую даже и не пошелъ. Чудная магія природы!... Женщина — и добро бы еще женщина: а то просто, дѣвушка, призракъ женскаго существа, розовый дымъ, ничто — оказалось сильнѣе гиганта-Бетховена. Говорите, послѣ этого, что женщины слабы! Мы обладаемъ страшнымъ могуществомъ, но, къ сожалѣнію, по ужасной добротѣ нашего сердца, большею частью не умѣемъ употребить его въ дѣло: а коварный мужской полъ этимъ и пользуется!

Зависки Анны Павловны съ приглашеніемъ на ея музыкальные вечера причинили новыя мученія несчастному молодому дилеттанту. Онъ готовъ былъ тотчасъ летѣть на

лось, чтобы поскорѣе увидѣть несравненную Лизу. Виктору Ивановичу онъ простѣлъ бы: этотъ человекъ ничего не понимаетъ!... Пустозвонкой игры новѣйшихъ гениевъ онъ не слушать бы: можно коротенько заткнуть уши хлопчаткою бумагою или, еще лучше, канатною смоленою наклею.... Но чувство личнаго достоинства остановило его. Какъ за-быться до того, какъ унизиться до такой степени, чтобы въ угоду сердцу, страсти, обыкновенному человѣческому счастью, присутствовать при подвигахъ какихъ-нибудь со-звездъ, романтиковъ, шарлатановъ, которые чаруютъ тол-пу, тогда какъ тутъ разыгрываютъ великую классическую симфонию, которой никто еще не повалѣ, и онъ не хочетъ, не можетъ слушать въ? Что онажетъ искусство? что подумаетъ наука? До такого соблазна Александръ Петровичъ не могъ до-пустить себя. Но сколько, между-тѣмъ, онъ выстрадалъ! въ какомъ былъ отчаяніи! какихъ усилій стоила ему эта до-стопамятная стоическая побѣда надъ собою въ пользу и славу чистаго искусства!... Ничтожнымъ перомъ монимъ не описате такихъ темныхъ психологическихъ ужасовъ. Благо-волитъ выручить его опытное воображеніе тѣхъ въ не-маломъ числѣ читателей, которымъ случалось быть влюбленнымъ въ двухъ равно прелестныхъ особъ и не знать которую лю-билъ или нужно любить болѣе — въ двухъ вдругъ — что, говорить, довольно часто случается съ читателями.

Однажды утромъ, когда Александръ Петровичъ надѣвъ шляпу, перчатки и калоши и собрался уже идти къ долж-ности, ему отдали записку. Огонь пробѣжалъ по всему его тѣлу. Лице и лобъ покрасѣли. Рука задрожала. По всѣмъ наружнымъ признакамъ записка была отъ Вѣры. Это слу-чалось и прежде, но то были всегда записки дѣловыя. Вѣра часто служила секретаремъ отцу; впрочемъ — ино-гда и самой себѣ, когда ей нужно было дать Александру какое-нибудь ничтожное порученіе, чтобы имѣть право написать ему нѣсколько строчекъ остроумныхъ и любезныхъ. Какъ ни были незначительны эти записки, имъ писала такая любимая рука, что онъ всегда получался съ во-сторженіемъ и оберегался какъ сокровище.

При первомъ взглядѣ на записку, Александръ увидѣлъ, что ея содержаніе совсѣмъ другаго рода.

Вѣра писала:

«Могла ли я когда-нибудь подумать, что меня стануть бранить за тѣхъ, чье поведеніе, мнѣ кажется, требуетъ напротивъ всего моего великодушія? Вы знаете, какъ папаша любитъ меня: онъ былъ такъ ослаблѣнъ, что находилъ всѣ мои поступки прекрасными, всѣ мои сумасбродства — признаками высокаго благоразумія и примѣрной мудрости. И что же? Одинъ изъ лучшихъ друзей моихъ раскрылъ ему глаза на мой счетъ! Благодаря этому коварному другу, папенька видитъ теперь во мнѣ одно лишь дурное. Угадайте, кто этотъ неблагодарный измѣнникъ? Я никакъ не могла угадать. Но вамъ это будетъ легко: положите руку на совѣсть.... Вообразите, что папаша думаетъ, будто моя нелюбезность — какое несправедливое подозрѣніе! — причиною того, что вы бѣгаете его общества и его дома. Онъ увѣренъ, что я васъ какъ-нибудь обидѣла, что я источникъ неудовольствій, всему виновата, и ни куда не годусь. А вы знаете, что — напротивъ! Оправдайте же меня. Выкажите мою невинность въ полномъ ея блескѣ. Мнѣ очень жалко, что, для васъ нѣтъ никакого оправданія. Васъ видятъ ежедневно въ цвѣтущемъ здоровьѣ. Каждый день аккуратно вы являетесь куда слѣдуетъ по многообразнымъ должностямъ вашимъ: одинъ долгъ дружбы исполняется вами съ непростительнымъ нераченіемъ — и за вашу вину страдаютъ невинные! Мѣсто ваше за обѣдомъ возлѣ папашини остается не занятымъ и ждетъ васъ всякій день. Сегодня, я увѣрена, оно не будетъ ждать напрасно.»

В. С.

Александръ забылъ мигомъ всѣ свои прежнія разсужденія и намѣренія. Онъ сталъ веселъ, восторженъ, счастливъ. Никогда свѣтъ, люди и дѣла не казались ему такими восхитительными. Тысячу разъ прочитывалъ онъ мудреное посланіе, развѣсившая выраженія, разгадывая тайный смыслъ cadaго слова и, въ послѣднемъ результатѣ, нашелъ всюду слѣды не сомнѣннаго чувства. Онъ даже уверялъ себя за жестокость: явственно, долгое, упрямое, не изви-

нительное отсутствіе его причинило этой чудной Вѣрочкѣ много страданій; нѣтъ сомнѣнія, что папаша тутъ — только пластырь для прикрытія ранъ сердца.... Какую трогательную картину перваго послѣ этой глупой размолвки свиданія написалъ онъ въ своемъ воображеніи!... съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ обѣденной поры!... какъ бѣжалъ къ дому Сборовыхъ, лишь только пробило пять!... Паровозъ не ичтиса съ большимъ жаромъ и одушевленіемъ. Александръ Петровичъ былъ въ такомъ чудесномъ расположеніи духа, что, проходя мимо дому Фугатова, гдѣ производились репетиціи великаго предпріятія его друзей, уже готовъ былъ забѣжать къ нимъ, схватить первую скрипку и играть девятую симфонію — пожалуй — до четырехъ часовъ ночи; уже вобѣжалъ въ сѣни, занесъ ногу на лѣстницу.... но вдругъ вспомнилъ, что забылъ очки свои въ канцеляріи. Одно это спасло высокій драматическій интересъ перваго свиданія отъ неминуемаго разстройства и Вѣру отъ пытки тщетнаго ожиданія.

Вѣра, какъ умная и ловкая дѣвушка, приняла его, какъ будто ничего не произошло между ними. Ни вопросовъ, ни упрековъ, ни объясненій: это годится только для тѣхъ, которые не надѣются на себя. Въ обнаруженіи волненія, страху, или слишкомъ живаго удовольствія, есть всегда опасность возжечь тщеславіе мужчины и попасть подъ его иго. Умница Вѣра была совершенно увѣрена, что ее любить, и не имѣла нужды бѣжать навстрѣчу чувствамъ своего обожателя. Она спокойно ждала торжественнаго поерженія ихъ къ стопамъ своимъ. Александръ, какъ мудрый и серьезный мужчина, менѣе владѣлъ собою. Онъ не могъ удержаться отъ сильнаго замѣшательства. Очень хорошо понималъ онъ, что причины отсутствія не станутъ сейчасъ доискиваться: на это будетъ время; но тѣмъ не менѣе онъ ужасно изумился, разстроился, даже обидѣлся, тѣмъ убійственно-вѣжливымъ равнодушіемъ, съ какимъ встрѣтили его послѣ приказанія явиться. Я всегда утверждаю, что, съ мужчинами, большая часть самыхъ тонкихъ тонкостей нашихъ — совершенно пронадшій трудъ: ничего не понимаютъ!... Угадывать не ихъ дѣла. Чего нельзя

разобрать помощью сложенія, вычитанія или дѣленія, того они и сообразить не могутъ. Куда Александру, съ его густыми бакенбардами, разсудить, что, эти семь вѣлокъ на южкѣ, эта бархатка на шеѣ, эти два мистическое докончика подъ лбомъ, этотъ синий браслетъ, этотъ чернѣйшій баншачекъ, означаютъ нетерпѣливое ожиданіе? что онъ былъ предметомъ тысячи глубоко обдуманыхъ и остроумно исполненныхъ приготовленій, которыя также тщательно прикрыли, какъ тщательно подобрали и устроили? что еще наканунѣ для него были завиты пашильотки съ тою таинственною симметріей, которая такъ превосходно подражаетъ натуральному безпорядку? Въ этотъ день Вѣра необычайно сіяла и красотою и умомъ; любезность ея, иногда нѣсколько лѣнивая, разливалась на всѣхъ и во всѣ стороны сверкающими непрерывными струями; умъ ея, всегда живой, но часто не расположенный выставляться на показъ, ослаблялъ поочередно каждого изъ присутствующихъ прелестными выходками и тонкими отвѣтами. Куда же Александру, съ его тугимъ и высокимъ галстухомъ, проникнуть ту очевидную истину, что, когда Вѣра такъ мѣла съ другими, это значитъ, что онъ ужасно ей нравится? Мужична въ толкѣ не возьметъ того, какъ можно доказывать любовь своею холодною къ нему и любезностью къ его соперникамъ. А между-тѣмъ это ясно какъ дважды два четыре. Эта метафизика изящнаго искусства быть женщиною превосходитъ понятія нашихъ почтенныхъ султановъ. Вѣра даже не пошевелила бровью при появленіи Александра; въ лицѣ ея не вздрогнула ни одна фибра, хотъ бы тонъ одного слова сказалъ что-нибудь за нея. Видя это совершенное спокойствіе, Александръ растерялся, вриуналъ, потерялъ всю надежду. Онъ даже изволилъ серьезно разсердиться. Люби же, послѣ этого, откъ господъ какъ слѣдуетъ!...

Не таинхъ послѣдствій ждала остроумная Вѣра. Она ошиблась, желая любить тонко и прелестно. Она обожала искусство, создала себѣ роль по всѣмъ его правиламъ, и играла ее въ совершенствѣ. Всѣ отвѣтки этой роли были соображены, всѣ подробности тщательно подобраны, онъ

тона взглядовъ, которые какъ бы случайно падали на Александра, до цѣту кокетства, съ умысломъ обращеннаго на другихъ. Это была цѣлая эпопея изящной свѣтской любви, въ которой Александръ могъ бы прочитать чудеса, если бы зналъ ея грамоту. Онъ ничего не прочиталъ и, съ досады, не смотрѣлъ даже въ ту сторону подъ конецъ обѣда.

Вѣра, ожидавшая восторговъ, восхищенія, смѣшалась въ свою очередь. Веселость ея пропала. Она призадумалась. Дѣйствительно ли этотъ великолѣпный красавецъ былъ обвороженъ ею, или же только хотѣлъ ввести ее въ заблужденіе, выдавая условную любезность за истинное чувство? Что выиграла она отъ своего глубокаго расчета? Теперь оба они очутились на одной сценѣ: какъ знать! можетъ-быть ей же придется сдѣлать первый шагъ!

Такъ кончился обѣдъ, такъ прошелъ вечеръ, и незамѣтно наступила минута разставанія.

Онъ подошелъ къ Вѣрѣ проститься.

— Уже вы уѣзжаете? сказала она: кажется, еще рано! Впрочемъ, сегодня вы что-то были скучны, не по-прежнему.

— Вамъ такъ показалось Вѣра Николаевна, потому что вы сами были не таковы какъ всегда.

— Право? Какая же я была?

— Еще прелестнѣе, веселѣе, живѣе, какъ никогда я не видалъ васъ прежде, спокойно отвѣчалъ Александръ.

— Вы находите?.. Кажется, я всегда одна и таже; переживаются многіе; я.... никогда!

— Вы не уловимы!

— Для тѣхъ, которые не умѣютъ ловить на-лету. До свиданія. Завтра увидимъ васъ, не правдали? Папа не будетъ спрашивать у меня отчета въ вашемъ отсутствіи?

— Конечно, завтра, и когда вамъ угодно будетъ; причины, которыя препятствовали мнѣ всѣ эти дни быть у васъ, теперь устранены.

«Что это значитъ?» подумала Вѣра. Неужели онъ больше не думаетъ обо мнѣ? Или онъ чувствуетъ, что не можетъ прожить безъ меня ни одного дня? Это должно объясниться немедленно.

И это объяснилось не далѣе какъ на слѣдующій день. Двѣ три улыбки обезоружили мятежника. Онъ сталъ любезнѣе и послушнѣе.

— Кажется, вы довольны, сегодня, Вѣра Николаевна? сказалъ онъ почти нѣжнымъ голосомъ.

— Конечно! отвѣчала она, устремивъ, на него прекрасные глаза: кому же не пріятно видѣть себя правымъ?

— Только-то? отвѣчалъ Александръ, дѣлаясь снова угрюмымъ.

— А развѣ это бездѣлица имѣть на своей сторонѣ справедливость передъ тѣми, чье уваженіе намъ дорого? Развѣ ничего не значить узнать, что они были неправы не признавая нашей справедливости? Развѣ такъ легко было это доказать неправымъ? Не приписывать же себѣ чужія ошибки, и не отнимать у себя заслуги, которыя считаешь за собою, чтобы легче сойти съ мѣста, которое занимаешь во мнѣніи друзей?

— Вы не могли нечего потерять въ ихъ мнѣніи, то есть, въ ихъ восхищеніи, въ эти нѣсколько дней. Сойти съ вашего мѣста?.. какая идея! Оно слишкомъ высоко. Вы все такъ же милы, такъ же любезны и очаровательны какъ были и всегда будете. Вамъ нечего опасаться.

— Восхищеніе привлекаетъ, а не удаляетъ.

— У меня напротивъ, смѣясь сказалъ Александръ: мнѣ нужно удивленіе, спокойствіе, углубленіе въ красоты предмета, чтобы основательно и вполне восхищаться, и я васъ прошу, Вѣра Николаевна, если на будущее время... когданибудь... по какой бы то нибыло причинѣ... вы не увидите меня здѣсь, считать это за увѣреніе, что я въ восхищеніи отъ васъ: съ моей стороны уже не надо будетъ никакихъ объясненій.

— Непремѣнно! отвѣчала Вѣра, рѣшившись не устанать ни на волосъ: это будетъ романсъ безъ словъ, который я стану понимать какъ мнѣ вздумается, и постараюсь, чтобы онъ какъ можно болѣе льстилъ моему самолюбію. Вамъ извѣстно, какъ я самолюбива!... Я знаю, что васъ вездѣ ищутъ и любятъ; вы не находите времени удовлетворять приглашенія, которыя спѣшатъ къ вамъ со всѣхъ сторонъ.

Видя васъ въ нашемъ домѣ, я естественно убѣждаюсь, что вамъ у насъ нравится, когда вы отдаете намъ предпочтене, и признаюсь, мнѣ пріятно считать это за подтвержденіе тѣхъ маленькихъ достоинствъ, которыми, убѣряю васъ, я дорожу, не столько за себя, сколько за своихъ друзей.

— Вы ставите меня, Вѣра Николаевна, въ большое затрудненіе: ни за что въ мірѣ не хотѣлось бы мнѣ противорѣчить такой истинѣ... а между-тѣмъ если бы какія-нибудь обстоятельства помѣшали мнѣ пользоваться вашимъ обществомъ...

— Я подумаю, что я вамъ не нравлюсь.

— А если я буду являться?

— Я уже сказала вамъ, смѣясь отвѣчала Вѣра: это будетъ значить, что я вамъ нравлюсь, что вы находите меня чрезвычайно любезной.

— Но въ такомъ случаѣ я не посмѣю пропустить ни одного дня!

— Какъ вамъ угодно, отвѣчала Вѣра: вамъ лучше извѣстно, что вы думаете обо мнѣ.

— Я боюсь наскучить вамъ однообразіемъ ежедневныхъ посѣщеній.

— А вы думаете, что не наскучитъ слушать, какъ поютъ безъ словъ, что...

— Что вы прелестны? договорилъ Александръ.

— Вотъ вы сами видите, Александръ Петровичъ, что вы напрасно опасаетесь: повторите мнѣ только это слово какъ можно по-чаще, и вы докажете, что однообразіемое всѣмъ дѣло на свѣтѣ. И такъ, рѣшено: мы заключили договоръ... Вы впередъ не будете напризнавать... впередъ... я буду васъ слушать внимательно...

Вѣра преміло потупила взоръ и протянула крошечную ручку, которую Александръ пожалъ, посмотрѣлъ... и не могъ выдержать... поцѣловалъ! Не было возможности дѣлѣ противилась этимъ обольщеніямъ граціи, красоты, молодости, ума, усовершенствованныхъ несравненнымъ искусствомъ. Еще минутъ десять бесѣды — и отнынь впередъ не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ, по-прежнему, безъ памяти отъ Вѣры! Она удовольствовалась этимъ.

Для упроченія своего владычества нужно было дать ему понять—если онъ что-нибудь понимаетъ на свѣтъ—что она съ своей стороны вовсе не равнодушна къ нему. Она это сдѣлала; но, съ тѣмъ же несравненнымъ искусствомъ, до положительнаго объясненія не допускала. Кчему! время терпитъ.

Это было во вторникъ, въ день третьяго музыкальнаго вечера Анны Павловны. Во весь этотъ вечеръ, какъ и въ два предыдущіе, глаза Лизы безпрестанно обращались на дверь залы: при каждомъ шорохѣ сердце ея дрожало и мысль тревожно ждала, не войдетъ ли Александръ. Неблагодарный другъ не являлся. Въ это самое время какъ Сервѣ игралъ у нихъ «Романѣску», онъ съ блаженствомъ восторженнаго дервиша, привязавшаго хохоль свой снуркомъ къ потолку для большой напряженности созерцанія, видѣлъ неисчерпаемое счастье въ глазахъ Вѣры Николаевны и даже слышалъ въ нихъ всю девятую симфонію Бетговена.

Эти музыкальные вечера были тѣмъ мучительнѣе для Лизы, что ей, какъ вы знаете, надлежало быть на нихъ счастливою безъ счастья. Они давались для нея, по великодушному увѣренію Виктора Ивановича и Анны Павловны, и не вели ни къ какому результату. Какъ отъ нихъ отдѣлаться? Лиза, которой сонъ не шелъ на глаза, сидѣла на постели, поддерживая рукой горячую голову, и искала выхода изъ этого лабиринта. Надо просить сестру и зятя прекратить вечера: во какую уважительную причину можно имъ представить къ этой просьбѣ? Сказать, что не находятъ въ нихъ удовольствія? Это значило бы обидѣть ихъ иѣжную заботливость. Сказать, что ей не нравятся споры и зависти артистовъ? Это, слишкомъ общее, извиненіе было бы несправедливостью въ отношеніи къ цѣлому ихъ сословію. Въ немъ есть умы возвышенные и добрыя сердца, которые истинно любятъ свое искусство, живо чувствуютъ дарованія, гдѣ бы они ни находились, и умѣютъ прощать успѣхъ товарищу.

Ночь прошла. На другой день, Анна Павловна долго не показывалась и не звала Лизы къ себѣ. Викторъ Ивановичъ уѣхалъ со двора. Лиза напрасно ждала. Анна Павловна сидѣла, запершись, въ своемъ кабинетѣ. Лиза переби-

рала пальцами на фортепiano свои любимыя піесы, а мыслью — все случившееся вчера; она долго и съ наслажденіемъ останавливалась на мгновеньяхъ удовольствія, которые промелькнули молвіей, но оставили слѣдъ въ сердцахъ; по временамъ вздыхала, припоминая испытанныя неприятели, которыхъ нельзя забыть, но которыхъ горечь не такъ чувствительна, если переносишь ихъ съ покорностью. Время уходило, и Лиза, безпокоясь, что отъ сестры нѣтъ никакой вѣсти, рѣшилась постучать въ дверь. Она просила войти, и такимъ умоляющимъ голосомъ, что просьба ея не могла быть отринута.

Анна Павловна сидѣла у письменнаго стола и разсматривала счеты; вокругъ нея лежало множество распечатанныхъ записокъ. Она была блѣдна и, повидимому, огорчена или нездорова; но, при входѣ сестры, отодвинула бумагу, подала ей руку, которую Лиза поцѣловала, и постаралась принять спокойный видъ.

— Хорошо ты спала, мой другъ? спросила Мечнева.

— Нѣтъ, сестрица, отвѣчала Лиза, снова цѣлуя ей руку: я вовсе не могла заснуть.

— Тебѣ помѣшало слишкомъ сильное удовольствіе... Въ самомъ дѣлѣ музыка и общество вчера у насъ были очаровательны.... Вчерашній вечеръ чудеснѣйшій изъ всѣхъ нашихъ вечеровъ. Я понимаю, что послѣ такой музыки ты не могла заснуть... Для тебя музыка всегда дороже сна.

— Въ самомъ дѣлѣ музыка не давала мнѣ спать, но не по причинѣ удовольствія... а напротивъ, по причинѣ скуки. Сказать ли тебѣ правду? Мнѣ было скучно.

— Скучно? повторила Анна Павловна: вѣрно оттого что...

— Нѣтъ, нѣтъ! не оттого что, съ живостью вскричала Лиза, боясь услышать одно ненужное имя: а оттого что... просто, досада!... я играю такъ худо, а другіе (прибавила она съ замѣшательствомъ) играютъ такъ чудесно!...

— Какъ? отъ зависти? вскричала Анна Павловна: ты завидуешь, Лиза? Фя! этому бы я никогда не повѣрила. И кому же завидуешь!... мужчинамъ?... артистамъ!...

Лиза потупила глаза, и готова была отказать отъ своихъ словъ: такъ жестокъ показался ей уврекъ.

— Ты не поняла меня, сестрица, сказала она: я скучаю, не отъ зависти, но отъ любви къ музыкѣ....

— Вотъ это другое дѣло! А то я бы удивлялась, откуда вдругъ взялось у тебя нехорошее чувство, къ которому я считала тебя неспособною.... Объясни же, душа моя, какъ это ты, среди музыки, скучала отъ любви къ музыкѣ. Я не совсемъ поняла.

— Изволь, я объясню. Я скучаю очень просто. Слушая эти чудные звуки, которые такъ не похожи на мои, такъ прекрасно выражаютъ то, что я ощущаю мыслью и до чего не могу достигнуть рукою, я думала, что если это будетъ часто повторяться, то съ каждымъ разомъ я буду болѣе и болѣе понимать недостаточность своихъ средствъ, и напоследокъ прійду къ убѣжденію въ совершенной безполезности моихъ усилій и откажусь отъ моихъ музыкальныхъ занятій....

— Которыя однакожъ составляютъ все твое счастье, милая Лиза. О! нѣтъ, не говори этого! И слышать не хочу.

— Да! ты правду сказала: они мое счастье, мое блаженство, моя страсть. . единственная страсть.—О! не смѣйся надо мной, сказала она, сложивъ руки, съ умоляющимъ видомъ, замѣтивъ легкую улыбку на губахъ Анны Павловны: это правда!... другой страсти у меня нѣтъ... быть не можетъ... не должно быть... Вотъ видишь: я такъ счастлива, когда могу рассчитывать хоть на одинъ спокойный день, въ который бы не разстраивали моего любимаго занятія... я такъ люблю быть одна съ моей музыкой... Чтѣ ты улыбаешься?... это истинная правда! Я не думаю ни о комъ... рѣшительно не думаю, увѣряю тебя. Уединеніе... моя радость. Наряжаться мнѣ нескучно. Свѣтъ утомителенъ. Эти музыкальные вечера влекутъ за собою много разныхъ другихъ вечеровъ, много визитовъ, выѣздовъ, приемовъ, которыхъ невозможно избѣжать. Мы должны скучать поочередно у всѣхъ тѣхъ, которые у насъ веселились, и еще за то, что имъ было здѣсь весело два три

часа вечеромъ, подвергаться часовъ пять и шесть днемъ всей скукѣ ихъ благодарственныхъ набѣговъ, всему грабежу времени, спокойствія и здоровья, который они считаютъ нужнымъ производить у насъ изъ учтивости. Съ другой стороны мы теперь не можемъ пропустить ни одного концерта, ни одной музыкальной затѣи тѣхъ, которые своимъ талантомъ или своимъ присутствіемъ украшаютъ наши вечера. Музыка, просто, вытолкала насъ изъ нашего дому: иногда и на ночь не пускаетъ насъ сюда... Мы кочуемъ, а не домоу живемъ. Все это страшно вредитъ моему музыкѣ. Мнѣ уже нѣкогда заниматься ею, нѣкогда и думать объ успѣхахъ, которые могла бы я сдѣлать, еслибъ у меня было время.... еслибъ меня поминутно не отрывали отъ моихъ любимыхъ упражненій.... Я боюсь говорить тебѣ еще объ одномъ неудобствѣ этой музыкальной жизни.... но ты такъ добра для меня, Анюта!... ты простишь мнѣ, что я, можетъ быть, вмѣшиваюсь не въ мое дѣло, желая сдѣлать замѣчаніе, которое должно, естественно, само собою прійти мнѣ въ голову, если я, хоть отчасти, причина и предметъ такихъ тревогъ, хлопотъ, трудовъ. Эта музыкальная жизнь должна вамъ, другъ мой... стоить.... должна стоить ужасно дорого!

— Такъ ты не пришла бы въ отчаяніе, еслибъ эти вечера прекратились? задумчиво спросила Анна Павловна.

— Ни сколько! рѣшительно отвѣчала Лиза: напротивъ, мнѣ это было бы очень пріятно.

— Не обманываешь ли меня? сказала Анна Павловна съ нѣкоторою недовѣрчивостію: не кроется ли во всемъ этомъ кто-то....

— Кто же?

— Да одинъ человѣкъ!

— Такъ назови его! Увѣряю тебя, что никто не кроется....

Лиза невольно покраснѣла.

— Его зовутъ *Онъ*.

— *Онъ*? съ притворнымъ удивленіемъ повторила дѣвушка. Кто же этотъ *Онъ*, по-твоему?

— Ну, просто, Александръ!... Скажи правду, мое сердце. Не скрывайся передо мною.

Бѣдная Лиза! Еще подозрѣніе, еще вопросъ, на который должно отвѣчать, обвиняя себя за другихъ.

— Ну, пожалуй, съ прелестнымъ равнодушіемъ сказала Лиза! если онъ—Онъ, такъ можетъ быть, тутъ приходится что-нибудь и на его долю. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ хотѣлось бы поучиться музыкѣ немножко поосновательнѣе, играть по правиламъ, которыя онъ такъ хорошо знаетъ, сдѣлаться музыкантшей, и, можетъ-быть, со временемъ самой участвовать въ собраніяхъ, гдѣ я теперь только слушаю чужое и восхищаюсь другими. Онъ правъ: до сихъ поръ я больше забавлялась нежели училась.

Въ другую минуту, Анна Павловна нашла бы много возраженій, назвала бы эти идеи романическими, объяснила бы, что, въ Лизины лѣта, затворничество не можетъ долго правиться, что умственного или механическаго занятія недовольно женскому сердцу, у котораго есть совсѣмъ другія потребности. Но на ту пору предложеніе Лизы было такъ согласно съ собственными планами Анны Павловны, что она не думала противорѣчить. Несмотря на головную боль, слѣдствіе усталости и безпокойной ночи, она провела цѣлое утро за счетами. Настоятельныя письма кредиторовъ, текущіе расходы, множество неизбѣжно предстоящихъ издержекъ, которыя философамъ обоего пола могутъ показаться пустыми прихотями, но которыя въ свѣтскомъ быту, гдѣ личное достоинство и почетъ людей основаны на признакахъ наружной роскоши, принадлежать къ первѣйшимъ потребностямъ жизни, все это жестоко смущало Анну Павловну. Нѣкогда Викторъ Ивановичъ, относительно къ щедрости, въ одномъ только Гарунѣ-аль-Рашидѣ имѣлъ достойнаго себя соперника. По великодушію, съ какимъ наполнялъ онъ деньгами расходный ящикъ своей супруги, не дожидаясь срока, она могла считать его обладателемъ всего Урала и всего Алтая. Но съ нѣкотораго времени онъ позволялъ себѣ иногда удивляться, что жена расходуетъ такъ скоро суммы, предоставляемыя въ ея распоряженіе, и очень часто забывалъ сроки, установлен-

ные для денежных отпусковъ. Это поставляло деликатность жены, какъ хозяйки, въ самое затруднительное положеніе. Викторъ Ивановичъ между тѣмъ оставался твердо вѣренъ своей системѣ—ничего не сообщать женѣ о дѣлахъ и затрудненіяхъ. Но женщины—колдуньи, когда искренно любятъ. Анна Павловна угадывала все; каждое обстоятельство дѣлалось ей очевиднѣе отъ самаго старанія, съ какии скрывали его. Если стараніе это происходило отъ мысли, что она не въ силахъ помочь усиливающемуся разстройству состоянія, нѣкогда прекраснаго, какъ пріятно и лестно было бы доказать, что такое мнѣніе ошибочно; что мелкая женская экономія, которую гордость великолѣпныхъ мужей считаетъ дѣтскою потѣхою молодыхъ хозяекъ, важнѣе ихъ обширныхъ плановъ и широкихъ расчетовъ въ подобныхъ обстоятельствахъ; что преданность любящей жены, готовой на всѣ пожертвованія, на всѣ униженія— даже видѣть на чужой юбкѣ кружева шире нашего— даже отдать въ чистку перчатки, разъ или два раза надеванныя — можетъ спасти семейство отъ разоренія и нищеты. Если же это стараніе было слѣдствіемъ только ошибочной вѣжности мужа, его заботливости о спокойствіи дорогой супруги, то какъ вѣжно и какъ мило было бы съ ея стороны — помочь ему безъ его вѣдома и позволенія, по внушенію любви, по сочувствію къ его тайнымъ огорченіямъ! Лиза подавала Аннѣ Павловнѣ превосходный случай отличиться на этомъ поприщѣ. Теперь-то, или никогда, время произвести давно задуманную радикальную реформу дома. Обрадованная неожиданною помощью, въ первый разъ Анна Павловна открывала молоденькой сестрѣ свои тайныя горести и благотворныя предначертанія. Слушая ее, Лиза думала, что слышитъ собственную свою исторію. Сестры, наконецъ, поняли другъ друга, сколько это было возможно: потому что въ изгибахъ сердца, даже и послѣ самыхъ полныхъ со-уразумѣній, всегда остается еще кое-что, чего, для бѣльшей ясности, или нѣтъ нужды понимать одной стороной или не слѣдуетъ понимать другой. Лиза, одобренная довѣріемъ сестры, распросила ее подробнѣе о нѣкото-

рых обстоятельствахъ, казавшихся ей темными, и узнала много вещей, любопытныхъ и не подозрѣваемыхъ. По всѣмъ признакамъ, Викторъ Ивановичъ поправлялъ дѣла свои такъ, чтобы поскорѣе разорваться и не имѣть болѣе ни какихъ дѣлъ. Собственное состояніе Лизы, совершенно незначительное по тому положенію, которое она занимала въ изящномъ свѣтѣ, находилась въ рукахъ его, какъ омукуна. Разумѣется, оно не тронуто. Оно должно было удвоиться къ тому времени, когда Лиза сдѣлается совершеннолѣтнею. Между-тѣмъ, Викторъ Ивановичъ, какъ великолѣпный зять, принялъ на себя всѣ расходы на воспитаніе, потребности и удовольствія дорогой свояченицы, дѣлалъ ей прекрасные подарки и сюрпризы, и всегда просилъ жену ничего не жалѣть для нея. Въ послѣднее время всѣ эти великодушные наказы не приводились въ дѣйствіе, за недостаткомъ въ средствахъ къ выполненію. У Анны Павловны было тоже небольшое состояніе, которое мужъ оставлялъ ей въ полное распоряженіе, никогда не стараясь узнать, на что оно употребляется. Когда щедрая заботливость его о домашнемъ благоденствіи жены примѣтно уменьшилась, преимущественно изъ этого-то дохода брала она то, что нужно было для сестры. Между-тѣмъ дѣти подрастали, потребности увеличивались, у сыновей были уже свои желанія, свои дѣтскія прихоти, которыя съ наслажденіемъ удовлетворяло материнское сердце. Подражая мужу — не сообщая ему ничего о своихъ затрудненіяхъ — Анна Павловна этою понятною и извинительною деликатностью вводила его въ заблужденіе. Онъ не зналъ — и наконецъ ему и пріятно было не знать — ничего о домашнихъ нуждахъ и состояніи кассы прелестной хозяйки. Мечнева уже была принуждена и свои наряды покупать изъ доходовъ своего личнаго состоянія. Подарки мужа, правда, не прекращались: они бывали всегда чудесны, великолѣпны и — главное — подносимы необыкновенно мило и нѣжно. Не развѣ этими средствами можно хорошо одѣваться или облегчить требованія самой бережливой жизни въ роскоши? Мужья обладаютъ особеннымъ даромъ дѣлать намъ подарки не въ попадѣ, не нужные, и часто обременительные,

за которые однакожь надо быть милою до восторга. Музыкальныя потѣхи доверивши бѣдствію: гостепримство къ артистамъ благородно, прекрасно, исполнено неслыханныхъ прелестей и чудныхъ наслажденій; нѣтъ ни какого сомнѣнія, что инструментальныя таланты, даже посредственныя, примѣтно занимательнѣе огромнѣйшихъ талантовъ преферансовыхъ и ералашныхъ; но очарованіе подобныхъ обществъ сопряжено съ маленькими неудобствами, которыхъ частое повтореніе равняется наконецъ разорительной скукѣ. Самые милые и интересныя изъ этихъ гонимъ оставляютъ вамъ, вмѣстѣ съ прѣщальной улыбкою и розовою афонякою, только одну сотню убійственныхъ билетовъ въ свой слѣдующій концертъ — для благосклонной раздачи друзьямъ — въ надеждѣ на вашу любезность — въ дань уваженія своего къ вашимъ музыкальнымъ познаніямъ и вашей любви къ искусству. Разумѣется, что вы не станете раздавать, если не хотите лишиться всѣхъ друзей своихъ и сдѣлаться страшилищемъ свѣта — билеты бросите въ каминъ — а деньги отираете къ интересному генію съ занескою объ усердномъ исполненіи его обязательнаго порученія. И это — сверхъ необходимыхъ подарковъ и гонорарій за трудъ, принятый артистомъ играть у васъ на музыкальномъ вечерѣ — сверхъ множества другихъ болѣе или менѣе дорогихъ любезностей, которыхъ большая часть пала прямо на Анну Павловну. Долги, счета и издержки ея скопились въ послѣднее время ужаснымъ образомъ: очистить ихъ не было другаго средства какъ обратиться откровенно къ Виктору Ивановичу съ покорнѣйшею и прелестнѣйшею просьбою, а эта просьба была бы такъ тягостна для Анны Павловны, что она не могла рѣшиться очечалить ею того, отъ котораго хотѣла бы устранить всѣ печали. Эти горести, эти заботы, были высказаны съ глубокимъ чувствомъ, и выслушаны внимательно и понятно. Лиза уже привыкла самую болѣзнь употреблять какъ лекарство. Тотчасъ былъ составленъ и предложенъ новый образъ жизни, который, какъ новость, обѣимъ сестрамъ казался гораздо пріятнѣе того, какой вели онѣ до того. Лиза увѣрала, на придачу, что эти перемѣны сильно по-

служать къ ея пользѣ. Лиза отнынѣ впредь будетъ жить съ своими нотными тетрадами, среди мастерскихъ произведеній искусства, въ умномъ и сладкомъ обществѣ великихъ композиторовъ, которое съ каждымъ днемъ будетъ для нея интереснѣе. Старый генералъ С*** правъ : въ присутствіи Лизы одинъ изъ знаменитыхъ артистовъ спрашивалъ его, какая музыка нравится ему болѣе, классическая или романтическая; сѣдой воинъ отвѣчалъ : «Мнѣ нравится одна только моя музыка; лучшая изъ всѣхъ музыкъ на свѣтѣ—та, которую играешь самъ.»

Такъ за чѣмъ же дѣло стало? Уменьшить расходы до половины, до третьей доли : и ничто не станетъ тревожить спокойствія и блаженства двухъ умницъ—сестеръ. А долги-то? Какъ уплатить долги Анны Павловны?... Лиза не хотѣла останавливаться на такой прекрасной дорогѣ; въ своемъ поэтическомъ увлеченіи, она легко нашла средство устранить и это послѣднее препятствіе.

— Я заплачу долги, которые ты сдѣлала для меня, Анна! съ радостью вскричала она, бросаясь къ сестрѣ на шею. Позволь мнѣ заплатить, душа моя! Доставь мнѣ это счастье! Я же была ихъ причиною, по большей части: они будутъ вѣчно огорчать меня, если ты отвергнешь мою просьбу. Вы столько сдѣлали для меня : а я никогда не имѣла случая доказать вамъ на-дѣлѣ мою благодарность и преданность. Заботливостью и великодушіемъ твоего мужа мое состояніе возрасло значительно; я отдамъ тебѣ только частьцу того, чего я вамъ стоила. Всего, что вы сдѣлали и дѣлаете для меня, я никогда не буду въ состояніи вамъ возратить : я могу только одно, любить васъ отъ всего сердца.

Анна Павловна отказывалась, возражала, не хотѣла слушать, но должна была уступить. Она приняла предложеніе, на которомъ такъ живо и такъ мило настаивала Лиза, приняла съ намѣреніемъ только удовлетворить нужду въ настоящую минуту, а не дѣйствительно воспользоваться : она вознаградитъ Лизѣ со-временемъ это великодушное пожертвованіе ; не всегда же будетъ она въ такомъ непріятномъ положеніи, какъ нынче ; многое успѣетъ еще

перемѣниться. Такимъ — образомъ все уладилось чудесно. Нѣсколькими тысячами рублей, болѣе или менѣе — совершилася великая и благодатная реформа. Виктору Ивановичу говорить объ ней не должно: онъ станетъ возражать — онъ не согласится ни на какую перемѣну — онъ даже обидится: умѣренность онъ назоветъ униженіемъ; скромная жизнь для него — конецъ жизни, смерть общественная и нравственная. Какъ можно, чтобы свѣтъ подумалъ объ немъ, будто у него нѣтъ денегъ! Что же онъ будетъ тогда значить въ свѣтѣ? По его теоріи, человѣчество состоитъ изъ двухъ великихъ породъ, двухъ организацій совершенно различныхъ умомъ, чувствами, способностями, діаметрально одна другой противоположныхъ: изъ людей, бросающихъ деньги, и изъ людей подбирающихъ деньги. Онъ принадлежитъ къ породѣ бросающей и выйти изъ нея не можетъ, по непреложному закону природы. Сестры рѣшились хранить въ глубокой тайнѣ всѣ свои операціи, и, чтобы лучше скрыть ихъ, условились дѣйствовать исподоволь, осторожно, не возбуждая ни вниманія ни толковъ.

— Впрочемъ не думай, Лизанька, сказала Анна Павловна: что мы станемъ жить отшельниками. Это было бы безразсудно и не прилично. Это даже не здорово. Доктора всегда предписываютъ развлеченія: не надо ссориться съ медициною. На первый случай мы прекратимъ только музыкальные вечера, потому-что они причиняютъ гораздо больше издержекъ и хлопотъ нежели все остальное. — Но ты еще разъ увѣришь меня... не такъ ли, милое мое дитя?... что не жалѣешь объ нихъ, прибавила Мечнева, поцѣловавъ сестру и пристально смотря ей въ глаза.

Лиза повторила свое увѣреніе, и Анна Павловна продолжала:

— Намъ остается еще много другихъ удовольствій. Ложка абонирована на всю зиму. Мы будемъ имѣть одинъ день въ недѣлю для нашихъ лучшихъ друзей; сдѣлаемъ выборъ съ разборчивостью, выѣзжать станемъ только въ два-три дома, гдѣ намъ не очень скучно, гдѣ, я видѣла, ты бываешь весела и танцуешь съ удовольствіемъ; а для другихъ довольно и визитныхъ карточекъ. Къ обѣду всегда

придетъ тотъ или другой. Викторъ любитъ побогаче се обидѣть, и я не хочу трогать того, что ему нравится. Что касается до тебя Лизанька, то есть, до твоей музыки... Ахъ, да! и забыла сказать тебѣ... этотъ блѣдный молодой человѣкъ въ очкахъ... что жъ ты мнѣ ничего не говоришь?

— Какой молодой человѣкъ?

— Какъ-будто ты не знаешь!... Зачѣмъ со мной притворяешься? Развѣ я тебѣ не сестра, не другъ? Да тотъ, который всегда садится возлѣ тебя за ужиномъ... съ которыми ты вчера передъ ужиномъ разсматривала такъ внимательно какую-то nocturne тетрадку....

— Ну, что жъ онъ?

— Ну, онъ, мнѣ кажется, порядочно влюбленъ въ тебя.

— Я не полагаю, сказала Лиза престоудшно. Это было бы очень странно. Я не подала ему ни малѣйшаго повода...

— Это значить, что ты уже примѣтила сама, тихо замѣтила сестра. Что же тутъ страннаго? Развѣ въ тебѣ нельзя влюбиться? Слава Богу, ты у насъ и красавица и умилица.... Да и онъ... онъ тоже пріятный молодой человѣкъ; фizioномія у него чрезвычайно интересная... онъ хорошъ собою: не права ли, Лиза?

— Да! конечно!... хорошъ.

— И, въ обществѣ, онъ очень милъ.

— Да! онъ любезенъ и довольно веселъ.... Но разговоръ его не слишкомъ мнѣ нравится. Онъ такой сладенькій, что, знаешь, иногда... приторно.

— Многіе мужчины, въ началѣ любви, имѣютъ этотъ вкусъ, мудро замѣтила опытная Анна Павловна: потомъ, онъ проходитъ... даже иногда дѣлается жгучимъ, вяжущимъ.

— Не быть не можетъ, съ живостью возразила Лиза: чтобы онъ былъ влюбленъ!... Онъ не въ состояніи влюбиться.... и въ него, я думаю, влюбиться никакъ нельзя.

— Почему такъ? съ удивленіемъ спросила Анна Павловна.

— Онъ такой кроткій, такой смиренный! рѣшительно разсу-

Лиза: как-то совѣтъ не похожъ на мужчину.... ни дать ни взять, женщина...

Анна Павловна расхохоталась и поцѣловала молодѣющую философку за это глубокомысленное замѣчаніе.

— Что же ты смѣешься? спросила смущенная дѣвушка: да это правда!... Вѣроятно ли, чтобы мужчина былъ такой добронравный?... Вѣрно, притворяется... какъ...

— Какъ кто?

— Да какъ женщина!...

Анна Павловна стала смѣяться еще сердечнѣе.

— Ахъ! какая ты забавная, Лизанька! говорили Анна Павловна: и какая милая наблюдательница!... ты, просто, прелесть!... Онъ унасъ бы передъ тобою на волю въ, если бы это услышалъ.

— Кто такой онъ?

— Да онъ!.. этотъ благонравный какъ женщина молодой человѣкъ!... какъ-бишь его зовуть?... я все забыла... какъ-то очень странно!.. Квинтъ?... Квинтъ?..

— Нѣтъ, не Квинтъ, а Сикстъ, сказала Лиза.

— Да! точно! Сикстъ... повторила сестра: постой! какъ же еще?... Квинтъ Звучилавовичъ, что ли?

— Какой Звучилавовичъ! воскликнула Лиза. Сикстъ Бренчиславичъ...

— Да! да! подхватила Анна Павловна. Сикстъ Бренчиславичъ Спѣвала-Заиграйскій... Какая музыкальная фамилія!... какъ нарочно для тебя... и для него тоже. Согласись, Лиза, что, для аматера, для свѣтскаго молодого человѣка, талантъ у него необыкновенный. Какъ чудесно играетъ онъ на фортепіано! какая прелестная манера! какое милое, пафнителное выраженіе! сколько души, чувства...

— Ахъ! да!... это правда!... чудесный талантъ! сказала Лиза, вздыхая.

— Но, вотъ, видишь, Лизанька: хоть этимъ можно тебя прогнать... продолжала Анна Павловна. И поеть онъ тоже удивительно! Для меня голосъ его... совершенно симпатическій.

— Это правда... прекрасный баритонъ!... в какой глѣ-

кій!... Какая мягкость!... и, при томъ, истинно мужской голосъ.

— Ну, такъ видишь, что онъ совсѣмъ не такой добродѣтельный, какъ ты говорила... по-крайней-мѣрѣ со стороны голоса, смѣясь, сказала Анна Павловна. Онъ безпрестанно заговаривалъ со мной о тебѣ, спрашивалъ много о твоей музыкѣ... просилъ позволенія бывать у насъ почаще и надѣялся, что удостоишь его чести...

— Вѣрно, играть съ нимъ въ четыре руки? быстро подхватила Лиза, какъ-будто встревоженная.

— Ну, да! отвѣчала сестра. О! такъ вы уже говорили объ этомъ, какъ я вижу... Да! онъ ужасно желаетъ чести играть съ тобою въ четыре руки...

На лицѣ Лизы выражался такой испугъ, что Анна Павловна смѣшалась.

— Чтò съ тобою? спросила она: чего ты такъ перепугалась? По-моему, для тебя, напротивъ, это рѣдкій, превосходный случай, которымъ слѣдуетъ воспользоваться... Ты могла бы, при его помощи, сдѣлать большіе успѣхи. Чтò ты такъ призадумалась, Лиза?

— Нѣтъ, ничего, отвѣчала дѣвушка, оправившись: мнѣ показалось, что кто-то вошелъ сюда. Но вѣдь ты, разумѣется, сказала, что я очень худо играю, что я очень робка, что намъ нельзя принять его любезное предложеніе?

— Чтò за идея! развѣ можно отвергать безъ всякой причины предложеніе, сдѣланное очевидно съ намѣреніемъ сблизиться съ нами?... съ тобою? Нельзя же, изъ уваженія къ робости, которая можетъ легко пройти, запереть дверь милымъ и порядочнымъ людямъ, повсюду отлично принимаемымъ и желающимъ выказать свою услужливость намъ въ особенности. Напротивъ, я очень просила его... я увѣрила, что ты будешь чрезвычайно рада... что намъ будетъ пріятно какъ-можно чаще видѣть его въ нашемъ кругу... Другъ мой! сказать по совѣсти, это, для насъ, находка, особенно въ эту минуту, какъ ты лишаешь себя другихъ удовольствій.

Лиза не произнесла ни слова; зато лицо ея показывало глубокую печаль.

— Что это значитъ, Лиза? важно спросила Анна Павловна: отчего у тебя такое недовольное личико? что тебѣ такъ не понравилось? неужели вѣжливость человѣка, прекрасно воспитаннаго, образованнаго, любезнаго, всѣми уважаемаго въ обществѣ? неужели предпочтеніе, которое онъ тебѣ оказываетъ и въ которомъ многія, очень многія, дѣвицы, намъ равныя, навѣрное уже завидуютъ тебѣ? Цѣлыя десятки найдутся охотницъ играть съ нимъ въ четыре руки. Фъ! Лизанька! бояться до такой степени... позволь тебѣ сказать... это ужъ просто смѣшно, и я не понимаю, зачѣмъ намъ ссориться съ этимъ милымъ Сидстомъ Бренчиславичемъ Спѣвалаю-Заиграйскимъ...

— Ахъ, сестрица! вскричала Лиза съ выраженіемъ горести: неужели на свѣтѣ только и есть что этотъ Сикстъ Брючиславичъ?... развѣ можно для перваго новаго знакома забывать тѣхъ, которые намъ дороги... которые въ тысячу разъ болѣе имѣютъ правъ на нашу дружбу?

— А!!!... вскрикнула Анна Павловна: наконецъ ты изобличилась... Такъ это онъ причиною...

— Разумѣется, онъ!... съ живостью прибавила Лиза: ты сама понимаешь, душенька Аня, что я не могу сѣсть за фортепіано съ человѣкомъ, котораго... я давно это знаю... Александръ терпѣть не можетъ... называетъ невѣждою, варваромъ, наглымъ пустомѣлею... Заиграйскій когда-то въ его присутствіи смѣялся надъ Бахомъ и впухъ раскритиковалъ Бетховена... вздумалъ доказывать, что одинъ странный аккордъ въ «Пасторальной симфоніи»... въ концѣ андантино... ты его знаешь... ты всегда неприятно вздрагивала, когда его брали при тебѣ... что этотъ аккордъ нелѣпость, фальшь, смѣшная претензія на эффектъ невозможный, между-тѣмъ какъ Александръ видитъ въ немъ цѣлый міръ великаго и чудеснаго. Словомъ они враги... неприимые враги... я не могу играть съ нимъ!... нѣтъ, нѣтъ, не могу! Онъ еще написалъ и книгу, которую Александръ...

— Ахъ! какое же горькое дитя, сестрица Лиза! съ сановитымъ благоразуміемъ возразила Анна Павловна: тебѣ-то что за-дѣло до ихъ вражды или ихъ дружбы? Враждѣ этой я не вѣрю. Александръ можетъ сердиться на Заиграйскаго,

можетъ презирать его какъ невѣжду, какъ варвара, какъ пустомѣлю... онъ вспылчивъ, и ты знаешь какъ сверхъ-того онъ упрямъ въ своихъ понятіяхъ... своимъ музыкальнымъ теоріямъ онъ все и всѣхъ на свѣтѣ принесетъ въ жертву безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти; но этотъ Сикстъ Бренцалодичъ такой миролюбивый, такой уступчивый, такой, какъ ты говоришь, добродѣтельный, и я увѣрена, нисколько не врагъ Александру за разногласіе въ мнѣніяхъ по дѣламъ искусства. Онъ живетъ въ свѣтѣ, привыкъ къ обиходу идей и мнѣній, и навѣрное выучился искусству уважать всадъ и не приписывать имъ большой важности нигдѣ, начиная съ себя. Но оставимъ это. Лизанька, другъ мой, сестра! выслушай меня, и услышь меня, услышь голосъ благоразумія и преданности.... Неужели ты серьезно думаешь объ Александрѣ?... неужели ты еще увлекаешься мечтою, несбыточною, ничемъ неоправдаемою? Какой поводъ подадъ тебѣ Александръ надѣяться на что-нибудь съ этой стороны? Развѣ ты еще и теперь не видишь, что онъ вѣрса не думаетъ о тебѣ? Онъ забылъ совсѣмъ и насъ и тебя... Никогда еще такъ долго не сердился онъ на насъ послѣ ссоры. Да это естественно: онъ задатъ своей Вѣрочкою; ему некогда и подумать о томъ, что пора бы зайти къ намъ, подать руку и помириться. Двѣ мои записки.... ты ихъ знаешь: онѣ были очень дружескія и любезныя... остались даже безъ отвѣта. Какъ ты назовешь это поведеніе?... Бьюсь объ закладъ, что онъ сидитъ у нея и теперь, въ эту самую минуту, какъ ты пугаешься мысли присѣсть рядомъ съ человѣкомъ, ему противнымъ, который навѣрное не сдѣлалъ ему никакого зла, но котораго онъ ненавидитъ изъ-за однихъ лишь пустыхъ теорій. Выкинь эти вздоры, душа моя, изъ твоей красивой головки. Умно ли думать вѣчно о неблагодарномъ или, еще хуже, о невнимательномъ?... по моему, не примѣтитъ во сто разъ преступнѣе со стороны мужчины чѣмъ измѣнить. Умно ли отвергать, для неумѣвшаго примѣтитъ, склонность добровольную и явную? Будете говорить откровенно: чѣмъ тебѣ не партія этотъ доскѣ Сикстъ, такой блѣдный и такой интересный? Старинный дворянинъ... человѣкъ съ прекраснымъ состояніемъ... и

как кажется, съ прекраснымъ сердцемъ... кромѣ другихъ личныхъ достоинствъ. Повѣрь, ты принесешь бесполезную жертву, и тотъ, кому, ты принесешь ее, не будетъ тебѣ благодаренъ.... даже не примѣтитъ! Если же и примѣтитъ случайно, что, впрочемъ, сомнительно, онъ назоветъ это сентиментальностью... будетъ надъ тобою смѣяться первый.... Ты знаешь, какъ онъ всегда отзывается о сентиментальныхъ дѣвицахъ и женщинахъ. Играй, другъ мой, играй въ четыре руки... пока не доиграешься до чего-нибудь по-лучше или, по-крайней-мѣрѣ, по-основательнѣе музыки. Случай посылаетъ Провидѣніе на благо людей: тѣмъ хуже для тѣхъ, которые не умѣютъ ими пользоваться.... Ты повяла меня?

Анна Павловна вѣжно поцѣловала сестру. Лиза должна была убѣдиться этими доводами и согласиться на ея желаніе, хотя, въ душѣ, не раздѣляла ея надеждъ, которымъ сердце сильно противилось. И въ-самомъ-дѣлѣ: зачѣмъ не играть въ четыре руки съ такимъ интереснымъ молодымъ человѣкомъ? Здѣсь предстоить столько удовольствій, несчастная прекраснаго случая усовершенствовать свою игру, что, съ музыкальнымъ сердцемъ, не возможно долго сопротивляться зрѣльщенію подобнаго вызова. Играть съ человѣкомъ противнымъ... о! тогда лучше умереть вѣрною затѣвной мечтѣ! Но когда бассъ хорошъ собою, любезенъ, внимателенъ, предашь, мечта можетъ отправиться гулять на время засѣданія: съ ней можно бесѣдовать и послѣ. Лиза покорилаеь этимъ маленькимъ неприяностямъ, неизбежнымъ при такой обидной неблагодарности невнимательнаго предмета мечты. И прекрасно сдѣлала. Анна Павловна, по инстинкту, сказала великую истину; мослѣ Александръ, какъ мы видѣли, обѣдалъ наканунѣ у Сборовыхъ и провелъ этотъ день съ Вѣрою Николаевною. Правда, вчера онъ былъ не доволенъ ею; приемъ показался ему холоднымъ и обращеніе двусмысленнымъ. Но Вѣра приказала ему явиться сегодня, и онъ явился безпрекословно. И съ того времени, какъ вы знаете, онъ былъ послушный рабъ ея. Прежняя страсть взыхнула со всею силою. Онъ снова искалъ случая объясниться въ своихъ чувствахъ и покончить

дѣло однимъ ударомъ, и ему досадно было только то, что, допустивъ его очень близко, проказница всегда умѣла увернуться очень ловко отъ этого удара. Воинственный духъ героя раздражался еще болѣе хитростью слабого и неуловимаго врага, и чѣмъ труднѣе становилась побѣда, тѣмъ славнѣйшимъ казался ему подвигъ, послѣдствіемъ котораго было бы окончательное и торжественное изложеніе злодѣйки-Вѣрочки. Я того мнѣнія, что, при всей вѣрности первому чувству, непонятое сердце имѣетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ полное право играть въ четыре руки съ другимъ, менѣе ледовитымъ, сердцемъ.

Чудное изобрѣтеніе—игра въ четыре руки! Это—не любовь; но что-то такое близкое къ любви, до того что предестин той и другой почти равногоржественны. Если любовь когда-нибудь исчезнетъ съ лица земли и останутся только фортепіаны, игра въ четыре руки долго не позволитъ человечеству вспомнить и сожалѣть о потеряхъ этого прославленного чувства.

Сикстъ Брячиславичъ Спѣвала-Заиграйскій не замедлил явиться. При первомъ посѣщеніи объ игрѣ въ четыре руки не было и помину: въ городѣ, зимою, столько чудесныхъ случаевъ, столько вздорныхъ событій, столько такъ называемыхъ сплетней, то есть, собственно, общественныхъ дѣлъ, вѣтерпящихъ отлагательства, для обсужденія, подачи голоса и рѣшенія со стороны каждаго изъ членовъ общества, что бесѣда скользитъ, мчится какъ сани по гладкому льду. Сикстъ Брячиславичъ былъ очень милъ: говорилъ забавно и ушелъ остроумно, то есть, ушелъ такъ скоро, что жалъ было зачѣмъ не остался онъ по-долѣе.

— Ну, что? видишь душа моя, смѣясь сказала Анна Павловна, что ты напрасно боялась; опасность совсѣмъ не такъ близка, какъ ты воображала.

Анна Павловна въ это время сказывалась очень больною, чтобы этимъ благовиднымъ предлогомъ прилично прекратить музыкальные вечера. Нужно было самого Виктора Ивановича заставить вѣрить этой болѣзни. И въ самомъ дѣлѣ онъ вѣрилъ — былъ вѣженъ, любезенъ, заботливъ, очарователенъ — а между-тѣмъ его обманывали: платили.

петиховку долги, сокращали расходы, отмѣняли распоряженія сдѣланныя имъ для дорогихъ затѣй, для неумѣстныхъ прихотей роскоши. Читатели никогда не поймутъ высокаго драматическаго положенія двухъ сестеръ, особенно Анны Павловны: они никого не боятся у себя дома: они не понимаютъ ужаснаго страха, тревожнаго состоянія, мучительныхъ мыслей женщины, которая дѣйствуетъ тайно отъ мужа для его же пользы, для его спокойствія, счастья, вѣрjena, что если дѣйствія ея будутъ открыты или угаданы, то, вмѣсто благодарности и нѣжнаго слова, она испытаетъ только упреки, гнѣвъ, грозу, униженіе своего самолюбія, презрѣніе къ своему уму и своей преданности. Нѣтъ никакой возможности дѣлать добро мужьямъ. Деспоты хуже Турокъ! Хвастуны хуже Французовъ! Гордецы, хуже Англичанъ! Себѣ однимъ присвоиваютъ они власть и мудрость, на сушѣ и на морѣ житейскомъ. Скорѣе поцѣлуютъ они васъ, когда ихъ обираете и разоряете, съ полнымъ довѣріемъ къ неисчерпаемымъ средствамъ ихъ великаго дѣловаго искусства, нежели когда любящимъ умомъ, вопреки ихъ волѣ, или безъ ихъ вѣдома, оберегаете ихъ пользы, не щадя съ своей стороны ни жертвъ, ни спокойствія, ни здоровья. Надо быть великою, подобно Аннѣ Павловнѣ, чтобы рѣшиться на этотъ страдальческій подвигъ и совершить его съ нужнымъ терпѣніемъ. Усердно содѣйствуя сестрѣ всѣми мѣрами, добрая Лиза раздѣляла волюнѣ ея страхъ, заботы, мученія. Она понимала недостаточность своихъ средствъ и необходимость вскаты себѣ опоры тамъ, гдѣ никогда въ ней нѣтъ отказа; гдѣ мы находимъ то, что дополняетъ наши силы, что подкрѣпляетъ ихъ любовью, ободряетъ надеждой и озаряетъ вѣрой; она знала, что блага, щедро разсыпанныя вокругъ насъ, назначены для нашего счастья; что мы должны употреблять ихъ благо-разумно, наслаждаться ими съ благодарностью, лишаться ихъ съ покорностью, что этихъ сокровищъ нельзя бросать на вѣтеръ, но надо беречь, покуда у насъ не потребуютъ ихъ обратно. Мы возвращаемъ только данное въ долгъ, и ничего не теряемъ; прійдетъ время, и мы снова найдемъ то, что одакивали. Лиза съ раннихъ лѣтъ привыкла видѣть

въ каждой вещи хорошую сторону, обходить дурную, угадывать выгодную, и такимъ образомъ ей всегда удавалось уменьшить тѣ неприятности жизни, которыхъ нельзя было уничтожить совершенно. Съ своею теплою и общительною натурою, она любила, какъ плющъ, обвивать своею свѣжею зеленью тѣхъ, которыхъ узы крови, отношеніе дружбы или необходимость, приводили въ сопряженіе съ нею. Анна Павловна, въ своемъ тягостномъ положеніи, нашла въ ней истинно безцѣннаго друга — умнаго, вѣрнаго и любящаго. О! Александръ! не умѣлъ ты оцѣнить этой рѣдкой души. Богъ съ тобою!

Вдругъ является къ нимъ снова Сикстъ Брячиславичъ. Но я забываю сказать, что случилось съ Александромъ Петровичемъ. Онъ давно, то есть, уже съ недѣлю, помирился съ Викторомъ Ивановичемъ — какъ всегда мирятся мужчины: встрѣтились на улицѣ, подали себѣ руки, свѣли не котлетѣ съ трюфелями въ ближайшемъ *café-restaurant*, зашли крѣпкимъ виномъ, и вѣчный миръ утвердился на прочномъ основаніи. Они часто видались другъ съ другомъ. Но Александръ не забѣжалъ къ Виктору. По утрамъ онъ былъ занятъ — за обѣдомъ занятъ — по вечерамъ занятъ еще болѣе. Рѣшительно, нѣкогда! Онъ собирался — даже общалъ — но дѣла!.. и такія важныя!... нельзя улучшить ни минутки времени! Анна Павловна знала о заключеніи вѣчнаго мира, но ничего не говорила: не хотѣла огорчать, ни себя, ни Лизы, разборомъ причинъ этого уже слишкомъ дружескаго забвенія ихъ дома со стороны вѣрнаго друга. Словомъ сказать, Сикстъ Брячиславичъ пришелъ очень кстати, именно въ ту пору, когда Лиза, оставивъ фортепіано, ходила по залѣ и думала — думала — думала: вы, навѣрное, знаете что и о комъ; даже пришелъ обѣдать. Онъ немножко опередилъ урочный часъ. Разговоръ завязался скоро. Сикстъ Брячиславичъ Сибвала-Запграйскій говорилъ Аннѣ Павловнѣ о своемъ уваженіи къ ней, объ удовольствіи, какое она доставила ему любезнымъ приглашеніемъ, о своемъ намѣреніи пользоваться ея милымъ обществомъ какъ-можно чаще. Ничто не располагаетъ лучше, какъ хорошее начало. Сикстъ Брячиславичъ не могъ придумать

начала, которое бы вѣрнѣе могло понравиться Лизѣ. Отъ начала зависятъ симпатія. Она тотчасъ же и утѣдилась между ними. Всѣ мнѣнія гостя удивительно совпадали съ ея собственными мнѣніями: этотъ человекъ какъ-будто сидѣлъ въ ея головкѣ и думалъ ея мыслями. Согласіе было такъ полно, что не могло не произвести благотворнаго дѣйствія. Между-тѣмъ пріѣхали Викторъ Ивановичъ и еще два три собесѣдника. Анна Павловна занялась съ ними, а Лиза продолжала разговаривать съ Сикстомъ Брячиславичемъ, который, вслѣдствіе симпатіи, былъ ея опорой въ путешествіи въ столовую и усѣлся возлѣ нея за столомъ.

Обѣдъ—цѣлая жизнь, въ нѣсколькихъ блюдахъ и бутылкахъ. Какая часть свѣта не посылаетъ ему своей дань? какой предметъ въ вещественной природѣ или въ умственномъ мірѣ, не спѣшитъ представить ему отъ себя маленький случай къ разсужденію и бесѣдѣ—отъ воды, которую услужливо наливаютъ вамъ въ стаканъ, отъ соли, которой просите у сосѣда, до человѣколюбивыхъ чувствъ, пробужденныхъ въ вѣжномъ сердцѣ судьбою жаренаго цыпленка, и до любви, которая зарождается за десертомъ въ рюмкѣ констанса, шампанскаго или малаги? Какая добродѣтель не сіяетъ тогда живѣйшимъ своимъ блескомъ, какой недостатокъ не выказывается во всемъ разоблаченіи? Сколько поля для ума, для любозности, для глупости, для философіи и, особенно, для всеобщей и естественной исторіи человѣчества. Лиза успѣла сдѣлать нѣкоторыя, очень важныя, наблюденія надъ своимъ сосѣдомъ. Лицо у него было дѣйствительно очень красивое, голосъ звучный, мягкій, пріятный, рука—малая, бѣлая, чисто нарисованная. Черты его были правильныя, тонкія, благородныя; но трудно опредѣлить ихъ выраженіе, потому что оно принадлежало къ школѣ хорошаго тона: почти всегда оставалось одно и то же. По-временамъ отражались умъ и понятливость, но не ясно—осторожно—отлично вѣжливо—такъ, чтобы не перепугать ни чьей глупости. Съ этого лица не было прогнано и сердце, но оно всегда являлось тщательно выбритое, красиво завитое, и въ новыхъ палевыхъ перчаткахъ. Размышленіе тоже оставило свои слѣды. Во всемъ

были видны изящныя привычки. Жизнь спокойная, незнакомая съ лишениями, не жадная къ сильнымъ наслаждениямъ, и подчиненіе страстей церемоніалу, просвѣчивали сквозь эту гладкую, выдощенную наружность безъ угловъ, безъ шероховатостей, безъ выдающихся точекъ, за которыя можно было бы задѣть или ухватиться. Не вооруженнымъ глазомъ, безъ микроскопа или, по крайней мѣрѣ, хорошей лорнетки, нельзя было открыть тѣхъ плѣнительныхъ достоинствъ, которыя у другихъ съ перваго разу бросаются въ глаза, затмѣваютъ собою недостатки и даже пороки, дѣлаются полюсомъ влеченія, притягиваютъ сердца, оживляютъ чувства, пробуждаютъ энтузіазмъ. Разговоръ означеннаго сосѣда былъ легкій, поворотливый, нестойчивый, и съ одинаковою пріятностью касался всѣхъ предметовъ. Волненіе, которое почувствовала въ себѣ Лиза въ предшествовавшее посѣщеніе этого господина, повторилось, если только можно назвать это волненіемъ. Къ концу обѣда, когда осталось болѣе простора тому, что было стѣснено тарелками и стаканами и уступало мѣсто неблагородному удовольствію человѣка набивать себя рыночными веществами, Сикстъ Брячиславичъ сдѣлалъ Лизѣ нѣсколько вопросовъ, относившихся прямо къ ней самой. Вопросы эти касались предметовъ, самыхъ драгоценныхъ для Лизы, но она никогда не думала скрывать, или уменьшать, при чужихъ, значеніе, которое имѣли они въ ея глазахъ, и говорила о своемъ любимомъ, почти исключительно, занятіи откровенно, съ любовью, съ увлеченіемъ. Тутъ только оказалось, что за этими вопросами сидѣлъ въ засадѣ злодѣйскій умыселъ Сикста Брячиславича: какъ тигръ, воспламенный видомъ беззащитной, готовой добычи, онъ выпрыгнулъ изъ-за нихъ съ свирѣпымъ предложеніемъ играть въ четыре руки—безъ отлагательства—сейчасъ послѣ обѣда. Лиза такъ перепугалась, что не смѣла предположить ни какого сопротивленія. Бѣдная дѣвушка неожиданно сдѣлалась жертвою коварнаго фортепіаннаго хищника.

Лютый Спѣвала-Заиграйскій не отставалъ отъ нея послѣ обѣда.

— Или я не такъ понялъ ваши слова, Лизавета Павлов-

на, сказалъ онъ: или ужъ такъ несчастливъ, что вамъ не-пріятно заняться со мною музыкой...

О! жестокій Александръ! въ какое положеніе ты ставишь несчастную Лизу! Быть тебѣ измѣнницею! перемишивать пальцы свои съ пальцами человѣка, котораго ты называешь Скиномъ, безвкусникомъ, барабаномъ, невѣждою, надменнымъ въ сужденіяхъ, не смыслящимъ первыхъ основаній искусства... котораго книгу ты выбросилъ въ окошко... съ которымъ ты даже и здороваться не хочешь... нѣтъ, нѣтъ, никогда!... лучше прежде умереть!... Но обидѣть пріятнаго и хорошаго человѣка, быть невѣжливой, безъ малѣйшей причины къ гостю, къ которому, напротивъ, увлекаетъ насъ симпатія... который думаетъ обо всемъ совершенно какъ она и вѣритъ въ любовь ея къ искусству, тогда какъ нвые и до сихъ поръ не вѣрятъ... нѣтъ, нѣтъ! этого невозможно!... лучше прежде играть, а потомъ уже умереть... когда случится.

Сикстъ Брячиславичъ стоялъ уже у инструмента и перебиралъ нотныя тетради, наваленныя на немъ. Собраніе пьесъ было большое, но безъ всякой системы, такъ что трудно сказать, чего находилось болѣе: симфоніи, оперы, ораторіи, этюды, увертюры, воспоминавія, которыя можно играть, и воспоминавія, на которыя надо только смотрѣть; музыка новая и музыка старая, сочиненія, родившіяся сегодня и сочиненія отжившія вѣкъ, покинутыя, забытыя за слишкомъ громкимъ и продолжительнымъ усѣхомъ — таковы были элементы музыкальной библіотеки Лизы.

— И вы играете все это? спросилъ изумленный Зап-райскій.

— Да... почти... улыбнувшись отвѣчала Лиза.

— Конечно, вы любите оперы?

— Очень.

— Я обожаю итальянскую музыку. Одни Итальянцы умѣютъ пѣть на свѣтѣ, и одни умѣютъ употреблять музыку согласно съ ея цѣлью, съ ея природнымъ назначеніемъ. Признаюсь, я не большой любитель музыки метафизической, отвлеченной, самовольно удаляющей отъ потребностей жизни, отъ сердца, отъ чувства, отъ человѣка

и дрожащихъ мечтъ его... Какого вы мнѣнія на этотъ счетъ?

— Наши вкусы, я вижу, сходны во многомъ... отвѣчала Лиза, съ тою интересною робостью, которая порождается удовольствіемъ.

— Такъ выберемте одну оперу; ихъ здѣсь такое множество.

Лиза выбрала «Линду», потому что, въ глазахъ исключительнаго Александра, эта опера была нѣсколько прости-гельнѣе другихъ. Александръ, кромѣ-того, не уважалъ музыки, аранжированной для фортепіано, которая, дѣйствительно, представляетъ только эскизъ звукописной картины. Но на этотъ капризъ не стоило обращать вниманія: у него есть воображеніе, тому, при видѣ эскиза, мысль легко и быстро воспроизводитъ все свѣта и тѣни подлинной картины, всю ея прелесть, все ея чудеса, иногда еще великолѣпнѣе или плѣнительнѣе чѣмъ въ самой картинѣ. Выборъ былъ особенно хорошъ тѣмъ, что въ сердцѣ своемъ Лиза примиряла имъ двухъ враговъ.

Музыка также приличива какъ скука, какъ зѣвота, смѣхъ, веселость, какъ пляска, и прочіе роды судорогъ. Услышавъ первые аккорды, Лиза принялась играть отъ всей души, оставила всторонѣ все тернья, все шипы, и рвала только цвѣты. Страхъ, смущеніе, осторожность исчезли, и она вполне предавалась наслажденію. Въ этой оперѣ, написанной для нѣмецкой публики, которою управляютъ кашлемейстеры, Доминетти уклонился всего менѣе отъ такъ-называемой драматической истины. Здѣсь онъ не творитъ, но только излагаетъ сюжетъ, переводитъ слова драмы на языкъ музыки. Здѣсь, можетъ-быть, онъ менѣе удивителенъ, но зато болѣе правиленъ, а для классиковъ правило священнѣе самаго геніальнаго вдохновенія. Никакая зависть не можетъ винить его въ отступленіи отъ требованій школы. Прекрасныя мелодіи разсыпаны здѣсь богатою рукою, которая не нуждается вести имъ счетъ. Отчаяніе отца, онасающагося за свое дитя, любовь отвергнутой дочери, переходящая въ безуміе, родные звуки Савоя, которые должны произвести душевный переворотъ, радость стараго безумца,

любящаго тѣмъ сильнѣе, чѣмъ короче время, все это выражено такъ вынухло, такъ сно, и вмѣстѣ такъ мелодично, что нельзя обмануться и не быть въ восхищеніи. Одушевленіе Лизы возрастало съ каждою страницей, и вмѣстѣ съ Лизой одушевлялся ея музыкальный сотрудникъ. Ари, дуэты, статьи слоннаго пѣнья, смѣнялись безъ промежутковъ, и работа пальцевъ кончалась ровно послѣднимъ тактомъ сочиненія. По прелестному выраженію лица Лизы видно было, что она хорошо провела вечеръ и не думала расставаться. Сикстъ Брячиславичъ былъ не менѣе доволенъ: причины удовольствія — равныя, но дѣйствія одна.

— И вы говорили, Лизвета Павловна, что не довъряете себя! Я рѣшительно не замѣтилъ въ васъ страху: какая живость! какая твердость! сколько священнаго огня!.. Рѣдкіе такъ чувствуютъ и такъ хорошо понимаютъ музыку. Этотъ вечеръ составитъ незабвенную эпоху въ моей жизни. Никогда и ни съ кѣмъ не игралъ я такъ пріятно... Я едва слѣдилъ за вами, и долженъ просить у васъ ободренія. И прочая, и прочая: какъ всегда говорить мужчины, которые умѣютъ играть съ женщинами.

Если Лиза не могла въ первый разъ не поддаться увлеченію, то во второй это было еще невозможно — потому къ третій — въ четвертый — и такъ далѣе. Сиксту Брячиславичу было такъ отрадно отъ этой теплоты, которая оогрѣвала его пальцы, нѣсколько онемѣвшіе отъ недостатка въ занимательныхъ случаяхъ къ упражненію; его воображеніе, нѣсколько дремавшее безъ возбуждательной силы, такъ горячо принялась за сладкія мечты, за волшебныя надежды, за извѣстныя ощущенія, что дѣло пошло легко и быстро до предѣловъ дружбы, которая, какъ извѣстно, граничитъ съ симпатіей. Сердце Лизы сжималось не-временамъ предчувствіемъ какого-то несчастія, какой-то странной и неминуемой бѣды, но она удаляла отъ себя эти зловѣщія привидѣнія силою разсудка и воли. Выступивъ однажды въ атмосферу, въ которой ощущенія такъ воздушны, что нельзя уловить, такъ чисты, что ими воспользоваться невозможно, такъ прекрасны, хотя и не имѣютъ

опредѣленной формы, что невольно запечатлѣваются въ умѣ и въ сердцѣ, она нашла спокойствіе и счастье.

Посѣщенія Сикста Брячиславича сдѣлались очень частыми. Всѣ замѣтили, что москѣ Спѣвала-Заиграйскій находить страшное удовольствіе въ близких сношеніяхъ съ семействомъ Мечневыхъ. Въ Лизѣ онъ съ своей стороны замѣчалъ душу пылкую, мечтательную, способную къ глубокому и невзмѣнному чувству, но въ тоже время казалось ему, что ей какъ-будто не ловко носить сердце въ груди. Онъ не могъ объяснить себѣ причинъ этой осторожности, доходившей иногда до холоднаго обращенія, этой принужденности и неясности, которыя въ послѣднее время стали примѣшиваться къ ея откровенному характеру, къ этой сладкой и прелестной дружбѣ, начавшейся такъ тепло, такъ свѣтло, при такихъ благополучныхъ предзнаменованіяхъ. И Лиза не могла изложить ему этихъ причинъ. А онѣ были просты. Со всѣхъ сторонъ сходились печали, заботы, опасенія. Бѣдствія Анны Павловны не уменьшились, но только перемѣнились. Не опытная въ дѣлахъ, болѣе вѣрившая совѣтамъ сердца нежели наставленіямъ ариметики, она разорилась, не обогативъ мужа. Лиза, еще не опытивъ ея, не могла пособить горю: она могла только страдать вмѣстѣ, и страдала. Чтобы забыть боль, ей нужна была музыка — какъ-можно болѣе музыки — и она играла — играла — Сикстъ Брячиславичъ игралъ съ новою изю всѣхъ силъ — до онѣмѣнія пальцевъ — и ничего не понималъ!.... Что это за игра въ четыре руки, гдѣ ничего не говорятъ о чувствѣ и о счастьи, гдѣ слова нельзя вернуть о томъ, что занимательнѣе и слаще всякой музыки? Это уже противно всѣмъ правиламъ искусства!

Сикстъ Брячиславичъ сталъ наконецъ подозрѣвать мученія скрываемой печали и вздумалъ дать испить Лизѣ испытанное противъ всѣхъ болѣзней души и сердца лекарство — развлеченіе. Но ни какія занимательныя предложенія не могли выманить ея изъ тѣснаго домашняго круга. Однажды, зайдя около полудня съ особеннымъ усердіемъ уговаривалъ онъ посѣтить музыкальное утро, одно изъ тѣхъ утръ, которыя тогда давались молодыми аматерами себе

нола и слѣдовательно, привлекали къ себѣ многочисленную и блестящую публику. Артисты, любители старой музыки, и любительницы молодыхъ музыкантовъ, толпились въ этихъ собраніяхъ, гдѣ были исполняемы большія и знаменитыя творенія, преимущественно симфоніи. При первомъ упоминаніи о музыкальныхъ утрахъ, которыя давались въ ту зиму подъ покровительствомъ моды, Лиза вздрогнула, сдѣлалась еще задумчивѣе, и рѣшительно отказалась ѣхать. Сикстъ Брячиславичъ опять сталъ въ тупикъ. Не дѣлать нечего: прелестный другъ его не хочетъ; безконечно любезная Анна Павловна тоже нисколько не обнаруживаетъ расположенія; и Сикстъ Брячиславичъ отправился туда одинъ. Многие изъ его пріятелей участвовали въ этомъ добродетельномъ оркестрѣ: ему нельзя было не пойти. Онъ обѣщаль пріѣхать вечеромъ.

Отчего эта милая Лиза, спокойная какъ зеркало, пришла вдругъ въ такое смущеніе, лишь только зашла рѣчь о пѣсняхъ въ музыкальное утро Общества Любителей Гармоніи? Этого Сикстъ Брячиславичъ не могъ никакъ постигнуть, и напрасно мучилъ онъ умъ свой различными гипотезами. А дѣло опять объяснялось просто. Въ этихъ утрахъ участвовало одно чудовище, участвовало умомъ и звукомъ — смычкомъ и мудростью — какъ членъ и какъ распорядитель — чудовище невнимательности и неблагодарности — Александръ Петровичъ Вологдинъ. Не хотѣли встрѣтиться съ нимъ въ публичномъ мѣстѣ, когда онъ избѣгалъ встрѣчи подъ дружескою кровлею — считали унизительнымъ навязываться къ нему свиданіемъ и какъ-бы просить о подаваніи хоть поклономъ, хоть взглядомъ, — если угодно, считали можетъ-быть и видъ его нѣсколько опаснымъ для своего спокойствія. Вотъ разгадка проблемы, казавшаяся Сиксту Брячиславичу неразрѣшимой.

Музыкальныя утра молодыхъ любителей той начались знаменитою девятою симфоніей Бетховена, которую друзья Александра условились исполнить для развлечения его въ грусти, казавшей благополучно раскаявшейся. Успѣхъ предпріятія оказался восторженнымъ соучастникамъ детского бессмертнаго, что они рѣшились составить общество и

продолжая потѣху въ видѣ публичныхъ ежедѣльныхъ засѣданій. Возвратясь подл' чародѣйское это Вѣры Николаевны, Александръ, спокойный и счастливый, съ энтузіазмомъ предался важному дѣлу, начавшемуся съ него и котораго казалось ему великимъ, бесконечно славнымъ. По принадлежності, онъ сталъ головою этого сборнаго гѣла. По его ученому указанію, въ произведеній, признанныхъ образцовыми, выбирались самыя мастерскія и исполнялись съ примѣчательнымъ разумѣніемъ технической части. Музыканты были въ восторгѣ отъ себя. Публика была въ восторгѣ отъ музыкантовъ. Не музыкою едва-ли кто-нибудь восхищался: вспоминая, что она — образцовая, каждый разумѣлся, приводилъ въ восхищеніе, по обязанности, и тотчасъ обращался опять къ своимъ мыслямъ или къ разговору съ сосѣдями. Въ промежуткѣ двухъ отдѣловъ великаго творенія, одна прекрасная дама, сидѣвшая въ первомъ ряду, спросила Сикста Брячиславича какъ ему нравится оно.

— Не могу жазать, сударыня, отвѣчалъ мосѣ Сиввалог-Зантрайскій: я не знаю нѣмецкаго языка.

Дама разсмѣялась. Александръ, стоя на крайѣ эстрады, слышалъ эту выходку. Вся кровь закипѣла въ немъ отъ негодованія. Онъ хотѣлъ схватить обѣими руками спящій у ближайшаго стула контрабасъ и, съ подмошкой, отбѣсивъ ударъ съ полнаго размаку по нустовонкой головѣ, убить варвара на-мѣстѣ. Счастъ Брячиславичъ Сиввалог-Зантрайскій находился на одинъ волосъ отъ страшной погибели, отъ примѣрнаго классическаго наказанія, которое въ исторіи трансцендентальной музыки сдѣлалось бы незабвеннымъ. Спасеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ Вѣрѣ Николаевнѣ Сборовой, которой чудесный взглядъ мечтательно упалъ къ пылающіе гнѣвомъ зрачки Александра, ослабилъ его зрѣніе, расплавилъ сердце и удержалъ руки.

Александръ Петровичъ былъ счастливѣе Сикста Брячиславича: этому Диза отказала; по предложенію того Вѣры пріѣхала съ явственнымъ удовольствіемъ. Но Александръ Петровичъ былъ не совсѣмъ правъ въ негодованіи своемъ на дерзкаго варвара. Я готова спорить съ нимъ объ этомъ. Я чувствую — истинникъ говоритъ мнѣ — что въ

музыкѣ, даръ безсловеснаго слова, должны быть и дѣйствительно есть языки, такъ же какъ въ дарѣ словеснаго слова, нѣмецкій, италіянскій, испанскій, шотландскій, русскій, шведскій, турецкій, которые зовутъ музыками нѣмецкою, италіянскою, русскою, и такъ далѣе. Эти музыкальные языки совершенно независимы другъ отъ друга и служатъ выраженіемъ національнаго характера, чувства и разума. Который языкъ прекраснѣе, этого рѣшить невозможно ни какими доводами человѣческими. Здравый смыслъ говоритъ, что всѣ языки должны быть равно прекрасны, какъ скоро понимаешь ихъ въ равномъ совершенствѣ, потому что всѣ равно совершенно выражаютъ одно и то же — вещественныя и душевныя нужды народовъ. Нужды различны: это дѣло другое; нужды и сообразныя съ ними вкусы не подлежатъ ни какому разбору; на нихъ надо согласиться, и каждый изъ насъ къ правѣ принять или отвергнуть нужды и вкусы не своего народа; но языки дѣлаютъ свое дѣло, какъ Богъ приказалъ, и слѣдовательно дѣлаютъ его какъ-нельзя лучше. Для этого для меня ясно, во-первыхъ, что надо знать эти музыкальные языки превосходно, чтобы истинно наслаждаться гениальными твореніями, которыя на нихъ писаны; во-вторыхъ, что каждый имѣетъ полное право любить болѣе всѣхъ тотъ языкъ, въ которомъ родился, или который хорошо научилъ, потому что сравненіе ихъ относительныхъ достоинствъ выходитъ изъ предѣловъ возможности человѣческой; и, въ-третьихъ, что симфонія, за которую Александръ Петровичъ хотѣлъ убить контрабасомъ Сикста Браччелавича, дѣйствительно и несомнѣнно писана на нѣмецкомъ языкѣ. Какъ можно сердиться на человѣка за то, что по-нѣмецки онъ не понимаетъ или понимать не желаетъ, а понимать по-италіянски или по-русски? Невѣжда и варваръ тотъ, кто непремѣнно хочетъ принудить другихъ любить лишь тотъ языкъ, который ему нравится, потому что этотъ языкъ ему понятенъ съ-роду или сталъ понятенъ по искусственному привыку. Если бы всѣ люди такъ хорошо какъ Александръ Петровичъ понимали то, что Нѣмцы говорятъ въ-своему, по-нѣмецки, на скрипкахъ, флейтахъ, кларнетахъ, валторнахъ и контрабасахъ, торжество ихъ музыки было

бы повсемѣстное. Тогда, ихъ великіе музыкальные писатели, которыхъ имена такъ отрадно мнѣ прописывать — потому что немножко смыслю и я по-нѣмецкому—тогда вы, свѣтила туманной Германіи, вы были бы свѣтилами вселенной. Тогда вашей общезвѣстности не было бы предѣловъ; ни одно облако не затемнило бы вашей славы. Моцартъ, Бетховень, Гайднъ, Мендельсонъ, Бахъ, Веберъ! какъ бы ни назывались вы, къ какой бы не принадлежали школѣ: вы—великіе люди; вы—геніи; какъ жаль, что вы были Нѣмцы и писали для однихъ Нѣмцевъ на ихъ нѣмецкомъ языкѣ, такомъ темномъ, запутанномъ, не-симпатическомъ! Зачѣмъ не вознеслись вы выше всякой національности и не создали языка новаго, небывалаго, понятнаго всему человѣчеству? Я увѣрена, что тогда ваши музыкальныя мысли просвѣтили бы людей—даже сдѣлали бы ихъ лучшими; вы доказали бы безъ всякихъ доводовъ и споровъ, что ваша музыка вполне заслуживаетъ удивленія и благодарности. Кто можетъ слушать первое аллегро «Героической симфоніи», не чувствуя на себѣ электрическаго сотрясенія? Невозможно устоять противъ этого увлекательнаго краснорѣчія. Если даже кого не занимаетъ сюжетъ, если даже самый языкъ кому невпріятенъ по своей нѣмецкой турнюрѣ, и тотъ чувствуетъ, что тутъ говорить геній. Не возможно слышать аллегрето симфоніи въ Іа, анданте симфоніи въ до минорномъ, и не чувствовать въ нихъ души и сердца великаго писателя. Взявъ одно только искусство, одинъ только умъ, и тутъ должно преклониться передъ величіемъ генія, который такъ замысловато выражаетъ неопредѣленными звуками то, чего нельзя передать на словахъ и что однако жъ каждый чувствуетъ въ самомъ себѣ.

Изъ этого вы готовы заключить, что я записная Нѣмка—еще хуже, что я—Нѣмецъ? Нѣтъ, не бываетъ этому! Я—Русская, душою и сердцемъ, разумомъ и чувствомъ. Но я страстно люблю нѣмецкую музыку, потому что изрядно понимаю это нарѣчіе нѣмецкаго языка Шиллера и Гёте. И ровно также страстно люблю я музыку итальянскую, потому что столько же понимаю и это нарѣчіе итальянскаго языка Тасса и Аріоста. Ни одному изъ нихъ не отдаю я приму-

щества передъ другими, когда разсуждаю хладнокровно. Но когда увлекаюсь прямымъ чувствомъ, безотчетною симпатіей, я дѣлаю почти тоже что дѣлаютъ всѣ люди въ Европѣ, что даже дѣлаютъ Нѣмки въ самой Нѣмечинѣ: онѣ звѣаютъ и дремлютъ при музыкѣ своихъ Нѣмцовъ, и когда хотятъ сильно чувствовать, воспламениться, испытать сладость восторга, то идутъ въ итальянскую оперу. Языкъ симпатичнѣе!... языкъ слаще и яснѣе!... Не воля человѣка, не его искусство, а Богъ создалъ такой языкъ: и разсуждать тутъ нечего. Изъ всѣхъ книгъ на свѣтѣ ловчѣе и пріятнѣе прочихъ читаются французскія; изъ всѣхъ музыкъ ловчѣе и пріятнѣе слушаются итальянскія. Но это не пренятствуетъ никакому языку имѣть самыя мастерскія, самыя удивительныя творенія по части литературы и по части музыки, творенія которымъ языковеды по-справедливости удивляются.

Въ это утро исполняли именно «Героическую симфонію» Бетховена. Не вспомню, кто-то замѣтилъ, что эта симфонія написана подъ неблагополучною звѣздою; что, подобно кометамъ, она всегда предвѣщаетъ бѣдствія. Говорятъ, что съ тѣхъ поръ какъ «Героическая симфонія» существуетъ, еще ни разу не могли разыграть ее безъ того, чтобы не случилось какое-нибудь несчастіе. Александръ Петровичъ не вѣрилъ этому. Вѣра, одѣтая несравненно, пріѣхала до начала симфоніи, съ одной своей родственницею, и заняла крайній стулъ въ третьемъ ряду по лѣвую сторону, чтобы удобнѣе видѣться съ знакомыми и лучше кому слѣдуетъ показать свой нарядъ. Александръ немедленно подошелъ къ ней. Вѣра была въ чудесномъ расположеніи духа, говорила много, мило, остро, и восхитительно играла въ глаза и улыбки. Александръ былъ напротивъ озабоченъ тысячею одною подробностью великаго музыкальнаго подвига, который долженъ былъ совершиться подъ его мудрымъ руководствомъ.

— Ахъ! какой вы скучный! смѣясь сказала ему Вѣра: вы не слышите что я вамъ говорю; отвѣчаете не впадѣ; спрашиваете о томъ, что сейчасъ вамъ сказали. Что это

съ вами? Вы ужасно разсѣяны. Вы должны быть влюблены. Я это замѣчаю уже нѣсколько дней. Вы влюблены?

— Да! я влюбленъ, твердо отвѣчалъ Александръ.

— Ужасно?

— И высказать нельзя.

— Право? сказала Вѣра съ особеннымъ наклоненіемъ голоса и съ такою плѣнительною улыбкою, что у Александра сердце выпрыгнуло изъ груди. Видите, что я угадала.... Въ кого?

— Это мой секретъ.

— По этому-то я хочу знать.

— По этому-то я не могу сказать.

— Тѣмъ болѣе я имѣю право на вашу довѣренность. Развѣ мы не друзья?

— Ужаснѣйшіе!

— Я хочу знать всѣ секреты моихъ друзей. Я ужасно любопытна, вамъ это, кажется, извѣстно.

— Миѣ напротивъ извѣстно, что вы ужасная трусиха. Вы пугаетесь подобныхъ довѣренностей, увертываетесь отъ нихъ всѣми средствами, бѣгаете всякой бесѣды о чувствахъ...

— Не всегда... Когда я вижу, что мои друзья страдаютъ... терзаютъ голову... разсѣянны и скучны, подобно вамъ теперь... я принимаю живѣйшее участіе въ ихъ чувствахъ... я несказанно добра... немножко проказлива... избалована... вы же сами балуете меня!... но въ дружбѣ я вѣрна и предана... въ дѣлѣ, въ тайнѣ, надежна... и поэтому очень люблю довѣренности...

— Чтобы потомъ насмѣхаться надъ ними. Знаю я васъ!

— Вотъ ужъ совсѣмъ не знаете! И доказательство тому: я принуждена сама себя хвалить передъ вами. Что жъ дѣлать, когда вы меня не понимаете!... Вы скажете миѣ вашъ секретъ за обѣдомъ...

Вѣра съ наслажденіемъ пользовалась публичнымъ мѣстомъ и большимъ обществомъ, гдѣ никакія признанія не возможны, чтобы разжигать, дразнить, мучить своего обожателя, съ совершенною безопасностью. Дома, она знала, ей легко будетъ ускользнуть отъ изъясненія, опитъ на не-

определенное время. Но въ Александрѣ кровь страшно волновалась. Онъ весь дрожалъ. «Наконецъ-то! думалъ онъ: наконецъ крѣпость хочетъ сдать на капитуляцію... Ахъ! Боже мой! что я дѣлаю!.. я здѣсь болтаю... я горю... я теряюсь... а мнѣ нужно безпредѣльное хладнокровіе для этой чудной музыки... и меня тамъ ждутъ!...»

— Нѣтъ, не за обѣдомъ, а вечеромъ, сказалъ онъ, поспѣшно оправляясь. Послѣ «Героической симфоніи» у насъ еще будетъ героическій обѣдъ, по уставу Общества. Но я долго не останусь...

— Не забудьте же! сказала Вѣра, устремивъ прямо въ глаза самый неотразимый изъ своихъ взглядовъ, томный, нѣжный, влажно-блестящій.

— Въ девять часовъ... навѣрное!.. прощайте!.. до свиданія!.. торопливо примолвилъ Александръ, счастливый какъ Магометъ возвращающійся изъ райа на своей крылатой кобылѣ.

Онъ протянулъ къ ней руку. Она подала свою; и, тогда какъ онъ жалъ, крѣпко, здорово, по-англійски, она пожала кисть его сверху и снизу кончиками двухъ пальцевъ легонько, едва чувствительно, такъ misterioso, что у него ножаръ сдѣлался въ пяткахъ. Онъ думалъ, что кто-нибудь подкинулъ ему въ сапоги два красные угля, что каблукъ горитъ, что полъ проваливается, и убѣжалъ.

До сихъ поръ, и еще немножко далѣе, до конца первой гармонической поэмы, все шло благополучно. Отселѣ начинаются бѣдствія, несчастія и горести, неразлучныя съ «Героическою симфоніею», и которыя вы сейчасъ увидите.

Первое бѣдствіе: но вы уже видѣли его .. это — исторія съ Сикстомъ Брячиславичемъ Спѣвалою-Заиграйскимъ и контрабасомъ.

Второе бѣдствіе—еще ужаснѣйшее. Спѣвала-Заиграйскій, благоразумно отойдя отъ эстрады, на которой было восемь контрабасовъ, помѣстился возлѣ Вѣры и завязалъ разговоръ съ нею. Счастливая въ любви, въ красотѣ, въ чудесномъ своемъ костюмѣ, Вѣра предалась бесѣдѣ съ кокетливою веселостью, острилась, смѣялась, и не обращала вниманія на музыку. Подъ сладостнымъ вліяніемъ этихъ

трехъ элементовъ обольщенія Спѣвала-Заиграйскій вознесся до необыкновенной степени одушевленія. Чѣмъ великолѣпнѣе было мѣсто въ симфоніи, чѣмъ менѣе они слушали его, тѣмъ интереснѣе, казалось, былъ разговоръ у нихъ съ этимъ варваромъ, Скиномъ, Патагонцемъ, невѣждою, полотеромъ. Я не берусь... нѣтъ! никакое перо не въ силахъ... изобразить негодованіе, ревность, ярость Александра. Руки у него дрожали, смычокъ прыгалъ, ноты legato превращались въ staccato. Въ одномъ мѣстѣ онъ пропустилъ цѣлую нотную строчку—девять тактовъ—въ другомъ сталъ играть prestissimo вмѣсто andante maestoso — въ третьемъ забылъ подать условный знакъ барабану, къ которому былъ опредѣленъ его собственный лакей, на основаніи древняго обычая аматорскихъ оркестровъ. Замѣшательство музыкантовъ—безладца — страшные диссонансы—потеря самыхъ могучихъ эффектовъ — фіаско!... Не возможно себѣ представить отчаянія Александра. Онъ только ждалъ послѣдняго аккорда симфоніи, чтобы тутъ же, безъ потери времени, расправиться съ зловреднымъ Спѣвалою-Заиграйскимъ и поссориться съ Вѣрою. Но Вѣра уѣхала еще до окончанія третьей части и вслѣдъ за нею исчезъ Заиграйскій.

Хладнокровіе мало-по-малу возвратилось къ Александру Петровичу. Онъ сталъ играть лучше и посматривать на залу спокойнѣе. Разъ какъ-то показалось ему, что въ послѣднихъ рядахъ сидитъ Лиза. Онъ устремилъ туда все свое вниманіе. Нѣтъ! это не она!... «Однакожь, думалъ онъ про себѣ: ей бы слѣдовало здѣсь быть!... Ахъ! эти женщины! эти женщины!... просто, съ ума сойдешь съ ними... поверхностныя!.. легкомысленныя!... своенравныя!... ничего нѣтъ основательнаго!... ничего фундаментальнаго!... Хотя бы напрямѣръ Лиза: знаетъ, что я здѣсь, что я этимъ управляю, что это не какіе-нибудь пустыя, и ни одного разу сюда не пожалуетъ... Ну доказываетъ ли это, что она любитъ музыку?... А увѣряетъ меня постоянно! Ну, теперь я убѣжденъ: она совершенно равнодушна къ образованнымъ произведеніямъ, даже не подозрѣвала бы, что они существуютъ, еслибъ я не говорилъ о нихъ, еслибъ не игралъ ихъ для нея на фортепіано, чтобы хоть

этими путемъ внушить ей желаніе услышать истинное высокое, во всемъ гармоническомъ великолѣпіи его. Для чего выставлать на-показъ чувство, котораго не имѣешь? Зачѣмъ хотѣть увѣрить въ томъ, чего нѣтъ? Ужъ за одно это я люблю Вѣру... хотъ и съ ней-то ужасно трудно... Невостижимое существо!... прямой демонъ!... А ужъ съ Заиграйскимъ я раздѣляюсь. Не уйдетъ онъ отъ моихъ рукъ... Но по-крайней-мѣрѣ Вѣра не хочетъ прослыть за страшную музыкантшу... играетъ что ей вздумается, для забавы, для препровожденія времени, и я не говорю ни слова... Сегодня вечеромъ... ну, теперь уже, быть концу!... Она любить... не скрывается съ тѣмъ, что любить... и родители, кажется, желаютъ... и между-тѣмъ поймать ее нельзя!.. Шалить хочется сударынѣ. Ну, да я это уйму послѣ свадьбы... Она очень послушна... это главное... исключая въ любви... Но въ любви женщина—начальница и законъ: это—ея право, ея достояніе... На счетъ много прочаго: жену такую едва-ли найдешь на свѣтѣ, которая бы любила квартеты, симфоніи, важную, основательную, ученую музыку: жаль!.. очень жаль!.. Во всякомъ случаѣ, Вѣра—прелесть... Но вамъ, мосьё Спѣваала, это даромъ не пройдетъ... Посмотри, куда залѣзъ, невѣжда!...»

Утро кончилось, и наступило третье бѣдствіе. Въ восемь часовъ Александръ уже былъ у Сборовыхъ. Онъ быстро взбѣгаетъ по лѣстницѣ—входитъ—о!.. боги!.. о! ужасъ!.. онъ окаменѣлъ. Эта Горгона сидитъ себѣ, очень отраднo, въ низенькихъ и развалистыхъ креслахъ, почти у ногъ Вѣры. И разговоръ у нихъ опять такой веселый, такой, по-видимому, интересный!... Зачѣмъ уже не убилъ его контрабасомъ!... Не взять ли этого Спѣвалу за воротъ и не выкинуть ли его въ окошко?... Зачѣмъ онъ здѣсь?... Кто его пригласилъ?.. Бѣшенство Александра превосходило всякое описаніе. Онъ поблѣднѣлъ; задрожалъ; но подошелъ къ нимъ очень спокойно и поклонился: поклонился одной только Лизѣ. Она тотчасъ обратилась къ нему со всей своей любезностью, со всемъ умомъ, граціей, очарованіемъ. Но Александръ казалъ видъ мраморной статуи, которая въ самое теплое время холодна на прикосновеніе. Камен-

ный гость усѣлся и отвѣчалъ на все односложно, протяжно, могильнымъ голосомъ, совершенно какъ Командоръ въ «Донъ-Жуанъ» Моцарта.

Кто пригласилъ Спѣвалу? Разумѣется, Вѣра! Опасаясь, что этотъ вечеръ будетъ рѣшительнымъ, сообразивъ, что надъ ея свободою виситъ на волоскѣ страшный мечъ Вологодина, принявъ въ уваженіе свою власть надъ этимъ бурнымъ характеромъ, она избрала Заиграйскаго временнымъ щитомъ противъ нападенія, которое снова сама же вызвала. Чтобы воспрепятствовать страшному признанію, она повзала Заиграйскаго обѣдать, увѣряя, что это будетъ очень пріятною нечаянностью для ея родителей, послѣ обѣда удерживала его всѣми мѣрами своего остроумія, въ присутствіи Александра — впрочемъ она ничего не знала объ ихъ гармонической враждѣ: Заиграискій былъ давнишнимъ знакомцемъ Сборовыхъ — въ присутствіи своего избранныя обожателя она кокетничала съ нимъ на-пропалую, еще свирѣпѣе чѣмъ въ его отсутствіе. Этого уже каменный гость не могъ вынести. Онъ всталъ, сперва отправился въ кабинетъ къ Сборову, который былъ нездоровъ, потомъ вышелъ оттуда прямо на лѣстницу и уѣхалъ домой — въ бѣшенствѣ — въ негодованіи — въ отчаяніи. Дома онъ заплакалъ... отъ ярости... или отъ любви... или отъ ревности... не знаю; но это все-равно. Ночь прошла въ адскихъ мученіяхъ.

Нѣтъ, Вѣра — рѣшительно кокетка!.. безсовѣстная... отвратительная... Пустяя дѣвчонка, и все тутъ! Что объ ней думать по-напрасну?... не стоить! Жаль, что вчера Лиза не пріѣхала на это злосчастное музыкальное утро. Въ глазахъ Вѣры Александръ занялся бы ею такъ горячо, такъ нѣжно, что негодная дѣвушка... если въ ней есть малѣйшая искра чувства или самолюбія... лопнула бы тутъ же отъ ревности или отъ досады. Лиза, конечно, стоить Вѣры. Нѣтъ! она вдесятеро, во сто, въ тысячу разъ лучше Вѣры. Кула Вѣрѣ!.. Лиза и красивѣе, и милѣе, и умнѣе, и основательнѣе Вѣры... за исключеніемъ одой лишь музыки. Александръ сталъ припоминать всѣ обстоятельства послѣдняго свиданія, въ которое Лиза оставила въ немъ самое

сладостное впечатлѣніе, и почувствовалъ себя какъ-то спокойнѣе. Дѣйствительно Лиза въ этотъ злосчастный день была прелестна: лицо ея сіяло торжественною красотою; умъ, любезный и гибкій, скользилъ по всѣмъ предметамъ разговора такъ живо, такъ увлекательно, что нельзя было разстаться съ этимъ очарованіемъ. Никогда Александръ не видалъ ея такою какъ въ тотъ день. Глупо было бы ставить свое счастье, свою будущность, въ зависимость отъ особы, на которую два часа сряду не возможно полагаться... какъ не богата ея головка средствами къ пріятной семейной жизни. Но и съ Лизою также нечего бояться, ни однообразія, ни скуки. Что касается до чувствъ, то она... кажется... того... Въ послѣднее свиданіе было что-то такое, особенное... Со временемъ это можетъ сдѣлаться любовью... Александръ непремѣнно поѣдетъ къ Лизѣ — сегодня же — тѣмъ болѣе что ему нужно непремѣнно побывать у Мечневыхъ. Съ нѣкотораго времени ходили насчетъ ихъ странные слухи. Говорили, будто въ ихъ семействѣ происходятъ большія перемены: все имѣніе описано и назначено къ продажѣ съ молотка; Викторъ Ивановичъ не сдержалъ контракта по огромнымъ подрядамъ и поставкамъ, въ которыя пустился онъ въ послѣдніе годы; кромѣ-того онъ проигралъ важный процессъ; а между-тѣмъ Анна Павловна получила богатое наслѣдство, платитъ мужнины долги, дѣлаетъ экономію, прекратила свои великолѣпные вечера, и скоро уѣдетъ въ деревню, поправлять разстроенныя дѣла, которыя впрочемъ поправятся черезъ богатое замужство Лизы — съ кѣмъ—это покажется секретъ; но музыка кончила свое пребываніе у Мечневыхъ, ею не занимаются болѣе, артисты и музыканты уволены въ отставку, въ ложѣ сидятъ не знакомыя лица, тогда какъ, ни сама она, ни сестра ея, болѣе не являются, и прочая, и прочая. Александръ удивлялся, что Мечневъ не говоритъ ему ни слова!

Но если половина слуховъ была, навѣрное, ложью, зато въ другой половинѣ могло заключаться нѣсколько правды. Вологдинъ сожалѣлъ, что удалился отъ своихъ единственныхъ друзей именно при такихъ обстоятельствахъ,

когда они, может-быть, всего болѣе нуждаются въ его помощи или содѣйствіи. Ревность — мерзкое чувство — замаранное грязью и кровью — но, безъ сомнѣнія, необходимое для какаго-то блага человечества. Ревность заставила Вологодина вспомнить Лизу. Мысль о Лизѣ пода-ла случай сдѣлать доброе дѣло. Онъ побѣхалъ. Съ силь-нымъ волненіемъ сердца взомель онъ по лѣстницѣ забы-таго дружескаго дома, приказавъ швейцару не подавать сигнала. Въ передней никого нѣтъ. Онъ осторожно вхо-дитъ въ комнаты: ему хочется прежде всего видѣть Ли-зу и застать ее одну. Въ первыхъ дверяхъ уже слышатся звуки фортепiano. Она — здѣсь!

«Все та же!» подумалъ Александръ и остановился на нѣ-сколько секундъ, чтобы послушать. Играютъ «Лучію». Онъ поморщился, и тихонько пошелъ далѣе. Въ залѣ, гдѣ стоялъ превосходный эраръ, никого нѣтъ. Гдѣ же она? Звучи происходятъ изъ боковой гостиной. Онъ поворачиваетъ въ ту сторону. Мягкіе ковры спасительно уничтожаютъ стукъ несиромныхъ каблучковъ. Вотъ онъ — въ двери, и заглядываетъ... О! мерзость мерзостей! о, громъ и молнія! о, проклятіе!... Нѣтъ, этого ужъ слишкомъ!... это невыноси-мо!... Онъ отскочилъ пять шаговъ назадъ, чтобы не ви-дѣть такой ужаси. Спѣвала и сюда забрался! Этотъ вар-варъ играетъ въ четыре руки съ Лизою! этотъ невѣжда портитъ ея вкусъ и сообщаетъ ей свои ложныя, смѣшныя понятія!... И какъ одушевленно переглядываются они во время игры!... да еще съ какими улыбочками!... Въ городѣ говорили—но Александръ не вѣрилъ — будто Лиза выхо-дитъ замужъ. Полно, не за Спѣвалу ли? За этого Ски-ва!... Прекрасныя привѣтъ оны теоріи его ученицъ! Нѣтъ, рѣшительно этотъ человѣкъ взялся выжить его изъ Божья-го свѣта; становится на всѣхъ путяхъ его; разсыпается мелкимъ бѣсомъ, чтобы мѣшать ему вездѣ и во всемъ. Первымъ плодомъ бѣшенства Александра Петровича была жестокая мысль — уѣхать ни съ кѣмъ не выдавшись — уѣ-хать и никогда болѣе не проѣзжать по этой улицѣ. Но какъ дѣла-то Мечнева?... Александръ Петровичъ пошелъ въ кабинетъ Виктора Ивановича.

И это было четвертое бѣдствіе, происходившее отъ той же злополучной «Героической симфоніи.»

У Виктора Ивановича нашелъ онъ какого-то важнаго старика, которому любезный хозяинъ оказывалъ большое почтеніе. Не было возможности говорить о дѣлахъ. Просидѣвъ уныло съ полчаса, и узнавъ, что Анны Павловны нѣтъ дома, Александръ Петровичъ счелъ нужнымъ удалиться. Въ передней печально попалась къ нему на встрѣчу Лиза на проходѣ въ свои комнаты. Вѣроятно, провожала она своего любезнаго музыкальнаго сотрудника или... пожалуй!... нарѣченнаго супруга: потому-что онъ издали видѣлъ въ отворенной на лѣстницу двери спину этого чудовища. Нужна была не-человѣческая твердость духа, чтобы остановиться и прилично поздороваться съ его приятельницею, когда она вскрикнула:

— Ахъ! это вы?... вы здѣсь?... какими судьбами?... Какъ я рада!... какое счастье!

— Какое же тутъ счастье? сухо и угрюмо отвѣчалъ Александръ. Счастія никакого нѣтъ... Какъ ваше здоровье? Что добраго случилось съ вами съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались?... Весело ли вамъ?

— О! нѣтъ!... мнѣ совсѣмъ не весело, грустно сказала дѣвушка. И что добраго можетъ случиться съ тѣми, которыхъ лучшіе друзья оставляютъ?

— Мыслию я васъ не оставлялъ никогда... но обстоятельства... занятія... сталъ извиняться Александръ, смягчаясь ея отвѣтомъ до легкаго отгѣнка вѣжливости.

— Знаю, знаю! перебила Лиза. Не говорите объ обстоятельствахъ: это наши злѣйшіе враги. Взойдите же, пожалуйста! Неужели вы уйдете прямо отсюда?

— Неужели это будетъ вамъ приятно, любезная Лиза, спросилъ онъ, протягивая ей руку.

— Еще спрашиваете!... вы сами знаете... должны знать!...

Въ этомъ голосѣ нельзя было обмануться: такъ не говорить притворство. Глухой колебался бы этимъ звукомъ, исторгнувшимся изъ сердца. Слепой увидѣлъ бы счастье въ этомъ блескѣ глазъ, который, подобно бальнымъ алмазамъ, чудно освѣтилъ лицо Лизы и умножилъ красоту его.

— Право, добрыйша Лизанька, я очень тронуть вашимъ ласковымъ приѣмомъ, продолжалъ Александръ: я не надѣлся на него, даже не стою...

— Не стоящимъ-то и приятно прощать.

— Хорошо, что вы такъ великодушны. На мою долю остается только раскаяніе.

— И еще кое-что, сказала Лиза: увѣреніе, что вы на насъ не сердитесь.

— Чтò за идея! Въ моемъ ли это характерѣ? И безъ всякой причины!... на васъ, такихъ добрыхъ, милыхъ друзей!... Но скажите, дорогая сестрица... скажите откровенно...

— Вы, кажется, знаете, что я всегда была откровенною съ вами. Говорите безъ предисловіи.

— Дѣло такого роду, что непременно требуетъ небольшого вступленія, нѣкоторыхъ оговорокъ... Нужно сперва извиниться въ нескромности вопроса.... А такихъ вопросовъ можетъ у меня набраться много. Но я полагаюсь на то же самое великодушіе ваше. Знаете ли, милая Лиза, въ городѣ много толкуютъ о васъ, о вашемъ семействѣ, рассказываютъ такія вещи....

— Что же рассказываютъ про насъ? спросила Лиза съ безпокойствомъ.

— Но, во-первыхъ то, чтò вы помолвлены.

Извѣстіе это было встрѣчено такимъ чистосердечнымъ смѣхомъ, что у докладчика упала съ сердца половина бремени.

— Я слышала то же самое о васъ, Александръ Петровичъ, сказала она.

— Обо мнѣ?... какъ это можно!.. Кто же это распускаетъ такіе вздорные слухи?

— Вѣроятно тѣ же самые, которые сообщили вамъ эту новость обо мнѣ.

— Значитъ, это не правда? Я такъ и думалъ. Но мы не видѣлись нѣсколько недѣль. Въ это время могли случиться разныя обстоятельства, событія, перемѣны. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть очень важны, очень приятны или очень грустны для васъ, и мнѣ хотѣлось бы узнать ихъ сущность и причину.

Александръ замолчалъ и пристально посмотрѣлъ на Лизу; она въ испугѣ ждала, что будетъ далѣе.

— Вы нѣсколько перемѣнились, похудѣли, хоть и сдѣлались еще прелестнѣе отъ этого. Должно быть, вы очень много наслаждались или скучали? Это сейчасъ видно.

— Да! сказала Лиза: правда! я немножко скучала, но теперь, въ настоящую минуту, это прошло.

И на ея лицѣ выступилъ на-мгновенье живой румянецъ, послѣ котораго оно показалось еще блѣднѣе.

Александръ, вмѣсто отвѣта, нѣжно поцѣловалъ ея руку.

— Но это еще не то: не можете ли вы объяснить мнѣ, отчего прекратились у васъ музыкальные вечера? Я думаю, это очень огорчило васъ? Вѣдь вы говорите, что страстно любите музыку? Или это вознаградилось другимъ, еще болѣе приятнымъ, развлеченіемъ....

— Сестрица наша, что эти вечера сопряжены съ большими хлопотами.

— И вы прекратили ихъ вдругъ, въ самомъ началѣ? Вѣроятно, для этого была важная причина. Во-первыхъ, дѣла Виктора Ивановича... я знаю, что они, дѣйствительно...

— Боже сохрани! съ живостью вскричала Лиза. Викторъ Ивановичъ ни сколько не виноватъ въ прекращеніи вечеровъ; онъ ни во что не вмѣшивался.

— Значить, сестра ваша признала нужнымъ лишить васъ этого удовольствія?

— Сестра ни въ чемъ не отказываетъ мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ, вы сами не захотѣли? А, кажется, вы очень любите и игру и общество артистовъ.

Лиза не отвѣчала, потому-что разговоръ уже потерялъ для нея занимательность.

— Скажите, пожалуйста, продолжалъ Александръ: правда ли, что вы передали свою ложу?

— Да!

— Почему?

— Но... вѣдь вы знаете... сказала Лиза съ маленькимъ смущеніемъ: Викторъ Ивановичъ бываетъ въ ней рѣдко; ему больше нравятся кресла. У сестры все это время болѣли глаза, а для меня одной не стоить.

— Удивительно, однако жъ, что сестра ваша, которая такъ васъ любитъ, не могла удержать для васъ одного мѣста! Я увѣренъ, что она сдѣлала бы это, если бъ увидѣла ваше желаніе.

И Лиза была въ этомъ увѣрена, но, принося маленькую жертву, она хотѣла, чтобы эта жертва была полная.

— Правда! я забылъ! продолжалъ коварный Александръ Петровичъ, видя, что она не отвѣчаетъ: я забылъ, что вы свою музыку предпочитаете всякой другой.—По этой-то причинѣ вы не бывали и на нашихъ музыкальныхъ утрахъ, которые кончились вчера, прибавилъ онъ съ выраженіемъ горькаго сарказма. А напрасно вы ихъ презирали! Это не утомило бы глазъ вашей сестрицы, и навѣрное она поѣхала бы съ вами, если бъ вы ее попросили... если бы подумали о вашей пользѣ... о необходимости познакомиться ближе съ вѣчными образцами искусства....

— Зачѣмъ наскучать ей?... она и такъ все дѣлаетъ для меня! сказала Лиза, чтобы сказать что-нибудь, потому-что была сильно разстроена усиливающейся горечью бесѣды, которая началась такъ сладко.

— Снажите скорѣе, зачѣмъ беспокоиться самой, зачѣмъ утомлять себя удовольствіями, которыя не имѣютъ въ вашихъ глазахъ такой высокой цѣны какъ другія. И въ самомъ дѣлѣ: къ чему слушать другихъ, когда самъ такъ хорошо играешь.

Это ужъ было невыносимо. Лиза надула губки.

— Не сердитесь, мой другъ: не за что! Вы совершенно въ правѣ наслаждаться, какъ вамъ угодно. Что касается меня, то я очень доволенъ, что мрачныя мысли, съ которыми я васъ встрѣтилъ въ прихожей, разсѣялись на главныхъ точкахъ. Мы говорили о несчастіяхъ, о разорѣніи, и между прочимъ о томъ, будто выходите вы замужъ, за человѣка умнаго, молодаго, пріятнаго и богатаго, чтобы поправить дѣла. Но я вижу, по вашему спокойствію, что изъ всѣхъ этихъ слуховъ справедливо только то, что вы остались вѣрны своей музыкѣ и равнодушны ко всякой другой.

— Какое же дѣлаете вы изъ этого заключеніе? холодно спросила Лиза.

— Да на первый случай такое, что я теперь могу быть снокоенъ, хотя и не совершенно удовлетворенъ. Чтобы сдѣлать полное заключеніе, нужно было бы предложить вамъ еще вопросъ, но, признаюсь, такой смѣшной, что я боюсь не получить отвѣта.

— Говорите. Спрашивайте. Я могу дать отвѣтъ на все, что до меня касается.

— Такъ скажите, по милости, что здѣсь дѣлаетъ этотъ господинъ Заиграйскій, который только что—ушелъ отсюда?

— Ничего не дѣлаетъ; играетъ со мною въ четыре руки.

— И часто онъ играетъ съ вами?

— Три—четыре раза въ недѣлѣ.

— Хорошо... хорошимъ правиламъ онъ васъ выучить! Знаете ли, что онъ ничего не смыслить?

— Для моей бѣдной музыки нужно такъ мало!

— Я вижу сказалъ Александръ съ нетерпѣніемъ, что онъ имѣетъ счастье пользоваться вашимъ покровительствомъ.

— Совершенно такимъ же какъ всѣ, которые благоволятъ бывать у насъ, примолвила Лиза спокойно и съ достоинствомъ.

— Да! конечно!... но прежде онъ не бывалъ.

— Напротивъ; онъ намъ давнишній знакомый.

— Да!... но прежде бывалъ раза два въ годъ, а теперь бываетъ безпрестанно. Это совсѣмъ другое дѣло. Значить... значить...

— Ровно ничего не значить, отвѣчала Лиза, радуясь въ душѣ, что Заиграйскій убрался во-время, спѣша къ сестрѣ мнениницѣ. Сикстъ Брячиславичъ хорошо принять по-всюду, можетъ бывать вездѣ, гдѣ ему угодно, потому что его любятъ вездѣ за пріятный характеръ, милую бесѣду, отличную вѣжливость, и бываетъ у насъ съ нѣкотораго времени гораздо чаще, потому что ему такъ нравится и намъ не противно.

— Значить, онъ бываетъ не безъ цѣли, сказалъ Александръ, съ трудомъ удерживая свой гнѣвъ: зачѣмъ онъ

здѣсь? бываетъ очевидно для того, чтобы, какъ увѣряють, жениться на вась?

— Какая глупость! Какое дерзкое предположеніе!

— Я не вижу въ подобномъ предположеніи ничего глупаго, ни дерзкаго, продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ, изъ котораго явствуеть, что — вообразите! — чудовище неблагодарности позволяло себѣ ревновать даже и Лизу. Особа такая хорошенькая, молоденькая, любезная, какъ вы, Лизавета Павловна, очень легко можетъ внушить подобныя мысли и вѣрить имъ безъ излишняго тщеславія.

— Вы совершенно ошибаетесь, Александръ Петровичъ, отвѣчала обиженная Лиза: господинъ Заиграйскій не выходитъ изъ предѣловъ музыки.... онъ ведетъ себя какъ благородный и благовоспитанный человѣкъ... не ссорится... не обижаетъ...

Александръ вытаращивъ глаза и закричалъ:

— Музыка!.. музыка!.. что это вы все говорите о музыкѣ?.. развѣ вы принимаете меня за осла?.. развѣ я не знаю, что съ нимъ нельзя заниматься музыкою?

— Очень можно... онъ играетъ прекрасно... талантъ его извѣстенъ. Многіе играя съ нимъ въ четыре руки очень довольны, не только его игрою... но и... его любезностью. Я не имѣю права быть взыскательнѣе другихъ.

— А!!!... сказалъ Александръ, стараясь казаться спокойнымъ: поздравляю этихъ многихъ, и вась виѣсть! Что же вы играете?

Лиза не отвѣчала.

— Развѣ это такая большая тайна? Но, кажется, я могу угадать и самъ: навѣрно оперы, не правда ли?

— Да.

— И это доставляетъ вамъ удовольствіе?

— Конечно.

— И вы думаете, что я этому повѣрю! Ну, могутъ ли оперы доставить малѣйшее удовольствіе?.. Кому на свѣтѣ оперы доставляютъ удовольствіе?... особенно какія-то италіянскія оперы?.. Развѣ это музыка?.. развѣ это пишется музыкантами и для музыкантовъ?.. Это пишутъ какіе-нибудь Россіини, Беллини, Пачини, Марини, Рубини... этакого рода

господа.... гасильщики искусства. Не возможно... физически не возможно.... чтобы онѣ интересовали, кого бы то ни было, безъ посторонней цѣли... безъ видовъ и чувствъ, до музыки вовсе не касающихся. Это доказано ученѣйшими людьми въ мѣрѣ. Это ясно какъ солнцу!

— Не смѣю спорить съ вами, скромно возразила Лиза, не могу увѣрить, что меня лично онѣ очень интересуютъ .. я столько же люблю прекрасныя оперы какъ и прекрасныя не-оперы. То и другое доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, какъ все прекрасное, несмотря на родъ, на званіе и школу.

— Странная любовь! странное удовольствіе! И вы рѣшительно хотите меня увѣрить въ нихъ?

— Мнѣ очень хотѣлось бы. Но какъ это сдѣлать? Вы такой невѣрующій!

— Потому что Богъ не отказалъ мнѣ въ нѣкоторой частицѣ прощительности... потому что я знаю, для чего ѣздить въ италіянскія оперы и для чего ихъ любить. Это очень удобный предлогъ... прекрасное средство обманывать людей...

Александръ всталъ и началъ ходить большими шагами по комнатѣ. Кровь его кипѣла; брови хмурились; изъ глазъ сверкала огонь; измѣнившійся голосъ провозносилъ безсвязныя фразы, которыя относились, болѣе къ нему самому, нежели къ Лизѣ. Ей хотѣлось смѣяться, но она слушала его важно и молча; она знала, что напрасно было бы стараться удержать этотъ бурный потокъ, уже выступающій изъ береговъ.

— Такъ вотъ причина всѣхъ этихъ перемѣнъ, этихъ лишений, экономій, ограниченій! говорилъ онъ. А я-то, дуракъ, жалѣлъ о нихъ, бѣжалъ на помощь, думалъ какъ бы способствовать возвращенію потеряннаго!.. Прекрасныя вещи пришелъ я узнать! Запираются съ фатомъ, невѣждой, Алеутомъ, который понимаетъ менѣе послѣдняго школьника и судить докторально... какъ-будто онъ капельмейстеръ.... Съ нимъ-то составляютъ всегдашнее общество! Съ нимъ-то уединенно, всторонѣ, сидятъ да перебрасываются взглядами и улыбками подъ предлогомъ любви къ музыкѣ, и задраютъ дверь честнымъ артистамъ, не хотятъ ни ви-

дѣть ихъ, ни слышать... Да и зачѣмъ поощрять ихъ таланты, когда есть свой, домашній, родной, тунгузо-бурятскій артистъ, которому надо посвятить все время и всѣ заботы! Зачѣмъ думать объ этихъ бѣдныхъ утрахъ, которыя должны сдѣлаться незабвенными въ исторіи гармоніи, устраниваются съ такими усиліями и пожертвованіями для распространенія настоящаго искусства и вкуса къ истинной музыкѣ; когда можно провести утро гораздо пріятнѣе съ какимъ-нибудь любезнымъ Мидасомъ?.. Туда не стѣять и ходить! Страстно любятъ музыку, не могутъ жить безъ нея, и почитаютъ ее въ лицѣ богатаго и глупаго любезника... удаляются отъ всего, что заслуживаетъ удивленія, чему удивляются знающіе знатоки, вовсе не ощущаютъ этой естественной потребности укрѣпляться признанными образцами, которые, услаждая душу, развиваютъ чувство прекраснаго и высокаго, даютъ вѣрное направленіе, даютъ понятіе объ истинѣ... и играютъ италіянскія оперы, дрянь! Я не вижу этой любви, я не понимаю этого счастья; наслажденія эти невзвѣтительны, ни чѣмъ необъяснимы, или, вѣрнѣе, могутъ быть объяснены только другимъ образомъ...

Послѣ этой странной рѣчи, великолѣпное чудовище немного унялось; замолчало, подумало что, можетъ-быть, это ужъ слишкомъ странно или даже не совсѣмъ прилично. Оно сочло нужнымъ дать Лизѣ время собраться съ мыслями и переварить мудрость, заключавшуюся въ его словахъ.

Когда первый пылъ прошелъ, Александръ сообразилъ, что, можетъ-быть, она вовсе не такъ виновата, какъ ему кажется. Можетъ-статься Спѣвала еще и не поетъ ей о любви. Можетъ-быть... пожалуй!.. они и дѣйствительно занимаются только италіянскими операми... И это понятно: будучи вскормлена предразсудками, воспитана въ ложныхъ понятіяхъ, безъ школы, безъ контрапункта, безъ эстетики, она не различаетъ тѣни отъ предмета и чистосердечно хватается за блестящую прюманку, которою обольщаютъ воображеніе и отвращаютъ отъ истины.

Александръ нетерпѣливо ждалъ оправданій Лизы, надеясь, что, тронутая его упреками, она раскается въ своихъ заблужденіяхъ, и изъявитъ совершенную готовность

заглядеть ихъ; онъ видѣлъ, что Лиза огорчена, сталъ сожалѣть, что подалъ къ этому причину, и готовъ былъ простить ей все, только бы она образумилась и обѣщала исправить свои ошибки.

Лиза была полна грустныхъ мыслей. Заслужила ли она эти язвительные упреки, эту гадкую сцену, это обращеніе, такое не согласное съ высокимъ умомъ? Что бы все это значило?.. Лиза терялась въ догадкахъ. По горькому домашнему опыту знала она превосходно, что, при всемъ умѣ своемъ, Александръ способенъ былъ доходить до грубости, до взрывовъ, до вступленія, когда рѣчь касалась музыки и противорѣчила его теоріямъ. Но Лиза не была для него противникомъ, достойнымъ такой чести. Она не начинала рѣчи о музыкѣ, и уклонялась скорѣе чѣмъ противорѣчила. Самъ онъ искалъ предлога къ паденію. И по какому праву позволялъ онъ себѣ быть ея музыкальнымъ тираномъ, оставивъ домъ, забывъ дружбу, не вспомнивъ даже о существованіи тѣхъ, которые всегда были ему преданы? Нѣтъ, человекъ не можетъ быть до такой степени сумасбродомъ. Здѣсь кроется что-то другое. Онъ какъ-будто не въ шутку ревнуетъ ее къ Заиграйскому?.. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ?.. При этой мысли сердце дѣвушки сильно забилось. Неужели онъ любитъ ее?.. Въ одной только любви люди бываютъ такъ несносны, въ любви, да еще въ музыкѣ; но музыка здѣсь, явственно, только придирка. Лиза съ блаженствомъ сдѣлалась бы жертвою этой свирѣвости, если бы можно было знать, что источникомъ ей служитъ вѣжное чувство, сладкое желаніе, любовь. Признаки — въ пользу Лизы: но мосье Александръ, какъ бы те ни было, забывается. Такъ въ любви не изъясняются! Нужно было дать ему почувствовать неумѣстность подобнаго начала: потомъ, когда вѣжность и любовь въ полномъ цвѣтѣ, такіа грозы — дѣло другое... Но, для начала, можно и ревновать поучтивѣе. Лиза отвернулась и не хотѣла говорить.

— Ну, что же? сказалъ онъ смягченнымъ голосомъ: ничего не отвѣтите мнѣ? Такъ видно мнѣ еще придется просить извиненій?

— Кажется! сказала Лиза, вздохнувъ, и почти въ то же мгновенье на прелестномъ лицѣ ея блеснула улыбка.

— Гдѣ вы изволили быть вчера?...

— Здѣсь; дома.

— Одиѣ?

— Совсѣмъ одна.

— Что же вы дѣлали?

— Думала о васъ.

— Обо мнѣ?... Не можетъ быть!

— Увѣрю васъ... думала: какъ бы вы были милы... какъ бы можно было любить васъ пріятно и чувствовать себя счастливымъ въ нашемъ обществѣ, если бы постарался зацѣпиться по-больше кротостью, снисходительностью и, главное, справедливостью къ тѣмъ, въ чьей преданности вамъ, въ чемъ искренномъ удивленіи, вы не имѣете никакого права сомнѣваться.

Александръ стало стыдно. Онъ усѣлся волею Лизы и сказалъ:

— Благодарю васъ, что вы вспомнили обо мнѣ хоть такимъ-образомъ... хоть для того чтобы прочесть мнѣ не-дала правоученіе, въ которомъ я очень нуждаюсь... Правда! я не умѣю владѣть собою... всякое душевное волненіе увлекаетъ меня слишкомъ далеко... Какое и врану прещенія. Но посмотрите силу доброты и прелести: въ однихъ ващихъ словомъ укрощаете мой необузданный нравъ... и я чувствую мое тяжкое прегрѣшеніе, вижу... предполагаю... почти увѣренъ, что вы совсѣмъ не виноваты.

— Не виноваты въ чемъ? противъ кого?... спросила Лиза съ большимъ любопытствомъ.

Александръ ужасно смутился: нужно было или признаться въ самовольномъ подозрѣніи и незаконной ревности или покраснѣть. Онъ предпочелъ послѣднее. Первое могло бы выказать его смѣшнымъ. Второе предласть видъ кротости и скромности.

— Да противъ меня!... противъ нашей дружбы... началъ онъ, однако, въ попыткахъ, незная что отвѣчать.

— Противъ васъ? воскликнула Лиза: вотъ пріятная новость! Вы, какъ я вижу, для облегченія собственной совѣ-

сти на меня сваливаете свои вину, Царольда. Я готова нести этотъ грузъ.

— Вы очаровательны, милая Лиза, сказалъ онъ съ неприятною нѣжностью. Да будетъ благословенная встрѣча наша въ прихожей и мудрая мысль ваша звать меня сюда. Она останется для меня важною эпохою, рѣшительною минутою въ моей жизни: вы сдѣлаете меня лучшимъ... вы уже сдѣлали... потому-что я чувствую потребность быть достойнымъ васъ....

Это были послѣднія слова ихъ разговора.

Анна Павловна, войдя въ комнату, подбѣжала къ Александру, не зная, радуясь ли его приходу, или желая перервать опасное свиданіе на-единѣ. Вскорѣ явился и Викторъ Ивановичъ; они обнимались, радовались, какъ-будто встрѣтились послѣ дальняго и долгаго путешествія и не были виноваты въ своей разлукѣ. Александръ остался къ обѣду, который на этотъ разъ прошелъ безъ всякихъ неприятныхъ столкновеній. Радость была общая и никто не старался срывая ея, а тѣмъ менѣе Лиза. Она восхищалась спокойствіемъ своего друга, съ удовольствіемъ слушала его сужденія съ Викторомъ Ивановичемъ о разныхъ предметахъ, на этотъ разъ не касавшіяся музыки; съ благодарностью видѣла, какъ старался онъ угождать Аннѣ Павловнѣ, и съ завистью перпѣніемъ отбѣивалъ на дочкины ласки дѣтей, указавшихъ своему стариннаго пріятеля. И наоборотъ, взоръ Александра часто и краснорѣчиво останавливался на Лизѣ. Я знаю изъ достоверныхъ истонниковъ, что во все это время онъ и не подумалъ о Вѣрѣ, по-крайней-мѣрѣ, не хотѣлъ думать. Если мысль случайно отлетала въ ту сторону, это было безъ его вѣдома и совсѣмъ противъ его воли. Словами сказать, теперь онъ былъ рѣшительно влюбленъ въ Лизу—быть можетъ потому еще былъ влюбленъ въ Вѣру—но множество обстоятельствъ, не довольно ясныхъ, производило въ его сердцѣ настоящую путаницу. Два-три слова Лизы, а васъ люблю, разъяснила бы все; и однако жъ никогда—никогда—не должно было ихъ произносить. Изъ этихъ словъ онъ понялъ бы ея совершенное равнодушіе къ Загройскому, угадалъ бы, сколько она страдала отъ его

собственнаго равнодушія, отъ этой неровности характера, которой причины были для нея непостижимы, и новая сладкая жизнь началась бы для него самого. Но какъ, безъ увлеченія, произнести такія страшныя слова, которыми рѣшается судьба женщины мгновенно и невозвратно? Вслѣдствіе тѣхъ страшныхъ противорѣчій, изъ которыхъ составлена натура человѣческая, Александръ, такой падкій на изъясненія тамъ, гдѣ отъ нихъ уклонялись, являлся нестерпимо осторожнымъ здѣсь, гдѣ ждали ихъ какъ блаженства. Вѣра, что-ли, запугала его—не знаю—только, среди живыхъ мечтъ о счастіи быть супругомъ этой прелестной Лизы, геройскій духъ его явственно трусилъ передъ ея тихою, скромною, безкокетною любовью. Онъ велъ нѣжную войну съ Лизою — одними демонстраціями — подходилъ на выстрѣлъ сердца, отступалъ, дѣлалъ боковыя движенія и обходы, производилъ тревоги и не рѣшался на приступъ. На этотъ странный образъ дѣйствій Александра Петровича я желаю обратить особенное вниманіе моихъ читательницъ, потому-что такихъ мужчанъ множество: настоящіе мучители!... Александръ бывалъ теверь довольно часто у Мечневыхъ, то есть, у Лизы. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ любилъ ее искренно и что любовь усиливалась въ его сердцѣ съ каждымъ посѣщеніемъ. Часто понималъ онъ ее со всею проникательностью страсти; но въ другой разъ какъ-будто не вѣрилъ чувству, которое такъ ясно высказывалось и полу-словами и полу-дѣйствіями, и придавалъ небывалый смыслъ тому, что всякому другому показалось бы яснымъ какъ азбука. Такова сила теорій! Это мужской ученый терминъ. Теоріями называются, у мужчанъ, ихъ предубѣжденія, или предразсудки.

Лиза душевно сожалѣла, что знакомство съ Запграйскимъ приняло видъ короткости: но кто могъ предвидѣть возвратъ неблагодарнаго!... Короткость эта была такая невинная! «Но если онъ непремѣнно хочетъ видѣть дурное тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ дурнаго, основательно думала Лиза, я никогда не понравлюсь ему, какъ бы ни старалась.» Однако, для безопасности, и на всякій случай, нужно было прекратить эти подозрительныя отношенія. Какъ достигнуть этого, не

показавшись неблагодарною въ отношеніи къ Заиграйскому, котораго любезность, усердіе и деликатность заслуживали полного уваженія, не сдѣлавъ непріятности сестрѣ и зятю, которые его любили и явно покровительствовали? Какъ посѣщенія его имѣли предлогомъ игру въ четыре руки, можно было находить все менѣе и менѣе времени для этого интереснаго упражненія. Это безобидное средство было сначала довольно успѣшно. Заиграйскій сталъ бывать рѣже. Онъ добродушно вѣрилъ препятствіямъ, которыя выдумывала Лиза, но, жалѣя объ нихъ, онъ еще болѣе дорожилъ тѣмъ, что ему прелоставляли. Преграды видимо воспламенили его. Лиза начинала примѣчать опасность со стороны четырехъ рукъ. Съ другой стороны терзалъ ее постоянный страхъ, не покидавшій ея днемъ, преслѣдовавшій во снѣ — страхъ встрѣчи двухъ соперниковъ. Требовалась огромная ловкость, неусыпная предусмотрительность, къ которымъ она вовсе не чувствовала себя способною, чтобы отвратить бѣдствія подобнаго случая, бѣдствія неизбѣжныя при страшной вспыльчивости Александра Петровича, при его ревности и бездонномъ презрѣніи къ понятіямъ и познаніямъ «Спѣвалы», и при естественной гордости противника, уступчиваго, отлично вѣжливаго со всѣми, но отнюдь не лишеннаго чувства личнаго достоинства. До-сихъ-поръ Сикстъ Брючеславичъ и Александръ Петровичъ, еще не встрѣчались у Лизы. Она такъ рассчитывала дни и часы, самые удобные для ихъ посѣщеній, чтобы не доставить имъ этого удовольствія. Но долго-ли можно управляться съ самовластіемъ этихъ турецкихъ пашей, мужчинами называемыхъ?....

По мѣрѣ того какъ Заиграйскій, по милости Лизинныхъ недосуговъ, пріѣзжалъ рѣже, Александръ бывалъ чаще и чаще. Не приходилъ онъ не на долго. Онъ чувствовалъ тягость отсутствія, любилъ видѣть впечатлѣвіе, которое приходило всегда производилъ въ Лизѣ, не зналъ еще ни степени, ни качества ея привязанности, но примѣчалъ или предполагалъ привязанность и хотѣлъ идти далѣе въ своихъ изслѣдованіяхъ. Въ то же время онъ не оставлялъ Вѣры, — не могъ ея оставить, не выказавъ себя смѣшнымъ, по короткимъ отношеніямъ къ отцу, и по уваженію такъ-назы-

ваемой «дружбы», которой обязанности такъ долго и такъ усердно исправлялъ при его дочери — напротивъ бывалъ у нея почти всякій день, но единственно для того чтобы показать, что это только «дружба» — такъ себѣ — ничего — шутка — потѣха, принятая въ обществѣ — полное отсутствіе чувства, или теплота сердца на точкѣ замерзанія. Самолюбію его очень нравилась досада, которую возбуждало въ Вѣрѣ это обращеніе, приводимое въ дѣйствіе съ упорствомъ, свойственнымъ его характеру. Она видѣла его непоколебимую холодность — не вѣрила ей — но сердилась за неподчиненность. Она считала Александра обязаннымъ въ отношеніи къ ней. Ему не возможно было отступать. Сколько блестящихъ партій привлекла она и отвергла для его торжества — во славу его — между тѣмъ какъ играла его сердцемъ. И что же такое его сердце? Ея собственность! Велика бѣда, поиграть мужскимъ сердцемъ, когда играть хочется! Зачѣмъ же оно слыветъ сильнымъ, каменнымъ, несокрушимымъ? Это — не стеклянное женское сердце, о которомъ надо безпрестанно бояться, чтобы оно не разбилось!... Мятажничать за это не простительно. Неужели она должна отдать себя мужчинѣ, не испытавъ его, и преждевременно объявить чувство, назначенное въ награду за нѣлые годы любви и преданности?

Вы изволите рѣшить сами, права ли была Вѣра или не права. Моя обязанность — изложить дѣло подробно и безпристрастно. Какъ вы видѣли, Александръ Петровичъ былъ поставленъ между двухъ огней: одинъ огонь горѣлъ тихо и указывалъ путь, другой вспыхивалъ и исчезалъ, и сбивалъ путника съ дороги. Передъ Лизою Александръ почти никогда не вспоминалъ о Вѣрѣ, и она была ему за это благодарною; если заставляли его упомянуть о Сборовой, то онъ говорилъ какъ-бы мимоходомъ и съ неудовольствіемъ. Въ отношеніи къ Вѣрѣ не было у Лизы, ни предубѣжденія, ни гнѣва: хотѣлось бы ей разсвѣять кое-какія сомнѣнія, но она боялась коснуться до нихъ, чтобы не возобновить прежнихъ горестей. Безопаснѣе было удовольствоваться фактомъ, доказаннымъ астрономами: когда соли-

не закатывается въ одномъ полушаріи, то оно встаетъ въ другомъ.

Разъ, Александръ пропустилъ свой день — пропустилъ другой и третій—къ великой печали Лизы. Она уже она-салась, что негодный другъ снова исчезнетъ на долгое время, уже приходила въ отчаяніе при мысли, что онъ снова ея не любитъ. Одно утѣшеніе ей оставалось! — испытанная неровность его характера, горькое качество въ любимомъ человѣкѣ, но которое можно, и даже необходимо, возмизировать воображеніемъ. Любить, такъ любить! Горькими качествами женщины и мужчины не должны считаться: въ противномъ случаѣ, любви не будетъ на свѣтѣ. Между тѣмъ Сикстъ Брючиславичъ былъ аккуратенъ какъ мѣсяцесловъ и любезенъ какъ мадригалъ. Несмотря на всѣ благовидные предлоги, которыми Лиза пыталась при послѣднемъ свиданіи отклонить пріѣздъ его въ слѣдующій разъ, онъ явился въ урочное время съ извиненіями, что не явился раньше. Скрѣпя сердце, она подала ему руку и указала на кресла, почти не говоря ни слова: такъ была она печальна, изволнована, недовольна. Заиграйскій замѣтилъ это, и, не угадывая причины, но живо желая ее умнать, онъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, однако не приобрѣлъ никакихъ важныхъ свѣдѣній: Лиза говорила только то, что можно было сказать. Разговоръ не клеился. Надо было приняться за музыку. Но музыка также не шла. Лиза играла расхвѣянно. Сикстъ Брючиславичъ выбился изъ силъ исправляя ея недосмотры своей уступчивостью. Вдругъ, на половинѣ такта, Лиза остановилась и испустила легкий крикъ. Сикстъ Брючиславичъ одинъ докончилъ тактъ и поднялъ глаза, чтобы посмотреть, что такое случилось.

Передъ ними стоялъ Александръ!

То чего не могли объяснить цѣлые мѣсяцы короткаго знакомства, Сикстъ Брючиславичъ Спѣвала-Заиграйскій узналъ теперь, бросивъ одинъ только взглядъ на Лизу. О! ужасъ!.. она влюблена!.. влюблена въ этого ожесточеннаго классика! Это видно изъ ея глазъ, изъ ея голоса, изъ ея лица... Выраженіе, развитое во всѣхъ чертахъ, какаго не видалъ онъ никогда, взоръ, устремленный на Александра, дрожа-

ніе и нѣжность восклицательнаго звука, разсѣяли всякое сомнѣніе. Лиза всегда была очень хороша собою: но теперь она была просто красавица: это любовь!... любовь правильная, серьезная, классическая! Въ лощенныхъ жвлахъ Сикста Брячиславича кровь взволновалась такъ сильно, что онъ ощутилъ въ себѣ очень неучливое чувство: ревность. Взоръ дѣвушки, къ досадѣ его, продолжалъ высказывать могущество врага, который производилъ въ этой нѣжной душѣ такое необычайное дѣйствіе. Но Александръ не видѣлъ этого взора, потому что вниманіе его было устремлено на другое. Ему хотѣлось разомъ схватить всѣ тонкости загадки, дотолѣ не вполне разрѣшенной, разъяснить остатки прежнихъ подозрѣній, и вывести окончательное заключеніе. Онъ важно разсматривалъ вопросъ, отчего Лиза могла такъ сильно и такъ странно испугаться.

Спѣвала-Заиграйскій показался ему теперь совсѣмъ другимъ человѣкомъ—не невѣждою, котораго онъ презиралъ, не безвкусицею, котораго слѣдовало сжечь на кострѣ какъ еретика въ искусствѣ, не Скиномъ—даже не человѣкомъ—а просто Аполлономъ, и притомъ еще богатымъ, любезнымъ и моднымъ Аполлономъ—отъ котораго всѣ женщины, съ ихъ страннымъ, своевольнымъ, испорченнымъ вкусомъ, съ ихъ невѣжествомъ въ музыкѣ, должны быть безъ памяти. Это ясно! Онъ обворожилъ Вѣру. Лиза также души въ немъ не чаеъ... тѣмъ болѣе, что онъ влюбленъ въ Лизу: это видно изъ лица Лизы! И этотъ испугъ, этотъ крикъ, этотъ румянецъ Лизы, все это произведенія зловреднаго Спѣвалы, омиамъ воскуренный на его жертвенникѣ, дань его приторнымъ прелестямъ.

Видъ Александра былъ такой ужасный, что Лиза пришла въ восторгъ отъ него; никогда еще не видала она его такимъ великолѣпнымъ. Просто, прелесть! Онъ едва держался на ногахъ отъ гнѣва. Волосы ёжелились. Брови сводились. Глаза страшно сверкали. Губы дрожали. Лиза почувствовала, что ей вполне платятъ взаимностью. Нельзя было сомнѣваться въ этомъ. Александръ едва не душилъ Спѣвалу глазами отъ ревности.

Вся эта сцена продолжалась секундъ двадцать, не болѣе,

но заключала въ себѣ цѣлую поѣму. Александръ успокоился по-видимому. Лиза оправилась какъ могла. Спѣвала надѣла свои палевыя перчатки. Соперники холодно поклонились другъ другу. Александръ обратясь къ Лизѣ, изъявилъ свое сожалѣніе о томъ, что помѣшалъ ихъ интересному занятію, и просилъ продолжать музыку, которую ему будетъ очень пріятно послушать. Столько злости было въ этихъ обязательныхъ словахъ, что Заиграйскій отошелъ въ сторону и Лиза съ живостью встала, закрыла инструментъ, сложила тетрадь, и объявила, что этого невозможно: она слишкомъ дурно играетъ.

— Нисколько, сказалъ Александръ снисходительнымъ тономъ: вы играли вовсе не такъ дурно; я слышалъ: лучше и не требуется для такой музыки.

— Музыка, которая нравится Лизаветѣ Павловнѣ, не можетъ не быть превосходною музыкаю, сухо и кисло замѣтилъ Заиграйскій, садясь въ кресла, стоявшія возлѣ низенькаго дивана, на которомъ помѣстилась Лиза.

— Александръ Петровичъ не большой любитель оперъ и вообще сочиненій, арранжированныхъ для фортепіано, подхватила Лиза: онъ находитъ, что этому инструменту гораздо приличнѣе піесы, написанныя собственно для него.

— Нѣтъ!... зачѣмъ же!... я самъ играю съ удовольствіемъ на фортепіано сочиненія, написанныя вовсе не для этого инструмента, сказалъ Александръ. На фортепіано все можно играть... только нуженъ толкъ, выборъ, вкусъ, нужны познанія, которыми не всѣ обладаютъ.

— Вкусъ Лизаветы Павловны не подлежитъ ни какой критикѣ, возразилъ Заиграйскій: всѣ мы могли бы поучиться у нея тонкому и вѣрному чувству прекраснаго...

— Я не отвергаю пользы этой школы для многихъ, отвѣчалъ Александръ: но самъ не запишусь въ ея ученики. Понятія мои на этотъ счетъ давно рѣшены и основываются на строгихъ законахъ искусства. При всемъ моемъ уваженіи къ Лизаветѣ Павловнѣ... не знаю какъ другіе... а я не сталъ бы содѣйствовать ей въ упражненіяхъ, противныхъ здравому эстетическому смыслу, вредныхъ раз-

внѣю молодого таланта, совращающихъ его съ истиннаго пути...

Спѣвала-Занграйскій нетерпѣливо завертѣлся въ креслахъ, но отвѣчалъ съ приличнымъ спокойствіемъ, защищая, учтиво, не себя, но молодую хозяйку:

— Лизавета Павловна такъ мила, такъ снисходительна, что соглашается играть со мною, единственно въ одолженіе меня, сочиненія, доступныя моему слабому искусству..

— Вы слишкомъ добры, Сикстъ Брючиславичъ! примолвила Лиза, считая нужнымъ защищать своего гостя: мою вину вы берете на себя. Я, напротивъ того, обязана вамъ благодарностью за вашу уступчивость, за ту любезность, съ которою вы всегда подчиняли свое терпѣніе моему выбору или, вѣрнѣе, моей прихоти...

— Вы растрогиваете меня этой интересной борьбою великодушія, самоотверженія и рѣдкаго сочувствія, сказалъ съ язвительною усмѣшкою Александръ, вставая съ мѣста какъ-будто съ намѣреніемъ поставить куда-нибудь шляпу, но собственно, чтобы скрыть волненіе, которое быстро въ немъ усиливалось.

Чувствуя себя близкимъ къ взрыву, онъ принялся ходить по комнатѣ. Между-тѣмъ Занграйскій сказалъ вполголоса, обращаясь къ Лизѣ:

— Наука контрапункта была бы одною изъ прекраснѣйшихъ и полезнѣйшихъ наукъ, если бы въ курсъ ея входила наука вѣжливости.

Александръ услышалъ это замѣчаніе и задрожалъ. Остановясь на серединѣ комнаты, и выпрямясь какъ струна, онъ грозно посмотрѣлъ на Занграйскаго.

— Я не признаю никому права судить о моихъ познаніяхъ въ вѣжливости! сказалъ онъ суровымъ и твердымъ голосомъ.

— Въ скромномъ замѣчаніи моемъ нѣтъ никакой личности, возразилъ Занграйскій: я говорю вообще, пламенно любя всякія усовершенствованія, какъ наукъ такъ и людей,

Разговоръ становился съ каждымъ словомъ крупнѣе и крупнѣе. Лиза была въ отчаяніи. Нужно было непременно перервать его.

— Александръ Петровичъ, сказала она, самымъ кроткимъ и граціознымъ голосомъ: гдѣ вы обрѣтались во всё эти дни? мы такъ давно не имѣли удовольствія васъ видѣть!

— Я былъ боленъ, сухо отвѣчалъ Александръ: то есть, я былъ занятъ и не хотѣлъ мѣшать вамъ наслаждаться дорогими удовольствіями, за которыя вы такъ благодарны...

— Вы сегодня не въ духѣ, Александръ Петровичъ. Садитесь возлѣ меня и будьте милы, какъ вы бываете обыкновенно... Видѣли вы Виктора Ивановича?...

— Я сейчасъ отправлюсь къ нему, отвѣчалъ онъ, подходя къ своей шляпѣ. Я вижу, что вы очень учтиво, съ той превосходною вѣжливостью, въ которой даютъ мнѣ здѣсь уроки безденежно, хотите удалить меня отсюда. Въ самомъ дѣлѣ, я тутъ лишній.

— Александръ Петровичъ! воскликнула Лиза: вы обижаете меня!

— Я рѣшительно лишній, пылко продолжалъ онъ, возвышая голосъ. Мои совѣты вамъ не нужны. Я ничего здѣсь не значу. Я всегда хотѣлъ и хочу отъ васъ такой музыки, которая бы заставляла призадуматься, которая бы возбуждала серьезное размышленіе, а не минутныя вспышки безотчетнаго восторга, не эти пустяки, которыми вы занимаетесь по прихоти, или въ которыя васъ увлекаютъ для развращенія вашего вкуса.....

Занграйскій вскочилъ съ мѣста, со шляпою въ рукѣ.

— Этотъ господинъ даетъ себѣ, не знаю на какомъ основаніи, право распорядиться вашими удовольствіями! сказалъ онъ Лизѣ, когда противникъ и бичъ его, ослѣпленный ревностью и предубѣжденіемъ, разглагольствовалъ въ другомъ концѣ комнаты. Я чувствую, что, напротивъ, лишній здѣсь... я! Прощайте, Лизавета Павловна. Не лишайте меня вашего благоволенія за то, что я былъ для васъ причиною этихъ непріятностей... Самъ я накажу себя за нихъ.

Она безмолвно подала Занграйскому руку, которую пожать онъ съ чувствомъ. Слезы ходили по глазнымъ яблокамъ бѣдной Лизы, растерзанной колючими, насмѣдками

и упреками неукротимаго друга, и слезы заблестали въ глазахъ Заиграйскаго, чувствовавшаго, что онъ прощается съ нею навсегда. Проходя быстро мимо Александра, онъ поклонился ему съ гордою учтивостью, и ушелъ. Александръ не согнулся. Остановясь на-мгновеніе, онъ провожалъ врага гнѣвнымъ и презрительнымъ взглядомъ, и продолжалъ ходить. Лиза задумалась. Она была совершенно разстроена. Сердце билось съ болью. Страхъ давилъ грудь и стѣснялъ дыханіе.

«Онъ меня любить, думала она: когда такъ немилосердно мучить и угнетаетъ меня!... Если бы не любилъ, могъ ли бы онъ подвергать меня такой пыткѣ, достало ли бы у него сердца терзать меня такъ жестоко? Любить, и не скажетъ такой простой вещи!... Одно слово его — одно «люблю» —прекратило бы недоразумѣнія, и онъ бы мгновенно узналъ истину. Но онъ, я вижу, не рѣшится перервать молчаніе. Станный человѣкъ!... дѣлаетъ мнѣ сцены ревности, не получивъ правъ надо мною посредствомъ признанія и не спрашивая у меня ни малѣйшаго объѣта въ любви и вѣрности! Мракъ, неизвѣстность и подозрѣніе, пріятіе ему счастья и свѣту. Чѣмъ и какъ могу я оправдаться въ этомъ положеніи? Могу ли объяснить ему откровенно все, на что я для него рѣшилась, сказать, что одинъ онъ былъ причиною того что случилось и въ нашемъ семействѣ и въ моемъ быту, разсѣять его сомнѣнія, обнаружить ему тайны дома и тайны сердца, когда онъ не беретъ меня въ свое владѣніе... когда, явно, не хочетъ взять!... Жестокий человѣкъ!... А любить надо... любить и мучиться... Онъ такой чудесный!» Она чувствовала, что буря еще не кончилась.

Александръ Петровичъ съ своей стороны думалъ длинную думу — думалъ по-своему, по-мужскому — и пришелъ къ заключенію, очень похожему на Лизино: «Странная дѣвушка!... не разгадаешь ея ни какъ!... Нѣтъ, у этихъ женщинъ рѣшительно нѣтъ толку... съ ума сойдешь съ ними!... А любить надо... такая милашка!...»

И съ этимъ заключеніемъ подошелъ онъ къ Лизѣ.

— Лиза, любезная Лиза, сказалъ онъ, взявъ ея руки и держа въ своихъ: не сердитесь, если еще разъ я васъ спро-

жу... я жалею бы понять васъ прежде, нежели выскажу то, что чувствую. Скажите: что долженъ я думать объ этомъ странномъ противорѣчii между вашими поступками и вашими словами? Что это у васъ, притворство, ложь, эгоизмъ, вѣтренность, или просто, ребячество? Или можетъ быть, Лиза, вы находитесь въ необходимости скрывать отъ меня истину? Скажите, отвѣчайте, нѣтъ ли у васъ чувствъ, отъ которыхъ вы хотите или вы должны отклонить мое вниманiе?

Лиза не отвѣчала: не могла. Она оперлась головою на руку. Она была такъ погружена въ свои тревожныя мысли, такъ трудно было ей привести свой отвѣтъ въ порядокъ, что и не замѣчала, какъ проходили минуты. Между-тѣмъ его востерпѣнiе возрастало съ каждымъ мгновенiемъ.

— Ну, что же? вскричалъ онъ: вы молчите?.. Молчанiе это служить слишкомъ яснымъ отвѣтомъ. Я все понимаю: да и давно слѣдовало бы понять? Вы молчите: значитъ, я не имѣю права на вашу довѣренность, которая однако жъ, есть первый залогъ и вѣрнѣйшая принадлежность той кроткой и милой привязанности, какую вы нѣкогда мнѣ оказывали и которая была бы мнѣ теперь дороже чѣмъ когда либо. И вы дѣлаете прекрасно: берегите ваши тайны; я не хочу больше спрашивать ни о чемъ; не хочу слѣдить за вашими впечатлѣнiями, заставить васъ въ расхлохъ, какъ это случилось сегодня, и еще однажды прежде, когда вы меня не видали. Я видѣлъ, и очень хорошо понимаю, какъ прiятно играть въ четыре руки наединѣ съ молодымъ человѣкомъ, щеголеватымъ, богатымъ, любезнымъ и влюбленнымъ въ васъ по уши!

— Александръ! въ негодованiи вскричала Лиза: вы не думаете того что говорите!

— Я говорю то что вижу глазами и слышу ушами. Вы любите этого человѣка!.. былъ бы еще человѣкъ!... а то нѣжда... подлиналио...

— Нѣтъ! рѣшительно отвѣчала Лиза.

— И вы думаете, что я вамъ повѣрю?.. Не противъ меня-ли вы такъ вѣжно защищали его?

— Хотите ли чтобы я вмѣстѣ съ вами бранила его

въ нашамъ домѣ? чтобы грубостью и обидою запечатлѣла ему за все удовольствіе...

— Удовольствіе! вскричалъ Александръ, воспламеняясь снова: опять удовольствіе!... Вы съ нимъ находите удовольствіе?.. Разумѣется!... гдѣ играютъ въ четыре руки и два сердца... тамъ удовольствіе должно течь рѣкою. Я варваръ!.. я Синея!.. я невѣжда!.. я разстроилъ его моею грубостью. О! да! я видѣлъ какъ у васъ сердце разрывалось, когда Спѣвала долженъ былъ убраться отсюда во-своемъ... съ какою трогательною, глубокою горестью вы съ нимъ прощались!... Слезы чуть не брызнули у васъ ручьями... Нѣтъ, этого ужъ слишкомъ!.. И я, дуракъ, свидѣтель этихъ нѣжностей, я еще остаюсь здѣсь? — Онъ схватилъ шляпу и сталъ поспѣшно надѣвать перчатки. Лицо у него страшно горѣло. Какъ всѣ бѣшенныя, онъ раздражался болѣе и болѣе съ каждымъ словомъ, которое слышалъ надъ которымъ произносилъ. Никакое разсужденіе не было возможно съ нимъ въ эту минуту. Всякій опытъ оправданія или извиненія, къ которому прибѣгала несчастная дѣвушка, былъ остановленъ и уничтоженъ новою и жестокою обидою. Самое желаніе оправдываться увеличивало ее преступленіе. Наговоривъ ей коробъ трагическихъ ужасовъ, онъ уже уходилъ, объявивъ торжественно, что никогда не вернется — что будетъ подлецомъ, если нога его когда нибудь... если онъ, дѣти или внуки его... если мысль или память его... если воздухъ, которымъ они здѣсь дышали... если солнце, при которомъ онъ видѣлъ такой отвратительный обманъ... Коротко сказать, онъ бы разошелся съ нею безвозвратно, если бы Анна Павловна не взошла въ комнату. Замѣтивъ ихъ разстроенныя лица, и зная, что мужъ идетъ вслѣдъ за нею, она заговорила о своихъ дѣлахъ — стала спрашивать совѣтовъ о бездѣлкахъ — старалась сказать пріятное самолюбію, чтобы дать время истерзанному успокоиться и истерзанной оправиться. Она тотчасъ поняла, что здѣсь происходила страшная грѣза — какъ всегда у Александра — изъ-за пустяковъ, изъ за одного случайнаго и невнятнаго слова. Викторъ Ивановичъ, однако, съ перваго взгляду, замѣтилъ наскоро и недолго

двирнутый безпорядокъ молодыхъ душь. Онъ, почти несладно, удержалъ Александра къ обѣду.

— Ну, что съ вами? сказалъ онъ за столомъ. Что это всё вы сегодня такіе унылые? Лида! ты не сказала намъ еще ни слова во весь обѣдъ. Посмотри Александръ, какъ слушаетъ этотъ бѣдный ребенокъ! Вы, непременно, несерьезны. Объ чемъ? Ну, ужъ навѣрное о музыкѣ!... Катя: я встрѣтилъ Заиграйскаго близъ нашего дома... глаза у него торчали на аршинъ впередъ... онъ не садился въ свою карету, которая не могла догнать его, и бѣжалъ по тротуару какъ сумасшедшій... не хотѣлъ говорить со мною... просто, удивилъ и озадачилъ меня! Не понимаю, что могло съ нимъ случиться. Лида! былъ ли онъ здѣсь сегодня?... ты съ нимъ играла?

Александръ нахмурился еще хуже. Викторъ Ивановичъ вступился расточать похвалы любезности и благородству Заиграйскаго и, въ довершеніе бѣды, произнесъ злобное слово «удовольствіе», отдавая должную справедливость небогливости его объ удовольствіи Лиды. Александръ не выдержалъ. Онъ сталъ, сперва, насмѣхаться, а потомъ бранилъ Заиграйскаго. Викторъ Ивановичъ, и сама Анна Павловна, защищали его по-обязанности. Александръ вспыхнулъ.

— Нѣтъ, я рѣшительно здѣсь лишній! вскричалъ онъ вступленно: нога моя никогда.....

— Любезный Александръ! въ испугъ сказала Анна Павловна: опять вы сердитесь безъ причины! Какъ можетъ прийти вамъ въ голову, что вы лишній у своихъ друзей! Разсудите сами, не должны ли мы, при видѣ явной несправедливости, принять сторону человека, который дѣлаетъ намъ честь... и *удовольствіе*....

— Да самъ онъ знаетъ, прибавилъ, настойчивый Викторъ Ивановичъ: самъ онъ знаетъ, что онъ, петелько несправедливъ, но на этомъ пунктѣ и помѣшанъ, рѣшительно неизлечимъ. Самъ чувствуетъ, что, будучи отличнымъ другомъ, обходится съ нами какъ не-другъ, не позволяя намъ быть благодарными кому слѣдуетъ и любить тѣхъ, которые насъ любятъ и ему никакого зла не дѣлаютъ. Право, не имѣло бы тебѣ, братецъ, научиться полевому и ярыжному иску-

ству соглашать дружбу съ вѣжливостью хоть бы у этого Заиграйскаго, котораго ты такъ унижаешь и преслѣдуешь.

Гроза наконецъ разразилась. Громъ, молнія, дождь, градъ, завываніе вѣтровъ, подвемный гулъ и землетрясеніе—вслѣдствіе котораго чуть не опрокинулся круглый столъ съ десертомъ и бутылками. Викторъ Ивановичъ, желая дѣйствовать въ пользу Лизы, поступилъ съ той неловкостью, какую часто обнаруживаютъ умные мужчины, когда берутся за женскія дѣла, такія кружевныя, такія утлыя, что рвутся въ пальцахъ отъ одного вѣтру словъ и починаются взглядомъ или улыбкою. Притомъ, онъ не зналъ что происходило между Лизой, Александромъ и Заиграйскимъ. Вѣроятно, онъ былъ бы осторожнѣе въ выраженіяхъ. Насказавъ ему колкостей и грубостей, Александръ вскочилъ со стула.

— Прощайте!... мы болѣе не увидимся!... теперь ненадо объясненій! вскричалъ онъ, бросивъ сверкающій взоръ на Лизу: теперь все ясно; я долженъ, и готовъ, уступить мѣсто тому, кого здѣсь всѣ покровительствуютъ. Я уступаю съ радостью... съ удовольствіемъ...

И снова онъ злобно взглянулъ на Лизу. Напрасно Викторъ Ивановичъ, Анна Павловна, и даже Лиза, старались успокоить его: онъ ничего не слушалъ, и уже былъ у дверей, когда слуга отдалъ ему записочку.

«Страшное бѣдствіе постигло наше семейство. Съ отцомъ нашимъ случился ударъ. Онъ въ опасности; мы въ отчаяніи. Приѣзжайте поскорѣе къ умирающему другу вашему: онъ васъ спрашиваетъ; я васъ умоляю. *Гдѣ бы вы не находились, оставьте все, не теряйте ни минуты, приѣзжайте, ради Бога!*»

Въра.

Александръ вдругъ опомнился. Горячій потъ вытепнулъ на его лицѣ. Онъ схватился рукою за голову.

— Что съ тобой, бѣшеный?... что случилось? спросилъ Викторъ Ивановичъ.

— Друзья мои! сказалъ Александръ спокойно: мы споримъ здѣсь о вздорахъ, а между-тѣмъ меня ждетъ чело-вѣкъ на смертномъ одрѣ. Мой добрый, безцѣпный другъ

Сберовъ умираетъ!... Какъ знать, когда конецъ достигнетъ
каждаго изъ насъ! Простите меня! Я люблю васъ душев-
но. Это вѣрно. Никогда не сомнѣвайтесь во мнѣ, что бы
ни случилось.—Прощайте, добрая Лиза, сказалъ онъ, поцѣ-
ловавъ ей руку: не сердитесь на меня... я виноватъ... ви-
новатъ во многомъ... Мы поговоримъ объ этомъ послѣ... на
досугѣ... Вѣроятно на дняхъ увидимся... Прощайте! Мнѣ
нужно спѣшить.

Онъ убѣжалъ, и, надѣвая шляпу, уронилъ въ дверяхъ
мануску. Лиза подобрала ее—прочитала—и заплакала.

— Нѣтъ! мы уже не увидимся! сказала она про себя. Я
погибла! Мнѣ суждено быть всегда жертвою!...

=

ЗАПИСКИ

КУПЦА

ЖАРКОВА.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

IV.

Баранта.

Два старинныя пѣсни. — Старинныя экипаны. — Усовершенствованіе ихъ. — Разныя ступени общественнаго быта. — Дикарство Киргизовъ. — Смигченіе ихъ нравовъ. — Уничтоженіе баракты. — Причины и основанія ея. — Куны и пени. — Нескочаемость счетовъ. — Русскіе набойщики и набольщики.

Право, какъ немножко этакъ пораздумаешь — такъ свѣтъ-то нынче идетъ куда-какъ лучше противу прежняго! Ужь разумѣется водится и теперь не безъ того, чтобъ старики не похваливали старыя годы да бывалыя времена; да полно, точно ли въ старыя-то годы жизнь краше казалась? Вѣдь только въ сказкахъ сказывается, что въ старину житье бывало широкое, что иной богатырь раскинетъ «дворъ на семи верстахъ, «а кругомъ двора желѣзный тынъ, на кажиной на тынникѣ по маковкѣ, на девятой на тынникѣ по жемчужинѣ; «посередь двора свѣтлицы стоятъ, у нихъ гридни бѣлодубовыя, «а и крыты то сѣдымъ бобромъ, потолокъ черныхъ соболей, «а матица волженная, пол-середа одного серебра, крюки да «пробом по булату алащены, а во дворъ ведутъ ворота то валь-«лащетыя, то хрустальныя.» Въ тѣ поры пѣвали:

Ты рѣка-ли нѣа; рѣченка;
 Ты рѣка-ли, нѣа; подымаю,
 Ты течешь, рѣка, по бѣсиру
 Разливаешься по штокѣ;
 У тебя ли, нѣа; рѣченка;
 Круты бережи серебряна
 А песочки-то мелкуныя!

Мало ли чего прежнія сказки не придумывали — немного
 оочь я до тѣхъ старыхъ пѣсень, въ которыхъ поется все
 не вѣсть какія чудеса. Больше нѣтъ по сердцу тѣхъ пѣсенки,
 гдѣ поется про русскую удачу богатявскую, про бражное дѣло
 молодчество. Истома беретъ какъ прислушаешься къ зауныв-
 ному голосенью нашихъ крестьянскихъ бабъ да дѣвокъ: то ли
 дѣло какъ артель удалыхъ молодцовъ швецленниковъ дружно
 грянетъ старинную пѣсенку:

Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
 Не бушуйте вы, вѣтры осенніе,
 Не волнуйся ты, море шное,
 Не задыхайся ты, море Черное!
 Къ намъ указъ пришелъ отъ Матушки
 Отъ царика православнаго,
 Некакимъ врага изречеши.
 Каша у насъ ли на святѣхъ Буря,
 Сперваидея карабанъ,
 Карабанъ белолюбивый.
 А и яликъ тѣ карабанъ:
 Черезъ море, черезъ буря,
 Не востечу далью оторону,
 Въ белурманскую сторонушку,
 Изъ олову ли, во Царю Праду.
 Не сѣла-море раздѣрится,
 Не сѣла велим изолитанисъ,
 Не круты бережи водоотъука,
 Не не тельня туча, оубы,
 Грешей грешней раздѣрится:
 А грешней, раздѣрится
 Звоникъ голубой молодечка,
 Разудачникъ карабанчикова:
 «Ой ты гой сѣа, неубрайтъ шурь,
 «Ой ты, неубрайтъ, белурманъ-сагантѣ
 «Прогрѣванъ ты сѣою лютостію

«Государыню православную,
 «Ты царю нашу матушку.
 «Приходи скорѣй изъ стѣнъ ея
 «Ужъ вымолишь прощенье!
 «Не испросишь ты прощенья
 «Того горше прогнѣвишь ее:
 «Она, матушка наша мудрая
 «Тебя, злаго басурманна,
 «Протурить изъ Царя-Града.

А прислушайтесь-ка каково забористо записываютъ наши солдаты вотъ эту тоже старинную пѣсенку:

Вы побѣдныя головушки, солдатскія,
 Какъ походы вы свои справляете
 И ни въ чемъ вы устали не знаете.
 Только бѣ было гдѣ замкъ враговъ небыть!
 Что со вечера солдатамъ приказъ отдавъ былъ,
 Со полуночи солдаты ружья чистили,
 Ко бѣлу свѣту солдаты во строю стоятъ.
 Не златая трубушка протрубливала,
 Не серебряна ошпозочка поддирывала —
 А возговорить недолжа православный царь:
 «Ой, вы, гой еси, солдатушки драгуны,
 «Вы армяшка нѣхота, и все войско,
 «Вы раздумайте со мною моею душою —
 «Какъ бы намъ, ребята, городъ Азовъ взять?»
 Не златые пчелушки во рощахъ жужжать,
 А солдатушки въ радахъ отвѣтъ дають:
 «Взять возьмемъ мы городъ Азовъ своею грудью,
 «Мы полежимъ свои головы за вѣру,
 «Рады лечь костыли мы за святую Русь!»
 На закатѣ ли-то было свѣтла нѣсана,
 На восходѣ ли-то было лесе солнышка,
 Съ пѣснями солдатушки на приютъ шли
 Что подѣ тотъ ли подѣ Азовскій славный градъ,
 Что подѣ тѣ ли стѣны бѣлокаменные,
 Что подѣ тѣ ли подѣ расветы подѣ wysokie.
 То не бѣли камни съ горъ каменные —
 А валылись со стѣны враки каменные;
 То не свѣги во полѣ бѣлѣлися —
 А бѣлѣлися чалны турецкія;
 Не съ дождемъ потоки разливались —
 Разливались кровъ басурманская!

Ну, вот такая пѣсня и поется какъ-то веселѣе, да и случается какъ-то порадостнѣе. А есть ли тутъ чѣмъ хвастаться, что въ старыя, бывалыя времена подносили богатырю чару зелена вина съ полтора ведра, принималъ ее молодець единой рукой, выпивалъ чару единымъ духомъ, пудовой сайной закусывалъ, по цѣлому пирогу за щеку металл, по цѣлому гусю проглатывалъ? Бывали, можетъ статься, такіе удалцы, но ихъ время, ихъ чередъ прошли, и прошли слава Богу безвозвратно.

Старые старики потому, а чай, прежнія времена похваляютъ, что сами они тогда были моложе, кровь то въ нихъ играла поживѣе, стало и живнь-то ихъ была, на ту пору, краше. А, разумѣется, люба ли живнь тогда, когда у прежняго молодца и ноги подкашиваются, и волосы на головѣ повыциѣли да пожелтѣли, и кровь-то по жилкамъ еле-еле переливается, и немощи старческія то тутъ, то тамъ одолевать станутъ! Что говорить: весело старнику вспомнить, да правое ли дѣло охавать новѣшнія времена?

Я вотъ такъ своимъ умомъ-разумомъ раскидываю. Во всѣ времена было между людьми много худаго, а много и хорошаго: такъ оно теперь ведется, такъ оно будетъ и послѣ, пока сѣтъ стѣитъ. Но хорошаго всегда бывало непримѣръ больше, чѣмъ дурнаго. Въ одномъ могу я согласиться, что прежде люди были попроще. Чтожъ такое значить попроще? А то, что хитростей разныхъ этакихъ не было, а хитростями у насъ, извѣстное дѣло, зовутъ и манерливость въ обращеніи, и уютность въ семейной жизни, и все и все; даже учиться человѣкъ захочетъ наукамъ — такъ и тутъ говорятъ ужъ, что онъ происходитъ разныя хитрости. Чуть только захочешь жить маленьчко полюдски — ужъ на тебя иной и накинется: новые порядки, говорить, заводить! на заморскую руку гнеть! А какая тутъ заморщина, что велишь сундуки или лавки зарубить на ростопку, да заведешь себѣ порядочную мебельницу! Какъ хорошенько посудить, такъ мебель самая необходимая вещь во всякомъ хозяйствѣ; а какое слово мебель? Чужое, заморское! у насъ для этого даже своего слова нѣтъ! А экинажи? опять-таки не русское слово — стало быть, въ старые годы, у насъ на Руси не звали ли мебели, ни экинажей.

Да и въ самомъ дѣлѣ, есть и теперь еще на святой Руси дальшіе глухіе закоулки, гдѣ экипажей еще не знаютъ. Пододобится ли мужику, а въ иныхъ мѣстахъ и горожанину, куда ни-далеко отправиться — онъ сѣдлаетъ коня и ѣдетъ туда верхомъ: въ старыя годы у насъ никто иначе и не ѣзжалъ, какъ верхомъ. Ну, вотъ пришлось подумать на счетъ того, какъ бы полегче перевозить кладъ. Прежде въ незапамятныя времена, кладъ вьючили на лошадей, но попадались предметы, которые трудно было вьючить на лошадей — примѣрно сказать: снопы съ долей, сѣна съ луговъ, или сугунки изъ лѣсу. Годъ хитра на выдумки! — вотъ и придумали первыи экипажи, который еще ю-ю-пору здравствуетъ и на которомъ доселѣ, у насъ въ иныхъ краяхъ, сѣно а въ иныхъ мѣстахъ только сугунки перевозятъ. Этотъ экипажъ называется «волокуша»; это большіе кичеги, какъ два длинныя стала; съ одного конца въ дыкъ впрягается лошадь, а съ другаго дрикрѣпляется перекладина, на которую и привязываютъ разную кладъ.

Потомъ придумали къ этимъ волокушамъ поддѣлать на зиму — полозья, а на лѣто — колеса, вотъ и вышли для зимы — сани, а для лѣта — передняя половина роспусковъ. Съ годами пришли новыя улучшенія и прежняя волокуша, съ одной парой не кованныхъ колесъ, приняла ужъ двойкій видъ: въ гористыхъ краяхъ пошли двухколесныя таратайки, какъ у Чухонъ, а въ степовыхъ мѣстахъ — двухколесныя арбы, какъ у Татаръ; въ нашихъ же долинахъ, на святой Руси, вмѣсто двухъ колесъ, стали подлаживать четыре колеса, у насъ появилась и телѣга, явились и настоящіе роспуски. Потомъ сметливые люди стали замѣчать, что чѣмъ дальше заднія колеса стоять отъ переднихъ, тѣмъ на роспускахъ сидѣтъ ловчей и меньше тряски — и вотъ на степныхъ мѣстахъ появились дроги, почитай что одно и то же что и роспуски.

Женщина слабѣе мужчины по сложенію и хитрѣе по уму; она умѣетъ какими-то манерами, подладить мужчине такъ, что онъ, каковъ бы ни былъ гровный у него порокъ, непременно станетъ во всемъ угодать ей. Вотъ мужчина и сталъ придумывать: какъ бы ему повальжиѣперевозить съ мѣста на мѣсто женщину, сто свою подругу?

значитъ еще ограничена самыми обыкновенными и простыми способами. Они предожима ей не новый экипажъ, а все тѣмъ стариннымъ саръ роспускомъ и дроги, только, угодная живному сложенію, покрытъ роспуски коврикомъ, чтобъ бабѣ удобнѣе сидѣть было. Эта мажера и теперь существуетъ.

Потомъ, нащъ братъ мужикъ ухитрился подвдвдтъ дощечку, вѣсто подножки, во всю длину дрогъ. Отъ этого у сѣдоконъ ноги не болтались и сидѣть стало гораздо спокойнѣе: все вѣдъ, это в осю-пору на нашихъ глазахъ еще ведется.

Если въ такомъ экипажѣ ѣхать по грязи, то съ колесъ ею сѣдока обрызгаетъ. Мужчина о себѣ мало думаетъ; ему скорѣе хочется угодить женщинѣ, у которой и платье наряднѣе, и отвѣтственности за чистоплотность больше. Вотъ умный чело-вѣкъ и придумываетъ придѣлать къ дрогамъ крылья: сперва они были коротенькія, только близъ самого сидѣнья, потому-что грязью брызгало больше съ верхней части колесъ, а потомъ крылья эти протянуты и до самой подножки: на такой экипажѣ доселѣ еще можно полюбоваться наглядно.

Потомъ придумали джвркии зашдвдтъ подушкой, а крылья и подножки окордтъ кедровомъ ла выкрасить — и выехали тотъ самый карандасидъ, на которомъ у насъ разъѣзжаютъ все, отъ Сибирска до Чернииска. А если на эти же самыя дроги посадить толѣнный кузовъ — вотъ тебѣ и гарантася погоня; перомъ надъ рѣшмъ кузовомъ надѣлали кибитку, чтобъ отъ дождя укрыться, а теперь гарантася пошли такіе что твои кареты! А настоящія-то кареты начались на Руси еще совре-ность царя Василья Ивановича Шуйскаго, а при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ у насъ на экипажахъ большее вошло шегольство!

Вотъ теперь бы и любопытнее было поставить на одну доску и джвркую, и вѣ какого-нибудь уромнаго мѣстечка ватоникъ джврку, и роспуски, и джврку изъ Петербурга, и простыя по-крайней-мѣрѣ дроги изъ Томска, и простую джврку изъ ближайшей деревни, и хорошецкій карандасидъ или старинную лишейку изъ вѣтъ Нижняго, и шегольской гарантася изъ Казани, и ка-шберидъ изъ Москвы, и новомодную, франтовскую, уютволь-ную, шегольскую, кареску, и другіе какіе ли есть экипажи, и

это поставить рядкомъ, да посмотрѣть, да сравнить: такъ вѣдь какимъ дубьемъ покажется не та что телѣга, а старинная коляска передъ этой англійской кареткой. Вѣдь хелоту-то сколько будетъ!

Но надо видѣть всѣ эти экипажи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они существуютъ, и на томъ самомъ дѣлѣ, на какое они употребляются, да притомъ у тѣхъ самыхъ людей, для потребности которыхъ они нужны — вы и скажете тогда, что, дескать, и карета вещь прекрасная, и тарантасъ вещь прекрасная, и дроги вещь прекрасная, и телѣга вещь прекрасная, и волокуша вещь прекрасная; тогда и смѣху не будетъ, и человѣкъ хладнокровно и съ благоразуміемъ рассуждать станетъ, что дескать всякой вещи есть свое мѣсто, есть и свое назначеніе — ей Богу, право-съ! То будетъ лишь смѣшно, если петербургская знатная барыня вадумасть на гуляньѣ кататься на крестьянскихъ роспускахъ, а мужикъ — лѣсорубъ станетъ подмывывать двадцатисаженные сутунки къ модной каретѣ, или укладывать сѣно да снопы въ щегольскую коляску; ну, не такъ ли-съ?

Смекните-ка вы то, что я теперь говорилъ про экипажи, да и приложите это къ человѣку — вы и увидите какъ, испоконъ вѣку, весь человѣческій родъ идетъ къ постоянному улучшенію; увидите вы и то, что если у насъ на Руси осю-пору здравствуютъ и благополучно обрѣтаются старинныя волокуши и телѣги, одновременно съ модными каретами, такъ несомнѣнно надо признать и законность одновременнаго существованія племень грубыхъ и необразованныхъ самымъ допотопнымъ наперомъ, вмѣстѣ съ породами благонравными и образованными въ той степени; до какой только могли достигнуть въ наше время разныя, просвѣщающія умъ и сердце, познанія. Это будетъ длинная лѣстница: а взгляните въ дѣло поближе — и вы убѣдитесь, что всякая ступенька тутъ на своемъ мѣстѣ, всякой ступенькѣ есть свое назначеніе, своя цѣль, всякой ступенькѣ есть законно принадлежащее ей право. И выломать ни одной ступеньки изъ этой лѣстницы невозможно: въ иномъ мѣстѣ неестественно шагать придется, а въ иномъ пожалуй такъ шагнешь, что и голова цѣла не останется. А тогда ужъ плохо придется, какъ вѣбирался на извѣстную ступень, да грохнешься наземь: станетъ ли силъ снова на верхъ вѣбираться.

си!... Вотъ хоть бы Турція, которая вдругъ вздумала подлозить многія ступеньки да разомъ шагнуть туда, куда ей еще больше высоко забираться: ей и нездоровать тепериче — припомните мое слово!

Ужь по самому порядку вещей видно, что на той лѣстницѣ, на вершинну которой весь родъ людской собирается, соразмѣриво съ нравственными своими силами, все лучшее и избранное должно стекаться на высшія ступени. Но, любуясь этими избранниками, мы все таки не приобретаемъ еще права смѣяться или надѣваться надъ тѣми, которые еще невысоко шагнули. Всему свое мѣсто, свой чередъ, свое назначеніе, и все имѣетъ свои законныя, признанныя права на наше вниманіе и на наше участіе.

Нежалуй, меня еще назовутъ пустомелей, за то, что я въ тайнѣ рѣчи пускаюсь и передаю всѣмъ и безъ меня извѣстныя и переизвѣстныя истины. Но боюсь я не того что про меня скажутъ, будто я рацею читаю, а боюсь того, чтобъ какъ нибудь запомлтовавши эти истины не сталъ иной смотрѣть на мѣхъ Киргизовъ какъ на какое нибудь будто ужъ и нечеловѣческое отродье.

Киргизы, или какъ мы Саратовцы зовемъ ихъ Карсаки, или по настоящему Кайсаки, или, наконецъ, какъ они сами себя зовутъ, Казаки, стоятъ еще на одной изъ низшихъ ступеней челоѣческой лѣстницы, но уже давно не на самой нижней ступени; нравственно возвышались они замѣтно начали съ тѣхъ поръ какъ вступили подъ державу Русскаго государства: и теперешніе внуки далеко ужъ опередили тѣхъ ордынцевъ, которые остановились на дѣдовской ступени.

Я ужъ прежде намекнулъ на то, что Киргизы, сдружившись съ Русскими и войдя съ нами въ постоянныя сношенія, стали, волей-неволей, перенимать отъ насъ многое. Въ числѣ этого многого, начали они заимствоваться отъ насъ и тѣмъ, что ставило насъ, въ сравненіи съ Киргизами, на высшую степень челоѣческой лѣстницы, а изъ этого, сами собою, вытекли тѣ послѣдствія, какихъ вездѣ надо ожидать отъ сближенія грубаго и нечлѣвѣческаго народа съ народомъ образованнымъ. Первое дѣло касалось, конечно, умягченія нравовъ и подготовленія народа исподоволь къ заимствованію отъ насъ коренныхъ осно-

ваній нашего осѣдлаго быта. Не у воинокъ конечно, однакожь все-таки у довольно не замѣтнаго числа Киргизовъ, мы встрѣчаемъ и хлѣбпашество и достойныя дома для жительства. Разумѣется, такія важныя вещи совершаются вѣками и очевидно было бы заковать опредѣлить срокъ, въ который можетъ быть начато и окончено переселеніе цѣлаго народа: — да вѣдь не свѣтъ ничего и недѣлается съ разу: все идетъ себѣ потихонечку, да помаленечку. А что касается до Киргизовъ, такъ для насъ ужь и то важно, что основаніе великому дѣлу положено и если Богъ продлитъ на долгія времена нынѣшній порядокъ дѣлъ и не допуститъ, въ глубинѣ этихъ отдаленныхъ отрогахъ, важныкъ переворотовъ, въ родѣ возобновленія времени Чингисъ Хана и другихъ подобныхъ ему дикарей завоевателей, можно съ увѣренностью предполагать, что Киргизы достигнутъ дощолецъ той же ступени на лѣстницѣ человѣческаго преуспѣванія къ самому высокому, на которой сами мы теперь стоимъ. Да и можно ли въ томъ отчаиваться или даже сомнѣваться? И не грѣшно ли предполагать, что Господь Богъ, отъ начала вѣковъ, обрекъ эти неизмѣримыя прострѣанства вѣчной думѣ душевной и вѣчному дикарству и непросвѣщенію?

Вы видите, я все гну на ту сторону, что признаю возможность и необходимость слитія воедино полудикаго племени отъ нами, съ образованнымъ народомъ. Но восклицая то положеніе, въ которомъ мы съ вами находимся, я вовсе не думаю предъвидѣться чувствомъ какого нибудь отвращенія къ теперешнему быту Киргизовъ — чего и вамъ не желаю: иначе мы никакъ не разознаемъ всѣхъ отбѣнковъ ихъ быта, никакъ не возбудимъ въ себѣ участія къ нимъ, а слѣдовательно никакъ не сумѣемъ разумнымъ образомъ проторить путей, по которымъ слѣдуетъ вести это повѣжественное племя къ улучшенію нынѣшней его жизни.

Мы, Русскіе, какъ будтобы самимъ Провидѣемъ, призваны различать свѣтъ нравственнаго просвѣщенія въ необитаемыхъ странахъ Азіи. Наряду съ другими народами, мы ведемъ впередъ и Киргизовъ и, въ послѣднее время, заставили дѣла сдѣлать важный шагъ — отказаться отъ баранты, отказаться отъ обычая, который былъ въ крови, въ правдахъ, въ вѣковыхъ преданіяхъ цѣлаго народа.

Ожидаться отъ такого-нибудь обычая и одному человеку не трудно, тѣмъ друнѣе было ожидать, чтобъ цѣлый народъ добровольно отъ него отказался. Усиліе закона вело къ тому, чтобъ воинственное самоуправство и междуусобныя распри подчинить законности, подчинить разумнымъ началамъ суда праваго, не жестокаго, а человѣколюбиваго. Это-то усиліе искоренило у Киргизовъ хищничество, и исподоволь подвело ихъ подъ начала общаго человѣческаго закона, существующаго у каждаго образованнаго народа. Уничтоживъ разбойническіе наѣзды, истребивъ сокрушительныя воинственныя набѣги, мы, разумѣется, доохладили киргизское жестокосердіе, еще болѣе умягчили ихъ нравы и обуздали, до тѣхъ-поръ не знавшіе никакихъ препонъ, порывы страстей, средныхъ каждому дикому народу; а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, воцарились въ нихъ что-то похожее на разумное пониманіе справедливости и благодѣяній, доставляемыхъ мирнымъ и спокойнымъ сожителствомъ.

Можетъ-быть, найдутся люди, которые будутъ сѣтовать на то, что чрезъ такое переименуе бычаевъ, въ Киргизахъ потухъ воинственный жаръ. Такъ неужели же намъ скорбѣть, что мы заглушили всѣ признаки звѣрства и лютоcти, въ которыхъ прежде грубѣлъ народъ, и озарили его лучами просвѣщенія? Этакъ, пожалуй, намъ самимъ надо плакаться на нашъ просвѣщенный вѣкъ и всею душою стремиться къ превращенію самихъ себя въ стародавнюю Русь, которая существовала еще до основанія Москвы. Если такъ, то можно и еще проще поступить: стѣнать только взять да и окиргизить! оставить все, откататься отъ всего, чѣмъ душа наша и умъ теперь обладаютъ, смотрѣть на все киргизскими глазами, жить по-киргизски, даже по-киргизски чувствовать. Врядъ ли найдется на это много охотниковъ! А кто предпочитаетъ отчаянную храбрость дикаря благоразумной и нужной только въ крайнихъ обстоятельствахъ храбрости образованнаго человѣка — вѣтъ можетъ еще кой-гдѣ по дальнимъ закоулкамъ степи потѣшить само удаля — молодечество и въ барантахъ, польстившись на громкій титулъ степнаго батыря.

Живши въ степи, я много слышался про баранцу, и слышавъ отъ александровъ, старшій Киргизъ, лѣтъ семидесяти, хорошо

помнившій всѣ рассказы своихъ дѣдовъ, зачастую со мной бесѣдовалъ о томъ , какъ барантовали въ стародавніе годы Киргизы. Суть-то всю изъ его пересказовъ мнѣ и хочется теперь вамъ передать.

Барантá слово не русское , а татарское , и выговаривается у нихъ «бармта», слово-въ-слово по нашему оно выйдетъ — походить, набѣгъ. Вотъ изъ-за чего она въ стародавніе годы происходила.

Киргизы всегда и во всемъ расправлялись между собою самоуправно. Выйдетъ, напримѣръ, между пріятелями споръ , или нанесена будетъ обида : у Киргизовъ нѣтъ того , чтобы идти жаловаться и начать , на законномъ порядкѣ , дѣло — прежде этого не знали, а просто-на-просто завязывалась схватка, начиналась потасовка, и кто-кого, бывало, осилить — тотъ и правъ.

Безъ побоевъ дѣло, разумѣется, не обходилось ; за побоями шло увѣчье и раны, а, при жаркихъ схваткахъ, и смерть приключалась. Въ схваткахъ, конечно, участвовали мужчины, сильные работники , отцы семействъ , поддерживавшіе благосостояніе своего хозяйства. Со смертью ихъ, семья ихъ нищала , лишась и родственника и главнаго руководителя. Смерти этой нехристіанская семья, конечно, не могла забыть , не могла простить убійцѣ и, по закону мести, должна была получить окупъ крови, окупъ, который прикрывалъ все происшествіе. Эта цѣна крови называется у Киргизовъ «куна». Вотъ эту - то куну убійца и долженъ былъ заплатить родственникамъ убитаго.

За убійство каждаго Киргиза, положено платить извѣстныѣ окупъ скотомъ ; за убійство женщины платилось въ половину противу мужчины. Кто не въ силахъ былъ выплатить этого окупа, тотъ выдавался родственникамъ убитаго головой и подвергался неволѣ.

Иные, почитавшіе себя правыми въ убійствѣ и не желавшіе платить цѣны крови, оставляли родственниковъ убитаго безъ удовлетворенія: въ такомъ случаѣ весь родъ, къ которому принадлежалъ убійца, обязанъ былъ принудить виновнаго исполнить свою обязанность и выплатить куну. Если же родъ отстранялъ отъ себя это дѣло и не приневоливалъ убійцу внести возмездіе, то очень понятно, что соперники его, семья убита-

го, считали, по своимъ нехристіанскимъ правиламъ, очень законнымъ дѣломъ прибѣгнуть къ силѣ.

Они дѣлали набѣгъ на убійцу, вступали съ нимъ въ сраженіе и силою отгоняли у него то число скота, которое имъ слѣдовало. Если противъ такого нашествія соперниковъ, виноватаго ограждали его однородцы, то мстители возвращались во свояси ни съ чѣмъ и заявляли обо всемъ своимъ однородцамъ.

Вотъ тогда ужъ начиналась полная суматоха. Родичи обиженныхъ поднимали оружіе и шли войной на родичей убійцы. Начиналась битва, въ которой всѣмъ равно доставалось — и правому и виноватому. Били, колотили, рубили всѣхъ, кто попадется и отгоняли верблюдовъ, быковъ и барановъ гдѣ ни случится.

Не смотря на низкую степень гражданскаго состоянія, Киргизы, какъ люди, одаренные отъ Бога такимъ же, какъ и всѣ, здравымъ смысломъ, скоро поняли, что это, выходятъ, настоящая рѣзня и потому имъ нельзя было не подумать, какъ бы ограничить послѣдствія такихъ побоищъ.

Сообразно со степенью тогдашняго своего состоянія, въ которомъ понятіе — то о карѣ виновнаго не можетъ еще выработаться такъ, какъ мы его видимъ у народовъ образованныхъ, Киргизы и постановили правиломъ, чтобъ кровь каждаго человѣка оцѣнить одинажды навсегда опредѣленнымъ окупомъ. Вотъ они и положили, чтобы куну за убитаго Киргиза изъ простонародья считать въ тысячу барановъ, а за каждую женщину изъ простонародья — въ пятьсотъ барановъ; а если кто въ набѣгѣ убьетъ человѣка султанской семьи, тотъ обязанъ выплатить куну въ тысячу верблюдовъ, за жену или за дочь султанскую, куна пятьсотъ верблюдовъ.

У кого нѣтъ такого числа барановъ или верблюдовъ, тотъ могъ платить и другимъ скотомъ: у Киргизовъ все разочтено и изъ-поконъ вѣку ужъ положено во сколько барановъ считать верблюда, молоденькаго, взрослога или ужъ стараго, и во сколько барановъ надо цѣнить лошадь, и какихъ именно достоинствъ: ее аргамака такая цѣна, а за простую молоденькую кобылку — другая. У Киргизовъ все переведено на барановъ, а нѣтъ барановъ — такъ платятъ тѣмъ, что на охотѣ добытъ; и тутъ то-

же рассчитано, во сколько барановъ надо считать лисицу или волка, либо что другое.

Куна берется только за убійство челоуѣка; за несмертныя раны, за отрывъ лишняго числа головъ скота, и за другіе, кому бы-то ни было причиненныя убытки положена пеня «тюдъ»: тутъ все высчитано не десятками, а по девяти головъ, за иное берется два девята барановъ, за иное три девята коней, а за иное девятю девять-девятю головъ. Тутъ также каждая утрата имущества высчитана особо и сдѣлана оцѣнка всему, и накошенному сѣну, и жилому кошу, и носильному платью, и всякому оружію — ничего задаромъ пропадать не должно.

Все это, конечно, положено было съ доброю цѣлю, чтобы устрашить барантовщиковъ и удержать ихъ отъ самовольнаго нанесенія излишняго ущерба враждебной семьѣ, или враждебному роду. А можно ли въ суматохѣ, когда цѣлый родъ встаетъ на родъ, положить какую-нибудь границу, которую бы дикое племя, въ полномъ разгарѣ страстей, не переступило? Надо мнѣ было отогнать у непріятеля, положимъ, хотя за куну, тысячу барановъ. Я поднялся и пошелъ въ набѣгъ; непріятель меня встрѣтилъ; началось побоище; или и въ тихомолку я подсторожилъ враждебныя стада, успѣшно захватилъ ихъ: мнѣ, въ торопяхъ, не до того, чтобы каждую голову особо пересчитывать, я гоню передъ собою все, чѣмъ мнѣ удастся завладѣть.

Возвращаюсь домой; перебираю добычу — и насчитываю только восемь-сотъ барановъ. Конечно, я недоволенъ. По моему обычаю, я признаю себя законнымъ владельцемъ еще двухъ-сотъ барановъ, которые пока пасутся у моего недруга. Я жду удобнаго времени, и потомъ опять пускаюсь въ набѣгъ. Но врагъ мой хитеръ; онъ ужъ самъ меня подстерсаетъ, охлобленный моею прежнею удачей. У насъ опять начинается побоище; опять счастье мнѣ благопріятствуетъ; я опять отгоняю скотъ и насчитываю дома, что теперь у меня тысяча барановъ, да еще пятьдесятъ головъ лишнихъ. — Ну, пятьдесятъ головъ не важность: пусть они останутся мнѣ за проценты, что я трудился, да хлопоталъ, да еще ждалъ столько времени.

Но прошле еще два-три недѣли времени, мой недругъ, бѣ

Ах, какъ мы теперь сквитались, ночью дваеть нападеніе на мое стадо и уводить триста головъ.

— Какъ такъ, триста? ты только пятьдесятъ штукъ могъ отбить?

— Какъ бы не такъ, пятьдесятъ! Ты у меня двадцать барановъ передвинулъ, да переморилъ дорогой, да аргамака увелъ; да моего мскря иувѣчигъ, да растаскалъ сѣно, да котелъ ограбилъ, да то, да се...

И почтеть выводить, да расчитывать, да вѣдь какъ высчитывать-то? По его прикладу, съ меня еще сто барановъ взяты приходятся.

— Постой-же! думаю я: ты и въ-самомъ-дѣлѣ, пожалуй; ко мнѣ опять заберешься въ гости. Нѣтъ, братъ, шулки! Я самъ счета вести все умѣю: какъ хочешь, а мои двѣсти-пятьдесятъ барановъ воротятся ко мнѣ.

Я опять подбираю дружку и опять нападаю на недруга. Такихъ манеромъ, счета между мною и имъ, между моими родичи и его родичи, а за частую и между нѣсколькими родами вмѣстѣ за одинъ разъ, счета идутъ нескончаемые, тиснутъ ся цѣлыми десятилѣтіями, сопровождаются безпрестанными любовицами; кровь лется, люди увѣчатся, семьи нищаютъ и доводятся до такой нищеты, до такого отчаянья, что и подумать страшно.

Что говорить! Живительныя воинственныхъ наклонностей у этого племени есть чѣмъ тутъ полюбоваться. Уже одно снаряженіе на баранту чего стоитъ! По цѣлому аулу рыскаютъ всадники, стовариваясь на предстоящій набѣгъ. Одни чистятъ оружіе и острятъ сабан; другіе обязываютъ коней и выдерживаютъ ослуховъ; третьи шпионничаютъ и выглядываютъ, гдѣ и какъ у враждебнаго рода стада пасутся, и въ какой мѣрѣ, и кто именно, въ какое время стоитъ у нихъ на сторожѣ.

Только что свѣра сойдуть, степь покрывается свѣженькой трахой, изжоренные за зиму табуны разиграются на веселомъ теплѣ, а воинственные хищники разгорячатъ кровь нѣуловимыми приѣмами кумыза, всею молодежью уже и пробится пошвыривая, погарать; пошвыривать свою удачу богатырски. Нѣтъ-то и подбираютъ себя тѣ, у кого есть счета на чужеродцѣ. А иногда буйные сторонники и сами прививаются.

ся къ какой ни-на-есть бедѣлицѣ, припоминають стародавнія права на ничтожную пеню въ чужомъ аулѣ — и идутъ въ на-бѣгъ.

Артели барантовщиковъ бывали разные, ѣзжали они и по двое, и по трое, а то собирались и десятками. Чѣмъ значительнѣе было дѣло, чѣмъ болѣе оно затрогивало хозяевъ въ аулѣ, или въ родѣ, тѣмъ артели становились гуще и гуще: собирались даже цѣлыя полчища изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Вотъ какъ этакая-то гурьба подкрадется къ аулу ночью, да нападетъ въ распахъ на спящихъ, да гикнетъ, да почнетъ потѣху, рубя и коля всѣхъ и каждая — что за стоны поднимутся въ аулѣ, что за вопли раздадутся по степи! Едва едва забрезжитъ свѣтъ и дальнее небо озарится первымъ вспыхиваньемъ утра — какіе невеселые предметы кидаются въ глаза постороннему зрителю! — Тутъ арканять молодую дѣвушку, тамъ топчуть маленькихъ ребятъ, здѣсь стариковъ хлещуть погайками, а тутъ на площадкѣ за кибитками сдѣпилось нѣсколько наѣздниковъ, оборванныхъ и неодѣтыхъ, въ порывѣ полного ослѣпленія жадной добычи, наносящихъ тяжелые удары противникамъ.

Между тѣмъ какъ одни проливаютъ кровь въ побойщѣ, а другіе грабятъ послѣднія крохи отъ беззащитныхъ семей, за ауломъ виднѣется новая толпа народу, вооруженнаго копьями. Они отбили табуны и стада у сторожевыхъ Киргизовъ и гонють теперь къ себѣ эту добычу. Глухой топотъ табуна гудко приближается откуда-то издалека; слышится ужъ нетерпѣливое ржаніе коней, настойчиво погоняемыхъ скачущими вокругъ нихъ батырами; неповоротливые быки, задрвавъ хвосты и понуривъ головы, кидаются безъ памяти туда, куда загоняетъ ихъ опытный всадникъ. Обширная стада барановъ, вадьмака надъ собою цѣлое облако пыли, незамѣтно движутся по ложбинкѣ, едва едва бѣгъясъ, будто пѣна на бурливомъ но на дальнемъ озерѣ, и скоро вовсе скрываются изъ глазъ, за едва очерченными скатами ближнихъ холмовъ.

Если барантовщикамъ случится одержать верхъ и овладѣть чужими табунами, въ распахъ или съ бою, одноаульцы очерѣщаютъ сосѣднихъ однородцевъ, и вмѣстѣ съ ними несутся въ догоню за хищниками. Тѣ настигаютъ непріятелей и мачи-

изюгъ съ ними новую битву. Загарается новая схватка, новая рѣзня, влекущая за собою новыя куны и новыя пени, а вслѣдъ за тѣмъ и новыя набѣги дружинъ для баранта. Такъ эти междоусобія и тянутся годами, непрерывно, лишь на короткое время сдерживаемыя глубокими снѣгами и приближеніемъ весны; за то съ наступленіемъ лѣта они возобновляются съ новымъ жаромъ.

Иногда поводомъ къ барантѣ бываютъ частные случаи предвѣреннаго или случайнаго воровства.

Поднимется, напримѣръ, зимою буря, по нашему мятелюка. Бурякъ нагрянетъ незначай, неожиданно. Владѣльцы стада не успѣютъ отпастн своихъ табуновъ въ загоны около ауловъ. Вотъ буряномъ-то косяки лошадей разобьетъ, стада барановъ растреплетъ и понесетъ ихъ по вѣтру все прямо, и невѣсть куда. Случается, говорятъ, что эти стада прибѣгутъ бурей къ чужому аулу. Зѣвшіе ордынцы завладѣютъ скотомъ и скроютъ эту добычу. А между тѣмъ настоящіе-то хозяева выедутъ кое какъ на слѣдъ, по шляхамъ доишутся до теперешняго притона стада и потребуютъ ихъ отъ передержателей обратно: Если тѣ не закатятъ доброй волей отказать отъ чужаго имуществоа, то подлинные владѣльцы скота прибѣгаютъ къ рѣшенію дѣла силою. И опять начинается баранта, и съ каждымъ новымъ набѣгомъ она принимаетъ размѣры все шире и шире.

А случается, что баранта возникаетъ въ совершенныхъ пустякахъ. Какой нибудь мальчуганъ, у котораго едва едва усь сталъ пробиваться, вдругъ задумаетъ вскружить голову дѣвкѣ, которая сильно пришлась ему по нраву. Дѣвка не дура: не кинуться же ей на шею первому встрѣчному. Парень-то ей съ виду, можетъ статья, точно полюбился, да вѣдь не входитъ же ей въ шашни разныя съ голышемъ, который не сумѣлъ еще заслужить себѣ и молвы порядочной. Удакому молодцу надѣ чѣмъ-нибудь вытравиться передъ другими, нужно сдѣлать себѣ предметомъ разговоровъ, которые затрогивали бы самолюбіе молодой Киргизки, да и самому-то ему придавали вѣсъ въ цѣломъ его родѣ. Вотъ онъ ни мало не задумывался, и подбѣгаетъ себѣ товарищей, такую же, какъ и самъ, шаловлавую молодежь, проносивающую дѣлишки по окрестностямъ и, выбравъ

ночку потемнѣе, уѣзжаетъ съ ними тайкомъ изъ своего аула. Сосѣди ничего и не подозрѣваютъ, а онъ, взбалмошный, вдругъ и нагрянетъ на стадо какого-нибудь почетнаго человека, да и отгонитъ у него цѣлый табунъ, совсѣмъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы украсть: нѣтъ; онъ коней, для череэъ три четыре, самъ воротитъ хозяину безъ изъяну! А у него та только въ головѣ мысль, чтобъ заслужить себѣ одобреніе своей братьи, одноаульцовъ, да распушить добрую молву о своей удали молодечествѣ. Чтобъ поставить владѣльца табуна въ тупикъ, онъ и слѣды свои скрадетъ, то есть такіе круги начнетъ по степи выдѣлывать, что шаръ не шаръ, а просто съ толку собьешься, раздумывая: въ которую сторону уведены кони. Для того, чтобъ скрыть слѣды похищенной скотныи, употребляются разныя хитрости.

Можно ли же одобживать наклонности того народа, въ обычаяхъ котораго укоренилась баранта? и не слѣдуетъ ли уничтоженіе этого пагубнаго обычая почестъ важнѣйшимъ шагомъ къ улучшенію народной нравственности. Баранта распалаетъ страсти, разжигаетъ звѣрство, доводитъ до нищеты цѣлыя семьи, цѣлыя поколѣнія и совершенно нарушаетъ правильный ходъ домашняго хозяйства Киргизовъ и ихъ ежедневныхъ занятій.

Мнѣ часто доводилось вступать въ бесѣды съ разными очень почтенными господами, которые неоднократно приводили меня не то что въ недоумѣніе, а просто въ изумленіе вопросамъ: какія же могутъ быть занятія у Киргиза? По ихъ мнѣнію если Киргизъ пасетъ свой скотъ, такъ стало быть у него ровнешенько ни какихъ ни хлопотъ, ни заботъ нѣтъ вовсе.

Вѣдь если все этакъ смотрѣть на вещи, такъ куда какъ легко человѣку житье на семь свѣтъ. Только и знай, что пей, ѣшь и спи, да катайся словно сыръ въ маслѣ! Многіе думаютъ даже, что чѣмъ человѣкъ ниже стоитъ на ступеняхъ общественной лѣстницы, тѣмъ болѣе быть его безынтересенъ, тѣмъ менѣе сторонъ представляетъ онъ для назидательнаго изученія. А по моему крайнему разумѣнію, это бываетъ совершенно напротивъ: чѣмъ грубѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе на насъ лежитъ обязанности хорошенъко ознакомиться съ существомъ его быта, чтобы знать какъ вести его къ дальнѣйшему развитію. Точно также, чѣмъ бѣднѣе человѣкъ въ средствахъ под-

деревянная жизнь въ своей смиренной долѣ, тѣмъ для насъ поучительнѣе знать: какія же честныя мѣры принимаетъ этотъ бѣдняга достать себѣ насущный, а подѣ часть и сладкій, кусокъ трудового хлѣба, и какими доступными ему путями онъ выпутывается изъ стѣснительныхъ и горькихъ обстоятельствъ, не впадая ни на минуту въ отчаяніе и не ожесточаясь противъ цѣлаго міра завистию и злобою.

Ну, да вотъ возьмите вы любаго, странствующаго по деревнямъ, набойщика. Ну, взгляните вы на него, что это за человѣкъ? А между тѣмъ, этотъ человѣкъ все лѣто до поту лада проработалъ на пашнѣ, убралъ хлѣбъ, свезъ излишки на базаръ, выручилъ валичныя деньги, уплатилъ часть подушныхъ и обеспечилъ свою семью — хворую жену съ ребенкомъ, да старуху — мать, у которой и ноги отказались ужь служить, да и глаза давно ужь стали видѣть плохо.

Теперь, къ зимѣ, собрался онъ въ дорогу — деньгу зашибать, вспомнивъ старую науку, какъ, будучи еще мальчишкой, набрался онъ хитростей узоры набивать на тканяхъ. Русскій человѣкъ ничего не любитъ дѣлать въ одиночку: у него ужь изъ покоя вѣку заведено составлять товарищества, компаніи. Вотъ и нашъ Ванюха, подговоривъ себѣ въ артель Кузьму да Наполея, забираетъ съ собой, для прислуги, мальчугана — сынишку Пахомку, наваливаетъ весь свой скарбъ со струментомъ на сани и, сотворивъ молитву передъ образомъ Угодника, идетъ себѣ въ путь-дороженьку, на заработки. Онъ смекаетъ, что скоро заговинны, а тамъ опять мясоѣдъ, а тамъ придетъ масляница, тамъ пасха; по деревнямъ, по селамъ начинаются женитьбы: сколькимъ невѣстамъ, да женахамъ его мастерство теперь пригодится!

Вотъ и приходятъ наши ребята, положимъ, въ деревню и пристають тутъ либо къ «дворнику» на постоялый дворъ, либо къ старостѣ, либо къ бурмистру, гдѣ найдутъ свѣтлицу поспособіе.

Договорившись со старостой Лавромъ Калининнымъ въ харчѣ и въ еатерѣ, Ванюха нашъ идетъ по деревнѣ съ позывомъ. Онъ останавливается у каждой бабы, колотить въ став-

ни палкой и громкимъ нагѣномъ вынѣвастъ пересаъ каждамыъ окномъ:

Эй, тетки-лебѣди
 Коли надм-тъ набивать набойки
 Спросите Ванюху,
 Идите къ Лавру Калинину.

Обошедши всю деревню, Ванюха возвращается домой, гдѣ онъ присталъ, и тутъ-то его обступаютъ бабы одна за другою. Съ ранней весны онѣ ткали холсты, лѣто провели за уборкой хлѣба да за льномъ — а вотъ теперь имъ и шитья надо готовить, кой-что на себя, кой что дочерямъ въ приданное. Вотъ и нанесутъ они холстовъ къ Ванюхѣ, чтобъ набилъ по нимъ узоровъ разныхъ.

Ванюха у насъ парень ладный и знаетъ всѣ порядки. Онъ показываеъ бабамъ образчики узоровъ, а образчиковъ-то этихъ у него всего съ какой пядью десятокъ, — такъ, лоскуточки этикіе, въ четверть, и всѣ они вдѣланы въ дощечку, почитай что точно такъ какъ по гостинницамъ газеты вкладываются въ рамки. Всѣ узоры, сказать правду, почти что на одномъ манерѣ, развѣ-развѣ что съ десятокъ рисунковъ этого разряда насчитаешь на все царство русское! На одномъ образчикѣ земля коричневая, а цвѣточки аленькіе, а на другомъ земля алая, а цвѣточки коричневые; на одномъ листочки обвиваютъ цвѣтокъ съ правой стороны, а на другомъ они идутъ къ нему съ лѣвой стороны: перемѣнъ въ рисункахъ очень мало.

Вотъ бабы и разсматриваютъ всѣ эти узоры и выбираютъ который кому любѣе, а потомъ и договариваются въ цѣнѣ: пряхи ль за работу дать, или заплатитъ цѣльнымъ холстомъ, или выдать чистыми деньгами столько-то копеекъ. На чистые то деньги бабы наши куда какъ не тороваты: имъ сподручнѣе расплачиваться какой ни на есть рухлядью. И бабамъ-то оно легче, да и набойщику-то выгоднѣе: пряху ли, холстъ ли, курицу ли, либо что другое, онъ сбудетъ на базарѣ гораздо дороже того, вочто эта уплата самому ему обошлась.

Набойщики набиваютъ красками холсты либо подъ ситецъ, если хозяйки думаютъ шить себѣ рукава къ рубашѣ, или передникъ, или мужу шаровары, либо красятъ они холстъ про-

дильными стрѣлками, будто какъ тикъ; это въ такомъ случаѣ, если въ холстовъ будутъ шить наволочки для подушекъ или покрывки для перинъ.

У хозяина, къ которому набойщики пристали, Ванюха живетъ дѣтичь-норъ, пока бабы не перестанутъ являться къ нему съ холстами. Во все это время, Ванюхъ помогаютъ въ работахъ Кушма да Панчалъ, а Пахомка растираетъ краски, которыми еще до начала пути наши молодцы запаслись въ дорогу, и какъ ихъ, такъ и доски, и плиту, и великую мелочь и струментъ, для мастерства нужный, развозятъ они съ собой, какъ связано уже, въ саняхъ. У старосты Ванюха проживаетъ недѣлю дѣй почти за даромъ, не совсѣмъ за даромъ, а безъ платежа наличной деньгой: онъ ни копѣйки не бралъ за всѣ работы, которыя задавала ему старостиха, а за такія послуги только что онъ самъ и вся его артель бывали и теплы и сыты, а даже и лошадейъ то его Лавѣръ Калининъ задавалъ есеца вдоволь.

Если въ уплату за работу, Ванюхъ пришлось получить нѣсколько цѣльныхъ кусковъ холстины, онъ сшить тутъ же шить ихъ красками; но, работая для себя, онъ придумываетъ какю нибудь новенькіе узоры, похитрѣй, да позатѣйливѣй, и въ такомъ случаѣ перепродаетъ эту набойку на ближайшемъ базарѣ за очень выгодныя цѣны. Тутъ же на базарѣ онъ сбываетъ и всю прочую мелочь, полученную имъ въ уплату за мастерскую работу.

Зашибивъ добрую конейку такими оборотами, Ванюха оставляетъ прежнюю деревню и переѣзжаетъ въ другое село. Здѣсь опять повторяетъ онъ то же, что дѣлалъ и прежде, и такъ отъ деревни до деревни, отъ села и до села, отъ базара до базара онъ объѣзжаетъ цѣлый околотокъ и по веснѣ возвращается въ родную семью, съ новымъ обезпеченіемъ участя и жорой жѣны съ ребенкомъ и слѣпой старухи матери.

Ну, вотъ намъ бѣднякъ, — а и его жизнь не безъ красныхъ дней! и его трудная доля не лишена почтеннаго, полезнаго труда и отрады. Бываетъ, что преслѣдуетъ неудача, и долго преслѣдуетъ человѣка: да вѣдь устанетъ же, уgomонится же вѣдь она когда нибудь. Надо только не теряться въ трудную пору жизни и не падать духомъ когда становится тяжко.

Конечно, эта штука довольно мудреная, ну да вѣдь у человѣка есть же поддержка: это трудъ, вѣра и надежда; а православный русскій крестьянинъ имѣетъ столько бодрости душою, чтобъ не впадать въ грѣховное уныніе.

Вы взгляните когданибудь на явного горемыку, котораго постигло крайнее неочастіе: или домъ сгорѣлъ, или животики-ка мала, или неурожай постигъ, или какая нина бѣда стряслась. Глядь поглядь — совсѣмъ карачунъ пришелъ, да и новое горе запало на сердце: парень мастерства никакого не знаетъ. Чтожъ онъ дѣлаетъ? неужто въ самомъ дѣлѣ въ кабакъ идетъ тонить въ винѣ свое горе? Нѣтъ, благодаря Господа, рѣдкій такъ поступаетъ! Какъ ни тошно приходится, какъ ни громко плачется въ одно ухо «оброкъ!» въ другое — «подушныя!» а находчивый человѣкъ, укрѣпленный въ своихъ силахъ, тутъ не потерится, идетъ въ батраки, идетъ въ бурлаки и добываетъ себѣ копейку и на оброкъ, и на подушныя, да и на насущный хлѣбъ. А коли есть у человѣка мало-мальски рублишка другой денегъ, да кредитъ у добрыхъ людей, онъ пускается въ мелкое торговство и дѣлается наприкладъ «лоскутникомъ», или, какъ у насъ, въ Саратовской губерніи, говорятъ — «шабольшникомъ», отъ слова «шабль», что значитъ лехмотья, или обрывки платья.

Лоскутники торгуютъ всѣмъ, что только попадется подъ руку. Когда лоскутникъ проѣзжаетъ черезъ селеніе, такъ возъ у него такъ рассаѣченъ и разукрашенъ всевозможною мелочью, затѣйливо разставленною, для приманки бабъ и дѣвокъ, что малыя ребята бѣгутъ за нимъ и около него густыми веренищами и скачутъ и пляшутъ и въ ладошки бьютъ вокругъ диковиннаго воза.

Чего-чего нѣтъ у лоскутника: и запонки, и серенки, и обрывки разныхъ матерій, и лоскутья сукна и ситцу, и прованси, и крашенныя нитки для шитва сарафановъ, и нугови, и наперсточки, и бусы и ленты — все это разложено имъ поперекъ воза на самомъ юру, чтобъ раздражить бабъ и заставить ихъ завидующіе глаза прельщаться оловянными колечками, мелкими лантариками, алою лентою, или перстенькомъ съ камешками.

Возь-то возъ оцѣнитъ, такъ десяти цѣлковыхъ тутъ дать не за-что, а лоскутникъ не унываетъ: онъ знаетъ, что эти десять цѣлковыхъ, которые пришлось ему въ кредитъ, принесутъ ему вѣрнаго барыша не одинъ десятокъ серебрянныхъ рубльковъ. Поэтому-то и ѣдетъ онъ на возу весело, и весело смотритъ на Божій міръ, и весело горлачитъ свою завынную пѣсенку, время отъ времени прерывая ее принудительнымъ причмокиваньемъ на лошадь.

Эй, вались народъ
Изъ каменныхъ воротъ!
Маленьки ребятки,
Космы заплатки,
Синіе клубки,
Бѣлые ватки
Алмазъ ленточки....

— Ну, ну, ну, сивка! шагай, шагай, батюшко!

Ай, тетки — Варвары
Несите карманы!
Ай, тетки — Души
Вынесите гуни!

— Тяни, тяни, сивка!.... ну, еще, еще!

Дьякъ пришелъ —
Расходъ пошелъ,
Дьячиха пришла
Продажа пошла!

— Тпруу, сивка, стой!.... Чего тебѣ, лебедка, надо? Что выкунаешь? вдругъ остановивъ лошадь посередѣ улицы, обращается онъ къ высунувшейся изъ одного окошка молодицѣ.

Начинается торгъ; возъ обступаютъ и иарни, и дѣвчонки. Ваякъ чего нибудь, хоть на самую малость, да кунитъ. Если у лоскутника случайно найдется въ продажѣ нѣсколько головокъ зеленого луку — даже и луку не дадутъ спуску. Иной хозяинъ, даромъ что у него въ огородѣ цѣлыя гряды свѣжаго луку, все-таки у лоскутника кунитъ пяточекъ головокъ....

Вы спросите: зачѣмъ?

— А какъ, зачѣмъ? Тѣ свой — тотъ ни почемъ, а этотъ покупной, продажный — онъ и слаще и вкуснѣе!

— Какъ глупо мужикъ разсуждаетъ! замѣтите вы на это очень основательно.

— Да точно правда, не умно.... да полно, мужики ль одинъ такъ разсуждаютъ?

Мужикъ деньгами платить не станетъ — деньги дороги. Отъ чѣмъ нибудь по домашеству расквитается съ лоскутникомъ и, всего впреще, вынесетъ ему, за лукъ, пару куринныхъ яицъ.

Ничѣмъ лоскутникъ нашъ не брезгаетъ. Еслибъ заглянуть попристальнѣе ему въ возъ, мы бы увидѣли, что тамъ ужъ не одно лукошко съ яйцами припрятано. И яйца, и пряжа, и холсты, и щипанное перье, чугунный бой, битое стекло, щетина, конскій волосъ, мѣшокъ съ хлѣбомъ, рукавицы, желѣзные подѣлки и всякая рухлядь и вѣтошь — все въ счетъ пошло, все съ рукъ идетъ либо на сосѣднемъ базарѣ, либо у окрестныхъ промышленниковъ.

И вотъ мужикъ, что годъ назадъ былъ бѣднымъ горемыкой, теперь поправился и ужъ своимъ коштомъ пошелъ въ торги; а поглядишь, годовъ черезъ пятокъ онъ и набу новую себѣ состроитъ побогаче впрещей, и заживетъ пошире да повальжнѣе, даромъ-что промыселъ лоскутника, или какого нибудь набойщика, такой не важный, что самъ собой никому и въ глаза не кинется.

А мало ли у насъ такихъ промысловъ? сколько десятковъ тысячъ народу получаютъ отъ нихъ честный кусокъ хлѣба? какое важное колесо представляютъ эти, повидному ничтожные, обороты въ цѣлой и многосложной машинѣ нашей промышленности и торговли?

Если мы не можемъ похвастаться знаніемъ того какъ живеть да поживаетъ нашъ православный русскій человекъ и какими насущными и живительными средствами пробавляется основное ядро русскаго народа, такъ ужъ нашъ и протительно неправильное убѣжденіе, что Киргизы пасутъ свои стада, а никакимъ дѣльнымъ дѣломъ не занимаются.

А какія у Киргизовъ занятія и въ какихъ полесныхъ трудахъ они препровождаютъ свое время — объ этомъ рѣчь у меня дальше.

Д. ЖАРКОВЪ.

МЕЧТЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

=

СОЧИНЕНІЕ АВТОРА „НАСЛѢДСТВА“.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Вы знаете, на чемъ дѣло остановилось. Во время ссоры съ Мечневыми и съ Лизой изъ-за Сикста Бричиславича Софвалы-Заиграйскаго, въ минуту страшнѣйшаго взрыва ревности, досады, бѣшенства, Александръ получилъ отъ Вѣры Сборовой записку съ увѣдомленіемъ, что отецъ ея — при смерти. Это извѣстіе поразило его какъ громовымъ ударомъ. Кромѣ дружбы за дружбу, онъ былъ обязанъ Сборову благодарностью за его преданныя, вѣрныя, истинно отеческія попеченія о пользахъ своихъ въ свѣтѣ и во службѣ. Съ дочерью можно было, по нерѣшленнымъ и запутаннымъ дѣламъ сердечнымъ, ссориться, дуться, сердиться, измѣнничать: но отецъ—дѣло другое. Тутъ все должно было смириться, притихнуть, и растаять въ кротость, умиленіе и преданность. Записка съ подобною вѣстью не могла не произвести въ спорщикѣ радикальнаго переворота. Въ три секунды времени Александръ Петровичъ переродился и, вѣрнѣе, возродился: все было забыто, все разсѣялось и исчезло какъ пыль. Передъ лицомъ смерти нѣтъ прошедшаго. Смерть — конецъ настоящаго, и начало будущаго.

Александръ прискакалъ къ дому своего друга и благодѣтеля еще въ томъ испугѣ, которымъ поразила его записка

Вѣры. Быстро взбѣжалъ онъ по лѣстницѣ и прошелъ рядъ комнатъ, спѣша къ кабинету, гдѣ находился умирающій Сборовъ. Не далѣе какъ вчера Николаю Ильичу было гораздо лучше; онъ ходилъ, разговаривалъ, смѣялся, дѣлалъ проекты для весны и лѣта, даже работалъ: все въ этомъ домѣ улыбалось и смотрѣло по-праздничному; теперь все облеклось печалью и мракомъ. Въ гостинныхъ расхаживали нѣсколько ближайшихъ родныхъ и четыре доктора, за которыми Вѣра разослала во всѣ концы города. Врачебное искусство рѣшило, что Николай Ильичъ дождется удереть немедленно. Александръ побѣжалъ къ полу-притворенной двери кабинета.

Изъ глубины этой комнаты, лишь только онъ открылъ входъ, поразила его, на порогѣ, и въ самое сердце, стрѣла мѣткая, губительная, страшнѣе апоплексіи, зажигательнѣе трехъ-пудовой бомбы: напряженный взглядъ большихъ, влажныхъ, блестящихъ глазъ Вѣры, стоявшей на козлыняхъ у одра отца; взглядъ чудный, неопиcанный, невообразимый; вылитый изъ боли, отчаянія и любви; глубокій какъ море; жгучій какъ полуденное солнце; красивый и страшный какъ электричество, скрытое въ мрачномъ облакѣ — до того что огонь проструился молнійними змѣйками по всѣмъ жиламъ и жилкамъ измѣнника. Вѣра, не вставая, протянула ему руку. Александръ подошелъ на цыпочкахъ и подалъ свою руку. Вѣра пожала ее съ глубокимъ чувствомъ. Онъ пожалъ тоже, отъ всего сердца. Вѣра еще разъ посмотрѣла ему въ глаза со всею силою души своей, и двѣ алмазныя слезы скатились по лицу ея. У него также появились на глазахъ слезы, съ которыми онъ, не выпуская руки Вѣры, обратился къ Софѣ Дмитріевнѣ Сборовой, сидѣвшей у изголовья, въ креслахъ, чтобы протянуть къ ней другую руку свою и принять ея печальное пожатіе. Я хотѣла бы быть великимъ живописцемъ, чтобы нарисовать вамъ эту группу и изобразить въ чертахъ лицъ и положеніяхъ фигуръ эту безмолвную драму душевныхъ впечатлѣній, чувствъ и мыслей. Вы были бы разстроганы.

Больной раскрылъ глаза и увидалъ Александра. Лицо его на-мгновеніе оduшевилось. На губахъ образовался родъ

улыбки, составлявшей страшное противорѣчіе со сведенными страданіемъ мускулами лица.

— Александръ!... ты здѣсь?... благодарю, другъ мой... сказалъ слабымъ голосомъ Сборовъ, который былъ до того разбитъ параличомъ, что не могъ ни пошевелиться на постели ни даже поднять руки. Прощай, братъ!... пришелъ мнѣ конецъ!... Я чувствую, жизнь уходитъ изъ меня... Очень сожалею, что не успѣлъ сдѣлать для тебя всего, что предполагалъ и намѣревался... прости!... не сердись на меня... виноватъ!... умираю въ долгу передъ тобою, мой добрый сынъ, за твою благородную, вѣрную, нелицемерную дружбу... Я всегда считалъ тебя моимъ роднымъ сыномъ... Не оставляй ихъ, Александръ Петровичъ; безъ тебя, безъ твоей защиты, безъ твоей доброй помощи, онѣ пропадутъ... Последняя моя надежда на землѣ — на тебя....

— Будьте спокойны, Николай Ильичъ, вскричалъ Александръ, бросаясь на колѣни у постели Сборова, возлѣ Вѣры, и кладя руку свою на холодную руку друга: положитесь на мою преданность... все мое усердіе, всѣ средства, вся жизнь моя, принадлежать тѣмъ, которые были дорогими вашему сердцу и могутъ лишиться вашего покровительства.

Софія Дмитріевна и Вѣра съ двухъ сторонъ подали слова руки Александру, который принялъ ихъ съ душевнымъ пожатіемъ.

— Я въ томъ увѣренъ... я тебя знаю!... ты рѣдкій человѣкъ!... промолвилъ Сборовъ. Въ послѣднюю минуту жизни, я счастливъ... я очень счастливъ... благодаря тебѣ... и притомъ очень радъ, что вижу васъ, дѣти мои, въ этомъ положеніи возлѣ моего одра... что могу благословить васъ... Я давно знаю... Вѣра мнѣ сказала... что вы любите другъ друга... Она ужасно тебя любить... и ты, кажется, любишь ее... порядочно... если она и всѣ мы не ошибаемся... Я желаю... очень желаю...

Больной остановился. Крошечная и мягкая ручка Вѣры, долготѣ пораженная нервною ледовитостью, загорѣлась въ рудѣ Александра, который сжалъ ее сильнѣе по невольному движенію сердца.

— Въ этомъ ящикѣ... на столѣ... мое завѣщаніе... изъ него вы узнаете, что думалъ объ васъ обонхъ... какъ о моихъ дѣтяхъ... Моя смерть — ваше обрученіе... любите и будьте счастливы... въ память обо мнѣ... о человѣкѣ, который любилъ васъ до послѣдней минуты... который благословляетъ васъ... не рукою... рука не имеетъ... а послѣднимъ дыханіемъ своимъ...

Сборовъ снова замолчалъ. Вѣра со слезами любви и горя бросилась въ объятія Александра. Они пламенно прижались другъ къ другу. Александръ поцѣловалъ внезапную невѣсту со всѣмъ восторгомъ перваго и давножданнаго поцѣлуя. Отъ этого поцѣлуя оба сердца забились очень сильно, и, съ этими бьющимися сердцами, бросились они къ рукамъ матери, которая, плача, благословила ихъ и расцѣловала имъ головы со всею теплотою материнскаго чувства.

— Будьте счастливы... благословляемъ васъ... отъ всего сердца... добрыя дѣти наши... любите и берегите вашу несравненную мать... Софія! Софія!.. прощай, мой ангелъ... Голосу нѣтъ... сказалъ еще Сборовъ, и не могъ говорить болѣе.

Мать и дочь снова залились слезами. Вѣра, оставаясь на колѣняхъ, закрыла лицо руками, опустила голову на постель отца и тихо рыдала. Александръ стоялъ у постели, печально глядя на друга, умиравшаго отцомъ его. Больной довольно долгое время находился въ забытіи, похожемъ на смерть, но онъ еще жилъ — еще искры жизни раѣла въ этомъ блѣдно-пепельномъ лицѣ — губы еще по-временамъ шевелились — онъ какъ будто хотѣлъ сказать что-то.

Наконецъ онъ произнесъ, но уже не раскрывая глазъ:

— Поправьте на мнѣ одѣяло... приведите постель въ порядокъ... надо умереть благопристойно... придутъ люди... будутъ любопытствовать...

Александръ, и Вѣра, которая видѣла опасность, но все еще надѣялась, и теперь въ избыткѣ душевнаго счастья надѣялась еще болѣе немедленно исполнили желаніе боль-

наго, во всемъ и во всю жизнь любившаго порядокъ, изящество и основательность.

Спустя немного больной вздохнулъ съ страдальческимъ усиленіемъ, какъ бы ища воздуха, и, тихимъ, потухающимъ голосомъ, проговорилъ :

— А!!!.. теперь копецъ!... душа рвется вонъ!... Извините... не обращайтесь вниманія... если... при послѣднемъ дыханіи... я... я сдѣлаю... я сдѣлаю... сдѣлаю... неприничную гримасу... Охъ!... тяжело!...

Вѣра вскочила и выбѣжала, съ отчаяннымъ лицомъ, въ гостиную, чтобы позвать врачей. За ними вошли прочіе, бывшіе въ ближайшихъ комнатахъ.

Всѣ взоры устремились на лицо больного. Могильная неподвижность и тишина въ скорбномъ собраніи продолжались болѣе четверти часа. Домашній докторъ придвинулъ ко рту и носу пациента круглое зеркальцо, посмотрѣлъ, и поставилъ обратно на столикъ, вытянувъ губы свои впередъ, поднявъ брови и сморщивъ лобъ такъ сильно, что парикъ приподнялся на его головѣ. Это значило, что человѣческая помощь больному бесполезна. Онъ и не ждалъ ея: другую, болѣе дѣйствительную, послѣднюю помощь получалъ онъ во-время, лишь-только обнаружилась опасность. Душа его была въ мирѣ съ землею, и приготвилась къ небу. Тяжкій трудъ былъ бытія поконченъ. Начиналось отрада вѣчнаго покоя.

Спустя вѣсколько минутъ послѣ этой врачебной церемоніи, Николая Ильича Сборова не стало.

Весь городъ былъ опечаленъ кончиною умнаго, благороднаго, почтеннаго Николая Ильича Сборова.

А Александръ-то?... что ему дѣлать?... плакать ли, или веселиться? Положеніе его было чрезвычайно странное и, притомъ, довольно затруднительное. Самъ онъ чувствовалъ это. Какъ же! онъ былъ увѣренъ, что влюбленъ въ Лизу, а оказалось, что влюбленъ въ Вѣру! Онъ выѣхалъ изъ дому съ намѣреніемъ сдѣлать предложеніе той, а женился на другой... и притомъ женился такъ скоропостижно!...

не успѣлъ провести дыханіе, какъ вотъ онъ уже и женихъ, супругъ, наслѣдникъ, исполнитель огромнаго духовнаго завѣщанія, которымъ отказываютъ ему счастье обладать прилебною и преумною дѣвушкою, не давъ даже времени помириться съ этимъ счастьемъ — известно, что онъ былъ съ нимъ въ ссорѣ — не допустивъ по-крайней-мѣрѣ извиниться передъ другимъ, точно такимъ же, счастьемъ, которое онъ понапрасну обидѣлъ подозрѣніями, упреками, вспыльчивыми выходками! Всю эту путаницу падѣлалъ этотъ невѣжда, безвкусникъ, варваръ Спѣвала-Заиграйскій — злодѣй его — бичъ его — смерть его. «Конецъ концовъ, думалъ Александръ, я не въ убыткѣ, быть-можетъ еще въ выигрышѣ; однако, я не вовсе расположенъ повергаться въ драматическія положенія и раздрающія перипетіи по милости какого-нибудь Спѣвалы! Теперь я ему прощаю, потому что женюсь и хороню въ одно время; но когда-нибудь этотъ шутъ поплатится мнѣ дорого за свои романтическія штуки.»

Итакъ, мой бѣшеный герой, Александръ Петровичъ Володинъ, женится. Богъ помощь! И премного удовольствія его сожительницѣ!... Слѣдовательно, повѣсть моя, вы скажете, кончилась. Со всѣмъ нѣтъ: теперь то она и начинается. Это старая метода, оканчиватъ рассказъ бракомъ или смертью. Въ наше время бракъ и смерть призваны очень остроумно началомъ всѣхъ интересныхъ событій жизни. Я не хочу отставать отъ вѣка.

Вѣра и мать ея рыдали отчаянно. Напрасно старался Александръ успокоить ту и другую и удалять отъ мѣста, приводившаго ихъ въ ужасъ.

— Оставьте меня, говорила Вѣра: оставьте возлѣ того, кто былъ донцихъ моимъ единственнымъ другомъ и защитникомъ, кому я всѣмъ обязана, всѣмъ, даже и счастьемъ быть вашею... Не правда ли, мой другъ, вы исполните его послѣднюю волю, его всегдашнее желаніе? вы не оставите насъ, моей большой, слабой матушки и меня, сироты?... Теперь, вы видите какъ онъ любилъ васъ? какъ любилъ меня?... Онъ зналъ, сколько я васъ люблю... Зналъ все... и мою глубокую привязанность... и вашу пылкую нетерпѣ-

—анность... никогда не сомнѣвался: амъ въ васъ, амротвѣ, утѣшалъ и поддерживалъ, когда я находилъ поводы сомнѣваться. Онъ всегда говорилъ мнѣ и матушкѣ: «Если смерть разлучитъ меня съ вами, я оставлю вамъ моего добраго Александра: вы найдете въ немъ друга такого же вѣрнаго, какъ я самъ, и веру еще вѣрнѣе и надежнѣе, нежели я, болѣной, истерзаннѣй старикъ...» Другъ мой! другъ мой!... потеря наша ненавѣрна. Я всю жизнь буду оплакивать ее. Отца, супруга, челоука благороднѣе, умнѣе и кроче его, не отыщете на свѣтѣ... Нѣтъ, я не уйду отсюда... О! не уводите меня!... Не перерывайте меня!... не мѣшайте мнѣ говорить объ немъ! Я приняла въ душу страданія, оставшія его тѣло... ощущаю ихъ въ себѣ... хочу чувствовать его сердцемъ, дышать его надеждами, повторять его слова: это доставляетъ мнѣ утѣшеніе думать, что онъ еще между нами... Онъ всегда будетъ со мною, здѣсь, въ этомъ сердцѣ, въ мысляхъ, въ памяти... Я хочу подтвердить его слова. Я свято исполню ея послѣднюю волю, буду повиноваться ей всю душою, всю жизнью... если же уклонюсь, то буду уверена, что онъ откасался отъ меня... и тогда... умру!...

Александръ былъ сильно тронутъ этимъ пылкимъ и искреннимъ изліаніемъ любящаго сердца въ минуту глубокой горести. Онъ съ удовольствіемъ слушалъ бы такіа признація весь вечеръ, но неуклонныя обстоятельства случившагося бѣдствія предписывали его твердости устранить присутствіе женщины, которое мѣшало погребальнымъ распоряженіямъ. Съ великимъ трудомъ вывелъ онъ Вѣру и Софію Дмитріевну изъ комнаты мертвеца. Приготовленія къ трауру и похоронамъ поглотили все его вниманіе. Хлѣпоты этого роду столь же непріятны какъ и утомительны: мертвецы требуютъ для себя ужасно много вещей и церемоній, и съ ними нѣтъ возможности, ни торговаться, ни разсуждать. Днемъ и ночью нужно служить ихъ деспотизму всею своею дѣятельностью, всѣмъ усердіемъ, всѣмъ послушаніемъ. Александръ однако, среди этихъ пзурительныхъ заботъ, имѣлъ утѣшеніе видѣть, что Вѣра, въ траур-

номъ покрывалѣ , была восхитительна : краше быть не-
льзя !

Какъ вы видите, до обычнаго конца повѣсти, до брака, еще очень далеко : во-первыхъ , цѣлый годъ траура ; во-вторыхъ , цѣлый мѣсяцъ обстоятельствъ , происходящихъ изъ новаго положенія лицъ въ обществѣ , и новыхъ отношеній другъ къ другу . Александру предстояло прежде всего разобрать бумаги и заняться дѣлами семейства . Покойный Николай Ильичъ , поклонникъ порядка , оставилъ состояніе свое въ немовѣрномъ разстройствѣ . Собственно , онъ никогда имъ не занимался , посвящая все свое время и всѣ заботы общественной пользѣ , и о своихъ имѣніяхъ зналъ только по рапортамъ управляющихъ . Онъ могъ сказать безошибочно количество государственныхъ долговъ каждой порознь страны , въ капиталѣ и въ процентахъ , и очень заботился о томъ , чѣмъ уплатить ихъ Англія , Франція , Швеція или Бразилія , но о своихъ собственныхъ долгахъ не имѣлъ никакого понятія : даже никогда объ нихъ не спрашивалъ .

Дѣла семейства Сборовыхъ , сдѣлавшагося семействомъ Александра , втокнули его въ бездну хлопотъ и непріятностей . Онъ принялся за нихъ горячо и отдалъ имъ свои досуги и свое спокойствіе . Онъ долженъ былъ отказаться для нихъ отъ всѣхъ удовольствій , даже отъ квартетовъ . О симфоніяхъ и говорить нечего . Музыка была почти совершенно забыта , и , замѣчательно , въ это время онъ сердился менѣе и почти ни съ кѣмъ не ссорился . Я говорю « почти » : потому-что у него была же невеста . Нельзя же не ссориться въ любви ! На небѣ и на любви бури необходимы . Ими доказывается равномерно присутствіе и электричества и страсти .

Пока Александръ Петровичъ устроитъ дѣла и женится , что же мнѣ-то дѣлать ? о чемъ мнѣ вамъ рассказывать ?... Я должна покорнѣйше просить извиненія у литературной моды , что не знаю толку въ герояхъ изъ простолюдиновъ . Винавата ! не умѣю собирать интересныхъ цвѣтковъ на лугахъ черной работы . Я жила всегда въ сферѣ изящной работы талантовъ и дарованій всякаго рода и вида . Каждый долженъ разсуждать о томъ что знаетъ . Я говорю о музыкѣ ,

объ искусствѣ, объ артистахъ, о художникахъ, потому-что, еще въ дѣтствѣ, подъ родительскимъ кровомъ, я слышала и сроднилась съ ними. Если кому изъ читателей такіе предметы кажутся скучными или, по-крайней-мѣрѣ менѣе занимательными, чѣмъ чувства въ лаптяхъ и нравы мамушці сапоги свои натуральнымъ дегтемъ, это потому-что ему еще мало говорили о такихъ предметахъ: познакомившись съ ними поближе, онъ непременно ихъ полюбитъ.

Нѣсколько разъ упоминала я здѣсь о камерной, то есть, комнатной, музыкѣ и о квартетахъ. Это также не впрямую натурѣ: я родилась среди квартета. Джерновики, Віотти, Родъ, Бальо, Лафонъ, всѣ геніальные поэты скрипки, оглашали своими умными звуками тѣ стѣны, въ которыхъ раздавался первый мой крикъ отъ боли, причиняемой новому тѣлу погруженіемъ въ воздухъ и свѣтъ. Миѣ очень жаль, что я ихъ не помню и ничего не могу объ нихъ сказать. Нѣкоторыхъ слышала я сидя еще на колѣняхъ у мадамъ де-Сталь и таская ей съ головы огромнѣйшій красный турбанъ, который ужасно миѣ не нравился; иные явились и исчезли еще до моего рожденія. Но я расскажу о многихъ другихъ, которыхъ хорошо помню и которые заслуживаютъ любопытства и свѣдѣнія.

Въ гостепріимный, радушный и веселый домъ моихъ родителей стекались всѣ европейскія знаменитости. Отецъ и мать моя были сами отличными и, притомъ, восторженными музыкантами и обладали примѣчательными познаніями въ искусствѣ. Домъ ихъ былъ въ высшей степени музыкальный. Конечно, и прочія искусства находили въ немъ не менѣе дружескій приемъ, но музыка составляла основную стихію жизни и семейнаго быта. Ею занимались, не изъ чванства, не для чужихъ глазъ, но по страсти къ прекрасному и для своего собственнаго сердца. Квартетъ былъ для моего отца верховнымъ удовольствіемъ и предметомъ гордости. Ему было пріятно думать, что нигдѣ въ Европѣ не бываетъ такихъ интересныхъ квартетовъ какъ у него. Въ нихъ поочередно засѣдали всѣ славнѣйшіе скрипачи и виолончелисты. Здѣсь рѣшалась судьба вновь прибывшихъ артистовъ, разумѣется, не совсѣмъ без-

эристраство, потому что страсть къ искусству испанца была предубѣжденій; но тѣмъ не менѣе одобренію, полученное въ этомъ обществѣ, считалось равнозначащимъ успѣху въ публикѣ. Въ ту эпоху, съ которой начинаются мои воспоминанія, ординарными членами батюшкина квартета были: первая скрипка — венгерець Бемъ, предѣстникъ Вістана и Контекаго, маленькій, тощій человѣчекъ съ вѣчно-бѣлымъ галстукомъ на шеѣ, тонкій и прозрачный какъ почтовая бумага — церемонный, кроткій, добродушный — безукоризненный и въ нотахъ и въ манерахъ своихъ — трудолюбивый и безкорыстный — слѣдовательно, асими любимый, а публикою любимый до того, что она толпами приходила слушать его еще и въ то время, какъ онъ уже не могъ играть болѣе; вторая скрипка — батюшка самъ; но какъ дѣла или гости часто мѣшали ему держать смычокъ длчно, то обыкновенно должность его въ квартетѣ выполнялъ Червенко, членъ опернаго оркестра, еще болѣе любимый за личныя качества нежели за музыкальныя пресходства. Это была нѣсколько слабая сторона квартета; но при усердіи, стараніи и навыкѣ, вторая скрипка иногда исполняла свое дѣло успѣшно. Червенко былъ всеобщимъ комиссіонеромъ, всегда готовымъ исполнять порученія; веселилъ общество своею оригинальностью и часто давалъ случай посмѣяться на свой счетъ. Братъ его, отличный кларнетистъ, не раздѣлявшій маленькихъ его странностей, также принадлежалъ къ числу домашнихъ друзей, но по роду своего инструмента рѣдко участвовалъ въ музыкѣ и бывалъ у насъ не часто. На віолончели игралъ Мейнгардтъ, первый виолончелистъ оркестра, флегматикъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, но, по общему приговору, отличный человѣкъ, добрый мужъ и примѣрный отецъ семейства. Игра его была холодна какъ ледъ, но звукъ ея находили прекраснымъ и говорили, что холодность выкупалась совершенствомъ, понимая, можетъ-быть, подъ совершенствомъ вѣрность игры. На альтѣ игралъ Гартманнъ, который нѣсколько времени участвовалъ въ оркестрѣ, но также хорошо игралъ на фортепіано, исключительно посвятилъ себя этому инструменту, и давалъ на немъ уроки. Гартманна

составляя иногда-то отличнаго музыкантомъ. Скопцевъ: перелетавъ состояніе подъ старость, онъ уѣхалъ на родину, еще разъ оставилъ ее, чтобы дирижировать оркестромъ какого-то театра въ Италіи, и тамъ кончилъ свою жизнь, прескромную, можетъ-быть, трудностями новаго его полосошья.

Эти лица составляли ядро общества; во кромѣ этихъ необходимыхъ членовъ квартета, были еще другіе, готовые по первому призыву участвовать въ музыкѣ, которая требовала содѣйствія ихъ талантовъ. Во-первыхъ, Дорншусъ, игравшій на альтѣ и, въ случаѣ надобности, на валторнѣ. Это былъ человекъ чрезвычайно любезный, который примирялъ всѣ маленькія несогласія, неизбежныя въ области согласнѣйшаго изъ искусствъ, лазутчикъ невѣрный и однакожь одушевленный усердіемъ, говорившій, что всѣ хвалятъ, нѣжно любить, между тѣмъ какъ всѣ ненавидѣли, безжалостно осуждали. Потомъ, были еще два брата Гегеля, игравшіе на мѣдныхъ инструментахъ; нѣсколько нѣмое лицо, Даллока, контробасистъ, котораго могущій инструментъ еще лучше выставялъ прелесть другихъ и служилъ имъ основою; Гримъ, игравшій, въ рѣдкихъ случаяхъ, вторую скрипку, а иногда и на альтѣ. Всѣ они принадлежали оперному оркестру, котораго члены всѣ, болѣе или менѣе, были вхожи въ домъ. Въ одномъ изъ такихъ собраній, на которыхъ съ жаромъ и увлеченіемъ занимались музыкой, не забывая тѣхъ, кто назначилъ себя служенію искусству, родилась первая мысль учредить Филармоническое Общество, по образцу берлинскаго, въ пользу вдовъ и сиротъ музыкантовъ. Общество это праздновало въ 1853 году свой пятидесятилѣтній юбилей. Отецъ мой вызвался содѣйствовать всѣми своими средствами успѣху предпріятія, возбуждавшаго восторгъ въ музыкантахъ, присутствовавшихъ на вечерѣ, и впоследствии заслужилъ единодушную благодарность тѣхъ, которые принимали участіе въ этомъ обществѣ и видѣли въ немъ источникъ благополучія для своихъ семействъ. Всѣ петербургскіе артисты и музыканты должны были давать концерты, и изъ денежнаго сбора этихъ концертовъ

опредѣлили составить сберегательную кассу, для раздач пенсій и пособій вдовамъ и сиротамъ музыкантовъ. Никто не могъ лучше моего отца начертать и осуществить подобный планъ; по личнымъ своимъ достоинствамъ, по своему состоянію, по положенію въ свѣтъ, по любви къ музыкѣ, настойчивости и рвенія во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ онъ тотчасъ же нашелъ необходимыя средства и силъ ныхъ помощниковъ въ щедрости и естественномъ желаніи быть полезными классу общества, который доставляет столько удовольствія другимъ. Проектъ былъ скоро исполненъ моими отцомъ и его друзьями, которые съ совершенною готовностію приняла участіе въ этомъ учрежденіи существующемъ до-сихъ поръ и сохранившемъ воспоминаніе о своемъ основателѣ.

Зимомъ, у насъ, довольно часто бывали квартеты, обыкновенно по воскресеньямъ; но всего чаще собиравались за гитарою, лѣтомъ, во время отдыха артистовъ, и тогда—тѣмъ всего болѣе наслаждались мы прелестями музыки, драматической особенно для тѣхъ, которые, сами занимаясь ею, знаютъ ее во всѣхъ подробностяхъ.

У отца моего была, неподалеку отъ города, прекрасная дача, состоявшая изъ нѣсколькихъ домовъ. Большую часть ихъ занимало наше семейство; но нѣсколько дачъ оставалось для друзей, въ числѣ которыхъ всегда бывали артисты, и постоянно жившіе въ Петербургѣ или пріѣзжавшіе только на время. Близость дачи къ городу очень облегчала музыкальные собранія. За гостями посылали экипажи, встрѣчали ихъ съ величайшимъ радушіемъ, да и сами они спѣшили съ удовольствіемъ. Вступленіе къ квартетамъ составляло огромный завтракъ изъ молочнаго, пирожнаго, дачи и фруктовъ, который, для насъ дѣтей, дѣлалъ музыку истинно волшебнымъ изобрѣтеніемъ. Мы ждали квартетовъ какъ счастливаго Позавтракавъ, отдохнувъ, собравшись съ духомъ, гости говорили, улыбаясь, что пора заняться дѣломъ, для котораго уже все было приготовлено; вставали изъ-за стола и уходили въ ближайшую залу. Это была просторная комната, съ большими дверями выходившими на террасу, уставленную тынцъ съ сладью горшковъ съ прекраснѣйшими цвѣтами. Передъ те

раскою разстлалась большой лугъ, по сторонамъ которой шли двѣ аллеи, дубовая и липовая. Въ хорошую погоду двери растворялись и зала наполнялась благоуханіемъ геліотроповъ, розъ и жасминовъ. Здѣсь-то стояли пианистры, инструменты и кипы нотъ, которымъ хотѣли предаться отъ всего сердца, и исполнители, и публика, или слушатели: потому что нельзя же играть на-вѣтеръ; надо, чтобы кто-нибудь слушалъ и восхищался. Въ эти дни, назначенные исключительно для музыки, рѣдко приглашали постороннихъ; но какъ это бывало почти всегда по воскреснымъ, то друзья или постоянные слушатели прѣзжали, не дожидаясь особаго приглашенія. Сосѣди и друзья, жившіе на дачѣ, очень хорошо знали квартетные дни, и могли слушать, сколько имъ было угодно. Лишить ихъ этого значило бы нанести смертельную обиду и квартетамъ, и сосѣдямъ и самимъ друзьямъ; это было бы неделикатностью это значило бы, что сомнѣваются въ ихъ способностяхъ цѣнить то, что достойно восхищенія, что доставляетъ столько удовольствія. Двери оставались всегда растворенными; приглашеніе было сдѣлано однажды навсегда, и тѣмъ менѣе стали бы въ этомъ гостепріемномъ домѣ дѣлать исключеніе изъ этого правила въ то время, когда было чѣмъ принять гостей.

Квартеты начинались тотчасъ послѣ завтрака и продолжались, съ маленькими паузами, необходимыми для того чтобы перевести духъ и выразить свое восхищеніе о томъ, что играли или слышали. Публика перемѣнялась безпрестанно; иногда бывало больше слушателей, иногда меньше. Большинство составляли, обыкновенно, дамы; онѣ располагались на концѣ залы, около круглаго стола, на которомъ стояли ящики съ работою. Каждая брала въ нихъ необходимое, чтобы заняться во время музыки, и молчаніе прерывалось только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, и то шопотомъ. Мы, дѣти, находили въ квартетахъ одно только неудобство, но зато неудобство ужасное: нельзя было ни шумѣть ни шалить. Намъ тотчасъ прогоняли въ садъ. Это бы еще не бѣда; но за нами выбѣгали гувернантки, и тутъ — концы счастью. Мы находили, что квартеты должны бы, особ-

сивенно, олицетвляясь вступлениемъ, то есть, задраками. Мужчины садились гдѣ имъ хотѣлось. Въ то время вовсе не курили, по-крайней-мѣрѣ въ присутствіи дамъ. Это было совершенно неизвѣстно, такъ-что не было сигаръ и дыму, этихъ удуманныхъ вспомогательныхъ средствъ, которыми теперь наполняется пустота многихъ обществъ. Поэтому, мужчины, присутствовавшіе на квартетахъ, слушали съ большимъ вниманіемъ; но, послѣ одной или двухъ цѣсъ, зашатавъ дамы восхищеніи и благодарности великому композитору и отличнымъ музыкантамъ, воспроизведшимъ прекрасной игрою произведеніе прекрасной мысли, которая безъ нихъ осталась бы мертвою буквою, эти слушатели уходили потихоньку, на цыпочкахъ, чтобы прогуляться по саду, поговорить о другихъ вещахъ. Потомъ возвращались, иль ихъ замѣняли другіе, приходившіе съ тѣмъ же намѣреніемъ, съ тою же легкостью доступа, и съ тѣмъ же мужескимъ недостаткомъ въ терпѣніи.

Для меня, какъ для большей части дѣтей, воскресенье было прекрасный день, который отъ квартетнаго завтрака дѣлался совсѣмъ несравненнымъ. Этотъ день, въ послѣдствіи времени, проводили со мною нѣсколько моихъ подругъ, ровесницъ. Мы составляли веселую и независимую толпу, свободно входя и выходя во время квартетовъ, но съ условіемъ, чтобы все это дѣлалось безъ малѣйшаго шума и чтобы мы соблюдали строжайшее молчаніе. Подруги мои менѣе меня чувствовали прелесть музыки, удѣляли ей только разсѣянное вниманіе, и безпрестанно подъ какими-нибудь предлогомъ уходили изъ залы; я, напротивъ, съ удовольствіемъ оставалась въ залѣ, и камерная музыка поглощала все мое вниманіе. Конечно, тогда я еще не была въ состояніи оцѣнить красоту и достоинства того что слышала, классифицировать, понимать, къ какому роду принадлежало оно, отдавать себѣ отчетъ въ дѣйствіи, которое оно производило на меня; но я слушала со вниманіемъ. Это была не такая музыка, которая безсознательно скользятъ въ органы слуха, производятъ въ воздухѣ дрежащія звуки, къ головѣ громъ и блескъ, могущіе обойтись безъ вниманія и заочтатѣться въ памяти или умѣ слушателя безъ всякаго

услыла съ его стороны. Нѣтъ! музыка, эта требовала, чтобы ее слушали твердо, слѣдили бы за нею во всѣхъ подробностяхъ, сосклавляющихъ цѣлое. Это — разговоръ инструментовъ, вопросы и отвѣты, разсужденія, за нитью котораго рѣшительно слѣдуетъ, если хочешь ихъ понять. Что такій родъ музыки можетъ живо занимать и привлекать — не удивительно; что квартетъ можетъ быть восхитительнымъ, такъ же, какъ нестерпимымъ — не подлежитъ сомнѣнію. Мысли и умъ и чувство композитора могутъ возноситься въ немѣдномъ до того, что получаютъ самое разнообразное, самое пріятное выраженіе. Но такъ же какъ можно не находить въ квартетѣ ничего кромѣ пошлости и общихъ мѣстъ, какъ во всѣхъ разборахъ, Нельзя ни провозносить ни осуждать его безъ опредѣленій. Что касается меня, то я слышала, только самыя умныя квартеты. Отвѣтственность за ихъ содержаніе, дожда, на Моцартѣ и Гайднѣ. Впрочемъ, и звѣзды второй величины, но неоспоримаго блеска, находили почетное мѣсто и ласковый приемъ возлѣ твореній великихъ мастеровъ. Моцартъ былъ тогда великимъ свѣтиломъ, которому надождало поклоняться безусловно. Бетховена еще не признавали гениемъ: напротивъ, его ругали, пересмѣивали, ставили ни во что. Музыканты не хотѣли разыгрывать ея сочиненій, которыя называли они плодами бездарности, невѣжества и сумасшестія. Похвалить Бетховена значило окомпрометировать себя въ глазахъ знатоковъ. Съ какою презрѣніемъ мыльшіе классики отзываются о Верди, съ такимъ же, если еще не большимъ, презрѣніемъ тогдашніе классики говорили о Бетховенѣ. Я помню, когда ему еще не кланялись; помню, когда стали приближаться къ удивленію, и когда почувствовали восхищеніе, которое долже было увеличиваться съ каждымъ днемъ. Я привыкла въ отсутствіи слышать эту музыку, изъ которой ни одна нота не означалась для меня, но въ которой я могла почерпнуть много, все, мало, или вовсе ничего, смотря по своему разумѣнію. Не ставили мнѣ этого ни въ какую обязанность, и не общали за это никакой награды. Я слушала, замѣчала, размышляла, и мало-по-малу мои размышленія, созрѣвая, принимали опредѣленную форму. Въ квартетномъ родѣ музыкѣ

ки нѣтъ увлекающей страсти: артистъ не приводитъ въ восторгъ своей игрою, не обольщаетъ воображенія необыкновенными эффектами; не слышно мыслей, то есть, мелодій, которыя бы сами собою отпечатывались въ памяти, требовали громкихъ похвалъ и рѣшали вашу привязанность въ пользу квартетовъ: ничего такого нѣтъ. Это скорѣе образъ внутренней, домашней жизни, съ тысячью мелкихъ отгѣнковъ, незначущихъ вовсе значенія для тѣхъ, до кого они не касаются, но чрезвычайно важныхъ для того, чья вся жизнь состоитъ изъ такихъ подробностей. Квартетъ можно сравнить съ жизнью простою, спокойною, ровною, изъ которой поэзія мыслей, ума и чувства бываетъ исключена для болѣе или менѣе приятной и остроумной бесѣды о дѣлахъ текучихъ. Въ первой части квартета, движеніе, обыкновенно умѣренное, соответствуетъ самому естественному положенію человека. Онъ еще въ полномъ цвѣтѣ силъ и ничто не возмущаетъ его душевнаго мира. Человекъ живетъ и слѣдуетъ теченію жизни. Каждая нота, каждый звукъ есть дѣйствіе, движеніе, чувство, которыя ведутъ по скату, едва замѣтному, однакожъ существующему, отъ утра къ вечеру, отъ пробужденія къ минутѣ покоя. Начинается *andante* — и бесѣда четырехъ лицъ обрисовывается въ немъ яснѣе: человекъ удаляется отъ земли, и возносится въ высшія сферы. Здѣсь еще менѣе дѣйствій, затоболѣе желанія, мечты, любви. За тѣмъ слѣдуетъ менуэтъ или scherzo: смѣются, шутятъ, забываютъ жизнь съ ея заботами и тревогами, чтобы предаваться веселости, испытать на нѣсколько мгновеній удовольствія; и однакожъ должно считать эти мгновенья: это самая короткая часть квартета, но въ тоже время самая трудная — и берегись тотъ, кто берется за нее безъ мѣры!.. Въ послѣдней части, самой быстрой, бесѣда и движеніе гораздо живѣе и тревожнѣе, нежели въ прочихъ. Она могла бы, если ужъ это необходимо, коснуться даже страсти, потому-что она находитъ себѣ путь въ самыхъ темныхъ, какъ и въ самыхъ свѣтлыхъ областяхъ, доступна невѣждамъ и не исключается величайшими мудрецами. Но уничтожить все это для правила, приличія, обычая, для финала квартета — какая глупость! И для чего? Зачѣмъ брать на себя такую отвѣтствен-

ность, когда позволено, даже приказано, обходиться без этого?

Исполнители, разумѣется, бывали довольны всѣмъ—и собою и твореніями и рукоплесканіями. Ни лѣтній жаръ, ни осенній дождь не останавливали ихъ усердія, не сокращали работы. Между ними господствовало совершенное согласіе, полное единство мнѣній и сужденій, — не по уговору, не изъ интереса или самолюбія,—нѣтъ, согласіе было такъ добровольно, такъ присуще ихъ природѣ, такъ единодушно въ своемъ выраженіи, что тотъ, кто сказалъ бы что всѣ они ошибались и смотрѣли на предметъ своего восхищенія съ ложной точки, созданной воображеніемъ или подготовленной воспитаніемъ, едва ли могъ бы доказать справедливость своихъ словъ. Но никто и не думалъ дѣлать этого замѣчанія въ маленькомъ обществѣ, соединенномъ аккордомъ, дружбой, привычкой, и маленькими принадлежностями, связывающими эти прекрасныя вещи, которыя безъ того кажутся всегда неполными.

Часть обѣда наступалъ незамѣтно и прекращалъ на-время музыку, вѣроятно, къ полному удовольствію и самихъ музыкантовъ. Въ дурную погоду возвращались въ ту самую залу, гдѣ завтракали, а въ хорошую обѣдали на галлерей, гдѣ столы были разставлены между красивѣйшими цвѣтами. Но въ обѣдъ случаяхъ, однако жъ, гости и хозяева были всегда въ одномъ расположеніи духа. Обѣдъ бывалъ веселый, живой, даже шумный. Ума здѣсь не тратили много: насладившись умомъ другихъ, можно было не платить повинны съ своего собственнаго и позволить ему немного предаться сладости отдыха. Притомъ же, при живыхъ воспоминаніяхъ о недавнемъ прошломъ, и послѣ такихъ разнообразныхъ наслажденій настоящей минуты, трудно было бы задумать что-нибудь новое, которое не имѣло бы связи съ прелестіями текущаго дня.

Послѣ обѣда, артисты единодушно, вооружась каждый своимъ инструментомъ, надѣвали очки, и квартеты опять начинались, если не съ тѣмъ жаромъ, зато, по-крайней-мѣрѣ, съ прежнимъ усердіемъ, съ прежнимъ уваженіемъ къ исполняемымъ произведеніямъ, съ прежнею любовью къ

роду музыки, соединяющей четырехъ человекъ въ одно дружеское и неразрывное цѣлое. Напоследокъ когда уже давно прошелъ часъ, назначенный для чаю, окончательно ставили всторону инструменты; складывали ноты; и никто не жалѣлъ объ употребленномъ времени: иѣкоторые оставались выпить чашку-другую чаю, и заключить день легкимъ ужиномъ. Тѣже экипажи, которые привезли гостей, отвозили ихъ домой, и, разставаясь, друзья обѣщали вскорѣ опять увидѣться.

Чистые и прекрасные дни, исполненные ничѣмъ не обманутыхъ наслажденій! Правда, что наслаждение было тихое и умѣренное; ни безумія, ни шумныхъ восторговъ; но было чувство удовольствія, въ предѣлахъ котораго ничто не подлежало пересудамъ.

Эта музыка и эти музыканты составляли грунтъ музыкальной картины нашего дома, въ которой были лѣтнее небо, деревья, зелень, цвѣты. Но какъ бы ни была прекрасна картина, если она представляетъ только мишенькую сторону вещей, она усыпительна. Ес надо одушевить, дать ей жизнь, остановить глазъ на какомъ-нибудь предметѣ, которой бы отдѣлялся отъ цѣлаго, выступая бы изъ полотна на столько, чтобъ тревожилось вниманіе. Что можетъ быть блистательнѣе, привлекательнѣе и въ то же время непостояннѣе, извѣстности, славы? Часо это бываетъ драгоцѣнной камень, ошлифованный на тысячу граней, которой горитъ огнемъ при благоприятномъ освѣщеніи: но, когда плашки погасли, онъ гибнетъ во мракѣ и дѣлается лишь воспоминаніемъ, преданіемъ. И самая эфемерная изъ всѣхъ родовъ славы — слава великихъ артистовъ-исполнителей. Каріера ихъ пройдена, странствованія кончились, и звукъ ихъ инструмента, тембръ голоса, замолкли и замерли въ воздухѣ. То, что возбуждало возгласы людей, уже не существуетъ. Гдѣ же восторги, которые внушалъ артистъ? Гдѣ возгласы, которые возбуждалъ онъ? Гдѣ рукоплесканія, которыми, казалось, не будетъ конца, и которыя ждали только случая, чтобы повториться громче прежняго? Объ нихъ еще говорятъ, еще вспоминаютъ иногда, но объ артистахъ нѣтъ и помину.... Послѣ ихъ не осталось слѣда

на землѣ: они унесли все съ собою! Все кончается, и на всегда, съ короткимъ поприщемъ звуко-человѣка.

Въ городскомъ домѣ, на Англійской Набережной, который занималъ мой отецъ, съ семействомъ своимъ и многочисленнымъ причтомъ гувернантокъ, учителей и лицъ, необходимыхъ для дѣла его, была квартира изъ четырехъ хорошенькихъ комнатъ и прихожей. Здѣсь обыкновенно жили мои два старшіе брата. Но разъ, или два раза въ годъ, приходило письмо, послѣ котораго наступало общее переселеніе народовъ. Братья мои оставляли свою квартиру и переходили въ болѣе скромное помѣщеніе, которое занималъ самый младшій братъ съ гувернеромъ. Эти, принужденные уступить свое мѣсто, получали другое, нѣсколько тѣсноватое, которое отдѣлялось имъ отъ комнатъ моихъ старшихъ сестеръ. Эти же, стѣсненные въ своемъ жилищѣ, дѣлались ближайшими сосѣдками младшихъ сестеръ, въ числѣ которыхъ находилась я. Что же было причиною всѣхъ этихъ перемѣнъ, всѣхъ перемѣщеній? Какая-нибудь знаменитая пѣвица, великая, несравненная Мара, Боргондіо, или другая, пріѣдетъ въ Петербургъ и проведетъ нѣсколько времени у насъ! Холодная квартира моихъ братьевъ получала, со возможною скоростью, всѣ принадлежности, необходимыя для каждой женщины, привыкшей сколько-нибудь къ изяществу и удобствамъ жизни, а тѣмъ болѣе необходимыя для той, которая считала пребываніе свое у другихъ праздникомъ для нихъ. Черезъ нѣсколько дней, пріѣзжала, наприѣръ, Мара, бывшая примадонна; говорю бывшая, потому-что въ эпоху, которая описывается, она уже давно перестала быть примадонной. Самое отдаленное воспоминаніе мое представляетъ ее въ видѣ женщины очень пожилой: однакожь въ ней была особенность, которой я никакъ не могла объяснить себѣ. Она не имѣла ни малѣйшаго сходства съ тѣмъ, что называется молодостью, но въ ней также, въ то время, не было ничего такого, что заслуживало бы названія старости. Женщина эта сохранялась такъ удивительно, что, можно было подозревать, не владѣла ли она какимъ-нибудь секретомъ для обновленія своихъ жизненныхъ силъ. Она уже давно миновала ту эпоху, когда человѣкъ переживаетъ артиста:

борьбу между талантомъ, который еще существуетъ, составляетъ не отъемлемую часть бытія, находится внутри своей тѣлесной оболочки, и средствами воспроизводитъ, обнаруживаетъ его, зависящими отъ мѣста, обстоятельствъ, возраста, расположенія, и еще множества другихъ причинъ. Мара была нѣкогда знаменитѣйшая изъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ пѣвицъ сего міра. Ей поклонялись какъ идолу. Въ честь ей писали поэмы и книги, ставили триумфальныя арки, отливали статуи и бюсты. Какъ она пѣла, не могу сказать: конечно, пѣла въ совершенствѣ. Въ тѣ времена, всякая страсть, всякая экспрессія, были строго запрещены въ музыкѣ, и пѣніе Мары вѣроятно было холодно какъ ледъ или какъ прошедшее. Фридрихъ-Великій поручилъ своему камергеру, однажды, замѣтить ей, что нужно было бы показывать болѣе одушевленія на сценѣ. «Хотите ли, вспылчиво возразила избалованная пѣвица, чтобы я пѣла ногами и руками?... чего не могу сдѣлать голосомъ, того и дѣлать не стану!» — «Не сердись, моя красавица! сказалъ посолъ: король желаетъ видѣть васъ исполнѣ несравненною, и по этому приказалъ сказать вамъ, по его мнѣнію, у кого есть голосъ, у того должна быть и душа. Пойте, не ногами или руками, а душою.» Все это указываетъ, что въ наше время Мара навѣрное не удостоилась бы тѣхъ триумфовъ, которыми окружали ее современники. Но привычка къ успѣхамъ породила въ ней тщеславіе, доходившее до комизма. Она не въ шутку считала себя одною изъ важнѣйшихъ особъ вселенной и была уверена, что, пока свѣтъ существуетъ, объ ней будутъ говорить съ благоговѣніемъ. Бывъ эстляндскою уроженкою, она воображала, что черезъ нея Ревель сталъ славіе Рима. Теперь она отдыхала, и наслаждалась во всей полнотѣ воспоминаніями, связанными съ ея славнымъ и долговѣчнымъ поприщемъ. Хотя Мара уже не пѣла, или почти не пѣла, — потому-что нельзя же считать за пѣніе нѣсколько пассажей и руладъ, которыя вставляла она, для объясненія, въ рассказы о своей жизни, и въ дополненіе анекдотовъ о своихъ первыхъ роляхъ, — однако жъ, по привычкѣ, или же для удобства жизни, она сохранила те...

что нѣкогда было первою необходимостью въ ея артистической карьерѣ—аккомпаниатора—который всегда прѣзжалъ вмѣстѣ съ нею. Флоріо былъ лѣтъ тридцати пяти, красивый мужчина, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, открытой и пріятной физиономіей. Отецъ его былъ итальянецъ, мать англичанка; поэтому Флоріо говорилъ бѣгло на обоихъ языкахъ, равно какъ и по-французски, и состоялъ при Марѣ въ должности раба, ученика, секретаря и аккомпаниатора. Знаменитая пѣвица выучила его пѣть и сообщила ему кое-что изъ своей предестной методы. Такъ-какъ Флоріо былъ избавленъ отъ всѣхъ расходовъ, то покровительницѣ его казалось, что ему и не нужно денегъ. Покровительствуемый думалъ иначе, и это служило иногда поводомъ къ жаркимъ недоразумѣніямъ. Для прекращенія ихъ, Мара позволила своему ученику образовать учениковъ отъ себя и передать имъ сокровища, которыя онъ получилъ отъ нея. Флоріо, опираясь на громкое имя Мары, и притомъ будучи самъ не безъ личныхъ и артистическихъ достоинствъ, легко нашелъ уроки. Но тутъ явилось новое неудобство, нарушившее гармонию между учительницей и поработаннымъ ученикомъ. Уроки пѣнья, обыкновенно, даются дамамъ и дѣвицамъ въ цвѣтъ лѣтъ; а эта, самая интересная пора жизни, уже давно сдѣлалась для Мары отдаленнымъ воспоминаніемъ. Иногда, на вопросы объ успѣхахъ ученицъ, безразсудный учитель говорилъ объ ихъ красотѣ и милыхъ качествахъ, вмѣсто того чтобъ говорить объ ихъ сольфеджіяхъ и экзерциціяхъ. И тогда на голову несчастнаго обрушивался потокъ брани, упрековъ, угрозъ. Бѣдному Флоріо стоило иногда большаго труда успокоить разгнѣванную древнюю примадонну; но какъ онъ уже привыкъ къ этому, то почти всегда кончалъ дѣло благополучно. Примадонна, побранивъ, какъ слѣдуетъ, *осла-музыканта*, объявляла, что не позволитъ ему болѣе безчестить своей пезабвенной методы. Богъ знаетъ, гдѣ и для кого и сама будетъ учить его ученицъ и учениковъ. Она дѣйствительно принималась за дѣло, но совершенно съ артистическимъ намѣреніемъ. Она давала уроки только тамъ, гдѣ видѣла истинный талантъ, прекрасный голосъ, искреннюю любовь къ искусству и желаніе усоч-

вершенствоваться. Уроки эти не обуславливались, ни часомъ, ни вознагражденіемъ. Она не знала имъ никакой цѣны; ей платили благодарностью, удивленіемъ, лестью, и за это влагала въ человѣчество все свое знаніе, всю опытность, весь разумъ нѣня, и находила въ этомъ удовольствіе. Можетъ-быть даже ей пріятно было—хоть она не признавалась въ этомъ и самой себѣ—еще выказать, при удобномъ случаѣ, свой голосъ, почти угасшій, давно осужденный на молчаніе, выводить рулады и фіоритуры, которыя доставили ей столько пріятныхъ торжествъ, усѣяли ея жизнь цвѣтами и смягчили ея тернія. Но такіе уроки не могли повторяться часто или продолжаться безконечно, и потому у великой пѣвицы оставалось много свободного времени. А въ тѣ лѣта, въ какихъ была Мара, сколько занятій уже не существуютъ для женщины, сколько наслажденій и удовольствій, о которыхъ даже нѣтъ и воспоминавія! У ней не было дѣтей, которыя бы ее любили; не было внучатъ, которые бы ее забавляли и которыхъ бы она баловала. Она не знала и не искала привязанностей, близкихъ сердцу. Привыкнувъ часто мѣнять свое мѣстопробываніе, она жила, то у своихъ друзей, то въ гостинницахъ, гдѣ останавливалась на-время, но гдѣ неудобства гораздо многочисленнѣе выгодъ. Въмѣсто всѣхъ нашихъ житейскихъ пріятностей, не находившихъ мѣста въ бродячей жизни Мары, немножко свойственной всѣмъ артистамъ, она умѣла найти пріятность другаго рода. У ней была рѣшительная привязанность, которая впрочемъ ладила какъ нельзя лучше съ ея артистическими привычками, уживалась со всѣми переменами климата, мѣста, окружающихъ, стояла выше всѣхъ превратностей счастья моды и славы. Мара была страстная охотница до собакъ. Въ продолженіе долгомѣтнаго ея поприща, онѣ доставили ей много утѣшенія въ несчастіи, и много удовольствія въ счастіи. Единственную печаль причиняли ей эти вѣрные друзья тѣмъ, что часто умирали. И тогда Мара такъ глубоко, такъ жалко тосковала, такъ открыто выказывала свою горестъ, что каждый принималъ въ ней искреннее участіе, каждый желалъ облегчить ее, и утѣшенія всѣхъ породъ

стекались къ ней со всѣхъ сторонъ, изъ близи и издалека. Оставалось только выбрать преемника покойному другу и обратить на новый предметъ любовь, которую чувствовала она къ выбывшему изъ списка. Каро, одинъ изъ знаменитѣйшихъ любимцевъ, долго былъ мовимъ короткимъ знакомымъ, и гостилъ у насъ въ городѣ и на дачѣ. Попеченія объ этомъ существѣ вошли въ привычку у Мары и она исполняла ихъ со всею строгостью. Каждый день, за обѣдомъ, возлѣ нея ставили особенную тарелку для каждаго кушанья, и она откладывала потребную порцію для Каро. Тарелки эти относили на другой столъ, гдѣ онѣ оставались до конца обѣда. Каро былъ пестъ хорошаго воспитанія и терпѣливо ждалъ, пока его хозяйка кончитъ кушать. Она отсрачивала его удовольствія не изъ каприза, но ддятого чтобы онъ полнѣе наслаждался и болѣе привязывался къ ней чувствами благодарности за ея заботы о томъ, что было ему пріятно и необходимо. Проглотивъ послѣдній кусокъ, Мара бѣжала подавать Каро одно блюдо за другимъ, соблюдая тотъ же порядокъ, въ какомъ обѣдала сама — пачиная супомъ и кончая десертомъ. Исполнивъ эту обязанность, ко взаимному удовольствію покровительницы и покровительствуемаго, Мара приходила въ гостиную.

Кажется, что въ продолженіе всей своей триумфальной жизни она старательно избѣгала разрушительнаго столкновенія со страстями; по — крайней — мѣрѣ, на ней не оставалось замѣтныхъ слѣдовъ душевныхъ опустошеній или тяжелыхъ воспоминаній. Все въ ней сохранялось прекрасно, и воспоминанія молодости были такъ же спокойны, какъ и воспоминанія старости. Поэтому она не любила никакихъ ощущеній, которыя могли бы нарушить ея тѣлесное или душевное спокойствіе. Чтобы пріятно провести или сократить время, котораго такъ много оставалось ей, она любила поиграть въ карты, но выбирала преимущество игры, требовавшія какъ можно менѣе расчетовъ, и играла по вензель-примо-маленькой. *Желтый-карло, комета, линдерб!* существуете ли вы въ чьей-нибудь памяти, вы которые такъ занимали нашихъ бабушекъ и дѣдушекъ? Какъ Мара избирала игры, не только легкія, но и веселыя или забавныя,

то она иногда дѣлала мнѣ честь, допуская сыграть съ нею туръ; и хотя между нашими лѣтами было по-больше полу-вѣка разницы, однако жъ наши вкусы и идеи удивительно сходились въ невинномъ препровожденіи времени, забавлявшемъ столько же дѣтство сколько и старость. Мара очень любила, чтобъ я играла съ нею и забавляла ее своими замѣчаніями; разъ, однако жъ, помню, я заслужила отъ нея выговоръ и навлекла облако на ея лицо, всегда ясное. Однажды вечеромъ, игра затянулась и была одушевленнѣе обыкновеннаго; свѣчи догорѣли; вмѣсто ихъ поставили новыя, но забыли перемѣнить одну, и свѣтильня, перегнувшись въ остатокъ воска, напрасно старалась ожить и бросала дрожащее мерцанье. Свѣтильня эта показалась мнѣ похожею на жизнь, которая уже гаснетъ, но еще хочетъ удержаться въ своей оболочкѣ и блеснуть еще на нѣсколько мгновеній. Сравненіе мое показалось мнѣ такимъ великолѣпнымъ, что я сообщила его всему обществу, но оно пришлось очень не по вкусу Марѣ, которая сказала мнѣ, что дѣти говорятъ только глупости, когда мѣшаются въ вещи, имъ нецонятныя. Одинъ пріѣздъ Мары обозначился у насъ печальнымъ событіемъ: Каро умеръ, несмотря на самыя попечительныя старанія. Мы были свидѣтелями горести его благодарнѣйшицы, которая, въ воспоминаніе объ этомъ любезномъ предметѣ, велѣла снять съ него портретъ и носила въ браслетѣ. Это было зимою, въ самыя крутые морозы. Надо было отдать послѣдній долгъ несравненному Каро. Мара не могла, въ свои лѣта, рисковать своимъ здоровьемъ, и безъ-того уже разстроеннымъ бессонницей и печалью, по причинѣ смерти собачки. Сдѣлавъ столько для Флорію, она могла сколько-нибудь рассчитывать на его благодарность и ждать отъ него готовности и аккуратности, необходимыхъ при такомъ важномъ случаѣ. Она возложила на Флорію обязанность схранить драгоценнаго Каро. Рѣшено было предать его землѣ у насъ на дачѣ. Флорію попробоваль-было сдѣлать нѣкоторыя возраженія этому плану, представлялъ на видъ отдаленность мѣста, огромные слои снѣгу, покрывавшіе землю, ужасный холодъ, который дѣлалъ путешествіе не совсѣмъ-то пріят-

нымъ. Но ему зажали ротъ словомъ «неблагодарный», произнесеннымъ съ такою энергіей, съ такимъ глубокимъ негодованіемъ, что оставалось только молчать и покориться. Музыкантъ, закутавшись въ шубу, повезъ сокровище въ широкихъ, покойныхъ сапяхъ, одинъ-одинехонекъ, потому что товарищей для этого опаснаго предпріятія не оказалось. Ему были даны самыя точныя инструкціи о томъ гдѣ и какъ зарыть незабвеннаго; какой поставить ему памятникъ; что сказать присутствующимъ о добродѣтеляхъ покойнаго; послѣ чего было еще приказано Флоріо, чтобы онъ выпилъ чаю съ краснымъ виномъ, обогрѣлся у садовника или въ оранжереѣ, и отправился бы въ обратный путь, совершенно подкрѣпивъ свои силы. Флоріо замѣшкался въ дорогѣ. Мара теряла терпѣніе. Наконецъ, онъ явился, и, какъ водится, получилъ подлежащій выговоръ; но онъ уже давно привыкъ къ подобнымъ встрѣчамъ; притомъ же отвѣты были удовлетворительны, и Мара утѣшалась мыслью, что по-крайней-мѣрѣ сдѣлала все, что отъ нея зависѣло. Время, превосходный врачъ, здѣсь также способствовало уменьшенію печали; а потомъ явился и преемникъ Каро. Ему дали клочку *Дашь*, и своею наружностью и ласками онъ вскорѣ привязалъ къ себѣ новую хозяйку, женщину съ любящимъ, но не вѣтрянымъ сердцемъ.

Спустя немного времени, Мара съ своею свитой уѣхала изъ Петербурга, не думая скоро воротиться; но, дѣломъ, воротилась, по самонужнѣйшему дѣлу, на нѣсколько дней, и тотчасъ же пріѣхала повидаться съ нами и провести денекъ на дачѣ. Погода была прекрасная; обѣдали на террасѣ. Послѣ обѣда, вопреки заведенному обычаю, Мара объявила, что она никого не хочетъ лишить пріятной прогулки, заставляя сидѣть съ собою за компанію, и сама пойдетъ прогуляться и взглянуть на мѣста, возбуждавшія въ ней столько воспоминаній. Всѣ пошли гурьбою и выбрали самую необыкновенную дорожку, которая вела, многочисленными извилинами, мимо множества маленькихъ каскадовъ, къ такъ-называемому Большому Каскаду. Нѣсколько разъ спрашивали у Мары, не устала ли она, не хочетъ ли воротиться или отдохнуть: каждый съ удо-

вольствиемъ пожертвовала бы ей остаткомъ прогулки; но она увѣряла, что не чувствуетъ ни малѣйшей усталости, что она никогда не чувствовала себя такою бодрою и въ такомъ рѣшительномъ расположеніи духа, и просила не напоминать ей, что она старше всѣхъ въ обществѣ. Послѣ того, ее уже не беспокоили нескромными вопросами, и каждый занимался, чѣмъ ему хотѣлось. Вдругъ, Мара остановилась у того мѣста, гдѣ нѣсколько красивыхъ дубовъ составляло что-то похожее на рощу. Прочіе тоже остановились.

— Вотъ здѣсь! вскричала Мара: здѣсь долженъ быть зарытъ онъ!... мой бѣдненькій Каро!... Флоріо, вы должны помнить мѣсто: покажите!

Флоріо немножко отсталъ съ хорошенькою дѣвнцей, которая рассказывала ему свои горести; говорила, что она очень недовольна своимъ учителемъ пѣня, что онъ скученъ до крайности, что если Флоріо воротится на зиму, она желаетъ брать у него уроки; и Флоріо не понялъ вопроса Мары. Она должна была повторить. Флоріо медлилъ отвѣтомъ: очевидно, воспоминанія о могилѣ Каро перепутались въ его головѣ, такъ что надо было прибѣгнуть къ рѣшительному средству.

— Вотъ здѣсь! вскричалъ Флоріо, перескочивъ пространство, отдѣлявшее его отъ указаннаго мѣста.

Скачокъ былъ смѣлый и свидѣтельствовалъ объ его усердіи къ знаменитой покровительницѣ.

— Здѣсь? повторила Мара дрожащимъ голосомъ. Что вы, потеряли, Флоріо, голову или память?

— Ни того, ни другаго, синьора Мара! съ самоубѣренностью отвѣчалъ Флоріо: я увѣренъ, что здѣсь; еще вы сами приказали мнѣ схоронить Каро возлѣ этихъ прелестныхъ дубковъ; я это очень хорошо помню; всѣмъ извѣстно, съ какимъ послушаніемъ я исполняю каждую вашу волю.

Чтобы немного разъяснить дѣло, должно сказать, что садъ нашъ былъ перерѣзанъ, по всѣмъ направленіямъ множествомъ капаловъ, вырытыхъ такъ искусно, что они совершенно казались рѣчками, и очень украшали пейзажъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ общество остановилось, каналъ былъ такъ широкъ, что представлялся озеркомъ, которое низвер-

гадось по искусственнымъ скаламъ въ видѣ шумнаго и красиваго каскада. Возлѣ этого-то каскада, по словамъ Флоріо, покоялся прахъ Каро.

— Какъ! продолжала Мара: возлѣ самой воды? Да здѣсь постоянно подвергаешься опасности потонуть даже послѣ смерти. Здѣсь сырое, нездоровое мѣсто, а въ сильные дожди здѣсь вѣрно бываетъ наводненіе! Такъ-то вы слушаетесь меня, такъ-то доказываете мнѣ свое усердіе! Сейчасъ же вырыть моего любезнаго Каро... и положить вотъ здѣсь, гдѣ я стою: здѣсь высокое, сухое мѣсто; здѣсь онъ будетъ въ безопасности и не погибнетъ отъ наводненія!

Въ самомъ дѣлѣ, усердію и благодарности Флоріо предстало тяжелое испытаніе; онъ молчалъ, вѣроятно, не зная даже, точно ли къ нему относилось приказаніе.

— Что же вы, Флоріо? Слышали? Или не поняли, чего я требую?

Въ этотъ разъ уже не было никакихъ средствъ обмануться. Однако Флоріо не трогался съ мѣста и не отвѣчалъ. Матушка моя подоспѣла къ нему на помощь. Въ нѣскольکو лѣтъ она узнала, что Мара была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя отказываются отъ своихъ словъ: это значило бы сознаться въ своей ошибкѣ, а Мара не терпѣла такой слабости характера; слѣдовательно, тутъ нечего было и разсуждать.

— Любезная Мара, сказала моя матушка: желаніе ваше будетъ исполнено, но только этого не можетъ сдѣлать снисьоръ Флоріо: онъ не умѣетъ, да притомъ у него нѣтъ и необходимыхъ инструментовъ. Я сейчасъ пошлю кого-нибудь изъ дѣтей за работникомъ.

— Но это будетъ очень долго! сказала Мара: а я за этимъ только и пріѣхала въ Петербургъ....

Я побѣждала съ братомъ искать работника, и вскорѣ мы встрѣтили одного, съ лопатой и граблями, который рачищалъ дорожки. Терпеніе Мары не подверглось продолжительному испытанію. Работникъ принялся копать землю, не зная какого ищетъ клада; но какъ ни усердно работалъ онъ, какъ не объяснялся ему Флоріо на исковерканномъ русскомъ языкѣ, что надо рыть правѣе, лѣвѣе,

глубже; какъ ни просила Мара мою матушку сказать работнику, въ эту минуту обратившему на себя общее вниманіе, что онъ получить хорошую награду, если найдетъ безцѣннаго: все было напрасно; не отыскали ничего. Мара бранила Флоріо, но онъ объяснялъ эту неудачу въ пользу своего усердія, которое такъ глубоко вырыло для Каро могилу, что до ея дна не можетъ докопаться работникъ. Нѣсколько неосмотрительныхъ словъ, которыя сказалъ Флоріо на другой день послѣ этой экспедиціи, возбудили въ Марѣ подозрѣніе. Она подумала и объявила во всеуслышаніе, что Флоріо — невѣрный исполнитель ея воли, и что кости Каро никогда не достигали до мѣста своего назначенія. Нѣсколько времени она страшно сердилась на Флоріо; требовала, чтобы, до окончательнаго прощенія, онъ далъ слово исправиться. Наконецъ, какъ благоразумная женщина, рѣшила, что Каро умеръ, а Флоріо, хоть и не стоитъ его, а все-таки живъ; что съ однимъ уже все покончено, а съ другимъ еще предстоитъ цѣлая будущность; что отъ дурнаго расположенія духа и неудовольствій портится здоровье, прибавляются морщины, нарушается душевное спокойствіе и — что всего хуже — сѣдѣютъ волосы и лишаются своей неувядаемой красоты. А Мара очень заботилась о сохраненіи чудесныхъ *азатовыхъ волосъ*, которыми надѣлила ее природа. Безъ всякаго косметическаго пособія, единственно помощію неколебимой философіи, она спаслась отъ сѣдыхъ волосъ, и умерла всеякою на восьмидесять третьемъ году. Въ честь этимъ волосамъ она сочинила для себя чепецъ, который надѣвала только въ важныхъ случаяхъ, особенно на музыкальныя торжества. Въ одеждѣ, во внѣшности, Мара, какъ простая смертная, покорилась неизбѣжнымъ переменамъ моды и усвоивала ихъ прилично своимъ лѣтамъ. Она была маленькаго росту, стройна, съ правильными чертами лица, нѣсколько крупными зубами, сохранившимися также хорошо какъ и волосы. Только одинъ чепчикъ не слѣдовалъ модѣ: великой пѣвицѣ можно простить эту маленькую слабость. Авростатъ этотъ украшалъ ея спереди по современному вкусу; только на кружкѣ были два рѣда крѣвѣ и изъ каждо-

го отвертія выходила чудесная, блестящая букля, черная какъ смоль, душистая какъ букетъ фіалокъ. Лицо, которое окружалъ этотъ чепецъ, единственный въ своемъ родѣ, всегда сіяло спокойствіемъ. Миръ почтенному ея праху! Она удивляла, торжествовала, и никого не огорчала.... Ни упадокъ голоса, ни денежные потери, ни даже пожаръ Москвы, испепелившій ея домъ и имущество, не вводили на нее унынія, не ослабляли довѣрія, которое она имѣла къ себѣ. Мара такъ была увѣрена въ величіе своего таланта, и въ связанную съ нимъ славу, что считала себя выше всѣхъ превратностей и катастрофъ, которыя могутъ отнять у человѣка только тѣнное. Она рассказывала намъ, что въ бытность свою въ Ревелѣ, который она очень любила, ей случилось однажды споткнуться, на отвратительной мостовой, въ ту минуту, какъ одинъ баронъ М*** ѣхалъ въ легкомъ экипажѣ. Онъ чуть не раздавилъ ея. Гибель казалась неизбежною; кучеръ не могъ сдержать лошадей; но, къ-счастью, человѣкъ, проходившій по другую сторону улицы, чрезвычайно-узкой, какъ всѣ ревельскія улицы, замѣтилъ опасность, однимъ прыжкомъ очутился вездѣ Мары, и поднялъ ее на руки. Мы поздравляли пѣвицу съ благополучнымъ избавленіемъ изъ такой огромной бѣды.

— Да! сказала Мара: для меня это было величайшее счастье: я спаслась, какъ чудомъ; но жаль мнѣ этого барона: задави онъ меня, и онъ былъ бы безсмертенъ! Потомство сказало бы: великую Мару раздавилъ баронъ М***! Теперь же кто будетъ знать объ немъ лѣтъ черезъ пятьсотъ или тысячу?...

Пріятная мечта, которую Мара сохранила до самой смерти, и которая разливала столько прелести на ея жизнь, не достается въ удѣлъ артистамъ теперь, когда извѣстности такъ быстро смѣняются одніе другими, когда одна слава становится на развалинахъ другой, и безчисленныя имена смѣняютъ одни другимъ на смѣну.

Въ одинъ изъ дней, посвященныхъ квартетамъ, произошло необыкновенное движеніе: прибавилась еще одна новизна, еще одинъ другъ. Весь интересъ дня, все наслажденіе,

все удовольствіе, сосредоточились, повидимому, на немъ, между тѣмъ какъ самъ онъ былъ занятъ и доволенъ тѣмъ, что видѣлъ вокругъ себя. Ему было чрезвычайно пріятно въ этомъ обществѣ, отъ котораго постоянно удаляли его и обстоятельства и занятія, потому-что онъ принадлежалъ другой странѣ и только изрѣдка посѣщалъ Петербургъ. Онъ очень любилъ моего отца, мою матушку, всѣхъ лицъ нашего семейства, всѣхъ членовъ квартета; вопросы и отвѣты обо всемъ, что случалось въ его отсутствіе, дружескія и искреннія выраженія съ той и другой стороны, не замолкали въ продолженіе всего обѣда. Но когда встали изъ-за стола и отдохнули послѣ этого важнѣйшаго дѣла въ жизни, добрый другъ, веселый гость, сдѣлался еще чѣмъ-то болѣе; музыка взяла въ свои права, которыя она уступила во-время правамъ поварскаго искусства, и пріѣзжій артистъ выказался вполне — первымъ виолончелистомъ своей эпохи, *великимъ*, какъ тогда говорили, Бернардомъ Ромбергомъ.

Ромбергу было тогда лѣтъ сорокъ пять или пятьдесятъ. Онъ былъ средняго росту, съ неправильными чертами лица, рыжій; но фizioномія его была откровенная, добрая; въ глазахъ его такъ чисто отражались честность, спокойствіе и доброе расположеніе души, что не только нельзя было назвать его дурнымъ, но даже каждый чувствовалъ къ нему какое-то пріятное влеченіе. Говорилъ онъ чрезвычайно просто, часто весело и шутливо; приемы его были очень живые; онъ былъ доволенъ всѣмъ и умѣлъ находить удовольствіе въ самыхъ мелкихъ обстоятельствахъ жизни. Въ одну изъ поѣздокъ въ Петербургъ, онъ привезъ съ собою свою жену и единственную дочь, предметъ нѣжнѣйшей своей привязанности. Тогда мы увидѣли Ромберга въ новомъ свѣтѣ; мы еще не знали его, хотя онъ часто говаривалъ намъ о своемъ семейномъ счастіи. Жена его была прекрасная женщина, хорошо воспитанная, съ приличными манерами, и безъ всякихъ музыкальных претензій. Дочь, дѣвица лѣтъ двадцати, была томная, робкая, съ рыжими волосами и нѣжнымъ взоромъ, какъ у отца, съ благородными приемами, какими отличалась ея мать; она пѣла, но голосъ у ней

былъ слабый, неопытный, и талантъ годился только раз-
вѣ для романса, который можно съ удовольствіемъ про-
слушать въ дружескомъ кругу. Но сердце и уши родителя
судили иначе. Любовь самый сильный микроскопъ. Бер-
нардина пѣла въ одномъ концертѣ своего отца, и чрез-
вычайно оробѣла; ее едва слушали, и отецъ понялъ на-
последокъ, что дочь не рождена для поприща, на которомъ
онъ получалъ такіе блистательные успѣхи.

Ромбергъ, по наружности, ничѣмъ не отличался отъ обы-
кновенныхъ людей. Проходили мимо его, видѣли его, не
подозрѣвая, какое сокровище скрывается подъ этою про-
стою, незрочною оболочкой. Въ этомъ случаѣ, онъ былъ
похожъ на Михайловскій Меатръ, мимо котораго прохо-
дишь, думая, что это такъ себѣ, домъ какъ домъ, кра-
сивелькій, выстроенный по правиламъ частной архитекту-
ры. Но стоитъ войти въ него, и вы тогда только убѣжде-
ны, что въ немъ заключаются обильныя стихіи удо-
вольствія, котораго ищите. Другое дѣло Большой-Театръ;
его издалека отличаешь отъ окрестныхъ строеній; онъ бро-
сается въ глаза; одинъ видъ его уже говоритъ объ его на-
значеніи. Ромбергъ во все не походилъ на него.

Когда Ромбергъ игралъ, критика того времени замолкала,
и восторгъ былъ единодушный. Онъ исполнялъ почти исклю-
чительно собственные свои сочиненія: концерты, разныя
фантазіи на народныя мотивы, русскіе, нѣмецкіе, шведскіе,
съ варіаціями, которымъ предшествовала неизбѣжная ин-
тродукція. Однакожъ, хотя всегда восхищались Ромбергомъ,
восхищались не всѣмъ, что онъ игралъ.

Звукъ его находили превосходнымъ, и когда онъ игралъ
adagio или *andante* своего концерта, интродукцію своей вари-
рованной аріи и медленныя мѣста, вставленныя въ про-
чее, публика была въ восторгѣ. Между-тѣмъ, слушая *allegro*,
presto, быстрые пассажи, она, хотя и отдавала полную
справедливость совершенству его игры, легкости, съ какою
преодолѣвалъ онъ трудности, однако жъ находила, что все
это не такъ прекрасно какъ его пѣнье, и думала, что по-
стинная его сфера, всего лучше приличная его натурѣ, тамъ,
гдѣ онъ выражаетъ чувство. И однако жъ онъ могъ выра-

жать только то, что действительно чувствовал; сердца великаго артиста было исполнено нѣжности, тишины, чистоты; и какая веселость, какое удовольствіе сливались съ его счастьемъ и воспроизводились во всемъ, что онъ ни создавалъ! Какъ должны были сверкать жизнью его allegro, его presto! Съ какимъ увлеченіемъ долженъ онъ былъ играть мотивы, которые выбиралъ преимущественно между веселыми! Какъ гармонировали они съ постояннымъ расположеніемъ его души, выражая то, что онъ ощущалъ! Какое же дѣйствіе производила игра Ромберга?... Я не раздѣляла мнѣнія правовѣрныхъ судей. Тамъ, гдѣ другіе восхищались, мнѣ казалось что-то недосказаннымъ, казалось, будто не достаетъ чего-то; и напротивъ, тамъ, гдѣ восхищеніе другихъ находило менѣ пищи, мнѣ казалось, будто каждая нота имѣетъ свое значеніе и объясняетъ тайную мысль автора.

Въ послѣдній разъ былъ Ромбергъ въ домѣ моего батюшки послѣ долгодѣтнаго промежутка. Въ продолженіе этого времени, семейство наше постигли большія потери, оставившія сдѣлать много перемѣнъ въ домашнемъ быту. Первый визитъ сдѣлалъ Ромбергъ къ намъ. Радость свиданія блеснула въ его глазахъ. Послѣ первыхъ издѣній дружбы, онъ спросилъ, когда начнутся у насъ музыкальные вечера, какой день будетъ выбранъ для удовольствія заняться музыкой и праздновать встрѣчу съ добрыми друзьями. Батюшка пожалъ руку Ромбергу, поблагодарилъ за дружескій вызовъ, но предупредилъ, что много перемѣнилось въ его отсутствіе, и что теперь ему невозможно, какъ бывало прежде, принять то, чего онъ не можетъ вознаградить, какъ бы желалъ, какъ привыкъ вознаграждать; что онъ не хочетъ располагать временемъ и талантами своихъ друзей, не имѣя болѣе въ своемъ распоряженіи средствъ отблагодарить ихъ по достоинству.

— Разсказъ вашъ огорчилъ меня до глубины сердца, отвѣчалъ Ромбергъ: но это не имѣетъ ничего общаго съ моимъ предложеніемъ. Я пришелъ къ вамъ не съ такими дурными вѣстями. Музыка не претерѣла у меня ни какой потери. Талантъ, мой надѣюсь, не уменьшился; дружба

меня къ вамъ еще живѣе прежней, и я сочту себя счастливымъ, если буду въ состояніи заставить васъ, хоть нѣсколько минутъ, забыть ваши горести. Позвольте же мнѣ играть у васъ по-прежнему, и докажите, что несчастье сблизаетъ, а не разлучаетъ, честныхъ людей.

Дѣйствительно, отказаться, значило бы обидѣть, и нѣсколько прекрасныхъ дней были посвящены доброй музыкѣ и добрымъ чувствамъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Я опять увидѣла Ромберга въ послѣднюю поѣзду его въ Петербургъ. Это было уже послѣ смерти моего батюшки. Я носила трауръ. Мы встрѣтились на одномъ музыкальномъ вечерѣ. Общество было многолюдное, и въ томъ числѣ иностранные артисты. Ромбергъ еще доставлялъ удовольствіе, хотя уже потерялъ много силы и того одушевленія, которое, по моему мнѣнію, было отличительнымъ качествомъ его прекрасной игры. Онъ обрадовался встрѣчѣ, познакомилъ мѣня съ новыми артистами, и сказалъ мнѣ, что въ домѣ моего батюшки онъ провелъ самыя прекрасныя и самыя счастливыя часы своей жизни.

— Какой чудесный человекъ этотъ Ромбергъ! скажутъ нѣкоторые любители добраго стараго времени. Вотъ каковы были прежде артисты! Прямодушные, простые, безъ претензій, безъ шарлатанства, безъ фиглярства, безъ ложнаго блеска, который только ослѣпляетъ глаза и скрываетъ шуверную пустоту.

Но видъ Ромбергъ — отдѣльный человекъ, а не типъ звонка. У Ромберга такъ же были свои слабости, какъ и хорошія качества, и — что часто случается — пристрастіе и любовь къ одному предмету заставляли его видѣть красоту тамъ, гдѣ ихъ вовсе не существовало, между-тѣмъ какъ онъ не видѣлъ достоинствъ именно у тѣхъ, которые затмѣвали его. Нефедракаемый виолончелистъ, Сервѣ, котораго страстная, умикающая игра отражаетъ въ себѣ кипучія чувства его души, дрежащія въ струнахъ могучаго инструмента, и находитъ отголосокъ въ самыхъ холодныхъ сердцахъ, оживляетъ самыхъ невоспламенимыхъ воображенія, Сервѣ видѣть однажды, что въ Берлинѣ, пришедъ къ нему въ го-

стипицу человекъ уже пожилыхъ лѣтъ, очень просто одѣтый, съ добродушною физиономіей.

— Милостивый государь, сказалъ незнакомецъ: я узналъ, что вы пріѣхали въ Берлинъ, и пришелъ познакомиться съ великимъ віолончелистомъ, котораго слава опережаетъ всюду его пріѣздъ.

— Мнѣ также пріятно познакомиться съ вами, и, для этого, позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить.

— Съ Бернардомъ Ромбергомъ.

Сервѣ, котораго теплое и восторженное сердце, выказалось во многихъ подобныхъ случаяхъ, почувствовалъ невыразимую радость, бросился на шею знаменитому гостю, сжалъ его въ объятіяхъ, съ живѣйшимъ изліаніемъ восторга, и тысячу разъ благодарилъ Ромберга за сдѣланную ему честь. Они долго разговаривали очень дружески, и повидимому совершенно сошлись въ своихъ взглядахъ и чувствахъ. Послѣ разговора, чрезвычайно занимательнаго для Сервѣ, Ромбергъ сказалъ:

— Теперь поговорите о чемъ-нибудь на вашемъ инструментѣ; мнѣ очень хотѣлось бы васъ послушать.

Что можетъ болѣе одушевить талантъ, придать ему болѣе силы и энергій, какъ не мысль явиться передъ слушателями, которые принимаютъ въ немъ живѣйшее участіе и вполне могутъ оцѣнить его? Нѣтъ сомнѣнія, что Сервѣ игралъ хорошо передъ этой публикой, ограниченной числомъ одинъ, но важной по своему значенію. Сервѣ признавался, что не всегда играетъ хорошо: артистъ судилъ себя строго; но въ этотъ разъ онъ былъ доволенъ своей игрою и надѣялся заслужить похвалу отъ того, чье одобреніе было ему такъ лестно. Въ продолженіе всей піесы Ромбергъ хранилъ глубочайшее молчаніе. Піеса кончилась; воздухъ еще дрожалъ отъ магическихъ звуковъ; Сервѣ держалъ смычокъ и пристально смотрѣлъ на свою публику. Ромбергъ, молча, всталъ, взялъ шляпу, перчатки, зонтикъ, и ушелъ раскланявшись съ Сервѣ, не говоря ни слова. Какъ объяснить такое странное молчаніе? Можно ли думать, что Ромбергъ, будучи самъ великимъ артистомъ, не нашелъ ничего похвального тамъ, гдѣ люди, наименѣе посвященные въ не-

куство, находятъ столько пищи для живѣйшаго восторга? Неужели нѣсколько нововведеній поразили его до того, что затмили собою всѣ красоты этой игры? Не показалось ли ему, что молодой артистъ до того сбился съ прямой дороги и заблудился на извилистыхъ тропинкахъ, что ему уже невозможно спастись, и что даже напрасно помогать ему со-вѣтами, просвѣщать его неопытность? Или же это молчаніе было, просто, завистью? Нѣтъ, нѣтъ! такая причина слишкомъ бы противорѣчила характеру и чувствамъ Ромберга; притомъ онъ уже кончилъ свою артистическую каріеру и первый, съ раскрытыми объятіями, пришелъ къ молодому артисту, преклониться передъ восходящей звѣздою его таланта. Должно предположить, что добровольное ослѣпленіе ослабило глаза, и не давало видѣть ничего, выходящаго за кругъ, однажды очертанный около себя. Какъ бы то ни было, но мнѣніе Ромберга осталось глубоко тайною для Сервѣ, несмотря на всѣ старанія разгадать его. Впослѣдствіи слышалъ онъ отъ одного изъ берлинскихъ музыкальныхъ критиковъ, что, прямо съ этого свиданія, Ромбергъ пришелъ къ нему и сказалъ: «Ну! слышалъ же я сегодня вашего прославленнаго Сервѣ: понятія не имѣеть о віолончели!» Самые блистательные успѣхи на артистическомъ поприщѣ не могли заставить Сервѣ забыть эту неудачу, отъ которой однакожъ энтузіазмъ его къ искусству не пострадалъ и великолѣпный талантъ его нисколько не потерялъ своего блеска.

Въ нѣкоторые дни, домъ моихъ родителей принималъ праздничный видъ. Общество бывало изящное и блестящее. Въ одномъ изъ такихъ собраній человѣкъ страшнаго виду привлекалъ къ своему уголку взоры всей этой нарядной толпы. По любезности къ нему хозяйки, по вниманію хозяйки, щеголихи и щеголи объясняли его себѣ равнодушною шпетезою, что это долженъ быть или деревенскій богатый дядя или бѣдный какой-нибудь великій человѣкъ. На этомъ основаніи онъ вовсе не заботился о туалетѣ, не готовился къ празднику, когда отправлялся на него, не чувствовалъ безпокойства теперь, и ничего не ждалъ. На немъ былъ надѣтъ старый фракъ, дурно сшитый и неуможно застегнутый;

*

вокругъ шен, грязная, загадочнаго цвѣта, трина предстала нормальный бѣлый галстухъ, какіе всегда носили въ те время, вѣрно въ доказательство равнодушія мужчины къ красетѣ: они, я думаю, умышленно усвоили эту моду, какъ лучшее средство обезобразить себя. Нынче, только въ важныхъ случаяхъ, мужчины оставляютъ галстухъ, приличій ихъ наружности, и надѣваютъ то, что имъ вовсе не идетъ. У загадочнаго человѣка были длинныя, густыя волосы, получившіе отъ пыли какой-то неопредѣленный цвѣтъ: они падали въ беспорядкѣ на лицо. Черты его были довольно правильныя, но много теряли отъ гримасъ и подергиваній, которыя приводили всю его физиономію въ движеніе и до того вошли въ привычку, что казались независящими отъ его воли. Выраженіе лица казалось довольно сложнымъ. Нельзя было не замѣтить въ немъ отблеска разгульной жизни, которая не хочетъ ничему подчиниться, даже тому, что врожденныя побужденія человѣка считаютъ и находятъ удобнымъ и пріятнымъ. Это были олимпетворенныя и доведенныя до послѣдней крайности безпорядокъ, неопрятность, безпечность о всѣхъ удобствахъ. Но посреди этого хаоса, сваркала, однажкъ, искорка, которая, правда, освѣщала то, чему лучше бы остаться въ темнотѣ, но въ то же время доказывала, что ничѣмъ нельзя погасить эту искорку, называемую гениемъ. И гений отразился на этомъ лицѣ, исковерканномъ гримасами. Если же ничто не можетъ погасить гения, зато многое можетъ способствовать его развитію, и, прежде всего, воля. Здѣсь въ ней не было недостатка, и она соединялась съ рѣшительнымъ презрѣніемъ ко всѣмъ принадлежностямъ, которыя могутъ окружать, даже возвышать, достоинство гения, и которыхъ ему не приказано чуждаться.

Я никогда не забуду впечатлѣнія, обнаружившагося въ молодой части общества, когда одна изъ моихъ старшинокъ сестеръ вслухъ сказала:

— Какъ вы любезны, мистеръ Фильдъ! какое доставило намъ удовольствіе тѣмъ, что сегодня пріѣхали къ намъ!

«Фильдъ! Фильдъ! это Фильдъ?... Быть не можетъ!.. Неужели въ самомъ дѣлѣ это тотъ самый знаменитый

Фильдъ?.. значить, онъ вѣкъ изъ Москвы! Не мудрено!.. тамъ, говорятъ, очень страшно одѣваются! заиностранили со всѣхъ сторонъ.

— Я вовсе не любезенъ, отвѣчалъ Фильдъ, полу-грубымъ, полу-сердитымъ голосомъ, облокотясь, и подпирая голову ладонью.

— Какъ, москѣ Фильдъ! Вы не любезны? сказала хорошенькая особа, стоявшая напротивъ него. Только вы одни можете такъ клеветать на себя, не опасаясь, что васъ станутъ подозрѣвать въ зависти къ величайшему артисту нашего времени.

— Москѣ Фильдъ; сказала одна изъ ближайшихъ его собесѣдокъ: вы владеете такимъ баснословнымъ искусствомъ! Не научите ли меня, какимъ образомъ можно привлечь васъ въ нашъ домъ?

— Искусствомъ? отвѣчалъ Фильдъ, какъ-будто говоря самому себѣ: какое тутъ искусство! я въ гостяхъ здѣсь, и только; когда мнѣ вздумается, буду въ гостяхъ и у васъ.

— Москѣ Фильдъ! говорила другая дама: если бѣ вы знали, какъ я радовалась, когда ѣхала сюда! въ какомъ была восхищеніи, когда получила извѣщеніе, что вѣроятно увижу васъ здѣсь! Увѣряю васъ, я всю ночь не сойкнула глазъ.

— Напрасно; сонъ очень хорошая вещь; и если я неволью нарушилъ вашъ покой, это еще не причина, чтобы...

Последнія слова фразы были сказаны такъ неясно, что нельзя повторить ихъ съ точностью; кажется, что онъ сказалъ: «безпокоили меня болтовнею.»

И Фильдъ былъ правъ: онъ вовсе не былъ любезенъ, но въ немъ извиняли это и всѣ оставляли его такимъ, какимъ ему хотѣлось быть.

— Что же вы не кушаете, любезный Фильдъ? сказала хозяйка, видя, что онъ за ужиномъ едва дотрогивается до самыхъ изысканныхъ произведеній гастрономіи, которыя она сама накладывала ему на тарелку.

— Зачѣмъ ѣсть? это утомительно! отвѣчалъ, протяжно ѣдая, первый артистъ своего времени: есть многія другія утомительныя вещи, которыхъ нельзя избѣжать!

— Однакожъ, нельзя же питаться звукомъ; по-крайней-мѣрѣ, гдѣте, любезный Фильдъ, если ужъ не хотите кушать.

— Пить другая статья: это веселѣе, и не такъ тяжело, отвѣчалъ первый піанистъ, и осушилъ однимъ глоткомъ стаканъ шампанскаго, который наполнялся по мѣрѣ того, какъ знаменитый артистъ опорожнялъ его; и только тогда равнодушіе и глубокое презрѣніе ко всему нѣсколько уменьшилось, и уступило мѣсто какому-то удовольствію.

Послѣ ужина, взоры гостей, особенно дамъ, до-свѣтпоръ устремленные на великаго артиста, переносились часто на предметы, родные его славѣ, бывшіе истолкователями его таланта, на два прекрасныя англійскія фортепіано, работы Бредвуда, которыя въ свое время, пользовались такою же извѣстностью, какъ теперь Эраровы. Взоры эти выражали нетерпѣливое ожиданіе, которое, однакожъ, надо было скрывать, если хотѣли достигнуть исполненія своихъ желаній. Артистъ отдыхалъ въ углу, казавшемся ему самымъ покойнымъ, а въ эти минуты не должно было его трогать; по прошествіи нѣкотораго времени, воалъ мего услалась моя матушка.

— Какъ чувствуете себя теперъ, любезный Фильдъ? Хорошо?

Артистъ отвѣчалъ маленькимъ одобрителнымъ ворчаніемъ.

— Я чрезвычайно рада, что вижу васъ у себя, и за это мы тѣмъ болѣе обязаны вамъ, что я знаю, какъ тяжело вамъ отказываться отъ своихъ привычекъ, оставлять свой халатъ, одѣваться, выѣзжать. Вы чрезвычайно милы, любезный Фильдъ!

Великій артистъ, лѣнивый ко всему, что не касалось его искусства, отвѣчалъ на эти любезности чѣмъ-то похожимъ на благодарность и выговорилъ чуть внятно нѣсколько словъ, въ которыхъ уже заключался зародышъ музыки, удовольствіе; потомъ сталъ гримасничать; потомъ потянулся въ креслахъ, зѣвнулъ и вздохнулъ въ одно время, внимательно посмотрѣлъ на свои руки, пальцы; наконецъ, съ явнымъ усиліемъ оставилъ покойныя кресла, и медленно,

нога за ногу, потащился къ стулу, за которымъ выглаживались слабыя стороны его природы и все его существо погружалось въ то, что составляло его славу, возбуждало удивленіе, позволяло забыть его недостатки.

Говорятъ, что слогъ есть человѣкъ. Также можно сказать и объ артистѣ, что игра есть самъ артистъ. Но, по этому опредѣленію, что бы значила игра Фильда, еслибы она воспроизводила только лѣнность, пренебреженіе приличій, привычку къ беспорядку и неряшеству, рѣшительный вкусъ къ нѣгѣ, которая, при излишнемъ употребленіи, унижаетъ человѣка до степени животнаго, отнимая у него способности, и это совершенное равнодушіе къ общественнымъ отношеніямъ? Чѣмъ была бы игра Фильда, еслибы въ Фильдѣ были только эти свойства, или другія, равнаго съ ними достоинства? еслибы онъ передавалъ звуками только такія впечатлѣнія? еслибы, дорываясь до глубины, находилъ только эти матеріалы? Нѣтъ сомнѣній, что, тогда, при всей бархатности тушѣ, при всемъ совершенствѣ подробностей, при всей нѣжности и доконченности оттѣнковъ, при всѣхъ красотахъ колорита, которымъ онъ расписывалъ свои картины, эффектъ былъ бы не полонъ, энтузіазмъ не восходилъ бы до той степени, которой онъ достигалъ. Еще въ наше время прославляютъ Фильда, но не слишкомъ хорошо знаютъ, за что. Всѣ, которые еще помнятъ его, уже потеряли юношескій восторгъ, оживляющій все что видишь и слышишь. и, слѣдовательно, не могутъ увлечься какъ настоящимъ дѣйствіемъ прекраснаго. Другіе, которымъ кажется, что они помнятъ Фильда, были тогда подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній, а на эти, какъ извѣстно, нельзя слишкомъ полагаться: живость и новостъ ощущеній часто мѣняетъ ясно различать предметы и давать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ. Иные говорятъ и судятъ о Фильдѣ по наслышкѣ, по тому что узнали отъ своихъ учителей или музыкальныхъ авторитетовъ. Рассказывать, какъ такой-то играетъ или игралъ, стараться другимъ дать понятіе объ артистѣ, какъ-будто они сами его слышали, признаюсь, выше средствъ моего бѣднаго ума, и я не считаю себя способною, ни на то, ни на другое.

Никакія длинныя рѣчи, ни какія краснорѣчивыя страницы, не объяснятъ мнѣ игры артиста, какъ онъ самъ объясняетъ себя. Никто такъ ясно и такъ усердно не будетъ говорить въ его защиту, какъ его игра; потому-что онъ весь заключается въ своей игрѣ; только понимайте ее.

И такъ какъ еще говорятъ о Фильдѣ, то у нѣкоторыхъ онъ и нынче служитъ единицею сравненія для современныхъ артистовъ: если хотятъ унижить піаниста, его ставятъ на ненамѣримое разстояніе ниже Фильда; если же, напротивъ, хотятъ возвысить до облаковъ или какимъ-нибудь важными словами выразить свое восхищеніе, то говорятъ, что онъ напоминаетъ Фильда, похожъ на него, или долженъ быть похожъ. Но, сказать правду, въ эти минуты нерасположенія или восторга, вовсе не думаютъ объ умершемъ, а думаютъ только о живомъ.

Безспорно, у Фильда было множество странностей, которыя терпѣли, черезъ которыя перескакивали со всею осторожностью, какъ черезъ прекрасную апрѣльскую грязь, чтобы достигнуть до таланта, стоявшаго на концѣ дороги. Экцентрикъ, оригиналъ до послѣдней крайности, чловѣкъ безъ всякаго вкуса въ своей особѣ, безъ изящества, доходившій во всемъ крайностей, не полагавшій границъ тому, что казалось ему удобнымъ и ласкало его наклонности, онъ создалъ себѣ жизнь изъ нѣги и безпорядка, въ которой шампанское играло роль солнца, а халатъ представлялъ темноту; и это были два главнѣйшіе полюса его матеріальнаго быта. Однакожъ, въ нихъ выражался не весь чловѣкъ, но только его нечистая подкладка. Въ немъ была чувствительная нота, была золотая арфа, издававшая гармоническіе звуки, была сила, дѣлавшая его другимъ чловѣкомъ: это было искусство, музыка. Когда онъ садился за фортепіано, лѣньность, небрежность, замѣнялись твердой, настойчивой волей; безпорядокъ, распространенный по всей внѣшности, не касался того, что стояло выше посягательства ея и заботливо береглось отъ нечистаго столкновенія съ землею. Откуда же происходила такая рѣшительная перемѣна? Гдѣ скрывался источникъ этого закаленного терпѣнья, этой дѣятельности? Въ любви ли славы, желаніи ли бле-

стѣть, въ потребности ли поражать эссенциями? Не это, по-видимому, было несомнѣнно съ равнодушномъ Филъда по всѣмъ вѣдшимъ формѣ. Происходило ли это отъ сребролюбія, желанія выжить на счетъ своего таланта? Предположеніе еще менѣе вѣроятное, потому-что Филъда былъ человѣкъ самый безкорыстный и повѣдущій въ денежныхъ дѣлахъ. Не лучше ли сказать, что исключительная любовь къ музыкѣ, глубокая страсть къ ней, вдругъ вспыхивала въ его игрѣ, и придавала ей эту нѣжность, это чувство, эту выразительность, которыя лично принадлежали ему и которыя не могъ перенять никто у него. Можно усвоить методу, подражать тушѣ, но угадать то, что другой чувствуетъ, выразить то, что онъ ощущаетъ — дѣло невозможное: только будешь повторять ноты, но останешься чуждъ сердечныхъ ощущеній того, кому хочешь послѣдовать.

Филъда былъ женатъ на маленькой француженкѣ, благодаря усердію одного вѣрнаго друга, который счелъ обязанностью помочь ему своими совѣтами въ этомъ важномъ обстоятельствѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ чрезвычайно важно было прискать для Филъда особу, которая бы дополняла собою то, чего ему существенно не доставало. Мадамъ Филъда была хорошая піанистка, усердно давала уроки, и должна была бы возбуждать соревнованіе къ труду въ своемъ великомъ мужѣ; но вмѣсто того только давала ему средства еще спокойнѣе предаваться врожденной лѣни. Мадамъ Филъда любила порядокъ и чистоту, но, обнаруживая эти прекрасныя качества, потрясала воздухъ пронзительными криками, которые не ладили съ нѣжными аккордами, раздававшимися подъ пальцами славнаго супруга, и разрушали гармонию, необходимую и въ музыкальной и въ брачной жизни. Мадамъ Филъда очень любила деньги, и охотно приберегла бы ихъ, еслибъ только мужъ захотѣлъ приобретать; это совершенно зависѣло отъ него: въ его пальцахъ скрывалось цѣлое богатство. Мадамъ Филъда была миленькая кокетка и хотѣла нравиться всему свѣту, между-тѣмъ какъ мужъ вовсе не старался быть пріятнымъ. Словомъ, эта чета совершенно расходилась въ своихъ вкусахъ, замѣчала это, и не знала какъ помочь горю. Одно только звено удерживало супруговъ,

если не связывало: сынъ, который родился отъ этого брака и нѣсколько времени питалъ ихъ любовь, но очень недолго: онъ векорѣ сдѣлался предметомъ раздора. Мать хотѣла воспитывать его по-своему; отецъ находилъ, что самое лучшее воспитаніе то, которое наименѣе будетъ нарушать его спокойствіе. Мать думала, что мудрость внушаютъ въ-полголоса; отецъ увѣрялъ, что тишина лучше шума и краснорѣчія. Съ каждымъ днемъ, мнѣнія разнились болѣе и болѣе, такъ-что наконецъ супруги пришли къ заключенію, которое и было принято единодушно. Фильдъ согласился отказаться отъ сына, чтобы отдѣлаться отъ жены. Они разошлись миролюбиво, и остались друзьями до самой смерти.

Фильдъ былъ очень уменъ, и это доказывали, не только его игра, его творенія, не и его остроумные отвѣты, вырвавшіеся какъ-будто невольно; но онъ не обращалъ никакого вниманія на успѣхи въ этомъ родѣ, не старался блистать ни умомъ, ни любезностью, и любилъ выказываться только въ своей игрѣ.

Разъ лѣтомъ онъ пріѣхалъ на денекъ къ намъ на дачу, и послѣ обѣда доставилъ обществу нѣсколько минутъ наслажденія, какое тогда умѣлъ доставлять только онъ одинъ. Вдругъ погода переимѣнилась и началась страшная гроза, въ то самое время, когда Фильдъ собрался домой. Его уирашивали остаться и переждать бурю; онъ согласился, но съ условіемъ, чтобы не занимались имъ и позволили ему отдохнуть гдѣ-нибудь въ углу, по-своему. Желаніе его было исполнено со всею готовностью. Семейство наше занялось прочими гостями, которые вовсе не думали ѣхать въ проливной дождь. Составилось нѣсколько партій въ вистъ и бостонъ, и какъ тутъ было много дѣвицъ и нѣсколько молодыхъ людей, то принялись за разные игры. Каждый забавлялся, какъ ему хотѣлось. Въ это время Фильдъ, наконецъ, вышелъ изъ летаргій, и думал, можетъ-быть, что маленькое движеніе разсѣтетъ усталость отъ покоя, присѣлъ къ нашему кружку, составленному изъ молодости и веселости. Можете вообразить наше счастье и гордость! Играть, шалить съ Фильдомъ! Да одной этой че-

сти довольно, чтобы не искать другой! Сначала, мы нѣсколько смѣшались; живость ума притихла; вскорѣ, однакожъ, мы оправились, потому-что, наконецъ, вѣдь мы играли передъ Фильдомъ не на фортепiano. Игра опять началась, и съ новымъ жаромъ. Игра, занимавшая насъ въ эту минуту, называлась *Comment l'aimez-vous*. Одинъ изъ играющихъ выходилъ изъ комнаты; въ его отсутствіе выбирали какое-нибудь слово; онъ долженъ былъ спрашивать у каждаго: *comment l'aimez-vous*, и по отвѣтамъ на этотъ вопросъ угадать смыслъ заданнаго слова. Выбрали слово *demoiselle*. Хорошенькая дѣвушка, лѣтъ шестнадцати, съ голубыми глазами и волосами пепельнаго цвѣту, обходила кружокъ съ вопросами, и получала отвѣты, которые всѣ намѣкали на ея красоту, грацію, прелестный туалетъ. Она начала вопросы съ сосѣдки Фильда, и кончала ея сосѣдомъ, собравъ бездну комплиментовъ, и, кажется, давно уже не сомнѣвалась въ заданномъ словѣ. Но вдругъ овладѣло ею, вѣроятно, желаніе прибавить еще цвѣтокъ къ своему пышному вѣнку, услышать словцо, которое сверкало бы въ немъ брилльянтомъ, которое она сохранила бы въ своей памяти, какъ залогъ будущаго благополучія.

— *Monsieur Field*, сказала она, потупивъ глаза и вспыхнувъ какъ розанъ: *comment l'aimez-vous?*

Фильдъ, принужденный перемѣнить страдательную роль зрителя на роль антера и выйдти изъ безчувствія, отвѣчалъ грубымъ тономъ:

— *Te n'aime pas du tout cette marchandise-là.*

И послѣ такого нелюбезнаго отвѣта, бѣдная дѣвушка должна была произнести словцо, которое заслужило такой горькій приговоръ, потому-что безъ этого ей пришлось бы снова обходить играющихъ.

Воля ваша, по моему мнѣнію, любезность цѣкому не лишняя, даже артистамъ; пусть сколько угодно называютъ ихъ за нее шарлатанами, это еще ничего не доказываетъ. Любезность есть только мелкая монета великаго таланта; съ нею одной не купить славы, не получить успѣха, но она украшаетъ, хотя и не составляетъ заслугу. Музыкантъ, совершенно въ другомъ родѣ нежели тѣ, о кото-

рылъ здѣсь говорится, но котораго достоинствъ нельзя отвергать безъ того чтобъ не навлечь на себя обвиненіи въ дурномъ вкусѣ, Іоганнъ Гунгль, за нѣсколько времени платившій весь Павловскъ, гдѣ онъ имѣлъ всѣ причины быть довольнымъ, потому что ему и хорошо платили и странно аплодировали, разговаривая съ одною изъ своихъ почитательницъ, высказалъ, что ему очень пріятно жить въ Павловскѣ.

— Что же вамъ особенно нравится здѣсь? спросила она

— Конечно, одобреніе дамъ, отвѣчалъ Гунгль.

Сравнивалъ эти два отвѣта, я право не знаю; кому отдать преимущество; но признаюсь, что милее слово Мейербера или моего любимца, Верди, для меня было бы пріятнѣе грубости Россіи или самого Моцарта, если бы даже Моцартъ воротился съ того свѣта собственно за тѣмъ, чтобы сказать ее. Лишь за немѣнѣемъ лучшаго, довольствуясь тѣмъ, что есть, и терпѣливо перенося забвеніе приличій общежитія и, часто, необразованнаго, непристойнаго манеры Фильдовъ. Но какъ восхищался бы жхъ милыми качествами, еслибы только они существовали!... Никто менѣе не приходилъ отъ Фильда въ восторгъ, и никто столько не осуждалъ его, какъ мадамъ Фильдъ. Она даже не раздѣляла его взгляда на музыку, и находила въ немъ нишу для насмѣшекъ и упрековъ.

— Какъ здоровье господина Фильда? спрашивали мы разъ у его жены. Вотъ цѣлыя сто лѣтъ, какъ его нигдѣ не видно; нигде не выходитъ, сидитъ запершись, никого не принимаетъ; даже для любимыхъ учениковъ дверь его затворена. Не болѣнъ ли онъ?

— Напротивъ, здоровехенокъ, блаженствуетъ въ кадетѣ; да и дѣла-то его идутъ прекрасно: вотъ ужъ шесть недѣль, какъ онъ по четыре часа въ день изучаетъ трель перваго соло своего шестаго концерта, и, кажется, наконецъ вчера добился до толку: былъ совершенно доволенъ въ собой и трелью. Чудо, какая вышла вещь.... въ шесть недѣль!

Такъ покойно проходили дни Фильда, между страстной любовью къ музыкѣ, которая требовала всей дѣятельности его пальцевъ, и равнодушіемъ ко всему осгальному, достав-

дѣлать ему наслажденія бездѣля. И еще долго прожилъ бы онъ такъ; не надо было ему ощущеній, потрясающихъ душу, обстоятельствъ, обновляющихъ воображеніе, расширяющихъ кругъ мыслей новостью и неожиданными перемѣнами: онъ нашелъ бы въ самомъ себѣ средства, которыхъ было бы довольно, и для него, и для другихъ... Но громъ раздается вдали, не по волѣ человека, и молнія падаетъ; не спрашиваясь у того, кого она поражаетъ.

Разъ утромъ, я сидѣла въ кабинетѣ у матушки, внимательно читая чудное сказаніе объ открытіи Америки Христофоромъ Колумбомъ. Вдругъ дверь тихонько отворилась, и, безъ всякаго доклада, вошелъ Дорнаусъ, ревностный агентъ музыки и ея представителей. Онъ считалъ себя поставленнымъ такъ низко на этой огромной лѣстницѣ, что былъ очень радъ служить тѣмъ, которые занимали на ней верхнія ступеньки. Церемонные визиты онъ предоставлялъ лицамъ, которыхъ посѣщенія могутъ доставить какое-нибудь удовольствіе; въ его же скромную голову никогда не западало такой честолюбивой мысли. Онъ дѣлалъ въ годъ только два визита, въ Пасху и Новый Годъ, чтобы поблагодарить за лестный пріемъ и его послѣдствія. Во всякое же другое время, онъ приходилъ по какому-нибудь музыкальному дѣлу или по какой-нибудь комиссіи. Хотя на этотъ разъ, Дорнаусъ пришелъ не очень кстати, однако жъ матушка приняла его съ свойственною ей любезностью, и готовилась выслушать, что хорошаго скажетъ гость, который, въ отличіе отъ многихъ другихъ, гораздо больше заботился о пользахъ чужихъ нежели о своихъ собственныхъ.

Послѣ обычнаго привѣтствія, Дорнаусъ спросилъ, въ какомъ положеніи здоровье маменьки и мое, поблагодарилъ за предложенный ему стулъ, усѣлся, и какъ, повидимому, уже переговорилъ обо всемъ, что можно было сказать, то замѣстилъ дальнѣйшія слова тяжелыми вздохами.

— Чѣмъ съ вами, любезный Дорнаусъ? съ удивленіемъ спросила маменька: не случилось ли чего съ вами? Какое дѣло привело васъ ко мнѣ?

— Со мною ничего не случилось, отвѣчалъ Дорнаусъ, вздохнулъ еще глубже: и я пришелъ не по дѣлу.

— Что же съ вами? Видно, что вы печальны. Что такъ печалитъ васъ?

— Да! сударыня, я печаленъ, и есть отчего. Сейчасъ я былъ у бѣднаго Фильда....

— У бѣднаго Фильда? что же случилось съ нашимъ прекраснымъ Фильдомъ? въ испугѣ спросила моя матушка.

— Да съ нимъ ничего не случилось.

— Такъ объяснитесь; я тутъ ничего не понимаю.

— Прежде всего, сударыня, позвольте спросить: были вы на прошлой недѣлѣ въ концертѣ молодаго піаниста, который только-что пріѣхалъ?

— Какъ же, конечно! Вы видѣли меня тамъ; мы еще разговаривали.

— Точно, точно! Вы сдѣлали мнѣ эту честь, которую, повѣрьте, сударыня, я очень хорошо чувствую, и потому прошу васъ простить мою минутную забывчивость; вамъ извѣстно, что моя голова не изъ крѣпкихъ, и когда что-нибудь тревожитъ ее, какъ теперь бѣдняга Фильдъ....

— Опять!... Но вы, право, беспокоите меня; вамъ извѣстно, какъ я люблю Фильда, какое принимаю въ немъ участіе....

— Скажите же, сударыня, вскричалъ Дорнаусъ, качнувшись на стулѣ съ живостью, какой никогда за нимъ не водилось: какъ понравился вамъ этотъ маленькій піанистъ?

— Удивительный ребенокъ! снокойно отвѣчала матушка.

— И вы за него, сударыня! печально сказалъ Дорнаусъ: а я такъ надѣялся на васъ; думалъ, что по-крайней-мѣрѣ вы не измѣните бѣдному Фильду.

— Право, любезный Дорнаусъ, вы, кажется, мелете вздоръ; объяснитесь получше; скажите, что встревожило васъ до такой степени, и тогда по-крайней-мѣрѣ я буду знать, чѣмъ успокоить васъ.

— Этотъ маленькій піанистъ, Карлъ Майеръ, игралъ въ своемъ концертѣ нѣсколько піесокъ, неизвѣстныхъ прежде, и между прочимъ, пятый концертъ Крамера, восхитившій

публику. Новость вѣсь, лѣта пианиста, легкость и быстрота его игры, произвели огромный эффект... чему вы сами были свидѣтельницами. Ребенку аплодировали до сумасшествія. Впрочемъ, еслибъ остановились только на этомъ, еще бы не большая бѣда. Но вѣтъ! зашли далѣе: чтобы поднять его еще выше, не нашли вѣрнѣйшаго средства, какъ унижить великаго; чтобы лучше доказать одинъ талантъ, начали искать недостатковъ въ другомъ.... Короче.... вы понимаете, сударыня, что я насилу могу произносить эти слова.... они душатъ меня.... короче, сказали, что этотъ прелестный ребенокъ, при самомъ началѣ своей карьеры, превзошелъ Фильда, который, сравнительно съ нимъ, прахъ, дрянь, клонится къ упадку.... Вамъ вѣдомо, сударыня, что есть разнощики новостей, которые узнаютъ все прежде другихъ. Каждый хотѣлъ прежде прочихъ пересказать Фильду эти нелѣпые толки, неизмѣющіе здраваго смысла и доказывающіе только безвкусіе и невѣжество тѣхъ, кто ихъ распространяетъ. Каждый хотѣлъ какъ-можно сильнѣе выразить свое негодованіе на неблагодарность публички, забывшей Фильда для новаго любимца, и каждый утверждаетъ, что не принадлежитъ къ этому числу, а пришелъ завѣрить Фильда, что ни за какія блага не перемѣнитъ своего мнѣнія о немъ, и готовъ силою выломать аверь, еслибъ ее заперли для такого славнаго друга. Бѣдный Фильдъ, забытый одними и утѣшаемый другими, впалъ въ задумчивость: каждый день приносили ему свисокъ новыхъ отступниковъ, а прежніе друзья и утѣшители только еще болѣе тревожили и разстроивали его. Сегодня я заходилъ къ нему по настоятельной просьбѣ одного очень богатаго молодого человѣка, которому хочется, чего бы это ни стоило, взять нѣсколько уроковъ у Фильда. Я засталъ его въ совершенномъ разстройствѣ, въ самомъ дурномъ расположеніи духа. — «Какой же вы болванъ! сказалъ мнѣ Фильдъ, когда я проговорилъ свое порученіе: развѣ не знаете что я — свинья, дуракъ, никуда не пожусь; что, какъ я не взрослый, однако же не угостилъ публички тѣми кушаньями, которыя принесъ ей на пробу ребенокъ. Скажите же всему молодцу, что я не могу учить его, потому-

что самъ равне ничего не смыслю, и пусть онъ адресуетъ къ кому хочетъ.... хоть къ ребенку! Послѣ этой в другихъ фразахъ, которыхъ я не понялъ, Фильдъ обернулся ко мнѣ спиною, и объявилъ, что я уже порядкомъ надѣлъ ему и что онъ сказалъ все. Въ самомъ дѣлѣ, онъ уже сидѣлъ за фортепiano; я видѣлъ, что мнѣ оставалось только удалиться, и ушелъ очень скучный, и принялъ рассказать вамъ все, зная вашу доброту и живѣйшее удивленіе къ Фильду.... Но, можетъ быть, и оно уже оказало....

Маменька увѣрила Дорнауса, что ея удивленіе и мнѣніе о Фильдѣ останутся неизмѣнными; что въ этомъ внезапномъ энтузіазмѣ неизмѣнно есть много преувеличеннаго, особенно же въ толкахъ о немъ; что надо немного подождать, потерпѣть, и, вѣроятно, все пойдетъ по-прежнему.

За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, разъ, въ воскресенье утромъ, сообщали мнѣ пріятныя новости: сказали, что въ этотъ день я буду очень нарядно одѣтъ и что у насъ обѣдетъ гость, который мнѣ очень понравится: молодой вѣнскій, почти ребенокъ, только-что пріѣхавшій въ Петербургъ. Мнѣ очень хотѣлось увидѣть его и воображеніе мое уже создало ему формы, одиѣ привлекательнѣе другихъ. Около трехъ часовъ, пользуясь праздничною свободой, мы расположились въ залѣ и набрали съ собою кружечекъ. До обѣда оставалось еще два или три часа, и никто не думалъ о немъ, какъ вдругъ раздался звонокъ и вслѣдъ за нимъ явились посѣтители. Одинъ былъ пожилой, маленькій, худенькій, съ длиннымъ носомъ, въ очкахъ одѣтый бѣдно; во всей его фигурѣ выражалось смиренное и нугливое незнакомство съ свѣтомъ. Другой былъ, во многихъ чертахъ, копіей перваго, но только гораздо моложе; впрочемъ съ такимъ же пономъ, такой же маленький, худенькій, бояливый, неловкій; недостаткомъ только очковъ; да еще одежда на немъ была получше нежели на старшемъ. Старшій поклонился намъ и произнесъ нѣсколько нѣмецкихъ словъ; младшій прибавилъ къ своему поклону нѣсколько французскихъ фразъ, съ очень хорошимъ выговоромъ. Но мы не долге слушали эти; мы

еще не умѣли принимать визиты; поскорѣе собрали свои игрушки и убѣжали, не заботясь, что станутъ дѣлать гости, которые пожаловали такъ некстати. Я почти позабыла о нихъ, какъ, около пяти часовъ, войдя въ залу, гдѣ уже собралось многочисленное общество, увидѣли мы маленькаго старичка, разстроившаго утромъ нашу игру, который теперь, стоя у дверей, отвѣчалъ низжайшими поклонами на вопросы моего батюшки. Передъ маманькой, сидѣвшею на диванѣ, стоялъ молоденькій незнакомецъ, улыбался и повидимому былъ очень доволенъ тѣмъ, что слышалъ. Маманька подозвала меня.

— Посмотри, сказала она: какой интересный у насъ гость. Это господинъ Карлъ Майеръ. Ему только шестнадцать лѣтъ, а онъ уже славный пианистъ. Въ такіе лѣта такой огромный талантъ! Васъ ожидаетъ блестящая будущность, *monieur Charles*.

Карлъ Майеръ поклонился, но, вѣроятно, онъ болѣе думалъ о настоящемъ нежели о будущемъ. Спусти нѣсколько лѣтъ, онъ признался мнѣ, что привыкъ обѣдать съ отцомъ ровно въ часъ, и что они боялись опоздать, явившись въ гости къ тремъ часамъ. Наконецъ, сѣли за столъ къ очевидному удовольствію будущаго великаго пианиста. Онъ ѣлъ съ аппетитомъ, но у отца его аппетитъ, кажется, прошелъ отъ томительнаго ожиданія и непривычки къ новому, незнакому обществу. За обѣдомъ, не походившемъ на обѣды, которые бывали въ подобныхъ случаяхъ, присутствіе новаго артиста нисколько не обнаруживало своего вліянія на гостей; разговаривали, какъ-будто вовсе тутъ не было этого знаменитаго ребенка, смѣялись, ѣли, пили, и только отъ времени до времени родители мои обращали вниманіе на юнаго Карла Майера, называли его маленькимъ виртуозомъ, и объявляли, что черезъ нѣсколько часовъ обществу будетъ очень пріятно познакомиться съ нимъ короче, когда онъ доставитъ случай восхититься своимъ дарованіемъ. Тогда присутствующіе начали дорнировать артиста, я предложилъ ему нѣсколько вопросовъ, до такой степени прямыхъ, что только человекъ очень глупый или ужъ очень умный могъ бы отвѣчать на нихъ съ точностью; но въ пер-

вомъ случивъ, пришлось бы опозать несправедливостъ самому себѣ, а во второмъ только истинѣ. Спрашивали, который ему годъ, по скольку часовъ въ день онъ упражняется, какіе оказалъ успѣхи, не боятся ли иногда ва нихъ, и другія подобныя тайны, въ которыя вовсе не слѣдуетъ углубляться, и которыя рѣдко открываютъ тѣ, кому онѣ принадлежатъ. Послѣ обѣда, когда любовныяство уже было довольно возбуждено, юный артистъ, вѣроятно, желая сосредоточить на себѣ вниманіе, сѣлъ на фортепіано и сыгралъ нѣсколько пѣсень, блестящихъ и трудныхъ, оставляя между ними только необходимыя интервалы, чтобы слушатели могли выразить заслуженное удивленіе. Пальцы піаниста скользили по клавишамъ съ легкостью и особенно съ быстротою, до-сихъ-поръ невиданною; едва касались клавишей; останавливались на нихъ рѣдко столько времени, сколько надо было чтобы извлечь свойственный имъ звукъ, и спѣшили далѣе, производить новыя звуки съ той же непостижимою быстротою. Однакожь не въ одной быстротѣ заключалось ихъ достоинство. Видно было, что они хорошо разучены, что артистъ привыкъ къ нимъ и — что всего труднѣе — не беретъ ни одной фальшивой ноты. Невозмутимое спокойствіе піаниста, неподвижность въ чертахъ лица, на которыхъ не отражалось никакого волненія, никакого безпокойства, доказывали, до какой степени онъ былъ увѣренъ въ себѣ и во всемъ, что выражали его пальцы. Слушатели были въ восхищеніи, и засыпали удивительнаго, такъ рано созрѣвшаго мальчика, похвалами и рукоплесканіями.

Нѣсколько времени старикъ Майеръ водилъ сына изъ дома въ домъ, съ рекомендательными письмами, и послѣ того дали они концертъ съ самонаиблестательнѣйшимъ успѣхомъ. Вскорѣ, Карлъ Майеръ сдѣлался общимъ фаворитомъ. Съ нимъ отцу было очень легко ходить: нечего было опасаться ни строптиваго характера, ни капризовъ, и, въ добавокъ, онъ игралъ такъ хорошо, такъ быстро, такъ охотно. И какой онъ былъ неутомимый!... сейчасъ видно, что и ему самому было пріятно то, чѣмъ онъ доставлялъ столько удовольствія другимъ. Чего же еще надо? Благодарство-

восторженныя публики и извѣстность незрѣлаго артиста быстро совершали, и вскорѣ приняли такіе размѣры, что взяли верхъ надъ расположеніемъ къ тому, который до-сихъ-поръ пользовался ими исключительно. Начали дѣлать сравненія. Разумѣется, что они не всегда клонились въ пользу юнаго соперника Фильда, однакожь сами по себѣ были уже слишкомъ жестки для ребенка, который могъ сдѣлаться, но еще не сдѣлался совершеннымъ артистомъ до того чтобы ужъ управлялъ пальцами и страсть развивала экспрессию. Какъ бы то ни было, молодой артистъ формально опровергнулъ восторгъ своихъ пламенныхъ почитателей тѣмъ, что, по собственному благоразумію или изъ послушанія отцу, началъ брать уроки у того, съ которымъ ставилъ его на одну линію, и даже выше. Игра Карла Майера сдѣлалась еще нѣжнѣе, круглѣе, доконченнѣе, изящнѣе; усовершенствованный послѣднимъ своимъ учителемъ и временемъ, которое также приноситъ свои плоды для тѣхъ, кто умѣетъ ихъ срывать, онъ съ каждымъ днемъ дѣлался болѣе и болѣе примѣчательнымъ виртуозомъ. Но, усвоивъ многое изъ методы Фильда, онъ не могъ усвоить его индивидуальности, и навсегда остался Карломъ Майеромъ, какъ тотъ навсегда остался Джономъ Фильдомъ. Майеръ всегда былъ холоденъ, и если, несмотря на этотъ недостатокъ, пользовался успѣхомъ, это доказываетъ только превосходный механизмъ его игры; чувства же въ ней вовсе не было. «Фортепіано, говаривалъ Майеръ, устроено не для пѣнья». Да притомъ, что сталъ бы онъ и выражать-то? Онъ былъ постоянно занятъ хлопотливою раздачею билетовъ на свои концерты; старался приобрести какъ можно болѣе уроковъ, и давалъ ихъ по дюжинѣ въ день; на разцвѣтѣ лѣтъ и таланта, посвящалъ піесы, въ надеждѣ на выгоды и почести, а разумѣется, что подобныя житейскія мелочи очень трудно выразить въ музыкѣ; еслибъ даже и удалось, то сомнительно, чтобы онѣ произвели увлекательное дѣйствіе; заставить же ихъ поддѣльнымъ чувствомъ, приличнымъ случаю, значило бы играть невѣрно и неестественно. Можно выразить не болѣе того, что ощущаешь самъ; но

случается, что, при неопытности выражаться, человек чувствует болѣе, нежели высказываетъ. Вотъ къ чему такъ необходима приобретаемая навыкомъ и временемъ легкость владѣть перомъ или кистью: это внѣшніе органы того что происходитъ внутри челоуѣка, это проводники ума и сердца. Если умъ высокій, образованный, соединяющій съ обширными познаніями глубокое чувство, пламенное воображеніе, сердце способное любить, знающее страсти и умѣющее обнаруживать ихъ; если все это одушевлено искрою огня, украденнаго Прометеемъ въ небѣ и которымъ воспаляется душа, часто не понимая причины, впечатлѣніе здѣсь не должно ли быть совершенно другое, нежели тамъ, гдѣ не значить этихъ достоинствъ? Ооднакожъ такіа организациі встрѣчаются, хотя очень рѣдко. Явленіе ихъ составляетъ эпоху и, что бы ни говорили, люди никогда не смѣшаются съ ними дюжинныхъ натуръ.

Публика вскорѣ замѣтила, что она слишкомъ поторопилась высказать свое мнѣніе о Фильдѣ и Майерѣ; но она была невиновата. Сила новости такъ првлекательна; какъ этотъ скрываетъ многое и нравится глазамъ. При всемъ томъ самолюбіе Фильда получило смертный ударъ. Не слишкомъ гоняясь за успѣхами, Фильдъ, однакожъ, не могъ перенести несправедливости и терпѣливо выдерживать неудачи. Черезъ нѣсколько времени онъ снова уѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, и оставилъ открытое поле своему счастливому сопернику. Счастіе и извѣстность Карла Майера утвердились на прочныхъ основаніяхъ, на сношеніяхъ съ домами, въ которыхъ онъ давалъ уроки, и которые почти всѣ считали за счастье выторговать у него часть его досуговъ. У него едва доставало времени, чтобы удовлетворять убѣдительнонѣйшимъ и безпрестаннымъ просьбамъ; и, не желая долгого обидѣть формальнымъ отказомъ, Майеръ придумалъ методу, которая, правда, немножко затруднительна, однакожъ давала многимъ право называться ученицами Карла Майера. Смотри по состоянію и способностямъ ученицъ, онъ общалъ одинъ, два, даже до трехъ уроковъ въ недѣлю, но сдерживалъ свои общанія какъ позволяли эти многочисленныя обязательства. Дел-

тому — предельная несправедливость! — въ числѣ прекрасныхъ его качествъ не досчитывались аккуратности, говорили, что онъ часто пренебрегаетъ уроки, и что отъ такой неоправности нѣсколько замедляются успѣхи ученицъ, которыя, безъ этого, дѣлали бы чрезвычайно быстрые успѣхи. Но въ то же время говорили, что нельзя сердиться на миленькаго Майера: у него такой прекрасный талантъ, онъ еще такъ молодъ, его всѣ ищутъ: мудрено ли что онъ еще не можетъ привыкнуть къ точности и аккуратности, которыми отличается посредственность! Отъ этого недостатка онъ, вѣроятно, исправится со временемъ, и тогда уже рѣшительно не на что будетъ роптать. А между-тѣмъ время уходило, и ожиданіе, часто обманутое, превращалось въ печальную увѣренность, что любезнаго учителя не увидѣть нѣсколько недѣль, не услышать его соловьиныхъ трелей и жемчужныхъ гаммъ, не дожидаться его ободрительной похвалы, его лучезарной критики. Майеру было часто и не до того: наступалъ концертный сезонъ и онъ готовилъ свой концертъ. Все должно было уступить этому великому событію и содѣйствовать его успѣху. Пропустить его концертъ даже не приходило на умъ безчисленнымъ ученицамъ, друзьямъ, почитательницамъ, знакомымъ, и покровителямъ. Майеръ зналъ это очень хорошо, и старался сдѣлать свои концерты занимательными какъ-нельзя болѣе. Не будучи скромнымъ цѣнителемъ своего таланта, такъ справедливо названнаго прекраснымъ, онъ однако полагалъ, что нельзя же имъ однимъ доставить удовольствіе и занять цѣлый вечеръ, на который онъ пригласилъ всѣхъ тѣхъ, чьи двери никогда не запирались для него. Поэтому, Майеръ убѣждалъ всѣ тогдашніе таланты, всѣ столпныя знаменитости, содѣйствовать восхищенію многочисленнаго общества, которое должно было собраться на музыкальное торжество, и убѣждалъ такъ мило, такъ убѣдительно, что артистамъ не было никакой возможности отказать. Разумѣется, онъ платилъ услугою за услугу, и участвовалъ въ концертахъ у тѣхъ, которые играли у него. Въ первые годы своего пребыванія въ Петербургѣ, Майеръ блестялъ въ концертныхъ залахъ только какъ исполнитель. Хотя его

сочиненія уже очень нравились и пользовались известностью, однакожъ онъ считалъ ихъ неудобными для важныхъ случаевъ, потому что пьесы эти не удовлетворяли общепринятой для концертовъ формѣ. Онъ должны были обходиться безъ помощи оркестра и зависѣли единственно отъ игры пианиста, который одинъ отвѣчалъ за ихъ успѣхъ или неудачу. Первые сочиненія Майера состояли преимущественно изъ этюдовъ, рондо и вариаций на известные мотивы. Многія, почти всѣ, эти пьесы были прелестны, и если никогда не достигали онъ до степени высокаго, зато никогда не унижались до тривіальнаго. Въ нихъ всегда господствовали вкусъ и изящное; онъ были въ большой милости у публики; но онъ боялся, что можетъ-быть, публика найдетъ, что форма ихъ слишкомъ легка, размѣръ слишкомъ сжатъ, и что оттого имъ невозможно являться безъ посторонней помощи передъ большою массою знатоковъ. А между-тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ были бы великанами сравнительно съ пустяками, которые теперь играютъ въ концертахъ. Впослѣдствіи, онъ сочинилъ нѣсколько концертовъ, въ которыхъ оркестръ всегда игралъ главную роль; но сначала онъ ограничивался выборомъ чужихъ пьесъ, самыхъ блестящихъ, самыхъ эффектныхъ, чтобы выставить въ нихъ талантъ свой съ самой выгодной стороны. Тутъ были сочиненія Крамера, Фильда, Мопелесса, Калькбреннера, наконецъ Гуммеля, послѣднія созданія чужой фантазіи, усвоенныя пальцами Карла Майера, предшественники собственныхъ его твореній, которые наконецъ созрѣли и, по мнѣнію самого композитора, могли достойно явиться въ свѣтъ.

Благодаря Майеру, мы въ первый разъ услышали прекрасныя сочиненія Гуммеля, впослѣдствіи пріобрѣвшія популярность. Кто ихъ не знаетъ? Кто въ молодости не слышалъ концерта въ *la-minore*? Кто не помнитъ его подъ пальцами своей матушки, тетушки, и, можетъ-быть, даже бабушки? Гуммель получилъ такой же полный успѣхъ, какъ и отличный его истолкователь; но какъ композиторъ находился далеко, а исполнителя видѣли всѣ, то вѣнецъ музыкальный достался ему одному, безъ раздѣла: ему сыпалась

и рукописканіе, и барыни. Майоръ, чрезвычайно доводный усѣхотъ, не заставляя долго упрашивать себя о повтореніи, и въ послѣдующихъ концертахъ игралъ, съ рѣдкимъ совершенствомъ, прекраснѣйшія піесы Гуммеля, и такимъ образомъ распространилъ его имя и славу въ Петербургѣ.

О Гуммелѣ начали толковать; узнали, что это великій талантъ; что сочиненія его прекрасны и пользуются большою извѣстностію; но этого было недостаточно: надо было убѣдиться въ справедливости сказаній, и Майеръ, кажется, началъ доказывать на на-дѣлѣ. Самъ онъ и его прозелиты и подражатели ревностно разучивали сочиненія великаго музыканта, имѣвшія единодушный и заслуженный успѣхъ, и они распространились очень быстро. Въ короткое время, Гуммель сдѣлался дорогъ всѣмъ адептамъ фортепіано, занявъ не только ихъ пальцы, но также и мысли. Захотѣлось видѣть вблизи того, къ кому восхищались издали. Это было не очень выгодно тому, кто такъ старался быть представителемъ отсутствующаго. Карлъ Майеръ увидѣлъ, что онъ ужь слишкомъ усердно трудился для чужой славы. Мысль эта начинала беспокоить его. Съ нѣкотораго времени распространился слухъ, что Гуммель ѣдетъ въ Петербургъ. Слава его росла съ каждымъ днемъ; слухи, часто противорѣчивые, заставляли еще болѣе говорить о немъ и забывать того, кто первый прославилъ его между нами.

Карлъ Майеръ разсердился, подобно Вольтеру, который, познакомивъ Французовъ съ Шекспировъ, потомъ бранилъ ихъ за восторгъ, оказываемый ими твореніямъ англійскаго поэта въ ущербъ славы собственныхъ его сочиненій.

Какъ бы ни были различны мнѣнія о личности, наружности, умѣ и сердцѣ Гуммеля, однакожъ всѣ соглашались въ томъ, что композиторъ такихъ прекрасныхъ піесъ долженъ быть, по-крайней-мѣрѣ, человекъ замѣчательный и, очень вѣроятно, прекрасный. Благодаря Карлу Майеру, такъ хорошо приготовившаго торжество его, еще усерднѣе прежняго разучивали сентуоръ, концерты, вариации, рондо великаго музыканта, чтобы достойно принять его и доказать, что знакомы съ его произведеніями. Напрасно

Майеръ увѣрялъ утѣшца, что все уже изучено ими прекрасно и что можно перейти къ другимъ піесамъ; несмотря на предлагалъ собственные свои сочиненія и рекомендовалъ новости: ему отвѣчали тѣми же словами, какими еще такъ недавно выражался онъ самъ, и продолжали разучивать піесы того, котораго ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ.

Непріятель приближался; надо было сдѣлаться его другомъ, вмѣсто того чтобы вести войну, которой успѣхъ былъ сомнителенъ: потому что и побѣда и отступленіе казались равно невозможными.

Мудрый Гуммель путешествовалъ не торопясь; останавливался на дорогѣ; не располагалъ долго пребыть въ нашемъ городѣ и, разумѣется, всего менѣе думалъ о томъ, чтобы вредить кому бы ни было. Онъ пріѣзжалъ собственно для себя, а не для другихъ. Это былъ талантъ спокойный и твердый въ своей орбитѣ, который не предпринималъ ничего выше своихъ средствъ и извлекалъ лучшее изъ того что ему дано.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, Гуммель сдѣлалъ намъ визитъ и, черезъ нѣсколько дней потомъ, обѣдалъ у насъ въ домашнемъ кругу. Гуммель былъ человекъ уже созрѣвшій и лѣтами и опытомъ. Въ особѣ его не было ничего привлекательнаго, зато не было ничего и отталкивающаго: это были совершенная простота, чистый талантъ безъ всякихъ украшеній и декораций. Казалось, что онъ осторожно извлекъ изъ своей особы всю поэзію, все изящное, весь вкусъ, всю грацію, которые были дарованы ей, и сложилъ въ свою музыку, не отдѣливъ ни малѣйшей частицы для другаго употребленія.

Въ домѣ моихъ родителей существовалъ обычай вводить иностранныхъ артистовъ въ семейный кругъ и съ перваго шагу дѣлать ихъ своими людьми, а не собирать околѣвшихъ праздную и любопытную толпу, которая часто приноситъ свой приговоръ по одной наружности, разноситъ слухи, не заботясь, будутъ ли они въ пользу или во вредъ артисту, критикуетъ, не развязывая кошелька, и считаетъ ненужнымъ платить даже и за свое восхищеніе. Такое короткое знакомство завязывалось съ самыми лучшими же-

лавины для артиста, но не всегда оказывало ему услугу; потому что, на этой тѣсной аренѣ, онъ иногда бывалъ не въ своей сферѣ, будучи принужденъ выказывать себя сперва свѣтскимъ человѣкомъ, прежде чѣмъ могъ выказаться какъ человѣкъ съ дарованіемъ.

— Въ Гуммелѣ бросилось въ глаза только одно — совершенное спокойствіе, господствующее и во всѣхъ его произведеніяхъ. Не было въ немъ ни эксцентричества, ни грубости, ни мечтательности, ни меланхоли, ни одного изъ элементовъ, съ которыми производять музыку живописно, интересно или оригинально.

Обѣдъ прошелъ тихо; музыкантъ болѣе отвѣчалъ, нежели самъ говорилъ, но отвѣчалъ съ здоровымъ смысломъ и строжайшею учтивостію. У него былъ умѣренный аппетитъ, не пренебрегавшій тѣмъ, что ему предлагали; такая же точно умѣренная жажда, и, при удобномъ случаѣ, онъ навелъ рюмку своему сосѣду или сосѣдкѣ. Ему было тогда лѣтъ сорокъ. Наружность его была такая добрая, чистая, что никто не рѣшился бы назвать его дурнымъ, хотя, очень можетъ статься, онъ приближался къ этому званію. Вѣрно то, что онъ не былъ красавцемъ. Онъ былъ едва средняго росту, сутуловатъ, съ очень обыкновенными чертами лица, съ руками неуклюжими, съ тѣми же толстыми и коротенькими пальцами, какъ и вся его фигура. Тотчасъ послѣ обѣда, начали разсматривать фортепіано. Не удивительно, что этотъ инструментъ дѣлается съ каждымъ днемъ популярнѣе. Часто называютъ его неблагодарнымъ, и однакожъ кому изъ своихъ знакомцевъ отказываетъ онъ въ услугѣ? кого не вознаграждаетъ — и какъ щедро! — за усердіе?

Гуммелъ, не заставляя, ни упрямивъ себя, ни ждать удовольствія, которое онъ могъ доставить, сѣлъ за фортепіано, съ тою же простотою, какою отличались всѣ его дѣйствія. Но онъ блисталъ, въ особенности, не какъ пианистъ, а какъ композиторъ и импровизаторъ; игра его была скорѣе вдохновенная, нежели выработанная; видно было, что онъ занимался болѣе тѣмъ, что думалъ, нежели тѣмъ, что дѣлалъ. Онъ не сыгралъ намъ ни одного своего сочине-

ннѣ: онѣ импровизировалъ, но не на данныхъ мотивахъ, какъ это болѣею частью случается; не пассажи и модуляци, находящіяся подъ пальцами почти каждаго пѣаниста; а собственныя свои мысли. Гуммель выражалъ ихъ въ стилѣ легкомъ, простомъ, и всегда изящномъ, съ тѣмъ тонкимъ интуитомъ, какой замѣтенъ во всѣхъ его произведеніяхъ, которыя можно играть, не ломая ни головы ни пальцевъ.

Онѣ далъ, вскорѣ и съ большимъ успѣхомъ, нѣсколько концертовъ, не особенно восхитилъ импровизаціями. Сочиненія Гуммеля, которыя петербургская публика уже знала почти наизусть, не нуждались въ его комментаріяхъ, чтобы казаться прекрасными, и онѣ очень немного прибавилъ къ нимъ славы.

Между тѣмъ Майеръ не терялъ времени. Давая уроки, онѣ усердно превозносилъ своего друга Гуммеля, говоря, что онѣ нравится ему до безконечности, что онѣ превзошелъ его ожиданія... Годы легко пролетѣли надъ головою Майера. Онѣ былъ еще молодъ, любилъ потавцовать, и не возражалъ, если какого-нибудь артиста называли милымъ чело-вѣкомъ; особенно, когда рѣчь могла относиться къ нему самому. Онѣ представлялъ разительную противуположность съ Гуммелемъ, осторожнымъ въ приемахъ, простымъ въ разговорѣ, уморительномъ въ пальцахъ, который не могъ соперничать съ перстами Карла Майера, бѣлыми какъ слоновая кость. Притомъ же онѣ рѣшительно ничего не потерялъ отъ сравненія съ Гуммелемъ, и по веснѣ простой прическѣ: никто и не думалъ сравнивать его съ авторомъ Сонатуры и Концерта въ *la-mi-mo-re*. Гуммель, съ своей стороны, былъ въ восхищеніи отъ молодого артиста, и можетъ-быть потому болѣе и цѣнилъ качества его игры, доведенныя до совершенства, что у великаго композитора они были только второстепенными. Впрочемъ, игра Гуммеля была такъ богата, что онѣ могъ, не разоряясь, уступить ему привилегію на хроматическія гаммы.

Съ вѣрнымъ тактомъ искуснаго музыканта, Майеръ умѣлъ извлечь выгоду изъ обстоятельствъ и ловко повернулъ ихъ въ свою пользу. Приближался его концертъ. Какой удобный случай доказать, что онѣ друженъ съ великимъ человекомъ;

и не боятся выйти съ нимъ на состязаніе! Къ великому счастью для Майера, Гуммельъ сочинилъ прекрасную сонату для четырехъ рукъ, которая тогда еще не была такъ извѣстна свѣту, какъ послѣ. Наде же было познакомить съ нею петербургскую публику: но какимъ образомъ? Гдѣ найти втораго пианиста для такого прекраснаго произведенія, если даже первый не смѣлъ бы рѣшиться на такое дѣло безъ ободренія автора. Потунивъ глаза, съ робкою, смиренною снисхожденіемъ, Майеръ сказалъ Гуммелю, что счелъ бы за послыханную честь участвовать въ концертѣ съ такимъ великимъ музыкантомъ, возлѣ котораго, онъ, Майеръ, не болѣе, какъ ученикъ, но что слава Гуммеля заблестѣла бы еще лучезарнѣе, еслибъ онъ не отказался быть руководителемъ юности и неопытности, которая жаждетъ его совѣтовъ, обращая взоръ къ его живительнымъ лучамъ, и желая воспользоваться мастерскимъ его примѣромъ. Просьба охотно была исполнена. Гуммельъ игралъ свою сонату въ концертѣ Майера, уступивъ ему первое мѣсто, хотя самъ не могъ занимать втораго. Соната, какъ и слѣдовало ожидать, имѣла огромный успѣхъ; зала была набита биткомъ: а это и главное. Весь успѣхъ Майеръ приписалъ своей игрѣ, выросъ въ собственномъ мнѣніи и предполагалъ, что это же послѣдовало съ нимъ и во мнѣніи прочихъ. Гуммельъ, къ впадшему счастью нашего пианиста, уѣхалъ очень скоро, по-крайней-мѣрѣ такъ казалось всѣмъ, знавшимъ его. Онъ отправился въ Москву, гдѣ прожилъ нѣсколько времени.

Такъ кончилось посѣщеніе, возбуждавшее столько любви и опасеній. Оно оставило слѣды только въ воспоминаніи, правда, невидимые и неослаемые, нѣсколько похожіе на буквы, когда чернила уже совершенно поблѣднѣли; но черты эти все же существовали, и только ждали случая, чтобы опять явиться глазамъ. Случай этотъ вскорѣ представился.

Въ слѣдующемъ году предстало живое воспоминаніе о Гуммелѣ, въ лицѣ любимаго его ученика, котораго онъ образовалъ съ особеннымъ удовольствіемъ и рекомендовалъ всѣмъ, кто хотѣлъ считаться его другомъ. Дурно принять

Шоберлехнера значило бы показать, что забыли Гуммеля и не хотят быть въ числѣ его почитателей.

Въ первые дни по приѣздѣ, Шоберлехнеръ явился къ намъ. Когда артистъ является, прежде всего видишь въ немъ, челоѣка. Шоберлехнеръ былъ высокаго росту, сутуловатъ, неуклюжій, съ большими и длинными руками, смуглый; черты его не отличались ни тонкостью, ни правильностью; голосъ былъ хриплый, манеры неловкія, и если его дѣла, сѣтѣствовало его перьямъ, какъ въ баснѣ «Ворона и Лясыца», то онъ вовсе не былъ созданъ кушать сыръ на атомъ сѣтѣ. Но вѣдь и соловей не красавецъ, а ему нѣтъ соперника. Видѣть Шоберлехнера былъ непродолжителенъ, и разговоръ вертѣлся на Гуммелѣ, сюжетъ извѣстномъ ему наизусть. Шоберлехнеръ обѣщала батюшкѣ прийти на дняхъ обѣдать. Назначили день. Теперь-то думали мы, услышимъ его, и ждали этой минуты съ нетерпѣніемъ, любопытствомъ, даже какимъ-то страхомъ, хоть по видимому, нечего было опасаться. Но вотъ причина опасеній. Въ домѣ у насъ было нѣсколько ученицъ Майера, и хотѣ они не могли похвалиться усердіемъ учителя, однакожъ не знали ничего выше его. Они, поэтому, принимали живое участіе въ его успѣхѣхъ и не хотѣли, чтобы кто другой превзошелъ ихъ наставника. Врагъ предсталъ, по условію. Очевидно, Шоберлехнеру хотѣлось, чтобы его удивляли; желаніе это было исполнено, и, послѣ обѣда, онъ сѣлъ за фортепіано и сыграла нѣсколько пѣсь своего сочиненія. Ничто не было такъ похоже на него, какъ эта игра и пѣсы, которыя мы слышали. И тому и другому одинаково недоставало законченности, изящества, жемчужности, къ которымъ мы привыкли. Наружность не обманывала. Мы тѣмъ болѣе убѣждались въ этомъ, чѣмъ болѣе всматривались. Игра — къ сожалѣнію должно признаться — не ородала насъ. Прославленный ученикъ Гуммеля играла во многихъ домахъ, и почти вездѣ произвелъ то же впечатлѣніе какъ у насъ. Шоберлехнеръ былъ однакожъ предтечою Таддберговъ, Плейельшь, Борершь, Дрейшоковъ, Леопольдовъ Фоль-Мейеровъ и всего прихода громовержцевъ обоаго пола, производителей буръ, трескотни и шуму на плавитурѣ,

исобретенной лоски инструментовъ и разрушенія ушей зналъ ударами эффектовъ и энергической выразительности. Въ рукахъ его фортепіано перерождалось. Изъ тихихъ и скромныхъ, они становились сердитыми и грозными. Спѣсъ, честолюбіе и смѣлость только-что поселялись въ эти лица. Шюберлехнеръ потребовалъ первый, чтобы фортепіано были, не какъ-можно по-слаще, не какъ-можно не-сильнѣе и по-громче. Съ этой поѣздки стали вооружать ихъ желѣзными и мѣдными полосами и балками, утолщать доски, натягивать каматныя струны. Это не могло, безъ привычки, поправиться ушамъ, привыкшимъ къ легкой, шепчущей, ласкающей игрѣ Фильдовъ и Майеровъ. Мы не поняли Шюберлехнера и рѣшили, что онъ не понимаетъ фортепіано.

Концертъ Шюберлехнера приближался. Успѣхъ его казался сомнительнымъ. Майеръ не говорилъ ни слова, но знаменательно потиралъ руками, выточенными изъ бѣлаго мрамора.

Въ эту же замку гостила въ Петербургѣ чета, о которой можно сказать, что ее гораздо любопытнѣе было видѣть нежели слышать: скрипачъ Бушѣ, и его жена, піанистка и арестистка. У обоихъ былъ прекрасный талантъ, и они желали бы употребить его въ основаніе своей музыкальной каріеры; но, играя соло на скрипкѣ, Бушѣ рассчитывалъ особенно на свою наружность, въ которой находилъ онъ удивительное сходство съ наполеоновскою; складывалъ крестикомъ руки на груди, надвигалъ на глаза шляпу, и придавалъ своему лицу выраженіе столь глубокомысленнаго, что походилъ на великаго человѣка. Публика смотрѣла на него съ любопытствомъ, и даже не справлялась о скрипкѣ. Мадамъ Бушѣ, владѣя двумя очень замѣчательными дарованіями, садилась разомъ за два инструмента и кудесничала. Правую рукой скользила по фортепіано, а лѣвою шлепала арфу. Въ эффектъ не было ничего музыкальнаго, потому что у каждаго инструмента отнимали половину его достоинства. Дѣлая руку, въ тѣ времена, еще не разлучалась съ другою, чтобы производить чудеса, которыми люди и понимаютъ дышать, зато никому не нравятся. Въ

игрѣ мадемы Бушэ было много граціи, вкуса, выразительности, и когда она употребляла ихъ кетати, то получала единодушный и заслуженный успѣхъ: вопрекиъ терла въ иѣ общемъ мнѣніи, въ минуты несчастнаго соединенія двухъ инструментовъ, которое отзывалось чѣмъ-то балаганщицъ. Бушэ также превосходно игралъ на скрипкѣ; у него довольно было и тенлоты, и одушевленія, и выразительности, и, по-временамъ, онъ сильно увлекалъ слушателей; но тогда голова начинала у него ходить кругомъ; въ пылу игры онъ принимался выдѣлывать фокусы и фарсы—взраться на головѣ, на плечѣ, за спиною, подъ колѣномъ, и такъ далѣе. Публика осуждала жаръ и увлеченіе артиста еще болѣе, нежели его жесты и позы. Хотѣли, чтобы онъ держался прямо; чтобы разумокъ и спокойствіе управляли его скрипкой; порицали безъ разбору и корошее и дурное; тому и другому давали названіе, только одинъ разъ ие стя при- мѣняемое вѣрно, шарлатанищъ.

Въ то время, вовсе не очень отдаленное отъ насъ иа самомъ дѣлѣ, и которое кажется намъ уже сѣдою старинной только потому что многое послѣ него перемѣнилось, не- чти во всемъ любили симметрію, изгнанную теперь за не- удобствомъ и бесполезностью. По обѣимъ сторонамъ дивана стояло по двое кресель, потомъ еще пара въ углахъ, потомъ дюжина или полторы дюжины стульевъ, смотря по величинѣ комнаты. Если съ однимъ случилось несчастіе, его тотчасъ возстановляли въ прежнемъ видѣ или же заказывали такой же новый, для пополненія комплекта, для порядка и симметріи комнаты. Банты изъ ленты раз- вѣтривались циркулемъ; число ихъ и цвѣта обсуживались по общимъ правиламъ классицизма. Когда въ первый разъ со- единили въ одномъ тоилетѣ зеленый цвѣтъ съ голубинымъ, было объявлено въ газетахъ, что, наконецъ, побѣдѣли предрасудокъ. Свѣтъ не хотѣлъ вѣрять такому дерзкому нарушенію приличій. Если давали концертъ, то представ- леніе начиналось непременно піесою, называемою concerti, съ полнѣмъ оркестромъ, и оканчивалось варіаціями, изъ которыхъ послѣдняя обязана была быть очень блестящею, для показанія ловкости концертнота. Въ устройствѣ, числѣ и

обстоятельствъ концертовъ соблюдались строжайшія правила, и, за исключеніемъ весьма немногихъ, всѣ они давались Великими-Шестомъ, по одному въ день, не толкая одинъ другаго; отчего, неизбежно, многіе изъ нихъ падаютъ. Каждый день являлось на сценѣ имя какого-нибудь извѣстнаго артиста, и почти всѣ они принадлежали къ оркестру Большаго-Театра: Бемъ, Мауреръ, братья Бендеръ, Мейнгардъ, братья Готелъ, Даллоки, и разные другіе. Всѣ эти концерты были одного мѣтро, одного размѣра, и по талантамъ, и по выбору пьесъ, и по реду музыки. Во всемъ этомъ не было ни привлекательной новости, ни чего-либо возбуждающаго любопытство, однакожъ публика аккуратно посѣщала концертныя залы, по обязанности званія публики, изъ приличія, и отнюдь не для того чтобы встрѣтиться съ знакомыми. Цѣны были скромныя, концерты не обманчивые: по-крайней-мѣрѣ зналъ навѣрное, что въ нихъ найдешь; въ залѣ, болѣею частью, рукоплескали симметрически. Только одинъ концертъ отличался отъ множества прочихъ, и имѣлъ цѣль, принадлежавшій ему одному, именно, концертъ Майера. Серебряный тѣмбръ его инструмента, звукъ этихъ колокольчиковъ, которые такъ сладко звенѣли, толпы ученицъ, вода, все это придавало его дню какой-то праздничный видъ. Кромѣ того, концерты въ пользу вдовъ музыкантовъ и, особенно, благотворительныя, всегда возбуждали общее участіе и составлялись изъ всего лучшаго. Если же на чужомъ огороженномъ полѣ, въ которомъ каждый уголокъ имѣлъ свое опредѣленное назначеніе, забирался незванный чужакъ, то ему надо было — какія бы сокровища не хранились въ его головѣ и сердцахъ — идти очень осторожно, чтобы не сломать себѣ шеи. Это доказали и Гуммель и Вупфъ. Жаръ, душа, увлеченіе, выраженіе игры Гуммеля восторгивали, опираясь на твердыя основы славы; у Вупфъ, тѣ же стикія, рассчитывавшія на успѣхъ побрякушекъ, не удалась и заслужили названіе гаерства и аффектаціи.

Насталъ день концерта Шоберлехнера и, какъ слѣдственно ожидать, публика собралась многочисленная, не потому именно, чтобы онъ обѣщала большое удовольствіе; но многие шептались, потому что не могли не идти; другихъ привлекала

новость, третьихъ желаніе увѣриться, что новый артистъ не стоитъ ихъ любимца, Карла Майера; остальные были увлечены приличіемъ. Шоберлехнеръ дебютировалъ прекраснѣе мѣнцртомъ, своего сочиненія, который походилъ на него гораздо менѣе, нежели всѣ другія его произведенія, и нѣсколько напоминалъ, что у композитора былъ великій учитель. Что же касается игры, то въ ней нельзя было обидѣться: каждая нота была его собственная, и онъ обошелся безъ посторонней помощи. Человѣкъ отражается весь въ своей игрѣ, какъ въ зеркалѣ, даже когда онъ копируетъ другаго человѣка. Но въ одномъ зеркалѣ лицо кажется хуже, а въ другомъ лучше; тоже случается и съ инструментальными зеркалами; предметъ имѣняется, смотря по тому какъ онъ поставленъ. Иногда зеркало скрываетъ легкіе недостатки; но часто также не даетъ видѣть красоту, довольно замѣтныхъ. Шоберлехнеръ чрезвычайно много выигрывалъ, если слушали, или, если угодно, смотрѣли его нѣсколько издали. Тогда было не такъ замѣтно отсутствіе точности, изящества, кружевныхъ прикрасъ, этихъ маленькихъ бриллантовъ, которые надо вблизи разглядывать. Тогда отличительныя черты его игры, сила, энергія, не оглушала, а только изумляла слушателей, какъ изумляетъ все, достигшее извѣстной степени совершенства. Можетъ, Шоберлехнеръ и самъ зналъ, что онъ не красивъ, не въ силахъ издѣлать свою личную граціей. Можетъ—быть также, сожалѣніе о недостаткахъ привѣшивалось къ его мыслямъ, и производило то чувство, которое, ничего не отнимая у ясности игры, сообщало ей наиболѣе выраженія. Усиліе Шоберлехнера было тѣмъ замѣчательнѣе, что было неосмиданнымъ; можно сказать, что онъ былъ громоздкій, какъ его игра, трещащая подобно грозѣ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ часто слышали вѣянье зефировъ. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ широкими и массивными размѣрами игры Шоберлехнера, игра Майера казалась только прелестною миниатюрой, которой, въ минуту увлеченія, забыли прибавить этотъ эпитетъ, заслуженный ею по всей справедливости. Однимъ прилагательнымъ больше или меньше отдѣляется, не важная вещь, однакожъ, иногда оно много

зачесть въ жизни и игрѣ человѣка. Публика была несправедлива къ Шоберлехнеру, осужденному прежде, нежели его узнала; и теперь, чтобы загладить свою ошибку, она сдѣлалась несправедливою къ Карлу Майеру, котораго уже знала наизусть. Удивленіе къ нему встрѣтило оппозицію. Обѣ стороны хотѣли доказать, что онѣ правы. Спорили, есорились, бранились, одни за Майера, другіе за Шоберлехнера, то расходились въ мнѣніяхъ, то мирились, но вредъ прежнему герою. Можно было не роптать на время, когда два піаниста дѣлили между собою поприще, на которомъ теперь ихъ дюжины, и все-таки достается имъ много дѣла. Однакожъ Майеръ не былъ доволенъ; онъ находилъ этого соперника совершенно бесполезнымъ, и удивлялся, что публика могла противопоставить ему другаго артиста, или почувствовала потребность въ этомъ прибавленіи. Въ прошломъ году не было ничего такого; присутствіе Гуммеля не обнаружило ни малѣйшаго вліянія на его положеніе, не дало повода ни къ какому невыгодному сравненію. Разнеслась молва, что Шоберлехнеръ останется въ Петербургѣ и будетъ давать уроки, и уже готовилась не одна измѣна. Правда, измѣны эти вредили только самолюбію, а вовсе не кошельку того, кому хотѣлось остаться единственнымъ хозяиномъ поля. Но измѣнницы ошиблись въ намѣреніяхъ Шоберлехнера. Онъ пробылъ въ Петербургѣ ровно столько времени, сколько надо было чтобы дать нѣсколько концертовъ, имѣвшихъ, всѣ, блистательный успѣхъ, и одержать побѣду надъ молоденькой и хорошенькой пѣвицей, Далоккою, которая вскорѣ сдѣлалась его женою и знаменитою примадонною.

Немного спустя послѣ Шоберлехнера, мы услышали піаниста, бывшаго почти непосредственнымъ его преемникомъ, и по положенію, какое хотѣли дать ему, и по безсонницѣ, какую послалъ онъ не одному восторженному сердцу, и по снарамъ, которые возбудилъ, и по качествамъ, которые были доведены у него до совершенства, или которыхъ ему недоставало.... Но для чего говорить о тѣхъ, кого мы еще слышимъ, къ которымъ еще восхищаются, кто еще не обратился для насъ въ воспоминаніе?...

Гораздо приятнѣе мнѣ еще разъ возвратиться по времени отдаленнымъ, и пополнить пропускъ, котораго, вѣроятно, вы не замѣтили, хотя я часто думала о немъ, пока писала. Я говорила о многихъ знаменитостяхъ, которыхъ знала вблизи, и однакожь не упомянула о звѣздѣ первой величины, между-тѣмъ какъ ее имя еще и теперь живетъ въ устахъ, и блескъ этого имени не померкъ, хотя на горизонтѣ послѣ явилось много другихъ замѣчательныхъ свѣтилъ. Но я оставила Каталани всторонѣ не по разсѣянности, не по небрежности, а потому — къ великому сожалѣнію — что я не слышала, даже не видѣла ее. Прежде всего, я была еще ребенкомъ, когда она привѣзла сюда, и я не могла бы судить о великомъ талантѣ или, быть-можетъ, удивительномъ горлѣ, которое заключало въ себѣ голосъ, до-тѣхъ-поръ не находившій себѣ равнаго. Но въ томъ возрастѣ, когда впечатлѣнія еще не подчиняются разсудку, они бываютъ чрезвычайно живы, и жаль, что мнѣ не удалось сохранить впечатлѣніе, оставленное талантомъ, главное достоинство котораго заключалось въ томъ, что даже ему природа, и который нѣсколькими звуками чуднаго голоса, соловьиною гортанью, увлекалъ, ослѣплялъ, очаровывалъ, плѣнялъ слушателей. Искусство тутъ служило болѣе для округленія, для дополненія врожденныхъ сокровищъ. То, что Каталани приобрѣла, можетъ-быть, трудомъ, говорила, не могло сравниться съ тѣмъ, что получала она даромъ, безъ всякаго съ своей стороны усилія. Вотъ отчего, не тратя времени на ученіе, которое, какъ полагали, мало прибавило бы къ тому, чѣмъ она уже владѣла, Каталани путешествовала по свѣту съ очень ограниченнымъ репертуаромъ. Однакожь каждая нота привлекала къ ней сердца, каждый пассажъ былъ источникомъ легкаго и вѣрнаго торжества. Слѣдовательно тутъ были большой умъ и большее искусство; но, видно, они были не того покрою, который тогда считался за правильный и надлежащій, и «знатоки» не призывали ихъ вовсе. Для знатокости все должно быть такъ, какъ они знаютъ; а если что не такъ, то они и знать не хотятъ. Поэтому они и знатоки. Тогда, какъ и теперь, какъ и всегда, у нихъ существовали строгіе предразсудки.

то есть, правила, законы, которые должны держать музыку и Музыкантовъ въ предѣлахъ условленнаго порядка, не давая стаду разбѣгаться направо и налево. Они и не думали, что эти правила, составленныя ими для массы, могутъ быть измѣнены или допускать исключенія тамъ, гдѣ законы издаётъ сама природа. Великіе таланты, съ феноменальными органами, являются не часто; иначе, ихъ не отличали бы отъ толпы. И оттого, что они не многочисленны, развѣ можно имъ запрещать имѣть свои обычаи, приемы, взгляды, чувства, сферу дѣйствія, не такіе какъ у другихъ, но соответствующіе ихъ природѣ, нуждамъ и способностямъ?

Странно признаться, но вотъ почему я ни видѣла, ни слышала Каталани. Противъ нея существовало въ нашемъ кругу сильное предубѣжденіе; думали, что она употребляетъ соло не такъ, какъ бы слѣдовало, что она не умѣетъ употреблять драгоцѣнный даръ, который достался ей между тысячами, между миліонами существъ, и принадлежалъ безраздѣльно; что она, однимъ словомъ, не умѣетъ пѣть и должна еще учиться. Говорили, что она соритъ сокровищами, откладываетъ въ сторону всякую принужденность, слѣдуетъ единственно своей волѣ, злоупотребляетъ искусствомъ къ величайшему вреду для него, ослѣпляетъ пустымъ блескомъ до такой степени, что неудержимый потокъ, по которому неслась она, принимаютъ за вѣрвѣйшую в лучшую дорогу. Сколько разъ говаривали это и еще будутъ говорить, хоть не охладятъ энтузіазма къ генію или необыкновенному таланту! Толпа совсѣмъ не такая слѣпая, какъ ученымъ кажется; если иногда и бродитъ на удачу, то, вѣроятно, равнина, на которой она заблудилась, прелестна и красотою своими отвлекла ее отъ старой, давно проложенной дороги, къ другой, ведущей не извѣстно куда.

И такъ, у насъ отказывали себѣ въ огромномъ удовольствіи, въ несомнѣнномъ наслажденіи, примѣняя къ случаю идею, вовсе ему несвойственныя. Но вѣдь часто бываетъ, что новость, къ которой не приготовлены, застаётъ мудрейшихъ врасплохъ. Чѣмъ болѣе укрѣпились понятія, тѣмъ медленнѣе перемѣняютъ они своё мѣсто. Глубокіе корни

вырывать труднѣе, нежели молодыя растенія, которыя легко растутъ, цвѣтутъ и приносятъ тотчасъ же плоды на той почвѣ, куда пересажены. У насъ понятія не вертѣлись какъ флюгеръ: музыка тутъ сидѣла твердо на своей каеедрѣ и ее слушали какъ учительницу; обходились съ нею почти-тельно; охраняли ея преимущества; защищали ее отъ всякаго незваннаго вторженія: и горе тому, кто осмѣливался поднять на ея законы руку! Надо было ему или имѣть слишкомъ много счастья, или быть самымъ несчастнымъ, чтобъ получить прощеніе. Если и закрывали глаза, если извиняли, въ видѣ особеннаго исключенія, то отнюдь не отъ имени музыки: причина этой благородной снисходительности, которую называли слабостью или предосудительною уступкою, была совсѣмъ другая: преступленія противъ музыки прощались только въ тѣхъ случаяхъ, если артистъ былъ бѣденъ или умѣлъ загладить ихъ пріятностью своего ума. Притомъ же, случаи къ выказанію такого безусловнаго усердія къ музыкѣ представлялись не часто: каждый зналъ, какія мнѣнія господствовали въ домѣ, и напрасно было писать надъ дверями: «Запрещается говорить здѣсь противъ Гайдна, Моцарта и Баха.» Впрочемъ, не думайте, что музыка у насъ поглощалась вся этими тремя именами: здѣсь съ уваженіемъ произносились и другіе имена, и усердно исполнялись сочиненія Пэра, Керубини, Глука, Чимарозы, Мендельса, и другихъ; слушали оперы, посѣщали концерты, любили все прекрасное, хотя и всего болѣе любили правила. Музыка спокойно жила и процвѣтала въ этомъ тепломъ убѣжищѣ; пускала ростки; и всѣ члены семейства ухаживали за ней съ любовью и заботливостью. Пюпитры аккуратно являлись на своихъ мѣстахъ; фортепіаны не умолкали подъ пальцами, то сильными, то легкими, по посредственнымъ. Пріѣзжіе артисты пополняли рядъ воспоминаній, возраставшій съ каждымъ годомъ; второстепенныя пѣвицы того времени — Сесси, Линденштейнъ, Вильде — не знаменитыя, но воспитанныя въ строгой школѣ, каждый годъ репетировали здѣсь великія музыкальныя произведенія — *Сотвореніе міра* — *Время года*, Гайдна — *Stabat mater*, Перголезе. Все это шло кру-

гло, чинно спокойно, доставляло множество наслажденій и позволяло забывать горести и несчастія. Въ прелестной атмосферѣ музыки царствовало глубокая тишина, и легонькія стычки, которыя тотчасъ же кончались миромъ, еще болѣе подтверждали ея ненарушимость. Но посреди этой совершенной безопасности, когда, казалось, не надо никакихъ предосторожностей, вдругъ разразилась вдали страшная гроза. Ударъ былъ такъ силенъ, что отозвался во всѣ стороны, и всѣ, волей и неволей, двинулись по направленію силы, перевернувшей вверхъ-дномъ старый музыкальный міръ.

Искра, воспламенившая этотъ пожаръ, возбуждившая яростныя войны, взлетѣла посреди самого чистаго неба, въ странѣ, которая вдохновляетъ поэтовъ, снится живописцамъ, приводитъ въ ужасъ нѣмецкихъ музыкантовъ, въ странѣ поэзіи, любви и аромата. Тамъ-то явился грозный, то есть, очаровательный непріятель, съ которымъ теперь примирились самые закоренѣлые его противники, послѣ утомительной войны положившіе оружіе. Кто, въ наше время, не прознался смертельнаго приговора музыкальному своему вкусу, осмѣлился бы назвать Россини невѣждою, варваромъ, выскочкой, осломъ въ области музыки? Я была свидѣтельницей борьбы ученой старины съ этимъ гениемъ, который, пролагая новую дорогу, сѣялъ цвѣты, горстями бросалъ сокровища изъ рога изобилія, и, съ счастливою беспечностью, въ твердомъ убѣжденіи въ свою неистощимость, расточалъ свои богатства, не боясь разориться. Онъ понималъ, что средства его возобновляются въ то же время какъ онъ исчерпываетъ ихъ, и у него новыя, свѣжія и свѣтлыя, мысли безпрестанно являлись въ замѣнъ тѣхъ, которыя онъ спѣшилъ передѣвать и не могъ беречь для одного себя, потому-что онѣ должны были восхищать всю вселенную. Мысли эти лились легко, обильно, вездѣ находили предметы для пѣсни и вездѣ видѣли только прекрасную сторону природы. Мелодіи эти не всегда соответствовали выражаемому сюжету, потому-что онъ давалъ имъ болѣе прелести, граціи и ума, нежели, иногда, этого требовали люди и обстоятельства. Онъ слушался только себя; думалъ, какою

бы слѣдовало быть вещи, а не какова она есть въ дѣйствительности; выражалъ перфидомыя чувства на неадакватномъ языкѣ, и разливалъ умоенія, не спрашивая, неужели ли они на тѣ, какія употребляются другими. Да и зачѣмъ спрашивать? Зачѣмъ касаться общихъ благъ, когда самъ онъ получилъ такую огромную долю отъ природы? О! шарлатанскія мысли, предестныя мелодіи! Васъ обвиняли въ томъ, что вы какъ змѣи обвились вокругъ сердца, опутали память своимъ бархатными объятіями, ободствовали умы сладостными ласками! И сколько оскорбляли васъ, какихъ не взогали на васъ винъ, какъ не старались доказать, что вы ничтожны, заняли не свое мѣсто, должны стать назади тѣхъ, съ которыми никто изъ безпристрастныхъ, никто, обвороженный вашею своеправной, зоркой прелестью, не сомѣляя бы васъ сравнивать! Огромный и бесполезный трудъ; однакожъ онъ пригодился, потому что утвердилъ ваше могущество. Чтобы выказать силу, надо было встрѣтить препятствіе; чтобы восторжествовать съ необычайнымъ, надо было побѣдить обычные предрасудки; безъ невріателей, не съ кѣмъ бороться, не кого побѣждать, негдѣ показать свой перевѣсъ. Однакожъ гений, возбудившій почти ненависть, болѣе чѣмъ негодование, своею неслышанною дерзостью въ нововведеніяхъ, былъ преслѣдуемъ во имя любви къ прекрасному, изъ уваженія къ другимъ, вовсе не походямъ на него. Еслибъ Россія явилась въ музыкальномъ мѣрѣ первый, безъ предшественника, безъ совѣстника, когда еще не было ни системъ, ни понятій на-глухо укоренившихся, какое произвелъ бы онъ дѣйствіе, какой боялся бы онъ критики? Но и теперь развѣ не былъ онъ первымъ въ своемъ родѣ? Развѣ прірода производитъ гениевъ попарно, близнецами? Можно ли предполагать, чтобы человекъ, надѣленный такими рѣдкими и драгоценными дарами, былъ тѣнью другого, тогда какъ самъ онъ можетъ быть солнцемъ? По чѣмъ алѣдамъ могъ идти Россіи, когда самъ онъ открывалъ новые міры и населялъ ихъ своимъ творчествомъ? Сомнѣваться въ томъ, что могутъ родиться еще другой Моцартъ, другой Бетховенъ, значило бы сомнѣваться въ силѣ, которая про-

привела этихъ великихъ людей, заслужившихъ такое справедливое удивленіе. И еслибъ родились эти другіе, неужели ограничались бы повтореніемъ своихъ образцовыхъ твореній и согласились бы быть копіями самихъ себя?

Несомнѣнно, что славшомъ слѣпая привязанность къ любимому образу мыслей вводила въ эти странныя заблужденія. Часто намъ больше нравится сходство съ дурнымъ, нежели новое хорошее лицо, къ которому мы не привыкли. Зрѣніе и слухъ, долго устремленные на одинъ предметъ, сильно ослѣдѣвшій ими, отворачиваются не охотно отъ него, и, встрѣтивъ другой, считаютъ почти за грѣхъ восхищаться тѣмъ, что не имѣетъ ничего общаго съ предметомъ ихъ любви и прежними впечатлѣніями. Ученымъ гораздо больше нравится люди, отставшіе на дорогѣ, проложенной вѣковыми ихъ проводниками. Знатокъ думаютъ, что лучше тащиться за этими людьми гуськомъ, какъ бы ни была уродлива походка, нежели слѣдовать за тѣми, которые отдѣлились отъ вереницы и вышли на дорогу, открытую ихъ геніемъ. Въ нашемъ кругу не думали, что геній можетъ родиться еще подъ другимъ именемъ, будетъ отыскивать новый свѣтъ, и оставить старый въ добычу тѣмъ, которые ничего не въ состояніи открыть. Значить, чтобы цѣнить и любить прекрасное, усваивать его какъ свою собственность, не доводя до любви къ дѣлу и глубокихъ познаній въ искусствѣ. Тутъ еще нужны инстинктъ прекраснаго, и убѣжденіе, что не одно только то и хорошо, что мы доселѣ находили хорошимъ. Но я рассказываю старинныя исторіи. Я не смѣла бы даже говорить о нихъ, еслибъ не знала, что онѣ давно забыты. Теперь уже не вопіютъ противъ Россіи: знаютъ, что этимъ только стали бы срамить себя. Музыкальный арэопагъ единогласно присудилъ ему титулъ, равный его заслугѣ назвавъ его величайшимъ италіанскимъ композиторомъ. Но, признаюсь, этого кажется мнѣ мало; или я немножко привязчива, или у меня хорошіе глаза и видятъ далѣе того, что имъ показываютъ, но только подъ этимъ титуломъ я чувствую что-то похожее на критику, и вы сами увидите, что я немножко права. Название *величайшій композиторъ* годится, но въ словѣ *италіанскій* уже

видно нѣмецкое ограниченіе: композитора, который доставилъ столько наслажденій обоимъ полушаріямъ, со всѣхъ сторонъ обнесли заборомъ. Къ чему эпитетъ «итальянскій»? Великій — и только! Что Шекспиръ, величайшій изъ *англійскихъ* поэтовъ, что-ли? Онъ великъ изъ великихъ. Шекспиръ, Рафаэль, Моцартъ, Шиллеръ, Бетховень, Россини и другіе, которыхъ напрасно здѣсь называть по именамъ — братья и соотечественники, составляютъ одну семью и происходятъ отъ одной крови. Что мнѣ за дѣло, на какомъ языкѣ они говорятъ, думаютъ, сочивяютъ, если созданія ихъ такъ прекрасны, если всѣ они мастерскія! Что за дѣло мнѣ, какая нація съ гордостью называетъ ихъ своими, если они украшаютъ собою всю ту сферу, къ которой принадлежать! Да и на какомъ основаніи Нѣмцы хотятъ насъ поработить исключительно своей *нѣмецкой* музыкѣ и запрещаютъ намъ любить откровенно итальянскую, если она намъ правится? Музыканты у насъ почти всѣ — Нѣмцы: и другихъ быть не можетъ, потому что они — самые дешевые, Они-то и полагаютъ на насъ безусловное удивленіе нѣмецкой музыкѣ. Но мы должны быть самостоятельными и показать имъ, что имѣемъ право одинаково понимать и почитать всѣ поэзіи звука, всѣ гениальныя произведенія инструментальной рѣчи, гдѣ бы они ни явились, и что Нѣмцами не хотимъ быть даже и по музыкѣ. Странно слышать въ великомъ Петербургѣ сужденія, которые были бы простительны только въ одномъ Лейпцигѣ. Нынче, правда, наши нѣмецкіе учителя позволяютъ намъ отдавать справедливость Россини, и даже перестали тревожить прахъ Беллини и Доппети; они больше не сдѣлаютъ имъ зла, а которое сдѣлали, того не воротить; всѣ средства употребляемыя противъ нихъ, оказались недостаточными, и только еще болѣе распространили заразу, отъ которой хотѣли насъ вылечить. Зачѣмъ нападать на тѣхъ, которыхъ нечего бояться и которые оставили поле битвы своимъ преемникамъ? Преемники! Вотъ гдѣ точка, на которую надо направить вражду и гоненіе. На это опасное мѣсто обязаны обратить все свое вниманіе усердные агенты настоящей, истинной, единственной му-

зыки. Скорѣй же, скорѣй, зажигайте маякъ воэглѣ подводнаго утеса, называемаго Верди! Не приближайтесь, несчастные, бѣгите, не слушайте этой музыки: или вы погубли! Вы вдыхаете самый тонкій ядъ, и дотога быстрый, что онъ вдругъ овладѣеть всѣми вашими органами! Волшебникъ этотъ смѣло беретъ за дѣло; онъ опытный мастеръ въ искусствѣ обольщать и торжествовать; умѣетъ обмануть такъ тонко, что вамъ никогда не угадать его плутовства. Онъ морочитъ васъ, губитъ, а вы, слушая его, считаете себя на верху счастья. Но мы, Нѣмцы, неуслынно наблюдаемъ за вашей безопасностью; слушайте нашъ голосъ, вѣрьте себѣ нашему опыту, нашей учености. Посмотрите на гирлянды фонарей, которые мы развѣсили съ цѣлью истинно-филантропическою; читайте эти лучезарныя критики; онѣ гораздо лучше музыки, которая объясняется въ нихъ, и не годится для васъ. Въ нихъ-то самыя надежныя опоры для вашихъ невѣрныхъ шаговъ и заблудшихъ мыслей. Здѣсь, каждая черта, каждая страница—музыкальная мудрость съ комментаріями; здѣсь, всѣ непонятныя красоты становятся слышны, и то, что вы уже слишкомъ провознесли, низводится на свое низменное мѣсто. Видите съ какою мелочною точностью, съ какимъ неутомимымъ терпѣніемъ, мы указываемъ, гдѣ вамъ должно наслаждаться и гдѣ вы должны не вѣрить собственнымъ ушамъ? Ничто не останавливаетъ нашего рвенія — ни ваша холодность — ни ваша неблагодарность — ни упрямство, съ которымъ вы хотите оставаться въ слѣпотѣ. Намъ вознаграждаетъ убѣжденіе, что мы исполнили свой долгъ, и употребили всѣ старанія, чтобы показать истинно-прекрасное, которое въ одной только Нѣмецкѣй выдѣлывается, и отдѣлать его отъ мишуры италіанской.

Однакожь я не нахожу этого; я не довольна вашими трудами: они односторонны, и не удивительно, что не произвели осязательнаго дѣйствія. Чѣмъ подтвердите вы то, что такъ сильно стараетесь доказать? Чѣмъ выражаете вы свой восторгъ къ Моцарту и Бетховену, которыхъ знаете наизусть, до послѣдней нотки, и у которыхъ, по-вашему, все безъ изятія несравненно лучше, нежели у другихъ? Неужели вы ду-

мало, что я не люблю этих композиторовъ, но восхищаюсь ими, я, которая провела свою жизнь подъ ихъ сѣнью, въ благодатной атмосферѣ, располагающей къ добру и счастью, достижимой для наслажденій и не заграждающей имъ дороги! Неужели думаете, что я кому-либо отговѣтываю изучать ихъ, объяснять, почитать, знать наизусть и внушать другимъ то же самое? Нѣтъ, нѣтъ! продолжайте трудиться; пишите, редактируйте, заставляйте читать себя, если только это возможно; но прибавьте къ этому нѣчто, которое вы увидите въ виду, вѣроятно, по разсѣянности, и не съ наирѣчиѣеишъ. Вы говорите, что предметы восхищенія каждаго изъ васъ прекрасны, высоки, ни съ чѣмъ не сравнимы, и хотите, чтобы мы вѣрили вамъ на слово: но это не удастся. Держите же вѣрнее ручательство къ обѣщаніямъ, которыя вы даете во имя искусства. Все это прекрасно, высоко, несравнимо—согласна съ вами, не спору—но вы-то чѣмъ можете доказывать это прекрасное и высокое? Подтвердите правила собственнымъ примѣромъ, докажите, что вы дѣйствительно живете въ возвышенныхъ сферахъ; покажите дѣйствіе, чтобы ясныѣ были причины, и васъ поймутъ. Покажите, что образцовыя произведенія внушаютъ вамъ и что те небольшіе холодныхъ комментаріевъ и трактатовъ. Вотъ памятки достойные великихъ людей! вотъ лучший способъ чтить ихъ память, распространять ихъ славу! Удивительный же восторгъ не прибавитъ ничего къ ихъ произведеніямъ, которыя говорятъ сами за себя. Умножте дѣло, съ верховенное во имя ихъ, лучше сотни споровъ, ничего не доказывающихъ.

Жаръ, съ которымъ защищаютъ искусство, кажется мнѣ безполевымъ, и опасенія за него — сущія грезы. Развѣ не слышимъ мы безпрестанно, что искусство илетъ по ложной дорогѣ и идааетъ; что вкусъ испорченъ; что теперь только стараются ослѣплять, оглушать, выдаютъ фальшивую монету за настоящую и увлекаютъ къ тысячѣ злоупотребленій? Но не бойтесь за искусство, около котораго вы хотѣли бы поставить, не только перила, но даже китайскую стѣну, чтобы оно, не распространялось, чтобы удержатъ его въ границахъ, назначенныхъ для васъ, а не для него; мѣсто

ему вероду и границы его—вселедная! Оно не может стоять неподвижно; оно должно принимать всѣ формы, одѣваться во всѣ цвѣты, посѣщать всѣ области, облетать всѣ пространства, обновляться и размножаться; оно всегда ново, какииъ бы ни было оно древнимъ, всегда свѣже, сильно, полно жизни, какъ бы ни было старо. Оно доказываетъ это, производя безконечно великихъ людей, и давая жизнь вамъ, маленькимъ. Оставьте же каждого на своемъ мѣстѣ: для всѣхъ есть просторъ на землѣ!

Посмотрите на море: какииъ не принимает оно форму! То покрывается въ бурю подвижными горами, часто поглощаемыми доверчивыхъ пловцовъ; то, волнуемое противными вѣтрами, останавливаетъ ихъ, или ведетъ вовсе не туда, куда бы они хотѣли; то, спокойное какъ зеркало, оно прельщаетъ своимъ волшебнымъ видомъ, онаровываетъ глаза, такъ, что забываешь объ опасностяхъ, не хочешь видеть ихъ за красотами; знаешь, что есть буря, но не боишься, что отъ нихъ утечетъ океанъ; видишь тишину, но не боишься, что она усыпитъ море. Нѣтъ, ни тучи, ни ураганъ не помѣшаютъ ему окружать твердую землю, обнимать острова, помогать нуждамъ и предпріятіямъ людей и сообщенію между ними, распространять сокровища природы, обработаннаго человѣческимъ трудомъ... Но, кажется, уже давно пора кончить этотъ безконечный эпизодъ, который растянулся чаше чаянія. Въдѣ и у друзей есть граница терпѣнью, а если вѣще терпѣнье выдержало испытаніе, которому подвергла я васъ моими воспоминаніями, то надо только удивляться вамъ, а не употреблять во зло вашу снисходительность. Притомъ, я уже слишкомъ много упрекаю нашихъ современниковъ, и боюсь — хоть могла бы наговорить много лестнаго — коснуться тѣхъ, чье самолюбіе еще живо, чьи аккорды еще звучать и оставляютъ наслажденіе, чье сіяніе прошло не навсегда и еще можетъ повториться.

Слажу вамъ, что я и до-сихъ-поръ живу въ музыкальной сферѣ, ачакомой мѣ съ самаго дѣтства. Да будетъ навѣстно, что я близко анала большую часть артистовъ, пріѣзжавшихъ въ нашу столицу. Я почитаю многихъ между ними

не за одинъ музыкальный талантъ, не за то только что мнѣ было пріятно въ ихъ обществѣ. Еслибъ я захотѣла, еслибъ вы меня попросили, я могла бы представить характеристику каждаго изъ нихъ, рассказать тысячу мелочей, тысячу подробностей, которыя показали бы, какое вліяніе на нихъ имѣла музыка, какое направленіе она дала ихъ чувствамъ, дѣйствіямъ, и какъ они, въ свою очередь, дѣйствовали на музыку. Все, что я сказала и что еще могла бы прибавить, — еслибъ не считала бесполезнымъ говорить о вещахъ, не касающихся до собственной моей цѣли и личныхъ моихъ воспоминаній, вещей хорошо извѣстныхъ многимъ, — изъ всего этого вы увидѣли бы, какое мѣсто музыка, по ея послѣдствіямъ, занимала въ моей жизни, моихъ мысляхъ и привычкахъ. Я всосала ее вмѣстѣ съ молокомъ; она въ крови, текущей въ моихъ жилахъ. Вотъ какая была у меня цѣль въ началѣ эпизода; но охота рассказывать завлекла гораздо дальше. Я вовсе не думала сочинять мемуары, но, кажется, сама того не подозрѣвая, составила автобіографію изъ воспоминаній о своемъ дѣтствѣ и юности. Впрочемъ, все это, пока, еще не даетъ мнѣ никакого права навязывать свое мнѣніе, какъ лучшее, и заставлять кого бы ни было принимать его за такое: только слѣпорожденные принуждены смотрѣть чужими глазами; но кажется, послѣ всего рассказаннаго мною, очевидно, что и я могу имѣть свое мнѣніе, основанное на опытѣ, развитое окружающими. Не случалось ли вамъ гулять по ботаническому саду, гдѣ самыя рѣдкія растенія, цвѣты самыя драгоценныя, такъ же какъ и самыя простыя, самыя обыкновенныя, но доведенныя до совершенства искусною рукою человѣка, чаруютъ взоръ и наполняютъ воздухъ ароматомъ? Переходишь отъ чуда къ чуду; то останавливаешься, чтобы восхищаться, то спѣшишь туда, гдѣ природа еще прекраснѣе; вливаешь ароматъ; съ любопытствомъ и удивленіемъ разсматриваешь экзотическія растенія, которыя видишь въ первый разъ; а между-тѣмъ вашъ проводникъ, у котораго нѣтъ, ни вашего ума, ни вашихъ познаній, вовсе не раздѣляетъ вашего восторга, не видитъ причины останавливаться и торопится, и бормочетъ на языкѣ, не извѣстномъ ни

ему самому, ни даже вамъ, особенно если вы принадлежите къ полу, пользующемуся привилегіей на незнаніе латыни, имена всѣхъ этихъ растений, рассказывая монотоннымъ голосомъ, какъ они живутъ, на что годятся, откуда происходятъ? Вы спрашиваете у него, не считаетъ ли онъ себя счастливецомъ, что живетъ въ этой прелестной сферѣ? Онъ преспокойно отвѣчаетъ, что можно ко всему приглядѣться, и что послѣ многихъ лѣтъ службы ему гораздо пріятнѣе было бы отдохнуть въ спокойномъ уголкѣ, нежели жить посреди этихъ очаровательныхъ цвѣтовъ и растений, существующихъ въ единомъ экземплярѣ. Нѣсколько горшковъ резедъ на окошкѣ, нѣсколько разныхъ кустовъ въ уголкѣ сада, могли бы доставить ему несравненно больше наслажденія нежели сокровища, нагроможденные одни на другія во славу природы. И такъ все зависитъ отъ точки зрѣнія. Можно все омрачить, какъ можно все озарить факеломъ, котораго пламя должно чисто и постоянно горѣть въ нашихъ думахъ. Смотрѣть надо на вещи, какъ на дары Божественнаго Провидѣнія, и тогда онѣ явятся въ прекраснѣйшемъ и самомъ истинномъ своемъ видѣ; тогда онѣ доставятъ полное наслажденіе, безъ примѣси горечи; тогда освободятся отъ цѣпей, которыя налагаютъ на нихъ человѣкъ своими предубѣжденіями, своимъ малодушнымъ страхомъ, неумѣренными желаніями, окружающими сердце со всѣхъ сторонъ. Ученіе необходимо, но оно не можетъ дать жизни: оно только питаетъ ее. Вотъ что дѣлаютъ музыканты, и вотъ что дѣлаютъ тѣ, которые истинно любятъ музыку, ищутъ и находятъ въ ней сокровища. Но найти ихъ еще не значитъ наслаждаться ими. Водолазъ бѣднѣе того, для кого онъ трудится.

Когда слышишь журчаніе струи, когда стоишь возлѣ самаго источника, отчего не посмотрѣть, откуда онъ родится? какъ, среди этихъ чудесъ, этихъ благоуханій, не чувствовать благотворнаго ихъ дѣйствія? Отчего не расширяться сердцу, какъ душѣ не ощущать тихой радости, если на долю ей достался првлекательный трудъ, который, хоть имѣетъ свои шипы, зато богаче цвѣтами нежели всякій другой и уже въ самомъ себѣ носитъ награду? Отчего,

наслаждаясь удовольствіемъ, дѣлать чистѣмъ по своей природѣ, что даже ни злоупотребленіе, какія дѣлаются изъ него, ни споры, ни ссоры, ни преслѣдованія, не могутъ ни помрачить его, ни уничтожить, ни измѣнить его или его истинное назначеніе или его употребленіе, мы не умѣемъ находить этого удовольствія вездѣ, гдѣ только гений человѣческій произвелъ истинно прекрасное? Это сближеніе мнѣ нѣудобно! Презираемъ одного потому что онъ знаетъ наизусть свего Россини, Беллини, Доницетти, и простеръ невѣжество до такой степени, что считаетъ Верди за великаго человѣка; и называемъ другаго олухомъ, педантомъ, потому что онъ съ особеннымъ вырѣженіемъ голоса произноситъ имена Моцарта и Бетховена; смѣемся надъ тѣмъ, которые гоняются за вальсомъ Гунгла, полькою Ляде, или играютъ модную мазурку, и говоримъ что это такъ легко, такъ пусто, что даже не заслуживаетъ названія музыки. А какъ назвать иначе? Какое дѣло до этого музыкѣ и можетъ ли это ей вредить? Если легкая пичка слѣдетъ на вѣтку — вѣтка погнется, однакожъ она не важнѣе цѣлаго дерева. Что бы ни дѣлали съ музыкой — она всегда одна и та же; чѣмъ и доказывается, что малѣйшая частица, малѣйшая искорка этого вѣчнаго фейерверка можетъ доставить удовольствіе, наслажденіе. Что жъ бы дѣлалось, еслибъ отдѣлили ихъ цѣлый пучокъ, и связали его общемою благосклонностью, желаніемъ дѣлать добро и находить счастье въ томъ, что нами получено, благодарностью за малѣйшій даръ, а тѣмъ болѣе за драгоценныя сокровища? Вотъ мое личное понятіе о музыкѣ. Не вхожу въ споры, которыми стараются доказать, что такой-то родъ музыки лучше другаго, и думаютъ выразить этимъ свое усердіе, свою любовь къ правому дѣлу, къ единой, истинной музыкѣ.... Я такъ люблю музыку вообще, что воодерживаюсь отъ всякихъ разсужденій; люблю ее во всѣхъ формахъ, подъ всѣми именами, съ какой бы стороны не приходила она ко мнѣ. Особенно же, и почти столько, какъ самую музыку, люблю впечатлѣніе, которое она производитъ на меня: она даетъ мнѣ счастье, и я бы хотѣла, чтобъ всѣ были такъ счастливы, какъ я!

Простите! заболталась!... Но музыка такое дѣло, что когда рѣчь зайдетъ объ ней, то конца не бываетъ разсужденіямъ: посторонній убирайся поскорѣе, если не хочешь быть задавленъ скукою. Я полагаю, какъ бы то ни было, что разсужденія этого роду во всякомъ случаѣ занимательнѣе сплетней, называемыхъ романами; но какъ уже начала вамъ одну такую сплетню, то, по долгу начавшей и не кончившей, возвращаюсь къ моей дивной исторіи о храбромъ спорщикѣ Александрѣ Петровичѣ и двухъ прекрасныхъ нѣвестахъ его, Вѣрѣ Николаевнѣ и Лизаветѣ Павловнѣ.

ЗАПИСКИ

КУНЦА

ЖАРКОВА.

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

V

О т е н ь .

=

Звоише дни. — Головные уборы. — Ногайки. — Вооруженіе. — Набѣги. — Акмоетское дѣло. — Англичане. — Алжирскіе кочеванія. — Сходство ихъ съ Киргизами. — Раздѣленіе Арабовъ. — Характеръ Бедуиновъ. — Киргизская пороческа. — Сборы. — Спиканіе набитовъ. — Олустаніе аула. — Движеніе каравана. — Стада барановъ. — Дальзоркость Киргизовъ. — Праздныя дѣны богачей. — Ихъ развлеченія. — Новое стойбище.

Ну, ужь батюшки: что за жары бываютъ въ степи — такъ этого и пересказать нельзя! Какъ вспомнишь только — такъ и тутъ словно варомъ область! Конечно, и у насъ, въ Саратовѣ, теплынь да жарынь временами такая стоитъ, что не знаешь какъ отвести душу; да все у насъ, за разными занятіями что ли, или ужь такъ, по привычкѣ, что-то не больно много обращаешь на это вниманія; да и укрыться-то отъ тепла у насъ какъ-то сподручнѣе. Ну, домъ каменный, прохлада въ комнатахъ... ну, ставни въ окнахъ велишь на день затворить... ну, въ рѣчкѣ вскупаешься, все-таки двадцать разъ на дню найдешься, какъ облегчиться да освѣжиться!... А въ степи, я вамъ

окажу. Ну, просто, средства ширкого штыря: такъ можъ тебѣ и морить, такъ вотъ и вышариваетъ нуть тебѣ послѣднія силы.

Помню какъ сейчасъ, что этакъ около полуночи, нападеть, бывало, него сонъ, него полудрема, а этакъ какъ будто истомленіе какое. Не знаешь чѣмъ бы позаняться, не придумаешь куда приткнуться! Вадумаешь какъ бы поразвлечься: въ головѣ пусто! мысли даже какъ-будто не лезуть въ голову. Ну, кой-какъ пошаслуешь себя; понимаешь, что истомляешься, думаешь: подкреплю-ка я лучше себя — съѣмъ чего-нибудь кусочекъ? Нѣтъ; и ѣда на умъ нейдетъ, кусокъ въ горло не лезетъ! Ну, такъ вотъ вспать бы чегонибудь? Нѣтъ, и пить не хочу, да и нечего. Вода — далеко, самоваръ оставить — надо людей звать, а тутъ лѣнь языкомъ шевельнуть. Кумызъ и молъ рукой — да душа, важись, ничего не принимаетъ: труда не хочешь дать себѣ заботать кумызъ въ турсукъ, да вылить оттуда въ чашу. Не прочитать ли книжку? да какія же книжки въ степи могутъ быть? Правда, султанъ, мой хозяинъ, вышаривалъ газету изъ Петербурга, да на почту за ней посылалъ по однажды въ мѣсяцъ: новости-то до насъ и доходили воданенько.

Разъ, я съ поски, точно, принялся было читать газету и въ началѣ мѣсяцѣ хотѣлъ узнать январскія происшествія: такъ-вѣдь чтокъ вы думаете? голова у меня такъ отумѣла, что я никакъ не могъ раскусить всей важности извѣстій въ родѣ того, что «въ Винадорѣ передѣланы двѣ залы,» что «кавалеръ фонъ Кинцель выѣхалъ вчерашняго числа изъ Ратибора,» что «въ Португалии десять тысячъ мѣшковъ муки лежатъ безъ всякой надежды на покушника,» или что «похороны испанскаго генерала назначены завтра.» отъ жаровъ у меня глаза смыкались, изъ головы вылетало всякое соображеніе, ноги подкашивались, руки омуекались, газета выпадала и я отлепосался какинь-то словомъ ошачьливымъ.

Мнѣ было душно; меня гнетла жегота, меня давила лѣнь и отъ напряженія, какъ-нибудь, собраться съ силами, я еще болѣе истомлялся, вѣжось, мои дѣлались влажными, лицо горѣло: казалося отъ жеготы такъ и пынеть огнемъ! Отказывался пологать ноги, потому что сапоги, словно, жарыгами какими обгѣт.

или ихъ, жмутъ ихъ и производятъ въ нихъ нѣто ломъ, нѣто какое то иное болѣзненное раздраженіе. Скинешь сапоги, сбросишь куртку, постараешься высвободиться изъ-подъ всего лишняго, и на легкі, босикомъ, засучивъ рукава рубахи по самыя плечи, выйдешь на чистый воздухъ и уследься сжаружи кибитки, въ тѣни, на корточкахъ.

Кое какъ, съ грѣхомъ пополамъ, угромозишься, уследься, прислонившись къ кибиточной рѣшеткѣ и обвивъ колѣни руками. Сидишь и смотришь, самъ незнаешь куда. Взоры будто безотчетно блуждаютъ, по, словно скатерть, разостланной стени и ни начемъ они для отдыха не останавливаются, потому что все безжизненно, ни что не манитъ къ себѣ вниманія.

Передъ собой видишь цѣлый аулъ — но дѣятельность его призамохла; аулъ погруженъ въ глубокое усыпленіе и какъ-то уныло напоминаетъ, что и тутъ живутъ живые люди, которые не дальше какъ сегодняшнее утро, копошились то тамъ то самъ, а теперь словно со всѣмъ вымерли. Ни стуку, ни гулу нигдѣ не слышать. Покрытыя сѣрыми, бурными и темными кошмами, кибитки кажутся не жилыми шатрами, а какими-то землястыми холмами, словно недавняя буря взбугрила несчастное море сухими волнами; и скрѣпило, сжарило, спекло, прожгло эти курганы невыносимымъ звономъ солнца.

Въ-самомъ-дѣлѣ съ солнечной стороны, къ кошмѣ нельзя притронуться: такъ и обожжетъ руки! Тепломъ пышитъ отъ войлоковъ во всѣ стороны; раскаленный лучъ солнышка, падающій на шарообразный куполъ кибитки, отражается отъ него видимымъ для глаза блестящимъ сіяніемъ, скользитъ и играетъ въ волоскахъ и лоснящихся шерстинкахъ, изъ которыхъ вывалены покрывающія этотъ куполъ кошмы, и дробится и переливается въ нихъ разноцвѣтными искрами, будто падаетъ не на войлокъ, а на узорочныя граненыя стеклышки.

Глазамъ становится больно, хочется остановиться ими на чемъ-нибудь, менѣе рѣзкомъ; жаждешь увидать хоть дымокъ, который, явось, станетъ куриться и струйками выбѣгать изъ верхняго обруча жилаго коша — но и этого нѣтъ: Киргизы днемъ огня не разводатъ и не готовятъ пищи. Въ цѣломъ становищѣ ни одного живаго человѣка не увидишь. Всѣ запрятались въ шатры и развалились на войлокахъ. Да вѣтъ что чело-

вѣна: нигдѣ не пробѣжить лошадь, нигдѣ не промчытъ быкъ, нигдѣ собака не замаетъ! Скотъ пасется далеко, на отгонныхъ поляхъ, а дома если и остаются — такъ однѣ собаки; но и тѣ теперь улеглись гдѣ нибудь подъ тѣнью, и, высунувъ горячіе языки, не шелохнутся съ мѣста. Развѣ-развѣ гдѣ, неожиданно, замѣтишь верблюда, который, будто статуя какая, неподвижно стоитъ на одинокомъ холмикѣ, изогнувъ коромысломъ шею и протянувъ на бокъ смирную, но глуповатую и надменную мордочку. Смотришь на него долго-долго, а онъ, одно слово что истуканъ! ни шею не разогнетъ, ни головы не приподниметъ, ни ноги не переставитъ: будто и взаправду совсѣмъ окаменѣлъ. Такъ его рыжая, горбатая фигура и рисуется на голубомъ небѣ, будто гвоздемъ къ нему пригвождена.

А небо-то! и Господи что за небо! Просто это, я вамъ доложу, не небо, а какая-то свняя бездонная глубь, въ которой только кой-гдѣ плаваютъ тонкія непонятнаго сѣраго цвѣта, бѣлесоватыя да розоватыя облачки, чѣмъ дальше, тѣмъ плотнѣе скопляющіеся, сначала въ фіолетовыя, а потомъ и въ свзлы тучи, нависшія на восточной сторонѣ небеснаго свода, куда я теперь нечаянно оглянулся.

Если станешь пристальнѣе всматриваться въ свѣтлую даль, гдѣ тучь невидно, то не нужно долго нудить глазъ, чтобы явственно замѣтить, какъ земныя испаренія, чуть-чуть уловимыя струями, переливаются въ воздухъ, будто дрожать въ немъ и, словно чадъ отъ нагорѣлой свѣчки, дымятся и возносятся все выше и выше. Взглянешь немножко въ сторону — тамъ эти испаренія становятся гуще и дымчатою тканью разлагаются надъ оврагомъ; а тамъ, у дальнихъ холмовъ, эта дымчатая ткань разостлалась длиннымъ покровомъ тумана, который, подъ игривыми лучами солнышка, превратился въ текучее озеро. Такъ вотъ и видишь живое озеро передъ глазами! такъ бы вотъ и бросился въ него, чтобы освѣжиться! Видишь самъ, какъ это озеро волнуется, какъ оно все больше и больше расширяется и прибываетъ, какъ оно сталкивается съ другимъ такимъ же озеромъ, какъ они вѣствъ затопляютъ пригорки и лощинки... любишься этимъ стремленьемъ, но вдругъ опомившись и подумаешь: Вчера здѣсь не было этого озера. Какъ же оно теперь сюда попало? Глядишь-глядишь, припоминаешь

все — и съ досадою отрываешь глаза отъ вѣдница возбуждающаго жажду. Это не вода, не озеро, а — морево, вѣднѣе, ступенные пары земные. Стоитъ только солнышко на минутку скрыться за облачкомъ — ихъ опять не будетъ видно; останется одна степь зеленая.

Степь, точно, зелена; но въ зелени этой ужъ нѣтъ той живости, что была прежде, весною. Жаркое солнышко спалило, сожгло, испепелило травку! она теперь, словно сѣно, — все высохла, поблекла, завяла, побурѣла. Всѣ луга и поля то повытоптаны стадами, то повывижены зноемъ; земля растрескалась длинными щелями и голый песокъ разъвѣвается полъ ногами. На лужайкахъ перестали бороться и валяться ребяташки; въ тощихъ кусточкахъ перестали копошиться и щебетать пичужки; изъ норки и вѣртокъ не выбѣжить; и напрасно хищная птица стала бы кружить надъ этимъ мѣстомъ; для нея не будетъ тутъ добычи. Ни одинъ живой голосъ не раздастся въ этомъ печальномъ, на взглядъ безжизненнымъ, уголкѣ. Раздѣ что комары прожужжать, призываемые мосю грѣшною кровью, да и комаровъ-то теперь, въ долень, тутъ нѣтъ: всѣ они отъ зною куда-то пропали и только къ вечеру начнутъ безцельно жадить и меня горемыку, и Киргизовъ бѣдняжекъ, ужъ допривыкшихъ къ нападеніямъ этой злощей гадины.

Теплынь, и точно, не выносимая: даже въ тѣни изморозичей и словно совсѣмъ растаешь. Такъ вотъ и царить, такъ и пышетъ, такъ и жжетъ теплымъ воздухомъ. Задумаешь полонъ кафтана, либо полотенцомъ себя опануть — руки не поднимаются; такое нападаетъ истомленіе, что просто встосуешься и уйдешь опять въ кибитку! и повалишься себѣ на коверъ какъ убитый! Лѣнь за дѣло приняться; лѣнь повернуться; лѣнь вымолвить слово; даже лѣнь думать — довольно того!

Вотъ повалился-то я здѣсь — такъ ужъ повалился! Мягкія, упругія бѣлья кошмы сложены внутри кибитки въ нѣскольکو рядовъ и прикрыты тоже мягкими и упругими коврами, а по-верхъ ихъ разостлана простыня, тонкая, полотняная. Куда-къ кибитки совсѣмъ укутанъ войлоками, и солнышко ни съ какой стороны ко мнѣ не заглядываетъ. Чтобъ не было духоты и спертаго воздуха, кошмы, обтягивающія рѣшотку шатра, подобраны совсѣхъ сторонъ, гдѣ есть тѣнь, сверху, отъ самой

звала аршина на полтора. Въ кибиткѣ укрожно, привольно и
прележливое, потому что легионскія, освѣженныя прикосновеніемъ
къ землѣ вѣтерокъ, свободно разгуливаютъ сквозь кѣпки этихъ
рѣзвотчатыхъ стволковъ. Лежишь-себя на коврахъ; въ полу-нѣтъ,
полу-востокъ, ниже дѣломъ, ниже словомъ, ниже мыслію какой
себя не пудить; лежишь въ полномъ бездѣйствіи и — блажен-
ствуешь этою лѣнью если только мало-мальскій въ воздухѣ не
переть и не морить тебя духотою и знобемъ.

Но какъ провалиться безъ дѣла цѣлые часы, цѣлое утро,
цѣлые дни? Вѣдь одурь возьметъ отъ такой лѣни!

Цѣлый часъ проходить: ты себя лежишь. Вотъ и другой часъ
проходить. Устанешь лежать назаничъ, повернешься бокомъ;
одной рукой подпрешь голову, а другую спустишь къ колѣн-
камъ, и еще часъ — опять такъ тоже занятъ. Наконецъ самому
собственно станеть: поднатышсьи кубаремъ къ рѣшоткѣ и станешь
высматривать: высоко ли, нѣтъ ли, солнышко? И не показало
ли кто изъ знакомыхъ Киргизовъ, въ кибитокъ? А коли нѣтъ
никого — значить рано, а коли рано, стало быть, и спѣшитъ
нескуда: радъ-радехонекъ, когда, въ эти часы вѣи и утомленія,
удаются хоть выспаться, а то и сна не бываетъ въ такую жару.

Настоящее время, когда можно дѣломъ заняться; шото утро,
отъ зари часу до десятаго, а вечеромъ часова съ себя дѣлать
бокой ночи. Поэтому, почти точно будетъ на правду, если
скажу, что у Киргизовъ и у Хивинцовъ лѣтній день начинается
съ вечера: тутъ они прежде всего, исполнивъ самоуживанія
работы по дому, обѣдаютъ, а утромъ, при наступленіи жары,
ложатся спать, вплоть до вечера, когда ихъ ожидаетъ: понынѣ
обѣдъ; или по нашему ужинъ: нужно только, чтобъ это было
до захода солнца, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ скотина,
назначенная для закланія къ обѣду, была убита до заката!
Ужъ конечно, дѣло понятное, что не всякому Киргизу можно
каждый день на обѣдъ готовить молденяго бирашка: иному
бѣднѣху дорогово тая гонянина понюхать не удастся!

Прежде, бывало, мы чего съ Авдотьею Ивацовой пошамъ
вазись надъ Киргизами въ томъ, что они каляки пошамъ; и вотъ
теперь, какъ намъ самимъ пришлось понюхать свѣдѣній этой
да непогоды; такъ и стали мы сами рядиться по Киргизскому
манеру. Да и въ самомъ дѣлѣ, что можно придумать унынѣ

киргизскаго бѣлаго, тонкаго войлочнаго калпака для дешеваго зноя, суконнаго легкаго клеопара, или башлыка, для непогоды, или подбитаго мѣхомъ и снабженнаго и наушниками и назатыльникомъ малаха? Бѣлый калпакъ не расклется отъ жары, въ суконномъ башлыкѣ не застудишь головы, а въ тепломъ малахаѣ ушей не ознобишь: вотъ она штука кака! и нехитрая, кажись, выдумка, а хорошее, выходить, дѣло.

У Хивинцовъ другой обычай: тамъ круглый годъ мужчины носятъ преобладающія бараньи шапки. Она такъ велики и толсты, что ихъ дѣйствительно мудро прошибить солнечнымъ лучемъ. Но тяжело головѣ, вотъ въ чемъ невыгода! У Бухарцовъ опять другое—чалмы, тоже хорошая выдумка, но опять таки головѣ тяжело, и зимой несподручно, да и лѣтомъ солнце прямо въ лицо печетъ. У Киргизовъ совсѣмъ другое. Если солнышко прямо въ лицо ударяетъ—Киргизъ вытянетъ подмышкѣ козырекъ у калпака, а назатыльникъ у него завернетъ: если солнышко сзади—онъ отворотитъ назатыльникъ; если солнышко сбоку—онъ надъ ухомъ распуститъ боковые углы длинныхъ полей, которые пришиты къ калпаку: ему и ладно!

У женскаго пола головной уборъ тоже сообразенъ съ нуждою: женщины Киргизскія повязываютъ голову двумя большими бѣлыми бумажными платками: одинъ, которымъ онѣ сперва покрываютъ голову вокругъ подбородка, онѣ распускаютъ по плечамъ, а друвой навиваютъ поверхъ перваго, такъ что дѣлаютъ изъ него тоже родъ высокой шапки, или тюрбана.

Прочій нарядъ у Киргизовъ, у мужчинъ и у женщинъ, почти одинъ и тотъ же: либо очень коротенькая либо очень длинная рубаха, шальвары, либо холщевые, либо кожаные, ошучи, сапоги и халатъ—одинъ, или два, а иногда и цѣлыхъ три. Кто побѣднѣе, тотъ и лѣтомъ, вмѣсто халата, носитъ нагольный тулущикъ, а ужъ коли нестерпиво приходится жарко, такъ этакой молодецъ безъ церемоніи спускаетъ тулупъ съ плечъ и подвязываетъ себя рукавами около пояса. Коли калпака нѣтъ, такъ онъ голову, сверхъ тибетейки, просто платкомъ повяжетъ—и доволенъ! да вѣдь еще и какъ и доволенъ!

Вотъ бы на этакого молодца взглянуть въ то время, когда онъ не на удадомъ конѣ не сется по степи, а переступаетъ шагкомъ, сидя на приземистомъ быкѣ—просто потѣха, да и только!

Сидло водъ нимъ неинтересно—только слава что сидло! Уздечки на быкъ нѣтъ, а просто опуталъ арканомъ рога, или просунулъ его быку черезъ ротъ — вотъ тебѣ и надежный поводъ: поворачивай нмъ скакуна, куда хочешь! И нагайки ненадо: быкъ послушнѣе и, въ стѣнной работѣ, не ударитъ себи лицомъ въ грязь передъ лошадыю, хоть и не шибко горячится.

Самъ наѣздникъ — просто картина! Сидитъ на быкъ, малечко будто набокъ, скрестивъ иногда мускулистыя руки на могучей груди, обнаженной до самаго пояса. Грудь эта черна, грязна, загорѣла отъ зною и покрыта крупными каплями пота, который обильно струится по тѣлу, отъ самой маковки до вожнаго мшанца. Но посмотрите, что это за исполинская грудь! По цѣвту судя, она смахиваетъ на бронзовую, а попристальнѣе поглядѣть — такъ она, въ самомъ дѣлѣ, какъ-будто изъ булата выкована. Ухъ, какъ высоко выдается она впередъ, какимъ богатырскимъ щитомъ выдвигается она у Киргиза! Каждая косточка такъ и пробивается изъ подъ кожи желѣзною полоскою; каждая жилка напряжена, словно здоровая стальная пружина. Широки богатырскія плечи; матерая, плотная шея; руки, отъ плечъ до ногтей, вылитыя словно изъ какого металла; и эта несокрушимая грудь, на которой каждая складка кожицы, каждое ея углубленіе, каждая косточка говорятъ объ исполинской силѣ и могучествѣ — это, я вамъ доложусь, такая забористая красота, что — будь Киргизъ съ лица и некрасивъ — никакъ не удержишься, чтобъ не сказать: «какой молодчина-то какой!» Какъ разъ тутъ западетъ въ голову мысль, что вотъ, дескать, и наши Добрыня Никитичъ, Чурило Пленковичъ, Илья Муромецъ, или тамъ иные-прочіе, были такіе же, какъ и этотъ Киргизъ, могучіе богатыри! Дайте-ка ему въ руки палицу не палицу, а просто хоть ось тѣлѣвную — такъ вѣдь онъ цѣлой сотнѣ Англо-Французовъ, однимъ взмахомъ, духъ вышибетъ! ногайкой ихъ канонерскую лодку въ дребезги разобьетъ!

А вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, ногайка для Киргиза великое дѣло. Это его оружіе, и самое надежное оружіе. Во многихъ случаяхъ, ногайка можетъ замѣнить ружье и чуть ли для нашего джикара на степи она не способнѣе чѣмъ сабля. Надо толь-

но уметь упрямляться съ эвнимъ инструментомъ и вѣшь: въ какихъ случаяхъ и какъ ему надобно дѣйствовать.

Ногайка вѣдь не просто какой нибудь кнутъ, которымъ лошадей погоняють: это совсѣмъ особое орудіе, съ которымъ Карлъ въ обходится съ почтеніемъ и съ уваженіемъ, и* беретъ и холитъ его.

Представте себѣ коротенькое кнутовище, или рукоятку изъ крѣпкой и неломкой, но здоровой вѣтви кустарника. Кнутовище это бываетъ длинкой вершковъ шести, и никакъ не длинѣе полуаршина, а самый бичъ, прививаемый къ концу, бываетъ тоже такой же длины, а иногда и десяти вершковъ. Вотъ эта-то часть, самая существенная, настоящая ногайка бываетъ толщиной въ хорошей большой палецъ, или вершка въ полтора окружности. Она такъ плотно свита изъ ремешковъ, что нѣтъ никакой возможности перегнуть ее на-двое. Сверхъ ремешковъ, ногайка, мѣстами, обвивается крученымъ шелкомъ и золотыми и серебрянными нитями, и все это бываетъ выплетено съ такимъ искусствомъ и щегольствомъ, что, право, иной разъ, трудно столько старательности и изысканности встрѣтить въ самыхъ видныхъ принадлежностяхъ щегольского наряда нашихъ городскихъ дамъ. Ну вотъ, хоть бы аграмантомъ обшиваютъ мантильи? вѣдь все это, и аграмантъ, и плетешки, и выкладки и перекладки разныя — просто дерюга, въ сравненіи съ тою тонкою работою, которую вы встрѣтите въ украшеніяхъ ногайки. Это почти тоже, что кой-какъ съ рукъ сваенная работа кузнеца-цыгана передъ отчетливою и самую заботливою отчеканкою хорошаго вѣнца-слесаря.

Къ концу ногайки прививается пулька, зашитая въ кожу и узорочно оплетенная разными шелками; а къ этой пулкѣ пришивается треугольникъ изъ крѣпкой кожи, однимъ угломъ прикрѣпленный къ пулкѣ. Этотъ плоскій наконечникъ шивается иногда изъ разноцвѣтныхъ кожъ, вышивается шелками и опушается бахромой изъ длинныхъ некрученныхъ шелковинъ. Все это сдѣлано такъ красиво, уютно и щеголовато, что такая ногайка выходитъ просто какою-то интересною игрушкой.

Конечно, не всякому по карману имѣть такую богатую ногайку; но ужь непременно у каждаго хозяина дома, у каждаго

старинныи семействе — ногайка превосходная и изукрашена по возможности, а мастерски сшита она непременно у каждаго.

Когда Киргизъ дѣлаетъ удары ногайкой, то онъ бьетъ ею не одинаково: приметавшись къ дѣлу, онъ знаетъ: когда и на сколько сильно нужно хватить долгимъ концомъ, когда нужно ударить только пулькой, и когда махнуть плоскимъ концомъ.

Лошади, напримеръ, спосой Киргизъ никогда не станеть жу-чить ногайкой, развѣ ужь она очень непокорлива: а то онъ не-стегиваетъ коня только слегка, и то не по тѣлу, а по тебень-камъ, такъ что на долю коня выпадаетъ одно щекотанье плоскаго треугольнаго конца. Эти удары дѣлаются для того, чтобъ конь рѣзвѣ бѣжалъ. Для наказанія животнаго, или для того, чтобъ убить степнаго звѣря, Киргизъ, разумѣется, вытянетъ свою ногайку во всю ея длину, и нанесетъ ловкій ударъ изо всей силы. А иногда силы и вовсе не нужно употреблять, надо только знать сваровку, умѣть изловчиться, чтобы нанести вѣрный ударъ либо долгимъ концомъ, либо только пулькой, либо тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, глядя по надобности.

Преслѣдуя небольшого звѣрка я, разумѣется, норовлю только пулькой хватить по головѣ. Встрѣтился я съ волкомъ, и хочу захватить его живьемъ, я ужь бью не въ голову, а мѣчу такъ вытянуть его, чтобъ и ногайка и пулька хватили его въ такомъ-то мѣстѣ: такимъ ударомъ у звѣря только пзматы вышибеть; его одурманить, но не до смерти убьетъ. Надо мнѣ недруга съ сѣдла свалить — и тутъ есть своя манера, какъ ударить ногайкой. Когда Киргизъ приглядывается къ звѣрю и выискиваетъ мѣсто, куда надо ему направить свой ударъ, онъ не торопится хлестать по неприятелю, а зорко прицеливается и все махаетъ, все махаетъ ногайкой, все кружить ею около руки, да вдругъ и свиснетъ — звѣрь такъ и растянется! не дастъ промаху!

Есть у Киргизовъ и другое вооруженіе: есть и сабли, есть и копыя, есть и винтовки, есть и стрѣлы, но все это теперь, за водвореніемъ въ степи совершенной тишины и спокойствія, давно вышло изъ всеобщаго употребленія; кольчуги и брони вырываютъ только изъ кургановъ и теперь Киргизамъ они стали вовсе не надобны. Остались только винтовки, необходи- мая для звѣрной охоты, но винтовки богатыя: у значитель-

выхъ людей есть и французскія двухстволки, и карабины, и богатѣйшіе штуцера. Стрѣляютъ Киргизы мастера! пороховъ дороговъ и трудновато его Киргизу достать; по этому онъ очень, въ этихъ случаяхъ, расчетливъ: даромъ зарядовъ тратить не любитъ. А такъ какъ у стѣннаго человѣка зрѣніе бываетъ изощрено въ высочайшей степени, и взоръ у него вѣренъ и метокъ, то и понятно, почему Киргизы не могутъ не быть отличными стрѣлками.

Въ давнія времена, когда Киргизы занимались еще разбоемъ, они часто дѣлали набѣги на русскія селенія, и еслибъ не охранныя стража на Линин, да не наши казаки, они много бы намъ зла могли надѣлать: да то и бѣда была для Киргизовъ, что казаки-то ихъ шибко одолѣвали. Ужъ коли гдѣ показался русскій казакъ—такъ ужъ тутъ хищникамъ никакъ не слобровать: всѣхъ разбойниковъ переловятъ. Ну, а противъ пушки идти степному дикарю просто вѣрная смерть. Хивинцы пробовали ужъ противъ насъ и такъ и сякъ, да какъ выставятъ противъ нихъ артиллерію, да какъ изъ пушекъ-то прыснетъ въ нихъ картечью—такъ всѣхъ лоскомъ и уложитъ! И у Хивинцовъ есть пушки, да стрѣляютъ-то изъ пушекъ они не мастера: ядро либо не докатится, либо черезъ головы перескочитъ, а наши норовятъ попасть въ самую середину непріятельской толпы. У насъ, отъ ихъ выстрѣловъ, народъ стоитъ, стоитъ стойко, а Хивинцы отъ нашихъ залповъ валятся чѣмъ мучи. Разумѣется, какъ тутъ не опѣшать и не поторопиться искать спасенія въ бѣгствѣ?

Однажды двое казаковъ поѣхали за Уралъ косить сѣно. Ну, покосили, поработали, утомились, заморили червячка и повалялись отдыхать—преспokoйно заснули. Разнаго съѣстнаго взяли они съ собою въ дорогу довольно, да запаслись и самоварчикомъ, чтобы чайку напиться. Вотъ спать они себѣ, ничего не подозревая. Только въ просонкахъ-то и слышатъ они конскій топотъ. Казакъ чутокъ, какъ всякій хорошій служивый.

Возьмите вы, въ примѣръ, фельдгегера: спать, съ дороги, какъ убитый, ничѣмъ его не растолкаешь! а скажите ему подъ-ухо: — «лошади готовы!» — встрепенется фельдгегерь нашъ въ ту же минуту, не успѣешь моргнуть, какъ онъ

ужь въ талыгѣ, и лѣтитъ себѣ, какъ вѣтеръ, на мурьера скитѣ.

Ну, и казакъ тоже: вѣдь спитъ мертвецки; хранишь такъ богатырски, что его, кажется, и въ вѣкъ не добудишься — а протрубить труба, прогрохочетъ барабанъ, грянетъ въ дали выстрѣлъ, или протопочетъ конскій топотъ: казакъ ужь на ногахъ, онъ ужь на конѣ, онъ ужь въ схваткѣ съ неприятелемъ и перевѣдывается съ нимъ по своейскв.

Вотъ и наши два удалца вскочили какъ встрепанные, заслышавъ топотъ. Глядь-поглядъ — анъ это хищники! Цѣлая дюжина! Начали палить. Пифъ-пафъ! пифъ-пафъ! Съ киргизской стороны посыпался выстрѣлъ за выстрѣломъ, но все мимо, потому что далеко: киргизское ружье до казаковъ не хватаетъ; а ближе подѣхать къ казакамъ боится, потому что видать у нихъ въ рукахъ пушку, которую казаки наши наводили то въ ту, то въ другую сторону. Киргизы покружили около нашихъ молодецвъ такъ довольно! Они и справа-то ихъ обѣзжали, и заѣзжали слѣва, и прямо-то кидались—но куда ни хватятся, а казаки тутъ какъ тутъ, и нацѣливаютъ на нихъ свою проклятую пушку, держа ее въ рукахъ и быстро поворачивая ея куда нужно, словно какимъ перышкомъ. Смекнули хищники дѣломъ, видать, что не на таковскихъ напали, поняли что пушка не свой братъ, шутить съ нею не приходится, мысленно поблагодарили казаковъ, что они ни разу изъ нея не выстрѣлили, сами прекратили перестрѣлку, повертели коней — и поминай какъ звали!

Что же это за пушка такая, что казаки смогли ее держать въ рукахъ и поворачивать во все стороны? И откуда казаки могли ея записать? А это видите ли что. Казаки цѣхали на пашбу на свои луга, никакъ не воображая, чтобы какіе-нибудь хищники осмѣлились когда-нибудь сдѣлать набѣгъ въ такое близкомъ разстояніи отъ русскихъ селеній. Съ какой же стати нужно было имъ, для простой обыденной работы, зацѣпиться оружіемъ, когда все кругомъ тихо и мирно? А когда разбойники напали на нихъ — казаки и увидели что дѣло плохо. Какъ тутъ быть? Чѣмъ защититься? Не косою же, или граблими, отмахиваться отъ нуля. Казакъ хитеръ и находчивъ,

въ бѣдѣ онъ не потеряется! Наши удаальцы видя то, что имъ двоимъ цѣлой толпы вооруженныхъ хищниковъ не осилить, а спастись немедленно нужно, взяли да и давай страдать Киргизовъ самоварною трубой: больше имъ рѣшительно нечѣмъ было защищаться! Хитрость-то, какъ видите, знатно удалась. Киргизы приняли трубу за пушку — и спасовали!

Слыханы ли напримѣръ, гдѣ нибудь такіе подвиги храбрости и мужества, какіе творятся у насъ на святой Руси? Ну вотъ, напримѣръ, передо мной лежитъ газета «Русскій Инвалидъ», гдѣ рассказано все Ак-Мечетское дѣло.

На русской, то есть на правой сторонѣ рѣки Сыръ-дарья, Коканцы, лѣтъ тридцать тому назадъ, выстроили крѣпость, въ то время, когда мѣста здѣсь были совершенно пустынно и когда Киргизы наши подкочевывали сюда только временно. Въ прошломъ году Коканцевъ отсюда выгнали, а крѣпость ихъ Ак-Мечеть переименовали, въ честь имени оренбургскаго генералъ-губернатора, въ Фортъ «Перовскій». Въ декабрѣ мѣсяцѣ, Коканцы собрали войско и пошли противъ нашихъ. «Русскій Инвалидъ» и рассказываетъ, что 14 декабря 1853 года, коканскій отрядъ, въ числѣ двѣнадцати или тринадцати тысячъ человекъ, съ семнадцатью орудіями, подступилъ къ Фарту «Перовскій» съ твердымъ намѣреніемъ овладѣть имъ. Расположившись лагеремъ въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, онъ и началъ дѣйствовать всею своею артиллеріею.

Начальникъ форта немедленно отвѣчалъ на этотъ огонь своими выстрѣлами изъ крѣпости; но видя, что, при многочисленности своей, Коканцы могутъ обложить ее и продолжительною осадою привести гарнизонъ въ затруднительное положеніе — рѣшился поразить ихъ неожиданнымъ нападеніемъ.

Въ ночь съ 18 на 19 декабря онъ выслалъ 540 человекъ, именно 350 человекъ пѣхоты и 190 казаковъ съ четырьмя орудіями и двумя ракетными станками, и приказалъ быстро съ разсвѣтомъ атаковать коканскій лагерь. У насъ коли «велѣно» такъ значитъ и «исполнено». Коканцы обезумѣли; но скоро опомнились и окружили нашъ отрядъ со всѣхъ сторонъ. Тогда, къ этому дѣйствующему «жорису» посланы были, въ подкрѣпленіе, два отряда: въ каждомъ отрядѣ было по восьми-десяти человекъ и по пушкѣ! Всего, стало быть, семьсотъ че-

загнать драгунъ противъ двѣнадцати тысячъ! Наши кинулись на непріятеля въ штыки и, съ крикомъ «ура!» пошли на проломъ, одрочкнули врага, ворвались въ лагерь и овладѣли всею коканскою артиллеріею. Коканцы ударились въ бѣгство; мы — за ними, и гнали ихъ по пятамъ на продолженіи четырёхъ верстъ.

Разскажи этотъ подвигъ какому нибудь иностранному генералу? Вѣдь онъ ей-Богу, прійметъ эту скромную и нехвастливую реляцію за волшебную сказку, а вовсе не за дѣйствительную быль, а между-тѣмъ доказательства всё на лицо — двѣ тысячи убитыхъ Коканцевъ и воинская наша добыча — весь лагерь, семнадцать орудій, четыре бунчука, семь знаменъ и всё запасы пороху, провіанту и снарядовъ.

Большой части иностранцевъ, особенно честнымъ — хоть и нельзя сказать что честнымъ, Англичанамъ ак-мечетское-то дѣло куда какъ хорошо извѣстно: тутъ вѣдь тоже, говорятъ, ихъ штурмъ былъ.

Изволите ли видѣть что. Пишетъ мнѣ изъ стени одинъ пріятель, тоже нашъ братъ торговецъ, о равныхъ разностяхъ, да и описываетъ, что дескать колотырники-Англичане много много цакостей строятъ намъ въ Азіи. Съ артиллеріею Коканцы никогда не умѣли управляться и всегда тащили свои пушки на волахъ — тутъ, подъ Акмечетью, появились у нихъ подъ пушками весьма хорошіе лафеты. Чье же тутъ видно участіе, какъ не честныхъ господъ Англичанъ? Ни Бухарцы, ни Хивинцы, а подавну ужъ и Коканцы не знали въ артиллеріи другихъ хитростей, кромѣ пороху да ядеръ; а тутъ подъ Акмечетью, въ числѣ снарядовъ, появились у нихъ и бомбы и гранаты — чисто англійское дѣло! То еще очень любопытно что въ числѣ убитыхъ непріятелей, бритоголовыхъ Коканцевъ, было нѣсколько труповъ не мусульманскихъ, а людей съ длинными волосами. Кто же, какъ не честные Англичане, ставеть драться рядомъ съ врагами христіанства, противъ православнаго русскаго воинства.

Да и еще одна вещь очень очень усиливаетъ общее въ-этомъ дѣлѣ подозрѣніе. Азіятцы никакихъ оптическихъ инструментовъ не употребляютъ и вовсе объ нихъ никакого понятія не имѣютъ; только самые значительные люди восточныхъ владѣній,

въ случаѣ надобности, только при ослабленіи зрѣнія, прибѣгаютъ къ помощи русскихъ очковъ. Но вѣдь какіе это очки? Это простыя дурно вышпированныя, почти бутылочнаго толщину стѣкла, вставленныя въ обитую зеленымъ шелкомъ желѣзную проволоку. Эти очки въ Оренбургѣ продаются не дороже пяти копѣекъ серебромъ за пару, а дороже цѣлковаго и во все этого товара въ торговлѣ того края не бываетъ.

Народъ въ Азіи — нищій на нищемъ: порядочныхъ очковъ которые стоили бы рубля два-три серебромъ, тамъ никто покупать не станетъ, потому что такая цѣна никому не по состоянію. Здоровому человѣку и въ умъ не придетъ купить очки или лорнетку, не то что какойнибудь другой цѣнный инструментъ: а въ числѣ добычи, собранной на Сыръ-дарьѣ у форта «Перовскій», намъ досталась богатѣйшей работы превосходная англійская зрительная труба, извѣстнаго лондонскаго мастера! Ну скажите пожалуйста, развѣ это не самое ясное доказательство присутствія Англичанъ на мѣстѣ сраженія? развѣ это не прямая улика англійскихъ, противу насъ, козней?

И пришла же имъ, дурнямъ, Коканцамъ, блажь помѣряться съ нашими казаками! и съ какими же? съ Уральскими! Вѣдь это желѣзный народъ, все наподборъ богатырь къ богатырю! Да чего тутъ много о нихъ говорить. Вы помните, я чай, тоже по газетамъ, что вотъ нынче зимой они, вполонинѣ января, проходили нашими мѣстами и имѣли стоянку въ городѣ Сердобскѣ, нашей же, Саратовской губерніи. Когда они изъ Сердобска отправились то нѣсколько рядовыхъ казаковъ, отдѣлившись, на походѣ, отъ прочихъ, пошли къ Сердобѣ, раздѣлись и кинулись въ рѣку — купаться! Какъ ни проста, ни пріятна эта забава лѣтомъ въ іюль, но подобная потѣха зимой, при девятнадцати градусахъ морозу, въ рѣкѣ, покрытой льдомъ и только у моста, черезъ который проходили казаки, освобожденной отъ него на нѣсколько десятковъ сажень, гдѣ вода почему-то не замерзаетъ во всю зиму, чѣмъ и воспользовались наши добрые молодцы — была необыкновенна. Въ особенности хорошъ былъ одинъ казакъ съ окладистою бородою, наполовину убѣленною сѣдинами. Окунувшись въ рѣкѣ, онъ преспокойно усѣлся на закраинѣ льда и, спустя въ воду ноги, ни мало не торопясь и не стѣсняясь ни ледянымъ холодомъ воды, ни морозомъ, и какъ бы

не чувствуя подъ собою льдистаго сѣдалища, спокойно поплескивалъ на себя водою, обмывая свое тѣло! Выкупавшись, одѣвшись, размывъ замерзлыя бороды, на которыхъ уже успѣли образоваться ледяныя сосульки, удалыцы подхватили пикн, вскочили на коней, гикнули — и слѣдъ простылъ!

Ну, Коканцамъ ли съ такимъ народомъ тягаться? Ну вотъ, Богъ подастъ, скоро затѣется у насъ и открытое сраженіе съ англійскими войсками въ Турціи — на европейскую руку. Ужъ тутъ они должны не скрытно, какъ подъ Акмечетью, а благороднымъ образомъ вступить съ нашими храбрецами въ открытый бой — пускай попробуютъ: легко ли имъ сломить русскую силу?

А Французы-то? туда же! Ну, какъ хотите, а право это шальной народъ! Видно, они забыли нашъ двѣнадцатый годъ? или захотѣли опять на бѣду накупиться? Ну, положимъ, Англичане замыселъ тотъ имѣютъ, чтобъ въ конецъ загубить нашу торговлю — всѣ войны ведутся ими только для расширенія торговаго владычества: чего жъ Французы-то, очертя голову, на задоръ съ нами лезутъ? Ужъ и впрямъ не раскусили ли ихъ плановъ наши старики-Саратовцы? У насъ думаютъ, что Наполеонъ, не настоящій, а вотъ нынѣшній-то, что назвался третьимъ, потому что другаго настоящаго Наполеона уже не будетъ — наши думаютъ, что у него въ головѣ вотъ какая мысль: проклятые Англичане развѣсили уши на мое сознчество и почитай всѣ свои корабли отправили къ Царю-Граду, да къ Петербургу: вотъ-то я ихъ обрѣжу, какъ въ тихомолку самъ высадку на Англію сдѣлаю! А ужъ сдѣлаю же я ихъ съ праздникомъ! докажу имъ свою дружбу!

А какъ вы думаете? вѣдъ такой человѣкъ, какъ нынѣшній Наполеонъ, съ его притворствомъ и съ такою скрытностію, пожалуй вѣдъ я въ самомъ дѣлѣ выкинетъ такую штуку. Отъ него, право, всего можно ожидать. Ужъ если онъ не постыдился въ письмѣ своемъ къ нашему Благочестивому Государю навлести ложь на лжи и прикинуться смиренникомъ, такъ ужъ будетъ ли онъ совѣсть знать противъ какаго нибудь воеводы Вальмерстона! Надуеть же онъ его! непременно надуеть! Цѣлуя французскую націю онъ за носъ провелъ, всю Европу въ

глава обмануль, такъ чегожъ ему церемониться съ Англійей, когда между ея и Франціей ведутся вѣковыя счеты?

Иужто кто нибудь и въ самомъ дѣлѣ повѣритъ, что теперь Франція защищаетъ турецкаго Салтана? Да какъ же это она станетъ его защищать, когда сама же — его же самою ограбила, отнявъ у него его же область Алжиръ?

Алжирскіе Кабилы и наши Киргизы, почитай что родные братья. Все, и природа, и мѣстоположеніе, и вѣровація, и образъ жизни и у Кабилонъ и Киргизонъ чрезвычайно какъ много между собою сходствуютъ. Можно бы сказать, что все это и у того и у другаго народа — одно и то же, еслибъ климатъ и кой-какія племенные и историческія основанія не дѣлали между ними самаго явнаго наружнаго различія.

Вникните хотъ въ составъ племеннаго управленія у Арабовъ: и вы увидите во всемъ сходство съ нашими Киргизами. Арабы живутъ въ войлочныхъ шатрахъ — и Киргизы живутъ въ войлочныхъ же шатрахъ. Арабы хлѣбопашествомъ не занимаются — и Киргизы тоже. Арабы съ осѣдлымъ образомъ жизни незнакомы — и Киргизы тоже. Арабы существуютъ однимъ только скотоводствомъ — и Киргизы тоже. У Арабовъ преобладаетъ во всемъ родовой бытъ — и у Киргизовъ тоже. У Арабовъ во всемъ проглядываетъ семейное начало — и у Киргизовъ тоже.

У Арабовъ соединеніе нѣсколькихъ шатровъ или войлочныхъ палатокъ образуетъ первую общину — *дуаръ*, и у Киргизовъ соединеніе нѣсколькихъ шатровъ или кибитокъ образуетъ — *ауль*. Начальникъ и дуара и аула называется и тутъ и тамъ одинаково — аксакаломъ, старшиной. Соединеніе нѣсколькихъ дуаровъ составляетъ у Арабовъ *ферку*: это тоже что у насъ, у Киргизовъ «отдѣленіе», только правитель ферки у Арабовъ называется *шейхъ*, а правитель отдѣленія у Киргизовъ называется *бий*. Изъ нѣсколькихъ такихъ отдѣловъ у Арабовъ и у Киргизовъ составляется *ашире*, *родъ*; родоначальникъ у Арабовъ носитъ названіе *кайда*, а у насъ его ставятъ въ *султанской*, или и въ *заслуженныхъ биевъ*, хотя и не султанской породы; нѣсколько родовъ составляетъ у Арабовъ — *кабилу* а у Киргизовъ *жозольніе* или *округъ*; у Арабовъ имъ управляетъ *демаъ*, а у насъ какой управитель называется *аманатчи*.

ными начальникомъ. Нѣсколько такихъ диванцій или округовъ составляютъ то, что у насъ въ прежніе годы звалось *ордой*, а у Арабовъ — *башапатъ* или *калифатъ*; управляющій такимъ отдѣломъ называется у нихъ *эмиромъ*, а у Киргизовъ *султаномъ-правителемъ*; а ханы у насъ и калифы у Арабовъ давно вышли изъ памяти.

Мнѣ очень часто приводилось слышать такія слова: «Вотъ, стоить писать объ Киргизахъ! Киргизы — вѣдь это у насъ въ Россіи? такъ что жъ тутъ интереснаго? Вотъ еслибъ намъ поразказали что нибудь объ Кабилахъ, объ Бедуинахъ — ну, такъ это было бы похоже на дѣло!» Вѣдь есть же на свѣтѣ такіе чопорные господа, что для нихъ французскій мужикъ лучше чѣмъ православный русскій крестьянинъ? Ну, да Богъ съ ними, съ этими господами, а дѣло вотъ въ чемъ. Народа такого, Кабиловъ, вовсе на свѣтѣ не существуетъ, какъ не существуетъ народа Ордынцевъ, или Улусниковъ, а Улусники и Ордынцы тоже значать что и Кабилы! Что жъ касается до образа жизни, то сходство между кочевыми Арабами и нашими Киргизами, дѣйствительно, заслуживаетъ вниманія.

Арабы раздѣляются на осѣдлыхъ, *Хадры*, то-есть *сидячихъ*; и на *Бедеси* — кочевыхъ, а изъ «Бедеси» образованные люди сдѣлали «Бедуиновъ». Вотъ что умные и знающіе люди пишутъ объ этихъ Бедуинахъ: если вникнуть хорошенько, такъ это, кажется, почти что чисто про нашихъ Киргизовъ сказано.

Кочевые Аравитяне, или Бедуины, до-сихъ-поръ сохранили тотъ же образъ жизни и тотъ самый характеръ, какими они отличались еще въ древнія времена. Обитая въ песчаныхъ и кремнистыхъ пустыняхъ, неспособныхъ въ земледѣльничанію, они, по необходимости, пасутъ стада въ теченіе цѣлыхъ тысячъ лѣтъ, а желаніе сохранить свою независимость и свою собственность отъ сильныхъ сосѣдей, внутренніе раздоры поколѣній и нужда въ необходимомъ, дѣлаютъ ихъ воинственными, ворами и часто грабителями. Ничѣмъ защищаемые отъ солнечнаго жара, все они очень загорѣлы; отъ недостатка пищи худы и тощи, а отъ чистаго воздуха и безпримѣрности пустынь имѣютъ быстрый, различаю-

цій предметы въ необыкновенной дачи, и чрезвычайно тонкое обоняніе.

Бедуины живутъ поколѣніями, *Жабиле*, которыя состоятъ изъ нѣсколькихъ родовъ. Каждый родъ располагается обыкновенно вблизи потока, либо колодца, на какомъ нибудь оазисѣ и пускаетъ свои стада. Когда пастбище истощится, родъ переночевываетъ на другой оазисъ въ чертѣ земель, занимаемыхъ его поколѣніемъ, и такимъ образомъ передвигается съ мѣста на мѣсто круглый годъ.

Жилища Бедуиновъ суть ничто иное какъ войлочные палатки, или юрты, которыя раздѣляются завѣсомъ, *хедра*, на двѣ половины: одна служитъ для мужчинъ, другая для женщинъ и домашняго скота. Самые бѣдные, которые не могутъ нибудь настоящей юрты, вѣшаютъ кусокъ войлока на дерево и дѣлаютъ себѣ родъ шалаша.

Главная пружина политическаго быта Бедуиновъ — мщеніе. Кривная шесть, одно изъ установленій, которыя встрѣчаются почти у всѣхъ кочевыхъ народовъ, владычествуетъ у Бедуиновъ въ полной мѣрѣ. Убіеніе должно быть отплачено убійствомъ. Въ мщеніи состоитъ честь Бедуиновъ и тотъ, кто не мститъ — безчестенъ. Бедуинъ часто промываетъ обѣтъ не умываться, не стричь ногтей, не брить головы, или не входить медъ кровь юрты, пока не исполнить закона мести.

Мститъ за убитаго обманъ ближайшій его родственникъ, и если убійца падетъ гдѣ нибудь въ битвѣ, а не отъ руки мстителя, мщеніе падаетъ тогда на ближайшаго родственника возмбнаго преступника.

Эта вражда переходитъ отъ отца къ сыну, какъ наследіе, и оканчивается, обыкновенно, истребленіемъ того или другаго семейства, если только родственники виноватаго не примирятся съ жителями убитаго, *выкупивъ* кровь его опредѣленнымъ количествомъ денегъ или скота: иначе между ними не можетъ быть примиренія. «Между нами кровь» говорятъ Бедуины — и ничто не въ силахъ превозмочь эту преграду. Одно исключеніе касается въ мѣста, принадлежащая другому — и размещенъ ужъ драка о потерѣ аугона, о вытоптаниіи пшеницы, асагоны травы; драка часто переходитъ въ ужасную битву: кровь пре-

будетъ крови, и оставшіеся въ живыхъ должны мстить за убитыхъ.

Но исключая случаевъ, въ которыхъ дѣйствуютъ права кровной мести, Бедуинъ вообще кротокъ, привѣтливъ и только одна бѣдность застарѣваетъ его прибѣгать къ грабежамъ; но и тутъ случается, что, ограбивъ путешественника, Бедуинъ отдаетъ ему старое платье, снабжаетъ пищей и указываетъ дорогу. Многія поколѣнія, особенно изъ числа живущихъ поближе къ караваннымъ дорогамъ, славятся своими разбоими и вѣродеиствомъ. Должно, однакожь, сказать, къ чести цѣлаго народа, что поколѣнія, занимающіяся подобнымъ ремесломъ, жолъзуются, внутри пустынь, общимъ презрѣніемъ.

Прославленное гостепрѣимство Бедуиновъ большею частію относится къ людямъ въ же полета. Бедуинъ готовъ раздѣлить послѣдній кусокъ хлѣба съ странникомъ, такимъ же, какъ и онъ самъ, и если гость откушалъ съ нимъ хлѣба-соли, то хозяинъ скорѣе положитъ свою голову, чѣмъ выдастъ гостя его врагу. Но европейскій путешественникъ пусть избѣгаетъ его гостепрѣимства: оно обойдется ему, по дѣйствительности, такъ же дорого, какъ и бедуинское хищничество. Бедуинъ ничего не возьметъ съ путника открытою силою, но жадность, подстрекаемая нищетою, и преувеличенное понятіе о богатствѣ европейца, заставятъ его, за скудное угощеніе, домогаться отъ него огромныхъ подарковъ; за каждую его услугу, страннику придется платить ему непомерною цѣною.

Что касается до религіозныхъ вѣрованій, то тутъ можно заимѣтить, что Бедуяны вообще не ревностные мухаммедане.

Въ мирной жизни кочеваго человѣка, какъ Бедуинъ, или какъ Киргизъ, немногія событія нарушаютъ однообразіе занятій: это — весна, когда овцы ягнятся, когда коровы и кобылицы начинаютъ молоко давать, когда пробивается первая травка, когда ордынцы, почти всѣ разомъ, снимаются съ зимняго сѣдня. А въ теченіе лѣта самыми замѣчательными днями можно почесть дни какихъ нибудь пирушекъ и дни перекочевокъ.

Первая перекочевка, которой я былъ свидѣтелемъ и участникомъ, произвела на меня сильное впечатлѣніе: я тогда еще не зналъ, какъ это обыкновенно бываетъ и, не замѣтивши ни-

какихъ подготовленій, просто дивовался какъ все это живо дѣлается.

Утромъ, напившись чаю, мы всѣ спокойно сѣдѣли у себя въ кибиткѣ, которою, съ самаго пріѣзда нашего, снабдилъ насъ одинъ богатый султанъ. Сидимъ-себѣ и растабариваемъ о разныхъ разностяхъ. Обыкновенно въ это время Авдотья Ивановна катается верхомъ ѣздила. Мы и ждемъ: скоро ли осѣдлаютъ для нея лошади. Ждемъ-пождемъ — нѣтъ лошади. Ну, вѣрно молъ, Киргизъ, конюхъ султанскій, дѣломъ какимиъ особеннымъ занять; некогда ему теперь; можетъ, нахлопотался. Ну, думаемъ, подождемъ маленько. Подождали еще маленько!

Прошло времени такъ ужъ и порядочно. Только вдругъ хозяйка моя, Авдотья-то Ивановна, и говоритъ Феклѣ:

— Выдь-ко-молъ, говоритъ, ты, Фекла, на улицу (мы все еще по старому, по привычкѣ, звали улицей и дворомъ открытое мѣсто, на которомъ кибитки наши стояли, хоть на стали ни улицы, ни дворовъ и вовсе нѣтъ): — говоритъ, выдь-молъ ты на улицу, да глянь: не видать ли гдѣ Абдулки? Коли встрѣнешься съ нимъ — заведи рѣчь, а не встрѣнешься — назадъ вернись: онъ самъ придетъ, какъ освободится.

Немного времени спустя, Фекла не вошла, а вбѣжала къ намъ въ кибитку, вся блѣдная, какъ полотно, въ такомъ перепугѣ, что и сказать нельзя. Какъ вбѣжала, такъ и бросилась она къ Авдотѣ Ивановнѣ.

— Батюшки мои, отцы мои, кормильцы! Ай, бѣда моей душевкѣ настала! Ай, сгубятъ насъ басурманы! ай, страдальце надъ нами, матушка, горе-горькое! Пропадемъ мы, родимая, ни за копейку, въ конецъ пропадемъ совсѣмъ!

— Что такое, голубушка, Феклушка? спросила оторопѣлая отъ неожиданнаго страху Авдотья Ивановна: — что такое приключилось?

— Корсаки, матушка, корсаки забушевали! Такъ и раутъ, такъ и мечутъ все, что ни попадаи! Такой шумъ и гвалтъ подняли, что не дай Господи!... Эвона, слышите, слышите какъ бурлятъ они, анаемскіе....

Въ самомъ дѣлѣ, до насъ доносились и гулъ, и топотъ, и какая-то сумятица. Признаться сказать, мы ужъ давненько прислушивались, къ чему-то, какъ будто не совсѣмъ ладному, да-

вненько-таки какая то возня да хлопотня слышалась намъ нынѣшнимъ утромъ, да мы все думали, что это хозяйствомъ своимъ Киргизы занимаются, разъѣзжая по аулу, да отпасывая стада. Теперь Феклины слова со всѣмъ насъ застращали: мы не знали что и подумать.

— Выйдемъ, хозяйка, да глянемъ, что и взаправду такое у насъ творится? сказалъ я своей Авдотѣ Ивановнѣ.

— Ахъ что вы такое говорите, Яковъ Прохорычъ? — крикнула Авдотья Ивановна: — что это вамъ вздумалось, будто я пойду глазѣть на такія ужаси? ну, а какъ насъ да убьютъ или въ полонъ возьмутъ? Тогда что?

— Убьютъ, матушка, Авдотья Ивановна, безпримѣнно убьютъ—помяните мое слово! Не можете и съ мѣста двинуться: не то какъ разъ нападуть, заарканятъ, того и гляди что всѣхъ въ мелкіе куски искрошатъ! Царь ты нашъ небесный! Не сносить намъ своихъ головушекъ! загубятъ они, окаленные, наши душеньки! сказала Фекла, и сама такъ и заревѣла.

— Дляче убьютъ? съ чего они насъ убьютъ? придетъ же тебѣ этакое въ голову, Авдотья Ивановна? замѣтилъ я, успокоивъ ее.

— Ахъ, не говорите, Яковъ Прохорычъ: отвѣчала Авдотья Ивановна сплеснувъ руками: — не ровень часъ случается!

— Всякая полоса выпадаетъ человѣку! А загубятъ, загубятъ они наши душеньки! Совсѣмъ наша смерть пришла! продолжала вѣть бѣдная Фекла.

— Да съ чего жъ ты взяла, что у нихъ дурное на умѣ? и что хозяева наши на грабежъ поднялись? Кабы что мезутное случилось, намъ бы давно сказали. Хозяева наши, знаешь сама, люди очень добрые, все честной народъ и, кромѣ привѣту да ласки, намъ о-сю-пору отъ нихъ никакого дурна никогда не бывало.

Успокоивши кой-какъ свою слабоватую на здоровье хозяйку, я заставилъ Феклу перестать хныкать, и самъ вышелъ все досконально высмотрѣть.

Шумъ все еще продолжался; но ничего страшнаго онъ намъ не сулилъ. Дѣйствительно, по степи народъ бѣгалъ и суетился, а пуще всего возня была на другомъ концѣ аула. Изъ за кошей, окружавшихъ нашу кибитку, вселяя было всего поряд-

кошмъ высмотрѣть; вотъ я и отошелъ подальше, на ровное мѣстечко.

Дуль нашъ, въ которомъ я ужъ нѣсколько дней выжилъ, былъ очень обширенъ; по малой мѣрѣ положить такъ въ немъ было ста полтора кибитокъ, не меньше. Теперь на мои глаза, онъ такъ ужался, что в одной сотни кибитокъ не насчитаешь. Всюду видно было какое то запустѣнiе, запущенiе и безпорядокъ. Что это такое было ни какъ я не могъ себѣ хорошенько растолковать.

Со многихъ кибитокъ содраны были кошмы; сквозь жерданыя, рѣшетчатыя стѣны кошей видны были сброшенные въ труду домашнiе пожитки и разное имущество. Въ иномъ мѣстѣ, вмѣсто цѣльнаго остова коша, еле-еле держались на землѣ только однѣ стѣнныя рѣшетки, безъ крышъ, которыя обыкновенно дѣлаются на нихъ круглою шапкою, въ родѣ купола, или полушарiя. Кое-гдѣ, вмѣсто круглыхъ стѣнокъ, покосясь на сторону, стояли только двѣ-три рѣшеточки, а кой-гдѣ рѣшетки эти и со всѣмъ повалились на-земь. Сундуки, утварь разная и всякая мелочь кучами стояли безъ всякой покрывки, на покинутыхъ домовищахъ. Тутъ дѣти и бабы сидѣли въ разбросъ; а тутъ копошились они маленькими кружками; въ одномъ мѣстѣ они сами разоряли кибитки, складывали и обвязывали все свое хозяйство въ тюки; а въ другомъ мѣстѣ имъ помогали въ этой хлопотѣ мужчины.

Наконецъ, вотъ и въ очень близкомъ отъ меня мѣстѣ, вышелъ одинъ хозяинъ, съ сыномъ и работниками, и сталъ стаскивать съ кибитки кошмы. Когда остова ея совсѣмъ оголился и сброшенные кошмы сложены были на землѣ порядкомъ, Киргизы эти начали снимать съ кибиточнаго купола жердочку за жердочкой, шесть за шестомъ: того и гляди, все это рухнется, повалится на земь и задавить тѣхъ, кто еще не вышелъ изъ кибитки. Но вотъ, вмѣсто цѣльнаго купола, остался только маленькiй верхнiй сводъ, сдѣланный изъ большаго обруча, съ перекрещеными, поверхъ его, деревянными дугами. Этотъ сводъ, какъ будто самъ собою, виситъ въ воздухѣ: такъ тонки четыре шеста, подпирающiе его и, въ свою очередь, сами опирающiеся въ верхнiя оканники стѣнной рѣшетки. Четыре Киргиза хватились за эти четыре шеста, на каждый шесть по человѣ-

ку, приподняли ихъ, вмѣстѣ съ посаженными на нихъ верхнимъ сводомъ кибитки, снесли прочь и, высвободивъ шесть изъ обруча, уничтожили такимъ образомъ весь верхъ кибитки, какъ будто и вовсе его никогда не существовало. Всѣ эти длинныя жерди, основныя части свода, работники сложили въ кучу, обмотали арками и обвязали кошмами. Потомъ принялись они уничтожать круглую стѣну своего жилья: смотали въ клубокъ тесьму, скрѣплявшую эту стѣну, разрознили и разобрали стѣнныя рѣшетки по частямъ, сложили ихъ вмѣстѣ — и отъ прежней кибитки осталось только одно воспоминаніе.

А! вотъ оно что! Тутъ не лицемерство, не разореніе, тутъ во всемъ видно добровольное, хозяйственное распоряженіе. Я подошелъ къ этимъ Киргизамъ.

— Что это такое вы работаете? спросилъ я.

— Да развѣ ты не видишь? Кибитку снимаемъ; складываемъ и прачемъ свой домъ, чтобъ перевести его на новое мѣсто.

— Какъ на новое? Да вѣдь вы здѣсь живете?

— Жили здѣсь вотъ ужь другая недѣля, а теперь переѣзжаемъ на свѣжую траву!

— За чѣмъ же такъ?

— Да мы всю траву прѣли: здѣсь ужь съестъ больше кормить не чѣмъ.

— Когда жь вы это задумали переѣзжать?

— А вчера были посланы передовые оглядѣть мѣста, вчера же они и воротились съ отивтомъ. Султанъ распросилъ ихъ обо всемъ, самъ съѣздилъ посмотреть ауга — вотъ мы теперь и откочевываемъ на новое приволье.

— Такъ это перекочевка? Такъ изъ этого то шумъ въ аулѣ такъ перепугалъ мою козайку, что мы и Богъ знаетъ что подумали?

— Что жь вы могли подумать дурнее?

— А мы подумали, что не цѣпители ли на насъ напали да начали грабить! отвѣчалъ я очень откровенно.

— Ай-ай-ай! Какъ могли вамъ придти подобныя мысли въ голову? Да, видно, вы въ первый разъ видите перекочевку?

— Никогда еще не доводилось: да и гдѣ жь намъ было ее видѣть?

- А развѣ въ вашихъ мѣстахъ народъ никогда не кочуетъ?
- Нѣтъ у насъ этого не водится.
- Какъ же это? Вы, значитъ, безъ скоту живете все на одномъ и томъ же мѣстѣ?
- Да, конечно!
- Ну, а какъ у васъ въ городѣ скотъ всѣ луга истравитъ: тогда что?
- У насъ луговъ въ городѣ не бываетъ!
- Да какъ же трава-то въ городѣ растетъ?
- Въ городѣ у насъ травы почитай вовсе не растутъ.
- Такъ чѣмъ же вы скотъ-то кормите? вѣдь вы скотъ-то содержите же?
- Скотъ у насъ есть, да мы ему сѣно покупаемъ: сѣно къ намъ привозятъ.
- За чѣмъ же вы сами не живете тамъ, гдѣ есть сѣно? Ну, бросьте городъ! денегъ не нужно будетъ платить!
- Да у насъ въ городѣ есть свои занятія, свои заботы, свои труды, которыми мы кормимся; у насъ въ городахъ построены богатые дома, такіе хоромы, что за одинъ домъ надо заплатить иногда сто тысячъ, и больше, барановъ.
- Ну это ты врешь! Гдѣ и кому можно столько денегъ достать, чтобъ заплатить сто тысячъ барановъ за одну кибитку!
- Да ты знаешь ли, что у насъ, иной разъ, за сапоги платятъ десять барановъ?
- Что жъ они золотые, что ли?
- Нѣтъ, не золотые, а обыкновенные кожаные.
- Ну такъ ты опять врешь! У насъ люди на десять барановъ круглый годъ живутъ; а ты выдумалъ меня увѣрить, что у васъ за сапоги десять барановъ платятъ!
- Да я тебѣ лучше скажу, у насъ есть города, гдѣ, за самую половину маленькаго кургашка, для обѣда, платятъ столько, сколько у васъ стобитъ годовалый баранъ!
- Помню, пожалуйста, вздоръ молоть! если у васъ за полкургашка, съ котораго сытъ не будешь — дають цѣлаго барана, такъ во чтожъ у васъ весь-то обѣдъ обойдется?
- А это всяко случается, какъ кто самъ сѣумѣетъ повести дѣло; иногда обѣдъ стоитъ очень дешево, а иногда и одинъ человекъ поѣсть — такъ за роскошныя кушанья онъ долженъ

заплатить то что стоит у васъ десять и даже двадцать барановъ !

— Ха, ха, ха, перестань, пожалуйста перестань ! ты меня со всѣмъ уморить хочешь со смѣху ! За чѣмъ такъ въ глаза лгать: ну, какъ же я тебѣ повѣрю, что у васъ со всѣмъ не кочуютъ ? Да и не могу повѣрить ! потому-что надо просто съ ума сойти, чтобъ весь вѣкъ свой прожить безъ сѣваду на одномъ и томъ же мѣстѣ. Вотъ, посмотрите, какъ мы ловко нашъ аулъ перевозимъ: вотъ и вы свой городъ такъ перевозите.

Что мнѣ было толковать съ такимъ человѣкомъ ? Я поспѣшилъ прекратить съ нимъ разговоръ и поторопился позвать Авдотью Ивановну поглядѣть на аулъ, который снимался лагеремъ и въ которомъ немногя уже кибитки оставались еще не тронутыми.

Любо было взглянуть, какъ все это живо дѣлалось. Нашъ многолюдный аулъ казался теперь очень незначительнымъ становищемъ ; но онъ еще не совсѣмъ обезлюдѣлъ, хоть ежеминутно дѣлался все пустыньѣ и пустыньѣ, и на многихъ пепелищахъ уже ничего не оставалось, кромѣ вытопанной и взбуренной земли.

Кошъ снимался за кошемъ. Мужчины и женщины, съ одинаковымъ усердіемъ, хлопотали за этой работой. Всюду видѣлись долгошейные и долгоногіе, горбатые верблюды, или ужь окончательно нагруженные и вытянувшіеся во весь ростъ, или еще, на колѣняхъ, готовящіеся принять привычную ношу. Ихъ навьючивали разнымъ скарбомъ. На одного нацѣпляли кибиточныя рѣшетки, двери и шесты, прикрывая весь тюкъ, расположенный на обонхъ бокахъ верблюжьяго туловища, войлоками, поверхъ которыхъ привязывали верхній кибиточный обручевый сводъ; на другомъ словно нанизаны всевозможная домашняя мелочь, турсуки, котлы, кумганы, таганы, тазы, самовары — у кого они есть; на третьихъ накладывали, обшитые кошмами, разнокалиберные сундуки, и большіе, и маленькіе, съ самыми цѣнными принадлежностями нарядовъ и домашнего хозяйства. У моего хозяина степныя богатства его навьючивались на цѣлыя десятки верблюдовъ; и длинной вереницей растягивался этотъ степной обозъ по разнымъ уголкамъ степи.

И все это, каждый верблюжий тюкъ, каждая навьюченная ноша, прикрыты то грубыми кошмами, то хорошими коврами, съ презабавными узорами; и прихотливые цвѣта ихъ какъ-то особенно-игриво перемѣшивались съ бурнымъ цвѣтомъ самаго животнаго, съ переженною зноемъ рыжеватою зеленью покладасмаго стойбища, съ выкрашенными красной краской жердями и рѣшетками кибиточныхъ стѣнъ, съ синевою неба, съ бѣлыми калпаками и малиновыми башлыками Киргизовъ и съ ихъ пестрыми халатами.

Семьи домохозяевъ, съ чадами и домочадцами, больше все женщины да дѣти, рѣдко взрослые парни, тоже влѣзли на верблюдовъ и, покачиваясь на высококомъ, но поминутно колеблющемся, отъ неровной поступи животнаго, сидѣнья, поплелись, впереди вьючныхъ верблюдовъ, всѣ по одному направленно. Большая часть мужчинъ пустились въ дорогу верхами, кто вмѣстѣ съ бабьемъ, а кто перегонялъ ихъ, не мѣшая ни женамъ кормить грудныхъ ребятъ, ни старшенькимъ ребяташкамъ по прежнему выть и плакать отъ огорченія, что отецъ или братъ, не почествовалъ ихъ дозволеніемъ поиспытать свои силешки на знакомомъ имъ еще только по виду конѣ. Для мальчугана-киргиза важная вещь, просто праздникъ годовою, тотъ день, когда подведутъ ему кони и дадутъ волю самому съ нимъ справляться: онъ тогда какъ разъ въ голову забереть, что на него уже не смотреть, какъ на глупаго ребенка, а питаютъ довѣріе къ его отроческимъ силамъ, сваровкѣ и понятливости. Онъ тогда ужъ и заважничаетъ, перестанетъ яхтаться съ остальными дѣтьми, слабѣйшими въ сравненіи съ нимъ, и поминутно будетъ искать случая жаться въ кругу взрослыхъ наѣздниковъ-батырей. Съ той минуты, какъ ребенку дадутъ въ руки поводья да нагайку, онъ ужъ и тонъ въ разговорахъ перемѣняетъ, жилился черезъ силу какъ-нибудь побасистѣ сказать слово и безпрестанно у него на языкѣ все «я» да «я».

Покажѣсть мы, это, съ хозяйкой смотрѣли, да высматривали, а позади насъ и невѣсть что дѣлалось. Наглядѣвшись на все, мы было съ ней задумали назадъ къ себѣ въ кибитку воротиться, да потомъ сходить къ хозяевамъ узнать ихъ распоряженія: анъ наткось! нашей кибитки будто и вовсе не было!

Гостеприимный султанъ, приютившій насъ въ своей людной семьѣ, стоялъ позади насъ, подперши руки въ бока и прелюбезно улыбался, увидѣвъ наше изумленіе, отъ котораго статья можетъ; лицо наше очень и очень поблѣтнулось. И его работяжки, и наша Фекла преусердно хлопотали, увязывая въ юбки наши пожитки.

— Ну, чего Авдотій-Иванъ калякивать будемъ? спросилъ онъ у моей хозяйки: — кошамъ нашимъ туда далеко гуляйтъ: кочевка-то ево булна хорошаа будетъ!... Сандыкамъ-то твоимъ совсѣмъ низалъ на юкѣ. Садись теперъ, поѣжай, айда гуляй съ своимъ Джакубомъ... Какъ твоя кочить гуляйтъ? Лошадъ давать или тарантамъ садиться?

— Какъ знаете, ваше степенство, такъ на все ваша воля есть! отвѣчала моя учтивая Авдотья Ивановна.

— Какой моимъ воля? Моимъ воля совсѣмъ ниту! Какъ тибѣ воля — такъ и будетъ! сказалъ султанъ.

— По мнѣ, какъ знаете сами. Конечно, если далеко ѣхать надо, такъ мы лучше съ хозяиномъ въ тарантасъ поѣдемъ.

— Ниту далеко! Кочевка близка! Твоя ходжанъ верхомъ гуляйтъ будетъ; и мои всѣ верхомъ тоже.

Такъ мы и уладили, чтобъ всѣмъ верхомъ ѣхать.

Авдотья-то Ивановна приучилась ужъ у меня къ верховой ѣздѣ. Только-что мы приутились въ здѣшнемъ аулѣ, только-что Авдотья Ивановна начала аккуратно пить кумызъ — да вѣдь какъ она и выпилась въ него? Ну, просто, я вамъ говорю, пристрастіе къ этому напитку возымѣла! — съ той поры и верховъ ѣздить начала, для моціону.

На первыхъ-то порахъ, она было у насъ и поартачилась, покапризничала маленько, совѣстясь, что ей приходится садиться на лошада по-нашински, по-мужски, и ни зачто не хотѣла, какъ она говорила, обусурманиться — да чтожь станешъ дѣлать, какъ иначѣ тутъ ничѣмъ пособить нельзя? Дамскихъ, что у насъ по городамъ дѣлаются, сѣдель у Киргизовъ нѣтъ, а пробовали подушки привязывать, чтобъ хозяйкѣ моей ловчей было сидѣть бокомъ — такъ лошади горячились съ непривычки, а объезжать ихъ, по незнакомому для Киргизовъ способу, некому; да и до того ли имъ было!

Бросила было совсѣмъ Авдотья Ивановна эту затѣю и стала,

для моціону, пѣшеходныя прогулки совершать — такъ, вишь-ты, не въ-моготу пришлось: и силушки-то нѣтъ, она же, какъ я докладывалъ, такая у меня слабенькая и притомъ, въ то время, еще болѣзненная! Ну, и зной-то денной для пѣшехода не выносимъ: по песчаной степи просто подошвы жжетъ, почитай что ступать нельзя, такъ песокъ раскалится за-долго до полудня: истомленіе такое, что мученье да и только! Прикидывали мы и такъ, прикидывали и сякъ: пришлось моей супружницѣ покориться обстоятельствамъ, да съѣсть на коня по натуральному, какъ всякій изъ насъ на коня садится. Разумѣется, не обошлось безъ того, чтобъ не напасть на новыя неприятности.

Авдотья Ивановна, которая, если припомните, такъ заботливо запаслась для киргизскихъ визитовъ, модными платьями, новенькими шляпками, да разными женскими чепцами не знала теперь куда съ ними дѣваться, потому-что коробки да картонки съ ея нарядами занимали много мѣста въ тарантасѣ.

Да это бы еще ничего: куда не шло! а вотъ было горе, что Авдотья Ивановна, для верховой-то ѣзды, и взаправду пришлось вырядиться въ киргизское платье — въ шальвары и въ халатъ. Хотѣла было она, ужъ за одно, и киргизскій мужской калпакъ на себя напялить, потому-что головной уборъ женщинъ-киргизокъ показался ей маленечко грузнымъ и неловкимъ, такъ и тутъ опять ее ждала новая неудача: коса подъ калпакомъ не держалась. Коли свернуть ее по городскому — калпакъ не налезаетъ, а дать косѣ свободу — она либо сама вывалится, либо калпакъ столкнетъ. На какія хитрости ни принималась моя хозяйка, чтобъ какъ-нибудь уладить косу — никакого толку не было! Не рѣзать же ее для этого было? А коса-то у Авдотьи Ивановны такая густая и такая длинная, что я отродясь ни отъ кого объ этакой и не слыхивалъ: ужаси, что за косища!... Только вотъ не приходится мнѣ объ такихъ вещахъ съ посторонними людьми рѣчь вести, да и дѣло то выходитъ этокое совѣстливое, а то бы я сейчасъ подвиглъ васъ, государь мой, сказавъ настоящую длину рѣдкостной дуняшиной косы.

Шляпокъ съ собой Авдотья Ивановна взяла двѣ, одну этакую креповую, съ цвѣточками да съ блондочками, а другую про-

стенную, соломенную, безъ всего, съ однѣми бѣлыми лентами. Ну, такъ вотъ, чтобъ простоволосою не ѣздить, она, къ своему киргизскому халату, вмѣсто калпака, или джаулука, и прибрала эту соломенную шляпку, и ѣздила въ ней подъ зеленою вуалью. И въ ту пору совсѣмъ это не казалось намъ смѣшно, а теперь, какъ вспомнимъ мы объ этомъ — такъ оба и расхохочемся...

Такъ, я и Авдотья Ивановна — мы порѣшили ѣхать верхомъ.

Между тѣмъ какъ увязывали тюки и взваливали ихъ на верблюдовъ, Фекла наша, у которой вовсе никакой охоты не было къ верховой ѣздѣ, пронюхала какъ то, что въ нашъ тарантасъ впрягутъ вмѣсто лошади верблюда. Скучно что ли ей показалось одной въ экипажѣ ѣхать, али просто такъ нашла блажь такая — только упростила она одного работника Киргиза, чтобъ онъ посадилъ ее, для пробы, на верблюда. Верблюды были тутъ и смиренненько припали къ землѣ, поджавъ ноги. Абдулка выбралъ одного, у котораго верхъ большаго, но легкаго вьюка былъ помягче обдѣланъ, и показалъ его Феклѣ.

— Я только такъ маленечко посижу на немъ — говорила Фекла — ты, пожалуйста не поднимай его.

— Ладно, садись! отвѣчалъ Абдулка: смотри только, усаживайся плотнѣе.

Фекла то, съ дуру, вальзала на верблюда и взгромоздилась на самую верхушку, между боковыми вьюками. Но ей что-то не сидѣлось; не ловко было сидѣнье, что ли, ужъ не знаю; она все обминала подъ собой подушки и коверъ, и все гомозилась.

— Да долго ли тебѣ, Фекла, возиться? спросилъ Абдулка, потерѣвъ терпѣніе, глядя на нее.

— Ну вотъ теперь усѣлась!... Вишь ты какъ знатно: точно на хозяйскомъ матрацѣ сижу — таково привольно; вотъ ужъ не шелохнеть-то ничемъ — хоть какъ хочешь скачи.

— Чокъ, чокъ! крикнулъ Абдулъ, потянувъ поводкомъ клячишекъ, продѣтый у верблюда въ ноздрихъ, черезъ храпокъ. Верблюдъ лѣниво поднялся и остановился. Фекла такъ и вскрикнула.

— Ты чего кричишь? спросилъ ее Абдулка.

— Да, видишь ты, верблюды поднялся: я и испугалась!

— Есть чего пугаться! Сидишь какъ въ люлькѣ, а пугаешься!... Эхъ, баба ты, баба этакая!

— Да я, Абдулушка, не то чтобы страху далась, а такъ только маленьчко всполохнулась.

— Ну, сиди же смирише: я тихохонько проведу верблюда, а ты посмотри какъ на немъ весело ѣхать.

— Да я боюсь!

— Экая какая! сейчасъ сказала что не боится, а теперь и трясется: да ты испробуй.

Не дожидаясь отвѣта, Абдулъ схватился за поводокъ и дохонько сталъ проводить верблюда.

— Ну, что? ладно ли тебѣ? сталъ онъ допытывать Феклу.

— Ужъ такъ то хорошо: ни дать, ни взять, будто въ люлькѣ качается!

— Перестать что ли?

— Ай нѣтъ! прокати еще маленьчко, Абдулушка, голубчикъ!

Но у Абдулки, вѣрно, что нибудь было на умѣ противу Феклы. Онъ проваживалъ верблюда все тихо тихо, да вдругъ какъ побѣжить самъ въ прыскачку, а верблюдъ за нимъ тоже какъ принуждаться — Феклу то и пошло трепать боковой качкой, такъ ее изъ стороны на сторону и валеть! Она такъ и вопить, и словно давятъ или рѣжутъ ее разбойники, оретъ благимъ матомъ, что есть мочи, а сама и руками и ногами такъ и цѣпляется за вьючныя арканы, которыми вся дорожка перепутана, такъ и хватается за все: боится, чтобы ее не свалило вонъ изъ хваленной люльки. И жалко-то было, да и смѣшно было смотреть на ея продѣлки. Абдулка потѣшался надъ нею недолго: ему велѣли отпустить бѣдную Феклу. Когда она встала на земь, то никакъ же могла пройти ровной походкой: все ее, ровно во хмѣлю, булыгадо съ боку на бокъ. Долго же злилась послѣ этого Фекла на Абдула.

Между тѣмъ вся окрестность, занятая нашимъ ауломъ, совсемъ опустѣла. Оставалось какихъ нибудь пять шесть двѣтокъ, но и тѣ уже, будучи лишены окутыивающихъ ихъ кочевъ, глядѣли какими-то остовами. Женщины уѣхали на дощадѣ въ сопровождаемыхъ монимъ и султанскимъ гарантажами, которые

теперь полны были малыхъ ребятъ, и своими прислужниками, отправившись вперед и скоро скрылись изъ виду. А мы, выжидавая пока не навьючатъ послѣдняго верблюда, дождавди куньихъ и, въ разговорахъ, переливали изъ пустаго въ порожнее.

Всѣхъ насъ, мужчинъ, было человекъ съ пятьдесятъ; кромѣ султанскаго семейства, это все были почетнѣйшіе изъ домохозяевъ, оказывавшіе свое уваженіе главнѣйшему старшинѣ аула; прочихъ своихъ родственниковъ они давно уже отпустили, назначивъ кому ѣхать съ женщинами и съ пожитками, кому отпасывать табуны, а кому перегонять барановъ. Подъ каждое стадо скота, отдѣльные луга уже заранѣе были распределены на новомъ привольи.

Наконецъ и мы отправились.

Не знаю отчего, но мнѣ какъ-то грустно было взглянуть на мѣста, которыя мы оставляли. Не дальше какъ за нѣсколько часовъ, здѣсь кипѣла жизнь, кипѣлъ народъ, ромашою стада барановъ, пестрѣли быки и коровы, спокойно паслись верблюды и стройно разгуливали табуны лошадей, раздѣленные на косяки, въ которыхъ молоденькія лошадки не смѣшивались съ взрослыми конями, а статныя, игривыя отенныя кобылицы бдительно охранялись, предводимыя бодримъ и сильнымъ шербецомъ-производителемъ. Еще вчера ввечеру я любовался на кудреватыя струйки синеватаго дыму, который эмѣной вилел надъ каждой кибиткой, гдѣ заботливая хозяйка готовила семьѣ кушанье; потомъ этотъ дымокъ, какъ будто эмѣтъ осеннѣвшись, стаялся надъ ауломъ длиннымъ, узенькимъ полушарообразнымъ облачкомъ.... Еще сегодня, раннимъ утромъ, здѣсь работницы и хозяйки доили овецъ и козъ, коровъ и кобылицъ. Еще такъ недавно, полунагіе ребятишки рѣзались на этомъ самомъ мѣстѣ, бѣгая кругомъ роднаго жилья и кувыркаясь по землѣ, либо борясь съ своими сверстниками, либо заигрывая съ прыткой козочкой, съ трусливою овцой или съ домовою собакой. Все это такъ живо отзывается во мнѣ, все меня занимало, тѣшило, радовало, потому что во всемъ видна была человеческая дѣятельность, во всемъ сказывалась жизнь: даже въ неодушевленныхъ-то предметахъ — и тутъ она сама собою пробивалась, невольно напоминая о живомъ, дѣятельномъ, тру-

долюбивомъ человѣкѣ, о настоящемъ, о будущемъ.... Теперь все смолкло, все заглохло, все умерло, все будто погнбло безъ воспоминанія.

Я отъѣхалъ уже саженой съ сотню и оглянулся еще разъ. Совершенная пустыня! Почернѣлая, истрескавшаяся отъ жаровъ земля; поблеклая, порыжелая, спаленная солнцемъ, рѣденькая, тощая, сухая трава; на право и на лѣво необозримая даль, закрытая будто флеромъ, движущеюся стѣною сгущенныхъ испареній; и ни одной живой души, кромѣ развѣ кузнечиковъ, выпѣвающихъ такъ звонко, и прыгающихъ съ травки на травку и съ кочки на кочку, да полевыхъ мышей, разгуливающихъ теперь на просторѣ и шмыгающихъ то тутъ то сямъ, безъ боязни попасть подъ конское копыто, или подъ тяжелую ступню Киргиза. На оставленномъ пепелищѣ разгуливаютъ вороны, жадно высматривая, не осталось ли имъ какихъ объѣдковъ и оглозковъ послѣ аульныхъ собакъ, а надъ ними плаваетъ въ воздухѣ тѣпный ястребъ, описывая пространные круги и выискивая добычу. Лишь только онъ ее завидитъ, какъ въ то же мгновение, какъ будто безъ малѣйшаго перепархиванія крыльями, останавливается въ выси неподвижнымъ, и, выстороживъ жертву, надѣлившись на нее взглядомъ, неожиданно падаетъ на нее молніей и терзаетъ бѣдную пташку, которая, будто раньше чула бѣду, давно ужъ смолкла, прекративъ свое чирканье, укрывась, забила въ сухія вѣтви медкаго степнаго кустарника и прижалась тамъ, бояливо распутивъ трепещущія крылышки.

Мы ѣхали больше все шагкомъ, очень рѣдко, и то на самое недолгое время, припуская лошадей маленькой рысцой. Степенному и горделивому человѣку, какимъ глядитъ султанъ и каждый изъ окружающихъ его Киргизовъ, по ихъ повѣрью, не подобаетъ безъ дѣла, безъ особенной надобности, тѣшиться слишкомъ прыткою ѣздой. За то молодежь, сопровождавшая нашъ поѣздъ, не связывала себя стѣснительными для нея приличіями. А можетъ статься, что, потѣшая себя, молодые парни тѣшили и стариковъ, веселя ихъ своимъ гарцованьемъ и развлекая ихъ важное спокойствіе своими молодецкими играми.

Вотъ что-то такое заманивающее, что-то соблазняющее грабнуть старинной — въ этихъ играхъ молодежи, въ ея лихихъ наѣздническихъ продѣлкахъ. Не знаю почему, но мнѣ любо смотрѣть, когда молодцоватый юноша, подобравъ поводья лошади, дробною частою рысью несется черезъ обширную луговину, ничѣмъ не нарушая правильности своей посадки, не шелохнувшись станомъ, не покачнувшись на-сторону и неизмѣняя положенія рукъ: ровно прикованъ къ сѣдлу, ровно впился онъ въ свою лошадь. Но гораздо больше на меня дѣйствуетъ наѣздникъ, когда, давъ полную свободу коню и склонившись не много къ его гривѣ, отважный юноша мчится по степи, будто стрѣла изъ лука. Конь такъ и разстилается, будто не по землѣ, а надъ нею онъ скачетъ; распустивъ хвостъ, разметавъ гриву, онъ словно летитъ и несется такимъ ураганомъ, что трудно замѣтить какъ онъ переставляетъ ноги и именно когда опирается ими о землю. А когда лихой всадникъ, на лету, сбрасывается съ сѣдла, приникая, на всемъ скаку, къ землѣ; или когда онъ, высвободивъ ноги изъ стремена, перекидываетъ ихъ, одну вмѣсто другой, и оборачивается, тоже на всемъ скаку, лицомъ къ хвосту; или когда, изогнувшись въ-три-погибели, онъ обхватываетъ, изъ-подъ-низу, шею своего скакуна; или когда длинною пикою вертитъ около него, не задѣвъ ни себя, ни его и не пугая коня нечаянными ударами — право, кажется, такъ вотъ и слышишь какъ кровь въ самомъ тебѣ кипитъ, такъ вотъ и подмываетъ тебя махнуть рукой на всѣ утомительныя въ эту минуту приличія и натѣшить свою душеньку распашною удалюю.

Э, да чего тутъ церемониться! Тѣшься душа въ волюшку! Гуляй, наши, куда ни шла! Была не была, а сердечко порадую! Я визгнулъ, гикнулъ, хватилъ коня по крутымъ бедрамъ и понесся себѣ, сломя голову, куда кривая ни вынесетъ! всѣ лошади сосѣдей моихъ шарахнулись; но степенные Киргизы придержали ихъ, не безъ смѣху, а чай, подивившись моею гулливости. Но, погода немножко, изъ общаго строя сановитыхъ Киргизовъ, отдѣлился одинъ наѣздникъ; потомъ, еще маленько спустя, другой; слѣдомъ за нимъ пошелъ кружить по степи третій — какой-то почетный человѣкъ. Я далъ вздохнуть своей

лошадкѣ, укротивъ ея прыткій бѣгъ полною рысью; гляжу на главную партію: что жъ вы думаете? Самъ султанъ крѣпился-крѣпился, а вѣрно ужъ и его сильно разобрало. Онъ тоже гикнулъ и, слѣдомъ за нимъ, бросилась въ розсыпную вся толпа его свиты.

Мѣсто выдалось знатное, равнина такая, что куда не обернись — нигдѣ ни крутой ложбинки, нигдѣ ни пригорка: ровно такъ, что хоть шаромъ покати!

Мы искрестили ее во всѣхъ направленіяхъ: и вдоль ея мчались, и поперегъ переѣзжали, и выдѣлывали круги, то всѣ вмѣстѣ, то каждой всадникъ особо кружилъ, то здѣсь, то тамъ, какъ случится.... Нечего сказать, отвели мы душу съ охоткою! И что такое, кажись, надѣлали мы путнаго? вѣдь ровнешенько ничего? а сердцу веселѣе стало!

Но полно, довольно. Мы, будто сговорилась, разомъ всѣ въ одно время гарцовать перестали и столпились въ одну общую кучку, успокоивъ разгоряченныхъ лошадей и пустивъ ихъ идти шагомъ. Доброе расположеніе духа насъ не покидало и молодые батыри, одинъ за другимъ, затагивали пѣсни. Нѣкоторые изъ нихъ не то чтобы пѣли, а на распѣвъ рассказывали, мѣрно и складно, должно быть какія-нибудь старинныя богатырскія похождения, по временамъ перемѣняя главный напѣвъ, который все-таки тутъ слышался, и продолжая рѣчь скороговоркой. Другіе пѣли обыкновенныя пѣсни. Онѣ очень мнѣ понравились, хоть я и не понималъ въ нихъ ни полслова. Мнѣ нравился голосъ пѣсни; въ ней слышалось веселье, отъ нея будто бы вѣяло радостью, такъ бы вотъ, кажись, и началъ бы подтягивать пѣвцу, еслибъ слова зналъ, да добрался бы въ нихъ толку. Голосъ былъ немудреный и хорошо удерживался въ памяти. А все не то, что наша родная русская, хоть бы плясовая, пѣсня! Все татаринномъ пахнетъ! Складъ какой-то не русский: оно, и точно, нравится, а все-таки слышно чужое, ненашинское. А тѣ пѣсни, что невеселѣе поются и въ которыхъ звучитъ сердечная невзгода — тѣ и еще несходственнѣе нашихъ напѣвомъ: видно татаринъ и груститъ и веселится иначе, чѣмъ русский человѣкъ. Отъ плясовой русской пѣсни

у меня плечки задергаеть, ноги сами заходятъ, отъ заунывной — въ груди какъ то болѣзненно сердце сожмется, а Кургаская нѣсна и хороша, и нравится, да ужь душѣ то моей ничѣмъ она громко не сказывается.

Двигаясь все впередъ да впередъ, мы опережали и отдѣльные партіи верблюдовъ, и стада аульнаго скота. Караванъ верблюдовъ растягивался на нѣсколько верстъ и перерывался по часту пустыми промежутками. Каждая партія каравана извивалась по степи длинною, змѣвившеюся линіей; и чопорное животное переважно отмѣривало шаги, выступая, точно губернская щеголиха, жеманною походкой. Голодные, особенно на сегоднешній день, собаки плелись за караваномъ и по сторонамъ его, опустивъ хвосты мочалкой, понуривъ головы и длинно насунувъ опухшіе отъ жару языки. Ребятишки дремали на рукахъ матерей, а тѣ, которые сами умѣли на ногахъ держаться, съ боязливымъ любопытствомъ выглядывали на нашу толпу, болтаясь между тѣмъ въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ они прикрѣплены были къ верблюжьему вьюку или къ материнскому сѣдлу.

Женщины, должно быть, порядкомъ истомились отъ пути. Жарынь была страшная; безвѣтренное вѣдро; а онѣ плелись, какъ черспахи, самымъ медленнымъ шагомъ, за верблюдами, или на верблюдахъ. Одѣтыя въ теплыя, стеганные хивинскіе халаты, въ накрученныхъ на голову большихъ бѣлыхъ платкахъ и ничѣмъ не защищенные отъ зною, онѣ, бѣдняжки, раскраснѣлись пуще вареныхъ раковъ; по прядямъ выбившихся изъ подъ платка густыхъ, черныхъ и жесткихъ волосъ и по всему лицу, потъ градомъ катился. Не смотря на это, утомленныхъ работницъ ждали еще новыя заботы, новая утомительная возня — разбивать шатры, прибирать попрежнему кибитки и хлопотать по хозяйству на новомъ стойбищѣ, отъ котораго мы впрочемъ были уже не далеко.

Табуны лошадей шли другой дорогой и не смѣшивались съ другими стадами. Медленнѣе всѣхъ передвигались предводительствуемые козлами бараны. Они, походя, пощипывали травку, долго останавливались на одномъ и томъ же мѣстѣ, часто раз-

*

бредались къ разнымъ сторонамъ и, чтобъ загнать ихъ въ одну общую араву, надо было почти понапрасну терять много времени, потому что они безпрестанно то растекались широкимъ строемъ, то вытягивались узкою, но длинной полосой, пока верховые пастухи и привычныя собаки снова не сгоняли ихъ въ кучу.

Мнѣ всегда смѣшно было глядѣть на этихъ очень полезныхъ животныхъ. Правда, они смиренны и кротки, но ужъ за то не могутъ похвалиться ни бойкостію ума, ни способностію быстро соображать обстоятельства: кажется, природа, при раздачѣ каждому скоту разныхъ достоинствъ, обошла барановъ толкомъ и понятливостію, и признала за необходимое дать имъ въ наставники козловъ: безъ козловъ — бѣда баранамъ!

Бараны, напримѣръ, пасутся очень спокойно и все идетъ у нихъ таково-ладненько. Вдругъ найдетъ на нихъ этакое затмѣніе — передніе вдругъ всѣ разомъ остановятся, будто столбикъ на нихъ найдетъ: всѣ задніе, глядя на нихъ, тоже остановятся, сжавшись рядами и недвигаясь ни въ которую сторону. Хоть ты что хочешь съ ними дѣлай—безъ козловъ никакъ ихъ сейчасъ же не перегонишь на другое мѣсто: испугаются ли они чего, либо что другое — Богъ ихъ зваетъ! И воятся съ ними пастухи и загонщики долго—ну, ни съ мѣста, да и полно! такой видно найдетъ на нихъ невзгодливый часъ, или проклятое упрямство обулетъ ими. Случалось мнѣ видать, что загонщики, перегоня безъ козловъ баранье стадо, допасутъ его до такого мѣста, что приходится миновать только кое какъ слаженный мостикъ, а тамъ сейчасъ ужъ и видны богатые луга. Все идетъ ладно и хорошо. Но у самаго моста заупрямятся передніе бараны: остальные всѣ на походъ подождутся къ нимъ, стѣсняются въ кучу, начнутъ толкать и давить другияхъ и растеряются такъ, что право смѣшно бываетъ взглянуть на ихъ озабоченныя и испуганныя мордочки. И ничѣмъ этого испуга нельзя изъ нихъ вышибить, ничѣмъ стадо нельзя успокоить отъ нежданно-постигшаго ихъ страха. Одно только и есть средство: схватить одного изъ переднихъ барановъ за задъ и поволочить его по мосту, такъ чтобъ глупому животному самому довелось на не-

редникъ ногамъ его преползти — страхъ со всѣхъ какъ рукой сниметь, испугу и въ поминѣ не останется: всѣ какъ разъ перобредуть по сокрушавшему, должно быть, ихъ мосточку, и преселенскіе-такіе раскинутся по свѣженькой зелени луговъ.

Въ степи, благодаря этой всегдашней зелени, чистотѣ воздуха и открытому ровному мѣсту, гдѣ взоры свободно и легко окладываютъ пространство на цѣлыя десятки верстъ — у нашего брата горожанина чрезвычайно какъ быстро поправляется и укрѣпляется зрѣніе, помпоспорченное дома и пылью, и бѣлзною стѣнъ городскихъ строеній, и усидчивымъ трудомъ за мелкою работою, и разными-разными обстоятельствами. Въ степи чрезвычайно скоро приучаешься соображать разстоянія, внимательно всматриваться въ отдаленные предметы, и узнавать ихъ сперва по чужому указанію да по собственному своему соображенію видимыхъ принадлежностей предмета, а потомъ и по дѣйствительно-ясному очертанію ихъ наружнаго вида.

Въ нашихъ мѣстахъ, тотъ ужъ можетъ похвастаться хорошимъ зрѣніемъ, кто стоя у верстового столба, видитъ по прямо вытянутому полотноу дороги, другой верстовой столбъ и слѣдующую за нимъ вторую версту. Въ степи это ни почему: тамъ люди за пять, а говорятъ что и за семь верстъ, съумѣютъ различить предметы: все это отъ крѣпости зрѣнія, да и отъ привычки теже. Узкоглазый Киргизъ укажетъ вамъ на какую то точку, едва едва примѣтную на горизонтѣ, сощуритъ свои щелки, вопыется взглядомъ въ едва замѣтное для васъ пятнышко— «а!» говоритъ, «это хивинскій караванъ идетъ!» или «это казаки ѣдутъ», или «это такіе то подкочсывають!» У него ужъ каждое пятнышко заучено: стройные ряды казаковъ съ пикани, или долгую нить извивающагося каравана, или безъурядныя толпы степныхъ наѣздивковъ, онъ какъ разъ отгадаетъ... да, именно отгадаетъ, еще въ то время, когда и всѣ кони и всѣ водники представляются его глазу безразборчивымъ темнымъ пятномъ; а знаніе времени, когда проходятъ хивинскіе караваны, или когда, куда и откуда перекочсываютъ однородцы, сейчасъ наведетъ ихъ мысли на вѣрное опредѣленіе качества и кнѣреній завидѣнныхъ гостей.

Я тоже приметался къ этимъ хитростямъ, воспользовавшись уроками и наставленіями Киргизовъ, и умѣлъ различать вдали разные предметы. Если, бывало, увижу далеко-далеко-такое что-то такое движущееся, словно муравьиный рой, или этакое длинное узенькое пятно, и надъ нимъ рыжеватое облако пыли, я ужъ и знаю, что это стадо барановъ, а около нихъ рѣденькія, но рѣзкія черныя точки—это верховые пастухи, загоняющіе разбредшихся овецъ. Если въ замѣченномъ мною далекомъ пятнышкѣ кучки роятся, пестрѣютъ и переливаются разными цвѣтами—это быки да коровы; а если я увижу черныя крупныя полосы и облака пыли, которыя не надъ ними вьются, а клубятся впереди или позади ихъ — значитъ это табуны лошадей, которые, по величинѣ своей, крупнѣе и обрисовываются. Отъ этого стада сейчасъ можно отличить купеческій караванъ. Верблюды, по дальнимъ холмамъ и ложбинамъ, извиваются словно длинная лента, въ которой цвѣта, больше или меньше, то тутъ, то тамъ, затуманиваются неровными переливами: между верблюдами—небо выясняется, а полоса, обозначающая конскій табуны, всегда кажется плотною. Да и фигура верблюда, вьючнаго или порожняго, слишкомъ разнится отъ фигуры всякаго другаго скота: и по росту и по долгой шеѣ, его скоро признать можно. Если при верблюдахъ замѣтишь, по сторонамъ, скотскія стада—это перекочевка Киргизовъ, а не купеческій караванъ: — въ нему скоро можно приглядѣться; а ужъ толпы конныхъ Киргизовъ ровнешенько ни почему отличить отъ казачьихъ отрядовъ: казаки на походѣ идутъ стройной колонной, а Киргизы разлѣзаютъ безпорядочными артелями: какъ тутъ ихъ не отличить? Не мудрено тоже и коннаго путника отличить отъ пѣшаго: было бы только съ чѣмъ посравнить, а то небольшая мудрость догадаться, что выше и длиннѣе кажется конный воликъ, а низенькая тощенькая черточка—пѣшеходъ-горемыка: ужъ стало быть и въ самомъ дѣлѣ бѣднякъ, коли для степнаго пути, не то что коня—быка немѣетъ, и принужденъ томиться, разгуливая по жарѣ пѣшкомъ и слоняться изъ аула въ аулъ для необходимаго отдыха и пріюта у чужаго очага.

Но, слава Богу, въ степи мало бросается въ глаза такихъ бѣдняковъ, чтобы ничего таки своего не имѣли: если же не-

счастье такое случится, то у них выпутаться въ бѣды есть три средства: или таскаться по гостямъ въ чужихъ аулахъ, или навязаться на шею какому нибудь степному богачу между своей братьи, или идти въ работники къ зажиточнымъ домохозяевамъ. Этихъ зажиточныхъ людей въ степи гораздо больше. И, понятное дѣло, что такой человекъ, не имѣя промысловъ и занятій, и не имѣя тѣхъ развлеченій, которымъ предаются у насъ богатые люди, а между тѣмъ понимая, что его достатокъ доставляетъ ему все нужное для степнаго благосостоянія, и поэтому вовсе не желая неволить себя трудными и утомительными работами, богатый Киргизъ предается бездѣйствію, предоставивъ всѣ заботы о домѣ женѣ, старшему сыну или другимъ работникамъ, а самъ дѣлается лежебокой, когда-то когда, и то не всякій день, рѣшаясь осѣдлатъ коня да поѣхать взглянуть на пасущіяся стада.

У насъ напримѣръ, день-то деньской настанетъ — торговецъ въ лавкѣ торгуетъ, купецъ—дѣлами своими занимается, помѣщикъ—хозяйство свое дозираетъ, чиновникъ—на службѣ занимается, а богатому Киргизу и горя мало: ему, видите, жарко—поѣзжиться надо, нужно вотъ въ растяжку на коврѣ валяться! Вечеркомъ у насъ добрые люди, подкрѣпивъ себя послѣобѣденнымъ сномъ, или снова утреннимъ занятіямъ предаются, или развлекаютъ себя какими ни есть благородными развлеченіями: кто книжку читаетъ, исторію что ли какую, либо что другое, кто для препровожденія времени, на бесѣду идетъ къ пріятелямъ, ну, въ карточки поиграть тоже надо... ну, въ театръ сходить, мало ли что можно прибрать какъ горожанину у насъ время коротать можно. А богачи Киргизы садутъ себѣ на корточки, пріютятся поближе къ лохани съ кумысомъ, да рассказываютъ другъ дружкѣ сказки про давнія бывалыя времена, либо тѣшатъ себя музыкой, приказывая пѣвцамъ играть на балабайкѣ и распѣвать длинные богатырскіе рассказы; а коли и этого нѣтъ, такъ Киргизъ отъ скуки вѣточку ножомъ стругаетъ—только у него и дѣла! А хлопотъ мало: онъ богатъ, всего у него довольно, нужды не знаетъ и живетъ припѣваючи.

Такіе бываютъ богачи, что сами счета своимъ богатствамъ не знаютъ, не знаютъ много ли у нихъ въ табунахъ лошадей, а

ужь про прочій скоть и говорить нечего! И хотѣлъ бы—такъ растранирить таного богатства невозможно. Въ карты, конечно, Киргизы умѣють играть; но вистъ и преферансъ знакомы только, какъ бы сказать, высшему классу: чиновнымъ, статейнымъ Киргизамъ. Ну, да въ карты же играется на деньги, а на деньги Киргизъ настоящая трясучка: большой игры не заведетъ онъ. Вотъ другое дѣло, играть на барановъ—то такъ!

Большинство народа, особенно дальніе Киргизы, объ картахъ и понятія не имѣють: за то у нихъ есть другая игра—альчики, кости, зернь, а это стоитъ нашей «горки» или хотъ и «банка». Играютъ и въ шахматы: по ихъ словамъ, это Киргизская народная игра. И мастера же они на нее большіе и предаются ей съ такимъ жаромъ, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ важнымъ дѣломъ занимаются. Шахматныхъ игроковъ всегда обступаетъ цѣлая толпа постороннихъ зрителей, раздѣляющихся на партіи и держащихъ сторону то того, то другаго игрока.

Шахматные игроки поставятъ на землѣ, среди кибитки, шапечницу и засядутъ за нее, поджавъ ноги калачикомъ; а свидѣтели всѣ тутъ же разлягутся, растянувшись животомъ на кошмахъ и коврахъ полукружіемъ, стѣснившись головами около игроковъ, подперивши скулы локтями и раскинувъ ноги, какъ кому удобнѣе. У инаго внимательнаго наблюдателя игры тубетейка слѣзетъ на самый затылокъ, или свалится совсѣмъ на сторону, а онъ и не слышитъ, да не только этого, не слышитъ даже, что вновь вошедшій посѣтитель самъ на него, какъ на подушку какую навалился. Съ инаго потъ льется градомъ, а ему некогда вытащить изъ за пазухи платокъ, да обтереться имъ: такъ мысли его заняты предстоящимъ ходомъ, такъ онъ бонтся встревожить ихъ, или разогнать малѣйшимъ движеніемъ. Иногда игроку хочется и табачку понюхать; и шибко разбираетъ сго эта охота, особенно когда взоръ его, какъ ишбудъ нечаянно, упадетъ на сизій и внезапно осіившій пламенемъ носъ близъсидящаго сосѣда, только-что успѣваго совершить понюшку изъ обдѣланнаго въ серебро коровьяго рога, замѣняющаго табатерку. И протянетъ ужь онъ руку къ рогу, или къ тавлинкѣ, даже ужь ухватитъ пальцами злобноное зелье, и поднесетъ ужь къ себѣ къ носу этотъ щипокъ съ оттопырен-

намыть на сторону мизинцемъ, и вытиснетъ верхнюю губу и сощурить глаза, и круто приподниметъ брови, приготовившись плюнуть это снадобье, кажется, такъ-вогъ, сію минуту и захватить его себѣ въ носище... Но свѣжая мысль оазрила бритую голову, явилась новая идея какъ лучше переставить шапку—и вотъ рука, подносящая угощенье, все понемножку-понемножку отдѣляется отъ взора, сощуренные глаза устремляются на одну клетку шашечной доски и раскрываются все шире и шире; осіявшая соображеніемъ голова игрока медленно начинаетъ пошевливаться, будто поворачивается на негибкой шеѣ и бобковое наслажденіе, сомкнутое двумя перстами, теперь уже ослабѣвшими и безчувственными къ табачнымъ порошникамъ, сыплется и осыпаетъ дорогой халатъ богатаго Киргиза зеленоватою пылью. И табакъ, и все на свѣтѣ забыто! Одинъ игрокъ не успѣлъ еще и ходу сдѣлать, а его противникъ считаетъ уже всѣ вѣроятныя его движенія и, приложивъ палецъ ко лбу, сердито насунувъ брови, съ сапѣнемъ надувъ губы и ни на кого не глядя, а весь превратившись въ какой-то сидячій истуканъ, дѣлаетъ различныя игрецкія соображенія: какъ бы утопить пріятеля и выиграть его игру.

Киргизы очень пристрастны къ шахматной игрѣ; однакожъ едва ли не больше любятъ они слушать старинныя сказки: для сказки Киргизъ, кажется, готовъ отъ обѣда отказаться. Разаумѣется, это говорится только такъ, ради пущей важности, а то, конечно, какъ сказка ни будь хороша, а если обѣдъ готовъ, да притомъ же еще вкусенъ, да и на желудкѣ-то у меня сильно сказывается, такъ ужъ гдѣ найдется такой простофиля, что онъ, для сказки, обѣдать не станетъ?...

Когда мы переѣзжали на новую кочевку, такъ и тогда молодые люди, сопровождавшіе насъ, какъ я уже сказалъ, потѣшали насъ то играми, то пѣснями; и изъ этихъ пѣсней сказочнымъ козмондіямъ прежнихъ богатырей выслушивались воина съ особеннымъ любопытствомъ и вниманіемъ, хоть, можетъ быть, не въ первый, а вѣроятно въ сотый разъ. Въ числѣ этихъ пересказовъ о богатыряхъ, у Киргизовъ передается множество басенъ и притчей о похожденияхъ знаменитыхъ киргизскихъ женщинъ, о баснословныхъ султанскихъ женахъ и другихъ. Это просто романы, въ которыхъ только и говорится, что о

любви и о сердечных неклонностях горделивыхъ султанши къ общипаннымъ и оборваннымъ настухамъ и тубунцацямъ собственныхъ ихъ стада.

Мы между тѣмъ подвигались все дальше и дальше и, черезъ нѣсколько часовъ пути, къ вечеру, этапъ часа за три до заката, очутились на берегу какой-то рѣчки, забывъ уже теперь какъ эта рѣчка прозывается, но, вѣдь это не важное дѣло.

Многіе Киргизы, вышедшіе караваномъ гораздо раньше насъ, были уже тутъ на мѣстѣ; у многихъ верблюды развьючены и отпущены на пастбу; шатры разбиты и все приведено въ порядокъ. Иные только еще что прибыли и разставляли кибитки. Въ одномъ мѣстѣ еще только устанавливались рѣшетки, въ другомъ хозяева насаживали на нее жердянный полукруглый сводъ, а въ иномъ уже и кошмами ихъ окутывали. Всѣ были за работой.

Подъ новую стоянку мѣстечко было выбрано удачно. Ровная, какъ скатерть, луговина была покрыта такою чудесною муравою, что право, любясь ея наумрудною зеленью, не грѣхъ сравнить ее съ бархатнымъ ковромъ, на которомъ, въ видѣ узоровъ, то тамъ, то сямъ, торчали то темнозеленые пучки приземистаго кустарника, то синенькіе колокольчики, то альбе крестовники-цвѣточки, то бѣлыя маргаритки, то простые желтые полевые цвѣтки, то бѣлесоватыя косицы шелковистаго ковыля, изъ котораго свирѣпыя Бухарцы и другіе изобрѣтательные въ мѣстахъ ихъ сосѣди сдѣлали такое страшное орудіе казни, но который у русскихъ людей служить вѣрнымъ предзнаменователемъ необычайнаго урожая хлѣба, если поросшее ковылемъ поле вздрать хорошенько и засѣять зерномъ.

Рѣчка, окаймлявшая нашу новую кочевку, бѣжала надзвон и протекла на большомъ разстояніи. Русло ея, у самыхъ нашихъ копей, было отъ насъ скрыто гористаго мѣстностию этого берега. Сдѣлавъ поворотъ около стоябца, потокъ выбѣгалъ на открытое мѣсто и рѣзво струился по степи, та казалась узенькою смѣною ленточкой, та разливалась широкимъ лѣйсомъ, будто огромное зеркало. Въ него глядясь и слышныя обрывы азиатскаго берега, котораго бурныя стѣны отличались темною зеленою жемчужною стѣнкою; глядя

лась и меза, потрущивающая коротенькимъ хвостикомъ, высканивая лучший путь, гдѣ бы сѣ, безъ лишнихъ прыжковъ, подняться на этотъ пригорокъ; глядѣлась и черная безъ отбѣтавъ перова, пришедшая на водошой и взмучившая чистылъ воды потока, сабравшись, по самое брюхо; въ прохладныя его струи; глядѣлась и шаловливая Киргизская дѣвушка, приглаживалась и окорашивалась, въ ожиданіи жениха, которому ужь она успѣла назначить тутъ свиданіе...

По ту, по низменную сторону рѣчки разстиралась степь необозримая—въ одной только сторонѣ обрѣзанная грядою довольно высокыхъ холмовъ, покрытыхъ обыкновенными степными растеніями, по безлѣсныхъ; за то по сю сторону потока, и недалеко отъ насъ, по направленію къ западу, вдругъ будто выросъ передо мною цѣлый боръ, который я замѣтилъ только тогда, когда солнце, склоняясь къ закату, сокрылось за крайними деревьями его опушки, и, сквозь рѣдкія вѣтви, осыпало насъ самыми радужными снопами своего сіянія.

Аулъ уже весь собрался и образовалъ изъ себя снова людное селеніе. Устроивши свои дѣла, Киргизы, незадолго до заката, посвятили нѣсколько минутъ вечерней молитвѣ, потомъ покончили хлопоты съ домашнимъ скотомъ и поспѣшили справиться свое новоселье уничтоженіемъ безсчетнаго количества лозаней съ кумысомъ.

— Ну, Авдотья Ивановна, намъ сегодня плохой ужинъ будетъ! говорила моей хозяйкѣ султанская жена, страшнымъ образомъ ломая русскій языкъ.

— Чтоже-съ? ничего! сыты будемъ, Богъ дастъ! отвѣчала Авдотья Ивановна.

— Да вѣдь сегодня мы и барана не рѣзали, такъ захопотались; ну, и пилава не готовили: не знаю ужь чѣмъ мнѣ васъ и угощать придется!

— Ну, Авдотья Ивановна невзыщеть! замѣтилъ тутъ самъ Султанъ: — мы чай будемъ пить, кумызъ будемъ пить; ну, куртъ есть у насъ; ну, сдѣлаемъ болтушку... одинъ день ничего, зато завтра мы вотъ какъ весело день проведемъ, просто зашируемъ... А, да кстати, знаете ли что? Я не на шутку хочу задать ширъ — на этой же недѣлѣ будетъ! Завтра самъ

пойду знать гостей, въ другіе аулы разонные гонцовъ; сподобимъ всѣхъ батырой о скачкѣ — загулемъ! Я же давно не задавалъ «тула», то есть пива.

Авдотья Ивацонца пришла да и пересказала мнѣ это. Признаться сказать, нежданъ я такого умѣреннаго ужина, тѣмъ болѣе что съ ранняго утра неѣлъ, да и отъ верлодой ѣды моя порядкомъ растрясло. Спасибо Феклѣ: отрыла гдѣ то въ мѣшкахъ засохшіе остатки домашнихъ булокъ да пироговъ. Посмотримъ, каково-то будетъ киргизское пиrowанье.

Д. ЖАРКОВЪ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ЗАНИСКИ МИСТРА ЖЕЛТОЦЛЮЩА.

—

РОМАНЪ ТЕККЕРЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

I.

МИСТЕРЪ ШЕМЪ.

Я родился въ тысяча-восемь-сотъ-первомъ году; слѣдственно, мнѣ теперь тридцать-семь лѣтъ отъ роду. Маменька назвала меня Карломъ Эвардомъ Гаррингтономъ Фицроемъ.

Трудно рѣшить, почему она дала мнѣ это имя; только оно осталось при мнѣ на цѣлую жизнь.

Я мало могу сказать вамъ о моей родительницѣ: вообще дорогая старушка была ко мнѣ добра какъ нельзя больше.

Въ одно утро, моя бѣдная родительница умерла: вѣчный ей покой! и я остался одинъ-одинехонекъ на этомъ пространномъ, грѣшномъ свѣтѣ, безъ гроша, такъ-что не на что было купить копѣчной булки къ завтраку. Но нашлись добрые сосѣди; — они скалились надъ сиротой бѣдной Сарры, — и дали мнѣ кусокъ хлѣба и пріютъ. Только, не смотря на всю ихъ доброту, боюсь, моя мораль не слишкомъ бы развилась, есlibъ

я у нихъ остался подольше. Но меня увидѣлъ одинъ добродушный джентельмэнъ и опредѣлилъ въ школу. Академія, въ которую я поступилъ, называлась бесплатною школою Варфоломея-меньшаго; молодой джентельмэнъ носилъ зеленый байковый кафтанъ, желтые лосинные штаны, жестяную бляху на рукѣ и преоригинальную шапку. Я оставался въ школѣ шесть лѣтъ, то-есть, съ седьмаго по тринадцатый годъ; въ первые три года я не мало отличался по части музыки: надувалъ мѣха въ церковномъ органѣ, и разыгрывалъ славныя вещи.

Стоить ли рассказывать о моихъ дѣтскихъ шалостяхъ: какія штуки мы строили съ яблочной торговкой; какъ пачкали книги у стараго писца; и чего еще не бывало! Вотъ, разъ въ классы входитъ какой-то джентельмэнъ, и спрашиваетъ у учителя, нѣтъ ли мальчика въ ученіе: это случилось въ тотъ день, какъ я принимался за вычитаніе. Указали на меня, и слѣдующій день нашелъ меня спящимъ въ судомойнѣ, подъ лоханью съ помоями, въ загородномъ домѣ мистра Баго, въ Пентонвилѣ.

Баго держалъ лавку на Смитфильдскомъ рынкѣ, и велъ славную торговлю масломъ и ветчиной. Я слышалъ отъ него, что онъ получалъ чистыхъ пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, отдавая въ наемъ лиценую комнату на Ньюгэтъ. Но моя служба была при загородномъ его домѣ, гдѣ я впервые вступилъ въ большой свѣтъ.

Я жилъ здѣсь не долго: случилось обстоятельство, которое доставило мнѣ другое мѣсто. Одному прекрасному молодому джентельмэну, который держалъ тильбюри и наемныхъ лошадей, понадобился грумъ. Я тотчасъ же бросился просить мѣста, и какъ мальчикъ смазливый и опрятный, немедленно получилъ его. Баго далъ мнѣ аттестатъ; можете вообразить, какъ мнѣ было это лестно.

У моего новаго хозяина было въ городѣ какое-то дѣло: онъ выѣзжалъ каждое утро въ десять, выходилъ изъ тильбюри у дороги въ Сити, куда я потомъ выѣзжалъ за нимъ въ шесть часовъ; отсюда, въ лѣтнее время, онъ отправлялся въ паркъ и тамъ раскатывалъ въ шегольскомъ экипажѣ. Хозяинъ мой прѣдъель, а я, рядомъ съ нимъ, франтилъ въ плащѣ съ позументомъ, въ синемъ кафтанѣ и красномъ камзолѣ. Я ужъ началъ

нать поглядывать на дѣвушекъ въ экипажахъ, и чувствовать то влеченіе къ фэшнебельной жизни, которое въ послѣдствіи иногда меня не оставляло. Когда хозяинъ былъ въ оперѣ или театрѣ, я отправлялся въ кегельный домъ, или Бѣлые Кондиакіе сады, а молодой грумъ мистра Фредерика Алтамонга, что-нибудь да значилъ, будьте увѣрены: въ Пентонвилѣ, слугъ изъ мужчинъ очень мало, такъ-какъ народонаселеніе болѣею частью состоитъ изъ женскаго пола: вотъ почему я въ четырнадцатъ лѣтъ былъ совершенный мужчина, какъ бы сто лѣтъ прожилъ.

Но вотъ диковина: Алтамонгъ, малый разбивной, жилъ просто въ трущобѣ. Квартира его въ Ивановской улицѣ находилась въ нижнемъ этажѣ и состояла всего-на-все изъ гостиной, да спальни. Я ночевалъ черезъ улицу и приходилъ къ нему только утромъ.

Домъ, въ которомъ жилъ Алтамонгъ, принадлежалъ мистру и мистриссъ Шэмъ. Эта бѣдная наивмала домъ съ давнихъ лѣтъ, и, помѣщалась въ немъ съ семьей порядкомъ тѣсно, могу вамъ доложить.

Шэмъ говорилъ, что онъ офицеръ: такъ дѣйствительно и было. Онъ служилъ подъ-депутатомъ, ассистентомъ, вице-комиссаромъ, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, и какъ я потомъ слышалъ, принужденъ былъ оставить службу по слабонервности. Онъ былъ такой трусъ, что сочли опаснымъ держать его въ арміи, и отправили во-свои.

Онъ женился на вдовѣ Букмистръ, урожденной миссъ Сламко, изъ Бристола. Отецъ ея, торговецъ салынными овѣчами, обанкрутился и, разумѣется, оставилъ ей порядочное приданое. За нею дали тысячу фунговъ, и она поднимала носъ, будто миллионерка.

Букмистръ умеръ, не оставивъ ничего; ничего, кромѣ безобразныхъ дочерей отъ миссъ Сламко: сорочка фунтовъ годоватаго дохода было мало по ея аппетиту и прихотямъ. Въ несчастливый для Шэма часъ она встрѣтила его. Онъ былъ вдовецъ, съ маленькой трехлѣтней дочерью, маленькимъ домомъ въ Пентонвилѣ и маленькимъ доходомъ, почти равнымъ доходу мистриссъ Букмистръ. Миѣ кажется, она страхомъ встрѣтила бѣдана въ женитьбу, причѣмъ положено было отдать наживный

этажъ въ насѣ, и такимъ образомъ увеличить сколько нибудь средства семьи.

Обвинчались; вдова Букмистръ была злѣе вѣдьмы, могу васъ увѣрить. Она вѣчно толковала и шумѣла о своей роднѣ, означенности Букмистровъ, и древности Сламко. У нихъ въ домѣ было шесть комнатъ, не считая кухни и судомойни, и въ настоящее время двѣнадцать дочерей всего навсе; именно: четыре миссы Бѣкмистръ: миссъ Бетси, миссъ Доли, миссъ Бидди и миссъ Цинни; одна миссъ Шѣмъ, по имени Мэри, дочь Шѣма, и семь другихъ, которыя останутся безъименными. Мистриссъ Шѣмъ была жидкая, красноволосая женщина, по-крайней мѣрѣ на футъ выше мистра Шѣма; послѣдній былъ не больше четырехъ съ половиною футовъ, блѣднолицый, красноносый, кривоногий, плѣшивый, и, въ придачу, носъ и манишка вѣчно въ табакѣ.

Въ садикѣ передъ домомъ, всюду развѣшено было бѣлье. Семья была такъ многочисленна, что по-неволѣ стирали частями. На шестихъ торчали чулки, а на четырехъ кустахъ крыжовнику вѣчно красовались простыни или что другое. Передняя была настоящая лужа; мокрые концы столоваго бѣлья били вамъ по лицу; воняющіе мыломъ лоскутки фланели чуть не задушали васъ; и вы, глядя вверхъ, чтобъ не повѣситься на растянутыхъ крестъ-на-крестъ веревкахъ, часто натыкались колѣнами на какое-нибудь ведро, такъ что, бывало, изъ силъ выбьешся. Неряхи, большія дѣвчонки вѣчно суетились около гадкихъ цвѣточныхъ горшковъ, или возились со стиральной развалась по окнамъ въ сальныхъ папильоткахъ, читали грязные романы. Адакскіе клавикорды брякали съ утра до ночи: двѣ старшія миссы Бѣкмистръ разыгрывали «Прагскую битву»; шесть младшихъ миссъ Шѣмъ — «Какъ у меня въ хижинкѣ», такъ что я выучилъ наконецъ каждую нотку въ Прагской битвѣ и проплялъ день, когда кому — то вздумалось написать: «Какъ у меня въ хижинкѣ». Меньшія дѣвчонки также цѣлый день прыгали и шныряли по дому, въ изодранныхъ передникахъ, съ изгрызенными грамматиками и огромными кусками хлѣба, намазаннаго патокой. Не выдывала другаго такого дому! А мистриссъ Шѣмъ была такая бѣлоручка, что ничего не дѣлала, лежала въ гостиной на софѣ, читала романы, пивъ,

бранилась, кричала, да падала въ истерику. Малорослый Шёмъ, когда не училъ дѣтей, перечитывалъ старыя газеты: са недѣлю, или ходилъ за пивомъ, или чистилъ сапоги: прислуги они не держали. Словомъ, этотъ домъ былъ настоящая Пандемонія.

Что же побудило мистра Фредерика Альтамонта жить въ такомъ мѣстѣ? Причина на лицо: онъ обожалъ первую миссъ Шёмъ.

И правду сказать: вкусъ не дурной. Хотя всѣ другія дочери пошли по матери и были безобразны до крайности, Мэри Шёмъ была премиленькая, розовенькая, скромная дѣвочка, съ черными, лоснящимися волосами, вѣжно-голубыми глазками и бѣлою какъ алебастръ шеєю. Ходила она въ ужасно старомъ черномъ платьѣ, которое давно стало ей коротко и узко; это платьице еще лучше выказывало ея миленькія ножки и чудный станъ. Хотя Альтамонтъ и низковато выбралъ дѣву сердца, за то не ошибся въ выборѣ. Едва ли можно было найти дѣвущку красивѣе и милѣе. Я всегда давалъ ей поджаренный ломтикъ хлѣба съ масломъ, который оставался отъ нашего завтрака, предлагалъ чашку чаю или шоколату, какъ бывало вздумается Альтамонту; и бѣдняжка была рада-радехонька, смѣю поручиться; вѣдь у нихъ на верху столъ былъ не слишкомъ сытный, а у нея еще меньше.

Казалось, что въ семьѣ Шёмъ, одинъ передъ другимъ на перебой старался обижать бѣдняжку. Четыре Бѣкмистръ вѣчно ванадали на нее: Мэри, подай ящикъ съ угольемъ; Мэри, сбѣгай въ трактиръ за пивомъ; Мэри, я надѣну въ театръ твои чистые чулки, или твою новую шляпку. Только бѣдный отецъ былъ къ ней ласковъ; но въ ласкахъ-то старой куклы что было проку? Мэри терпѣливо переносила всѣ обиды.

Никогда не забуду я одной сцены. Альтамонтъ былъ въ горѣ, поэтому дѣла у меня не было; я стоялъ на лѣстницѣ и подслушивалъ. На старыхъ клавинодахъ разыгрывалась старинная арія: Прагская битва. Старый Шёмъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе. Всѣ дѣвочки расхохотались; мистриссъ Шёмъ за ними; всѣ, кромѣ Мэри, которая разгорѣлась какъ огонь, и подбѣжавъ къ миссъ Бетси Бѣкмистръ, задала сестрѣ таить двѣ затрещины, что у ней зазвенѣло въ ухахъ, краснѣть и большихъ.

Старая мистриссъ Шэмъ аввопила и бросилась на Мэри какъ тиграца. Ея длинныя руки заходили словно крылья у афганской мельницы, когда она начала даестать и тузить бѣдную дѣвушку за то, что та вступилась за отца. Мэри Шэмъ, всегда сдержанная, теперь не проронила ни одной слезинки. Опять тоже сдѣлаю, говорила она, если Бэтси станетъ обижать моего отца. Новые тумакки, новыя вскрикиванья! и старая вѣдьма продолжала бить бѣдную Мэри, пека не утомилась сама и не упала на софу, задыхаясь.

— Не стыдно-ли тебѣ, Мэри, вскорѣ началъ старый Шэмъ; не стыдно-ли, негодная дѣвушка, досаждать дорогой мамашѣ и бить милую сестрицу, сказалъ Шэмъ, принявъ важный-преважный видъ, мое дѣло проучить ее, а не твое, дерзкая дѣвушка.

Между тѣмъ, мистриссъ Шэмъ оправилась отъ послѣдствій издѣлной дѣятельности, и дала волю языку. Прежде всего, досталось отъ нея Мэри, а потомъ Шэму. Ахъ, зачѣмъ, вопила она; зачѣмъ оставила я благородное семейство, гдѣ жила въ довольствѣ и роскоши, чтобъ вытти замужъ за такое творенье? Онъ не стѣбитъ называться моимъ мужемъ; ему ли было жениться на дворянкѣ? А эта дѣвчонка! Я отрекаюсь отъ нея! Благодарю Бога, что она не Сламко; она достойна быть только Шэмъ.

— Это правда, мамаша, сказали въ одинъ голосъ всѣ дѣвчонки: мать научила ихъ этой благопристойности и онѣ душевно презирали вотчина; я всегда замѣчалъ, что въ тѣхъ семействахъ, гдѣ жена вѣчно толкуеть о знатности своего рода, мужъ непременно колпакъ.

Вотъ когда мистриссъ Шэмъ снова устала, она по-прежнему упала на софу, начала плакать, истерически кричать, и до тѣхъ поръ не увилась, пока Шэмъ не принесъ ей полпинты стариннаго лекарства, изъ погребка по ту сторону улицы, подъ вывѣской голубаго льва. Докончивъ джинъ, она нѣсколько успокоилась; только Мэри приказано было убраться изъ комнаты и не показываться на глаза во весь день.

У меня сердце залилось кровью, когда я увидѣлъ, какъ бѣдная дѣвушка, сходя съ лѣстницы плакала и рыдала. Миссъ Мэри, сказалъ я; осмѣлюсь вамъ доложить: въ комнатѣ мистра

Альтамонта нѣтъ никого, и я знаю, гдѣ стоитъ холодное и консервъ. Ахъ, Чарльзъ! отвѣчала она, прискорбно покачавъ головой; я такъ огорчена, что мнѣ и ѣсть не хочется. Тутъ она бросилась на стулъ и учала плакать въ три ручья.

Вдругъ въ комнату входитъ мистръ Альтамонтъ. Я взялъ руку миссъ Мэри и кажется поцаловалъ, когда появился онъ.— Это что, вскричалъ онъ, взглянувъ на меня сердито, какъ мистръ Филиппъ въ роли Гиккита, въ новой трагедіи Макъ-Буффа.

— Это миссъ Мэри, отвѣчалъ я.

— Убрайся, сказалъ онъ; при этомъ я почувствовалъ прикосновеніе чего-то въ родѣ каблука, и черезъ минуту, барахтался уже среди мокрой фланели, ведеръ и другаго скарбу.

На мою брань и крики сбѣжалось все хоайское семейство, желая узнать, что такое сдѣлалось. Это только Чарльзъ, мамаша, провизжала миссъ Бетси.

— Гдѣ Мэри? спросила съ софы мистриссъ Шэмъ.

— Въ комнатѣ у насъ, сказалъ я.

— Она въ комнатѣ у жильца, мамаша, вскричала миссъ Шэмъ, вторя моимъ словамъ.

— Прекрасно; пускай же она тамъ и остается, пока онъ воротится. И тутъ, миссъ Шэмъ, въ припрыжки, побѣжала наверхъ, не зная о возвращеніи Альтамонта.

Я давно замѣчалъ, что Альтамонтъ не равнодушенъ къ Мэри Шэмъ; и, дѣйствительно, только для нея занималъ онъ квартиру въ Пентонвилѣ. Если не приписать въ расчетъ любовь, которая выше всякаго интереса, то четырнадцать шиллинговъ въ недѣлю черезъ чуръ много за такія двѣ мышьи норки, какія онъ занималъ. Мнѣ кажется, семья только и существовала, что жильцемъ: пила она чай, поживлялась его рѣстѣиномъ,—онъ обѣдалъ всегда дома,—и счетъ его булочника являлъ бы на шестерыхъ. Но это было не мое дѣло. Онъ бывало смѣется, когда ему принесутъ утромъ холодную говядину, чтобъ показать, какъ мало осталось отъ вчерашняго огромнаго куска; но никогда не промолвить слова: вѣдь истинная любовь не заботится о фунтѣ говядины или другаго прочаго съѣстнаго.

Сначала, онъ былъ внимателенъ ко всѣмъ дѣвушкамъ; миссъ

Бетси особенно полюбила его; бывало, сидят дѣлкій вечеръ и играютъ въ крѣббэдждж; Альтамонтъ курить трубку и потягиваетъ изъ стакана, а она кушаетъ чай, съ пирожками; но неприлично же было ей приходиться одной, такъ она приводила одну изъ сестеръ, чаще всего Мэри: Альтамонтъ всегда просилъ ее, и разъ, когда вмѣсто Мэри пришла другая, онъ преспокойно сказалъ, что не приглашалъ ея. Миссъ Бѣкмистръ такъ любила пирожки, что не посмѣла шутить съ нимъ; притомъ же, она ревновала тремъ взрослымъ сестрамъ, а Мэри считала ребенкомъ. Господи Боже! какіе строила она ему глазки; какъ читала стишки, и разыгрывала на старой гитарѣ: «Встрѣть меня при лунномъ свѣтѣ». Она просто вѣшалась къ нему на шею; только онъ не слишкомъ думалъ объ ней: у него была зазнобушка получше.

Разъ вечеромъ, онъ принесъ два билета и вызвался свести въ театръ двухъ барышень, разумѣется, миссъ Бетси и миссъ Мэри. Я помню: онъ отозвалъ меня въ этотъ вечеръ въ сторону, и принявъ важный и таинственный видъ, сказалъ: Чарльзъ, смекаешь въ чемъ дѣло?

— Какъ же, возразилъ я; меня добрые люди считаютъ смышленнымъ малымъ.

— Хорошо же, сказалъ онъ; я дамъ тебѣ полсуверена, если устроишь это дѣльце; я нарочно выбралъ дождливый вечеръ. Когда спектакль кончится, жди насъ съ двумя зонтиками; одинъ отдашь мнѣ, а другой держи надъ миссъ Шѣмъ, да — знаешь — поверни на-право, когда выйдешь изъ театра, и вели кучеру стать немного поодаль, на другой сторонѣ улицы, чтобъ быть подалеже отъ толпы.

Мы отправились, въ каретѣ, нанятой мистромъ Альтамонтъ, и во вѣкъ не забуду чудной игры Картлича въ этотъ вечеръ. Толкуйте о Кэмблѣ, толкуйте о Макреди! Картличъ нѣтъ не уступитъ. Но дѣло не въ томъ. Когда представленіе кончилось, я подошелъ съ зонтиками къ дверямъ. Дождь лилъ какъ изъ ведра.

Вотъ выходитъ мистръ Альтамонтъ, вѣда миссъ Мэри подъ ручку; миссъ Бетси идетъ позади, сердитая — пресердитая. Сюда, сударь, кричу я, толкаюсь впередъ; въ ту же минуту, я накинулъ на миссъ Бетси огромный капюшонъ, такъ-что

она чуть не задохлась подъ нимъ. Пока она выпутывалась изъ-подъ капюшона, мистръ Алътамонть и миссъ Мэри успѣли шыгнуть и пропали изъ виду.

— Они пошли къ каретѣ, миссъ, карета стоитъ по ту сторону улицы, подалеже отъ толпы экипажей, и мы повернули на-право: промаху не дали.

Пройдя нѣсколько шаговъ по слякоти, я закричалъ самымъ невиннымъ тономъ: Не видалъ ли кто кареты?

— Кареты! реветъ одинъ. Не телегу ли ищешь? говорить другой. Вонъ ѣдетъ торговецъ съ ваксой, хихикаетъ третій. Тутъ поднялась перекличка такими комплиментами, какихъ мнѣ съ роду не доводилось слышать.

— Ну, миссъ, сказалъ я, что дѣлать? Мистеръ ни за что мнѣ не проститъ, а у меня нѣтъ и полушиллинга, чтобъ нанять извозчика. Миссъ Бетси стала поддывать извозчика ровно въ ту минуту какъ я это говорилъ, но извозчикъ не соглашался везти за эту цѣну, а я зналъ, что ей не заплатитъ за экипажъ четырехъ или пяти шиллинговъ. Такимъ образомъ, подъ проливнымъ дождемъ, въ глухую полночь, пришлось намъ шагать четыре мили, отъ Уэстминстерскаго мосту до Пентонвилля, и, что еще хуже, я не зналъ дороги. Славную сдѣлали мы прогулку, а промаху не дали.

Около половины третьяго, мы дошли живы и здоровы до нашей улицы. Мистеръ Алътамонть стоялъ у садовой калитки. Миссъ Мэри бросилась въ объятія миссъ Бетси, а онъ принялся бранить меня, за то, что я не послушался его и поворотилъ на право, вмѣсто того, чтобъ взять на лѣво! Господи Боже, какъ онъ расходился: притворный гнѣвъ его былъ такъ натураленъ и такъ страшенъ, какъ у Карлача на театрѣ.

Они ждали насъ въ каретѣ, говорилъ онъ, цѣлыхъ полчаса, въ переулкѣ, въ лѣво отъ театра; ѣздили взадъ и впередъ въ страшномъ перепугѣ, и наконецъ рѣшились отправиться домой, полагая, что напрасно ждать долѣе. Мокрой миссъ подала горячаго пуншу, жареныхъ устриць, къ ужину, и это нѣсколько утѣшило ее.

Надѣюсь, никто не заведетъ на миссъ Мэри обвиненія въ участіи въ этомъ приключеніи: она была дѣвушка благонаправлѣнная, и навѣрно до сихъ поръ не знаетъ о нашей маленькой

хитрости. Мистеръ Альтомонтъ никогда не могъ видѣться съ миссъ Мэри наединѣ; ему вѣчно мѣшали одиннадцать ея сестрицъ, и матушка, и вотъ онъ воспользовался удобнымъ случаемъ выразить ей свою привязанность.

Если онъ былъ влюбленъ въ нее прежде, то можете быть увѣрены, она отплатила ему взаимностью теперь. Съ театра, они стали нѣжны, какъ голубки; этимъ-то вполне объясняется нещиротный со мною случай, когда меня выпроводили изъ коннаты, и я не питаю злобы.

Не знаю, продолжала ли миссъ Бетси думать, что Альтомонтъ влюбленъ въ нее; только ей по прежнему нравились пирожки и чай, и по прежнему она приходила въ гостиную къ намъ.

II.

Но ктожъ или что такое былъ этотъ джентельманъ, съ прекраснымъ именемъ — мистръ Фредерикъ Альтамонтъ. Во весь вѣкъ не видывалъ я джентельмана болѣе таинственнаго. Въ одинъ предложивый день, я сказалъ ему: мистеръ, не прѣхать ли мнѣ съ джигомъ къ вашей должности? Онъ посмотрѣлъ на меня косо и сказалъ: знай свое дѣло и исполняй что приказываютъ. Въ другой разъ, въ тотъ именно день, когда миссъ Мэри дала оплеуху миссъ Бетси, — миссъ Мэри, которая, какъ я уже сказалъ, обожала его, стала приставать къ нему съ вопросами: кто онъ такой, кто его родные, гдѣ онъ воспитывался. Милый Фредерикъ, говорила она, къ чему эта таинственность, окружающая васъ и ваши дѣла? зачѣмъ скрываете отъ вашей Мэри — до такой степени простиралась ихъ нѣжность, могу васъ заирить — свое происхожденіе и званіе?

Думаю, что мистръ Фредерикъ почернѣлъ отъ досады. Я его не видалъ, а только подслышалъ, какъ онъ сказалъ взволнованнымъ голосомъ: Мэри, если любишь меня, то не спрашивай у меня объ этомъ въ другой разъ; тебѣ довольно знать, что я честный человекъ; тайна же, которую лучше не знать тебѣ, должна покрывать всѣ мои дѣйствія, то есть, съ десяти часовъ до шести:

Такъ грустно и таинственно продолжали они разговаривать и шептаться, а я не пропускалъ ни одного слова, ими сказанна-

го, потому что въ Пентонвилѣ внутреннія стѣны домовъ, сдѣланы изъ одной папки, и вы внѣ комнаты можете слышать лучше чѣмъ въ самой комнатѣ. Но хотя онъ сохранилъ тайну, однакоже въ этотъ день на-чистую поклялся миссъ въ любви. Ничто не помѣшаетъ ему, говорилъ онъ, обвиняться съ возлюбленной ксѣвстой. За тѣмъ послѣдовало краткое молчаніе.

— Милый Фредерикъ, проштала миссъ, будто задыхалась, а твоа, твоа на вѣки. Въ эту минуту я заблагоразсудилъ пошевелить ручку двернаго замка: бѣда, подумалъ я, по лѣстницѣ идетъ внизъ старая мистрисъ Шѣмъ.

Вѣрно одна изъ меньшихъ дѣвочекъ, выглянувъ въ спальни изъ окна, увидѣла, что Альтамонтъ возвратился, и черезъ полчаса сойдя къ чаю, рассказала объ этомъ. Старая мистрисъ Шѣмъ, драконъ добродѣтели, встревожилась, и побѣжала внизъ, запыхавъ и злаясь

— Гдѣ жилецъ? спросила она меня.

Я громко отвѣчалъ, такъ что можно было слышать черезъ улицу: Если вы разумѣете, сударыня, мистра Фредерика Альтамонта, то онъ только-что воротился домой, и теперь надѣваетъ чистые сапоги въ спальнѣ.

Она мнѣ ни слова въ отвѣтъ; шмыгъ мимо меня, и отворивъ дверь въ гостиную, видитъ: Альтамонтъ пригорюнился, а миссъ Маріи опустила головку, словно блѣдная лилія.

— Развѣ вы за тѣмъ поселились въ нашемъ семействѣ, говоритъ она, чтобъ соблазнять моихъ дочерей, и развращать невинность этой безчестной дѣвочки? Что вы такое у насъ, сударь: соблазнитель или только жилецъ? Говорите, сударь; да говорите же! и она сложивъ въ неистовствѣ руки на груди, смотрѣла на барина, словно мистрисъ Сиддонсъ въ трагической Музѣ.

— Я пришелъ сюда, мистрисъ Шѣмъ, отвѣчалъ Альтамонтъ, потому что люблю вашу дочь; иначе, ни за что на свѣтѣ не согласенъ бы жить въ такой нищешской норѣ. Я поступалъ съ нею во всѣхъ отношеніяхъ какъ прилично благородному человеку. Если она желаетъ вытти за меня за мужъ, я готовъ: если она согласна оставить васъ, то найдетъ домъ, гдѣ ей не будутъ морить ни тычками, ни голодомъ; она встрѣтитъ тамъ

не сестеръ-вхидвѣ, не злую начиху, а любящаго мужа, и всѣ чистыя радости гмненя.

Мэри бросилась къ нему въ объятія. Милый, любезный Фредерикъ, говоритъ она; я никогда васъ не оставлю.

Миссъ, говоритъ мистрисъ Шэмъ, благодаря Богу, вы не Сламко ни даже Бѣкмистръ. Можете выйти замужъ за этого господина, если отецъ согласенъ: этотъ господинъ воленъ оскорблять меня, презирать, топтать въ грязь мои чувства и нѣя въ моемъ собственномъ домѣ: у меня нѣтъ защитника!

Я зналъ, къ чему все это поведеть: явилась истерика, и мистрисъ Шэмъ учала кричать и ревѣть, словно сумасшедшая. Тутъ сбѣгаются одиннадцать дѣвчонокъ, какъ само собой разумѣется, и самъ старый Шэмъ. И пошла суматоха! Смотрите, сударь, говоритъ хозяйка, полюбуйте поведеніемъ вашей возлюбленной дочери: одна съ мужчиной.

— Какъ, онъ! кричитъ миссъ Бетси; онъ любитъ Мэри! Ахъ, онъ бездѣльникъ, чудовище! и миссъ Бетси также падаетъ въ обморокъ, и кричитъ не хуже маменьки: глупая дѣвчонка! она все воображала, что Алтамонтъ влюбленъ въ нее.

— Заставьте ихъ молчать! кричитъ Алтамонтъ, громовымъ голосомъ. Я люблю вашу дочь, мистеръ Шэмъ. Я возьму ее безъ гроша, и въ состояніи содержать ее. Если вы ее не отдадите, такъ она сама уйдетъ. Довольно ли вамъ этого? могу я получить ее руку?

— Мы объ этомъ поговоримъ, отвѣчаетъ мистръ Шэмъ, принявъ важный, преважный видъ, будто альдерманъ. Вы убирайтесь на верхъ, съ маменькой. Всѣ убралась, и тѣмъ кончалась суматоха.

Можете быть увѣрены, что старый Шэмъ не слишкомъ огорчился, добывъ жениха своей дочери Мэри: старикъ любилъ ее такъ, какъ ни одну изъ тѣхъ, которыхъ получилъ съ отъ мистрисъ Бѣкмистръ. Но, странно сказать, когда онъ завелъ рѣчь объ условіяхъ и другомъ прочемъ, Алтамонтъ не далъ никакого отвѣту; говорилъ, что можетъ имѣть до четырехъ сотъ фунтовъ естерлинговъ въ годъ — какъ, не облыонилъ—но что Мэри, если она выйдетъ за него за мужъ, должна дѣлать съ нимъ все, что онъ имѣеть, не дѣлая пустыхъ

распросовъ; при чемъ повторилъ тоже, что говорилъ и прежде, что онъ честный человѣкъ.

Черезъ нѣсколько дней они обвинялись, и наняли премиленскій домикъ въ Ислингтонѣ; Альтамонтъ по прежнему ходилъ въ должность, и никто не зналъ куда. Кто бы такое онъ былъ?

III.

Если когда-нибудь молодая чета изъ среднего класса начинала жизнь съ надеждой на счастье, такъ это мистръ и мистрисъ Альтамонтъ. Нельзя представить себѣ ничего комфортабельнѣе домика ихъ въ Ислингтонѣ. Съ верху до впау ковры; плата дешевая; мебель модная, и трое слугъ. Жизнь моя, правда, стала не та, что въ холостое время мистра Альтамонта; но что за бѣда? У меня правило: много дѣла, больше жалованья. Альтамонтъ пересталъ держать джигъ, и сталъ ѣздить въ городъ въ омнибусъ.

Можно бы вѣдь подумать, что мистрисъ Альтамонтъ, съ такимъ любящимъ ее мужемъ, будетъ счастлива какъ нельзя болѣе. Ни чуть не бывало. Въ первые полгода все шло какъ нельзя лучше; но тутъ она начала грустить да грустить, хоть мужъ только и думалъ, что объ ея удовольствіи.

Старый Шэмъ приходилъ въ Ислингтонъ регулярно по четыре раза на недѣлѣ; завтракалъ у насъ, обѣдалъ, пилъ чай и ужиналъ. Бѣдняга крѣпко любилъ водочку; не былъ прочь и отъ вина, и мнѣ частехонько приходилось отводить его по вечерамъ домой хмѣльнаго. Могу васъ завѣрить, миссъ Бетес теперь не забывала сестрицы. сидѣла у насъ и утромъ, и въ полдень и вечеромъ: хозяину дома не слишкомъ это нравилось; но по добротѣ души, не хотѣлъ досаждать женѣ пустяками.

Бетес помнила старое, и ненавидѣла Альтамонта; вбивала въ голову мистрисъ Альтамонтъ всякій вздоръ, и бѣдная мистрисъ, такая, бывало, веселая и здоровенькая, стала скучна, блѣдна, захирѣла, будто на свѣтѣ не было женщины: несчастье ея.

Спусти, годъ, къ намъ пожаловалъ ребенокъ, а съ нимъ и мистрисъ Шэмъ, которая прильнула къ мистрисъ Альтамонтъ словно вампиръ, и одѣлала то, что та стала се-

крушаться еще больше: заливалась слезами, когда мужъ приходилъ домой, вздыхала и плакала надъ бѣднымъ ребенкомъ, приговаривая: малютка, малютка, твой отецъ навѣнчалъ мнѣ, или: твой отецъ обманываетъ меня; или: что стается съ тобой, когда твоей бѣдной матери не будетъ на свѣтъ? или что другое, въ такомъ же родѣ.

А все это происходило отъ старой вѣдьмы, матушки Шѣмъ, какъ я скоро узналъ. Я рѣшился слушать: въ этотъ разъ, мистрисъ Алтамонтъ плакала по всегдашнему, а толстая мистрисъ Шѣмъ сидѣла и утѣшала ее, какъ она говорила, хоть отъ этихъ утѣшеній ей становилось все хуже да хуже.

Вотъ я и подслушиваю: мистрисъ Шѣмъ качаетъ малютку, а хозяйка плачетъ по всегдашнему.

— Бѣдный младенецъ, говоритъ мистрисъ Шѣмъ, тжело вздыхая: отецъ у тебя Богъ вѣсть кто, а мать несчастная.

— Не говорите дурнаго о Фредерикѣ, матушка, возразила мистрисъ Алтамонтъ, онъ такъ добръ ко мнѣ.

— Добръ, нечего сказать! Держать для тебя прекрасную квартиру, наряжаетъ тебя, занимаетъ экипажъ, только пожелаешь; но откуда у него берутся деньги? Кто онъ, что онъ такой? Какъ знать: можетъ статься онъ разбойникъ, воръ, мошенникъ фальшивыхъ ассигнацій. Честно ли онъ достаетъ деньги, когда не хочетъ сказать, гдѣ и какъ? Зачѣмъ каждый божій день уходитъ отъ тебя на восемь часовъ, и не хочетъ сказать куда? Ахъ, Мэри, Мэри, ты самая несчастная изъ женщинъ!

Тутъ мистрисъ Шѣмъ принялась рыдать, а миссъ Бетсъ завала какъ кошка, когда ей на хвостъ наступать; бѣдная мистрисъ Алтамонтъ тоже расплакалась: вѣдь слезы не мѣло какъ заразительны.

— Можетъ быть, матушка, прошептала она: Фредерикъ сидѣлецъ, и не хочетъ, чтобы я узнала, что онъ не джентельменъ.

— Сидѣлецъ! говоритъ Бетсъ; онъ сидѣлецъ! О, шѣмъ, шѣмъ, шѣмъ! омерзѣ какой-нибудь мошенникъ, который каждый день убиваетъ да грабитъ, и содержитъ тебя плодами своихъ божественныхъ проделковъ.

Тутъ слытъ и крики разразились фунда пренного; дѣхору: пристала къ ребенку: могу сказать, подпрыгнулъ на дурно.

— Онъ не можетъ быть разбойникомъ, говоритъ еявошь слезы мистрисъ Алтамонть; онъ слишкомъ добръ, слишкомъ неженъ сердцемъ; притомъ же, разбойничаютъ ночью, а Фредерикъ съ восьми всегда дома.

— Такъ онъ дѣлаетъ фальшивыя ассигнаціи, возражаетъ Бетси. Зачѣмъ ему выходить со двора каждый день? ужъ навѣрно, чтобъ дѣлать ассигнаціи. Зачѣмъ ходить въ Сити? чтобъ быть ближе къ банкамъ, да торговымъ мѣстамъ, и удобнѣе сбывать бумажки.

— Но онъ каждый день приноситъ домой около тридцати шиллинговъ, иногда и пятьдесятъ; тогда онъ улыбается и говоритъ: удачный былъ день, слава Богу. Нѣтъ, это не походить на поддѣльвателя ассигнацій, сказала бѣдная мистрисъ Алтамонть.

— Понимаю, понимаю! вскрикнула мистрисъ Шѣмъ. Бездѣльникъ, скрытный, лукавый Иуда! у него гдѣ-нибудь есть другая жена: вотъ почему онъ оставляетъ тебя, низкій двуженникъ.

Мистрисъ Алтамонть какъ громомъ сразило, и она упала въ обморокъ. Вотъ ужъ истерика такъ истерика! Тоже, какъ водится, сдѣлалось и съ мистрисъ Шѣмъ: зазвенѣли колокольчики, ребенокъ разревѣлся, слуги забѣгали то внизъ то вверхъ по лѣстницѣ съ горячей водой. Если есть на свѣтѣ бѣдовое мѣсто такъ это домъ, гдѣ происходятъ вѣчные обмороки. Не согласился бы я жить въ такомъ домѣ ни за какое жалованье.

Было восемь часовъ вечера, когда случилась эта суматоха, и суматоха такая, что никто кромѣ меня не слышалъ звонка хозяйки. Онъ вошелъ, и услышавъ вопли, крики и стоны, сначала страшно испугался и спросилъ: это что?

— Мистрисъ Шѣмъ здѣсь, сказалъ я; а супруга ваша въ истерикѣ.

Алтамонть забѣленился, и прошепелъ страшное проклятіе; потомъ бросился на лѣстницу, словно сумасшедшій.

Онъ отворилъ дверь въ спальню; жена лежала блѣдная и недвижимая на софѣ; въ люлькѣ кричалъ ребенокъ; миссъ Берси повалилась на сестру, а мистрисъ Шѣмъ вполонину на кровать, вполонину на полъ; всѣ были и впадали наъ, всѣхъ слы-

Когда вопель Альтамонтъ, мать и дочь въ одну минуту замолкли: онъ боялся ея какъ лѣшаго.

— Что тутъ за адскій вопль и ревъ? говоритъ онъ.

— Ахъ, мистръ Альтамонтъ, вопить старуха: сами знаете; но васъ сокрушается эта бѣдняжка.

— По какому же случаю, позвольте спросить?

— Какъ, сударь, вы смѣете еще спрашивать? По такому случаю, что вы обманываете ее сударь; по такому случаю, что вы фальшивый, трусливый измѣнникъ, сударь; по такому случаю, что у васъ другая жена на сторонѣ, сударь! И старуха, съ миссъ Бетси разревѣлись пуще прежняго.

Альтамонтъ, помолчавъ съ минуту, растворилъ двери настежь, схватилъ миссъ Бетси, словно клещами, и вытолкалъ вонъ изъ комнаты; потомъ подходитъ къ мистрисъ Шемъ, и громовымъ голосомъ говоритъ: вставайте сварливая, старая дгунья, вставайте и убирайтесь вонъ изъ моего дому. Съ-тѣх-поръ, какъ вы переступили черезъ этотъ порогъ, я простился съ счастиемъ. Проклятыми выдумками, романами и истерикой вы испортили Мэри и сдѣлали ее почти такою же сумасбродною, какъ сами. — Дитя мое, дитя мое! вопить мистрисъ Шемъ, ухватившись за хозяйку, но Альтамонтъ подбѣгаетъ, и ваявъ старуху за плечо, выводитъ за двери. — Ступайте за дочерью, сударыня, сказалъ онъ и старуха пошла вонъ. Чарльзъ, выпроводи дамъ за ворота, кричитъ онъ мнѣ, въ другой разъ не пускать ихъ. Мы спустились по лѣстницѣ вѣстѣ, и гости убрались; а мистръ Альтамонтъ заперъ за собой дверь спальни, чтобъ побесѣдовать, какъ слѣдуетъ, съ женою. Я не замешкалъ забѣжать на лѣстницу, чтобъ услышать, чѣмъ кончится бесѣда.

Пренія, надо сказать, были бурныя.—Мэри, говоритъ мужъ; ты ужъ не та веселая, благодарная дѣвушка, которую я зналъ и любилъ въ Пентонвилѣ; тебя что-то въ тайнѣ гнететъ; ты ужъ не встрѣчаешь меня съ отрадною улыбкой, какъ бывало прежде. Мачиха и сводная сестра испортили тебя, Мэри; вотъ за что я выгналъ ихъ изъ дому и не пушу сюда во вѣкъ.

— Ахъ, Фредерикъ, вѣдь ты самъ виноватъ, не я. Зачѣмъ ты танься отъ меня? Гдѣ ты проводишь цѣлые дни? Зачѣмъ

ты, даже въ день свадьбы, оставлялъ меня на восемь часовъ, и продолжаешь повторять тоже нѣо дни въ день?

— Потому, говоритъ онъ, что я этимъ живу. Я оставляю тебя и не скажу, какъ добываю деньги: тебѣ будетъ не легче, если узнаешь.

Такъ продолжался разговоръ: жена все больше и больше плакала и допрашивала, а мужъ все больше и больше злился и молчалъ. Въ первый разъ со свадьбы, дѣло кончилось настоящею ссорой. Куда дѣвались вѣрность и ласки, какъ было прежде!

Мужъ вышелъ вонъ, бѣшено хлопнувъ дверь. Если мнѣ не дадутъ покою дома, говоритъ онъ, такъ я пошщу веселья въ гостяхъ, и, вотъ онъ отправился въ таверну и воротился вечеромъ домой пьяный. Когда въ семействѣ заводятся разлады, мужъ иногда принимается пить, и тогда прощай семейное благополучіе! Давно ли они въ другъ другъ души не слышали, а теперь думтся, молчатъ и не хотятъ смотрѣть одинъ на другаго. Онъ сталъ уходить раньше и возвращаться позже; она стала плакать и поглядѣла пуще прежняго.

Вотъ такъ шли дѣла: онъ все дулся; ее терзали ревность и любопытство, пока наконецъ странный случай не вывелъ наружу всѣ поступки мистра Альтамонта.

То было десятого января; я хорошо помню день, потому что старый Шемъ далъ мнѣ пол-кроны, — въ первый и послѣдній разъ, сказать мимоходомъ, — онъ обѣдалъ съ ховлиномъ, и оба потягивали порядкомъ.

Мистръ Альтамонтъ, наливая себѣ пятый и Шему, какіеся двѣнадцатый стаканъ пуншу, сказалъ: я видѣлъ васъ сегодня въ Сити два раза, мистръ Шемъ.

— Вотъ что любопытно! сказалъ Шемъ. Правда, я былъ въ Сити. Сегодня выдавался дивиденды, и мы съ мистромъ Шемъ поѣхали за полугодовымъ доходомъ; но мы только что вышли изъ кареты, перешли черезъ улицу къ банку, получили ли деньги, и опять сѣли въ карету. Какъ же вы могли меня видѣть два раза.

Альтамонтъ замкнулся, занялся и не зналъ, что говорить.

— О, сказалъ онъ наконецъ; я проходилъ — проходилъ мимо банка, когда вы входили и выходили. И ту же минуту по-
т. СХУ. — Отд. II. 2

вернул разговоръ въ другую сторону, и началъ толковать о политикѣ, погодѣ, и другомъ прочемъ.

— Такъ, мой милый, сказала мистрисъ; но какъ же могъ ты видѣть папашу два раза? мужъ не отвѣчалъ, и никуда заговорилъ о политикѣ. Жена не думала отстать. — Гдѣ же ты былъ, мой милый, когда видѣлъ папашу? Что ты дѣлалъ, когда могъ видѣть папашу два раза? и такъ dalje. Мужъ сердчалъ все больше и больше, а жена становилась неотвязчивѣе.

Шемъ сидѣлъ, какъ сказано, за двѣнадцатымъ стаканомъ, и я вѣрно зналъ, что ему остается пить немного: за тринадцатымъ онъ обыкновенно хмѣлѣлъ. Явился тринадцатый, со всѣми его послѣдствіями. Я принужденъ былъ вести его домой, гдѣ и передалъ его на руки взбѣшенной мистрисъ Шемъ.

— Какъ, ворчалъ онъ всю дорогу, какъ онъ, могъ видѣть меня два раза?

IV.

Проговорился на бѣду свою мистръ Алътамонтъ! Только что успѣлъ онъ утромъ выйти со двора, какъ мистрисъ также собралась и бѣжала, не останавливаясь, пока не дошла до дому своего папеньки, въ Пентонвилъ. Цѣлый часъ проходила она съ заверти съ маменькой, и отъ нея полетѣла прямокъ къ Сити; обходила банкъ и спереди и сзади, и веротнулась домой, обезкураженная, не разузнавъ ничего.

Странное дѣло: въ слѣдующіе десять дней безъ перерыву продолжались побѣгушки изъ дому Шема въ Сити. Мистрисъ Шемъ, которую расслабленная воляною болѣзью ноги прежде не доносили и на половинное расстояние, теперь была вѣще ва ки-вишь, какъ говорятъ Французы. Если она оставалась дома, такъ мистръ Бетси бѣжала, или сама мистрисъ Алътамонтъ везалась, будто изъ танецъ къ банку навидимая ома, и ома опирались туда регулярно, словно омабуеъ.

Наконецъ, однажды, старая мистрисъ Шемъ входить въ намъ съ торжествующимъ видомъ: мы не принимали ее, когда хозяйнъ былъ дома, въ его отсутствіе она приходила по прежнему.

— Марш, говорятъ она, гдѣ деньги, которыя принесъ: тебѣ

куда вчера? Она обыкновенно отдавала деньги жёнъ, когда возвращался домой.

— Деньги, мамаша! возринула Мари. Вотъ она! И доставъ кошель, она показала свертокъ, кучу серебра и мадегскую монету, страннаго виду.

— Такъ и есть, такъ и есть! вскрикнула мистрисъ Шэмъ. Видъ это полушиллингъ королевы Анны; не правда ли, моя милая, что они тысяча семьсотъ третьяго года?

Такъ дѣйствительно и было: полушиллингъ королевы Анны, того самаго году.

— Ну, моя дорогая, темеръ все ясно! Пойдемъ завтра; все узнаешь!

Вотъ приходитъ и конецъ моей исторіи.

* * * *

Въ слѣдующее утро дамы отправились въ Сити, а я шелъ за ними, щеголемъ, съ букетомъ цвѣтовъ и золотою тростью. Прошли мы новую дорогу, прошли дорогу къ Сити, подошли къ банку. Мы переходили отъ этого зданія на другую сторону Корнгила, какъ вдругъ мистрисъ Алтаментъ вскрикнула и обомлѣла.

Я бросился впередъ, и поднялъ ее на руки; причемъ запачкалъ свой новый нарядъ. Бросился впередъ, говорю, и чуть было не сшибъ съ ногъ трубочиста, который улепетывалъ со всѣхъ ногъ. Мы внесли больную въ домъ, достави ли ей всѣ удобства, наняли карету, и отвезли домой въ Ислингтонъ.

* * * *

Въ этотъ вечеръ, мистръ Алтаментъ не возвращался; прощаль другой вечеръ, наступилъ и третій, все все нѣтъ никуда. На четвертый день пріѣхалъ аукціонеръ; сдѣлалъ опись мебели и нагнулъ въ окнѣ объявленіе.

Видъ: конецъ недѣли, Алтаментъ лился. Она бѣшь бѣшь дѣтъ и страшень; но не такъ блѣданъ и страшень, какъ несчастная жена.

Она посмотрѣлъ на дер. очень шибко. Могу сказать, съ него я сконировалъ мой взоръ на мисъ. — она посмотрѣлъ на

нее очень живо и протянула руки. Она пронаительно вскрикнула, и бросилась къ нему въ объятія.

— Мэри, говоритъ онъ: теперь ты все знаешь. Я продалъ свое мѣсто, получилъ за него три тысячи фунтовъ и накопилъ еще двѣ. Я продалъ домъ, со всею мебелью, и вотъ еще деньги. Поѣдемъ за границу, и будемъ любить другъ друга по прежнему.

* * * *

Вы спрашиваете: кто жъ онъ былъ? Страшно выговорить: мистръ Алтамонтъ чистилъ трубы по улицѣ отъ банка до Корнгилла!

Я отошелъ отъ него. Не много лѣтъ спустя, я встрѣтился съ нимъ въ Баденъ-Баденъ, гдѣ они слывутъ за порядочныхъ людей.

ПОХОЖДЕНІЯ ДЬЮСИСА.

Я очутился писцомъ у мистра Альджерсона Перси Дьюсиса, младшаго и пятаго племянника мистра Крѣбса.

Альджерсонъ былъ адвокатъ, то есть, жилъ въ Темплѣ, въ Помпъ-Кортъ, темной части Лондона, которую мои читатели можетъ быть и не знаютъ. Довольно сказать, что эта часть находится на самомъ краю города, и служить набраннымъ мѣстопробываніемъ приказныхъ этой метрополіи.

Когда я говорю, что мистръ Дьюсисъ былъ адвокатъ, то разумѣю не то, чтобы онъ ходилъ на сессіи, одѣвался по-приказному, а только то, что онъ нанималъ квартиру, жилъ въ Помпъ-Кортъ, и выжидалъ комиссарскаго, или ревизорскаго или какого-нибудь другаго мѣста отъ вигскаго правительства. Дядя его былъ теперь вигскій депутатъ, — какъ говорила мнѣ хозяйка, — хотя прежде принадлежалъ къ партіи тори. Дѣло въ томъ, что Крѣбсъ былъ такъ бѣденъ, что желалъ быть мнѣ-нибудь или хоть ничѣмъ, лишь бы достать выгоднаго мѣста своимъ племянникамъ, и какой-нибудь доходецъ себѣ.

Мнѣ кажется, онъ назначалъ Альджерсону по дѣлѣмъ съ-тотъ въ годъ; содержаніе было бы порядочное; жаль только — дядя не въздвигалъ его никогда.

Впрочемъ, молодой джентельменъ самъ умѣлъ достать копѣйки. Онъ держалъ кабъ, вѣдиль въ Гольмакъсъ, и къ Крекфэду, звался съ отборнѣйшими людьми, и мало занимался законами, могу вамъ доложить.

Хоть квартира его находилась въ четвертомъ этажѣ, однакожь онъ жилъ настоящимъ крезомъ. Десяти фунтами ассигнаціями сыпалъ словно полупенсами; клареть и шампанское лилось у него какъ простой джинъ, и я былъ радъ-радехонекъ, что попалъ въ писцомъ къ такому адвокату.

Въ гостиной у Дьюиса висѣла большая картина на листѣ бумаги; на ней были написаны имена членовъ его фамиліи; картина была сдѣлана въ видѣ дерева, а самыя имена красовались на маленькихъ кружкахъ между вѣтвями. Картина говорила, что Дьюисы пришли въ Англію въ 1066 году, вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Завоевателемъ. Нечего таиться, Альджеронъ былъ игрокъ.

Можетъ статья, покажется страннымъ, зачѣмъ такой свѣтскій человекъ жилъ въ Темплѣ; но надо припомнить, что въ приказныхъ подворьяхъ живутъ не одни приказные. Здѣсь живутъ квартиры многіе холостяки, которымъ нѣтъ никакого дѣла до законовъ и судовъ; и многіе мнимые адвокаты, которые едва ли два раза во всю жизнь надѣвали адвокатскій парикъ и платье, занимаютъ комнаты въ Темплѣ, вмѣсто Бондъ-Старита, или Пиккедилла, или другихъ фэшонебельныхъ частей города.

Напримѣръ, въ нашемъ домѣ было восемь жальцовъ, и только трое приказныхъ. Въ нижнемъ этажѣ жили Скрусонъ, Люсонъ и Джусонъ, страпчіе; во второмъ—мистръ приставъ Флабберъ; насупротивъ мистръ совѣтникъ Бруффи; въ третьемъ мистръ Гаггерстонъ, ирландскій совѣтникъ, занимавшійся въ Ольдъ-Бэли, и бывший, что называется, стенографомъ въ газетѣ Morning-Post. Насупротивъ его было написано:

Мистръ Ричардъ Блюттъ.

а въ четвертомъ этажѣ, съ моимъ патрономъ, жилъ нѣкто мистръ Даукисъ.

Этотъ молодой человекъ не давно поселился въ Темплѣ, и на свою бѣду: лучше бы ему не родиться. Я твердо убѣжденъ,

что Темплъ погубилъ его, то есть, при помощи моего патрона и мистра Дина Блюнтта, какъ позволите улыбаться.

Мистръ Даукинсъ, какъ я узналъ отъ его молодого человѣка, только-что вышелъ изъ оксфордскаго университета, и имѣлъ порядочное состоянiе — шесть тысячъ фунтовъ или около, въ фондахъ. Онъ былъ сирота, безъ отца и матери, и отличившись въ университетѣ, гдѣ получилъ многія награды, прiѣхалъ въ городъ, чтобы попробовать счастья и заняться адвокатскими дѣлами.

Какъ Даукинсъ происходилъ не изъ знатной фамилии — я слышалъ, что отецъ его торговалъ сыромъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ — то онъ, встрѣтивъ стариннаго Оксфордскаго товарища, мистра Блюнтта, младшаго сына богатаго эсквайра Блюнтта, изъ Лейстершайра, съ радостью нанялъ квартиру вселѣ.

Мистръ Блюнттъ и Дьюсисъ не ладили: мой патронъ, не считалъ приличнымъ сводить знакомство съ человекомъ въ родѣ мистра Блюнтта. Блюнттъ казался порядочнымъ малымъ: аккуратно ходилъ въ Таттельсаль, держалъ лошаденку, носилъ бѣлую шляпу, голубой платокъ и неуклюжій свертукъ. Въ манерахъ онъ былъ совершенная противоположность Дьюсису, который былъ ловкій, красивый человекъ, какъ другаго я и не видывалъ; ручки бѣленькія, лице вѣсколько смуглое; глаза темные и пронзительные; небольшой бакенбарды, аккуратно подстриженные и черные словно вороново крыло; говорилъ онъ тихо и мягко; онъ, кажется, глазъ не спускалъ съ того, съ кѣмъ разговаривалъ, и всегда достигалъ каждому. Совсѣмъ другое дѣло Блюнттъ. Онъ вѣчно кричалъ, бранился, всякаго трепалъ по плечу, какъ нелѣпый фамильяръ; казался безопаснымъ, простодушнымъ весельчакомъ, которому не страшно доверять и жизнь и душу. Такъ по крайней-мѣрѣ, думалъ Даукинсъ, человекъ скромный, охотникъ до книгъ, романовъ, Байроновыхъ поэмъ, до игры на флейтѣ и до другихъ подобныя ученыхъ забавъ. Онъ коротко сблизился съ простодушнымъ Дикомъ Блюнттомъ, а потомъ и съ мистромъ Альджерсономъ. Бѣдный Дау! онъ воображалъ, что нанялъ хорошее знакомство, истинныхъ дру-

сей, и попалъ въ руки двухъ изъ самыхъ страшныхъ ослѣпелъ, какіе когда-нибудь были на свѣтѣ.

До переѣзда мистра Даукинса къ намъ въ домъ, мистръ Дьюснсъ рѣдко удостоивалъ мистра Блюнтта поклоненъ; и только мѣсяцъ спустя послѣ этого обстоятельства, мой патронъ, ужась какъ съ нимъ подружился. Причина на лице: Дьюснсъ нуждался въ немъ. Онъ часу не провелъ въ компаніи съ Даукинсомъ и ужъ узналъ, что можно пощипать птичку.

Блюнттъ тоже зналъ, что и самъ охотникъ до щипанья, и тѣмъ было приберечь птичку для одного себя. Забавно было смотрѣть, какъ лавировалъ Альджерсонъ, чтобъ добыть бѣднаго воробья изъ когтей Блюнтта, который считалъ добычу своею. Онъ переманилъ Даукинса въ эту квартиру именно съ такимъ намѣреніемъ, разчитывая имѣть его всегда подъ глазами и тѣмъ легче обобрать.

Дьюснсъ скоро догадался, что затѣваетъ мистръ Блюнттъ. Игрокъ игрока знаетъ, если не по чутью, такъ по наслышкѣ; и хотя мистръ Блюнттъ вращался въ сферѣ гораздо низшей чѣмъ мистеръ Дьюснсъ, однакожъ они отлично хорошо вѣдали свойства и подвиги другъ друга.

— Чарльзъ, разъ говоритъ мнѣ Дьюснсъ, — онъ всегда говорилъ со мною ласково, — кто это такой поселился у насъ насупротивъ, и такъ прилежно играетъ на флейтѣ?

— Мистръ Даукинсъ, богатый молодой человекъ изъ Оксфорда, и короткій знакомый мистра Блюнта, говорю я, они кажутся живуть другъ у друга въ комнатахъ.

Дьюснсъ не сказалъ ни слова, а только усмѣхнулся; батюшки мои, какъ усмѣхнулся! Самъ сатана не ухмыльнется такъ коварно.

Я зналъ, что онъ думаетъ.

Вопервыхъ. Кто играетъ на флейтѣ, долженъ быть простачокъ.

Во вторыхъ. Мистръ Блюнттъ-мошенникъ.

Въ третьихъ. Если мошенникъ и простакъ вѣчно вмѣстѣ, а простакъ богатъ, такъ всякій пойметъ, что изъ этого выйдетъ.

Въ то время я былъ еще юноша, однако жъ смѣкалъ дѣло не хуже моего патрона: не у однихъ адвокатовъ есть чутье. Слава

тебѣ, господи! насъ было четверо въ домѣ, четверо молодыхъ людей такихъ, какихъ не вездѣ встрѣтишь: молодой писарь мистра Бруффи, молодой камердинеръ мистра Даукинса, мистра Блюнта и я: мы знали не меньше ихъ, что они дѣлають. Навримвръ, скажу о себѣ: въ конторкѣ или ящикахъ Дьюсиса не было ни одной записочки, ни одного лоскутка бумаги, которыхъ бы я не читалъ: то-же самое и съ Блюнтомъ. Не было ни одной бутылки вина, изъ которой бы мы не отпили стакава, ни одного фунта сахару отъ котораго бы не поженились. У насъ были ключи отъ всѣхъ шкафовъ; мы заглядывали во всѣ письма, которыя приходили и отправлялись; не пропускали карты ни одного обѣда или ужина; все лучшее со стола доставалось намъ.

Коротко и ясно: Ричардъ Блюнттъ находился въ слѣдующемъ положеніи: онъ получалъ отъ отца годоваго содержанія триста фунтовъ; изъ этой суммы онъ долженъ былъ платить сто денносто на погашеніе долга, сдѣланнаго въ университетѣ; семдесятъ за лошадь; восемьдесятъ слугѣ на харчи съ жалованьемъ, и около трехсотъ пятидесяти за отдѣльное помѣщеніе въ Реджентъ-паркѣ, сверхъ того, ему нужно было карманныхъ денегъ, примѣрно положить, фунтовъ до ста, да на столъ и въ винный погребъ еще около двухъ сотъ. Такимъ образомъ извольте видѣть: онъ могъ откладывать къ концу года порядочную кучку денегъ.

Дьюсисъ — дѣло другое: какъ человѣкъ другаго круга чѣмъ мистръ Блюнттъ, онъ былъ долженъ гораздо больше. Вотъ примѣрецъ:

По счету у Крокфорда	3,711 фунтовъ.
По векселямъ и распискамъ (по которымъ онъ рѣдко платилъ).	4,963 —
По счетамъ 21 портнаго, всего.	1,306
По счетамъ 3 торговцевъ лошадьми	402
Двумъ каретникамъ	506
По векселямъ, даннымъ въ Кэмбриджѣ	2,193
Мелочи	987

14,068.

Выписываю этотъ счетецъ для любопытныхъ: не всякому

известно, какъ свѣтскіе люди за частую ведутъ фашонебельную жизнь; а знать, сколько долженъ порядочный джентельмэнъ и вѣжливо и поучительно.

Но приступимъ къ дѣлу. На другой же день послѣ распросовъ на счетъ мистра Даукинса, о которыхъ я уже упомянулъ; Дьюсисъ сошелся съ мистромъ Блюнттомъ на лѣстницѣ; и мало было смотрѣть, какъ онъ встрѣтилъ этого господина, на котораго прежде и смотрѣть не хотѣлъ. На лицѣ мистра Дьюсиса играла теперь самая обольстительная улыбка. Онъ протянулъ руку, затуленную въ бѣлую лайковую перчатку, и сказалъ самымъ дружескимъ манеромъ: Ба, мистръ Блюнттъ. Да мы цѣлый вѣкъ не встрѣчались. Какой стыдъ! Такіе близкіе сосѣди и такъ рѣдко видимся!

Мистръ Блюнттъ, который стоялъ у дверей, въ зеленомъ плафокѣ, куря сигару и насвистывая охотничью арію, удивился, обрадовался и потомъ призадумался, какъ будто что недоувѣривалъ не доброе.

— Совершенная правда, мистръ Дьюсисъ; давнымъ давно мы не встрѣчались.

— Именно, кажется, съ обѣда у сэра Джорджа Гука; кстати, какой славный былъ вечеръ, не правда ли мистръ Блюнттъ; Что за вино! что за музыка! я помню ваше майское утро: чортъ возьми, не слыхивалъ комической пѣсни лучше. Только что вчера еще я говорилъ объ ней герцогу Довкастрскому. Думаю, знаете герцога?

Мистръ Блюнттъ сказалъ, безъ запинки: нѣтъ, не знаю.

— Его не знаете? вскричалъ мой патронъ; чортъ возьми! Ну, любезнѣйшій, въ Ньюэркетѣ только и рѣчи, что о вашихъ подвигахъ.

Такъ продолжалъ Дьюсисъ бесѣдовать съ мистромъ Блюнттомъ. Сначала сосѣдъ отвѣчалъ ему коротко и сердито; но послѣ нѣсколькихъ комплиментовъ, растаялъ, поддался лести и повѣрилъ всѣмъ рассказамъ. Наконецъ дверь затворилась, и оба вошли въ квартиру мистра Блюнтта.

Разумѣется, я не могу оказать, что тамъ происходило; только Дьюсисъ черезъ часъ воротился къ себѣ желтъ, какъ горчица, и отъ него крѣпко несло табачнымъ дымомъ. Не видывалъ, другаго джентельмена, который бы чувствовалъ такую

дурноту, какъ мой патронъ въ эту минуту: онъ накуривъ сигаръ у Блюнтта. Я, разувѣтая, не говорилъ ничего, хотъ часто слышалъ отъ него, что онъ не терпитъ табаку и шерфѣ наглоается яду, чѣмъ табачнаго дыму. Но онъ былъ не таковский, чтобъ сдѣлать что-нибудь безъ причины: если онъ накурився, такъ ужъ, ручаюсь, съ какими-нибудь да расчтется.

Я не слышалъ ихъ разговора; мнѣ пересказалъ потомъ члвкъ мистра Блюнтта: Ну, мистръ Блюнттъ, что за чудныя сигары! Не подѣлитесь ли съ пріятелемъ? — (Старая лисица, не одной сигарой хотѣлъ онъ подѣлиться!). Войдите, говоритъ мистръ Блюнттъ; и тутъ они начали бесѣдовать; Дьюисъ страхъ какъ интересовался молодымъ джентльменомъ, который переѣхалъ къ намъ на квартиру, мистромъ Даукинсомъ, и безпрестанно возвращался къ этому предмету, приговаривая, что сосѣди, такіе близкіе, должны быть друзьями; и что онъ съ своей стороны, радъ познакомиться съ мистромъ Дикомъ Блюнттомъ, со всѣми его знакомыми и прочее. Мистръ Дикъ, однакожъ, во-видимому догадывался, что ему строить западню. Я рѣшительно не знакомъ съ этимъ Даукинсомъ, говоритъ онъ; сынъ вырнаго торговца, какъ слышно; и хотъ онъ сдѣлалъ мнѣ визитъ, и я ему, однакожъ я не намѣренъ продолжать знакомства, не желая дружитья съ людьми этого сорта. Такъ прошелъ разговоръ: Дьюисъ закидывалъ удочку, а мистръ Блюнттъ ни какъ клюнуть не хотѣлъ, и все отвертывался.

— Чортъ возьми этого пошлаго ворнишку! ворчалъ Дьюисъ, лежа на софѣ, послѣ дурноты; я отравилъ себя адскимъ табакомъ, да еще остался въ дуракахъ. Проклятый оплетале, онъ думаетъ обобратъ этого голаго сырнаго торговца! Пойду же я къ нему, и предупрежу его.

Я чуть не хохоталъ, когда Дьюисъ изволилъ такъ выраться. Зналъ я, что значить у него — предупредить: запереть конюшню, не прежде украсть коня.

На другой день, попытка познакомиться съ мистромъ Даукинсомъ приведена въ исполненіе, и очень улачно.

Надо сказать, что мистръ Даукинсъ, былъ охотникъ не до однихъ столовъ и флейтъ; онъ любилъ также хорошо поветъ и поить. Проводя цѣлый день за музыкой и книгами, зветъ джентльменъ подъ вечеръ обыкновенно отравлялся со двора,

Фоскошпо обѣдалъ въ тавернѣ, и пилъ великаго сорта вина съ прѣтелемъ, своимъ мистромъ Блюнттомъ. Сначала онъ былъ сиромный молодой человекъ; но онъ его втянулъ въ эту шпелю, навѣрно съ намѣреніемъ, мистръ Блюнттъ. Напрасно говорить, что кто хорошо обѣдаетъ, и слишкомъ много ѣстъ вечеромъ, тотъ нуждается въ бутылкѣ содовой воды, а можетъ статься, и въ закуску, утромъ; такъ бывало съ мистромъ Даукинсомъ, и ночи постоянно въ двѣнадцать часовъ на нашей лѣстницѣ появлялся слуга изъ Диксовой кофейны, съ горячимъ завтракомъ для мистра Даукинса.

Кому бы пришло въ голову извлечь пользу изъ такого пустачнаго обстоятельства, а между тѣмъ, Дьюсисъ смекнулъ и бросился на него какъ пѣтухъ на пшеницу.

Онъ посылаетъ меня къ Морелю, въ Пиккедали, за страсбургскимъ пирогомъ, что Французы называютъ пате де фюу гроу; потомъ беретъ карточку, прибываетъ ее къ наружной сторонѣ кадушки,—пате де фюу грау обыкновенно привозится въ круглыхъ деревянныхъ кадушкахъ, въ родѣ барабана;—и какъ бы вы думали: что онъ пишетъ на карточкѣ? А вотъ что: Благородному Альджернону Перси Дьюсису, съ поклономъ отъ князя Талейрана.

Съ поклономъ князя Талейрана: вотъ придумалъ! До сихъ поръ смѣшно, когда вспомнишь.

По какому-то необыкновенно несчастному случаю на слѣдующее утро, ровно въ ту минуту какъ къ мистру Даукинсу несли до лѣстницѣ завтракъ, мистръ Альджернонъ Перси Дьюсисъ спускался внизъ. Онъ былъ веселъ словно жаворонокъ, бормоталъ оперную арію, и вертѣлъ вокругъ головы тяжелую трость съ золотымъ набалдашникомъ. Внизъ онъ спускался бойко, и на бѣду ударилъ тростью по подносу, который несъ слуга. Коньякъ, жаркое, содовая вода, все полетѣло на-земь! Не знаю, какъ онъ выбралъ именно эту минуту; сказать правду, окно его выходило на дворъ и онъ могъ видѣть всякаго, кто шелъ къ нашей двери.

Лишь только это приключилось, Дьюсисъ пришелъ въ такое бѣшенство, какое едвали кому доводилось видѣть; онъ учалъ ругать слугу на чемъ свѣтъ стоитъ; грозилъ ему палкой, но

наконецъ унялся. Тутъ онъ воротился въ свою комнату, и Джонъ, слуга, опять отправился въ кофейню за завтракомъ.

Вотъ несчастный-то случай, Чарльзъ, сказалъ онъ мнѣ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, въ продолженіе которыхъ написалъ записку, вложилъ въ конвертъ и запечаталъ большою печатью. — Постой! мнѣ пришла мысль — снесите пожалуй-ста эту записку къ мистру Даукинсу вмѣстѣ съ пирогомъ, что купилъ вчера; да слышите и не пикните, гдѣ мы достаѣмъ пирогъ.

Я снесъ записку куда слѣдуетъ, не пикнувъ, разумѣется, ни слова. Подождавъ въ комнатѣ мистра Даукинса нѣсколько минутъ, я воротился съ отвѣтомъ. Мнѣ удалось спасти копию съ обѣихъ записокъ; вотъ ихъ содержаніе:

Благородный А. П. Дьюсисъ къ Т. С. Даукинсу,
Эскв. Темплъ, вторникъ.

Мистръ Дьюсисъ свидѣтельствуеъ свое почтеніе мистру Даукинсу, и вмѣстѣ съ тѣмъ искреннѣйше проситъ извиненія за извѣстный ему непріятный случай.

Не позволено ли будетъ мистру Дьюсису воспользоваться правомъ сосѣда и по возможности поправить свою оплошность? Если мистръ Даукинсъ сдѣлаеъ ему честь принятіемъ послыши прямо изъ Страсбурга, подарокъ друга, — на вкусъ котораго, какъ лакомки, мистръ Даукинсъ можетъ положиться, — то онъ найдетъ въ ней не дурную замѣну блюда, уничтоженнаго не-ловкостью мистра Дьюсиса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мистръ Дьюсисъ увѣренъ, что это будетъ не малымъ удовольствіемъ для первоначальнаго дарителя *pâti*, когда онъ узнаеъ, что его подарокъ достался въ руки такому знаменитому *bon vivant*, какъ мистръ Даукинсъ.

Т. С. Даукинсъ.

Отъ Т. С. Даукинса, Эскв. къ Благор. А. П. Дьюсису.

Мистръ Томасъ Смитъ Даукинсъ свидѣтельствуеъ душевное почтеніе Благор. мистру Дьюсису, и съ глубочайшею благодарностью и величайшимъ удовольствіемъ принимаетъ великодушное предложеніе мистра Дьюсиса.

Было бы одною изъ счастливейшихъ минутъ въ жизни мистра Смита Даукинса, еслибъ Благор. мистръ Дьюсисъ про-

стеръ свое великодушiе еще далѣе, и не отказался раздѣлить те, что доставлено его щедрою внимательностью.

Темоль, вторникъ.

Много и много разъ, признаюсь, кохоталъ я надъ этими писемъми, которыя списалъ для себя съ оригинала писецъ мистра Брюэи. Дьюисова сказка о князѣ Талефрашѣ удивительно какъ подѣйствовала. Молодой Даукинсъ покраснѣлъ отъ удовольствiя, читая записку, изодралъ четыре или пять листовъ бумаги прежде чѣмъ придумалъ на нее отвѣтъ, который вы уже прочли, и писалъ дрожащей отъ радости рукой. Посмотрѣли бы вы, какое торжество засверкало въ злыхъ, черныхъ глазахъ Дьюиса, когда онъ сталъ читать эту записку! Онъ надѣлъ лучшее платье, и отправился, просилъ меня сходить напередъ и сказать, что принимаетъ съ удовольствiемъ приглашенiе мистра Даукинса.

Перогъ разрѣзали, и между обоими джентельменами начался самый дружескiй разговоръ. Дьюисъ былъ просто обворожителенъ, говорилъ мистру Даукинсу самымъ почтительнымъ и лестнымъ манеромъ, соглашался со всѣмъ, что бы тотъ ни говорилъ; хвалилъ его вкусъ, его мебель, его платье, его ученость, его игру на флейтѣ; послушавъ его, вы подумали бы, что на свѣтѣ нѣтъ другаго образца прекрасныхъ качествъ какъ Даукинсъ: и что такого скромнаго, чистосердечнаго, человека, каконъ Дьюисъ, можно видѣть только въ Поигъ-портѣ. Бѣдный Дау развѣсилъ уши. Дьюисъ обѣщался представить его герцогу Донкастрскому, и Богъ вѣсть какимъ еще тузамъ, такъ-что наконецъ Даукинсъ со всѣмъ одурѣлъ отъ радости. Знаю за вѣрное, — а это очень хорошо показываетъ характеръ молодаго джентельмена, — что онъ въ тотъ же день заказывалъ двѣ новыя пары платья, въ предположенiи быть представленнымъ знатнымъ господамъ.

Но лучшая штука изъ всѣхъ пришла подъ конецъ. Напѣвая, насмѣливая и браваясь, забѣжалъ на гѣтинцу мистръ Дикъ Блантъ. Онъ растворилъ дверь къ мистру Даукинсу настежь, и закричалъ: Дау, старая книга, что подѣливаешь? какъ вдругъ видитъ мистра Дьюиса; веселость его прошла; онъ поблѣднѣлъ какъ полотно, потомъ покраснѣлъ какъ ракъ, и остоленѣлъ, словно его пришибло громомъ. — Дорогой мой мистръ Блантъ,

говорить мой патронъ, улыбаясь и проталкивая руку: какъ я радъ, что васъ вижу... Мистръ Даукнисъ и я только что говорили о вашей понни! Сдѣлайте милость, садитесь.

Блюнттъ сѣлъ; и вотъ вопросъ, кто кого выслушивъ вѣкъ; но, слава тебѣ Боже, мистръ Блюнттъ не чета моему барину: все время онъ сидѣлъ, какъ пришлепленный, не говорилъ ни слова и дулся; Дьусисъ же, напротивъ того, былъ любезенъ, какъ нельзя больше. Отъ-роду не слыживалъ я такого легкаго разговора и такого множества остротъ, какія отъускалъ онъ. Наконецъ, разбитый на голову, мистръ Блюнттъ раскладывая мой патронъ ту же минуту послѣдовалъ за нимъ, и взявъ шотландскаго Дика подъ руку, привелъ въ наши комнаты и началъ разговаривать съ нимъ самымъ ласковымъ и дружескимъ манеромъ.

Но Дикъ былъ такъ золъ, что не хотѣлъ слушать; наконецъ, когда Дьусисъ рассказывалъ ему какую-то длинную исторію о герцогѣ Донкастрскомъ, Блюнттъ не выдержалъ и заревѣлъ:

— Убирайтесь вы съ герцогомъ Донкастрскимъ! Помните, пожалуйста, мистръ Дьусисъ, со мной не шутите; я не таковой, чтобъ меня можно было провести длинными сказками о герцогахъ, да герцогняхъ. Вы думаете, что я васъ не знаю; васъ всѣ знаютъ, и всѣ ваши продѣлки. Да, вы бѣгаете за молодымъ Даукнисомъ, и думаете пощипать его; но вамъ не удастся, нѣтъ чертъ во всемъ, не удастся.

(Читатель долженъ помнить, что брань, которою пересказывалъ мистръ Блюнттъ свой разговоръ, я выпускаю). Ну вотъ, когда онъ повиетрѣлялъ всѣ заряды, мистръ Дьусисъ повелъ рѣчь тихе и хладнокровно, какъ нельзя лучше.

— Послушай, Блюнттъ: я знаю, что ты одинъ изъ самыхъ ласкихъ обирая и бездѣльниковъ, не удостоившихся еще висѣльницы. Если ты попытася бузить со мной, такъ попросишь моей палки; если пожелаешь больше, такъ я застрѣлю тебя; если склещешь соватью между мной и Даукнисомъ, такъ угодю тебя тѣмъ и другимъ. Я знаю всю твою жизнь, и нѣкій трусъ. Я знаю, что ты ужъ выигралъ у этого мальчишки двѣсти фунтовъ, и хочешь обыграть его въ нуль. Пополомъ, или тебѣ не достается для пенни. — Совершенная правда, что Дьусисъ все это знаетъ, но какимъ образомъ, вотъ въ чемъ дѣло.

Я не могу забыть лица мистра Блюнтта въ продолженіе раз-

говора такъ какъ отоялъ за дверь; только послѣ этихъ впечатлѣннхъ комплиментовъ обоимъ джентельменовъ, я слышала порядочную вою: одинъ торопливо бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатамъ; другой, сердитый и надутый, сидѣлъ и стучалъ ногой.

— Ну, выслушайте же, мистръ Блюнттъ, продолжаетъ наконецъ мой патронъ; если не станете мѣшать, вы получите половнику денегъ этого молодца; но только попребуйте вышнтраъ у моего шпалнигъ въ мое отсутствіе, или безъ моего согласія, такъ знайте, что вамъ это не обойдется даромъ.

— Ладно, ладно, мистръ Дьюсвсъ, кричатъ Дикъ: игру я затѣвалъ, и вы не имѣете никакого права мѣшаться въ дѣла моего пріятеля.

— Мистръ Блюнттъ, вы шутъ гороховый! Вчера вы утверждали, что не знаете этого человѣка, и я самъ принужденъ былъ отклонять его. Желательно было бы знать, что обязываетъ меня уступитъ его вамъ!

Любо было слушать, какъ эти господа толковали о нести: я, наметая, готовъ былъ самъ предостеречь молодца Даукнса отъ опасной дороги, на которую они выводили его. Но если они не знали, что такое чесль, такъ я зналъ.

Вотъ, на другой день у нихъ была большой обѣдъ. Бѣлый супъ, палтусина и соусъ изъ морскихъ раковъ; шотландская баранина, земля и мавароны; вина: шампанское, рейнвейнъ, мадера, бутылка портеру и множество пзрету. За столомъ были трое: А. П. Дьюсвсъ, Р. Блюнттъ, и мистръ Даукнисъ, землѣйры. Ну ужъ покушали же я мы! Когда выносили зеленъ изъ-за стола, человѣкъ мистра Блюнтта столько наѣлся ея, что я рѣшительно опасался за его здоровье; мальчикъ мистра Даукнса, всего тринадцати лѣтъ, такъ захворалъ отъ макароновъ и пудлинга, что принужденъ былъ принять нѣсколько штукъ янкоу мистра Дьюсвса, и чуть было не умеръ отъ нихъ. Но все это-дѣло постороннее.

Поѣдите ли? Послѣ обѣда, за которымъ троемъ выпито до восьми бутылокъ, джентельмены сѣли за эарта. Это такая игра, въ которой двое играютъ, а третій, если есть, подсматриваетъ въ карты.

Сначала маралъ по кругу ногаъ, и по фунту маръ. Въ эту

игру оба игрока были удивительно какъ равны, и къ концу, когда подали еще шампанское, бисквиты и другаго прочаго; игра находилась вотъ въ какомъ положеніи: мистръ Даукинсъ выигралъ два фунта; мистръ Блюнттъ тридцать шиллинговъ; проигралъ одинъ мистръ Дьюсисъ три фунта десять шиллинговъ. Послѣ бисквитовъ и шампанскаго игра нѣсколько поднялась. Теперь шло по фунту познъ и по пяти, нарм. Признаться, вслушавшись утреннихъ комплиментовъ между Блюнттомъ и Дьюсисомъ, я теперь подумалъ: вотъ пришелъ часъ бѣдному Даукинсу.

Не тутъ-то было: Даукинсъ продолжалъ выигрывать; мистръ Блюнттъ держалъ пари на его игру, и давалъ ему что ни есть лучшіе совѣты, подъ конецъ вечера, — а это было около пяти часовъ утра, — они остановились. Дьюсисъ принялся сводить счетъ.

— Блюнттъ, говоритъ онъ, мнѣ не везло. Я вамъ долженъ — позвольте посмотрѣть — да, такъ, сорокъ пять фунтовъ?

— Сорокъ пять, говоритъ Блюнттъ; счетъ вѣренъ.

— Я вамъ дамъ вексель, говоритъ Дьюсисъ.

— Помилуйте, стоитъ ли говорить объ этомъ, любезный сэръ. Но Дьюсисъ досталъ листъ бумаги, и написалъ вексель на господъ Помпъ, Альджитъ и К°, своихъ банкировъ.

— Теперь, говоритъ онъ, сосчитаемся съ вами, любезнѣйшій мистръ Даукинсъ. Еслибъ вы умѣли пользоваться счастьемъ, я былъ бы долженъ вамъ очень порядочную сумму. Посмотримъ; тринадцать познъ, по фунту — счетъ простой — и, доставъ кошелекъ, онъ высылалъ на столъ тринадцать золотыхъ sovereignовъ, такихъ свѣтленькихъ, что у меня въ глазахъ зарябило.

У бѣднаго Даукинса тоже, когда онъ протянулъ руку, и дрожа придвигалъ къ себѣ sovereignы.

— Позвольте мнѣ сказать, прибавилъ Дьюсисъ; позвольте сказать — а я человекъ довольно опытный — мнѣ рѣдко случалось играть съ такимъ отличнымъ игрокомъ въ экартэ.

У Даукинса глаза заблестѣли, когда онъ сталъ прибирать золото, и сказалъ: право, Дьюсисъ, вы мнѣ льстите!

Льстите! Разумѣется, что льстилъ. Дьюсисъ другаго и не думалъ.

— Но помните же, Даукинсъ, продолжалъ онъ; вы мнѣ долж-

вы одѣвать роландъ; я раззоренъ, рѣшительно раззоренъ вашимъ счастьемъ.

— Хорошо, хорошо, говоритъ мистръ Томасъ Смитъ Даукинсъ, довольный какъ будто выигралъ миллионъ; нельзя ли завтра? Блюнттъ, вы что скажете?

Мистръ Блюнттъ, разумѣется, былъ не прочь. Мой патронъ, не много подумавъ, также согласился. — Мы соберемся у васъ, сказалъ онъ. Только слышите, любезнѣйшій пріятель, чтобъ вина много не было; я вообще не могу пить; особенно когда приходится играть въ экартэ съ такимъ игрокомъ, какъ вы.

Бѣдный Даукинсъ пошелъ отъ насъ совершенно довольный. Нате, Чарльзъ, сказалъ онъ, подавая мнѣ соевецъ. Бѣдняшечка? Зналъ я, что будетъ впередъ.

* * * * *

А что всего лучше, такъ это то, что тринадцать сувереновъ, которые выигралъ Даукинсъ, были заняты Дьюсисомъ у мистра Блюнтта! Я принесъ ихъ, вмѣстѣ съ семью другими, изъ комнаты этого джентльмена въ то же самое утро: съ перваго свиданія съ Дьюсисомъ, Блюнттъ не отказываетъ ему ни въ чемъ.

* * * * *

Чтожъ, продолжать ли мнѣ исторію? Если бы мистръ Даукинсъ былъ хоть каню по-умнѣе, то могъ бы проигрывать свое состояніе по-крайней-мѣрѣ полгода; а то былъ такая простокъ что какъ-разъ спустилъ все до копѣйки.

Въ слѣдующій день,—въ четвергъ, а знакомство Дьюсиса съ мистромъ Даукинсомъ началось только-что во вторникъ,—мистръ Даукинсъ, какъ я сказалъ, давалъ обѣдъ, въ семь часовъ; за столомъ были по-прежнему: мистръ Блюнтъ и двое Д. Играть начали въ одиннадцать. Въ этотъ разъ дѣло было серьезное. Въ пятницу я вошелъ въ комнаты: Дьюсиса нѣтъ. Часу въ первомъ онъ зашелъ на пять минутъ къ себѣ, пріодѣлся, приказалъ человѣку приготовить бисквитовъ и содовой воды; и опять отправился къ мистру Даукинсу.

Тамъ они обѣдали опять въ семь часовъ, но кажется никто не ѣлъ, потому-что всѣ блюда воротились къ намъ, почти не тронутыя; впрочемъ вина поцѣди порядкомъ и въ тринадцать

шесть часовъ осушили по-крайней-мѣрѣ двѣ дюжины бутылки.

Въ десять часовъ вечера, въ пятницу, Дьюсонъ воротился домой. Тутъ въ первый разъ я увидѣлъ его такимъ, какимъ никогда не видывалъ: пьянымъ — преиспившимъ. Онъ шатался по комнатамъ, плясалъ, бранился, бросилъ мѣхъ пригорщень сребра, и, наконецъ, повалился безъ памяти на кровать: слуга снялъ съ него сапоги, укрывъ я приготовилъ все, что нужно было для его удобства.

Снявъ съ него платье, слуга опорожнилъ его карманы, заглянулъ въ бумажникъ, пересмотрѣлъ всѣ письма.

Въ кучѣ записокъ онъ нашель и показалъ мѣхъ слѣдующий документъ:

Я нижеподписавшійся
долженъ
4,700 ф. ст.
Томасъ Смитъ Даукинсъ.
Пятница. 16 января.

Тутъ же лежалъ другой лоскутокъ бумаги, въ томъ же родѣ: Я нижеподписавшійся долженъ четьреста фунтовъ, Ричардъ Блаунтъ: но этого документъ, разумѣется, ничего не значилъ.

* * * * *

Утромъ въ девять часовъ, Дьюсонъ всталъ, совершенно трезвъ одѣлся и отправился къ мистру Даукинсу. Въ десять, приказалъ подать кабъ, и оба джентлмена побѣжали вмѣстѣ.

— Куда прикажете, оказалъ человекъ.

— Къ банку.

Бѣдный Даукинсъ, съ глазами красными отъ тоски, бессоницы и хмѣля, вздрогнулъ и вадохнулъ, садясь въ экипажъ, и они побѣжали.

Въ этотъ день онъ спустилъ все что имѣлъ, кромѣ пятисотъ фунтовъ.

* * * * *

Около двѣнадцати, Дьюсонъ воротился, и въ слѣдъ за-темъ,

ниги по лестницѣ, пожаловалъ мистръ Дичъ Блюнттъ, съ важнымъ и серьезнымъ видомъ.

— Дома мистръ Дьюсисъ? спросилъ онъ.

— Дома, сказалъ я, и Блюнттъ вошелъ. Я, приложивъ ухо къ скважинѣ замка, сталъ подслушивать.

— Ну, говорить Блюнттъ; славный выдался намъ вечерокъ, мистръ Дьюсисъ. Вы, кажется, раздѣлялись съ Даукинсомъ.

— Раздѣлялся! говорить тотъ. О, да, да, раздѣлялся.

— Четыре тысячи семьсотъ, помнится?

— Около того.

— Значить, на мою долю приходится двѣ тысячи триста пятьдесятъ; пожалуйста-ка сюда: спасибо скажу.

— Мистръ Блюнттъ, говорить Дьюсисъ: я рѣшительно не понимаю, чего вы хотите.

— Не понимаете чего я хочу! кричитъ Блюнттъ, такимъ тономъ, какого мнѣ не доводилось еще слышать. Вы не понимаете, чего я хочу! Да развѣ не вы обѣщали подѣлаться со мной? Да развѣ не я далъ вамъ въ займы двадцать гиней третьяго дня вечеромъ, чтобы заплатить проигрышъ Даукинсу? Развѣ не вы обѣщали уступить мнѣ половину всего, что можно добыть въ этомъ дѣлѣ?

— Согласенъ, сэръ, говорить Дьюсисъ, согласенъ.

— Такъ что же послѣ этого вы намѣрены сказать?

А то, что я не намѣренъ сдержать своего обѣщанія! Безсмысленный, да уже ли ты думалъ, что я работаю для тебя. Уже ли ты воображаешь, что я тратился на обѣдъ для этого осла затѣмъ, чтобъ тебѣ доставить барышъ? Убирайтесь, сударь! Вонъ отсюда, сударь! Или, стойте; вотъ вамъ ваши четыреста фунтовъ, ваша собственноручная росписка, сударь, на эту сумму, если согласны забыть все, что между нами было, и выбросить изъ головы, что вы знакомы съ мистромъ Альджернономъ Дьюсисомъ.

Я видалъ людей взбѣшенныхъ и прежде; но такихъ какъ Блюнттъ не видалъ. Онъ шумѣлъ, ревѣлъ, бранился, наконецъ просто забылъ; сталъ сирожетать зубами, и, попеременно, проклинать и просить мистра Дьюсиса, оказать ему милость.

Тутъ, Дьюсисъ вдругъ растворилъ дверь, — чуть было я ку-

баремъ не ввалился въ комнату! — и сказалъ: Чарльсъ, укажите этому господину дорогу! Мой патровъ посмотрѣлъ на него пристально и серьезно. Блюнттъ пошелъ домой, пригорюнась. А Даукансъ, Богъ вѣсть куда онъ убрался!

* * * * *

— Чарльсъ, сказалъ мнѣ Дьюсисъ, часъ спустя: я ѣду въ Парижъ, можете ѣхать и вы, если хотите.

Чужестранныя земли.

Вотъ удивительное доказательство скромности Дьюсиса: хотъ онъ выигралъ у мистра Дауканса порядочную сумму и любилъ помотать и похвастать какъ нельзя больше; однакожь, когда рѣшился ѣхать въ Парижъ, такъ не только не промолвилъ слова никому изъ пріятелей о своемъ выигрышѣ, и не навѣстилъ дядюшки, мистра Крѣбса, о намѣреніи оставить родные берега, но даже не созвалъ своихъ поставщиковъ, чтобъ заплатить имъ по счетцамъ передъ отъѣздомъ.

Совсѣмъ напротивъ: «Чарльзь», сказалъ онъ мнѣ: «прибейте карточку на дверяхъ» — такъ дѣлаютъ прикааные — «и напишите на ней: будетъ дома въ семь часовъ». Написалъ я: «будетъ дома въ семь часовъ», и прибилъ карточку на дверяхъ съ наружной стороны. И такъ скрытенъ былъ Дьюсисъ на счетъ своей континентальной поѣздки (передъ всѣми, кромѣ меня), что когда хозяйка принесла ему счетъ (по-крайней-мѣрѣ на два фунта десять шиллинговъ), то онъ велѣлъ ей зайти за деньгами въ поведѣльщикъ утромъ. Удивительно, какъ расчетливъ становится человекъ, когда припрядеть въ карманъ тысячъ пять фунтовъ.

Будетъ дома въ семь! Совершенная правда! Въ семь, мы ужъ катили по дорогѣ къ Дувру, въ дилижансѣ; Дьюсисъ внутри, я снаружи. Вотъ странная-то была смѣсь людей въ этомъ дилижансѣ: трое матросовъ; одинъ Итальянецъ, съ шарманкой и обезьяной; миссіонеръ, отправлявшійся во Францію обращать язычниковъ; двѣ фигурантки; ихъ матушки; четыре Француза, въ шутовскихъ шапкахъ, и съ усами, коютъ, болтаютъ, машутъ руками, такъ-что смотрѣть смѣшно. А какіе комментарии отпускали они фигуранткамъ: о монѣ дью, о киль

те фроя. Въ то время я еще не зналъ по-французски, и потому мало понималъ ихъ разговоръ; однакожь, я радовался, чувствуя, что дѣйствительно ѣду въ чужестранныя земли, а это было моимъ усерднѣйшимъ желаніемъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ получилъ я цѣлительное воспитаніе. Боже милосердый! думалъ я: если это образчики Французовъ, такъ вѣдь славный-то долженъ быть народецъ! Обезьяна бѣднаго Итальянца, сидѣвшая пригорюнясь на шарманкѣ, казалась вдвое благообразнѣе ихъ и едва ли не умнѣе.

Вотъ пріѣхали мы въ Дувръ: приморская гостинница — те-лячья котлетка — полгинеи; стаканъ элю—шмиллингъ; стаканъ лимонаду—пол-кроны; на полиенни восковой свѣчки — четыре шмлинга, и такъ далѣе. Но Дьюспсъ платилъ безъ ропоту; для себя онъ не жалѣлъ никакихъ издержекъ, и на слѣдующій день мы сѣли на пакетботъ, отирававшійся въ Булонь-скурь-мёръ, что значитъ по-французски, городъ Булонь, лежащій на морѣ. Писавшіе о чужестранныхъ дивахъ, я ожидалъ найти городъ первѣйшій и величайшій; вообразите же мое разочарованіе, когда, прибывъ на мѣсто, мы увидѣли этотъ Булонь, вовсе не на морѣ, а на берегу.

Но чтобъ добраться до него, вотъ ужъ потерпѣлись-то мы. Какъ желалъ я быть опять въ Помпъкортъ, когда мы вышли въ Британскій каналъ! любезный читатель, бывали ли вы на Океанѣ? Море, море, открытое море! какъ говорилъ Барри Кромвель. Лишь только мы сѣли на нашъ маленькій корабль, и вашу багажи были уложены — мой жъ вязанъ былъ въ крошечный носовой платокъ, — лишь только, говорю, сѣли мы на нашъ маленькій корабль; лишь только я увидѣлъ какъ волны, черныя и пѣнистыя, словно сейчасъ откупоренный портъеръ, бьютъ въ бока нашего красавца-пакетбота; а киль какъ кливъ, разсѣкаетъ валы на-двое, паруса хлопнютъ въ воздухъ, флагъ Англіи развѣвается на мачтѣ, капитанъ гордо выступаетъ на палубѣ, раздавая приказы матросамъ; бѣлыя скалы Альбіона исчезаютъ въ отдаленіи; тутъ я почувствовалъ въ первый разъ всю силу, все величіе существованія. Ну другъ мой Желтоплюшъ, сказалъ я самъ себѣ: вотъ начинается твоя жизнь; твоя карьера, какъ человѣка зрелого, считается со входа на этотъ бортъ этого пакетбота. Будь уменъ, будь твердъ, будь остро-

женъ — забудь безумства своей юности. Ты ужъ не мальчишка; ты теперь настоящій человекъ. Брось свои кубари, бабки и другія ребяческія игры, сбрось свои дѣтскія привычки вѣсть съ запачканной чернилами курткой — брось свои... —

Тутъ помнится, я принужденъ былъ остановиться. Чувство, сначала странное, а потомъ болѣзненное, и наконецъ совершенно невыносимое, овладѣло мной, когда я велъ съ собой вышеизложенную рѣчь; я очутился въ такомъ положеніи, которое деликатность не позволяетъ мнѣ описывать. Довольно сказать что я многіе часы лежалъ въ страшномъ томленьи, мертвый для всякаго помысла; дождь билъ мнѣ въ лице, матросы топтали меня ногами; страшныя муки терзали мою внутренность. Когда мы пролежали часа четыре въ этомъ состояніи, — мнѣ показалось, цѣлыхъ четыре года, — въ ту часть валубы, гдѣ мы были набиты какъ сельди въ бочкѣ, пришелъ комиссаръ и закричалъ: господинъ Чарльзъ!

— Здѣсь, сказалъ я, наслу пробормотавъ: что нужно?

— Васъ требуютъ.

— Куда?

— Мистръ Дьюсисъ нездоровъ, говорить комиссаръ, улыбаясь.

— А по мнѣ чортъ побери! говорю я, поворачиваясь, въ ужаснѣйшихъ мукахъ. Въ этотъ день, я не пошевелился бы для двадцати тысячъ фунтовъ.

Но довольно объ этомъ горестномъ предметѣ: многое множество совершилъ я, съ тѣхъ поръ, путешествій по широкой, какъ говоритъ Шекспиръ, глуби, но никогда не бывало такого бѣдственнаго, какъ отъ Дувра до Булоня, въ 1818 году отъ Рождества Христова. Пароходовъ въ то время было мало, и мы плыли на смѣтѣ. Наконецъ, когда я дошелъ до такой степени отчаянія и истомы, что рѣшительно воображалъ себя у вратъ смерти, мы достигли цѣли нашего странствованія. Поздно вечеромъ привѣтствовали мы галльскіе берега, и стали на якорѣ въ гавани Булонь-сюръ-мэръ.

Это было для меня и моего патрона наслажденіемъ, когда мы очутились на тихой водѣ, увидѣли отрадный свѣтъ въ домахъ, и почувствовали облегченіе отъ качки, то, могу васъ увѣрить, такъ обрадовались, какъ ни одинъ смертный еще не радоза-

ся. Наконецъ капитанъ вышелъ на набережную, и мы — дома. Но при выходѣ на берегъ, насъ встрѣтили такой шумъ и гвалтъ, также тараторенье, такія крики, брань и проклятія, какихъ я съ роду не слышивалъ. Прежде всего, къ намъ подошелъ таможенный чиновникъ, въ треуголѣкѣ: онъ схватилъ нашъ багажъ и потребовалъ пашпорты; потомъ нахлынула на валубу крича и спотыкаясь, толпа трактирныхъ слугъ: сюда, сударь, реветъ одинъ; отель Морисъ, говоритъ другой; отель де Банъ, визжитъ третій. Первое что поразило меня при выходѣ на берегъ, былъ какой-то толстякъ, съ серьгами въ ушахъ, который чуть было не сшибъ меня съ ногъ, вырывая изъ рукъ ковровый мѣшокъ мистра Дьюсиса, когда я несъ его въ гостиницу. Но мы добрались наконецъ до гостиницы цѣлы и невредимы, и въ первый разъ на вѣку я спалъ на чужой столѣ.

Не стану описывать этого города: съ тѣхъ норъ какъ я видѣлъ Булонь, его посѣщали, круглымъ числомъ по крайней мѣрѣ два милліона Англичанъ, и онъ всякому довольно извѣстенъ. По моему, это темный, скучный городъ: живаго въ немъ только и есть, что канавка, которая бѣжитъ по улицамъ. Деревянныхъ башмаковъ мнѣ доводилось встрѣчать не много; а что до лягушекъ, такъ честию вамъ ручаюсь, что не видалъ ни одного Француза, который бы глоталъ ихъ, хотя по слухамъ я считалъ это постояннымъ, хотя и скотскимъ обычаемъ французскаго народа. Меня изумило странное названіе города. Извѣстно, что Булонь раздѣляется на верхній городъ, расположенный на возвышеніи, и окруженный валомъ или бульваромъ, и на нижній городъ, который стоитъ вровень съ моремъ. Посмотрите ли, что Французы называютъ первую часть города Готъ-Вилемъ, или по нашему горячій телатиной, а вторую — Батъ-Вилемъ, или гадкой телатиной, тогда какъ во Франціи телатина вообще превкусная, хотя говядина, надо признаться, протвратительная.

Дьюсисъ остановился въ Батъ-Вилѣ, въ гостиницѣ де Банъ, въ крючковой улицѣ, называемой дель Асю; и будь онъ епископомъ девонширскимъ, или герцогомъ мавторберійскимъ, и тогда бы не могъ онъ задавать больше тону, могу васъ увѣрить. Подавай намъ что ни есть лучшаго: у насъ

былъ цѣлый рядъ комнатъ въ первомъ этажѣ, и Альд-жернонтъ Перси Дьюсисъ, который не заплатилъ ховлийкѣ за квартиру и пріѣхалъ въ Дувръ въ дилижансѣ, казалось, думалъ теперь, что золото для него дрянъ и что карета, запряженная шестерней, подломится подъ особой его вѣсу. Шампанское лилось какъ вода, не говоря ужъ о бордо, кларетѣ, бургонскомъ, и другихъ винахъ; къ столу подавались самыя лучшія блюда булонской кухни. Въ этомъ скучномъ городѣ, мы оставались двѣ недѣли, и съ утра до вечера только и знали, что гулять по берегу и глядѣть въ зрительныя трубы какъ приходятъ въ гавань и отходятъ корабли. Наши увеселенія въ эти двѣ недѣли были и многочисленны и до крайности пріятны; однимъ словомъ, пикантъ, какъ у нихъ говорится. Утромъ, передъ завтракомъ, мы отправлялись въ гавань; Дьюсисъ въ голубомъ жакетѣ, а я въ новой одеждѣ съ иголочки; оба съ длинными зрительными трубами, которыя не знаю почему называются телецкопами, вѣрно по-ученому. Въ эти трубы, мы рассматривали, очень внимательно, океанъ, морскія травы, гольши, рыбныхъ торговкокъ, и волны, которыя, словно ребятишки, играющіе въ чехарду, прыгали одна на другую. Мнѣ казалось, будто онѣ стараются выбраться на берегъ, чтобы набавиться отъ морской болѣзни и успокоиться на благодатной террѣ фирмѣ.

Послѣ завтрака, мы отправлялись опять, мой патронъ на одной лодкѣ, я на другой, — дѣла у меня въ этомъ заморскомъ городѣ не было никакого, — и опять приставивъ къ глазамъ телецкопы, принимались рассматривать подробности океанъ, гольши, и тому подобное; это продолжалось до обѣда, а обѣдъ продолжался до сна, а сонъ до слѣдующаго дня, когда мы принимались опять за завтракъ, за обѣдъ и за телецкопы, по прежнему. Эдакъ живутъ всѣ булонскіе обыватели въ томъ числѣ, какъ я слышалъ, десять тысячъ счастливыхъ Англичанъ, которые ведутъ эту пріятную жизнь нѣз году въ годъ.

Сверхъ-того, тамъ есть бильярдъ и карты для мужчинъ, бываютъ иногда танцы для дѣвицъ, сплетни и интриги для вдовушкѣ. Мы не участвовали ни въ одной изъ этихъ забавъ. По насъ ли — играть по кронѣ поэнъ; и выигравши, не

получать дичи; или гоняться за дѣвчонками, у которыхъ нѣтъ приданаго; или строить куры старымъ барынямъ, и потѣшаться съ ними въ кофечный вистъ? Нѣтъ, нѣтъ! Дьюсисъ былъ теперь человѣкъ съ состояніемъ, и держалъ себя, какъ слѣдуетъ богатому. Когда онъ удостоивалъ своимъ присутвіемъ общую столовую въ гостиницѣ де Банъ, то кричалъ громче всѣхъ; бранилъ слугъ, кушанья и вина; смотрѣлъ на каждого въ стеклышко, приставленное къ глазу; всегда занималъ мѣсто у огня; на языкѣ у него вѣчно вертелось: моя карета, мой курьеръ, мой слуга. И прекрасно онъ дѣлалъ. Я на своемъ вѣку постоянно замѣчалъ, что если хотите пользоваться у Англичанъ уваженіемъ, такъ грубите съ ними какъ можно больше. Мы любимъ чтобъ насъ ругали: это показываетъ что мы въ короткихъ отношеніяхъ. Боже мой! да я самъ видалъ въ Лондонѣ многихъ и многихъ джентльменовъ, которые охотнѣе снесутъ отъ лорда побой, чѣмъ невниманіе. Между-тѣмъ какъ Дьюсисъ шумѣлъ въ столовой, я задавалъ тонъ въ другой комнатѣ и по-вѣрьте: слѣдствіемъ этого было то, что намъ служили, и насъ любили, больше многихъ достойнѣйшихъ.

У мистра Дьюсиса, безъ сомнѣнія были особенные планы, которые такъ долго удерживали его въ Булонѣ: ясно, что онъ желалъ нѣсколько времени понграть тамъ роль богатаго чловѣка, прежде чѣмъ приняться за ту же роль въ Парижѣ. Онъ купилъ карету, нанялъ курьера, вырядилъ слугу въ новую тонкую ливрею, всю обшитую галунами, и черезъ булонскій банкъ перевелъ на одинъ парижскій банкирскій домъ тысячу фунтовъ изъ выигрышныхъ у Даукиса денегъ, при чемъ далъ замѣтить булонскимъ банкирамъ, что у него въ карманѣ осталась еще значительная сумма. Это значило убить двѣ птицы однимъ камнемъ: банкирскія птицы разнесли вѣсть по всему городу, и не прошло дня послѣ взноса денегъ въ банкъ, какъ въ Булонѣ каждая старуха успѣла ужъ справиться о фамиліи Крабса, и коротко познакомиться съ именемъ и состояніемъ Дьюсиса.

Хотя Дьюсисъ призналъ за лучшее оставить Лондонъ, не вѣстивъ дядюшку о предпринятомъ континентальномъ путешествіи, однако жъ, остановясь въ Булонѣ, онъ написалъ

къ Крѣбсу письмо, съ котораго мнѣ удалось списать копію. Вотъ его содержаніе:

Булонь, 25 января.

Любезнѣйшій дядюшка, въ продолженіе занятій моихъ по юриспруденціи, я давно ужъ чувствовалъ необходимость въ основательнѣйшемъ знаніи французскаго языка, на которомъ написана первоначальная исторія нашего предмета. Вотъ почему я рѣшился нѣсколько отдохнуть отъ сидячей жизни, въ комнатѣ, за книгой, что серьезно разстроило мое здоровье. Если мои скромныя средства могутъ выдержать двухиѣсячную поѣзду и пребываніе въ Парижѣ, то я полагаю провести это время за границей.

Не будете ли такъ добры, чтобъ прислать мнѣ рекомендательное письмо къ сэру Короткохвосту старожилу въ Парижѣ? Мое имя и ваше старинное съ нимъ знакомство, я увѣренъ, могли бы доставить мнѣ пріемъ въ его домѣ; но убѣдительное письмо отъ васъ было бы вмѣстѣ и учтивѣе и дѣйствительнѣе.

Могу ли я также просить высылки содержанія за послѣднюю четверть года? Я человекъ не значительный, какъ сами вы знаете, любезнѣйшій дядюшка; но вѣдь мы не хамелеоны, и пятьдесятъ фунтовъ, въ добавокъ къ небольшому доходу по звачію, были бы не малымъ подспорьемъ къ пріятностямъ моей континентальной поѣздки.

Засвидѣтельствуйте мою искреннюю любовь всѣмъ моимъ братьямъ и сестрицамъ. Ахъ, какъ бы я желалъ, чтобъ тяжкая доля младшаго сына выпала не мнѣ, и чтобъ я могъ жить свободнымъ отъ ужаснаго труда и наслаждаться среди сельскихъ картинъ моего младенчества, въ сообществѣ моихъ дорогихъ сестеръ и вашемъ! Сохрани васъ небо, дражайшій дядюшка, и всѣхъ милыхъ сердцу, перебывающихъ теперь подъ кровомъ роднаго стариннаго пепелища въ Сайзѣ.

Вѣчно любящій васъ племянникъ

Альджерновъ.

Мистру Крѣбсу, 8, Сайзъ-Кортъ, Бэксъ.

На это важное письмо Крѣбсъ отвѣчалъ съ слѣдующею почтою:

Милый мой Альдж, мое письмо твое я получилъ и, по же-

лшию твоему, посылаю тебѣ письмо къ оару Короткохвосту. Онъ человекъ добрый, и поваръ у него лучший въ Европѣ.

Не видѣвшись съ тобой цѣлыхъ семь лѣтъ, мы всѣ были восхищены твоимъ радушнымъ о насъ воспоминаніемъ. Не можемъ не радоваться родственной любви, которая, не смотря на время и отсутствіе, все еще такъ нѣжно, привязана къ дому. Мы живемъ въ жалкомъ, себялюбивомъ свѣтѣ, и рѣдкій, кто вступилъ въ него, можетъ похвалиться, что сохранилъ въ своей свѣжести чувствованія, какія ты сохранилъ, мой дражайшій племянникъ.

Сохрани ихъ на долго: вотъ усерднѣйшая молитва нѣжно-любящаго тебя алаи. Будь увѣренъ, любезный Альджернонъ, что они на всю жизнь будутъ тебѣ лучшимъ утѣшеніемъ, надежнѣйшимъ союзникомъ, подкрѣпляя тебя въ бѣдствіи, улаждая въ ушнѣхъ, кооушевляя къ труду и способствуя твоимъ успѣхамъ.

Жалѣю, покренно жалѣю, что кредитъ мой у Коута такъ неудовлетворителенъ, что уплата тебѣ содержанія въ настоящее время невозможна. Я вижу по своимъ счетамъ, что долженъ тебѣ за девять четвертей, или четыреста пятьдесятъ фунтовъ. Не сомнѣвайся, милый мой племянникъ, что они будутъ выплачены тебѣ сполна при первомъ удобномъ случаѣ.

Кстати, прилагаю здѣсь же нѣсколько извлеченій изъ газетъ, которыя могутъ интересовать тебя. Я получилъ отъ какого-то мистра Блюнта престранное письмо, о картежной сдѣлкѣ, на которую и намекаютъ, какъ я полагаю, посылаемыя выдержки. Онъ говоритъ, что ты выигралъ у неизвѣстнаго Даукинса, четыре тысячи семсотъ фунтовъ; что Даукинсъ заплатилъ ихъ тебѣ; что онъ, Блюнтъ, требовалъ у тебя своей доли въ выигрышѣ; но ты, будто бы, отказался подѣлиться съ нимъ добычей. Какъ это ты можешь, любезный мой племянникъ, ссориться съ такими грязными людьми, или какимъ бы то ни было образомъ поддаваться ихъ нападкамъ? Я самъ довольно поигралъ на своемъ вѣку, но ни одна живая душа не попрекаетъ меня въ двусмысленномъ поступкѣ. Ты долженъ бы былъ или застрѣлать этого Блюнта, или заплатить ему. При настоящемъ положеніи дѣла, первое ужъ поздно, а последнее было бы, можетъ статься, донкихотствомъ. Любезнѣйшій племянникъ,

номни во всю жизнь, что ты никогда не можешь поступить безчестно съ бездѣльникомъ. Двѣ тысячи четыреста фунтовъ, слова нѣтъ, славный ударецъ!

Какъ ты нынче при деньгахъ, то не можешь ли любезнѣйшій мой Альджервонъ, ссудить меня пятьюстами фунтовъ? Клянусь тебѣ честью, заплачу. Братья и сестры твои посылаютъ тебѣ поклонъ. Напрасно прибавлять, что тебя вѣчно нацуютъ благословія любящаго тебя дяди.

P. S. Отпусти пятьсотъ фунтовъ: я тебѣ дамъ росписку въ тысячу.

Нужно ли говорить, что это письмо не совѣмъ то понравилось Дьюсису? Ссудить дядю пятьюстами фунтовъ, вотъ новость! И съ какой радости? Во-первыхъ, онъ не видалъ старика Крѣсса цѣлыхъ семь лѣтъ, какъ справедливо замѣтилъ тотъ въ своемъ посланіи; во-вторыхъ, они другъ друга не слишкомъ жаловали, и въ-третьихъ: если даже племянникъ и любилъ дядюшку, такъ еще больше любилъ онъ кой-кого другаго, именно дядюшкина племянника, и ради этого молодого человѣка онъ не пожалѣлъ бы ничего.

Выдержки изъ газетъ показали, что какъ мы ни секретничали на счетъ картежной продѣлки, публика извѣстилась о ней довольно обстоятельно. Всѣхъ этихъ пасквилей, какъ я узналъ въ послѣдствіи, сочинителемъ былъ Блюнтъ:

Картежная игра: опять мистръ Дью-с-съ! Этотъ прославленный игрокъ въ вистъ употребилъ свои способности въ дѣло съ нѣкоторою пользою. Въ пятницу, 16 января, онъ выигралъ пять тысячъ фунтовъ у восемнадцати лѣтняго джентельмена, Т-м-са См-та Д-к-н-са, эсквайра, изъ Темпла. Мистръ Д. честнымъ образомъ заплатилъ проигравшую сумму ловкому игроку въ вистъ, но мы не слыхали, чтобъ мистръ Д-с-съ, до внезапнаго отъѣзда въ Парижъ, уплатилъ свой проигрышъ мистру Бл-н-ту.

Далѣе идетъ замѣтка корреспондентамъ:

Простакъ спрашиваетъ, знаемъ ли мы о картежныхъ продѣлкахъ знаменитаго Дьюсиса? отвѣчаемъ: какъ не знать? и въ слѣдующемъ номерѣ намѣрены познакомить съ нѣкоторыми изъ нихъ публику.

Отчетъ объ этихъ продѣлкахъ не появился одинъ ко жѣ въ пе-

чить; напротивъ, таже самая газета, которая прежде такъ похвалила Дьюсиса, теперь гремѣла похвалами ему. Вотъ что въ ней говорилось:

На прошедшей недѣлѣ, въ нашу газету вошла статья, въ высшей степени несправедливо затрогивающая характеръ одного молодого человѣка и съ большими дарованіями, племянника М-ра Кр-б-са. Съ негодованіемъ и презрѣніемъ отвергнемъ дерзкую ложь алаго клеветника, опозорившаго мистра Дь-с-са, и позволимъ себѣ предложить этому джентельмену единственно возможное съ нашей стороны удовлетвореніе за эту обиду. Мы не вѣривъ ни низкому лжецу ни его сплетнямъ, и искреннѣйше сожалѣемъ, что подобную оказку довели до свѣдѣнія читателей нашей газеты.

Лучшаго удовлетворенія нельзя было требовать, и мы такъ обрадовались этой выходкѣ добросовѣстнаго редактора, такъ обрадовались, что мой патронъ послалъ къ нему съ поклономъ десяти фунтовую ассигнацію. По тому же адресу онъ посылалъ еще другой, прежде чѣмъ напечатана была эта статейка; для чего не могу придумать; нельзя же предполагать, чтобъ этотъ литераторъ былъ человѣкъ продажный.

Вотъ, когда дѣльце обдѣляли, курьера наняли, нарту принарядили, простились съ Булономъ, и выѣхали во всемъ парадѣ. Задали жъ мы тону! А почтальонъ-то! Шляпа трехугольная, камзолъ кожаный (погода стояла холодная) коса длиной въ три фута, и сапоги, да еще какіе! Въ одномъ могло бы умѣститься цѣлое семейство. Я и мистръ Швигшнапсъ, курьеръ, сидѣли позди, мистръ Дьюсисъ одинъ внутри, какъ турецкій султанъ, и закутавшись въ отличный плащъ. Довко раскланявшись съ толпой, мы тронулись съ мѣста; колокольчики загудѣли, большіе бѣлые кони зафыркали, захрапѣли, забили копытами; почтальонскій бичъ взвизгнулъ и мы покатали.

Не стану описывать нашего путешествія. Мы проѣзжали черезъ разные города, села и столицы; первую ночь переночевали въ Амьенѣ, городѣ, какъ всякому извѣстно, знаменитомъ съ 1802 года по Амьенскому миру. Тутъ мы покушали краснаго, сладкаго соуса, приготовленнаго по-Амьенски: не дурно; только что онъ говори, а нашъ соусъ изъ полсваго герошу въ сто разъ вкуснѣе.

Заговоривъ о зелени, не могу умолчать о забавномъ по этому случаю приключеніи со мной. Дьюсисъ, завтракая передъ отъѣздомъ, просилъ меня купить для него дорожные сапоги. Я пошелъ къ трактирному слугѣ и сказалъ по-нашему, что истре нужны шу: онъ выщучилъ глаза, ухмыльнулся, какъ всегда они дѣлають, пробормоталъ: бонъ, что значить: оченъ хорошо, и скоро воротился.

Будь я не Желтоплюшь, если онъ, вмѣсто сапогъ, не принесъ вамъ блюдо съ капустой. Повѣрите ли? Нынче, въ девятнадцатомъ столѣтіи, когда, люди говорятъ, всадъ оста учителя, эти безмозглые Французы остаются такими невѣждами, что называютъ капусту сапогами! Послѣ этого, никому не позволю сказать, чтобъ эти темные суеверные, жалкіе лякари, въ какомъ бы то ни было отношеніи, могли считаться равными великому британскому народу. Чѣмъ больше путешествую, тѣмъ больше вижу свѣтъ, и чужія наци, тѣмъ больше горжусь своей, и презираю и оплакиваю несчастное невѣжество остальной Европы.

Замѣтки мои о Парижѣ получите при первой оказіи. Я и мистръ Дьюсисъ надѣлали тамъ порядочныхъ проказъ, могу вамъ доложить.

МИСТРЪ ДЬЮСИСЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

I.

ПАРОЧКА.

Генералъ-лейтенанту сэръ Джорджу Грифону, было послѣ семидесяти пяти, когда онъ оставилъ этотъ свѣтъ и остиндскую армию, которой онъ былъ отличнымъ украшеніемъ. Сэръ Джорджъ впервые появился въ Индіи въ званіи юнгъ-юнга; изъ этого званія онъ возвысился до званія капитана въ службѣ Компаніи, и такъ поднимался все выше да выше, пока не достигъ генералъ-лейтенантскаго чина и не пересталъ подниматься, совсѣмъ улегшись въ могилу, куда придется улечься и барабанщику и генералу.

Сэръ Джорджъ не оставилъ ни одного наследника мужскаго пола, для поддержанія имени Грифона. Вдова лѣтъ двадцати

они и дочь двадцати трекъ, одинъ остался оплакивать его потерю и дѣлать его пожитки. По смерти старша сэръ Джорджа, интересная вдовушка и сирота, которая жила съ нимъ въ Индiи, воротилась на родину, пожила нѣсколько мѣсяцевъ въ Лондонѣ, гдѣ имъ не понравилось, и рѣшились ѣхать въ Парижъ, гдѣ лондонская мелочь становится большою знатно, если имѣеть деньги, какъ госпожа Гриффинъ. Смѣтливый читатель самъ догадается, что миссъ Гриффинъ была дочь не леди Гриффинъ; потому что, хоть въ Индiи браки бывали и довольно ранне, все-таки люди не такъ скоро разиваются: дѣло въ томъ, что леди Гриффинъ была вторая жена сэра Джорджа и едва ли нужно прибавлять, что миссъ Матильда Гриффинъ родилась отъ перваго брака.

Миссъ Леонора Кикси, любимая племянница капитана Кикси, красивая, рѣзвая дѣвочка изъ Ислингтона, вывезенная въ Калькуту на двадцать второмъ году, вышла за-мужъ за сэра Джорджа, которому стукнуло ужъ семьдесятъ одинъ. Тринадцать миссъ Кикси, изъ которыхъ девять содержали въ Ислингтонѣ школу, а другiя четыре жили въ томъ же городѣ за-мужемъ, не мало завидовали счастью млада и не мало гордились родствомъ съ ней. Одна изъ нихъ, миссъ Джемима Кикси, старшая и не послѣдняя изъ сестрицъ по дурности, жила у леди и сообщила мнѣ всѣ подробности. О другияхъ членахъ фамили, какъ людяхъ темныхъ, мнѣ, разумеется, ничего неизвѣстно; мои знакомства, благодаря судьбѣ, обрѣтались не въ ихъ кругу, и не въ кругу имъ подобныхъ.

И такъ, эта миссъ Джемима жила у младшей и болѣе дружной счастливой сестрицы, въ званiи компаньонки. Бѣдняжка! я скорѣе согласился бы быть каторжникомъ, чѣмъ вести такую жизнь! Всѣ въ домѣ пренебрегали ею; млада обижала ее. Она писала зависки, вела счеты, приготавливала чай, азиала шоколатъ, чистила канареекъ, и выдавала бѣлье въ стирку. Она была ходячимъ карманомъ млада или редкнземлемъ: подносила и подавала ей носовой платокъ, или флакончикъ со смирношъ. Но цѣльнѣе вечерамъ, когда у млада собиравшом гости, она брѣчала кадрили, а самую никто и не думалъ прѣрывать въ танцамъ; когда миссъ Гриффинъ шла, Джемима шла на оортенiано, и получала выговоры за то, что нѣвице

не въ голосъ; не терпя собакъ, она никогда не выѣжала и не выходила, чтобъ на рукахъ у ней не было пуделя мнѣди; всегда чувствуя дурноту въ каретѣ, она никогда не получала въ экипажѣ другаго мѣста, какъ только впереди. Бѣдная Джемма! какъ теперь вижу ее въ поношеномъ второго сорту платьѣ съ плеча мнѣди, — изъ хорошихъ непоношеное платье отдавалось дѣвушкамъ: сиреневый атласный напоть, взмятый, засаленый; бѣлые атласные башмаки, цвѣту розины; голубая желтая бархатная шляпка, убранныя искусственными цвѣтами, съ райской птичкой, которая пригорюнилась сидѣла на макушкѣ, сохранивъ въ несчастномъ хвостѣ не больше двухъ перьевъ.

Кромѣ этого украшенія гостиницы, лэди и мисъ Гриффинъ держали множество слугъ на кухнѣ; двухъ горничныхъ, двухъ лакеевъ, ростомъ въ шесть футовъ, въ алыхъ кафтанкахъ, и бѣлыхъ каземировыхъ панталонахъ; имъ подъ пару кучера; пажъ, и шассѣра, родъ слуги извѣстнаго только за границей: онъ носилъ трехугольную шляпу, съ серебрянымъ галуномъ; усы, эполеты и шпагу при бедрѣ. Всѣ эти люди служили при двухъ дамахъ, не считая цѣлой роты прекраснаго пола, какъ-то судомоекъ, прачекъ, ключницъ, и прочее.

Мнѣди Гриффинъ нанимала квартиру на вандомской площади и платила за нее по сороку фунтовъ въ недѣлю. Квартира состояла изъ множества великолѣпныхъ комнатъ. Описать такимъ образомъ домъ Лэди, приступаю теперь къ подробностямъ насчетъ самихъ Лэди.

Во-первыхъ и какъ само собой разумѣется, онѣ ненавидѣли одна другую. Мнѣди, двадцатисемилѣтняя вдовушка, послѣ двухлѣтняго супружества, была женщина тучная, бѣлокурая, румяная, и, какъ всѣ такія блондинки, лѣнивая и холодная: казалось, она была неспособна ни къ любви ни къ неприязни, особенно къ первой, она никогда никого не любила, кромѣ самой себя; ненавидѣла, съ свойственнымъ ей хладнокровіемъ, всякаго, кто къ ней приближался, начиная отъ сосѣда-герцога, который не оказалъ ей за обѣдомъ должнаго уваженія, до Джона, лакея, который продралъ дыру на ея шляпѣ. Я думаю, что сердце этой женщины похоже было на автографическій камень: какъ съ него не сотрете что на немъ нарисована

или написано, такъ съ камня милэди, то-есть, съ ея сердца не удалось бы вамъ стереть то, что разъ начерталось на немъ въ видѣ оскорбленія, дѣйствительной или мнимой обиды. Характеръ ея казался въ высшей степени безукоризненный, и ни чей языкъ не дерзалъ порицать его. Всѣ признавали ее привѣрной женой: да это и правда; только она уморила старика мужа въ два года. Она, бывало никогда не выйдетъ изъ себя, никогда не промолвитъ жестокаго слова; зато имѣла геній, геній, какимъ надѣлены нѣкоторыя женщины — обращать домъ въ адъ, и мучить бѣдныхъ домашнихъ почти до сумашествія.

Миссъ Матильда Гриффинъ была гораздо дурнѣе, и почти также любезна какъ и мачиха. Она была горбата и коса; тогда какъ милэди, надо отдать ей справедливость, держалась прямо и смотрѣла прямо. Она была смугла, какъ милэди блѣлокура; сентиментальна, какъ милэди холодна. Милэди никогда не сердилась; миссъ Матильда — всегда; и страшныя происходили между этими двумя женщинами сцены, и страшныя бывали между ними ссоры. Зачѣмъ они жили вмѣстѣ? Это оставалось тайной. Какъ онѣ были не родныя и не терпѣли другъ-друга хуже яду, то, кажется, лучше было бы жить имъ отдѣльно и ненавидѣть другъ-друга въ отдаленій.

Всѣмъ было извѣстно, что старикъ сэръ Джорджъ оставилъ очень значительное состояніе, по-крайней-мѣрѣ, триста тысячъ фунтовъ, какъ я слышалъ; но никто не зналъ, кому оно досталось. Одни говорили, что единственной наследницей была милэди; другіе — что состояніе пошло въ раздѣлъ; третьи — что милэди пользовалась только пожизненно доходомъ, а илліе должно поступить, какъ и слѣдовало, къ миссъ Матильдѣ. Всѣ эти предметы, можетъ статься, не слишкомъ интересныя для британской публики; но они были въ высшей степени важны для Альджернона Перси Дьюсиса, адвоката, и прочее, и прочее.

Я чуть не забылъ доложить вамъ, что онъ коротко познакомился съ ними; и что мы комфортабельно поселились въ отелѣ Мирабо, въ улицѣ де ла Пэ. Мы завели кабриолетъ, и пару лошадей; открыли счетъ у банкира; записались въ клубъ на углу улицы Граммонъ; взяли ложу въ оперѣ; части ѣздили на вечера; обѣдали у сэра Короткохвоста и у другихъ. Благодаря

пяти тысячамъ фунтовъ бѣднаго Даукинса, мы зажили въ Парижѣ настоящими баранами.

Какъ человѣкъ благоразумный, Дьюсисъ, съ порядочной суммой въ карманѣ, на чужой сторонѣ, гдѣ долги не могли беспокоить его, рѣшился отказаться на первое время отъ всякой игры, по-крайней-мѣрѣ, отъ большой: дѣло другое — проиграть или выиграть двадцать Наполеондоровъ въ вистъ или экартэ: деньги не большія, а все-таки это внушаетъ нѣкоторое уваженіе. «Но играть для выигрыша, нѣтъ ни за что! Ни за что на свѣтѣ! Онъ проигралъ на своемъ вѣку, какъ и другіе свѣтскіе молодые люди; выигрывалъ, и проигрывалъ, — старая лисица! не говоритъ что расплачивался; — но давно бросилъ эту забаву, и теперь рѣшился, говоритъ онъ, жить доходами». Дѣло въ томъ, что онъ всѣми мѣрами старался играть роль почтеннаго человѣка.

Онъ аккуратно ходилъ въ церковь; приче́мъ человѣкъ носилъ за нимъ большой, въ черномъ сафьянномъ переплетѣ, молитвенникъ и библію, съ прокладками изъ красныхъ лентъ. Когда я клалъ передъ нимъ эти толстыя книги и онъ наклонялъ голову надъ тщательно приглаженной шляпой, передъ началомъ службы, вы подумали бы, что другаго такого благочестиваго, благоуравнаго молодаго человѣка не найдете. У сэра Короткохвоста, каждая старуха и вдова закатывала глаза подъ лобъ, когда начинали говорить о моемъ патронѣ и увѣряла, что никогда не встрѣчала такого милаго, любезнаго, прекраснаго молодаго человѣка. Какой же онъ долженъ быть добрый сынъ, восклицали онѣ, и ахъ, какой же былъ бы онъ рѣдкій зять! Не прожили мы трехъ мѣсяцевъ въ Парижѣ, какъ онъ успѣлъ ужъ развѣдать тамъ обо всѣхъ дѣвицахъ Англичанкахъ; но, къ несчастью, большая часть ихъ были бѣдны, а любовь въ скроной хижинѣ не соотвѣтствовала образу слеймы мистра Дьюсиса.

Около этого времени появились въ Парижѣ лэди Гриффинъ съ миссъ Гриффинъ, и мой патронъ, у котораго чутье было тонкое, сейчасъ же переѣхалъ тонъ. Въ киркѣ онъ садился подлѣ нихъ и пѣлъ вмѣстѣ съ ними гимны; танцевалъ съ ними на балахъ у посланника; ѣздилъ съ ними въ Булонскій лѣсъ; писалъ стихи въ альбомъ миссъ Гриффинъ, и пѣлъ ду-

эты съ немъ и съ лэди Гриффинъ; покупалъ конфекты для пу-
дела; дарилъ деньги лакеямъ, поцѣлуи и перчатки вертлявымъ
горничнымъ; былъ вѣжливъ даже къ бѣдной миссъ; въ домѣ
у госпожъ Гриффинъ не было ни одной души, которая бы не
обожала этого молодого человѣка.

Если лэди и миссъ Гриффинъ ненавидѣли другъ друга пре-
жде, такъ теперь и подалво. Между ними вѣчно существовала
зависть: барышня завидовала красотѣ матихи, а эта — уму ба-
рышни; барышня трунила надъ лэди за неуспѣхи ея въ ислинг-
тонскомъ пансіонѣ, а лэди издѣвалась надъ ея горбомъ и ко-
сыми глазами. И вотъ явилась еще сильнѣйшая причина къ не-
нависти: та и другая влюбились въ мистра Дьюсиса, — первая
разумѣется, столько, сколько могла по своей холодной себялю-
бивой натурѣ. Она полюбила Дьюсиса за то, что онъ забавлялъ
ее и заставлялъ смѣяться; ей нравились его манеры, верховая
ѣзда, смазливое лицо. Напротивъ, любовь барышни была вся
огонь и безуміе. Она только и думала, что о любви съ самаго
пансіона, гдѣ чуть было не убѣжала съ однимъ французскимъ
учителемъ; и такимъ образомъ продолжала она поступать
съ пятнадцатилѣтняго возраста. Она просто вздыхала по
Дьюсису, плакала, закатывала глазки. Часто, я чуть не хо-
хоталъ, когда приносилъ ему дюжины сложенныхъ въ во-
дѣ трехугольной шляпы и раздушенныхъ, какъ цырюльня, ро-
зовыхъ бильбеду, которые эта до крайности чувствительная ба-
рышня писала къ нему. Дьюсисъ былъ человѣкъ благовоспи-
танный, и пылкая привязанность къ нему барышни, при его об-
разѣ мыслей, казалась ему слишкомъ крѣпкою — извините за
выраженіе. Притомъ же, барышня была горбата и коса: вотъ
причины почему Дьюсисъ, предположивъ даже равенство со-
стоянія, безъ шутокъ предпочиталъ матиху падчерицѣ.

Но вотъ задача: у которой изъ нихъ больше денегъ? Объ
англійской фамиліи узнать это было бы легко; стоило бы толь-
ко заглянуть въ завѣщаніе, въ коллегіумъ римскаго права въ
Лондонѣ; но завѣщаніе этого индѣйскаго набоба находилось въ
Калькутѣ или въ какомъ-нибудь другомъ иностранномъ городѣ,
и копію съ него достать было не возможно. Надо отдать спра-
ведливость мистру Альджернону Дьюсису, что онъ такъ безак-
рыстно любилъ лэди Гриффинъ, и съ радостью женился бы

на ней, если бы даже она была на десять тысяч фунтовъ бѣднѣ Матильды. Между тѣмъ, онъ предположилъ не упускать изъ виду ни той ни другой, пока не узнаетъ, которую рыбку выгоднѣ поймать на удочку: плаванъ не трудный для человѣка съ умомъ мистра Дьусиса; тѣмъ больше, что миссъ попалъ ужъ на крючокъ.

II.

ДЯДЮШКА.

Я сказалъ, что Дьусиса всѣ обожали въ домѣ у лэди Гриффинъ. Слѣдовало бы сказать всѣ, кромѣ одного, — молодаго французскаго дворянина, который, до нашего появленія, былъ въ милости у милэди и занималъ при ней ровно такую же позицію, какую занялъ теперь мистръ Дьусисъ. Мило и назидательно было смотрѣть, какъ хладнокровно онъ вытурилъ бѣднаго кавалера де л'Оржа изъ его сапогъ и какъ ловко самъ влѣзъ въ нихъ. Мосье де л'Оржъ былъ щеголеватый молодой человѣкъ, лѣтами и наружностью равнявшійся. Де л'Оржъ любилъ лэди Гриффинъ искренно, отъ души, а Дьусисъ только прикидывался влюбленнымъ и имѣлъ на своей сторонѣ преимущество, какого не могъ имѣть бѣдный Французъ. Дьусисъ былъ весь улыбка и веселость, тогда какъ де л'Оржъ былъ грустенъ и неловокъ. Мой патронъ бывало наговоритъ лэди Гриффинъ двадцать комплиментовъ, прежде чѣмъ кавалеръ успѣетъ пригладить шляпу, поднять на милэди томные взоры, и вздохнуть такъ, что чуть жилетъ не разорвется. О, любовь, любовь! Не этимъ путемъ можно вкратъ въ сердце женщины, или и не Фицрой Желтоплюшъ! Я самъ, когда начиналъ карьеру у прекраснаго пола, я самъ бывало вздыхалъ и пригорюнивался. Какія же были послѣдствія? Первые четыре женщины, которыхъ я обожалъ, посмѣялись надо мной, и оставили меня для обожателей болѣе развязныхъ. Но я заболтался о самомъ себѣ, чего терпѣть не могу.

Такимъ образомъ, чисто и ясно, мосье Фердинандъ Гициольтъ Ксавье Станиславъ, кавалеръ де л'Оржъ былъ смѣненъ мистромъ Альджернономъ Перси Дьусисомъ, эсквайромъ. Бѣдный Фердинандъ не покидалъ дому милэди: на это у него не

кратко силъ; да и миледи не желала дать ему отпускную. Онъ былъ полезенъ въ тысячу частъ: досчи стать ложу въ оперѣ, написать французскія приглашенія на вечеръ, купить перчатокъ и о-де-колоню, сочинить какую-нибудь записочку, также по-французски, и на тому подобное. Позвольте мнѣ посовѣтовать каждой англійской фамили, отправляющейся въ Парижъ, всегда запастись по-крайней мѣрѣ однимъ молодымъ человѣкомъ изъ роду де л'Оржей. Какихъ бы порученій вы ему ни надавали, будьте увѣрены: онъ дѣлѣй свѣтъ готовъ для васъ исходить. При этомъ, онъ всегда прекрасно одѣтъ, и никогда не выпьетъ, за обѣдомъ больше бутылки вина, а это пунктъ вѣрный, такой-то полезный человѣкъ былъ мосье де л'Оржъ — величайшая подмога и утѣшеніе для миледи. Посмѣяться надъ его англійскимъ прованошеніямъ, и того было бы ужъ довольно для забавы: вотъ быдала комедія-то какъ сойдется онъ съ миледи, и та заговоритъ по-французски, а онъ по-англійски!

Дьусисъ — надо отдать ему справедливость — былъ чрезвычайно вѣжливъ съ бѣднымъ Французикомъ, и выбивъ его изъ позиціи, поступалъ съ побѣжденнымъ непріателемъ какъ нельзя благороднѣе. — Бѣдный, скромный, убитый Фердинандъ обожалъ миледи какъ богиню, и былъ къ моему барину также весьма вѣжливъ, никогда не позволяя себѣ завидовать ему, или оспаривать у леди Гриффинъ право — смѣнять кавалеровъ, какъ ей заблагоразсудится.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла; у Дьусиса на лукѣ были двѣ тетивы, и онъ могъ выбрать вдовушку или сиротку, какъ вѣдувается, *comme bonse lion samble*, какъ говорятъ Французы. Задача состояла только въ томъ, чтобъ узнать какъ распределено наслѣдство? Очевидно, что оно должно было принадлежать той или другой, или обѣимъ. Чтобы тамъ ни было. Дьусисъ могъ быть увѣренъ въ одной, какъ только можетъ быть увѣренъ смертный человѣкъ въ этомъ недлунномъ свѣтѣ,

* * * *

Тутъ случилось неожиданное приключеніе, которое во многомъ намѣнило расчеты моего мистра Дьусиса.

Разъ вечеромъ съозивъ обѣихъ дамъ въ оперу, прожидавъ у нихъ на Вандомской площади бѣлымъ судождъ, рагу изъ ку-

ропатки, шампанскимъ гласе, что значитъ: замороженое, и Дьюсисъ поѣхали въ кабриолетъ домой, довольные какъ нельзя больше.

— Чарльзъ, говоритъ онъ мнѣ, — Дьюсисъ былъ въ духѣ, — если я женюсь, такъ удвою ваше жалованье и переименую васъ въ кастеланы.

Правда, онъ могъ бы удвоить, не обременяя себя, потому-что до-сихъ-поръ не заплатилъ мнѣ ни копѣйки. Но что за бѣда?

Я выразилъ ему благодарность, какъ только могъ. Клялся, что служу ему не изъ жалованья; что люблю его не изъ за денегъ; и что никогда, никогда, пока живъ, не оставлю его. Пока мы говорили эти два спича, — онъ свой, а я свой, кабриолетъ подѣвхалъ къ отелю Мирабо, который, какъ всякому извѣстно, не въ большомъ разстояніи отъ Вандомской площади. Выходимъ на лѣстницу: Дьюсисъ насвистываетъ арію изъ оперы, веселый словно жаворонокъ.

Отворяемъ дверь въ гостиную. Въ комнатѣ горятъ свѣчи; на полу валяется пустая бутылка шампанскаго; другая стоитъ на столѣ; къ столу придвинута софа, а на софѣ лежитъ дюжій, пожилой джентельменъ, покуривая сигару, будто въ трактирѣ.

Дьюсисъ, который какъ вамъ уже извѣстно, не терпѣлъ сигаръ, взбѣленился на этого джентельмена, и не разглядѣвъ его за облакомъ дыму, насказалъ грубостей и сиросилъ, что ему нужно.

Непріятный гость всталъ, и положивъ сигару, началъ хохотать во все горло; наконецъ сказалъ: какъ Альджи! любезнѣйшій мой! ты не узнаешь меня?

Читатель, можетъ статья, припоминаетъ нѣжное письмо, изложенное въ послѣдней главѣ этихъ записокъ, въ которомъ у мистра Альджернона Дьюсиса просили пятьсотъ фунтовъ въ долгъ. Письмо это было за подписью мистра Крѣбса, роднато дялюшки мистра Дьюсиса. Онъ-то и курилъ сигару у насъ въ комнатѣ.

Крѣбсу, какъ я полагаю, было подъ шестьдесятъ. Носъ этого дюжого, высокаго, краснолицаго лысаго господина, ка-валось, краснѣлъ отъ того, что безпрестанно проглотывалъ его ротъ; рука его немного дрожала; ноги и икры у него были

уже не так полны и упруги, какъ въ старое время; но вообще онъ имѣлъ наружность красивую.

— Какъ Альджи, племянничекъ мой! кричитъ онъ, выступая впередъ и хватая Дьюсиса за руку: уже ли ты не узнаешь своего дядю?

Дьюсисъ не слишкомъ обрадовался. Дядюшка, сказалъ онъ, медленно и поблѣднѣвъ: признаюсь — я никакъ не ожидалъ — имѣть удовольствіе — видѣть васъ въ Парижѣ. Дѣло въ томъ, что въ этой комнатѣ такъ накурено, что сквозь туманъ я не могъ разглядѣть, кто бы такой пожаловалъ ко мнѣ.

— Гадкая привычка, Альджерновъ; гадкая привычка, сказалъ дядя, закуривая другую сигару; отвратительное, грязное обыкновеніе, и ты прекрасно дѣлаешь, что избѣгаешь его, дорогой Альджерновъ. Это неопратное препровожденіе времени уже тѣмъ вредно, что человѣкъ становится отъ него неспособнымъ къ умственнымъ занятіямъ и къ участию въ почтенномъ обществѣ; оно уничтожаетъ силу души и наружную красоту. Кстати, какой здѣсь въ гостинницѣ адскій табакъ. Не можешь ли послать, достать для меня нѣсколько штукъ сигаръ въ кафэ-де-пари? Дай пять франковъ; да вели сейчасъ же итти.

Тутъ дядя изволилъ покашлять, и выпилъ еще стаканъ шампанскаго. Не съ большой охотой, племянникъ вынулъ деньги и послалъ за сигарами.

Я зналъ, что кафэ де пари уже заперто; но не сказалъ ни слова, спокойно усѣлся въ другой комнатѣ, и, по особенному стеченію обстоятельствъ, могъ разслушать до слова весь разговоръ между родственниками.

— Потрудитесь подать мнѣ другую бутылку, сказалъ дядя, послѣ нѣкотораго молчанія. Бѣдный мой патронъ, привыкшій быть предсѣдателемъ бесѣдъ, принужденъ былъ играть здѣсь на второй скрипкѣ, и отправился къ шкафу, изъ котораго дядя его досталъ уже двѣ бутылки лучшаго Силлери.

Мистръ Дьюсисъ поставилъ бутылку передъ дядей, кашлянулъ, плюнулъ, отворилъ окно, поправилъ огонь, зѣвнулъ, ударилъ рукой по-лбу, и по видимому находился въ самомъ непріятномъ положеніи. Но все напрасно: старикъ не думалъ трогаться съ мѣста. — Потрудись-ка, говоритъ онъ опять, достань еще бутылку; да выпей.

— Вы очень добры, дядюшка, возражает тотъ; но, увѣрю васъ, я не пью и не курю.

— Прекрасно, племянничекъ, прекрасно. Что ни говори на этомъ свѣтѣ о доброй совѣсти, а добрый желудокъ еще лучше. Спитъ спокойно, голова не болитъ, не правда ли? Встаетъ утромъ и бодръ, и свѣжъ, и способенъ къ юридическимъ занятіямъ, неправда ли? и тутъ онъ усмѣхнулся такъ, что сдѣлалъ бы честь самому мистру Грималеди.

Дьюсисъ блѣднѣлъ и ёжился, но не отвѣчалъ ни слова. Примѣрный дядюшка продолжалъ говорить жарче и жарче, и при каждой точкѣ выпивалъ по стакану вина.

— Какъ ты долженъ успѣвать, съ такими дарованіями и привиліями! Да, Альджернонъ, весь Лондонъ говоритъ о твоихъ умѣньи жить, о твоей твердости характера. Ты не простой философъ! Ты нашелъ философскій камень. Отличная квартира, отличныя лошади, шампанское, и все это на двѣсти фунтовъ въ годъ!

— Полагаю, дядюшка, говоритъ Дьюсисъ; вы разумѣете тѣ двѣсти фунтовъ въ годъ, которые вы мнѣ даете?

— Именно, любезный племянничекъ; именно! отвѣчаетъ тотъ, чуть не помирая со смѣху. Вотъ въ томъ-то и чудо. Я никогда не выплачиваю тебѣ этихъ двухсотъ фунтовъ, и ты поддерживаешь весь этотъ блескъ безъ копѣйки. Открой мнѣ свой секретъ, юный мой Трисмегистъ! Скажи старикку дядѣ, какъ совершаются подобныя чудеса, и вотъ тебѣ мое слово, что ты будешь получать отъ меня свои двѣсти фунтовъ каждую четверть года аккуратно.

— Однако жъ, дядюшка, говоритъ мистръ Дьюсисъ; потерявъ всякое терпѣніе, и вскочивъ со стула: позвольте васъ спросить наконецъ, что значить этотъ визитъ? Вы оставляете меня голодать; а между-тѣмъ изволите трунить надо мной, потому только, что я умѣю достать кусокъ хлѣба. Вы находите меня въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, и —

— Совершенно такъ, племянничекъ; совершенно такъ. Будь хладнокровнымъ, да подай мнѣ бутылку. Я нахожу тебя въ благопріятныхъ обстоятельствахъ; и молодой джентельменъ съ твоими умомъ и познаніями спрашиваетъ, зачѣмъ я ишу его сообщества? Ахъ, Альджернонъ, Альджернонъ, это не достойно

такого глубокого какъ ты философа. Зачѣмъ я иду тебя? Да именно потому, что ты въ хорошихъ обстоятельствахъ, о, племянничекъ мой; иначе, зачѣмъ прѣхалъ бы я къ тебѣ? Развѣ я, или кто другой изъ нашего семейства, получалъ когда отъ тебя какой-нибудь знакъ любви твоей къ намъ? Развѣ мы или другой кто изъ нашихъ знакомыхъ или близкихъ, подозрѣвали тебя когда хоть въ одномъ великодушномъ поступкѣ? Развѣ мы когда-нибудь посягали на любовь твою, или ты на нашу? Альджеронъ Дьюсисъ, ты не нуждаешься въ дядѣ, для того, чтобы сказать тебѣ, что ты мотъ и оплетаю. Я заплатилъ тысячи за долги твои и твоихъ братьевъ; и если ты не платишь никому, такъ я заставляю тебя мнѣ заплатить. Ты не хотѣлъ раздѣляться со мною любовно, когда я писалъ тебѣ и просилъ у тебя денегъ въ займы. Я зналъ, что ты не исполнишь моей просьбы. Напиши мнѣ о намѣреніи своемъ прѣхать сюда, ты непременно далъ бы отъ меня тягу; и вотъ я прѣхалъ, незванный, чтобъ заставить тебя расплатиться со мною. Вотъ для чего я здѣсь, мистръ Альджеронъ; и такъ, потрудись подать мнѣ бутылку.

Послѣ этого эпича, старикъ опустился на софу, и выпустилъ изъ рта такую пропасть дыму, какъ-будто онъ былъ труба какого-нибудь парохода индѣйской компаніи. Признаюсь, мнѣ нравилась сцена, и я съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ этотъ старикъ мучилъ племянника, точно также какъ послѣдній упражнялся когдато надъ мистромъ Ричардсомъ Блюнтомъ. Лице Дьюсиса сначала было красно, какъ горячій уголь; потомъ побѣлѣло какъ извѣсть; наконецъ поснѣло какъ снѣжка: ни дать ни взять, мистръ Кукъ въ трагедіи Франкинстанъ. Наслыу — наслыу собрался онъ съ духомъ, чтобъ заговорить.

— Дядюшка, сказалъ онъ: увидя васъ, я сейчасъ же подумалъ, что тутъ что-нибудь да есть. Пусть я мотъ и оплетаю: вѣдь это у насъ семейный порокъ, и я обязанъ моими добрыми качествами примѣру вашему. Вы можете понять весьма простую вещь: какъ я ни безрасуденъ, однако жъ не въ такой степени, какъ вы воображаете; и если я досталъ денегъ, то намѣренъ ихъ сберечь, до копѣйки, хоть бы вывъ десять разъ больше грозилъ мнѣ, чѣмъ теперъ.

— Ну, ну, племянничекъ, сказалъ мистръ Крабсъ, который

по видимому продремалъ весь сонъ Дьюссиса, и принималъ все его насмѣшки и сарказмы съ величайшимъ хладнокровіемъ: ну, ну, если хочешь упрямитъся, тебѣ же будетъ хуже; я вовсе не намѣренъ разорять тебя, и ни мало на тебя не сержусь; но я непремѣнно долженъ и хочу получить тысячу фунтовъ. Гараздо лучше, если дашь мнѣ сейчасъ же; не то — тебѣ обойдется дороже.

— Дядюшка, говоритъ мистръ Дьюссель: позвольте и мнѣ быть также окровавленнымъ. Я не дамъ вамъ ни копѣйки, хоть бы даже для того, чтобъ спасти васъ отъ —

Тутъ я заблагорассудилъ отворить дверь, и сказалъ: человѣкъ ходилъ въ кафэ-де-пари, но канцлерская уже заперта.

— Ладно: вотъ славный малый; можете оставить себѣ пять франковъ. Теперь пожалуйста господниъ писарь освѣтите мнѣ съ лютиницы.

Но Дьюссель выхватилъ у меня изъ рукъ свѣчу.

— Помните, дядюшка, сказалъ онъ: встаетъ ли дѣлать это дмѣ, когда вашъ племянникъ въ комнатѣ? Что, дражайшій дядюшка, прибавилъ онъ, хочоча: вы думаете, что между нами вѣжливость больше не существуетъ? и онъ пошелъ провозить старика.

— Доброй ночи, дорогой племянничекъ, сказалъ Крѣсь.

— Да сохранитъ васъ Господь, дядюшка, сказалъ племянникъ. Тендо ли вы одѣты? Помните же, путь стуженька.

Такъ расстались родственники.

ЗАНИСКИ МИСТРА ЖЕЛТОПЛЮША.

=

РОМАНЪ ТЕККЕРЕЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

III.

МАНЕВРЫ.

Утромъ Дьюсисъ всталъ съ кислымъ лицомъ: видно онъ думалъ, что дялюшкинъ визитъ не предвѣщаетъ добраго. За завтракомъ онъ что-то борноталъ и потомъ рылся въ ежедневныхъ ассигнаціяхъ; разъ онъ отложилъ было пачку ихъ въ сторону, чтобъ послать къ Кребсу: такъ я доиспытывался. — Но нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ, связавъ ихъ съ прочими и бросивъ въ ящикъ: какой можетъ онъ сдѣлать мнѣ вредъ? Если онъ плутъ, такъ я знаю кой-кого плутоватѣе. Посмотримъ, удастся ли намъ поразить его его же оружіемъ. — Съ этими словами, мистръ Дьюсисъ одѣлся въ лучшее платье и отправился на вандомскую площадь, съ визитомъ къ прекрасной мовушикѣ и интересной сироткѣ.

Было около десяти часовъ, и онъ, увидясь съ дамами, предложилъ имъ множество плановъ для пріятнаго препровожденія дня: небаду въ буловскій лѣсъ, прогулку въ Тюильри, откуда въ Шапель, и наконецъ въ пять часовъ обѣда въ кафе-де-нери; послѣ обѣда—въ театръ Портъ де С-т. Мартенъ, гдѣ давала новую възду «Сусанну».

Т. СХХV. — Отд. II.

6

Дамы согласились на все, кромѣ обѣда и театра.

— Мы приглашены, любезный мистръ Альджернонъ, сказала миледи. Посмотрите, вотъ премилое письмо отъ лэди Короткохвостой. — И она подала мистру Дьюсису надушеную записочку отъ этой знатной барыни. Вотъ содержаніе записки:

Фобуръ С:тъ-Онора, четвергъ, 15-го февраля 1847 г.

Милая моя лэди Гриффинъ, вотъ ужъ вѣкъ, какъ мы не видались. Несносныя общественныя обязанности такъ отвлекаютъ и меня и лорда Короткохвоста, что у насъ едва достаетъ времени видѣться съ нашими короткими друзьями, въ числѣ которыхъ, надѣюсь, моя милая лэди Гриффинъ, вы позволите считать и васъ. Извините ли безцеремонное приглашеніе откушать съ нами сегодня въ нашемъ отелѣ? Мы будемъ *en petit comité*, и ваша любезная дочь, вѣроятно, не откажется доставить намъ, вечеромъ, удовольствіе своимъ прелестнымъ пѣніемъ. Можетъ статься, мнѣ слѣдовало бы написать особое приглашеніе дорогой миссъ Гриффинъ; но я надѣюсь, что она будетъ снисходительна ко мнѣ, зная сколько у меня письма.

Прощайте до семи: въ семь я непременно должна видѣть васъ обѣихъ. Навсегда, милая лэди Гриффинъ, ваша преданная,
Элиза Короткохвостова.

Подобное письмо отъ великобританской дамы, принесенное миссеромъ, и запечатанное гербовою печатью, окружить кому хотъ кому изъ людей изъ средняго круга. Лэди Гриффинъ обезумѣла отъ радости; и за долго до визита моего адвоката отпривила двухъ лакеевъ, Мортимера и Фицларенса, съ вѣжливимъ отвѣтомъ, что принимаетъ приглашеніе.

Дьюсисъ прочелъ записку не съ большимъ восторгомъ. Онъ чувствовалъ, что за кулисами что-нибудь да кроется, и хотъ не могъ дать себѣ отчета, но былъ убѣжденъ, что ему угрожаетъ близкая опасность. Равенно началъ свои козни старая ледица, дядюшка!

Дьюсисъ возвратилъ письмо, злобно усмѣхнулся, и шамекнулъ, что подобное приглашеніе просто оскорбленіе въ вѣнцовой серкѣ, пив-алле; и прислано потому только — миледи и миссъ могутъ быть въ этомъ увѣрены — что у лэди Короткохвостой не достаетъ двухъ дамъ за столомъ. Лэди Гриффинъ:

миссъ не хотѣли ослушаться его внушеній; онѣ знали слишкомъ мало лордовъ, чтобы отвергать приглашеніе отъ кого-нибудь изъ нихъ. Онѣ непременно побѣдуть, и бѣдный Дьюснсъ долженъ обѣдать одинъ. После прогулки и другихъ удовольствій, онѣ воротились вѣжливѣ съ нами, шутили и смѣялся; была чрезвычайно колони съ леди, нѣжность и сентиментальность съ миссъ, и наконецъ удалился, оставивъ ихъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа заниматься туалетомъ къ обѣду.

Когда я подошелъ къ двери, — надо сказать, что я былъ принятъ у нихъ какъ домашній; — когда я вошелъ въ гостиную и сказалъ, что кабріолетъ готовъ, Дьюснсъ прекладнопрочно вынималъ изъ кармана бумажникъ и клалъ его подъ подушку на софѣ. Это что за штука? подумалъ я.

Такъ и есть, что штука. Спустя часа два, когда барыни должны были уже уѣхать, баринъ вдругъ спозвятился о своемъ портфель и отправился опять къ леди Грисемъ отъюкивать его.

— Пожалуйста, говоритъ онъ, входя: перспсите миссъ Кикси, не могу ли я видѣть ее на минуту. — И вотъ опустившись миссъ Кикси, улыбался и радуясь, что видитъ его.

— Да, мистръ Дьюснсъ! говоритъ она, стараясь вырассѣять какъ можно больше: вы совершенно изумляете меня! Я рѣшительно не знаю, прилично ли мнѣ принять молодого человека, когда я одна.

— О, нѣтъ, не гоните меня, милая миссъ Кикси! Знаете ли, я прѣвѣчалъ къ вамъ съ двойною цѣлью: во первыхъ, узнать, не одѣсь ли я оставилъ потеранный бумажникъ; и потомъ просить васъ; не будете ли вы такъ добры, чтобъ сжалиться надъ одинокимъ холостякомъ и дать ему чашку вашего прекраснаго чаю?

Прекраснаго чаю! Я чуть не лопнула со смѣху: побожусь, что онъ не съѣлъ ни куска за обѣдомъ!

Но что за бѣда? Садитесь за чай. — Вы кушаете со смѣху и смѣромъ, любезный мистръ Дьюснсъ? говоритъ бѣдная Кикси голосомъ шипшанъ, какъ у горлицы.

— Съ тѣмъ и другимъ, милая миссъ Кикси! отпѣивалъ левъ, и такъ прилася пощипать брѣвни и широкки, что одѣла бы честь любой вращи.

Но стану описывать разговор между Дьюисомъ и этой молодой барышней. Читатель, можетъ остаться, самъ знаетъ, для чего мистеръ Дьюисъ принялъ на себя трудъ бесѣдовать съ нею цѣлый часъ и пить дюжину стакановъ чаю. Ему хотѣлось разузнать отъ нея о денежныхъ дѣлахъ госпожъ Гриффинъ, и разомъ разрѣшить вопросъ, на которой изъ нихъ жениться?

Бѣдняжка, какъ само-собою разумѣется, была не чета моему адвокату. Въ четверть часа, онъ — если позволить мнѣ употребить его выраженіе — выворотилъ ее на изнанку. Онъ узналъ все, что она знала, а знала она очень не много, бѣдняжка. Она слышала, что госпожа Гриффинъ получаетъ девять тысячъ фунтовъ годоваго дохода съ капитала, домовъ, индійскихъ облигацій и многоаго другаго. Акты на покупку и продажу подписываютъ обѣ дамы, и деньги, повидимому, раздѣлены между ними по равной части.

— Девять тысячъ въ годъ! — Дьюисъ отправился домой; щеки у него горѣли, сердце токало. Онъ, человѣкъ безъ состоянія, можетъ завтра же, если захочетъ, быть обладателемъ пяти тысячъ фунтовъ годоваго дохода!

Такъ. Но какимъ образомъ? Кому принадлежитъ наследство матери, или дочери? Все чаепитіе не открыло ему ни частички познания, и Дьюисъ жалѣлъ, что нельзя жениться на обѣихъ.

Поздно вечеромъ дамы воротились домой, въ восторгѣ отъ приѣма у Короткохвоста, и выйдя изъ кареты, приказали кучеру вести дагѣ какого-то дюжаго господина, который помогать имъ выходить изъ экипажа и самымъ нѣжнымъ манеромъ пожать имъ руки при прощаньи, обѣщая часто бывать у леди Гриффинъ. Онъ былъ такъ въжливъ, что хотѣлъ-было провести даму на лѣстницу, но его не допустили. Эдвардъ, генералъ онъ кучеру громко, чтобъ всѣ въ домѣ слышали, велелъ милорду домой. — Теперь угадаете ли, кто былъ этотъ милордъ? Никто другой какъ извѣстный уже читателю сэръ Крэбсъ; тотъ самый помилый джентльменъ, котораго мы недавно застали въ таинственной бесѣдѣ съ племянникомъ. Дьюисъ узналъ объ этомъ на другой же день, и, вѣжется, расказалъ, что не далъ леди ни въ тысячи фунтовъ.

Обстоятельства обѣда у Короткохвоста дошли до моихъ ушей спустя нѣкоторое время; я могу рассказать ихъ здѣсь, если

въ слово, какъ они мнѣ разсказаны тѣмъ самымъ джентльменомъ, который служилъ за столомъ сэра Крэбса.

Обѣдали *en petit comité*, какъ сказала сама леди Короткохвостова; сэръ Крэбсъ сидѣлъ между обѣими Гриффинъ, и былъ съ ними чрезвычайно любезенъ и вѣжливъ. — Позвольте, говоритъ онъ леди Гриффинъ, между супомъ и рыбой: позвольте, милая мадамъ, поблагодарить васъ, душевно поблагодарить за ваше милостивое вниманіе къ моему племянничку. Вы еще слишкомъ молоды и неопытны; но, надѣюсь, можете понять чувство признательности моей за благосклонность, оказываемую племянничку. Повѣрьте, прибавляетъ онъ, нѣжно взглянувъ ей прямо въ лицо: честь, которую вы сдѣлали другому, мнѣ сдѣлали, и пробудили въ моей душѣ благодарныя и нѣжныя чувства, которыя успѣли уже внушить моему Альджерону.

Леди Гриффинъ покраснѣла и опустила голову, такъ-что ея локоны упали на тарелку съ рыбой. Лестъ сэра Крэбса она глотала съ такимъ же удовольствіемъ, какъ кусочки шорела. Сэръ, у котораго сила въ челюстяхъ была необычайная, обратился теперь къ миссъ Гриффинъ съ новымъ смѣхомъ; сказалъ, что до него дошли слухи, какъ счастливъ его племянникъ. Миссъ покраснѣла — этакой счастливецъ! — миссъ покраснѣла какъ макъ; тутъ Крэбсъ глубоко вздохнулъ и принялся кушать соусъ изъ морскихъ раковъ. И Дьюснесъ былъ настеръ полетѣть; но сравнивать его съ Крэбсомъ, тоже что равнять съ горой бугорокъ кретовой норки. Меньше чѣмъ въ одинъ вечеръ, Крэбсъ сдѣлалъ столько успѣховъ, сколько не сдѣлать другому въ цѣлый годъ. Его нѣжный, вкрадчивый голосъ, его богатый запасъ анекдотовъ, и въ-особенности прекрасный, высоко-правдивый, религіозный и внушающій уваженіе общій тонъ его бесѣды заставили забыть и красоту его носа и излишнюю тучность его желудка, и злобное выраженіе его косыхъ взглядовъ. Можетъ статься, вы скажете, что такіа богатая барыня не могла такъ скоро увлечься; но позвольте припомнить вамъ, мой любезный читатель, что онъ только что прѣхали изъ Индіи; что онъ, какъ всякая Англичанка, одаренная возвышенными чувствами и читающая фэнтэзельные

романы, и что адъсь, въ Парижѣ, онѣ-одѣлали первый шагъ въ велико-свѣтское общество.

Вотъ, послѣ обѣда, миссъ Матильда принимается распѣвать *distanti* и другія подобныя изъ знаменитыхъ итальянскихъ арій, — ей стоило только начать: начнетъ, такъ самъ чортъ ее не остановитъ, — а старикъ опять подѣлся къ лэди Гриффинъ, и мало-по-малу начинаеть вести съ нею рѣчь совсѣмъ на другой ладъ.

— Какое счастье для всѣхъ насъ, говоритъ онъ, что Алджернонъ нашелъ добрую знакомую въ такой достойной уваженія особѣ какъ вы?

— Въ самомъ-дѣлѣ, сэръ, а почему такъ? Вѣроятно я не одна достойная уваженія особа, съ которою знакомъ мистръ Дьюисъ?

— Правда; онъ былъ знакомъ не съ однѣми вами; его происхожденіе и, позвольте сказать, родство со мной, доставили ему много знакомыхъ. Но — тутъ сэръ тяжело вздохнулъ.

— Но что же? со смѣхомъ говорить миледи, при видѣ унылаго выраженія его лица. Не хотите ли сказать, что мистръ Дьюисъ ихъ потерялъ или недостойнъ ихъ?

— Надѣюсь, что нѣтъ, милая мадамъ Гриффинъ; надѣюсь, что нѣтъ; но онъ безразсуденъ, вѣтренъ, расточителенъ и въ долгахъ; а вы знаете, человѣкъ при такихъ обстоятельствахъ не слишкомъ разборчивъ на знакомства.

— Въ долгахъ? Боже милосердый! Да онъ говоритъ, что бабка оставила ему двѣ тысячи фунтовъ годового дохода, котораго онъ даже не проживаетъ — состояніе очень порядочное для домостаго человѣка.

Кралеъ прискорбно покачалъ головой и сказалъ: сударыня, дадите мнѣ честное слово сохранить тайну? Племянникъ мой получаетъ всего навсѣ тысячу фунтовъ, которые я ему даю, и крутомъ въ долгахъ. Боюсь, онъ играетъ въ карты; но этой причинѣ я и радуюсь, что онъ попалъ въ почетный семейный кругъ, гдѣ, въ присутствіи большаго и чистѣйшихъ обольщеній, онъ можетъ отстать отъ картъ и дурнаго общества.

Лэди Гриффинъ серьезно приаадумалась. Ужели это правда? Отъ души ли мистръ Дьюисъ ищетъ ея любви, или онъ воючится только за ея богатствомъ? Можно ли не вѣрить сло-

ву дяди? Она рѣшилась испытать Дьюсиса. Можеть статься, она не знала, до какой степени любить его, пока не дошла до мысли, какъ должна возненавидѣть его, если опытъ докажетъ, что онъ только прикидывается влюбленнымъ.

Вечеръ кончился, и они воротились домой, какъ вы уже видите: Кребсъ отправился къ себѣ въ каретѣ госпожъ Гриффинъ, а онѣ пошли на лѣстницу въ свои комнаты.

Здѣсь, къ удивленію, онѣ нашли бѣдную миссъ Кикси веселую и улыбающуюся: но всему было видно, что у нея на душѣ есть тайна, въ высшей степени пріятная. Недолго хранила она эту тайну. Приготовляя чай для дамъ,—онѣ всегда пили по чашкѣ чаю передъ сномъ,—миссъ Кикси ни съ того ни съ сего сказала: ну, милэди, какъ вы думаете: кто пилъ со мной чай? Бѣдняжка, дружеское лицо было въ ея жизни событіемъ — чашка чаю съ чужимъ человекомъ, гостемъ ея, — вроду.

— Наверно Леонаръ, моя милая, сказала съ серьезнымъ видомъ милэди. Я желала бы, миссъ Кикси, чтобъ вы не слишкомъ сводили дружбу съ прислугой. Помните, мадамъ, что вы сестра лэди Гриффинъ.

— Нѣтъ, милэди, не Леонаръ; то былъ одинъ джентльменъ и премилый джентльменъ.

— А, такъ стало-быть мосье де л'Оржъ, говорить миссъ; онъ обѣщаль принести мнѣ струнъ къ гитарѣ.

— Нѣтъ, и не де л'Оржъ. Онъ заходилъ, но не до такой степени былъ въжливъ, чтобъ спросить обо мнѣ. Чтѣ вы думаете о своемъ красавчикѣ, благородномъ мистрѣ Альджерновѣ Дьюсисѣ? Тутъ бѣдная Кикси сложила ручки и просіала радостью, будто отъ какого великаго счастья.

— Мистръ Дьюсисъ былъ здѣсь? а зачѣмъ, позвольте спросить? сказала милэди, припоминая все, что говорилъ о немъ его достойный дядюшка.

— Во-первыхъ, мистръ Дьюсисъ забылъ свой бумажникъ; во-вторыхъ, онъ хотѣлъ, какъ говорить, выпить у меня чашку чаю: дѣйствительно онъ пилъ чай и оставался со мной съ часъ, или больше.

— Скажите же на-милость, миссъ Кикси, возразила миссъ Матильда презрительно: о чемъ вы могли бесѣдовать такъ

долго съ мистромъ Альджернономъ? О политикѣ, о музыкѣ, объ изящныхъ искусствахъ, или о метафизикѣ?

— Миссъ Матильда, настоящая свиней чулокъ, какъ всё горбуны, всегда имѣла претезаю говорить о подобныхъ высклякъ предметахъ.

— Нѣтъ, онъ не занимался такими высвренними вопросами; вы знаете, Матильда, что я бы не поняла его. Сначала мы толковали о погодѣ, потомъ о пирожкахъ и брѣюшкахъ. Мистръ Дюссисъ больше всего любитъ брѣюшки, какъ онъ говоритъ; далѣе, мы разсуждали — тутъ миссъ Кикси воняла гелюсъ — разсуждали о бѣдномъ, любеаномъ сэрѣ Джорджѣ — вѣчная ему память — о томъ, какой онъ былъ добрый мужъ и...

— И какое прекрасное оставилъ состояніе — не правда ли миссъ Кикси? подхватила милая жесткимъ, саркастическимъ тономъ, и съ дьявольской усмѣшкой.

— Да, милая Леопора, онъ отзывался съ почтеніемъ о вѣщемъ покойномъ супругѣ, и выказывалъ такое теплое участіе въ васъ и Матильдѣ, что отрадно было слушать его, доброе молодого человѣка.

— Скажите же, миссъ Кикси, что вы ему говорили?

— О, я говорила, что у васъ съ Леопорой девять тысячъ фунтовъ годового дохода, и что....

— Что же далѣе?

— Да ничего; вотъ все, что мнѣ извѣстно. Знаю только, что я желала бы имѣть девяносто, возрадила бѣдная Кикси, поднавъ глаза къ потолку.

— Бездѣлица! Не спрашивалъ ли мистръ Дюссисъ, какъ распредѣлено наследство, и кому изъ насъ оно принадлежитъ?

— Спрашивалъ, но я не умѣла отвѣчать.

— Такъ я и знала! вскричала милая, роня чашку, а это знала!

— Ну, такъ что же, лэди Гриффинъ? сказала Матильда. Альджерномъ сдѣлалъ безобидный вопросъ. Онъ не корыстолюбецъ; онъ весь простодушіе, наивность, великодушіе! Онъ самъ достаточно надѣлалъ мірскими благами, и желалъ бы, какъ онъ мнѣ говорилъ не разъ, чтобы набранная его сердца пришла къ нему безъ копѣйки, для того, чтобъ онъ могъ доказать чистоту своей любви.

— Не сомнѣваюсь, отвѣчала милоди.

Съ этими словами милоди побѣжала вонъ изъ комнаты и хлопнула дверью, оставивъ миссъ Матильду заливатьса, по приличію, слезами, и повѣрять свои радости и скорби сердцу миссъ Кикси.

IV.

ПОНАЛЪ ВЪ ГВОЗДЬ ПРЯМО ПО ГОЛОВКЪ.

На слѣдующій день, утромъ, я и Дьюсонъ отправились къ госпожи Гриффинъ: я остался шутить съ горничными въ передней, а онъ пошелъ къ барынямъ въ гостиную. Миссъ Брадала на гитарѣ, милоди стояла у большаго ящика съ бумагами и разсматривала счета, банкирскія книги, письма адвокатовъ и тому подобное. Признаться, и я съ радостью занялся бы станинъ дѣломъ, особенно еслибъ у меня, какъ у леди Гриффинъ, годовой отчетъ составлялъ семь или восемь тысячъ. Милоди всѣми этими дѣлами завѣдывала сама: барышня была слишкомъ сантиментальна, чтобы думать о нихъ.

У миссъ Матильды глаза заблестѣли, когда показался Дьюсонъ; она любезно указала ему мѣсто на софѣ подлѣ себя, которое онъ ту же минуту занялъ. Милоди только-что взглянула на него, улыбнулась очень привѣтливо и опять зарылась въ бумаги, словно пчелка въ цвѣткѣ.

— Леди Гриффинъ получила изъ Лондона множество писемъ отъ адвокатовъ и разныхъ лицъ, сказала миссъ: подите, садитесь подлѣ меня, вѣтренникъ!

— Охотно, моя милая миссъ Гриффинъ, отвѣчалъ онъ: да это просто tête-à-tête!

— Ну, сказала миссъ, послѣ предварительныхъ, какъ водится, комплиментовъ: мы встрѣтили у Короткохвоста одного изъ вашихъ родныхъ, мистръ Дьюсонъ.

— Неверно лядю; онъ въ большой дружбѣ съ нимъ, и узналъ меня самого своимъ посвѣщеніемъ третьяго дня!

— Какой милый, пріятный пожилой человекъ! Какъ онъ васъ любитъ, мистръ Дьюсонъ!

— О, до безумія! восклицаетъ Дьюсонъ, закрывъ глаза подлѣ лобъ.

— У него только и рѣчи что объ васъ; и какъ онъ васъ называетъ!

Адвокатъ вздохнулъ свободнѣе. — Онъ очень добръ, мой любимый дядюшка; только слышъ, какъ все добрыя дядюшки онъ пристрастенъ ко мнѣ.

— Онъ говоритъ, что вы его любимый племянникъ, и жалѣетъ, что не старшій. «Я могу оставить ему только малую часть, принадлежащую по закону младшему — сказалъ онъ; но это еще не бѣда — у него есть способности, благородное имя и свое независимое состояніе.

— Независимое состояніе? О да, правда! Я совершенно независимъ отъ дяди.

— Двѣ тысячи фунтовъ годового дохода, оставленнаго вамъ бабкой — тоже самое, что вы намъ говорили, знаете.

— Ни больше, ни меньше, возражаетъ Дьюсмонъ, качая головой: этого довольно, милая миссъ Гриффинъ; для человѣка, съ немнѣющимися потребностями, даже много.

— Кстати, вскричала леди Гриффинъ, перебивая разговоръ: вы разсуждаете о денежныхъ дѣлахъ: подите же посмотрите мнѣ бѣдной! Подите сюда, вѣтренникъ, и помогите сосчитать вотъ этотъ длинный, предлинный счетъ.

Ему ли было не пойти? Боже мой, какъ онъ просіялъ, когда пошелъ черезъ комнату и съѣлъ подлѣ милледи!

— Посмотрите! сказала она: мои агенты пишутъ, что за нихъ ныя переведено 7,200 руній, по два шиллинга 9 пенсовъ за рупію. Скажите, пожалуйста, сколько это составитъ на фунты и шиллинги.

Адвокатъ исполнилъ порученіе съ величайшею охотой.

— Девятьсотъ девяносто фунтовъ. Прекрасно: навѣрно счетъ вашъ безошибоченъ; самой мнѣ его не повѣрять. Теперь другой вопросъ: чьи это деньги, мои, для Матильдыны? Видите, это проценты на капиталъ въ Индіи, котораго мы не имѣли случая трогать, и, по условіямъ завѣщанія бѣднаго сира Джорджа, я рѣшительно не знаю, какъ распорядиться этими деньгами, развѣ истратить ихъ. Матильда, что намъ съ ними дѣлать?

— Ахъ, мадамъ, распорядитесь сами, какъ увидите!

— Ну, Альджернонъ, такъ вы научите меня; — съ этими

словами она положила руку къ нему на плечо, и взглянула въ лицо самымъ трогательнымъ манеромъ.

— Я не знаю, сказала онъ: какъ сэръ Джорджъ распредѣлилъ свое состояніе; вы должны прежде показать мнѣ его завѣщаніе.

— О, съ охотой.

Словно иружины очутились въ подушкѣ стула, на которомъ сидѣлъ Дьюссъ: онъ принужденъ былъ уватиться за стулъ, чтобъ не вкочить.

— Вагальните, у меня есть только конія, которую я сняла своею рукой съ собственноручнаго завѣщанія сэра Джорджа. Военные люди, знаете, не любятъ прибѣгать къ адвокатамъ, и это завѣщаніе написано вечеромъ, наканунѣ срашенія.

И леди Гриффинъ начала читать: «Я, Джорджъ Гриффинъ, и проч. и проч. — Вы знаете, какъ завѣщанія начинаются: обудучи въ здравомъ умѣ — гм, гм, гм, — оставалю все мое состояніе друзьямъ моимъ Томасу Абрагаму Гиксу, полковнику въ службѣ Остъ-индской компаніи, и Джону Монро Маккаркинкрофту, члену торговаго дома Гесфель, Маккаркинкрофтъ и Деббсъ, въ Калькутъ, съ тѣмъ, чтобы они обратили его въ деньги, въ кратчайшій срокъ, покомлю сіе возможно, безъ ущерба, въ пользу жены моей Леоноры Эмилиіи Гриффинъ, урешденной Кикси, и единственной законной моей дочери Матильды Гриффинъ. Проценты, получаемые съ капитала, дѣлить между нами по-ровну, а капиталу оставаться непрямосновеннымъ въ упомянутомъ торговомъ домѣ Гиксъ и Маккаркинкрофтъ, до смерти жены моей Леоноры Эмилиіи Гриффинъ; въ случаѣ же смерти ея, капиталъ воступаетъ къ дочери моей Матильдѣ Гриффинъ, ея наследникамъ, или душеприказникамъ.

— Довольно, сказала миледи; прочее — пустяки. Теперь вы знаете въ чемъ дѣло: скажите же, какъ поступить съ деньгами?

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, деньги должны быть раздѣлены между вами.

— Тѣмъ хуже, сказала я; я въ самомъ дѣлѣ подумала, что все принадлежитъ Матильдѣ.

Послѣ этого минуты дѣй продолжалось молчаніе. Дивиссъ отошелъ отъ конторки, у которой сидѣлъ съ лэди, подошелъ въ комнату, и потомъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла миссъ Матильда. Наконецъ дрожащимъ голосомъ оказалъ:

— Мнѣ почти досадно, милая лэди Гриффинъ, что вы прочли мнѣ это завѣщаніе; потому что къ предмету, такъ щедро надѣленному дарами счастья, привязанность можетъ казаться корыстною. Миссъ Гриффинъ — Матильда, — не правда ли, я могу произнести это слово: ваши прелестныя глаза даютъ мнѣ на это позволеніе. Напрасно сталъ бы я говорить вамъ, или вамъ, моя милая *belle mère*, какъ давно, какъ много я васъ обожаю. Моя добрая, несравненная Матильда, не стану притворяться, будто я давно не вѣдалъ въ вашей сердцѣ, будто я не чувствовалъ предпочтеніе, которое вы мнѣ оказывали. Вы скажите это, милая дѣва, собственными вашими блаженными устами, въ присутствіи любящей васъ матушки, произнесите приговоръ, который долженъ запечатлѣть на вѣчное блаженство. Матильда, милая Матильда! скажите, ахъ, скажите, что вы любите меня!

Миссъ Матильда вздрогнула, поблѣднѣла, закатила глаза подъ лобъ, и упала на шею къ Дьюиссу, прошептавъ довольно явственно: — люблю!

Милэди съ минуту посмотрѣла на чету: зубы ея стучали, глаза сверкали, грудь волновалась, лице было несчастливо-блѣдно — ни дать, ни взять, мадамъ Паста въ оперѣ «Меден», когда она, помните, убиваетъ своего ребенка. Потомъ, не сказавъ ни слова, милэди пшрыгнула изъ комнаты вонъ, причемъ чуть не свалила съ ногъ бѣднаго меня — я случайно отомлъ у сѣнныя двери. Дьюиссъ остался одинъ съ своею возлюбленною горбуныей.

Я въ точности передалъ рѣчь, произнесенную Альджерономъ. Дѣло въ томъ, что эту рѣчь я досталъ въ копіи, которую, если угодно, можете видѣть у мистра Фразира, съ тою только разницею, что въ этомъ спискѣ написано лэди Гриффинъ, Леонора! вмѣсто миссъ Гриффинъ, Матильда! какъ привелено выше, и такъ даже.

На этотъ разъ адвокатъ попалъ въ гвоздь прямо по головкѣ, такъ онъ думалъ; но приключенія его еще не кончились.

V.

Когти Грифонъ.

И такъ на этотъ разъ Дьюсису посчастливилось: онъ попалъ въ гвоздь прямо по головкѣ, правда, гвоздь кривой, но за то съ золотой головкой; а это-то больше всего и цѣнилъ Альджермонъ: вѣдь онъ былъ знатокъ въ оцѣнкѣ дорогихъ металловъ.

Такимъ-образомъ, на зло дядѣ, которому Дьюсисъ строилъ теперь носъ; не смотря на долги, которыми, надо отдать ему справедливость, онъ не слишкомъ стѣснялся; не смотря на свою бѣдность, лѣнь, безпечность, мотовство, плутни и проказы всякаго рода, которыя не всегда удаются молодому человѣку, желающему чего-нибудь добиться въ свѣтѣ; словомъ, на переборъ всему, мистръ Дьюсисъ взобрался на самую маковку счастья: вотъ онъ будущій обладатель славнаго состоянія, женихъ дѣвушки, влюбленной въ него до безумія. Чего бы еще желать смертному? Теперь душу его заняли мечты честолюбія. Ложа въ театрѣ, ложа въ оперѣ, охота въ Мельтонѣ, мѣсто въ нижней палатѣ, и Богъ вѣсть что еще — намъ ли это знать, смиреннымъ писцамъ: мы только описываемъ, что видѣли, и не можемъ проникать въ мысли и сердца человѣческія.

Можете себѣ представить, что теперь трехугольныя записочки отъ Грифонъ посыпались къ намъ градомъ. Миссъ и прежде не урѣжала писать, а теперь и ночью, и днемъ, и утромъ, и за завтракомъ, и за обѣдомъ, и за ужиномъ, онѣ слетались до того, что у меня въ канцеляріи — Дьюсисъ самъ никогда не читалъ записокъ и я прибиралъ ихъ куда слѣдуетъ — въ канцелярію просто стало душно отъ мускусу, амбры, бергамоту и другихъ запаховъ, которыми онѣ были пропитаны. Изъ нихъ три я двадцать лѣтъ храню въ своемъ ящикѣ, ради любопытства, и вотъ ихъ содержаніе. Поуй! До сихъ-поръ пахнутъ по-прежнему.

Бильеду № 1.

Понедѣльникъ, утро, 2 часа.

Ночь. Минута обворожительная. Луна озаряетъ мою комна-

ту и золотить мою бессонную подушку. При мерцаніи ея начертываю эти слова тебѣ, мой Альджернонь. Идеаль мой, души моей царь! скоро ли наступитъ часъ, когда ни унылая ночь не станетъ разлучать насъ, ни день благодатный? Дѣвѣнадцать! часъ! два! Слышу бой часовъ, слышу четверти, и не перестаю мечтать о моемъ супругѣ. Мой обожаемый Перси, прости дѣвическое признаніе: я поцѣловала письмо на этой строкѣ. Прикоснутся ли здѣсь и твои уста? останутся ли они хоть на мигъ на томъ мѣстѣ, которое равномерно горитъ лобзаніемъ твоимъ

Матильды.

Это было первое письмо. Его принесъ къ намъ въ шесть часовъ утра бѣдный лакей Фицкларенсъ. Я подумалъ, что дѣло идетъ о жизни и смерти; самъ разбудилъ моего адвоката и подалъ ему письмо. Никогда не забуду его въ ту минуту, когда онъ прочелъ его. Мистръ Дьюсисъ скомкалъ записку, разбранился и прочелъ барышнѣ, которая ее писала, и джентльмену, который принесъ ее, и мнѣ, за докладъ, такіа эпитафія, какиа мнѣ и слышать еще не удавалось, развѣ только въ Биллингсгэтѣ. Дѣло въ томъ, что для перваго разу записка миссъ Гриффинъ была черезъ-чуръ пересолена. Но у нея такой ужъ обычай: вѣчно читаетъ, бывало, заунывные романы: Стратти Вертера и тому подобное.

Съ седьмой записки Дьюсисъ пересталъ читать ихъ, а передавалъ мнѣ, съ тѣмъ, чтобъ я просмотрѣлъ, нѣтъ ли въ нихъ такого, на что нужно отвѣчать для соблюденія приличій. Слѣдующее письмо гласитъ вотъ что:

№ II.

Понедѣльникъ, 2 часа по полудни.

Передъ тѣмъ какъ ложатся спать, пришло еще письмо. Хотя мы съ Дьюсисомъ и заѣзжали къ госпожѣ Гриффинъ, однакожъ намъ не позволили войти ни за какия деньги. Мортимеръ и Фицкларенсъ скалили надо мною зубы, трунили даже, что скоро мы попадемъ къ нимъ въ родство; однакожъ не думаю, чтобъ мой принципаль огорчился, когда принужденъ былъ воротиться домой, не повидавшись съ прекраснымъ предметомъ своей страсти.

Во дворникъ та же истерія; въ среду — тоже. Въ этотъ разъ мы встрѣтили нашего дядюшку, сэра Крабса, въ ту самую минуту, какъ мы всходили на лестницу; онъ подавалъ миссъ Кинси знаки рукой и говорилъ, что придетъ назадъ къ семь часовъ. Для насъ входъ былъ запертъ. Ба, ба! не тревожься, говоритъ дядя, нѣжно взявъ племянника за руку: Видь у твоего лука двѣ тетивы; не такъ ли, Альджермонъ? Владушка немножко ревнива, миссъ влюблена. Но впрямодокъ ревности у милэди пройдетъ самъ собой, и я ручаюсь тебѣ, мой дорогой, что въ одинъ прекрасный день ты увидишь свою красавицу.

Съ этими словами дядя проводилъ племянника до крыльца, причемъ смотрѣлъ на него какъ мельзя благосклоннѣе и нѣжнѣе и говорилъ тономъ самымъ ласковымъ. Дьюсисъ не зналъ, чтѣ и думать. Онъ никакъ не понималъ, чтѣ затѣваетъ почтенный дядюшка; только ему какъ-то чудилось, что, не смотря на воскресный успѣхъ, онъ попалъ головой въ петлю. Я это невялъ, очень хорошо понималъ, лишь только замѣтилъ на лицѣ стараго джентльмена эту полу-сладкую, полу-дьявольскую улыбку, съ какою онъ смотрѣлъ на племянника.

Но на другой день сомнѣнія Дьюсиса разсѣлились, и все шло по-прежнему. За завтракомъ приносятъ записку и особый конвертъ. Переписываю здѣсь то и другое:

№ IX.

Четвергъ, утро.

Побѣда, побѣда! Мамаша наконецъ согласилась, если не на бракъ нашъ, то по-крайней-мѣрѣ на то, чтобъ принимать насъ по-прежнему, и обѣщаетъ забыть прошедшее. Я захожусь въ вихрь радости и восторговъ, и цѣлую ночь не смыкала глазъ, думая о тебѣ, мой Альджермонъ, и съ томленіемъ ожидаю ближайшую минуту свиданія.

Приходи!

М. Г.

Вотъ конвертъ отъ милэди.

Я не стану говорить вамъ, чтобы поведеніе ваше въ послѣднее не произвело на меня непріятнаго впечатлѣнія. Я

была такъ легкомысленна, что мечтала о другихъ влеченіяхъ, и воображала, что сердце ваше, если только есть у васъ сердце, занято чѣмъ-нибудь другимъ, а не тою дѣлушкой, надъ недостатками которой вы такъ часто смѣялись со мной, и которой личныя качества, по-крайней-мѣрѣ, не могли обморозить васъ.

Моя падчерица, я полагаю, не рѣшится выйти замужъ, безъ соблюденія обряда, требуемаго приличіемъ: я разумѣю, что она должна просить моего согласія, котораго въ настоящее время я дать еще не могу. Не имѣю ли я причины сомнѣваться, чтобы она была счастлива, отдавъ руку вамъ?

Она ужъ въ совершенномъ возрастѣ, и имѣетъ право принимать у себя всѣхъ, кто можетъ быть ей пріятель, значить, и васъ,—тѣмъ болѣе, что, по всей вѣроятности, вы со временемъ будете ея мужемъ. Если я увѣрюсь, что любовь ваша къ миссъ Гриффинъ искреня; если я черезъ нѣсколько мѣсяцевъ узнаю, что вы все еще желаете на ней жениться, то, разумѣется, съ моей стороны не будетъ никакихъ препятствій къ вашему браку.

Итакъ, милости просимъ къ намъ. Не могу обѣщать, чтобы я стала принимать васъ по-прежнему; вы сами прсэрвы бы меня, если бъ я поступила иначе. Впрочемъ, обѣщаю вамъ не думать болѣе о томъ, что между нами произошло, и пожертвовать собственнымъ счастіемъ, счастьемъ дочери моего возлюбленнаго мужа.

Л. Э. Г.

Ну, не правда-ли, что это прямодушное письмо очень натурально отъ женщины, съ которой, признаться откровенно, мы поступили слишкомъ непростительно? Такъ думалъ и адвокатъ: онъ побѣхалъ къ лэди Гриффинъ, прочелъ ей нѣжную, почтительную рѣчь — немножко лести ничего не стоитъ — грустно поцѣловалъ ей руку и дрожащимъ голосомъ призвалъ небо въ свидѣтели, какъ ему прискорбно, что поведение его могло подать поводъ къ такому несчастному недоразумѣнію. Дьюсисъ выразилъ надежду, что его почтеніе, уваженіе, безграничная душевная преданность не будутъ отринуты, и наговорилъ процасты лести въ этомъ родѣ, при чемъ не забылъ метать врагъ:

ные, тонные взгляды, и утереть глаза бѣлымъ носовымъ платкомъ.

Онъ думалъ, что все улажено. Бѣдный безумецъ! онъ попался въ сѣть, да такую, въ какой я еще не видывалъ ни одного негодая.

VI.

ДУЭЛЬ.

Кавалеръ де л'Оржъ, молодой Французъ, о которомъ я недавно писалъ, сталъ-было рѣдко появляться у лэди Гриффинъ, съ тѣмъ поръ какъ Дьюсисъ завладѣлъ ея вниманіемъ, но теперь снова занялъ при ней обычное мѣсто; впрочемъ дружбы между нимъ и адвокатомъ и послѣ этого не существовало, не смотря на то, что кавалеръ возвратилъ благоразположеніе милади, а Дьюсисъ исключительно занимался своею горбатою Венерою. Кавалеръ былъ маленькій, блѣдный, скромный, незначительный человѣкъ, и судя по наружности, я думалъ, что у него не станетъ духу муху обидѣть, не только задѣть такого страшнаго тигра и людоѣла, каковъ былъ Альжернонъ; но снусть ведѣлю, его обхожденіе, его тонъ съ нимъ, его взгляды на него и сжатіе губъ при входѣ его въ комнату, все убѣдило меня, что онъ крѣпко ненавидитъ Дьюсиса.

Говорить-ли, за что? За то, что милади Гриффинъ ненавидѣла его; ненавидѣла хуже яду, даже хуже падчерицы; можетъ статья, вы воображаете, что письмо, которое вы только-что прочли, было написано отъ души; можетъ статья, вы думаете, что сцена чтенія завѣщанія разыгралась случайно и была слѣдствіемъ обстоятельствъ — все это штука, могу васъ увѣрить, просто мышеловка, и этотъ необыкновенно смѣтливый молодой человѣкъ, мой адвокатъ, увялъ въ нее, какъ мышенокъ, впервые показавшійся на свѣтъ.

Кавалеръ былъ во уши влюбленъ въ лэди Гриффинъ. Когда Дьюсисъ убрался съ поля, де л'Оржъ возвратился къ ея столу съ прежнею вѣжностью. Бѣдняжка, бѣдняжка, бѣдняжка, онъ невригворно любилъ эту женщину. Не хуже бы онъ одѣлалъ, если бъ влюбился въ бококетриктора? Онъ былъ такъ ослѣпленъ и пришибленъ властью, которую она приобрѣла надъ

намъ, что назови она ему черное бѣлымъ — онъ подтвердитъ безъ прекословно, или вели она ему зарѣзать любаго — онъ зарѣзалъ бы; ей дѣйствительно и хотѣлось кой-чего въ этомъ родѣ, могу вамъ доложить.

Я уже говорилъ вамъ, описывая первое ихъ знакомство, что Дюссисъ любилъ трунить надъ гадкимъ англійскимъ выговоромъ де л'Оржа и забавными его выходками; а французикъ безпре- станно вдавался въ смѣшное, и адвокатъ, какъ водится, смотрѣлъ на него съ тѣмъ шутивымъ презрѣнiемъ, какое добрый Британецъ всегда оказываетъ къ мелочному Французу. Дюссисъ скорѣй обращался съ нимъ какъ съ понятливой обезья- ной, чѣмъ съ человѣкомъ, и понукалъ имъ какъ лакеемъ ил- ляди.

Все это мосье принималъ въ хорошую сторону, до разгово- ривъ Дюссиса съ леди Гриффинъ, когда эта барыня постаралась дать дѣлу другой видъ. Всякій разъ, какъ Альджернона и барыни- ни не было въ комнатѣ — я слышала это отъ слугъ, — милая обыкновенно поднимала кавалера на смѣхъ за его пошлость и невѣжливость къ Дюссису. «Бѣ удивительно, какими образомъ че- ловѣкъ съ его именемъ, можетъ разыгрывать роль слуги; ка- кими образомъ можно мужчине переносить презрительное об- ращенiе съ нимъ другаго»; Тутъ она принималась рассказывать ему, какъ Дюссисъ вѣчно смѣется надъ нимъ изъ за плеча; какъ искренно долженъ кавалеръ ненавидѣть его, и какъ уже пора проучить дерзаго.

Что же? бѣдный французикъ вѣрнулъ всему этому отъ ду- ши, и сердился или угодничалъ, ссорился или мирился, рѣши- тельно какъ задумается милая. Между нимъ и моимъ адвока- томъ по-часту начали происходить стычки: волкиа слова лета- ли съ одного конца стола на другой за обѣдомъ; завязывались горячіе споры изъ-за того, кому подать барынямъ флакончикъ съ духами, или проводить ихъ до экипажа; кому нарвону вой- ти въ комнату или выйти, и изъ-за другихъ подобнахъ пустя- ковъ.

— Ради Бога, сказала разъ милая, со слезами на глазахъ, среди одного изъ такихъ споровъ: успокойтесь, успокойтесь, мистръ Дюссисъ. Мосье де л'Оржъ, умоляю васъ, простите его. Вы оба такъ уважаемы, любимы всѣми членами этого семей-

стра, что для спокойствія его и вашего собственнаго — вы не должны есориться.

Эта ссора началась на дорогѣ въ столовую и утихла ровно въ ту минуту, какъ сѣли за столъ. Никогда не забуду бѣднаго французина, когда миледи сказала ему: вы оба. Онъ выпрягъ взоръ въ миледи, поблѣднѣлъ, покраснѣлъ, ошалѣлъ, и подоидя къ Дьюенсу, такъ пожалъ ему руку, что чуть не вышинулъ. Мистръ Дьюенсъ только поклонился, засмѣялся и важно отвернулся; миссъ глубоко вздохнула и посмотрѣла ему въ лицо съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣла проглотить его отъ любви. Кавалеръ сѣлъ къ своей тарелкѣ съ оуничъ и чуть не плакалъ отъ радости. Онъ думалъ, что вдовушка призвалась ему въ любви и желаетъ предложить ему руку; такъ думалъ и Дьюенсъ, который нѣсколько времени смотрѣлъ на нее съ досадою и негодованіемъ, и потомъ занялся разговоромъ съ миссъ.

Въ продолженіе моихъ житейскихъ опытовъ, я замѣтилъ, что плутъ перестаетъ быть плутомъ, лишь только вы его задѣнете; возбѣшенный, онъ сейчасъ выкажетъ самого себя и обнаружитъ свою козлиную ногу, на которую вы ему наступили. По-крайней-мѣрѣ такъ бываетъ съ молодыми плутшиками; надо много хладнокровія и большую практику, чтобы выдержать характеръ, чтобы не выказать злобы, когда ее чувствуешь, чтобы улыбаться, когда сердился. Старикъ Кребсъ былъ къ этому способенъ; онъ походилъ на того человѣка, о которомъ я слышалъ отъ герцога Веллингтона: дайте ему пинка сзади, и никто изъ стоящихъ впереди не догадается объ этомъ, видя прекрасное улыбающееся выраженіе его лица. Молодой адвокатъ не дошелъ еще такъ далеко въ плутовской грамматикѣ, и когда сердился, то всегда обнаруживалъ досаду. А надо еще замѣтить (замѣчаніе очень глубокое и замасленное для языка адвоката, но вѣдь и у насъ есть гласа), надо замѣтить, говорю, что плутшику рассердить герцога легче, чѣмъ кого другаго, потому-что честный человѣкъ готовъ уступить другому, а плутшика никогда; честный человѣкъ любитъ ближняго, а плутшика только самого себя, и малѣйшая задоринка, которая встрѣчается ему на пути къ любимому предмету, выводитъ его изъ себя. Картошка

алутки и всякаго рода дебеширство, которыми Дьюсисъ предавался цѣлую жизнь, не смягчили его характера, могу васъ увѣрить.

Онъ былъ озлобленъ, а когда бывалъ озлобленъ, то никакой дикій звѣрь не могъ сравниться съ нимъ въ дерзости и нестерпимомъ накальствѣ.

До этого-то и хотѣла довести его мнѣди; надо сказать, что хогъ она всѣми силами старалась подстрекать адвоката и кавалера, однакожъ всѣ старанія ея имѣли тотъ только успѣхъ, что поселили между ссорившимися глубочайшую взаимную ненависть: пѣтухи никакъ не хотѣли драться.

Не думаю, чтобы Дьюсисъ подозрѣвалъ какія-нибудь штуки со стороны мнѣди, потому-что она вела дѣло очень искусно, и всѣ побранки, какія ежедневно случались между нимъ и Французомъ, по-видимому, никакъ нельзя было относить къ ней; напротивъ, она всегда дѣйствовала между ними какъ настоящая примирительница, что читатель видѣлъ уже изъ разсказа по его ссорѣ въ дверяхъ столовой. Притомъ оба молодья члвчнн, хотя всегда готовые къ перебранкѣ, не желали, и очень естественно, доходить до драки. Я скажу почему: какъ люди знакомые и безъ дѣла, они проводили утро, подобно воиъ свѣтскимъ молодымъ людямъ, за билльардомъ, въ фехтованн верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ изъ пистолета, и въ другихъ полезныхъ занятіяхъ. На билльардѣ Дьюсисъ поражалъ Француза безошадно (и выигралъ у него порядочную сумму, но это пусть останется между нами); въ стрѣльбѣ изъ пистолета онъ попадалъ въ цѣль восемь разъ изъ десяти, а де л'Оржъ семь; въ фехтованн Французъ могъ проткнуть благородному Альджернону каждую пуговицу на жилетѣ. Надо сказать, что каждый Французъ мастеръ фехтовать, и адвокатъ принужденъ былъ также заняться этимъ ремесломъ. Такъ какъ каждый, знающъ храбрость другаго и умѣніе всадить на бѣгу сотню пуль въ шлану на тридцати шагахъ, то очень естественно, что они не очень желали провзвестъ опытъ надъ своей шланой; съ вложенной въ нее собственной головой. Вотъ почему они вели себя смирно, и только что огрызались другъ на друга.

Но на этотъ разъ Дьюсисъ былъ въ припадкѣ бѣшенства; а при такомъ расположенн духа, его, бывало, на члвчннхъ, и

онъ чортъ не удержитъ. Я сказала, что Альжермонъ отвернулся отъ кавалера, когда тотъ отъ радости подавъ ему руку и готовъ былъ, кажется, приласкать медвѣдицу. Адвокатъ отошелъ отъ него блѣдный и надутый, усѣлся за столомъ и, не думая о садниихъ словахъ миссъ Гриффинъ, отвѣчалъ на нихъ короткими восклицаніями, саркастично на слугъ, перецалъ супъ, вино.

— Не позволите ли, сударыня, помочь вамъ? сказалъ онъ, огляывая крыло пулярки.

— Благодарю васъ; я побезпокою мосье де л'Оржа. И она обратилась къ этому джентльмену съ самою вѣжною, самою оборонительною улыбкой.

— Вы внезапно стали благосклонны къ мосье де л'Оржу. Недавно вы одобряли мое умѣніе разрѣвывать.

— Вы очень искусны; но сегодня, если позволите, я намѣрена воспользоваться услугой мастера болѣе скромнаго.

Французъ принялся рѣзать пулярку, и въ торонахъ отъ радости брызнулъ темнымъ соусомъ на щеку Дюсюсу, причемъ окропилъ ему воротничекъ рубашки и дѣйствио-бѣлый жилетъ.

— Чортъ васъ поберетъ! воскричалъ онъ;— мосье де л'Оржъ, вы это сдѣлали съ намѣреніемъ. И тутъ полетѣли изъ рукъ Альжермона ножикъ, вилка, стаканъ съ виномъ; часть вина полилась на колѣни бѣдной миссъ Гриффинъ, которая перепугалась и готова была и кричать и плакать.

Милэди принялась хохотать во все горло, какъ будто все это было не что иное, какъ простая шутка. Де л'Оржъ также началъ скалить зубы и смѣяться. Пардонъ, говоритъ онъ, милъ пардонъ, монъ шеръ мосье; а по лицу его видно было, что онъ опять готовъ сдѣлать ту же штуку.

Французикъ былъ просто въ восторгѣ: онъ вдругъ очутился на верху счастья; смѣхъ обратился противъ его соперника и онъ возымѣлъ дерзость предложить барынѣ по-англійски выпить рюмку вина.

— Хотите ли, сказалъ онъ, ломанымъ англійскимъ языкомъ, выпить рюмку мадеры со мной, милэди? И онъ оглянулся кругомъ, какъ бы желая узнать, какое дѣйствіе произвела его англійская рѣчь.

— Съ вслчайшимъ удовольствіемъ, сказала лэди Гриффинъ,

благоосклонно кивнувъ ему головой, и не спуская съ него глазъ, вышла внио. Дьюсису прежде она отъязывала, а это не мало усилило въ немъ доброе расположеніе духа.

Вотъ шутка разыгрывалась больше и больше по на-шутку: Альджервонъ ворчалъ, грубилъ, бранился и, признаваясь, молъ себя не совсѣмъ прамично; а милэди радѣла все время между нимъ и кавалеромъ, старалась раздражать; была шѣша и неподвижна отъ страху, а кавалеръ не чувствовалъ себя отъ удовольствія. Милэди блистала улыбкой, а мой адвокатъ багровѣлъ отъ злости.

— Мистръ Дьюсисъ, говорить милэди самымъ некрадчимымъ тономъ, послѣ нѣсколькихъ увѣщаній, которыя еще болѣе раздражали его: не примете ли труда подать мнѣ этого винограда? На взглядъ, онъ очень хорошъ.

Вмѣсто отвѣта, Дьюсисъ схватилъ блюдо съ виноградомъ и швырнулъ его по столу къ де л'Оржу; блюдо, катаясь по столу, опрокинуло на своемъ пути стаканы, рюмки и графинь.

— Мосье де л'Оржъ, сказалъ Альджервонъ, возвысивъ голосъ до-нельзя: сдѣлайте одолженіе, подайте лэди Гриффинъ.

Минуты съ двѣ продолжалось молчаніе.

— Какъ! вскричала милэди: вы смѣете оскорблять меня при моихъ людяхъ, въ моемъ собственномъ домѣ; это ужъ слишкомъ, мосье! Тутъ она встала и пошла вонъ изъ комнаты. Ради Бога — лэди Гриффинъ! — и дверь захлопнулась за обѣими.

Приведенныя здѣсь восклицанія милэди пронесла по-французски, и хорошо сдѣлала: иначе, де л'Оржъ не понялъ бы ея; а тутъ онъ не проронилъ ни одного слова, и когда дверь захлопнулась, онъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ Дьюсису, и въ присутствіи Мортимера и Фицкларенса, лакеезъ госпожи Гриффинъ, далъ ему оплеуху и сказалъ: Вотъ тебѣ, лжець и трусь! — Выраженіе довольно колкое со стороны одного джентльмена въ отношеніи къ другому.

Дьюсисъ покачнулся назадъ и остолбѣнѣлъ; потомъ будто вскрикнулъ, подбѣжалъ къ Французу, и тутъ Мортимеръ бросился къ Альджервону, а Фицкларенсъ обхватилъ кавалера.

— До-завтра! сказалъ де л'Оржъ, погрозивъ кулачкомъ и

выпелъ вонъ, не слишкомъ досадуя, что можетъ убраться по-добру по-здорову.

Когда кавалеръ уже сошелъ съ лѣстницы, Мортимеръ вынулъ изъ рукъ Дьюсиса, который, испивъ стаканъ воды, постоялъ съ минуту, потомъ вынулъ кошелекъ и далъ Мортимеру и Фидкларенсу по лундору. Завтра дамъ еще по пяти, сказалъ онъ, если не станете болтать о томъ, что случилось.

Затѣмъ онъ отправился къ барынямъ. — Еслибъ вы знали, сказалъ онъ, подходя къ леди Грнфинъ (надо замѣтить, что онъ говорилъ очень тихо), еслибъ вы знали, какъ я страдалъ въ послѣднія минуты въ слѣдствіе грубости и дерзости, въ которыхъ передъ вами провинился, вы навѣрно сочли бы мое раскаяніе достаточнымъ мнѣ возмездіемъ и не отказали бы мнѣ въ прощеніи.

Миледи кивнула головой и сказала, что не требуетъ никакихъ объясненій, такъ какъ мистръ Дьюсисъ — гость не ея, а дочери; но во всякомъ случаѣ, въ другой разъ уже не садеть съ нимъ за одинъ столъ. Съ этими словами она снова шмыгнула изъ комнаты.

— Ахъ, Альджернонъ, Альджернонъ! воскричала миссъ, въ слезахъ: что это за роковая тайна, что за страшныя, неприличныя ссоры? Спашите, не случилось ли чего? Гдѣ, гдѣ кавалеръ!

Дьюсисъ улыбнулся и сказалъ: не опасайтесь, моя безцѣнная Матильда; онъ слишкомъ влюбленъ, для этого онъ выпелъ на полчаса, и вѣроятно воротится къ кофѣ.

Я зналъ, что смекаетъ Дьюсисъ: еслибъ миссъ хоть чуть-чуть провѣдала о ссорѣ между нимъ и Французомъ, она непременно очутилась бы въ гостиницѣ Мирабо, и намъ никакъ бы не отдѣлаться отъ нея. Дьюсисъ побылъ нѣсколько минутъ, успокоилъ ее, и потомъ отправился къ другу своему, капитану карабинернаго полка Больсею, вѣроятно для переговоровъ объ этомъ неприятомъ дѣлѣ. Мы напим у себя въ столѣ записку отъ де л'Оржа, въ которой онъ извѣщалъ, гдѣ можно видѣть его секунданте.

На третій день послѣ того, въ Вѣстникѣ Галлиньяни была напечатана статья, которую, съ позволенія вашего, здѣсь переписываю:

«Ужасный поединокъ. Вчера утромъ, въ седьмомъ часу, происходила въ булонскомъ лѣсу дуэль между А. П. Дъ—с—сонъ, племянникомъ мистера Кр—бса, и кавалеромъ де л'О—. Секундантами были : у кавалера — маіоръ кородевокой гвардіи де М., а у мистра Д. — капитанъ британскаго карабинернаго полка Б—ль—сей. Сколько могли мы узнать о подробностяхъ этого несчастнаго дѣла, ссора началась въ домѣ прекрасной дамы (одной изъ блистательнѣйшихъ звѣздъ отепъ N), и дуэль происходила на другой день утромъ.»

«Кавалеръ, который былъ вызванъ на дуэль, отличившій мастеръ биться на шпагахъ, отказался отъ своего права на выборъ оружія, и бой происходилъ на пистолетахъ.

«Сражавшіеся разставлены были въ сорока шагахъ одинъ отъ другаго, съ условіемъ подходить къ барьеру, который отдѣлялъ ихъ на восемь шаговъ. У cadaго было по два пистолета. Мосье де л'О. выстрѣлилъ почти съ перваго шагу, и пуля пошла въ лѣвую кисть противника, который въ ту же минуту выронилъ изъ рукъ пистолеть. Однакожъ онъ не медля выстрѣлилъ изъ праваго, и кавалеръ упалъ на-земь, раненый, какъ должно опасаться, на смерть. Пуля вошла выше бедра, и на выздоровленіе его надежды мало.

«Мы слышали, что причиной этой отчаянной дуэли былъ ударъ, нанесенный кавалеромъ мистру Д. Если это правда, то есть нѣкоторое основаніе къ необыкновенному ожесточенію, съ какимъ совершился поединокъ.

«Мистръ Д. возвратился въ свой отель, куда, при первомъ извѣстіи о горестномъ происшествіи, поспѣшилъ добрый дядя молодаго человѣка, почтенный мистръ Кр—бсъ, и теперь окружаетъ племянника заботливостью нѣжнаго отца. Вѣсть пришла къ нему вчера утромъ, за завтракомъ у мистра Короткохвоста; мистръ Крбсъ упалъ въ обморокъ при полученіи извѣстія; но, не смотря на нервическое потрясеніе и слабость здоровья, провелъ цѣлую ночь у постели раненаго.»

Совершенная правда. — Дѣло гадкое, Чарльзъ, сказалъ мнѣ Крбсъ, повывавшись съ племянникомъ и усѣвшись въ нашей гостиной. Нѣтъ ли у васъ здѣсь сигаръ? Да слышите, пришлите мнѣ бутылку вина и что-нибудь закусить. Вѣдь нельзя же мнѣ покинуть дорогаго моего племянника.

VII.

ПОСЛѢДСТВІЯ.

Кавалеръ не умеръ : пуля вышла сама собой , среди сильнѣйшей горячки и воспаленія, произведеннаго раной. Онъ шесть недѣль лежалъ однакожъ въ постели и не поправлялся долго и потомъ.

Жребій Дьюссиса, долженъ я сказать съ прискорбіемъ, былъ еще хуже. И у него появилось воспаленіе, но чтобъ положить конецъ бѣдѣ, пришлось отнять руку у кисти.

Онъ перенесъ операцію, какъ слѣдовало ожидать — богатырски, и черезъ мѣсяць поправился, и рана зажила; но я не видывалъ человѣка, который бы такъ походилъ на дьявола, какъ мистръ Дьюссисъ, когда онъ взглядывалъ на свою окалѣченную руку.

Правда, въ глазахъ миссъ Гриффинъ онъ сталъ отъ этого еще интереснѣе. Она присылала къ нему по двадцати записокъ на день, въ которыхъ называла его своимъ возлюбленнымъ, своимъ несчастливцемъ, своимъ героемъ, своей жертвой и Богъ вѣсть чѣмъ еще. Я приберегъ нѣкоторыя изъ этихъ записокъ, и могу вамъ доложить, какія чувствительныя, пречувствительныя — Страсти Вертера переаъ ними ничто.

Старый Крабсъ часто навѣщалъ насъ и уничтожалъ пропасть вина и сигаръ. Мнѣ кажется, онъ оставался въ Парижѣ потому, что домъ его въ Англій былъ засекуестрованъ, а племянникъ, въ продолженіе болѣзни, не могъ ускользнуть отъ его родственнаго вниманія. Вечера старикъ проводилъ аккуратно въ домѣ у лэди Гриффинъ, куда я не ходилъ ни разу съ болѣзни моего принцапала, и гдѣ кавалеръ уже не появлялся для возмущенія его спокойствія.

— Видѣть, какъ эта женщина ненавидитъ тебя, Дьюссисъ, сказалъ однажды дядя въ припадкѣ задумчивости, за бесѣдой о лэди Гриффинъ : но она еще не раздѣлалась съ тобой ; скажу тебѣ откровенно.

— Чортъ ее побери, возразилъ адвокатъ въ бѣшенствѣ, подливъ искалѣченную руку : чортъ ее побери, я ея и знать не хочу. Въ Матильдѣ я увѣренъ; въ этомъ отношеніи всякая

возможность неудачи устранена. Эта дѣвушка должна выйти за меня ради собственной пользы.

— Ну, когда насчетъ Матильды бояться нечего, сказалъ племянникъ съ лукавой улыбкой доброму старику, такъ какая мнѣ нужда до ея пройлатой мачихи?

Крэбсъ поспешилъ и скоро потомъ взявъ шляпу, ушелъ. Я видѣлъ, какъ онъ пробирался по Вандомской площади и спокойно брелъ къ отелю леди Гриффинъ. Вотъ рѣдкій человѣкъ! Такого веселаго, себялюбиваго, стараго плута мнѣ не удастся видѣть въ другой разъ.

Крэбсъ былъ правъ, когда говорилъ племяннику, что леди Гриффинъ еще не раздѣлалась съ нимъ. Но ей и въ голову не пришла бы продѣлка, которую она потомъ сыграла, если бы ктонибудь ее не надушилъ. Кто же этотъ добрый человѣкъ? Если вы прочли предыдущія строки, и помните, какъ достопочтенный дядя взялъ шляпу и пошелъ по Вандомской площади, гнѣвно приглядываясь ко всѣмъ встрѣчаемымъ нянюшкамъ, то предоставляю вамъ самимъ догадаться, кто былъ затѣйщикъ продѣлки: женщина, навѣрно, никогда бы ея не придумала.

Въ той главѣ, гдѣ я писалъ о приключеніяхъ мистра Дьюиса и его поступкѣ съ мессирами Даукинсомъ и Блюнттомъ, я имѣлъ честь представить публикѣ счетъ долгамъ моего принципала; итогъ ихъ былъ слѣдующій:

По векселямъ и роспискамъ 4,963 ф.

Росписки составляли бездѣлицу, до тысячи фунтовъ; векселя простирались до четырехъ.

А по французскимъ законамъ, если векселя, данные джентльменомъ въ Англии, перейдутъ какимъ-бы то ни было образомъ къ французскому джентльмену, то послѣдній можетъ вскать съ Англичанина, который долженъ отдать ихъ, хоть бы находился во Франціи. Дьюисъ не зналъ объ этомъ, увлекшись очень естественной ошибкой, будто стоитъ только выѣхать изъ Англии, чтобъ раздѣлаться съ тамошними кредиторами.

Леди Гриффинъ отписала своимъ повѣреннымъ въ Лондонъ, и они сдѣлали сдѣлку съ обладателями прекрасной коллекціи автографовъ на гербовой бумагѣ, которые Альджервонъ оставилъ

но софѣ въ достояніи отечества: кредиторы обрадовались случаю воротить свои деньги.

Разъ утромъ я смотрю изъ окна на дворъ нашей гостиницы и, по привычкѣ, разговариваю съ горничными, для утѣшенія во французскомъ языкѣ, какъ вдругъ одна изъ нихъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: знаете что, мосье Шарль, тамъ въ конторѣ стоитъ балли съ двумя жандармами, и спрашивается о вашемъ баринѣ; ужъ нѣтъ ли у него долговъ на бѣгу?

Эти слова меня поразили; истина блеснула передъ глазами моего ума.—Тоанетта, сказала я — такъ звали дѣвушку;—Тоанетта, сказала я, поцѣловавъ ее, если вы сколько-нибудь дорожите мною къ вамъ расположеніемъ, удержите ихъ на двѣ минуты. Дьюссисъ оправился отъ раны, и къ счастью своему ногъ ужъ двигаться. Сэръ, сэръ, воскричалъ я, вѣсь ищетъ балли, бѣгите, если хотите счастья.

— Балли! сказалъ онъ: вѣтъ вздоръ! Я, кажется, не долженъ никому.

— Стойте, возразилъ я, забывъ о деликатности въ обращеніи съ принципаломъ: развѣ вы не должны въ Англии? тономъ вамъ говорю, что балли здѣсь, и сейчасъ будетъ къ вамъ.

Не успѣлъ я докончить, какъ день, день; колокольчикъ такъ и заливается въ прихожей: ужъ навѣрно никто другой, какъ балли.

Что было дѣлать! Съ быстротою молніи схватилъ я лакейскую шинель, напяливаю съ золотымъ позументомъ шляпу на голову Дьюссиса и надѣваю на него шинель. Самъ же я набрасываю на себя его плащъ, и развалясь на софѣ, приказываю ему отпереть дверь.

Такъ и есть они: балли, два жандарма, съ ними Тоанетта и старый трактирный слуга. Тоанетта, увидя Дьюссиса, улыбается и говоритъ: скажи, пожалуй, Шарль, гдѣ вашъ принципалъ? У себя, не правда-ли? Этотъ молодой человекъ служилъ у мосье, прибавила она, сдѣлавъ реверансъ господину балли.

Старый слуга чуть было не проболтался. Да, это не онъ! проговорилъ старикъ; но Тоанетта остановила его и сказала: пропусти же этихъ господъ, старый дуракъ. И вотъ они вошли въ комнату, а жандармы остались на часахъ въ передней.

Дьюсисъ съ серьезнымъ видомъ отвѣряетъ: «Варъ мѣ вѣлу, и приложивъ руку къ шляпѣ, говоритъ: не прикажете ли закладывать карбъ, сэръ?»

— Нѣтъ, Чарльзъ, отвѣчаю я; сегодня я не выѣжаю.

Старый балли, который часто имѣлъ дѣла съ Англичанами и понималъ по-англійски, лукаво умышленно и сказалъ по-французски, когда Дьюсисъ выходилъ вонъ: я посоветовалъ бы вамъ, мосье, приказать, чтобъ модами аккапжъ, такъ какъ я нахожусь въ жалкой необходимости арестовать васъ, во имя закона, за долгъ девяноста восьми тысячъ семисотъ франковъ сэру Жаку Франсоа Лебрёну въ Парижѣ. При этомъ онъ предъявлялъ множество векселей, съ бесспорными подписями Дьюсиса.

— Присядьте, пожалуйста, мосье, сказалъ я, и балли сѣлъ. Тутъ я началъ толковать съ нимъ о погодѣ, о моей долбанн, о несчастномъ со мной приключеніи, о потерѣ рукъ, которую я держалъ за паузой, и много еще о чемъ.

Наконецъ, послѣ двухъ, трехъ минутъ, я не могъ выдержать, и разразился кохотомъ.

Старый балли поблѣднѣлъ, и началъ подозревать, что попалъ въ просакъ. Эй, кричить онъ, жандармы, сюда! меня, куда вы, провели!

Жандармы бросились въ комнату, за ними Тоацетта и слуга. Ловко вставъ со стула, я вынулъ руку изъ-за паузы, и распахнувъ плафрокъ, поставилъ на стулъ одну изъ пресравившихъ на свѣтъ ногъ.

Понявъ въ чемъ дѣло, жандармы и слуги расхохотались; тоже сдѣлалъ и Чарльзъ Желтоплюшъ, могу вамъ доложить. Старый балли чуть не упалъ въ обморокъ.

Услышавъ, какъ подъ ворота прокатилъ карбъ во весь споръ, я убѣдился, что мой принципалъ былъ виѣ опасности.

VIII.

КОНЕЦЪ ИСТОРИИ МИСТРА ДЬЮСИСА.

Повѣсть моя быстро приближается къ концу; я ужъ недолго оставался у мистра Дьюсиса послѣ предыдущей главы, въ которой описаны моя удивительная хитрость и мое необычай-

нае самоотверженіе. Нѣмного найдете писцовъ, которымъ бы пришелъ въ голову подобный планъ, а еще менѣе такъихъ; которые бы могли его исполнить.

Впрочемъ, кромѣ бездѣльной пользы для меня отъ продажи Дюссисова плафорта, который я надѣлъ, какъ читатель помнитъ, съ плеча его, и отъ находки мною въ карманахъ онаго пятифунтовой ассигнаціи, — кромѣ этого, говорю, малую пользу адвокатъ пользу отъ моего плана. Но Франція не Великобританія; челоѣка въ дивреѣ, объ одной рукѣ, легко узнаютъ и словять, могу насъ завѣрить.

Такъ случилось и съ моимъ принцемъ. Онъ не могъ обтѣнить Парика, хотя бы хотѣлъ. Что стало бы въ такомъ случаѣ съ его невѣстой, герцогиней насѣдницей? Онъ хорошо зналъ темпераментъ этой молодой леди и боялся упускать ее на долго изъ виду. У нея было девять тысячъ фунтовъ годового дохода. Она до того ужъ влюблялась разъ двѣнадцать, а могла влюбиться опять. Почтенный Альджермонъ Дюссисъ понималъ, что нельзя слишкомъ полагаться на постоянство такой влюбчивой дѣвушки. Ужъ и то чудо, что она прежде не вышла замужъ; судя по сценамъ, которыя между нами происходили, нѣтъ кажется, она вышла бы за меня, если бы не была обольщена высшимъ званіемъ и внимательностью джентльмена, у котораго я находился писцомъ.

Фортуна вооружилась противъ него. Что было ему дѣлать? Онъ не могъ отдѣлаться отъ долговъ и не хотѣлъ покинуть прекраснаго предмета своей любви. Поэтому онъ принужденъ былъ скрываться, и выходя на свѣтъ ночью, какъ волкъ изъ гнѣсу, возвращался на день въ свою засаду. Во Франціи правило, — если бы придерживался того же и въ Англіи — послѣ сумерекъ никого нельзя схватить за долги, и во всѣхъ королевскихъ садахъ: Тюильри, Палероалъ, или Люксамбургъ, всякъ можетъ гулять съ утра до вечера, не боясь приказныхъ.

Итакъ адвокатъ находился въ непріятномъ положеніи: опаснее было ему оставаться въ Парижѣ; не хотѣлъ онъ и уйти; ночью выобразя на свѣтъ Вождя, чтобъ повидаться съ своей возлюбленной; съ трудомъ отдѣлывался отъ безпрестанныхъ вѣспросовъ о причинѣ таинственныхъ его посѣщеній, и толковалъ о двухъ тысячахъ фунтовъ своего годового дохода, какъ

будто дѣйствительно получала его и не была довольна им по-
дѣлки.

Разумѣется, теперь онъ сталъ сильно заботиться о женит-
бѣ; принялся писать безпрестанно записочки, какъ дѣлалъ
прежде миссъ Матильда; проклиналъ отсрочку, толковалъ обо
удовольствіяхъ брачной жизни, о платежѣ, напрасно возне-
равшемъ два любящія сердца, о безразсудствѣ — ожидать
согласія лэди Гриффинъ; говорилъ, что она не больше
какъ мачиха, и притомъ злая; что миссъ уже въ совершен-
номъ возрастѣ и можетъ выйти за-мужъ, за кого хочетъ, и
что за лэди Гриффинъ много ужъ и той чести, что у нея
спрашивали согласія.

Вотъ что любопытнѣе: когда у Дьюсиса допытывался, отъ че-
го онъ не выходитъ со двора до вечера, онъ впадалъ въ тише-
ственность; миссъ Гриффинъ, когда у нея спрашивали, зачѣмъ
она не хочетъ обѣднаться, выражала, или, скорѣй, не выра-
жала подобной же тайны. Не тяжело ли это было? Чаша при-
касаясь къ губамъ обоихъ, а между тѣмъ ни тотъ ни другой
не могли добыться изъ нея капли.

Но однажды утромъ, на самое отчаянное посланіе, возни-
щевый Альджермонъ получалъ отвѣтъ отъ своей нелюбимой
слѣдующаго содержанія:

Миссъ Гриффинъ къ благородному А. П. Дьюсису.

«Дражайшій, вы говорите, что готовы радѣвать со мной
девицу; къ-счастью, въ этомъ еще нѣтъ нужды! Вы жалу-
етесь на ушніе оттого, что бракъ нашъ отсроченъ. Возлюб-
ленный, уже ли вы думаете, что сердце мое радуется разлу-
кѣ? Вы велите мнѣ пренебречь отказомъ лэди Гриффинъ, и
говорите, что я исполнила въ отношеніи къ ней всѣ мои
обязанности.

Обожаемый Альджермонъ! Я не могу отказывать вамъ болѣе.
Я хотѣла-было не упустить единственнаго случая къ при-
нужденію съ этой безчеловѣчной мачихой. Уваженіе къ памяти
покойнаго родителя заставило сдѣлать все, что было въ моей
силѣ, чтобъ получить согласіе ея на бракъ мой съ вами; мож-
но ли я прятаться? самое благоразуміе указывало мнѣ на
эту мѣру; потому-что кому бы она оставила честь и чинъ, со-
вѣщаему ей мнѣ отцомъ, какъ на дочери моего отца?

Но есть предѣлы, за которые не может простираться никакое терпѣніе; и, благодаря Богу, намъ не къ чему заискивать у леди Гривфинъ для презрѣннаго богатства: мы обзавелись и безъ нея. Не такъ-ли, дражайшій Альджернонъ?

И такъ, пусть будетъ по твоему, мой милый, мой несравненный другъ. Твоя бѣдная Матильда давно ужъ предала тебѣ свое сердце; ей не къ чему болѣе удерживать свое имя. Назначь часъ, я не стану откладывать долге, и въ объятіяхъ твоихъ найду утѣхище отъ презрѣнія и обидъ, преслѣдующихъ меня здѣсь.

Матильда.

P. S. О Альджернонъ! если бъ ты только зналъ, какую благородную роль игралъ твой дядя, дѣлая все возможное, чтобъ сооспособствовать исполненію нашихъ плановъ и склонить въ нашу пользу леди Гривфинъ. Не смѣй вшоватъ, что она не умолима. Посылаю тебѣ записку отъ нея къ министру Крабсу; мы скоро посмѣемся надъ ней, не правда-ли?

II.

Сэръ, — въ отвѣтъ на просьбу вашу о согласіи на бракъ миссъ Гривфинъ съ вашимъ племянникомъ, министромъ Альджернономъ Дьюсисомъ, мнѣ остается повторить только то, что я вынуждена была необходимою сказать вамъ и прежде. По убѣжденію моему, бракъ моей падчерицы съ молодымъ человекомъ, такимъ какъ министръ Дьюсисъ, не представляетъ ручательства на ея счастье, и потому я отказываю въ моемъ согласіи. Прошу васъ сообщить содержаніе этой записки министру Дьюсису, и умоляю не напоминать мнѣ болѣе ни слова о предметѣ, который, какъ вы сами, вѣроятно, чувствуете, не можетъ не быть для меня крайне таинственнымъ. Останься готова къ услугамъ

Л. Э. Гривфинъ.

Высокоблагород. министру Крабсу.

— Чертъ побери эту леди Гривфинъ! восклицаетъ мой вражій принципалъ. Мнѣ какое до этого дѣло? Что касается до старика дяди, который оказалъ въ настоящемъ случаѣ такую родительскую заботливость, то Дьюсисъ вполне оцѣнилъ его безкорыстіе. По мнѣнію Альджернона, министръ Крабсъ зналъ, что

онъ беретъ за женой десять тысячъ фунтовъ годового доходу, и потому ожидалъ получить нѣкоторую долю въ будущиѣмъ благахъ. Въ слѣдствіе этого племянникъ написалъ дядѣ слѣдующее письмо, не забывъ сочинить пламенную записочку и къ барышнѣ: —

— Благодарю васъ, любезнѣйшій дядюшка, за ваше доброе участіе въ настоящемъ пріятномъ дѣлѣ. Вы знаете, въ какомъ нахожусь я теперь стѣсненномъ положеніи, и можете понимать причины моего безпокойства. Бракъ съ возлюбленной Матильдой сдѣлаетъ меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Милая дѣвушка согласна, и смѣется надъ глупыми претензіями нацихи. Сказать вамъ правду, я удивляюсь, какъ она могла такъ долго подчиняться имъ. Подвиньте вашу доброту еще далѣе, пріимите намъ пастора, доставьте увольненіе отъ оглашенія и соедините насъ. Мы оба совершеннолѣтніе, такъ что согласіе опекуновъ не нужно.

Душевно любящій васъ

Альджернонъ Дьюсисъ.

«Какъ мнѣ прискорбно, когда вспомню о размолвкѣ, происшедшей между нами нѣсколько времени назадъ! Теперь обстоятельство перемѣнилось и еще болѣе перемѣняется послѣ свадьбы.»

Я зналъ, что разумѣлъ подъ этимъ племянникъ: онъ хотѣлъ сказать, что послѣ брака дастъ старому дядѣ денегъ; и какъ по всей вѣроятности, письмо это будетъ показано невѣстѣ, то Дьюсисъ написалъ его такъ, чтобъ она не могла видѣть никакъ ясно настоящаго его непріятнаго положенія.

Я доставилъ это письмо вмѣстѣ съ нѣжной записочкой по адресу, и дорогой прочелъ то и другое. Миссъ, получивъ записочку, закатала глаза до бѣжковъ, поцѣловала ее и прижала къ груди. Мистръ Крэбсъ прочелъ письмо совершенно холодно и потомъ заговорилъ съ барышней, а меня просилъ обождать для полученія отвѣта.

Послѣ долгаго переговоровъ, старикъ вынулъ карточку, на которой было написано только это:

Завтра у Короткохвоста въ двѣнадцать.

доставить это мистру Дьюсену промолвилъ онъ; да скажите, чтобы не опоздалъ.

Можете быть увѣрены, что я не замѣркалъ, и передалъ Дьюсену карточку и бумагу. Онъ остался доволенъ тѣмъ и другимъ; но радости въ немъ не замѣчалось: да могъ ли онъ быть веселъ, когда невѣста — уродъ, будь она какая угодно Клара.

Готовясь проститься съ холостой жизнью, онъ сдѣлалъ то, что долженъ сдѣлать каждый въ подобныхъ обстоятельствахъ: заготовилъ завѣщаніе, то-есть, распорядился своею собственностью и послалъ письма къ своимъ кредиторамъ, извѣщая ихъ о своемъ счастьи и обѣщая сейчасъ послѣ свадьбы расплатиться съ нами до копѣйки. До того времени, какъ сами они должны знать, всякая уплата, при его безденежьи, невозможна.

Наде отдать ему справедливость, что Дьюсенъ теперь быть готовъ сдѣлать честное дѣло, такъ какъ оно ничего ему не стоило.

— Мистръ Чарльзъ, сказалъ онъ, подавая мнѣ десятифунтовую ассигнацію; вотъ ваше жалованье; спасибо, что избавили меня отъ бѣды: когда женюсь, я сдѣлаю васъ кастелланомъ и утрою ваше жалованье.

Да, подумалъ я, дѣло не дурное: быть кастелланомъ у адвоката съ десятью тысячами фунтовъ годового дохода. И что же дѣлать? Ничего: читать его записки, откусывать бакенбарты; наряжаться въ черный фракъ, надѣвать каждый день чистую рубашку; вечеромъ пить чай съ пирожками; разъ въ недѣлю буду ходить въ оперу на его счетъ. Я зналъ, что значить кастелланъ и могу сказать, что жинца его вообще счастлива, беззаботнаго самаго принципала. Денегъ у него всегда вдоволь, а что до вкуснаго обѣда, да хорошаго вина, такъ будь только дружить съ дворецкими, а дворецкій навѣрно пойметъ свои интересы.

Но это только воздушныя замки. Мнѣ не было суждено быть кастелланомъ мистра Дьюсена.

Наконецъ Аврора зарумянила благодатное утро, которое должно было соединить узлами Гиманоя Перси Дьюсена, и миссъ Митчелду Гринфинъ. Гардеробъ у жениха былъ не такъ бог

гать, какъ бывало прежде; потому что воѣ блестящія истремушки, шлафроки, чудный музей лакированныхъ сапогъ, любопытную коллекцію платья отъ Штульца и Штауба, онъ принужденъ былъ покинуть, при внезапномъ бѣгствѣ изъ несчастной, дорогой сердцу квартиры въ отель Мирабо; онъ зашелъ никогдѣ къ пріятелю своему, и удовольствовался заказомъ пары платья у посредственнаго портнаго, съ достаточнымъ количествомъ бѣлья.

Вотъ онъ надѣлъ лучшій изъ фраковъ, голубой; и я счелъ обязанностью спросить его, не нуженъ ли ему опять шапорокъ: но онъ былъ такъ добръ, что сказалъ: Возьмите его къ себѣ, и убирайтесь съ нимъ. Въ половинѣ двѣнадцати, меня просили посмотрѣть у воротъ, нѣтъ ли подозрительныхъ людей (а у меня было удивительное чутье на бабъ; и глазъ такой, что за угломъ бы увидалъ); тутъ подъѣхала скромная зеленая карета, и Дьюсисъ сѣлъ въ экипажъ. Я выбралъ кратчайшій путь, и пошелъ какъ можно скорѣе въ улицу предмѣстья С-тъ Оморэ, гдѣ жилъ его превосходительство, посланникъ, и гдѣ обыкновенно вѣщаются Англичане, живущіе въ Парижѣ.

* * * *

Подлѣ посольскаго отеля, стоятъ другой отель, того низшаго разряда, который Французы называютъ Кабарэ, или погребокъ; в ровню въ ту минуту какъ зеленая карета Дьюсиса остановилась, къ подъѣзду подъѣхала другая карета, изъ которой вышли двѣ, хорошо вѣстныхъ мнѣ барыни: должно сказать, что одна была съ горбомъ, и смѣтливый читатель догадается; зачѣмъ она сюда пожаловала; другая была бѣдная миссъ Кикси, сопровождавшая её.

Я находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дверей, когда наша карета, какъ я сказалъ, подъѣхала и остановилась. Кучеръ слѣзаетъ съ козелъ, чтобъ открыть дверцы; я иду и подаю мистру Дьюсису руку, какъ вдругъ, изъ соседняго погребка выгѣзаютъ четыре молодца и становятся между каретой и дверьми посольскаго отеля; два другіе молодца идутъ на другую сторону кареты, и одинъ изъ нихъ открывъ дверцы экипажа, говоритъ: Славайтесь, мосье Дьюсисъ! Я васъ арестую во имя закона. Дьюсисъ поблѣднѣлъ какъ трупъ,

и прыгнулъ на другую сторону экипажа, будто змѣя ужалила его. Торопливо отворивъ дверцы, онъ хотѣлъ-было выскочить; и шепнулъ на четырехъ молодцовъ, которые стояли между нимъ и его свободой. Вотъ онъ опускаетъ переднее стекло, и отчаянно кричитъ кучеру: ступай; но кучеръ не хотѣлъ двигаться съ мѣста, и притомъ не былъ на козлахъ.

Коротко и ясно: только-что я подошелъ къ дверцамъ, какъ двое приказныхъ влѣзли въ карету. Я все видѣлъ, и сталъ пригорюниться въ сторонѣ.

— Ва, говорить одинъ изъ молодцовъ на улицѣ: это тотъ самый плутъ, что надулъ насъ въ прошлый разъ. — Я узналъ его, но мнѣ было не до смѣху.

— Куда-жъ ѣхать! спрашиваетъ кучеръ у джентльмена, который сидѣлъ въ экипажѣ.

Толстый голосъ изъ кареты раздался въ отвѣтъ кучеру: въ тюрьму С-тъ Пелажи.

Теперь, можетъ статья, мнѣ слѣдовало бы описать нашу тюрьму С-тъ Пелажи; но я признаться чувствую некоторую робость говорить объ этомъ предметѣ, частью потому, что дивный Боцъ, въ исторіи мистра Пиквика, представилъ такое описаніе тюрьмы, что послѣ него мой очеркъ не могъ бы быть занимательнымъ; частью, сказать по совѣсти, потому, что я недолго оставался въ С-тъ Пелажи, такъ какъ не намѣренъ былъ истратить по-пусту свое существованіе, проведя годы юности въ такомъ скучномъ мѣстѣ.

Первымъ порученіемъ мнѣ отъ Дьюсиса какъ вы сами легко можете вообразить, было — отнести записочку отъ него къ нарѣченной его невѣстѣ.

Битыхъ два часа бѣдняжка прождала жениха въ посольскомъ отелѣ; и не видя его, принуждена была наконецъ съ горемъ отправиться домой, гдѣ я уже ожидалъ ее съ писемемъ отъ Альджерона.

Теперь не къ чему было скрывать арестъ, и женихъ въ запискѣ своей откровенно сознавался въ этомъ; но не хотѣлъ высказать просто, и сочинилъ какую-то чепуху о коварствѣ друга, о безчестномъ вѣроломствѣ, и Богъ вѣсть о чемъ. Впрочемъ, это все равно: написавъ онъ, что его обманулъ вѣдатель съ луны, миссъ Гриффинъ повѣрила бы ему на слово.

Милая Грифевицъ не позволялась теперь ни при одномъ мимолетномъ взглядѣ. Она всегда сидѣла въ гостиной, а миссъ обѣдала и жила одна въ другой комнатѣ; онѣ такъ много соорились, что можетъ статья и даромъ дѣлать, что жила врознь: только сэръ. Кребсъ обыкновенно видалъ обѣихъ, и утѣшала ихъ своимъ вкрадчивымъ краснорѣчіемъ. Онъ вошелъ въ ту минуту, когда миссъ, вся въ слезахъ, слушала мой отчетъ объ арестѣ Дьюиса, и воображая, что тюрьма страшное мѣсто, съ гнилымъ казематомъ, суровымъ тюремщикомъ и отравительнымъ хлѣбомъ и водой. Она набралась мыслей о тюрьмахъ изъ романовъ, которые читала!

— Ахъ, милордъ, милордъ, вскричала она: слышали-ль вы эту рашевую вѣсть?

— Милая Матильда, что такое? Радъ Бога, не пугайте меня. Какъ? — Что? — Не можетъ быть! Говорите! сказала старикъ, схвативъ меня за руку: что случилось съ моимъ племянникомъ?

— Позвольте доложить вамъ, сказалъ я: что въ настоящую минуту не больше и не меньше, какъ въ тюрьмѣ: часа два назадъ арестованъ.

— Въ тюрьмѣ! Альджеронъ въ тюрьмѣ! возможно ли? Въ тюрьмѣ! Какъ великъ долгъ? Скажите, и я заплачу за него все, что мнѣ.

— Знаю, что вы всегда очень милостивы, оказалъ я, принимая сцену между нимъ и племянникомъ, у котораго онъ хотѣлъ подтибрить тысячу фунтовъ: навѣрно, вы съ радостью узнаете, что онъ арестованъ за бездѣльцу. Всего-на-все, пять тысячъ или около.

— Пять тысячъ фунтовъ! Чортъ возьми! вскричалъ Кребсъ, взыскнуть руками и поднимать глаза къ потолку: а у меня нѣтъ и пяти-сотъ! Дорогая Матильда, какъ бы ему помочь?

— Увы, сэръ, у меня всего три гиней, а вы знаете, какъ люди Грифевицъ.

— Да, милая миссъ, я знаю, что вы хотите оказать; но не упивайте; у Альджерона, вы знаете, есть свой капиталъ.

— Полагая, что Кребсъ разумѣетъ пять тысячъ фунтовъ, истраченные у Даукиса, отъ которыхъ навѣрно остался перелачный кусочекъ, и придержать лавать; но ни какъ не могъ удерж-

жаться отъ удивленія: откуда у мистра Крэбса взялось такое состраданіе къ племяннику, и какъ это у миссъ, при десяти тысячахъ фунтовъ годоваго дохода, только три гиней въ карманѣ?

Я понесъ домой — сохрани Боже отъ такого дому! — длинное; пламенное письмо отъ миссъ, въ которомъ она описывала свою собственную скорбь; клялась, что еще болѣе любить его въ несчастіи; представляла это несчастіе въ утробномъ видѣ; говорила, что не стоитъ унывать изъ-за такой бездѣлицы, какъ пять тысячъ фунтовъ, особенно человѣку, который имѣетъ неизлечимое состояніе; обещалась, что никакая сила обстоятельствъ не заставитъ ее разлучиться съ нимъ, и проч. и проч.

Я передавъ Дьюенсу разговоръ, который происходилъ между мной и Крэбсомъ; упомянулъ о его великодушномъ предложеніи и его скорби при вѣсти объ арестѣ; не забылъ также напомнить о моемъ удивленіи, что у барышни, съ такимъ богатствомъ, только три гиней въ кошелькѣ: а я, ей Богу, думаю, что она всегда должна имѣть при себѣ по-крайней-мѣрѣ сотню тысячъ фунтовъ!

На это Дьюенсъ отвѣчалъ односложнымъ восклицаніемъ; однакожъ остальная часть моего разсказа о дядѣ, обезпечила его, и онъ заставлялъ меня повторить исторію.

Тутъ онъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, въ большомъ волненіи; казалось, будто новый свѣтъ озарилъ его.

— Мистръ Чарльзъ, сказалъ онъ: не замѣтили ли вы, что миссъ — что мой дядя слишкомъ въ короткихъ отношеніяхъ съ миссъ Гриффинъ?

— Что вы подѣ этимъ разумѣете, сэръ? спросилъ я.

— Не слишкомъ ли любезничаетъ Крэбсъ съ миссъ Гриффинъ?

— Правда, онъ очень любезенъ съ ней.

— Ну, говорите безъ обиняковъ: не слишкомъ ли внимательна къ нему миссъ Гриффинъ?

— Сказать правду, сэръ: она, кажется, очень внимательна къ нему.

— Какъ онъ называлъ ее?

— Милая миссъ, дорогая миссъ.

— Бралъ ее за руку?

— Да, и —

— Ну, что?

— Цѣловалъ ее, приговаривая, чтобъ она не сокрушалась о несчастіи, которое съ вами случилось.

— Теперь понимаю! вскричалъ Дьюсисъ, поглядывая какъ смерть и сжавъ руку въ кулакъ: теперь понимаю? Онъ готовъ отнять ее у меня! — И тутъ послышалась проклятія....

Я самъ давно думалъ тоже, и когда Крѣбсъ приходилъ съ визитомъ къ господамъ Гриффинъ, и любезничалъ съ ними, я предполагалъ, что онъ затѣваетъ какую-нибудь штуку. Дѣйствительно: я слышалъ отъ слугъ госпожъ Гриффинъ, что старина черезъ-чуръ ухаживаетъ за барынями.

Впрочемъ человѣку съ такимъ умомъ, какъ Дьюсисъ, положеніе вещей было ясно: онъ или долженъ былъ жениться на дѣвучкѣ безъ отлагательства, или потерять надежду, когда нибудь получить ея руку. Онъ долженъ былъ выбраться изъ тюрьмы тотчасъ же, или мѣсто его заступить почтенный его дядюшка. О, онъ теперь все понялъ! И первая попытка арестовать его, и назначенный для свадьбы часъ, и появленіе балли, для воспрепятствованія браку, все это стало ясно, какъ день! Можетъ быть и дуэль между нимъ и между де л'Оржемъ произошла изъ того же источника.

Но, что бы тамъ ни было, Дьюсисъ видѣлъ ясно, что всѣмъ обязанъ онъ дядюшкѣ: и первой западной, изъ которой онъ ускользнулъ благодаря моей находчивости; и вторую, которая удалась Крѣбсу лучше первой. А старикъ, мнѣ кажется неспособенъ сдѣлать гадкое дѣло, изъ желанія только сдѣлать гадость. Онъ достигъ до той высоты, что не думалъ объ обидахъ; смотрѣлъ на нихъ какъ на пустяки; наносилъ въ другому, и самъ принималъ ихъ безъ малѣйшей злобы. Если онъ хотѣлъ обидѣть племянника, то вѣроятно для собственной выгоды. Но какимъ образомъ достичь этого? Мистръ Дьюсисъ не высказалъ этого именно, но я понялъ его мысль: онъ жалѣлъ, что не далъ почтенному дядюшкѣ денегъ, которыхъ тотъ просилъ.

Бвднлжк! онъ думалъ, что попалъ въ цѣль; а на самомъ дѣлѣ далеко промахнулся.

Но что же дѣлать? Ясно, что онъ долженъ во всякомъ случаѣ жениться на барышнѣ — куть ки куть, такъ говорятъ Французы; жениться и дѣло въ шляпѣ.

Для этого необходимо было прежде всего выбратся изъ тюрьмы; а чтобъ выбратся, нужно было заплатить долги, а чтобъ заплатить долги, нужно было отдать все, что онъ имѣлъ, до нитки. Но что за бѣда! Настоящему игроку четыре тысячи фунтовъ — бездѣлица, особенно когда приходится поставить ихъ на карту или сгнить въ тюрьмѣ. При счастьи, на эти деньги ему можно будетъ приобрести десять тысячъ фунтовъ годового дохода.

И такъ, видя, что дѣлать больше нечего, онъ рѣшился и сообразно тому написалъ слѣдующее письмо къ миссъ Гриффинъ:

«Обожаемая Матильда, ваше письмо было воликимъ утѣшительнымъ для несчастнаго, который надѣялся, что настоящій вечеръ будетъ блаженнѣйшимъ въ его жизни, и вдругъ видитъ себя обреченнымъ провести его въ стѣнахъ тюрьмы. Вамъ извѣстенъ проклятый заговоръ, ввергнувшій меня въ эти узы, и та безумная дружба, которая обошлась мнѣ такъ дорого. Но что нужды? У насъ, какъ и вы говорите, остается еще довольно, хоть бы мнѣ пришлось удовлетворить эту безстыдную претензію, и пять тысячъ фунтовъ — ничто, въ сравненіи съ блаженствомъ, котораго я лишаюсь, находясь въ разлукѣ съ тобою! Но не унывай! Если я сдѣлаю жертву, то единственно для тебя, и я былъ бы варваръ, безъ души, если бы позволилъ себѣ хотя на минуту, собственные потери положить на одни вѣсы съ твоимъ счастьемъ».

«Не такъ ли моя возлюбленная? Не связано ли твое счастье съ моимъ, узами души? Я горжусь, когда объ этомъ подумаю, и съ гордостью приношу тебѣ это слабое доказательство глубины и чистоты моей любви.»

«Скажи, что ты останешься на вѣкъ моею; скажи, что ты бѣдешь моею завтра же, и завтра я сброшу эти позорныя цѣпи, и снова буду свободенъ, или если связанъ, то связанъ только съ тобою! Обожаемая Матильда! моя нареченная! пиши ко мнѣ, прежде чѣмъ наступитъ ночь; я не въ состояніи буду сомкнуть глаза на моемъ тюремномъ изголовьѣ, пока не ослас-

ливить ихъ воззрѣніе на два, три слова отъ тебя! Пиши ко мнѣ, любовь моя! пиши! Я томлюсь по отвѣтѣ, который спасеть или погубить меня на вѣки».

Тебя любящій

А. П. Д.

Отшлифовавъ это письмо, Дьюсисъ поручилъ мнѣ доставить его по адресу; причѣмъ просилъ, чтобъ я постарался одать его барышнѣ собственноручно и безъ постороннихъ. Я побѣжалъ въ домъ къ господамъ Гриффинъ, нашель барышню, какъ желаль, одну-одинехоньку, и подалъ ей надушенную записочку.

Она прочла: вздохи, которые она испускала, слезы, которыя она пролила, превосходятъ всякое описаніе. Она такъ плакала и вздыхала, что я боялся за нее. Она схватила меня за руку, и сказала: мистръ Чарльзъ, онъ груститъ, онъ въ отчаяніи?

— Совершенно такъ, мадамъ, отвѣчалъ я; клянусь честью, что едва ли кто можетъ быть грустнѣе и въ большемъ отчаяніи.

Выслушавъ это трогательное замѣчаніе, она вдругъ собралась съ духомъ: сѣла за письменный столикъ, и сейчасъ же ошастливила моего адвоката отвѣтомъ. Вотъ онъ на лицо:

«Моя полоненная пташечка не грусти болѣе, но лети домой въ свое гнѣздо, въ эти объятія! Обожаемый Альджернонъ, я жду тебя завтра, на томъ же мѣстѣ, въ тотъ же часъ. Тогда, тогда никакая сила не разлучитъ насъ, кромѣ смерти.

М. Г.

Этотъ приторный слогу, какъ водится, происходитъ отъ чтенія романовъ и отъ желанія блеснуть мелкимъ литераторствомъ. По-моему гораздо лучше вовсе не знать искусства сочинять, и писать подъ диктовку сердца. Вотъ мой слогу; я презираю искусственность и предаюсь натурѣ; но *ревенонъ* и *но мутонъ*, какъ говорятъ наши континентальныя друзья: воротился къ нашему бѣленькому барашку, Альджернону Перса Дьюсису, къ сэру Крѣбсу, дядюшкѣ его; и этой нѣжной и delicate, юной агницѣ, миссъ Матильдѣ Гриффинъ.

Ровно въ ту минуту, какъ она складывала въ треугольничекъ вышеприведенную записочку; ровно въ ту минуту, какъ я, по данному наказу, хотѣлъ было говорить: миссъ, мистръ

Дьюсисъ былъ бы вамъ чрезвычайно обязанъ, еслибъ вамъ угодно было сохранить въ глубокой тайнѣ то, что имѣетъ совершиться завтра, — въ комнату вошелъ любовный дадоуша и я отступилъ къ дверямъ. Варьиния не сказавъ ни слова, бросилась къ нему на шею, опять залилась слезами, но обыкновенно и показывая ему записку племянника, сказала: Посмотрите, мой любовный сэръ, посмотрите какъ благородно пишетъ ко мнѣ вашъ, нашъ Альджервонъ. Кто послѣ этого усомнится въ чистотѣ его несравненной любви?

Для взявъ записочку, прочелъ, разсмѣялся, и возвращая ее владѣльцѣ, сказалъ къ великому для меня изумленію: Милая миссъ Гриффинъ, правда, онъ пишетъ не шутя; и если вы намѣрены вступить въ этотъ бракъ безъ согласія вашей belle mère, то помните какія будутъ послѣдствія: впрочемъ вы можете дѣйствовать, какъ вамъ угодно.

— Послѣдствія? Стыдитесь, сэръ! Что значать деньги и всѣ расчеты для такихъ двухъ сердецъ, какъ наши?

— Сердца — вещь прекрасная, моя милая миссъ; но три па сто — еще лучше.

— Но развѣ у насъ нѣтъ своего состоянія, безъ пособія lady Гриффинъ?

Графъ пожалъ плечами. Пусть по вашему, моя милая миссъ, сказалъ онъ. Будьте увѣрены, что у меня нѣтъ другой причины препятствовать браку, основанному на такой безкорыстной любви.

На этомъ разговоръ остановился. Варьиния удалилась, сжавъ ручки и закативъ глаза до бѣлковъ. Крѣбсъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, засунувъ жирныя руки въ карманы; лицо его сіяло необычайною радостью; онъ напѣвалъ, къ крайнему моему изумленію:

Вотъ идетъ герой побѣдный!

Трала трала ла, трала трала ла.

— Распѣвая эту пѣсню, онъ учалъ бѣгать по комнатѣ какъ сумасшедшій. Я стоялъ и думался: новый свѣтъ озарилъ меня. Значить, онъ не волочится за миссъ Гриффинъ! Дьюсисъ можетъ жениться на ней! Ужъ есть ли у ней деньги?

И такъ, я стоялъ какъ вкопанный, выпучивъ глаза, повѣсивъ

руки, открывъ ротъ, и перебиралъ толпившіяся у меня въ головѣ мысли; и когда Крэбсъ дошелъ до послѣдняго ла своей мѣсни, а я до слогу *день* моего вентрилокизма или внутренняго синча, размышленія наши, достигнувъ высшей точки, вдругъ были остановлены старикомъ, который, среди припадка мѣсни и бѣганья, наткнулся на меня, такъ что я полетѣлъ на одинъ конецъ комнаты, а онъ на другой, и только послѣ продолжительнаго колебанья пришли мы наконецъ въ нѣкоторое равновѣсіе.

— Какъ, *вы* здѣсь, сказалъ онъ.

— Много чести, что вы изволили замѣтить меня, возразилъ я; и взглянувъ ему въ лицо, прибавилъ: я здѣсь.

Онъ сейчасъ увидѣлъ, что я знаю всё его штуки.

Посвиставъ не много, какъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать всякій разъ, когда находился въ затруднительномъ положеніи (мнѣ кажется, онъ только посвисталъ бы, если бы ему сказали, что его черезъ пять минутъ повѣсятъ); посвиставъ не много, онъ вдругъ остановился, и потомъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— Слушайте, мистръ Чарльзъ: свадьба должна быть завтра.

— Завтра, сэръ? сказалъ я; что касается до меня, то я не думаю.

— Стойте, любезный: если это не будетъ завтра, то что вы выиграете?

Это озадачило меня. Если свадьба не состоится, то я потеряю только мѣсто, потому, что у Дьюсиса, съ расплатой долга, не останется ни копѣйки; а мнѣ не по вкусу быть у него кастеланомъ въ тюрьмѣ или на тощакъ.

— Ну, продолжалъ Крэбсъ: чувствуете силу моихъ доводовъ? Теперь, взгляните сюда—и онъ вынулъ глядцовитую, свѣженькую, бѣлоснѣжную стофунтовую ассигнацію! Если мой племянникъ женится завтра на миссъ Гриффинъ, то вы получите эту бумажку; и сверхъ того, я предлагаю вамъ у себя мѣсто кастелана и удвою теперешнее жалованье.

Плоть моя немощна: не перенесла такого искушенія.—Послушайте, говорю я, приложивъ руку къ сердцу: только обезпечите меня, и я вашъ на вѣки.

Старина усмѣхнулся и потрепалъ меня по плечу.

— Такъ, мой любезный, возразилъ онъ; вы малый славный;

въ васъ будетъ прокъ. Вотъ вамъ лучшее обезпеченіе, — и онъ вынимаетъ опять бумажникъ, возвращаетъ стофунтовую бумажку на мѣсто, и достаетъ пятидесятифунтовую: вотъ вамъ половина сегодня, а завтра получите остальное.

У меня пальцы дрожали, когда я взялъ лоснящуюся, красивенькую ассигнацію, на такую сумму, какой у меня во весь вѣкъ еще не бывало. Я взглянулъ на цифру: дѣйствительно, пятидесятифунтовая, банковая ассигнація, на имя Леоноры Эмили Гриффинъ, и съ ея передаточною надписью. Кошка выскочила изъ мѣшка. Теперь, благосклонный читатель, смѣкаете, въ чѣмъ дѣло?

— Помните же, съ этого дня, вы мой кастелланъ.

— Вы изволите осыпать меня своими милостями.

— Убирайтесь къ чорту, сударь, говоритъ Крѣбсъ: дѣлайте свое дѣло и держите азыкъ за зубами.

Такимъ образомъ я перешелъ отъ мистра Альджернона Дьюсиса къ сэру Крѣбсу.

* * * * *

Возвратясь въ тюрьму, я нашелъ Дьюсиса запертымъ въ этомъ страшномъ жилищѣ, куда по дѣломъ привело его безпутство; и, должно сказать, что я почувствовалъ къ нему величайшее презрѣніе. Человѣкъ такой какъ онъ, оплетало, который отнялъ у бѣднаго Даукиса все средства существованія; который надулъ своего товарища по плутовству, мистра Ричарда Блюнтта, и который женился по расчету на отвратительномъ уродѣ, какъ миссъ Гриффинъ, не заслуживалъ отъ меня ни малѣйшаго состраданія, и я рѣшился сохранить въ тайнѣ обстоятельства моего свиданія съ его дядей, новымъ моимъ принциаломъ.

Я подалъ Дьюсису полученный отъ миссъ Гриффинъ треугольникъ, который онъ прочелъ съ довольнымъ видомъ. Потомъ оборотясь ко мнѣ, онъ сказалъ: вы отдали мою записку барышнѣ, когда она была одна?

— Да, сэръ.

— Не обманываете?

— Нѣтъ.

— И вы совершенно увѣрены, что въ это время не было тамъ мистра Крѣбса?

— Совершенно увѣренъ, сказалъ я.

— Чортъ побери! Не въ службу, а въ дружбу, вычистите, сэръ, мою шляпу и фракъ, да наймите карету?

* * * *

Я исполнилъ его просьбу и возвратясь, нашелъ Дьюсиса въ торремпной канцеларіи. Чиновникъ держалъ огромный списокъ, и разговаривалъ съ нимъ, какъ водятся, по французски; множество арестантовъ стояли и смотрѣли съ любопытствомъ.

— Извольте видѣть, сударь, говоритъ онъ: долгъ простирается до 98,700 франковъ; а съ проторами и процентами, вся сумма составляетъ сто тысячъ франковъ, безъ тринадцати.

Дьюсисъ величественно вынимаетъ изъ бумажника четыре тысячи фунтовъ ассигнаціями. — Эти деньги не французскія; но я полагаю, что вы ихъ знаете, господинъ чиновникъ; говорить Альджеронъ.

Повытчикъ обратился къ старому Соломону, мѣняль, который тутъ случился — потому что двое изъ его должниковъ содержались въ тюрьмѣ: Ассигнаціи годятся, сказалъ онъ: я возьму ихъ за сто одну тысячу двѣсти франковъ, и надѣюсь милостивый государь еще увидѣться съ вами.

— Хорошо, возразилъ повытчикъ: я знаю, что ассигнаціи годятся; сейчасъ дамъ сдачи, и прикажу васъ освободить.

Что и было исполнено. Бѣдные должники вздохнули, когда тяжелая, желѣзная дверь размахнулась, и опять захлопнулась, а Дьюсисъ пошелъ вонъ вмѣстѣ со мной, дышать свѣжимъ воздухомъ.

Онъ оставался въ тюрьмѣ только шесть часовъ, и вотъ онъ опять на свободѣ и завтра же будетъ имѣть за женой десять тысячъ фунтовъ годового доходу. Но не смотря на все это, онъ былъ блѣденъ и грустенъ. Дьюсисъ разстался съ своимъ капитальцемъ, и выходя изъ тюрьмы, имѣлъ при себѣ только пятьдесятъ фунтовъ всего достоянія.

Но чтожь дѣлать? Когда денегъ нѣтъ не унывай, а думай, какъ бы достать ихъ. Дьюсисъ послѣдовалъ этому правилу. Онъ воротился въ отель Мирабо, гдѣ нанялъ квартиру богаче первой, и я скоро пересказалъ Тоанеттѣ и прочимъ слугамъ,

какія воступила Дьюнсъ и какъ равнодушна вылила онъ четыре тысячи фунтовъ, словно воды далъ хлѣбнуть. На свиданіемъ мнѣ похваля было то, что всѣ стали смотрѣть на насъ съ любовью и уваженіемъ, а обрадованная хозяйка назначила цѣну за квартиру вдвое больше того, какую сама бы брала мнѣ рассказовъ.

Итакъ, Дьюнсъ нанялъ великолѣпную квартиру на недѣлю, карету четверней, на завтра, чтобъ ѣхать въ Фонтенбло, ровно въ двѣнадцать; и устроивъ все такимъ образомъ, преспокойно отправился въ Рошв-де-канкаль, гдѣ пообедалъ съ аппетитомъ, потому что былъ ужъ десятый часъ. Онъ не покушался на шампанское и въ этотъ вечеръ, могу вамъ доложить: надо знать, что когда я несъ къ миссъ Грифоннъ записочку Альджернона, съ извѣстіемъ объ его освобожденіи, барышня, замѣтила по походкѣ и голосу мое волненіе, и сказала: Добрый мистръ Чарльзъ! событія настоящаго дня совсѣмъ разстроили его.

IX.

СВАДЬБА.

Наступилъ олдѣующій день: въ двѣнадцать, карета четверней стояла у посольскаго модѣлада; миссъ Грифоннъ и вѣрная Кукси не опоздали ни минуты.

На стану описывать свадебной церемоніи, какъ капеланъ посольской церкви соединилъ руки этой любящей юной четы. Какъ одинъ изъ посольскихъ чиновниковъ былъ приглашенъ въ свидѣлемъ, какъ барышня плакала и ушла по обыкновенію: на обмеровъ, и какъ Дьюнсъ взявъ съ собою, въ бездѣятельнѣ на открытій воздухъ, посадилъ въ карету и повезъ въ Фонтенбло, гдѣ молодые должны были провести первую недѣлю маюдоваго мѣсяца. Они не взяли съ собою никакой прислуги, потому что, хотѣли какъ говорили они, были одни. И такъ, захопнувъ дверцы и приказавъ кучеру ѣхать, я распростился съ Альджернономъ, и отправился прямо къ его дядюшкѣ.

— Конечно, мистръ Чарльзъ? сказалъ онъ.

— Ровно въ четверть перваго мѣсяца отъ вѣнца, сэръ, сообщилъ я.

— Отдали миссъ Гриффинъ бумагу, какъ я вамъ показывалъ, передъ свадьбой.

— Отдалъ въ присутствіи мистра Брауна; человекъ посольскій присягнетъ, что видѣлъ ее въ рукахъ барышни.

Я долженъ сказать, что Крэбсъ давалъ мнѣ прочесть бумагу, написанную рукой лэди Гриффинъ, которую мнѣ поручено было передать, какъ выше объяснено. Вотъ ея содержаніе;

«По власти, предоставленной мнѣ завѣщаніемъ покойнаго супруга, я воспрещаю бракъ миссъ Гриффинъ съ благороднымъ Альджернономъ Перси Дьюсисомъ. Если миссъ Гриффинъ остается при своемъ намѣреніи, то предупреждаю, что она подвергнется всѣмъ послѣдствіямъ своего поступка.

Леонора Эмилиа Гриффинъ.

Улица Риволи, 8 мая 1818 г.

Когда я подалъ эту записку барышнѣ, при входѣ во дворъ, за минуту до пріѣзда Дьюсиса, она прочла ее съ презрѣніемъ, и сказала: я смѣюсь надъ угрозами лэди Гриффинъ, — и разодравъ записку на двое, пошла далѣе, объ руку съ вѣрной и обязательной миссъ Кикси.

Я поднялъ лоскутки, изъ опасенія какого-нибудь неприятнаго случая, и отнесъ ихъ къ Крэбсу. Впрочемъ, нужды въ этихъ лоскуткахъ не представлялось, потому что онъ оставилъ у себя копію, и прежде чѣмъ отправилъ записку по адресу, далъ ее прочесть мнѣ и еще одному свидѣтелю, адвокату лэди Гриффинъ.

— Ладно! сказалъ Крэбсъ; и при томъ вынулъ изъ портфеля парочку къ прекрасной пятидесяти фунтовой ассигнаціи, которую онъ далъ мнѣ вчера. Видите, мистръ Чарльзъ, я держу свое слово, прибавилъ онъ. Вы поступаете къ лэди Гриффинъ, въ домоправители. Ступайте же къ Фрошэ, и окмирируйтесь приличнымъ образомъ.

— Но, сэръ, возразилъ я: по условію, я долженъ былъ поступить не къ лэди Гриффинъ, а къ —

— Это одно и тоже, сказалъ онъ, и отошелъ прочь.

Я отправился къ мосье Фрошэ и узналъ, что кучеръ нашъ и Мертимеръ также были у портнаго. Диврелъ милади перемѣнилась и принимала тотъ самый цвѣтъ, какого была

того лакея, который служилъ у мистра Дьюсиса, и будь я мещеникъ, если на пуговицахъ — не корона огромнѣйшаго размѣру, вмѣсто льва, который красовался въ гербѣ госпожѣ Грисоннѣ.

Я, впрочемъ, не сталъ дѣлать распросовъ, далъ снять съ себя мѣрку и почсвалъ ужъ на Вандомской площади.

Я купилъ себѣ тоалетъ, ящикъ о-де-колоню, нѣсколько дюжинъ полотнянаго бѣлья и шейныхъ платковъ, и много другихъ вещей необходимыхъ человѣку, въ моемъ званіи. Я довершилъ дѣло, написавъ прежнему своему принципалу слѣдующе вѣжливое письмо:

Чарльзъ Желтоплюшь, къ сэру А. П. Дьюсису.

Сэръ, съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь въ послѣдній разъ быть вамъ полезенъ, случились обстоятельства, которые отнимаютъ у меня дальнѣйшую возможность оставаться у васъ. Буду крайне обязанъ, если прикажете отпустить мои вещи, когда онѣ возвратятся отъ прачки, въ субботу.

Вашъ покорный слуга

Чарльзъ Желтоплюшь.

Вандомская площадь.

Ореграфія этой записки была престрашная, но *кэзулеву?* Мнѣ было тогда всего восемнадцать, и я тогда еще не имѣлъ того навыка въ сочиненіи, какой приобрѣлъ впоследствии.

Такимъ образомъ, исполнивъ свою обязанность рассказчика во всѣхъ отношеніяхъ, я перехожу въ слѣдующей главѣ, къ описанію того, что случилось въ новомъ моемъ мѣстѣ.

Х.

Медовый мѣсяць.

Недѣля въ Фонтенбло быстро прошла, и подъ конецъ ея, жанъ племянникъ и падчерица, парочка юныхъ голубковъ, воротилась въ свое гнѣздо, въ отель Мирабо. Подозрѣваю, что голубку порядкомъ наскучила ужъ его голубка.

По пріѣздѣ, первое что они нашли на столѣ, былъ большой узелъ, завернутый въ серебряную бумагу, газета и шра визитныхъ карточекъ, перевязанныхъ бѣлой ленточкой. Въ углѣ заключалась огромная раамѣра баба, съ коранкой и сахаромъ.

На карточкахъ надписи готическими буквами: Кребсъ, и италианскими буквами: мадамъ Кребсъ.

Въ газетѣ была слѣдующая статья:

Бракъ въ большомъ свѣтѣ. Въ отелѣ британскаго посольства, высокоблагородный Джонъ Августъ Алътамонтъ плантажистъ, сэръ Кребсъ, сочетался бракомъ съ Леонорой Эмилей, вдовой покойнаго генераль-лейтенанта сэра Джоржа Гриффина, кавалера ордена бани. Счастливейшей четѣ данъ былъ издѣльный *dejeuné* сѣромъ Короткохвостымъ, который былъ у невѣсты посаженнымъ отцомъ. Избранное общество удостоило своимъ присутствіемъ столъ и обрядъ бракосочетанія. Сэръ и леди Кребсъ предполагаютъ провести нѣсколько недѣль въ Сентъ-Клу.

Вышеупомянутые документы, равно какъ и моя вышнвая записка, съ которой я представилъ также копію, встрѣтилъ мистръ и мистрисъ Дюссисъ, при обратномъ прїѣздѣ изъ въ Фонтенбло. Какъ я не присутствовалъ при этомъ случаѣ, то я не могу знать, что сказали мистръ Дюссисъ, но могу себя вообразить, какую кислую рожу оостроили и онъ и его бѣдная супруга. Они не намѣрены были отдыхать послѣ утомительнаго путешествія, потому что, черезъ полчаса послѣ прїѣзда въ Парижъ, лошадей снова запрягли въ экипажъ, и молодые прикатили къ намъ въ загородный домъ, въ Сентъ-Клу, чтобъ помѣшать нашимъ чистымъ наслажденіямъ супружеской любви.

Мистръ Кребсъ изволилъ сидѣть въ малиновомъ атласномъ шлафрокѣ, развалился на софѣ у открытаго окна, и курилъ по обыкновенію сигару; а миледи, которая, надо отдать ей справедливость, не бѣлалась табаку, занималась на другомъ концѣ комнаты работой: вышивала туфельки, разные подушечки, футлярчики, и другія бездѣлушки. Взглянувъ на нихъ, вы подумали бы, что они ужъ цѣлый вѣкъ женаты. Вотъ, я перерываю этотъ супружескій тетатетъ, и говорю, въ тревожѣ сэръ, племянникъ вашъ пожаловалъ съ супругой!

— Ну, возражаетъ мнѣ мистръ Кребсъ, преданно-просто: чтожь дальше?

— Мистръ Дюссисъ! вскрикиваетъ миледи, вскачавъ съ дивана въ испугѣ.

— Да, моя миледи, племянникъ; но чего жъ ты испугалась!

Пожалуйста, мистеръ Чарльзъ, прикажите сказать имъ что леди Крэбсъ и я рады видѣть мистра и мистрисъ Дьюсисъ; пусть они извиняютъ, что мы принимаемъ ихъ за-просто. Садись, моя дорогая; будь хладнокровнѣе. Достала шкатулку съ бумагами?

Милэди указала на большую зеленую шкатулку, ту самую, въ которой она перебирала бумаги, когда Дьюсисъ въ первый разъ увидѣлъ ихъ; потомъ подала Крэбсу золотой ключикъ. Я вышелъ, встрѣтилъ Дьюсиса и жену его на лѣстницѣ, и вѣжливо поклонился.

Крэбсъ не всталъ и продолжалъ курить, по обыкновенію; можетъ статься, торопливѣе: навѣрно сказать не могу; милэди сидѣла прямо и гордо. Вошелъ Дьюсисъ; лѣвая рука была подвязана; правою велъ онъ жену и держалъ шляпу. Онъ былъ блѣденъ и тревоженъ; жена его, бѣдняжка! закрывъ лице носовымъ платкомъ, плакала на взрыдъ.

Миссъ Кикси, которая была тутже въ комнатѣ (я не упомянулъ объ ней, потому что въ нашемъ домѣ она значила меньше чѣмъ ничто), подбѣжала къ мистрисъ Дьюсисъ и бросилась обнимать ее: у Кикси была добрая душа, и я уважаю ее за это. Бѣдная горбунья упала въ объятія къ миссъ, съ какимъ-то раздирательнымъ воплемъ, и оставалась такъ нѣсколько минутъ, не переставая истерически рыдать. Я видѣлъ, что произойдетъ сцена, и потому оставилъ дверь отворенною.

— Милости просимъ въ С-нъ Клу, Альджи, племянничекъ мой! сказалъ старикъ, громкимъ, веселымъ голосомъ. Ты думаешь, плутишка, провести насъ? Но мы знали твои продѣлки, любезнѣйшій; знали весь планъ; не такъ ли, душенька? И видишь, мы сохранили свою тайну лучше, чѣмъ вы свою.

— Сознаюсь, сэръ, отвѣчалъ, съ поклономъ, Дьюсисъ: ни какъ не воображалъ счастья, которое ожидало меня въ образѣ belle-mère.

— Гдѣ жъ воображать, нѣтъ, нѣтъ, возражаетъ леди, хитрилка; стараго воробья на мякини не обманешь, какъ молодого. Но, наконецъ, вотъ мы всѣ довольны и счастливы. Садись, Альджеронъ; закуримъ сигару, да потолкуемъ о твоёмъ житьѣ-бытьѣ въ послѣдній мѣсяцъ. Милочка, говоритъ леди,

обращался къ жепѣ вѣдь ты не сердись на бѣднаго Аад-жернова, не правда ли? Пожми ему руку (злая усмѣшка).

Но миледи встала и сказала: я объявила мистру Дьюсису, что не желаю ни видѣть его, ни говорить съ нимъ, и теперь не вижу причины переимѣнить мое мѣненіе. Съ этимъ словомъ, она поплыла изъ комнаты, въ ту дверь, въ которую Кикси увела бѣдную мистрисъ Дьюсисъ.

— Ну, сказалъ мистеръ Крбсъ, когда жена удалилась: а я надѣялся, что она простила васъ; но я знаю всю исторію, и признаюсь, ты поступилъ съ ней очень дурно. Вотъ тебѣ и двѣ тетивы на лукъ! Вѣдь ты не на это мѣтилъ, плутишка?

— Вы хотите сказать, что вамъ извѣстно все, что произошло между мной и лэди Гриффинъ — лэди Крбсъ, до нашей ссоры?

— Совершенно такъ: ты волочился за ней, и она чуть не влюбилась въ тебя; ты ухаживалъ за нею, изъ-за ея богатствъ; она нашла человѣка, который отмстилъ за нее, отстрѣливъ тебѣ руку: теперь, Дьюсисъ, карточки не продернуть. А я не понимаю, какъ ты будешь жить, безъ этого ремесла.

— Почтенный дяюшка очень милостивы; но я совсѣмъ отказался отъ игры, возразилъ Дьюсисъ, поглядѣвъ и въ боль-шомъ замѣшательствѣ.

— Въ-самомъ дѣлѣ? Ты сталъ степеннымъ человѣкомъ? Все лучше и лучше, Дьюсисъ.

— Дяюшка, не позволяте ли просить васъ, оставить шутки въ сторону.

— Шутки въ сторону! это къ чему? Я и такъ не шучу; я безъ шутокъ дивлюсь, какъ при свободѣ выбора изъ двухъ женщинъ, ты предпочелъ этого уroda?

— А позвольте спросить, въ мою очередь, давно ли вы стѣ-ли такъ не разборчивы, что женились на женщинѣ, которая не давно была влюблена въ вашего племянника? возразилъ Дьюсисъ, разгорячась.

— Какъ ты можешь предлагать такой эспроозъ? Я долженъ сорокъ тысячъ фунтовъ; домъ мой въ Сайнъ засеквестрованъ; каждый клочокъ земли, который намъ принадлежитъ, теперь въ рукахъ законодательвъ; вотъ почему я женился на ней. Ужели ты думаешь, что тутъ была какая-нибудь любовь? Де-

ли Крэббъ чертовски хороша, но она и глупа: она вышла за меня ради моего герба, а я женился на ней за ея деньги.

— Ноги этого, вамъ не къ чему свиривать, для чего я женился на падчерицѣ.

— Нѣтъ, еще къ чему. Чѣмъ же ты будешь жить? Видь Даукинсовы мать тысячь фунтовъ на вѣкъ не хватятъ; а потомъ?

— Не хотите ли сказать — вы не можете — я разумѣю, что вы не можете, — вскричалъ Дьюсенсъ, вскочивъ отъ досады: вы не смѣете сказать, чтобъ миссъ Гриффинъ не имѣла десяти тысячъ фунтовъ годового доходу?

Дядя досталъ другую сигару, поворочалъ ее между губами, и зажегши сказалъ прехладнокровно:

— Такъ, миссъ Гриффинъ имѣла десять тысячъ фунтовъ годового доходу?

— Ну, а развѣ теперь не имѣеть? Развѣ она все промотала въ одну недѣлю?

— Теперь у нея нѣтъ ни гроша: она вышла замужъ безъ согласія матери!

Дьюсенсъ опустился на стулъ: никогда не видывалъ я такой страшной картины отчаянiя, какое изображалось на лицѣ этого несчастнаго. Онъ корчился, скрежеталъ зубами, рвалъ на себѣ платье; въ бѣшенствѣ ломалъ остатокъ лѣвой руки; наконецъ закрылъ ею мертво-блѣдное лице, и, опрокинувшись назадъ, громко зарыдалъ.

Страшная вещь, слышать какъ плачетъ мужчина! Горю надо пронять сердце до самой середины, чтобъ выжать изъ него слезу. Между тѣмъ, дядя опять принялся за сигару, закурилъ и продолжалъ:

— Любезный племянникъ, у твоей жены нѣтъ ни цѣллика. Но надо объ этомъ. Сейчасъ подадутъ завтракъ. Между тѣмъ закуришь сигару и выпьешь стаканъ сотерну.

Дьюсенсъ, выслушавъ эту рѣчь, вскочилъ какъ сумасшедшій.

— Я этому не повѣрю, сказалъ онъ: покажи мнѣ завѣщанiе.. Матильда! Матильда! закричалъ онъ, растворивъ дверь, въ которую она вышла.

— Будь хладнокровенъ, племянникъ. Ты въ горѣ и я себе-
лѣзную тебѣ.

— Матильда! закричалъ опять Дьюсисъ; и бѣдная горбуна
вошла въ комнату, въ сопровожденіи миссъ Киксон.

— Правда ли это? сказалъ онъ, взявъ ее за руку.

— Что такое, милый Альджернонь? спросила она.

— Какъ что? произнесъ Дьюсисъ: какъ что? говорить, что
ты нищая, потому-что вышла замужъ безъ согласія мачихи;
правда ли, что ты обманула меня, чтобъ устроить этотъ бракъ?

— Правда, произнесла бѣдная женщина: у меня нѣтъ ниче-
го, но —

— Ничего, но что же?

— Я не имѣю ничего; но у тебя, мой милый, есть двѣ ты-
сячи фунтовъ дохода. Не довольно ли этого для насъ? Ты лю-
бишь меня за меня, не правда ли, Альджернонь? Ты говорилъ
мнѣ это тысячу разъ: повтори опять, мой безцѣнный... Тутъ
она упала на колѣни, обхватила ему ноги, пыталась взять его
руку и поцѣловать ее.

— Сколько, говорите вы? спросилъ дядя.

— Двѣ тысячи; онъ говорилъ намъ.

— Двѣ тысячи! Двѣ ты — о, о, о! ха, ха, ха! разразился
мистеръ Кребсъ. Забавнѣе этого отъ роду ничего не слыживалъ.
Милая моя мадамъ, у него нѣтъ ни шиллинга, ни одной ма-
раведки. — И дядюшка расхохотался пуще прежняго.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе: мистрисъ Дью-
сисъ не укоряла мужа, а только сказала: ахъ, Альджернонь!
уже ли это правда? — встала, подошла къ стулу и молча за-
плакала.

Дядя отперъ большую шкатулку. Если вамъ или вашимъ
адвокатамъ угодно видѣть завѣщаніе сэръ Джорджа, то вотъ
оно къ вашимъ услугамъ; вы увидите условіе, о которомъ я
упомянулъ, и которымъ все наследство поступаетъ къ леди
Гриффинъ — то-есть, леди Кребсъ: вотъ, любезный племян-
никъ, что значитъ поспѣшность и неосмотрительность. Графиня
показала тебѣ только первую страницу завѣщанія; разу-
мѣется, она хотѣла испытать тебя. Да будетъ тебѣ это уро-
комъ, Перси; десять разъ примѣрь, да послѣ отръжь; *audi*

alteram partem, то-есть, читай объ страницы завѣщанія. Думаю, завтракъ готовъ; ты не куришь? Не пойти ли намъ?

— Постоите, кротко сказалъ мистръ Дьюсисъ; я не стану пользоваться вашимъ гостепріимствомъ, но, но — вы знаете мои обстоятельства: у меня нѣтъ ни копѣйки; вы знаете, какъ воспитана моя жена.

— Благородная мистрисъ Дьюсисъ, сударь, всегда найдетъ здѣсь радушный пріемъ, какъ бы ничто не нарушило дружественныхъ отношеній между нею и любящею ее матерью.

— Что касается до меня, сказалъ Дьюсисъ, едва слышно: я вадьюсь — увѣренъ — думаю, что вы, почтенный дядюшка, не забудете племянника и не откажете въ пособіи?

— Альджерновъ Дьюсисъ, возразилъ дядя, вставая съ софы и взглянувъ на него, вотъ тебѣ мое слово, что не дамъ ни копѣйки!

Тутъ, Крѣбсъ подаль руку госпожѣ Дьюсисъ и сказалъ: моя милая, хотите остаться съ вашей матушкой и со мной? У насъ, какъ я сказалъ, всегда есть мѣсто для васъ.

— Нѣтъ сэръ, отвѣчала бѣдненькая, слѣлавъ реверансъ: мое мѣсто — съ нимъ!

=

СУСАННА ДЮШМЭНЪ.

РОМАНЪ ЛУИ УЛЬБАХА.

=

ПИСЬМО I.

Валентинъ де-Рьяваль къ Арнаку де-Фузеръ.

Парижъ, июль 1849 г.

Зачѣмъ ты уѣхалъ? Зачѣмъ я одинъ? Ты бы мнѣ посоветовалъ, спасъ бы меня. Я въ отчаяніи, я схожу съ ума. Она не любитъ меня, не будетъ любить никогда; она нестонтъ любви моей!

Ты былъ правъ, я былъ глупецъ; уваженіе мое было безумство, мое безмолвное обожаніе — ребячество. Когда я показывалъ тебѣ ее издали, столь свѣтлую, столь непорочную, столь безматерную, и когда я мысленно окружалъ ее чело звездами, и разстилалъ облака у ногъ ея, ты смѣялся, нечестивецъ! Когда слеза блестя на длинной ресницѣ ея и она, устремивъ глаза на небо, слѣдила за движеніями невидимыхъ крыльевъ своей мечты, ты не хотѣлъ вѣрить ея восторгамъ; ты смѣялся! Когда я говорилъ тебѣ, что женщина эта — воплощенная непорочность, благородство, поэзія, ты разражался смѣхомъ, ты съ ужасающимъ цинизмомъ рѣзалъ моихъ голубицъ. И чтожь, мой другъ, нечестивцемъ былъ я. Я клеветалъ на невинность, на добродѣтель, думая встрѣтить невинность и добродѣтель на этомъ челѣ такомъ свѣтломъ, въ этихъ глазахъ такихъ прозрачныхъ, въ этомъ величій, внушавшемъ столько довѣрія!

Это существо, за которымъ бы я послѣдовалъ на край свѣта, подобно шилигриму, съ обнаженными ногами, цо острыми кантами, надъ палающимъ солнцемъ, въ непогоду, окровавленный, внутренній голодомъ, и не желая другой награды, кромѣ одного слова, одного взгляда! это существо, къ пальчикамъ котораго я нерѣдко едва осмѣливался прикасаться губами, когда уѣзжалъ на нѣсколько дней; эта шателенъ, которую я запералъ за тройною стѣной и мечталъ, сторожилъ порогъ ея съ мечомъ въ рукѣ; это видѣніе, эта женщина, которую я боялся любить, какъ полюбить бы другую женщину; эта муза чистыхъ вдохновеній, для которой я не стоялъ слагать стиховъ, опасаясь выраженіемъ онеществать идеальнѣйшій восторгъ, который чувствовалъ въ себѣ; эта дивная Эльвира, при видѣ которой Ламартинъ казался мнѣ пошлымъ и грубымъ; эта женщина, мой другъ Арманъ, была не болѣе какъ женщина вѣтренная, которая, въ эту минуту, смѣется надъ моимъ рыцарскимъ и боязливымъ почитаніемъ, и у которой возлюбленный, понимаешь ли? возлюбленный, самый глупый или самый пустой человѣкъ, это д'Обрессель, въ которомъ прекраснаго одна красота.

Каково паденіе, мой другъ! Какъ, ея гордые, свѣтозарные уста, когда я думалъ видѣть въ нихъ стыдливость, лгали! Ея глаза, ея чело, ея поступь, ея граціозность, все лгало. Помнишь ты, что я говорилъ тебѣ какъ другу? У ней была своя манера подымать взоръ, который пронзалъ небо и искры осыпали чело. Я припоминалъ тогда вздохъ, подслушанный Вертеромъ, этотъ высокій порывъ Шарлотинъ: «О Клопштокъ! Клопштокъ!» Когда она томно опускала чело на свои прекрасныя, мраморныя руки, я готовъ былъ пасть передъ ней на колѣни и просить ея подѣлиться своею грустью. Какой же я былъ ребенокъ! безъ сомнѣнія она припоминала тогда послѣднее свиданіе съ виконтомъ и мечтала о будущемъ свиданіи!

Со вчерашняго дня у меня оумасшедшее желаніе вызвать этого Обресселя на дуэль и убить его, какъ онъ убилъ мою мечту! Полгода какъ я сдѣлалъ сладкую привычку благоговѣть передъ нею и охранять ее мысленно. Мнѣ казалось, что самъ богъ назначилъ меня отраженъ ея души; а этотъ грубый французъ безвзвѣзашно является оскорблять ее своимъ предпочтеніемъ!

Не то возбуждает во мнѣ ревность! Ты знаешь меня, Арманъ. Я никогда ничего не ждалъ болѣе какъ уголка въ сердцѣ ея, и я простилъ бы ей, что она отвергла меня, еслибы ея выборъ палъ на человѣка съ такими же чистыми помыслами, такого же безкорыстнаго въ своемъ почитаніи, какъ я! Но сдѣлаться невѣстою этого безмозглаго Амоллона, котораго глупость вошла въ пословицу; забрать своимъ рыцаремъ передъ лицомъ всѣхъ умныхъ людей, этого дураглѣя, котораго вся поэзія заключается въ гармоніи его жилетовъ, въ гимнѣ, который воспѣваютъ его портному его безукорызненный туалетъ, его увлекательныя панталоны; это преступленіе для нея, обнаруживавшей столько ума, это пензгладимый стыдъ для меня, не умѣвшего разгадать ее!

Тебѣ мало нужды, неправдали, какимъ образомъ я открылъ эту пошлую интригу, эту площадную развязку? До-сихъ-поръ я чувствую еще слишкомъ сильное отвращеніе, чтобы думать объ этомъ. Я не увижу ее болѣе, а онъ, если я когда нибудь встрѣчу его!... Но, впрочемъ, по какому праву я требую отъ него удовлетворенія? Развѣ она сестра мнѣ? невѣста? Развѣ она обѣщала любить меня? Они свободны! Тѣмъ хуже для меня! Мнѣ остается искать счастья въ другомъ мѣстѣ!

О! любезный Арманъ, я страдаю; а между тѣмъ я бы никогда не посмѣлъ сдѣлать тебѣ это сознание изустно. Ты насмѣшникъ, ты предупреждалъ меня, ты сомнѣвался въ ней, и надѣвался надо мной! Но, чтобы ты ни думалъ о моей наивности, моемъ простодушіи, пожалѣй обо мнѣ и полюби меня еще больше.

Въ эту минуту я испытываю всѣ предсмертныя терзанія, а между тѣмъ не перестаю ощущать, какъ трепещеть во мнѣ вѣра, надежда.

Но я безумствую, любезный Арманъ, и мнѣ бы очень нужны были твоя веселость, твоя дружба, которыя, прижигая мои раны, всегда изцѣляютъ ихъ. Я не могу смотрѣть на Парижъ. Всѣ женщины, мнѣ кажется, ищутъ здѣсь виконтовъ д'Обреселей и всѣ мужчины смотрятъ побѣдителями и становятся въ моихъ глазахъ глупцами. Мнѣ бы очень хотѣлось вѣсть къ те-

бѣ путешествовать, сбросить съ себя эту скорбь, которая тяготитъ меня, какъ угрызеніе совѣсти.

Гдѣ ты? Я иду къ тебѣ въ Женеву. Но, можетъ быть, ты уже выѣхалъ оттуда! Отвѣчай мнѣ скорѣе. Скажи мнѣ, прочелъ ли ты письмо мое, катаясь по озеру Жанъ-Жака. Вздигъ ли въ Веве отыскивать окна Юліи? Нашелъ ли скалы, откуда за двѣ мили Сентъ-Прё посылалъ во взорѣ подѣлуи своей несправленной влюбленной? Чувствовалъ ли наконецъ, мой любезный и упрямый матеріалистъ, лежа въ своей лодкѣ, между безпредѣльностью и водою, жгучіе восторги Руссо? Но въ какомъ бы мѣстѣ ты теперь не находился, и всюду, гдѣ ты будешь, думай о нашей юной и уже такъ старой дружбѣ, у которой также есть свои великолѣпные горизонты, свои озера, свои бездны, свое солнце и свои ночи; но никогда не будетъ развалинъ.

Письмо это отправляется на удачу. Я говорю ему, какъ лордъ Соутѣмптонъ, который заставилъ сказать Шекспира: «Сступай! ты встрѣтишь на пути своемъ людей положить на всякую всячину только не на людей. Иди до тѣхъ поръ, пока не найдешь человѣка, который походитъ только на человѣка. Его-то я люблю, сожалею и ищущу!»

Зачѣмъ я не отправился съ тобою! Ты знаешь девизъ моего фамильнаго герба: «Сильно ненавидѣть! слишкомъ любить!» мои предки поражали Лиги, съ отвагой ненавидѣли и съ гордостью любили. Увы! неужели я выродившійся потомокъ? Я не умѣю ненавидѣть, я могу только слишкомъ любить!

ПИСЬМО II.

Ариана де Фужеръ къ Валентину де Рънвалю.

Женева, июль 1849.

Письмо твое, любезный Валентинъ, еще застало меня въ Женевѣ, гдѣ я буду ждать тебя, если ты рѣшишься пріѣхать сюда. Ты страдаешь; я не хотѣлъ бы раздражать твоей скорби. Но я извѣнилъ бы дружбѣ, если бѣ не наложилъ на теон недавніа царапины, вмѣсто компрессовъ, нѣсколько совѣтовъ. Впрочемъ, позволь я тебѣ одно скажу, я бы скоро сдѣлался передъ тобой несостоятельнымъ должникомъ. Ты не любишь этой

женщины, любезный Валентинъ, ты не умѣешь любить. То, что ты принимаешь за любовь, есть только любовь любви. У тебя не прошло еще первое упоеніе двадцатилѣтней пещи. Ты спишь въ цѣнтахъ, которые удушаютъ тебя, и принимаешь этотъ жаръ твоего мозга за душевное откровеніе, котораго ты ждешь и недождешься. Я оскорблю твои понятія и чувства, но выслушай меня: любовь сравнивали съ зубною болью и гениальный дантистъ, который не побоялся промзнести это объясненіе, вывелъ физиологовъ изъ большаго затрудненія. Дѣйствительно, мой другъ, эта восхитительная мука истинной любви обнаруживается вдругъ такою же славною, безумною грустью, какъ боль зубовъ. Все тѣло, вся голова страдаетъ. Готовъ кусаться, чтобы заглушить боль. Есть фальшивая любовь, какъ фальшивые зубы: они и правильны и бѣлы и дѣйствуютъ какъ натуральные, а тамъ, въ одинъ прекрасный день, замѣчаешь пружину, золотую или серебряную проволоку. Благодаря Богу, у тебя не зубы испорчены, а болятъ десны. Тебя беспокоятъ молочные зубы, ты не можешь и не хочешь кусать, и глѣзешь погромуску. Бѣдный Валентинъ! тебя каждую ночь убаюкиваетъ волшебница-кормилица и заворачиваетъ въ шитыя шелкомъ пеленки. Но придетъ день, когда ты почувствуешь себя возмужалымъ и самостоятельнымъ. Тогда зубы твои будутъ плотны и прочны, плодъ искуситъ тебя, какъ великаго другаго и ты закусишь его. Я дожидаю видѣть тебя въ этотъ день, чтобы порадоваться.

Тебя одно завидуетъ,—твое воспитаніе. Воспитанный въ строгихъ правилахъ отцемъ, котораго мистическій умъ любить носиться внѣ дѣйствительности, ты развился въ тѣни и, въ отношеніи моральномъ, не навился еще тѣмъ жизненнымъ сокомъ, не получилъ еще той окончательной подкраски, которую придаетъ свѣтъ; тебя еще не припекло солнце. Все это придетъ къ тебѣ въ такую минуту, когда ты всего меньше будешь ожидать, когда ты, неопитъ, ненарочно отбросишь съ себя звѣздный покровъ, которымъ такъ набожно прикрываешься. Губы твои сосали до сихъ поръ только медъ. Ихъ не потирали еще виномъ и чеснокомъ, какъ у Беарнца. Вотъ отчего ты находишь нѣсколько сильнымъ и горькимъ этотъ напитокъ истины, который мы глотаемъ не морщась.

Женщина, которую ты проклинаешь благословляя, поступила хорошо. Она не любила тебя, а любила д'Обресселя. Въ чемъ ты удрекася се?

Я согласенъ, что у тебя болѣе ума, чѣмъ у Обресселя, и что ты умѣлъ бы поумнѣе перефразировать слова: «люблю тебя», которыя въ сущности, заключаютъ въ себѣ какъ для самой глупой, такъ и для самой умной женщины, одинъ и тотъ же смыслъ. Но какъ помочь горю? Съ твердостью покориться судьбѣ. Правда ли, что эта женщина стала вдругъ для тебя пресрѣбною, потому, что избрала себѣ молодаго человѣка, недурно сложеннаго, здороваго, румянаго? Это еще вопросъ. Вѣдь нужно же, мой другъ, чтобы красота изъ чему нибудь служила. Если у мужчинъ, ею подчиненныхъ, она заимѣетъ умъ, то надо допустить, что она имѣетъ право пользоваться преимуществомъ ума. Даже самые платоническіе изъ насъ, вообще предпочитаемъ хорошенькую женщину дурной; почему же и женщины не любятъ красивыхъ мужчинъ? Будущъ былъ навѣрно отличный металлургъ и будущій богъ-строитель желѣзныхъ дорогъ; но Венеру нельзя винить за то, что она предпочла ему величественную осанку Марса, этого тима воиновъ — счастливыхъ фолокитъ, который имѣлъ только одинъ недостатокъ, что не снималъ никогда своего шлема.

Смѣйся, если хочешь, любезный Валентинъ; но прочитай мое письмо. Умъ, по безусловному правилу не имѣетъ ничего общаго съ любовью; онъ иногда вредитъ ей и почти всегда бываетъ самымъ неважнымъ союзникомъ. Любишь, и бываешь любима, безъ всякаго разсужденія, по какому-то предопредѣленію, въ силу неизвѣстныхъ законовъ, которые ускользаютъ отъ всякаго анализа.

Твои сладкія рѣчи не понравились; я не могу обвинять эту женщину. Это пренебреженіе должно снова показать тебѣ, любезный Валентинъ, какъ мало ты понимаешь любовь. Покинь же эти туманы, этотъ вѣчный лунный свѣтъ, котораго не оставалось среди бѣлаго дня; брось родитъ привраки, и rischi винуть взоръ на роскошную наготу статуи; вѣдь отъ этого не умрешь.

Тебѣ двадцать пять лѣтъ, если порасчестъ по школьнымъ возмозжаніямъ, ты богатъ, съ прекраснымъ именемъ, ты

былъ бы не дурень, если бы пересталъ пренебрѣгать собою и если бы далъ глазамъ своимъ загорѣться тѣни некрами, которыя проникають твоё сердце. Не терай лишняго года въ этихъ бесполезныхъ щелестаньяхъ. Будь наконецъ столько же мужчиной, сколько ты дворянинъ, и распорядись такъ, чтобы ничто человѣческое не осталось тебѣ чуждо!

Такого ли письма ты ожидалъ отъ меня? Ты думалъ, можетъ быть, что отсутствіе смягчитъ меня въ твою пользу и я пощажу тебя отъ ферулы? Ты не бралъ въ расчетъ моей дружбы, и къ тому же идетъ дождь; я не могу высунуть на улицу носа; ты мнѣ позволишь продолжать. Я чувствую силъ въ педантическомъ угарѣ, и не dokonчи я теперь, лучшихъ изъ мыслей, которыя когда-либо приходили мнѣ въ голову, они пропали бы даромъ.

Утѣшься же, если ты уже не утѣшился, и пріѣзжай сюда; мы носѣтимъ Швейцарію и Италію. Кстати, скажу тебѣ мой туманный другъ, что я катался по озеру, и чуть не простудился; въ Веве я не замѣтилъ окна Юліи, и если бы встрѣтилъ этого большого плаксу Сенъ-Пре, мнѣ кажется я расколотался бы прямо ему въ глаза. Мы пріѣхали сюда въ дождь; отчего можетъ быть, и Женева показалась мнѣ такою мрачною. Кончится тѣмъ, что страна эта вывихнетъ мнѣ челюсть, я зѣваю, какъ будто приходится проглотить гору Салевъ, Монъ-бланъ, Юру, Земную Иглу, Бюэ, всѣ эти несносныя горы, которыя ты поневолѣ пожираешь главами двадцать разъ въ сутки и которыя служатъ предлогомъ къ нескончаемымъ восхожденіямъ. Жизнь въ Швейцаріи есть вѣчное вскарабкиваніе.

Эта страна стоитъ дождя, она столько же скучна, какъ онъ. Впрочемъ надо отдать справедливость ея усміянію; она дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы развеселить себя. Но эта веселость остается только на поверхности и не проникаетъ глубины. Рассказывать ли тебѣ о моихъ странствованіяхъ по окрестностямъ? Къ чему? меня сопровождаетъ цѣлая толпа значительныхъ тѣней. Жанъ-Жакъ, который посадилъ кучу тополеи посреди озера; Байронъ, котораго имя я прочелъ, съ какимъ-то сардоническимъ, на одной изъ колоннъ Шильонскаго замка; наконецъ Вольтеръ, владѣтель Фернея. Я сдѣлалъ какъ подобаетъ благовоспитанному путешественнику, визитъ этимъ тремъ славнѣйшимъ

тѣмъ. Я былъ угрюмъ, когда прохаживался по островку Руссе; думалъ о Донъ-Жуанѣ передъ подземными темницами Шильона. Впрочемъ, это было одно изъ самыхъ веселыхъ впечатлѣній, во все мое путешествіе. Весь этотъ замокъ отзывается Синей-Бородою. Это безподобно какъ сказка Перро. Тутъ царствуетъ мелодраматическій ужасъ, сквозь который сіяютъ, въ близкомъ разстояніи одно отъ другаго, два сложія имена: Байронъ и Викторъ Гюго. Въ Ферне, я видѣлъ старый храмъ Вольтера. Въ спальнѣ его, кому-то пришла странная мысль, поставить кружку для бѣдныхъ, съ плохимъ четырехъ-стишиемъ, для возбужденія состраданія.

Я не упустилъ воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ, и опустилъ свою ленту? Когда мы катались по озеру, мнѣ показали издали Коппетъ и замокъ мадамъ де-Стааль, единственной женщины, которую позволительно было любить только платонически, потому что она была литераторка.

Дождь перестаетъ. Я оставляю тебя изъ-за солнца. Прости мою болтовню, похожую немного на гомеопатическій приемъ: въ цѣлой бутылкѣ свѣтлой воды я растворилъ зернышко разсудка. Все отъ того, что въ это дождливое утро я вспомнилъ о нашихъ нескончаемыхъ парижскихъ бесѣдахъ. Это воспоминаніе сбilo меня съ толку; но я былъ вѣренъ тебѣ, говорилъ съ тобой, сжималъ твою руку, и это извиняетъ меня. Подожду тебя еще нѣсколько дней. Пріѣзжай, если не боишься моихъ проповѣдей; къ нимъ располагаютъ меня эта кальвиническая страна. Полно, любезный Валентинъ, сбрось съ себя врачную мантию Рене; закинь Вертера на дно колодца; будь самимъ собой, и вѣрь что если я не стану любить тебя болѣе, что было бы невозможно, не-крайней-мѣрѣ я буду имѣть утѣшеніе въ томъ, что ты снова сдѣлался товарищемъ моей юности.

Прости, да скорѣй же; письмо или самъ!

ПИСЬМО III.

Валентинъ къ Арману.

Парижъ, ночь.

Я ожидалъ, мой другъ, твоего проученія.... очень неправдоподобнаго, и потому оно меня не изумило. Ты клещешь,

любимый Арманъ, и, если я не ошибаюсь, сердце говоритъ мнѣ, что лучше страдать, какъ я, чѣмъ наслаждаться по твоему. Съ каждой новой раной, я иду выше, я углубляюсь даже въ это изысканіе идеальной любви, надъ которой ты смѣешься, но которая меня приводитъ въ восторгъ, и утѣшаетъ.

Ты говоришь правду: я легко изцѣляюсь отъ своихъ надеждъ, потому что презрѣніе затягиваетъ раны, и скоро стряхну съ себя этотъ прахъ. Отъ недавняго моего разочарованія остается какая-то неопредѣлительная скорбь, которая отъ времени стала чище; я грустенъ; но, признаться ли тебѣ, я люблю мою грусть. Совѣсть не во многомъ мучитъ меня, и я иногда чувствую, что женщина, предпочевшая моей любви, любовь такого какъ д'Обрессель, не заслуживаетъ моихъ сочувствій. Безъ сомнѣнія это гордость; но твои убѣжденія не заставятъ меня возвратиться къ прежнему; и когда я прочелъ письмо твое, съ улыбающимся однако негодованіемъ, я долженъ былъ снова совнаться, что между нашими умами существуетъ столь же сердечная антипатія, какъ сердечна наша дружба. Даже можетъ случиться этой-то коренной противоположности, мы обьявны непоколебимую твердость нашего союза. Мы вполне убѣждены, что никогда не будемъ мѣшать другъ другу, и никогда не столкнемся на одной и той же дорогѣ.

Твоя теорія низкопостыдна. Ты унижаешь божественное чувство до пошлой чувственности; по твоему и конюхъ, который любезничаетъ съ какой-нибудь кухаркой, можетъ быть соперникомъ Петрарки! Ты насмѣхаешься надъ Вертеромъ. Что до меня, то я виню его только за самоубійство. Мнѣ кажется, я на его мѣстѣ, остался бы жить съ моей дорогой грустью очастливый страданіями, и унесъ бы въ свое глубокое уединеніе воспоминаніе о блаженныхъ минутахъ, проведенныхъ съ Шарлоттою. Эта единственная мысль стала бы лицей мнѣ грѣзъ; я схоронилъ бы въ изгнаніи святую скорбь слезъ моихъ. Вертеръ потому и застрѣлился, что былъ не больше какъ матеріалистъ, не совсѣмъ изцѣлившійся. Руссо, о которомъ ты говоришь съ такимъ пренебреженіемъ, влагаетъ въ сердце Сень-Прё героическое чувство, которое называется добродѣтелью, и предъ которымъ я благоговѣю; въ безусловномъ умертвленіи чувственности, для удовлетворенія потребностей души

со съ личный вѣнецъ любви. По этому ты долженъ согласиться, что счастливъ тотъ, кто наслаждается цвѣтами. Ты хочешь, чтобы восторги прозябали на грубыхъ удовольствіяхъ, какъ шампиньоны на градахъ; такъ, по крайней-мѣрѣ, я понимаю твою сказку о баяликѣ, и ты находишь немалымъ сердце болѣе могучее, которое не нуждается въ этомъ наемѣ, какъ ты его называешь. Это все равно, если бы ты предпочиталъ раамалеванные горизонты какой-нибудь оперной декорации, горизонту, какой Богъ творитъ лучшемъ свѣта; и еслибы ты основывалъ свое предпочтеніе на искусственномъ достоинствѣ явля, мазили, холста, красокъ, кистей, на всемъ матеріальномъ, способствующемъ къ обману воображенія. Вертеръ, подъ конецъ своей бѣды, не умѣлъ дать восторжествовать другимъ и не нашелъ другаго способа убить животное, какъ пистолетомъ. Дѣйствительно, въ случаѣ утомленія и отчаянія, это единственное средство для тѣхъ, которые подобно тебѣ не хотятъ освободиться отъ плоти одною лишь силою воли. Но ты самъ согласился, что это средство слишкомъ скотское и я всегда стану бояться союзника, котораго нужно будетъ убить, какъ скоро онъ сдѣлается слишкомъ свѣдѣтельнымъ.

Въ началѣ своей повѣсти Гёте превосходно указалъ Вертеру спиритуалистическое утѣшеніе ему утѣшеніе. Оно заключалось въ спокойствіи природы, въ умирляющемъ вліяніи уединенія. Другъ Шарлотты, зараженный сомнѣніемъ, не умѣлъ облечь влараиницею нескрешной вѣры земную, переживающую его любовь. Онъ умираетъ въ ту минуту, когда долженъ былъ жить, чтобы показать величіе и славу своего мученичества. Значитъ онъ не такъ сильно любилъ Шарлотту, чтобы любить самую страданія, которыхъ она была причиною. Трусъ испугался душевныхъ мукъ. Онъ поспѣшилъ утѣшать себя и изцѣлится въ негнѣ.

Для тебя любить, значитъ наслаждаться, для меня — жертвовать собой. Поэтеръ мнѣ, любезный Арманъ, что это огражденіе, которому я добровольно подчиняю себя, имѣетъ свои муки, свои острые страданія. Ты, кажется, представляешь меня какинь-то дряхлымъ, между-тѣмъ какъ самъ знаешь, безсознательный, что я также молодъ какъ ты, и не меньше тебя

понимаю красоту, прелесть, все, что нравится, что обольщает. Разность между нами состоитъ въ томъ, что ты ограничиваешься поверхностью, а я, поклоняюсь видной красотѣ, требую отъ нея одного только: быть отраженіемъ души, которой служить она оболочкой, ковчегомъ.

Твои опредѣленія безчестятъ женщинъ, въ числѣ которыхъ между тѣмъ, находится и твоя мать. Ахъ! любезный Арманъ, ты зналъ свою. А у меня остался одинъ портретъ, одна неподвижная, нѣмая улыбка на картинѣ. Чтожъ! читая твоюписьмо, я думалъ о моей матери. Въ овальной рамкѣ, висящей надъ моею постелью, я видѣлъ ее, съ свѣтлорусыми волосами, въ бѣломъ платьѣ, съ розою у пояса, съ чудною улыбкой, и говорилъ ей: не правда ли, онъ солгалъ; и любовь не то, что голодъ или жажда, ей не нужно матеріальной пищи. Не правда ли это, о прекраснѣйшая, благороднѣйшая изъ женщинъ, сияющая надъ моею жизнью изъ глубины вѣчности! неправда ли, онъ клеветаетъ на тебя, ты любила моего отца любовью святою и религіозною, которая существовала только общеніемъ вашихъ душъ? Когда, давая мнѣ жизнь, ты умерла бѣдная мученица, съ тѣмъ, чтобы разцвѣсть на небесахъ, неправда ли, ты сожалѣла въ минуту разставанья, только о тѣхъ чистыхъ пріятностяхъ души, которыя я зналъ, и о которыхъ говорилъ мнѣ отецъ, и которыя дѣлаютъ изъ нашего супружества легенду давно прошедшихъ лѣтъ!

Ты говоришь, мой другъ, что отецъ мой мистикъ, и держалъ меня въ удаленіи отъ дѣйствительности. Молю тебя безжалостный насмѣшникъ, воцадить этого человѣка добраго, великодушнаго, строгаго, частаго, любившаго меня всюю нѣжностью, которую отняла у меня смерть, отнявъ у меня мать. Да, графъ де-Рьяваль носитъ трауръ, который сниметъ только у престола Божія, когда соединится тамъ съ моею матерью. Но еслибъ ты зналъ какъ смягчается взглядъ его для меня! Какіе даетъ мнѣ нѣжные и основательные совѣты, которые подкрѣпляютъ и возвышаютъ меня! Если бы зналъ, что это за гордая и благородная душа, простая какъ мечъ, темная и благотворная какъ солнечный лучъ!

Революція заставила его разлюбить свѣтъ. Онъ ваялъ за правило первую часть фамиліаго девиза. По возвращеніи изъ

эмиграціи, при всей своей молодости онъ глубоко воздвигнулъ людей, окружающихъ королевскій престолъ. Онъ полюбилъ королеву де Вилльмаръ и женился на ней съ чувствами благопріятными. Годъ прожилъ онъ въ этомъ сладкомъ снѣ; рожденіе мое отомло матери жизни. Съ-тѣхъ-поръ, графъ де Ридманъ, умеръ для всѣхъ радостей, сталъ ко всѣмъ равнодушенъ и холоденъ и сохранилъ теплоту души и веселость только для меня. Онъ клалъ меня спать подлѣ себя, заботился въ дѣтствѣ моемъ, какъ можетъ заботиться только мать, былъ мнѣ наставникомъ, научилъ меня ходить, складывать, читать, креститься, посылать каждый вечеръ передъ сномъ поцѣлуй портрету, который меня никогда не покидалъ и оставался во все время моего для ненавѣстнаго лица образа той, которая будетъ моею женою.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ я началъ мыслить и помнить себя, отецъ сталъ мнѣ другомъ, старшимъ братомъ, онъ соединилъ въ себѣ важность свѣщенника съ снисходительностью женщины, далъ мнѣ полную свободу, а между тѣмъ, безъ согласія его я лично не смѣю предпринять. Упреки себя въ мнѣхъ проступкахъ, оставляя присвоивать мнѣ свои услѣхи, отецъ никогда не употребляетъ надо мной своей власти; онъ умѣлъ принять ей столько кротости, столько уваженія, что я чувствую ее какъ силу Божию, только въ дни печали или радости, когда прибѣгаю къ ней съ молитвою или благодареніемъ. Я часто замѣчалъ, если что задумывалъ, въ то же время, по какому-то чудному совѣданію, ту же мысль, сообщалъ мнѣ и отецъ. Часто мы подражали другъ къ другу съ однимъ и тѣмъ же словомъ на устахъ.

Вотъ, мой другъ, человекъ, котораго ты мало знаешь и о которомъ судишь, какъ о какой другой, по его наружности, Вотъ тотъ, который одѣлалъ меня тѣмъ, чѣмъ я есмь, и почувствовалъ энтузіазмъ къ догматной любви, и презрѣніе къ страстямъ. Мать моя была небесное явленіе, о которомъ графъ де Ридманъ вспоминаетъ съ благоговѣніемъ: она-то научила меня, съ мольбою, великимъ чистѣйшимъ чувствованіемъ.

Я ненавижу названія платонической любви. Она отбывается своего рода педагогомъ; и я позволялъ бы тебѣ здословить объ ней, если бы ты, подъ предлогомъ этого имени, не возводилъ къ ней, на все, что есть благороднаго и чистаго.

Однимъ словомъ ты заставишь меня сбиться отъ негодомія. Наврядъ ли я поѣду къ тебѣ. Не потому, чтобы сердился на тебя, но потому, что я несозданъ для путешествій. Я никакъ составляю противоположность туриста. Свѣтъ мнѣ кажется всегда слишкомъ большимъ: за то небо представляется мнѣ тогда слишкомъ малымъ. Еслибы ты вѣхалъ на Сѣверъ, можешь бѣгаться и искушалъ бы; но Италия не соблазняетъ меня. Я все еще такъ грустенъ, такъ холоденъ ко всему, что намѣренъ отпраться на нѣсколько дней въ нашу бѣдную Шампань, къ отцу. Пиши же мнѣ въ Рьянвальскій замокъ. Мнѣ нужны отлѣтнія деревья парка, ручеекъ, который былъ океаномъ моей юности, свѣтлая зелень нашихъ луговъ. Въ этомъ убишищѣ я отдохну отъ Парижа. При всякой новой скорби, которою проявляется мнѣ жизнь, я обращаюсь къ отцу и природѣ. Никто не полюбитъ меня больше его; никто, больше ее не утѣшитъ меня.

Отправляйся же безъ меня. Однакожъ не переставай писать ко мнѣ, обозначая мѣста, гдѣ ты будешь оставаться и дѣлою мнѣ платонически обнять себя, какъ самаго вѣрнаго и сумасброднаго изъ моихъ друзей.

ПИСЬМО IV-е.

Ариана къ Валентину.

Мартиникъ, июль.

Ты правъ; я былъ глупецъ. Не въ минуту неудачъ славаго рыцаря Ламанкского, когда Санхо поднималъ его совсѣмъ разбитаго, слѣдовало совѣтовать рыцарю ввести Росинанту въ коюшню, повѣсить на гвоздь конье и отказаться отъ хищерическихкихъ походовъ. Я виноватъ, что говорилъ тебѣ съ такою откровенностью. Я простолюдно думалъ, что ты просилъ у меня совѣта, потому что нуждался въ немъ. Прости мнѣ, дорогой, и вѣрь, что отнынь, я буду оплакивать все твоё несчастье, буду надѣвать трауръ на покоронахъ каждой твоей мечты; но ужь никакъ не стану проповѣдывать тебѣ перемѣну мысли, которая совершится сама собой, какъ скоро придетъ на тебѣ урочный часъ.

Ты боишься солнца Италии, и отправляешься мечтать. Желанно

тебѣ удовольствій! да насыщаютъ тебѣ боги, покровительствующіе сельскимъ удовольствіямъ, чистаго молока, густыхъ сливокъ, изобиліе въ ягодахъ, и легкій сонъ, подалше отъ моментъ и муравьевъ! Что до меня, ожидавшаго тебя, я, съ полученіемъ письма твоего, оставилъ Женеву. Теперь я въ Мартини, откуда отправляюсь чрезъ два часа, въ дальнѣйшій путь. Не стану разсказывать тебѣ ни о странствованіяхъ своихъ, ни о воспоминаніяхъ. Все это пошло и похоже на всѣ разказы путешественниковъ. Эти гигантскіе шербеты, разставленные на громадныхъ столахъ горъ, становятся наконецъ противны. Я провабъ до дрожи среди этой величественной природы. Самый огонь гостиницы кажется мнѣ ледянымъ, и согрѣваетъ путешественниковъ только особеннымъ усміемъ угодливаго гостепріимства. Я встрѣчаю горныхъ охотниковъ, любителей сурковъ, потомъ тамъ и сямъ, въ темныхъ углахъ за печкой заблудшихъ Французовъ, которые кусаютъ себѣ кулаки и вдыхаютъ о такой же химерѣ, какъ твои идеальная любовь! Мнѣ попалось также нѣсколько подлинныхъ кретивовъ. Они напомнили мнѣ собой знакомыя лица, оставленные мною на асфальтъ парижскихъ бульваровъ. На отѣвахъ хижинъ красуются картинки, изображающія *Возвращеніе съ Эльбы*, впрочемъ Наполеонъ повсюду оставилъ здѣсь слѣды пятъ своей. Я иногда удивляюсь какъ онъ пощадилъ долины, пропасти, потоки и недосыгаемые пики. Мнѣ кажется, что эта пята должна была все поколебать, пригнуть, завалить. Но когда близко разсматриваешь эти слѣды, видишь, что они огромные проломы человѣческаго генія, въ сущности, ничего не значать передъ тѣмъ, что остается нетронутымъ, и служатъ доказательствомъ столько же его немощи, сколько гордости.

Размышленіе это, достаточно грустное и пустозвонное, я поставилъ здѣсь для того только, чтобъ угодить тебѣ и снова войти у тебя въ милость; вѣдь ты знаешь могу ли я интересоваться Наполеономъ, великими людьми и тому подобнымъ.

Я собираюсь перейти Смицзонъ хогъ не съ такимъ героизмомъ какъ великая армія, но не съ меньшимъ нетерпѣніемъ. Я тороплюсь отогрѣться въ Италиі. Здѣсь не смѣешь подумать о теплѣ, и когда солнце печетъ въ спину, снѣга, передъ глазами, предупреждаютъ тебя не полагаться на солнце, и что это только приманка.

— Прими мнѣ въ Венецію, съ надписью *poste restante*. До этого города, я нигдѣ не остановлюсь; я скачу какъ можно только спазать въ этой странѣ лошаковъ.

Смотри, прими мнѣ. Въ прозѣ или въ стихахъ посылай мнѣ свои элегіи. Есть кое что послышье нашей антипатіи, это наша дружба и въ силу ея требую, чтобъ дѣлились со мной ощущеніями. У тебя, любезный Валентинъ, преблагородное сердце, самая любящая душа, которыя можно только найти (не скажу подъ солнцемъ, потому что это свѣтло не слишкомъ соответствуетъ твоей меланхолической настроенности), но подъ луною, и я предвижу, что ты скоро снова будешь ощущать свои печали, свое отчаяніе. Ты находишься въ такомъ расположеніи ума, которое влечетъ тебя къ новымъ прищипкамъ. Не пройдетъ мѣсяца, ты полюбишь; для этого достаточно тебѣ встрѣтить.

И хотя это видѣніе вызываемое Мюссе вообще очень рѣдко, но ты такъ сильно желаешь, что тебѣ есть надежда встрѣтить его.

Я увѣренъ, что ты берешь со мной въ деревню *Вертера* и въ подражаніе печальному любовнику Лолотты, займешься надсоугъ разведеніемъ горошка, который послѣ съ удовольствіемъ станешь варить въ кастрюлькѣ, приправляя его достаточнымъ количествомъ масла и соли. Вертеръ, съ наслажденіемъ предвзялся этому занатію, обычному, какъ онъ говорилъ, темеровскимъ героямъ. Природа, о любезный Валентинъ, въ самыхъ мелочахъ своихъ заключаетъ, для страдалицевъ, сокровища утѣшенія. Прости! утѣшись и не забывай меня!

ПИСЬМО V.

ВАЛЕНТИНЪ КЪ АРМАНУ.

Замокъ Ролмсаъ, 24-го.

Любезный мой путешественникъ, ты живой примеръ счастья путешествій, и съ-тѣхъ-поръ, какъ въ дорогѣ, ты не обнаружилъ ни одной чистосердечной радости, ни одного искренняго удовольствія. Если ты долженъ быть вернутъ въ Шартинъ и прогудиться въ Женевѣ, въ чему тогда брать паспортъ? Это служить, мой другъ, подтверженіемъ, что чи-

стѣйшія наслажденія заключаются только въ нѣдрыхъ мѣстахъ, и что нѣтъ горизонта прекраснѣе того, который, при таеихъ жостыихъ глазахъ, видимъ въ окно ума.

Уже нѣсколько дней, какъ я поселился у моего отца; но скоро фду отсюда, какъ ты увидишь дальше нѣтъ моего рѣдѣскара. А между тѣмъ, былъ въ восторгѣ когда очутился въ этомъ почернѣломъ отъ времени замкѣ, въ безмолвныихъ аллеяхъ, поросшихъ травой рощахъ, которыя, кажется мнѣ, стали меньше, съ-тѣхъ-поръ какъ самъ я сталъ больше! Войдя въ столовую, я замѣтилъ стульчикъ со ступеньками, на который садился меня, когда я былъ дитей и придвигали къ столу. Отецъ сохранилъ этотъ стульчикъ съ трогательною любовью. Я при-вѣтствовалъ, какъ стараго друга, великолѣпныя мѣдныя стѣнныя часы, висящія противъ барометра; мнѣ показалось, будто при входѣ моемъ, движеніе маятника стало быстрѣе и звукъ его болѣе звонкій, при-вѣтствовалъ возвратившагоса ребенка. Напротивъ, барометръ разбитъ нараличемъ. Двадцать лѣтъ какъ онъ возвѣщаетъ хорошую погоду, а небольшіе трючки, которыми старшій слуга пытается его пробудить, служатъ только къ тому, что отъ времени до времени, драхлѣй барометръ возбуждаетъ обманчивыя надежды.

Не знаю отъ чего я смотрѣлъ и признавалъ все, не съ обычнымъ душевнымъ вниманіемъ. Я не былъ въ Рьянвалѣ всего только полгода; всѣ эти предметы остались знакомыми, Я не забылъ ихъ до такой степени, чтобы чувствовать изумленіе при новой встрѣчѣ съ ними. И чтожъ! въ этотъ разъ, каждая вещь вызывала трогательное воспоминаніе; даже марморный полъ большой залы приводилъ меня въ трюметъ, напоминая прежнее время, когда я въ жюкакахъ калекъ искалъ фантастическихъ рисунковъ.

Замокъ холоденъ и мраченъ. Онъ скорѣе кажется населенъ привидѣніями чѣмъ живыми людьми. Огромныя лѣстницы звучны и стѣиваются моголой. Гостиная отворется только тогда, когда я вѣршаю; кресла стоятъ подъ чехлами, какъ въ савнахъ; на арфѣ, къ которой никто не прикасается со смерти моей матери, каждый годъ обрываются по нѣсколько струнъ, испуская стоны, потрясающіе безмолвіе. Старинныя семейныя портреты, въ законтѣльныхъ рамахъ, стражами сто-

лтъ въ галлерей, и кажутся служить живыми истолкователями наследованнаго дѣвства. *Сильно ненавидѣть!* ропщутъ суровые войны, съ рѣшимостью положить руку на эфемеръ мяги. *Слишкомъ любить!* со вздохомъ шепчутъ нѣжные призраки женщинъ, улыбающихся въ этомъ полумракѣ. Съ почтениемъ я поклонился этимъ предкамъ, чувствуя, передъ этими гордыми лицами, передъ этими взорами, полными нѣжности, весь обзоръ тревожной, безпокойной жизни моей и сердечнаго одиночества.

Отецъ поддерживаетъ замокъ именно столько, сколько нужно, чтобы это уединеніе не сдѣлалось развалинами. Всѣ доходы онъ употребляетъ на умноженіе фермъ, заводовъ. Такъ какъ онъ никого не принимаетъ, то ему великолѣпные покровы совершенно нalieжны, бывши нѣкогда олавою этого прекраснаго имѣнія. Его простая и строгаго характера комната завалена книгами. Большой портретъ матери занимаетъ почти всю стѣну. Надъ каминомъ виситъ портретъ Людовика XVI. Въ глубинѣ алькова, противъ портрета, на бархатномъ полѣ изъ слоновой кости Распятіе. Не случайно размѣщены эти два послѣднія изображенія. Ты знаешь достойныя уваженія мысля моего отца. Онъ не простилъ еще Франціи смерти Людовика XVI, и вспоминая объ этомъ страдальцѣ, говоритъ всегда: «Мой король!» Съ 21 января 1793 г., исторія для него стала кошмаромъ. Христу же онъ повѣрляетъ въ уединеніи всѣ мысли свои, и ищетъ въ немъ утѣшенія скорби. На столѣ предъ нимъ всегда раскрыта книга Подражанія. Иногда онъ читаетъ Монтеня, въ которомъ, какъ сказалъ мнѣ однажды, находитъ не скептицизмъ, но изображеніе вѣры чисто челоувѣческой, которая подвергается колебанію, свойственному немощи нашего разума.

Только одна комната, во всемъ этомъ грустномъ обиталищѣ, тщательно содержится и убрана, это комната моей матери. Въ комнатѣ все также свѣжо, все также улыбается, какъ въ тотъ день, когда испустилъ я здѣсь первый крикъ. Каждое утро, по приказанію отца, перемѣняютъ на консоляхъ цвѣты. Иногда вечеромъ, прежде чѣмъ войти къ себѣ, графъ де-Рьявваль приходитъ провести часъ въ этомъ святилищѣ. Онъ садится тутъ, погружается въ размышленія и только это нѣ-

что видеть его слезы. Вездѣ онъ холоденъ и торжествененъ, тутъ же, онъ не удерживаетъ своего сердца и позвѣляетъ самъ намѣвлять ему. Когда онъ выходитъ изъ этой комнаты, глаза его влажны. За обѣденнымъ столомъ пустое кресло обозначаетъ мѣсто графини де-Рьянваль. Всѣ любимыя ею предметы сохраняются съ любовью, такъ что видя всюду олдѣи ея, удивишься, что не видишь ее самой, и думаешь всегда вотъ она появится, полная молодости и прелести, въ величественной рамкѣ старинныхъ рѣзныхъ дверей.

Отъ чего я улекся сегодня удовольствіемъ рассказывать тебѣ всѣ эти впечатлѣнія? Оттого, что душа моя вдругъ переполнилась разнообразными ощущеніями; оттого, что мѣста дѣтства моего, кажется, говорятъ со мной, совѣтуютъ мнѣ. Они оправдываютъ мое отвращеніе къ свѣту, мою склонность къ уединенію и размышленію. Здѣсь все дышетъ покойемъ, все призываетъ къ размышленію. Нѣтъ, не холодъ могилы обзавѣтъ меня, а чудная тишина святилищъ, миръ божественной любви. На кровъ этотъ сияло благословеніе и святость обитаетъ надъ нимъ.

Помнишь ли лице моего отца, благородное и грустное, лобъ высокій, глубоко впадые голубые глаза; щеки темныя; губы правильныя и гордыя, жилы сквозятъ черезъ прозрачную кожу. Волосы становятся рѣдки и сѣдѣютъ. Онъ высокъ, худъ, въ величественной осанкѣ его видна какая-то кроткая строгость. По позѣ его угадываешь гордость, по взору скорбь, терпѣливо переносимую. Олдѣтый всегда въ охотничье платье, онъ умѣетъ облагородить свой костюмъ; и его фуражка, которую онъ приподымаеъ медленно и важно, идетъ къ нему какъ шлемъ.

Когда я пріѣхалъ, отецъ, услыжавъ стукъ кареты, вышелъ на крыльцо. Онъ обнялъ меня и съ силою прижималъ къ груди; потомъ не выпуская изъ объятій, повелъ къ себѣ въ комнату, спрашивалъ меня съ тою же материнскою заботливостью, какъ во времена моего дѣтства.

— Валентинъ, ты блѣденъ, сказалъ онъ, проводя пальцемъ по моимъ щекамъ, не былъ ли боленъ? не страдалъ ли?

Я отвѣчалъ, что былъ здоровъ. Онъ угадалъ меня, тихо покачалъ головою, задумался и сказалъ:

— И ты, мое бѣдное дитя, страдаешь отъ столкновѣнія съ свѣтомъ. Не честолюбіе ли?...

Я съ негодованіемъ отвергъ эту мысль.

— Или любовь? продолжалъ важно отецъ.

Я покраснѣлъ.

— Я надѣюсь, сынъ мой, прибавилъ онъ строго, что ты остаешься достоинъ своего имени; что ты сталъ блѣденъ не отъ угрызений совѣсти, а отъ благородныхъ страданій.

— Клянусь вамъ батюшка...

— Не клянись, Валентинъ; дворянинъ не долженъ расточать своего слова. Я тебѣ вѣрю, и не спрашиваю ничего болѣе. Ты любилъ, ты страдалъ, и пришелъ искать здѣсь утѣшенія; хорошо; благодарю тебя и Богъ благословитъ тебя за эту мысль. Оставь при себѣ эту тайну. Сыну моему не въ чемъ оправдываться, потому что я не обвиняю его.

Я былъ взволнованъ; графъ погрузился въ размысленія.

— О! любовь! любовь! прошепталъ онъ наконецъ съ выраженіемъ, отзывавшимся воспоминаніемъ о моей матеря.

Я хотѣлъ разсѣять его грусть.

— Позвольте мнѣ открыть вамъ тайну, которой открытія вы потребуете, сказалъ я ему, взявъ обѣ руки. Вы мой первый другъ, вы поможете мнѣ прочесть, что у меня въ сердцѣ. Мнѣ нуженъ совѣтъ. Я чувствую, что дожилъ до рѣшительной минуты. Я стою на краю безпредѣльныхъ пространствъ, я чувствую головокруженіе; мнѣ нужна рука, которая удержала бы или толкнула бы. Позвольтежъ, батюшка, разсказать вамъ первую повѣсть сердца моего.

— Ну, Валентинъ, сказалъ мнѣ съ улыбкой этотъ безподобный другъ, откройся мнѣ во всемъ; я слушаю.

Я разсказалъ все, что ты знаешь, мои душевные безпокойства, мои волненія, мои надежды, мое страшное разочарованіе. Когда я кончилъ, отецъ поцаловалъ меня въ лобъ, какъ дѣлалъ это, когда я былъ ребенкомъ, и сказалъ съ выраженіемъ неподражаемой доброты, нѣжной ироніи и состраданія: *дитя!*

Я посмотрѣлъ на него. Двѣ слезы блестяли на глазахъ его. Я былъ глубоко тронутъ этою чувствительностью. Я хотѣлъ говорить; но отецъ предупредилъ меня.

— Да, ты дитя, продолжалъ онъ, и такимъ я люблю тебя;

потому что все, что называется во Франціи варселемъ, человѣкомъ, заслуживаетъ только ненависти или презрѣнія. У насъ обонять несчастія душа; дѣйствительность не удовлетворяетъ насъ. Я не совѣтую, чтобы ты поступилъ какъ я, замкнулъ сердце, потому что гости шофирующие его, не достойны оставаться въ немъ. Нѣтъ. Храни свою вѣру. Можетъ быть тебѣ дается откровеніе, такое же сладостное, такое же прекрасное, какое когда-то явилось мнѣ. Будь тогда счастливѣ отца! Дай Богъ, чтобы ты сохранилъ долѣе ту, которую онъ избересть тебѣ! Мы еще поговоримъ Валентинъ о твоихъ задушевныхъ мысляхъ; мнѣ нужно объ этомъ подумать.

Этимъ кончился пока разговоръ нашъ объ этомъ предметѣ, потомъ мы говорили о другомъ. Вечеромъ, за обѣдомъ, отецъ былъ задумчивъ и озабоченъ. Въ движеніяхъ его обнаруживалось лихорадочное безпокойство. Однакожъ, онъ былъ со мной ласковъ, смотрѣлъ на меня съ нѣжностью, и, казалось, навинялся, что не умѣлъ съ большимъ тщаніемъ скрыть своихъ душевныхъ безпокойствъ. Когда мы пришли къ столу, я вспомнилъ, что отецъ, соблюдавшій съ вѣрою и набожностью христіанскіе обычаи, садился за столъ не иначе какъ съ молитвою. Потому я стоялъ и ждалъ. Дѣйствительно, графъ снялъ фуражку и прошепталъ нѣсколько словъ. Я былъ въ затрудненіи, но вида примѣръ благочестиваго отца, я перекрестился и припоминалъ слова передъ обѣденной молитвы.

— Валентинъ, сказалъ мнѣ серьезнымъ тономъ отецъ, окончивъ молитву, если ты потерялъ привычку молиться, то не дѣлай этого изъ вынужденія и изъ угожденія мнѣ. Нельзя вѣровать въ Бога изъ учтивости, дитя мое; кушай какъ кушаешь ты въ парижской кофейной; я твердо знаю, что тамъ ты не читаешь молитвы. Я воспользовался урокомъ.

Смѣйся надо мной, если хочешь; но я не ручаюсь, чтобы до отъѣзда своего, снова не принялся за то же; но только ужъ съ непереносимостью. Я стыжусь и досажую, что не во всѣхъ отношеніяхъ раздѣляю чувствованія моего отца.

Обѣдъ прошелъ въ молчаніи. Графъ былъ занятъ мыслями. По временамъ онъ сдерживалъ вздохъ. Я не смѣлъ спросить его о причинѣ этихъ внутреннихъ страданій; но я выжидалъ

случая, проникнуть въ его тайну. За десертомъ желаніе мое исполнилось.

Когда старшій слуга Антоанъ подавалъ мнѣ тарелку, отецъ сказалъ мнѣ съ принужденнымъ смѣхомъ:

— Знаешь, Валентинъ, Антоанъ чуть не оставилъ меня?

— Возможно ли? спросилъ я, быстро оглянувшись.

Антоанъ, нѣсколько смущенный, обтиралъ тарелку и краснѣлъ. Отецъ продолжалъ.

— Боже мой, да, онъ сталъ честолюбивъ. Мосье Антоанъ воображилъ, что именно изъ такого матеріала какъ онъ, республика выдѣлываетъ своихъ законодателей; и еслибъ я не врипалъ мѣръ, онъ былъ бы уже кандидатомъ! Я не смѣлъ смѣяться, столько было сарказму въ словахъ отца. Антоанъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, проговорилъ:

— Ваше сіятельство, не дозволили еще простить мнѣ этой шутки?

— Какая это была шутка. Да, любезный Валентинъ, большіе уфадвые колпаки, задумали вписать Антоана въ число избираемыхъ. Хотѣли ли они сыграть со мной шутку или рассчитывали на законодательныя способности гражданина Антоана, не знаю? Только, комитетъ его избралъ, вездѣ были прибиты аффиши, и ему предложено было кандидатство. Но, я долженъ сказать, Антоанъ отказался. Онъ не находилъ средства согласить обѣ обязанности, вести въ одно время мое хозяйство и хозяйство республики. Я получилъ предпочтеніе; но онъ кается.

— Помилуйте, ваше сіятельство, сказалъ Антоанъ, съ покорностью человѣка, который готовъ снести горькіе намѣки.

Припомнивъ нѣкоторыя мысли моего отца, я виѣшался въ разговоръ.

— Мнѣ казалось, сказалъ я ему, что на послѣднія событія во Франціи, вы смотрѣли довольно снисходительно.

— Да, Валентинъ, ты говоришь правду, отвѣчалъ отецъ, съ печальною важностью, бросивъ насмѣшливый тонъ. Но я желалъ бы, чтобы время, достойно было великодушнаго честолюбія и души, какія у тебя. Ты обламываешь крылья свои въ пустомъ пространствѣ, я хотѣлъ бы указать тебѣ цѣль. Но

все таки я лучше люблю твои мученія, чѣмъ миръ твоей души, приобретенный цѣною чести. Я мало забочусь о томъ, что дѣлается; журналовъ не читаю. Я позволилъ взять одно дерево изъ моего парка, и посадить въ гравную деревню; но я чувствую, что оргія, заставившая бѣжать нашихъ отцевъ, еще продолжается: Франція еще безумствуетъ отъ угрызенія совѣсти; со времени смерти моего короля, она бьется тишины и спокойствія. Она бѣгаетъ какъ леди Макбетъ, среди призраковъ, которые вызываетъ, среди видѣній, которые привлекаютъ ее и ужасаютъ. Вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ, какъ проклятіе тяготитъ надъ этою страной; ее покрываетъ кровь какъ грязь; предметы уваженія иблжаются со дня на день. Я давнымъ давно чувствую неумолимую ненависть ко всему, что у насъ происходитъ. Эмигранція была погрѣшностью, которая повлекла къ влодѣніямъ. Бѣглецы отъ эшафота соединились съ врагами отечества. Я одинъ составляю свою партію съ Богомъ и совѣстью. Мы живемъ въ какой-то сумятицѣ. То плачемъ, то смѣемся, то деремся среди лѣта, то зимой снимаемъ мостовую. Но среди всѣхъ этихъ волненій проглядываютъ фокусы паяса, который во Франціи всегда будетъ мѣшать серьезнымъ, благороднымъ чувствованіямъ войти въ моду.

Ты, сынъ мой, ты еще только что любишь, и дай Богъ, чтобы всегда такъ было. Ты любишь слишкомъ. Это законъ вашей фамиліи. Мнѣ же, любящему только тебя, пришло время ненависти и я ненавижу сильно, какъ желали наши отцы. Франція будетъ спасена въ тотъ день, когда станетъ ненавидѣть съ такою же настойчивостью, съ какою она любитъ все, что ей предлагаютъ. Ненависть то дѣлаетъ меня предусмотрительнымъ въ отношеніи къ тебѣ. Я чувствую, что этойдушѣ, взмахивающей такъ сильно крыльями, нужны пространства; но воздухъ вездѣ зараженъ. Богъ вдохновилъ меня, Валентинъ.

Разговоръ продолжался и послѣ обѣда. Я видѣлъ, съ какимъ стараніемъ отецъ хотѣлъ найти пищу безмолвной дѣятельности моего ума. Мы говорили о матушкѣ, посѣтили ея комнату и разстались очень поздно; отецъ въ раздумьи, а я, почти исцѣлившійся отъ раны, съ которой пріѣхалъ, и проникнутый какимъ-то чуднымъ спокойствіемъ.

Въ послѣдующіе дни, я гулялъ по парку, гдѣ увидѣлъ сво- ва старыхъ друзей моего дѣтства, т. е. большія деревья, изда- манныя статуи. Я просилъ у нихъ совѣта, внушеній. Отецъ всегда сопровождалъ меня; но не возобновлялъ разговора о признаніи, которое я сдѣлалъ ему въ день пріѣзда. Наконецъ вчера, онъ сказалъ мнѣ серьезнымъ тономъ:

— Валентинъ, я размышлялъ о томъ, что ты говорилъ мнѣ, и буду виновенъ передъ Богомъ, если не укажу тебѣ единственнаго пути спасенія и счастья, который можетъ только открыться такой душѣ, какъ твоя. У тебя, дитя мое, непреодолима жажда любви, а между тѣмъ всѣ источники, изъ которыхъ ты могъ бы испить, отравлены. Если я дозволю тебѣ возвратиться въ Парижъ, ты снова примешься просить немного любви, какъ милостыни, у женщинъ, которыя обманули тебя и которыхъ свѣтъ сдѣлалъ неумолимыми. У тебя мечты святые, или скорѣе, ты имѣешь настоящее понятіе о любви; но ты одинокъ въ этой смутной толпѣ. Что станется съ тобою? Легкія интрижки оскверняютъ сердце. Дурные элементы развратили наши нравы. Правда, всегда существовали непрочныя добродѣтели; и хотя и любилъ невоздержность; но и среди шалостей, идеальное всегда руководило нѣкоторыхъ избранныхъ. Въ наше же время, пошлыя привычки, стремленіе къ матеріальнымъ наслажденіямъ, мелкое честолюбіе, сдѣлали женщинъ соучастницами всѣхъ низостей мужчинъ. У нихъ также нѣтъ твердости въ началахъ, нѣтъ сознанія любви къ прекрасному. Что жъ ты станешь дѣлать? Если бы даже ты былъ достаточно твердъ, достаточно осмотрителенъ, чтобы сохранить свою независимость, чѣмъ удовлетворилъ бы ты эту ненасытящую потребность любви. Дружбой? она столько же обманчива, какъ любовь (Отецъ не знаетъ, любезный Арманъ, до какой степени ты мнѣ преданъ). Что же касается до честолюбія, мнѣ нечего тебя предостерегать отъ него. Посмотри на эту комнату, Валентинъ; здѣсь-то, самая чистая, самая кроткая изъ женщинъ, дала тебѣ жизнь; здѣсь-то я провелъ лучшія минуты жизни, въ чистомъ упоеніи, которое дѣлало меня добрымъ и возвышало душу мою? Почему жъ подобное счастье не соблазнитъ тебя. Женщины, какъ твоя мать, рѣдки; но если бы даже существовала только одна подобная ей, и то не отчаивайся встрѣтить ее.

Бракъ, заключенный нелегкомысленно, добросовѣстно; по свободному влеченію, двухъ чистыхъ душъ, служить мой другъ; надежнѣйшимъ убѣдителемъ, святилищемъ для другихъ непроницаемымъ. Повѣрь въ этого отца, повѣрь уваженію, которое сохранилъ ты къ памяти матери. Развѣ ты чувствуешь какое-нибудь нерасположеніе къ браку?

— Никакого, отвѣчалъ я, я смотрѣлъ на бракъ какъ на обещаніе двухъ душъ на жизнь и вѣчность. Я думаю, что онъ требуетъ великихъ добродѣтелей, серьезныхъ испытаній.

— Да будетъ эта комната свидѣтельницей, продолжалъ отецъ съ религіозною восторженностью, что бракъ, не униженный расчетомъ или пустымъ тщеславіемъ, есть выдавая молитва челоуѣчества. Мой старикъ Монтень, котораго я читалъ утромъ, говоритъ, что бракъ есть освященный камень, на который возлагаются чистѣйшіе дары. Женись, Валентинъ, если хочешь сохранять чистоту свою и дать своему сердцу пищу, которая бы избавила его отъ бреда алчущей души. Что слѣлаешь ты изъ этой юношеской свободы? Откладывать, значитъ возищать у самого себя годы истиннаго блаженства. Вотъ планъ, который я предоставляю на твой судъ. Никто изъ нашей фамиліи не отдавалъ руки, не отдавъ вѣстѣ и сердца. Ты свободенъ въ выборѣ, и я признаю за дочь только ту, которую сынъ представитъ мнѣ самъ. Недавно я получилъ письмо отъ стараго моего друга, барона де Сентъ-Ора, который живетъ въ уединеніи въ своемъ домикѣ въ Провансѣ. Онъ добрый дворянинъ, не такъ несговорчивъ какъ я, но также вѣренъ правому дѣлу. У него есть дочь; ты знаешь, ты видѣлъ ее: она подруга твоего дѣтства. Она должна быть воспитанна въ религіозныхъ правилахъ; Сентъ-Оръ въ письмахъ своихъ мнѣ всегда говоритъ о ней съ гордостью, внушаемой не одною родительскою любовью. — Позвайкай провести нѣсколько дней въ Провансѣ и обнять старыхъ друзей твоего отца; они будутъ тебѣ рады. Въ простотѣ провинціальной жизни, ты увидишь Эмею де-Сентъ-Оръ, оцѣнишь ее; я не стану выдавать тебя за жениха. Будь свободенъ и если необманчивое внушеніе, дастъ мнѣ этотъ совѣтъ, ты напишешь, и я слѣлаю предложеніе. Что скажешь о моемъ планѣ?

— Принимаю его съ радостью отвѣчалъ я, сжимая руки отца,

Дѣйствительно, мой другъ, по мѣрѣ того, какъ говорилъ мнѣ графъ въ этой чтимой мною комнатѣ, глаза мои представило въ восхитительное видѣніе; я слышала неопредѣленные гармоническіе звуки; сладостный голосъ, подобно пѣнію, шепталъ моему сердцу: «разсудокъ говоритъ, тебѣ совѣтуетъ твой добрый геній». До полночи, продолжалась въ этомъ убѣжищѣ, казавшемся намъ моленной, между мною и отцомъ одна изъ тѣхъ задушевныхъ, сладкихъ бесѣдъ, которая отдышаетъ отъ жизни и мечтаетъ о небѣ.

И такъ черезъ два или три дня я отправаюсь въ Провансъ; туда пишите ко мнѣ. Не знаю чего я долженъ ожидать изъ этой поѣздки. Въ послѣдній разъ, какъ я видалъ Эдмею де Сентъ-Оръ, она была ребенокъ. Она ли будетъ та женщина, которой я прошу у Бога. Ужъ не знаетъ ли отецъ больше чѣмъ онъ высказалъ. Не готовитъ ли онъ мнѣ печальности? Вотъ вопросы, которые, съ немалымъ душевнымъ смятеніемъ, я дѣлаю самому себѣ и предаю на твой судъ, съ твердостью, ожидая твоихъ насмѣшекъ, которыми безъ сомнѣнія будешь отвѣчать мнѣ. Но что бы ты не говорилъ и чтобы ни думалъ, если я женюсь, то хочешь не хочешь, ты будешь моимъ шаферомъ. Смѣйся же сколько душѣ угодно, я столько же не боюсь твоихъ насмѣшекъ, сколько люблю тебя.

ПИСЬМО VI.

Арманъ къ Валентину.

Венеція, июль.

Любезный другъ, дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, и я болѣе уже не шучу. Тебя хотѣли женить и ты не противился.

Тебѣ жсниться? т. е. связать кого-нибудь твоими несбыточными мечтами? Неужели ты воображаешь, что жена твоя будетъ вѣчно подлѣ тебя, и закрывши ротъ, станетъ слушать тебя, восхищаться тобой и сочувствовать тебѣ? Неужели она вѣчно будетъ говорить: «о Клопштокъ! Клопштокъ!» и у де-сворговъ твоихъ не отниметъ нѣсколькихъ минутъ на туалетъ, на хоздйство! Что станешь дѣлать, когда твои элегіи заставятъ жену зѣвать и когда наконецъ ты ей наскучишь?

Тебѣ жениться! т. е. завестись хозяйствомъ, войти въ скрабъ, обременить себя отвѣтственностью, барщиной, зарплатами и кухонными расчетами!

Я предлагаю твой отвѣтъ. Ты думаешь жениться только въ томъ случаѣ, если встрѣтишь волшебницу, добраго ангела, или-же твоихъ мечтаній. Но горячность, съ какою ты преслѣдуешь этотъ примеръ не увѣритъ ли тебя, что ты нашелъ ея, и потому, когда ты откроешь, что обманулся, что станется съ тобой! Валентинъ, Валентинъ, ты пугаешь меня; твой гетъ просто идіотъ, и я уже чувствую, что руки мои омочены слезами, которыя прольешь ты въ одинъ прекрасный день.

Я прошу тебя ради нашей дружбы. Я тебѣ ничего не пишу о Венеціи; лучше подожду тебя.

ПИСЬМО VII.

Валентинъ къ Арману.

Провансъ, июль.

Прежде всего знай, любезный Арманъ, что церковнаго оглашенія еще не было. Въ Эдмеѣ де Сентъ-Орѣ я нашелъ парусную, прекрасную, очень робкую и скромную дѣвицу, которая едва рѣшилась протянуть руку товарищу своего дѣтства. Приемъ отца и матери ея былъ самый дружескій; вотъ и все. Я не влюбленъ, и очень далекъ отъ того, чтобы сдѣлать предложеніе. Доказавъ такимъ образомъ, что твоя проповѣдь еще рановременна, я отвѣчаю на твое письмо.

Что ты за вздоръ городишь? Отчего, если я найду душу, которая пойметъ меня, не пожелать мнѣ привязать ее къ себѣ на вѣки? Твоя прелюдія: *Пусть пройдетъ молодость!* вышла ужъ изъ моды. Отчего же перестану я быть молодымъ и счастливымъ, если, вмѣсто того, чтобы утомить себя любовью контрабандною, могу согласить потребность моего сердца съ достоинствомъ моего имени и званія?

Вы, матеріалоты, проповѣдующіе въ косъ и въ кривь, вы переносите свою любовь съ чердака въ гостиную, проходя черезъ переднюю и взваливаете себѣ на плечи хлѣбъ двадцати мужей, обременяя себя множествомъ заботъ и предосторож-

пестей, необходимых для того, чтобы избѣгнуть послѣдствій мародерства.

А между тѣмъ вы не боятесь надѣяться надъ человекомъ, который открыто и громко можетъ призывать на собранію его сердцемъ, благословеніе Бога, уваженіе людей! Вы находите химерою окружать себя такою радостью, беспальнежками счастья, съ которыми соединяется семейная жизнь.

Ты очень хорошо знаешь, что если я женюсь, то только по убѣжденію, что найду въ женѣ столько же преданности ко мнѣ, сколько я чувствую къ ней, если я, слѣдуя закону, соединюсь съ радостью образу гражданскаго брака и церковнаго благословенія, то потому только, что Богъ уже милостиво возврътъ на союзъ двухъ душъ, отвѣка предназначенныхъ одна другой.

И почему любовь убѣгала бы жилища супруговъ? Развѣ она боится непорочности, цѣломудрія, и развѣ ее скорѣе находятъ въ распутствѣ? Эта совокупная жизнь, которую ты хочешь утратить, представляется мнѣ исполненною вѣчно новыхъ прелестей, сладкой задушевности. Матеріальныя хлопоты, которыми хочешь возмутить меня, я допускаю какъ немощи, напередъ уже подразумѣваемые, но они всегда уходятъ отъ мысли. Развѣ болѣзни и пошлости, которыя могутъ обнаружиться въ семейномъ быту, отвращаютъ сына или брата отъ любви къ матери или сестрѣ? Какъ бы то ни было, но я, который никогда не зналъ ни материнскаго поцѣлуя, ни сладкихъ объятій сестры, я буду любить жену какъ мать, какъ сестру. Нѣтъ, мой другъ, я не потребую, чтобы она повторила безпрестанно: Клонштокъ! Клонштокъ! но я желаю бы, чтобы она была такъ неразрывно соединена со всеми нашими впечатлѣніями, что уважала бы ихъ даже тогда, когда бы они вовсе не согласовались съ ея впечатлѣніями и умѣла бы устроить наше существованіе такъ, чтобы оно удовлетворяло потребностямъ тѣла и духа.

Старинныя эпиграммы на супружескую жизнь и мужей, чуждыя нежности, къ которымъ бы тебѣ не слѣдовало прибѣгать. Я предполагаю, что мадамъ де Сентъ-Орѣ такъ же благоразумна, также благородна душой, какъ она прекрасна. Я думаю, что такой же лучъ, какимъ Богъ озарилъ душу моей матери;

ожиласть эту непорочную дѣвушку. Почему жъ я буду снѣ-
монь, если женюсь на ней? Развѣ лучше сдѣлаю, если обмо-
ну ее? Почему же въ союзѣ двухъ душъ, одна другой отчи-
щающихъ, ты находишь поводъ къ расслабленію духа. Станешь
ли отрицать возможность найти двѣ души подобныя одна дру-
гой? Если ты допускаешь возможность ихъ существованія, то
почему онѣ не стануть искать одна другую и наконецъ не
встрѣтятся?

Полно, любезный Арманъ, дай Богъ, чтобы желаніе отпа-
скорѣе осуществилось и чтобы я могъ съ благоговѣніемъ пре-
клонить колѣна передъ дѣвушкой, которая пойметъ мою
скорбь и не побояется моей грусти! Ты увидишь тогда угасну-
ли я; охладѣю ли и не заставлю ли тебя завидовать истинно-
му блаженству, святому упоенію нашей юной семейной жизни!
Истинная поэзія та, которая отдаетъ воображеніе на служеніе
совѣсти и долгу. При такомъ взглядѣ на вещи нѣтъ ничего
поэтичнѣе въ мірѣ, какъ бракъ, прямодушно задуманный и
христіански заключенный.

Такимъ образомъ, любезный другъ, ты будешь у меня на
свадьбѣ; но еще есть время, продолжай свое путешествіе, ни-
что не предвѣщаетъ скорого осуществленія моей мечты.

И такъ я въ Провансѣ, у мосье де Сентъ-Ора. Въ другой
разъ сообщу тебѣ подробности о мѣстности и моихъ хозяе-
вахъ. Сегодня ты не стоишь ничего болѣе, какъ рассказа о
моемъ приѣздѣ.

Вчера, въ девять часовъ вечера, въ погоду страшную, съ
барометрической точки зрѣнія, но чудесную для унылаго ме-
тателя, какъ въѣхалъ я въ возлюбленный градъ графовъ
Бри и Шампань. Подъѣзжая туда по троасской дорогѣ и
отыскивая сквозь вечерній туманъ развалины замка Тибо,
стикомлета, я вспомнилъ эпитафію, посвященную имъ любви,
в прошенгаль:

„Ужъ нѣтъ любви, которая душою
Васъ заставляла бы любить,
Любовники фальшивые давно
Жизнь сладкую отняли у насъ.
Любви живой нѣтъ, лишь обманъ.“

Объ истинной любви молитесь Богу!“

.. Да, я буду молиться, повторять я съ стѣсненнымъ сердцемъ. Съ самого пріѣзда моего сюда, эти стали преслѣдуютъ меня, в все у меня на умѣ. Не духъ ли Тибо посѣтилъ любимую гору, и взываетъ ко мнѣ, ищущему также любви, чтобы я успокоилъ его тѣнь?

Шель проливной дождь, одинъ изъ тѣхъ чудныхъ дождей, бурныхъ, неистовыхъ, въ которыхъ слышатся рыданія и плачь.

Я смотрѣлъ на тучи, которыя съ своими фантастическими гривами, неслись надъ моимъ экипажемъ, съ обѣихъ сторонъ; видѣлъ какъ онѣ вдругъ сталкивались пронзенныя остріемъ молніи, и заходящее солнце багрянымъ потокомъ обливало прорѣзъ, вѣдшій какъ кровавая рана. По временамъ, буря утихала, очищенное небо дѣлалось фіолетовымъ. Онѣ только блуждающія облачка, въ быстромъ набѣгѣ, собирались у воротъ горизонта. Тогда солнце разстило по своду лучи свои и бросало ихъ съ какимъ-то презрительнымъ снисхожденіемъ на темныя массы, ползавшія у ногъ его.

Величественные лучи, подобно взорамъ избранныхъ геніевъ, которые порождаютъ героевъ, оживляли, вѣнчали, такъ сказать, и облекали въ цвѣта радуги эти влажныя горы. Мнѣ представилось тогда, мой другъ, восточное видѣніе. Мнѣ казалось, что холмы брійскіе служили пьедесталомъ какой-нибудь Алгамбрѣ; что въ свѣтлозарномъ пару поднимались куполы, минареты; облака пѣли хвалу солнцу; потомъ, по мѣрѣ того, какъ проникались свѣтомъ, они, подобно себялюбивымъ и неблагодарнымъ льстецамъ, расширялись, надувались, обхватывали пространство, призывали бурю; яростныя сшибки облаковъ затмѣвали небо.

Въ этомъ хаосѣ были предметы, которымъ я сопоставлялъ. Въ трехъ льѣ отъ Прованса, на одной станціи, я слѣдилъ въ преобразованияхъ прелестнаго жемчужно-розоваго облачка, которое особенно заняло меня. Тихо скользя по небу, надъ толпою другихъ облаковъ, по одному съ ними направленію, оно шло впереди всѣхъ. Возлѣ этого безпорядочнаго скопища облаковъ, облачко это имѣло видъ достойнаго простодушнаго чловѣка, неутратившаго своихъ иллюзий. Я боялся, чтобы страш-

на живна' облаковѣ, которая быстро подвигалась за нѣмъ, опередивъ не раздавила бы его.

Я думалъ, если облачко потащено будетъ преслѣдовавшими его тучами, то въ Провансѣ ждетъ меня неудача; если же, напротивъ, оно останется невредимымъ и тучи разобьются, недостигнувъ его, тогда я буду счастливъ. Можешь же представить себѣ съ какимъ вниманіемъ я сталъ тогда наблюдать за движеніями этихъ двухъ бойцовъ. Въ минуту величайшаго моего безпокойства, вдругъ поднялся вихорь. Вѣтеръ и дождь били мнѣ въ глаза, я не могъ ничего видѣть, и пересталъ смотрѣть изъ окна кареты; когда же я снова выглянулъ, ненашелъ уже ничего, ни даже большой тучи. Вихорь все размялъ, небо снова прояснилось на нѣсколько времени и я не зналъ результата моего наблюденія: какое могъ я вывести заключеніе? Я непредвидѣлъ уничтоженія моего оракула, который погибалъ вмѣсто того, чтобъ отвѣчать мнѣ. Въ досадѣ я бросился въ уголъ кареты. Я пріѣхалъ въ Провансѣ среди вихря, съ дождемъ, градомъ, молнією и ночью. Если должно здѣсь случиться что-нибудь для меня важное, то едвали кто вступалъ на сцену съ большимъ шумомъ, какъ я.

Конецъ моего странствованія, похожъ нѣсколько на сказку о спящей красавицѣ. Когда счастливый смертный, готовый прощѣть: «Пробудись красавица!» вступалъ въ аллею замка, то легенда утверждаетъ, что ему стоило большаго труда добраться до замка, терновникъ загорожалъ ему дорогу, и онъ принужденъ былъ пролагать себѣ путь шпагою. Кажется, что сонъ, оковывавшій даже пламя въ очагахъ, не прикасался къ живому соку деревъ, и птицы, дремавшія на вѣтвяхъ, впродолженіе ста лѣтъ, не мѣшали имъ расти.

Смирный домъ мосье де Сентъ-Ора, не былъ во власти волшебницъ и заколдованъ, и я могу утвердительно сказать тебѣ, что огонь на кухнѣ не спалъ; но это не помѣшало мнѣ испытать на пути къ дому нѣкоторыхъ неудачъ сказочнаго прищда.

Провансѣ раздѣляется на верхній и нижній городъ. Мосье де Сентъ-Оръ живетъ на самой верхушкѣ горы. Мнѣ пришлось выйти изъ экипажа и взбираться по крутой тропинкѣ, прило-

женной, какъ утверждаютъ, для сокращенія пути. Я увѣренъ, что это такъ, для того, кто спускается, потому-что спускающійся по ней подвергается опасностямъ крутизны, которая можетъ сократить не одну только дорогу; но для тѣхъ, кто всходить, клянусь, эта тропинка — злѣйшая изъ насмѣшекъ. Впереди меня шелъ туземецъ, съ моимъ чемоданомъ и фонаремъ.

Сильный вѣтеръ качалъ вокругъ насъ деревья; ноги вязли въ размоченной дождемъ землѣ; и такъ какъ я находился въ впечатлительномъ настроеніи духа, то имѣлъ удовольствіе, въ продолженіе получаса создавать себѣ самыя причудливыя и фантастическія страхи и ужасы. Все было вокругъ насъ страшно черно. Сучья, пригнутые бурей, били меня по лицу и подходили на огромныя мокрыя руки, которые старались удержать меня; если я бралъ немного въ сторону, терновники цѣплялись за меня, какъ когти; прибавь къ этому завыванье вѣтра, таинственный свѣтъ, бросаемый фонаремъ, сквозь туманное стекло, бѣшеный лай собакъ, раздающійся сверху и снизу, плачевный звукъ, производимый каплями дождя, которыя падали на листья и на мою спину, шорохъ мелкихъ камней, которые обваливались при всходѣ моего путеводителя, и катились внизъ, задѣвая меня за ноги; прибавь еще къ этому настроеніе моего духа, утомленіе отъ дороги, скуку испытанную и скуку предвѣдную, можетъ быть даже голодъ, и ты будешь имѣть понятіе объ этомъ маленькомъ кошмарѣ.

Эта каменная тропинка, превращенная дождемъ въ потокъ, принимала ночью адскіе размѣры. Мнѣ казалось, я задѣвалъ руками гномовъ, ступалъ по баснословнымъ животнымъ, которыя являлись воображенію Калло; чувствовалъ на лицѣ влажное дыханіе чудовищныхъ псовъ; путеводитель мой представлялся мнѣ мертвецомъ; поднявъ голову, я увидѣлъ на черномъ небѣ, массу еще болѣе черную, нѣчто въ родѣ неподвижнаго следа, мамонта-циклопа, съ краснымъ во лбу глазомъ, который безамысленно смотрѣлъ, какъ я поднимался къ нему.

Теперь ты видишь, что я имѣлъ основаніе сравнивать себя съ освободителемъ красавицы спящаго лѣса; сравненіе это было совершенно вѣрно въ отношеніи трудностей глуши, но не въ отношеніи цѣли путешествія. Въ награду за перенесенныя

труды я не нашелъ спящей красавицы, съ длинными ресницами, отягченными столбтнимъ сномъ. Мнѣ не пришлось пролѣть сладкій романсъ передъ шолковою занавѣскою крестницы волшебницы; сердце не забилось радостью и вѣроятно, не здѣсь я долженъ любить.

Послѣ многихъ трудностей, мы наконецъ наткнулись, при своемъ восхожденіи, на темную массу, на черное животное, которое я видѣлъ. Мой путеводитель, которому чудовище было знакомо, проведя рукою по шороховатымъ бокамъ его, ощупалъ нѣчто въ родѣ хобота или хвоста, и сильно принялся дергать. Въ глубинѣ раздался звонокъ; красный глазъ сдвинулся съ мѣста и исчезъ. Послышался стукъ челюсти, похожій также на стукъ ключей и заперовъ. Часть боковъ чудовища вошла въ животъ; мы за нею и вотъ я встрѣтилъ двухъ старыхъ особъ, которыя протягиваютъ мнѣ руки и влекутъ меня въ столовую, пріятно оживленную, гдѣ мои фантастическія грѣзы сладостно замираютъ,—признаться ли тебѣ, между ласковымъ приемомъ семейства де Сентъ-Ора и нѣжными призывами питательнаго объѣда. Теперь ты уже не скажешь, что я не жертвую матерьяльному.

Воспоминанія о волшебницахъ, куда вы дѣвались? Принцъ Милвзоръ, я считалъ себя твоимъ Созіемъ, но твоё страствованіе привело тебя къ такой жалкой развязкѣ. Впрочемъ, я долженъ признаться, что какъ ни была жалка эта развязка, однакожъ я не былъ къ ней нечувствителенъ, и что желудокъ мой меньше былъ бы радъ сказочной развязкѣ.

Изъ этого ты видишь, любезный Арманъ, что у меня также были свои путевыя впечатлѣнія; и для того, чтобы чувствовать живописность ихъ, не нужно ѣхать въ Швейцарію или Италію. Для этого достаточно немного воображенія и нѣсколькихъ капризовъ природы. Мосье де-Сентъ-Оръ помѣстилъ меня, какъ сына, въ старой комнатѣ съ трюмо, въ рѣзбѣ котораго сохранились еще остатки пудры нашихъ бабокъ; и на другой день, проснувшись, я увидѣлъ на обояхъ въ розовомъ передничкѣ пастушку, которая дѣлала мнѣ самый прелестный реверансъ. Это служить мнѣ переходомъ, чтобы сдѣлать и тебѣ реверансъ, пожелавъ простодушія, и охоты, безъ чего

идти путешествовать, которое бы принесло пользу в волную луну.

П И С Ь М О VIII.

Эдме де-Сентъ-Оръ къ Люси де-Крене.

Провансъ, июль.

Рѣшительно ты выводилъ меня изъ терпѣнія, моя добрая Люси. Неужели замужство заставляетъ забывать друзей? Это было бы просто ужасъ, и я бы дала клятву никогда не выходить замужъ, если бы даже пришлось отказаться отъ такой прекрасной партіи, какую нашла ты. Я хочу непременно, чтобы вы писали ко мнѣ, сударыня, я хочу знать, что вы дѣлаете, все также любезень-ли вашъ мужъ, какъ былъ въ день свадьбы.

Что станется со мной, если ты забудешь меня? Знаешь, что ты была въ монастырѣ моею повѣренною. Уже и то много, ты далеко отъ меня и замужемъ. Если я должна еще болѣе потерять тебя, въ такомъ случаѣ не знаю на что рѣшиться. Вотъ уже скоро полгода, какъ я не цѣловала тебя.

Какъ ты была хороша въ своемъ подвѣчномъ платьѣ, съ прелестнымъ воалемъ и цвѣточками, которые дрожали на твоимъ челѣ! Я не могла вѣрить, чтобъ ты сдѣлала себя такою прекрасною для этого господина, который такъ дурно навязалъ себѣ галстухъ, и воображала, что вижу тебя опять въ день перваго причщенія. Ахъ! моя милая, также ли бываешь счастлива, какъ тогда, когда съ свѣчкою въ одной рукѣ, а другую положи на грудь идешь съ отверстыми устами и сердцемъ на встрѣчу Бога?

Расскажи мнѣ про свою домашнюю жизнь, про маленькое хозяйство. Хорошо ты устроилась? Я знаю, у тебя было прекрасное приданое, прелестные подарки. Пришли мнѣ эту опись. Умѣешь ли ты вести свои дѣлишки? Кажется, это очень трудно, потому что матушка моя безпрестанно твердитъ мнѣ, что я никогда не буду хорошей хозяйкой; однакожъ я бы очень желала достигнуть въ этомъ совершенства! Я уже на прошлой недѣлѣ смастерила одно пирожное, которое батюшка очень похвалилъ. Черезъ мѣсяць, я хочу попробовать варить варенье.

Думаю, что не хуже другой съумью заказать объѣдъ. Но пріятныя искусства мнѣ никакъ не даются.

Я отказываюсь рисовать головы. Въ пансіонѣ моя спеціальность были носы. Я рисовала носъ: Юпитера, Азидда, Велларія; но никакъ не могла идти далѣе. Уши меня ужасали, а ротъ, требуетъ особой ловкости штриха, которой я не могла достигнуть. Что касается до фортепiano, то я всегда спрашиваю зачѣмъ нѣтъ у него такой же ручки, какъ у шарманки. Тогда я была бы изъ первыхъ; ты знаешь какова у меня рука; она была изъ самыхъ сильныхъ во всемъ пансіонѣ, и, когда нужно было отпереть трудный замокъ, всегда обращалась ко мнѣ. Я иногда играю на нашихъ вечеринкахъ Прованса; увѣрляють, что моя арія похожа нѣсколько на польки и джаранди; но я никогда не могла играть что-нибудь съ чувствомъ. Моя неловкость и простота приводятъ маманьку въ отчаяніе и она безпрестанно твердитъ, что я никогда не выйду замужъ. Отчего же? Развѣ обязанность хозяйки дома и матери семейства требуетъ умѣнья рисовать другое что кромѣ носовъ? И развѣ мнѣ недостаточно первоначальныхъ правилъ музыки, для увеселенія моего мужа, если онъ захочетъ, чтобы я сыграла ему поодѣ объѣда какую-нибудь піеску, или чтобы заставить плясать моихъ дѣтей? А дѣти, чистенькія и миленькія, съ кружевными воротничками и маленькими красными рученками, какъ должно быть пріятно любить ихъ! Мужъ же, я хотѣла бы, чтобы былъ скромный, порядочный. Мы бы никогда не говорили другъ другу—ты; я нахожу это неприличнымъ. Едва только познакомились, едва видѣли другъ друга нѣсколько дней, и вдругъ, тотчасъ обращаться такъ безцеремонно, какъ братъ съ сестрой. Я нахожу эту моду слишкомъ мѣщанскою, слишкомъ странною и вполне увѣрена, что за сто лѣтъ назадъ, такъ не говорили другъ другу. Безъ сомнѣнья это ввелось съ революціею; это остатки республики.

Я болтаю какъ пустомѣля и ты, по добротѣ своей, слушаешь меня. Все это отъ того, что мнѣ не съ кѣмъ здѣсь поговорить порядочно и свободно, какъ бывало въ монастырѣ. Видѣ ты не показываешь моихъ писемъ мужу? Впрочемъ, онъ и не имѣетъ никакого права видѣть ихъ.

Жизнь моя постоянно спокойна, какъ стоячая вода. Встаю ра-

но, чищу своихъ птичекъ, свой садикъ; смотрю, чтобы няня не перекипятила молока, не простудила кофе. Потомъ, послѣ кофе, запираюсь въ своей комнатѣ, одѣваюсь, читаю молитвы, которыя повторяю по три раза. Увы! у меня нѣтъ задушевнаго друга, кромѣ маленькаго образа Богородицы, который ты дала мнѣ. Остальное время дня вышиваю, читаю журналы, если папенька забылъ очки; выѣзжаю маменькою съ визитами, и ложусь спать, старѣе однимъ днемъ, не проскучавъ, но и не повеселившись.

Ты знаешь, кака я у меня строгая маменька. При ней я всегда чувствую себя какъ-то не ловко; свободная и веселая съ папенькой, я дрожу когда мнѣ приходится отвѣчать ей хоть одно слово. Она такъ образована, что заставляетъ меня стыдиться моего невѣжества. Папенька всегда добръ и снисходителенъ. Когда меня бранятъ, онъ защищаетъ; когда я плачу, онъ сажаетъ меня къ себѣ на колѣна и молча цѣлуетъ. Когда погода дурна и у насъ никого нѣтъ, мы сидимъ всѣ трое въ гостиной; маменька читаетъ, папенька нюхаетъ табакъ и постукиваетъ пальцами по ручкѣ кресель, я вышиваю, считаю стежки и, если хочу разсѣять себя и преодолѣть сонъ, колю себѣ иголкою пальцы. Однажды, будучи не въ состояніи преодолѣть дремоту и боясь оказать непочтительность къ папенькѣ и маменькѣ, я быстро встала и хотѣла уйти.

— Куда ты идешь, Эдме? спросила меня маменька.

Я колебалась отвѣчать; но улыбающійся взоръ папеньки ободрилъ меня.

— Я иду зѣвать, маменька, отвѣчала я, сдѣлавъ реверансъ; и дѣйствительно я вышла, чтобы прозѣваться. Маменька пожала плечами, а папенька громко разсмѣялся; мнѣ кажется, что во время моего отсутствія, они говорили между собой довольно горячо, и мой безразсудный поступокъ остался безъ послѣдствій.

Не смѣю сказать, чтобы я была счастлива, а между тѣмъ я не страдаю. Мнѣ многого недостаетъ, а совсѣмъ тѣмъ, я не знаю что мнѣ нужно. Я думаю часто о тебѣ, объ удовольствіи, которое должно тебѣ доставлять твое маленькое ховяйство, совсѣмъ новинькое, блестящее. Однакожъ у меня есть подружка; это—добрая мадамъ Дюшмэнъ, о которой прежде я тебѣ такъ

много говорила. Но какъ ни люблю я ея, ея всегдашняя печаль, глубокий взоръ ея большихъ глазъ, ея нѣсколько блѣдые губы, внушаютъ мнѣ какое-то къ ней почтеніе. Она угадываетъ меня и тогда, когда я молчу. Это ангельская душа. Говорятъ, она много страдала, а между тѣмъ она такъ кротка, какъ будто никогда не знала неудачъ. Когда она видитъ, что я грустна, зоветъ меня въ садъ, разсѣиваетъ меня и наконецъ всегда обратитъ въ бѣгство всѣ мои черныя бабочки. Иногда она называетъ меня своею дочерью; тогда она сжимаетъ меня въ своихъ объятіяхъ и вдругъ начинается горько плакать. Мамышка не очень любитъ ее, но уважаетъ и почитаетъ ея влияние. Пашенька счастливъ, что она можетъ составить ему вечеромъ партію въ триктракъ. Какое бы ни было дѣло, всегда спрашиваютъ ея совѣта. Она участвуетъ во всѣхъ торжествахъ. Я думаю, что если я когда-нибудь должна буду выйти замужъ, то моему будущему придется просить ея согласія. Не ты можешь оказать своему мужу, что женихъ мой сдѣлаетъ лучше навязывать свой галстухъ.

Вообрази себѣ, что въ одинъ изъ прошлыхъ дней, когда ушли сестры милосердія, приходившія собирать подаянія для бѣдныхъ, мнѣ пришло въ голову пойти въ монастырь, и я объ этомъ продумала цѣлый вечеръ. Развѣ эта жизнь совершенно отлична отъ той, которую я веду теперь?... Мы еще поговоримъ объ этомъ.

Я забыла сказать тебѣ, что два дня, какъ къ намъ пріѣхалъ гость, мосье Валентинъ де-Рьянваль, сынъ старшинаго друга мамышки; онъ пріѣхалъ въ Провансъ на нѣсколько недѣль для поправленія здоровья. Чѣмъ онъ страдаетъ? Не знаю. Даже боленъ ли? И это мнѣ не извѣстно. Пріѣхалъ ли онъ въ Провансъ пить воды? Не думаю. Знаю только то, что этотъ господинъ очень гордъ, самодоволенъ, сиѣсивъ, довольно красивъ, но корчитъ изъ себя принца крови. Онъ много пишетъ, гуляетъ одинъ, и въ отношеніи меня соблюдаетъ испанскій этикетъ. Я знала его въ дѣтствѣ. Я называла его *Тектонъ*, и помню, какъ однажды дала ему порядочную пощечину за то, что онъ не хотѣлъ играть со мною. Кажется, что этотъ господинъ досихъ-поръ питааетъ ко мнѣ злобу. Онъ дѣлаетъ мнѣ низкіе поклонны, и когда хочетъ на меня посмотреть, то бовтаетъ зама-

рать глаза, и ставить на носъ лорнетъ. Иногда мнѣ хочется одѣвать ему гримасу и высунуть языкъ; пока я дѣлаю ему самыя изящныя реверансы.

Я бы хотѣла найти здѣсь кого-нибудь, съ кѣмъ можно бы сѣдѣть надъ этимъ господиномъ. Но маменька, кажется, полюбила его. Онъ привезъ ей разныя гаветы, журналы. Напеченка называетъ его, *своимъ милымъ сыночкомъ*, и даже моя добрая Сусанна Дюшманъ заступаетъ за него, когда я отъѣзжаю объ немъ дурно. Это просто заговоръ. По-крайней-мѣрѣ ты можешь мнѣ посмѣяться надъ нимъ. Какъ мнѣ хочется, чтобъ онъ поскорѣе уѣхалъ! Если люди всегда встрѣчаются съ товарищемъ своего дѣтства, то, дай Богъ, слышишь ли, моя красавица? лучше никогда не встрѣчаться съ ними.

Видишь мнѣ, Люси. Сообщи все подробно, о чемъ я пишу тебя. Если есть хорошенькіе рисунки для вышивокъ, пришли ихъ непременно. Я истощила всѣ прованскіе магазины. Не изобрѣла ли ты какого-нибудь новаго вязанья? Все ли по-прежнему платья дѣлаются съ басками? Отложи для меня нѣсколько модныхъ картинокъ. Я замѣтила сегодня утромъ, что была одѣта, какъ ключница, а мнѣ не хотѣлось, чтобы моему деду Рьянваръ, который безъ того находитъ меня не по своему вкусу, не принялъ меня совсѣмъ за крестьянку. Говорятъ, что я была очень хорошенькая и всегда мило одѣта, когда была маленькая. Безъ-сомнѣнія спѣсвецъ находитъ, что я очень перемѣнилась.

Такъ тебѣ непременно надо оставаться въ Парижѣ? Такъ ты не прїѣдешь къ намъ на-время это лѣто? Вотъ какъ была бы я тебѣ рада; твоё посѣщеніе избавило бы меня отъ скуки, какую я предвижу. Что скажешь на это, моя милочка? Что скажешь объ этомъ твой господинъ-властитель?

ПИСЬМО IX.

Люси де Крени къ Эдме де Сентъ-Орѣ.

Парижъ. Іюль.

Ты все таже самая шалуныя, которую мы всѣ любимъ, моя добрая Эдме! Я узнала тебя по твоему письму. Мнѣ казалось,

что я вижу тебя, какъ ты сиди за письмомъ, перебираешь свои сибѣрусые локоны.

Но что это значитъ, мадамозель? Ты, олицетворенная веселость, ты, не знавшая никогда грусти, чувствуешь что-то въ родѣ тумана, обхватывающаго тебя? Берегись, моя милочка; но не бойся. Я, твоя подруга, сама тоже испытала, и знаю, что это такое. Вотъ мой рецептъ: это лекарство самое вѣрное, говорю тебѣ по опыту.

Вѣсто того, чтобы читать молитвы по три раза, моллись разъ да усердно; потомъ старайся одѣваться тщательно, не нугайся людей. Въ особенности советую тебѣ завивать волосы въ мелкие кудри, что прекрасно идетъ къ твоему атласистому личику. Перестань колоть, для развлечения пальцы, это предурная привычка, отъ которой у тебя руки сдѣлаются какъ у горничной; работай столько, сколько нужно, чтобы не терять времени по-пусту, но не до того, чтобы называли тебя крокетницей.

Не слишкомъ заботься о лучшихъ способѣ варить варенье. Я запрещаю тебѣ заниматься печеньемъ пирожиаго, потому что твои бѣленькія ручки, удивительно какъ хорошо будутъ мѣлаться. Я запрещаю тебѣ звѣту, и въ особенности всякую дерзкую мысль въ отношеніи къ гостю.

Надо, моя милая, прощать мужчинамъ, что они сѣвѣтятся отъ того, что выросли и перестали быть пукляшниками и розовыми товарищами, съ которыми мы играли. Ничтожные мальчишки уже наказаны своею серьезностью и намъ не къ чему увеличивать ихъ досаду. Поэтому я приказываю тебѣ, моя простодушная красавица, обращаться съ мосье Рьянвалемъ ласково. Не нужно называть его *Тентенъ*, что было бы, пожалуй, быть, слишкомъ фамильярно, но ты должна дать ему почувствовать, что иногда пользовалась правомъ, давать ему кончекяки. Если онъ смотритъ на тебя въ зеркальце, обмару хвостъ въ неприятной улыбкѣ всю свою веселость, все свое преледупіе. Будь съ нимъ непринужденна, это лучшее съ твоей стороны кокетство.

Такъ какъ этотъ молодой человекъ очень нравится всему твоему семейству и даже мадамъ Дюшменъ, къ мнѣнію которой я имѣю полную вѣру, то онъ не долженъ касаться тебѣ та-

кимъ напыщеннымъ, такимъ страннымъ, какимъ ты мнѣ его рисуешь. Полно! будь послушна и держись общаго мнѣнія!

Посылаю тебѣ картинки и рисунки модъ, которыя ты просила; но съ условіемъ, не подражать имъ. Ты безъ того прелестна въ своемъ простенькомъ нарядѣ, моя милая красавица; не портъ же своего туалета.

Ты говоришь, чтобы я не показывала твоего письма мужу. Согласна; потому-что ты не справедлива къ нему. Знай же, что галстухъ его повязывается безукоризненно, и что твои насмѣшки съ этихъ поръ будутъ уже относиться ко мнѣ.

У мосье де Крене, будущаго дипломата, галстухъ, перчатки, какъ ни у кого во всей Франціи; затѣмъ я хочу тебѣ сказать по секрету, что онъ скоро займетъ высокую должность. Мы, моя милая, честолюбивы, мы хотимъ сдѣлать свою карьеру. У Жюля есть голосъ; пріятный теноръ. Если бы я позволила ему пропѣть въ нѣсколькихъ гостиныхъ, то увѣряютъ меня, что онъ могъ бы достигнуть всего, и мосье де Р***, который знаетъ исторію всѣхъ нашихъ государственныхъ людей, утверждаетъ, что въ горлѣ у моего мужа есть изъ чего сдѣлать префекта, посланника, министра. Наши желанія ограниченны, и къ тому-жъ, я не хочу, чтобы ему протезировали слишкомъ многіе. Поэтому онъ будетъ пѣть только для меня.

Я счастлива, моя добрая Эме, какъ и ты будешь со временемъ. Но счастье не дѣлаетъ меня забывчивою. Я часто думаю о тебѣ, моя провенская роза. Когда козляничая, отдаю приказанія, заказываю, размѣщаю все по своимъ мѣстамъ, и думаю про себя, что, когда придетъ твоя очередь, ты будешь чудомъ-хозяйкой; вѣдь у тебя куклы были такъ хорошо одѣты, такъ долго сберегались и ты всегда получала награды за порядокъ.

Намъ нельзя нынѣшній годъ пріѣхать къ вамъ. Я немного недорова; кстати, знай, маленькая болтушка, что у меня есть прелестная волшебница блондинка, которую зовутъ Эме. Она будетъ крестной матерью меньше чѣмъ черезъ полгода. Поэтому-то я посылаю тебѣ фасоны вышивокъ для дѣтскихъ чепчиковъ; но не думай, чтобы это было для твоихъ куколъ.

Полно, моя красавица, прости мнѣ мое молчаніе; слѣдуй нашимъ совѣтамъ; покажи мое письмо твоей маминкѣ, которая, я увѣрена, одобритъ меня, и ужъ больше не говори дурнаго о

мужьяхъ твоихъ подругъ, потому, какъ знать: можетъ-быть твоей, не такъ далеко, какъ ты думаешь и можетъ подслушать твои клеветы.

ПИСЬМО X.

Валентинъ къ Арману.

Провансъ. Августъ.

Ты не повѣришь мнѣ, Арманъ? Здѣсь часы не длиннѣе, ни дни не скучнѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Съ провинціей тоже, что съ супружеской жизнью. На нее клеветаютъ изъ чванства; но когда наслаждаешься ею, то находишь ее очень спокойною и пріятною. Эти вѣчныя эквилибрическія стойки на натянутомъ канатѣ Парижа, этотъ оглушительный шумъ, эта толпа глупцовъ и кокетокъ, этотъ развратъ ума, расслабляющій болѣе, чѣмъ развратъ тѣлесный, этотъ нескончаемый карнавалъ, все это приходитъ мнѣ на мысль среди тишины и мира, меня окружающаго; и я почти счастливъ, такъ отдохнулъ.

Деревья здѣсь зелены, небо голубое, земля теплая. Ахъ! мой другъ, въ этомъ-то спокойствіи я сознаю свою силу и свою вѣру. Ты сравниваешь меня съ Вертеромъ; но развѣ я ушалъ духомъ? развѣ не хочу жить — всѣми силами души моею? развѣ не хочу любить? Утромъ, когда открываю окно, господствующее надъ долиной, я простираю руки, чтобы сжать въ объятіяхъ небо, и вдыхаю чистый воздухъ, опьяняющій меня. Не знаю, что ты дѣлаешь въ Венеціи? Развѣ прицѣпивъ себя какую-нибудь мандолину поешь подъ оборвавшимися балконами? Что касается до меня, то ты долженъ завидовать лениности моей души. Никогда я не чувствовалъ себя лучшимъ, ни ближе къ своей судьбѣ.

Богъ да благословитъ моего отца; онъ понялъ, что я найду здѣсь исцѣленіе моихъ свѣтскихъ ранъ и надежду! Право не знаю, откуда является мнѣ эта божественная сила, которая живитъ кровь мою и проникаетъ въ душу. Я живу въѣ людей. Доброе семейство, которое приняло меня, почти не составляетъ для меня общества; каждодневный обмѣнъ одного и того же не развиваетъ и не возвышаетъ мысли. Эдме безспорно прелестна надъ дѣвушка; но я еще не люблю ее; сельская, окружающая

меня природа, имѣетъ видъ пріятный и веселый, но въ ней нѣтъ ни разнообразія, ни контрастовъ; это просто поля Шампаньи. И чтожъ! Я чувствую такое же разнообразіе къ созерцаніямъ, къ восторгамъ, какъ будто бы я находился передъ неизвѣстнымъ горизонтомъ; и когда я впервые увидѣлъ Океанъ, сердце мое не столько проникнуто было мыслью о Богѣ, какъ теперь.

Откуда это дыханіе, которое волнуетъ и искушаетъ меня? Отъ меня самого или отъ другихъ? Не люблю ли я слишкомъ то, что стоитъ только нѣкотораго уваженія, или я, въ самомъ дѣлѣ, въ predetermined мѣстѣ? Не знаю. Но только что-то новое и могучее проявляется во мнѣ. У меня сладкія грѣзы; развѣ это не значить жить?

Домъ мосье де Сентъ-Ора, какъ я уже сказалъ тебѣ, стоитъ на вершинѣ горы. Онъ прислоненъ къ церкви, старому зданію, котораго восточный куполь, напоминаетъ Иерусалимъ возвратившимся Крестоносцамъ. Это старинное жилище, соединяя съ простотою изящность и удобство, красуется на солнцѣ, съ садомъ, расположеннымъ въ видѣ террассы. Я занимаю преми-ую комнату, откуда, въ ясные дни, вижу за двадцать лѣ окрестность. Но что мнѣ всего болѣе нравится въ этомъ убѣжищѣ, почти прицѣпленномъ къ крову Бога, какъ гнѣздо ласточки, такъ это то, что я могу отсюда устремляться мыслью въ пространства безграничныя.

Тебѣ понравилась бы моя комната за старинную рѣзную мебель, выкружки, за волшебницъ въ фижмахъ. Вообрази себѣ храмъ осьнадцатаго вѣка, моельню Ватто, и все это принадлежитъ мнѣ, твоему туманному, унылому другу! Но мой вкусъ не оскорбляется этими устарѣлыми кокетками; я люблю вопрошать это милое и достопочтенное убѣжище, у порога котораго не одна жрица, съ красными каблучками, видѣла передъ собою несофита въ атласныхъ штанахъ. Эта рѣзба такъ щепетильно разукрашена рѣзцомъ; на обояхъ столько пастушковъ и горлицъ, на зеркальныхъ рамахъ столько завитковъ и узловъ, на блѣдно-голубомъ, больше чѣмъ полиняломъ атласѣ красель столько цвѣтовъ, что мнѣ представляется невозможнымъ, что бы въ этомъ прелестномъ убѣжищѣ не существовало любви.

Ахъ! еслибъ каждый предметъ могъ припоминать прошелъ

шее и рассказывать! еслибъ венеціанское зеркало, въ которомъ я щу прованческаго и современнаго отблеска, могло оттолкнуть мой образъ и отразить къ себѣ всѣ бѣлоснѣжныя, розовыя личика, всѣ глаза черные или голубые, всѣ уста, улыбающіеся или насмѣшливые, которые когда-то глядѣлись въ немъ! Еслибъ шкапы съ выпуклыми фанерками, хотя на часъ, слова возвратили вѣеры, шааги; мантілы, которыхъ когда-то такъ прятала! Сколько бы я услышалъ разназовъ равнообразныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣчно одинаковыхъ.

Мечталъ ли кто въ этой комнатѣ, гдѣ такъ много жили? Некуда ли кто-нибудь, изъ жившихъ въ ней софу, можетъ быть столько же безславную, какъ софа Кревиллона, чтобы облокотиться на окно и устремить взоръ въ долину? Невозможно, чтобы эта комната была только гнѣдомъ нечестивой любви; нечестіе не избрало бы для себя этого мѣста, и въ виду подобнаго горизонта. Ты не можешь представить себѣ обширность зелени, глубины садовъ и маленькихъ бѣлыхъ дорожекъ, надъ которыми господствуешь сверху. Это убѣжище, находясь на самой вершинѣ горы, какъ орлиное гнѣздо, смотреть въ лазурь неба. Мирской шумъ, едва достигаетъ сюда, и когда всходитъ солнце, оно, прежде чѣмъ спустится въ долину, останавливается на минуту, чтобы облобызать чело этого убѣжища. Башенные часы церкви приводятъ въ содрасеніе столъ; колоколъ, этотъ языкъ жертвы, призывая къ молитвѣ живыхъ, разноситъ по кровлѣ свои религіозныя волны. Нѣтъ; эта комната такъ близка къ небу, такъ близка къ ветхому храму, что она не могла не быть убѣжищемъ, отсюда непонятныя души возносились къ Богу! Вѣкъ Вольтера, купленный Жанъ-Жакомъ Руссо, не правда ли и у тебя была своя грусть? и эти пастушки на обояхъ, можетъ быть видѣли слезы на лицѣ не одного предка Рене....

Завтракъ заставилъ меня прервать письмо. Я узналъ, что моя комната составляла нѣкогда часть чердака. Мосье де Сентъ-Орѣ приказалъ отдѣлать ее въ томъ видѣ, какъ я ее нашелъ, употребивъ для этого мебель и обои будоара, который сдѣлался бесполезнымъ и находился въ маленькомъ замкѣ Сентъ-Ора, за нѣсколько лье отъ Прованса. Оставляю описаніе моихъ холзевъ до слѣдующаго письма.

ПИСЬМО XI.

Ариана къ Валентину.

Венеція. Августъ.

Въ послѣдній разъ, заклинаю тебя, Валентинъ, бѣги добрыхъ людей, этого гостепріимнаго дома, этой усыпалющей душу провинціи! Несчастный, развѣ ты не чувствуешь удушія! Ты считаешь за спокойствіе — смерть! Бѣдный Икаръ! Бѣдный безумецъ! Пріѣзжай ко мнѣ! Венеція прелестна: у ней есть и улыбка и слезы. Я, — буду смѣяться, ты будешь плакать; я буду проводить веселыя ночи на площади св. Марка, у Флоріани, за сигарой, мороженымъ и съ пѣвцами; а ты, ты можешь прогуливать свою грусть въ таинственныхъ гондолахъ. Ахъ! любезный мой, и ты дерзашь говорить мнѣ о картонкахъ съ париками! Что все это въ сравненіи съ Венеціей! а Тиціанъ! а солнце, этотъ великій артистъ, который заставляетъ блистать лагуны и каждое утро посылаетъ царицѣ Адриатики неизмѣнные поцѣлуи.

Здѣсь славно жить. Небо чисто, женщины прелестны; я говорю не объ этихъ женщинахъ съ открытыми плечами и въ перьяхъ, которыя живутъ въ старыхъ, развалившихся дворцахъ, но о тѣхъ, которыя ходятъ цѣшкомъ, о простолюдицахъ, живыхъ, свѣжихъ, веселыхъ. Но я очень хорошо знаю, что не это соблазняетъ тебя, туманный рыцарь! Какъ бы то ни было, грезами твоими заклинаю тебя, пріѣзжай, пріѣзжай скорѣе. У Венеціи два лица: одно то, которое милостивый Богъ покрываетъ каждое утро румянцемъ, — всегда улыбающееся; это небо, это море, это тыслчи видовъ, разнообразныхъ свѣтомъ; другое — завѣщанное временемъ, важно и печально; это каменная масса, сквозь которую проникаетъ сырость разваливъ, это старинныя, шатающіеся дворцы, которые смотрятъ въ темныя воды канала, какъ будто отыскивая потерянное кольцо дожа; это гондолы, покрытыя чернымъ, какъ домино, — надгробныя балдахины, которые скользятъ и въ которыхъ между тѣмъ смѣются и любятъ! Пріѣзжай продолжать свои элегии при лунѣ на Большомъ каналѣ! Пріѣзжай посѣтить эти дворцы, Фоскари, Бальби, Барберинно, Мочениго;

прѣзжай постучаться въ двери этихъ знаменитыхъ гостинницъ, которыя навѣщала Байронъ и которыя готовы упасть на прохожаго, такъ вода подгрызла ихъ подошву, а годы иззубрили чело! Прѣзжай разбирать по складамъ эти странныя фрески, которыя красуются въ церкви св. Марка! Прѣзжай посѣтить дожескій дворецъ, Пиомби, каналъ Орфано, всѣ эти печальныя достопримѣчательности, которыя заставляютъ меня смѣяться, а тебя заставляютъ плакать!

Здѣсь ужъ больше не играютъ на мандолинѣ, уже не цѣпляются за ветхіе балконы. Можетъ быть ты познакомишься, мой трубадуръ, ты, который мечтаешь о графѣ Тиббъ пѣснопѣвцѣ; но за то получишь другія мелодраматическія возмездія.

Удалось ли мнѣ наконецъ убѣдить тебя, чтобъ ты прѣехалъ? Не сибю вѣрить, такъ мнѣ это желательно. Если ужъ тебѣ дорога провинціальныя пошлости, то будешь имѣть удовольствіе найти мосье Скриба и посреди лагунъ. Его имя дерзко красуется на дворцахъ дожей; здѣсь употребляютъ во зло имя этого неученаго академика-водевиллиста; его дѣлаютъ авторомъ всѣхъ промаведеній, вывозимыхъ изъ Франціи. Еще ничего, если прочтешь, какъ я сегодня, на театральнѣй афишѣ: *Il Povero Giscommo del Sign. Eug. Scribe*; но доходить до того, что даже Эриани приписывается ему.

Прѣзжай посмѣяться надъ этими глупостями. Не попади въ болото, бѣдный лебедь! У тебя грусть, и я ее развѣю; но если ты упрямился, если станешь отвѣчать такъ, какъ отвѣчалъ, то не жди отъ меня ни слова. Я напишу, или лучше, прѣйду только въ томъ случаѣ, если ты будешь дѣйствительно страдать! Пока, обнимаю тебя и говорю какъ левъ св. Марка, протяжная лапу:

Рах ѣм.

ПИСЬМО XII.

Валентина къ Арману.

Прозаксъ. Августъ.

Какъ я сказалъ, такъ и будетъ; и остаюсь и чувствую себя вѣрнѣйшимъ счастливымъ. Однако надо признаться, ты, любезный!

Армянь, ловкій искуситель; но что прикажешь? обладо, которое я спрашивалъ не хотѣло мнѣ отвѣчать, и мнѣ интересно знать, что оно скрывало отъ меня.

Я набросалъ тебѣ, не какъ романистъ, но какъ скромный другъ, эскизъ дома мосье де-Сентъ-Ора. Я не говорилъ тебѣ ни о числѣ оконъ, ни о расположеніи комнатъ, ни о цвѣтникахъ; сегодня же, позволь мнѣ послать тебѣ портреты.

М. де-Сентъ-Оръ, дворянинъ, немного пропитанный мѣщанствомъ, который воображаетъ себя легитимистомъ, потому что любитъ лидіи. Это простодушное существо, въ безсознательномъ эгоизмѣ котораго есть нѣчто трогательное. Онъ принадлежитъ выше всего, по его словамъ, къ союзу честныхъ людей. Онъ дѣлаетъ то, что дѣлаютъ честные люди; подписываетъ, читаетъ, бранитъ, что подписываютъ, читаютъ, бранятъ честные люди. Никогда совѣсть не была спокойнѣе. Когда я сравниваю отца, который такъ цѣль, такъ благороденъ въ своихъ вѣрованіяхъ съ этимъ добрякомъ, у котораго нѣтъ никакихъ правилъ, я горжусь мосье де-Рьенвалемъ.

Мосье де-Сентъ-Оръ никогда сражался въ Вандеѣ; но теперь пристрастился къ триктраку и души не слышитъ въ дочери. — Встрѣчая каждого ласково и съ улыбкою, сохраняя во здѣ сотоварищамъ муниципальнаго совѣта, въ понятіяхъ, въ обхожденіи, въ нѣкоторыхъ оборотахъ рѣчи и въ манерѣ кланяться, благовоный букетъ хорошаго общества, который начинаетъ выдыхаться и который наши маменьки дистиллировали въ тайнѣ своихъ будочровъ, мосье де-Сентъ-Оръ представляетъ собой начатокъ пріятнаго старика, у котораго нѣтъ бризгливости, нѣтъ щекотливости; но за то нѣтъ и благородныхъ порывовъ; нѣтъ щекотливости, но за то нѣтъ и ума. Онъ смѣется всему, все допускаетъ, на все соглашается; но ничего не понимаетъ. Нельзя однакожъ сказать, чтобы у него не было запаса анекдотовъ на разные случаи, цитатъ; онъ ворочаетъ за губами красное словцо какъ-будто сосетъ конфетку; у него всегда готовы любовности, и онъ никогда не сдѣлаетъ промаха. Это золотая монета безъ чекана, но которая однакожъ звенитъ какъ золото. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, онъ неповоротливъ и вполне рыцарь. Онъ цѣлится на всѣхъ парамъ обстоятельствъ; но на одномъ

не помертвѣвалъ ни своими привычками, ни своимъ костюмомъ. Шерой его чернаго фрака, его жилетъ, его башмаки, его галстукъ, остались вѣрныя реставраціи. Онъ охотится, читаетъ легитимистскіе журналы, ежедневно отправляется съ визитомъ къ дворянамъ одного съ нимъ образа мыслей, сообщаетъ имъ въ тѣлополку полученныя вѣсти объ изгнанникахъ, празднуетъ съ ними извѣстныя годовщины и принимаетъ, какъ они же, должности отъ всѣхъ представителей власти. Его дочь въ сущности—его единственная партія, его единственное знамя. Онъ не позволялъ себѣ выказывать воплѣ все свое душевное расположеніе къ ней. Церемонно цѣлуетъ ее въ лобъ, тогда какъ ему бы хотѣлось просто задушить ее поцѣлуями, какъ одѣлалъ бы вѣщанинъ. Для Эммы онъ легитимистъ, потому-что лишь составляетъ прелестную рамку для этой ангельской красоты; но по одному мановенію дочери, онъ готовъ бы былъ сдѣлать французъ и красный колпакъ. М. де-Сентъ-Оръ маленькаго роста, лице у него неподвижно, фюзіоншія аббата. Имѣетъ нѣкоторое сходство съ Людовикомъ XVIII только порядочно похудѣвшій. Впрочемъ мосье де-Сентъ-Оръ человѣкъ очень ужичливый, другъ самый необременительный, онъ былъ бы прекраснѣйшимъ тестемъ; его такъ полюбишь.

М-нь де-Сентъ—Оръ женщина высокая, сухая и дурная собой. Это рельефъ ея дочери, которая, хотя собой прекрасна, но ничѣмъ не сходствѣ съ матерью. Она составляетъ совершенную противоположность мужа. Это натура, раздраженная паденіемъ королевскаго достоинства, потеряю своей красоты. Она негодуетъ на отечество, позволявшее королю и принцамъ удалять-ся; негодуетъ на провинцію, непонимающую ея; негодуетъ на мужа, неушьющаго ее цѣнить; негодуетъ на природу, которая могла бы не дѣлать ее такою длинною, сухою, желтою; и, не смотря на то, что любить свою дочь, она негодуетъ на нее за-тѣмъ она не мужчина. Она желала бы имѣть сына, изъ котораго одѣлала бы человѣка гордаго, дерзкаго. Рожденіе Эммы было для нея большимъ разочарованіемъ, вотъ почему она не оказывала ей ни ласкъ, ни сочувствія. Она во всемъ предоставляетъ ее на волю отца. М-нь де Сентъ-Оръ — снѣгій чулокъ, ничего не печатавшій; она никогда не написала ни одной строчки; но манера, съ какою она читаетъ кни-

ги, пробѣгая дѣль пальцемъ и глазами, довольно ясно показывають, что она желала бы, и могла бы лавинство получить. Если она приговорила себя къ молчанію, то только изъ презрѣнія къ вѣку, въ которомъ живетъ. Глядя на нее, скажешь, что она вѣчно носить на своей мантильи щитъ, а на головѣ діадему, до такой степени она держитъ себя прямо, до такой степени дѣянія ея угловаты и разсчитаны. Она съ торжественною миною воссѣдаетъ въ своей маленькой гостиной; ея ледяное волнѣе приводитъ въ робость Провенцевъ. Она получаетъ газеты, многіе журналы, которые читаетъ, не сохраняя изъ нихъ въ памяти ни чего. Въ замѣнъ того, она много говоритъ о Вольтерѣ, котораго вѣроятно и не читала, но котораго называетъ мсье де-Вольтеръ. Она хочетъ показать себя аристократкою, говоря о видѣтели Фернѣ. Она забываетъ, что онъ былъ бездомнымъ; и припоминаетъ объ немъ только для того, чтобы имѣть случай упомянуть, что она слышала объ немъ отъ своей прабабушки, маршалши де-Б^{***}, которая знала его очень коротко. М-мъ де-Сентъ-Оръ не ала; она только скучна. Тѣ, кого она принимаетъ не стоить эпиграммы ея надменныхъ устъ. Ее можно бы называть мадамъ де-Л'Этикетъ, какъ называли при Людовикѣ XV М-мъ де-Ноаль.

Она обходится со мною довольнонисходительно, потому что я принадлежу хорошей фамиліи; она приняла бы меня въ зятя, чувствуя что не найти ей зятя, по своему выбору; впрочемъ она не стала бы меня ни любить, ни ненавидѣть. Это женщина, которая отреклась отъ прелестей и простодушія изъ тѣхъ поръ, какъ зеркало сказало ей правду. Будучи не въ состояніи внушить любовь, она заставляетъ себя уважать; и такъ какъ держишь себя отъ нея въ почтительномъ разстояніи, то она принимаетъ осторожность за уваженіе. Чуждая дружбы, и ласки, безъ всякой цѣли въ жизни, она похожа на геральдическій щитъ, который говоритъ Гамлету: «Вспомни!» Къ несчастію ей не является Гамлетъ, и бѣдная барыня, ограничивается своими энергическими взглядами.

Покровительница всѣхъ подвиговъ благотворительности, она отдала бы все свое состояніе бѣднымъ, но безъ улыбки, безъ ласковаго слова, по одному лишь чувству долга; потому, что святой Людовикъ омывалъ ноги нищимъ. Была ли она космо-

небудь молода? любила ли М. де-Сентъ-Ора или кого другаго? никто не можетъ сказать, даже, можетъ быть, и она сама!

Жизнь матеріальная и быденная для нея не существуетъ. Она царствуетъ въ своемъ хозяйствѣ, но не завѣдываетъ имъ. М-ль де-Сентъ-Оръ только заказываетъ обѣдъ. Однакожъ, нѣтъ сожалѣнія къ дочери, она толкаетъ ее на тотъ путь, отъ котораго сама бѣжала; проповѣдуетъ ей домашнія добродѣтели, отъ которыхъ она освобождаетъ себя, какъ будто желая сказать: «Ты выродокъ, ты недостойна моего вѣдестала. Принадлежи къ своему неколѣблю, работай, вышивай, страдай, воркай какъ матушка; но не покушайся парить на моей высоте!» Услыши ее Боже!

...Жоцешъ портретъ Эдме? безъсомнѣнія, ты такъ ея поджидаешь. Я буду, мой другъ, окровоенъ. Сегодня, 10 августа, я спрашиваю себя, люблю ли, полюблю ли эту дѣвицу; и не смотря, что присутствіе ея приводитъ меня въ волненіе, я могу еще отвѣчать; не знаю! Безспорно, Эдме прекрасна. Я думаю что ни одна дѣва не возсылала къ небу мечтаній болѣе непорочныхъ, молитвъ, болѣе чистыхъ. Никакое дыханіе не помрачило этой невинности. Она могла бы быть идеаломъ поэта; но пока не почувствую трепетанія скрытой души, до тѣхъ поръ я не полюблю ее. Да, я такъ создаю, я люблюсь ею; я съ наслажденіемъ слѣжу за прелестію ея дыханій; но если я увижу, что она ничѣмъ не отличается отъ другихъ женщинъ, завтра же оставлю ее безъ ропота. Какъ выпытать ее? какъ проникнуть въ это святилище и искать въ немъ правды, въ которой нуждаюсь, не нарушивъ законовъ гостепріимства, не поступивъ противъ совѣсти? Не вѣдаю мой другъ. Но съ терпѣніемъ я ограничиваюсь желаніемъ, чтобы Богъ назначилъ мнѣ найти ее столько же достойною моею любви, сколько достойна она моего уваженія.

Эдме высока и тонка. Я не сравню ее ни съ пальмой, ни съ тростникомъ. Недамъ ей ни шеи лебединой, ни глазъ индианкой, ни цвѣту лица бѣлоснѣжнаго. Всѣ эти ненавистныя метафоры помрачили бы образъ простой и чистый, который бы хотѣлъ передать тебѣ. У нея свѣтлорусые волосы, задирающіе плеча длинными локонами. Выраженіе лица ея широкое, а челку лѣтъ нѣчто жемлетъ къ ней ближе, какъ молитва. Я ли-

дѣлъ ея въ воскресеніе въ церкви; лучъ солнца, преледи сквозъ расклеванныя стекла, игралъ на ея челѣ, и казалось вѣчать его сіяніемъ. Она глубоко погружена была въ молитву, и я дѣлше полчаса ждалъ съ безпокойствомъ минуты, когда глаза и уста ея засіяютъ святымъ восторгомъ. Но ничто не мѣшало ея изъ мраморной неподвижности. Потому ли, что ширъ невидимый для нея закрытъ, или напротивъ потому, что она умѣетъ такъ возвышаться надъ человѣческими созерцаніями, что мгновенно, безъ усилія, достигаетъ высоты вѣчнаго свѣта, только она оставалась покойною и безмолвною; уста ея не дрожали, ни одна слеза не отуманила глазъ ея. Возвращаясь изъ церкви я заговорилъ съ нею, она отвѣчала мнѣ, по обыкновенію, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, но въ голосѣ ея несильно было ия малѣйшаго душевнаго волненія.

Мнѣ надо поторопиться, разгадать ея. Сомнѣваться въ ея умѣ было бы грѣшно, не правда ли?

Ахъ! еслибы ты видѣлъ ея, ты отдалъ бы мнѣ наконецъ справедливость, мой неисправимый матеріалистъ. Ты сознался бы, что надо имѣть непоколебимую вѣру въ ничтожность чувствъ, чтобы противиться этому очарованію глазъ. Эдме—видѣніе; мать не представляется мнѣ прекраснѣе, непорочнѣе; а между тѣмъ, я клянусь тебѣ, что не могу и не хочу еще любить ея, не знаю будули ея любить когда-нибудь.

Не думай, любезный Арманъ, чтобы я строилъ изъ себя фанфарона. Я не отвергаю ея красоты. Я съ радостью прикоснулся бы устами къ этой бѣленькой, прозрачной ручкѣ; но съ условіемъ, чтобы я почувствовалъ въ ней тотъ же трепеть, какой я ощущаю въ своемъ сердцѣ; и я не буду побѣжденъ глазами, пока не сдаться душа моя.

Я думалъ было однакожъ, надо признаться, эту задачу легче разрѣшить. Я воображалъ въ своемъ высекомѣрія, что для этого довольно нѣсколькихъ словъ, нѣсколькихъ разговоровъ. Но нѣтъ ничего непроницаемѣе чела, на которое невнятность налагаетъ мраморъ. Поэтому я не стану говорить тебѣ ни о характерѣ, ни объ умѣ Эдме; въ тотъ день, когда все увидано; я уйдю отъ нея или полюблю.

Ты имѣешь теперь понятіе о домѣ и его кошечкѣ. Одинокѣ

я. Буду несправедливъ, если не упомяну объ одномъ странномъ и кроткомъ существѣ, которое зашмыгается въ своей грусти, но скромно управляетъ рядомъ мелкихъ событій, изъ которыхъ слагается существованіе семейства де Сентъ-Орѣ.

Сосѣдка, короткая знакомая, вдовушка, мадамъ Дюшмонъ, приходитъ каждый вечеръ, чтобы составить мосье де Сентъ-Орѣ партію въ триктракъ, и отвѣчать на замѣтки кошіи, взглянуть на работы Эдме, сказать каждому доброе и ласковое слово. Эта волшебница служитъ связью семейства. Безъ ея никто не можетъ съ потерпѣніемъ; безъ нея ничто не полно. После обѣда, когда переходить въ гостиную или въ садъ, мосье де Сентъ-Орѣ дѣлаетъ свой маленькій моціонъ, считая шаги. По прощаніи опредѣленнаго на это гимнастическое упражненіе времени, добрый хозяинъ вынимаетъ часы, или смотритъ на стѣнные, и говоритъ: «Нейдетъ!» Мосье де Сентъ-Орѣ дѣлаетъ жестъ: «можетъ быть она не здорова!» Что научается до Эдме; то она не перестаетъ ждать ее, приготавливаетъ въ гостиной для нея кресло, въ саду стулъ. Какъ только раздастся звонокъ, такъ готѣющее надъ домоуъ безмолвіе нарушается, какъ по волшебству. «Вотъ она!» вскрикиваетъ трио и Эдме бѣжитъ отворить ей дверь, обнять ее, снять съ нея шляпку, мантію, мосье де Сентъ-Орѣ въжливо цѣлуетъ ей руку; мадамъ де Сентъ-Орѣ обращается съ нею почти какъ съ равною.

Мадамъ Дюшмонъ, которую называютъ здѣсь по имени; мадамъ Сюванъ, вдова артиста. Этого довольно, чтобы понять, что она не богата и не была счастлива. Провинціальная жизнь заглушала ея страданія, или, быть можетъ, она не имѣла дѣйствительное утѣшеніе въ дѣлахъ благочестія, только въ ней замѣтна кротость, та улыбающаяся и грустная ровность души, которая уже ничего больше не ожидаютъ отъ земли, и безмолвно покоряется судьбѣ. Она маленькаго росту; всегда одѣта въ темные цвѣта; блѣдна; ея черныя волосы широкими бандами прилегаютъ къ щекамъ; большіе глаза, медленно движущіеся въ орбитахъ, придаютъ ея лицу совершенно особенный характеръ. Она слабаго здоровья, и часто вдругъ случаются съ нею лихорадочные припадки, которые проходятъ только ночью. Звукъ ея голоса ровный и пріятный; ея разговоръ не выходитъ изъ круга предметовъ обыкновенныхъ, отличается односторон-

тактомъ и какою-то проницательностью, къ которой каждый прибегаетъ здѣсь за совѣтомъ. Это повѣренный всего семейства.

Мосье де Сентъ-Орѣ шута называетъ ее: Сестра Сусанна; мадамъ де-Сентъ-Орѣ говоритъ ей *любезная* и *добрыйшая*. Эдме никогда не повторять громко тѣхъ именъ, которыми дается ей въ тихомолку, но кажется любить ее какъ мать ума. Однакожь это не заставляетъ меня предполагать въ ней большихъ умственныхъ способностей. Доброта, самое яркое ее свойство. Я хотѣлъ заставить ее развивать мой мысли или протворить; но съ первыхъ же словъ, она начинаетъ слушать и перестаетъ отвѣчать. Когда я заговорю о поэзии, искусствахъ или чувствахъ, она улыбается и какъ будто хочетъ сказать: мыѣ незнакомы эти области.

Она-то, вѣроятно, научила Эдме готовить сухое широквое, которое мы уничтожаемъ каждый вечеръ. Успѣхъ ея въ этомъ мирномъ дѣлѣ зависитъ именно отъ этой наивной протости ума, который не старается ослѣпить и дѣлаетъ что можетъ. Это умъ недалекій, достаточный, чтобъ нравиться, недостаточный, чтобъ возбуждать соревнованіе, умъ который позволяетъ обгонять себя всякому и не имѣетъ претензій удавиться. Сначала я думалъ, по временамъ, что она наблюдаетъ за мной, и, встрѣтивъ взоръ ея устремленный на меня, я раздражалъ; но это просто бредъ. Ея большіе, прекрасные глаза обманчивы. Они изъ дѣйствительности не такъ вытмываы, какъ кажутся; и если идутъ встрѣчи съ мной, то для удовольствія только провинціальнаго любовиства; вотъ и все. Сколько ей дѣтъ? Не знаю наивѣрно. Мосье де-Сентъ-Орѣ покачиваетъ головой и кажется дать ей нѣсколько болѣе. Въ всякомъ случаѣ она на сумерки лѣтъ, между убѣгающимъ солнцемъ и наступающей ночью... Это гармонія осени, тѣлая, блѣдная, безъ сильныхъ мѣній; это златоцвѣтъ съ слабымъ благоуханіемъ, смиренно распускающійся между нудемъ и снѣгомъ.

Теперь ты знакомъ, мой другъ, совѣми домашними Сентъ-Орѣ, такъ хорошо, какъ я. Вотъ посреди кого я живу. Но когда-нибудь, этотъ домъ, не имѣетъ ничего романческаго. Тутъ нѣтъ прелюба къ лиризму; а между тѣмъ какое-то таинное дѣяніе, еще невѣдомое для меня, заставляетъ находить

здѣсь отношеніе отъ остроумія, поэзіи, роскоши и оргій ума. Не думай, однакожь, чтобъ я хотѣлъ продолжать на опредѣленное время мои упражненія въ триктракъ. Какъ скоро прочту, что происходитъ въ душѣ Эдме и не найду въ ней тайны, правды, идеала, я разпрошусь съ Провидѣмъ, и повою въ другое мѣсто, даже очень можетъ быть къ тебѣ, свѣтлую скорбь души, которой земля не держитъ слова.

Такимъ образомъ ты извинишь меня, современемъ, любезный Арманъ, за то, что я медлю прійти къ тебѣ; но если ты меня любишь постарайся не надѣяться на мой прійти.

П И С Ь М О XIII.

Сусанна Дюшонъ къ Ринару, священнику Мервальской деревни.

Провансъ. Августъ.

Братъ, ты жалуешься на мое молчаніе, а между тѣмъ, чего ждешь отъ меня? Я все еще живу, т. е. все еще страдаю. Ты не властолюбъ, неправда ли, послать мнѣ ни смерть, ни другую жизнь? А я чувствую, что вѣчная признанія о моихъ мукахъ тревожатъ твою дружбу, безнокоятъ твои совѣты, безъ помазы для насъ. Ахъ! зачѣмъ я не до такой степени сестра твоа, чтобы не имать, подобно тебѣ, ничтожества земнаго. Зачѣмъ я не могу помутить упрямаго пламени, которое хлопочетъ во мнѣ, которое оживляетъ меня? Братъ, братъ, къ чему послужить писать къ тебѣ? я вѣчно умираю и не могу умереть.

Прости меня, я рожу я оскорблю твое самоотверженіе, оскорблю твою чистосердечную вѣру. Но это потому, что я истощаю стараясь сохранить молчаніе, которое обявлять меня и являть какъ власница; это потому, что мнѣ нужно, повременамъ скрывать маску, подъ которой я глотаю свои слезы, и кричать! Какъ, неужели я должна молчать, послѣ того, когда утратила все свое существованіе, когда видѣла упаданіе своихъ самыхъ чистыхъ грѣзъ, когда въ продолженіе двадцати лѣтъ я терзалась муками смерти; разламываются, какъ, должна я молчать, когда чувства переполняютъ сердце, и гнутъ меня, какъ лаву, когда я почернѣла въ моихъ разор-

чарованіемъ одно только самое горячее, самое неутолимое желаніе любви и страсти! Неужели я не буду имѣть права освободиться на день, на часъ, отъ этого савана, который душитъ меня, и овѣжить немного воздухомъ и свѣтомъ эти раскрытыя раны!

Нѣтъ, нѣтъ, братъ, если ты не хочешь, чтобы я находила облегченія въ вопляхъ не пиши мнѣ, не спрашивай, что со мной. Будемъ не существовать другъ для друга. Я стану продолжать, въ моемъ одиночествѣ, эту несчастную жизнь, на которую обрекла себя...

Помнишь ли, мой бѣдный Поль, наши юные годы? Когда ты вступалъ въ семинарію, такимъ же простымъ, добрымъ, искреннимъ, какимъ долженъ былъ выйти, а я, отправляясь въ эту несчастную поѣздку въ Парижъ, гдѣ должна была встрѣтить у моей тѣтки мосье Дюшмэна. Ты былъ милъ какъ херувимъ, тебя принимали за дѣвочку. А меня называли иногда мальчикомъ. Ты боялся свѣта, ты спѣшилъ запереться въ пещи. Ты помнишь ли великолѣпныя паученія, которыя ты говорилъ намъ, взобравшись на кресло! Я любила шутовствовать. Я читала, всего по немного, особенно стихи. И на меня находила восторженность только не передъ существенными символами, какъ на тебя, а передъ видѣніями необязанными. Я чувствовала въ сердцѣ трепетаніе, которое заставляло меня ожидать въ томленіи, какого-то таинственнаго поднятія завѣсы. Мнѣ все казалось, что жизнь, которую я жила была не жизнь, а приготовленіе къ жизни. Я говорила сама себѣ потерни! потерни! придетъ день, ты испытаешь болѣе сильныя радости, болѣе живыя душевныя потрясенія. Иногда, въ своиѣ идеальныхъ порывахъ души, я представляла себѣ, что уже жила, и мои стремленія были точны, какъ воспоминанія.

Когда ты отправлялся въ путь съ своею котомкою, съ своими книгами, въ своей черной одеждѣ, я съ любовью обнимала тебя и предпочитала бурныя безпокойства новой невинности, яркости твоей. Когда получила я отъ тетушки письмо, въ которомъ она звала меня къ себѣ, я вспрыгнула отъ радости; съ продолженіемъ трехъ ночей, предшествовавшихъ моему отъѣзду, я вышивала видѣнія; напечатывала гимны; и ожидала:

мысленно, передъ ковчегомъ моего сердца; нѣла изалебную пѣсь чистой любви, новѣи моей юности.

Ты часто спрашиваешь меня отчего я страдаю; не воспоминаніе ли о ночи Дюшионѣ тревожить меня, не чувствую ли угрызения совѣсти. Я уже говорила тебѣ, братъ, и еще повторю: человекъ, такъ жестоко, обманувшій меня, несчастный; въ которомъ я думала найти гевія, и который, въ продолженіи двадцатилѣтняго брачнаго союза, никогда мною ненарушеннаго, не пощадилъ ни одного мѣста въ моемъ сердцѣ; человекъ, котораго я воображала вдохновеннымъ, и который былъ только ступаненъ ошьяненіемъ, тотъ, кого въ шестнадцать лѣтъ я избрала изъ среди всѣхъ, и который существованіе мое обрекъ на горе, на скралтыя слезы, на работво; человекъ; этотъ не можетъ быть для меня воспоминаніемъ. Я плачу столько же о немъ, сколько о самой себѣ. Что касается до угрызений совѣсти, отчего бы мнѣ испытывать ихъ? Послѣ двадцати лѣтъ этой та трудной жизни, когда я стала свободною, развѣ просила я у другихъ любви и радости, о которыхъ мечтала? Я была еще довольно хороша собой; и не могла казаться безумною, питая новыя надежды! Но нѣтъ, я сохранила про себя тайну. Я не хотѣла возобновлять попытокъ, я унесла въ уединеніи эту ласу идеальной любви. Я страдала, я плакала въ тихомолку; я никому, кромѣ тебя, не повѣрала своихъ страданій. Я хотѣла укротить, шобѣдать себя. Я погребла себя въ жизнь, самую льдяную, самую пешлую. Удаюсь на свою родину, я заставила другихъ вѣрять въ простоту моего ума, въ безмятежность моего сердца. Спроси, что думаютъ здѣсь о бѣдной Сусаннѣ и тебѣ скажутъ:—она прекрасная женщина, кроткая, скромная, обязательная, никогда ни на что не ронщеть, учить молодыхъ дѣвушекъ всѣмъ тайнамъ вышиванья и вязанья!

Я импла доброе семейство, которое радушно приняло меня, и я посвящалась счастью каждаго изъ его членовъ. Всякій вечеръ, я выхожу изъ своего домика и отправляюсь въ веркній городъ играть свою роль.

Я растрогала бы тебя, своимъ кроткимъ видомъ, глубокими соображеніями, которыя я выказываю за триктракомъ. Но часто силы вдругъ оставляютъ меня; замираніе сердца меня душить; я съ крикомъ роняю кости

Тогда воображаютъ, что я больна, что у меня разстройство груди; за мной ухаживаютъ съ безпредѣльною заботливостію.

Когда я одна одиноховька, со мной дѣлаются ужасныя ощущенія. Я влечусь по комнатамъ въ рыданіяхъ; я зову сама себя кого. Хотя я женщина и вдова, но я чувствую что сердце мое столь же дѣвственно, какъ было въ тѣ дни, когда я курила сигары передъ нашими недвижимыми алтарями, у которыхъ, въ великіе праздники, останавливался первона процессія. Не предполагай же скрытыми пожеланій и желаній меня отъ упрека.

Удовлетворенъ ли ты, братъ, в достаточно ли тебѣ подробностей, о моемъ здоревьи? Я могу также сказать тебѣ, что живу все въ томъ же домикѣ, на Парижской дорогѣ. Фруктовые деревья идутъ плохо; я не могу приготовить тебѣ вареники; но за то, вижу тебѣ черные чулки. Я забыла сказать о пріѣздѣ въ июль де-Сентъ-Ора молодого человѣка, прекрасной наружности, М. Валентина де-Рьенваль, о которомъ, вѣроятно, ты и прежде слышалъ здѣсь, и который, какъ я по крайнѣйшрѣ предполагаю, пріѣхалъ искать руки прелестной Эли. Такъ какъ все говорить въ пользу этого брака, то можно съ увѣренностію биться объ закладъ, что бракъ этотъ состоится. Мы будемъ на свадьбѣ, и тѣмъ дѣло закончится.

Эта перспектива двухъ прелестныхъ молодыхъ людей, которыхъ предназначено соединиться бракомъ безъ мысли, безъ душевныхъ порывовъ, и быть, безъ сомнѣнія, счастливыми, должна, кажется служить мнѣ урокомъ. Но видишь какова я! Въмѣсто того, чтобы завидовать имъ безсознательному счастью, я жалю имъ за то, что они не страдаютъ, какъ я. Иногда, я готова сказать имъ: — берегитесь, дѣти, вы упускаете случай поплакать самыми горячими словами сердца! — Хотя дѣло свое исподвинулось, и хотя сузу я больше по догадкамъ, чѣмъ по рассказамъ, свадьба, кажется, подготавлиется потихоньку. Женить, немного простоватый, находится еще при началѣ спеціальнаго обожанія; дѣвушка притворяется будто думаетъ о чемъ-то другомъ. Это маленькая невнимая и слабая комедія, которая кончится совершенно благополучно. Я, за нуждою, не пользы шѣтъ.

Теперь, ты любезный братъ, прекрасно знаешь все, что

адфем одлазеса: М. де, Сентъ-Оръ и князствя тебѣ. Вездѣ сомнѣніи тебѣ пригласятъ на свадьбу. Наде, къ этому времени, знавать тебѣ новую расу. Это стѣбитъ, чтобъ подумать. Отвѣщай мнѣ на это.

П И С Ь М О XIV.

Ришара, Мѣрвильскаго священника

къ Сусаннѣ Дошменъ.

Сестра, сегодня утромъ я отслужилъ за тебя обѣдню. Я поручилъ тебя заступничеству Пресвятой Дѣвы. Я испилъ вина свои въ чашѣ, изъ которой шлѣ кровь Бога моего. Это вес, что я могъ сдѣлать.

Надугъ твой называется гордостью. Я слишкомъ уважаю тебѣ, чтобы приписывать эти неслыханныя муки грубымъ испушеніямъ; но ты ищешь виѣ чловѣчества, я не знаю какого-то таинственнаго участія, котораго условій не можешь опредѣлить. Смирись, Сусанна, умѣрь горьмы своего воображенія. Въ нихъ-то заключаются вымышленные недуги. Чтеніе дурныхъ книгъ, сумабродные стихи, нелѣпыя мечтанія, породили въ тебѣ эти мекушенія. Читай только книги серьезныя, достойныя твоего ума. Оставь стихи безумной юности, и думай о жизни дѣйствительной, о твоихъ лѣтахъ, которыя должны бы предохранить тебя отъ этихъ грѣзъ.

У тебя есть буйная мысль; не слушайся ее; заглуши ее. Св. Августинъ сказалъ: *«Незавидящей душу свою на землю, сократила ее съ сказаніемъ ольчюй»*. Незавидь же себя воина снлажи своимъ, и ты отдѣлишься отъ себя.

Вотъ, сестра, въ нѣсколькихъ словахъ, отвѣтъ на твое иномно. Какъ бы не пересказывала я этотъ текстъ, я не могу бы прибавить ничего больше къ его сущности. Твое признаніе свѣтилажла меня. Я вижу что дѣйствительно бездна раздѣляетъ насъ въ этомъ мѣрѣ. Зачѣмъ ты оставляешь меня одного у этого алтаря, который ты столько любила въ дѣтствѣ? Собирай въ соудѣ вѣры избытокъ чувствъ, которыя переполняютъ душу твою, и ты обрѣтешь въ этомъ братѣ съ Жемлемъ небоснышъ, тѣ радости, тѣ залого участія, которыя напрасно ищешь на землѣ. Нѣтъ болѣе думя, которыя

бы была неистѣльна. Врачъ тѣла терпѣть никогда немогу, священнослужитель — никогда. Поэтому я не чувствую никакого страха. Въ тотъ день, когда ты захочешь изцѣлиться, сестра, въ тотъ день ты будешь спасена. Но ты слишкомъ дорожишь своею скорбью, чтобы отказаться отъ нея.

Уединеніе для тебя пагубно. Убѣгай его, сколько возможно. Ты никогда не будешь имѣть худшаго общества, какъ самую себя.

То, что ты сообщаешь мнѣ о возможномъ бракѣ мадамъэль Эдмэ, много порадовало меня, и ты дурно дѣлаешь, не заисывая цѣну, кокорымъ увѣнчается этотъ бракъ. Если мнѣ будетъ можно, я приму приглашеніе на свадьбу и поѣду въ Провенсъ. Но у меня есть свои хлопоты. Наконецъ-то муниципальный совѣтъ согласился прибавить къ моему священническому номіненію еще комвату. Такимъ образомъ, сестра, у меня будетъ свое свѣдѣнко, если ты задумаешь прійять. Работники принялись уже за дѣло, и я смотрю за ними.

Не знаю, смѣешься ли ты заботясь о вещахъ, которыя для меня явились; если такъ, Богъ да проститъ тебѣ эту неосторожность! На всякій случай, чтобы наказать тебя, отправлю къ тебѣ съ будущимъ посланнымъ, для образца шару чулокъ.

Работай больше руками, тогда меньше станешь работаться головой. Прилагаю при семь экземпляръ Подражанія Христу. Отмѣченныя страницы софрую прочесть прежде всего. Пора мысли надъ ними.

До свиданія, сестра. Можетъ легко случиться, что я не поѣду тебя; но во всякомъ случаѣ продолжай писать ко мнѣ, а я буду продолжать склонять тебя къ омирненію, къ исполненію всѣхъ христіанскихъ обязанностей; и если твои сильныя стремленія къ какому-то невидимому свѣтлу, оставали въ тебѣ еще частичку любви ко мнѣ, твоему брату, ты послушаешься воли предансавій, безъ всякаго разсужденія, какъ любя въ нашей матери, которая на смертномъ одрѣ, благословляла насъ, говоря: «Любите другъ друга, помогайте одинъ другому!» Суавина, ты была тогда старшая изъ насъ двоихъ, и савантально — повелительница. Слова эти преимущественно отнесались къ тебѣ. Но бывшая мать могла ли предвидѣть, что ты станешь младшею изъ насъ двоихъ.

До свиданья, мечтательная голова и несчастное сердце, я ждешь о тебѣ и буду особенно молиться за тебѣ каждую обѣду.

И Н С Ъ И О XV.

Сусанны къ брату.

Провансъ, августъ.

Благодарю тебя, братъ; я отырала тебѣ кровавую рану моего сердца, въ вопляхъ своихъ высказала всѣ страданія души, и ты послѣдилъ прислать мнѣ успокоительное средство.

Я знаю, что действительно могу исцѣлиться отъ недуговъ однимъ лишь исполненіемъ религиозныхъ обрядовъ.

Ты хочешь приманить меня отъ строгой монастырской дисциплины, благодарю тебя. Я прочла съ жадностью Подражаніе Христу и не только указанныя тобой страницы, но все.

Ты говоришь, что я должна возненавидѣть душу. Ахъ! Братецъ! Не знаю, надо ли понимать эти слова буквально или можетъ быть должна имъ придать какое-нибудь другое толкованіе! Что же мнѣ останется, если я презбрегу ею? Она-то меня поддерживаетъ. Если я страдаю черезъ нее, то черезъ нее же получаю утѣшеніе; и когда предстану передъ Богомъ, я увѣрена, что Онъ отечески приметъ эту пострадавшую душу.

Нѣтъ, братъ, мои душевныя стремленія неизмѣно направлены къ какому-нибудь невидимаго свѣтила; и если бы ты зналъ, что происходило сегодня утромъ въ этомъ бѣдномъ сердцѣ, для тебя непонятномъ, ты отдалъ бы болѣе справедливости моей скорби. Мы пошли гулять къ Веселому-Ручью. Моее и маинъ де Сентъ-Оръ остались дома и поручили моему надзору маиную чету. Они спокойно, престоудшно, шли впередъ меня, разговаривая о природѣ, о развалинахъ, Эдме обмалчивала какую-то ребячью, а моее Валеттень закутано было лишь, и оба ободрали себя громкимъ смѣломъ. Ничто не могло быть непорочнѣе, прекраснѣе этой картины молодости и невинности. Но Эдме была большая солоненная цыплица, которая отбѣгала часть лица ея. Ея блондуры локоны развѣивались при мальчишечьихъ ветеркѣхъ. Но временами она оборачивалась, улыбалась и всматривала мнѣ подалумъ. Я шла назадъ; я съ

грустью глядела на цветочки, растущіе около городовъ, на ручейки, пересѣкающіе на каждомъ шагѣ дорогу; я съ безнадёжностью вдыхала въ себя этотъ ароматъ жизни, который вѣялъ на насъ отовсюду. Эдме замѣтила мою грусть, подбѣжала ко мнѣ и, обнявъ меня, спросила: Что съ вами, милая мамаша? Эта ласка, это сладостное имя матери, мысль, что я вижу передъ собою распусканіе любви въ двухъ дѣвственныхъ душахъ, всё это потрясло меня. Я чуть не упала въ обморокъ; слезы брызнули изъ глазъ моихъ.

— Я страдаю! отвѣчала я.

— Все это несносное сердце, возразила Эдме, прикоснувшись рукойъ сильнѣйшимъ биченіемъ сердца, которое часто омукалось сонной, и приложила руку къ моей груди.

— Да, дочь моя; сердце! и я ждала въ объятіяхъ своихъ этого ангела.

Никогда слово: дочь моя не было для меня такъ сладостно; ничѣмъ, казалось, что оно оставило у меня на устахъ какое-то благоуханіе. Я повторала это имя нѣсколько разъ, чтобъ насладиться имъ, и удержавъ возлѣ себя, съ какою-то ревностью и згономомъ Валеттина и Эдме, я взяла ихъ обонкъ подлѣ руки, и такимъ образомъ мы стали продолжать нашу прогулку. Между тѣмъ, какъ они въ молчаніи шли возлѣ меня, узнавая страданія и поддерживая меня съ самоотверженностью, я слышала голосъ, который шепталъ мнѣ на ухо: «Ты мать; небо посылаетъ тебѣ разомъ двухъ дѣтей!»

Да, любезный братъ, если бы у меня было дитя, которое могла бы я горячо любить; если бы въ то время когда была я молодою женщиной мнѣ суждено было лежать на груди, держать поцалуями милая улыбающееся и розовенькое существо; если бы въ годы старости и вдовства, у меня была вероломая и бодрый сынъ, дочь благородная и прекрасная; если бы мнѣ было о комъ страдать, плакать, молиться, думать; если бы тоска моя имѣла цѣлью счастье сына или дочери; ахъ! тогда бы жизнь моя была бы полна!

Быть матерью, значить вкусить всѣ роды любви въ единственной любви; это значить любить съ иллюзіей, когда ребенка любишь; это значить одѣваться вторично невѣстой, женою; матерью; когда сынъ или дочь испытываютъ эти сердечныя радости;

цѣнное величїе мученїй я была бы готова купитьъ это счастье, хотъ-бы мнѣ пришлось проводить ужасныя ночи у ноголовья моего больнаго ребенка, видѣть какъ пооснѣлое тѣлице его трепещеть отъ лихорадки въ моихъ объятїяхъ! Я бы кричала, я бы плакала, я бы молилась; но все таки я бы жила! О! слезы безъ цѣли; вотъ что убиваетъ!

Ахъ! Зачѣмъ у меня нѣтъ дочери, какъ Эдме, сына какъ Валентинъ! За чѣмъ это слово, вторгнутае жалостью у этихъ невнятныхъ сердець, есть одна только ложь, одна насмѣшка? Хорошо! Я принимаю это имя матери. Быть можетъ Богъ посылаетъ въ этомъ мнѣ назначенїе. Валентинъ не зналъ своей матери. Эдме чувствуетъ себя какъ-то неловко и стѣняется въ присутствїи моей. Я буду матерью имъ обоимъ; буду любить ихъ, давать имъ совѣты, заставляю ихъ полюбить другъ друга; если они еще не любятъ; я буду ихъ доброю семь. Я радѣю съ ними ихъ радости, ихъ слезы, если имъ придется когда-нибудь плакать. Съ этихъ поръ это будетъ моею заботою; я посвящу себя ей; я не прошу у этихъ бѣдныхъ дѣтей ничего, даже признательности; я хочу быть имъ матерью до такой степени, что прошу имъ неблагодарность, если они будутъ неблагодарными!

Чтожъ, братъ, ужели ты опять скажешь, что у меня хвѣрическіе порывы? Нѣтъ, любезный Поль, ты освѣдишь неопытность моихъ мукъ. Такъ какъ я одна въ мірѣ знаю мои страданїя, то и одна попытаюсь издѣлать себя; но если Богъ захочетъ моего назначенїя, я призову тебя въ мою послѣдней часъ. Ты увидишь, братъ, приготовить меня въ таинственный путь. Пока, я буду писать къ тебѣ; но прошу тебя, именемъ матери, о которой ты вызвалъ воспоминаїе, не говорить больше о моихъ тайнахъ. Продолжай молиться о моемъ спокойствїи; я чувствую новую надежду, которая цвѣтетъ и пробуждаетъ весну въ моемъ сердцѣ.

До свиданїя, братъ; молясь обо мнѣ молись также о моихъ двухъ дѣтяхъ.

П И С Ь М О XVI.

Эдме де Севъль-Оркъ къ Анри де Курма.

Парижъ, Сентимбрь.

Я буквально исполнила твои предписанїя, и право, кажется,
Т. СХХV. — Отд. II.

всегда не дурно. Во первыхъ я посвящаю моль-чава больше на своей тодлетъ. Когда я не въ духѣ, я оставляю иглоны, наду садъ и мою. Не выказывала особеннаго вниманія къ нашему гостю, я оказалась надъ нимъ и даю ему возможность сблизиться со мной. А все, мнѣ стѣтъ большаго труда заставить его освоиться у насъ; видъ его постоянно важный и серьезный приводитъ меня въ робость; онъ смотритъ на меня такъ, будто хотѣтъ проникнуть мои тайны; я бы славно поймала его, если бы сказала ему, что у меня ихъ нѣтъ.

Пробываніе здѣсь мосье Валентина можетъ легко сарыватъ какую-нибудь ловушку, и ты навела меня на путь. Я спрашивала мамашъ Сювенъ; она не хотѣла мнѣ отвѣчать; по томоу крѣпко подолжала меня. Папашька улыбается какъ-то дипломатически, а мамашька, столь строгая ко мнѣ, кажется, становится мягче, когда бываетъ тутъ мосье де Рьёнваль. Неужели въ самомъ дѣлѣ, его мѣтять мнѣ въ мушка? Какъ этотъ Парижанецъ, этотъ французъ, этотъ спѣсивецъ, станетъ думать обо мнѣ? кричалъ сюда для меня; но въ такомъ случаѣ, за чѣмъ мнѣ этого не говорить? За чѣмъ онъ молчитъ? За мной подсматриваютъ, слѣдятъ. Мнѣ ужасно хочется отказать ему, этому мосье Валентину, когда мнѣ предложить его, а между тѣмъ я припоминаю какой онъ былъ нѣкогда добрый товарищъ. Я емлю даже очень хорошо, какъ во время нашихъ дѣтскихъ забавъ, онъ разыгрывалъ роль препослушнаго муженька. Онъ былъ это время; иначе навѣрно заговорилъ бы о немъ.

Однако мало отдать ему справедливость, онъ начинаетъ освоиваться. Съ нѣкотораго времени, когда мы гуляемъ, онъ удостоиваетъ меня своею откровенностью, и не упускаетъ случая, чтобы дать мнѣ замѣтить, что погода прекрасна, что деревья зелены, что розы душисты; какъ будто этого не знала я и безъ него! Ужъ не хочеть ли онъ учить меня ботаники, и открыться въ любви только тогда, когда я буду умѣть собирать травы? Взира мы отправились на папашькину ферму, за два льё отъ Провена. Въ продолженіе дороги разговоръ какъ-то не клеился, но вдругъ мнѣ пришла странная мысль. Я начала напѣвать, и такъ какъ мосье Валентинъ немножко поразвеселился, я такъ обрадовалась своему торжеству, что стала весела и была въ какомъ-то восторгѣ. Я заставила его любоваться мѣстностью, доказывала

ему, что я не какая нибудь глупая печальная девочка, спешившая только рыться въ травѣ. Мосье Валентинъ глубоко вздохнулъ, и спросилъ меня любилъ ли я природу и понимаю ли ее. Я готова была расхохотаться; однакожь удержалась; я приняла видъ груженный, опустила глаза и отвѣчала ему, что обожаю овсечекъ, плодовые сады, и хорошіе нососы. Мосье Валентинъ благодарилъ меня. За что же! Рѣдительно у него внучъ сшапкомъ сельскій.

Выйдя у фермы изъ окипажа, я хотѣла угостить его, и побѣжала за чашкою прекраснаго свѣжаго молока, которую поднесла своему будущему властелину, съ такимъ покорнымъ, съ такимъ умильтельнымъ видомъ, что мосье Валентинъ чуть не расплакался.

Чтобы развлечь его мысли, я насильно повела его въ поля; и тамъ, не смотря, что чувствовала, не зная отъ чего, какую-то тоску, я такъ краснорѣчиво говорила ему объ удовольствіи бѣгать, что у моего Парижанина вскружилась голова, онъ бросаетъ свою шляпу, срываетъ мою, хватается меня за руку и принимается со мной прыгать и плясать, какъ въ дни нашего дѣтства. Мнѣ казалось, что мы возвратились къ счастливой порѣ. Съ громкимъ смѣхомъ, мы кидали другъ въ друга васильки; привели дѣтей фермера и стали играть въ барры. Надо было видѣть, какъ мы прыгали, скакали вокругъ казарки, царапая себя о илети! Что за прелестьный день!

Возвратясь домой, я чувствовала усталость и какую-то грусть. Валентинъ, напротивъ, былъ гораздо разговорчивѣе впрочемъ. Паненъка съ улыбкою смотрѣлъ на насъ. Мы возвратились въ Провенъ къ ночи. Маменъка и мадамъ Сюзанъ дожидали насъ на террасѣ. Мы пили чай на-воздухъ. Вечеръ былъ великолѣпный. Мы разошлись въ полночь.

— Вы должно быть устали, дѣти, сказали паненъки; отужайте спать! Валентинъ вздохнулъ, и мнѣ показалось, будто онъ хотѣлъ возражать и утверждать, что не будетъ спать.

Я рассудила, когда пришла въ свою комнату; одѣвать также какъ онъ, не спать. Я слышала, какъ онъ отворилъ окно, придвинулъ стулъ; но умильженно возвысь, что послѣ довольно не прятнаго совершанія, и почувствовала комотье въ глазахъ; легла въ постель и скоро заснула. Проснувшись утромъ

внутренно сознаюсь, что не была создана для бесѣды съ зѣлками.

Что скажешь ты на все это? Какъ ты дѣлывала, когда мосье Крене становился на часы передъ луною? Развѣ необходимо отъучиться спать, когда намѣрена сдѣлаться хозяйкой? Я никогда не буду въ состояніи.

Ты спрашивала меня: хочу ли я быть у тебя крестной матерью? Да, съ большой охотою; но если у тебя нѣтъ еще кума, то подожди немного; не выбирай. Прости, моя добрая Люси, благодарю тебя за добрые совѣты. Они-то почти излечили меня. Съ полученія твоего письма, я уже не грущу и у меня гораздо меньше охоты къ вышиванью. Ты также научишь меня въ-послѣдствіи повязывать галстуки. Миѣ кажется, что это искусство унадеетъ, а я знаю здѣсь кое-кого, кому нужны уроки. Но то, что ты сообщаешь миѣ о преобразованіи мосье де Крене уснокониваетъ меня. Мосье де Рьяльвалъ будетъ похожъ на него... когда я буду совершенно походить на тебя.

Я глуплю; но все отъ того, что чувствую себя довольною!

ПИСЬМО XVII.

Люси де Крене къ Эдне де Сентъ-Орѣ.

Парижъ. Сентябрь.

Моя добрая Эдне, я ожидала отъ тебя такого письма. Не я стану мѣшать тебѣ вкусить одну за другою эти маленькія, разбросанныя радости, которыя предшествуютъ высшей радости, благословенной Богомъ.

У тебя душа чистая, умъ прямой. Ты живешь въ семействѣ Мосье де Рьяльвалъ, скрывающій, безъ сомнѣнія, грусть, тайну которой ты узнаешь въ-послѣдствіи, миѣ кажется также придушинымъ. Все призываетъ васъ къ союзу, мои милые друзья. Каждый принимаетъ участіе въ вашихъ невинныхъ кокетствахъ. Поэтому ты не нуждаешься въ совѣтахъ. Дѣйствуй по влеченію сердца! Все, что могу сказать тебѣ, такъ это-то, что я молюсь за тебя, какъ ты молишься за меня; и желаю тебѣ такой же легкой супружеской обязанности, какъ моя, такихъ же слачекъ, какъ моя, надеждъ. У насъ будетъ еще время поговорить потому-что ты заставишь меня ѣхать въ Провансъ, какъ я ни слаба.

Перечитывая твое письмо, я хотѣла бы отвѣчать тебѣ подробно; но что сказать тебѣ? Эта записочка несетъ поцѣлуй и желанія; это главное. Поэма твоя начинается, и хотя я прочла нѣсколькими страницами больше тебя, однакожь я не хочу портить свою нескромностью ожидающихъ тебя радостей.

До свиданія, моя красавица; пиши мнѣ о ходѣ твоей идилліи.

ПИСЬМО XVIII.

Валентинъ къ Арману.

Провансъ. Септѣбрь.

Что бы ты ни сказалъ, читай все, что происходитъ во мнѣ, любезный Арманъ. Я люблю Эдме или скоро волюблю ее. Уже ли совершилось жданное откровеніе? Уже ли душа ея вдругъ просіяла паружу? или грубо увлекся ея красотой? Нѣтъ, мой другъ; я не увидалъ еще всего свѣта этого навнаго и смѣрнаго сердца, но во мнѣ уже есть надежда, которая волнуешь меня. Завтра, можетъ быть сегодня вечеромъ, моя судьба рѣшится. Ахъ! ты увидишь тогда безчувственнѣе ли я тебѣ къ этой видимой и чарующей тѣлесной красотѣ! ты увидишь, поклонникъ ли я прираковъ потому только, что прежде чѣмъ преклонить колѣна передъ этимъ образомъ, полнымъ прелестью, я хочу знать, отражается ли мой идеалъ въ ласкѣ ея челъ; въ протѣстѣ ея взгляда. Ты станешь винить меня въ нечестіи, въ преувеличеніи, и чтожь! Клянусь тебѣ, я готовъ иногда жалѣть, зачѣмъ Эдме хороша собой. Мнѣ кажется, что я съ необъяснимою радостью провозгласилъ бы подругой, мною избранною, смиренное созданіе, которое было бы въ пренебреженіи отъ пошлыхъ поклонниковъ, и скрывало бы подъ грубою оболочкой чистую душу; я бы почувствовалъ тогда гораздо сильнѣе, что сердце мое любить не земное. Но какъ бы то ни было, Эдме прекрасна, и я воображаю ее столько же умною, столько же вдохновенною, сколько она прекрасна. Ея свѣтло-русые волосы, набрасывающіе лютарные отбѣнки на ея щеки и плечи, ея тонкія, правильныя губки, ея живыя руки, ея гибкій станъ, все очарованіе, которое вѣетъ отъ нея при первомъ на нее взглядѣ, дѣйствуютъ на душу мою только потому,

что я утѣренъ не встрѣтитъ несогласія между гармоніею вѣш-
ною и мелодіею внутреннею. Я позволяю вѣраамъ спокойно на-
слаждаться, потому что сердца мое несмысля безъ боязни. Я
принимаю какъ даръ, какъ благодѣаніе это сокровище вѣш-
ныхъ древоствей; но я также мало желаю ихъ, какъ мало пре-
добрѣваю ими.

Какимъ образомъ перешелъ я изъ этого глубокаго спокой-
ствія, въ которомъ находился нѣсколько дней назадъ, къ
этому первому безпокойству, которое такъ сладостно открыва-
етъ мнѣ любовь? Право я не могу сказать тебѣ съ точностію;
но въ этомъ тихомъ семействѣ душа моя нашла полную сво-
боду наблюдать, судить, понимать Эдмею, и хотя не было меж-
ду нами продолжительнаго разговора, хотя я не допрашивалъ
однѣмъ настоячиво это навѣнное сердце, однакожъ суди по
нѣкоторымъ случаямъ, по подмѣченнымъ взглядамъ, по ве-
роятнымъ обмолвкамъ, мнѣ кажется, что Эдме могла бы быть
моею женою. Въ одномъ словѣ я высказываю тебѣ все.

— Да, мой другъ, я хочу имѣть *жену*, то-есть другую половину
моего сердца, отблескъ, который Богъ хранитъ въ завѣсѣ для каж-
дой человѣческой мысли, которая вознесется къ нему черезъ по-
литву и любовь. Я хочу быть человѣкомъ; а человѣкомъ мож-
но быть только черезъ *женщину*; потому что индивиду-
альная, эгоистическая мелодія мальшва отбывается въ все-
мирномъ хорѣ, если она не согласуется съ другою; потому что
я буду имѣть свою вѣру, свой геній, свою волю и свою свобо-
ду только въ половину, если я не встрѣчу вѣру, генія, волю,
свободы, которые удвоютъ, дополняютъ эти элементы духов-
ной нравственной жизни и совершенства.

— Эдме будетъ ли жить отирвеніемъ? Я надѣюсь больше и
больше; и меридіа, которыя достигаютъ до мѣся и въ мѣся
проникаютъ, предвѣщаютъ мнѣ ослѣпленіе.

— Нѣсколько дней назадъ, во время сельской прогулки, я былъ
тронутъ ея невинною живостію, съ какою она торопилась сбли-
зиться съ природою. На нее находили минуты такой чистой
радости, что я былъ заволнованъ до глубины души. Мы какъ
дѣти играли наъ чашахъ упоенія, которую наливало намъ солнце.
Мы играли, какъ во времена дѣтства; и если мнѣ случалось
простодушно и братски пожать руку Эдме, я чувствовалъ то-

раздо болѣе вѣтвиного душевнаго волненія ; чѣмъ тогда ; когда бы мнѣ пришлось сорвать съ устъ ея камый сладостный поцалуй.

Возвратясь домой, сердце мое было полно счастливыхъ слезъ, и я провелъ часть ночи у окна ; мечталъ о моей матери. Даже ; тревожная также чувствомъ ; можетъ-быть также довѣрила благоуханной тишинѣ ночи избытокъ этого восхитительнаго дна.

Съ нѣкоторыхъ моръ , она со мною такъ откровенна ; что я не смѣю ничего требовать больше ; какъ-будто она хочетъ предупредить всякое мое безпокойство и сама становится прозрачна, какъ кристалль, чтобъ я могъ развиднѣть душу ея. Сегодня утромъ , я сошелъ въ садъ , небо было чисто и лазурно ; долина, потопленная свѣтомъ, сверкала адала. Погруженный въ созерцанія, облокотился я на перила террасы, господствующей надъ низиннѣ городовъ. Ряды тополей на луку склонились во временахъ отъ дуновенія вѣтерн и потомъ снова подымались. Въ нагорной зелени я слышалъ ропотъ и вѣсны. По временамъ отдавался колокольчикъ проезжающихъ вдали по дорогѣ голубѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ ; горделиво это шло звукамъ военной музыки. По кесегору подымались на ослахъ ребятшки, ударяя палками по деревьямъ. Этотъ шумъ ; прерываемый тишиною ; эта чудная картина ; этотъ пейзажъ ; котораго душа, такъ сказать, проявлялась передо мною ; это солнце Бога и солнце моего сердца, все отаровѣвало меня и приковывало къ мѣсту ; вдругъ слабый крикъ раздался у подошвы террасы ; я наклонился , и вотъ что увидѣлъ.

Внизу террасы сидѣла на каменной скамьѣ молодая женщина ; она кормила грудью ребенка, и думалъ, что ее никто не видитъ, обтывляла грудь свою непокрытою. Эта бѣдно одѣтая, въ ломотяхъ мать, имѣла въ себѣ что-то величественное ; и помню ребенка жадно сосалъ молоко и захлебывался воирая жизнь, бѣдная женщина, спокойная и гордая, водила вокругъ себя глазами, какъ будто призывая деревья, небо, дѣвты въ свидѣтели того, что она счастлива, что обязанность ея исполнена. Подо мною подыбались колазна ; передо мной совершалось одно изъ чудныхъ дѣлъ Всеблагаго творца. Иногда ребенкомъ кусалъ грудь, мать слабо вскрикивала ; но, въ ту же минуту ;

прощая своего мучителя, она еще больше приближала его къ обнаженной груди, принимала съ улыбкой и продолжала свою обязанность и свои мечтанія.

Восторгъ, который облагораживалъ ея истомленное лицо, свидѣтельствовалъ объ идеальныхъ помыслахъ. Казалось, что она хотѣла влить въ ребенка, въ одно время жизнь матеріальную и жизнь духовную; и пока младенецъ снималъ жадными губками бѣлую грудь, перерѣзанную голубыми жилками, мать, будто хотѣла вдохнуть нѣкоторыя изъ вѣчныхъ тайнъ природы, чтобы пролить въ это маленькое существо, вмѣстѣ съ молокомъ жизнь духовную.

Эта бѣдная необразованная женщина и, безъ сомнѣнія грубая, не могла бы опредѣлить того, что она чувствуетъ. Она бы созналась, что воздухъ пріятенъ; что ребенокъ ея прекрасенъ; но безъ ея вѣдома что-то болѣе возвышенное чѣмъ заботливость кормилицы, озаряло ея взоры и приводило въ движеніе ея губы. То была не самка, исполняющая законъ природы и нормирующая по одной лишь потребности; нѣтъ, то была женщина, которая чувствовала, что съ каждымъ часомъ, съ каждымъ мгновеніемъ, съ каждой улыбкой ея ребенка, она готовила въ свѣтъ человѣка. Я бы хотѣлъ видѣть тебя, передъ этой картиной.

На дорогѣ показался рослый парень, весь въ ломотьяхъ, съ бутылкою воды въ рукѣ. Онъ остановился въ виду женщины и принялся смѣяться, глупымъ и громкимъ смѣхомъ. Бѣдная мать, застигнутая въ ея размышленіяхъ, торопливо открыла свою грудь, потомъ, узнавъ примедшаго сказала съ жалостною улыбкою: А! это ты Жакъ; и я слышала, какъ она прошептала: — Бѣдный сумасшедшій!

Дѣйствительно мертвенная бѣдность въ лицѣ Жака, бессмысленная неподвижность въ чертахъ, обличали идиота. Ничего не отвѣчая, онъ сѣлъ подлѣ женщины съ ребенкомъ и приложивъ ко рту бутылку началъ съ жадностью пить, останавливаясь только для того, чтобы провести рукою по груди и сказать: — Что за славное питье, вода! Женщина, казалось, сильнѣе прижала ребенка къ груди. Бѣдная мать боялась, что смѣхъ ея недовольно насчитался ея молокомъ, ея кровью, ея душой, и чтобы ему испришлось въ послѣдствіи, какъ этому

нечастному, напрасно сосать бутылку съ водой. Противоположность была тротательная. Мать встала, и унося младенца, бросила на бѣднаго помѣшаннаго испуганный взглядъ. Что касается до него, то онъ снова принялся глотать съ наслажденіемъ воду; онъ подымалъ бутылку, смотрѣлъ черезъ нее на солнце и любовался разнообразными переливами свѣту, которые отъ лучей отражались на стеклѣ. Я былъ глубоко потрясенъ этимъ безсмысленнымъ видѣніемъ, которое помрачало мою картину и набросывало тѣнь на это явленіе материнской любви и идеальной нѣжности. Я отошелъ со вздохомъ, на который отвѣчалъ подлѣ меня другой вздохъ. То была Эдме, которая тихо подошла и также облокотясь на перила террасы, смотрѣла на эту сцену. Я взглянулъ на нее. Слезы приподнимали ея длинныя рѣсницы и скользили по ея щекамъ. Я не смѣлъ начать разговора; но разгадавъ ея мысли по своимъ, усталъ передъ ней на колѣна и взявъ ея за обѣ руки, прошепталъ: О! благодарю, благодарю. Эдме, притворилась изумленною, хотѣла засмѣяться; но не могла, и высвободивъ свои руки, побѣжала къ дому.

Я нашелъ на ея мѣстѣ книгу, и колебался открыть ее. Еслибъ я увидѣлъ какой-нибудь пошлый рассказъ, доступный понятіямъ молодыхъ дѣвушекъ, или какаго-нибудь посредственнаго поэта съ большими претензіями, я бы былъ жестоко разочарованъ; но книга эта была молитвенникъ. Для меня это открытіе было радостно. Отчего душѣ набожной и скромной не прибѣгать къ этимъ руководителямъ, которые могутъ способствовать душевнымъ изліяніямъ?

Я отправился къ себѣ и провелъ весь день за длиннымъ письмомъ, которое передамъ Эдме сегодня вечеромъ, вмѣстѣ съ книгою. Миѣ надо выдти изъ недоумѣнія. Не дурно ли я дѣлаю, что пишу къ молодой дѣвушкѣ? Право, я спрашиваю объ этомъ себя и совѣсть моя говоритъ мнѣ: нѣтъ. Если я не получу на письмо свое ожидаемаго отвѣта, я уѣду отсюда навсегда и меня немного будутъ жалѣть, потому что мало повали. Если жъ напротивъ, отвѣтъ подтвердитъ мою надежду, цѣль этихъ бесѣдъ слишкомъ священна, чтобъ оставить мѣсто опасностямъ. Эдме находится подъ охраною моей чести. Ея отецъ, ея мать, довѣряютъ ее мнѣ вполне. Я могу говорить

съ ней на-единѣ, по цѣльнымъ часамъ. Въ чемъ же буду я виновенъ, если разговоръ, часто затруднительный, замѣна письменною бесѣдой?

Она будетъ или моею женою или останется дорогою и уважаемою мною подругою моего дѣтства. Въ томъ и другомъ случаѣ, она будетъ такъ же чиста послѣ этихъ задумчивыхъ разговоровъ, какъ будто я никогда не переступалъ порога дома ея отца.

Ахъ! мой другъ, жду не дождусь завтрашняго дня! зачѣмъ плакала она когда глядѣла, какъ я, на эту мать и ребенка?

Прощай, Арманъ, никогда я не былъ такъ близокъ къ блаженству!

А. НИКИТИНЪ.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ВОСПОМИНАНІЯ О ЛОВЛѢ ЗВѢРІЙ ВЪ СИБИРИ.

Статья третья.

=

Олень дикій и ручной.

Дикій и ручной олень имѣютъ только ту разницу, что у дикаго каждый рогъ состоитъ изъ одного ствола, почти прямаго и рога ложатся на спину во время бѣгу. Тунгузы у домашних оленей отпиливаютъ рога около самаго корня, для удобства ѣзды верхомъ, отъ чего на мѣсто длинныхъ рогъ вырастаютъ многовѣтвистые, съ которыми олени вообще изображаются на рисункахъ натуральныхъ исторій животныхъ. Даже въ ручныхъ стадахъ, если олень «онгоцъ» т. е. съ рожденія посвященъ идоламъ и потому неупотребляется въ работу, то имѣетъ также натуральные одноствольные рога. За тѣмъ между ними нѣтъ ни какого различія: ручные олени также живутъ въ лѣсахъ, питаются тѣми же мхами, имѣютъ тотъ-же кровъ отъ непогоды. Вы спросите: на чемъ же основана ихъ зависимость отъ человѣка? Первое, что дѣтей оленьихъ запираютъ Тунгузы въ свои шалаши, для того что-бы доить ихъ матерей. А второе и главное: такъ какъ олени чрезвычайно любятъ соль, то, за немѣнѣемъ ея, Тунгузы, выходя изъ шалаша своего,

сзывает оленей крикомъ и потомъ, посыпаетъ нѣсколько соли на снѣгъ, который олени съ жадностью пожираютъ. По утрамъ они сами держатся ближе къ шалашамъ, въ ожиданіи этого лакомства: тутъ хозяинъ ловить нужнаго ему для ѣзды оленя, а остальные уходятъ въ лѣсъ.

Ѣзда на оленяхъ очень покойна, надобно только навикнуть держаться на немъ, потому что его кожа двигается отдѣльно отъ тѣла и непривыкшіи ѣздоки какъ разъ свалится. Онъ идетъ рысью очень шибко и при томъ такъ ловко сгибаетъ ноги, что тѣло его нисколько не сотрясается отъ бѣгу. Въ снѣгу онъ не тонетъ, а идетъ по самой поверхности, чему способствуетъ его широкая ступня. Оленя должно назвать кораблемъ песковъ. По гладкому льду онъ безъ подковъ бѣжитъ свободно и безъ всякой опасности. На самыя крутыя и подь самыя крутыя горы онъ подымается и спускается такъ ловко сгибая ноги, что тѣло его почти не теряетъ обыкновеннаго горизонтальнаго положенія. Сто верстъ въ день и притомъ по неровной сибирской мѣстности олень дѣлаетъ легко; по прибытіи на ночлегъ онъ тотчасъ ложится и отдыхаетъ, поутру съѣвши не много мху и поѣвши снѣгу, онъ готовъ опять бѣжать сто верстъ. Олень можетъ нести до десяти пудовъ тяжести.

О дикихъ оленяхъ могу рассказать только одну ихъ странность. Я переѣзжалъ Саянскій хребетъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ изъ трехъ озеръ, лежащихъ на самой вершинѣ, берутъ свои начала рѣки Иркутъ, Ока и Бѣлая. Мѣстность эта извѣстна подъ названіемъ гольца, названіе, которое дается всѣмъ высочайшимъ горамъ, на вершинахъ которыхъ нѣтъ уже обыкновенной растительности, а только встрѣчаются, «стланы» т. е. одни вѣтви деревъ, выходящія прямо отъ корня и стелющіяся на землѣ. Голецъ или высокое безлѣсное и необозримое пространство, покрытъ былъ бѣлѣйшимъ снѣгомъ, какъ одной скатертью; единственная тропа, дерзновенно человѣкомъ протоптанная здѣсь, полужанесенная вѣтрами, видѣлась какъ шовъ атой скатерти. Мы плелись по ней «гуськомъ» т. е. одинъ за другимъ и чуть терявшій равновѣсіе погружался въ снѣгъ, то съ трудомъ снова выбирался на тропу, которая въ двухъ саженой глубинѣ снѣга составляетъ узкую плотную стѣву,

но которой съ искусствомъ акробата, илишущаго по канату, дѣшніи лошади иногда бѣгутъ даже рысью. Вдругъ опытный взоръ одного звѣролова замѣтилъ въ сторонѣ стадо дикихъ оленей; онъ велѣлъ намъ остановиться и, сгорблясь, побрелъ по цѣльному снѣгу вокругъ стада. Олени на этотъ разъ или дремали или были безпечны, такъ что звѣроловъ, незамѣченный ими, обошелъ вокругъ стада и слѣдъ его образовалъ глубокую канаву. Тогда стадо тронулось; добѣжавъ до канавы, не смѣло ее перейти, а начало напрасно искать выхода по цѣльному снѣгу; тотъ же звѣроловъ, подойдя къ нимъ близко, выстрѣлилъ и убилъ одного оленя. Стадо начало быстро бѣгать въ крутую слѣда, какъ въ оградѣ и только при второмъ выстрѣлѣ олени начали скакать черезъ канавку, какъ черезъ самый высочій заборъ. Рассказываютъ, что когда неизвестно было звѣроловъ огнестрѣльное оружіе и они били звѣрей стрѣлами, то орудіемъ такимъ образомъ стадо оленей, перебывало до единаго. Затѣмъ, что при этомъ небыло того пугающаго звука, какой издаетъ ружье.

Языкъ оленей не-обыкновенно сладокъ и Тунгузамъ подается гостямъ, какъ конфеты. Изъ шкуръ оленей, бѣлыхъ и черныхъ, Тунгузы и Якуты шьютъ очень красивыя ковры; а изъ шкуръ маленькихъ оленей, называемыхъ пыжыками, дѣлаютъ очень красивыя и прочныя шубы, называемыя перками и дахами. Якутскіе жители подбиваютъ эти дахи бѣличьимъ мѣхомъ и это, по тамошнему климату, — лучшая одежда.

Кабанъ или вепрь.

Эта дикая свинья отличается отъ домашней, тѣмъ что кабанъ держитъ себя охотнѣе, употребляетъ только свѣжую, растительную пищу, любитъ общества и путешествія.

Кромѣ ружья, кабановъ ловятъ *пастями* (эта ловушка описана въ прилагаемомъ собраніи звѣропромышленныхъ словъ.)

Кабанъ только для защиты своей нападаетъ на человѣка бросаясь на него быстро, при чемъ къ счастію звѣролововъ, держится только прямого направленія; стоитъ только успѣть прыгнуть въ сторону, какъ врагъ проскочитъ и уже не воротится, — но бѣда, если онъ успѣетъ задѣть своимъ клыкомъ.

Клыки кабана имѣютъ такую силу и остроту, что отсѣкаютъ хвостъ лошади въ концѣ т. е. одинъ волосъ такъ какъ, бы онъ былъ отстриженъ ножницами. Мягъ случалось это видѣть. Рана наносимая кабаномъ трудно излечивается. Успѣвши вскочить на дерево, также можно спастись отъ кабана.

Звѣрь этотъ питается кедровыми орѣхами, упавшими зимою на землю, ягодами и кореньями. Мясо его бѣло и необыкновенно вкусно. Окорокъ изъ кабанщины не имѣетъ отдѣльнаго сока, какъ свиной, но за то весь проникнутъ саломъ. Если-бы привозили въ столицы кабаньи окорока, хорошо приготовленные, то Вестфальскіе встрѣтили-бы въ нихъ опасныхъ соперниковъ.

Единоборство кабана съ медвѣдемъ описано мною въ статьѣ о медвѣдѣ. Рысь нападаетъ на него, по своему обычаю, сверху. Волкъ старается поймать его за заднюю часть и, пользуясь негибкостью тѣла кабана, наноситъ ему смертельныя раны, но за то если попадетъ на *зубокъ*, то уже не встанетъ.

Кабанъ такъ силенъ, что гнетъ пасти (ловушки), состоящія пудовъ изъ пятидесяти, держитъ на своей спинѣ столъ и въ такомъ положеніи умираетъ, не имѣя возможности выскочить.

Случалось добывать такой величины кабановъ, что одна лошадь не въ состояніи была его вывести: вѣсъ его доходилъ до двадцати пяти пудовъ.

Дикая коза или косуля.

Это въ мірѣ дикихъ звѣрей тоже, что овца между домашними животными: беззащитное созданіе, истребляемое вездѣ и всѣми. Если еще существуетъ эта порода, то этимъ обязана необыкновенной своей плодовитости и быстротѣ бѣга.

Самое варварское истребленіе дикихъ козъ бываетъ весною, когда снѣгъ покрывается сверху крѣпкимъ слоемъ или корою, называемою «настомъ». Это произошло отъ оттепели и потомъ морозовъ. Тогда звѣроловы выгоняютъ, собаками, изъ лѣсовъ косуль и овѣ, прошибая ногами настъ, проваливаются и легко настигаются собаками, бѣгущими по верхъ насту, которымъ душатъ ихъ сотнями. Въ это время шкура косуль, называемая «борловинною», почти ни на что негодна и мясо сухо и невкус-

но. Эта охота — одно только безразсудное истребленіе дикихъ ковъ.

Съ наступленіемъ лѣта косуль бьютъ на солончакахъ; тысячи ямъ служатъ имъ за-живо могилами, въ которыхъ онѣ иногда изгниваютъ, недождавшись «высмотрѣ».

Медвѣди, волки, рыси, даже барсуки, не упускаютъ случая ловить и слѣдить косуль.

Осенью шкура косули имѣетъ плотную, низкую шерсть и выдѣланная и «дымленая» употребляется на обувь, называемую *унтами* *. Шкура самца «гуревина» предпочитается по своей крѣпости.

Преимущественно дѣлаютъ изъ шкуръ дикихъ ковъ «дахи» или шубы, носимыя вверхъ шерстью и сверхъ другой легкой шубы. Дахи отличаются необыкновенною легкостію (пять фунтовъ шуба!) ** и теплою, такъ что самый пронзительный вѣтеръ не проникаетъ даху и только скользитъ по ней. Это для жителей Сибири, ѣздящихъ верхомъ, зимою по открытымъ горамъ, — важная защита отъ вѣтровъ, движущихъ воздухъ, охлажденный до 40°. Если даху не вносить въ теплыя избы, то она служитъ долго. Когда шерсть дахи вытрется, то ее носятъ и лѣтомъ и тогда она называется «яргачъ».

Дикая коза, самка, бѣгаетъ отъ самца до послѣдняго источника силъ своихъ и потомъ упадетъ отъ изнеможенія. Очень часто эти бѣгающія по лѣсамъ пары попадаютъ въ ямы; тогда самецъ, въ порывѣ изступленной ярости, убиваетъ рогами несчастную самку.

Ревъ дикой козы, самца, такой громкій и изумительный, что онъ не разъ пугалъ неопытныхъ охотниковъ, принимавшихъ его за ревъ медвѣдя. Этимъ ревомъ онъ предупреждаетъ своихъ самокъ объ опасности и часто достигаетъ противнаго результата, давая знать о своемъ присутствіи.

Мясо дикой козы очень вкусно; но самымъ лакомымъ кус-

* Въ Отечеств. Запискахъ въ 1849 году, въ свѣси, напечатанъ разсказъ о золотопромышленности, въ которомъ *унты*, названныя *лантум*, играютъ важную роль.

** Самый лучший и легчайшій мѣлъ изъ употребляемыхъ на мужскія шубы, это — мехъ американскихъ медвѣдей, весомъ 12 фунтовъ.

комъ считаютъ звѣроловы ея почки, которыя сѣдаютъ сырыми, горячими, только-что вынутыми изъ распоротой козы.

Близорукость, столь обыкновенный недостатокъ городскихъ жителей, очень рѣдка въ Сибири и составляетъ тамъ истинное несчастье, особенно для человѣка, который взялся за ружье. Это до того тамъ несчастье, что пишущій эти строки любитель охоты отъ близорукости оставилъ Сибирь, свою прекрасную и любимую родину... Но тамъ она подвергала его жестокимъ насмѣшкамъ, въ родѣ такихъ. Однажды мы были на охотѣ и поехали въ лѣсу; поутру меня будить товарищъ и говоритъ мнѣ:

— Заряжено твое ружье?

— Да. А что?

— Кажется вотъ въ травѣ стоитъ коза.

— Гдѣ? Въ самомъ дѣлѣ коза.

Гдѣ тутъ было одѣваться; я схватилъ ружье и босый подкрался къ козѣ, какъ можно ближе.

Пацъ! Коза не тронулась. Что за чудо! Я нигомъ зарядилъ ружье, стрѣляю въ другой разъ: коза ни съ мѣста! Что это значить? Еще выстрѣлилъ. Хотѣть товарищей загремѣлъ громче моего выстрѣла.

Я бѣгу къ неподвижной козѣ, и что же нахожу? О, слѣпота большой порокъ! Нахожу свой унтъ (теплая, изъ козьей шкуры, обувь) вывороченный и надѣтый на воткнутую палку, такъ что головка обуви очень походила на голову козы, стоящей въ травѣ. Три мои выстрѣла сдѣлали шесть дыръ на моемъ тепломъ сапогѣ.

Прежде звѣроловы дѣлали себѣ шапки изъ кожи дикой козы, снятой съ головы вмѣстѣ съ рогами и носили эти шапки на охотѣ для того, чтобы сидя въ травѣ не быть узнаваемыми козами, которыя принимали ихъ за себѣ подобныхъ. Было нѣсколько несчастныхъ случаевъ, что и звѣроловы принимали своего собрата за козу, почему употребленіе этихъ шапокъ запрещено.

Дикій баранъ,

Или по мѣстному названію аргали, водятся на высотахъ Яблоннаго хребта, имѣеть толстые, спиралью загнутые, рога, на которые безвредно падаетъ съ большихъ высотъ и, уда-

рятся ими о камень, становится на ноги. Мнѣ не случалось быть на охотѣ за этимъ звѣремъ, но я видѣлъ только его рога, вѣсомъ въ двадцать одинъ фунтъ, привезенные однимъ молодымъ человѣкомъ въ подарокъ своему старому знакомому....

Дикій козель. (Козерогъ).

Этотъ житель только высотъ Саянскаго хребта, имѣетъ совершенное сходство съ домашнимъ козломъ, даже и въ томъ, что самый чистѣйшій воздухъ гольцовъ заражаетъ своимъ запахомъ. Рога у него, длиною болѣе аршина, представляютъ чуть согнутую дугу и раздѣляются на каждомъ вершкѣ рубцами, которые, по мнѣнію звѣролововъ, означаютъ годы звѣря. Я видѣлъ такіе рога съ двадцатью рубцами, вѣсившіе тридцать семь фунтовъ. Дикій козель имѣетъ мягкую эластическую подошву, съ помощію которой и рогу, служащихъ ему для соблюденія равновѣсія тѣла, онъ (я былъ этому очевидцемъ) ходитъ по совершенно отвѣсной скалѣ, если только она имѣетъ хотя на полвершка выдающіяся неровности. Охота за дикимъ козломъ невозможна и если случается ихъ убивать, то это только тогда, когда козель самъ подойдетъ къ охотнику. Смотрѣть на хожденіе козловъ по скаламъ, наслажденіе для ѣдущаго по Саянскому хребту. Скалы тамъ всѣ обнажены и представляютъ дивные ландшафты, испещренные горными потоками и водопадами. Непрístupность ихъ очевидна и, сознавая ее вполнѣ, вы вдругъ видите стадо дикихъ козъ безпечно прыгающихъ по этимъ вершинамъ, ниже которыхъ плаваютъ облака.

Саянскій хребетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежитъ совершенно одинако, т.-с. безъ отраслей и отроговъ и своими сплошными голыми скалами, кажущимися всегда передъ вашимъ носомъ, поражаетъ путешественника такою нечаянностію, что я разъ былъ свидѣтелемъ оригинальнаго разговора. Мы ѣхали изъ Иркутска: я и докторъ Г., въ первый разъ посѣщающій эти мѣста. У насъ экипажъ былъ открытый. Совершенно ясный день склонялся уже къ вечеру. Я дремалъ.

— Далеко-ли до деревни? спросилъ Г. ямщика.

— Версть десятокъ будетъ, отвѣчалъ тотъ.

— Гм! замѣтилъ Г.; это значитъ всё пятнадцать; поѣзжай скорѣе.

— Доѣдемъ, сударь.

— Гм! доѣдемъ, тебѣ хорошо въ этомъ толстомъ сукнѣ, а намъ невыгодно въ открытомъ экипажѣ.

— Неужели вамъ холодно, баринъ, вѣдь лѣто.

— Лѣто, лѣто; а какъ пробьетъ до костей дождемъ, такъ не очень пріятно.

— Да откуда вы, баринъ, ожидаете дождя; ни одной тучки нѣтъ.

— Ты развѣ слѣпъ; смотри на-право, какаѣ черная туча подымается. Навѣрное будетъ гроза; я зналъ это по барометру, который вынималъ на станціи.

— Что вы, баринъ, гдѣ это?

— А это что, ослѣпъ ты или пьянъ? Я давеча только но сказалъ, что будетъ гроза, мнѣ не хотѣлось останавливаться, а барометръ очень упалъ...

— Хотя бы онъ провалился; а все-таки никакой грозы не будетъ.

— Изъ этихъ черныхъ тучъ да не было бы грозы и ливня, то я прозакладую свою голову....

— Да изъ какихъ тучъ, баринъ?

— Да изъ этихъ....

— Да это, баринъ, не тучи, а «гольцы» т.-е., каменные горы.

Какъ ни смѣшна мнѣ была ошибка доктора, но я не смѣлся, потому что и самъ, когда ѣхалъ въ первый разъ и также вечеромъ, то принялъ эти скалы за грозныя тучи.

На этихъ-то, доступныхъ только зрѣнію, твердыхъ, водитъ дикій козелъ, и въ шесть лѣтъ моего жительства у подножія Саянскаго хребта, я только могъ достать пару козловъ, для кабинета бывшаго генералъ-губернатора восточной Сибири В. Я. Руперта...

Шерсть этого козла рижеватая; въ ней много очень толстаго пуху, такъ что когда мѣхъ выносятся, то совершенно терлетъ шерсть; остается одинъ пухъ, который если подкрасить, — то можно получить нѣчто, близкое къ бобру.

Кабарга.

Водится въ самыхъ отдаленныхъ звѣроводныхъ мѣстахъ, в но быстротѣ бѣга и цѣпкости, съ которою она взбирается на скалы, добыча ея трудна ружьемъ, но въ ловушки и кражи (смот. это слово) она попадаетъ часто, по своей неосторожности и вѣтрености.

Изъ шкуры кабарги дѣлается превосходная замша, по-сибирски «ровдуга». Мясо жилистое и не очень вкусно. Мускусъ или «струя» т.-е., пупокъ самца, чрезъ который проходитъ его моча, по цѣпности своей, отъ (1½ до 2 р. серебромъ штука), — дѣлаютъ добычу кабарги выгодною.

Въ Сибири очень хорошо поддѣлываютъ струн, раздѣляя кусокъ кабаржей кожи и набивая его печенкою, смѣшанною съ частию мускуса. Разузнется этимъ обманываются только покупатели — новички.

Я уже говорилъ, что медвѣдь и волкъ преслѣдуютъ кабаргу по двѣнадцати дней, пока не приведутъ ее въ изнеможеніе. Надѣющаяся на свою прыткость, кабарга сначала весело скачетъ, убѣгая отъ орла и дѣлая при этомъ напрасные лишніе круги, отъ избытка своихъ свѣжихъ силъ, тогда какъ преслѣдователь ея, избравъ прямое направленіе, идетъ медленно, но безостановочно и лишь только избранная имъ жертва остановится, чтобы отдохнуть или покушать, онъ какъ тутъ и былъ. Увидѣвъ его, кабарга опять бѣжитъ сломя голову и при новомъ отдыхѣ снова видитъ неотвязнаго чернаго или сѣраго преслѣдователя. Силы ея уже ослабли, она идетъ медленно, врагъ за нею и такъ далѣе, до тѣхъ-поръ пока изнеможенная кабарга не упадетъ.

Серна, по сибирски и монгольски *зеренъ*, водится въ степяхъ такъ называемаго тамъ Закаменнаго края. Название это, какъ извѣстно, въ старину давалось Русскими всей Сибири, лежащей за рѣкою Камою или за Камнемъ, какъ называли Уральскій хребетъ; нынѣ оно присвоено къ Сибири Нерчинскому округу Забайкальской области, или мѣстности лежащей за Яблоннымъ хребтомъ.

Серны ходятъ большими стадами и мое сострадательное къ звѣрямъ сердце было поражено картиною истребленія ихъ са-

маго жестокаго, какое мнѣ только случалось видѣть. Я былъ приглашенъ на охоту. Тщеславіе того края составляютъ рысаки и мноходцы, точно необыкновенной быстроты. Поѣздъ нашъ представлялъ всю роскошь этого рода. Но какъ ни были быстры наши лошади, стада сернъ, которыя мы находили, мгновенно отъ насъ убѣгали и я не понималъ цѣли, для которой мы душили нашихъ лошадей, чтобы только спугнуть стадо, которое, отбѣжавъ нѣкоторое пространство, снова останавливалось и смотрѣло на насъ съ явною насмѣшкою. Но вотъ, когда мы сгрудили т.-е. сгруппировали нѣсколько стадъ, предъ нами открылось обширное озеро, покрытое гладкимъ, какъ стекло, льдомъ. Мы разсыпались и составили цѣпь, открывъ сернамъ только путь на озеро. Несчастныя бросились туда и начали падать, скользя по гладкому льду; нѣкоторыя только пары, сомкнувшись бокъ-о-бокъ, успѣли перебѣжать озеро и были, къ моему полному удовольствію, спасены; тѣ же которыя разрозились по одиночкѣ, падала и вставала и снова падала, до того измучились, что наконецъ легли и позволили звѣроловамъ перерѣзать всѣхъ, штукъ болѣе ста.

Торжество охотниковъ было полное; но я далъ себѣ тогда же слово когда нибудь и какъ нибудь подать голосъ какъ въ пользу этихъ несчастныхъ звѣрей, такъ и въ пользу будущаго поколѣнія здѣшнихъ жителей, которому пожалуй, при такомъ порядкѣ дѣлъ, не-доведется увидѣть ни одной серны.

Дикая лошадь.

Стада дикихъ лошадей скитаются по пустыннымъ и обширнымъ равнинамъ, составляющимъ мѣстность, орошаемую рѣками Аргунью и Шилкою и потомъ Амуромъ. Полагаютъ, что эти лошади были прежде домашними и принадлежали жителямъ разореннаго Китацами на берегу рѣки Амура русскаго городка Албаина. Если справедливо, то это любопытный и рѣкій въ старомъ свѣтѣ фактъ обращенія ручныхъ животныхъ въ дикое состояніе. Посѣщавшіе мѣстовахожденіе города Албаина, вскорѣ послѣ его разоренія, дѣйствительно встрѣчали тамъ одичавшихъ свиней и даже куръ; но послѣдующіе путешественники не находили уже этихъ животныхъ; вѣроятно свѣтъ

были истреблены хищными звѣрами; но какъ лошадь имѣетъ болѣе средствъ къ своей защитѣ, то очень вѣроятно, что порода эта сохранилась. Какъ бы то ни было, но дикія лошади существуютъ въ Сибири, хотя мнѣ объ нихъ и не случалось нигдѣ встрѣчать свѣденій. Лошади эти ходятъ стадами или табунами, по нѣскольку штукъ самокъ или кобылъ, вмѣющихъ въ каждомъ стадѣ одного самца или жеребца, который ихъ защищаетъ отъ нападенія хищныхъ звѣрей и другихъ случайностей, какъ это увидимъ ниже.

Дикія лошади всѣ имѣютъ шерсть одного цвѣта, именно саврасую т.-е. темнокаштановую, гриву и хвостъ черныя и отъ гривы къ хвосту по самому хребту черную, въ дюймъ шириною полосу: ноги черныя въ низу и постепенно переходящія въ каштановый цвѣтъ; на плечахъ черныя тонкія полосы, неправильными или ломаными линіями, пересѣкающими одна другую и составляющими какъ-бы сѣть, расположенную по всему плечу. Таковыя лошади, если бывають между домашними, то называются *крылатыми* и точно,—сѣть этихъ черныхъ полосокъ можно принять какъ-бы за нарисованныя крылья. Ростъ дикихъ лошадей средній, но стати совершенныя и потому красота и легкость этихъ воспитанницъ самой природы не укоряженныя.

Казакъ тамошней пограничной линіи, при выбѣгѣ дикихъ лошадей въ російскую сторону, успѣвали ловить ихъ, но никакія усилія не могли сдѣлать пойманной дикой лошади ручною, Она или убивалась, стараясь вырваться изъ двора, въ которомъ была заперта; или убивалась подѣ привязанною на нея вмѣсто всадника тяжестью, чтобы пріучить ее къ сѣдлу.

Когда самецъ или жеребецъ завидитъ какую-либо опасность, то тотчасъ сгруживааетъ своихъ самокъ въ кучу, безпрестанно бѣгая вокругъ и каждый разъ уменьшая кругъ своего движенія; когда же онѣ сомкнутся, то онѣ, кусая ихъ, устанавливаетъ такъ, чтобы головы ихъ составляли окружность и хвосты — центръ, въ который скрываются маленькія жеребята. Потомъ жеребецъ начинаеть опять обѣгать ихъ и въ тоже время нападать на врага, если это волкъ или медвѣдь; но если враговъ нѣсколько, то самки сами защищаются копытами, и пока этотъ строй не разстроится, тогда ни медвѣдь, ни волкъ

ничего не могут сдѣлать съ лошадьми. Но эти сраженія, при настойчивости нападающихъ, всегда оканчиваются бѣгствомъ атакованныхъ и тогда изъ среды ихъ непремѣнно будетъ схвачено нѣсколько жертвъ. При приближеніи даже человѣка дикія лошади тотчасъ становятся въ оборонительное положеніе, — но послѣ перваго выстрѣла онѣ разбѣгаются съ такою немовѣрною быстротою, что преслѣдованіе ихъ на домашнихъ лошадяхъ совершенно не возможно.

Я имѣлъ случай быть очевидцемъ переправы дикихъ лошадей чрезъ рѣку Аргунь, въ которую онѣ бросились, будучи преслѣдуемы Тунгузами, употребляющими лошадиное мясо въ пищу. Рѣка тогда была въ необыкновенномъ разливѣ и казалась моремъ, неимѣвшимъ береговъ, — но инстинктъ животныхъ руководилъ ихъ именно по тому направленію, гдѣ онѣ всего скорѣе могли достигнуть берега, хотя также покрытаго водою, но не глубокою; такъ что лошади могли уже брести и передовыя достигли этого берега; въ числѣ ихъ былъ и самецъ стада. Утвердясь на берегу, онѣ бросилъ взоръ на отсталыхъ; позади всѣхъ плыла одна самка и за нею маленький жеребенокъ. Мать безпрестанно оборачивалась къ нему и мордою ободряла его, терявшаго уже силы. Жеребецъ мгновенно доплылъ до этого несчастнаго жеребенка, нырнулъ подъ него такъ, что принялъ его на спину и такимъ образомъ вынесъ на берегъ. Воля ваша, но я считаю это настоящимъ соображеніемъ.

Окончаніе повѣствованія о звѣроловѣ Кондратіѣ Безногомъ.

Представленіе моихъ четвероногихъ знакомцевъ кончено. Заклучимъ эту статью, какъ я обѣщалъ ранѣе, окончаніемъ романа моего *путеводителя въ лѣсной пустынь* — Кондратія Безногаго.

Въ одинъ темный вечеръ, мы разложили огромное свѣтло изъ нѣсколькихъ самосушныхъ деревьевъ. Наше маленькое общество сидѣло вокругъ: кто обдиралъ бѣлокъ, кто *щелкалъ* кедровые орѣхи или бросалъ ихъ въ огонь, гдѣ они лопались съ трескомъ, какъ маленькія ракеты. Иные выдумали болѣе оглушительные звуки: они паливъ на пепъ не много воды и поло-

живъ на нее горящій уголь, ударяли по немъ топоромъ, что производило настоящій пушечный выстрѣлъ, раскатывавшійся по ущельямъ горъ. Кто велъ разговоръ въ родѣ такого:

— Слыхалъ ты, Оома, что на низу * медвѣдей на цѣпи водять?

— Эва, выдумалъ; ужъ такъ я тебѣ и повѣрю.

— Право-слово; просто смиренъ, какъ теленокъ.

— Ну-те, полно окоlesiцу-то городить.

Но какъ-бы ни разговаривали звѣроловы, какъ-бы ни хохотали, малѣйшій шорохъ въ лѣсу во всякое время замѣтитъ ихъ острый слухъ.

— Звѣрь не далеко, сказалъ Кондратій.

Шорохъ точно слышался съ одной стороны.

— Неужели косолапый идетъ?

— Чего добраго.

Всѣ взяли и приготовили ружья.

Въ глубокой темнотѣ начала отдѣляться темная фигура.

— Ого, да какая машина подвигается; неужели это сохатый?

И точно вскорѣ подѣхалъ къ нашему этапу парнишко лѣтъ двѣнадцати одинъ однихонекъ.

Я всегда удивлялся и не постигалъ смѣтливости и отважности звѣролововъ, которыми они руководятся въ горахъ. Какъ, напримѣръ, этотъ ребенокъ рѣшился ѣхать одинъ отыскивать въ неизмѣримомъ пустомъ пространствѣ нашу артель? Онъ ѣхалъ три дня, ночевалъ одинъ и наконецъ какъ-разъ наткнулся на тѣхъ кого искалъ. Онъ искалъ Кондратія.

Переговоривъ шопотомъ съ этимъ курьеромъ, Кондратій рѣшилъ что ему тотчасъ-же необходимо ѣхать домой. Я, котораго интересъ въ отношеніи звѣроловства былъ вполне удовлетворенъ и запечатленъ порядочною царапиною на носу, которую къ сожалѣнію сдѣлалъ не медвѣдь, а сухой сукъ, по разсѣянности, мною не замѣченный, — я вызвался сопутствовать Кондратію.

Мы избрали ближайшій путь, тѣмъ болѣе, что по дорогѣ вознамѣрились заѣхать къ одному скупщику пушныхъ товаровъ и продать ему нашъ промыселъ.

* Подъ этимъ словомъ разумѣютъ даже Россію, но вообще низомъ называется даль, лежащая внизъ по теченію рѣкъ.

Дорога, по которой мы ѣхали, была очень хорошо пробита, ишла впрочемъ свои особенности. Представьте себѣ длиннѣйшаго змѣя, изогнушагося въ тысячи изгибовъ и разлегшагося въ такомъ положеніи по чистому снѣгу. Такова была наша тропинка, по которой мы виляли, изгибаясь въ разные стороны, точно танцуя извѣстную фигуру *шенъ*. Самыя лошади наши безпрестанно составляли изъ своей длины дугу, согнутую то на-право, то на-лѣво. Это дополненіе къ трудной само-по-себѣ верховой ѣздѣ, непрерывной въ теченіи полуторыхъ сутокъ, происходитъ отъ того, что мѣстность, по которой мы ѣхали, покрыта упавшими деревьями, которыя должны объѣзжать. Мы вѣроятно въ половину скорѣе доѣхали бы, если бы дорога была прямая. Кромѣ этого вилянья намъ предстояло безпрестанное уклоненіе отъ вѣтвей, на которыхъ лежатъ большія пласты снѣга; при малѣйшемъ прикосновеніи эта цудра осыпаетъ вашу голову и шею и, растаявая на послѣдней течетъ за галтухъ. Это еще не все: деревья подставляютъ миллионы сучьевъ, по разнымъ направленіямъ, чтобы то пощекотать въ вашемъ носу, то протерѣть ваши глаза и, пожалуй, по возможности и выгнать хотя одинъ. Ѣхать надобно съ безпрестанной бдительностью и осторожностью, особенно ѣдущему позади: напимѣръ, передній ѣздокъ, ѣдучи, своею и лошадиною особою загнулъ длинную вѣтвь, даже цѣлое молодое дерево, которыя часто растутъ косвенно, — загнулъ какъ ружьину и пробѣжавъ отпустилъ ее; она и хлопъ задняго ѣздока по носу; передній пугнулъ свою лошадь, та пошла въ галогъ и изъ подъ копытъ ея прилетѣло заднему въ лобъ два кома снѣгу; передній по неосторожности ударилъ ружьемъ своимъ, выскочивъ за спиною по дереву, дерево потряслось и осыпало лежащихъ, на немъ снѣгомъ, задняго ѣздока.

Все это я говорю изъ опыта, который достался мнѣ, какъ ѣхавшему позади моего спутника, — но вотъ мы доѣхали поздно вечеромъ до первой деревни.

Лай десятка цѣпныхъ собакъ доказывалъ намъ, что мы остановились у воротъ замѣтнаго человѣка.

Какъ честные люди, мы снѣло отворили ворота и ввели нашихъ лошадей.

— Смотри, Кондратій, чтобы насъ не разорвали собаки.

— Да развѣ мы воры, отвѣтилъ онъ самоувѣренно.

— Да для собакъ, я думаю, все равно.

— Нѣтъ не равно; честныхъ людей собаки никогда не тронуть.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ-бы въ доказательство справедливости этого убѣжденія, собаки замолчали и мы, отвязавъ наши мѣшки, вошли въ избу.

Тимофей Ивановичъ Груднинъ, предъ смуглое монгольское лицо котораго мы предстали, былъ человѣкъ истинно достойный занять нѣсколько печатныхъ страницъ въ самой серьезной книгѣ. Но великая сила есть симпатія «влеченье, родъ недуга», какъ сказалъ Грибоѣдовъ. Великое дѣло — вкусъ. Заговори я теперь о какомъ-нибудь композиторѣ, артистѣ, живописцѣ, поэтѣ, который вначалѣ на своемъ вѣку нѣсколько стоиць бумаги или кусковъ полотна, заговори я о комъ нибудь изъ нихъ, я конечно могъ бы навѣрное рассчитывать на вниманіе читателей, — но Тимофей Ивановичъ Груднинъ, хотя лицо истинное, не вымышленное, что это такое?

Долгъ справедливости ободрять меня однакожъ доложить, что Т. И. Груднинъ, ни что иное, какъ родоначальникъ Харепутскаго племени Бурятъ, который принялъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ племенемъ и православную вѣру и русскіе обычаи, водрузилъ первое на высотахъ Яблоннаго Хребта знаменіе животворящаго креста и, построивъ первую тамъ русскую избу, первый призвалъ своихъ бродячихъ родичей къ осѣдлой жизни, къ хлѣбопашеству и скотоводству. Я даже приписываю ему первый шагъ къ мѣрѣ сбереженія звѣрей въ обширныхъ владѣніяхъ, дарованныхъ его племени за вѣрность русскому престолу, — ибо призвавъ свое племя къ осѣдлости, онъ, можетъ быть даже безсознательно, установилъ время промысловъ тогда, какъ звѣри кончатъ свой процессъ оплодотворенія. Такой человѣкъ какъ Тимофей Ивановичъ вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы засвидѣтельствовать ему почтеніе, что я съ удовольствіемъ и исполнилъ.

Тимофей Ивановичъ сидѣлъ, обложенный грусами бѣличьихъ шкуръ, а стѣны его избы были обвѣшаны шкурами соболей, лисецъ, рысей и волковъ; въ сторонѣ, въ углу, лежало нѣсколько медвѣжьихъ шкуръ. Такой громадный итогъ всѣхъ промы-

словъ поражалъ совершенною новостью и оригинальностью. Тимофей Ивановичъ принималъ еще нѣсколько бѣличьихъ шкуръ отъ вошедшаго передъ нами звѣролова.

— Вотъ тебѣ слѣдуетъ за все пять рублей двѣ копейки, сказалъ онъ.

— Хорошо, бачка, хорошо, отвѣтилъ звѣроловъ, который по обычаю многихъ своихъ собратій, зная толкъ въ себолахъ, не зналъ вѣроятно никакого толку въ деньгахъ.

— Вотъ возьми пять рублей.

Звѣроловъ взялъ и пошелъ было вонъ.

— Постой, постой, а двѣ копейки.

— Хорошо, бачка, хорошо.

— Но ты знаешь, что мелкихъ здѣсь трудно достать, вотъ тебѣ двѣ иголки, два рубля сотня куплены. Вѣрно ли?

— Вѣрно, бачка, вѣрно.

Тимофей Ивановичъ, рассмотрѣвъ нашу добычу, оцѣнилъ ее и выдалъ намъ деньги съ прибавленіемъ также нѣсколькихъ иголокъ, отъ которыхъ мы впрочемъ отказались и онъ, дошаривъ въ своей коробкѣ, нашелъ мѣдную монету, которою насъ и удовлетворилъ, руководясь совершенною аккуратностью въ веденіи своихъ торговыхъ дѣлъ и не желая оставаться ни на грошъ въ долгу.

— Долги, говаривалъ онъ, все равно что моль, какъ заведутся въ мѣху, такъ его и испортятъ.

Окончивъ это дѣло, мы пустились въ дальнѣйшій путь. Зачѣмъ такъ торопились, я тотчасъ приступлю къ объясненію.

Потрудитесь припомнить, что въ началѣ этой статьи было сказано, что Кондратій Безногій отправился съ нами на промыселъ съ увлеченнымъ сердцемъ и съ малою надеждою на благополучное окончаніе своей *зазнобы* (слово это я нахожу выразительнѣе, чѣмъ любовь) или на согласіе отца той дѣвицы, которая «азнобила» его молодецкое сердце, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ соперника, который остался на мѣстѣ и потому былъ очень опасенъ.

Курьеръ, посланный друзьями Кондратія, привезъ ему печальное извѣстіе, что бракъ его соперника съ его невѣстою рѣшенъ и скоро долженъ совершиться.

Я отъ души желалъ, чтобы мой герой лѣсовъ успѣлъ жениться.

Мы пріѣхали въ деревню К. передъ вечеромъ, въ который, какъ тотчасъ узнали, былъ назначенъ и сговоръ. Пришарившись по праздничному мы явились на вечеръ нежданье, какъ сибгъ на голову. Разумѣется, что появленіе Ковдратія произвело различныя впечатлѣнія на невесту, на отца и жениха ей назначеннаго. Но, по обычаю добраго Русскаго народа, насъ приняли радушно.

Ковдратій не замедлилъ показать мнѣ новую свою удадь. Онъ на своихъ короткихъ ногахъ такъ лихо выплясывалъ русскіе танцы, такого задавалъ трепака, что любо было смотрѣть. Танцуя казачка, онъ кромѣ различныхъ прыжковъ, усвоенныхъ этому чисто русскому танцу, сбѣгалъ такой удачный скачекъ, что сталъ на столъ, уставленный разными лакомствами такъ ловко, что не задѣлъ ни одной тарелки; потомъ, сбѣавши на воздухъ антрша и, перевернувшись черезъ голову, сталъ на полъ прямо и продолжалъ танецъ такъ свободно, что видно было, что всѣ эти штуки ему ни почемъ.

Простое, но истинное, чистое веселье безпрестанно оживляло этотъ простонародный вечеръ; тутъ были слышны и разговоръ, и шутки, и остроты, и смѣхъ самый искренній, не принужденный, — и ни что не показывало, чтобы кто-нибудь изъ присутствующихъ имѣлъ какой-либо замыселъ, обдумывалъ какой-нибудь планъ, соображалъ средства и т. под. На-завтра оказалось совсѣмъ иначе.

Я еще спалъ сномъ невинности или звѣролова, только что возвратившагося изъ хребтовъ и совершившаго утомительный переѣздъ, — когда началъ, сквозь рѣдѣющій сонъ, слышать неистовые крики, плачь, вопль, стоны, — словомъ совершенно противоположное той гармоніи, которою я наслаждался вчера вечеромъ.

— Что такое, не было ли пожара? спросилъ я старушку, спокойно сидящую передъ топившейся печкою и сучившую безконечную нить.

— Нѣтъ, сударь, не пожаръ а хуже пожара.

— Что же такое?

— Да такъ, сударь, суматоха.

Т. СХХV. — Отд. III.

— Какъ, отъ чего, что случилось?
 — Да такъ, сударь, волкъ овцу утащилъ.
 — Только-то, стоитъ изъ-за-этого подымать такую тряску.
 — Да вѣдь не розежь, сударь, волкъ, не розна овца.
 — Ну что же такое, овцы вѣдь у насъ не шершисомы, крестыя овцы, рублей пять стоитъ вся шкура.

— Нѣтъ, эта овечка была такая, что другой во всемъ свѣдодкѣ не найдешь, да и волкъ-то не-обыкновенный.

— Какъ необыкновенный?

— Да такъ, обыкновенныя волки бѣгаютъ о четырехъ лапахъ.

— А этого?

— Этотъ безногий.

— Какъ безногий? вкричалъ я, вспомнилъ о моемъ товарищѣ, ужъ не случилось ли чего съ Кондратіемъ?

— Вотъ ужъ вы и встревожились; что такое можете съ нимъ случиться; повсѣдите-ка да помолитесь Богу, завтракъ уже готовъ.

— Ну, бабушка, говори скорѣе какой волкъ, какую овцу утащилъ?

— Я уже вамъ сказала какой волкъ и какую овцу, не ужъ не поняли?

— Неужели Кондратій «укралъ» свою невесту?

— Да видно такъ; Богъ знаетъ чѣмъ еще кончится. За нимъ угналась погоня....

Въ Сибири въ престонародномъ быту бывалъ когда-то обычай; я еще засталъ его. Конечно онъ въ благоустроенномъ государствѣ не могъ долго существовать и потому теперь совершенно уничтоженъ, вмѣстѣ съ безпорядками, которыхъ онъ былъ причиною. Я говорю о бѣглыхъ свадьбахъ.

Станица, въ которой я родился и выросъ, стоитъ на обширной равнинѣ, такъ что за десять верстъ, съ помощію станицы миражей, видно бѣгущую собаку или лисицу, которая вахуется въ верблюда. Въ станицѣ есть церковь, единственная въ довольно обширномъ округѣ. Изъ оконъ нашего дома открывается видъ на теряющуюся въ дали равное пространство, за которому тянется нѣсколько дорогъ изъ многочисленныхъ окрестныхъ и дальнихъ деревень. Бывало, въ ясный лѣтній день

когда яркіе лучи солнца прорезались въ поширеніяхъ равнины, превращали обыкновенные предметы въ самыя фантастическія фигуры, — бывало смотритъ въ окно и неhalюбуемая этому чудное зрѣніе свѣта, — вдругъ на концѣ равнины являлись гнганты, скачущіе на лошадакахъ и другихъ домашнихъ машинакахъ, поднимался пыль образуясь надъ ними джужужія шаверы и все представляется величайшею летящею громадою, иногда отдѣлявшеюся отъ поверхности земли и плывущею на воздухѣ. Но вотъ по мѣрѣ приближенія эта необъяснимая картина, которую создаетъ станной миражъ, принимаетъ нату-ральныя формы и вы уже различаете скачущихъ во весь опоръ всадниковъ, между которыми замѣчаешь одну или два немощныя фигуры. Вы спрашиваете, что это такое.

— Это должна быть бѣглая свадьба.

Кавалькада летитъ прямо къ церкви, — но вотъ за ней явде-тос другая, такъ называемая погоня и если она успѣетъ прио-кавать прежде чѣмъ совершится священныи обрядъ, то дѣло, если оно вошло въ границы мѣстной власти, разбиралось ее и означивалось самымъ неожиданнымъ и не-приятнымъ для обѣихъ сторонъ образомъ. Отецъ мой, начальникъ станицы, въ то время какъ я прыгалъ около него отъ восторга, что наша тихая и однообразная жизнь, нарушилась такою неодо-данною сдѣломъ представителями которой были: одна плачущая не-вѣста, два ея жениха, трепещущіе отъ страха, надежды и не-варности одинъ въ другому, и свята ихъ, тоже воздущенная взаимною ненавистью... въ то время, какъ я съ нетерпѣніемъ ждалъ развязки, въ пользу котораго жениха будетъ рѣшено дѣло и шопотомъ ходатайствовалъ за того, который болѣе мнѣ нравился.

Но если погоня успѣвала догнать бѣглую свадьбу еще въ степи, или какой-либо деревнѣ, то завязывался рукопашный бой, сильная сторона одерживала верхъ и часто женихъ отпра-влялся съ обонми глазами, возвращался съ однимъ, но утѣ-шныи неомошней: правой-да-челомей!

Если свадьба успѣвала повѣнчаться, то по минкованіи нѣкото-рого времени, въ которое гнннъ вскорбленныхъ родителей мѣ-салька утѣлалъ, молодые являлись съ новинной головой, — а дѣло кончалось благополучно.

И вѣдомѣнно при этомъ случаѣ одно происшествіе, случившееся со мною въ юности и бывшее поводомъ къ первому же обыкновенному знакомству моему съ обитателями лѣсовъ.

Я только что былъ отпущенъ изъ школы на ваканціи и возвратясь домой, не узналъ еще подробно событій, случившихся безъ меня. Но завтра же послѣ моего пріѣзда дѣмой, собрались ѣхать въ довольно отдаленный лѣсъ за грибами. Въ числѣ домочадцевъ, отправленныхъ за этимъ дѣломъ, была дѣвѣтка, на рукахъ которой я выросъ и потому нѣмалъ къ ней привязанность, какъ къ бывшей своей нянюшкѣ. Ее звали Маргаритой, она отличалась не обыкновенною скромностію, или, какъ говорить, застенчивостію.

Пріѣхавши въ лѣсъ, мы отаборились, отпустили лошадей на подножный кормъ и разсыпались по лѣсу для сбора грибовъ, перекликаясь по временамъ другъ съ другомъ. Когда наступило время возвратиться дѣмой, всѣ начали собираться къ стѣну и наконецъ — не доставало только одной Маргариты. Поджидавъ ее нѣсколько, мы еще разошлись по лѣсу, кричали, звали, снова сошлись, уже становилось поздно. Маргарита все же не являлась.

— Ахъ, боже мой, воскликнулъ я; ужъ несъѣлъ-ли ее медвѣдь?

Видя мой испугъ одинъ старшій казакъ, желая утѣшить меня сказалъ:

— Не беспокойтесь, баричъ, здѣсь медвѣди только дурачатъ! она вѣрно ушла съ однимъ изъ нихъ.

— Какъ такъ?

— Да развѣ вы не слыхали, что на дняхъ ее сваталъ одинъ молодецъ изъ деревни, ему отказали, такъ вѣрно онъ ее и укралъ.

— Укралъ мою Маргариту! завопилъ я, нѣтъ, я ее непременно догоню и отниму.

И съ этимъ словомъ я пустился бѣжать въ лѣсъ отыскивать Маргариту.

Ни кому не пришло въ голову, что я дѣйствительно исполню свое намѣреніе; всѣ ожидали, что я тотчасъ возвращусь и потому никто небросился за мною; а начали скорѣе собираться

домой, чтобы тамъ дать знать о похищеніи и если успеютъ предупредить бракосочетаніе.

Между тѣмъ я, увлекаемый выжестію дѣтскаго воображенія, бѣжалъ въ полной увѣренности, что догону похитителя и похищенную. Вечеръ уже наступалъ, гигантскія тѣни деревьевъ жилились передъ моими глазами, въ которыхъ впрочемъ, за потомомъ слѣзъ, и безъ того было уже темно. Вдругъ я наткнулся на городьбу и пустился вдоль по ней, воображая, что достигая деревни. Въ одномъ мѣстѣ городьба была прервана на аршинъ и чуть примѣтная тропинка проходила чрезъ это отверстие. Я принялъ ее за ближайшую дорожку къ деревнѣ и бросился въ ворота — но подъ моими ногами захрустѣло и разступилась земля, въ которую я мгновенно и провалился. Разумѣется, что это мнѣ такъ показалось, въ самомъ-же дѣлѣ я упалъ въ яму, которая была прикрыта хвоею и какъ впоследствии я узналъ, назначена для ловли дикихъ козъ. Стѣны ямы укрѣплены были стоячими досками, что при глубинѣ не менѣе сажени, лишало меня всякой возможности вылезти. Я прижавшись въ уголь зарыдалъ и вообразилъ себя совершенно погибшимъ, — но какъ всегда дѣтскія слезы кончаются сномъ, то и я уснулъ въ этой необыкновенной колыбели.

Можно представить какого страху и хлопотъ надѣлало мое бѣгство между моими спутниками, они разсыпались по лѣсу отыскивать меня, — но всѣ ихъ поиски остались напрасными. Въ отчаяніи они возвратились ночью домой и привезли туда два печальныхъ извѣстія о пропажѣ моей и Маргариты: бѣгство послѣдней впрочемъ тотчасъ объяснилось справкою объ ея совершенномъ бракосочетаніи.

Когда я проснулся дрожавшимъ отъ холоду, уже былъ ранній день; по могильная тишина моего мѣсто-пребыванія заставила меня снова плакать. Однакожъ я часто обращалъ взоры мои къ отверстию, сдѣланному паденіемъ въ легкой покрышкѣ ямы и отрадно видѣлъ свозъ негѣ кусочекъ самаго яркаго голубаго неба. Но вотъ это отверстие полузакрылось и чѣмъ-же? головою лисицы. Я закричалъ, сколько мнѣ было силы. Воровка вѣроятно воображала найдти въ ямѣ козленка, испугалась моего голоса и скрылась, — но она оставила мнѣ мучительнѣйшую мысль, что можетъ явиться волкъ или даже мед-

вѣдь; который конечно не испугается вопля ребенка. Но чтобы не мучить себя воспоминаніями объ странномъ заключеніи и васъ подробностями его, скажу скорѣе, что вмѣсто отнѣхъ ищниковъ прѣхалъ къ ямѣ самъ ея хозяинъ. Ощущенія его были самыя переходныя. Сначала онъ видитъ пробитую покрывку ямы и радостно слѣзаетъ съ лошади въ увѣренности, что попалъ коза; онъ открываетъ покрывку, я, по дѣйствию нашего страха и стыда, свертываюсь и забываюсь въ самый угол ямы, онъ разсматриваетъ:—темный предметъ наводитъ его на мысль, что не попалъ ли чернобурая лисица; онъ вглядывается пристальнѣе — и находитъ человѣка, да еще какого? Сына Хорунжіа *, который конечно не проститъ ему такой добычи. Звѣроловъ впрочемъ былъ человѣкъ смѣтливый. Онъ тотчасъ вступилъ со мной въ переговоры.

— Хотите вы, что бы я васъ вытащилъ?

— Еще бы; развѣ смѣешь меня не вытащить?

— По чему бы это не смѣть? мнѣ какое дѣло, что вы попали въ яму.

— Нѣтъ, любезный, пожалуйста вытщи; не то я пожалуй паценьки.

— Но развѣ вы меня не знаете, и развѣ вы надѣетесь еще увидѣть нашего паценьку, если я васъ не выну изъ ямы, то вы не скоро дождетесь другаго.

— Тебѣ заплатятъ за эту услугу.

— Платы мнѣ не нужно, но если вы такъ уже хотите, чтобы я васъ вытащилъ, то дайте мнѣ слово.

— Какое?

— Побожитесь.

— Въ чемъ?

— Что никому не скажете, что попали въ яму; а скажете, что я васъ нашелъ въ ямѣ заблудившійся.

— Нѣтъ, этого я не могу сдѣлать, я не могу солгать...

— А, такъ счастливо оставаться.

— Послушай! — закричалъ я, когда звѣроловъ началъ удаляться, — даю слово и клянусь!

* Хорунжіа былъ тогда начальникъ одной ротандіи, на которой разбиты Клязьминскія конюшни императора.

— Такъ вѣтъ вамъ кушакъ; становитесь въ петлю.

Съ помощію этой простой машины, я былъ вытаскнѣнъ нады; звѣроловъ прикрывъ ее снова, посадилъ меня съзади себя на лошадь и доставилъ домой къ совершенной радости моихъ родителей и спутниковъ за грибами. Я разумѣется сдержалъ слово, данное звѣролову и не сказалъ, что попалъ въ звѣроловную яму, а сказалъ что заблудился въ лѣсу. Между тѣмъ моимъ отсутствіемъ я способствовалъ совершенію брака Маргариты съ набраннымъ ею женихомъ, потому что они въ тотъ же вечеръ пріѣхали въ церковь и были обвѣнчаны.

Никогда не забуду той робости, страха, стыдливости, тѣхъ слезъ, съ которыми Маргарита и ея молодой мужъ стояли въ передней нашего дома и ждали рѣшенія отъ моего отца, который, простилъ ихъ поступокъ, составлявшій почти обычай того времени. За то я ни за что не хотѣлъ простить этому злодѣю похищенія моей няньки!

Приступимъ наконецъ къ повѣствованію похождения моего героя.

Замаскировавъ свои намѣренія не-подѣльнымъ весельемъ, безпрестанною пляскою и смѣхомъ, Кондратій однакоже успѣлъ склонить любимую имъ дѣвцу къ побѣгу. Когда вечеринка кончилась и всѣ улеглись спать, въ полной увѣренности, что ничто не можетъ нарушить предположеннаго на завтра бракосочетанія, Кондратій съ своими приверженцами стоялъ за огородами отъ обдѣланныхъ лошадей для каждаго изъ нихъ и одной для той, которую ожидали. Вскорѣ калитка огорода скринула и женщина, держа подъ мышкою довольно большой узелъ, прокралась между грядъ и перепрыгнула черезъ заборъ. Кондратій принялъ ее на—лету и посадилъ на лошадь. Но въ это время вдругъ раздались во дворѣ крики.

«Стойте, держи, караулъ!»

Наши бѣглецы однакоже не послушались этихъ приказаній, а напротивъ еще какъ можно скорѣе скрылись въ примыкавшемъ къ деревнѣ лѣсу.

Кричавшій былъ отецъ невѣсты, какъ-то догадавшійся объ ее намѣреніи. Онъ продолжалъ кричать и съзывать на помощь, для которой тотчасъ и собрались почти всѣ жители деревни.

— Что такое случилось?

— Да случился то, что Безногий убьжалъ съ моею дочерью вѣнчаться.

— Вотъ-те-на, замѣтилъ какой-то шутникъ, и вышло на самомъ дѣлѣ, какъ говорится въ приказкѣ; безногий-побьжалъ, а безрукой-то связалъ, а нѣмой-то караулъ закричалъ...

— Тебѣ братъ шутка, а мнѣ хоть зарѣзаться, — такъ въ пору.

— Эва ужъ и зарѣзаться; за чѣмъ Кондратій-то тебѣ не зять?

— И слышать нехочу, не отдамъ ни за что за него.

— Да теперь ужъ хоть что ни кричи, а дѣло кончено.

— Нѣтъ не кончено; ребята сѣдлайте-ка коней; въ погоню за ними; не будутъ-же ночью вѣнчаться.

Живо осѣдали лошадей и партія, подъ предводительствомъ разсерженнаго отца, помчалась во весь опоръ. Но вотъ на разставняхъ, т. е. на раздѣленіи дороги, они остановились. Въ которую церковь поѣхали? Ихъ три въ разныхъ сторонахъ. Раздѣлиться, такъ безъ отца ни чего не сдѣлаютъ.

— А, сказалъ старикъ, на удачу, поѣдѣте по этой. Не понали на слѣдъ, такъ вѣрно такъ ему и быть.

И снова помчались.

Между тѣмъ первые наши всадники были уже далеко отъ своей деревни; боясь погони, которую предвидѣли, они понуждали своихъ лошадей безпрестанно и скакали, не останавливаясь. Вотъ уже они видятъ село, въ которомъ предположили вѣнчаться, вотъ они и пріѣхали прямо къ дому священника. Была еще ночь и надобно было стучаться.

Тутъ-то можетъ быть въ первый разъ въ жизни взяла моего смѣльчака робость. Тутъ ему представился вопросъ: какъ онъ скажетъ, что укралъ невѣсту, что свадьба его бѣглая? Какъ ему поступить ежели не согласятся его обвинять и еще болѣе, ежели его разлучать съ невѣстой? И наконецъ ежели въ это время набѣжитъ погоня?

Но жребій брошенъ, медлить нельзя, надобно поступаться.

— Кого надобно?

— Батюшку.

— Дома нѣтъ; уѣхалъ въ такую-то деревню съ требой.

Ждать, — или ѣхать въ другое село? — новый вопросъ.

Ждать такъ дождешься погоню. Рѣшено было ѣхать и нани

всадники уѣхали; и очень кстати, потому что въ слѣдъ за ними явилась въ село отыскивающая ихъ погоня. Опять стучатся въ домъ священника.

— Кого надобно?

— Не была-ли здѣсь бѣглая свадьба?

— А Богъ ее знаетъ; недавно кто-то стучался, спрашивали батюшка; но его нѣтъ дома, уѣхалъ въ какую-то деревню съ требой.

— А, это они, сказала злобно старикъ, теперь не ускокнутъ: они вѣрно поѣхали въ то село; ѣдемъ и мы туда.

Такъ иногда бѣглая свадьба и погоня за нею мчалась изъ села въ село; тамъ не заставляли священника; другой не соглашался вѣнчать; иногда такое-то направленіе принято ложно, только для отводу и для скрѣтія настоящаго пути. Словомъ употреблялись разныя хитрости.

— Не встрѣчалъ ли, почтеннѣйшій кого? спрашиваетъ старикъ у ѣдущаго на встрѣчу крестьянина.

— А кого тебѣ надобно?

— Да вотъ *вершниковъ* съ дѣвкой.

— А, встрѣтилъ; проскакали вотъ версты три отсюда.

— О, теперь они не уйдутъ отъ меня.

Дорога изъ горъ и лѣсовъ вышла между тѣмъ на открытую равнину; старикъ къ величайшей своей радости увидѣлъ вдали тѣхъ, кого онъ преслѣдовалъ и уже не было ни какого вѣроятія въ томъ, чтобы они могли ускользнуть изъ его рукъ. Онъ поѣхалъ тише, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, которыя проскакали болѣе ста верстъ и расчелъ, — лучше допустить похитителя въ село, гдѣ съ помощію мѣстной власти отобрать у него свою дочь. Преслѣдуемые также ѣхали не скоро, такъ что они были въ виду.

Два дня оставался я въ мучительной неизвѣстности объ участи моего товарища, по звѣроловству. Я зналъ, что за нимъ отправилась почти вслѣдъ погоня и что ему невозможно было ускользнуть; я былъ увѣренъ что это дѣло не кончится добромъ.

— А какъ, бабушка, ты думаешь, чѣмъ дѣло-то кончится? спрашивалъ я ту-же старушку, отъ которой узналъ эту новость и которая невозмутимо сядѣла и прjala.

— А кончится тѣмъ, чѣмъ Богу угодно. Видь Кондратъ, нашъ сколько разъ сваталъ дѣвку-то, и она спала и видѣла выйдти за него, такъ нѣтъ отецъ заупрямился: не богатъ-то; да что въ немъ въ богатствѣ-то, прости Господи! Были-бы се-вѣтъ да любовь, такъ и безъ богатства жить можно. Да и бо-гатство, хотъ какое, развѣ вѣковѣчно?

— Такъ, такъ, бабушка, но однако какъ ты думаешь, успе-етъ ли Кондратій-то обвѣнчаться?

— Ежели судьба,—такъ обвѣнчается; а не судьба,—такъ не обвѣнчается.

Подъ вечеръ втораго дня заблалъ на мою квартиру тотъ крестьянинъ, который повстрѣчалъ обѣ, бѣгущую и догоняю-щую, партіи и какъ по его словамъ разстояніе между ними было ничтожное, то я окончательно потерялъ надежду на вы-игрышъ дѣла моимъ товарищемъ.

Впрочемъ не я одинъ, вся деревня, раздѣленная на двѣ партіи, приверженцевъ и враговъ Кондратія, съ нетерпѣніемъ ожи-дали развязки этого происшествія и на улицѣ безирестанно возникали споры и ссоры двухъ сторонъ. Молодые парни не-сходили съ крышъ домовъ, попеременно вліематривая въ даль не ѣдетъ ли кто-либо. Молодые дѣвки шептались и смѣялись межъ подтишка, и конечно каждая изъ нихъ въ свою очередь приготавлилась къ такой же интересующей всю деревню роли.

— А что, Дмитро, спрашивалъ парень съ земли, другаго загляшаго на крышу, что не видать ли кого?

— Нѣтъ, тѣхъ то нѣтъ; а ѣдутъ какіе-то двое; мужикъ съ бабой.

— Ну это не тѣ.

— А какись тѣ.

— Что ты двое? Да ихъ человекъ двадцать есть.

— А бываетъ передрались да переувѣчили всѣхъ, такъ двое и ѣдутъ; столько-де осталось цѣлыхъ.

— О, ты, бредишь.

— Да не брежу, смотри.

И мигомъ при этой вѣсти всѣ парни залѣзли на мабы сме-трѣть на ѣдущихъ.

Я хотя слышалъ этотъ разговоръ, но не принималъ на ка-кого участія въ ѣдущихъ, потому что вѣроятно это были не

тѣ, которые меня интересовали въ настоящее время. Въ самомъ дѣлѣ, — какъ они двое только могли возвратиться?

Крики однакоже на улицѣ увеличиваются, переходя въ возгласы восторга, сливаются съ смѣхомъ, говоромъ и наконецъ съ развеселюю пѣснью. А старушка моя все сидитъ, не придеть.

— Что такое тамъ, бабушка?

— Ребята знать разшались, родимой.

Но вотъ дверь отворилась и мой Кондратій введя въ избу молодую женщину, упалъ съ нею въ ноги старушкѣ. Пряма вышала изъ ея рукъ.

— Благословите насъ бабушка!

— Богъ васъ благословитъ! Ну что, какъ?

— Слава Богу благополучно повѣнчался.

— Какъ такъ? А отецъ?

Тутъ краснорѣчивый Кондратій разсказалъ, что предвидя что ему неускакать отъ погони, въ первомъ селѣ, гдѣ они не нашли священника дома, онъ съ своею невѣстою остался у знакомаго, а товарищей своего бѣгства пустилъ бѣжать далѣе, повязавъ одного изъ нихъ краснымъ платкомъ и сдѣлавъ имъ строгій наказъ бѣжать, какъ можно далѣе. Самъ же между тѣмъ дождался священника, объяснилъ ему въ чемъ его дѣло и, пригласивъ свидѣтелей, обвѣнчался.

— Теперь уже ея отецъ волею или неволею долженъ будетъ признать меня своимъ зятемъ, сказалъ Кондратій, въ заключеніе.

— Дай Богъ тебѣ, любезный, жить да поживать и дѣтейаживать, сказалъ я ему, прощай и будь счастливъ!

ЧЕРЕШАНОВЪ.

Соврѣменнѣе мало извѣстныхъ словъ, касающихся зѣвропромышленности.

А.

Ангарская бѣлка, — бѣлка, добывасма по рѣкѣ Верхней Ангарѣ, впадающей въ оз. Байкаль.

Ань, — (монгольское слово), — звѣрь.

Арбатскія ворота, — четверугольное отверстіе въ скалѣ,

лежащей по вершинѣ одного отрога Яблоннаго или Становаго хребта.

Аргали, — дикій баранъ.

Артель, — компанія звѣропромышленниковъ, условившихся дѣлить между собою добычу.

Б.

Базлуки, — желѣзные скобки съ двумя щипами, привязываемыя звѣроловами къ подошвамъ, въ видѣ подковъ, съ тою же цѣлюю.

Баргузинская бѣлка, — бѣлка, добываемая по восточному берегу оз. Байкала и скупаемая въ партіи въ бывшемъ городѣ Баргузинѣ.

Баргузинскій соболь, — тоже, что бѣлка.

Барсучина, — шкура барсука.

Бать, — выдолбленное дерево, служащее вмѣсто лодки.

Борловина, — шкура дикой козы, убитой весной; имѣетъ непрочную, длинную рѣдкую шерсть и вся въ *свищахъ* (см. это).

Ботало, — колоколь изъ желѣза, привязываемый къ лошадамъ для пуганія волковъ.

Бунтуки, — лисьи или волчьи хвосты, носимые зимою на петелькѣ, надѣтой на палецъ руки для того, чтобы они закрывали отъ холода отверстіе рукава.

Бунтить, — связывать бѣличьи шкуры.

Бунтъ, — связка бѣличьихъ шкуръ, по пятидесяти штукъ. Для Китайцевъ-же бѣлку бунтятъ по десяти штукъ, кладя въ средину низкіе сорта и связывая туго въ двухъ или трехъ мѣстахъ.

Бѣличій зарядъ, — самый легкій зарядъ, могущій убить только бѣлку.

Бѣличья пуля, — мелкая пуля, сто и болѣе изъ фунта.

Бѣлкѣ, — горы покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ.

Бѣлковая собака, — звѣровая собака, отыскивающая бѣлку.

Бѣлковье, — время промысла бѣлки.

В.

Валежникъ, — упавшій лѣсъ.

Варево, — съѣстные припасы, взятыя съ собою звѣроловами.

Варя, — одна порція съѣстныхъ припасовъ.

Верховой, — воронъ.

Верхъ, — мѣста, лежащія при источникахъ рѣкъ.

Вершинникъ, — всадникъ.

Вожжанка, — бѣличья шкура, подпоясъ, имѣющая на мездрѣ бѣлыя полосы, означающія переходъ въ чистую бѣлку.

Вольные хребты, — звѣроловныя мѣста, ни кому не принадлежащія.

Всугонь, — въ догонку, на бѣгу (выстрѣлить, убить).

Выливать, — наливая въ нору звѣрьковъ воду, выживають ихъ оттуда.

Выкуривать, — выживають изъ норъ звѣрей дымомъ.

Высмотръ, — определенное время для осмотра звѣроловныхъ снарядовъ.

Г.

Гарь, мѣсто выгорѣвшее отъ лѣсныхъ пожаровъ.

Голкъ, — звукъ выстрѣла, залпъ.

Головня, — змѣя.

Голомедь, — гололедь.

Гольцы, — высокія горы, лишенныя растительности.

Горбольсы, — бѣлка, у которой по спинѣ есть отливъ красной шерсти, означающій переходъ изъ хорошаго въ плохой сортъ.

Грива, — самая вершина горы или хребта.

Гуджиръ, — не очищенная сибирская соль и мѣсто ея рожденія.

Губы, — древесный грибокъ, изъ котораго дѣлають трутъ для добыванія огня.

Гураинна, — шкура самца дикой козы, убитаго осенью.

Гуранъ, — самецъ дикихъ козъ.

Гусемъ, гуськомъ, — бада одинъ за другимъ.

Д.

Даха, — шуба изъ шкуры дикой козы или оленя, носимая вверхъ шерстью.

Дошлая, — шкура звѣря, имѣющая шерсть во всемъ совершенствѣ.

Деревянный огонь, — огонь добываемый трением дерева объ другое.

Дранка, — драный медвѣдець.

Дымленая шкура, — выдѣланныя шкуры оленей и дичи въ козѣ нашиваютъ дымомъ лѣственныхъ шишекъ, отъ чего онѣ принимаютъ желтый цвѣтъ и мѣтѣ портятся отъ сырости.

Дымокуръ, — куриво, или горюща не плашущая растенія, производящія только дымъ, отгоняющій насѣкомыхъ.

Е.

Ельники, — словый лѣсъ.

Ж.

Жѣнка, — самка.

Жеребей, — неправильные куски рубленнаго свинцу, употребляемые вмѣсто пуль. Жеребьямъ приписываютъ звѣроловы больше силы, чѣмъ пулѣ и притомъ ихъ нѣсколько забивается въ винтовку, когда идутъ на медвѣдя.

Живой огонь, — пламя.

Жилы, — жилы звѣрей очищенныя и выдѣланныя, — такъ что они раздѣляясь на тонкія пряди, ссученыя, служатъ вмѣсто нитокъ.

З.

Завѣденіе, — въ хребтахъ ямы и другія ловушки.

Заломъ, — звѣроловы, найдя берлогу медвѣдя, всоюзываютъ въ отверстіе два стѣга и скрещиваютъ ихъ, чтобы звѣря не выскочилъ: это называется заломомъ.

Запѣшить, — задумать, замучить.

Засадка, — щить, сдѣланный изъ вѣтвей, за котораго прятается звѣроловъ, чтобы не быть замѣченнымъ звѣремъ.

Засапожникъ, — малый ножъ, шоссимый за голенищемъ сапога.

Засѣка, — срубленные деревья въ одну сторону, такъ чтобы они падая по одному направленію образовали преграду свободному ходу звѣрей.

Звѣрина, — шкура какого-либо звѣря.

Звѣристо, — много медвѣдей и волковъ.

Звѣринный переходъ (см. сфериндъ).

Звѣринный ревъ, — (см. ревъ).

Звѣровая собака, — собака, способная нападать на звѣри или отыскивать его по слѣду.

Звѣровать, — охотиться, ловить звѣрей.

→ **Звѣровъё**, — ловля звѣрей, охота за звѣрями.

Звѣровацникъ, — охотникъ на звѣрей.

Звѣропромышленность, — охота за звѣрями, какъ правильный промыселъ.

Звѣропромышленникъ, — человекъ, принадлежащій къ классу постоянныхъ охотниковъ на звѣрей.

Звѣръ, — такъ называютъ собственно медвѣдя.

Зимовье, — домикъ, построенный въ мѣстахъ зимней ловли звѣрей.

Зимовщикъ, — зимній промышленникъ звѣрей.

Зимній Никола (см. Никола).

Злобокъ, — возвышеніе на равнинѣ.

И.

Игла, — жердь или тонкій и длинный брусъ, употребляемый въ ловушкахъ: *насти* и *кряжъ* (см. эти слова).

Испорухаться, — испортиться (ружьё).

К.

Калгусъ, — болото, трясины.

Кальба, — форма для отливанія пуль.

Камлюсы, — обувь, шерстью вверхъ, изъ шкуры, снятой съ ноги лошади, оленя и проч.

Капаруля, — остроугольный заступъ, орудіе для выкапыванія кореньевъ.

Карымъ, — инородецъ, принявшій православную вѣру и русскій образъ жизни и обычай.

Клыки, — клы, длинные зубы кабана.

Крестовка, — желтая лисица, имѣющая на хребтѣ четыре красныхъ пятна, расположенныхъ крестообразно.

Кулани, — шарообразныя натеки крови на концахъ наубранныхъ рогъ, придающіе имъ большую цѣнность.

Кряжъ, — ловушка на кабаргу. Дѣлается изъ двухъ бревенъ, одно лежитъ на землѣ, другое подымается посредствомъ илы или длинной жерди, конецъ которой держится на *мечурѣ*, или

паякъ, лежащей на пнѣ, на перевѣзѣ; другой конецъ мотыря держится *силкою* (веревчатою пружинкою), которая отъ прикосновенія соскакиваетъ и верхнее бревно падаетъ.

Кулемка, — ловушка на соболей, состоитъ изъ двухъ брусьевъ, изъ которыхъ одинъ поднятъ надъ другимъ и держится на пружинкѣ, называемой *чалокъ*. Съ одной стороны отгорожено маленькое пространство, гдѣ положена живность и ходъ туда открыть только чрезъ чалокъ, задѣвъ который, соболь роняетъ на себя ловушку.

Кулемочный соболь, — соболь, добытый въ ловушкѣ кулемкѣ, цѣнятся въ торговлѣ ниже ружейнаго соболя, потому что хорошій соболь не попадается въ ловушки.

Куржакъ, — застывшіе нары, выходящіе изъ какого-либо теплаго мѣста.

Куркавка, — ловушка на соболей. Къ небольшому камню привязываютъ дугу, въ которой укрѣплена волосная петля; камень этотъ ставятъ на лежація, черезъ ручьи, деревья, по которымъ обыкновенно перебѣгаетъ соболь. Попавъ въ петлю, онъ рванется и вмѣстѣ съ камнемъ падаетъ въ воду, гдѣ его находятъ утонувшимъ. Такое утопленіе придумано для того, что безъ этого соболь перегрызъ-бы петлю и ушелъ.

Л.

Лабазъ, — кладовая для съѣстныхъ припасовъ, устроенная на высокомъ пнѣ дерева, для безопасности отъ хищничества медвѣдей.

Лапы, — шкура съ ногъ лапчатыхъ звѣрей.

Листвяки, — листовичныя рощи.

Лисій сахаръ, — сулема, какъ предметъ запрещенный.

Лисья темнота, — самая темная пора ночи, передъ рассвѣтомъ.

Лопшакъ, — годовой лось, въубрь и т. вод.

Лосина, — выдѣланная кожа лося.

Лунуть, — ружью выстрѣлить самому собою.

Лѣтній Никола, — (см. Никола).

М.

Медвѣдина, — медвѣжья шкура.

Мишара, — всякая дрянь (настрѣлена).

Мороженка, — черная бѣлка, посредствомъ холода принявшая бѣловатый цвѣтъ мездры, такъ что продается въ числѣ чистой бѣлки.

Матьрь, — часть ловушки *пасты* (см. это).

Мужичекъ, — самецъ.

Н.

На-Божью волю, — выстрѣлить на удачу, безъ прицѣла, въ лѣтъ.

Нагалище, — чехоль на ружье, изъ шкуры барсука.

Нажива, — какаля-либо живица, вкладываемая въ ловушки, для приманки звѣрей.

Наживникъ, — станокъ или спица для держанія наживы.

Накипень, — ключевая вода, выступающая зимою и замерзающая, образуя цѣлыя горы льду.

Напульникъ, — мѣшечекъ для пуль.

Насторожка, — пружинка въ ловушкахъ.

Настъ, — верхній твердый слой снѣга, на который загоняють дикихъ козъ, чтобы онѣ, проваливаясь, не могли убѣгать отъ преслѣдованія.

Натруска, — пороховница.

Недбисокъ, недолись, — молодая лисья шкура, щенки.

Неученая (лошадь), — неѣзженная, не бывшая еще въ упряжѣ или подъ сѣдломъ.

Низовый, — Русскій прибывшій изъ Россіи, не туземецъ.

Низъ, — всякое мѣсто, находящееся внизъ по теченіи рѣкъ далеко, такъ что подъ словомъ этимъ разумѣютъ и Россію.

Никола, — праздникъ Св. Николая Чудотворца, служащій сибирскимъ звѣроловамъ сроками: первый, 9 мая, называемый лтмимъ *Николю*, для полученія одолженій или ссудъ, а второй 6 декабря, зимній *Никола*, для платежа долговъ. По чему этотъ праздникъ извѣстенъ всѣмъ, даже дикимъ обитателямъ Сибири.

О.

Облава, — (монгольское *обала*), — ловля звѣрей многими, изъ коихъ одни пугаютъ звѣрей и гонятъ въ ту сторону, гдѣ засѣли другіе съ ружьями.

Обская бѣлка, — бѣлка, убитая по рѣкѣ Оби; самый послѣдній сортъ бѣлки.

Оводъ, — насекомое слѣпень.

Огневка, — ярко-красная лисица.

Олоши, — (монгольское слово), шерстяные чулки съ кожанною нашивкою ввидѣ надѣтыхъ на чулки *алоши*.

Онгонъ, — посвященный божеству.

Оннинская бѣлка, — бѣлка, убитая въ мѣстности, близъ рѣки Оны, сорта средняго.

II.

Падь, — узкая долина, лощина.

Палы, — лѣсной пожаръ.

Парка, — якутская шуба, сшитая безъ разрѣза, какъ рубашка и выѣющая, надѣваемая на голову, куль.

Перенога, — свѣжій звѣриный слѣдъ.

Подкрученикъ, — работникъ, нанимаемый для стрѣльбы звѣрей, въ пользу хозяина.

Пасть, — ловушка на кабана. Дѣлается такъ: девять толстыхъ саженныхъ бревенъ въ одномъ концѣ соединены жердью (иглою), поднявъ иглу за одинъ конецъ, кладутъ ее на конецъ же *мотыря*, или палки, длиною въ аршинъ, которая положена на перевѣсъ на пень, другой конецъ ея держится *насторожкой* или пружинкою, снабженною какою-либо *мажкою* т.-е. съѣдомою живностию, тронувъ которую звѣрь стонкнетъ пружинку, эта отпускаетъ мотырь, а мотырь иглу и выѣстъ съ нею тяжесть девяти бревенъ, на звѣря. Съ одной, поднятой стороны, эта ловушка забирается стѣнкою и вся прикрывается вѣтвями.

Переходъ, — тропинка, по которой звѣря переходятъ долины.

Петровка, — бѣлка, убитая около Петрова-дня (29 июня).

Плашка, — ловушка на бѣлокъ. Двѣ доски, положенныя въ предосторожность отъ мышей на висячія палки, вдолбленныя въ дерево; одна доска, косвенно, подымается за пружинку, наживленную рыбою, тронувъ которую бѣлка роняетъ на себя доску, съ положеннымъ на нея гнетомъ.

Планинкъ, — цѣнь плашекъ, поставленныхъ вокругъ какой-либо горы.

Планичная бѣлка, — бѣлка, добытая въ планикахъ.

Плѣски, — метли изъ водосъ, какъ ловушки для птицъ и мелкихъ звѣрей.

По-вѣтру, — по теченію воздуха, такъ чтобы звѣрь не могъ обонять присутствія опасности.

Подполь, — сортъ бѣлки, имѣющей черную мездру, цѣнится дѣль за одну чистую бѣлку.

Подземный медвѣдь, — медвѣдь, выгнанный изъ берлоги.

Помѣтъ, — приготовленная отравка для звѣрей.

Поняга, — станокъ, къ которому привязываютъ звѣроловы то, что берутъ съ собой, для удобства носки на спинѣ.

Пороша, — чуть напавшій снѣгъ, удобный для выслѣживанія звѣря.

По-черну, — по землѣ, еще не покрытой снѣгомъ.

Проглѣсокъ, — открытое мѣсто, между лѣсомъ.

Промыселъ, — добыча.

Проходныя мѣста, — звѣроловныя мѣста, въ которыхъ не производится постоянно промысла, а стрѣляютъ, то что попадется на ходу.

Пурга, — вьюга, метель.

Пыжикъ, — шкура маленькаго оленя.

Цыжовина, — тонкая кожа, негодная для выдѣлки.

Р.

Разстані, — раздѣленіе дороги на нѣсколько вѣтвей.

Рѣвъ, — время любви звѣрей, въ которой они ревутъ, свывая самокъ.

Родуга, — замша изъ кабаржскихъ шкуръ.

Роженъ, — деревянное вертело, на которомъ жарятъ мясо.

Россыпь, — груды камней, другъ на другѣ лежащія, такъ что пустоты между ними служатъ норами для звѣрей.

Ружейная бѣлка, ружейный соболь, — шкуры этихъ звѣрей, убитыхъ ружьемъ; онѣ отличаются нѣсколько окровавленною мездрую.

С.

Сажь (монгольское слово), — вѣтвь оленьяго—изубренного рога; количествомъ этихъ вѣтвей опредѣляется достоинство роговъ: шести-салянъе, осми-салянъе и рѣдко десяти и дванадцати-салянъе.

Самосушникъ, — деревья, сами-собою засохшія на мѣртъ.

Сарана, — полевая лилія.

Сары, — непромокаемая кожаная обувь, приготовляемая въ Якутскѣ.

Свална, — ружейный стволъ.

Свищи, — язви на кожѣ звѣрей; по выдѣлкѣ кожи на мѣстѣ этихъ язвъ образуются дыры.

Сгрудить, — согнать, въ одно стадо, нѣсколько звѣрей.

Сиверь, сѣверная сторона горъ.

Сиводушка, — желтая лисица съ темною грудью.

Силка, — волосная или веревчатая пружинка, употребляемая въ ловушкахъ.

Сипоха, — сортъ бѣличьихъ шкуръ, принимаемый въ торговлѣ три за двѣ настоящихъ бѣлокъ.

Солнопѣкъ, — южная сторона горъ.

Сѣшки, — придѣлываемыя къ ружью двѣ деревянныя палки, который служатъ для держанія ружья, во время прицѣла.

Солонцы, — солончаки, мѣсто — рожденія сибирской соли.

Становище, станъ, становье, — мѣсто, гдѣ звѣроловы имѣютъ свое жительство, во время звѣроловства.

Степная лисица, — плохой сортъ лисицы, убиваемой въ степяхъ.

Стланцы, — на вѣтвочайшихъ горахъ, гдѣ уже растительность принимаетъ свою особенность, вѣтви деревьевъ растутъ прямо отъ корня безъ стволовъ, — эти вѣтви и называються стланцами отъ того, что стелются по землѣ.

Сторожкая собака, — чуткая собака.

Струя, — мускусъ кабарги.

Стрѣлка, — мысль, образуемый соединеніемъ двухъ рѣкъ.

Ступь, — шагъ, ходъ шагомъ (звѣри).

Сундалой, — вѣхать верхомъ вдвоемъ, на одной лошади.

Бѣрежка, — маленькая чашечка или ложка съ горючемъ сѣрою для добыванія огня.

Т.

Толой, — особый видъ зайца, водится по р. Омоу, Забайкальской области и отличается тѣмъ, что не перемѣняетъ своего сѣраго цвѣта шерсти.

Тулуномъ снать шкуру, — снать шкуру съ звѣря, не разрывая ея въ доль, а только подрѣзая съзади.

Тункинская бѣлка; тункинскій соболь, — звѣри эти, убитые на Саянскомъ хребтѣ, названіе это получили отъ главнаго мѣста жительства звѣролововъ, Тункинской станицы.

У.

Унты, — обувь, сшитая изъ козюльнхъ шкуръ, шерстью во внутрь.

Урганъ, — мышьи запасы на зиму.

Ускокъ, — прыжекъ (звѣря).

Ухожье, — мѣсто звѣринаго промысла и высмотръ ловушекъ.

Ученая (лошадь), — выгѣзженная въ упряжкѣ и подъ сѣдломъ.

Ушканъ, — заяцъ.

Х.

Хилюкская бѣлка, — бѣлка, добытая по р. Хилку, въ Забайкальской области.

Ходить на соболя (собакѣ), — имѣть способность отыскивать соболя.

Ц.

Цумугунъ, — мозгъ ножныхъ костей.

Ч.

Чалокъ, — пружинка въ ловушкахъ.

Чернолѣсье, — глубокій темный лѣсъ, дремучій лѣсъ.

Черная крупа, — порохъ, какъ товаръ, доставаемый не по-зволительнымъ путемъ.

Чикойская бѣлка, чикойскій соболь, — звѣри убитые по рѣкѣ Чикойю, въ Забайкальской области. Лучшій сортъ.

Чистая бѣлка, — бѣлка, дошедшая до совершеннаго роста и пушности своей шерсти; имѣеть мездру бѣлую.

Черная лисица, — лисица, имѣющая черноватую шерсть.

Чернобурая лисица, — лисица, имѣющая шерсть черную, свѣшанную съ желтою.

Ш.

Шаста, — древесный мохъ, которымъ питаются олени; онъ образуется, въ слѣдствіе засыханія вѣтвей деревьевъ.

Щ.

Щеки, — двѣ противоположныя скалы, раздѣленныя узкою долиною или рѣкою.

Щенокъ, — голая шкурка бѣлки.

Щелкать, — грызть, ѣсть орѣхи.

Ъ.

Ъдовой, — проѣзжающій, ѣдущій

Ю.

Юрта, — домикъ безъ печи.

Я.

Якутская бѣлка, якутскій соболь, — звѣри, убитые въ Якутской области. Самый лучший сортъ.

Яргачъ, — выношенная даха или шуба изъ козуляго мѣла.

Яма, собственное имя звѣриной ловушки или ямы, вырытой въ 4 арш. глубиною, 3 ар. длиною и 1 арш. шириною. Такъ выхъ ямъ на разстояніи одна отъ другой, на 50 сажень, выкапываютъ нѣсколько вокругъ горы; между ними дѣлаютъ гордобу и надъ ямою оставляютъ проходъ. Яма прикрывается, на тонкихъ перекладинахъ, хвоею или травою.

С. Ч.

=

ИЗЪ ПАРИЖА ВЪ ЧЕРНОГОРЬЕ.

=

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ К. МАРМЬЕ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

III.

Лусинно. — Ускоки.

Ллойдъ, это дѣятельное и смышленное общество, которому Триестъ обязанъ большею частью своимъ новымъ торговымъ движеніемъ, сдѣлало дѣло чрезвычайно важное для Далмаціи. Оно дало ей способъ сообщеній, который она никогда не имѣла, бросило на ея берега связь сближающую города одинъ съ другимъ и соединяющую ихъ съ главнымъ городомъ австрійскихъ приморскихъ владѣній. На землѣ нѣтъ дороги; по морю медленное плаванье близъ береговъ, вотъ что было прежде въ Далмаціи. Ллойдъ устроилъ тамъ правильную флоту пароходовъ и если устроивая это думалъ сдѣлать доброе дѣло, то должно сознаться, что съ избыткомъ былъ награжденъ за свою добродѣтель. Всякой знаетъ, что умножая средства сообщенія умножаютъ вмѣстѣ съ этимъ и число путешественниковъ. Того кто не имѣлъ ни малѣйшей охоты забраться на тяжелый пакетъ-ботъ или запереться въ грубую повозку, мало по малу колеблетъ свистокъ паровоза и побѣждаетъ въ его домохозяйныхъ привычкахъ. Или тотъ, который довольствовался вести дѣла письменно, находитъ что гораздо удобнѣе и выгоднѣе сѣздать лично обдѣлать ихъ въ тѣ мѣста, куда изданный пароходъ доставитъ его такъ скоро. Не случилось ли въ Алжирѣ.

Т. СХІV. — Отд. III.

рѣ, что наши первоначальные способы къ передвиженію, наши простые дилижансы, побѣждали даже мусульманское упрямство и уносили Арабовъ сначала удивленныхъ, потомъ очарованныхъ этимъ новымъ способомъ переѣзжать пространства?

Таже самая побѣда надъ нравами апатическаго народа быстро совершилась и въ Далмаціи. Ллойдъ началъ двумя маленькими пароходами, дѣлавшими переѣздъ въ двѣ недѣли, потомъ долженъ былъ пустить пароходы болѣе значительные и отправлять ихъ каждую недѣлю. Нынѣшній годъ онъ будетъ отправлять носемъ разъ въ мѣсяць, — до того умножилось число пассажировъ и число груза. Плаванье въ Далмаціи, вѣстѣ съ венеціанскимъ, самое выгодное изъ всѣхъ, какія онъ такъ искусно устроилъ въ разныхъ странахъ. Хотя онъ обязанъ ларомъ перевозить почтовые корреспонденціи, но получаетъ изъ своего предпріятія такую прибыль, которая годъ отъ году увеличивается.

Въ тотъ день, когда я отплылъ на одномъ изъ этихъ трудолюбивыхъ судовъ, незнаю какимъ образомъ досталъ себѣ мѣсто, если бы одинъ изъ чиновниковъ Ллойда, которому я былъ рекомендованъ, не взялся самъ быть мнѣ проводникомъ и съискать каюту. Палуба была загромождена мѣшками, бочками, тюками всѣхъ родовъ и усыпана пассажирами.

Устроившись, худо ли хорошо ли, въ этомъ шкапникѣ, который служить постелью, я не могъ не поинтересоваться муравейникомъ, съ которымъ отправлялся въ путь. Въ каждой странѣ пароходы имѣютъ свою особую физиономію. Это родъ странствующаго міра, отдѣленнаго отъ странъ, черезъ которыя проѣзжаешь и отъ странъ сосѣднихъ и которыя не встрѣтишь въ другихъ краяхъ. Это мѣстная картинъ въ путешествіи.

Пароходъ представляетъ въ тѣсной рамкѣ собраніе человеческихъ существъ различнаго рода. Нашъ увозятъ Итальянцевъ, которые безпрестанно уходятъ и приходятъ, говорятъ громкимъ голосомъ съ такими тѣлодвиженіями, какъ будто она на базарѣ; Греки въ изящномъ костюмѣ, съ серьезнымъ лицомъ садятся молча въ сторонѣ и курятъ трубку съ восточнымъ безстрастіемъ; далматскіе студенты возвращающіеся изъ столицы Австрійской имперіи, одѣтые по последней журнальной картинкѣ, разговариваютъ объ удовольствіяхъ *Vingtheater*,

о прелестяхъ Скабелъ, съ такимъ увлеченіемъ, которое доказываетъ что если они не везутъ на родину всеобщее знаніе, то по крайней мѣрѣ довольно порадовочное разнообразіе познаний. Возлѣ нихъ стоятъ, какъ статуи Геркулеса, неподвижныя и хлѣбныя жоселяне горняки далматскихъ странъ. Они закутаны въ плащи съ длинной шерстью, которые можно принять за гдѣдѣжью кожи. Какая настоятельная причина могла заставить ихъ оставить землю такъ дль нихъ дорогую и предпринять морское путешествіе? Не знаю. Но смотря на угрюмое презрѣніе, съ какимъ они обводятъ взоры вокругъ себя, легко угадать, что они вѣрно хранятъ уваженіе къ горамъ своимъ.

Природа, въ своемъ великолѣпномъ пространствѣ, предоставляетъ любви человека двѣ великія поэтическія ограниченія: горы и море. Цѣлымъ народамъ достаточно одной изъ этихъ страницъ. Сердцамъ болѣе просторнымъ или болѣе требовательнымъ потребны обѣ.

Очень странны многія изъ фигуръ, которыя я открываю возлѣ себя и очень странна ихъ одежда. Нѣкоторые поражаютъ меня безастраннымъ спокойствіемъ; другіе оцѣлѣются съ чудными выраженіемъ мужества подъ кашюшономъ скрывающаго ихъ бурнуса, какъ рисунки, начертанныя рукою художника, которыхъ искусная чистка освобождаетъ отъ грубаго слоя краски. Но тотъ, кто съ береговъ Рейна придетъ прямо на эти далматскіе берега съ свѣжими образами, улыбающимся его вострамомъ и напечатлѣвшимся въ его умѣ, тотъ въ нѣсколькихъ стахъ мильхъ разстоянія испытаетъ вѣроятно очень непріятное удивленіе. Тамъ, красивые пароходы, плавающіе какъ подвижныя залы у подошвы земныхъ холмовъ, поэтическихъ скалъ, отвозящихъ отъ города къ городу, отъ легенды къ легендѣ, художниковъ въ отпускъ, сановниковъ, пользующихся ваканціями, и что всего важнѣе прелестныхъ парижанокъ, этихъ неподражаемыхъ цвѣтковъ истинной граціи и истиннаго изящества; здѣсь напротивъ тяжелыя суда, имѣющія одно торговое назначеніе, посѣщающія Бѣдную страну, и служащія способомъ сообщенія Бѣдному народу, до того привывшему къ своей Бѣдности, что тѣ изъ нихъ, которымъ незначай случится встрѣтить на дорогѣ причудливую фортуна, собираютъ дары ея и забываютъ ими пользоваться.

На моемъ пароходѣ два молодые Морлаха привлекаютъ всеобщее вниманіе; злая лихорадка унесла ихъ въ одинъ прекрасный день съ суровой родной почвы къ берегамъ Санъ-Франциско, и какъ они были ловки, очень ловки не смотря на свою дикость, то и возвращаются съ капиталомъ въ триста тысячъ флориновъ. Это богатство не измѣнило ихъ прежнихъ экономныхъ привычекъ; на рубашкѣ у нихъ вмѣсто булавокъ воткнуты два огромные камня, но они не позволили себѣ взять первыя мѣста, сидятъ на палубѣ толкаясь съ пассажирами, осужденными скудностью средствъ на это нисшее мѣсто. Впрочемъ очень трогательно наблюдать знаки взаимной привязанности этихъ двухъ юныхъ Далматовъ, которые вмѣстѣ подвергались столькимъ опасностямъ и вмѣстѣ возвращаются въ ту же пристань. Единственно занятые другъ другомъ, они не присоединяются ни къ какой группѣ и не расстаются ни на минуту; въ одно и тоже время сходятъ въ каюту, вмѣстѣ восходятъ на палубу и я вижу ихъ часто на скамѣйкѣ держащихся за руки, какъ женихъ съ невѣстой.

Эти два Морлаха, такъ тѣсно связанные, два брата не по рожденію, но по привязанности. По счастливой случайности я нигдѣ передъ глазами живой примѣръ торжественнаго обыкновенія, о которомъ древніе историки упоминаютъ между Скинами и которые существуютъ еще въ полной силѣ въ Морлахин. Скины народъ воинственный, народъ первобытный, какъ Морлахи, заключали часто между собою нѣкоторые изъ этихъ крѣпкихъ союзовъ, и чтобы дать имъ болѣе торжественную силу освящали ихъ кровью, которую выпускали изъ своихъ жилъ въ одинъ и тотъ же сосудъ, кровью, своимъ жизненнымъ сокомъ, въ который они вмѣстѣ обмакивали свои мечи.

Морлахи не знали или не сохранили въ своемъ братскомъ договорѣ, этаго матеріальнаго знака. Ученики евангелія они нашли въ словахъ священника, въ религіозномъ обрядѣ, болѣе торжественное освященіе своего добровольнаго союза.

Когда два Морлаха рѣшились заключить такой союзъ, они въ день, назначенный съ общаго согласія, идутъ въ церковь въ сопровожденіи родныхъ и сосѣдей; присутствуютъ при обрядѣ, держатъ зажженную свѣчу, потомъ священникъ даетъ имъ благословеніе и передъ алтаремъ и передъ Богомъ, читаю-

щимъ въ сердцахъ и въ душахъ, они клянутся помогать другъ другу въ продолженіи своей земной жизни и оставаться вѣрными до смерти. При выходѣ изъ церкви ихъ привѣтствуютъ пистолетными и ружейными выстрѣлами, дружескими восклицаніями, потомъ они идутъ занять почетное мѣсто на обѣдѣ, приготовленномъ для нихъ родными, какъ свадебный обѣдъ.

Съ этихъ поръ радости и горе, надежды и разочарованіе, все должно быть между ними одинаково прочувствовано. Они могутъ имѣть только одно общее состояніе, одинъ интересъ; во всякое время дня и ночи, во всякомъ обстоятельствѣ они должны имѣть другъ въ друга полное и совершенное довѣріе; въ войнѣ они сражаются одинъ возлѣ другаго, и если одинъ изъ двухъ будетъ убитъ, другой обязанъ отомстить его смерть.

Фортисъ говоритъ, что если одинъ изъ нихъ измѣнитъ другому, это производитъ въ цѣлой провинціи, свидѣтельницахъ его обѣщаній, ужасное волненіе.

Морлахи также въ простотѣ своей первобытной природы осуществили то, что поэмы такъ часто называли безпокойными грѣзами души, которая въ неопредѣленномъ пространствѣ ищетъ другую душу, сестру своей души, и то, что Гёте развилъ въ своемъ романѣ: «Wahlferwandschaften».

Все, что я слышалъ во время моего путешествія въ этихъ нѣжныхъ союзахъ, не позволяетъ мнѣ сомнѣваться въ вѣрности Морлаховъ своей братской клятвѣ. Заключивъ договоръ они дѣйствительно остаются друзьями, такими, какихъ Лафонтенъ описалъ въ прелестныхъ стихахъ.

Счастливые сыны Морлахи! Такъ какъ хижины ихъ всѣ отдалены одна отъ другой, имъ никогда не приходится чувствовать сутяжливаго зародыша, ядовитаго зародыша, рождающагося отъ общей стѣны.

Покуда вокругъ меня рассказываютъ обычай Морлаховъ, пароходъ нашъ, который до-сихъ-поръ велъ себя порядочно, начинать плясать такимъ образомъ, что людямъ, подверженнымъ морской болѣзни, или чувствительнымъ къ недугамъ ближняго, весьма неудобно оставаться на палубѣ; широко, снова пустившій упражнять силу своихъ легкихъ, свиститъ и реветъ какъ тысяча кузнечныхъ мѣховъ и поднимаетъ море прямо передъ нами.

Здѣшніе моряки описываютъ въ трехъ небольшихъ народныхъ сентенціяхъ идею, какую они составили себѣ о прогрессивныхъ дѣйствіяхъ сирокко.

Мы еще только въ первомъ днѣ, что нѣсколько успокоительно; но намъ предстоитъ проѣзжать Карнеро и это не весьма пріятная перспектива.

Сагнего широкій заливъ, который отъ оконечности Pola простирается до Фіуме и округляется у подошвы безплоднаго, утесистаго берега; окружность его въ нѣсколькихъ мѣстахъ пересекается островомъ Велія, длиннымъ, выемчатымъ островомъ Charso, нѣкоторыми другими скалистыми островами, какъ будто обломками, отдѣлившимися отъ цѣпи горъ, обвитыхъ моремъ, подточенныхъ водами, лишенныхъ силою быро, пагубнымъ дыханіемъ сирокко, всякаго дерева; всякой растительности. Дайте помѣстить тутъ границы Италіи.

Нѣкоторые этимологисты, которые вѣроятно проѣзжали этотъ заливъ въ дурную погоду, говорятъ, что названіе его происходитъ отъ Сагнівого, и что это истинное обозначеніе ярости, отъ какою эта ужасная бухта поглощаетъ суда въ своихъ волнахъ и разрываетъ на куски человѣческіе трупы на скалахъ своихъ. Вѣроятноже, что это названіе Карнеро происходитъ отъ слова Саг, которымъ Цельты обозначали голую, скалистую почву и которыя встрѣчаются еще въ названіяхъ Carst, Carinthia, Carinthia.

Если эта этимологія вѣрнаже, другая всегда будетъ лучше правиться воображенію народа, который находитъ въ ней выразительный смыслъ. Дѣло въ томъ, что на Адриатическомъ морѣ Сагнего, пунктъ самый бурный, болѣе всего тревожимый борою и сирокко. Когда эти два вѣтра принимаются дуть въ заливъ Триеста и Венеціи, то дуютъ свободно и мало-по-малу слабеютъ въ пространствѣ. Здѣсь они сдерживаются вышнюю горъ, устремляются на острова, отталкиваются берегами Истрии и въ этихъ укрѣпленіяхъ, которыя ихъ сжимаютъ, борются съ яростію, поднимаютъ волны въ различныхъ направленіяхъ и производятъ такой шумъ, что прежде его приписывали колдовству.

Сирокко, который на этотъ разъ предавался своимъ подвигамъ, въ Карнеро однако ничего не разрушилъ на нашемъ па-

реходѣ; но какъ онъ упорствовалъ дуть прямо передъ нами и какъ наша маленькая машина въ сто пятьдесятъ лошадиныхъ силъ не могла бороться съ такимъ то отлетомъ, мы должны были укрыться въ бухту Луссино, одну изъ этихъ бухтъ, запертыхъ со всѣхъ сторонъ, которыми здѣсь, по поэтической метафорѣ, даютъ названіе *долки*. Среди окружающихъ ихъ голыхъ холмовъ онѣ походятъ глубиной своихъ водъ на зеленые луга и представляютъ мор. плаватель, застигнутому бурей, тихое убежище. Пока вблизи гремитъ буря, онѣ остаются спокойныя и веселыя въ своихъ твердыхъ укрѣпленіяхъ. Они даютъ жатву рыбаку, пробѣгающему ихъ въ шлюбки, какъ другіе земледѣлцу, бороздящему своихъ плугомъ, и несутъ на своей поверхности лѣсъ подвижныхъ мачтъ, какъ другіе лѣсъ живыхъ деревьевъ.

Если многіе изъ моихъ спутниковъ проклинали остановку въ городкѣ, гдѣ не находили ничего для препровожденія времени, кромѣ печальнаго трактира и плохой кофейной, я напротивъ, былъ очень доволенъ этимъ неожиданнымъ роздыхомъ. До-сихъ-поръ я могъ наблюдать только издали города и острова печальной наружности. Теперь я могъ видѣть вблизи любопытный примѣръ того, что разумъ человѣческій можетъ сдѣлать въ затруднительномъ мѣстоположеніи, на самой бездонной почвѣ.

На этой оконечности Карnero есть два города, носящіе названіе Луссино; одному, который старѣе, прибавляютъ эпитетъ *Большаго*; другой скройно называется *Lussino piccolo*. Но *Lussino* Большой нынѣ ничто иное какъ дрянное селеніе, а *Lussino piccolo*, бывший въ послѣднемъ столѣтіи смирной рыбачьей деревней, сдѣлался важнымъ городомъ.

Этимъ счастливымъ переворотомъ обязанъ онъ священнику, ученому, ревностному священнику, кот рыи, по особенной наклонности изучивъ математику и законы механики, обучалъ своихъ прихожанъ тому, чему самъ научился, и сдѣлалъ изъ своей деревенской школы—школу моряковъ. Благодаря его урокамъ, его совѣтамъ, жители Луссино съ большою увѣренностью и ловкостью вступили въ мореходную жизнь. Онъ началъ строить шлюбки, брики, даже большія суда и сталъ самъ управлять ими. Первый успѣхъ привелъ ихъ къ болѣе смѣлому предпрія-

тію. Годъ отъ году духъ спекуляціи развивался съ богатствомъ и число судовъ увеличилось. Теперь они владѣютъ не менѣе ста тридцати славныхъ кораблей, которыми ссужаютъ всякаго, кто въ нихъ нуждается и на которыхъ плаваютъ по всѣмъ странамъ. Это морскіе извозчики и городъ, которому принадлежатъ они, можетъ назваться вдовьимъ городомъ. Всѣ мужчины отправляются въ море при всякомъ удобномъ случаѣ и возвращаются нарѣдка, если случится недостатокъ въ грузѣ или судно требуетъ поправки. Въ 1848 г., въ слѣдствіе торговыхъ безпокойствъ, они всѣ воротились въ гавань и оставались долго въ мрачномъ бездѣйствіи. По этому они говорятъ объ этомъ бѣдовомъ годѣ съ глубокимъ негодованіемъ. Обыкновенно въ городѣ остаются только женщины, стерегущія дома, старики *уже* и дѣти *еще* не плавающіе.

Когда одно изъ судовъ возвращается въ рейдъ, какое волненіе въ маленькомъ городкѣ, какая радость во многихъ домахъ! У офицеровъ и матросовъ, у каждаго изъ находившихся на этихъ плывучихъ доскахъ, есть на берегу сердечный интересъ, воспоминанія дѣтства, мать, сестра, жена, невѣста и каждый приноситъ приношеніе своимъ пенатамъ, плодъ своего труда старикамъ-родителямъ и какойнибудь предметъ роскоши иноземныхъ странъ дѣвушкамъ, слѣдовавшей за нимъ мыслью въ его далекомъ странствованіи.

Я часто слышалъ, какъ нѣкоторые добрые люди въ континентальныхъ городахъ, пугающіеся видомъ океана, сожалѣли объ участи моряковъ и особенно жизни ихъ женъ. Какъ ни трогательно можетъ показаться это состраданіе, я считаю его преувеличеннымъ и часто совершенно напраснымъ. Прибавлю даже, что жизнь моряка можетъ напротивъ упрочить частичку счастья, которую каждый изъ насъ можетъ имѣть въ этомъ мірѣ. Я какъ будто пускаюсь на всѣхъ парусахъ въ ущелье парадокса какъ луссинское судно въ узкіе проходы *Cagneo*. Спѣшу изъясниться.

Человѣкъ такъ созданъ, что онъ не долго наслаждается спокойно тѣмъ положеніемъ, къ которому больше всего стремился. Или онъ чувствуетъ проявленіе неожиданной заботы, или черезъ спокойствіе своего благосостоянія, охладѣваетъ въ при-

нычкѣ. По привычкѣ смотрѣть утромъ и вечеромъ, самая красивая страна можетъ подурнѣть въ нашихъ глазахъ.

Морякъ нѣсколькими мѣсяцами, нѣсколькими годами разлуки, забываетъ этого подводнаго камня, послѣ лишеній, перенесенныхъ на суднѣ, узкой каюты, соленой говядины, солоноватой воды, какъ ему приятно воротиться въ родительскій домъ съ его дружескими попеченіями! Послѣ долгихъ сожалѣній, которыя любимая женщина бросила въ его сердце своей послѣдней улыбкой, своимъ послѣднимъ взоромъ, какое счастье увидѣть ее въ блескѣ радости, сіяющую какъ звѣзда на берегу или являющуюся на порогѣ двери какъ ангела домашняго крова! Какіе милые рассказы предстоятъ ему о далекихъ мѣстахъ, которыя пробѣгалъ онъ, о неприяностяхъ, которымъ подвергался, какіе рассказы предстоятъ выслушать о покорныхъ, уединенныхъ часахъ, потомъ дѣти, которыя выросли, улучшения, которыя сдѣлали въ домашнемъ устройствѣ....

Послѣ долгихъ рассказовъ, часто прерываемыхъ и часто повторяемыхъ, какъ радуются своей участи два супруга, узнающіе что вдали каждый исполнялъ свою обязанность, и съ какимъ довѣріемъ скрѣпляютъ они еще тѣснѣе соединяющіе ихъ увы.

Чтобъ было такимъ образомъ, надо, правда, предполагать природы добродѣтельныя, а городъ, котораго эскизъ я пытаюсь набрасывать, есть городъ добродѣтельный. Нигдѣ я не видалъ такой тишины. Не слышно ни шуму, ни суматохи; женщины, составляющія большую часть народонаселенія, живутъ совершенно какъ вдовы. Вечеромъ къ восьми часамъ всѣ ворота заперты, огни погашены и мало по малу каждая семья засыпаетъ, какъ гнѣздо птицъ.

Большая часть этихъ семействъ сохранили между собою обычай не мало способствующій къ благоденствію Лусино. Они живутъ патриархально подъ одной кровлей сколько позволяетъ пространство дома. Если въ слѣдствіе нѣсколькихъ супружествъ принуждены разъединиться, то все таки остаются связаны однимъ интересомъ. Дѣды, зятья, помѣщаютъ вмѣстѣ свои капиталы на морскія спекуляціи. Если не удастся одна, удастся другая. Если счастье поблагоприятствуетъ имъ во всемъ, они дружески устроятъ между собою болѣе смѣлую попытку. Начиная постройкой прибрежнаго судна, потомъ большимъ

кораблемъ, наконецъ обладаютъ судномъ, котораго капитаномъ будетъ одинъ изъ нихъ и гдѣ младшіе пройдутъ курсъ своего ученія. Достигнувъ до этого, они не останавливаются въ своихъ успѣхахъ, задумаютъ другіе планы и храбро исполняютъ ихъ. Такъ какъ домъ Ротшильда въ братскомъ союзѣ соединилъ главныя европейскія конторы, точно такъ можно видѣть здѣсь нѣсколько семействъ, представляемыхъ сыномъ, братомъ или близкимъ родственникомъ во многихъ отдаленныхъ гаваняхъ. По мѣрѣ того, какъ увеличивается ихъ богатство, они употребляютъ часть на увеличеніе жилища, на украшеніе его предметами роскоши, привозимыми ихъ кораблями изъ иностранныхъ земель. Между тѣмъ по мѣрѣ того, какъ они распускаютъ вдалѣ паруса, честолюбіе ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть возлѣ жилищъ своихъ поле, садъ и — Богъ знаетъ чего имъ стоитъ осуществленіе подобной мечты.

Городъ Луссико выстроенъ амфитеатромъ на холмѣ. Со всѣхъ сторонъ только и видны что камни. На этомъ то основаніи, весьма неудобномъ для растительности, жители Луссико хотятъ заставить цвѣсти плантаціи. Они окружаютъ толстой стѣной часть почвы, насыпаютъ слои земли и когда наконецъ къ радости ихъ зазеленеетъ нѣсколько капустныхъ кочановъ, нѣсколько виноградныхъ лозъ или оливковъ, они не отдадутъ этихъ драгоценныхъ садовъ за сады Семирамидины.

Въ этомъ самомъ залавѣ, гдѣ я съ такимъ удовольствіемъ разсматривалъ этотъ образцовый городокъ, есть нѣсколько шбеть, съ которыми связывается любопытная страница исторіи. На островѣ Керсо, касающемся острова Луссико, Медва совершила, говорить преланіе, одну изъ катастрофъ своей трагической жизни. Островъ Veglia, брошенъ какъ треугольникъ въ глубинѣ бухты.

Въ двѣнадцатомъ столѣтіи маленькая республика, подверженная вторженіямъ корсаровъ и не довольно сильная, чтобъ защищаться, пожертвовала независимостью безопасностію и отдалась подъ покровительство Венеціи.

Въ 1260 г. сенатъ отдалъ ее въ ленное владѣніе двумъ братьямъ Франажипани и чуть было ее не лишился. Одинъ молодой ученый собралъ подъ заглавіемъ «Memorie istoriche», нѣсколько документовъ о древнемъ состояніи Далмаціи. Тамъ помѣ-

но прочесть интересный рассказ чиновника, посланнаго въ 1481 г. венеціанской республикой, чтобъ возстановить власть ея на островѣ Велія.

Достойный депутат живо рассказываетъ какъ одинъ изъ Франджипани соединился съ Венгерцами, хотя былъ вассаломъ Венеціи: «его природныя склонности влекли его, говоритъ онъ, къ ихъ варварскимъ обычаямъ.» Далѣе онъ рассказываетъ грабежи, преступленія послѣдняго Франджипани, который былъ дѣйствительно большой плутъ. Но что въ самой высокой степени возбуждаетъ негодование вѣрнаго депутата республики, это,—когда онъ начинаетъ говорить о грабежахъ, устроенныхъ для вѣоцраемыхъ графомъ Зуане. Двумъ благороднымъ Венеціанцамъ было поручено сдѣлать ему на этотъ счетъ строгіе выговоры и какъ надменный Зуане весьма мало былъ тронуть идъ правдоученіемъ, они прибавили, что венеціанское правительство не позволить ему безнаказанно оскорблять права законодѣль.

— А кто, вскричалъ графъ, далъ Венеціи господство надъ моремъ?

— Его святѣйшество, папа, отвѣчали посланные.

— Папа, выразилъ деракій вассалъ, не можетъ давать того, что ему не принадлежитъ.

Zuane былъ слишкомъ слабъ, чтобъ защищаться. Его выгнали и островъ Велія былъ починенъ неограниченной власти Венеціи.

На берегу того же залива, между Veglia и Arbe, на твердой землѣ, находится городокъ Segne, вѣкогда убѣжище Ускоковъ,—этихъ знаменитыхъ разбойниковъ Адриатическаго моря.

Ускоки были, какъ Морлахи, Сербы, убѣжавшіе съ глубокимъ чувствомъ ненависти отъ тиранства Турокъ. Има ихъ значить бѣглецы или дезертеры. Любопытно замѣтить мимоходомъ какое важное мѣсто занимаютъ бѣглецы въ преданіяхъ Адриатики. Бѣглецами населены лагуны и надменной городъ Венеція, стѣны Рагузы, горы Зара и Спалато. Бѣглецы сдѣлали городъ изъ дворца Діоклиціана.

Среди различнаго множества бѣглецовъ является и племя Ускоковъ. Въ великихъ потрясеніяхъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій, взоры поневолю привлечены къ ихъ

тѣсной аренѣ. Весьма немногочисленное, оно возбуждаетъ противъ себя двухъ могущественныхъ враговъ. Устрашаетъ Турокъ; оскорбляетъ Венеціанъ; занимаетъ дипломатію эрцгерцоговъ австрійскихъ, папы и наконецъ французскаго короля. Въ сущности Ускоки поддерживались соперничествомъ двухъ государствъ. Австрія пыталась время отъ времени сдерживать ихъ грабительства и, угрожая имъ своимъ гнѣвомъ любила, чтобъ они воевали съ надменной Венеціей; а Венеція, обѣщая себѣ прогнать ихъ изъ вертепа, отдавала это рѣшительное дѣло, боясь открыть Туркамъ входъ въ Италію. Съ той и съ другой стороны прибѣгали къ переговорамъ и пока кабинеты писали свои ноты, разбивались предложеніями, Ускоки продолжали жизнь смѣлыхъ и свирѣпыхъ пиратовъ, запятанную лютымъ грабежомъ.

Первое значительное мѣсто, куда Ускоки вошли, была крѣпость Clissa. Петръ Crusich, командовавшій тамъ именемъ короля Венгерскаго, отворилъ имъ ворота съ радостью, надѣясь сдѣлать съ ними прибыльные набѣги на границу. Онъ обманулся въ ожиданіи. Турки, въ ярости, что онъ далъ убѣжище ихъ врагамъ, осадили цитадель, взяли ее и несчастный Crusich заплатилъ жизнью за свое неблагоразуміе.

Minuccio Minucci, написавшій длинную и подробную исторію Ускоковъ, приводитъ одинъ эпизодъ этой осады.

Передъ стѣнами Clissa рисовался Турокъ колоссальнаго роста, который какъ Голіаѳъ, вызывалъ, съ оскорбленіями, противниковъ. Пажъ губернатора, по имени Милошъ, просилъ у своего господина позволенія драться съ этимъ дерзкимъ фанфарономъ; и какъ ему представляли, что онъ слишкомъ малъ для того, чтобъ драться съ такимъ атлетомъ, онъ отвѣчалъ:

— Я вѣрю въ Бога, поддержавшаго руку Давида и если такой ребенокъ, какъ я, падетъ подъ оружіемъ гиганта, это не будетъ стыдомъ для христіанъ и торжествомъ для невѣрныхъ.

Онъ вышелъ изъ крѣпости, между тѣмъ какъ осажденные сопровождали его желаніями успѣха, и храбро пошелъ на встрѣчу своему страшному противнику. Первымъ ударомъ сабли онъ отрубилъ ему ногу. Турокъ, упавъ на одно колѣно, продолжалъ битву съ новой яростью; но скоро сдѣлавъ неблагогра-

зумное усиліе проколоть противника, онъ потерялъ равновѣсіе, мечъ выпалъ у него изъ рукъ и Милошъ отрубилъ ему голову.

Крѣпость Clissa попала во власть Турокъ и—Ускоки отыскивали другое убѣжище, или лучше сказать другое поле битвы и нашли превосходное на берегу Карnero въ городѣ Сенье. Со стороны земли мѣстоположеніе было защищено густыми лѣсами; со стороны моря островами, прижатыми одинъ къ другому, составляющими родъ Термопилъ и обширной линіей скалъ и рифовъ. Мѣсто это принадлежало Венгріи; Турки добивались овладѣть имъ, увѣряя будто имѣли на него право, по той причинѣ, что будучи властелинами Буда, столицы королевства, должны, говорили они, обладать цѣлымъ королевствомъ. Императоръ Фердинандъ справедливо устрешенный распространеніемъ ихъ успѣховъ, а еще болѣе ихъ притязаніями, былъ радъ впустить Ускоковъ въ Сенье. Это было драгоцѣнное подкрѣпленіе противъ страшныхъ ордъ, поселившихся уже такъ близко отъ него и средство для защиты Италіи.

Расположившись въ новой крѣпости, Ускоки сначала оказали полезныя услуги христіанству; дѣлали частыя вылазки противъ Турокъ, преслѣдовали ихъ въ окопахъ и удаляли отъ береговъ Адриатики.

Скоро этихъ легкихъ стычекъ стало недостаточно для ихъ воинственнаго пылу, одержанныя побѣды воспаляли мужество, собранная добыча подстрекала жадность и море прельщало взоры такимъ множествомъ легкой добычи, столькимъ количествомъ кораблей, нагруженныхъ богатыми товарами.

Ускоки, намѣревались нападать только на Турокъ и Жидовъ, но мало-по-малу увлеклись въ болѣе прибыльное удовольствіе нападать на христіанъ. Бывши честными солдатами, они сдѣлались пиратами. Въ легкихъ лодкахъ, удобныхъ лавировать въ самыхъ узкихъ мѣстахъ, они становились вдоль берега на сторожкѣ какъ охотники и, только лишь представлялся случай, устремлялись на корабль, не заботясь какой на немъ флагъ.

Турки, которымъ больше всего доставалось, подняли страшный крикъ и султанъ обратился съ сильными увѣщаніями къ венеціанскому правительству, обязавшемуся обезпечить мореплаваніе по Адриатическому морю. Венеціанцы, также имѣвшіе причину жаловаться на Ускоковъ, обратились къ намъ,

умоляя ходатайствовать у императорскаго двора, положить конец беспорядкамъ народа, находившагося въ его вѣнскомъ оти.

Австрія приняла эту просьбу, по наружности, съ живымъ ощущеніемъ, обѣщала удовлетвореніе и въ самомъ дѣлѣ открыла серьезное наставленіе губернатору Сенье. Настало время спокойствія, родъ отдыха въ разбойничествѣ; потому Ускоки принялись снова за свои отважныя набѣги.

Не смотря на приговоры, издаваемые противъ нихъ, Ускоки инстинктивно понимали, что ихъ корсарскія предпріятія на Адриатикѣ не были до такой степени неприятели Австріи, какъ она это говорила. Даже тѣ, которые были совершенно чужды въ этомъ дѣлѣ, могли и очень справедливо сомнѣваться въ искренности официальныхъ дѣйствій имперіи, примѣчая медленность корреспонденцій и вялость поступковъ. Нѣсколько внесенныхъ арестовъ, нѣсколько смертныхъ приговоровъ, pronounced противъ самыхъ буйныхъ корсаровъ, не были въ добромъ положеніи достаточнымъ доказательствомъ энергической воли. При томъ въ то самое время, когда нѣсколькихъ Ускоковъ бросали въ тюрьму или вѣшали, губернаторъ и главные чиновники Сенье жили съ другими весьма дружно и принимали участіе въ грабежѣ. Возвращаясь изъ экспедицій съ богатой добычей, они точно могли найти городскія ворота открытыми и слышать пушечный выстрѣлъ; но были увѣрены, что пушка не сдѣлаетъ имъ вреда и что, ночью, имъ откроютъ потаенную дверь.

Такими щедростями они пріобрѣтали покровителей даже въ вѣнскомъ дворѣ и партизановъ на островахъ подчиненныхъ Венеціанской республикѣ. Славянскіе матросы, находившіеся на корабляхъ, вмѣсто неприятели, питали къ нимъ чувство участія въ слѣдствіе общаго происхожденія. Во всѣхъ странѣхъ куда они отваживались, были шпионы, которые, по условному знаку давали знать о благопріятной встрѣчѣ или предупреждали объ опасности. Если не смотря на эти предосторожности изъ застигалъ военный корабль слишкомъ хорошо вооруженный для того, чтобы можно было вступить съ нимъ въ бой, они избавлялись отъ него легкостью своихъ судовъ, знавшихъ мѣстности; убѣгали какъ лещицы, сползали какъ улитки въ

такихъ мѣстностяхъ куда никакое судно, даже никакая шлюбка, не могли за ними слѣдовать. Для большой безопасности, дѣлали въ глубинѣ своихъ судовъ отверстія, черезъ которыя, въ случаѣ поминуемой опасности, бросались въ воду и плыли къ берегу.

Въ каждой встрѣчѣ рѣдко случалось, чтобъ они не потеряли нѣсколькихъ человекъ, но шайка дополнялась множествомъ авантюристовъ, outlaws изъ различныхъ странъ, приходившихъ искать убѣжища въ Сенье и которые, вступая туда, отрекались отъ національнаго имени, принимая имя Ускоковъ. Bruslart, посланникъ въ Венеціи, доноситъ въ одной изъ своихъ депешъ, что между нѣкоторыми числомъ Ускоковъ, взятыхъ въ 1618 г. и осужденныхъ Венеціанцами, находилось девять Англичанъ, изъ которыхъ было пять дворянъ и одинъ изъ нихъ принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ семействъ Великобританіи.

Городъ Сенье увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ такое множество людей этого опаснаго сорта, что не могъ всѣхъ ихъ вмѣстать. Они разошлись, говоритъ Bruslard, по сосѣднимъ островамъ, употребляя тамъ, одному Богу извѣстно, какимъ образомъ свое свободное время и ожидая съ нетерпѣніемъ, когда можно присоединиться къ экспедиціи.

Съ этимъ обращеніемъ свлѣ, Ускоки дополнили окончательно составъ свой и раздѣлились на три разряда: Casalini, Stirvediatі и Vetturini. Первые были патраціи, имѣвшіе собственные дома въ укрѣпленіяхъ Сенье. Ихъ было не болѣе сотни. Вторые составляли четыре роты, каждая изъ пятидесяти человекъ, подъ начальствомъ четырехъ капитановъ, носившихъ названіе воеводъ. Третье были владѣльцы судовъ, отдаваемыхъ въ наймы пиратамъ, за денежные вознагражденія или за часть добычи.

Вліяніе людей такого рода наконецъ не могло не подѣйствовать на массу честныхъ людей, которые до-тѣхъ-поръ жили добродушно и земледѣльцами и купцами. Граждане Сенье, жители сосѣднихъ деревень начали принимать личное участіе въ успѣхахъ Ускоковъ; снабжать ихъ деньгами когда это было нужно, чтобы способствовать какой нибудь экспедиціи.

Разбойничество развивало всѣми этими вспомогательными средствами, ярость тѣхъ, которыхъ состоянію и жизни она угрожала и увеличалась въ соразмѣрности. Турки калѣшь Магоме-

томъ уничтожить это гнѣздо коршуновъ, Венеціанцы посылали письмо за письмомъ къ папѣ и императору. Ускоки, тревожась этой дѣятельностью, подумали, что также могутъ прибѣгнуть къ переговорамъ. Отправили въ Римъ повѣреннаго, который шёлъ честь получить аудіэнцію отъ папы и обратился къ нему съ любопытной рѣчью.—Ускоки, говорилъ смѣлый депутатъ, были недостойно обижены, постыдно оклеветаны. Съ ними обходились какъ съ корсарамъ, а это были солдаты вѣры истинной, защищающіе съ чуднымъ мужествомъ Христіанскую землю противъ невѣрныхъ. А если время отъ времени они грабятъ суда, плывущія къ востоку, развѣ не были ли они правы? Эти суда не везли-ли вопреки папской буллы, военные припасы для Турокъ и развѣ—не благочестивый подвигъ разграбить корабли, которые везли оружіе неумолимымъ врагамъ Евангелія.

Слѣдствіемъ этой прекрасной рѣчи краснорѣчивый посланникъ былъ заключенъ въ тюрьму, а венеціанское правительство, утомившись бесполезностью своихъ жалобъ, сочло обязанностью само обуздать дерзость Ускоковъ. Оно построило на островѣ Велія и въ каналѣ Морлахія двѣ крѣпости, запершія два главныхъ выхода. Какъ потокъ, вдругъ остановленный въ своемъ теченіи непреодолимой плотиною, насильственно пролагаетъ себѣ другой путь, корсары не могли болѣе продолжать набѣговъ по морю и бросились на землю Истріи, опустошая села и деревни.

На этотъ разъ несчастные подданные Австріи обратились къ императору съ такими сильными просьбами, что онъ не могъ; не преступивъ обязанностей государя, не преклонить ухо къ этимъ справедливымъ жалобамъ. Ускоки слишкомъ натянули тетиву лука, — она должна была лопнуть въ ихъ рукахъ!

Настоящій императорскій посланникъ, облеченный полною властью, отправился въ Сенье, съ значительной силой, захватилъ главныхъ начальниковъ шайки, повелѣлъ всѣмъ Ускокамъ отдать оружіе въ продолженіи сорока осьми часовъ, выгналъ изъ города половину жителей, запретивъ возвращаться, под страхомъ смертной казни.

Послѣ этого рѣшительнаго дѣйствія, которымъ Венеція осталась очень довольна, все казалось кончено. Но не все кончилось на самомъ дѣлѣ.

Изгнанники воротились и постепенно принялись за старыя

привычки. Они легко достали оружіе, построили лодки и тогда неустранный начальникъ, по имени Gimizza сталъ въ главѣ, сдѣлались еще необузданнѣе прежняго. Въ одну ночь они напали на городъ Scardona, принадлежавшій Туркамъ, разграбили его и увели триста человекъ плѣнныхъ. Въ одинъ день они узнали, что венеціанскій фрегатъ вошелъ въ Петрійскій рейдъ съ депешами отъ губернатора и съ суммою десяти тысячъ дукатовъ. Тотчасъ устремляются они къ этому кораблю въ числѣ ста пятидесяти, бросаются на абардажъ, захватываютъ все, что попадаетъ подъ руку и весело возвращаются на землю раздѣлить свои сокровища. Въ другой разъ промываютъ въ укрѣпленіи Pola и прежде чѣмъ изумленные жители имѣютъ время встать за оружіе, бандиты уже удаляются въ лѣса съ добычей. Такимъ образомъ нападали они на области Себенико, Нарента, Рагузы, вездѣ грабя и опустошая.

Последній разбой и жесточайшій поступокъ возбудили наконецъ противъ нихъ грозу, отъ которой они должны были пасть. Однажды они овладѣли венеціанской галерой, на которой находилъ высокой сановникъ республики и многіе благородные пассажиры. Они зарѣзали троихъ изъ нихъ, потомъ, достигнувъ до канала Морлахин, зарѣзали также и сановника; отрубивъ ему голову, вырвали сердце, омочили въ крови остріе кинжаловъ, клянясь другъ другу, трупомъ врага, въ ненарушимой вѣрности и сѣли за столъ въ виду этихъ окровавленныхъ останковъ.

Венеціанцы напрасно просили у императора оправедливаго возмездія за такое ужасное варварство, вошли въ его области и опустошили Фриуль. Война продолжалась цѣлый годъ и кончилась только посредничествомъ Франціи, мадритскимъ трактатомъ, куда была включена статья, уничтожавшая гнѣздо пиратовъ.

Ускоки окончательно оставили укрѣпленія Сенье и поселились въ Кроаціи, въ окрестностяхъ Карштадта.

IX

Зара. — Себенико.

Ускоки мочезали. Теперь, когда плаваешь вдоль далматскихъ береговъ, встрѣчаешь только мирныя торговля суда, ненапа-
Т. СХХІV. — Отд. III.

дающія ни на кого, или честныя и трудолюбивыя шлебки, нападающія только на рыбъ. Бора и Сирокко одни сохранили на этихъ берегахъ свое страшное могущество и этихъ противниковъ моряковъ никакой дипломатическій трактатъ уничтожить не можетъ.

Сирокко, который во время нашей остановки въ Луссине, утихъ, какъ атлетъ утомленный своими усиліями, пробудился съ новой пылкостью, когда мы задумали пустаться въ путь; принудилъ насъ зайти въ небольшую гавань Сельве и сражался съ нами, сколько могъ, до Зара. Есть военныя корабли, гдѣ въ подобномъ случаѣ шкиперъ даетъ нѣсколько ударовъ ревантомъ юнгамъ и есть очень опытные капитаны не сомнѣвающіеся, что это наказаніе имѣетъ на стихіи весьма благопріятное вліяніе. Какъ у насъ не было юнговъ, которыхъ можно бы высѣчь, мы должны были съ покорностью ждать, когда сирокко угодно было успокоиться. Нѣсколько пассажировъ, прогуливаясь по палубѣ, обращаются къ нему съ энергическими ругательствами. Я, котораго никакая нѣжная приваанность, никакой семейный кругъ не ожидали на берегу, я, которому ничего лучше не оставалось дѣлать, какъ осматривать страну, о которой мнѣ хотѣлось приобрѣсти какъ только возможно точное понятіе не переставалъ смотрѣть со времени моего отъѣзда изъ Триеста, и право,—первое впечатлѣніе при вѣздѣ въ Далмацію нисколько не весело и не поощрительно.

Такъ далеко, какъ только зрѣніе можетъ простираться на лѣво виднѣется берегъ, развивающійся какъ длинная цѣпь, которой ни какой Виландъ, ни какой миеологическій художникъ не позаботился вычеканить кольца; на право острова и островки, изъ которыхъ многіе носятъ названіе сколи (подводныхъ камней), изъ которыхъ большая часть похожи на неправильныя обломки утесовъ, свалившіеся не стройной массой въ волны, какъ въ другихъ мѣстахъ въ обширныя долины. На лѣво и на право тотъ же сѣроватый извѣстковый отгѣнокъ и таже бесплодность. «Тутъ, говоритъ одинъ латинскій поэтъ, въ полѣ деревья рѣдки и не растутъ, а земля похожа на море подъ другою только формой.»

Сравненіе справедливо. Эти острова, эти сколи, походятъ на волны, которыя, въ своемъ движеніи, вдругъ превратились въ

камень, а берегъ этотъ съ своими волнующимися выпуклостями походитъ на зыбкое море. На мрачной поверхности этой безплодной земли, въ этой другой каменной Аравіи, только время отъ времени видѣются кой-какія оливы, это блѣдное дерево, изъ котораго древніе сдѣлали, незнаю почему, символъ мира, развѣ за тѣмъ, чтобъ показать скромность мира; тамъ и самъ попадутся еще частички почвы съ трудомъ обработанныя и изгороди, гдѣ по выраженію одного нѣмецкаго писателя, бараны блуждаютъ какъ ботанисты, отыскивая травку.

Тѣ, которые читали Овидія ошибутся, если вздумаютъ видѣть тутъ образъ, брошенный имъ въ одномъ изъ своихъ стиховъ, эти *subita montanae brachia Dalmatiae*. Возлѣ берега нѣтъ ни одной горы, ни одной крутой покатоности, ни одного изъ этихъ горныхъ хребтовъ, поражающихъ взоры смѣлымъ побѣгомъ и угловатыми линіями; тутъ только одна сѣтъ острововъ и островковъ, и длинный рядъ холмовъ съ закругленными вершинами, развивающимися какъ однообразный зубецъ отъ сѣверозапада къ югостоку. Пароходъ извивается между этими островами, какъ ариаднина нить въ лабиринтѣ; плывя такимъ образомъ не пользуешься даже видомъ открытаго моря. То входишь въ каналъ, имѣющій наружность рѣки, то въ окружность пошире, похожую на озеро: и берега этой рѣки и огибы этого озера одинаково однообразны.

Вотъ впечатлѣніе, испытываемое при первомъ взглядѣ на Далмацію, а вотъ тѣ, которыя постепенно привлекаютъ взоръ, трогаютъ сердце, когда проникаешь далѣе и наблюдаешь ближе эту страну.

Между этими извѣстковыми холмами есть зеленыя и свѣжія долины какъ швейцарскія, разстилающіяся вдаль, какъ таинственныя убѣжища, съ почвой, покрытой изобильными плодами. Тамъ зима развивается свободою, укрытая отъ бурь и миндальное дерево цвѣтетъ среди виноградныхъ лозъ. Въ нѣкоторыхъ есть рейды словно бассейны врытые рукою искуснаго инженера, во всякое время представляющіе мореплавателямъ надежныя мѣста для якоря. На этихъ сколи наконецъ на самыхъ голыхъ и на самыхъ печальныхъ, живутъ семейства, которыхъ честный и тяжкій бытъ не возможно знать безъ душевнаго волненія. Бѣдные люди! они были брошены сюда не-

известно какими обстоятельствами, какъ претергившіе кораблекрушеніе, и остаются тутъ отдѣленные отъ цѣлаго міра, принужденные довольствоваться сами собою и пріобрѣтающіе средство къ существованію посредствомъ мужественнаго труда.

Рыбная ловля одно изъ ихъ средствъ; но рыбной ловли не достаточно для ихъ нуждъ, они предприняли обрабатывать жесткую землю, гдѣ, словно морскія чайки основали свое жилище. На эту работу они не могутъ употреблять ни быковъ, ни плуга. Они должны сперва сами приподнять камни, которыми усѣяна почва, сдѣлать между скалами родъ прогалины, какъ канадскіе колонисты между лѣсами. Когда земля, которую хотѣтъ разработать, расчищена, они старательно окружаютъ ее стѣной и часто принуждены подпирать террасой, чтобъ предупредить обвалъ. Въ долинахъ Бургундіи, въ южной Франціи, не принимаютъ большаго предосторожностей для предохраненія самаго драгоценнаго виноградника, и обработка обширнаго пространства не стоитъ столько трудовъ, какъ здѣсь одно изъ этихъ узкихъ мѣстечекъ, которыя называются *сотопаіі*. Житель скоію самъ роетъ, копаетъ, взрываетъ свое поле до тѣхъ поръ, пока сдѣлаетъ изъ него растительный слой.

Travaillez, prenez de la peine,
C'est, le fonds qui manque le moins,

сказалъ добрый Лафонтенъ.

Но здѣсь именно не достаетъ грунта и воды, этого главнаго элемента растительности. Когда терпѣливый туземецъ приготовилъ такимъ образомъ свою землю, можетъ быть пройдутъ цѣлые мѣсяцы, прежде чѣмъ его обрадуетъ капля дождя. Свои хлѣбныя растенія онъ предоставляетъ providѣнію. Что касается до виноградныхъ лозъ, то для сохраненія ихъ употребляетъ искусственная влажность. Во-первыхъ житель садитъ ихъ какъ только можно ближе одинъ къ другому, потомъ окружаетъ каждый корень бугоркомъ земли и наконецъ наклоняетъ вѣтви такимъ образомъ, чтобъ образовать родъ занавѣса, предохраняющаго вѣтви отъ солнечнаго зноя.

Такимъ-то образомъ, посредствомъ настойчивости, ловкости, безпрерывныхъ трудовъ, онъ успѣваетъ омолодѣть саму

суровую природу, своимъ терпѣніемъ выжать жатву изъ нѣдръ своего сколію, какъ воду изъ скалы жезломъ Моисея.

Кто можетъ войти въ подробности этого смиреннаго быта, столь безпомощнаго и столь покорнаго, не чувствуя къ нему влеченія съ симпатическимъ участіемъ? Кто изъ насъ, блуждая по бѣднымъ кварталамъ большихъ городовъ и поднимая глаза къ несчастной мансардѣ, теряющейся между кровель, не говоритъ себѣ: однако тутъ живутъ существа, созданныя какъ и мы же изъ плоти и костей, испытывающія, какъ и мы всѣ прератности судьбы человѣческой, дрожащія отъ луча любимаго взора, плачущія у изголовья умирающаго отца. Тутъ есть сладостныя сцены сердца, скрытыя въ глубокомъ мракѣ, романы и драмы, которыхъ трогательная развязка не узнается никогда. Вдалѣ домовъ богачей, призывающихъ на себя вниманіе со всѣхъ сторонъ, эти дѣти, лишенныя состоянія, эти плоды новѣйшихъ временъ, рождаются и растутъ незамѣченныя. Свѣтъ, ничего не знаетъ объ ихъ радостяхъ, не занимается ихъ страданіями; когда наступитъ часъ они исчезаютъ съ тропинки жизни, какъ капля воды теряющаяся въ Океанѣ.

Я предавался этимъ размышленіямъ, смотря на уединенныя хижины бѣдныхъ семействъ, разбросанныя по скаламъ сгедіи. Они также брошены; они также видятъ каждый день, какъ мимо ихъ убѣжища проходитъ или корабль, нагруженный богатыми товарами, или пароходъ съ легиономъ путешественниковъ; но этотъ корабль не дастъ имъ ничего изъ своего груза, а эти путешественники удалятся, не оставивъ имъ нисколько о какомъ-нибудь знакѣ привязанности. Волны, обвивающія ихъ островъ, нищета, на которую осуждены они, доставляютъ имъ двойное одиночество. День за днемъ, годъ за годомъ, совершаютъ они въ неувѣстности жизненный путь, безпрестанно заботясь о первыхъ потребностяхъ существованія, ни къимъ не знаемые въ своихъ добродѣтеляхъ, оставленные въ горести.

Надо однако думать, что Господь совершаетъ въ глубинѣ самыхъ бѣдныхъ хижинъ, въ послѣднихъ изгибахъ душъ, высокое дѣло справедливости и вознагражденія, непонимаемое нашимъ разумомъ.

Да, я видѣлъ дней эти сколи въ ихъ меланхолической одеж-

дѣ подобной той, которую носятъ наши монахи, называющіяся сѣрыми сестрами; я видѣлъ ихъ вечеромъ, когда заходящее солнце, ослабляющее взоры, какъ золотая и пурпурная ткань, обливаетъ полосой свѣта эту одежду, потомъ видѣлъ ихъ уснувшихъ въ спокойствіи подѣ безмолвнымъ покровомъ ночи.

Въ окрестностяхъ Зара пейзажъ представляется вдругъ въ довольно живописномъ видѣ. Тутъ горы выше, лучше расположены и вдоль берега являются лѣса плодовыхъ деревьевъ, красивыя села; Зара доходитъ до берега своего полуострова какъ бы для того, чтобы скорѣе увидѣть корабли, приходящіе отъ сѣвера и юга. Зара, говорятъ антикваріи, это — старая *Jadera Liburniae*, была, по свидѣтельству Плинія и Птолемея, римской колоніей. По своему положенію на полуостровѣ, соединяющему его съ берегомъ узкой полосой земли, онъ долженствовалъ во всѣ времена быть приморской крѣпостью, удобною къ защитѣ и важною для сохраненія. Видя его, когда прѣѣзжаешь изъ Триеста, поднимающагося изъ нѣдра водъ, съ своими бѣлыми стѣнами и львомъ святаго Марка на воротахъ, можно принять за сына Венеціи, и честолюбивая Венеція дѣйствительно стремилась овладѣть имъ.

Въ десятомъ вѣкѣ, Зара, безпрестанно тревожимый Ускоками того времени, яростными толпами Нарентинцевъ, обратился за помощью къ Венеціанцамъ и объявилъ себя вассаломъ республики. Ловкое венеціанское правительство остереглось пренебречь такимъ прекраснымъ случаемъ увеличить свою власть; напавъ на корсаровъ, оно упрочивало право владычества надъ Адриатикой; покоривъ Зара своей власти, дѣлала себѣ первую ступень къ новымъ завоеваніямъ. Дождь Пьетро Оресоло Второй, самъ сталъ въ главѣ значительнаго флота, преслѣдовалъ Нарентинцевъ до самыхъ ихъ вертеповъ, овладѣлъ островами *Zesina*, *Meleda*, *Curzola*, куда они удалились и уничтожилъ разбойничество, три столѣтія опустошавшее страну. Послѣ этой побѣды онъ съ торжествомъ вошелъ въ Зара и присоединилъ къ титулу дожа титулъ князя далматскаго, который восемь столѣтій спустя долженъ былъ принадлежать французскому маршалу.

Если Зара, какъ покорный сынъ, просилъ въ своихъ бѣдствіи-

ихъ покровительства могущественной Венеціи, но не долго оставался вѣрнымъ чувству повинности и признательности, которое обнаружилъ сначала. То предавался горделивой идеѣ независимости, то, чтобъ избавиться вліянія гордой владычицы, бросался на сторону венгерскихъ королей и греческихъ императоровъ. Венеціанская республика была не такого свойства, чтобъ терпѣливо переносить подобныя причуды и допустить похитить безъ сильной защиты частичку своего княжескаго плаща. Зара былъ покоренъ льву святаго Марка, и долженъ былъ оставаться ему покорнымъ; сколько разъ пытался разорвать узы, самымъ на себя наложенные, столько разъ Венеціанцы брались за оружіе и принуждали склонять непокорное чело. Различныя возмущенія Зара, борьбы, которыя онъ имѣлъ смѣлость затѣвать и мужество поддерживать противъ царицы Адриатики, занимаютъ важное мѣсто въ исторіи Венеціи и оставили тамъ печальную страницу, страницу, гдѣ въ одно время проявляется все, что было коварнаго, эгоистическаго, остроумнаго, расчетливаго и жестокаго въ правленіи этой знаменитой республики.

Это было въ началѣ тринадцатаго столѣтія, когда христіанская Европа начинала четвертый крестовый походъ; между тѣмъ какъ благородные вельможи Франціи и Германіи продавали или закладывали свои имѣнія для исполненія обѣтовъ, Венеціанцы—эти Кароагеняне новѣйшихъ временъ, спекулировали, какъ хитрые торгаши этомъ въ религіозномъ рвеніи. Чтобы скорѣе достигнуть поля битвы, крестоносцамъ нужны были корабли; венеціанскій сенатъ, къ которому они обратились, рѣшилъ послѣ зрѣлыхъ разсужденій, снабдить ихъ; но этотъ сенатъ не могъ забыть, что присоединяясь къ долгу христіанства, онъ долженъ былъ также заботиться и объ интересахъ республики. Онъ обязался перевести на мѣсто, *куда потребуетъ служеніе Богу*, 900 рыцарей, 4,500 оруженосцевъ, 20,000 воиновъ и 4,500 лошадей; за это просилъ 85,000 марокъ серебра и половину завоеваній, которыя будутъ слѣданы союзниками на морѣ и на землѣ. Крестоносцы, въ своей беззаботности не остановились передъ условіями подобнаго договора; весело его приняли и, просили папу подтвердить его. Папа Иннокентій-Третій прибавилъ только статью, по которой строго запрещалъ апостоль-

скому воинству нападать на христіанскую землю; словно онъ предвидѣлъ планы Венеціанъ.

Не смотря на всѣ усилія, крестоносцы не успѣли собрать суммы, которую должны были заплатить Венеціи при отъѣздѣ. Недоставало тридцати-четыре-тысячъ марокъ. Добрый сенатъ, тронутый ихъ стѣсненнымъ положеніемъ и не желая изъ вошлаго денежнаго дѣла остановить стремленіе ихъ усердія, сдѣлалъ имъ тогда великодушное предложеніе: помогите намъ, сказалъ онъ, привести въ повиновеніе городъ Зара, который не смотря на всѣ торжественныя обѣщанія, возмутился противъ нашей законной власти и за эту честную услугу вы будете съ нами въ уплатѣ за недоплаченны тридцать-четыре-тысячи марокъ. Подобное предпріятіе было явнымъ нарушеніемъ папскаго постановленія; но дожъ привелъ столько краснорѣчивыхъ причинъ и крестоносцы желавшіе пуститься въ путь, наконецъ приняли сдѣланное предложеніе, говоря, что дѣйствительно Зара былъ виновенъ и что если они ослушались папскаго приказанія, то проступокъ долженъ быть совершенно заглаженъ завоеваніемъ Святой Земли.

Октября девятаго 1202 г., флотъ отправился; онъ состоялъ почти изъ пяти-сотъ судовъ, изъ которыхъ было пятьдесятъ галеръ, двѣсти-сорокъ кораблей съ сорока-тысячами воиновъ; сеидесятъ другихъ были нагружены провіантомъ и аммуниціей. Не смотря на эти страшные снаряды, жители Зара рѣшились защищаться; исправили укрѣпленія и протянули огромную цѣпь черезъ всю гавань. При первомъ приступѣ цѣпь была сломана, укрѣпленія взяты; Зара, поколебленный въ своей рѣшимости съ такимъ быстрымъ урономъ, помышлялъ уже вступить въ переговоры, когда многіе знатные крестоносцы почувствовали угрызеніе совѣсти, что употребляли противъ христіанскаго народа оружіе, долженствовавшее служить къ пораженію невѣрныхъ. Графъ Монфоръ живо представлялъ своимъ товарищамъ важность такого проступка и аббатъ де Во даже сталъ угрожать отлученіемъ отъ Церкви флоту, если онъ будетъ упорствовать въ такой нечестивой осадѣ. Зара тогда приобрѣдился, вмѣсто того, чтобы просить мира принялъ болѣе воинственное положеніе. Онъ не зналъ упрамага дожа Даволо, который, не заботясь объ увѣщаніи нѣсколькихъ рыцарей и объ

угрожалъ аббата, продолжалъ осаду съ помощію мѣше совѣс-
лѣвыхъ Французовъ и перешелъ за внутреннія укрѣвленія.
Городъ былъ занятъ необузданнымъ вошествомъ и въ продол-
женіи пяти дней преданъ всѣмъ ужасамъ взятаго приступомъ
мѣста; укрѣвленія были срыты, дома разграблены и даже цер-
кви осквернены.

Прежде чѣмъ враги удалились отъ стѣнъ Зара, онъ долженъ
былъ небеснымъ правосудіемъ получить отмщеніе за ихъ же-
стокость. Распредѣленіе квартиръ, раздача денегъ, возбудили
ссору, которая для людей такого рода не могла усмириться
разсудкомъ. Венеціанцы и Французы раздѣлились на два лагера;
венеціанцы, какъ слабѣйшіе, были страшно разбиты и гра-
ждане Зара присутствовали при избіеніи тѣхъ, которые внесли
въ ихъ стѣны разрушеніе и отчаяніе. Напрасно дожъ и глав-
ные вельможи французской арміи пытались прекратить эту
ужасную распрю; потребовалась цѣлая недѣля переговоровъ,
чтобъ примирить обѣ партіи. Тогда крестоносцы, вдругъ пора-
женные чувствомъ своей безпорядочности, сказали сами себѣ,
что Богъ наказывалъ ихъ за неповиновеніе и эти самые люди,
недавно еще воспламеняемые неумолимою яростью, на колѣняхъ
молились смиренно у алтарей. Венеціанцы, чтобы загладить свое
святотатство, выбрали пространное мѣсто возлѣ разграблен-
ныхъ ими капеллъ и выстроили соборъ.

Сорокъ лѣтъ спустя Зара опять возмущился противъ власти
такъ недостойно съ нимъ поступившей, выгналъ венеціанскаго
губернатора и соединился съ венгерскимъ королемъ. Снова
покоренный, онъ уступалъ съ содраганіемъ налагаемому на не-
го игу и до пятнадцатаго вѣка мы видимъ, что онъ при вся-
комъ удобномъ случаѣ брался за оружіе. Въ 1346 г. Венеціанцы
покорили его послѣ долгой осады, послѣ войны противъ коро-
ля венгерскаго, стоявшей имъ, какъ говорятъ исторія, три
милліона дукатовъ.

Съ присоединеніемъ Далмаціи къ Австрійской имперіи, Зара
сдѣлался главнымъ политическимъ и гражданскимъ городомъ
провинціи.

Провинція эта раздѣлена на четыре департамента, называе-
мыхъ округами: Зара, Спалатто, Рагуза, Каттаро; каждый ок-

ругъ подраздѣляется на нѣсколько уѣздовъ: въ Зара считается восемь, въ Спалатто десять, въ Рагузъ пять, въ Каттаро три.

Первый гражданскій чиновникъ департамента носить титулъ *capitano del circolo*; послѣ него *pretor*, особенно занимающійся городомъ, потомъ *podesta* или *caro commune*, которому ввѣрено, какъ показываетъ его титулъ, управленіе нѣкоторыхъ числомъ деревень; у него помощниками четыре совѣтника, которые должны вмѣстѣ съ нимъ принимать необходимыя мѣры для поддержанія порядка. *Podesta* и *pretor* назначаются и утверждаетъ губернаторомъ Далмаціи. Въ каждомъ округѣ живетъ также военный сановникъ, полковникъ или генералъ.

Эта далматская земля, раздѣленная на двадцать шесть уѣздовъ, заключаетъ четыреста съ чѣмъ-то тысячъ жителей, изъ которыхъ 365,000 Славянъ, 30,000 Итальянцевъ, 1,200 Албанцевъ, и 1000 Жидовъ.

Въ этомъ народонаселеніи считается около 325,000 Католиковъ, 660 Уніатовъ, 77,000 жителей греческаго исповѣданія, 480 Жидовъ и только 27 протестантовъ.

Зара католическая метрополія этого маленькаго края, въ которомъ не менѣе шести епископовъ — архіепископство въ Зара, епископства въ Спалатто, въ Рагузъ, въ Себенико, въ Дезина, въ Каттаро. Сверхъ того греческое епископство въ Себенико; — Зара резиденція генераль-губернатора, начальниковъ различныхъ администрацій и засѣданіе апелляціоннаго суда.

Это собраніе сановниковъ даетъ городу особенное одушевленіе и представляетъ иностранцу привлекательность общества, котораго только нѣкоторыя частички встрѣтитъ онъ въ другихъ далматскихъ городахъ. Это колонія любезныхъ переселенцевъ, образованныхъ людей среди невѣжественнаго народа; это переселеніе вкуса и привычекъ образованности на почву, куда досихъ-поръ цивилизація проникла не много. Въ домѣ губернатора я могъ вообразить себя на нѣсколько часовъ въ умной и граціозной гостиницѣ большаго города; а въ поляхъ оттуда находится деревня Ерицца, вся населенная албанскою колоніей и въ нѣсколькихъ миляхъ горное уѣжище Морлаховъ.

Зара красивѣйшій городъ, открывающійся съ разныхъ сторонъ прекрасныя виды на море, на цѣпь холмовъ, надъ

которыя возвышаются, какъ голова гиганта, утесистыя вершины Велебичъ. Улицы узки, но правильно расположены и окружены красивыми домами. Торговля не значительна, но у ней есть мараскинъ. Странное дѣло какъ причудлива фортуна въ распредѣленіи славы человѣческой! Вотъ городъ, котораго лѣтописи заключаютъ славныя страницы, рассказы о мужественныхъ битвахъ, о драматическихъ сценахъ, а не черезъ эти благородныя эпопеи имя его распространилось по свѣту, а посредствомъ бутылокъ сладкаго ликера! Сколько людей, которые никогда не узнаютъ мужественныя борьбы, выдержанныя Зара для защиты или для возвращенія своей независимости и которымъ не безъизвѣстно, что изъ этого города получается самый лучшій мараскинъ!

Принимая честь, доставляемую ему мараскиномъ, Зага ищетъ однако менѣе матеріальныхъ удовольствій. Онъ печатаетъ два журнала: одинъ на славянскомъ, другой на итальянскомъ языкахъ. Въ немъ есть хорошіе книгопродавцы, между прочими Баттара, которому обязаны изданіемъ сочиненія Каррары о Далмаціи; есть казино, получающій съ главными нѣмецкими журналами многіе французскіе и англійскіе. Наконецъ есть театръ, включающій въ свой репертуаръ съ рѣдкимъ усердіемъ оперу и комедію, драму и водевилъ.

Два добрые гражданина, которые по рекомендаціи своего триестскаго пріятеля были такъ обязательны, что показавъ мнѣ утромъ различные городскіе кварталы, вечеромъ сводили меня въ театръ. Это именно былъ день торжественнаго представленія, бенефисъ примадонны. Я видѣлъ какъ разыгрывали, весьма похвальнымъ образомъ, итальянскую комедію и трагедію, которой авторъ еще неизвѣстный могъ бы сдѣлаться знаменитымъ, своимъ замѣчательнымъ изобрѣтеніемъ. Пять актовъ и пятьдесятъ стиховъ! По десяти стиховъ въ каждомъ актѣ, не болѣе. Какая образцовая трагедія!

Для такого экстраординарнаго спектакля цѣны были назначены по сорока сантимовъ билетъ. Благодаря прибытію парохода, который привезъ много неожиданныхъ зрителей, примадонна получила, какъ мнѣ сказали, сто пятьдесятъ флориновъ — около четырехъ сотъ франковъ. — Рѣдко, чтобы въ Зара былъ подобный сборъ.

Въ пяти миляхъ отсюда находится Zaga-Veschnia, бывший некогда довольно важнымъ городомъ. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ Венеціанцы, въ одномъ изъ припадковъ своего патристическаго гнѣва, опустошили его. Онъ не могъ оправиться отъ своихъ развалинъ. Теперь это не что иное, какъ деревня въ четыре до пяти сотъ душъ. Подлѣ есть другая деревня, имѣвшая также свои дни славы. Это Врана, гдѣ возвышался укрѣпленный монастырь, въ продолженіи трехъ столѣтій принадлежавшій рыцарямъ Храма. Онъ былъ взятъ Турками, срытъ и никогда не возобновленъ.

Очень счастливо для путешественника, что онъ можетъ пробѣгая эти мѣста, занять свою мысль историческими воспоминаніями, потому что оставляя Зара, видишь снова тотъ же одиобразный пейзажъ, который передъ этимъ утомлялъ взоръ. Плывешь по каналу, закрытому съ одной стороны берегомъ, съ другой двумя островами, протянутыми въ море, какъ плотина. Въ самой серединѣ этого канала есть нѣсколько сколи. За ними еще другія группы острововъ маленькихъ и большихъ и почти всѣ печальной наружности. Однажды далматскій чиновникъ, выѣхавшій изъ Зара со мною и въ своей нѣжной привязанности къ родинѣ не пропускавшій случая похвалиться мнѣ чѣмъ нибудь, говорилъ мнѣ иногда: посмотрите, какая великолѣпная зелень! Я поспѣшно обращалъ мой взоръ къ указанному имъ мѣсту какъ въ Лондонѣ, когда слышалъ въ туманное утро восклицаніе восторженнаго Англичанина: *What a fine sun!* Такъ же какъ въ Лондонѣ я примѣчалъ нѣсколько желтыхъ лучей, проникающихъ сквозь дымяные клубы, точно такъ и здѣсь я открывалъ плантаціи виноградныхъ лозъ и оливокъ, нѣсколько пастбищъ между массама голыхъ скалъ. Но чѣмъ болѣе эта суровая земля сопротивляется рукъ старающейся оплодотворить ее, тѣмъ болѣе должно изумляться мужеству тѣхъ, которые продолжаютъ такой мучительный трудъ. Большая часть изъ этихъ острововъ принадлежитъ городской общинѣ и есть много таковыхъ, гдѣ никто не живетъ. Береговые жители привѣзжаютъ, въ лодкахъ, обрабатывать ихъ и собирать томную жатву. Смотря на эти хребты скалъ, гдѣ жестокии трудомъ едва успѣваютъ добыть плохую жатву, я подумалъ о берегахъ Св. Лаврентія и Миссисипи, о неизмѣримыхъ долинахъ Плата,

гдѣ столько обширныхъ и плодovitыхъ мѣстъ еще не занятыхъ. Конечно, если эмиграція можетъ быть привлекательна, то по противоположности съ такимъ положеніемъ какъ это, гдѣ съ одной стороны видишь себя осужденнымъ на тягостное и пресѣренное существованіе; а съ другой блистаютъ такіе источники богатства? Но Альзасцы, Швабы легко расстаются съ своей прекрасной страной, чтобъ отправиться въ Америку. Далматы напротивъ остаются вѣрны своей суровой отчизнѣ. Сердце глубже занукаетъ свои корни въ скорби, чѣмъ въ радости. Сынъ бѣдняка сильнѣе привязанъ къ крову, гдѣ раздѣлялъ утомленія и безпокойства своей семьи, чѣмъ сынъ богача къ пышному жилищу, веселящему ему настоящее, разцвѣчающее ему будущее.

Очень остроумный писатель, Гозланъ сказалъ: «прискорбна та страна, о которой жители хранятъ воспоминаніе, страна бѣдная, безплодная, безъ солнца, но заставляющая любить другъ друга тѣхъ, которые родились въ ней.»

«Ахъ, эти милые сколи!» вскричалъ воалѣ меня пассажиръ въ грубой одеждѣ, который, чтобъ удобнѣе ими любоваться, оставилъ мѣсто, назначенное ему билетомъ и бросился на ютъ. Эти сколи, на которые я смотрю такъ угрюмо и на которые онъ смотритъ съ такимъ удовольствіемъ, послѣ непродолжительнаго отсутствія, эта почва, гдѣ семейство сдѣлало ему гнѣдышко, гдѣ онъ выросъ, гдѣ, не думая, что повторять слова поэта, онъ можетъ сказать, собирая свои воспоминанія: *Ich habe gelebt und geliebt*. Я жилъ и любилъ.

Не всѣ далматскіе поселяне могутъ испытывать при видѣ родной земли такіа честныя мысли. Не говоря о Морлакахъ, которые не одинъ разъ заслужили своими набѣгами по большимъ дорогамъ, неприятымъ впечатлѣніямъ, связывающимся съ ихъ именемъ, на этомъ берегу и на этихъ островахъ есть люди, не всегда довольствовавшіеся рыбной ловлей или произведеніемъ полей. Мнѣ показываютъ на островъ Мотаръ, котораго жители приобрѣли навѣстность поспѣшностью, съ которой устремлялись ибкогда на суда, брошенныя грозою на берегъ не для того, чтобъ помочъ, но чтобъ разграбить. Не болѣе десяти лѣтъ какъ они совершили одно изъ такихъ разбойничьихъ дѣлъ. Полиція пріѣхала на мѣсто, но не смотря на изслѣдованія, не

могла открыть виновных и рѣшилась неосадить въ тюрьму всю деревню. Эта мѣра, заимствованная у законодательныхъ обычаевъ Японцевъ, имѣла, какъ кажется, прекрасный результатъ. Жители Мотаръ, испугавшись этого круговаго закона, сами теперь исполняютъ должность полицейскихъ на своихъ островахъ.

Мы выходимъ наконецъ изъ этой сѣтки сколи въ каналъ, очень величественнаго вида, каналъ Себенико. При входѣ въ этотъ проходъ, которому позавидовалъ бы не одинъ большой приморскій городъ, находится островъ, весь покрытый произведениями Сенмикеля—Вобана Венеціанской республики, неутомимаго архитектора, бросившаго на Адриатическіе берега столько трудовъ достопамятныхъ и полезныхъ, бастионовъ и фортановъ, укрѣпленій и капеллъ. На одномъ изъ береговъ Себенико возвышается другая крѣпость, выстроенная Французами; на горѣ святой Анны, господствующей надъ островомъ, также есть крѣпость.

Эти бѣдныя далматскіе города, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, были подвержены набѣгамъ, грабительствамъ Турокъ; они должны были защищаться всѣми возможными способами противъ этихъ жестокихъ враговъ и, построивъ крѣпости, сохраняли ихъ, какъ старый солдатъ сохраняетъ въ мирное время кирасу, защищавшую его на полѣ битвы.

Въ глубинѣ этой бухты, такъ хорошо защищаемой, или скорѣе въ глубинѣ широкаго озера, въ которое впадаютъ съ осѣдлыхъ горъ воды Кекка, возвышается городъ Себенико, одинъ изъ самыхъ любопытныхъ городовъ Адриатическаго моря. Былъ ли онъ, какъ увѣряютъ историки, выстроенъ Кроатами, или, какъ говорятъ другіе, Ускоками, это трудно опредѣлить. Дѣло въ томъ, что, не смотря на свое превосходное положеніе, при устьѣ широкой рѣки, воалѣ славнаго рейда, онъ долго былъ не важнымъ селеніемъ, до тѣхъ поръ, пока жители города Скардона, разграбленные свирѣпой ордой, не пришли искать въ немъ убѣжища. Народонаселеніе его возвысилось тогда, какъ говорятъ, до тридцати тысячъ душъ; торговля, промышленность быстро развились, искусства и литература тоже. Фортасъ дѣлаетъ длинное перечисленіе ученыхъ и писателей, жившихъ въ этомъ городѣ. Большая часть этихъ людей, имѣвшихъ

свою долю славы на этомъ свѣтѣ, погребены теперь подъ новыми знаменитостями, которыя въ пирамидѣ челоѳчества скопляются одно надъ другимъ, какъ геологическія слои горъ повергають въ состояніе ископаемаго угля могучимъ растеніемъ отдаленныхъ временъ. Мы не можемъ однако забыть, что здѣсь родился превосходный живописецъ Андрей Скиавоне и если, какъ говоритъ преданіе, Себенико также произвелъ на свѣтъ Марко Паоло; — имя сиблаго путешественника достаточно, чтобы прославить въ литературномъ отношеніи этотъ смиренный городокъ.

Чтобы проникнуть во внутренность Себенико, надо рѣшиться проходить ущелья, такія же грязныя, какъ въ турецкихъ городахъ, взбираться по нечистымъ, разломаннымъ, скользкимъ ступенямъ, по отвратительнымъ улицамъ; но улицы эти ведутъ на рынокъ, представляющій взорамъ иностранца интересное зрѣлище и на площадь dei Signori.

На площади находится одна изъ этихъ венеціанскихъ ложъ, галлерей съ колоннами, гдѣ судьи оказывали правосудіе и публично приказывали наказывать виновнаго. На этой самой площади есть соборъ, описанный съ восторгомъ многими путешественниками. Ложу съ изящной колоннадой занимаетъ нынѣ казино. Соборъ поколебленъ годами. Я могъ къ великому моему сожалѣнію любоваться имъ не иначе, какъ сквозь огромныя дѣла, поставленныя для его поправки. Одна изъ сторонъ была однако свободна и на этой сторонѣ я видѣлъ длинный рядъ изображеній, ваянныхъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Рынокъ наводненъ множествомъ людей, которыхъ костюмъ и фязіономія снабдили бы карандашъ художника рѣдкимъ разнообразіемъ рисунка. Боснійскіе мусульмане, съ густыми бородами, въ широкихъ кафтанахъ, приходятъ сюда развѣнчивать сельскія пронаведенія на продукты итальянской промышленности. Морлахи являются сюда изъ дѣсовъ съ своими длинными волосами, связанными снуркомъ и падающими косою на спину, съ блестящими пистолетами и кинжалами у пояса; Далматы разгуливають тутъ въ платьѣ, подражающемъ частью нашему и частью турецкому; прелестныя дѣвушки съ гибкимъ станомъ, съ блестящимъ взоромъ, бѣгаютъ съ одной стороны на другую легко въ яркомъ наря-

дѣ, въ красной юбочкѣ, въ красномъ корсетѣ, а черныя ихъ волосы округлены вѣнкомъ на лбу и переплетены красными лентами.

Различныя улицы, ведущія къ этому рынку, также имѣютъ особенный характеръ. Тутъ есть обширныя магазины, гдѣ нѣтъ ничего больше, какъ сандалинъ изъ красной кожи, лапки золотыхъ дѣлъ мастеровъ, выставляющія только тяжелыя ожерелья изъ серебряныхъ шариковъ и огромныя пуговицы, которыми здѣшніе поселяне пришиваютъ съ гордостью къ жакету.

Хотя городъ Себенико мало по малу позволялъ другимъ городамъ похитить часть своего прежняго богатства, онъ однако производитъ еще торговлю, опредѣляемую въ два милліона пятьсотъ тысячъ франковъ въ годъ. Въ немъ есть важное мѣсто для сбыта товаровъ:—сосѣдняя турецкая провинція; а вездѣ есть довольно прибыльныя ловли коралловъ и губки, а промышленный геній новѣйшихъ временъ открылъ ему новое поле труда. Въ десяти миляхъ отъ этого города находятся рудники каменнаго угля, которые снабжаютъ, по большей части, Ллойдскіе пароходы и которые перевозятъ тѣмъ же паровыми бочекъ въ Триестъ; онъ не такъ хорошъ какъ англійскій, но продается по весьма низкой цѣнѣ.

Нагруженіе этаго угля на суда представляетъ зрителю, чудному обычаевъ Далмаціи, довольно изумительную черту нравовъ. Тяжелыя корзины угля несутъ на головѣ женщины, между тѣмъ какъ мужья и братья преспокойно сидятъ въ нѣсколькихъ шагахъ и разговариваютъ, скрестивъ руки и курятъ трубки. Далматы съ чувствомъ воинственной доблести, переходящей къ нимъ по преданію, показываютъ еще къ женщинамъ презрѣніе, какое дикіе американскіе Индѣйцы сохраняютъ еще къ своимъ squaws.

Тотъ же самый фактъ встрѣчается среди всѣхъ грубыхъ народовъ. Христіанство освободило, облагородило женщинъ. Христіанство, жизнью Святой Дѣвы, положило нмъ на чело отблескъ божественнаго луча. Цивилизація дала нмъ вѣнецъ граціи и прелести свѣтской. Тамъ, гдѣ мужчина еще гордится физической силою, женщина невольница. Тамъ, гдѣ онъ дорожитъ истинными волненіями сердца, нѣжными идеями ума, — у женщины есть свой вѣнецъ.

==

X.

Слалато. — Курцоля.

Жилъ былъ..... это старая исторія, которую я могу начать такимъ образомъ, до того она походитъ на волшебную сказку: Итакъ жилъ былъ въ небольшомъ далматскомъ селеніи бѣдный человѣкъ, сначала бывшій невольникомъ, потомъ отпущенный на волю господномъ, который, вѣроятно, не могъ ничего дать ему кромѣ свободы. Человѣкъ этотъ сдѣлался писцомъ, что въ тѣ отдаленныя времена было также, какъ и нынѣ, неважнымъ ремесломъ. У человѣка этого былъ сынъ, который, по вкусу или по смѣлѣе своего батюшки, выбралъ лучшую должность. Онъ сдѣлался солдатомъ.

Вотъ что извѣстно о происхожденіи этого юнаго Далмата, который былъ Діоклеціанъ. Точно такъ какъ большія рѣки, которыхъ начало трудно отыскать въ небольшомъ ручейкѣ, точно такъ какъ Ниль, котораго первоначальное теченіе съ трудомъ отыскивается въ Лунныхъ горахъ, первые годы знаменитаго императора исчезаютъ отъ взоровъ историка. Имя, написанное имъ на мраморѣ и мѣди, не было именемъ его отца; это было имя городка, въ которомъ онъ родился, городка Dioclasa, на берегахъ озера Скутари, у подошвы Черногорія.

Итакъ солдатъ вступаетъ въ одинъ изъ тѣхъ легионовъ, которые то на одномъ мѣстѣ то на другомъ, должны были защищать неизмѣримость Римской имперіи отъ вторженій варварскихъ ордъ, какъ земляныя и гранитныя плотны защищаютъ голландскую почву отъ морскихъ волнъ. Какимъ образомъ Діоклеціанъ заслужилъ первые чины, объ этомъ ни одинъ авторъ не уведомляетъ насъ. Кажется однако, что въ то время, когда онъ занималъ весьма незначительное мѣсто, онъ мечталъ уже объ ослѣпительной будущности. Рассказываютъ, что въ Гаалии онъ жилъ такъ бѣдно, что одинъ друидъ, вмѣстѣ съ которымъ онъ жилъ, не могъ не изъявить ему удивленія.

— Я буду жить пышнѣе, отвѣчалъ молодой воинъ, когда сдѣлаюсь императоромъ.

Друидъ бросивъ тогда взоръ, въ которомъ блистала лучъ пророческой мысли, сказалъ:

— Вы сдѣлаетесь императоромъ когда убьете вепря (Areg).
Т. СХХV. — Отд. III.

Убить вспрямъ дѣло не трудное, но во всѣ времена пророчдательныя слова не должно было понимать буквально. Кельтскіе жрецы, какъ и дельфійскій оракулъ, позволяли себѣ часто тѣ двусмысленныя слова, которыя мы по просту называемъ каламбурами. Діоклеціанъ убилъ генерала Апера, обвиненнаго въ участіи въ смерти императора Нумеріана. Это случайное обстоятельство, осуществлявшее предсказаніе бывшаго товарища, было можетъ быть для Діоклеціана новымъ поводомъ къ надеждѣ. Какъ не силенъ человекъ, онъ всегдъ впадаетъ какой-нибудь стороной въ обыкновенныя людскія слабости и нѣтъ ни одной высоко строгой жизни, которая на своемъ величественномъ пути не выказала бы какого-нибудь ребячества.

Какъ бы то ни было, счастливый воинъ всходилъ со ступени на ступень по лѣстницѣ фортуны. Не смотря на древніе римскіе обычаи, не позволявшіе сыновьямъ отпущенниковъ имѣть притязанія на гражданскія и воинскія почести и распространяшіе этотъ законъ до третьяго и четвертаго поколѣнія, сынъ дамматскаго отпущенника возвысился до самой высокой степени въ арміи. Отсюда до римскаго престола, такъ какъ престолъ былъ тогда оставленъ, оставался одинъ шагъ. Діоклеціанъ переступилъ его. Онъ сдѣлался императоромъ.

Всѣ римскіе императоры, были въ продолженіе своего величнаго величія, окружены олимпійскимъ вѣщомъ. Они сами воздвигали себѣ статуи, переходили въ состояніе боговъ. Діоклеціанъ также сдѣлался богомъ. На первый разъ онъ назывался именемъ того, который однимъ сжатіемъ бровей заставлялъ треметать землю и небо, именемъ Юпитера, а товарищъ его Максиміанъ назвался Геркулесомъ. Усердные ораторы, которыхъ реторика не оставалась безъ награды, воставили себѣ въ обязанность показать удачное примиреніе этихъ двухъ титуловъ. Между тѣмъ какъ Діоклеціанъ-Юпитеръ поддерживалъ, говорили они, своей высокой мудростью порядокъ въ имперіи, Максиміанъ-Геркулесъ очищалъ различныя области отъ чудовищъ и безпорядковъ.

Сынъ мушника, Максиміанъ, не получилъ никакого воспитанія; это былъ смѣлый и отважный, суровый и жестокий воинъ. Что касается до Діоклеціана, знаменитый англійскій исто-

рикъ Гиббонъ въ нѣсколькихъ строкахъ нарисовалъ его портретъ:

«Онъ не обладалъ благородной и отважной натурой героя, отыскывающаго опасності вмѣстѣ съ славой, презирающаго хитростью и гордо налагающему уваженіе себѣ равнымъ. Онъ обладалъ болѣе практическимъ чѣмъ блистательнымъ характеромъ. Въ немъ замѣчательнъ могучій умъ, развитый ученіемъ и приращеніемъ къ дѣламъ, разсудительная смѣсь щедрости и экономіи, кротости и строгости, глубокаго притворства подл наружностью воинской откровенности, упорства къ преслѣдованію своихъ намѣреній, ловкость въ употребленіи орадовъ дѣйствія, и выше всего этого—великое искусство поработать своимъ собственнымъ страсти также какъ и страсти другихъ. своему честолюбію, и прикрывать это честолюбіе самыми благородными предложениями правосудія и общественной пользы».

Съ своими достоинствами и недостатками, Діоклеціанъ является на горизонтѣ величественной фигурой, между двумя историческими эрами, послѣдней эрой славы и эрой разрушенія. Предпринятыми имъ мѣрами, чтобы уврочить миръ въ римскихъ владѣніяхъ, присообщеніемъ Максиміана къ своей власти и соединеніемъ двухъ цесарей, онъ самъ приготовилъ распаденіе имперіи. Въ его царствованіе Римъ былъ оставленъ, Кавказціи стоялъ лагеремъ въ Галліи, Галерій на берегахъ Дуная; Максиміанъ основалъ свое жилище въ Миланѣ, а Діоклеціанъ выставлялъ въ Никомедіи пышный церемониальнъ леотечныхъ дворовъ. Римъ терялъ отъ этого перемѣненія власти, отъ удаленія своихъ государей, важность свою, если не названіе столицы. Народы привыкали обращать глаза въ другую сторону и сенатъ пользовался однимъ почетнымъ титуломъ.

Послѣ персидской кампаніи два императора показали въ Римѣ и дали ему арміице триумфа. Это былъ послѣдній. Скоро императоры перестали побѣждать и древній городъ пересталъ быть владыкою міра.

Діоклеціанъ увѣнчалъ этимъ празднествомъ прежнихъ дней свое главное двадцати лѣтнее царствованіе. Тогда онъ рѣшилъ отказаться отъ власти, или потому что состояніе здоровья принуждало его искать покоя, или потому, что по благородному своему своему онъ предчувствовалъ бурю, вѣтерамъ уже не могъ на-

бѣдною сопротивляться, или наконецъ по новой горюсти самъ собирався сложить съ себя титуль, котораго добился съ такой радостью. Можетъ быть также рѣшимость его произошла отъ другаго чувства. Путешественникъ, достигшій конца продолжительнаго пути съ любовью оборачивается къ домашнему крѣву. Въ суровомъ жизненномъ путешествіи, человекъ также оборачивается нѣсколько разъ по естественной наклонности къ своей колыбели. Тотъ, кто устремлялъ самый честолюбивый взглядъ на будущее, чаще всѣхъ и съ большимъ грустнымъ сожалѣніемъ отыскиваетъ смиренное счастье прошедшаго, иррину неизвестность роднаго дома, сладостныя и добродушныя привязанности семейныя.

Какимъ философомъ не является намъ Діоклеціанъ, когда онъ отличился этимъ отрѣченіемъ, котораго въ исторіи былъ извѣстенъ только одинъ примѣръ—Птоломей Кагъ, египетскій царь — онъ не на столько философъ, чтобы просто сложить съ себя званіе и безъ блеска удалиться въ свое убожище. Онъ собралъ народъ и войско въ долинахъ Никомедіи, вошелъ на тронъ и величественной рѣчью объявилъ о своемъ напѣрѣніи. Потомъ сѣлъ въ закрытую повозку и тотчасъ же уѣхалъ въ Далмацію, не въ бѣдный домикъ отца, а въ огромный дворецъ.

Въ этомъ-то дворцѣ вся эта исторія пришла мнѣ на память въ продолженіе долгой мечтательности, какъ одинъ изъ чудныхъ разсказовъ тысячи и одной ночи. Тутъ государь величайшей имперіи когда-либо существовавшей, заключилъ свою жизнь въ такомъ возрастѣ, который могъ еще обѣщать ему наслажденія долгаго владычества; тутъ бывшій товарищъ его Максиміанъ пріѣхалъ спрашивать его принять снова власть и извѣстно какими простыми словами отвѣчалъ онъ на это покушеніе благоразумнѣе своего пылкаго товарища, бросающагося въ новую снѣжку, гдѣ онъ презрѣнно погибъ; тутъ онъ присутствовалъ только при буряхъ Адриатики, между тѣмъ какъ бура въ тысячу разъ страшнѣе воздымала народныя волны, между тѣмъ какъ со всѣхъ сторонъ земля нигеріи трещала подъ тяжестью варварскихъ легіоновъ, подъ ногами Гетовъ.

Тутъ наконецъ умеръ онъ нешестидесятилетнею смертію, какъ будто конецъ такъ же какъ и начало его страшной судьбы долженъ

быть равнымъ предметомъ гипотезъ и споровъ для комментаторовъ.

На этомъ самомъ мѣстѣ я провелъ цѣлый вечеръ, котораго торжественное впечатлѣніе не могу забыть. Я находился въ самомъ центрѣ этого древняго дворца. Другія части зданія были совершенно разрушены. Эта часть, не смотря на преобразование сдѣланное ей является еще въ своемъ величественномъ цѣломъ.

Вотъ колоннады перистила, куда входили въ золотую дверь; вотъ храмъ Юпитера, патрона Діоклеціана, а напротивъ, небольшой храмъ, который называется храмомъ Эскулапа, хотя онъ можетъ быть имѣлъ другое назначеніе. Одна изъ этихъ колоннадъ составляетъ вынѣ фасадъ жилища католическаго епископа; подъ другою кофейная, которой кровля не достигаетъ даже до верха сводовъ. Храмъ Юпитера былъ посвященъ въ церковь, а изъ храма Эскулапа духовенство сдѣлало крестильный придѣлъ.

Храмъ Юпитера — родъ осмиугольной ротонды, построенной въ изъясныхъ размѣрахъ. Снаружи онъ былъ окруженъ коринфскими колоннами, на которыхъ вѣроятно возвышались нѣкогда статуи. Большая часть колоннъ разбиты, статуи исчезли, но внутренность зданій еще превосходна съ своей кругообразной колоннадой и высокимъ куполомъ. Сдѣланныя тутъ работы, чтобы приспособить къ служенію христіанской религіи, придали новый живописный эффектъ, не измѣнивъ первоначальной красоты. Надъ портикомъ простой каменщикъ изъ Спалато по имени Toverde, выстроилъ вначалѣ пятнадцатаго вѣка изъ столбовъ, капителей и другихъ остатковъ древнихъ памятниковъ, колокольную въ сто семдесятъ три фута вышины, изумительно оригинальную и граціозную въ высшей степени.

«Изъ безчисленныхъ построекъ Римлянъ сколько, говоритъ Гиббонъ, исчезаютъ отъ исторіи и какъ мало устояли отъ разрушеній времени и опустошеній варваровъ!»

Тѣ, которыя лучше сохранились, сохранены христіанами. На первомъ мѣстѣ я поставлю римскій Пантеонъ, потомъ спалатскій соборъ.

Не большой храмъ, находящійся напротивъ этого, имѣеть

болѣе строгую наружность. Археологи сдѣлали изъ него храмъ Эскулапа, особенно опираясь на ту причину, что Діоклеціанъ, въ состояніи болѣзненнаго изнеможенія, естественно должень былъ призывать на помощь бога здоровья. Смотра на это массивное зданіе, на его толстыя стѣны, мрачную внутренность, гораздо легче допустить, что это былъ не храмъ, но гробница, гробница того самаго, кто заключился въ этомъ дворцѣ какъ въ монастырѣ, кто умеръ тутъ послѣ долгихъ размышленій о смерти. Недавно открыли на одной изъ наружныхъ сторонъ этого зданія императорскую корону. Не знакъ ли это императорской могилы? Всего удостовѣрительнѣе саркофагъ каменный украшенный скульптурой, находящійся при входѣ въ это самое зданіе. Онъ представляетъ на своихъ четырехъ сторонахъ четыре сцены, которыя кажутся изображеніемъ различныхъ фазовъ діоклеціановой жизни. На первой молодой человѣкъ согбенный подъ ношей, слѣдовательно бѣдный и трудолюбивый, какимъ былъ Діоклеціанъ; на второй сильный молодой человѣкъ держитъ лошадь за узду; на третьей охотникъ, пронзающій дротикомъ вепря (Арг, предметъ друидическаго предсказанія); на четвертой мужчина въ плащѣ съ величественнымъ видомъ ласкаетъ рукою собаку. Не Діоклеціанъ ли это опять, убившій *Апера*, исполнившій предсказаніе и мечтающій о своемъ будущемъ величій?

Если Діоклеціанъ хотѣлъ, чтобъ его смертные останки были погребены во дворцѣ, въ который онъ удалился, онъ могъ, какъ другой Хеопсъ, тщеславиться великолѣпіемъ своей гробницы. Этотъ дворецъ, четверугольной формы, занималъ пространство девяти акровъ и могъ содержать, со свитой императора, цѣлый легіонъ преторіанцевъ. Четырьмя большими воротами открывался онъ на четыре strany свѣта, на море, на поля, и двѣ улицы, прорѣзанныя прямымъ угломъ проходили во всю длину и во всю ширину его.

Въ четвертомъ столѣтіи въ немъ жилъ еще одинъ государь Юлій Непосъ, который послѣ годоваго царствованія въ то время безпорядковъ, когда императоры царствовали такъ мало, убѣжалъ отъ варварскаго полководца, удалился въ жилище своего знаменитаго предшественника и былъ тамъ умерщвленъ.

Въ седьмомъ вѣкѣ зданіе Діоклеціана сдѣлалось городомъ, на

столицемъ городомъ, котораго имя Palatium, превратилось въ Спалато; городъ Салона, возвышавшійся около мили оттуда, былъ взятъ Аварами, часть жителей удалилась на сосѣдніе острова; другіе, зная прочность императорскихъ стѣнъ укрѣдись въ нихъ какъ въ крѣпости и мало-по-малу число эмигрантовъ увеличилось. Одно семейство увлекало другое. Они слѣдовали другъ за другомъ какъ стада испуганныхъ ланей, которыя спасаясь отъ жестокой охоты, бросаются въ густыя лѣса. Они заняли башни, галлерей, даже подземные своды обширнаго аданія. Какъ аисты вьющіе гнѣзда на вершинѣхъ деревь, какъ виноградная лоза распространяющая вѣтви по стѣнамъ, служащимъ ей опорой, они пріютились во внутренности этого обширнаго параллелограмма. Какъ туча саранчи распространяется вдругъ на цѣлой долині, испуганные Салонійцы распространялись по акантовымъ листамъ, карнизамъ, капителямъ великолѣпнаго діоклеціанова жилища. Какъ лава Везувія разлилась по Геркулануму и Помпеѣ, народонаселеніе цѣлаго города, выгнанное изъ домашняго крова набѣгомъ варваровъ, разлилось по коридорамъ этого дворца. Оно тутъ устроило множество узкихъ улицъ, лавокъ, мастерскихъ, свою торговлю и нищету.

Въ половинѣ послѣдняго столѣтія, одинъ изъ тѣхъ Англичанъ, которые если привязываются къ какому предпріятію, то продолжаютъ его съ рѣдкой настойчивостью, поселился въ Спалато и принялся воспроизводить своимъ карандашомъ первобытную форму Діоклеціанова жилища, подъ поврежденіями, дряхлѣвшими имъ отъ времени и переворотовъ, подъ нездѣланнымъ кватирь работниковъ и гражданъ, обезображивающихъ со всѣхъ сторонъ грандіозную наружность. Адамсъ издалъ въ Лондонѣ въ 1763, сочиненіе, которое останется прекраснымъ произведеніемъ искусства, хотя во многихъ отношеніяхъ оно очевидно преувеличено или явно ошибочно. Нѣсколько позднѣ Cassas издалъ въ Парижѣ другое сочиненіе, которое въ сущности заслуживаетъ большаго уваженія. *

Оба художника однако могли дать намъ только обломки архи-

* Живописное и историческое путешествіе по Истрѣ и Далмаціи. Парижъ, 1802.

тектуры; и какимъ же образомъ реставрировать черезъ пятнадцать вѣковъ цѣлый дворецъ, въ лабиринтѣ улицъ, переулковъ, перекрестковъ, наполняющихъ его пространство, послѣ того что столько поколѣній постепенно разрушали, разламывали въ этихъ стѣнахъ? Только одинъ соборъ сохранился и то еще хорошенько распотрѣвъ, нельзя быть увѣрену что составляешь себѣ точную идею о томъ, что онъ былъ прежде? На одномъ изъ угловъ его жилище аптекаря, на другомъ башмачника, въ серединѣ пирожника.

О суета притязаній и надеждъ человѣческихъ! Диоклеціанъ употребилъ двѣнадцать лѣтъ на постройку этого зданія, заставлялъ вытесать колонны и капители лучшимъ скульпторамъ своего времени; истощилъ, чтобъ возвысить эти длинныя фасады, каменоломню камня, не уступающаго въ прочности мрамору; и колонны эти служатъ нынче подпорой ничтожнымъ лавчонкамъ, а подъ сводомъ великолѣпнаго перистила городскіе праздноты собираются читать *Далматскую газету*, выпивая чашку дряннаго кофе!

Въ концѣ своего царствованія онъ повелѣлъ новое преслѣдованіе противъ христіанъ, а послѣднее жилище его послужило убѣжищемъ для христіанъ. Подъ толстыми стѣнами его они укрылись, какъ во время грозы укрываются подъ плещмъ, и храмы, выстроенные языческимъ императоромъ для своихъ идоловъ, сдѣлались христіанскими храмами и даже могла его не осталась подъ сводомъ, гдѣ онъ думалъ успокоить ее на вѣки.

Наполнивъ дворецъ, спалатское населеніе все болѣе и болѣе возрастающее, перешло за ограду, выстроило другой городъ и окружилось другимъ укрѣпленіемъ. Но ни новый ни старый городъ не представляютъ пріятной наружности: улицы узки, мрачны, окружены по большей части дрянными домами. Въ этомъ главномъ городѣ далматскаго департамента иностранецъ не найдетъ даже гостиницы, гдѣ могъ бы прилично помѣститься, а любитель книгъ ни одной хорошей книжной лавки. Однако здѣсь есть музей древностей, устроенный учеными археологами и Спалато произвелъ въ различные эпохи замѣчательныхъ людей, нѣсколькихъ прелатовъ, двухъ папъ, ученыхъ, писателей и важнѣе всѣхъ ихъ, блаженнаго Іеронима.

Спалато вмѣстѣ двѣ гавани. Когда вѣзжаешь въ ту, куда пристають суда въ тихую погоду, въ ту которая касается однихъ воротъ города, видишь передъ собою только груду сѣрыхъ стѣнъ; за ними горы того же цвѣта и кажется, что этотъ городъ, какъ большая часть далматскихъ городовъ, основанъ на бесплодной почвѣ; но между новыми циркумвалляціонными линіями и другою гаванью разстилается зеленое и плодоносное поле, наполненное виноградными лозами, оливами и другими фруктовыми деревьями. Возлѣ находится Салонэ, нѣкогда столица страны, нынѣ ничтожная деревушка, которой зданія исчезли вмѣстѣ съ жителями, потому что камни укрѣпленія послужили къ увеличенію Спалато, и колокольня церкви почти вся была выстроена изъ обломковъ древняго города.

Во второе мое посѣщеніе Спалато, вѣтеръ принудилъ насъ зайти во второй рейдъ, называющійся рейдомъ degli Paludi, и я пріятно провелъ утро въ монастырѣ Францисканцевъ, этого ордена, которому я обязанъ былъ въ Штиріи такимъ радушнымъ гостепрѣимствомъ. Настоятель, узнавъ, что путешественникъ желаетъ видѣть его религіозную обитель, самъ встрѣтивъ меня, протянулъ руку. Онъ водилъ меня изъ коридора въ коридоръ по этому обширному дому, который могъ бы вмѣстѣ принять многочисленную общину, и въ которомъ живутъ только три монаха, существующіе добровольными приношеніями вѣрныхъ. Потомъ онъ повелъ меня въ свою бібліотеку, которой выборъ показываетъ просвѣщенный вкусъ; потомъ въ ризницу, гдѣ старательно сохраняются двѣ книги рѣдкой красоты. Это два огромные служебника in-folio, написанные буква за буквою съ такой ясностью, которую не превзойдетъ ни одна типографія и украшенные почти на каждой страницѣ гирляндами, вѣнками, изумительными, по граціи сочиненія и по блеску красокъ. Эти двѣ рукописи, которыя можно поставить въ параллель съ самыми прелестными прозведеніями среднихъ вѣковъ, были сдѣланы въ осьмнадцатомъ столѣтіи однимъ изъ членовъ общины. За нѣсколько дней до смерти онъ еще трудился надъ ними. Это благородный и чистый памятникъ, свидѣтельствующій объ его благочестіи и заставляющій удивляться его терпѣнію.

Изъ гавани Paludi, мы пріѣхали черезъ три часа на ос-

тровъ Jesina. Фароскіе Греки основали тутъ колонію и назвали ее Фарія. Позднѣе, языческой островъ сдѣлался убѣжищемъ множеству христіанъ, преслѣдуемыхъ постановленіями императоровъ и былъ названъ Phagia засга. Потомъ онъ былъ взятъ парентинскими пиратами, потомъ управляемъ вельможами и въ 1431 уступленъ однимъ изъ нихъ Aliota Carseta, венеціанскому правительству. Во время продолжительныхъ войнъ царицы Адриатики съ Турками, она собирала здѣсь эскадры, а когда войны окончились, Jesina осталась ей главнымъ мѣстомъ для кораблей, употребляемыхъ для охраненія адриатической торговли.

Островъ имѣетъ около четырнадцати миль въ длину и только двѣ въ ширину. Онъ производитъ винныя ягоды, славящіяся своимъ вкусомъ; розмариновое масло, употребляемое для приготовленія хорошаго мыла и вино очень знаменитое въ Далмаціи, называющееся *vinò di Spiaggia*. Кромѣ того производитъ оливковое масло, медъ, шафранъ и пр.

Главный городокъ его окруженъ въ глубинѣ бухты скалами. Отъ венеціанскаго правленія сохранилось многіе слѣды: палисанный портикъ, построенный Санмикелемъ для одной изъ тѣхъ ложъ, гдѣ собирався совѣтъ судей оказывать правосудіе, и левъ святаго Марка, этотъ знаменитый левъ съ распущенными крыльями, съ остроконечной мордой, съ сжатými когтями, котораго находимъ въ Зара, въ Себенико, вездѣ, гдѣ владычествовала Венеція.

Не смотря на важность своего положенія, Jesina въ послѣднемъ столѣтіи защищалась только одной цитаделью, выстроенною Испанцами, когда они присоединились къ Венеціанцамъ противъ Турокъ и сохранившей названіе *Sragacolo*.

Французы выстроили на одномъ изъ холмовъ, господствующихъ надъ городомъ, крѣпость Санъ-Никола. Австрія вслѣдствіе Аустерлицкой битвы, предоставила намъ Далмацію и мы были принуждены оснаживать это новое завоеваніе у Русскихъ и Англичанъ.

Удаляясь отъ этихъ береговъ, я подъѣзжаю къ острову *Sanzola*, который въ своемъ сжатомъ пространствѣ напоминаетъ мнѣ вмѣстѣ морскую промышленность Луссино и растительность Спалато.

На оконечности мыса, окруженнаго холмами, гдѣ зелѣютъ лѣса сосенъ, кипарисовъ, мастиковыхъ деревъ, возвышается городокъ, сдѣлавшій себѣ славу своими морскими постройками. Онъ принужденъ выписывать изъ Истріи и Албаніи строевой лѣсъ, но его мастеровые такъ искусны, что ни одинъ архитекторъ, желающій имѣть хорошее судно, не пожалѣетъ заплатить имъ дороже чѣмъ другимъ. Здѣсь дѣлаются воѣ лондонскія шлюбки и строятся также суда большаго размѣра; я видѣлъ на ихъ верфяхъ судно въ четыреста пятьдесятъ боченковъ. Новый городъ дѣятельный, разумный, городъ инженеровъ, плотниковъ, и парусниковъ мало-по-малу образовался вокругъ рейда у подошвы первобытнаго города, сжатаго въ своихъ укрѣпленіяхъ какъ ребенокъ въ пеленкахъ. Какъ бѣлая часть далматскихъ городовъ, онъ долженъ былъ оберегать себя отъ набѣговъ, въ тѣ воинственныя времена, когда греческіе императоры, Венгерцы, Генуэзцы, Турки, Венеціанцы, оспаривали обладаніе Адриатикой, когда пираты разгуливали по ней съ своимъ жестокимъ флагомъ, а жадные вельможи присоединяли къ такому множеству распрей новый элементъ безпорядковъ ради своихъ честолюбивыхъ притязаній.

Съ десятаго столѣтія Венеціанцы овладѣли островомъ Сугзола, котораго колонизацію нѣкоторые историки возводятъ до Финикійянъ; но Венеція не всегда могла обезпечить дѣйствительное покровительство странамъ, которыя съ гордостью подчиняла своей власти. Въ 1298, подъ самыми стѣнами Сугзола, флотъ ея былъ разбитъ Генуэзцами, а провекторъ Андрей Дандоло взятъ въ плѣнъ. Генуэзцы заковали его въ цѣпи и съ радостью везли къ себѣ, чтобъ выставить на зрѣлище своимъ согражданамъ; гордый Венеціанецъ лишился ихъ этой радости, бросился на мачту и разбилъ себѣ голову.

Этому сраженію мы обязаны любопытными разсказами Марко Поло. Онъ былъ тутъ, отважный путешественникъ и какъ Дандоло сдѣланъ плѣнникомъ. Чтобъ забыть скуку плѣна онъ началъ писать разсказъ о своихъ далекихъ странствованіяхъ и этимъ сочиненіемъ такъ прельстилъ Генуэзцевъ, что они возвратили ему свободу.

Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія Сугзола, чуть было не сдѣлался добычею Турокъ; мужественная рѣшимость женщинъ сна-

сла его. При приближеніи алжирскаго корсара Улусъ-Али, хотѣшаго завладѣть Антивари, Видна, военачальникъ, убѣжалъ съ солдатами в часть жителей. Корсары, не видя издали никакого признака защиты, приготовлялись сойти на землю, какъ вдругъ явились на укрѣпленіяхъ женщины, съ касками на головахъ, съ саблями въ рукахъ. Улусъ-Али подумалъ, что тутъ многочисленный гарнизонъ и удалился.

Теперь женщины этой приморской провинціи и сосѣднихъ береговъ были бы еще въ состояніи защитить свои жилища въ день опасности. Какъ большая часть мужчинъ почти постоянно удалены отъ нихъ по своему ремеслу, онѣ сами обрабатываютъ землю, исполняютъ самыя суровыя работы и этой трудолюбивой жизнью приобрѣтаютъ удивительную силу.

Женщины полуострова Ogeliccio замѣчательны между всеми своей энергической красотой, они часто приѣзжаютъ въ Курцолу, сами правятъ лодками, сами ставятъ паруса какъ записные лодочники. Не одна изъ нихъ могла бы сказать, повторяя строфу стариннаго испанскаго романа:

Igme quiero, madre,
 A aquella galera
 Con el marinero
 A ser marinera.

Нѣтъ ни одного иностранца, который, примѣтивъ ихъ, не остановился бы въ изумленіи отъ ихъ выразительной фязіономіи и странности костюма. Такъ какъ рѣдко, чтобъ онѣ не облачивали какаго нибудь любезнаго моряка, какаго нибудь родственника, онѣ одѣты въ черное платье и въ то же время имѣютъ на головѣ самый смѣшной, самый странный, самый карнавальскій уборъ, какой только можно вообразить: кучу букетовъ, лентъ, блестокъ, стеклышекъ, иностранныхъ монетъ, все что щедрый отецъ или угодливый женихъ привезли имъ изъ путешествія.

Странное соединеніе чернаго платья и такого забавнаго наряда, безпрестанной мысли о смерти и веселой надежды возвращенія! Но сколько женщинъ въ свѣтъ также носятъ цвѣты на головѣ и трауръ въ сердцѣ!

XI.

РАГУЗА.

Съ острова до острова, съ города до города, Венеція распространила наконецъ свое владычество по всему далматскому берегу. Отъ Курцолы до Каттаро, въ ея завоеваніяхъ осталася однако пропускъ, въ ея перспективѣ остановка, какъ мельница въ Санъ-Суси въ паркѣ короля прусскаго. Среди ея владѣній осталася земляца, городокъ, на которыя, не смотря на свои усилія, она не могла наложить свои львиные когти. Это Рагуза, въ своихъ узкихъ границахъ сдѣлавшая себѣ нѣкогда важное имя, а нынѣ печально упавшая съ своей прежней славы.

Если, какъ сказалъ одинъ писатель, эти утесистые берега, эти далматскіе scogli, населенные особеннымъ народомъ, между большими государствами походятъ на морскую Швейцарію, Рагуза является мнѣ въ этой Швейцаріи какъ другая Женева, важная, благоразумная, честная, ученая.

Провидѣніе, въ своихъ таинственныхъ намѣреніяхъ попеременно возвышающее и унижающее народы, бросило этотъ народъ съ высоты его сильной независимости, въ самое униженное состояніе. Но если есть народы, которые своими заблужденіями сами готовятъ свое раззореніе и оправдываютъ бѣдствія, Рагузская республика составляетъ исключеніе. Она не заслужила свое паденіе ни какимъ безуміемъ, она была жертвою двухъ катастрофъ, которыхъ ея прозорливость не могла предвидѣть, отъ которыхъ ея благоразуміе не могло ее предохранить.

Ни одно государство не представляетъ въ продолженіе двѣнадцати вѣковъ исторію правильнѣе Рагузы, болѣе чистую отъ всякаго безпорядка и возвышенную болѣе благородными дѣйствіями. Попытаюсь выказать главные ея фазы и начинаю съ начала.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ мыса, гдѣ возвышаются укрѣпленія Рагузы, греческая колонія основала въ 689 до Р. Х. городъ, который назвала Эпидауръ, и который былъ какъ Пелопонесъ посвященъ Эскулапу. Въ немъ былъ храмъ, пріобрѣтшій нѣкоторую извѣстность и гавань довольно часто посѣщаемая. Римляне безъ труда овладѣли этимъ городомъ въ то вре-

мя, когда овладѣвали столькими областями. Во время войны Цезаря и Помпея, Эпидавуръ взялъ сторону Цезаря, былъ осажденъ Октавіемъ и освобожденъ Ватніусомъ. Позже онъ имѣлъ смѣлость возмутиться противъ римской власти и былъ провозглашенъ проконсуломъ Полліо, получившимъ почести триумфа за побѣды въ Далмаціи и болѣе продолжительную почесть какъ упомянутый въ стихахъ Горація:

Pollio

Cui laurus aeternos honores

Dalmatiae peperit triumphos (Кн. 2, 6, 1.).

Съ этого времени Рагуза исчезаетъ какъ незамѣтный атомъ въ вихрѣ римской исторіи. Она была взята, разграблена варварами и нельзя сказать въ точности въ которомъ году. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей она была уничтожена Готами въ 565, по мнѣнію другихъ гораздо позже Славянами.

Со времени этого опустошенія начинается существованіе Рагузы. Жители Эпидавура, видя свои поля опустошенными, дома сожженными, убѣжали отъ жестокихъ ордъ, отъ которыхъ не могли ждать никакого состраданія и сдѣлали себѣ другое жилище. Послѣ испытаннаго ими несчастья и ужаса главное для нихъ состояло не въ томъ, чтобы сыскать плодородную почву, удобный рейдъ, а скорѣе помѣщеніе представлявшее средство защиты противъ новаго вторженія. Такимъ образомъ издается положеніе Рагузы, помѣщенной какъ палисадъ между цѣпью скалъ, и ея маленькая гавань, между тѣмъ какъ на полмили далѣе жители могли занять положеніе прелестное между широкой бухтой Грабока и зеленой долиной Омбла.

Въ седьмомъ вѣкѣ, городъ, основанный эпидавурской колоніей увеличился черезъ опустошеніе Салонэ новой шайкой эмигрантовъ. И такъ Рагуза была основана какъ Венеція бѣглецами и какъ въ Венеціи, въ ней образовалась каста патрициевъ, олигархическое правленіе. Но тутъ останавливается сравненіе между двумя соперничающими городами. Сколько Венеція выказалась честолюбивою въ своихъ стремленіяхъ, жадною къ расчисткамъ, обладаемою желаніемъ распространить во всѣ стороны свои завоеванія, высокоумною и жестокою къ подвластнымъ странамъ, прощрылавою и лукавою къ тѣмъ чьего могутъ

щества страшилась, столько Рагуза становилась скромною въ своихъ притязаніяхъ, преданною благороднымъ чувствамъ справедливости и великодушія. Сила ея произошла отъ честности и возвышеніе отъ добродѣтели.

Слѣдуя отъ пункта до пункта за лѣтописями этого города, можно сказать, что бѣдные изгнанники, выстроившіе ее, прижили къ извѣсткѣ стѣнъ слезы своей скорби и влили въ душу дѣтей своихъ неутолимое чувство симпатіи ко всѣмъ злополучіямъ. Сколько изгнанниковъ приходило сюда и все были приняты съ благосклоннымъ участіемъ и даже въ случаѣ нужды защищаемы съ энергической рѣшимостью!

Сначала Маргерита, вдова Стефана, короля далматскаго. Двоюродный братъ ея Богосларъ, вступившій на тронъ, повелительно требовалъ, чтобы ее выдала; Рагузцы отказали.

Потомъ вдова этого самаго Богослара, убѣжавшая съ сыномъ отъ народнаго матажа, довѣрчиво пришла просить убѣжища у этого города, съ которымъ такъ жестоко обошелся ея мужъ.

Потомъ Радосларъ, король Сербіи, лишенный короны своимъ племянникомъ Бодино.

Цѣлый легионъ боснійскихъ католиковъ, которые въ ту эпоху, когда магометанство бросило роковой раздоръ въ землѣ ихъ, удалились въ маленькую республику, гдѣ могли мирно хранить свою вѣру.

Каждая междоусобная война, въ областяхъ сосѣднихъ съ Рагузою, давала ей случай утѣшать какое-нибудь несчастіе. Крепостные походы доставили кое-что другое.

Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ является здѣсь пылкій государь бретонской милиціи, соперникъ Филиппа-Августа, другъ нѣжнаго Блонделя, герой столькихъ поэтическихъ легендъ, Ричардъ Львиное-сердце. Застигнутый бурей при выѣздѣ изъ Корфу, онъ далъ обѣтъ выстроить церковь Пресвятой Дѣвѣ на первой землѣ, къ которой пристанетъ и присталъ къ рагузскимъ владѣніямъ, къ острову Ланрома. Тутъ находилась община Бенедиктенцевъ, принявшихъ со всѣмъ должнымъ уваженіемъ доблестнаго воина. Ричардъ вспомнивъ о своемъ обѣтѣ, далъ имъ сто тысячъ марковъ на построеніе церкви. Щедрый король не думалъ, что нѣкогда подданные его принуждены будутъ сдѣлать складчину, чтобъ освободить его изъ темницы,

куда врагъ Леопольдъ-Австрійскій постыдно заключилъ его. Рагузское начальство, узнавъ объ его прїѣздѣ явилось къ нему, приглашало посѣтить городъ и сдѣлало ему пышный прїемъ. По ихъ просьбѣ онъ имѣнилъ свои благочестивыя намѣренія, отдалъ сто тысячъ марковъ на построеніе собора въ ихъ гостепрїимной столицѣ, но съ условіемъ, что аббатъ и монахи лакромскіе будутъ приходить каждый годъ въ день Срѣтенья Господня служить тамъ обѣдню *.

Послѣ пылкаго Ричарда явились другіе защитники христіанства, побѣжденные храбрецы Никополса. Въ два столѣтія сколько успѣху сдѣлали сабельные раскольники, ученики Магомета! вмѣсто того, чтобъ защищать границы Аравіи противъ вторженія Христіанъ, они сами вступали въ христіанскія области, съ воинственнымъ фанатизмомъ Корана, съ мечемъ Азраиля, ангела смерти. Они доходили до Константинополя, направлялись къ Германіи въ 1396, на берегахъ Дуная сто тысячъ человекъ возстали противъ волнъ магометанскихъ какъ неерландская плотина противъ морскихъ волнъ. Въ этихъ ста тысячахъ человекъ былъ избранный цвѣтъ дворянства французскаго и германскаго, графы: Неверскій, Эйскій (d'Eu), де Ла Мартской, адмиралъ Вѣвскій, маршалъ de Bouscault, подъ начальствомъ Сигизмунда, короля венгерскаго, котораго владѣнія должны были наводниться опустошительнымъ потокомъ. Христіанская армія была побѣждена въ роковой никопольской долигѣ, побѣждена черезъ свою пылкость и горячность. Сигизмундъ нашелъ въ стѣнахъ Рагузы утѣшеніе своимъ горестяиъ и благородные французскіе рыцари, освобожденные изъ рукъ Балагета, богатымъ выкупомъ ** нашли также въ этомъ городѣ дружескій прїемъ и сладостный покой.

* Простонародныя преданія опредѣляютъ въ Аквилаѣ висадку Ричарда. Однако это вѣрно, что онъ сначала остановился въ Рагузѣ. Соборъ выстроенный его иждивеніемъ, былъ разрушенъ землетрясеніемъ въ 1667 г.

** Тѣмъ, кто сколько-нибудь изучалъ исторію возвышенія и упадка мусульманской имперіи, мнѣ не нужно напоминать, что пораженіе, претерпѣнное христіанами подъ стѣнами Никополса, было трижды отищено: Влахами въ 1598; потомъ Русскими, въ 1811, уничтожившими подъ этими стѣнами турецкій флотъ, и другой арміей, которая въ 1830, взявъ приступомъ этотъ городъ съ таинимъ роковымъ возпоминаніемъ.

Завоеваніи Турокъ на берегахъ Дуная привели еще въ Рагузу Георга, короля Сербіи, потомъ Анну, вдову Лазаря, послѣдняго государя этой области. Взятіе Константинополя бросило въ Рагузу многихъ потомковъ восточныхъ императорскихъ фамилій: Палеологовъ, Комненовъ, Ласкари.

Рагуза была награждена за нѣкоторыя изъ этихъ гостеприимныхъ дѣйствій щедрыми подарками. Далматскій король Стефанъ подарилъ ей землю около двѣнадцати миль длины. Сильвестръ другой далматскій государь отдалъ острова Каламатта, Меццо; Радосларъ увеличилъ владѣнія лакромскихъ монаховъ. Ричардъ, какъ мы сказали, содѣйствовалъ значительной суммой построению собора.

Но другіе бѣглецы подвергли великодушную Рагузу пылкимъ чувствамъ ненависти, большимъ опасностямъ, иногда увлекали въ опустошительныя войны.

Когда Рагуза отказала выдать Богослару вдову друга его Стефана, свирѣпый Далмать собралъ войско въ десять тысячъ человекъ, осадилъ благородный городъ и не могши войти въ него, опустошилъ деревни и предместья.

Когда Рагуза приняла въ свои стѣны Радослара, короля Сербіи, племянникъ его Бодино, лишившій дядю престола самой гнусной измѣной, требовалъ, чтобы сенатъ рагузскій выдалъ ему Радослара. «Мы поставили себѣ закономъ, благородно отвѣчалъ сенатъ, не только не отказывать въ убѣжищѣ тому, кто приходитъ къ намъ въ несчастіи, но и покровительствовать ему противъ враговъ.»

Бодино въ бѣшенствѣ, поклялся уничтожить городъ и пошелъ на него съ грозной арміей. Въ продолженіи семи лѣтъ онъ упорно осаждалъ его и можетъ быть Рагуза наконецъ пала бы, если бы въ принадлежѣ бѣшенства, Бодино не приказалъ подлымъ образомъ зарѣзать одного изъ своихъ близкихъ родственниковъ. Этотъ звѣрскій поступокъ возмутилъ его солдатъ. Онъ былъ принужденъ воротиться въ свое государство. Но онъ не хотѣлъ воротиться. Онъ выстроилъ возлѣ рагузенныхъ укрѣпленій цитадель, и уходя, оставилъ тамъ сильный гарнизонъ. Нѣсколько лѣтъ спустя смерть освободила Рагузцевъ отъ этого страшнаго врага. Въ распахъ завладѣли они его цитаделью, срыли и на развалинахъ выстроили церковь.

Великодушный городокъ! Въ этой войнѣ, почти столь же продолжительной и болѣе благородной, надо признаться, чѣмъ троянская, у Рагузы были свои доблестные Гекторы и свои горестныя Андромахи; къ несчастью у ней не было своего Гомера. Лѣтописцы просто отмѣтили въ неизвѣстныхъ лѣтописяхъ главныя происшествія этой осады, которой опасностямъ Рагузцы покорились съ такой благородной рѣшимостью и которой всѣ страданья переносили съ непоколебимой добродѣтелью. Одинъ изъ эпизодовъ этой семилѣтней войны заслуживаетъ быть приведеннымъ какъ примѣръ мужества, присоединенный къ такому множеству другихъ, которыми гордится христіанское духовенство, какъ свидѣтельство вліянія, какое имѣлъ въ то время голосъ священника на самыя дикія натуры. Между тѣмъ какъ Бодино, пылая яростью отъ сопротивленія Рагузцевъ, твердилъ только о томъ, какъ бы уничтожить ихъ, архіепископъ рагузскій, въ сопровожденіи лакромскаго настоятеля, отправился къ нему въ лагерь и тамъ, среди его воиновъ, громко упрекалъ въ насиліи и въ преступленіи, въ нечестивыхъ желаніяхъ, въ смерти родныхъ и уговаривалъ его поникнуть главою передъ Богомъ и покаяться. Бодино былъ такъ растроганъ этой рѣчью, что велѣлъ воздвигнуть возлѣ лакромскаго монастыря монументъ въ память членовъ своего семейства, погибшихъ жертвами его кровожадныхъ занятій и отдалъ монахамъ этого острова долину Gionchetto.

Въ этомъ же вѣкѣ, Томасъ Бекетъ также противился честолюбивымъ намѣреніямъ Генриха-Второго и ревностный прелатъ заплатилъ жизнью за свою смѣлость. Свирѣпый король Сербіи былъ не такъ жестокъ какъ Плантагенетъ.

Чтобъ защитить боснійскихъ католиковъ, Рагузцы также должны были взяться за оружіе противъ могущественнаго чловека, противъ Бариха (Barisb), который требовалъ отъ нихъ выдачи своихъ бѣглыхъ подданныхъ. Барихъ пошелъ противъ благородныхъ защитниковъ и опустошилъ ихъ землю. На слѣдующій годъ онъ воротился съ болѣе значительными силами, но былъ пораженъ и принужденъ самъ просить мира. Чтобъ получить его, онъ обязался вознаграждать Рагузу за убытки, претерпѣнные ею въ этихъ двухъ кампаніяхъ и присылать ежегодно въ знакъ дружбы двѣ собаки и двѣ лошади.

Упомянемъ еще между опасностями, которымъ подвергался такъ мужественно этотъ великодушный городъ, чтобы помочь несчастнымъ, той опасности, которой подвергался онъ отворивъ ворота Георгу Бранковичу, королю Сербин, бѣжавшему отъ ордъ Амурата, завладѣвшихъ его государствомъ. Убѣжая, Георгъ постарался собрать свои сокровища и унести ихъ съ собою. Амуратъ велѣлъ сказать начальству, что если оно не выдастъ бѣглеца онъ разрушитъ городъ до основанія. На этотъ разъ положеніе было важное: дѣло шло уже не о сопротивленіи боснійскому государю, но побѣдоносному войску, подвигавшемуся какъ ураганъ къ Адриатическому морю. Сверхъ-того, Рагуза около столѣтія была связана съ Турками договоромъ, обеспечивавшимъ ей покровительство ихъ. Она не могла раздражить ихъ не подвергшись смертельнымъ бѣдамъ, однако не хотѣла лишиться надеждъ того, кто довѣрчиво пришелъ просить у ней убѣжища. Въ этомъ горестномъ обстоятельствѣ начальство обратилось къ рѣшенію самого Георга. Представивъ ему жестокий выборъ, въ которомъ находилась республика, съ одной стороны боязнь лишиться обязанностей гостепріимства, съ другой опасеніе оскорбить страшнаго врага, оно внушало ему самому мысль удалиться, но не отпустило его на удачу, какъ будто бы онъ украдкой вырвался отъ нихъ, а дало конвой и перевезло на своей галерѣ до Скардоны, откуда онъ добрался до Буды; узнавъ, что онъ въ безопасности, Рагузцы написали на одной сторонѣ своихъ стѣнъ: Въ эти ворота вошелъ Георгъ со всѣми своими сокровищами, а на другой: въ эти ворота онъ вышелъ со всѣми своими сокровищами; потомъ послали Амурату подарки, чтобы усмирить гнѣвъ его, а самъ султанъ отдалъ справедливость этому благородному поведенію.

Въ гостепріимной добродѣтели и въ бѣдствіяхъ, которымъ добровольно подвергались, чтобы привести ее въ дѣйствіе, Рагузляне поддерживались не только чувствомъ человѣколюбія или состраданія, но благочестивой мыслью, благоговѣйной вѣрой въ правосудіе Бога, испытывающаго сердца и силы и подкрѣпляющаго угнетеннаго. Между всѣми Далматами, Рагузцы отличаются искренностью и постоянствомъ религіозныхъ идей. Они ставили на укрѣпленія какъ щитъ изображеніе святаго Власія

своего покровителя; оно возвышалось у воротъ ихъ города какъ знакъ спасенія для несчастныхъ, оно возвышалось на берегу ихъ рейда какъ знакъ благословенія для мореплавателей. Рагузскіе моряки поклонялись ему съ христіанской надеждой въ часъ отъѣзда, съ сладостною радостью сердца по возвращеніи, какъ канадскіе лодочники, эти добрые, честные лодочники, о которыхъ я не могу вспомнить безъ пріятнаго волненія еще поклоняются на рѣкѣ св. Лаврентія въ часовнѣ святой Анны.

Тоже самое изображеніе святаго Власія, Рагузцы помѣщали между двумя башнями на своемъ флагѣ, на печати и въ гербѣ республики, какъ изображеніе небснаго могущества между двумя символами матеріальной силы. Они основывали монастыри и благотворительныя заведенія, строили церкви, и чтобы обогатить ихъ, собирали святыя мощи во всѣхъ странахъ, къ которымъ доступъ открывали нитъ торговыя сношенія. «Они отыскивали ихъ, не безъ опасности, говорятъ историкъ ихъ Аппендини, то на свой собственный счетъ, по естественному побужденію набожности и вѣры, то на счетъ государства.»

Бѣдственныя приключенія отняли у Рагузы земныя богатства, но она сохранила свое святое сокровище.

Всѣ острова, всѣ долины, покоренныя ея власти были обращены въ христіанство.

Теперь издають въ Рагузѣ біографіи знаменитыхъ людей республики. Не много европейскихъ городовъ самыхъ просвѣщенныхъ и самыхъ замѣчательныхъ, которые могли бы найти въ исторіи своей литературы элементы такого обширнаго сборника. Тутъ есть историки, поэты, ученые и три человѣка, занимающіе въ этой длинной галлерей самое высокое мѣсто, получили образованіе въ духовномъ училищѣ. Это Гондола, славянскій Аріостъ, авторъ Османиды, поэмы въ двадцати пѣсняхъ, въ которой онъ описываетъ войны Поляковъ съ Турками; Гетилла, которому приписываютъ честь указанія прежде Декарта примѣненія алгебры къ геометріи. Онъ написалъ по-латини нѣсколько сочиненій, очень уважаемыхъ математиками, и по скромности принялъ девизомъ: *Malim scire quam nosci, discere quam docere.*

Іосифъ Босковичъ, очень уважаемый въ Англіи, гдѣ былъ

избранъ въ члены королевскаго общества наукъ, весьма извѣстный во Франціи. Онъ оставилъ Францію въ слѣдствіе спора съ Буге и умеръ въ Миланѣ профессоромъ астрономіи.

Въ слѣдствіе двойнаго элемента народонаселенія, безирестанныхъ сношеній съ Италіей и съ славянскими областями, Рагуза занималась вмѣстѣ и итальянской и славянской литературой и въ то время какъ латинскій языкъ былъ ученымъ языкомъ въ Европѣ, у ней также было множество латинскихъ писателей. Она хвалится, и по справедливости, что сохранила итальянскій языкъ во всей чистотѣ, а Славяне обязаны ей не однимъ важнымъ твореніемъ.

Здѣсь ученые не поддерживались однако въ трудахъ своихъ ни могущественными покровительствами, ни мечтами о знаменитости, ни перспективой выгодной должности или почести академической. Въ уединеніи своей не большой области, въ ограниченномъ кругу, въ которомъ заключалась жизнь ихъ, они научались, писали по естественной наклонности ума, изъ любви къ литературѣ самой чистой, самой безкорыстной. Только не многіе пользовались славою за границей; большая часть смиренно оставалась въ рагузскомъ захолустѣ.

Таже скромность выказывается и въ общественномъ состояніи Рагузы. Сжатая въ узкихъ границахъ, на почвѣ мало удобной къ земледѣлію, она обогащалась торговлей, торговлей терпѣливой, разумной, честной, которая мало-по-малу развилась и распространялась съ одной и съ другой стороны даже до отдаленныхъ странъ, никогда не доводя рагузское правительство до высокоумія венеціанскаго сената, не вводя его въ заблужденіе обольщеніями честолюбивыхъ мыслей о завоеваніи.

Въ девятомъ вѣкѣ, въ 868, Рагузцы имѣли уже корабли для перевозки славянскаго войска, отправлявшагося въ Италію сражаться съ Сарацинами.

Въ 980, на одномъ изъ судовъ ихъ взятомъ въ плѣнъ Венеціанцами, находился грузъ въ двадцать пять тысячъ дукатовъ. Въ тринадцатомъ вѣкѣ, они плавали близъ береговъ Средиземнаго моря, а въ пятнадцатомъ торговля ихъ приняла большіе размѣры по разрѣшеніи папы вести торгъ съ невѣрными.

Между тѣмъ какъ Турки устремлялись на берега Дуная и Адриатическаго моря, искоряли Албанію, Сербію, Герцегови-

ну, Боснію и вводили даже свои буйныя войска въ столицу Венгріи, Рагуза избавилась отъ этого вторженія, Рагуза сумѣла остаться въ сторонѣ въ ужасномъ развитіи магометанскаго могущества, поддержать свою независимость, конечно не безъ важныхъ и частыхъ опасеній. Съ 1368 она заключила договоръ съ эмиромъ Орканомъ, праѣдомъ Баязета. Возобновляя этотъ договоръ въ различныя эпохи, щадя гордость Турокъ, она находила въ ихъ подпорѣ защиту противъ честолюбія Венеціанъ, получила свободу вести торгъ съ сосѣдственными мусульманскими провинціями. Она завела конторы и факторіи въ Бѣлградѣ, въ Русукѣ, въ Силистріи, въ Адрианополѣ и во многихъ другихъ городахъ. Она сдѣлалась наконецъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ торговаго соединенія между Востокомъ и Западомъ. Но исторія ея подробно говоритъ, какими денежными пожертвованіями, какимъ униженіемъ платила она за эти выгоды. Въ договорѣ съ Орканомъ она обязалась уплачивать мусульманскому Марокійцу ежегодную дань въ пятьсотъ секиновъ. Тогда государь этотъ носилъ только титулъ эмира. Преемники его стали называться султанами. Съ увеличеніемъ достоинства, увеличились и притязанія, и мало-по-малу сумма, въ которую цѣнились привлеги Рагузы дошла до значительной цифры.

Республика обязана была посылать ежегодно или по-крайней-мѣрѣ, каждые два года, съ посольствомъ въ Константинополь дань султану и подарки его министрамъ и любимцамъ. Посланники эти могли не иначе являться ко двору Порты какъ въ самомъ скромномъ видѣ. Свита ихъ была не многочисленна, пышности никакой, и изъ благоразумія, чтобы не возбуждать жадности визирей, они говорили о бѣдности своей земли. Сообразно этому принимались они султаномъ, обходившимся съ гордымъ пренебреженіемъ съ представителями самыхъ могущественныхъ христіанскихъ государей. Они должны были подвергаться не только самому оскорбительному презрѣнію, но иногда обхожденію самому жестокому.

Между этими посланниками, которые должны были подвергаться тягостному и опасному переѣзду черезъ мусульманскія владѣнія, чтобы достигнуть города еще опаснѣйшаго, Рагуза могла отмѣтить въ своихъ лѣтописяхъ не одну жертву неустра-

шимаго патриотизма, не одного Регула. Одинъ изъ нихъ, по имени Бона, рѣшился скорѣе умереть въ темницѣ, чѣмъ подписать актъ, не выгодный для своей милой отчизны. Сенатъ почтилъ его самоотверженіе надписью на мраморной доскѣ, помѣщенной во дворцѣ ректора, а рагузскій сенатъ былъ не расточителемъ на эти знаки отличія. Другой изъ этихъ пословъ ищылъ счастье найти въ этихъ опасныхъ порученіяхъ блестящія средства загладить мрачныя слѣды горестной жизни.

Онъ принадлежалъ къ семейству патриціевъ и назывался Марвино Кабога. Въ молодости онъ предался пылкости своего характера и много разъ шумной жизнью оскорблялъ людей серьезныхъ. Однажды въ присутствіи сената онъ былъ оскорбленъ однимъ изъ своихъ родственниковъ и вдругъ вытащивъ шпигу поразилъ его въ грудь. Его тотчасъ арестовали и осудили кончить жизнь въ тюрьмѣ. Нѣсколько лѣтъ находился онъ въ заключеніи, когда землетрясеніе въ 1667 отворило ему дверь темницы. Теперь Кабога могъ легко убѣжать изъ города, гдѣ ему предстояла безконечная неволя. Великодушіе удержало его между согражданами. Онъ побѣждалъ на помощь къ старикамъ, къ женщинамъ, которыя шатались на дрожащей землѣ. Потомъ схвативъ оружіе, началъ и разсѣять Морлаховъ, которые въ своей страшной алчности воспользовались бѣдствіемъ несчастнаго народа и грабили безнаказанно.

Когда возстановили, порядокъ сколько это было возможно послѣ такой катастрофы, Кабога съ чувствомъ услуги оказанной родному городу, явился въ совѣтъ дворянъ и сталъ просить возстановленія своей чести. Одинъ хотѣлъ его отвергнуть, но всѣ другіе единогласно объявили, что онъ самоотверженіемъ достаточно загладилъ свое преступленіе и пригласили занять между ними прежнее мѣсто. Раскаяніе просвѣтило его душу, несчастье привело въ зрѣлость разсудокъ. Съ живымъ разумомъ, направленнымъ священнымъ чтеніемъ въ темницѣ, съ мужественной энергіей, умѣряемой размышленіемъ, онъ сдѣлался однимъ изъ людей самыхъ дѣятельныхъ, самыхъ полезныхъ рагузскому правительству и приобрѣлъ всеобщее уваженіе.

Въ 1677, Порта приготовлялась завладѣть Австріей и въ то же время помышляла присовокупить Рагузу къ своимъ владѣ-

нiямъ. Кабога былъ посланъ въ Константинополь, чтобъ устранить переговорами угрожающую опасность. Когда внапри уговаривали его рѣшить съ ними присоединенiе Рагузы къ мусульманскимъ областямъ, онъ гордо отвѣчалъ: «Я прiѣхалъ сюда служить, а не измѣнять моему отечеству.»

Онъ былъ брошенъ въ темницу. Не смотря на строгiй надзоръ, онъ нашель средство послать черезъ одного жидъ письмо въ сенатъ. Въ этомъ письмѣ, достойномъ древняго Римлянина, онъ уговаривалъ согражданъ неустрашимо защищать, не смотря на всѣ угрозы, свою независимость. Для чести отечества онъ рѣшился, еслибъ это было нужно, остаться на всегда въ цѣпяхъ и только просилъ въ случаѣ своей смерти, чтобы сенатъ позаботился о его дѣтяхъ и далъ имъ религiозное воспитанiе. Пока онъ томился въ своей башнѣ, надменный Кара Мустафа приближался съ тремя стами тысячъ къ стѣнамъ Вѣны, а изъ Польши являлся герой христіанства. Безсмертная побѣда Собѣскаго, спасшая Австрію, спасла вмѣстѣ и Рагузу. Кара Мустафа былъ обезглавленъ и Кабога освобожденъ. Когда онъ воротился въ городъ, для котораго страдалъ такъ благородно, всѣ жители съ восторгомъ толпились на дорогѣ, колокола звонили, а ректоръ и сенатъ, въ церемонiальной одеждѣ вышли изъ воротъ къ нему на встрѣчу.

Не смотря на договоры, на денежныя пожертвованiя, на челобитнолюбивыя дѣйствiя, Рагуза, какъ видите, не могла быть спокойна съ сухопутной стороны. Она также должна была вѣчно быть на сторожѣ противъ честолюбія Венеціанцевъ, съ девятаго вѣка надо было ей защищаться противъ ихъ намѣреній завладѣть ею. Флотъ, вышедшій изъ Лидо на Востокъ, приблизился къ Рагузѣ съ самыми миролюбивыми доказательствами и раздѣлился на двѣ эскадры, одна бросила якорь въ заливѣ Грабока, другая передъ островомъ Лакрома. Адмиралъ сдѣлалъ визитъ городскому начальству и сказалъ, что какъ только запасется водою и провіантомъ, то станетъ продолжать свой путь. Эта мнимая экспедиція въ восточныя области, эта случайная остановка близъ Рагузы, были довольно искусно придуманы, чтобы не возбудить ни какой недвѣрчивости. Но одинъ священникъ пришелъ объявить членамъ совета, что ночью святой Власій явился ему во снѣ и сказалъ,

что Венеціанцы скрывали враждебныя намѣренія. Набожные совѣтники смотрѣли на откровеніе какъ на милость providѣнія, вооружили народъ и хорошо сдѣлали. На другой день лагромская эскадра подошла къ городу и войска высадились на берегъ. При видѣ солдатъ, выстроившихся на укрѣпленіяхъ вѣроломный адмиралъ угадалъ, что попытка не удастся и разсудилъ заблаго удалиться.

Изъ признательности къ святому Власію, котораго чудесное явленіе спасло ихъ отъ такой большой опасности, Рагузцы избрали его покровителемъ, помѣстили его изображеніе на мечтѣ и на флагѣ.

Въ 1172 далматскіе города отдались подъ покровительство Византійской имперіи; Венеція, недопуская, чтобы на Адриатикѣ было другое покровительство кромѣ ея, вооружила флотъ въ двадцать кораблей и въ сто галеръ, чтобы возвратитъ къ долгу невѣрные города.

Покоривъ этими силами города, вытавшіеся освободиться отъ ея владычества, Венеціи трудно было оставить среди далматскаго берега городъ Рагузу начавшій радоваться своей независимости; венеціанскія суда осадили ее. Но всѣ ихъ усилія пропадали отъ прочности ея укрѣпленій и мужества гарнизона.

Наконецъ въ началѣ тринадцатаго вѣка по одному неожиданному обстоятельству, къ несказанной радости Венеціанцевъ Рагузцы сами отдались подъ власть ея и нѣкоторымъ образомъ протянули ей руки, чтобы она связала ихъ своимъ гордіевымъ узломъ.

Вотъ что произошло:

Начальникъ рагузскаго правительства, который по нѣкоторому предопредѣленію назывался Іудю, отказался сложить должность черезъ годъ, какъ это предписывала конституція. Онъ постарался за ранѣе приобрести вѣроломными щедростями милость народа и также подкупилъ большое число солдатъ. Поддерживаемый своими помощниками, онъ запретилъ собраніе большаго совѣта и присовокупилъ себѣ диктаторскую власть. Не смотря на внушаемый имъ ужасъ, фамилія Бодала старалась однако бороться съ нимъ, она тотчасъ была изгнана, и чтобъ избѣгнуть неумолимаго гнѣва, скрылась въ Боснію. Ужасъ ея послугала тѣхъ, кто раздѣлялъ ея чувства. Все умолкло

и Даміано Гуда владычествовалъ безпрещетственно два года, когда одинъ изъ тѣхъ, кто по своему положенію кажется долженъ-бы особенно быть ему преданъ, одинъ изъ его зятьевъ, Петръ Бенесса, приведенный въ негодованіе его тиранствомъ, собралъ тайно нѣкоторое число дворянъ и предположилъ просить у чужестраннаго могущества средство положить конецъ постыдному рабству Далмаціи. Въ этомъ важномъ и трудномъ намѣреніи, Венеція по сосѣдству и по силѣ представилась первою въ мысли заговорщиковъ и результатомъ совѣта было просить венеціанскій сенатъ освободить Рагузу отъ самозванца и заставить его въ то же время поклясться не посягать на свободу республики. Напрасно два патриція, присутствовавшіе при этомъ таинственномъ совѣтѣ, пытались представить опасность предать такимъ образомъ отечество свое честолюбивой политикѣ Венеціанъ. Ихъ не послушали и рѣшили, что Бенесса поѣдетъ какъ можно скорѣе подѣ благовиднымъ предлогомъ изъявить дожу желаніе рагузскаго дворянства.

Венеція, разумѣется, съ радостью приняла посланника, порученіе котораго открывало ей неожиданную перспективу. Но какъ благоразумный городъ, гдѣ Шекспиръ помѣстилъ своего жидка Шилока, любилъ брать залогъ вездѣ, гдѣ оказывалъ услугу; онъ потребовалъ въ награду своего вмѣшательства въ просьбу Рагузцевъ, чтобы вмѣсто гнуснаго Даміано она имѣла право сама выбирать правителя республики.

Бенесса не былъ уполномоченъ принимать такое предложеніе, но какъ Венеціанцы сдѣлали изъ этого условіе *sine qua non* своей помощи, онъ его принялъ. — Рѣшивъ дѣло такимъ образомъ, надо было подумать о болѣе вѣрномъ средствѣ, чтобы успѣшно его кончить и вознамѣрились употребить скорѣе хитрость чѣмъ силу.

Именно въ это время, венеціанское посольство готово было отправляться въ Константинополь. Сенатъ снарядилъ для этого двѣ галеры и приказалъ командиру слѣдовать наставленіямъ Бенессы.

Прѣхавъ въ Рагузу, Бенесса объявилъ тестю, будто посланникъ своротилъ съ дороги, чтобы имѣть честь засвидѣтельствовать ему уваженіе. Приглашенные на обѣдъ къ снектатору они просили его пожаловать на корабль посмотреть водар-

ки, которые везли новому византійскому императору. Едва ступилъ онъ на корабль его объявили плѣннымъ. Въ ярости онъ бросился на корабельныя доски и упалъ мертвый.

Въ силу условія принятаго Бенессой, венеціанскій патрицій, Лоренцо Кириині поставленъ былъ правителемъ Рагузы и дворянство, хотѣвшее освободиться отъ Даміано скоро узнало, что для разрушенія возмущавшаго ея ига, оно само сквало себѣ цѣпь. Венеція принудила Рагузцевъ помогать ей во всѣхъ войнахъ на далматскомъ берегу, въ борьбахъ противъ Греческой имперіи, противъ Генуэзцевъ и противъ пиратовъ. Для неутомимой республики, Рагузцы должны были собирать толпы матросовъ, вооружать галеры; чтобы отомстить за ся оскорбленія или споспѣшествовать ея увеличиванію должны были пускаться въ отважныя экспедиціи, въ кровавыя битвы, совершенно чуждыя ихъ собственнымъ интересамъ.

Наконецъ она нашли въ подпорѣ доблестнаго Людовика Венгерскаго средство избавиться отъ послѣдствій вѣроломной подпоры, испрошенной у Венеціи, и умѣли искусно освободиться отъ безпокойнаго правителя, не слишкомъ оскорбивъ гордый городъ, давшій его.

Принявъ договоръ Бенессы и дѣлая значительныя уступки требованіямъ Венеціи, Рагузцы умѣли сохранить свои уставы, свое знамя и въ сущности свою независимость. Правда, правитель ихъ былъ чужестранецъ, но никакой другой чужестранецъ не получалъ у нихъ должности и изъ опасенія, чтобы этотъ не пріобрѣлъ слишкомъ много важности, оставался долго въ должности, Рагузцы хотѣли, чтобы его смѣнили черезъ два года. Пока онъ засѣдалъ во дворцѣ, они составляли вокругъ него тѣснымъ союзомъ, силою старинныхъ обычаевъ и добродѣтелью патриотизма, преграду, не позволявшую ему ни малѣйшаго злоупотребленія.

Это странное положеніе дѣлъ продолжалось однако около полтора столѣтія, отъ 1226 до 1356 и когда наконецъ прекратилось, Венеція надѣилась возстановить его когда-нибудь и лучше имъ воспользоваться. Но Рагузцы, наученные опытомъ, не дали ей случая. Впрочемъ имѣна Даміано одна запятнала ихъ двѣнадцати-вѣковую исторію. Чтобы предупредить увлеченіе пагубныхъ честолюбій, Рагузцы еще ограни-

чили власть начальника государства, назначивъ ей только одинъ мѣсяцъ.

Въ эпоху, когда Рагузская республика разрушилась какъ венеціанская, подь французскимъ оружіемъ, она еще не была лишена своего древняго олигархическаго характера. Народъ раздѣлялся на два класса, съ одной стороны дворяне, располагавшіе исключительно всѣми должностями; съ другой плебен, подчиненные ихъ управленію. Дворяне, записанные какъ венеціанскіе въ свою Золотую книгу, составляли между собою двѣ отличительныя касты, носившія страннымъ образомъ два университетскіе титула. Древнее дворянство называлось саламанкскимъ, второе сорбонскимъ. Таково было у Рагузцевъ чувство гордости, связанное съ первенствомъ титула, что саламанкскіе дворяне, засѣдавшіе въ совѣтъ съ сорбонскими, не могли рѣшиться вступать съ ними въ брачный союзъ. Что касается до супружества между семействомъ дворянина и семействомъ простолюдина, то это было такое ужасное дѣло, которое не могло прятти въ голову ни одному патрицію и примѣра этому не встрѣчалось никогда.

Въ Рагузѣ существуетъ любопытный памятникъ, на pedestalъ котораго вырѣзана надпись:

MICHAELI PRAZZATO

BENE MERITO CIVI.

1638.

Этотъ Працатто былъ богатый купецъ, который умирая, завѣщалъ своему родному городу для благотворительныхъ заведеній двѣсти тысячъ секиновъ золота. Такое пожертвованіе заслуживало почетнаго воспоминанія.

Въ Рагузѣ патриціи однако жили ближе съ народомъ чѣмъ въ Римѣ и въ Венеціи. Какъ народъ, они обогащались только торговыми спекуляціями; какъ народъ, они оставались въ границахъ своей тѣсной республики, въ укрѣпленіяхъ своего города. У нихъ не было большихъ владѣній внѣ Рагузы; они не ѣздили выказывать свою тщеславную роскошь въ столицахъ Европы, оставляя какъ ирландскіе лорды свои владѣнія хищнымъ middlemen. Дома ихъ возвышались возлѣ домовъ простолюдиновъ. Народъ присутствовалъ всегда при всѣхъ дѣйствіяхъ ихъ жи-

ни, и поэтому непосредственному сосѣдству необходимо устанавливались между ними и народомъ ежедневныя сношенія, благосклонныя съ одной стороны и почтительныя съ другой. Сверхъ того въ официальныхъ должностяхъ, которыхъ монополию сохраняла рагузская аристократія, было нѣкоторое число мѣстъ, отдаваемыхъ плебеямъ. Черезъ это она приобретала себѣ кліентовъ; одни связывались съ нею чувствомъ признательности, другіе надеждой.

Правительство состояло изъ трехъ главныхъ пружинъ, которыхъ движеніями управлялъ ректоръ или которыя по-крайней-мѣрѣ утверждалъ.

На первомъ мѣстѣ являлся большой совѣтъ; всѣ дворяне вступали туда по праву, какъ только достигали восемнадцати лѣтъ. Совѣтъ этотъ избиралъ ректора, назначалъ чиновниковъ города и провинцій, подтверждалъ законы, предложенные сенатомъ и изъ нѣкоторыхъ своихъ членовъ составлялъ высшій трибуналъ въ случаѣ уголовныхъ преступленій.

Смертный приговоръ виновнаго произносился въ лаконическихъ выраженіяхъ: Пусть снимутъ съ него мѣрку! Тогда палачъ подходилъ къ нему, измѣрялъ вышину роста, потомъ зашивали его въ мѣшокъ, какъ невѣрнаго мусульманина, и бросали въ морѣ съ высоты лакромскихъ скалъ. Но иногда судьи, чтобы испугать обвиненнаго и внушить ему этимъ испугомъ спасительное раскаяніе, или чтобъ побудить его къ признанію, произносили эти слова. Тогда снимали съ него мѣрку будто за тѣмъ, чтобъ запрятать въ роковой мѣшокъ, но казнь, которую ждалъ онъ, не кончилась.

Рядомъ съ этимъ совѣтомъ, обширнымъ законодательнымъ собраніемъ, правительственнымъ разсадникомъ и дворянской комиссіей присяжныхъ возвышалось собраніе *Pregati*, сенатъ.

Сорокъ пять членовъ, составлявшіе его, должны были подавать совѣтъ во всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ, учреждать налоги, назначать посланниковъ, рѣшать миръ или войну, издавать законы, наконецъ опредѣлять все, что касалось политическихъ или финансовыхъ вопросовъ.

Потомъ слѣдовалъ небольшой совѣтъ, составленный изъ семи членовъ, который за-одно съ ректоромъ, обязанъ былъ приводить въ исполненіе рѣшенія большаго совѣта и сената

управлять чиновниками республики и сносятся съ иностранными землями. Въ этотъ совѣтъ Рагузцы подавали просьбы, онъ принималъ иностранныхъ посланниковъ и знатныхъ путешественниковъ, словомъ онъ былъ исполнительной властью, министерствомъ Рагузы.

Начальникъ республики, сначала носившій титулъ князя, потомъ графа, наконецъ ректора, выбирался, какъ мы сказали, на мѣсяць. У него хранились ключи города и архивы республики; ему было ввѣрено не только право, но обязанность созывать каждый разъ, когда это было нужно, большой совѣтъ и сенатъ.

Хотя власть его была ограничена и коротка, а все-таки на свое четырехъ-недѣльное управленіе помѣщался онъ во дворцѣ, окружался почестями и нельзя читать безъ чувства уваженія старинную молитву, читавшуюся при его избраніи. «Господи отче нашъ, Всемогущій Боже, Ты, который выбралъ эту республику для того, чтобы служить тебѣ, выбери также, мы Тебя молимъ, нашихъ правителей по Твоей волѣ и по нашимъ нуждамъ, выбери ихъ такимъ-образомъ, чтобы они болѣе Тебя, наблюдали Твои святыя заповѣди, любили насъ и управляли нами съ добрымъ дружествомъ. Аминь.»

Съ этимъ правительствомъ, маленькая Рагуза благоденствовала и возвеличалась. Съ сосѣднихъ ей областей, она распространила торговлю свою въ Италію, въ Голландію, въ Англію*.

Она увеличивалась, честная Рагуза, и когда міръ былъ заключенъ между различными государствами, такъ долго старавшимися вовлечь ее въ свои распри, она думала что перелъ нею открывается эра спокойствія и полезныхъ трудовъ, какъ вдругъ разразилась катастрофа, въ которой она чуть совсѣмъ не погибла. Это было шестое апрѣля 1667. Утромъ небо было совершенно чисто, воздухъ тихъ, скоро начали чувствовать легкія потрясенія и знали, что городъ испыталъ уже очень сильное землетрясеніе въ 1580 и другое въ 1639. Испуганные жители собрались въ церквахъ. Въ два часа разразилась буря. Морскія волны поднимались съ землей; суда, стоявшія на якорѣ въ гавани, полетѣли одно на другое. За исключеніемъ крѣпости,

* Видно, говоритъ Вилькенсонъ, по письму Кромвеля, что онъ давалъ большія преимущества Рагуздамъ въ каждой английской гавани.

лазарета и нѣкоторыхъ другихъ зданій прочной постройки, городъ былъ разрушенъ и пять тысячъ человекъ въ нѣсколько минутъ были погребены подъ развалинами. Девять десятыхъ изъ священниковъ остались задавленными подъ сводомъ святилища и дѣтская школа была уничтожена съ невинными созданиями, въ ней заключавшимися. Къ довершенію несчастія разрушенные очаги зажгли при сильномъ вѣтрѣ пожаръ и свирѣпыя Морлахи устремились какъ хищныя птицы въ несчастный городъ, чтобъ грабить его пользуясь безпорядкомъ.

Рагузцы, имѣвшіе счастье избѣгнуть отъ разрушенія жилищъ и опустошенія огня, убѣжали въ Грабока, и когда земля, которую они видѣли дрожащею какъ бы въ опьяненіи, приняла свое прежнее положеніе, когда они могли воротиться въ стѣны своего города, они приходили блуждающими взорами смотрѣть на свое бѣдствіе. Не столь счастливые какъ тѣ погорѣвшіе, которыхъ Шиллеръ въ своей поэмѣ *Колоколъ* описываетъ муки и утѣшеніе, они не находили всѣхъ существъ дорогихъ ихъ сердцу:

Ein süßer Trost ist ihm geblieben
Er zählt die Häupter seiner Lieben
Und sieh't ihm fehlt kein theures Haupt:

Трауръ былъ во всѣхъ семействахъ, отчаяніе во всѣхъ душахъ, безпорядокъ въ дѣлахъ всѣхъ.

Нѣкоторые граждане предложили оставить эту страшную сцену опустошенія и выстроить другой городъ, на почвѣ болѣе прочной. Привязанность къ родной землѣ удержала народъ среди старыхъ укрѣпленій. Начали рыться въ обломкахъ, расчищать улицы, строить дома, но никогда бѣдная Рагуза не могла оправиться отъ этого страшнаго опустошенія. Съ этого времени она начала приходить въ упадокъ, а политическія происшествія первыхъ годовъ этого столѣтія довершили ея разореніе.

Я испыталъ грустное впечатлѣніе, пробѣгая, съ однимъ изъ моихъ друзей, улицы красивой Рагузы; она красива еще въ своемъ изнеможеніи, эта дочь древняго Эпидaura, прекрасна какъ греческая Ніобей въ выраженіи своей скорби, прекрасна какъ скандинавская Гунгильда въ своихъ глубокихъ сожалѣніяхъ.

Въ оградѣ горъ укрѣпленія еще какъ-будто защищаютъ ее противъ честолюбія Турокъ и Венеціанъ. У подошвы кривости лазурное небо еще улыбается ей какъ бы призывая сюда, благословляемая ея святымъ покровителемъ. Близъ широкой бухты Грабока стелется подъ древними вѣтвями и цвѣточными гирляндами свѣжая долина Омбла, а во внутренности стѣны развѣивается до княжескаго дворца широкій Корсо съ прямыми линиями домовъ, однообразно выстроенныхъ въ суровомъ стилѣ.

Но эти гавани, гдѣ нѣкогда Рагуза собирала до трехъ сотъ судовъ, теперь безмолвны и пустынно. Долина Омбла не видитъ уже подъ своими зелеными деревьями богатыхъ патриціевъ, любившихъ строить тамъ веселыя жилища, на Корсо живутъ обѣдневшія фамиліи и дворецъ, гдѣ засѣдалъ въ своемъ мѣсячномъ блескѣ начальникъ республики, занятъ нынѣ австрійскимъ чиновникомъ.

Своей энергіей и терпѣніемъ, Рагуза могла еще оправиться отъ бѣдствія 1667, но она не могла оправиться отъ военныхъ бѣдъ 1806. Въ этой войнѣ флотъ ея былъ уничтоженъ, другіе города овладѣли торговыми путями, гдѣ прежде находила она мало соперниковъ. Теперь она просто—главный городъ не большой провинціи съ пятьюдесятью тысячами жителей; резиденція бригаднаго генерала, епископа и суда первой инстанціи. Въ память прежнихъ школъ и прежнихъ литературныхъ знаменитостей, австрійское правительство можетъ быть вздумаетъ дать ей университетъ. Если оно рѣшится наградить однимъ изъ этихъ ученыхъ учреждений Далмацію, весьма въ этомъ нуждающуюся, то оно должно быть основано въ Рагузѣ.

ХІІ.

Каттарскія устья.

Я думаю ни одинъ иностранецъ не вступитъ первый разъ въ Далмацію, не будучи мучительно пораженъ видомъ тощихъ горъ, бесплодныхъ береговъ этой scogli, гдѣ время отъ времени появляется нѣсколько виноградныхъ лозъ, нѣсколько блѣдныхъ оливокъ, разсыпанныхъ въ пустынь, какъ-тѣ о которыхъ говоритъ Библія. Тамъ-и-сямъ только взоръ проникаетъ въ

какую-нибудь узкую долину, зеленѣющуюю между двумя укрѣпленными горами. Въ Эри — первое и вѣстополюженіе истинно приключенческое съ тѣмъ моремъ какъ выйдешь изъ Тресты, въ Салато, первая красная долина: Славонскъ, на пространныхъ трехъ сотъ тысячъ итальянскихъ миль, монѣ poetical scenery, какъ говорятъ Англичане, монѣ живописныхъ эффектовъ, чѣмъ встрѣчаешь на пространныхъ и вѣстополюженіи или на берегу одной изъ великихъ рѣкъ въ Долину или Францъ-Конте.

Но съ Рыугой, за пѣсокомъ, обозначающимъ мѣстемъ Punta del ostro, достигаешь до Каттарскихъ устьевъ. На этой границѣ Долины рививается вдругъ такая величественная картина, что для насъ стоитъ предпринять длинный переходъ. Хотя бы не пришлось видѣть ничего другаго на дорогѣ, хотя бы пришлось поступать подобно датскому писателю Рабену, который предпринявъ путешествіе въ Германію, съ цѣлью изучать горы, ѣздилъ отъ города до города запершись въ каретѣ, и не хотѣлъ ничего смотрѣть изъ опасенія возмутить докучливымъ пейзажемъ свои эстетическія размышленія.

То что называютъ Каттарскими устьями не есть, какъ можно дообразить изъ этому названію, устье рѣки. Это отверстіе въ море, во внутренности земли, одинъ изъ фьордовъ, — морская артезианской Норвегіи. Въ другихъ выраженіяхъ это названіе, которое и вѣстополюженіи обходитъ вершину горы и одинъ изъ своихъ звунковъ касается Каттаро — Ultima Thule Англичанъ. Въ этомъ каналѣ насчитываютъ четыре большіе и до пяти малѣйшихъ бухтъ, или лучше сказать, всеъ началъ составляютъ бухту, такъ превосходно укрытую, что морскимъ нечего тутъ опасаться никакого урагана, такую обширную, что она могла бы вмѣстѣть все европейскіе флоты, такъ равно глухо блещущую, что сюда могутъ доходить даже до берега.

Мы въѣхавъ эту бухту во время грозы. Она напомнила намъ своимъ изумительнымъ и вѣстополюженіемъ самую мрачную картину Байрона. Широко, противъ котораго мы мучительно боремся въ старомъ морѣ, пролетно озанавлялася на вершинѣ скалы ущелье, какъ близенный противникъ у воротъ крѣпости, изъ котораго не можеть переступить. Но небо было мрачно: вѣстополюженіи черныхъ тучъ носилось надъ нами и если бы мы не знали, что заокія артезианскія, у вѣстополюженіи котораго мы находимъ

ношам давно имя Черноморья, мы не могли бы дать имя божье оправедливого названия. Скорее промежутки этих густых туман, мы видѣли иногда острѣе инии, вершины скалъ, возвышавшіяся какъ башни и стѣны крѣпости среди океана паровъ. Миссы эти простирались передъ нами, какъ плотный занавѣсъ, скрывали отъ насъ горизонтъ и всякій выходъ. Тогда казалась, что касаешься оконечности свѣта и спрашиваешь себя какъ Геродотъ въ какой тройной мѣди были закованы люди, осужденные прежде съ океаномъ жороблами проникнуть въ эти мрачныя густота и построить тутъ жилища.

Я преѣзжалъ эту самую бухту въ розовое утро, и тогда не думалъ о странныхъ описаніяхъ Байрона, но каждую минуту, при видѣ свѣжихъ пейзажей, освѣщенныхъ свѣтомъ чистого неба, думалъ видѣть одно изъ этихъ сладостныхъ в счастливыхъ убѣжищъ, о которыхъ мечтала благочестивая душа Пандія Месенскаго:

O campo, ó monte, o rio
O secreto seguro delectoso!

Пробѣгая отъ одного конца до другого Каттарскія устья, кажется, что скользнувъ то по волнамъ тихой рѣчки, то по шарф-царскому озеру. Вокругъ различныхъ бассейновъ возвышаются гигантскія горы, которыхъ лѣсную маюнку не украшаетъ никакое растеніе, но на бочкахъ ихъ величаво безпрестанно: алычковые, фиговыхъ, миндальныхъ деревья; внизу или вѣдутъ сады и по всей длинѣ канала на двухъ берегахъ: то, какъ на берегахъ Босфора, развивается ослепительная зелень, хорошенякъ доминовъ, окруженныхъ плодородными плантациями.

При входѣ въ это обширное водное ущелье находится городъ Кабталъуоно, выстроенный въ самомъ живописномъ и фантастическомъ наклонѣ холма, скрываемаго эвоньями лѣсомъ и защищаемаго оградой стѣны, выдержавшихъ многочисленныя нападенія. Нѣсколько дальше находится узкой проходъ, который никогда не закрывали, протягивая тяжелую кѣпль отъ одного берега до другого. Отъ этого древняго обыкновенія сохранилось названіе Саллене. Возлѣ стоитъ деревня, Peseate съ своими обывальными домами, вытанутыми вдоль берега: какъ орнаментъ

редки. Среди обвѣтраго / шроотромена, отираивающаго протѣчь
 стѣи деревни, надлежатъ два прелестные острова. Одинъ именъ
 вѣстъ островъ Свѣтлы Георгія, другой островъ Мадонны. На
 первомъ гротесной монастырь; на другомъ католическая часов-
 ня; ономъ утѣшася въ вѣсѣ краю. Преданіе говоритъ, что
 въ штильдонотъ отомѣли мѣрли увидали въ одинъ вечеръ на
 стѣи островъ, тогда пучыномъ, необыкновенный свѣтъ. Са-
 шале шиблье, желя узнать причину этого феномена, сдѣлалъ
 шлошу на воду и шаша на вершинѣ одной скалы образъ Ве-
 шней Матери, полерженный туда неизвестно кѣмъ. Они отозва-
 ли и съ благоговѣніемъ отледали въ деревню въ Pégaso. На дру-
 гой день образъ воротился на островъ: три раза за нимъ ходи-
 ли; три раза онъ возвращался на то же мѣсто. Наконецъ благо-
 честивые жители Pégaso выстроили ему часовню на томъ мѣ-
 стѣ, гдѣ онъ хотѣлъ оставаться. Какъ часовня Notre-Dame de
 la-Garde, съ высоты своего свѣтлица благословляющая шир-
 сельскій заливъ, какъ часовня Notre-Dame de Nonfleur, смотря-
 щая въ далекій Океанъ, часовня эта полна приношеній, знаковъ
 шоложтосной скорби, шпущей подворы въ святомъ покровѣ
 темствѣ, шростодушныкъ свидѣтельствъ благочестивой прина-
 чальности.

Вотъ скоро Стеливо съ ширими величественными жилищами,
 рарисоложенными амшентатрешъ по силону холма и пирамидаль-
 ный шпичъ церкви, возвышающейя среди шлобѣ какъ тамъ
 отвоима шелтва изъ шреды благочестивой толпы, потомъ село
 Pégaso; укрытое у подошвы скалы съ своей Мадонной della
 Natività, разбросанное домиками на берегу, какъ осыпанныя
 шѣтки, шетомъ три строива одинаковой вышны, одинаковой
 шерши, шлошныи одно съ другимъ шѣной шелью любви, и
 которыя называются Tre sorelle, въ память трехъ шестеръ, шѣ
 шершарихъ ради ширей дружбы, это одинаковое жилище; по-
 томъ деревня Доброта, которая для Далмѣци то же, что Бродъ
 для Фаллиадіа—шана богини деревни во всей странѣ; потомъ
 шлошотъ Вичио, древяя римская колонія, и Мула и Каттаро.
 И шилошъ шлошныи эти глянныи центры народошлосленія. Но
 шиле шлошотршанне шанды и какое разнообразіе картинъ со-
 шрѣтъ штерешъ, шиланду шиланду; въ шербршутыи шотѣшѣхъ, въ
 шилштршанне шилошотъ, въ шилошотѣ шлошотъ какъ будто съ

городъ овладѣли нѣтъ и построили крѣпость, еще существующую и носящую названіе Spagnolo. Едва была она окончена нѣтъ были взяты и мусульманами и солдаты находившіеся въ ней, перебиты. На этотъ разъ дѣти Магомета оскрѣпили свое званіе Оби въ столѣтіи. Въ 1687 Венеціанцы предприняли отнять Кастельнуово. Боснійскій паша выступилъ противъ нѣтъ съ четырми тысячами человекъ. Онъ былъ разбитъ, городъ сдѣлся одинокъ не безъ уморной обороны. Съ этого времени онъ оставался во власти Венеціанъ до паденія нѣтъ республики. Въ 1806 Русскіе, въсадившіеся у Каттарскихъ устьевъ, овладѣли крѣпостью и сохраняли ее до тильзитскаго трактата. Австрія теперь дѣлаетъ тамъ новыя фортификаціи. Городъ не значителенъ, но понятво, какъ важенъ онъ долженъ быть для дамитскаго государя по своему положенію у входа въ каналъ и на границахъ турецкихъ провинцій.

Если вспомнить, что этотъ городъ столько разъ осаждали, брали, отнимали различныя власти, то легко понять, что деревни, которымъ онъ служить укрѣпленіемъ, не могли во всѣхъ этихъ борьбахъ наслаждаться большимъ спокойствіемъ. Еще теперъ близость Албаніи, Черногорья, Герцеговины, весьма мало для нихъ успокоительна. Однако они развились, обогатились и храбро берегутъ значительныя суммы возлѣ своихъ жадныхъ и буйныхъ сосѣдей.

Жители этихъ деревень, называемыхъ нѣтъ родовымъ именемъ, Боккеацы, представляютъ путешественнику своимъ особеннымъ характеромъ, разнообразіемъ нравовъ и озаціоній, интереснѣйшій предметъ для наблюденія.

Славяне по происхожденію, они раздѣляются на двѣ религіозныя общины, католическую и греческую, одушевленныя единъ противъ другой чувствомъ недовѣрія, такъ что есть греческія деревни, гдѣ католическое семейство не могло бы поселиться в католическіе дома, гдѣ не захотѣли бы держать греческаго слугу. Греческая община многочисленнѣе нѣтъ этой увидѣть.

Всѣ Боккеацы—жоряки и слѣдуютъ еще въ одинаковомъ значеніи различныиъ направленіямъ. Есть деревни, связанныя торговлей съ Венеціей, есть другія, имѣющія сношенія только съ

Трикоствъ, прегія, которая обитателямъ владѣетъ на Черномъ морѣ.

Къ атому разлінію догматовъ, снахоцій, чувствостій, присоединяется удивительное разнообразіе костюмовъ. У каждой деревни своя одежда и носятъ такъ строго, что на кавказскихъ рынкахъ на одному виду платья можно ожидать: этого чадурскаго Кастельнуова, эта двинука назъ Доброты, эта женщина назъ Перасто, какъ прежде до всеобщаго стѣсненія нашей одобреной одежды можно было ожидать: вотъ французскій джоржинъ, германскій докторъ, московскій бояринъ.

Страннѣе всего противоположность этикъ древняго костюмова на пространствѣ нѣсколькихъ миль. Здѣсь вы видите на вѣтъ, цоловахъ, на вѣтъхъ платьяхъ блестящіе цвѣта Востока. Подите только на милью далѣе и вы найдете вѣтъхъ траура.

Въ Бизано мужчины носятъ родъ широкаго сѣраго жилета и камзолъ, украшенный галунами и позолочеными пуговицами, бѣлые чулки, завязанные красными подвязками, а на головѣ красную феску съ золотой кисточкой.

Въ Добротѣ, камзолъ, штаны, чулки, галстукъ, шапка, все черно, только тонкая золотая вышивка обходитъ кругомъ фески и жилета.

Женщины, которыхъ въ нашей злой несправедливости мы обвиняемъ въ непостоянствѣ, женщины кавказскихъ окрестностей не менѣе вѣрны древнему костюму, тому, который назначенъ имъ до и послѣ замужства, въ радостныхъ порывахъ дѣвичьей жизни и въ суровости вдовства. Онѣ не менѣе вѣрны древнему покрою одежды, изобилію подвѣсокъ, ожерельевъ, толстыхъ булавокъ золотыхъ или серебряныхъ или мѣдныхъ, смотря по состоянію.

Большая часть Боккесцевъ, которыхъ встрѣчаемъ на родныхъ нивъ—одни въ красныхъ штанахъ и въ вышитомъ жилетѣ кашемира Востока, другіе въ черныхъ штанахъ и въ черной шапочкѣ назъ саламаккѣе баккалары, однако долге старинно остаются на Оленю въ полушубкахъ и тиний моряковъ. Не подобно тому царю древности, который сначала стерегъ скотъ и дрѣвоцѣпше сохранялъ свою пастушескую одежду, Боккесцы сохраняютъ на кораблѣ деревенскую одежду и едва входятъ въ кавказскій каналъ спѣшатъ надѣть ее, съ радостью присоединивъ къ ней

необходимое довланіе: ижезолоты, лянганъ и длинный парабанъ. Они подобно Туркамъ пристрастны къ оружію и хвалится, что имѣють дорогое и красивое, постоянно носить его у пояса, а дома обиваютъ стѣны саблями паней, ижемецкими мизагами, ружьями, обложенными серебромъ и перломутромъ. Они гордятся, показывая эти коллекции гостямъ, какъ въ другияхъ земляхъ показывалъ мебели Буля, вазы Бернара де-Палиеси или картиннымъ галлерей. Но любовь къ оружію не есть для Боккевца трехлазней прихотью. Она происходитъ отъ воспоминанія пропавшаго вторженій Турокъ, и отъ чувства опасностей, которымъ они непрерывно подвержены по воинственному свойству своихъ соседей.

Жизнь Боккевца, который успѣлъ скопить нѣсколько денегъ, жизнь странная, трудно найти подобную въ другияхъ странахъ. Беру въ примѣръ то, что великій илюстраторъ замѣтилъ въ Добротѣ.

Деревня эта развѣшается какъ тесьма на длинной и узкой полосѣ земли между моремъ и скалами Черногорья. Море—элементъ ея богатства. Съ раннихъ лѣтъ жители Доброты обрекають себя мореходной жизни, поступаютъ на суда матросами, и если не увозятъ въ сумкѣ такъ какъ наши солдаты время имперіи, маршальскій жезлъ, то могутъ по крайней мѣрѣ надѣяться быть начальниками галеры, а потомъ достигнуть высокаго положенія арматора. Кто счастливо прошелъ эти различныя ступени, хочетъ отдохнуть на роднѣ и вернуться домой мѣшочъ флориновъ, тотъ возвращается въ Доброту, употребляетъ часть богатства, чтобы расширить и улучшить домъ, завѣщанный ему отцемъ или строить новый. Тутъ онъ горделиво помѣщаетъ все, что собралъ въ своихъ походахъ: предметы роскоши, чужестранную мебель. Потомъ беретъ нѣтъ свой садъ, свою ограду, платитъ огромныя деньги за частичку земли едва достаточную, чтобы посѣять нѣсколько цѣтвовъ или насадить нѣсколько оливковыхъ деревьевъ. Онъ устраиваетъ свое убѣжище, какъ птица приготавлиетъ гнѣздо, съ мелочнымъ стараніемъ, съ любовью и радостью. Ницды нѣтъ мало ли велико ли его жилище, это гнѣздо, самъ тое любовью на землѣ, гдѣ разцвѣло его дѣтство, гдѣ умерли его родители, гдѣ онъ самъ умретъ въ свою очередь. Прил-

нестью этого убийства ограничивался его завещание. Деньги, которая у него останутся, когда он устронен, он не подвергнет ни за что случайности. Новой спекуляцией, он припритчет их въ сундукъ, какъ будто эти деньги потрудившесъ также долго какъ онъ, должны также охранять. Онъ продолжаетъ въ своемъ повсемъ жилищѣ уединенную жизнь, которую велъ на кораблѣ. Онъ не помышляетъ, какъ перемонитъ купецъ, удалившійся отъ дѣлъ, выставить себя кассаваномъ своего прихода, пускать пыль въ глаза созданнымъ баскомъ упряжи визажей, иррани, онъ сосредоточивается среза своей семьи и нѣсколькихъ друзей.

Однако со всѣми принятыми предосторожностями, чтобы обезпечить своею судьбу его убийства, оно не будетъ спокойнѣе, потому что на скалахъ, господствующихъ надъ ними, живутъ Черногорцы, бѣдные жвалѣ богатой деревни Доброта; чужие лишеныя предметовъ, самыхъ необходимыхъ, вождѣ домовъ, гдѣ царствуетъ изобиліе и сверхъ того рваностіе Грениблнѣ этой общины, составленной изъ католиковъ.

Иногда случайная встрѣча, осера, въ которой пролито крови достаточны, чтобы возбуждать эту пероду людей, которые любить только войну, жаждутъ только битвы. Иногда, возвратясь изъ экспедицій противъ враговъ своихъ Турекъ, они нападаютъ на австрійскія владѣнія, чтобы утѣшиться въ поусибѣ или доволнить баранту. Тогда роты солдатъ, которые Австрія содержитъ на этой границѣ, артиллеристы, жандармы, фузлеры должны безпрерывно быть на ногахъ и жители каждой деревни раздѣляются на два отряда постоянно бодрствующіе съ оружіемъ въ рукахъ, одинъ днемъ другой ночью.

Въ обыкновенное время, когда на горѣ нѣтъ ни какого движенія, когда ничто не возбуждаетъ новыхъ стычекъ, Боннацы особенно Добротскіе всетаки должны держать себя осороженно. Въ Штирнѣ всѣ монастыри и всѣ сколько набудъ значительные дома имѣютъ только одну низкую дверь прочно построенную и края террасы покрыты кучей огромныхъ камней, которые бросаютъ на тѣхъ, кто приблизится съ враждебными наміреніемъ. Здѣсь дома окружены укрѣпленіемъ или по крайней-мѣрѣ просверлены бойницами, въ которыхъ въ критическую минуту вкладываются ружья.

Дитя Бокисець удалася отъ шорскихъ бурь, а каждую минуту подверженъ бурн кроваваго вторженія. Онъ оставилъ свое недвижимое судно, а жизнь его продолжалася въ ашкитерскомъ родѣ шоруженинаго судна.

Черезъ это безпрерывное употребленіе орудій, черезъ изнѣженія объ опасностяхъ, отъ которыхъ они устали и переставая тѣмъ, которая еще угрожаютъ, Бокисецы признаются въ сношеніи своимъ жонъ надменный видъ. Нигъ честь сражаться за домашній кровъ, а женамъ пошла и грубыя работы.

Жона съ чувствомъ своего мужскаго достоинства Бокисець постоянно сидитъ подъ виноградной бесѣдой, жона должна улаживать за скотомъ, обрабатывать поля, носить обивъ и молоть муку. Если онъ отирается съ нею на рынокъ продавать яблукъ или яблокъ овощей, то гордый мужъ пойдетъ впередъ, а смиренная жона за шнуръ, таща за веревку не слушающую слезину, или сгибал голову подъ ношей.

Дале любовь, предшествующая браку, шивная и честная любовь обрученныхъ не довольно идеализируетъ женщину, чтобы по-прежнему ширѣ на одно мгновение она возвысилась въ уровень съ своимъ благороднымъ господиномъ. Пребывая Бертъ начала, можно встрѣтить не одного женика, перебивающаго изъ деревни въ деревню верхомъ на хорошей лошади съ грубой въ рукѣ и молодую дѣвушку, его невѣсту, смиренную идущую шивкомъ. Ему не придется въ голову, гордому шашѣ, отдать свою лошадь этому слабому созданію или посадить его вездѣ себя. Но время отъ времени онъ удостоитъ сдѣлать ей знакъ приближенія и поклонившись къ ней дастъ поцѣлуй, который она принимаетъ съ признательностью.

Въ Каттаро можно видѣть каждый день сцену такого рода. Каттаро главная гавань, главное складочное мѣсто торговли канала шивето собранія сѣбскихъ крестьянъ. Это пребываніе епископа, трибуналь первой инстанціи, резиденція мѣштинаго епископа саповника и главный городъ одного изъ четырехъ департаментовъ Далмаціи.

Со войнъ шивѣ административнымъ значеніемъ это пространный городокъ. Въ немъ считается тысячу девять сотъ пятьдесятъ жителей. Больше онъ шивѣсти не можетъ, это какъ будто переиростекъ, приклоненный къ послѣдней бухтѣ канала,

къ крайней границѣ австрійскихъ владѣній, съ колонами, глубокими оврагами, въ которыхъ гудятъ воды Черногорскія. Надъ городомъ возвышается дуга, украшенная, обвиваясь въ своимъ недвижимомъ поясомъ и за эти укрѣпленія она можетъ, не касаясь съ одной стороны моря съ другой безплатной горы.

Въ этикъ печальныхъ матеріальныхъ условіяхъ, города этотъ однако возбуждалъ честолюбіе многихъ завоевателей. Византия основала тутъ колонію, Сарацины въ девятомъ вѣкѣ опустошили его. Городъ былъ выстроенъ какъ многіе даматскіе города бѣглоцами изъ различныхъ провинцій и сталъ республикой подъ покровительствомъ сербскихъ королей.

Владаря Храма имѣли тутъ въ тринадцатомъ вѣкѣ крѣпосты какъ въ Клеѣ, въ Краишѣ, въ Вранѣ и во многіхъ другихъ мѣстахъ на Адриатическомъ морѣ. Поселившись тутъ, они на залось, предвидѣли заранѣе какъ далеко выйдетъ мусульманское могущество въ своей жадѣ завоеванія: они учредили оплотъ воинственныхъ христіанъ противъ этого потока сабамъ. Французъ Красивый опрокинулъ оплотъ и извѣстно до какихъ норъ разлился потокъ.

Въ 1367, по смерти Стефана Уроша, сына Душана, маленькій городокъ Каттаро, не имѣя болѣе надежды на сильную помощь Сербовъ, вѣрилась покровительству Людовика Венгерскаго, который такъ мало ему покровительствовалъ, что въ 1378 онъ былъ покоренъ Венеціанцами. Три года малая республика, такъ трудно отказывавшаяся отъ своихъ завоеваній, удостоилась, для заключенія мира, отказаться отъ Каттаро и представила его во власть мужественнаго государя, отъ котораго получила. Скоро Людовикъ умеръ и Каттаро покорилъ Твртко первый король боснійскій. Въ 1419 Венеціанцы снова захватили его и сохранили до конца своей республики, до 1796. Въ этомъ пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ, бѣднѣй Каттаро испытывалъ горестныя бѣдствія; былъ осаждаемъ въ 1538 и въ 1657 Турками, былъ разрушенъ въ 1572, поколебленъ землетрясеніемъ 1563 и землетрясеніемъ 1667, разрушенъ въ 1797.

Въ 1797 перешелъ во владѣніе Австріи, у которой тогда было слишкомъ много дѣла, чтобъ серьезно заботиться объ

мелочливый народомъ, запертымъ въ глубинѣ одного изъ Адриатическихкихъ заливовъ. Въ 1805 онъ былъ безцеремонно брошенъ на произволъ уполномоченныхъ Франціи и Австріи и составилъ депозитное пражбургскаго трактата. Но прежде чѣмъ вступить на свое званіе на стѣнахъ его, онъ былъ взятъ Русскими и остался въ ихъ власти до тильзитскаго мира.

Послѣ 1814 онъ былъ снова отданъ Австріи, которая оставила его долго въ небреженіи, кажется теперь вѣнница сдѣла въ обязанность защищать его. Она поставила на укрѣпленіе нуним, послала къ великому ихъ сожалѣнію толпу артиллеристовъ. Дѣло въ томъ, что для людей славшихъ всѣмъ блескомъ молодости и мундира въ главныхъ гарнизонахъ Германіи и Италіи, каттарскій гарнизонъ весьма не забавенъ. Ни театровъ, ни баловъ, ни собраній, улицы узкія, которыя можно пробѣжать въ полчаса, жители все Славяне, которыхъ даже большая часть Австрійцевъ не понимаетъ, а воелъ Черногорцы, албанскіе и герцеговинскіе Турки. Это родъ изгнана на конецъ образованнаго міра.

Я нѣмъ удовольствіе найти въ этомъ городѣ любезнаго офицера, который нѣсколько лѣтъ находился въ качествѣ адъютанта у одного нѣмецкаго князя и посѣтилъ съ нимъ столицы и многіе европейскіе дворы. Изъ своихъ счастливыхъ странствованій онъ привезъ коллекцію гравюръ, пейзажей и портретовъ, которыми украсилъ стѣны своей комнаты, чтобы обмануть взоры и воображеніе, чтобы забыть въ этихъ слѣдахъ прошедшаго скуку настоящаго.

Этотъ городъ, имѣющій болѣе тридцати кораблей и довольно значительное дѣловое движеніе, не имѣетъ гостиницы. Прибывающіе моряки живутъ на своемъ суднѣ; негодіанты принимаются у своихъ корреспондентовъ. Иностранецъ, у котораго нѣтъ ни родственниковъ ни друзей, не знаетъ гдѣ пріютиться. Къ счастью у меня было рекомендательное письмо къ capitano del Circolo, и я пошелъ къ нему съ писмомъ какъ солдатъ съ квартирнымъ билетомъ.

— Нѣтъ, сказалъ мнѣ смѣясь господинъ Doimi, у насъ здѣсь нѣтъ ни гостиницы, ни трактира, однако надѣюсь достать вамъ комнату; но моя власть дальше не простирается и вы осуждены каждый день приходивъ ко мнѣ обѣдать.

Онъ тотчасъ послалъ за какой-то старукой, которая имъ уже жила къ господину капитану, а также; думаю, для Флорини, которые я долженъ былъ заплатить ей, согласилась уступить мнѣ самую лучшую половину своей квартиры. Я принялъ въ признательность то, что любезный капитанъ называлъ мою осужденіемъ и хотѣлъ бы въ путешествіи всегда подвергаться такимъ пріятнымъ приговорамъ.

Провинція, гдѣ Каттаро главный городъ, содержитъ около тридцати шести тысячъ душъ, изъ которыхъ только одна третья принадлежатъ греческой религіи. Городское народонаселеніе по большей части католическое, оно почти все состоитъ изъ купцовъ и моряковъ; Каттаро получаетъ изъ Триеста большую часть товаровъ и распространяетъ ихъ по окрестностямъ. Двое городскихъ воротъ отворяются на два рынка, на рынкахъ Морской, посѣщаемый Боккезцами, и на базаръ, предоставленный Черногорцамъ.

На оба любопытно посмотрѣть; любопытна скудость продаваемыхъ тамъ припасовъ. У морскихъ воротъ одинъ булочникъ; подъ его навѣсомъ черные хлѣбы, которые трудно жевать; продавецъ вина горделиво ставитъ на столѣ несколько флажекъ съ ужасной водкой, и куварка, присѣвши на скамью, держитъ между колѣнъ корзинку, откуда выходитъ съ обильнымъ дыма противный запахъ, тутъ лежатъ куча бычачьихъ ногъ, сваренныхъ съ рогами, которые она только-что сняла съ жаровни и которыхъ теплоту старается сохранить прикрывъ ихъ тряпкой; но женщина, которая станетъ долго торговаться за одинъ черный хлѣбецъ, не посмѣетъ притти на рынокъ безъ нѣтъ на головѣ, въ ушахъ, на шеѣ, кучу золотыхъ или вышолоченныхъ украшеній, а мужчина долго вертѣвшій въ рукахъ одну изъ бычачьихъ ногъ и не рѣшавшійся заплатить нѣсколько копѣекъ, чтобы доставить себѣ это гастрономическое наслажденіе, носить за поясомъ оружіе, которое не продаетъ за нѣсколько сотъ франковъ.

Въ одно утро я услышалъ ружейный выстрѣлъ у Морскихъ воротъ; увидѣвъ, что много направляются въ ту сторону, и пошелъ съ ними присутствовать на привлекательнѣйшій зрѣлищъ. Это молодая дѣвушка; прѣхавшая на лошади изъ Рима вънчаться въ городъ. Передъ нею вытучивать мать дѣла...

тогда, почтительно спросил меня войти и предать меня въ своему иконостазу.

Тутъ я могъ наблюдать во всякъ символическии подробности за вѣнчаніемъ по греческому обряду. Но символическии переобратныи удаляются преимущественно той же историческй святой и сидятъ за обѣдъ, здѣсь какъ и вездѣ острѣлшій допоясненіе каждой свадьбы.

— Кто такая эта великолѣпная невеста? спросилъ я вблизи у одного каттарскаго гражданина.

— Это, отвѣчалъ онъ, дочь простаго преставнаго, а мать ея ремесленникъ; завтра она омытъ надѣвуть свое шербасово платье и понесетъ на рынокъ куръ и бляхи.

Властелиница на одинъ день, а могола невольница, сегодня въ шелковой и бархатной одеждѣ какъ восточная принцесса, а завтра пробужденіе отъ минутнаго сна, завтра зѣбота трудолюбивой жизни, завтра ночь скорби! О доля Византе, эти челоуѣческія превратности которыхъ ты служила, какъ ты не знала, осознать и изжить переобратненіемъ!

При всемъ желаніи я не могъ насладиться каждымъ лицемъ у Маркиза верою, зрѣлищемъ свадьбы, но каждое утро я прифлакъ тамъ какихъ-нибудь новыхъ пообитостей, которые по особенному характеру физиономіи или костюма, возбуждали во мнѣ живое участіе, матросы съ лицомъ засмугленнымъ пофлаками на Востокъ, красивые и гордые крестьяне Перасто, богатые добротскіе граждане, и наконецъ я имѣлъ удовольствіе увидѣть въ одинъ день группу Кривоши, съ голой грудью, цвѣта флорентинской бронзы, съ лицомъ правильно очерченнымъ, съ глазами свирѣпыми какъ у орла и съ желѣзными мускулами.

Люди эти принадлежать къ немногочисленному племени славянскаго происхожденія, обитающему на холмахъ не въ дальности разстояніи отъ Византе, между границами Червогоріи, Червогоріи и дальнѣшаго берега. Они обрабатываютъ землю, разводятъ скотъ, но эти честныи занатіи не вполнѣ имъ удовлетворяють. Держать рукоутку кинжана для нихъ пріятно, имѣть ручную пилу и ошпигавъ экзотическіи фрукты имъ пріятно. Они имѣють предвзятость правилии работи. Храбрыи въ армудѣ и военницѣ, но правилии они съ трудомъ

такогого покушенію выходить изъ границъ изъ области, иди для того, чтобы воспользоваться лучшимъ пастбищемъ, иди чтобы унести при случаѣ скоть. Какъ земледельцы въ догорныхъ войскахъ провинцій, отираемая работать въ поле, они вращать ружье въ бороздѣ и какъ Бедуины стерекутъ стада съ оружіемъ у пояса.

.. Хотя цѣлѣ ихъ не составляетъ болѣе тысячи человекъ, они не боятся вступать въ смѣлыя борьбы, возобновляющія на сами собою черезъ кровь, которую заставляли проливать, до неутомимымъ законамъ вендеты. Они сопротивляются Черногорцамъ и ведутъ жестокою войну съ герцеговинскимъ Турками. Австрійское правительство, осуждая ихъ зазорный нравъ и грабительства, однако щадить ихъ; они для него все равно, что батальонъ стрѣлковъ, они служатъ ему противъ Турокъ, или иногда Ускочки противъ Венеціанъ.

.. Въ главѣ этой воинственной общины пастуховъ находится греческій священникъ, пользующійся между ними той же властью, какъ мѣдьяка между Черногорцами. Онъ имѣетъ ихъ главныи и земной начальникъ, совѣтникъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, полководецъ въ битвахъ.

.. Они имѣли одного лѣтъ пятнадцать тому назадъ, къ которому чувствовали восторженную привязанность и о которомъ говорить и теперь съ глубокимъ уваженіемъ. Этотъ предатель, звать доревенскій князь, имѣлъ пристрастіе быть потомкомъ императорской фамиліи Комнецовъ и назывался Марко Комнековичъ. Видя ожесточеніе, съ какимъ онъ нападалъ на герцеговинскихъ Турокъ, можно было сказать, будто онъ хотѣлъ завладѣть ихъ вѣнчатити за ваятіе Константинополя. Турки рѣшились отъ него освободиться; но надрасно пыталась, захватить его. Кривоши хранили его какъ палладіумъ своего племени. На мѣстѣ убитъ въ первыхъ покушеніяхъ они взаимно признали, угодили дитрость. Начали показывать маленькому народу сильное желаніе жить съ ними въ дружествѣ; позволили дружелюбно переступить границы пастбища, наконецъ даже хороша устроили, что Кривоши, бывшіе однако уже не единъ разъ жертвами обмана своихъ враговъ, опять позволили обмануть себя. Наконецъ была предложена такому образцу, какъ звать Наконичъ, привели оладжы, просить посредничества Марко

чи дѣлѣ такой сѣбрѣнѣ, говорили они и въ такой запутанности, что только одна мудрость знаменитого Марко могла рѣшить его. Марко походилъ на старую крысу Лавоитена, онъ сидѣлъ есаадна кошки и отказался выполнить эту просьбу. Турки не потеряли бодрости; черезъ нѣсколько времени она возобновила свою просьбу, въ выраженіяхъ болѣе настоятельныхъ уѣбрихъ въ своемъ глубокомъ уваженіи къ особѣ старѣйшины и калмыкъ кингю Магомета, что его съ уваженіемъ приводить въ Наксичъ и отвѣдуть въ безопасности въ его общину. Известно, что Турки довольно честные въ своихъ обыкновенныхъ сдѣлкахъ, не считаютъ себя обязанными исполнять клятвы, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ христіанствъ. Марко это зналъ, однако уступилъ и отправился въ Наксичъ.

Едва вошелъ онъ въ жилище бѣя, какъ были зарѣзаны. Нѣкоторые изъ его людей подверглись той же участи. Другіе, которыхъ солдаты бѣя не имѣли времени захватить, воевали шпоры въ бока лошадей и принесли въ плечь расказы объ ужасномъ происшествіи. Это извѣстіе разразилось какъ громовой ударъ между Кривошми. Женщины рыли себя слезами и вопили о погибелѣ пастыря. Мужчины калмыки своимъ горестъ простыми криками. Когда пѣлъ первого востанувшаго воушка, старѣйшины народа принялись разсуждать, что имъ должны сдѣлать, чтобы отомстить смерть своего князя. Цѣлыя продолжительныхъ и бурныхъ разсужденій рѣшили большинствомъ голосовъ, что не согласны ни на какое предположеніе примиренія; что голова Марка будетъ оцѣнена въ двадцать четыре турецкія головы, и что пока не будутъ обладать этимъ двадцатью четырьмя головами, не могутъ союзнниками. Вещанство Марка и герцеговинскими Турками не возможно никакимъ перемиріемъ.

Съ этого дня Кривошми принялись за дѣло, подстергали добычу, какъ лисцы, бросаясь на нее какъ пастеры, жандура прѣва. Однажды двое изъ молодыхъ востуновъ привели глупцу одного изъ сыновей бѣя, котораго въ продолженіи шестидесяти часовъ подстергали терѣлимо, потому что онъ не отыгнул на охотѣ. Въ другой разъ они шлоли на прѣколѣдъ значительныхъ кингю провалтате города Наксичъ; но еще не достигли еще нѣсколько головъ и конуды не были убиты

должны и еще нѣсколькихъ въ придачу, какъ процентовъ капитала, бѣда тому герцеговинскому Турку, который попадется имъ подъ саблю.

Я бы хотѣлъ остановиться здѣсь и описать правила вендеты, такъ глубоко укорененной въ этихъ жителяхъ горъ и даже у Бокнедцевъ: но отлагаю возвратиться къ этому въ большихъ подробностяхъ, когда попытаюсь описать нравы Черногорцевъ.

Этихъ гордыхъ Черногорцевъ особенно желалъ я видѣть, уѣзжая въ Далмацію и прѣбавъ въ Каттаро, побѣждалъ на рынокъ, открытый имъ у подошвы ихъ горъ, шагахъ во сто отъ городскихъ укрѣпленій. Какъ не велико недовѣріе, внушаемое ихъ воинственнымъ характеромъ, между ними и каттарскимъ народонаселеніемъ существуютъ необходимыя сношенія. Каждый имѣетъ нужду другъ въ другъ. Черногорцы приходятъ сюда покупать свинець, порохъ, домашнюю утварь, предметы роскоши. Они приносятъ сюда рѣчную рыбу, овощи, говядину, съѣстные припасы. Въ замѣнъ военныхъ припасовъ, они даютъ живянные. Три раза въ недѣлю ходятъ они съ горъ, одни съ ослами или лошадьми, другіе несутъ сами ношу на плечахъ, прыгая легкими шагами съ скалы на скалу. Я долженъ сказать, что въ этой категоріи Черногорцевъ, исправляющихъ должность вьючнаго скота очень мало мужчинъ и много женщинъ.

Съ идею, которою я составилъ себѣ о Черногорцахъ, по различнымъ книгамъ, какъ составляешь себѣ идею о древнемъ монументѣ или пейзажѣ по гравюрамъ, я былъ очень разочарованъ въ первый разъ какъ началъ наблюдать ихъ на томъ мѣстѣ почвы, гдѣ они разставляютъ свои товары. Какія сухія и тощія лица! какія лахмотья! Великій Боже мало Каллата и Мурильо, чтобы нарисовать ихъ, и я никогда не видалъ ничего подобнаго на самыхъ оборванныхъ нищихъ самыхъ бѣдныхъ восточныхъ базаровъ.

Въ заблужденіи жестоко признаться. Но я долженъ въ немъ признаться: Черногорцы явились мнѣ въ мечтахъ воображенія, подъ формой болѣе обольстительной, чѣмъ-то въ родѣ романтическихъ христіанскихъ рыцарей въ вѣчныхъ крестовыхъ походахъ противъ Турокъ, чѣмъ-то въ родѣ также, долженъ я сказать, грабителей, но грабителей красоты энергической, которыхъ я нарядилъ въ театральныи костюмъ. И вотъ съ перваго

коего вступленія между нихъ, я падаю съ идеала воинственной жизни на рынокъ овощей, отъ Ареста къ Валѣ, отъ благороднаго образа Ванъ-Дейка къ грубымъ фантазіямъ Тенвера. Надеженіе было жестоко; однако надѣюсь приподняться. Чтобашойти въ городъ, Черногорцы обязаны оставлять въ караульнѣхъ татарской свое мужское украшеніе, свой знакъ отличія: свое оружіе, которому они приписываютъ столько цѣны, и которое придаетъ имъ столько увѣренности. Уступивъ такимъ образомъ требованіямъ австрійской предосторожности, они походятъ на льва въ баснѣ, который позволилъ подпилить себѣ зубы, вклатывать когти и въ своей грубой одеждѣ, истертой отъ долгаго употребленія, лишенные очарованія, походятъ на нищихъ.

Что касается до женщинъ, то онѣ одѣты самымъ бѣднымъ образомъ. Вотъ въ точности одежда или въ нѣкоторомъ отношеніи отсутствіе одежды большей части изъ нихъ, безъ чулокъ и безъ башмаковъ, особенно въ дурную погоду, потому что, говорятъ онѣ въ своей благоразумной опытности, подошва ногъ укрѣпляется на жесткихъ дорогахъ, между тѣмъ какъ обувь трется о камни и портится отъ дождя. Эта обувь, которую они такъ жалуютъ состоитъ просто изъ грубаго шерстянаго вязанья, потому что нѣкотораго рода сандалій, состоящихъ изъ длинной кожаной полосы, привязанной къ ногѣ ремешками. Народныя вѣсны такъ представляютъ часто сербскихъ князей, разчесывающихъ себѣ волосы золотымъ гребнемъ. Если бѣдныя Черногорки знаютъ это преданіе, то оно должно казаться имъ странной выдумкой. Молодыя дѣвушки наплевываютъ кос-какъ на вилочки волосъ красную шапочку, замужнія покрываютъ ихъ платкомъ. На тѣлѣ онѣ носятъ только холстинную рубашку и редъ шерстянаго халата, открытаго спереди и спускающагося до ниже колѣнъ. Этотъ халатъ безъ крючковъ, безъ петель, стягивается огромнымъ кожанымъ поясомъ, широкимъ какъ дамидинный хомутъ, выложенный грудой грубаго бердолака, прикрѣпленный на спинѣ массивнымъ жѣзвнымъ графомъ. Поневъ Брингильдъ, въ странѣ Нибелунговъ, не была, вѣроятно, тяжелѣе. Здѣсь какъ въ сѣверныхъ сагахъ, это отличительный знакъ замужней женщины и ея главное украшеніе. Женихъ бѣдная довольствуется тѣмъ, что этотъ тяжелый ремень украшенъ латуною; женщина богатая хочетъ чтобъ онъ былъ изъ

краснѣе серебрѣныи есмь не позолоченныи бланки: Ебѣ те-
кѣ мушкѣ, которыхъ одинъ видъ заставилъ бы задрожать
каждый члвкъ Парижанинъ, и которые здѣсь соотвѣсляютъ
предметъ модности и стоять не менѣе дукаль или трека отъ
Франковъ.

Возвращаюся къ другимъ частямъ одежды не для удовольствіи;
я долженъ признаться, но чтобы окончить мой очеркъ. Хотя
сѣйная рубашка рѣдко мостя. Шерстяная рубашка, покрыва-
ющая ее, небавлена по той же экономной причинѣ отъ стир-
ки, отъ которой она слишкомъ бы скоро изнасилась. Пусть
вообразятъ какое впечатлѣніе долженъ испытать иностранецъ,
въ первый разъ разсматривающій этихъ людей, преждевремен-
но состарѣвшихъ въ слѣдствіи своей суровой жизни и кромѣ
того обезображенныхъ такой одеждою, у нныхъ уже дырливой,
по большей части потерявшей свой первоначальный цвѣтъ.

Говорятъ, что Черногорцы очень ревнивы, и что нельзя не
подвергаясь смертельной мести отважиться на любовное объяс-
неніе съ этими дикими красавицами. Право должно быть ревность
есть страсть врожденная человѣческому сердцу, потому что су-
ществуетъ при такихъ условіяхъ или должно быть человѣче-
ское сердце во всѣхъ странахъ міра обладаетъ странной спо-
собностью къ обманчивости. Что на черногорскихъ скалахъ
есть также любовныя бури какъ и громовые удары, я не могу
сомнѣваться, узнавъ какииъ энергическимъ образомъ каждый
Черногорецъ съ молодости принимаетъ твердое намѣреніе, какъ
одинъ изъ героевъ Кальдерона, сдѣлаться врачомъ своей чести
el medico de su honor. Что касается до иностранцевъ, то я
охотно поручусь за добродѣтель ихъ въ Черногоріи. Не нужно
угрозы кивжала, чтобы отдалить отъ нихъ всякую мысль оболь-
щенія.

Но если трудно создать себѣ между Черногорками, которыхъ
видишь въ Каттаро, романтическую мечту или поэтическую
идиллію, то есть другое душевное волненіе, которое весьма
естественно сватываетъ насъ при видѣ ихъ, — это состра-
даніе. Бѣдныя женщины! Какому состоянію униженія при-
суждены онѣ! Мужчина, иногда дѣлающій имъ честь ревновать
къ ихъ взорамъ такъ быстро помраченнымъ, къ ихъ молодос-
ти, такъ скоро поблекшей; мужчина есть ихъ самовластный и

гордый, пресрительный и жестокий господинъ. Мужчины заста-
вляютъ ихъ носить какъ вьючный скотъ и еще съ меньшей
осторожностью самыя тяжелыя ноши; и когда дорогой онѣ
встрѣчаютъ знакомаго, то не сибьютъ дружески ему поклонит-
ся. Онѣ сдѣлаютъ ему почтительный поклонъ и поцѣлуютъ
ему руку. Я видѣлъ этихъ женщинъ, спускающихся изъ Цетиніе
въ Каттаро; восемь часовъ ходьбы босыми ногами по острымъ
камнямъ, чтобъ прійти сюда, восемь часовъ, чтобъ воротиться,
и онѣ приносятъ на базаръ на головѣ связку дровъ, которую
продавали за девять или десять quadrani, около семи су.

=

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЛУРИСТАНЪ И ВЪ АРАВИСТАНЪ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Сборы въ дорогу. — Гроза и буря въ декабрь. — Неудобство тамъ ночью.

Во все время пребыванія въ Персіи, я постоянно и пламенно желалъ повидать знаменитыя развалины Персеполиса; но обстоятельства долго мѣшали мнѣ исполнить желаніе. Наконецъ удалось устранить всѣ препятствія, и я собрался въ путь. Чтобы терять какъ можно менѣе времени, я предпочелъ ѣхать на почтовыхъ, хотя на своихъ было бы удобнѣе. Европейецъ, привыкшій въ путешествіяхъ по желѣзнымъ дорогамъ не только къ комфорту, но даже и къ роскоши, съ трудомъ пойметъ, что на Востокъ, по-крайней-мѣрѣ въ Персію, неизвѣстны вовсе ни почтовые кареты, ни пароходы, ни паровозы. Здѣсь, если вы хотите путешествовать, — не говорю роскошно, но мало-мальски удобно, то должны имѣть верховыхъ лошадей для себя и слугъ своихъ; кромѣ-того, вьючныхъ лошадей, или муловъ и верблюдовъ для постелей и поклажи своей и слугъ своихъ; для кухни, даже для провіанта себя и лошадей (не бездѣлица!) потому что на всей дорогѣ не встрѣтите ни гостиницы, ни постоялыхъ дворовъ, ни даже харчевенъ. По тѣмъ дорогамъ, гдѣ нѣтъ деревень, обыкновенно останавливаются въ караванъ-сараяхъ; это каменное строеніе съ огромными воротами, ведущими на пространный дворъ, вокругъ котораго находятся не большія клѣткшки съ отверстиями, но безъ дверей, безъ оконъ, и въ которыя рѣдко стѣлкѣ на: мѣста; чтобы про-

вести безпокойную ночь. Внутренній дворъ отдѣляется отъ наружныхъ стѣнъ зданія темными стойлами для скота — самою комфортабельною частію всего заведенія. Вотъ все удобство, котоое вы можете требовать въ самомъ лучшемъ каравансераѣ; но не вездѣ встрѣтите ихъ, и часто должны считать себя счастливымъ, если найдете пріютъ гораздо менѣе покойный послѣ утомительнаго пути въ безлюдной пустынѣ. Неутѣшительная, но вѣрная картина путешествія въ Персію! — Если же ѣхать на своихъ лошадяхъ, то терлеть больше времени, а кто спѣшить, тому нельзя рекомендовать этого образа ѣзды. Мнѣ было бы это вовсе неудобно. Отъ Тегерана до Персеполиса считается около 120 фарсанговъ разстоянія (450 английскихъ миль); можно проѣхать 6 фарсанговъ въ день; и такъ я не могъ бы доѣхать до мѣста своего назначенія прежде 20 дней. Привыкну къ верховой ѣздѣ, я предпочелъ ѣхать на почтовыхъ. Прежде всего досталъ себѣ письменный приказъ отъ генералъ-почтмейстера, чтобы на каждой станціи было нѣмѣ доставляемое потребное число лошадей. Шефи Ханъ (имя генералъ-почтмейстера) былъ мнѣ хорошо знакомъ, я отрядилъ даже одного изъ своихъ *чапаровъ* или почталымовъ въ проводники, и наблюдать за тѣмъ, чтобы меня не задерживали доставкой лошадей на станціяхъ. По совѣту его, я выхлопоталъ у государственнаго министра, чтобы въ шахскій фирманъ, т. е. въ подорожную, включена была статья, обязывающая всѣхъ начальниковъ провинцій, округовъ, городовъ, деревень и проч., оказывать покровительство путешественнику, а именно, доставлять нужное число лошадей, въ случаѣ если ихъ неостанетъ на почтѣ. — Эта мѣра оказалась въислѣдствіи весьма полезнаю. Я съ такимъ нетерпѣніемъ желалъ начать свое путешествіе, что не смотря на грозныя облака, предвѣщавшія бурю, на невяжу проводника съ почтовыми лошадьми до поздняго вечера, — выѣхалъ изъ Тегерана на закатѣ солнца 23 декабря 1840.

Поворачивая за юго восточный уголь стѣны, я въѣхалъ на возвышенность, образующую гласисъ за контр-эскарпомъ геродскаго рва. Съ этимъ мѣстомъ связано воспоминаніе печальной катастрофы, приключившейся съ Россійской Императорской Миссіей въ Тегерамѣ, въ 1829, когда посланникъ, со всею своєю

святою и служителями, были злодѣйски умерщвлены дикими толпами народа.

Мы недалеко успѣли отъѣхать, какъ черныя тучи, скопившіяся надъ нашею головою, разразились ужасною бурей и градомъ, сопровождаемыми громомъ и молніею, необыкновенными въ столь позднее время года. Дождь лилъ ручьями, и насъ скоро окружила совершенная тьма. Разумѣется, что мы при такихъ обстоятельствахъ не замедлили сбиться съ дороги, хотя проводникъ долго увѣрялъ насъ въ противномъ. Молнія яркимъ блескомъ своимъ озарила по временамъ вокругъ насъ безлюдную пустыню, безъ малѣйшаго слѣда дороги, или какого нибудь жилища, въ которомъ бы можно было найти пріютъ. Наконецъ лай собаки оживилъ наши надежды, и направляясь въ ту сторону, откуда онъ слышался, мы пріѣхали въ деревушку, гдѣ послѣ нѣкоторыхъ затрудненій, насъ наконецъ впустили на старое гумно.

Къ утру дождь пересталъ, мы сѣли на лошадей и поѣхали въ *Кемаредфирдъ*, гдѣ должны были перемѣнить ихъ; но такъ какъ здѣсь не нашли мы свѣжихъ лошадей, то рѣшились дать отдохнуть своимъ, и на нихъ же отправились далѣе. Я не могъ пожаловаться на своего коня, который шелъ хорошо и вноходью: вноходцы особенно уважаются въ Персіи, и конь или мулъ, обладающій этимъ пріобрѣтеннымъ качествомъ, цѣнится гораздо дороже. Персіане обращаютъ такое же вниманіе на спокойный ходъ лошадей своихъ, какъ мы на удобство нашихъ экипажей.

Слѣдующій роздыхъ нашъ былъ въ Гаузъ-Султанъ-Каравансераѣ, на границѣ большой соляной пустыни, или *кабира*, разделяющей Тегеранъ отъ Кума и простирающейся далеко на востокъ, между Хорасаномъ и Ездомъ. Такъ какъ въ каравансераѣ нѣтъ почтовой станціи, то мы снова принуждены были дать отдыхъ своимъ лошадямъ и потому не могли достигнуть ближняго караванъ-серая Пули-Деллаукъ прежде глубокихъ сумерекъ, и сбившись снова въ темнотѣ съ дороги.

Я часто возставалъ противъ персидскаго обычая всегда оставаться на всю ночь; но извѣдалъ собственнымъ опытомъ, что чуждаго, влигрдешъ пуститься въ путь. Ночи на востокѣ очень темны, особенно если и росею и зимою; и такъ какъ нѣтъ

поворотныхъ етодѣль и никакихъ знаковъ, означавшихъ дорогу, то ничего нѣтъ легче, какъ сбиться съ дороги въ одиобразныхъ степяхъ или узкихъ ущельяхъ горъ. Мнѣ часто случалось вязнуть въ снѣгу, и вплоть до разсвѣта не зная: двинуться ли впередъ или назадъ? Иногда, проспавши всю ночь дороги, я къ утру возвращался въ то же мѣсто, откуда выѣхалъ вечеромъ, и встрѣчалъ насмѣшливыя улыбки тѣхъ, которые тщетно отговаривали меня отъ безполезнаго предпріятія.

Эти замѣчанія впрочемъ касаются только тѣхъ, которые путешествуютъ малыми группами, потому что караваны, лѣтомъ, предпочитаютъ ѣхать ночью, чтобы избѣжать дневнаго зноя; но ихъ мулы и проводники, кажется, инстинктомъ понимаютъ дорогу.

II.

Таинственная деревня Кумъ-Рудъ. — Персидское суеверіе о гуляхъ или спривахъ Кабира или Великой Пустыни. — Разсказъ Морріера. — Разрушенію караванъ-серая Демръ и Коджи въ той же степи. — Возвращенію Зузара изъ богемоды въ Мекку и Керобелай. Хаджи. — Значеніе этихъ именъ. — Прибытіе въ Кумъ. — Учрежденіе Чаншръ-хане или почтовыхъ станцій въ Персіи. — Развалины Сисина. — Дыни и пшеница на однихъ и тѣхъ же поляхъ въ Каманъ. — Извѣстная трусость жителей. — Хорошіе мѣдники. — Бархатныя мануфактуры Киманскія. — Лѣтняя и зимняя дорога испаганская. — Кухрудъ. Снѣжная дорога. — Буракъ. Караванъ серай Акъ-Кемель. — Деревня Со. — Ночное приключеніе на рѣкѣ. — Мурчегаръ. — Гезъ. — Пріездъ въ Иссаганъ.

Рѣка, протекающая близъ того караванъ-серая въ которомъ мы ночевали, и черезъ которую переброшенъ Пули Делаукъ, т. е. мостъ цирюльника, течетъ къ сѣверо-востоку, и соединяется съ рѣкою Керси, которую мы переѣхали въ Кенаръ-джирдѣ, и нѣсколькими небольшими ручьями, текущими отъ Веромина, терлется въ Соляной степи, превращая въ болото обширное пространство земли. У слиянія этихъ двухъ рѣкъ лежитъ большая, укрѣпленная деревня Кумъ-рудъ, о которой ходятъ странные разсказы. Говорятъ, что жители ея принадлежать къ совершенно особому племени, и никогда не общаются съ другими. Нѣкоторые говорятъ, что они ревностные приверженцы ученія Али-аллаховъ, признающихъ божество Али, родственника арабскаго пророка; другіе полагаютъ, что они потомки

древниа Наравъ или Гебровъ, учениковъ Зороастра, которые всегда упорно противились принатію магометанской вѣры. Никто изъ тѣхъ, кого я спрашивалъ, не бывалъ самъ въ Кумрудѣ; всѣ говорили по наслышкѣ; потому и самыя рассказы ихъ были неудоволетворительны. Когда я посѣщалъ гору Ся-ку въ Большой Солоней степи, мнѣ хотѣлось побывать въ Кумрудѣ; но пройдя эту дорогю и осмотрѣвъ разрушенное зданіе Деира, относящееся къ эпохѣ Сассанидовъ, я не могъ ѣхать далѣе по причинѣ чрезвычайнаго зноя и совершеннаго недостатка воды. Потомъ никогда не удалось нарочно предпринять эту поѣздку; но думаю, что Кумрудъ и лежащія по близости его развалины Кой достижиме со стороны Пули Далаука, чѣмъ съ другихъ; рекомендую оба эти мѣста вниманію будущихъ путешественниковъ, которымъ предлежитъ трудъ опредѣлить, какого рода люди Кумрудцы, слѣдующіе китайской системѣ отчужденія отъ всего остальнаго міра.

Такъ какъ они живутъ въ пустынѣ, то простой народъ въ Персіи смѣшиваетъ ихъ со всѣми нелѣпыми сказками о *гуллахъ* или другихъ злыхъ духахъ, которыми народныя повѣрья населяютъ эти безплодныя и безлюдныя степи.

Эти повѣрья весьма древнія и существовали въ самыхъ отдаленныхъ вѣкахъ у Зендовъ и другихъ азіатскихъ народовъ*.

* Въ *Путешествіи по Средней Азійи* Марка Поло, въ III вѣкѣ по Р. Х. находитъ слѣдующее любопытное описаніе этихъ духовъ пустыни:

„Рассказываютъ за вѣрое, говоритъ авторъ, что эта степь (*Коби*, по близости города Лена) служитъ жилищемъ множеству злыхъ духовъ, которые разными необыкновенными оборачиваніями влекутъ путниковъ къ погибели. Если въ продолженіе дня, кто нибудь изъ нихъ себѣе съ дороги, или заснетъ, или какъ нибудь образетъ потерлеть караванъ изъ виду, то вдругъ неожиданно слышится, что злокопныя голоса зовутъ его по имени. Полагая, что это голоса спутниковъ, онъ идетъ на нихъ, углубляется въ пустыню и погибаетъ.

Ночью отставшему путнику слышится топотъ съ той или другой стороны дороги; полагая, что это караванъ товарищей, онъ стрелится въ ту сторону, откуда слышится топотъ; только на рассвѣтѣ прилчается онъ свою ошибку и опасное положеніе. Иногда, среди дня, злые духи приближаютъ на себя образъ спутниковъ, заговариваютъ съ нимъ и стараются сбить съ настоящаго пути. Говорятъ, что некоторые путешественники встрѣчали этихъ духовъ въ образѣ вооруженныхъ людей, которые нападали на нихъ и обращали въ бѣгство; такіе образы они сбрасывали съ дороги; я же знаю, какъ снова являлись на нее, погибали отъ голода. Объ этихъ духахъ пустыни рассказываютъ много чудесныхъ и невѣроятныхъ

Чтобы дать понятіе о гуляхъ, я выпишу шумливый рассказъ Морриера, путешествовавшаго въ этихъ краяхъ:

«На слѣдующій день», говоритъ онъ, «мы пробѣжали эту часть Соляной степи безъ всякихъ приключеній, хотя Персіане и побавлялись гулей; это родъ степныхъ сиренъ, которыя, по словамъ ихъ, заманиваютъ путешественника своими криками, и потомъ терзаютъ ихъ когтями. Они говорятъ, что гуль имѣетъ способность принимать на себя разные дѣйства и виды; такъ иногда является она въ видѣ верблюда, коровы или лошади; и когда случилось вдругъ завидѣть на горизонтѣ пустыни что нибудь, чего нельзя различить — всѣ Персіане разомъ кричали что это гуль. Потомъ они очень важно рассказывали намъ, какими заклинаніями удержали ее въ почтительномъ разстояніи.» (*Morrièr's Second Journey through Persia*, p. 168).

Говоря о каравансерахъ, часто прибавляютъ къ нему имя *Коджъ*, отчего и выходитъ Диръ Коджъ. Мы находимъ это имя у арабскихъ писателей; вѣроятно онъ стоялъ на линіи сообщеній между южными частями имперіи, каспійскими провинціями и греческими городами въ Вероинѣ.

«Диръ Кардъ Ширъ, говоритъ Я-Кути, есть монастырь, лежащій посреди безплодной пустыни, между Ресмъ и Кумомъ. Онъ основанъ Ардаширомъ, сыномъ Бабековымъ, хорошо укрепленъ и обнесенъ высокими стѣнами. Въ немъ есть цитерна, вырубленная въ скаль.» (См. *Notices et Extraits des Manuscrits de la Bibliothèque du Roi*, tom II).

На слѣдующее утро, 25 декабря, приближаясь къ Куму, я встрѣтилъ караванъ богомольцевъ, возвращающихся изъ Кербелая, гдѣ они приносили молитвы свои на гробъ *Гуссейна*, замученнаго сына Али, и куда отвезли тѣла умершихъ своихъ родственниковъ для погребенія ихъ въ этой святой землѣ мусульманъ—шиитовъ. Изъ за городскихъ стѣнъ высыпало множество народа. Это были друзья богомольцевъ, которые вышли поздравить ихъ съ благополучнымъ возвращеніемъ и съ приобретеніемъ титула кербелаявъ.

исторій, говорятъ, что они вьются въ воздухъ, наполняя его звуками разбитыхъ инструментовъ, или стучатъ оружіемъ и прикупаютъ путешественникамъ сонитамъ ради свои и идти осторожно.» (См. *Marco Polo's Travels*, by Marsden, chap. XXXV, p. 159).

Есть три мѣста, куда Персіяне—шиты ѣздятъ на поклоненіе. Городъ Мешедъ считается послѣднимъ по степеню святости; бывшіе тамъ на могилѣ Имамъ Ризы, называются мешеды. Второе за тѣмъ Кербелай, которое уважается болѣе перваго; по тѣ поклонники, которые посѣщали Каабу, Медину и гробъ арабскаго пророка въ Меккѣ получаютъ титулъ хаджи.

Очень забавно иногда видѣть, какъ они важничаютъ этими титулами, особенно передъ низшими разрядами.

Персіанинъ обидится, если вы назовете его мешедомъ, когда онъ имѣетъ право на высшее названіе кербелая, или еще болѣе на высшее и великолѣпнѣйшее титуло хаджи. Такимъ образомъ мешедъ, кербелай и хаджи дѣлаются титулами отличіа, которыми обладатели не мало гордятся.

Въ Кумѣ, святомъ городѣ, хранящемъ гробъ Фатьмы, сестры одного изъ великихъ имамовъ, я остановился на короткое время, въ разрушенномъ караванъ-сераѣ, теперь обращенномъ въ *чапаръ-хане*, или почтовую станцію. Почта въ Персіи содержится правительствомъ, которое платитъ за содержаніе каждаго чапаръ-хане деньгами и натурою; администрація ихъ находится въ рукахъ генераль-почтмейстера, который отдастъ на откупъ чапаръ-хане, порознь или гуртомъ, на всѣхъ извѣстныхъ линіяхъ сообщенія съ столицей.

На всѣхъ главныхъ дорогахъ, ведущихъ въ Тегеранъ, находятся чапаръ-хане; но внутренніе города не пользуются этимъ преимуществомъ. Здѣсь нѣтъ почтовыхъ учрежденій для правильной рассылки писемъ и посылокъ, какъ это бываетъ въ Европѣ. Почта развозитъ только приказанія правительства къ губернаторамъ провинцій и донесенія послѣднихъ высочайшему двору. Въ такомъ случаѣ отдаютъ пакеты *голаму*, или довѣренному рабу и отправляютъ его *чапаромъ* по почтѣ. Частныя лица, желающія переслать письма по той же дорогѣ, пользуются этимъ случаемъ и гонецъ, за небольшую плату, развозитъ ихъ порученія. Лошадей на каждой станціи полагается семь; но это число мѣняется, смотря по надобности или важности линіи сообщенія. Три главные пункта, съ которыми Тегеранъ находится въ постоянномъ сообщеніи: къ западу Тавризь, къ югу Мессаганъ и къ востоку Мешедъ.

За исключеніемъ двухъ или трехъ лошадей на каждой станціи.

ціи, которыя иногда еще бываютъ сносны, всё прочія выйдутся въ самомъ жалкомъ состояніи; и бѣдный путешественникъ утомляется болѣе возкою свой клячи, нежели всею усталостію труднаго пути. Если, не смотря на всё его усиліе, лошадь не хочетъ или не можетъ двинуться впередъ, онъ имѣетъ полное право обрубить ей хвостъ и бросить его зобету или содержателю слѣдующей станціи. Это вознагражденіе представляется ему за то, что онъ можетъ быть полдороги прошель пѣшкомъ, заваливъ сѣдло на одно плечо, а мѣшокъ съ поклажею на другое.

Дорога отъ Кума до Кашана представляетъ мало любопытныхъ предметовъ, за исключеніемъ развѣ развалинъ *Синсина*, которыя должны быть когда-то обширнымъ городомъ; но когда?... Этотъ вопросъ разрѣшить трудно. Такъ какъ я былъ странствующій *чапарн*, (такъ называютъ Персіане вѣдущихъ по почтѣ)—то отъ меня нельзя ожидать подробнаго изслѣдованія этихъ развалинъ; но судя потому, что я узналъ отъ одного ученаго миссіонера Пропананды, который открылъ подземныя комбаты между горами развалинъ въ городѣ *Синсинѣ*, весьма вѣроятно, что антикварій нашелъ бы здѣсь обширное поле для открытій. Беру смѣлость указать будущимъ путешественникамъ мѣста, въ которыхъ слѣдано было немного открытій, но которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія, потому что часто случается, что спѣша поклониться историческимъ и громкимъ памятникамъ минувшихъ вѣковъ, мы проходимъ безъ замѣчанія мимо не столь извѣстныхъ, но можетъ быть не менѣе любопытныхъ остатковъ древности. Это замѣчаніе особенно относится къ Персіи; потому что не смотря на то, что очень многіе путешественники посѣщаютъ эту древнѣйшую въ свѣтѣ монархію, Персія все еще извѣстна очень мало.

Приближаясь къ Кашану, мы проѣзжали обширныя поляны, засѣянныя дынями. Чтобы не потерять ни клочка земли, ни капли воды, употребляемой для поливки, жители Кашана сѣютъ пшеницу на тѣхъ же поляхъ, которыя обыкновенно обнесены зеленою оградю. Пшеница, вырастая, даетъ тѣмъ дынямъ и поддерживаетъ свѣжесть; зеленъ ея очень

пріятна для глазъ. Я не помню, чтобы выдалъ эту особенность гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ Персіи.

Жители Кашана весьма трудолюбивы; это качество частію искупаетъ ихъ недостатокъ мужества, потому что *Каши* — снѣжники труса, и болѣе храбрые сосѣди рассказываютъ множество исторій объ ихъ трусливомъ расположеніи духа. Эти обвиненія справедливы только сравнительно; потому что, въ строгомъ смыслѣ слова, Персіане воѣ болѣе или менѣе *Каши*. Между прочими чертами трусости, которыя имъ приписываютъ, говорятъ, что *Каши* всегда лучше всѣхъ вооружены съ головы до ногъ наступательнымъ и оборонительнымъ оружіемъ на походъ въ Мешидъ или Мекку, и всегда громче всѣхъ кричатъ о своей непобѣдимой храбрости до тѣхъ поръ, пока не наступитъ опасность. Но едва лишь вьются Туркоманы или Арабы — *Каши* прежде всѣхъ обращаются въ бѣгство.

Сколько городъ Кумъ извѣстенъ гробницею Фатимы и глиняными кувшинами, въ которыхъ вода сохраняется холодною среди лѣта, столько же Кашанъ славится своими мѣдниками, и шелковыми и бумажными бархатными мануфактурами.

Недалеко, вправо отъ Кашана, лежитъ красивое мѣстечко *Финнъ*, которое любилъ посѣщать покойный Фетъ-Али-Шахъ. Здѣсь находятся прекрасныя сады, наполненные красивыми тополями, кипарисами и величественными чинарами. Легкія и фантастическія павильоны гдѣ въ нижнихъ полахъ бьютъ фонтаны тогда, какъ въ верхнихъ окна открыты со всѣхъ четырехъ сторонъ для свободного прохода воздуху, — это настоящая роскошь въ жаркихъ равнинахъ Кашанскихъ.

Но благопріятное впечатлѣніе Финна значительно уменьшается тѣмъ, что на дорогѣ къ нему, путешественникъ долженъ проѣхать мимо пирамиды, изъ блага известкового камня, усаженой головами Бедучей. — Страшное зрѣлище!

Въ Кашанѣ мы перемѣнили лошадей. Моя лошадь, вьтая въ Кумъ, провезла меня двадцать фарсанговъ и была еще совершенно свѣжа; но за то люди мои были уже не такъ счастливы, хотя не разъ перемѣняли лошадей на прежнихъ станціяхъ.

Изъ Кашана въ Исфаганъ ведутъ двѣ дороги: одна горная;

через Кухрудъ, другая через Натенсъ. Последняя хотя гораздо длиннѣе, но обыкновенно выбираются зимою для того, чтобы миновать высокія горы, покрытыя въ это время глубокимъ снѣгомъ. Однако же, какъ горная Кухрудская дорога коротче, то почтовые станціи учреждены на ней, чему я былъ очень радъ. Какъ сѣверный житель, я не боялся снѣгу, а напротивъ радъ былъ повстрѣчаться съ старымъ знакомымъ. Натенскою дорогою я уже ѣзжалъ и прежде; а на горной надѣялся еще осмотрѣть знаменитый ровъ, вырытый шахомъ Аббасомъ Великимъ, для собиранія тающаго снѣгу въ одинъ огроменный резервуаръ, изъ котораго вода могла бы поливать кашанскія долины. Впрочемъ, я обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, потому что проѣзжалъ это мѣсто ночью, и хотя величественная луна значительно увеличивала живописный эффектъ горнаго ландшафта, но не довольно свѣтила для того, чтобы позволить мнѣ осмотрѣть искусственный Бенди Кухрудъ во всѣхъ подробностяхъ.

Кашанскія долины почитаются самымъ знойнымъ мѣстомъ въ цѣлой Персіи и говорятъ, что лѣтомъ они наполнены большими черными скорпіонами, которые гораздо ядовитѣе сѣрыхъ. Шарденъ, два вѣка тому назадъ написавшій превосходное сочиненіе о Персіи, замѣчаетъ, что сильнѣйшее выраженіе ненависти Персіянъ къ врагу своему заключается въ желаніи, чтобъ его укусила кашанскій скорпіонъ, или, чтобы его съѣла гиланскимъ губернаторомъ; прикаспійская провинція Гиланъ считается въ Персіи самое нездоровое и подвержена самымъ лихорадкамъ.

Мы оставили Кашанъ въ очень жаркое время; но тѣрѣ того, какъ мы поднимались въ горы, атмосфера постепенно становилась холоднѣе, а на Кухрудскомъ рѣѣ, мы ощутили вѣтры глубокой зимы. Вершины и покатоки горъ были покрыты снѣгомъ; по дорогѣ онъ былъ не глубокъ, но дѣлалъ ее очень скользкою; а лошади, не подкованныя по-земному, съ большимъ трудомъ собирались на крутизну, омытыя и сползали на каждомъ шагу. Въ вѣкоторомъ разстояніи отъ деревни Кухрудъ, я очень удивился, увидя ночью свѣтъ на кладбищѣ, вправо отъ дороги. Онъ свѣтилъ въ шалашѣ, поставленномъ надъ усопшею, и освѣщавъ человѣческую тѣнь, дивившуюся свѣтлыми

шагами назадъ и впередъ. Подъѣхавъ ближе, мы улыхали тихіе наѣзвы и глухіе звуки. Это былъ мулла, читавшій Коранъ. Персіяне имѣютъ обычай нанимать муллу, чтобъ онъ вслѣдствіе число дней читалъ Коранъ и молитвы на могилахъ умершихъ родственниковъ за упокой души ихъ.

Округъ *Кухрудокій* имѣетъ съ *Намексомъ*, отстоящимъ отъ деревни *Кухрудъ* фарсанговъ на десять къ востоку за горами, заключаетъ въ себѣ шестьдесятъ три деревни, которыя въ то время находились въ рукахъ одного изъ родственниковъ перваго министра, по имени Абдуль-Хана. Въ *Кухрудѣ* много фруктовыхъ садовъ, но вовсе нѣтъ хлѣба, который привозятъ изъ *Иомеана*, небольшого округа, лежащаго фарсанга на три къ Западу.

Дома здѣсь велики, большею частію выстроены въ два этажа и имѣютъ опрятную наружность, рѣдкую въ здѣшнихъ степныхъ деревняхъ. Мужчины и женщины очень красивы и здоровы; и составляютъ исключеніе между жителями низменныхъ земель. *Кухруды* говорятъ ломанымъ персидскимъ языкомъ, собственно имъ однимъ свойственнымъ.

Прямая дорога до ближней станціи *Со*, была совершенно занесена глубокимъ снѣгомъ; потому намъ указали другую, удобнѣйшую, черезъ караванъ-серай *Ак-Кеманъ*, которая вода идетъ большимъ объѣздомъ, сначала на ю. ю. з., потомъ на ю., а отъ караванъ-серая на ю.-в., потомъ на в. ю. в.

Не знаю, въ какомъ положеніи находилась прямая дорога, но та, по которой мы ѣхали, была далеко не хороша. Врочервныхъ, дороги вовсе не было; караванъ, который отправился по ней, какъ намъ сказали, въ то же утро, вѣроятно многими часами опередилъ насъ; а вѣтеръ, чрезвычайно сильный въ этихъ горахъ, замелъ слѣды каравана грудями снѣга, такъ точно, какъ онъ заметаетъ ихъ песками въ пустынѣ. Мы двигались на-удачу; бѣдные лошади ввали по-брюхо на каждомъ шагу; мы безпрестанно падали и выкарабкивались, пока наконецъ не попали на слѣды каравана, и наконецъ завидѣли его вдали; онъ двигался, какъ стая гусей по снѣжному океану. Пустившись впередъ такъ скоро, какъ только позволяла трудность пути, мы наконецъ догнали караванъ, состоящій изъ двѣнадцати чалвадаровъ или погонщиковъ муловъ, всѣхъ ихъ товаровъ въ

Исфаганъ. Мы еще не достигли высочайшей площади и безпрестанно поднимались съ горы на гору. Снѣгъ, хотя и глубокий на высотахъ, не могъ сравниться съ тѣмъ, который накопился въ узкихъ долинахъ, и бѣдныя животныя, шедшія въ головѣ колонны и служившіе пионерами, такъ увязли въ снѣгу, что не могли двинуться далѣе. Что было дѣлать? Весь караванъ принужденъ былъ остановиться. Люди собрались вмѣстѣ, чтобы извлечь бѣдныхъ животныхъ изъ непріятнаго положенія, и я подивился остроумному изобрѣтенію, къ которому они прибѣгли. Снявъ вьюки съ лошадей и муловъ, они сняли съ себя войлочныя свои бурки и разославъ ихъ на землю, ставили сюда ноги лошадей своихъ. Хотя эта войлочная подстилка и подавалась подъ тяжестію бѣдныхъ животныхъ, но все-таки поддерживала ихъ. Такимъ образомъ проѣхали мы самую трудную часть дороги; можете вообразить, какъ медленно мы подвигались. Къ-счастію, погода прояснилась и вѣтеръ стихъ; буруны или мятели часто бываютъ гибельны въ этихъ дикихъ и безлюдныхъ краяхъ. Обыкновенно чальвадары, застигнутые буруномъ, бросаютъ все добро свое посреди дороги, а сами съ лошадьми и мулами ищутъ убѣжища въ ближней деревнѣ или караванъ-сераѣ; когда же прояснится погода, они возвращаются подобрать товары, которые обыкновенно остаются цѣлы въ ихъ отсутствіе, потому что никто не рискуетъ пуститься въ дорогу во время бурана, который продолжается иногда нѣсколько дней.

Утоливъ голодъ вареными яицами и холоднымъ пивомъ въ углу Аккемальскаго караванъ-серая, мы снова сѣли на лошадей, и такъ-какъ на пути не встрѣчали болѣе препятствій то на закатѣ солнца прибыли въ красивую деревеньку Со.

Въ этотъ день мы проѣхали очень мало; но на слѣдующій хотѣлось прибыть въ Исфаганъ, до котораго оставалось еще 18 или 19 фарсанговъ; потому мы позволили себѣ отдохнуть только нѣсколько часовъ, и взявъ свѣжихъ почтовыхъ лошадей, выѣхали ночью. Все шло хорошо, пока мы не достигли до горнаго потока, который должны были переѣзжать немного выше порога. Передъ нами открылось огромное пространство замерзшей воды; тамъ и сямъ видѣлись на льду трещины и проруби, которыя днемъ легко было миновать, но которыя, но-

чью едва можно было различать. Потому мы сошли съ коней и повели ихъ на поводьяхъ; но такъ какъ они были не на зимнихъ подковахъ, то скользили безпрестанно, и спотыкались, увлекая насъ за собою; мнѣ также довелось окунуться въ рѣку съ конемъ монмъ. Достигнувъ противоположнаго берега, я долженъ былъ переменить свое измокшее и перепачканное платье à la belle étoile, и выжавъ воду изъ своихъ шароваръ надѣть ихъ, какъ могъ. Вѣтеръ былъ холодный и ночь морозная; платье мое оледенѣло и примерзало къ тѣлу. Чтобы увѣичать всѣ неприятности ночнаго путешествія, едва успѣлъ я занести ногу въ стремя, какъ лошадь моя покати-лась по свѣгу. Утромъ мы пріѣхали въ Мурчегаръ; тамъ меня ввели во внутренній дворъ одной Имамъ-заде, гдѣ я имѣлъ наслажденіе переменить свое платье и отдохнуть.

Мурчегаръ — очень большая деревня, которую часто уже описывали. Мурчегаръ знаменитъ битвою шаха Надира съ Афганцами, которые были здѣсь разбиты, и послѣ пораженія, удалившись отъ Исфагана, очистили этотъ край. Изъ Мурчегара мы пріѣхали въ Геазъ, также большую деревню, въ которой находится тысяча домовъ и прекрасный караванъ - серай; наконецъ, по закатѣ солнца, приблизились къ воротамъ Исфагана, проѣхавъ отъ Тегерана, 58 или 60 фарсанговъ, т. е. 235 миль въ пять дней.

Мнѣ приходилось еще проѣхать весь городъ въ ширину отъ сѣвера къ югу, узкими переулками, между двухъ высокихъ стѣнъ, которыми обнесены сады предмѣстій; потомъ крытыми базарами, большею частію заброшенными и разваливающимися; потомъ другими лавками, кое - гдѣ освѣщенными блѣднымъ свѣтомъ одинокой лампы; пока наконецъ я не достигъ до *чебаръ-бага* Шаха-Аббаса, этой знаменитой аллеи, обсаженной восточными платанами, которая привела меня къ великолѣпному каменному мосту черезъ Зосендерудъ. Здѣсь я почувствовалъ себя, какъ дома; потому что въ вышѣшемъ же году зимою и лѣтомъ часто переѣзжалъ этотъ мостъ. На той сторонѣ рѣки лежитъ предмѣстіе Джульфа, армянскій кварталъ Исфагана, и здѣсь я поспѣшилъ къ моему другу, Евгенію Боре, котораго засталъ еще не спящимъ, но очень удивившимся моему позднему пріѣзду. Онъ принялъ меня съ обыкновеннымъ

своими радушіемъ, и послѣ нѣсколькихъ чаши горячаго чаю, который также пріятель для желудка послѣ трудностей утомленнаго пути, какъ общество друга для сердца послѣ долгой разлуки, я съ особеннымъ наслажденіемъ расправилъ свои чашны, утомленные пятнадцатую верховою ѣздою и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

III.

Школа въ Джульѣ для армянскаго юношества. — Вѣротерпимость Исаганскаго мусульманскаго духовенства. — Причины ея. — Успѣхи Суеесизма. — Исаганскіе лютисы. — Багъ или приѣзжца. — Проектъ посѣтить Шустуъ и Бахтіарскія горы. — Кале - Рустаъ. — Чешме - Мултаъ. — Майаръ. — Влестіе вѣчные метеоры. — Куише. — Разказъ о битвѣ при вступленіи на престола Могамедъ-Шаха. — Растеніе гужин-аммоніакъ. — Крѣпость и деревня Бадгаста. — Лѣтня и зимняя дорога въ Ширазъ. — Абаде. — Сурме. — Караванъ - серай Дебидъ.

Окруженный дружескими попеченіями хозяина моего, Г. Е. Боре, я отдыхалъ нѣсколько дней подлѣ гостепріимнымъ кровомъ его, прежде чѣмъ обдумалъ маршрутъ свой до Персеполяса. Все время, свободное отъ посѣщенія особъ, съ которыми познакомился въ прежній пріѣздъ мой сюда, я посвящалъ исключительно бесѣдѣ этого достойнаго человѣка, который добровольно оставилъ всѣ мірскія выгоды, удобства и удовольствія своей родины, и съ крестомъ въ рукѣ, пошелъ трудиться о духовномъ возрожденіи во Христѣ братій своихъ, еще косящихъ во мракѣ невѣжества.

Въ его домѣ я познакомился съ ученымъ французскимъ путешественникомъ, графомъ де-Сивракъ, который объѣзжалъ Турцію, Египетъ, Нубію, Абиссинію и Аравію, и теперь путешествовалъ по Персіи, чтобы обстоятельно узнать о положеніи магометанской религіи въ трехъ частяхъ Стараго-Свѣта.

На другой день моего пріѣзда, Г. Боре показывалъ мнѣ школу, которую онъ учредилъ для армянскаго юношества въ Джульѣ. Хотя только пять мѣсяцевъ прошло со дня учрежденія, но въ школѣ считается уже тридцать-одинъ воспитанникъ, изъ которыхъ пятеро — мусульмане. Успѣли, которые они въ такое короткое время показали въ чтеніи, переводахъ съ французскаго на армянскій и персидскій языки, также какъ и въ

первыя свѣдѣнія о географіи, удивительны и показываютъ, что можетъ пронаести, съ Божіею помощію, усердіе къ добродѣлу. *Муним* (учитель) учитъ ихъ по-персидски, Армянонъ по-армянски, оба подъ непосредственнымъ вліяніемъ самаго Г. Воре, ученаго ориенталиста, который самъ преподаетъ дѣтямъ французскій языкъ и географію, но всего болѣе внушаетъ христіанскимъ воспитанникамъ своимъ высокія правила христіанской вѣры, между-тѣмъ, какъ мусульманскіе мальчики учатся закону у персидскаго муллы. Этотъ фактъ, что мусульмане посылаютъ дѣтей своихъ въ христіанскую школу, и еще къ Исфагани, столицѣ мусульманскаго правовѣрія, этотъ фактъ служитъ великимъ доказательствомъ персидской вѣротерпимости, къ которой даже глава духовенства подаетъ примѣръ. Недавно скончавшійся *Имамъ-Джума*, древняя фамилія котораго пользовалась большимъ уваженіемъ Персіянъ, особенно любилъ разговаривать съ католическими миссіонерами о религіозныхъ предметахъ. *Сандъ Могаммедъ-Багиръ*, первый муштендъ или распорядитель закона, къ которому вся Персія обращается для разрѣшенія религіозныхъ вопросовъ, также отличается духомъ вѣротерпимости, справедливости и безпристрастія, съ какими вступаетъ съ тѣми Христіанами Джульфы, которые прибѣгаютъ къ суду его.

Но есть и другія причины такого благосклоннаго расположенія мусульманскаго духовенства, кромѣ личнаго характера вышепомянутыхъ лицъ.

Первая изъ этихъ причинъ — распространеніе *Суффеизма* въ Персіи въ послѣдніе годы. Послѣдователи этой секты, прежде тщательно скрывавшіе свои убѣжденія, цѣль открыто проповѣдаютъ свое ученіе. Даже многія духовныя лица, хотя и не открыто, принадлежатъ къ сектѣ Суффи.

Вторая причина — та, что въ послѣднее время свѣтская власть взяла большой перевѣсъ надъ духовною; потому — что при покойномъ *Шахѣ*, вліяніе духовенства на общее мнѣніе было очень, а иногда и слишкомъ велико. Напримѣръ, хотя *Фетъ-Али-Шахъ* былъ гораздо гордѣе, чѣмъ нынѣшній государь, и хотя въ Персіи все основано на этикетѣ, но *Фетъ-Али-Шахъ* всегда первый дѣлалъ визитъ *Муштенду*, пріѣзжая въ *Исфаганъ*. А въ 1841 г., когда *Могаммедъ-Шахъ*, подѣзжалъ

къ городу, тотъ же самый Муштендъ выѣхалъ за городскую заставу на встрѣчу его величества и поздравилъ его съ прїѣздомъ. Конечно, старый Шахъ обыкновенно говаривалъ, что ему случайно довелось ѣхать мимо дома Муштенда, и что, будучи такъ близко, нельзя было не навѣстить стараго прїятеля послѣ долгой разлуки; но эта случайность обратилась въ правило, отъ котораго государь никогда не отступалъ.

Уменьшенію власти исфаганскаго духовенства всего болѣе способствовалъ успѣшный ударъ, направленный противъ Лютисовъ.

Лютисы, — шайка самыхъ необузданныхъ негодяевъ, которые мѣшались во всѣ смуты, случающіяся въ персидскихъ городахъ, гдѣ полиція очень малосильна. Въ Исфагани она составляли особенное сословіе, которое разбойничало среди бѣлаго дня безнаказанно, потому-что находилось подъ покровительствомъ духовенства. Ихъ буйство и дерзость дошли до такой степени, что по смерти Фетъ-Али Шаха, одинъ изъ Лютисовъ, по имени Рамазанъ, былъ провозглашенъ своими сообщниками государемъ; онъ титуловался Рамазанъ-Шахомъ, чеканилъ золотую и серебряную монету съ своимъ именемъ, но былъ низверженъ соперникомъ, также Лютисомъ. Конечно, это была одна комедія; но народъ пострадалъ отъ нее, и городскія начальства впали въ презрѣніе. Хозревъ-Ханъ, одинъ изъ главныхъ сануховъ покойнаго Шаха, успѣлъ было возстановить порядокъ; по отозваніи же его, Лютисы снова взяли верхъ, при слабости управленія Исфаганью Фазль-Уллахъ-Хана. Говорятъ, что когда онъ подѣзжалъ къ Исфагани, Лютисы, извѣстные своимъ дерзкимъ и смѣлымъ языкомъ, вышли всѣмъ сословіемъ ему на встрѣчу, и зная, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, привѣтствовали Фазль-Уллахъ-Хана и увѣряли, что золотой вѣкъ Исфагани возвратился, потому-что слышавъ только объ его приближеніи, всѣ Лютисы оставили городъ.

Со вступленіемъ въ должность Манучаръ-Хава, Мозтемида Дулета, Лютисы, также какъ и прочіе нарушители спокойствія, были переписаны и вытѣснены изъ послѣднихъ своихъ убѣжищъ.

Прежде весь *магалъ* или кварталъ Бибабадъ признанъ былъ *Бастомъ*, или священнымъ убѣжищемъ для всѣхъ преступ-

никовъ, болевшихся преслѣдованій закона, потому что домъ Великаго Муштеда находится въ этой части города. Мовтемидъ, строгій блюститель правосудія, нарушилъ эту привилегію, освященную временемъ и общимъ мнѣніемъ; многіе преступники были отправлены въ Тегеранъ и казнены публично за свои злодѣянія.

Посѣтивъ Мовтемида, я узналъ, что онъ собирается въ путь, чтобы обозрѣть другія провинціи, находящіяся подъ его управленіемъ, а именно: Луристанъ и Аравистанъ, или Хузистанъ. Мовтемидъ, зная мою страсть къ путешествіямъ (мы уже не разъ встрѣчались прежде, однажды въ Гилянской провинціи на турецкой границѣ, потомъ у туркоманскихъ предѣловъ), предложилъ мнѣ сопровождать его; или, если я не хочу отказаться отъ поѣздки въ Персеполисъ, то по крайней-мѣрѣ, при возвращеніи въ Тегеранъ, звалъ меня къ себѣ въ Шустеръ, обѣщая указать мнѣ потомъ короткую дорогу черезъ Бахтіарскія горы изъ Шустера въ Тегеранъ.

Мнѣ давно хотѣлось посѣтить страны Бахтіарскія, такъ мало извѣстныя, и столь любопытныя по экспедиціи Александра Великаго и его преемниковъ; южный же скатъ великой цѣпи есть вѣроятно мѣсто древняго *Элама*, упоминаемаго въ Св. Писаніи, могущественнѣйшаго народа временъ Авраамовыхъ, гораздо ранѣе чѣмъ ассирійская и вавилонская монархіи сдѣлались извѣстными на Востокѣ. Европейскіе ученые уже нѣсколько лѣтъ обратили вниманіе на этотъ край, и желали узнать находящіеся въ немъ древніе памятники. Но буйныя и безпокойныя племена, населяющія эти горы не допускаютъ къ себѣ никого, не только европейскихъ путешественниковъ, но и природныхъ Персіанъ.

Путешествіе исфаганскаго губернатора съ вооруженною силою, представляло такой благопріятный случай осмотрѣть эти дикія страны, что я поспѣшно принялъ предложеніе, и обѣщалъ пріѣхать къ нему въ Шустеръ, лишь только удовлетворю своему любопытству въ Тахти-Джемшидѣ.

Этотъ новый планъ значительно измѣнилъ маршрутъ мой. Мнѣ нельзя уже было посвятить столько дней, какъ предполагалъ прежде, на осмотръ развалинъ Персеполиса и Мургаб-

ской долины, и долженъ былъ ускоренной ѣздой нагнать время, которое непременно потеряю дѣлая большой кругъ на обратномъ пути въ Тегеранъ.

1 января 1841, въ полдень, я оставилъ Исфаганъ, направляясь къ югу по ширазской дорогѣ. Любезный хозяинъ мой, г. Боре, проводилъ меня до Гезардера, по персидскимъ преданіямъ, сдѣны рыцарскихъ подвиговъ ихъ героя, Рустама. Развалины его замка указываются и до-сихъ-поръ надъ обрывомъ одной скалы, лежащей къ востоку. Весною прошлаго года я съ другомъ моимъ посѣщалъ эти развалины, состоящія изъ нѣсколькихъ покоевъ; стѣны большею частью разрушены. Все строгіе во вкусѣ новѣйшей персидской архитектуры; окна и двери — остроконечная арка. Стѣны и потолокъ покрыты бѣлою штукатуркою (Stuc) и всѣ каменныя работы сохранились такъ хорошо, что мы могли взобраться на самый верхъ зданія и наслаждаться самымъ лучшимъ видомъ Исфаганской равнины, растлавленной подъ нашими ногами. За исключеніемъ вида Гургинской и Туркоманской долины съ высотъ Альбургскихъ, я не помню чтобы когда нибудь видалъ болѣе великолѣпную панораму, какъ та, которою мы любовались съ Кале Рустама. Рѣка Засидерудъ, протекая съ востока, извивалась между зеленыхъ полей и многочисленныхъ деревень и плодоносныхъ округовъ Линджанскаго и Марбинскаго; между тѣмъ какъ къ северу и сѣверозападу, съ нашего возвышеннаго положенія, мы могли окинуть взоромъ всю окружность Исфагани съ ея дворцами, садами, куполами, минаретами, голубятнями, рощами, мостами и развалинами, разсѣянными въ живописномъ и иррациональномъ безпорядкѣ. Цѣпи горъ составляютъ фантастическія группы, пересѣкая почву въ различныхъ направленіяхъ и состояніяхъ; разнообразныя вершины ихъ украшаютъ ландшафтъ. Если, въ угожденіе народной гордости, мы согласимся съ Персіянами, что это мѣсто принадлежало ихъ любимому герою, то я прибавлю отъ себя, что вкусъ его по-крайней-мѣрѣ равнялся съ храбростью, потому что нѣтъ ни одного мѣста въ окрестностяхъ Исфагани, откуда бы открывался лучший видъ, какъ изъ Кале-Рустама, не исключая даже и Куги-сефа.

На югозападной сторонѣ этой же горы находятся природныя

пещеры въ скалѣ, называемыя Чесме-Мултанъ, гдѣ, какъ говорятъ, древніе Гебры погребали своихъ усоншихъ. Здѣсь видны еще остатки невысокихъ стросій, очевидно заключающихъ въ себѣ мертвыя тѣла. Въ цементѣ, связывающемъ между собою камни, находятя лоскутья тканей,—чего я не замѣчалъ нигдѣ въ другихъ развалинахъ. Я нашелъ также въ этихъ стросіяхъ обожженныя кости, что заставляеть меня сомнѣваться въ томъ, чтобъ эти катакомбы когда нибудь принадлежали Гебрамъ, которые никогда не сожигали своихъ мертвыхъ. Они считали за грѣхъ и святотатство осквернить ничтоже естество Ормузда, изображаемаго огнемъ, приводя его въ соприкосновеніе съ нечистою вещію. Въ племени Зендъ съ усоншими поступали совершенно также, какъ древніе Іудеи по закону Моисею. Любопытно замѣтить, что многія учрежденія Зороостровой вѣры совершенно согласны съ законами Бога-вдохновеннаго законодателя израильскаго *, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, заимствованы.

Можно ли предположить, что погребальныя пещеры Чесме или колодцы *Мултанъ*, принадлежали тѣмъ Индіямъ, которые въ древности вели значительную торговлю между Индією и Персією, черезъ городъ Мултанъ на Индусъ, бывшій складочнымъ мѣстомъ товаровъ **. Эти купцы жили въ Исфагани, и назывались мултанами. Известно что обычай сожигать мертвыхъ до сихъ поръ существуетъ въ Индіи.

Я пріѣхалъ въ Мааръ, первую станцію отъ Исфагани, въ шесть часовъ вечера, прѣхавъ восемь фарсанговъ или тридцать миль большою рысью. Желая достигнуть на слѣдующій день Ездегаста, я оставилъ Мааръ ночью, и дорогою любовался великолѣпнымъ фейерверкомъ въ небесахъ. Небо было великолѣпно ясно; звѣзды блистали ярко; падающія звѣзды

* См. Rhode — Die Heilige Sage des Zend Volks, etc.

** Шарденъ въ описаніи Исфагани, говоритъ:

Le caravanseraï des Multaniens est situé à côté d'un beau bazar, qui porte le même nom des Multaniens, qui sont les Indiens de Multan, — la première ville des Indes, du côté de la forterese de Candahar, qui est sur la frontière de la Perse, vers le nord. Tout le commerce des Indes en Perse se faisait communement par là, avant la navigation des Européens au sein Persique, (Voyages de Chardin en Perse. etc. Tome VII, p. 360, édition de Langlois).

катилась безпрестанно оставляя за собою свѣтлую полосу на горизонтѣ, особенно одна, яркій блестящій метеоръ, разсыпалась блестящими искрами въ воздухѣ. Я не знаю, замѣченъ ли былъ на какой нибудь обсерваторіи этотъ пышный феноменъ. Онъ случился въ ночь съ 1 на 2 января 1841, часа въ два или три по полудни.

Разстоянія отъ Маара до Кумишэ — $5\frac{1}{2}$ или 6 фарсанговъ; дорога довольно ровная; съ западной стороны цѣпь горъ, съ восточной довольно открытая равнина, кое-гдѣ пересѣкаемая невысокими холмами.

Кумишэ лежитъ на южной оконечности равнины, нѣбольшой нѣсколько фарсанговъ окружности, довольно обработанной; и пересѣченной *керизе* или каналами для орошенія полей; на ней находятся нѣсколько деревень. Городъ обращенъ къ небольшой крѣпости, обнесенную высокою стѣною съ башнями; но должно предполагать, что въ древности Кумишэ былъ значительнымъ городомъ, потому что окружающія развалины, его простираются на большое пространство. Слѣды многихъ водопроводовъ доказываютъ также, что окрестности эти были очень населены. Рѣчка, вытекающая изъ долины, къ югу, ниже Махсудъ-Бега, по направленію къ Исфеджану, протекаетъ подъ восточною стѣною города и потомъ орошаетъ водами своими поля. Неподалеку отъ Кумишэ мы проѣхали Имамъ-Заде Шахъ-Риза, красивое мѣстечко, обнесенное прекрасными чинарами (восточными платанами).

Отъ Кумишэ до Езде-гаста путь нашъ лежалъ къ Ю-Ю. В., черезъ равнину отъ двухъ до трехъ фарсанговъ * въ ширину между двумя рядами низкихъ холмовъ, за которыми къ западу тянется высокая цѣпь горъ, покрытыхъ снѣгомъ или, какъ я буду позже называть ихъ, Ардеканская цѣпь.

Въ Махсудъ-бегѣ, чистенькой деревенькѣ за четыре фарсанга отъ Кумишэ, я перемѣнилъ лошадей, потому что мнѣ надобно было проѣхать еще полныхъ шесть фарсанговъ до Ездегаста.

* Въ одной изъ книгъ Зендавесты, находимъ слѣдующее опредѣленіе фарсанга: „Фарсангъ есть разстояніе, на которомъ дальновзоркій человекъ можетъ разглядѣть верблюда или отличить черное отъ бѣлаго.“ Bundehesch, cap. XXVI.

На равнинѣ между Махсудъ-бегомъ и Кумишэ происходило, весною 1835 года, сраженіе между войсками царствующаго шаха, тогда только что вступившаго на престолъ, и дяди его Ферма Фермеша Фарскаго.

Принимавъ бразды правленія въ каджарской столицѣ, Тегеранѣ, Мухаммедъ Шахъ нашелъ необходимымъ усмирить южныя провинціи своего государства, въ которыхъ двое дядей его: Гуссейнъ Али Мирза, Ферманъ Ферма Фарскій, и Гассанъ Али Мирза, губернаторъ керманскій, не хотѣли признавать его правъ на персидскую корону и готовились противустать ему вооруленною силою. Шахъ назначилъ фарскимъ начальникомъ Фарузъ Мирзу, своего зятя; но истинная власть поручена была Манучаръ Хану Мозтемедъ Доулету.

Пока шахское войско двигалось къ югу, Гассанъ Али Мирза предводительствуя небольшою арміею, готовою поддерживать права на престолъ его старшаго брата, вышелъ изъ Шираза и спѣшилъ въ Исфагань. Такъ какъ жители Исфагана, наущаемые духовенствомъ и однимъ изъ старыхъ министровъ покойнаго шаха, были непріязненно расположены къ молодому государю, то нужно было какъ можно скорѣе воспрепятствовать ему занять это мѣсто.

Обѣ арміи вступили въ Кумишейскую равнину, не зная, что находятся такъ близко другъ отъ друга. Мятежники шли верхнею дорогою вдоль подошвы западной цѣпи, или Кухи Тангуна; между тѣмъ какъ войска шаха шли предѣлами Кухи Думбула или восточною цѣпью горъ. Хотя враждебные лагеря были не болѣе трехъ или четырехъ фарсанговъ одинъ отъ другаго, но туманъ былъ такъ густъ, что они не видали другъ друга. Гассанъ Али Мирза опередилъ шахское войско и былъ ближе ихъ къ Кумишэ. Неосторожный выстрѣлъ въ его лагерь возбудилъ подозрѣніе непріятелей. Нѣжный слухъ женщины первый разслушалъ этотъ звукъ, очень неясственный по причинѣ густоты воздуха; она водмяла тревогу. Эта женщина была Армянка, жена англійскаго офицера, находившагося въ службѣ шаха; эта маленькая, нѣжнаго сложенія женщина * была очень мужественная и безстрашная наѣздница. Этотъ выстрѣлъ

* Вдова покойнаго капитана Ши.

былъ сдѣланъ по приказанію Гассана Али Мирзы, и служилъ сигналомъ, навѣщавшимъ жителей Кумиша о приближеніи Гассана, потому что они были его приверженцами и ждали только появленія, чтобы отворить ему ворота. Сэръ Генри Бетюнъ (генераль Линдсэй, или *Линджемъ*, какъ называли его Персіяне) командовавший войсками шаха, немедленно принялъ мѣры, чтобы напасть нечаянно на непріятеля, и такъ удачно, что у мятежниковъ было настоящее *Salvo qui proit* и Гассанъ Мирза, одинъ изъ первыхъ, бѣжалъ въ горы.

Въ Кумишейской долигѣ находится множество деревень, которыхъ скучно было бы называть по имени. По западному берегу вышеупомянутой рѣчки поля очень хорошо обработаны, но съ восточной стороны совершенно безплодная равнина. Я сорвалъ здѣсь смолистое растеніе; смола вытекаетъ изъ него въ видѣ остывшихъ капель. Это гумми аммоніакъ, который во множествѣ растетъ въ этой долигѣ. Собралши нѣсколько образчиковъ этого растенія, хотя и сухаго въ это время года, я послалъ ихъ моему почтенному другу, г. Фишеру, директору императорскаго ботаническаго сада въ С.-Петербургѣ *.

Оставивъ за собою *Аминабадъ* и развалины *Гудемльскія*, мы прибыли въ Ездегастъ на закатѣ солнца, и въѣхали къ воротамъ этой оригинальной крѣпости, черезъ подъемный мостъ, который для насъ опустили. Крѣвость Ездегастъ стоитъ на вершинѣ уединенной скалы, со всѣхъ сторонъ отаженной. Узкая тропинка ведетъ къ воротамъ, отдѣленнымъ ровомъ, черезъ который жители пересбрасываютъ подъемный мостъ, когда кого нибудь хотятъ впустить въ укрѣпленіе. Крѣвость имѣетъ два ряда домовъ двухъ-этажныхъ и раздѣленныхъ узкою улицею. Жители повели меня къ древнему зданію,

* Авторъ „Исторіи обычаевъ древней Греціи“, исчисляя разнообразныя предметы, введенныя въ Грецію посредствомъ торговли съ чужеземцами, упоминаетъ между прочимъ, о *гумми-аммоніакѣ*. Онъ говоритъ: „Онъ вытекаетъ въ видѣ вязковиднаго сока изъ зонтикообразнаго растенія, растущаго въ пустыняхъ близъ Оракула Юпитера Аммона, также какъ и на предѣлахъ дирескихъ, откуда оно кажется наиболее всего и вывозилось.“ (Hr. st. John's History of the Manners and customs of Ancient Greece, vol. III, chap. XII, pag. 383.) Эта смола называется *аммоніакъ*, или *ammonium*, вѣроятно потому, что растетъ по близости храма Юпитера *Аммона*.

гдѣ, какъ говорится въ преданіи, былъ храмъ; показали обломки колоннъ; но на дворѣ становилось темно, а я такъ утомленъ былъ труднымъ путешествіемъ до того, что не обращалъ большого вниманія на эти развалины. Бадегастъ принадлежитъ конечно къ числу арабскихъ завоеваній; самое имя его доказываетъ, что онъ основанъ Габрами; *Езда гастъ* на вендекомъ языкѣ значитъ *Богъ-такъ хотѣлъ*.

Жители показали мнѣ очень безстыдными и склонными къ грабежу; можетъ-быть потому, что они болѣе сосѣдей чувствуютъ себя безопасными въ своей крѣпости, и потому осмѣливаются не покоряться властямъ. Хотя я привыкъ къ скорой верховой ѣздѣ, и даже любилъ ее, но былъ совершенно какъ валоманный послѣ двухъ дневнаго путешествія отъ Маера. Хотя я и пробѣжалъ въ эти два дни 16 фарсанговъ, т.-е. 60 миль; но утомленъ былъ не столько разстояніемъ, какъ тряскимъ ходомъ почтовыхъ лошадей.

Жители крѣпости показывали мнѣ мѣсто, гдѣ предки ихъ въ прошедшемъ вѣкѣ совершили жестокую мечь надъ Зели-Ханомъ, братомъ Керимъ-Ханъ-Зенда. Непохожій на брата своего, который по смерти Надиръ-Шаха, правилъ Персією въ качествѣ *Вакила* и отличался человѣколюбіемъ и добротой, Зели-Ханъ былъ жестокъ и угнеталъ народъ. Жители Бадегаста отказались заплатить ему контрибуцію; раздраженный Ханъ, чтобы принудить ихъ къ повиновенію, приказалъ въ присутствіи своемъ сбросить нѣсколькихъ старшинъ ихъ съ крутой скалы, на которой стоитъ крѣпость. Этотъ варварскій поступокъ такъ ожесточилъ прочіихъ, что они схватили Зели-Хана, и оудивъ его на ту же казнь, которой онъ подвергнулъ согражданъ ихъ, выбросили его изъ окна комнаты, выходящаго въ пронасти; въ паденіи своемъ, онъ разбился на части.

Я провелъ безпокойную ночь; мнѣ чудились безпрестанно взрываніе и кровавые постуки, совершенныя въ этихъ стѣнахъ; и всталъ поуутру не освѣженный сномъ. Пока приготовляла лошадей, я сошелъ внизъ по тропинкѣ, желая осмотрѣть у вешешны горы многочисленныя пещеры, находящіяся въ той же скалѣ, на которой построены Бадегастъ. Пещеры

эти большею частію, природныя, пѣскольно распространеныя руками человѣческими; въ нихъ удобно могутъ укрываться толпы людей, а также лошади, мулы и верблюды; потому караваны пристають здѣсь на ночлегъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пещеръ обращены въ *духаны* или лавки, и снабжены всѣмъ необходимымъ для путешественниковъ.

Въ этотъ день, 3 января, я сдѣлалъ 15 фарсанговъ или 56 $\frac{1}{2}$ миль; проѣхалъ чрезъ *Шульестанъ*, отстоящій на 6 фарсанговъ отъ Ездегаста; потомъ Абадѣ, въ пяти фарсангахъ отъ Шульгестана, и прбылъ въ Сурьмѣ, за 4 фарсанга отъ Абадѣ. Я ѣхалъ низменною или зимнею дорогою, которая восточнѣе лѣтней, Ширазской. Страна была не такъ безплодна, какъ въ окрестностяхъ Ездегаста. Абадѣ, хотя и окруженный развалинами и запустѣлыми садами, имѣеть опрятную наружность. Это главный городъ округа того же имени, обнесень землянымъ валомъ, съ башнями и платить Дивану 6,000 томавовъ ежегодной дани.

Общее направленіе этой дороги идетъ къ Юго Востоку; послѣдніе четыре фарсанга лежатъ болѣе къ В. Ю. В. Вокругъ Сурьмѣ земля хорошо обработана и заселена множествомъ деревень.

Въ девяти фарсангахъ отъ Сурьмѣ, прямо къ Востоку, лежитъ городъ *Аберу*, хорошо укрѣпленный; къ нему приписано много деревень. Онъ подлежить теперь управленію Исфагана, къ которой пролегаетъ отъ него степная дорога. Правителъ здѣшній — зять Иль-Хани Фарскаго, по имени Магомедъ Казимъ-Ханъ, лишenny зрѣнія покойнымъ Ферменъ Ферма Фарскимъ за то, что держалъ сторону покойнаго Наибъ Султана, Аббасъ Мирзы, отца нынѣшняго Шаха. 4 января прѣхалъ я въ караванъ серай, стоящій подлѣ огромной земляной насыпи, которая когда нибудь должна быть значительнымъ зданіемъ. Туземцы называютъ ее Гумбедъ-и Берамъ, присовокупляя, что это былъ одинъ изъ восьми потѣшныхъ дворцовъ, построенныхъ знаменитымъ ихъ охотникомъ, Шахъ-Беранъ-Гуромъ. Ночью въ караванъ серай было ужасно холодно; чулочникъ мой былъ безъ дверей и провзвительный вѣтеръ свободно гулялъ въ немъ цѣлую ночь.

IV.

Пріѣздъ въ деревню Мешеди Мургабъ. — Арабскіе поселенці. — Плодородіе Мургабской долины. — Границы. — Рѣка Мургабъ, древній *Медусъ*. — Видъ равнины съ возвышенія. — Георгъ Шахъ. — Тахти Мадрѣ Солиманъ — Общій восточныхъ государей давать аудіенціи на открытой воздухъ. — Зинданъ или Дустахъ Ханъ. — Посѣщеніе гробницы Мешеди Мадрѣ Солимана. — Предполагаемая гробница Кира. — Сопротивленіе Иліатовъ. — Вечеръ, проведенный въ ихъ шатрахъ. — Караванъ Серай Мургабъ, предполагаемое жилище Маджи. — Запечатлѣнный Пиластръ. — Отиртіе солнечныхъ часовъ на бѣлыхъ камешныхъ ступеняхъ Гробницы Кировой. — Иероглифъ. — Перевѣздъ черезъ Ак-Годукъ и долину Каминскую. — Прибытіе въ Сейданъ.

Послѣ утомительнаго пути, въ холодное утро, сначала вдоль долины Кункури, въ направленіи къ югу, потомъ гористою странною, мы наконецъ спустились въ прекрасную долину, обрамленную великолѣпными горами и примыкающую къ деревнѣ Мешеди Мургабъ, въ семи фарсангахъ отъ Дебида. Она обитаема племенемъ Арабовъ, поселившимся здѣсь со времени мусульманскаго завоеванія Персіи. Мужчины очень смуглы, но хорошо сложены, видны и статны. — Нѣкоторыя изъ женщинъ прекрасны собою, съ нѣжными чертами лица. — Погода была теплая и пріятная; всѣ онѣ сидѣли у входа жилищъ своихъ и ткали ковры. Я привыкъ видѣть, что Иліаты и вообще осѣдлыя племена очень грязны, и потому не мало удивился, вида вокругъ себя такую чистоту и опрятность. Единственное неудобство, которое я испыталъ здѣсь, было то, что обязательныя хозяйки, желая приготовить для меня комнату какъ можно лучше, подняли такую пыль, что я долго не могъ войти въ нее, болѣе задохнуться.

Почва земли здѣсь весьма плодородна, потому что хорошо поливается; но недостатку рукъ она мало обработана. Арабы убѣрили меня, что по малочисленности жителей, многія мѣста этой богатой и плодоносной земли уже лѣтъ пятьдесятъ лежатъ нетронутыя плугомъ. На нововспаханной землѣ, хорошо политой, ячмень и пшеница рождаются самъ-двадцать, или двадцать пять; при менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ бываетъ самъ-двѣнадцать или самъ-пятнадцать. Земля Мургабская принадлежитъ Дивану, т. е. казнѣ и отдается, вмѣстѣ съ водою, въ аренду поселянамъ. Диванъ также доставляетъ имъ

сѣмена для посѣва. Изъ прибылаго зерна, земледѣлец платитъ двѣ части владѣльцу земли, а треть оставляетъ за труды, для прокармленія себя и скота своего.

Земля вообще глиниста и потому въ дождливую осеньнюю и зимнюю погоду дороги здѣсь непроходимыя.

Мургабская долина простирается на 4 или 4½ фарсанга отъ востока къ западу, и фарсанга на три отъ сѣвера къ югу. На сѣверѣ она отдѣлена горами отъ пространной долины Кункура; цѣль горъ съ восточной стороны отдѣляетъ ее отъ Байцодскихъ булука, или округа, богатаго плодородными оадами. Другой рядъ высокихъ горъ отрѣзываетъ ее отъ Каминской долины къ югу; Бульверанскія горы запираютъ съ запада и юго-запада, а за ними возвышаются великолѣпныя горы Арканскія, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ.

Во всю длину Мургабской долины протекаетъ рѣка того же имени. * Она вытекаетъ изъ Бульверанскихъ, а можетъ быть даже изъ Ардеканскихъ горъ, орошаетъ южную часть Кункурійской долины отъ запада къ востоку и, протекая близъ караванъ-серая Куна Карсинъ подъ мостомъ, черезъ который я пробѣжалъ на пути изъ Дебда, поворачиваетъ къ югу, исчезаетъ въ горахъ и снова появляется къ Мургабской долинѣ, чрезъ которую течетъ вдоль восточной стѣны, отдѣляющей мѣстечко Мургабъ отъ Байцода. Здѣсь она сворачиваетъ къ западу, пересекая долину до Тенги Сивенда, или Сивендаго ущелья. Прорывая себѣ путь между горъ, въ направленіи къ юго-западу, рѣка Мургабъ снова поднимается въ Гафрексонскій округъ, гдѣ уже получаетъ имя *Польваръ*. Протекая мимо разрушеннаго города Истахра, она входитъ въ долину Мердадтъ; шибъ съ праваго берега Гуссейнъ-Ку и скульптуры Накши Рустама, а съ лѣваго барельефы Накши Роджеба и развалины Тахти Джеминда. Польваръ течетъ черезъ долину къ юго-западу и впадаетъ въ Кумъ Фирузъ (древній Араксозъ), близъ места Нули Хана, служа границею округамъ Мердадтъ съ лѣвой, и Гафрекъ съ правой стороны.

Кромѣ рѣки Мургабъ, орошающей долину, на большаго пространства, въ ней находится много ключей. Капалы также есть

* Та саяга, которую Серъ Робертъ Пертгеръ, въ своихъ *Travels in Persia*, называетъ Кур-абъ, древній Медусъ. (Vol. 1, pp. 494 и 542).

объяснить этотъ край въ разныхъ направленіяхъ, особенно съ западной стороны долины. По причинѣ таковаго изобилія водъ здѣсь находятся превосходныя пастбища, на которыхъ пасутся конскіе табуны.

Сообразивъ всѣ эти природныя выгоды, нельзя удивляться тому, что Мургабская долина съ самыхъ древнѣйшихъ временъ привлекала на себя вниманіе народовъ; величественныя развалины, разсыпанныя по этой землѣ, свидѣлствуютъ о высокой степени образованности тѣхъ, которые воздвигали эти зданія, хотя мы и теряемся въ догадкахъ о томъ времени, когда процвѣтали они?..

Оставивъ одного изъ людей своихъ при выюкахъ въ Мургабской деревнѣ, я взялъ съ собою другаго и еще туземнаго проводника и отправился осматривать достопримѣчательности долины. Мы переѣхали черезъ нѣсколько каналовъ, въ направленіи къ юго западу и приблизились къ двумъ грудамъ камней, называющихся *Гоэръ Шахъ* и образовавшихся прежде, какъ мнѣ сказывали, Аташъ Кадэ (алтарь). Разсмотрѣвъ ихъ ближе помѣщалъ мнѣ быстрый ручей, который переѣхать было трудно, по причинѣ болотистаго свойства земли, поросшей тростникомъ. Потомъ мы поднялись на холмъ, который до сихъ поръ скрывалъ отъ насъ развалины. Арабскій чичероне приготовилъ для меня этотъ сюрпризъ потому, что съ этого возвышенія видъ на долину истинно прекрасенъ. Холмъ расположенъ весьма выгодно для того, чтобы снять виды съ различныхъ развалинъ и деревень, разсыпанныхъ по долинѣ. На вершинѣ его находится пространная площадка. Можетъ быть здѣсь были собраны и преданы огню эти огромныя груды дровъ, о которыхъ упоминаетъ Аппіанъ въ Исторіи Митридатovýchъ войнъ. Персидскіе Государя имѣли обычай приносить подобныя жертвы въ Назаргадѣ. Впрочемъ, я не замѣтилъ никакихъ признаковъ углей.

Противъ этого холма, на одной горѣ, лежащей къ Востоку, возвышается извѣстный Тахти Солиманъ, или Грошь Соломоновъ. Названіе было бы распространяться объ этомъ и въ прочихъ памятникахъ Мургабской долины, уже столько разъ описанныхъ путешественниками. Ограничусь немногими замѣчаніями. Я согласенъ съ мнѣніемъ С. Вильяма Юзле, что Тахти

ти Солиманъ есть тронъ древнихъ царей персидскихъ * или по крайней-мѣрѣ мѣсто, гдѣ они сажались для публичныхъ приемовъ; этотъ обычай совершенно въ восточномъ вкусѣ и сохранился до сихъ поръ. Я часто видалъ, какъ нынѣшній Шахъ, вначалѣ своего царствованія, садился на возвышенномъ холмѣ въ Тегеранской долинѣ, раскинувъ только простое покрывало надъ головою, а иногда и безъ него, чтобы народъ могъ лучше видѣть его. Такъ давалъ онъ свой *селамъ*, или публичную аудіенцію, окруженный дворомъ своимъ, со всѣмъ парадомъ и роскошью восточнаго великолѣпія. Въ это время депутаты отдаленныхъ провинцій государства и начальники кочевыхъ племенъ съ многочисленными свитами собрались поздравить новаго государя со вступленіемъ на престоль. — Такъ вѣроятно гостьдалъ и Киръ въ равнинахъ Пазаргадскихъ, принимая клятвы въ вѣрности и подданствѣ отъ различныхъ народовъ персидскаго племени, равно какъ и отъ представителей покоренныхъ земель.

Огромные камни, изъ которыхъ построены этотъ памятникъ частью бѣлы, частью желтоваты или ржаваго цвѣта; они очень мало или вовсе не полированы, и ни одинъ не имѣеть прозрачности Ездскаго и Марагскаго (обыкновенно называемаго Тавризскаго) мрамора. Проводникъ мой говорилъ, что каменоломни этихъ камней найдены близъ Дебида, фарсанговъ за девять къ сѣверу отъ Мургаба, но не ближе. Срисовавъ этотъ величественный памятникъ прямо и съ боку, мы отправились къ ближайшему монументу, который туземцы называютъ Зинданъ или Дустагъ Ханэ (темница), но антикваріи предполагають, что это жертвенникъ. Онъ походитъ на зданіе, находящееся вблизи Накши Рустама или Персеполиса, называемое Зердуштъ-Ханэ, или жилище Зороастра. Это любопытное четверугольное строеніе — изъ такого же камня, какъ и Тахти Солиманъ; впадины въ стѣнахъ, нѣсколько оправдываютъ слова одного стариннаго путешественника, который сравниваетъ это построеніе съ голубятнями близъ Исфагани, когда ихъ видишь издали; хотя последние вообще круглы, между тѣмъ какъ Зинданъ Ханэ чет-

* См. Sir William Ouseley's Travels in Various Countries of the East. vol. II, page 435.

череугольный. Я такъ занялся разсматриваніемъ и рисованьемъ развалинъ, что позабылъ о времени; вдругъ хватился я, что уже поздно, что до деревни надобно проѣхать шесть миль, и что я не видалъ еще главной достопримѣчательности Мургаба—предполагаемой гробницы Кировой, бѣлаго памятника, виднѣвшагося въ отдаленіи. — Я тотчасъ же рѣшился провести ночь подъ черными шатрами Иліатовъ, которые различалъ въ томъ же направленіи. Прежде чѣмъ отпустить на ночь проводника своего, я повезъ его къ ихъ кочевью, чтобы онъ сдалъ меня на руки шейху или старшинѣ племени, зная что не должно дозрять Иліатамъ этой долины. Потомъ онъ долженъ былъ возвратиться въ Мешеди Мургабъ и прислать ко мнѣ моего чапара и слугу, оставшихся при выюкахъ. Прибывъ въ кочевье, мы были немедленно окружены Иліатами, привлеченными любопытствомъ; и пока они слушали рассказы моего проводника о странномъ френги, я бросилъ поводъ коня моего персидскому служителю, и поспѣшилъ къ близъ стоящему памятнику. — Изъ описаній путешественниковъ я зналъ, что никакому смертному не позволено проникать во внутренность маваоля, въ которомъ, какъ вѣрятъ туземцы, похоронена прахъ матери царя Соломона, что и означаетъ названіе его, Мешеди Мадре Солиманъ. Я боялся, что если меня будетъ провожать какой-нибудь Иліатъ, то не допустить осмотрѣть внутренности этого любопытнаго зданія, чего мнѣ очень хотѣлось. Это четверугольное зданіе, съ покатою кровлей, стоитъ на пирамидальномъ базисѣ изъ бѣлаго мрамора. Чтобы достигнуть дверей гробницы, должно вскарабкаться на семь высокихъ ступеней. Я спѣшилъ сдѣлать это какъ можно скорѣе, но такъ какъ это строеніе, стоящее на высотѣ, очень видно отсюда, то едва я успѣлъ подняться, какъ громкіе крики поразили слухъ мой. Я счелъ бла оразумнымъ удалиться, окинувъ взглядомъ внутренній покой и утѣрившись, что онъ пустъ. * Женщины неистово вопили, мужчины съ грозными тѣлодвиженіями хотѣли сбросить меня со ступеней. Я объявилъ имъ, что не для чего такъ снѣшить, что я сойду и безъ ихъ помощи; и что они такъ расхрабри-

* Я узналъ послѣ, что С. Робертъ Керръ Портеръ, посѣщая внутренность гробницы Кировой съ позволеніи двухъ старухъ, которыя были также хранительницами Тахти Мадре Солиманъ.

лись вѣроятно потому, что я одинъ. Вели я, по слезамъ мѣ, осмѣривши святилище, то сами же они виноваты, зачѣмъ не оказали мнѣ равнѣ; а я, какъ чужестранецъ и френгъ, не обязанъ знать ихъ обычаевъ и обрядовъ вѣры; теперь же, узнавъ, что они особенно уважаютъ это мѣсто, не войду болѣе. Это объясненіе произвело свое дѣйствіе, и толпа стала менѣе горчиться; чтобы обратить ихъ вниманіе на другой предметъ, я прибавилъ, что вѣрно есть какой нибудь мулла для служенія храму; что его обязанность была бы не допускать чужестранцевъ въ гробницу; и замѣтилъ, что вѣрно мулла никогда не забываетъ требовать своего содержанія отъ общины; а когда исполнять долгъ свой, то его и нѣтъ на лицо. Это обмолвилъ Мутавели (хранителя святыни) очень понравилось Илиатамъ; они признавали его совершенно справедливымъ и смѣялись надъ своимъ муллою въ бѣлой чалмѣ, который сначала кричалъ громче всѣхъ, теперь же вдругъ присмирѣлъ. Обратясь тогда къ моему хозяину, старому шейху, который только что пришелъ, я сказалъ ему, что если онъ хочетъ явиться предо мною съ бѣлымъ лицомъ*, то покажетъ бы власть свою и разогналъ буяновъ, которые мѣшаютъ мнѣ срисовать прекрасный памятникъ. Старый Арабъ немнѣжно растолкалъ толпу, которая было раступилась, но скоро собралась снова, желая видѣть мой рисунокъ. Болѣе всего привлечь ихъ вниманіе карандашъ.**

Остатокъ вечера я провелъ довольно пріятно въ шатрѣ шейха. Илиаты приходили къ намъ одинъ за другимъ, и усаживались вокругъ наружныхъ стѣнъ шатра; женщины и дѣти толпились у входа или заглядывали въ отверстіе и скважины. Такъ какъ мы почти подружились у подножія мавзолея, то они сдѣлались очень сообщительны, и хотя обращеніе ихъ было грубо и умъ совершенно необразованъ, но въ рѣчахъ ихъ было много остроты и здраваго смысла. Они разсказывали разные анекдоты, разсуждали о татуированіи женъ своихъ, — обычай очень употребительный въ Персіи — громко смѣялись, распрашивали объ образѣ жизни Европейцевъ и пѣли дикія пѣсни съ аком-

* Персидское выраженіе, означающее быть безукоризненнымъ; явиться же съ чернымъ лицомъ; значить заслужить поноженіе начальника.

** Карандашъ, слово очевидно Турецкаго происхожденія: *Karav* — чернъ; *dash* — камень.

нашишентомъ фламолета. Пѣсни ихъ наиболѣе состояли въ томъ, что они славяли подвиги одного разбойника Мамасевокаго, который приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность между Фарскими горцами; напоследокъ былъ пойманъ и посаженъ въ тюрьму, въ Таширъ, съ старшимъ сыномъ своимъ; тамъ они и дониндѣ содержатся. Его зовутъ Вели Ханъ, а сына его Багеръ Ханъ. Мнѣ придется еще говорить объ этихъ разбойникахъ, потому что я объѣзжалъ края, бывшіе свидѣтелями грабежей ихъ, и посѣщалъ даже племя ихъ, Мамасени. Старый шейхъ, хозяинъ мой, справился мнѣ меньше всѣхъ; въ немъ не было этой грубой откровенности, которую мы такъ часто встрѣчаемъ въ дикихъ сынахъ природы. Онъ поглядывалъ какъ-то фальшиво и мрачно, завернувшись въ войлочную бурку; дамная борода его, окрашенная оранжевымъ цвѣтомъ, упала на грудь. Онъ составлялъ рѣкую противоположность съ открытою наружностію сына своего, тридцати, или тридцати пяти лѣтняго мужчины, котораго я особенно полюбилъ за то, что онъ нѣжно ласкалъ свою двухлѣтнюю дочь; онъ ее няньчилъ и лелѣялъ на колыбельхъ до тѣхъ поръ, пока та незаснула.

Персіане вообще не любятъ дочерей и сочтутъ за обиду, если вы поздравите ихъ съ рожденіемъ дѣвочки.

Ночь уже давно наступила и я потерялъ надежду дожидаться слугъ своихъ изъ Мешеди-Мургабъ; а не желая валяться на грязныхъ подушкахъ своихъ пріятелей, Иліатовъ, я предпочелъ положить голову на сѣдло; тѣмъ болѣе, что въ чупкахъ сѣдла были у меня заряженные пистолеты; — предосторожность не излишняя въ здѣшнемъ краю. Когда гости разошлись, то единственнымъ товарищемъ моимъ въ палаткѣ остался старый осель, который пріютился въ уголку, за грудой мѣшковъ. Ночь была холодна и я порядочно продрогъ въ своемъ легкомъ скюртукѣ.

На разсвѣтъ сынъ шейха повелъ меня въ разрушенный наразанъ-серай, вояругъ котораго разбиты шатры Арабовъ, между тѣмъ, какъ нѣкоторыя семейства со скотомъ своимъ занимали чулачки внутри стропилъ. Говорятъ, что это было жилище *мадлюей*, которые были приставлены на стражу къ гробницѣ Кировой; какъ бы то ни было, но остатки этого зданія гораздо новѣйшей архитектуры, нежели прочія развалины

должны. Остатки воротъ совершенно въ сарацнскомъ стилѣ и на нихъ даже уцѣлѣла арабская надпись, которую я всматривалъ. Я поѣхалъ верхомъ осмотрѣть нѣкоторыя развалины, которыхъ не успѣлъ посѣтить вчера, между прочими пиластръ съ изображеніемъ четверокрылаго ангела, прекрасно срисованнаго С. Робертъ Керръ Портеромъ. Надобно впрочемъ разсматривать очень близко, чтобы различить черты ангела на мраморномъ пиластрѣ. Нѣкоторые Арабы Илиаты, смотрѣвшіе какъ я срисовывалъ это названіе, тогда только узнали о существованіи ее на камнѣ, когда увидѣли конію на бумагѣ. Они признались, что никогда прежде не замѣчали ее, хотя ежедневно посѣщаютъ развалины.

Между тѣмъ мой слуга и чамаръ-шагиръ или почтальонъ прибыли съ лошадьми; однако прежде чѣмъ покинуть эти мѣста, я пошелъ еще разъ поклониться величественному бѣлому мавзолею.

На этотъ разъ Илиаты добровольно провожали меня. Взойдя на ступени, я обошелъ кругомъ верхнее зданіе, и вдругъ замѣтилъ на сторонѣ, обращенной къ югу, солнечные часы на камнѣ, съ арабскими буквами. Стрѣлки не доставало, но утвердивъ на мѣстѣ ея небольшой косячокъ, я объяснилъ удивленному Илиатамъ употребленіе часовъ и совѣтовалъ впередъ не враждовать противъ Френги, которые не только не желаютъ имъ зла, но всегда готовы научить ихъ чемунибудь полезному. Не знаю долго ли они помнили урокъ; но пріатели мои чрезвычайно радовались этому неожиданному открытію. Я долженъ упомянуть здѣсь объ открытіи гораздо важнѣйшемъ, сдѣланномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ католическимъ миссіонеромъ Пропаганды, отцемъ Джіованни; а именно объ открытіи іероглифовъ на мраморныхъ ступеняхъ гробницы Кировой.

Я узналъ объ этомъ только по возвращеніи въ Тегеранъ, и очень жалѣлъ, что пропустилъ случай хорошенько разсмотрѣть ихъ на мѣстѣ, потому что грубый и на память сдѣланный рисунокъ ихъ, который показывалъ мнѣ добрый мастеръ, могъ дать очень неясное понятіе объ ихъ смыслѣ. Желательно, чтобы какойнибудь европейскій путешественникъ, котораго случай или охота за древностями заведетъ въ Мур-

габъ, подарилъ друзей древней Персіи и Египта вѣрнымъ рисункомъ этихъ іероглифовъ.

Судя по рисунку и разсказамъ патера Джіованни, кажется, что на верхней части камня есть длинная фигура, въ наклонномъ положеніи, съ украшеніями на головѣ, между которыми находится птичья голова съ кривымъ носомъ. Внизу другая фигура, стоящая прямо съ распростертыми руками, длинными ногами и собачьей или свиной мордой, съ длиннымъ хоботомъ, простырающимся отъ ея рта до ногъ лежащей фигуры. Не представляетъ ли эта фигура *Гарамі*, или *Сиріоша*, злаго духа (дэва), который, по космогоніи древнихъ Персовъ, приходилъ мучить умершихъ? Позади ее находятся двѣ маленькія фигуры; одна вовсе непонятная, а другая изображаетъ маленькое четвероногое животное, прыгающее на воздухъ.

На другой сторонѣ того же камня есть группа, состоящая изъ шести фигуръ въ рядъ; первыя три, съ лѣвой стороны къ правой, — животныя четвероногія; но какой породы? — это угадать трудно. Первая представлена въ бѣгущемъ положеніи; вокругъ второй обвивается змѣя, голова которой приходится ровно надъ головою животного, изображенного только съ передними ногами; третья можетъ назваться лошадыю, на которой сидитъ грубая, тяжелая фигура. Четвертая фигура нѣсколько походитъ на вышеописанную съ собачьей или свиной мордой и платьемъ, доходящимъ до ногъ. Она держитъ въ рукѣ длинную палку въ горизонтальномъ положеніи. У всѣхъ этихъ четырехъ фигуръ лицо обращено въ правую сторону. Невозможно сказать, что изображаетъ пятая; можетъ быть человѣческой бюстъ до пояса. Шестая и послѣдняя фигура этой группы — опять четвероногое животное, обращающее голову къ прежде описанной; но головы и ноги у обѣихъ повреждены; хвостъ у послѣдней загнутъ къверху.

Я знаю, что такое несовершенное описаніе не можетъ дать удовлетворительнаго понятія; и что камень съ этими любопытными изображеніями требуетъ ближайшаго разсмотрѣнія и точныхъ рисунковъ, прежде чѣмъ можно произнести о нихъ правильное сужденіе. Но, если нельзя составить рѣшительнаго мнѣнія, то можно дѣлать нѣкоторыя догадки; во всякомъ случаѣ, существованіе іероглифовъ въ мургабской долинѣ под-

тверждает мои замѣчанія касательно крылатого изображенія; и именно, что между Персїєю и Египтомъ существовала тѣсная связь въ самыя отдаленныя времена исторїи; по крайней мѣрѣ, со временъ Камбиза, сына Кира, воевавшего въ Египетъ.*

Отъ гробницы Кировой мы ѣхали по долинѣ, около Фарсанга, по направленію къ югу; на половинѣ дороги перѣехали рѣку Мургабъ; потомъ начали подниматься въ гору, держась вдоль гребня горъ, отдѣляющаго Мургабъ отъ Юльге или долины Каминской. Они называются Ак-Гадумъ (Бѣлыя горы), по причинѣ мѣловаго свойства горъ; простираются на разстояніи около Фарсанга въ ширину, и пересѣчены двумя ущельями: первое называется *Темн-Сиввидъ*; черезъ него прорывается рѣка Мургабъ; второе, мѣлое, называется *Темн-Галилекъ*, очень узкое и почти непроходимое. Мы скоро спустились въ Каминскую долину по крутому скату, проѣхали деревню Галлекъ, или Каминъ, — довольно значительное мѣсто и направили путь свой къ ю. ю. в.

Юльге Каминъ простирается на Фарсангъ въ ширину отъ сѣвера къ югу, и на три Фарсанга въ длину отъ запада къ востоку. Это прекрасно обработанная долина, съ хорошими пастбищами; въ ней много деревень; значительнѣйшая изъ нихъ, послѣ Галилека, есть Кала Бегумъ, она обнесена кирпичнымъ землянымъ валомъ. Мы спустились съ другаго гребня горъ похожаго на прежній и ѣхали рулономъ потока, спускаясь о неровные камни, или скользя по нимъ и рискуя ежеминутно сломить себѣ шею. Полялъ дождь и мы промокли до пятки, прежде чѣмъ добрались до ночлега, въ деревнѣ Сѣданъ, лежащей у подошвы горы въ будущѣмъ Гяфректѣ, проѣхавъ прежде деревню *Нору* при южномъ вѣздѣ въ ущелье. Яркій огонь, который я поддерживалъ во всю ночь, высушилъ мое мокрое платье; между-тѣмъ принесемъ блюдо горячаго шавлу — очень кстати, потому что я позавтракалъ весьма несладко: одними гранатами!

Слѣдующее утро было прекрасно, и сердце мое сильно болело при мысли, что я наконецъ увижу развалины Персїе-

* Героглифическія фигуры, здѣсь описанныя, сходны съ тѣми, которыя находятся въ древнихъ, разрушенныхъ городахъ Америки.

дней. — Эти великодушные и таинственные остатки глубочайшей древности! Странная черта природы человека, что онъ всегда стремится впередъ — къ будущему, или озирается на прошедшее. Вся поэзія сердецъ нашихъ посвящена этимъ двумъ точкамъ; настоящее — проза жизни.

.. Путь нашъ лежалъ въ западномъ направленіи, чрезъ долину Гаярекъ, которая граничитъ къ сѣверу тою цѣпью горъ, которую мы переѣзжали наканунѣ, и служить продолженіемъ Гуссейтъ-Ру, гдѣ найдены скульптуры Накши Рустама; высоты Рама-Ку забираютъ ее съ юга. Долина не шире одного фарсана; орошена каналами, проведенными въ различныхъ направленияхъ и обработана; деревни, большою частію, расползены по скатамъ горъ съ сѣвера и юга.

Дружбѣ около подтора фарсанга, мы перебрались чрезъ рѣку Муррабъ, которая здѣсь принимаетъ названіе Цольваръ, вытекающій изъ Сивендскаго ущелья и принимая въ себя ручей, текущій отъ Перу. На противоположномъ берегу рѣки находится Имамъ Заме Абдуллахъ. Еще фарсангъ — и мы въ деревнѣ Хаджи-Абадъ, резиденціи правителя округа Мердаштъ; здѣсь находилъ древній городъ Истахръ.

.. Отъ Хаджи Абада до барельефовъ Накши Рустама одинъ фарсангъ расстоянія; здѣсь я остановился, чтобъ срисовать наружный видъ и просѣтить внутренность царскихъ могилъ, находящихся высоко въ скалахъ; потомъ уже отиравился на ночлегъ въ деревню Гуссейтъ-Абадъ, за полфарсанга далѣе къ востоку.

V.

Скала съ барельегами въ Накши-Рустама. — Четыре царскія гробницы. — Входъ въ первую и третью гробницу. — Описание ихъ. — Подземъ и спускъ. — Родители Даря, погибшія при пощѣхъ посѣтить гробницу. — Гебрское изъясненіе круга, часто находимаго въ рукахъ сазанидскихъ царей на персидскихъ барельегахъ. — Опрежденіе Кости барономъ Сильвестромъ де Саси, сообразное вѣри Зороастра. — Замѣчанія о золотой чашѣ съ фигурой, найденной въ курганѣ близъ Каспійскаго моря, въ отношеніи къ Костямъ. — Различіе между Ираномъ и Аппракомъ. — Ночное посѣщеніе скалы Истахра. — Илиатское кочевье. — Рассказъ о скалѣ и разрушенной крѣпости на ея вершинѣ. — Историческія воспоминанія. — Трѣхосіе ильнянки, приведенныя къ Александру передъ Персеполемъ. — Долина Мердаштъ. — Ея плодородіе. — Накши Каджебъ. — Скалы. — Первое впечатлѣніе развалинъ Тахти-Джемшида.

Скалы, на которыхъ высѣчены барельефы Накши-Рустама,

называются Куги-Гуссейнъ. Онѣ составляютъ продолженіе горъ, лежащихъ къ югу отъ Каминской долины и служащихъ сѣвѣрною границею булуку или округу гафрекокону.

Эти скалы бѣлаго и желтоватаго мрамора очень ровны, съ крутыми скалами къ сторонѣ долины. На этихъ скалахъ древнія поколѣнія передали потомству воспоминанія своихъ славныхъ подвиговъ и образцы познаній въ наукахъ и искусствахъ. Эти скульптурныя скалы составляютъ архивъ вѣковъ. Сюда приходитъ любитель древности поклониться памятникамъ времени минувшихъ; филологъ — разбирать неизвестныя письмена и спасти отъ забвенія языкъ, можетъ-быть, первобытный; здѣсь художникъ возвращаетъ наукѣ правила архитектуры въ ихъ первоначальной простотѣ и величїи, между-тѣмъ какъ историкъ различаетъ различныя династїи въ послѣдствительномъ ихъ порядкѣ, — разбирая различныя стили въ скульптурныхъ остаткахъ.

Самыя древнія скульптуры извѣстны подъ именемъ царскихъ гробницъ. Ихъ всего семь: четыре въ Накши — Рустамъ и три въ Такти-Джемшидъ. Въ первыхъ, какъ полагаютъ, погребены были четыре первыхъ персидскихъ монарха востъ Кира, а именно: Камбизъ, Дарій I, Ксерксъ и Артаксеркс I. Три остальные царя племени Ахеменидовъ погребены были, какъ думаютъ, въ трехъ остальныхъ гробницахъ въ скалѣ Рамедъ, въ Такти-Джемшидъ.

Первая изъ гробницъ накши рустамскихъ, начиная отъ сѣверо-западной стороны горы, была посѣщаема многими путешественниками, потому-что доступъ къ ней легче, чѣмъ къ прочимъ; С. Робертъ Керръ Портеръ подробно описалъ ея внутренность. Я также началъ свой обзоръ съ самой доступной изъ четырехъ гробницъ. Келхуда деревни—Гуссейнъ абалъ, у котораго я остановился, предложилъ мнѣ свои услуги, которыя были очень полезны.

Вышеупомянутыя гробницы Накши Рустама имѣютъ форму греческаго креста; нижняя часть ихъ высѣчена въ скалѣ гораздо глубже, нежели верхняя. Изъ нижняго отдѣленія мой чичероне вскарабкался на каменную стѣну такъ проворно, что внушилъ мнѣ довѣренность. Съ платформы втораго отдѣленія, откуда поперечникъ креста простирается горизонтально, дверь ве-

доть во внутрь горы. Когда Кедхуда достигъ этого пункта, ему бросили снизу веревку; онъ держалъ ее за одинъ конецъ, а другой я обмоталъ вокругъ пояса; такимъ образомъ и былъ поднятъ вверхъ. Путешествіе было не очень пріятно на такую значительную высоту; С. Р. К. Портеръ считаетъ ее около 60 футовъ.

Достигнувъ внутренности пещеры, я замѣтилъ въ глубинѣ ея три ниша со сводами; въ каждомъ изъ нихъ были углубленія, вѣроятно вмѣщавшія въ себя гробъ, закрытый каменною плитою. Въ этихъ плитахъ сдѣланы большія отверстія — изъ любопытства посмотрѣть, что находится внутри? Теперь они пусты, но было время, когда они были наполнены или смертными останками царей, или сокровищами ихъ — можетъ-быть тѣми и другими; потому что, по свидѣтельству древнихъ историковъ, всѣ богатства, накопленные персидскими государями при жизни, погребались вмѣстѣ съ ними. — (См. Страбона XV. 3). Первый грабитель этихъ гробницъ вѣроятно сдвинулъ плиты, не повредивъ ихъ и взявъ то, что хранилось подъ ними, а ихъ самихъ положивъ опять на прежнее мѣсто. Конечно надо исполнскую силу, чтобы сдвинуть плиту; но тѣ, которые шли способомъ разбить стѣну и вломиться въ наглухо заколоченную пещеру, конечно могли еще легче сдвинуть съ гроба каменную плиту. Я останавливаюсь на этихъ замѣчаніяхъ, потому что очень ясно видно, что эти отверстія слишкомъ малы для того, чтобы сквозь нихъ можно было просунуть тѣло; следовательно эти пустыя каменные углубленія не могли бы содержать въ себя ничего, когда были бы первоначально закрыты.

Не знаю, какъ велики были отверстія въ то время когда М. Геркулесъ, упоминаемый Нибуромъ, посѣщала это мѣсто, * но одно изъ нихъ показалось мнѣ довольно велико, чтобы пролѣзть человѣку. Я попробовалъ влѣзть въ средній саркофагъ противъ двери и улепись въ глубинѣ его. Легче вообразить, нежели описать то ощущеніе, когда лежишь въ чужомъ гробѣ! Въ гробѣ я не нашелъ ничего кромѣ бѣлой пыли, сыпавшейся со стѣнъ, при первомъ прикосновеніи. Это мѣсто очень благопріятно для серьезныхъ размышленій; гробни-

* См. Нибуръ: Voyage en Arabie et en d'autres pays circonvoisins, Tom. II.

на накши-рустамская доставила бы Юнгу прекрасную главу Ночных размѣцленій о ничтожности земного владыч. Въ девять углубленій въ третьей пещерѣ были нескрыты; каменныя плиты разбиты и валялись по близости.

Мнѣ хотѣлось посѣтить всѣ гробницы одну за другою; но проводникъ мой увѣрялъ, что я непременно сломаю себѣ ногу и вѣлчески отговаривалъ. Однако обѣщавъ неопытно довести меня еще до одной изъ остальныхъ трехъ, а именно, до третьей, считая съ сѣверо-запада, или до второй съ юго-восточной стороны горы, той самой, въ которой, какъ полагаютъ, погребенъ былъ Дарій Истапъ и которая покрыта куневатическими надписями.

Итакъ, мы отправились, и проводникъ мой снова выказал свое мужество и ловкость. Процессъ подъема по веревкѣ изобрѣлся; но я взялъ предосторожность, прежде чѣмъ двинуться, приставить къ Кадхуѣ помощника, чтобы держать веревку на случай; если я выскользну изъ рукъ его, или повисну на воздухѣ, какъ родители царя Дарія, которые, по словамъ Ктэвіа, намобопытствовали видѣть мѣсто погребенія, приготовленное сыну ихъ еще при жизни его и погибли на мѣстѣ.*

Внутренность этой пещеры не такъ пространна, какъ первой. Ни одинъ покой, ни одно углубленіе не выведено сводомъ, или въ вышнеломанутой. Въмѣсто одной мизаниты, ихъ въ каждой пещерѣ по три, что составляетъ девять каменныхъ углубленій въ одной пещерѣ. Такая ошутительная разница между двумя естественными пещерами, десель извѣстными въ Накши-Рустамѣ, доказываетъ, что хотя наружный видъ ихъ одинаковъ, но внутренность въсѣхъ четырехъ можетъ быть разнообразна; тѣмъ болѣе желательно бы осмотрѣть двѣ остальные гробницы, потому что теперь я личнымъ опытомъ удостовѣрился, что мѣ-

* Дарій, говоритъ онъ, велѣлъ приготовить себѣ гробницу на друкошней горѣ. Когда она была готова, онъ пожелалъ видѣть ее; но Кадхи, а также сын и мать его старались его отговаривать. Сія же послѣдняя оиди захотѣла удовлетворить своему любопытству; оно стало ихъ жизни. Жрецы, подвигавше ихъ на веревкахъ на вершину горы, увидѣвъ зрѣль, такъ испугались, что выпустили веревки. Родители царя упали и убились до смерти. Этотъ случай весьма ошутительн Дарія. Онъ велѣлъ отрубить голову сорока жрецовъ, которые проводили на гору отиди и мать его.

ше С. Р. К. Портера несправедливо, будто бы воѣ эти гробницы совершенно сходны между собою, и будто описаніе одной даетъ совершенное понятіе о всѣхъ прочихъ.

Въ западномъ краю пещеры есть двѣ высокія ступени, изсѣченныя въ скалѣ, а въ сторонѣ служащей продолженіемъ стѣны съ тремя впадинами, существуетъ небольшое углубленіе подъ самымъ потолкомъ. Между этимъ углубленіемъ и ступенями въ стѣнѣ находится трещина, отъ полу до потолка, представляющая отверстіе, сходящее въ самую глубь горы. Оно не искусственное и никогда не могло служить путемъ сообщенія. Проводникъ мой, который былъ не прочь отъ догадокъ, утверждалъ, что это былъ уголокъ, назначенный для жреца, приставленнаго читать молитвы за упокоеніе души погребенныхъ здѣсь покойниковъ. Ступени служили ему сѣдалищемъ, а лампада зажигалась въ ближнемъ нишѣ. Но тутъ является вопросъ: если гробницы были герметически закрыты, какъ можно заключить по всему, чтобъ живое существо могло быть оставлено въ этихъ жилищахъ смерти?

На этой значительной высотѣ вѣтеръ былъ чрезвычайно силенъ, и такъ какъ пространство между входомъ и площадкою, перпендикулярное отвѣсной скалѣ было чрезвычайно узко, то я долженъ былъ держаться близъ самой стѣны входа и выхода, пока дошелъ до маленькой платформы на восточной сторонѣ, составляющей одну изъ горизонтальныхъ частей креста.

Въ первой гробницѣ я нашелъ нѣкоторую пищу для души; здѣсь же потребовалъ пищи для тѣла, и позавтракалъ холоднымъ пилавомъ на платформѣ, пока мой обязательный Кедхуда показывалъ положеніе различныхъ булуковъ или округовъ въ долинѣ Персеполиса.

У ногъ нашихъ тянулся отъ востока къ западу булукъ Гафрексій; къ югу булукъ Мердаштскій, дагѣ къ юго-востоку Курбальскій; къ ю. ю. в. по Ширазской дорогѣ булукъ Зарганскій; въ томъ же направленіи мостъ *Були Ханъ*, при слияніи рѣкъ Польшара и Кумъ Фирюза.

Выдающаяся впередъ возвышенность Накши Рустама препятствовала мнѣ видѣть два остальные округа, а именно: Рамжиръ къ западу и Монъ къ сѣверо западу.

Спускъ былъ труднѣе подъема. Меня и слугу моего Персианца спустили на веревкахъ, обвязанныхъ вокругъ тѣла; конецъ же веревки держалъ оставшійся на площадкѣ Кедхуда; но ему держать веревку было неловко; утвердить ее въ камень не было никакой возможности; и онъ долженъ былъ спускаться самъ, скользя по вертикальной скалѣ, представлявшей очертаніе такихъ уступовъ, за которые онъ бы могъ ухватиться руками, или на которыхъ могла бы утвердиться его нога. Страшно было осмотрѣть, какъ этотъ человѣкъ висѣлъ на воздухѣ, на сорокъ пять футовъ отъ земли, едва касаясь неровностей скалы концами пальцевъ, заботливо осматривая и опухлыми глазами выдающійся камень, будетъ ли онъ въ состояніи сдержать его?..... — Мускулы рукъ и ногъ его совершенно напряглись отъ усилія; малѣйшая судорога — и онъ полетѣлъ бы головою внизъ! — Мы стояли на нижней площадкѣ, все еще на значительномъ разстояніи отъ поверхности земли и смотрѣли, едва переводя духъ горячо молясь Богу объ его спасеніи. Я упрекалъ себя, что увлекъ его въ это опасное предприятие, и если бы отъ нимъ случилось несчастіе, оно во всю жизнь тяготѣло бы совѣсть. Я бы никогда не простилъ себя, что помертвовалъ жизнью человѣка, для чего?... Все такъ не богѣе, какъ для удовлетворенія пустаго любопытства. Но Богъ всегда милосердъ къ своимъ созданіямъ. Наконецъ свѣтъ спустился къ намъ цѣлъ и невредимъ среди грохота *Машаллахъ!* и *Бурикаллахъ!* (Слава Богу!) всего общества, которое во все время его спуска не переставало повторять: *Яхъ Алла!* *Яхъ Али!* (Помоги Боже! Помоги Али!)

Барельефы саваніанской эпохи были такъ часто описаны, что я сдѣлаю только одно замѣчаніе, касательно рисунка, приложеннаго къ путешествіямъ С. Р. К. Портера, № XXIII.

На этомъ барельефѣ, замѣчаетъ авторъ, представлены два владѣнныя, изъ которыхъ одинъ отдастъ, а другой приметъ кругъ или кольцо — знакъ владычества (См. Vol. I, p. 549).

Однажды я показывалъ знакомцу моему, ученому Гебру изъ Езда, рисунокъ который я снялъ съ жертвенника, изобѣннаго въ горѣхъ близъ Бебезана, въ Тенги Саулехъ (я буду говорить о немъ ниже), вокругъ котораго обернуть былъ камень, два конца котораго связаны узломъ; онъ сказалъ мнѣ, что въ

Ездѣ подобныя грамы Парсовъ существуютъ еще и по сіе время. При этомъ случаѣ пріятель мой Парсъ передалъ нѣсколько подробностей.

Всѣ Гебры обязаны носить родъ пояса или шнурка подъ одеждою. Это составляетъ существенное отличіе послѣдователей Зороастрова ученія. Гебры отрекающіеся отъ вѣры зорои и принимающіе магометанскую, разрываютъ священный подсъ,

Это и есть *Кости* или поясъ, о которомъ говоритъ Зендавеста, оканчивающійся двумя кисточками на каждомъ концѣ, означающими четыре времени года; три узелка, завязанные на каждой кисточкѣ, знаменуютъ двѣнадцать мѣсяцевъ. Шнурокъ свить изъ семи-десяти двухъ витокъ, что, по толкованію Гебровъ, составляетъ счетъ государствъ, извѣстныхъ во время Гушенга, перваго ихъ законодателя. Геродотъ говоритъ, что подъ властію персидскихъ монарховъ находилось 72 народа; любопытно замѣтить также, что 72 колонны поддерживали тронъ Джемшида въ Персеполисѣ и что священная книга Парсовъ, называемая *Изешне* или *Ясна* также раздѣляется на 72 главы.

Мобедъ, или верховный жрецъ, даетъ этотъ подсъ каждому Гебру по истеченіи семи лѣтъ; по словамъ же Саддера пятнадцати лѣтъ.

Два жреца, подходя къ жертвеннику, наблюдаютъ слѣдующій обрядъ: рука одного жреца связана съ рукою другого якимъ поимомъ, въ знакъ того, что они дѣйствуютъ согласно, а ишаче и молитвы ихъ не будутъ услышаны.

Чтобы утвердить клятву между двумя договаривающимися сторонами, Гебры связываютъ кольцомъ этотъ поясъ, и каждый изъ договаривающихся держится за него рукою, стоя другъ противъ друга, между тѣмъ какъ концы *Кости* висятъ внизъ.

Нельзя ли объяснить этимъ обычаемъ, и донынѣ существующимъ у послѣдователей Зороастра, символическое изображеніе на барельефахъ Тахти Рустама, Накинъ Режебъ, и Накши Рустама, фигуръ, держащихъ кругъ или кольцо, котораго два конца мотаются на воздухѣ? Можетъ быть оно означаетъ заключеніе мира между двумя независимыми владѣтелями, по обычаю Гебровъ?

Изъ удовольствіемъ выписываю рассказъ о *Кости* Зороастра

де Саси въ «Mémoires sur les antiquités de la Perse p. 164» — Авторъ говоритъ:

«Занимствую эти свѣдѣнія изъ сочиненія Садера, рекомендующаго ученикамъ Зороастра употребленіе *Кости*. Это поясъ, который долженъ носить каждый Парсъ, достигнувъ пятнадцатилѣтняго возраста, и который онъ долженъ надѣвать каждое утро, вставая съ постели. Кости обращаетъ въ бѣгство демоновъ; онъ есть знаменіе соединенія вѣрныхъ. — Всѣ добрыя дѣла человѣка непопсаннаго Кости, ничтожны и не имѣютъ никакой цѣны въ глазахъ закона. Парсъ долженъ завязать четыре узла на Кости; первымъ онъ исповѣдуетъ единого Бога, вторымъ признаетъ истину вѣры Зороастровой; третьимъ свидѣтельствуется цѣль его посланія и призванія; наконецъ четвертымъ исповѣдуетъ твердую рѣшимость свою дѣлать добро, хотѣть добра, помышлять о добрѣ, и убѣгать зла. Самые ангелы являлись царю Меночеру и Зороастру, опоясанные *Кости*! — Послѣ этихъ подробностей, авторъ присовокупляетъ: «Если ты не знаешь *Ирана* и *Анирана*, я укажу тебѣ средство распознавать ихъ. Аниранъ не опоясалъ Кости какъ слѣдуетъ, Иранъ же опоясалъ его и снялъ съ чела своего какъ всѣ добрые люди, усовершенствовавшіеся въ вѣрѣ; онъ надѣлъ Кости, какъ предписано въ истинномъ ученіи.»

Изъ вышесказаннаго мы можемъ заключить, что если наружный отличительный знакъ *Ирана* былъ тотъ, что онъ снялъ *Кости* съ чела своего, значитъ, *Аниранъ* сохранилъ обычай обвивать имъ голову.

Разсматривая памятники древности, мы не должны упускать изъ вида это различіе, довольно важное, потому что, судя по тому, какъ надѣтъ *Кости* мы можемъ судить принадлежитъ ли разсматриваемая фигура къ числу послѣдователей Ормузда, или къ врагамъ Зороастрова ученія. Основываясь на этомъ правилѣ, говорю утвердительно, что человѣкъ, изображенный на кубкѣ, недавно найденномъ въ курганѣ на юго-востокъ отъ Каспійскаго моря и навивающій *Кости* на чело, принадлежитъ къ Анирану, а не къ Ирану.

Еще неизвѣстно, можно ли считать за *Кости* прашу, покрывавшую голову *Марди*, по словамъ К. Курція. Если мы захотимъ отвѣчать утвердительно, то должны предположить,

что эти дикіе горцы, живущіе, по описанію историковъ, въ пещерахъ и неприступныхъ горахъ, не хотѣли принять крашкѣ вѣры, проповѣдуемой Зердуштомъ, и потому удержали отличительный признакъ *Акирана*, именно, *Кости на лбу*.

Не смотря на нетерпѣніе видѣть развалины Персеполиса, я отложилъ поѣздку, до той поры пока осмотрю другія достопримѣчательности въ сосѣдствѣ; величественный же Джемшидъ оставилъ «на закуску.» Между прочимъ мнѣ очень хотѣлось взобраться на вершину Истахра, поднимающаго чело свое на с.-в. отъ Персеполиса, въ надеждѣ посмотрѣть съ этой высоты какъ лучи восходящаго солнца пробиваются сквозь сгроможденныя пиластры и разрушенныя колонны Тахти Джемшида. Кромѣ великолѣпнаго арѣища, которое я общалъ себѣ, мнѣ казалось, что высокая, уединенная скала Истахра есть именно одно изъ тѣхъ мѣстъ, куда усердные ученики Зороастра любили ходить каждое утро, чтобы встрѣтить первые лучи свѣтла, которое они считали чистѣйшимъ, блистательнѣйшимъ символомъ Божества.

Такъ какъ надобно было проѣхать два фарсанга, я оставилъ Гуссейнъ Абадъ въ три часа утра; было еще совершенно темно; Кедхуда служилъ мнѣ проводникомъ. Мы проѣхали долину къ сѣверо-востоку; ночь была холодна; мы продрогли и захватили погрѣться въ кочевье Илиатовъ Амалъ. Кромѣ одного или двухъ шатровъ, гдѣ бодрствовала пастухи, все кочевье было погружено въ глубокій сонъ; но громкій, неумолкаемый лай собакъ при нашемъ приближеніи скоро поднялъ на ноги весь народъ. Засвѣтились огни; длинные тѣни зашевелились тамъ и тамъ, — мужчины, женщины и дѣти, всѣ равно любопытныя высунулись изъ отверстій шатровъ своихъ; нѣкоторые вышли вонъ, чтобы посмотреть, какая причина всей этой суматохи, и сочли насъ сумасшедшими, за то, что ѣдимъ по ночамъ и мѣшаемъ добрымъ людямъ спать.

Прошло много времени прежде чѣмъ мы могли увѣрить ихъ, что я въ самомъ дѣлѣ желаю взобраться на вершину горы; они никакъ не могли понять какая въ этомъ выгода? Наконецъ какъ жасками и обѣщаніями награды мы склонили нѣкоторыхъ илиатовъ показать намъ дорогу на гору.

Это кочующее племя принадлежитъ къ роду Луръ, и было

переселено изъ Лурдистанъ Кучука въ Фарсъ, Агою Мухаммедъ Хамомъ, дядю покойнаго Фетъ Али Шаха. По смерти его, нѣкоторые возвратились въ Загросскія горы, въ прежнія свои кочевья, другіе остались здѣсь.

Подъемъ на гору былъ труденъ; половину дороги мы ѣхали верхомъ; наконецъ тропинка сдѣлалась такъ узка и крута, что мы принуждены были сойти съ лошадей, оставить ихъ и карабкаться на гору пѣшкомъ. Къ счастью разсвѣтало, и мы могли набѣгнуть многихъ пропастей, сіявшихъ подъ ногами нашими. Мы такъ долго вабирались по залучистой тропинкѣ, что солнце взошло высоко, прежде чѣмъ мы добрались до вершины горы и мое желаніе видѣть, какъ оно всходитъ надъ развалинами Персеполиса не сбылось. Я даже не могъ хорошенько и различить ихъ вдали.

Исключая этой неудачи, я не жалѣю, что предпринялъ это путешествіе, потому что оно доставило мнѣ случай рассмотреть любопытную скалу и приобрѣсть правильное понятіе объ этой странѣ.

На Истахрѣ ведетъ только одна тропинка, подобно какъ на Калэ Сеендѣ, въ странѣ Мамасени, съ сѣверовосточной стороны; но она иногда такъ крута, и мѣстами такъ вертикальна, что невольный трепетъ проникаетъ вутника, если онъ взглянетъ внизъ. Каменная стѣна, теперь частью поврежденная, прежде охраняла тропинку, и защищала входъ на вершину. На самой вершинѣ горы, я нашелъ наломанный рычагъ, черепки посуды, кирпичей, битое стекло, какъ бываетъ въ развалинникахъ жилищахъ; это показываетъ, что вершина горы была обитаема. Между горами обломковъ я нашелъ любопытный сосудъ изъ чернаго камня. Онъ имѣетъ овальную форму, съ одного конца остроконечень, съ другаго имѣетъ отверстіе, довольно поврежденное. Внутренность его выдолблена, снаружи же онъ покрытъ насѣченными въ немъ рельефными украшениями; вообще видомъ онъ похожъ на кокосовый орѣхъ такой же величины. Онъ также походитъ на эти большія овалыныя украшения, привѣшенныя на цѣпочкѣ и висящія на бокѣ

лошадей, въ скульптурныхъ изображеніяхъ всадниковъ въ Накши Рустамъ; трудно угадать ихъ назначеніе. *

Далѣе внутрь горы, къ восточной покатости ея, я нашелъ огромный водоемъ, раздѣленный на три части; стѣны выложены камнемъ, полъ вымощенъ. Въ длину имѣеть 205 шаговъ, но ширина неравна. Тающій снѣгъ зимою, дожди въ другія времена года собираются въ этомъ и другомъ водоемѣ, на южной сторонѣ. Это были единственные средства добывать воду на такой значительной высотѣ, потому что въ горѣ нѣтъ ключей. Здѣсь видѣлъ я нѣсколько дубовъ; на высотахъ и въ пещерахъ много дикихъ барановъ и козъ.

— Близъ втораго водоема я нашелъ слѣдующую надпись, высеченную въ скалѣ:

Въ древности крѣпость Истахръ служила иногда государственною темницею. Мы находимъ въ исторіи Персін С. Джови Малькольма, что Зенги, сынъ Саадъ Аттабеда, изъ Фарса, былъ посланъ плѣнникомъ въ горную крѣпость Истахръ, изъ которой былъ освобожденъ только по возвращеніи Султана Джелаледина (Султана Махмуда-Хауризмскаго) изъ Сидна въ Иракъ.

Въ послѣдствіи Удцунъ Гассанъ заточилъ въ ту же крѣпость Истахръ Султана Али Ибрагима Ширау и Султана Шахъ Иманла, сыновей Гейдера (Сефеви); они страдали въ ней четыре года.

Уединенная гора Истахръ есть ключъ къ проходу, открывающему долину Персеполиса со стороны гористой страны Ардеканской.

Я воспользовался возвышенностію этого мѣста, чтобы отмѣтить нѣкоторые направленія компаса, полагаясь на слова проводника и на свой глазомѣръ, чтобы опредѣлять разстояніе.

Съ южной стороны Куль Истахра.

Мѣстъ Чулиханъ и протяженіе рѣки Куль Фирюза, прямо къ югу; разстояніе отъ перваго, отъ 3 до 4 фарсанговъ. На сѣвѣдъ отъ Куль Фирюза лежитъ округъ *Рамасирѣзъ*, граничащій къ западу горнестою страню, составляющею будукъ *Ваза*.

* Серъ Видманъ Юэлъ предполагаетъ, что эти украшенія представляютъ сосуды, содержащія эссенцію,—С. Р. К. Портеръ; что это кисти или украшенія сѣдла; но слѣдуетъ итти въ разсудокъ.

Къ востоку отъ этой рѣки лежитъ округъ *Гафрекъ*. Направленіе отъ горы къ Накши Рустаму отъ с. чрезъ с. ю. с. на разстояніи около двухъ фарсанговъ.

Съ Сѣверовосточной стороны горы Истахра.

Гора *Кумъ Шахрекъ* с. з. чрезъ з. с. з. за два фарсанта. *Кумъ Фирузъ* течетъ въ этомъ же направленіи. Онъ вытекаетъ изъ сѣвжнаго хребта Ардеканскаго, близъ мѣста, называемаго *Рунже Гамбилъ*; это Араксесъ, или Киръ древнихъ; Александръ переходилъ его близъ Персеполиса. Въ долину онъ сливается съ рѣкою *Моннъ*, текущею отъ деревни того же имени, но направленію къ с. с. з. Лѣтная дорога изъ *Исагани* въ *Ширазъ* идетъ чрезъ *Моннъ*.

Горная вершина *Гуссейнъ Ку*, продолженіе *Накши-Руотикскихъ* горъ лежитъ къ сѣверо-западу. Деревни *Гермъ абадъ*, на одинъ фарсангъ, и *Казимъ-абадъ*, на полтора фарсанта; входятся къ с. с. с. чрезъ с.

Мостъ *Пули Но*, чрезъ *Кумъ-Фирузъ*, лежитъ къ юго-востоку, недалеко отъ *Куги Истахра*.

Мостъ, по которому Александръ Великій переходилъ чрезъ Араксесъ, передъ вступленіемъ въ долину Персеполиса, вѣроятно былъ здѣсь же, по близости.

Недалеко отъ *Куги Истахра*, къ юго-востоку, есть гора, совершенно неприступная по крутизнѣ своей; она имѣетъ весьма грозную наружность.

Фарсанга на два, къ западу, есть третья отдѣльная гора, на вершинѣ которой видны развалины древней крѣпости; время не позволяло мнѣ взобраться туда, къ крайнему моему сожалѣнію, потому что это мѣсто еще не было описано ни однимъ путешественникомъ. Оно называется *Куги Шахрекъ*.

Я стоялъ на классической землѣ. Рѣка *Кумъ Фирузъ*, омывающая подошву скалы есть древній Араксесъ; сѣвжныя горы Ардеканскія, изъ которыхъ она вытекаетъ, поставили некогда грозную преграду шествію Александра; но ихъ востатости онъ спустился въ Персію. По всей вѣроятности, въ *Моннской* долині онъ перешелъ мостъ, ведущій чрезъ Араксесъ, передъ входомъ въ долину Персеполиса; и въ этихъ же мѣстахъ происходила трогательная сцена между нимъ и греческими плѣн-

идами, которые вышли къ нему на встрѣчу, когда онъ приближался къ городу.

«Приближаясь къ городу», говоритъ историкъ его, «Александръ былъ пораженъ зрѣлищемъ, которому мало подобныхъ въ исторіи. Это была толпа греческихъ плѣнниковъ, числомъ около 4000, жестоко изуродованныхъ Персами. У нѣкоторыхъ были отрублены ноги, у другихъ руки, или уши; на всемъ тѣлѣ ихъ были выжжены варварскія буквы. Въ такомъ видѣ преданы они были на потѣху своихъ безчеловѣчныхъ враговъ, которые, видя уже и себя самихъ близкими къ покоренію, не смѣли противиться ихъ желанію идти на встрѣчу Александра. Они походили на какія то грубыя изображенія; только жалобы обличали людей. Они болѣе возбуждали слезы, нежели проливали ихъ сами. Казалось всѣ были равны въ этомъ несчастіи, прихотливо поражавшемъ каждого въ особенности; но казни до того были разнообразны, что невозможно рѣшить, который изъ нихъ наиболѣе достоинъ сожалѣнія. Когда они вопіяли, что Юпитеръ, мститель Греціи, наконецъ пробудился, всѣ слушавшіе сочувствовали этимъ страданіямъ, какъ бы своимъ собственнымъ. Александръ отеръ слезы свои и сказалъ имъ: «Ободритесь, вы снова увидите родину, женъ и дѣтей своихъ»... Тогда Александръ разбилъ станъ свой въ двухъ стадіяхъ отъ города.»

На возвратномъ пути, мой умный и разговорчивый Кедхуда говорилъ мнѣ о землѣдиіи вокругъ Персеполиса.

Пространныя и богатыя долины, очень неправильно называемыя Мердаштъ, раздѣлены на разныя булуки, изъ которыхъ собственно Мердаштъ, занимаетъ только нѣкоторую часть; а именно, булукъ близъ развалинъ Персеполиса, или Тахти Джемшида. Пространство между рѣками Польваромъ (Мургабъ) и Кумъ Фирузомъ, или по словамъ древнихъ географовъ, между Медусомъ и Араксесомъ, составляетъ булукъ Гафрекъ. Я упоминалъ выше, что на западъ отъ Кумъ Фируза, или на правомъ берегу ея, лежитъ булукъ Рамжирдъ, а вверхъ по теченію между лѣвымъ ея берегомъ и правымъ берегомъ Монша, находится булукъ Моншъ. Отъ развалинъ городка Истахра, (лежащаго между скульптурными скалами Накши Рустама, и котораго не должно смѣшивать съ скалой Истахромъ) начинается

т. СХХV. — Отд. III. 1/12

будукъ Мердаштъ, простирающійся вдоль лѣваго берега рѣки Польшваръ до самаго соединенія ея съ Кумъ, Фирузювъ въ Нула — Ханъ.

Къ югу Мердаштъ граничитъ этою рѣкою внизъ до Бендамира откуда проведенная черта, до развалинъ Тахти Джемшида или оконечности Ку-Рамда, составляетъ ея восточную границу. Булукъ Курбалъ, или какъ простолюдины произносятъ, Кульбаръ, лежитъ между Куги Рамедомъ и нижнимъ теченіемъ Кумъ Фирюза, который, соединясь съ Польшваромъ, принимаетъ имя Бендамиръ.

Видя, что мой словоохотный пріятель лучше знаетъ булуки Гафрекъ и Мердаштъ, чѣмъ три прочіе, я его подробнѣе о нихъ и спрашивалъ.

Булукъ Гафрекъ имѣетъ 30 деревень, а Мердаштъ 20. Въ обѣихъ булукахъ виѣстѣ засѣвается въ годъ хлѣба около двѣнадцати тысячъ *харваровъ*; харваръ равняется вѣсомъ тому количеству, какое осель можетъ снести на себѣ. Нѣкоторыя только поля поливаются искусственно, другія орошаются дождями. Произведенія поливныхъ полей дѣлятся на три доли: первая принадлежитъ казнѣ, вторая владѣльцу земли, третья наемщику. Отъ казенныхъ земель, называемыхъ *Шахи*, двѣ части взимаются въ пользу Дивана, а третья принадлежитъ наемщику. Съ полей, называемыхъ *Демми*, которыя не поливаются, и въ которыхъ урожай зависитъ отъ сухой или дождливой погоды, Диванъ получаетъ только пятую часть жатвы. Ячмень и пшеница даютъ обыкновенно самъ десять или самъ пятнадцать; во въ хорошо обработанныхъ и поливныхъ поляхъ самъ двадцать или двадцать пять.

Около Новруза, вначалѣ весны, крестьяне собираются и рачнищаютъ каналы, проводящіе воду изъ Польшвара въ поля ихъ. Потомъ они набираютъ Мираба, (утверждаемаго Диваномъ, потому что вода составляетъ собственность казны), должность котораго состоитъ въ томъ, чтобы справедливо дѣлить воду, потребную для каждаго поля, судя по его пространству. Сначала весны до наступленія жатвы, поля поливаются каждую недѣлю. Тотъ же процессъ употребляется и для полей, засѣянныхъ рисомъ; но ихъ не поливаютъ, а наводняютъ: они приносятъ

одну шестидесятъ или одну семидесятъ, тогда всѣхъ ячмень и пшеница приносятъ только одну двадцать.

Почва долины Гафрекской и Мердаштской болѣе глинистая и обильно снабжена водою. Крестьяне употребляютъ два или три рода пшеницы и ячмень черный и бѣлый. Пшеница лучше растетъ въ черноземѣ, а рисъ, горохъ и бобы въ глинистой почвѣ.

Послѣ полудня я отправилъ своего слугу впередъ съ багажемъ, чтобы приготовить ночлегъ въ Кенорѣ, ближнемъ къ Персеполису селеніи, а самъ, съ туземнымъ проводникомъ, отправился осматривать скульптуры Накши Кеджеба, въ горахъ Рамелскихъ. Берегомъ Польвара мы въѣхали въ булукъ Мердаштъ. Недалеко отъ лѣваго берега рѣки находится возвышенная каменная площадка, которая нѣкогда служила, вѣроятно, фундаментомъ большому четверугольному зданію. Камни были взяты изъ близъ лежащей скалы, около Накши Реджеба, представляющей странное образованіе камней. Я вообще замѣчалъ, что пласты гранита лежатъ одинъ другому параллельно и склонены къ землѣ подъ навѣстнымъ угломъ. Здѣсь скала представляетъ волнообразныя линіи, и изгибъ кажется произведенъ снизу какою то тайною силою, которая приподняла пласты съ центра, допуская ихъ спускаться по краямъ.

Будучи приподняты такимъ насильственнымъ образомъ, многіе пласты уступили и обвалились. Это обстоятельство вѣроятно весьма благопріятствовало работникамъ, употребленнымъ при постройкѣ Персеполиса, потому что они могли выбирать камни изъ этихъ природныхъ каменоломенъ, не вырубая въ скалѣ, а только полируя и обтесывая уже готовые.

Скульптуры Накши Кеджеба находятся въ ущельѣ, на полпути между Накши Рустамомъ и Тахти Джемшидомъ. Они состоятъ изъ трехъ барельефовъ: одинъ прямо надъ входомъ въ ущелье, другіе два по правую и лѣвую сторону. Они принадлежатъ къ эпохѣ Сассанидовъ и часто были описываемы.

Неутомимый французскій писатель, г. Евгений Фландень, недавно посѣщавшій эти мѣста, открылъ длинную надпись на языкѣ *Пелески*, которая была скрыта отъ взоровъ вѣтви и листьями дерева, выросшаго въ расщелинѣ скалы.

Уже смеркалось, когда мы отправились из деревни Кенеръ. Проѣзжая полемъ, я взглянулъ на колоннады и гранитныя пиластры высокой платформы Пересполиса къ востоку у подошвы Рамедской горы. Я долженъ признаться, что первое впечатлѣніе, которое она произвела на меня, хотя и пріятное, далеко не соответствовало моимъ ожиданіямъ. Я воображалъ, что буду пораженъ величіемъ этихъ громадныхъ зданій. Конечно, я видѣлъ ихъ теперь въ сумерки и издалека. На слѣдующій день, подѣхавъ ближе, я вполне примирился съ первоначальною своею мыслію, и вознагражденъ былъ сверхъ всѣхъ, самыхъ пламенныхъ моихъ мечтаній. Чѣмъ больше я смотрѣлъ на эти развалины, тѣмъ больше приходилъ въ удивленіе!

=

М А Й, 1854.

НОВЫЯ КНИГИ:

1. **ИЗВРАЖЕНІЕ СОВРЕМЕННАГО СОСТОЯНІЯ ТУРЦІИ**, съ географическомъ, статистическомъ, религіозномъ и военномъ отношеніяхъ. Изъ сочиненія М. А. Убичкии, 1853. Переводъ съ французскаго. (Спб. 1854.)

2. **РУССКІЕ НА ДУНАВЪ И НА ЧЕРНОМЪ МОРЬ** во врѣ(ѣ?)мя войны Россіи съ Турціей 1854 года. (Москва, 1854.)

3. **СОБРАНІЕ СТИХОВЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ про Турокъ, Англичанъ и Французовъ.** (Москва, 1854.)

4. **СТИХИ ПО СЛУЧАЮ ОБЪЯВЛЕНІЯ ВОЙНЫ Россіи съ Турціей и западными державами Англією и Франціей.** Сочиненіе крестьянина Ивана Кругликова. (Спб., 1854.)

5. **О ЦѢННОСТЯХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.** Историческое изслѣдованіе Михайла Заблоцкаго. (Спб., 1854.)

6. **О ВИНТОВЫХЪ ДВИГАТЕЛЯХЪ КОРАБЛЕЙ.** Составилъ Освальдъ Папенгудъ. (Спб., 1854.)

7. **НАСТАВЛЕНІЕ КЪ РАЗВЕДЕНІЮ ГЕОРГИНЦЪ.** Составлено В. Циммерманомъ. (Спб., 1854.)

8. **НАСТАВЛЕНІЕ КЪ РАЗВЕДЕНІЮ КОЗЪ.** Составлено В. Циммерманомъ. (Спб., 1854.)

9. **НАСТАВЛЕНІЕ КЪ РАЗВЕДЕНІЮ ГУСЕЙ.** Составлено В. Циммерманомъ. (Спб., 1854.)

Т. СХХV. — Отд. VI.

1/5

Извлечение изъ сочиненія господина Убичини, подъ заглавіемъ: *Изображеніе современнаго состоянія Турціи*, заключаетъ въ себѣ любопытныя подробности о составѣ нынѣшней турецкой арміи. Одна эта часть и заслуживаетъ въ немъ вниманіе. Прочее или слишкомъ поверхностно, или сильно пахнетъ заказнымъ французскимъ турколюбіемъ, и, слѣдовательно, лишено права на довѣріе. Авторъ увѣряетъ, будто *Коранъ объемлетъ все отношенія жизни религіозной и гражданской*. Изъ чего я замѣчаю, что мосье Убичини никогда не читалъ Корана: тамъ ничего нѣтъ, кромѣ восторженныхъ возгласовъ, общихъ мѣстъ о чело-вѣкѣ, и полемики съ невѣрными жителями Аравіи. А все отношенія жизни религіозной, гражданской, политической, военной, торговой, и прочая опредѣлены *улемами*, то есть «учеными», собственно богословами, частью по яснымъ намекамъ Корана, но наибольшую частью по преданіямъ объ изустномъ ученіи Магомета, сохраненномъ памятью ближайшихъ его учениковъ и сподвижниковъ, и по свидѣтельствамъ современниковъ о *практикѣ Пророка*, о томъ, какъ что при немъ было, какъ водилось въ его маленькомъ владѣніи, какъ поступалъ онъ въ извѣстныхъ случаяхъ, съ какими правилами самъ соображался. Эти два источника всего мусульманскаго права улемы, или ученые, изображаютъ *двумя морями* мудрости. Изъ нихъ-то выведены все постановленія и предписанія систематическаго свода законовъ Оттоманской Имперіи, который водятъ *Мултека-уль-бахрейнъ*, «Сліяніемъ двухъ морей». Улемъ, ученый, есть тотъ, кто знаетъ наперечетъ все статьи «Сліянія двухъ морей» съ существующими на нихъ комментаріями и толкованіями. Коранъ читается лишь *набожными* съ чисто духовною цѣлью. Законъ же — только то, что сказано въ Двухъ Моряхъ. Господинъ Убичини плохо понимаетъ значеніе улемовъ, когда говоритъ объ *организаци* этого *сословія*. Ни сословія, ни организаци нѣтъ ни какихъ. Каждый «ученый» самъ по себѣ «ученый» и для правительства важенъ только въ той мѣрѣ, въ какой уважается *народомъ* за свои познанія богословія и юридическія. Ученые, зани-

мелочіе должности, разумѣется, сообразуются съ организациею того вѣдомства, къ которому должность ихъ относится. Ученые безъ мѣсть — престо частные люди съ познаниями. Они не составляютъ сословія, но, какъ всѣ ученые на свѣтѣ, образуютъ котерін, и главы этихъ котерій, опираясь на свою славу, верѣдке оказываютъ большое вліяніе на правительственныя лица, на ученыхъ по должности, и на самыхъ султановъ. Въ важныхъ случаяхъ вся ученая стая мусульманская, у дѣлъ и не у дѣлъ, поднимается на ноги и кричить вмѣстѣ. Народъ вѣрять ей болѣе, чѣмъ vizирямъ, и вотъ накинѣмъ образомъ *улемы* сильны и опасны. Покойнаго султана Махмуда, который ихъ не слушался и пережилъ разныя учрежденія у христіанскихъ странъ, прозвали они *глуромъ*, и онъ нѣсколько разъ чуть не лаялся престола и жизни. Населенность Турціи, сообщаемая французскимъ авторомъ по послѣдному государственному календарю за достовѣрную, изображена также невѣрно. Всенародно извѣстны въ Турціи страшныя подлоги и утайки переписи 1844 года, и извѣстно также, что Порта не имѣетъ обыкновенія печатать безъ произвольныхъ измѣненій даже того, что она свиходительно принимаетъ отъ пашей за достовѣрное. Въ Европѣ авторъ дѣлаетъ различіе между *мусульманами* и *Оттоманами*, показывая первыхъ 2,110,600, а вторыхъ 4,550,000, а въ Азій всѣхъ мусульманъ называетъ *Оттоманами*. Что же это такое? Въ Оттоманской Имперіи или всѣ подданныя султана, какой бы вѣры и породы ни были, должны быть называемы Оттоманами, какъ въ Россіи всѣ называются Русскими и во Франціи всѣ Французами, и какъ въ самомъ дѣлѣ всѣ жители Турціи именуются официально, или, если *Оттоманы* значить господствующее, правительствующее сословіе, то его во всей имперіи нѣтъ и 400,000 человекъ, и оно всѣми ненавидимо, и Греками, и Аравитянами, и Курдами, и Албанцами, и Славянами, и Тюркименцами, какъ христіанами такъ и мусульманами. Въ улусѣ Османа было всего-на-все 400 семействъ, что представляетъ скромный итогъ 2000 душъ. Всѣ они давно погибли въ войнахъ. Ни кто въ Турціи, кромѣ одного сул-

*

тана, да еще кара-гисарскихъ барановъ, не можетъ вывести роду своего изъ этого улуса. Такъ кого же господиизъ Убийчини величаетъ Оттоманами или Османцами, *Османми*? Оттоманомъ въ Турціи именуется себя всякой, кто хочетъ или кому это нужно; но никто не спрашиваетъ: говорите ли *по-оттомански*? Спрашиваютъ просто: говорите ли вы *по-мусульмански*? Мусульмане и не-мусульмане: другой классификаціи тамъ не принимаютъ. Мусульмане же, говорящіе оттоманскимъ нарѣчіемъ турецкаго языка, изъ которыхъ преимущественно набирается господствующее сословіе, происходятъ всѣ или отъ обусурманенныхъ нѣкогда насильно Грековъ, Славянъ и другихъ бывшихъ христіанъ, или отъ купленныхъ у кавказскихъ горцевъ невольниковъ. Скорѣе могли бы быть приняты разряды по языкамъ. Но къ чему они послужатъ, когда въ иныхъ мѣстахъ христіане говорятъ по-турецки, а въ другихъ мусульмане говорятъ по-гречески, по-славянски, по-албански, и такъ далѣе? Населенность всей Оттоманской Имперіи безъ Египта и Туниса показана въ 27,000,000 душъ, изъ которыхъ ровно половина христіанъ; а съ Тунисомъ и Египтомъ 35,000,000. Населенность Константинополя вѣроятно вычислена нѣсколько ближе къ истинѣ. Въ 1844 году тамъ считали, съ гарнизономъ, 891,000 жителей: въ томъ числѣ 475,000 мусульманъ, 223,000 Армянъ, 132,000 Грековъ, 37,000 Евреевъ и 25,000 иностранцевъ.

Въ 1843 году, при сераскирѣ (*военный голова*) Риза-пашѣ, былъ изданъ фирманъ объ устройствѣ турецкой арміи. Этимъ указомъ измѣнилась прежде существовавшая система вербовки въ рекрутскій наборъ; во всѣ роды войскъ ввели европейская организація; пѣхотѣ, кавалеріи и инженерамъ дали французскій уставъ; въ артиллеріи введены правила прусскаго устава; подъ руководствомъ прусскихъ офицеровъ.

Новая система обнимаетъ службу въ дѣйствующихъ регулярныхъ войскахъ (*низамъ*) и службу въ резервѣ (*редифъ*).

Турецкія регулярныя войска раздѣляются теперь на шесть корпусовъ, называемыхъ станами, ордами, *орду*, и со-

стоящихъ подъ начальствомъ *мушира* (корпуснаго генерала).

Каждая орла или станъ раздѣляется на двѣ дивизіи, подъ начальствомъ *ферики* (дивизионнаго генерала).

Каждая дивизія составлена изъ трехъ бригадъ, въѣренныхъ *лисамъ* (знаменнымъ пашамъ, бригаднымъ генераламъ).

Въ орлѣ считается 11 полковъ: 6 пѣхотныхъ, 4 кавалерійскихъ и 1 артиллерійскій.

Каждый пѣхотный полкъ дѣлится на 4 баталіона восьмьротнаго состава. По уставу, численность баталіона полагается въ 815 человекъ (офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ), а именно:

1	Командиръ баталіона	<i>Бинъ-башм.</i>
1	Старшій адъютантъ	<i>Коласе (?)</i> .
8	Канитановъ	<i>Юзъ-башм.</i>
16	Поручиковъ	<i>Мюлязимъ.</i>
8	Фельдфеблей	<i>Башъ-чаушъ.</i>
32	Сержанта	<i>Чаушъ.</i>
8	Фурьеровъ	<i>Бѣлюкъ-эмими.</i>
64	Капра	<i>Онъ-башм.</i>
640	Рядовыхъ	<i>Неферъ.</i>
29	Музыкантовъ	<i>Мехтеръ.</i>
8	Водоносовъ	<i>Сакка.</i>
2	Хирурга	<i>Джеррахъ.</i>
1	Аптекарь	<i>Эджаджи.</i>
2	Имама	

815

Прибавляя же къ этому числу полковника (*миръ-алай*), подполковника (*каакамъ*) и маіора (*алай-эмими*), получимъ для каждаго полка четырехъ-баталіоннаго состава 3,263 человекъ. Однако на-дѣлѣ число это никакъ не превышаетъ 2,500 человекъ.

Десять рядовыхъ составляютъ капральство, подъ начальствомъ капра (*онъ-башм*, десятникъ), два капральства

составляютъ отдѣленіе подъ начальствомъ чауша (сержанта); два отдѣленія образуютъ взводъ, подъ начальствомъ мюмляма (поручика); два взвода составляютъ роту (белюкь), подъ начальствомъ капитана (юзъ-баша, сотникъ); восемь ротъ или баталіонъ (таборъ) управляются командиромъ баталіона (бикъ-баша тысячкой); полкъ состоитъ подъ начальствомъ полковника (миръ-алай) или подполковника. Завѣдываніе хозяйственною частию, въ каждомъ баталіонѣ, возлагается бикъ-башою на одного изъ офицеровъ.

Различіе въ чинахъ означается знаками ранга (нишанъ), носимыми на шеѣ, и саблею; какъ то, такъ и другое разнится по чинамъ, отъ простаго солдата до муштра; при каждомъ новомъ назначеніи, правительство разсылаетъ, кому слѣдуетъ, новые знаки, на обшль прежде пожалованныхъ.

Каждый кавалерійскій полкъ состоитъ изъ 6 эскадроновъ, изъ которыхъ первый и шестой карабинерные, а четыре остальные пикенерные; каждый изъ нихъ имѣетъ слѣдующій составъ:

1	Капитанъ.	
1	Штабсъ-капитанъ.	
1	Поручикъ.	
1	Подпоручикъ.	
1	Кузнецъ.	
6	Квартирмейстеровъ.	
18	Бригадировъ.	
12	Трубачей.	
110	Конныхъ	} рядовыхъ.
10	Пѣшихъ	

153.

А всего вмѣстѣ со штабомъ полка и нестроевыми, 934 человекъ; дѣйствительно же въ полку можно считать всего 700 человекъ, или по 120 человекъ въ эскадронѣ.

Въ артиллерійскихъ полкахъ состоитъ по 1,200 человекъ и по 12 батарей, изъ которыхъ 3 конныхъ и 9 пѣшихъ; въ нихъ считается 66 полевыхъ орудій и 4 горныя гаубицы.

Такимъ образомъ, дѣйствующихъ войскъ въ каждой ордѣ состоитъ:

Пѣхоты 6 полковъ по 2500 человекъ 15,000 человекъ.

Кавалеріи 4 полка — 700 — — — 2,800 — — —

Артиллеріи 1 полкъ — 1300 — — — 1,300 — — —

20,000 человекъ.

Первая орда, называемая *хасса*, или *собственная*, то есть, гвардія, имѣетъ главную свою квартиру, въ мирное время, въ *Скутари* и *Смирнѣ*.

Вторая орда называется ордою *Дверей Счастія*, *дери-сеа-детъ*. Это гарнизонъ столицы, состоящій подъ непосредственнымъ начальствомъ сераскира (военнаго министра). Главная квартира корпуса, въ мирное время, въ *Константинополь* и *Аригоръ* (въ Малой Азіи).

Третья орда — *румелійская*. Главная квартира въ *Монастырь*, въ *Албаніи*.

Четвертая орда, *анатолійская*, имѣетъ главную свою квартиру въ *Брусель*.

Пятая, или *арабистанская* орда, имѣетъ главную квартиру въ *Дамаскъ* и *Алепо*.

Шестая орда, или *иракская*, имѣетъ главную квартиру въ *Багдадъ* и *Хиджазъ*.

Сверхъ этихъ шести ордъ, существуютъ еще три отдѣльныя бригады: на островѣ *Критъ* 4,000 человекъ, да 3,500 иррегулярныхъ войскъ, и около 600 туземныхъ канонировъ, всего около 8,000 человекъ; въ *Триполѣ* 4,000 человекъ, изъ двухъ полковъ, одного пѣхотнаго и одного кавалерійскаго; наконецъ съ *Тунисъ* то же число; такъ, что во всѣхъ этихъ войскахъ считается до 16,000 человекъ пѣхоты и кавалеріи.

Спеціальныя войска, состоящія подъ начальствомъ *толчубашы*, главнаго пушкаря, *фельдцейхмейстера*, составлены

изъ артиллерійскаго корпуса, въ числѣ 4 полковъ: одного резервнаго и трехъ распределенныхъ по разнымъ крѣпостямъ, въ проливахъ Константинопольскомъ и Дарданельскомъ, по Дунаю, въ Сербіи, въ Архипелагѣ, и на малоазійскомъ и черноморскомъ берегахъ; и изъ инженерной бригады, состоящей изъ 2 полковъ, по 800 человекъ въ каждомъ.

Сведя всѣ части, получимъ:

	Полковъ.	Списочное число.	Строевые.
Пѣхоты.....	36	117,360 чел.	100,000 чел.
Кавалеріи.....	24	2,2416	— 17,000 —
Артиллеріи.....	6	7,800	— 7,000 —
— крѣпостной.....	4	5,200	— 5,000 —
Инженеровъ.....	2	1,600	— 1,000 —
Въ {	Въ Кандіи... ..	4	8,000 — 8,000 —
	Триполи	2	4,000 — 4,000 —
	Тунисъ.....	2	4,000 — 4,000 —
	80	170,376 чел.	146,600 чел.

Столько положено быть непременно, и на столько отпускается денегъ изъ казначейства. Но надо знать Турцію: утаить только треть казеннаго, тамъ почитается за рѣдкую умѣченность, почти за честность. На лицо, до войны, ни въ какомъ случаѣ немогло быть болѣе 100,000. Генералы, въ частныхъ бесѣдахъ, считали обыкновенно 80,000.

Фирманомъ 1843 года срокъ службы въ дѣйствующихъ войскахъ положенъ въ пять лѣтъ, по истеченіи которыхъ солдаты возвращаются на родину и зачисляются на семь лѣтъ въ *редифъ* или резервъ.

Редифъ имѣетъ прусскую организацію; число полковъ въ немъ равно числу полковъ въ дѣйствующей арміи. Эти полки раздѣлены на баталіоны или эскадроны и на роты, съ комплектомъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, которые получаютъ отъ правительства опредѣленное жалованье; они обязаны жить въ городахъ и деревняхъ, посреди солдатъ, и производить имъ учење разъ въ недѣлю, чего одна-

ко они нигдѣ не исполняютъ. Ежегодно, на одинъ мѣсяцъ, редиѣ долженъ, по положенію, собираться въ главную квартиру своей орды для производства большихъ маневровъ. Въ продолженіе всего времени этихъ сборовъ, какъ равно на время пути и обратно, солдаты получаютъ жалованье и пайки.

Каждая орда имѣетъ свой редиѣ, состоящій въ мирное время подъ начальствомъ ливы, который живетъ въ главной квартирѣ орды. Редиѣ первыхъ четырехъ ордъ состоитъ изъ 11 полковъ, организованныхъ совершенно одинаково съ дѣйствующими полками; въ числѣ этихъ 11 полковъ находятся 6 полковъ пѣхотныхъ, 4 кавалерійскихъ и 1 артиллерійскій.

Общая администрація арміи ввѣрена верховному военному совѣту (*дари шурам аскери*). Совѣтъ этотъ собирается въ военномъ министерствѣ (сераскерствѣ), подъ предѣтельствомъ мушира. Въ немъ присутствуетъ мулла военный судья, *казіаскеръ*, который, наблюдая за правильнымъ примѣненіемъ законовъ къ уголовнымъ дѣламъ, представленнымъ въ совѣтъ, имѣетъ право отвергать всѣ рѣшенія, несогласныя съ духомъ мусульманскаго законодательства. Въ составъ совѣта входятъ четыре ферики, четыре ливы и пять гражданскихъ чиновниковъ первыхъ двухъ классовъ. Совѣтъ ревизуетъ всѣ рѣшенія совѣтовъ ордъ, и долженъ заботиться о снабженіи всѣмъ необходимымъ войскъ, включая артиллерію и инженеровъ, состоящихъ въ вѣдѣніи особаго комитета, который въ свою очередь зависитъ отъ артиллерійскаго управления. Вѣдѣнію совѣта подлежатъ вооруженіе, обмундированіе, выдача жалованья, пайковъ, и прочая. Онъ разсматриваетъ смѣты расходовъ, производитъ контроль, заготавливаетъ маршруты, назначаетъ передвиженія войскъ, изслѣдуетъ проекты организаціи и представляетъ на утвержденіе султана списокъ производимыхъ въ слѣдующіе чины генераловъ и штабъ-офицеровъ до адъютантъ-маіора исключительно.

При каждой ордѣ находится особое управленіе, или военное интендантство (*мухасебе*) и военный совѣтъ (*ордунулъ*

меджлиси), имѣющей свои засѣданія въ главной квартирѣ орды, и состоящей изъ генераль-лейтенанта, начальника штаба, двухъ старшихъ генераль-маіоровъ, двухъ старшихъ полковниковъ, военного интенданта или казначея, и гражданскаго чиновника, отправляющаго должность секретаря (*кятибѣ*), въ чинѣ маіора. Сверхъ того, въ совѣтахъ двухъ первыхъ ордъ присутствуютъ муфтіи, по одному въ каждомъ. Эти совѣты имѣютъ своимъ назначеніемъ: получаемаго отъ административныхъ полковыхъ совѣтовъ требованія представлять, съ своимъ мнѣніемъ, верховному совѣту. Они повѣряютъ отчеты своей орды, пекутся о госпиталяхъ, и, съ утвержденія министра, производятъ въ чины, до адъютантъ-маіора.

Наконецъ, для каждаго полка существуетъ такой же административный совѣтъ, составляемый изъ маіора, изъ одного офицера, завѣдывающаго обмундировкою полка, и по одному офицеру каждаго чина, подъ предсѣдательствомъ полковника. Полковой совѣтъ обязанъ вести вѣрные списки кандидатамъ въ унтеръ-офицеры, капралы или бригадиры, и представлять ихъ на утвержденіе начальства. Вѣдомству его подлежитъ также изслѣдованіе преступленій по службѣ военной, но безъ произношенія приговора: право примѣненія закона предоставлено одному верховному совѣту. Онъ только выслушиваетъ свидѣтелей, излагаетъ свое мнѣніе о степени вины подсудимаго, и потомъ провождаетъ дѣло въ главную квартиру.

Бюджетъ арміи простирается до войны до 17,000 рублей, только на жалованье и на содержаніе войскъ; издержки на артиллерію, на крѣпости, и прочая, составляютъ особую статью общаго государственнаго бюджета. Турецкій солдатъ, кромѣ амуниціи, одежды и жалованья, получаетъ еще паекъ (*таинъ*).

Унтеръ-офицеры и офицеры, до чина поручика включительно, также имѣютъ право на паекъ; капитаны получаютъ двойной паекъ; адъютантъ-маіоры четверной, и такъ далѣе, возвышаясь по чинамъ до мушира, который полу-

часть 128 пайковъ. Только, офицерамъ паякъ выдается не натурою, а деньгами, по справочнымъ цѣнамъ, существующимъ въ мѣстахъ расположенія.

Офицеры до чина майора получаютъ отъ правительства также материалъ на бѣлье и одежду.

Одежда войскъ довольно хороша. Головной уборъ состоитъ изъ *фески*, или краснаго колпака, круглою, мѣдною блестящею украшеннаго, не совсѣмъ удобенъ. Вся пѣхота носитъ синий мундиръ съ красными отворотами. Мундиры кавалеріи и артиллеріи различаются по ордамъ; вторая орда носитъ алые кафтаны, третья красные, четвертая коричневые, пятая сизые, шестая голубые. Панталоны у всего войска одинаковые.

Иррегулярныя турецкія войска, или Безалаберныя (*башибозукъ*) остались на прежнемъ положеніи. Это—стадо звѣрей, которое грабить, рѣжетъ и разоряетъ все на своемъ пути по-янычарски и не способно ни къ правильной защитѣ, ни къ порядочному сопротивленію. При внезапныхъ нападеніяхъ оно можетъ быть полезно, какъ пугало. Турецкая публика и турколюбцы имѣли однако, до войны, страшное довѣріе къ непобѣдимости Безалаберныхъ.

Нѣтъ никакой нужды останавливаться и на *Собраніи стиховъ русскихъ поэтовъ про Турокъ, Англичанъ и Французовъ*, которые храбро продолжаютъ перепечатывать въ Москвѣ изъ «Сѣверной Пчелы» и другихъ газетъ, не спрашиваясь у сказанныхъ поэтовъ. Призвательно сказать, я ничего не понялъ, несмотря на двукратное прочтеніе, въ рѣдкостномъ произведеніи литературы и типографскаго искусства, *Русскіе на Дунаѣ и начерномъ Морѣ во время войны съ приложеніемъ очень живописнаго Турка, разсѣвагося на заглавной страницѣ съ длиннымъ чубукомъ и поджатыми ногами. Но Стихи послучаю войны съ Турцію*, крестьянина Ивана Кругликова, показались мнѣ достойными всего нашего уваженія, не только по теплотѣ похвальнаго чувства, которое послало вдохновеніе интересному сельскому поэту, но и по способу, какимъ это чувство выразилось. Разсужденіе господина Напепгуде о *Витовыхъ десятиляхъ кораблей* открыть нѣ-

роятно много занимательныхъ подробностейъ спеціальнымъ любителямъ предмета: но я начинаю не вѣрить въ пароходы, какіе бы то ни были, съ винтами и безъ винтовъ. Отъ нихъ ожидали чудесъ — въ первую морскую войну — а до-сихъ-поръ Англичане и Французы то-и-дѣло оттаскиваютъ съ поприща битвы свои отличные пароходы на буксирѣ попорченными отъ первыхъ русскихъ выстрѣловъ, которые, видно, попадають прямо въ двигательные приборы. Нѣтъ, пару не отнять хлѣба у паруса. Главная польза пароходовъ ограничивается, какъ кажется, ловкостью ихъ въ открытіи непріятельскихъ флотовъ и быстротою въ подачѣ вѣсти. Славное синопское сраженіе служить доказательствомъ этой неоспоримой пользы паровыхъ двигателей. Но машинѣ плохо тягаться съ ядромъ. Она занимаетъ въ суднѣ слишкомъ большое пространство. Ядру легко отскатать ее; и довольно самаго слабого удара: одинъ вышибленный винтъ, одинъ согнутый пруть, останавливають все дѣйствіе судна.

Историческое изслѣдованіе господина Заблоцкаго *О цѣлостяхъ въ древней Руси* значитъ просто — разсужденіе о старинныхъ Русскихъ монетахъ. Ученый изслѣдователь собралъ всѣ подробности, которыя открыли или указали другіе. Но такому *историческому* изслѣдованію, которое желаетъ имѣть видъ «научный» и знать все, что можно въ наше время знать о предметѣ, право не совсѣмъ прилично повторять старинныя добродушныя производства слова *рубль* отъ глагола *рубить*. Послѣ этого каждый въ правѣ ожидать, что *историческое* изслѣдованіе произведетъ тутъ же слово *курица* отъ глагола *курить*. Какъ *рубль*, такъ и *копѣйка*, и *деньга*, и *алтынъ*, и *пулъ* или *пуло* были слова татарскія. Настоящая первоначальная форма слова есть *рубъ* или *рубь*; чтобы, въ противность свойству русскаго выговора, не сказать въ косвенныхъ падежахъ *рубля*, *рубью*, говорится *рубля*, *рублю*, и отсюда именительный грамотный падежъ *рубль*. У простаго народа между-тѣмъ сохраняется ненарушимо первобытная татарская форма *рубъ* или *рубь*. Слитки, называвшіеся *рублями*, происходятъ отъ

китайскихъ слитковъ, называемыхъ ламами. Монголы принесли къ намъ этотъ видъ монеты. Слово арабское *рубъ*, принятое на всемъ магометанскомъ Востоку, значить «четверть», и въ самомъ дѣлѣ *рубль* значилъ у насъ двадцать четыре золотника или *четверть фунта* серебра.... Историческій изслѣдователь не подумаетъ, что гривны, или полуфунта серебра въ слиткѣ, нѣтъ никакой возможности *рубить* для полученія двухъ *рублей*, якобы *отрубковъ*. Какимъ на свѣтѣ инструментомъ можно, и какому волшебнику-мастеру два раза въ жизни удастся, разрубить кусокъ твердаго металла въ 48 золотниковъ такъ, чтобы въ каждомъ изъ двухъ отрубковъ было ровно по 24 золотника? Такіе отрубки нужно непременно отливать въ формы, и потомъ еще скоблить, опилывать, подчищать, покуда получится желаемый вѣсъ. Корнесловіе слишкомъ легко отдѣляется отъ металлической работы: *рубнуло* топоромъ, и вотъ вамъ два *рубля*, по 24 золотника въ каждомъ, аккуратно, безъ фальши и безъ обманства! Я хочу при этомъ удобномъ случаѣ представить корнесловію и историческимъ изслѣдованіямъ одно диковинное выраженіе стариннаго русскаго языка, которое, кажется, еще не дошло до ихъ свѣдѣнія. Въ «Статутѣ Литовскомъ», статьѣ о пеняхъ, почти на каждой страницѣ говорится: *рубль грошей литовскихъ*. Какъ объяснять эти слова посредствомъ своей порубки гривенъ? А это значить: четверть фунта грошей литовскихъ; и въ тѣхъ же законахъ можно найди доказательства, что подъ словомъ *рубль* разумѣли на Руси, такъ же какъ и на Востоку, просто: четверть фунта. Остъ-индская *рубид* (*roupie*) происходитъ изъ того же источника.

Сельскіе хозяева оцѣнятъ, безъ моего вмѣшательства, прекрасныя книжечки господина Циммермана о козахъ, гусяхъ и георгинахъ. Онъ такъ превосходно знаетъ козью физиологію, такъ краснорѣчиво излагаетъ козьи добродѣтели, ласковость, привязанность къ человѣку, которая затмѣваетъ даже собачью, тонкорунность, вкусность, что заставилъ меня душевно полюбить козловъ и козъ. Изъ уваженія къ предмету его страсти, я не хочу даже помнить

того, что слово *капризъ* происходитъ отъ латинской фами-
лии *козловъ*, *сарегъ*. Важность гусей въ чинѣ вселенной до-
казывается, во-первыхъ, спасеніемъ Каммолиа отъ Гал-
ловъ, во-вторыхъ, страбургскимъ пирогомъ, *pâté de foie gras*.
Георгины же всё мы уважаемъ и любимъ.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=

А П Р Ъ Л Ъ, 1854.

НОВЫЯ КНИГИ:

1. СОВРАНИЕ патріотическихъ стихотвореній, написанныхъ разными авторами, по случаю военныхъ дѣятей и побѣдъ, одержанныхъ російскимиъ побѣдоноснымиъ воинствомъ. Собрано П. Клячковымъ (Москва, 1854).

2. ЛЮБОВЬ И ВѢРНОСТЬ, или Страшная минута. Романъ. Сочиненіе В. Васильева (Москва, 1854. Дѣль части).

3. ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЖЕНЩИНЫ. Устройство женскаго организма; его свойства, особенности и потребности; развитіе, возрасты и физиологическія состоянія; сохраненіе здоровья и красоты; воспитаніе. Книга для матерей и воспитательницъ. Сочиненіе В. Дерякера (Сиб., 1854).

4. ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ Александра Томилина (Сиб., 1854).

5. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ. Издавъ Михайль Судіенко, предсѣдатель Временной Коммисіи, Высочайше учрежденной при кievскомъ военномъ, подольскомъ и армянскомъ генералъ-губернаторѣ (Кіевъ, 1853. Томъ первый).

6. ТРУДЫ коммисіи, Высочайше учрежденной при

Университетъ Святаяго Владимира, для описанія губерній кievскаго учебнаго округа (Кіевъ, 1853. Томъ второй).

7. ДРЕВНІЕ АКТЫ И ГРАММАТЫ РЯЗАНСКАГО КРАЯ, собранныя А. И. Пискаревымъ (Спб., 1854).

8. О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХЪ СИЛАХЪ РОССИИ. Сочиненіе тайнаго совѣтника, члена Государственнаго Совѣта, Л. В. Тенгоборскаго. *Переводъ съ французскаго, ординарнаго профессора политехнической экономіи и статистики И. Бернардскаго. Съ дополненіями и измѣненіями втораго французскаго изданія, вышедшаго въ нынѣшнемъ году въ Парижъ (Москва, 1854).*

9. О СИСТЕМАХЪ ХЛѢВОПАШЕСТВА. *Разсужденіе, С. М. Усова, профессора сельскаго хозяйства въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ Университетѣ (Спб., 1854).*

10. УКАЗАТЕЛЬ ПРАКТИЧЕСКИХЪ ПРАВИЛЪ И ЗАКОНОВЪ ПО РУССКОМУ ХОЗЯЙСТВУ. Составилъ и издалъ А. Ивановъ (Спб., 1854).

11. ОПИСАНІЕ ПРЯМОДВИГАТЕЛЯ, изобрѣтеннаго титулярнымъ совѣтникомъ Иваномъ Шенгелидзевымъ для прямолинейнаго возвратнаго движенія въ круговое возвратное, и наоборотъ (Москва, 1854.)

12. КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ изобрѣтеннаго титулярнымъ совѣтникомъ Иваномъ Шенгелидзевымъ, способа предохранять суда отъ опасности попасть на мель и проводить ихъ черезъ меліи легко и удобно (Москва, 1854).

13. КОМНАТНАЯ МАГІЯ, или увеселительныя опыты и фокусы, основанныя на физикѣ и химіи. Сочиненіе Г. Ф. Амарантова (С.-П.-бургъ).

14. ПОЛНЫЙ КАНДИТЕРЪ, составленный изъ двадцати-лѣтнихъ опытовъ въ кондитерскомъ искусствѣ подъ руководствомъ Ивана Ивановича Излера (Спб., 1854).

Нѣтъ ничего скучнѣе, тягостнѣе, даже опаснѣе уединенныхъ бесѣдъ, съ глазу на глазъ, съ незнакомыми или мало-знакомыми лицами. Разговоръ не вяжется. Большею частью, не объ чемъ говорить, и, обыкновенно, изъ немнога сказаннаго въ такихъ случаяхъ, выходятъ сплетни, клеветы и огорченія. Иной человѣкъ, съ человѣкомъ, безъ постороннихъ свидѣтелей, ужасно много думаетъ о себѣ. Онъ тотчасъ хвастается. Онъ хочетъ подать о себѣ высокое понятіе помощью самолюбивой довѣрчивости и коварнаго

чистосердечія. Ему кажется тогда, что онъ властелинъ міра, украшеніе природы, мудрецъ изъ мудрецовъ, и онъ желаетъ довести своего собесѣдника до восторга отъ себя, до преклоненія колѣнъ передъ собою съ безпредѣльнымъ удавленіемъ. Люди давно примѣтили это неудобство двуговорныхъ бесѣдъ, и изобрѣли ассамблеи, маскарады, вечера, балы, рауты, званые обѣды, завтраки à la fourchette, ужины à la Régence, гдѣ бы каждый могъ удобно представлять самого себя не обременяя ближнихъ, гдѣ одно самолюбіе не душило бы другихъ за горло, гдѣ различныя притязанія перемѣшивались бы и растворялись бы такъ благотворно, что ихъ злокачественныя свойства, ихъ ядъ и горечь, были бы почти не чувствительны. Доказано опытомъ, что въ собраніяхъ рождается у людей веселость, то есть, временное забвеніе эгоизма и притязаній, между тѣмъ какъ въ двуговорныхъ бесѣдахъ эти язвы развиваются съ страшною силою; веселость же очень близка къ добротѣ. Собранія выдуманы явственно для того, чтобы дѣлать людей лучшими, хоть на-время.

Я не вижу, почему бы этой прекрасной выдумки не примѣнить къ книгамъ, именно къ новымъ книгамъ. Развѣ книга не человѣкъ? не его дѣйствіе? не его мысль и рѣчь? Книга ни что иное какъ печатный человѣкъ, съ его образованностью, умомъ, склонностями, страстями, вкусами, предубѣжденіями, предрасудками, и если къ книгѣ приложенъ еще портретъ автора, тогда я не понимаю, чѣмъ печатный человѣкъ, оттиснутый на бумагѣ, отличается отъ человѣка непечатнаго, зашитаго въ суконный или шелковый мѣшокъ. А какъ скоро книга—человѣкъ, то съ нею опасно быть на-единѣ: борьба самолюбія человѣка съ самолюбіемъ новой книги, всторонѣ безъ свидѣтелей, должна имѣть очень непріятныя послѣдствія для него или для нея; такія схватки всегда влекутъ за собою злословіе и неудовольствія. Эгоизмъ книгъ такъ же исключителенъ и сердитъ какъ и эгоизмъ ихъ родителей, людей. Каждая новая книга, непременно, думаетъ о себѣ, что она первая книга въ мірѣ и что человѣкъ долженъ ею лишь заниматься, ей одной удивляться. Я давно думаю,

что очень полезно было бы составлять изъ книгъ ассамблеи, или общества, чтобы такимъ образомъ дѣлать ихъ лучшими.

Въ этихъ нестрѣжныхъ собраніяхъ, гдѣ по необходимости встрѣчаются книги разныхъ породъ, физиономій и нарѣдковъ, гдѣ спѣсь и хвастовство принуждены уняться по недостатку въ просторѣ, и книгамъ и людямъ будетъ весело.

Первый опытъ книжнаго вечера мы можемъ сдѣлать сейчасъ. Вы видите сколько назвалъ я гостей. Взглянувъ на эти лица, на эти костюмы — въ заглавіяхъ книгъ есть лицо, платье, и тонъ — не трудно угадать, сколько тутъ можетъ произойти любопытнаго и интереснаго. Вы уже прищѣпаете, какъ къ *Физиологической исторіи женщины* Василія Васильевича Дерякера, хотите поддѣсть *Полный кандидатъ* Ивана Ивановича Излера и завести съ ней разговоръ объ искусствѣ приточивать вареники, безъ чего, по его мнѣнію, физиологическая исторія женщины не достигаетъ своей цѣли; какъ *Разсужденіе о системѣхъ шилломажства* рекомендуется Картины *Производительныхъ силъ Россіи*, какъ проказавшая *Комнатная маія* посмаериваетъ на угрюмная лица Историческихъ *Материаловъ* и *Трудовъ*, надѣясь доказать вамъ необходимость пріятныхъ ученыхъ фокусовъ, и такъ далѣе. Очень занимательныя бесѣды, пренія и споры, могутъ возникнуть изъ подобныхъ сближеній. Сколько прелести, назиданія, пользы, въ этомъ энциклопедическомъ смѣшеніи разнородныхъ свѣдѣній! Если угодно, не трудно было бы сутронтъ и танцевальный книжный вечеръ: я увѣренъ, что *Описаніе прямодвиателя*, предлагаемое господиномъ Шенгелидзевиамъ не откажется прокатить польку съ *Любовью* и *Вѣрностью* господина Васильева и, послѣ польки, поговорить съ нею немножко о чувствахъ.

У нихъ есть столько вещей, которыя нужно было бы передать другъ другу! И онъ и она несчастны. Ни его ни ея люди не понимаютъ. Оно листъ печатной бумаги продѣтъ просто за безцѣнокъ, ни по чемъ, по 1 рублю 50 копѣекъ серебромъ: и никто не хочетъ дать такой бездѣлщины за такое важное изобрѣтеніе! Она просто скромно называется «романомъ» и дѣлится на два крошечные то-

мика.... ей дано самое сладкое заглавіе.... талія у нея такая тоненькая! платье на ней такое розовое!.... и никто не беретъ ея! никто на нее не смотритъ! Между-тѣмъ она тоже сдѣлала изобрѣтеніе, которое, право, стоитъ Прямодвижателя: изобрѣтеніе незабвенное!... изобрѣтеніе никому доселѣ въ голову не приходившее!... несмотря что оно такъ простое. Пользы ея изобрѣтенія неисчислимы.

Это ужасно подстрекаетъ любопытство *Описанія* прямо-движателя.

Но *Любовь и Вѣрность* готова сейчасъ же рассказать-ему свою невѣроятную исторію. Александръ Степановичъ влюбился въ Аграфену Васильевну. Онъ былъ молодой, бѣдный чиновникъ. Она была компаньонка у одной почетной дамы, которая просила Александра Степановича давать уроки сыну ея, Николенкѣ. Аграфена Васильевна и Александръ Степановичъ видѣлись безпрестанно, обожали себя жестоко, но не знали какъ сообщить другъ другу о своихъ чувствахъ. Александру Степановичу нужно было рѣшиться на изъясненіе. Это такая мудреная задача, что онъ и не смѣлъ подумать объ ней. Онъ идетъ совѣтоваться съ другомъ своимъ, Мишелемъ, московскимъ левомъ, отличнымъ молодымъ человѣкомъ, на опытность котораго въ этого роду дѣлахъ можно положиться. Мишель того мнѣнія, что нужно сказать: я васъ люблю! я умираю отъ любви!.... Но Александръ Степановичъ находитъ эту отчаянную мѣру неудобноисполнимую.

Здѣсь-то прелестная Аграфена Васильевна прибѣгаетъ къ своему гевію, и вотъ изобрѣтеніе, которое увѣковѣчитъ ея имя на цвѣтистыхъ берегахъ хрустальной Яузы. Она беретъ панировку, засовываетъ въ нее, вмѣсто табаку, тоненькую записочку съ очень четкимъ и яснымъ признаніемъ въ любви своей я, при первомъ свиданіи, подносить съ несказанною невинностью и граціей перѣшительному Александру Степановичу. Какъ это просто!.... и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ быстро, вѣрно, безопасно въ своемъ неизбѣжномъ дѣйствіи! Электрическіе телеграфы должны спрятаться подъ столъ передъ этимъ удивительнымъ средствомъ сообщенія.

Александръ Степановичъ , воротясь домой , развертываетъ папирску , полученную въ подарокъ отъ Аграфены Васильевны , читаетъ , приходитъ въ восторгъ , и пишетъ ей огненный отвѣтъ . Быстро учреждается между ними пренитересная корреспонденція ; изъ которой раждаются чудныя встрѣчи въ саду , при лунномъ свѣтѣ , изъ которыхъ возникаютъ страшныя тучи громовыхъ поцѣлуевъ . Таково могущественное дѣйствіе маленькой розовой папирски , изобрѣтенной остроумною Грушею!... Это продолжается нѣкоторое время съ вожделеннымъ успѣхомъ , какъ вдругъ одинъ старый и богатый господинъ , по древнему обычаю романовъ , предлагаетъ Аграфенѣ Васильевнѣ свою руку . Сердце говоритъ ей , что несравненный Александръ Степановичъ достоинъ всей возможной любви , но голъ какъ соколъ и въ мужа не годится , и она принимаетъ предложеніе . Самъ Александръ Степановичъ видитъ основательность этого голоса сердца , уступаетъ мѣсто свое богачу , но — подивитесь силѣ новоизобретенной папирски ! — остается вѣрнымъ измѣнницѣ . Мало того : отправляется на Кавказъ искать смерти .

Тамъ , онъ уже попалъ въ плѣнъ къ Черкесамъ — уже почти достигъ своей отчаянной цѣли — какъ судьбѣ благоугодно было придумать для него новое бѣдствіе и новое мученіе : она неожиданно послала ему наслѣдство , которое принудило его выкупиться изъ плѣна!... Вотъ онъ и не нашель , ни смерти , ни даруемаго ею утѣшенія нѣжнымъ и вѣрнымъ сердцамъ мужскимъ , которыя жесвокія дѣвицы вашего вѣка въ такомъ изобиліи отправляютъ ежегодно на Кавказъ . Александръ Степановичъ , какъ богатый человекъ , возвращается въ Москву , и какъ вѣрно-влюбленный имѣетъ полное право надѣяться , что мужъ гениальной Груши умеръ и скоро умретъ , и что онъ овладѣетъ ея рукою . Но въ Москвѣ узнаетъ онъ новую ужасъ : старый мужъ дѣйствительно померъ , по всѣмъ правиламъ романовъ , но Аграфена Васильевна выходитъ замужъ за другаго , за Александрова друга , Владиміра : что совершенно противно положенію . Александръ Степановичъ , по необходимости , остается влюбленнымъ , вѣрнымъ и несчастнымъ до скончанія вѣка . Онъ неутѣшимъ . Ничто въ свѣтѣ не мо-

жетъ изгладить въ его сердцѣ образа гениальной Груши.... Чѣмъ и доказывается, съ одной стороны, волшебное дѣйствіе ново-изобрѣтенныхъ въ Москвѣ чувствительныхъ напиросокъ, а съ другой тотъ несомнѣнный фактъ, что мужчины гораздо, несравненно, постояннѣе и вѣрнѣе женщинъ въ любви, въ противность знаменитой теоріи госпожи Туръ, которая коварство и измѣну помѣщаетъ въ мужскомъ полѣ. *Любовь и вѣрность* знаетъ кромѣ-того, множество прелестныхъ анекдотовъ о тротоарныхъ провожателяхъ красавицъ и очень искусно живописуетъ нравы пьяныхъ лакеевъ.

Въ воздаяніе за эту трогательную исторію, *Прямодвигатель* обязанъ *Любви и Вѣрности* разсказомъ о своихъ собственныхъ злоключеніяхъ. Господинъ титулярный совѣтникъ Иванъ Шенгелидзе въ сочинилъ описаніе прямодвигателя еще въ 1851 году. « Въ январѣ 1852, говоритъ онъ, это описаніе было пропущено Ценсурою и отдано мною, для напечатанія въ одну изъ конторъ агенства и комиссіонерства. Приѣхавъ въ Москву года черезъ два и найдя его не напечатаннымъ, я, на основаніи существующихъ правилъ, вторично представилъ въ Ценсурный Комитетъ, и оно вновь имъ пропущено, въ октябрѣ сего года. Вотъ какъ замедлилось напечатаніе! Адресъ мой: Его Благородію, милостивому государю, Ивану Петровичу Шенгелидзеу, въ заштатномъ городѣ богодуховскаго уѣзда, харьковской губерніи, Краснокутскѣ. Когда я бываю въ Санктпетербургѣ, я останавливаюсь въ квартирѣ № 10 третьяго этажа, въ домѣ Артемьевыхъ, на углу Садовой, Рождественской и Большой Болотной улицъ, Рождественской Части, втораго квартала. Въ Москвѣ о моемъ мѣстопребываніи можно узнать у Петра Осиповича Хрусталева, въ книжной его лавкѣ, на Страстномъ Бульварѣ. Для превращенія прямолинейнаго возвратнаго движенія въ круговое возвратное, и на оборотъ, до сего времени употреблялись въ машинахъ параллелограммы Уатта и Бетанкура. Два эти параллелограма, при всемъ остроуміи изобрѣтенія и славѣ ихъ изобрѣтателей, несовершенно вполнѣ удовлетворяютъ своей цѣли. Я изобрѣлъ способъ гораздо простѣйшій, который поставлю долгомъ

«представить на судъ читателей», и прочая. Словомъ Иванъ Петровичъ изобрѣлъ *Прямодвигатель*, который — хотя еще и не испытанъ — однако, по вѣрности и быстротѣ и могучаго дѣйствія, не уступитъ нисколько незабвенной папироскѣ прекраснѣйшей Аграфены Васильевны.

Кромѣ *Прямодвигателя*, Иванъ Петровичъ Шенгелидзе изобрѣлъ еще *Способъ предохранять судна* отъ опасности попасть на мель, съ которымъ случилась та же печальная исторія: пролежалъ, бѣдняжка, два года безъ напечатанія, по равнодушію людей къ остроумнымъ и полезнымъ изобрѣтеніямъ. Способъ состоитъ въ томъ, что впереди судна должноукрѣпить пустую лодку, а впереди пустой лодки шесть, а впереди шеста колесо, погруженное въ воду. Когда колесо упрется въ мель, шесть толкнетъ колокольчикъ, и лоцманъ долженъ остановить ходъ судна. Если же вздумается провести судно черезъ мель, то надо снабдить его двадцатью поперечными бревнами, торчащими по бокамъ, надъ водою, въ видѣ осей, и на суднѣ имѣть сорокъ большихъ колесъ, съ широкими ободами, въ видѣ барабановъ. Какъ-скоро раздастся предостерегательный звонъ колокольчика, колеса надѣваются на эти оси и судно проѣзжаетъ черезъ мель такъ же легко и быстро какъ паровозъ по рельсамъ: потому что мокрый песокъ, въ водѣ, твердъ какъ желѣзо. Папироска Груши какъ то ни было, немножко хитрѣ этого способа, несмотря на всю его замысловатость. Правда, что Иванъ Петровичъ и не домогается за него безсмертія: онъ будетъ доволенъ *единовременною платою нѣсколькихъ копеекъ съ пуда провозимой на суднѣ владѣ* за право пользоваться его изобрѣтеніемъ, которое, если оно удостоится одобренія читателей, намеренъ онъ описать подробно, съ чертежами и вычисленіями толщины, крѣпости и силы бревенъ и колесъ.

«Собраніе патриотическихъ стихотвореній, собранное Иваномъ Клячковымъ, по случаю военныхъ дѣйствій, одержанныхъ побѣдоноснымъ русскимъ воинствомъ», это собраніе собранное перепечатываетъ себѣ въ Москвѣ сплошь да рядомъ — не знаю по какому праву — стихотворенія, помѣ-

ищущия разными сочинителями въ петербургской «Сѣверной Пчелѣ».

Физиологическая исторія женщины дѣйствительно и несомнѣнно — прекрасная книга, тѣмъ прекраснѣе, что не только дѣльно обдуманна, но и отлично написана по-русски, чего съ физиологіями, обыкновенно рѣдко случается. Коротко сказать: она написана перомъ Василя Васильевича Дерикера. Я не зналъ, что Василій Васильевичъ — такой отличный женскій физиологъ, кромѣ другихъ своихъ преимуществъ, литературныхъ и поэтическихъ. Онъ знаетъ женщину, во всѣхъ ея подробностяхъ какъ мы съ вами знаемъ азбуку. Нѣтъ сомнѣній, что книга его будетъ читана матерями и воспитательницами съ несказаннымъ удовольствіемъ.

Историческія труды господина Томила состоятъ изъ небольшихъ статей, въ которыхъ помѣстилъ онъ собранныя имъ подробности о разныхъ церквахъ и церковныхъ предметахъ въ Петербургѣ, Новгородѣ и Воровѣжѣ, и о нѣкоторыхъ частяхъ города Москвы и города Санктпетербурга, каковы Ямская слобода и Сѣнная площадь. Исторіи и трудовъ тутъ немного, но много добраго чувства и прекрасныхъ намѣреній.

Древніе грамматы и акты рязанскаго края заключаютъ въ себѣ много любопытнаго и полезнаго въ археологическомъ отношеніи: это — превосходный матеріалъ для исторіи стариннаго русскаго права. Точно такимъ же достоинствомъ отличаются и кievскіе *Матеріалы для отечественной исторіи*, съ тою только разницею, что археологическій и юридическій интересъ ихъ ограничивается малороссійскою мѣстностью. *Труды Коммисіи*, Высочайше утвержденной для описанія губерній кievскаго учебнаго округа, принадлежатъ также къ разряду матеріаловъ, но являются высшее, болѣе общее, и верѣдко непосредственное, учебное занятіе. Кромѣ приношеній въ пользу ботаники и зоологіи округа, приношеній предназначенныхъ къ будущему употребленію въ науки, въ этотъ второй томъ вошла двѣ небольшія, но очень любопытныя статьи, кото-

рыя могутъ доставить частыя и рѣшительныя примѣненія во многихъ изслѣдованіяхъ: одна, господина Тарновскаго, « О дѣлимости семействъ въ Малороссіи », а другая господина Волошинскаго, « О древнихъ русскихъ монетахъ, найденныхъ близъ Нѣжина ». Господинъ Тарновскій подвергнулъ строгому статистическому разбору народонаселеніе довольно значительной мѣстности, для которой имѣлъ онъ подъ рукою самыя вѣрныя численныя данныя, именно, селеніе Потокъ, отъ имени котораго происходитъ фамильное прозваніе графовъ Потоцкихъ. Въ этомъ селеніи 2,630 душъ обоего пола. Онъ раздѣляется на 510 семействъ; слѣдовательно по 5 съ небольшою дробью душъ на семейство. Въ этомъ итогъ :

Мужчинъ	1,269 — (49%).
Женщинъ	1,362 — (51%).
Рабочихъ, отъ 16 до 60 лѣтъ возраста.	1,401 — (53%).
Малолѣтнихъ, отъ 1 года до 16	1,137 — (47%).
Устарѣлыхъ, отъ 60 лѣтъ и далье	93 — (3%).
Способныхъ къ работѣ по возрасту, но неспособныхъ по недугамъ.	34.
Въ томъ числѣ :	
— калекъ	24.
— эпилептиковъ	6.
— слѣпыхъ	3.
— съумасшедшихъ	1.

Какъ нерабочіе составляютъ почти половину всего народонаселенія, то послѣднія числа, для полученія среднихъ данныхъ, нужно удвоить. Такимъ образомъ на 2,360 душъ приходится одержимыхъ падучею болѣзнею 12, или 1 на 800 человекъ; слѣпыхъ 6, или 1 на 600; съумасшедшихъ 2, или 1 на 1,200, калекъ отъ природы и по частнымъ случаямъ 48, или 2 на 100.

Мужчинъ, способныхъ носить оружіе, отъ 18 до 48 лѣтъ, будетъ поэтому около 400, или шестая доля всего народонаселенія, и Россія въ нужномъ случаѣ могла бы найтти у себя 10,200,000 дюжихъ и здоровыхъ защитниковъ.

Господинъ Волошинскій разбираетъ и описываетъ нѣжинскій кладъ, въ которомъ найдены древнѣйшія русскія монеты, Владиміра Великаго, Ярослава, Святополка, Юрія, положительно русскихъ и кievскихъ государей. Для подтвержденія показаній лѣтописей памятниками это — очень важное приобрѣтеніе. Серебряная монета Владиміра Великаго представляетъ изображеніе особы, сидящей на престолѣ, лицомъ прямо, въ широкой мантии, застегнутой на правомъ плечѣ; голова окружена круглымъ сіяніемъ, на головѣ діадема, украшенная жемчугомъ, съ крестикомъ наверху; въ правой рукѣ длинный крестъ; лѣвая покоится на груди. На оборотѣ какой-то штемпель—родъ тамги—фигура съ тремя концами выходящими изъ разныхъ сплетеній. Монеты другихъ трехъ князей—въ томъ же родѣ. Обыкновенная надпись: съ правой стороны, возлѣ изображенія князя—Володиміръ, Ярославъ, Святополкъ или Юрій на столъ (на престолѣ)—*A se ego серебро*, на оборотѣ, вокругъ штемпеля. Ободокъ «серебреника» состоитъ изъ круга точекъ. Во всемъ этомъ чеканѣ видно подражаніе кумизмамъ восточно-римскимъ, или такъ называемымъ византійскимъ.

Сочиненіе Л. В. Тенгоборскаго, *О производительныхъ силахъ Россіи*, такъ знаменито и за границею и въ отечествѣ, что нельзя ограничиться простымъ лѣтописнымъ донесеніемъ о переводѣ его въ Москвѣ. Мы должны въ слѣдующемъ мѣсяцѣ заняться «Производительными силами Россіи» въ особенной статьѣ.

Изъ *Указателя практическихъ наблюденій* по сельскому хозяйству вы научитесь удивительнымъ вещамъ. Если, во время посѣва, у жуковъ подъ брюшкомъ много яичекъ, то будетъ урожай на хлѣбъ. Если на Рождество, въ ночь, много звѣздъ на небѣ, то слѣдующимъ лѣтомъ будетъ много гороху на землѣ. Если кошка спитъ подвернувъ голову подъ брюхо, то ожидай зимою морозовъ, а лѣтомъ ненастья. Какъ же это? морозъ — слѣдствіе сухости воздуха, а ненастья предшествуетъ сырость: какъ же кошки-то не сообразятъ того, что или въ томъ или въ другомъ случаѣ онѣ врутъ по-напрасну подвертываютъ голову подъ брюхо. Въ другомъ мѣстѣ, напротивъ, «Указатель» указываетъ, что

передъ ненастіемъ кошки, не спать, а чистятся. Вся книжка состоитъ изъ такихъ наблюдений.

Комнатная маія своей стороны знаетъ истинно изумительные фокусы. Напримѣръ способъ зажечь свѣчу волшебствомъ, безъ огня: приготовьте сосудъ кислороднаго газа; это можно сдѣлать въ два дня, не болѣе, съ пустою издержкою, на приборы и на матеріалы, какихъ нибудь сорока или пятидесяти рублей; когда все готово, задуньте горящую свѣчу и тотчасъ же, пока еще свѣтильня не остыла, погрузите свѣчу въ сосудъ съ кислороднымъ газомъ: свѣчка мгновенно воспламенится, къ великому удивленію зрителей. Другой способъ, несколько по-дешевле и по-удобнѣе, но не менѣе волшебный: возьмите сѣрную фосфорную спичку — сотня такихъ спичекъ стоить пять копѣекъ — потрите ее и придвиньте къ свѣтильнѣ: свѣча мгновенно воспламенится, къ великому удивленію вашего кармана.

Сумароковъ и современная ему критика. Сочиненіе Н. Булича. Сиб., 1854. Въ 8-ю д. л. XIV и 288 стр.

Исторія русской литературы еще не достигла полноты. Какъ много остается еще сдѣлать по этой части, видно изъ того, что даже писателю съ такимъ громкимъ и популярнымъ въ свое время именемъ какъ Сумароковъ, не отведено еще приличнаго мѣста въ ряду явленій нашего литературнаго развитія. Слабое благоговѣніе современниковъ смѣнилось сначала хохотомъ, которая выказывалась робко и нерѣшительно, потому что имя писателя читалось еще по преданію; потомъ гениальность творца *Семиры* была подвергнута сомнѣнію, — и наконецъ, на основаніи новыхъ эстетическихъ понятій, Сумароковъ, какъ неудовлетворяющій имъ, былъ безапелляционно осужденъ: за нимъ оставили только его беззащитное самолюбіе и самохвалство, его дерзость — качества, исключающія никакого права на дипломъ замѣчательнаго писателя. Какъ первое безусловное поклоненіе, такъ и судъ новой критики; будучи крайностями, не могли уяснить настоящаго значенія Сумарокова и опредѣлить ему ту ступень въ исторіи нашей словесности, которая принадлежитъ ему по-праву. Опредѣленіе это зависитъ отъ критики исторической, которая каждая

умственное явленіе разсматриваетъ какъ плодъ извѣстнаго времени, развившійся на извѣстной почвѣ; разсматриваетъ съ точки зрѣнія не нашихъ, а тогдашнихъ требованій, и произноситъ судъ свой по изслѣдованію взаимныхъ отношеній между писателемъ и обществомъ, въ которомъ онъ жилъ. Историческая критика, еще такъ недавно пустившая корни въ нашей литературѣ, успѣла уже внести нѣкоторый свѣтъ въ область русской словесности прошлаго вѣка, и отъ нея-то ждемъ мы современемъ полной и стройной картины послѣдовательнаго развитія нашей умственной жизни. Критика отрицательная, отвергавшая всякое достоинство въ явленіяхъ, не подходившихъ подъ ея современную мѣрку, имѣла у насъ свое историческое значеніе, какъ реакція безразборчиваго преклоненія впередъ старыми авторитетами. Сдѣлавъ свое дѣло, она должна была уступить мѣсто новому, болѣе-спокойному, примиряющему направленію. Къ-несчастію, во время рьянаго господства ея, одна изъ самыхъ существенныхъ сторонъ изученія литературы была выпущена изъ виду: это — собраніе и изслѣдованіе фактовъ, безъ которыхъ всѣ критическія умозрѣнія шатки и бесполезны. Такимъ образомъ критикамъ новаго, историческаго направленія выпала на долю двойной трудъ: имъ приходится въ одно и тоже время быть и каменотесцами, и архитекторами. Такая задача не всякому по силамъ, и потому — признаемся — мы съ большимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ въ настоящее время опыты простой обработки матеріаловъ, нежели окончательные-произносимые приговоры и опредѣленія. Подобныя приговоры возможны теперь только надъ писателями второстепенными — имѣвшими узкій кругъ дѣйствія и ограниченное вліяніе, или представляющими исключительнымъ и однимъ явленіемъ въ области литературы. Возсоздать исторически во всей полнотѣ личности писателей, у которыхъ была широкая сфера дѣятельности, тѣсная связь съ обществомъ своего времени, и обильное вліяніе на литературу, писателей; стоявшихъ въ главѣ извѣстнаго направленія, извѣстнаго литературнаго періода — это, во нашему мнѣнію, пока еще невозможно. Возьмемъ для примѣра Ломоносова, для оцѣнки котораго сдѣлано больше, чѣмъ для кого-либо изъ писателей прошедшаго столѣтія. Величественная фигура его рисуется

передъ нами довольно ясно, и довольно хорошо знаемъ мы его какъ человека и какъ писателя; но опредѣлено ли вообще вліяніе его на ходъ нашей литературы? Бѣтъ только попытки опредѣлять его; но попытки эти всё болѣе или менѣе похожи на гулянье по общимъ мѣстамъ... И это не можетъ быть иначе, пока всё мелкія явленія, составляющія самое такъ сказать тѣло литературы, не будутъ приведены въ ясность, и въ каждомъ изъ нихъ не будетъ опредѣлена степень его зависимости отъ болѣе сильнаго и крупнаго явленія. Г. Буличъ совершенно правъ, говоря въ предисловіи къ своей книгѣ, что въ русской литературѣ, между немногими громкими именами, какъ между свѣтлыми звѣздами, лежатъ еще «по-видимому темныя, непроглядныя пространства». — «Но въ мірѣ нравственныхъ явленій (продолжаетъ онъ), къ числу которыхъ принадлежитъ и литература, такихъ темныхъ и пустыхъ пространствъ нѣтъ. Они полны въ свою очередь разнообразными, хотя съ перваго взгляда и мелкими, прежде ускользавшими отъ исследователей, фактами. Сознаніе о наукѣ которой литературы выросло до того въ настоящее время, что она перестала уже пренебрегать мелочами, которыя живутъ право на ея вниманіе, потому что родились на живой почвѣ, въ свѣдѣніе извѣстныхъ условій, и пронизаны живымъ содержаниемъ. Такъ, придетъ время, когда мы сознательно познакомямся со всею нашею переводною литературою, со всею огромною массою теперь забытыхъ старыхъ и новыхъ, оригинальныхъ и переводныхъ театральныхъ произведеній, съ журналами прошлаго и нынѣшняго вѣка. Эти дѣйствительныя и живыя стороны литературы познакомятъ насъ съ общественнымъ развитіемъ эпохъ, ими выражаемыхъ. Какъ въ журналахъ, такъ и въ театрѣ и въ переводахъ открываются извѣстныя направленія общества, требованія современности, вкусъ общества; исторія такой литературы получаетъ болѣе и болѣе полное значеніе, принимая въ себя содержанія духовныхъ потребностей общества и придвигаясь ближе и ближе къ нему. Библиографіею своего рода литературная статистика, представляетъ несомнѣнною огромный запасъ матеріаловъ и соображеній для обраб. ботки.»

Сумароковъ принадлежитъ къ числу писателей, принадлежнхъ

наибольший кругъ мнѣнія въ нашей литературѣ; странно, что несмотря на обширную популярность его въ свое время и на сильное уваженіе слѣдующаго поколѣнія, о немъ было писано очень мало. Свѣдѣнія, дошедшія до насъ о жизни его и личныхъ отношеніяхъ къ современникамъ, большою частію отрывочны, и біографу, желающему составить изъ нихъ нѣчто по возможности цѣлое, предстоитъ много труда. Такой трудъ задалъ себѣ г. Буличъ въ первомъ отдѣлѣ своего сочиненія, справедливо говоря, что «самая жизнь такихъ людей, какъ Сумароковъ, представляетъ особенный интересъ, переноситъ насъ въ совершенно иную эпоху и показывая, какъ въ нѣкоторое время общество смотритъ на писателя». Нѣсколько далѣе біографъ жалуется на бѣдность постороннихъ свѣдѣній о жизни Сумарокова и называетъ «существеннымъ и почти единственнымъ матеріаломъ» собственныя его сочиненія. Мы должны, къ сожалѣнію, замѣтить, что г. Буличъ воспользовался и этими немногими свѣдѣніями далеко не въ той мѣрѣ, въ какой должно было того ожидать, и написанная имъ біографія Сумарокова требуетъ многихъ дополненій.

Подтвердимъ наши слова доказательствами.

О родѣ Сумароковѣвъ говорится слишкомъ мало, а это замѣтный недостатокъ въ біографіи писателя, который преподаденію своему обязанъ и образованіемъ, и карьерою. Сочиненія Сумарокова, на которыя г. Буличъ указываетъ, какъ на одинъ изъ главныхъ источниковъ, могли бы доставить ему живую картину объ одномъ изъ ближайшихъ предковъ Сумарокова, и она была бы, по нашему мнѣнію, гораздо любопытнѣе гадательныхъ соображеній о домашнемъ воспитаніи стараго вѣка, которое, какъ говоритъ и сама авторъ, вовсе не отражалось въ произведеніяхъ писателя. Нѣсколько далѣе г. Буличъ говоритъ, что «въ корчусе Сумароковъ вынесъ первое впечатлѣніе, сила котораго не изгладилась во время его дѣятельной жизни. Это тяжелое впечатлѣніе было вызвано отношеніями его къ подъячмъ, представителямъ одной изъ самыхъ темныхъ сторонъ русскаго общества прошлаго вѣка, исчезнувшей при паденіи Свода Законовъ». Разсказъ самого Сумарокова: *О дум-*

ломъ дѣлѣ, который съ женою взялъ пятьдесятъ рублей, навелъ г. Булича на мысль, что въ этомъ случаѣ, относящемся къ тому времени, какъ Сумароковъ былъ еще молодымъ, лежитъ зародышъ жестокихъ нападеній сатирика на современныя крѣпостворцевъ. Если биографъ считаетъ рассказъ этотъ достовѣрнымъ (сомнѣваться въ томъ нѣтъ никакого повода), онъ не долженъ былъ говорить о немъ въ двухъ трехъ строкахъ: тѣмъ болѣе, приписывая рассказанному случаю такое глубокое впечатлѣніе на Сумарокова, что онъ хранилъ его во всю жизнь. При скудости біографическихъ источниковъ, ими нельзя пользоваться такъ поверхностно. Неужели г. Буличъ считалъ болѣе умѣстнымъ повторить въ біографіи Сумарокова всѣмъ извѣстныя свѣдѣнія о началѣ русскаго театра, къ которымъ не прибавилъ ничего новаго? неужели рассказъ Сумарокова, полный такихъ характеристическихъ чертъ, рисующихъ современные нравы, занялъ бы слишкомъ много мѣста въ его книгѣ? Г. Буличъ не жалѣеть мѣста въ другихъ случаяхъ: такъ представляетъ онъ на одной страницѣ вовсе ненужное и нелюбопытное исчисленіе переводныхъ статей Козицкаго въ *Трудолюбивой Пчелѣ*, на другой говорить о какомъ-то историкѣ Никитѣ Исаковѣ (Ивановѣ?)... Мы считаемъ себя вправѣ сдѣлать г. Буличу упрекъ за упоминаніе такихъ лицъ, какъ этотъ историкъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ Сумарокову: мы не встрѣчаемъ въ монографіи ни полслова о матери Сумарокова, хотя, наприимѣръ, даже просто сказать, что она была урожденная Приклонская, важнѣе, чѣмъ сообщать свѣдѣнія о Никитѣ Ивановѣ.

Жаль, что г. Буличъ, сознающій, какъ мы видѣли изъ предисловія къ его книгѣ, важность бібліографическихъ изысканій, ограничился краткимъ и необстоятельнымъ описаніемъ поэтическихъ поздравленій отъ Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса (1735, 1736, 1737 и 1738). Если и нельзя опредѣлить, что именно принадлежитъ въ нихъ Сумарокову, то во-всякомъ случаѣ они любопытны, какъ бібліографическая рѣдкость. Найденныя г. Буличемъ двѣ оды Сумарокова (1740), которыя слѣдуетъ считать первыми напечатанными произведеніями его, также описаны недовольно полно (не указано даже числа стра-

никъ), что необходимо было сдѣлать тѣмъ болѣе, что нѣтъ описанія нѣтъ ни въ одномъ библиографическомъ указателѣ.

Эти двѣ оды дали автору возможность сдѣлать слѣдующія замѣчанія о началѣ у насъ метрическаго стихосложенія: «Разсчитывая эти первыя произведенія Сумарокова съ вѣдѣнной стороны, мы легко увидимъ доказательство того, что до появления первой оды Ломоносова, Сумароковъ писалъ по старымъ литературнымъ преданіямъ и не былъ вводителемъ у насъ метрическаго стихосложенія. Конечно въ стихотворныхъ произведеніяхъ Тредьяковскаго можно болѣе или менѣе видѣть уже чисто метрическія строфы, но дѣло въ томъ, что неостычивость личной природы стихотворца и тяжелый складъ стиховъ, мѣшали вліянію его произведеній, и отнимали у нихъ то значеніе, котораго они заслуживали». Странно, что вслѣдъ за этими дѣльными строками авторъ говоритъ: «Какъ бы то ни было, однакожъ, Ломоносовъ могъ быть и былъ его (Тредьяковскаго) ученикомъ (конечно, въ стихотворствѣ). *Взда съ Острова Любен* вышла въ 1730 году». Да чему же могъ учиться Ломоносовъ въ *Вздѣ съ Острова Любен*? Ужъ разумѣется не метрическому стихосложенію, потому что стихи въ романѣ Тредьяковскаго syllabические:

«Въ семь нѣсть море не лихо,
 Какъ бы самой малой потокъ.
 А преслѣдній зефиръ тихо,
 Дыша отъ воды невысокъ,
 Чинитъ шумъ пріятной весна
 Во играхъ съ волнами», и проч.

Говоря о пѣсняхъ Сумарокова, сочиненныхъ имъ еще въ кѣрпусѣ, г. Буличъ даже не поименовываетъ ихъ, вѣроятно на томъ основаніи, что мы знаемъ изъ нихъ только первыя строки; но намъ кажется, что такое поименованіе, лишнее въ справочномъ словарѣ, необходимо въ полной монографіи. Авторъ какъ-будто постоянно опасается обременить книгу свою излишними фактами, чтобы не сдѣлать ея сухою; но такія опасенія ввели его въ другую крайность: біографія Сумарокова представляется рядомъ какихъ то бѣглыхъ указаній, связанныхъ болѣе или менѣе удачными разсужденіями, и дѣлается

нашего трагика и сатирика остается не вполне объяснимом. Любопытнѣйшія страницы — тѣ, на которыхъ мы находимъ свѣдѣнія объ отношеніяхъ Сумарокова къ академіи наукъ; въ эти свѣдѣнія, въ первые появляющіяся въ печати, г. Буличъ заслуживаетъ глубокой благодарности.

Однимъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ жизни російскаго Расина, жалоба его Императрицѣ Екатерины II на претерѣваемыя имъ обвиненія и гоненія, и отвѣтъ государыни, рассказъ такъ коротко, что его и понять нельзя. Можно ли въ подробной монографіи ограничиться словами: «Екатерина прислала отвѣтъ Сумарокову, доказывающій вполне прекрасный умъ ея», и не привести самаго отвѣта, который былъ уже напечатанъ? Вслѣдствіе этого остается неземнымъ для читателя и происхожденіе басни *Кукушки*. — Странно слышать отъ біографа слова: «Мы не знаемъ содержанія жалобъ Сумарокова Императрицѣ, но судя по строгому отвѣту ея, можемъ догадаться, въ чемъ онѣ состояли. До насъ дошли отрывки изъ прошенія его, поданнаго Государынѣ.» Г. Буличъ говоритъ объ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ альманахъ на 1827 годъ: *Памятникъ отечественныхъ музъ*; но ему невѣстно, что прошеніе было цѣлкомъ напечатано, съ современной копіи, доставленной А. О. Малиновскимъ, въ *Москвитинѣ* 1842 года (№ 3). Прошеніе это есть одинъ изъ главнѣйшихъ матеріаловъ для біографіи Сумарокова, особенно для опредѣленія его семейныхъ отношеній, играющихъ конечно немаловажную роль въ жизни каждаго. Въ этомъ документѣ любопытно слѣдующее мѣсто: «Сіе мое самохвальство всѣ въ Европѣ ученые утверждаютъ, всѣ академія и университеты, судя и по самымъ худымъ переводамъ нѣкоторыхъ малочисленныхъ сочиненій, Германія, Франція, Парижъ, и самъ *Вольтеръ*, одинный съ *Метастазіемъ* изъ современниковъ моихъ достойный мнѣ *оосельстникъ*.» Невѣстно также г. Буличу письмо Сумарокова къ Миллеру о Дмитрій-Самозванцѣ (напечатано тамъ же), о которомъ слѣдовало упомянуть.

Такъ же неполно и неясно, какъ и упомянутый эпизодъ, рассказанъ случай съ Державинымъ, написавшимъ на Сумарокова басню *Сорока*. Извѣстіе А. Р. въ *Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Словесности* слѣдовало слышать съ ра-

обществѣ. Отчего не примириться съ тѣми особенными формами, въ которыхъ по необходимости должна облечься наука и которыя укорително называются педантическими. Великое проявленіе жизни не похоже на другое, каждое выѣтъ свою форму, ему свойственную. Развѣ можно называть Домоседова педантомъ, когда онъ приноситъ къ намъ лучи міровой науки, славу и гордость тогдашней Европы, и является выходятъ и увлекающимся рыцаремъ этой молодой, невиданной еще у насъ гостью? Живя въ отчужденіи отъ общества, писатели необходимо должны были подчиниться всѣмъ невыгоднымъ условіямъ этого уединенія. Въ уединеніи развиваются многіе пороки, исключительно ему соответственные и исчезающіе при жизни въ обществѣ, при соприкосновеніи съ людьми. Поватія о нравственности въ обихъ случаяхъ бываютъ различны: притомъ же вообще въ половинѣ XVIII вѣка въ Россіи они не походятъ на наши. Обвинять ли нашихъ писателей за грустную слѣдствія уединенія? Но, подчиняясь формѣ жизни, необходимо подчиниться и слѣдствіямъ ея. Немуудрено, такимъ образомъ, было появиться въ этомъ отдѣльномъ, уединенномъ кружкѣ литераторовъ нашихъ прошлаго вѣка спорамъ и враждамъ, возникавшимъ въ слѣдствіе литературныхъ отношеній.

Въ исторіи ссоръ между тогдашними писателями, мы находимъ много новаго или, по-крайней-мѣрѣ, такого, что является впервые въ совокупномъ и болѣе стройномъ видѣ. Такими замеченія изъ рукописи, принадлежащей библіотекѣ Казанскаго университета, хотя въ нихъ желательна было бы видѣть поболѣе лютости. Только напрасно говорить г. Буличъ, что «мы не знаемъ ни одного современнаго литератора, съ которымъ бы онъ (Сумароковъ) не побранился». Достаточно вспомнить объ авторѣ *Елиса*, Васильѣ Майковѣ, объ Александрѣ Аблесимовѣ, о друзьяхъ Сумарокова, о которыхъ онъ нѣсколько разъ съ большимъ уваженіемъ упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ — Григорій Козвизкомъ и Николаѣ Мотомъ, объ Иванѣ Перфильевичѣ Елагинѣ, подвергнутомся даже насмѣлкамъ современныкъ писателей за излишнее почтеніе къ гению «напереставка Буалова», наконецъ объ актёрско-писателяхъ: Волковѣ и Дмитриевскомъ.

Упомянуть еще несколько мѣстъ въ первомъ отдѣлѣ монографіи, съ которыми нельзя согласиться.

Сказавъ, что произведенія тогдашнихъ поэтовъ «страшно бѣдны содержаніемъ, вылиты не изъ окружающей поэта дѣйствительности, а Богъ знаетъ откуда» г. Буличъ упоминаетъ для примѣра о Майковѣ. Упреки, справедливыя вообще, теряетъ много правды, будучи приложенъ къ Майкову, потому-что въ сочиненіяхъ этого поэта болѣе, чѣмъ у многихъ изъ его современниковъ, отношенія къ современной дѣйствительности.

Въ нѣсколькихъ строкахъ объ Аблесимовѣ много невѣрнаго: во-первыхъ, онъ названъ писателемъ *quasiориналь-нымъ*, что справедливо только съ точки зрѣнія нашего времени, а не исторической критики; во-вторыхъ, всѣ свѣденія объ авторѣ Мельника, заимствованы изъ статьи М. Н. Манарова (въ «Репертуарѣ русскаго театра» 1840 года), которая исполнена несообразностями и ошибками всякаго рода. Не знаемъ, на основаніи чего г. Буличъ говорить, что «въ современной журналистикѣ Аблесимовъ былъ цѣлью нападеній тогдашнихъ полемистовъ»; Аблесимовъ, напротивъ, нападалъ самъ.

Существенною принадлежностью біографіи писателя мы считаемъ послѣдовательное упоминаніе о появленіи его сочиненій. Въ хронологическомъ повѣствованіи о жизни автора — сочиненія его должны играть роль событій, и упоминаться на ряду съ фактами чисто-біографическими. Этого нѣтъ въ книгѣ г. Булича. Прочитавъ біографію, вы не будете знать даже о времени изданія Сумароковымъ журнала. Исторія *Трудолюбивой пчелы* отнесена ко второму отдѣлу; но въ первомъ она была бы гораздо уместнѣе, показывая нѣкоторыя новыя черты характера Сумарокова.

Второй отдѣлъ сочиненія, посвященный разсмотрѣнію литературной дѣятельности Сумарокова, составляетъ, по нашему мнѣнію лучшую часть монографіи, и общаетъ въ г. Буличѣ полезнаго и умнаго дѣятеля для исторіи нашей словесности. Взгляды на Сумарокова, какъ на публициста, обладавшаго горючею любовью къ правдѣ и желаніемъ блага родины, какъ на сатирика, черпавшаго содержаніе для своихъ произведеній

прямо изъ жизни современнаго общества, столько же какъ въ нашей литературѣ, сколько и въ жизни. До сихъ поръ это знаніе Сумарокова только смутно чувствовалось; теперь оно высказано довольно ясно и доказательно, хотя и съ недлиннымъ часто увлеченіемъ. Если мы и не можемъ еще сказать, что литературная личность Сумарокова вполне опредѣлена въ исторіи нашего просвѣщенія, то все же г. Буличу принадлежитъ важная заслуга первой попытки уясненія намъ этой личности: вспомнимъ, что изъ современныхъ писателей, идущихъ по слѣдамъ Сумарокова, какъ писателя съ французскими литературными образованіемъ и въ тоже время какъ національнаго сатирика, только два-три рассмотрены и изучены какъ слѣдуетъ. Не прежде (повторимъ уже однажды высказанную нами мысль), не прежде, какъ когда большая часть аленій русской словесности второй половины прошлаго вѣка заслуживаетъ библиографически и критически, можно будетъ воссоздать вполнѣ образъ Сумарокова. Вліяніе его было широко; на сколько было оно благотворно, видно изъ сатирической журналистики, вышедшей непосредственно изъ сумароковской сатиры и приготовившей явленію комедій Фонвизина. «Этому особенному сумароковскому направленію (говоритъ г. Буличъ въ предисловіи) мы даемъ названіе критики, на томъ основаніи, что критическою лѣткою можетъ быть названо то сатирическое направленіе, котораго представителями были Сумароковъ и журналы. Это начало нашей критики. Оно было не опредѣлено еще и не закончено, а примѣнялось ко всему, и сами современники дѣливали сатиру — критикою».

Вотъ краткій взглядъ г. Булича на литературное значеніе Сумарокова (мы будемъ говорить большею частью его собственными словами).

Въ своей многолѣтней и разнообразной дѣятельности, посреди своихъ увлеченій и самолюбивыхъ стремленій — овладѣвъ всѣ литературныя формы у насъ, Сумароковъ представляется намъ очень живую личность, и вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ русскимъ критикомъ. Критическія цѣнныя его любопытны и достойны изученія, какъ фактъ созданія. Ни чужды, ни слѣдуетъ чужды правъ Сумарокова на почетное мѣсто въ исторіи русской литературы. Ни критика его не

оставался одинокий валежникъ. Вліяніе ея выразилось въ современныя журналы. Все то, что у Сумарокова было обрисовано общими чертами, журналы развили опредѣленно и подробно. Какъ этотъ дѣятельный писатель, такъ и сатирическіе журналисты были дѣтьми реформы Петра Великаго. Преобразование, перевернувши нашъ бытъ, вызвало ихъ къ дѣятельности, и всѣми силами, всѣмъ талантомъ, который дала имъ судьба, они помогали этому преобразованію.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ отдѣлѣ сочиненія г. Булича, въ которомъ онъ представляетъ обзоръ сатирическихъ журналовъ, современныхъ Сумарокову (1769—1774). Это: *Всякая всячина, Трутень, Смѣсь, Адская пещера, Полезное съ пріятнымъ, И то и сію, Ни то ни сію, Поддѣлки, Царинскій Щетинильникъ, Трудолюбивый муравей, Живописецъ, Вечеръ и Камелень*. Хотя обзоръ это и недовольно подробно, однако за него можно быть благодарнымъ автору, потому что для старой журналистики у насъ почти ничего еще не сдѣлано.

Вотъ поправка нѣкоторыхъ неточностей и пополненіе пропусковъ.

Приписывая изданіе *Всякой Всячины* Козицкому, слѣдовало сослаться не на митрополита Евгенія и Макарова, а на Новикова, какъ на современника, который говоритъ про Козицкаго, что «слозь его чистъ, важенъ, плодовитъ и пріятенъ», и что «иснесу то нѣкоторые и заключаютъ, что *Всякая Всячина*, еженедѣльное сочиненіе 1769 года, пріобрѣтшее толкую похвалу, есть произведеніе его пера». Какъ журналистъ самъ, Новиковъ долженъ былъ знать навѣрное, кто издатель *Всякой Всячины*; можетъ-быть только литературная деликатность не позволила ему назвать прямо Козицкаго. Едва ли не Козицкому принадлежитъ письмо въ *Трудолюбивой Пчелѣ* съ подписью К. Въ числѣ сотрудниковъ журнала Козицкаго упомянуты: Аблесимовъ и Жуковъ.

Молодой авторъ комедіи, упоминаемый въ *Трутнѣ* (1769, стр. 138) есть не кто иной, какъ Аблесимовъ, написавшій въ то время *Поддѣлочную пирушку*. Въ числѣ сотрудниковъ *Трутня* пропущенъ М. Поповъ.

Странно, говоря о Сѣчкаревѣ и Пермскомъ, сослаться на ливорискій *Essai sur la littérature Russe*, тогда какъ у Новикова

о томъ и другомъ говорится полнѣе; вообще г. Буличъ очень рѣдко указываетъ Новикова, котораго вовсе не исключаютъ другіе словари нашихъ писателей.

Издатель *Поденъщины*, В. Тузовъ, былъ маіоръ, а не маляръ, какъ говоритъ г. Буличъ, вѣря его собственному разсказу. Мало ли что говорили про себя наши сатирическіе журналисты! Надо различать въ ихъ словахъ шутку отъ правды.

Надгробная надпись историку Никитѣ Ивану (а не Исакову) принадлежитъ Рубану, какъ говоритъ Новиковъ.

Однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ журнала *Вечера* былъ нѣкто Василій Протопоповъ. Статьи его оттуда переиздааны въ 1789 г. въ книжкѣ: *Къ чему можете служить досужное время?* Пересмотръ сборниковъ, подобныхъ этому, могъ бы способствовать уясненію многихъ вопросовъ, возникающихъ при обзорѣи нашей журналистики прошлаго вѣка и теперь остающихся безъ разрѣшенія.

=

•СТАРЫЯ КНИГИ.

=

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СТАРОЙ РУССКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

Après le plaisir de posséder des livres, il n'y en a guère de plus doux que celui d'en parler, et de communiquer au public ces innocentes richesses de la pensée, qu'on acquiert dans la culture des lettres.

CHARLES NODIER.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Начатки типографическаго искусства. — Исторіи въ лицахъ и допаты. — Книгопечатаніе подвижными литерами. — Повесть о изобрѣтателѣ книгопечатанія — Лаврентіи Костеръ. — Правдоподобіе этой повѣсти. — Успѣхи книгопечатанія въ Европѣ въ XV и первой половинѣ XVI столѣтія. — Книгопечатаніе въ Россіи. — Неисправность текста рукописей. — Опредѣленіе Стоглаваго Собора. — Учрежденіе типографіи въ Москвѣ. — Первые русскіе печатники. — Ихъ образованіе. — Первая книга, напечатанная въ Москвѣ. — Неизгоды типографовъ.

Іоаниъ Гуттенбергъ, изобрѣтя книгопечатаніе передвижными литерами, сдѣлалъ только послѣдній шагъ въ искусствѣ, которое давно уже существовало, и даже развивалось, хотя и очень туго. Д'Израэли говорятъ въ своихъ *Curiosities of literature*. СХХІV. — Отд. VI.

ature, что книгопечатаніе было извѣстно великимъ людямъ древняго Рима, но что они, по тонкимъ политическимъ соображеніямъ, скрывали его отъ народа, предвидя неисчислимыя опасности, которыя повлекло бы за собою это изобрѣтеніе. Мнѣніе д'Израэли, не опирающееся ни на какихъ положительныхъ доказательствахъ, основано, вѣроятно, на томъ изумленіи, которое всякій, хоть немного изучавшій первую исторію печатнаго искусства, чувствуетъ, видя, какъ близки были древніе къ открытію книгопечатанія, какъ немного шаговъ оставалось имъ сдѣлать, и какъ этихъ-то шаговъ они и не сдѣлали. Поневолѣ приходятъ на мысль, что книгопечатаніе было имъ извѣстно, но что они держали его въ тайнѣ. И сами Китайцы, оспаривающіе у Европы пальму первенства въ большей части важнѣйшихъ изобрѣтеній, Китайцы, которымъ, по увѣренію миссіонеровъ, печатаніе посредствомъ деревянныхъ досокъ было извѣстно въ первыя вѣки христіанской эры, — даже они не придумали такой простой штуки, какъ подвижныя литеры. Въ Европѣ, впрочемъ, и придумали подвижныя литеры, да толку изъ этого не вышло никакого: имъ давали самое обиходное употребленіе, и никому въ голову не приходило пустать ихъ въ ходъ для печатанія книгъ. На глиняныхъ горшкахъ и лампахъ, дошедшихъ до насъ отъ древнихъ, мы находимъ буквы, которыя могли быть вытиснены только посредствомъ отдѣльно-вырѣзанныхъ литеръ (пунсоновъ). И эти литеры (совершенно такого же свойства, какъ тѣ, что въ наше время употребляются персплетчиками для означенія заглавія на спинкѣ книги) были пригодны только для отѣтокъ глиняной посуды! Кромѣ того, древніе, какъ видно изъ двухъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Квинтиліана и святаго Іеронима, по рельефнымъ литерамъ учили дѣтей грамотѣ: «Пусть сдѣлаютъ для нея (говоритъ послѣдній авторъ, разсуждая о воспитаніи дочери одной римской дамы, Лэты) литеры изъ дерева или изъ кости, и пусть назовутъ каждую литеру свойственнымъ ей именемъ; ребенокъ станетъ забавляться этими рѣзаными буквами, и игра будетъ служить ему въ тоже время урокомъ.» Цицеронъ упоминаетъ и не о деревянныхъ или костяныхъ, а о металлическихъ литерахъ... Тамъ-томенше, оцъ не изобрѣлъ книгопечатанія. Принадлеждъ много-цѣлриваній отрывокъ

изъ его книги: *О существъ Боговъ (De Natura Deorum)*. Оты-
векъ этотъ могъ бы очень легко подать мысль о печатаніи
книгъ посредствомъ подвижныхъ литыхъ буквъ. Опровергая
атомистическую теорію міроздавія, знаменитый ораторъ гово-
рить: «Тотъ, кто вѣритъ въ возможность подобнаго строенія
вселенной, долженъ повѣрить и тому, что сдѣланныя изъ зо-
лота, или изъ другаго какого либо вещества, формы двадцати
одной буквы алфавита, будучи въ безчисленномъ множествѣ
разбросаны гдѣ-нибудь по полу, могутъ сами собою сложиться
въ *Льтовишъ Эннія*.»

Ксилографическое искусство, то-есть печатаніе посредствомъ
рѣзныхъ деревянныхъ досокъ, начало довольно бойко развиваться
въ Германіи въ первой половинѣ пятнадцатаго столѣтія: по нѣ-
скольку изданій разныхъ исторій въ лицахъ, заимствованныхъ
большою частью изъ священнаго писанія, печаталось такимъ
способомъ. Образцы этого младенческаго искусства хранятся
во многихъ библіотекахъ. На книгахъ такого рода не находимъ
обыкновенно ни означенія времени и мѣста изданія, ни име-
ни автора; текстъ оттиснуть или около картинъ, или всереди-
нѣ ихъ, или внизу; иногда же онъ какъ бы выходитъ изъ
устъ изображенныхъ лицъ, объясняя ихъ взаимныя отношенія.
Эти книги печатались на одной сторонѣ бумаги, сѣрыми во-
дяными чернилами. Нѣкоторыя изъ нихъ изготовлены до изоб-
рѣженія настоящаго книгопечатанія, нѣкоторыя въ первыхъ
годахъ этого искусства; но всѣ очень похожи между собой.
Фигуры сдѣланы грубо, простою чертой, въ готическомъ вку-
сѣ, такъ же, какъ и латинскія объясненія въ римованной
прозѣ, сопровождающія каждую фигуру. Кромѣ этихъ исторій
въ лицахъ, вздумали потомъ печатать, тоже посредствомъ
сплошныхъ деревянныхъ досокъ, грамматику для школьнаго
употребленія, извѣстную подъ названіемъ *Донатъ* *. Положи-
тельно неизвѣстно, гдѣ были сдѣланы эти новые опыты кни-
гопечатанія: вѣроятно одновременно въ Голландіи, въ Германіи
и въ Бельгіи. Первой странѣ приписываетъ ихъ кельнская
хроника. «Хотя искусство книгопечатанія (говорится въ ней),

* Отъ имени знаменитаго латинскаго грамматика IV-го вѣка — Элія До-
ната; упомянутое руководство къ грамматикѣ считалось сокращеніемъ его
трактата объ этой наукѣ.

въ томъ смыслѣ, какъ мы разумѣемъ его теперь, изобрѣтено въ Майнцѣ; однако первая мысль его принадлежитъ Голландіи. Съ *донатовъ*, и именно *донатовъ*, напечатанныхъ въ этой странѣ до майнцаго изобрѣтенія, началось книгопечатаніе.»

Послѣ всѣхъ этихъ попытокъ нетрудно уже было перейти къ способу печатанія подвижными литерами — такъ нетрудно, что когда Гуттенбергъ изобрѣлъ этотъ способъ, многія страны и города принялись, въ лицѣ своихъ ученыхъ, пресерьезно доказывать, что простая штука, придуманная въ Страсбургѣ, гораздо прежде придумана у нихъ; если же не была пущена въ ходъ, то на это были такія-то и такія-то причины... Вѣдь причинъ можно выдумать, сколько душѣ угодно: прежде всего, разумѣется, виноваты люди и ихъ интриги, потомъ зависть, и такъ далѣе и такъ далѣе. Споръ семи городовъ о чести считать родиною Гомера, отнесенный къ числу басенъ, подтвердился споромъ о родинѣ великаго открытія. Отчего же было Смирнѣ не оспаривать у Родоса или Саламина право называться мѣсторожденіемъ пѣвца троянской войны, если Италия и Голландія спорятъ другъ съ другомъ и съ Германіей о томъ, гдѣ изобрѣтено книгопечатаніе. Разница этихъ споровъ только въ томъ, что о Гомерѣ спорили города, а о книгопечатаніи цѣлыя страны. Но вѣдь и въ предметахъ спора есть разница: Гомеръ принадлежалъ Греціи, книгопечатаніе всему міру.

Особенно рьяно присвоивали себѣ первенство въ изобрѣтеніи книгопечатанія Голландцы. Не могу утерпѣть, чтобы не представить здѣсь въ переводѣ истинно-комическую исторію о мнимомъ изобрѣтателѣ книгопечатанія, сочиненную нѣкимъ Адрианомъ Юніемъ, въ его описаніи Голландіи, которое было дано (подъ заглавіемъ: *Batavia*) въ 1588 году, черезъ тринадцать лѣтъ послѣ смерти автора.

«Я утверждаю (говорить онъ), что по справедливости слава изобрѣтенія типографическаго искусства должна быть приписана нашему городу Гарлему. Нѣкоторыя головы коснѣютъ въ заблужденіи, приписывая изобрѣтеніе это Майнцу; это мнѣніе, вѣвшееея какъ ржавчина въ ихъ мозгъ, мѣшаетъ мнѣ видѣть мою правоту. Да поможетъ мнѣ Господь искоренить это заблужденіе.

«Расскажу, что слышалъ отъ людей, достойныхъ уваженія и

по преклоннимъ ихъ лѣтамъ, и по общественному положенію, и по всеобщему довѣрію, коимъ пользовались они и пользуются; а то, что они сообщили мнѣ, было имъ въ свою очередь сообщено ихъ предками. Слишкомъ сто тридцать два года тому назадъ существовала въ Гарлемѣ фабрика, помѣщавшаяся въ просторномъ зданіи, которое и донинѣ сохранилось въ цѣлости. Іоаннъ Лаврентій, прозваніемъ Костеръ, занимавшій почетную и доходную, наслѣдственную въ его фамиліи, должность при дворѣ, былъ владѣльцемъ и основателемъ этой фабрики. Вотъ этотъ-то самый Лаврентій требуетъ теперь, справедливо негодуя, чтобы ему возвратили лавръ типографическаго искусства, всегда ему принадлежавшій, но нынѣ отнимаемый у него руками дерзновенными.

«Однажды, бродя за городомъ, въ рощѣ, обыкновенномъ мѣстѣ послѣ-обѣденнаго гулянья всѣхъ правдныхъ людей, Лаврентій принялся слирать кожу съ бука и дѣлать на ней буквы въ обратномъ положеніи. Потомъ вздумалъ онъ отпечатывать ихъ отдѣльно одну за другой на бумагѣ, и такимъ образомъ составить, бывало, цѣлую строчку, а тамъ и другую, что ему весьма нравилось. Окрыленный этими успѣхами, гений его принялъ новое направленіе.» (Хороши успѣхи! Не правда ли, было чѣмъ окрылиться?) «Вмѣстѣ съ вятемъ своимъ, Томою Петромъ (человѣкъ, вѣроятно, тоже очень тонкаго ума), составилъ онъ чернила, болѣе густыя и клейкія, чѣмъ тѣ, что употребляются для обыкновеннаго письма. Потомъ оттиснулъ онъ пробныя листы соединенныхъ литеръ.» (Экой молодець!) «Я видѣлъ изъ нѣсколько: они были напечатаны на одной сторонѣ листа; это было такъ-сказать первое начинаніе искусства. Книга эта (ба, ужъ и книга! скоренько, скоренько!) заключала въ себѣ *Зерцало спасенія (Speculum Salutis)*, въ переводѣ неизвѣстнаго автора на простонародный фламандскій языкъ. Страницы чистыя, то-есть тѣ, на которыхъ не было ничего напечатано, Лаврентій склеивалъ одну съ другой, дабы пробѣлы не безобразили книги; это, сколько помню, не наблюдалось въ первопечатныхъ книгахъ.

«Вскорѣ потомъ, Лаврентій замѣнилъ буквые типы свинцовыми, а потомъ и оловянными, для большей прочности и твердости. И теперь еще можно видѣть множество остатковъ этихъ

типовъ въ кладовой на фабрикѣ безсмертнаго мужа, принадлежавшей нынѣ достойному правнуку его.

«Изобрѣтеніе Лаврентія обогатило и его самого, и семейство его, и сдѣлалось отраслью несслыханной дотогѣ торговли. Фабрика была запружена покупателями. Такъ какъ съ развитіемъ искусства расширялось и самое производство, то Лаврентій ввѣлъ нѣсколькихъ работниковъ, которыхъ допустилъ къ участию въ своихъ великихъ трудахъ. Увы между ними находился одинъ, по имени Іоаннъ... можно подозревать что это былъ Іоаннъ Фаустъ... лукавый и недостойный ученикъ, онъ измѣнилъ своему учителю и хозяину *.

«Этотъ Іоаннъ, поступаая въ работники къ Лаврентію, прона несъ клятву хранить въ тайнѣ его изобрѣтеніе; но научившись дѣлать и отливать литеры, а такъ же набирать строки и приготавливать всѣ необходимыя для типографіи инструменты, рѣшился похитить у хозяина своего весь запасъ типовъ и орудія, и избралъ для этого самое удобное время—ночь наканунѣ Рождества. Онъ тайно бѣжалъ; чрезъ Амстердамъ и Кельнъ добрался до Майнца; пріютился тутъ, какъ въ безопасномъ убѣжищѣ, и собралъ обильную жатву своею краденою типографіею; ибо положительно извѣстно, что въ теченіе 1442 года онъ воспользовался изобрѣтенными Лаврентіемъ литерами для напечатанія очень употребительной въ то время грамматики, нождъ заглавіемъ: *Alexandri Galli doctrinales, cum Petri Hispani tractatibus.*»

Сказку свою Адрианъ Юній заключаетъ слѣдующими чувствительными строками:

«Вотъ что узналъ я отъ старцевъ, согбенныхъ подъ бременемъ лѣтъ, отъ достойныхъ вѣры людей, которые приняли это преданіе, какъ свѣтильникъ зажженный, переходящій неугасая изъ рукъ въ руки, отъ своихъ предшественниковъ. Я помню также—наставникъ мой Николай Галлій, человекъ съ желѣзной памятью и плѣшивой головой, говорилъ мнѣ, что слыхалъ не однажды, какъ нѣкто Корнелій, старикъ осьмидесяти-лѣтній, переплетчикъ, служившій Лаврентію азъ одно время съ Іоанномъ, какъ этотъ Корнелій обливался, словно ребенокъ, слезами всл-

* Тутъ въ подлинникѣ вѣчно въ родѣ игры словъ: *Faustus, homo suo infustus.*

кій разъ, когда вспомнить, бывадо, о томъ, какъ обокрали его хозяина.»

Какая милая наивность во всемъ этомъ разсказѣ, и какъ ловко умѣлъ сочинять авторъ *Batavia*! Какой умница былъ этотъ шестидесяти-лѣтній старикъ, изобрѣтшій вдругъ, безъ всякой посторонней помощи, типографическое искусство со всѣми его тонкостями! Зато какъ должна была радоваться и ликовать душа этого умнаго старичка, когда на фабрику его (вѣдь у него была не типографія, не лавка книжная, а фабрика) не было отбоя отъ покупателей! И должно-быть усердно читались печатаемыя имъ книги — такъ усердно, что онѣ всѣ въ свое время окончательно зачитаны, и съ-тѣхъ-поръ уже никому, ни-когда и нигдѣ, не случилось видѣть и единый ихъ листочекъ; вѣроятно читатели ихъ просто поглощали — то-есть, въ буквальнойно смѣслѣ поглощали. А этотъ Иоаннъ, такъ дерзко похитившій все типографическое богатство Лаврентія, обманщикъ Иоаннъ, который могъ, конечно, быть Фаустомъ, но пожалуй — чего добраго! — могъ быть и самимъ Гуттенбергомъ... Какъ это такой умный старичокъ, какъ Лаврентій, не видѣлъ, держа у себя коварнаго работника, какой онъ Геркулесъ по силѣ: если ужъ съумѣлъ старичокъ безъ излэшнихъ хлопотъ изобрѣсть книгопечатаніе, то, разумѣется, еще легче могъ открыть, что его Иоанну ничего не стоить завалить себѣ на плечи всю его фабрику и унести ее въ Майнцъ.

И вѣдь находились же ученые, которые, по поводу этой нелѣпой сказки, предавались самымъ глубокомысленнымъ соображеніямъ! Глубокомысліе этихъ господъ не помогло жи сдѣлаться правдою, и съ памятью объ изобрѣтеніи книгопечатанія навсегда осталась слитою память Гуттенберга *.

Этому великому изобрѣтенію, совершившему переворотъ въ жизни всего чловѣчества, суждено было не раньше, какъ черезъ сто лѣтъ, пустить корни въ Россіи.

Первымъ городомъ, куда двинулось книгопечатаніе изъ Майнца, былъ Бамбергъ (1461).

* Въ семнадцатомъ столѣтіи сенать и жители Гарлема воздвигали памятники, вышляли медали и устраивали праздники въ честь Лаврентія Костера, котораго именовали *прототипографомъ*; но все это могло дѣйствовать лишь на однихъ Голландцевъ.

Года черезъ четыре заведена была Ульрихомъ Цель, изъ Ганау, каллиграфомъ, рисовальщикомъ и писателемъ, который именовалъ себя *artis impressoriae magister*, типографія въ Кѣльвѣ, и Иоанномъ Ментелемъ или Ментелиномъ, котораго императоръ Францискъ III въ пожалованномъ ему дворянскомъ дипломѣ называетъ *primus Argentorati chalcographus*, устроена типографія въ Страсбургѣ.

Около этого же времени три Нѣмца, вышедшіе изъ майнцской мастерской, а именно: Конрадъ Швейнгеймъ, Арнольдъ Панарцъ и Ульрихъ Ганъ принесли искусство книгопечатанія въ Италію: сначала основали они типографію въ монастырѣ Суббіако, близъ Рима, но вскорѣ потомъ были одинъ за другимъ вызваны въ Римъ.

По преданію, допускаемому учеными, французскій король Лудовикъ XI отправилъ въ Майнцъ (въ концѣ 1461 или въ началѣ 1462 года) директора турскаго монетнаго двора, Николая Іенсона, съ порученіемъ научиться секретно вырѣзыванію пунсоновъ и литеръ, посредствомъ отпечатыванія коихъ могутъ быть размножены самыя рѣдкія рукописи, и искуснымъ образомъ овладѣть тайною изобрѣтенія. Но посольство Іенсона не принесло пользы Франціи, потому что онъ, по неизвѣстной причинѣ, уже не возвращался туда, а отправился въ Венецію, гдѣ около 1469 года основалъ типографію.

Впрочемъ во Франціи первая типографія основана въ этомъ же году тремя выписанными изъ Майнца въ Парижъ печатниками: Ульрихомъ Герингомъ, Михаиломъ Фрибургеромъ и Мартиномъ Кранцемъ. Подъ покровительствомъ Лудовика XI, книгопечатаніе быстро распространилось во Франціи. Въ семидесятихъ годахъ XV столѣтія были заведены типографіи: въ Мецѣ, Лионѣ, Анжѣ, Шаблі, Вьеннѣ, Пуатье и Канѣ; въ восьмидесятихъ: въ Труа, Реннѣ, Аббевилѣ, Безансонѣ, Тулузѣ, Орлеанѣ и Долѣ, и наконецъ въ девяностыхъ: въ Дижонѣ, Ангулемѣ, Нантѣ, Клуни, Лиможѣ, Турѣ, Авиньонѣ и Перпиньянѣ.

Несмотря на огромную книжную фабрику, заведенную Лаврентіемъ Костеромъ въ Гарлемѣ гораздо прежде майнцской типографіи, первая книга, напечатанная въ этомъ городѣ, относится только къ 1484 году.

Первая книга на англійскомъ языкѣ напечатана въ 1471 го-

ду, частію въ Брюгге, частію въ Кёльнѣ, Англичаниномъ Вильямомъ Какстономъ. Какстону стоило, какъ самъ онъ говоритъ, большихъ трудовъ и издержекъ изученіе типографическаго искусства, которымъ онъ занимался въ Голландіи; возвратясь въ Лондонъ, Какстонъ основалъ около 1473 года типографію свою въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ. Этотъ искусный типографъ самъ переводилъ издаваемыя имъ книги, самъ печаталъ ихъ, самъ раскрашивалъ и переплеталъ. Онъ исправлялъ отъ руки, красными чернилами, встрѣчавшіяся въ его книгахъ опечатки.

Въ 1522 году устроена типографія въ Кембриджѣ Дж. Сиберомъ (Sibergh), который учился этому дѣлу въ Ліонѣ и нѣкоторыми считается даже Французомъ.

Король Яковъ IV далъ въ 1507 году привилегію эдинбургскому купцу Вальтеру Чапману и Андрею Моллару на заведеніе въ Эдинбургѣ типографіи, и первая книга напечатана была тамъ въ слѣдующемъ году.

По мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, начало книгопечатанія въ Барселонѣ и Сарагоссѣ относится къ 1475 году; другіе считаютъ Валенсію первымъ городомъ въ Испаніи, въ которомъ стали печатать книги.

Въ Швецію искусство книгопечатанія было принесено нѣмецкимъ мастеромъ Іоанномъ Снеллемъ, и первая книга напечатана имъ въ Стокгольмѣ, въ 1483 году. Снелль былъ, кажется, долгое время единственнымъ типографщикомъ во всемъ государствѣ и, вѣроятно, не могъ удовлетворять всѣхъ требованій, потому-что духовенство шведское, въ продолженіе многихъ лѣтъ, печатало молитвенники и требники въ Нюренбергѣ и въ Базелѣ.

Основаніе первой типографіи въ Дублинѣ относятъ къ 1551 году.

Вотъ бѣглый очеркъ успѣховъ книгопечатанія въ Европѣ до появленія первыхъ начатковъ его у насъ.

Главнымъ и чуть ли не единственнымъ поводомъ ко введенію типографическаго искусства въ Россію была крайняя неисправность нашихъ рукописныхъ книгъ, преимущественно церковныхъ. Царь Иванъ Васильевичъ сильно жаловался на это зло на Стоглавомъ Соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ, въ 1551

году. «Божественныя книги (говорилъ онъ) писцы пишутъ съ несправныхъ переводовъ, а написавъ, не правятъ же, одисъ къ описи прибываетъ, и недописи и точки не прямыя, и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ и поютъ, и учатся и пишутъ съ нихъ.»

Эта справедливая жалоба навела впрочемъ не прямо на мысль о книгопечатаніи. Сначала соборъ произнесъ слѣдующее опредѣленіе, которымъ установленъ усиленный надзоръ за исправностью рукописей: «Протопопомъ же и старѣйшимъ священникомъ дозирати священныхъ книгъ, и Святыхъ Евангелій и Апостоль, и Псалтыри и проч. книги, въ коейже суть церкви обращете неправлены и описливы, и вы бы тѣ всѣ святыя книги съ добрыхъ переводовъ исправили соборне, занеже священныя правила о томъ запрещаютъ, и не повелѣваютъ несправныхъ книгъ въ церковь вносить, ниже по нихъ пѣти. Тако жъ, которые писцы по городамъ книги пишутъ, и вы бы велѣли имъ писать съ добрыхъ переводовъ, да написавъ правила, а не правя книгъ непродавали. А которой писецъ, написавъ книгу, продастъ, возбраняли съ великимъ запрещеніемъ, чтобъ впредь такъ не творили, и аще впредь таковѣи обличены будутъ продавцы и купцы, и вы у нихъ тѣ книги имайте даромъ безъ всякаго зазора, да исправивъ отдавайте въ церкви, которыя будутъ книгами скудны, да выдачи таковая вашимъ бжеженіемъ и прочіи страхъ примутъ.»

Само собою разумѣется, что эти мѣры, при множествѣ церквей и безпрестанной потребности въ богослужебныхъ книгахъ, должны были вскорѣ оказаться одишкомъ недостаточными. Изъ огромнаго количества книгъ, обращающихся въ торговлѣ «малы (какъ говоритъ послѣсловіе къ первой напечатанной у насъ книгѣ) обрѣтошася потребни, прочіи же вси растлѣни отъ переписующихъ ненаученыхъ сущихъ и нескусныхъ вразумѣ, оуже же и несправленіемъ цѣнущихъ».

Видя это, царь «начать (какъ выражается то же послѣсловіе) помышляти, како бы изложити печатиа книги, даю же въ Гречахъ и въ Венеціи, и во Фригійи и прочихъ дядицахъ. Дабы впредь святыя книги изложимъ праведнѣ. И тако возрѣшаша мысль свою преосвященному Макарію митрополиту всел Русіи. Святитель же слышавъ стѣло возрадовася, и Богородицу

благодареніе воздавъ царю, глаголаше, яко отъ Бога навѣщеніе приѣмшу, и свѣше даръ сходящъ. И тако повелѣніемъ благочестнаго цара и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, и благоволеніемъ преосвященнаго Макарія митрополита начаша выисквати мастерства печатныхъ книгъ, въ лѣто отъ соуднаго мѣсяца 7061 (1553), въ 30 лѣто государства его. Благочестивый же царь повелѣ устроити домъ отъ своеса царскія казны и маже печатному дѣлу строитися. И не щадя даяше отъ своихъ царскихъ сокровищъ дѣлателямъ, на составленіе печатному дѣлу и къ нхъ упокоенію, дондеже и на совершеніе дѣла нхъ шведе.»

Дѣлатели эти были—дьяконъ московскаго собора Николая Чудотворца Голстунскаго Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѣевъ Мстиславцевъ, или Мстиславецъ. Вѣроятно многихъ трудовъ и усилій стоило заведеніе первой въ Москвѣ типографіи, потому что не раньше, какъ черезъ десять лѣто послѣ заведенія ея (именно 19 апрѣля 1563 года) начали Ѳедоровъ и Мстиславцевъ * печатать книгу *Апостолъ* (т. е. дѣянія и посланія апостольскія). Надзоръ за печатаніемъ—конечно, за матеріальною только частью этого дѣла—былъ порученъ иностранному мастеру, Датчанину Гансу, копенгагенскому уроженцу. Черезъ годъ (именно 1 марта 1564 года) книга была отпечатана. Митрополитъ Макарій, такъ радовавшійся мысли цара завести типографію и съ любовью слѣдившій за ея медленными успѣхами, не видѣлъ выхода въ свѣтъ первой отпечатанной въ Москвѣ книги. Онъ

* Вотъ что говорится о нхъ типографскомъ воспитаніи въ старинномъ *Сказаніи о ообразженіи книгъ печатнаго дѣла*, помѣщенномъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ:

«И обрѣтесе вѣкто смысловъ и хитръ къ такому орудію (то-есть къ типографическому дѣлу), Николы Чудотворца Голстунскаго (уже и нынѣ зрится той храмъ близъ дворца царева, внутри самого Кремля града), и у тоя убо церкви дьяконъ былъ званіемъ Іоаннъ Ѳедоровъ сынъ, да другой клереть его Петръ Тимоѣевъ сынъ Мстиславецъ, испуши блуху и смыслени къ такому хитрому дѣлу; глаголють же вѣщцы о нихъ, яко отъ самѣхъ Фрагъ то ученіе пріѣста; повѣствуетъ же отъ вѣщцы, яко преже нхъ вѣщцы, или будетъ и они сами, малыми вѣщцами и неискусными начертаніи печатываху книги, послѣди же совершенѣи той Іоаннъ да Петръ покусъ пріѣста отъ тѣхъ прежерѣченныхъ Фрагъ, сего ради повелѣнно быти нхъ отъ цара такое дѣло составлять...»

скончался въ 1563 году и его мѣсто заступилъ Аванасій, котораго имя помянуто въ концѣ послѣсловія къ *Апостолу*.

Первымъ мастерамъ книжнаго дѣла въ Россіи, по напечатаніи ими первой книги, не посчастливилось. Вотъ какъ рассказываетъ о своихъ бѣдствіяхъ Иванъ Федоровъ въ послѣсловіи къ *Апостолу*, напечатанному имъ въ Львовѣ черезъ десять лѣтъ послѣ напечатанія перваго *Апостола* (1573):

«Сіе же убо не туне начахъ повѣдати вамъ, но презѣльнаго ради озлобленія, случающагося намъ, не отъ самого того Государя, но отъ многихъ начальникъ и учителей, которые на насъ зависти ради многія ереси умышляли, хотячи благое въ зло превратити, и Божіе дѣло вконецъ погубити, якоже обычай есть злонаправныхъ, и ненаученыхъ и неискусныхъ въ разумѣ чловѣкъ, ниже грамматическія хитрости навикше, ниже духовнаго разума исполненіи бывше, но туне и всею злою пронесоша. Такова бо есть зависть и ненависть, сама себѣ навѣтующи, неразумѣеть, како ходитъ и о чемъ утверждается. Сіа убо насъ отъ земля и отечества и отъ рода нашего изгна, и въ ины страны незнаемы пресели. Егда же отиду семо (то-есть въ Польшу) преїдохомъ, и по благости Богоначальнаго Іисуса Христа Бога нашего, хотящаго судити вселеннѣй въ правду, воспріаша насъ любезно благочестивый государь Жигимонтъ (то-есть Сигизмундъ) Августъ, король Польскій и великій князь Литовскій, Прусскій, Жемонтскій, Мазоветскій, и иныхъ, со всѣми паны рады своел. Въ тоже время со тцаніемъ умоли государя велеможный панъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, панъ виленскій, гетманъ высшій великаго князства Литовскаго, староста городенскій, и могилевскій, прія насъ любезно къ своей благоутѣшнѣй любви, упокоеваше насъ не мало время, и всякими потребамы тѣлесными одушевляше насъ, и весь немалу дарова ми на успокоеніе мое. Намъ же работающимъ по воли Господа нашего Іисуса Христа, и слово его по вселеннѣй разсѣвающе; егда же пріити ему въ глубу старость, и начастъ главѣ его болѣзною одержитъ быти, повелѣ намъ работанія сего престати, и художество рукъ нашихъ ни вочто же положить, и въ вси земледѣланіемъ житіе мира сего препровождати, еже неубо ми бѣ разумъ ниже смѣнъ сѣяніемъ время живота своего сокращати, но имать

убо вѣсто рала художество наручныхъ дѣлъ сосуды, вѣсто же житныхъ сѣмень духовная сѣмена по вселеннѣй разсѣвати, и всѣмъ по чину раздавати духовную сію пищу. Наипаче же убояхся истязанія Владыки моего Христа, непрестанно вопіюща ко мнѣ: лукавый рабе и лѣннве, почто не вла сребра моего торжнякомъ, и азъ пришедъ взялъ быхъ свое съ лихвою. И когда убо на удивненіи въ себе прихождахъ и множицею слезами моими постелю мою омочахъ, вся сія размышляя въ сердци своемъ, да быхъ не скрылъ въ земли таланта, отъ Бога дарованнаго ми. И тужашу ми духомъ, сія глаголахъ, еда во вѣки отринетъ Господь и не приложитъ благоволити паки, или до конца милость свою отсѣчетъ, по притчи смоковничнаго неплодствія, яко всуе землю упражняющу. И сего ради понудихся ити оттуду, и въ путь шествующю ми, многи скорби и бѣды обрѣтоша мя, неточію долготы ради путнаго шествія, но и презрѣльному повѣтрію дышущю и путь шествія моего стѣсняющю, и просто рѣщи вся злая и злыхъ злѣе. И тако промысловъ Божіа человеклюбіа до богоспасаемаго града, нарицаемаго Львова приидохъ, и вся яже на пути случающаиися ми во что же вѣняхъ, да Христа моего приобращу. Вся яже здѣ сну подобна и сѣни, преходитъ бо, якоже бо дымъ на воздухъ, благая и злая расходятся; яко Апостоль хвалится въ скорбѣхъ, занеже скорбь терпѣніе съдѣваетъ, терпѣніе же упованіе, упованіе жъ непосрамить. Почто, занеже любовь Божіа възгорѣся въ сердци моемъ, Духомъ Святымъ даннымъ ми, и разсудившу ми се, и когда вселшумися въ преименитомъ градѣ Львовѣ, яко по стопамъ ходяще топтанымъ нѣкоего богонзбраннаго мужа начахъ глаголати въ себѣ молитву сію: «Господи Вседержителю, Боже вѣчный и безначальный, иже благи ради единныя приведый отъ небытіа въ бытіе всяческая, словомъ своимъ видѣтельнымъ, духомъ устъ своихъ срасленнымъ иже промыслиа присно, и съдержа, и зноса по числу тварь свою и по имени възываа; иже въ послѣдняя лѣта, неизреченныя ради милости твоея, падшее наше естество възвелъ еси, схожденіемъ едиnorodнаго Сына Твоего, Господа нашего Ісуса Христа, иже и предасться за прегрѣшенія наша, и възкресъ оправданія ради нашего, его же язвою изцѣлѣхомъ: по благоволенію хотѣнія твоего и въ похвалу славы благодати твоея, ижеже нарече

насъ въ узыненіи Іс. Христомъ въ тебѣ, въ еже быти намъ святомъ и непорочномъ предъ тобою въ любви, повѣдая намъ тайну воли своея, еже быти намъ исверха вѣкъ отъ созданій твоихъ, христіаномъ датаю истинныя премудрости: вразуми мя, и испытаю законъ твой, и не отъими отъ устъ моихъ словесе истинна дозѣла, ради братій моихъ и ближнихъ моихъ. Услыши молитву мою, Господи, и моленіе мое внуши: слезъ моихъ не премолчи, яко преемникъ азъ отъ тебѣ и пришлецъ, яко же вси отцы мои. Ослаби ми отъ страстей моихъ, да пощю дѣланіемъ и почію видѣніемъ и смиреніемъ: ты убо, Ѳ Владыко, и прежде множицею отнутилъ еси нечестіе сердца моего, молитвами святыхъ твоихъ, отъ вѣка угодившихъ ти, и нынѣ служащихъ ти, преподобіемъ и правдою, аминь.» И помолившумися, начахъ богоизбранное сіе дѣло къ устроению завершати, якобы богодохновенныя догматы распространевати, и обѣщахъ многаци богатыхъ и благородныхъ въ мірѣ, пощости прося отъ нихъ, и метаніе сътворяя, колѣномъ касался и припадая на лицы земномъ, сердечно каплющими слезами моими ноги ихъ омывахъ, и сіе не единою, ни дваша, но и многаци сътворяхъ, и въ церкви священнику всѣмъ въ слухъ повѣдати повелѣхъ; не испросихъ умиленными глаголы, ни умолихъ многослезнымъ рыданіемъ, несходатайствоватъ ни коея же милости іерейскими чини, и плакахся прегоркыми слезами, еже не обрѣтохъ милующаго, ниже помогающаго, не точію же въ русскомъ народѣ, но ниже въ Грекахъ милости обрѣтохъ; но мали нѣщія въ іерейскомъ чину, нини же не славніи въ мірѣ, обрѣгося, помощь подающе. Не мню бо отъ избытка имъ сіе творити, но яко же оная убогая вдовица отъ лишенія своего двѣ лѣпты въверышя: вѣмъ убо, яко въ нынѣшнемъ мірѣ должная ихъ къ нимъ възвратится, въ будущемъ же вѣцѣ отъ богатодавца Бога стократноцею въздастся. Молю убо васъ, не прогнѣвайтесь на мя грѣшнаго, пишущаго ми сія: не мните убо, яко отъ чрева глаголати или писати. Вѣсть бо волякъ, отъ начала прочитаѣ вкратцѣ списанную свою исторію, како отъ его милости пана Григорія Ходковича всякими потребами тѣлесными, нищею и одеждою, удовлетворѣхъ, но воля сія ни во что же вмѣнялъ: не уювахъ на неправду и на доосхищеніе не желалъ, богатства аще и много стекалося, не прилагахъ тамо сердца; но паче изволихъ всякія

предуроченная скорби и бѣды претерпѣвати, да множае умножу слово Божіе и свидѣтельство Іс. Христово. Наме убо есть, еже съ смиренномудріемъ просити и начинати, Божіе же еже сподобити и совершати; того бо и царствію наслѣдникъ быти надѣюся, его же буди всѣмъ намъ получити, благодатию и человеколюбіемъ господя нашего Іс. Христа, ему же подобаетъ слава, честь и поклоняніе, съ Отцемъ и съ Святымъ Духомъ, нынѣ и въ безконечныя вѣки, аминь.

«А начаша сія книга друковати, рекомый *Апостолъ*, въ бо-госпасаемомъ градѣ Львовѣ, въ ней же Дѣянія апостольская и Посланія съборная и посланіе Св. Апостола Павла, по воплощеніи Господя Бога и Спася нашего Ісуса Христа, давшанаго себе о грѣсѣхъ нашихъ, вси раби благословеннаго Бога нашего: да еще когда прилучится кому вникнути въ сію душеполезную Апостольскую книгу и разумѣти, что потребно и душеполезно, той прежде всѣхъ виновнику всѣмъ благимъ и садѣтелю жизни нашея Богу благодать да воздасть; а его милости пану Григорію Александровичу Ходкевичу вѣчныя памяти и съ святыми равнопрестольными, отъ вѣка Богу угодившими, съслезенія и съжytoчества получить да просятъ. Потомъ же съилою его милости, пану Андрею Григорьевичу Ходкевичу, пану подстолюму великаго князства литовскаго, старостѣ моголевскому; и его милости Александру Григорьевичу Ходкевичу, старостѣ городеньскому, державцу анноному, да просятъ душанаго спасенія и многолѣтнаго здравія, понеже бо они вѣщюныи суть таковыи пользы. Намъ же непотребнымъ, начинанія дерзнутымъ, прощеніе и грѣхомъ простыню да просятъ, да и сами того же благословенія и простыни грѣхомъ еядобитися: и аще что погрѣшено будетъ, Бога ради исправляйте, благословите, а не клеветѣ; понеже не писа Духъ Святый, да ангель, но рука грѣшна и брена, яко же и прочіи нецелозавидіи.»

Этотъ разсказъ, написанный такъ просто, безъ всякихъ прикрасъ (что было довольно рѣдко въ тѣ времена), кажется выходящимъ прямо изъ сердца; онъ лучше подробной біографіи дышетъ передъ нами симпатическую личность нашего перваго типографа. Какъ кротко отзывается Иванъ Федоровъ о развѣстѣ и клеветѣ, въпечатливъ единственною струною за Т. СХХV. — Отд. VI. 1/2

его великую заслугу, лишивших его любимой родиной и переселивших далеко от нея—«въ ины страны незнаемы»; съ какою глубокою благодарностью припоминает онъ всѣхъ, къ пріютилъ странника на чужбинѣ, дарилъ радушиемъ пріѣтомъ и одобреніемъ и помогалъ его полезнымъ трудомъ; какою благородною гордостью, каковымъ сознаниемъ своего достоинства дышутъ его слова, когда, отказываясь отъ плуга и лавны, онъ говоритъ, что его призваніе яное, высшее,—свѣтъ въ сердцахъ слово Божіе! Элегическое настроеніе, въ которомъ написано все повѣствованіе Федорова, придаетъ ему какую-то особенную прелесть; вѣдѣ не говоритъ онъ о тоскѣ своей по утраченной родинѣ, но тоска эта сама невольна сказалась въ его словахъ.

Напечатавъ *Апостола*, Федоровъ оставилъ Львовъ и пріѣхалъ въ Острогъ. Причина этого переезда осталась неизвѣстною; но съ достовѣрностью можно предположить, что Федорова вызвалъ туда, какъ искуснаго мастера типографическаго дѣла, острожскій князь Константинъ Константиновичъ для работы въ толь-ко что заведенной имъ типографіи. Какъ и въ Москвѣ, побудительнымъ поводомъ къ этому заведенію была несправность рукописныхъ книгъ и раздоры, которые начались въ это время между православными, жившими въ Польшѣ. Князь острожскій, непоколебимый поборникъ православія, рѣшился издать *Библию*, и собралъ изъ разныхъ мѣстъ много древнихъ и полныхъ переводовъ, но не удовольствовавшись собранными рукописями, обратился къ царю Ивану Васильевичу съ просьбою помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Царь исполнилъ просьбу и прислалъ Константину, чрезъ литовскаго государственнаго секретаря Мизанла Гарабурда полный списокъ славянскаго перевода всей *Библии*, сдѣланнаго еще при великомъ князѣ Владимірѣ. Переводъ этотъ былъ, по порученію князя, свѣренъ съ греческою *Библиею*, которую доставилъ ему константинопольскій патріархъ Іеремія, и тщательно исправленъ.

«Первымъ овощемъ (по выраженію самого Федорова) отъ дому печатнаго острожскаго» былъ оконченный въ 1580 году *Полный Заповѣдь*. Въ слѣдующемъ 1581 году явилась и полная *Библия* во упомянутому списку.

Въ Москвѣ Ивана Федорова и Петра Мстиславца сличилъ

ученикъ ихъ, Андроникъ Тимоѣевъ, прозвищемъ Невѣжа, съ товарищи, «и царскимъ гѣмъ же повелѣніемъ (какъ повѣствуетъ старинное *Сказаніе*, изъ котораго выше я привелъ нѣскольکو строкъ) повелѣно ему книги печатати печатнымъ воображеніемъ, и раздавати по всѣмъ градовомъ во всей Россіи *Часовники* и *Псалтыри*, *Апостолы* и *Евангелія*, *Трїоди* и *Октамѣ*, и прочія божественныя книги, ими же церкви Божія красуются. — И по гѣмъ мастеровъ (продолжаетъ *Сказаніе*) иные мастера быша, и отъ того убо времени иде таковое дѣло твердо и непреткновенно и пакы крѣпцѣ, аки вервь непреторжена, и влечашеся даже до лѣта осмыа тысящи втораго ста девятаго-ндесять года: аще и въ вѣчныя обители блаженныя памяти царю Иоанну Васильевичу всея Русіи отшедшу, но благое то дѣло его и начатіе и по немъ доволно время влечашеся, при сынѣ его царѣ Ѳеодорѣ Иоанновичѣ всея Русіи, и при царѣ Борисѣ (аще прежде и рабъ бѣ, послѣждеже царь бысть, и также благочестивъ бывъ и разуменъ сый), и при царѣ Василіи, иже по царѣ Иоаннѣ царствоваху.»

Далѣе слѣдуетъ исторія бѣдствій, претерпѣнныхъ Москвою въ смутныя времена начала XVII вѣка, и говорится, что тогда «се доброе дѣло (т. е. книгопечатаніе) изгбло и порушилося.» Последнее не совсѣмъ справедливо: намъ извѣстны книги, вышедшія изъ московской типографіи не только при царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ *, но и при Дмитріи Самозванцѣ.

* Изъ послѣсловія къ *Евангелію*, изданному при Шуйскомъ, видно, что типографія находилась тогда въ царскихъ палатахъ. — Изъ временъ междупарствія сохранился любопытный актъ о заведеніи типографическихъ снарядовъ («снѣта: во что стануть дѣл штаны печатныя, слзлати два стана изъ ерское дѣло, совсѣмъ сполна, какъ въ нихъ печатати всякія книги»). Приведемъ здѣсь изъ этого документа строки о мастеровыхъ людяхъ при тогдашней типографіи.

Росписъ книжнаго печатнаго дѣла всякимъ мастеровымъ людямъ:

Мастеръ Иванно Власовъ.
Словолитоецъ Оеонка Ивановъ.
Ванношикъ Ѳеодоръ Сергѣевъ.
Рѣзецъ Оеонасіи Никоновъ.
Столяръ Натой Тарасовъ.
Кузнецъ Кузма Тимоѣевъ.

*

Существует *Апостолъ*, напечатанный Андроникомъ Тимосевымъ, въ 1686 году «повелѣніемъ (какъ сказано въ послѣсловіи) благочестія поборника и божественныхъ великихъ иерархическихъ ревнителя, благоговѣрнаго и христоролюбиваго, вскопнаго государя всея великія Россіи, крестоноснаго царя и великаго князя Дмитрія Іоанновича, всея Россіи самодержца».

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, восшествіе котораго на престолъ, положило конецъ темнымъ внутреннимъ смутамъ въ государствѣ, сильно способствовалъ развитію книжнаго дѣла въ Москвѣ: при немъ былъ увеличенъ книгопечатный дворъ и свозились въ Москву рукописи для печатанія. Царю много помогалъ въ этомъ дѣлѣ и родитель его, патриархъ Филаретъ*. Замѣчательнѣйшими печатниками этого времени были патриаршій дьякъ Василій Ѳеодоровъ Бурцовъ, авторъ *Букваря азки славянскаго, сиречь Начала ученія дѣтми, хотящими учити чтенію Божественныхъ писаній***, и Никита Ѳеодоровъ Фоановъ, псковскій уроженецъ, про котораго есть преданіе, вѣдѣмъ впрочемъ не подтверждаемое, что во время московскихъ

А оклады денежныя:

Мастеру Ивану Власову 15 рублей; а хлѣба, ржи 15 четей, овса тола.
Словословицу Ѳеоанасію Иванову 10 руб.; а хлѣба, ржи 14 четей, овса тола.
Вламенщику Ѳеодору Сергѣеву 10 руб.; а хлѣба, ржи 14 четей, овса тола.
Рѣзцу Ѳеоанасію Николеву 10 руб.; а хлѣба, ржи 14 четей, овса тола.
Столяру Пятому Тарасову 8 руб.; а хлѣба, ржи 13 четей, овса тола.
Кузвеву Кузмѣ Тимоѣеву 7 рублей; а хлѣба, ржи 12 четей, овса тола.

А оклады тѣмъ великимъ мастерамъ людямъ смирнымъ.

* ... И благослови и цѣхали снѣга сроста за таковое дѣло, за книжнѣе исправленіе и за печатное сіе воображеніе, вкупѣ же и за раденіе, что усердіе къ нему прилежало, и вкупѣ накіи чѣста съ нимъ строити духовная и земная; и тотъ и самъ зѣлою ревностію одержимъ бывъ къ божественнымъ книгамъ, купилъ же снѣгомъ своимъ повелѣлъ таковому дѣлу строитися безпрестани, самъ же много свидѣтельствовалъ божественныхъ книгъ, наглядѣти и надзѣсѣти, и по добаетъ, и такоже печатнымъ воображеніемъ начертovati и предавати во всему во царствующему граду Москвѣ и по всей своей Руской землѣ снѣгомъ божиимъ церквамъ, на прославленіе же Божественнаго имени, и пречистаго Его Богоматери и всѣхъ святыхъ, на спасеніе душамъ всего православнаго христіанства.

** Книга эта была въ свое время въ большемъ ходу и до 1781 года вышла шесть изданій. Въ первый разъ напечатана она въ Москвѣ, въ 1684 году.

опусть онъ ѿѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ будто бы завелъ типографію «и началъ книги печатати, *Псалтыри*, *Часовники* и прочая, музу убо смышленную и разумну бывашу къ такому музному дѣлу». Произведенія московской типографіи вренствъ царя Михаила Феодоровича ставились иностранцами, но иза недостатку, наравнѣ съ произведеніями современныхъ иностранныхъ типографій.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича московское печатное заведеніе считало въ числѣ вышедшихъ изъ-подъ станковъ его изданій, книги всего почти церковнаго круга. Къ этой порѣ относится совершенное исчезновеніе изъ употребленія въ церквахъ рукописей, которыя вообще начали терять прежнюю цѣну, и заведеніе второй типографіи въ Москвѣ (1680), іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ, воспитателемъ царевича Феодора Алексѣевича. Она находилась при дворѣ и именовалась *верхнею*, то-есть придворною. Первыми книгами, вышедшими изъ нея были: *Тестаментъ Василія Царя Греческаго* и сдѣланный Симеономъ стихотворный переводъ *Псалтыри*.

При основаніи славяно-греко-латинской академіи, были введены въ духовной московской типографіи греческіе и латинскіе шрифты, и въ 1701 и 1704 годахъ Федоръ Подликарповъ, бывшій въ то время справщикомъ (корректоромъ) этой типографіи, а потомъ и директоромъ ея, издалъ сочиненный имъ *Славяно-Греко-Латинскій Букварь* и *Славяно-Греко-Латинскій Лексиконъ*. Подликарповъ обучался печатному дѣлу въ типографической школѣ, основанной въ Москвѣ въ семьдесятъ годахъ XVII столѣтія и окончилъ образованіе свое подъ руководствомъ братьевъ Духодовъ.

Такъ развивалось у насъ искусство книгопечатанія до Петра Великаго. Въ кругъ заботъ этого государя о просвѣщеніи Русскаго народа, конечно, должны были входить и старанія о ея болѣе распространеніи книгопечатанія, получившемъ уже обладость и право гражданства въ его государствѣ.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о привилегіи, данной Петромъ (1698), во время пребыванія его въ Голландіи, амстердамскому типографу Іоанну Тесингу, вслѣдствіе прошенія самого Тесина завести въ Амстердамъ русскую типографію.

Эвою привилегіей Петръ позволилъ Тесингу «печатать карты, всего свѣта, какъ сухопутныя, такъ и морскія, изображенія всѣхъ главныхъ особъ, и всѣ книги, до сухопутной и морской войны относящіяся, а равно и до архитектуры, математики, откровенія крѣпостей, и касающіяся названныхъ искусствъ и художествъ, выключая тѣхъ, кои содержаниемъ имѣть будутъ догматы православныя вѣры греко-латинскія и христіанскія вообще, на нѣмецкомъ и руссійскомъ языкахъ, свойственныи каждому изъ нихъ буквами, предоставляя ему Тесингу издавать оныя хотя въ одной книгѣ, хотя каждое порознь, и всѣ сіи книги, карты и изображенія всѣхъ главныхъ особъ пересылать изъ Амстердама въ Россію чрезъ Архангельскъ въ прочіе города Россійскаго государства, дабы симъ средствомъ подданные его царскаго величества, бывъ просвѣщены и познавъ свои обязанности, могли изъ того почерпнуть важныя выгоды»^{*}.

Завестъ типографію было дѣло не очень трудное; но что печатать въ ней?... Большая часть книгъ, выходившихъ до тѣхъ поръ у насъ, относилась къ отдѣлу богословія, до котораго Тесингъ не имѣлъ права касаться; готовыхъ же сочиненій по части другихъ наукъ было очень немного. И такъ нужно было изготовлять новыя книги; но кому? гдѣ могъ найтись русскій писатель въ Амстердамѣ?—Эти препятствія, конечно, помѣшали бы Тесингу приняться за дѣло, еслибъ онъ не имѣлъ въ виду (вѣроятно и тогда уже, какъ подавалъ свое прошеніе государю) нѣкоего Копіевскаго или Копіевича **, Илью Федорова сына, бѣлорусса. Этотъ Копіевскій учился въ Голландіи и, принявъ реформатское исповѣданіе, былъ избранъ тамъ кандидатъ-пасторомъ. Если русская грамотность его и не отличалась особенною чистотой и правильностью, зато усердія и трудолюбія было у него вдоволь. Съ неутомимомъ ревностью принялся онъ за сочиненія и переводы, и уже въ 1699 году Тесингъ напечаталъ его *Введеніе краткое во всякую исторію, по чину историческому, отъ созданія міра, ясно и совершенно списанное, и Руководство въ ариметику*.

Въ слѣдующемъ году Копіевскій, помогавшій Тесингу при заведеніи русской типографіи, отошелъ отъ него, и основалъ

* Привилегія была выдана Тесингу на пятнадцать лѣтъ.

** По русскимъ онъ подписывался Копіевскимъ, а по латинскимъ Копіевичемъ.

вою особисту. Поводомъ къ этому были, вѣроятно, какіи-нибудь неприятели между авторомъ и издателемъ, какъ это можно заключать изъ слѣдующихъ словъ Кошоваго въ предисловіи къ изданію имъ (1700) *Латинской грамматики*: «Умалчи же вынѣ о неразумныхъ типографахъ, которыхъ учить нужда бысть мнѣ самому и, ихъ ради неумѣючи, во шлюбу предорчихъ душу мою и во мнози отщетахъ.»

Въ этомъ же году издалъ Кошовскій панегирикъ Петру Волкону подъ такимъ заглавіемъ: *Gloria triumphorum et trophaeorum. Слава торжествъ и знаменъ побѣдъ, пресвѣтлѣйшаго и августѣйшаго державнѣйшаго и нарѣбдѣннѣйшаго, седмидесятицаря и великаго князя Петра Алексѣевича, вѣя Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, въ кратце списана стихами поэтычкими.*

Кромѣ непомѣрного усердія и неутомимѣйшаго трудолюбія, Кошовскій обладалъ также порядочнымъ запасомъ самоактивности: онъ брался за самыя разнообразныя предметы, какъ можно видѣть изъ исчисленія трудовъ его, приложеннаго къ *Латинской грамматики*.

Вотъ это исчисленіе:

«Рядовый чинъ, имже книги именуются, писаны и издаваны авторомъ, Елія Федоровымъ Кошовскимъ; имже, по указу Великаго Государя, въ Амстердамъ, писалъ и въ печать издавалъ:

- 1) Введеніе во всякую Историю.
- 2) Руководеніе въ Артыметику, сврѣчь во всякой счетъ.
- 3) Поверстаніе круговъ небесныхъ съ толкованіемъ.
- 4) О дѣлѣ воинственномъ.*
- 5) Номенкляторъ, на рускомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ.
- 6) Словабулы стихами, латинскіе и русскіе.
- 7) Притчи Есеповы, на латинскомъ и русскомъ языкѣ.**
- 8) Грамматика латинская и русская.

* Напечатана у Теснига подъ заглавіемъ: *Краткое собраніе Дѣя Миротворца, августѣйшаго Греческаго Кесаря, показующее дѣла воинскихъ обученія.*

** Напечатаны у Теснига; въ этой же книгѣ: *Померова бракъ или бой особъ а.т. латинскихъ и руской.*

Отъ тѣхъ Иванъ Андреевъ Тесницъ шесть вывезти; ось
мь.

Подлинныя съ печатью вывезеныя:

- 9) Шляперская книга морскаго плаванія.
- 10) Книгуецъ Курциумъ о великомъ Александрѣ Македонскомъ.
- 11) Литонисаніе, отъ созданія міра, на асаке яко что дѣлалъ.
- 12) Синописъ Кіевома, на латинской языкъ переведенъ.
- 13) Образъ повору политычнаго, молоній.
- 14) Парадигмата склоненія и спряженія, на нѣмецкомъ, русскомъ и латинскомъ языкѣ.
- 15) Ораторыя латинская.
- 16) Риторика латинская.
- 17) Разговоръ, въ 40 главяхъ, на латинскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ.

Они все перевезеныя:

- 18) Лекціонъ, на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ.
- 19) Описаніе четырехъ монархій.
- 20) Конкорданцыя, на русскомъ языкѣ, на всю Библию московскую.
- 21) Герацкій Флаккуецъ, о добродѣтели, стихами нѣмецкими, русскими.»

Смерть Копіевскаго, посѣдовавшая въ 1701 году, не позволила ему кончить всѣ численныя труды. Вскорѣ умеръ и Тесницъ, и намъ не извѣстно положительно, въ чьи руки перешли ихъ типографіи.

Впрочемъ со смертью ихъ не прекратилось печатаніе въ Аптекарнѣ русскихъ книгъ. Въ 1705 году, Авраамъ Бренанъ выдалъ оставшіяся послѣ Копіевскаго окончательно приготовленныя имъ къ печати переводы: *Книга, умноженъ меркелей владенія, ватерую мададе Остиндская компаніи солметра и преселеній со всей Европъ математикъ, шиммерскій мастеръ и учитель, Абраамъ Деграфъ*; потомъ, именно черезъ годъ, напечатана у Генриха Ветстенія книга: *Символы и Емблемата, съ портретомъ Петра Великаго и восемьюстами - тридцатью - девятью гравированными картинками.*

Литт. архивъ. 1705.

V. КРИТИКА.

=

Дѣйствія Суворова въ Турціи, въ тысяча-семь-сотъ-семьдесятъ-третьемъ году. Составилъ генеральнаго штаба подполковникъ Саковичъ. Санктпетербургъ, 1853.

Перепечатки журнальныхъ сочиненій вообще пользуются у потребителей книгъ очень ограничевною милостію. Нельзя имъ однако не сдѣлать изъятія для нѣкоторыхъ случаевъ. Все что относится къ знаменитѣйшему изъ нашихъ полководцевъ такъ любопытно и дорого для каждаго изъ Русскихъ, и все касающееся до Турціи того заслуживаетъ общаго вниманія при настоящихъ обстоятельствахъ, что хорошо читающіе люди не должны упустить случая къ знакомству съ прекраснымъ трудомъ господина подполковника Саковича, когда этотъ трудъ, первоначально назначенный для спеціальнаго повременнаго изданія*, явился въ видѣ отдѣльной книги. Сочиненіе не пространно, но существенно по содержанію, и обильно новыми, достоверными свѣдѣніями въ историческомъ отношеніи. Кіевская археологическая коммисія, которой исторія уже обязана многими полезными изданіями, открыла при черниговскомъ губернскомъ архивѣ забытыя «дѣла» поход-

* Для Воснаго Журнала, 1853 г.
Т. СХХV. — Отд. V.

ной канцеляріи графа Румянцова-Задунайскаго. Эти бумаги были перевезены въ Кіевъ въ концѣ 1851 года и подвергнуты разбору. Многія изъ нихъ относятся къ Суворову и подлинными актами опредѣляютъ или разъясняютъ дѣйствія его въ Турціи, донинѣ извѣстныя изъ однихъ лишь преданій его біографовъ. Въ настоящемъ сочиненіи господинъ подполковникъ Саковичъ желалъ употребить въ дѣло новообрѣтенные документы, главнѣйше, для приведенія въ ясность туртукайской экспедиціи Суворова, совершенной въ 1773 году, о которой въ его біографіяхъ и въ публикѣ господствуютъ весьма сбивчивыя понятія. Какъ тщательный и искусный изслѣдователь, онъ не преминулъ извлечь изъ официальныхъ подробностей всѣ доказательства и доводы, раскрывающіе суворовскую теорію и практику, и въ распоряженіяхъ тогдашняго начальника отряда показать понятія и образъ дѣйствія будущаго великаго полководца.

Здѣсь не можетъ быть рѣчи о техническихъ, собственно военныхъ расчетахъ, особенностяхъ и случаяхъ, разсмотрѣніемъ которыхъ преимущественно занимается авторъ, по своей принадлежности: одна только личная, историческая сторона экспедиціи, какъ часть біографіи Суворова, должна составить предметъ обзоренія. « Долгъ исторіи — « оцѣнить сторону государственной дѣятельности каждаго изъ « сотрудниковъ великой эпохи », замѣчаетъ господинъ Саковичъ: « Личность, образъ жизни, характеръ, самыя странности Суворова, болѣе или менѣе извѣстны изъ жизне- « описаній: но многое ли мы знаемъ объ отношеніяхъ « Суворова къ лицамъ и къ обществу, объ его вліяніи на « современниковъ, объ идеяхъ, занятыхъ имъ у своего « времени, развитыхъ силами собственнаго ума и перешед- « шихъ отъ него къ потомству? Изслѣдованъ ли и пред- « ставленъ ли въ настоящемъ свѣтѣ этотъ геній, по вліянію « его на окружавшихъ, на войска, на народъ, отъ кото- « рыхъ онъ не отрывалъ себя ни на мигъ во всю жизнь « свою? Изчислены ли заслуги Суворова какъ стража па- « циональности, бросившаго обильныя сѣмена для послѣдую- « щей реакціи въ идеяхъ и нравахъ нашего общества? Мы « знаемъ, какъ высказывалъ онъ въ-лицо горькія истины,

« Видимъ его мистификаціи въ обращеніи: то разъяснили
 « намъ хоть одинъ біографъ, отъ какихъ причинъ и обсто-
 « ятельствъ характеръ и личность Суворова вылились въ
 « эту, особенную форму, казавшуюся комическою для
 « однихъ, назидательною для другихъ, загадочною для
 « всѣхъ? »

Этотъ послѣдній вопросъ, собственно, могъ бы не принад-
 лежать къ вѣдомству біографовъ. Каждый въ состояніи раз-
 рѣшить его у себя по законамъ физиологій, при небольшо-
 мъ пособіи со стороны самой простой нравственной философіи.
 Все необычайно-огромное, по уму или по тѣлу, имѣетъ видъ
 странннй, загадочный, иногда и комическій, для насъ; су-
 щество средней мѣры въ томъ или другомъ отношеніи, су-
 щество нормально-маленькихъ, обыкновенныхъ, болѣе или
 менѣе равныхъ между собою, умственно и вещественно.
 Необычайно-огромное не можетъ ни двигаться, ни поворачи-
 ваться, ни думать, ни говорить, ни дѣйствовать, подобно
 среднему созданію, то есть, сообразно съ тѣмъ что у ма-
 ленькихъ существъ почитается ловкостью и приличіемъ. Ма-
 монты, мегатеріоны, киты, конечно, не странны въ лицѣ
 природы, но все посредственное и крошечное твореніе смот-
 ритъ на нихъ съ недоумѣніемъ, не понимаетъ ихъ дѣйствій;
 принимаетъ самыя естественныя поступки ихъ за мисти-
 фикаціи, то ужасается ихъ громадности, то смѣется объ ихъ
 неворотливости и безтолковщинѣ. Если бы все твореніе
 было мамонтами или китами, оно бы не смѣялось. И на-
 оборотъ, этимъ исполнамъ маленькое твореніе должно пред-
 ставляться нецостижимымъ и смѣшнымъ. Геніальные люди
 принадлежать къ категоріи такихъ великановъ: всѣ они бо-
 лѣе или менѣе кажутся намъ загадочными, страшными, не
 потому, чтобы они были таковы на самомъ дѣлѣ, а по той
 досадной причинѣ, что мы, къ сожалѣнію, не геніи.

Точно такими же кажемся мы геніямъ и даже полу-ге-
 ніямъ. Очень часто сердятся они на насъ, зачѣмъ мы —
 маленькіе, зачѣмъ у насъ идеи, дѣйствія, вкусы, при-
 вычки — крошечныя, мелкія, карманныя. Но когда намъ
 съ отикъ хорошо! когда онъ для насъ очень уютны и спод-
 ружны!... Съ опрошными идеями, съ необорванными дѣй-

ствіями и вкусами, мы не могли бы свободно поворачиваться. Они по-напрасну сердятся на насъ, мы неуспѣшно возстаемъ противъ нихъ. Гении не понимаютъ насъ; мы не понимаемъ гениевъ. И этотъ несчастный антагонизмъ, существующій отъ начала обществъ и донынѣ, причиняетъ много страданій и бѣдствій человѣчеству. Разсердившись на нашу мелкость, гении часто доходятъ до неуваженія къ нашей удобной и изящной мелочности, до презрѣнія нашихъ крошечныхъ, микроскопическихъ понатій; становятся свѣсправны и, на наши глаза, являютъ себя еще болѣе странными.

Если подвести психологическій казусъ Александра Васильевича Суворова подъ эту статью совѣмъ нектрой нравственной философіи, то, я думаю, справка будетъ довольно правильная и вѣрная. Нужно только пополнить ею одними донанными фактами энвйологии. Многія организмы уже въ зародышѣ получаютъ отъ природы сверхъ-умѣренное количество жизни или, какъ говорилось прежде въ едипинѣ, жизненной силы, то есть, избыточную дѣятельность фибръ, мускуловъ и нервовъ, которая въ дѣтствѣ и юности проявляется, у самыхъ грубыхъ организмовъ, влеченіемъ къ шалостямъ и буйству, у организмовъ же болѣе тонкихъ и чище отдѣланныхъ—сильною веселостью, стремительною и забавною проказливостью, склонностью къ шаловливому подражанію и къ передразниванію. Оноло этотъ совершеннотѣтїа, когда человекъ становится болѣе или менѣе угрюмымъ, важнымъ, страстнымъ, эта избыточная жвненіонная дѣятельность обыкновенно ослабѣваетъ, рѣшается и утрачивается. Но не у всѣхъ. Нѣкоторые организмы, особенно изъ лучшихъ, удерживаютъ ее отъа долго; иногда еще и въ сановитой старости не могутъ она устоять противъ внутренняго ея напора, противъ неодолимаго влеченія къ проказливости, и несколько переизмѣняютъ ею самыя важныя и мудрыя мысли, разсужденія и дѣйствія свои. Этому преимуществу или неудобству подвержены и гении и не-гении. Оно составляетъ себѣ нравственную міозустаніа—особенный душевный тѣл-эриментъ—оно, всегда, любознательн, но не болѣе странно

тѣмъ идіосинкразіи тѣлесныя, подъ вліяніемъ которыхъ такія явленія образуются. Точно такимъ образомъ произошло и то, что господинъ подполковникъ Саковичъ предлагаетъ въ видѣ задачи, требующей разъясненія: въ вопросѣ о причинахъ вылитія характера и личности Суворова въ ту форму, которая дотогу поражала современниковъ, что многіе, какъ говоритъ авторъ, считали его за сумасшедшаго.

Онъ былъ очень страненъ для людей своего времени, уже потому, что былъ ужасно великъ умомъ. Онъ сердился на нихъ—совершенно понапрасну—за то, что они не были такъ же велики какъ онъ. Онъ своенравно негодовалъ на ихъ общество, которое между-тѣмъ было право, дѣлало свое дѣло, усердно исполняло назначеніе, предначертанное ему Промысломъ, насмѣшливо ставилъ быть солдатскій и быть старинный русскій въ противоположность тому, что въ нѣящномъ быту тогдашняго общества считалъ смѣшнымъ, но что въ свое время нисколько не было смѣшно, напротивъ, было натурально, логически-правильно, неизбежно; и онъ сталъ еще болѣе страненъ для атихъ людей. Избытокъ нерадой дѣятельности, то есть, юность и ея проказливостъ, продолжался въ немъ до глубокой старости на основаніи законовъ фізіологіи: онъ не хотѣлъ, да собственно и не могъ, превозмочь и потушить его, и это довершило тотъ видъ страчности, который, изъ человѣка простаго, аснаго и сѣтлаго какъ солнце, сдѣлалъ существо загадочное.

Что касается до вліянія Суворова на современниковъ, которые не узнавали его, до идей, имъ непримѣтно привитыхъ, удачно принявшихся и неволью собранныхъ въ видѣ полезныхъ плодовъ ближайшимъ поколѣніемъ, то это въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ тщательнаго изслѣдованія. Гении всегда оставляютъ слѣдъ своего лучезарнаго прохода въ челоѣчествѣ, какъ бы оно ни было имъ испугано или предубѣждено противъ него. Можно сколько угодно не понимать или не признавать гениа: но у него тоже есть свое назначеніе въ чинѣ вселенной, и онъ исполнить его на зло своему времени и на пользу всѣхъ временъ. Авторъ съ прекрасною пронизательностью указываетъ на нѣкоторыя черты этого вліянія, нѣкоторые плоды идей этого великаго

разума, пераскусимые для современныхъ посредственностей, завѣщанные ихъ дѣтищамъ, и потомъ пайденные превосходными до того, что другіе выдали ихъ за своя изобрѣтенія, какъ это почти всегда случается. Юный Наполеонъ Бонапарте, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившій за всѣми военными движеніями въ Европѣ, попялъ образъ дѣйствія Суворова еще прежде чѣмъ Бонапарте и Суворовъ увидали Италію. И взаимно, едва Бонапарте явился на сценѣ, какъ Суворовъ угадалъ въ немъ опаснаго врага для противниковъ Революціи, и неразъ упрашивалъ Государыню: «*Матушка! пусти меня противъ Французовъ!...*» Изъ той части корреспонденціи Суворова, которая донынѣ обнародована, видно положительно, что онъ, уже будучи въ Италіи, на мѣстѣ подвиговъ юнаго героя Франціи, во время его египто-сирійской экспедиціи, не очень высоко ставилъ воинскій гений Бонапарте, въ которомъ не могъ не различать и чувствовать своего подражателя. Успѣхи его приписывалъ онъ, какъ кажется, болѣе всего отчаянной бездарности тѣхъ, которые, по его выраженію, *привыкли быть битыми*. Между-тѣмъ во время италіанской кампаніи Бонапарте, Суворовъ-Римникскій былъ такъ же мало извѣстенъ образованному русскому обществу какъ и тотъ, который у «привыкшихъ быть битыми» отнималъ тогда Ломбардію. Сергѣй Глинка, адъютантъ князя Н. В. Долгорукова, говоритъ, что въ домѣ своего генерала, въ Москвѣ, онъ никогда не слыхалъ имени Бонапарте, и, когда, по увольненіи князя Долгорукова отъ службы, онъ пріѣхалъ къ своему батальону въ лагерь, стоявшій подъ Петербургомъ, офицеры, люди образованные и умные, едва знали имя Суворова. Образъ его военныхъ дѣйствій такъ сильно противился тогдашнимъ теоріямъ военнаго дѣла, что поносить его, безъ разбора, эпитетами — невѣжда — счастливый сумасбродъ — Атила — значило быть ученымъ и тонкимъ. Общество было все противъ него. Поклонники тактики и стратегіи Фридриха Великаго краснѣли за его побѣды, одержавшыя вопреки всѣмъ правиламъ ихъ науки и тому что у нихъ, по этимъ правиламъ, называлось здравымъ смысломъ; и въ его успѣхахъ они должны были по-необходимости видѣть, про-

сто, удачные случаи, а въ немъ самомъ—человѣка сумасшедшаго и опаснаго, который можетъ каждую минуту погубить армию и отечество. Когда Суворовъ въ нѣсколько недѣль овладѣвалъ Италией для Австрійцевъ, ихъ Придворный Военный Совѣтъ, Hoffkriegsrath, былъ въ отчаяннн, что это дѣлается такъ скоро, быстро, безъ ученыхъ движеній и передвиженій, безъ соблюденія тонкихъ и медленныхъ стратегическихкихъ церемоній славнаго восемнадцатаго вѣка; что русскій полководецъ уничтожаетъ французскія армии не взявъ сперва Мантуи, признанной въ ихъ наукѣ точкою опоры и ключомъ страны; что онъ беретъ все силою и быстротою удара, а не мудростью расчета и послѣдовательностью дѣйствій по данному плану, который для него приняли трудъ составить въ Вѣнѣ, за-глаза, издали, безъ знанія обстоятельствъ, но съ великимъ знаніемъ теоріи войны. Его убѣждали — умоляли — писали ему колкости и грубости — окружали его присмотрами, препятствіями, интригами, недоброжелательствами — послѣ каждой побѣды изъ Вѣны посылали въ благодарственной депешѣ учтивый намекъ на то, что онъ не въ своемъ умѣ и успѣхами только умножаетъ опасность — послѣ каждаго неожиданнаго подвига, и передъ каждымъ непредвидѣннымъ дѣйствіемъ, жаловались на него Русскому Государю, какъ на ослушника, почти какъ на мятежника, непризнающаго мудрости вѣнскихъ придворныхъ геніевъ, и дрожали за цѣлость своего государства, когда онъ дарилъ ему обширныя страны, добытыя своимъ непослушнымъ мечомъ. Враги также не любятъ быть битыми въ противность правиламъ, которымъ сами они поклоняются. Они бѣснуются еще хуже въ подобныхъ случаяхъ—называютъ бьющаго невѣждою и варваромъ—и никогда не согласятся, что они низложены, не случаемъ, а искусствомъ и геніемъ. Въ званіи самостоятельнаго начальника Суворовъ явился на военномъ поприщѣ въ первые противъ польскихъ Конфедератовъ, и господинъ Саковичъ говорить самъ объ ихъ негодованнн на невѣжество своего побѣдителя. Они упрямо утверждали, что Суворовъ не имѣетъ понятія о войнѣ — что ему только-бы драгнся съ медвѣдями, а не съ образованными и учеными воинами. Образъ

его дѣйствию оскорблялъ ихъ самолюбіе. Имъ казалось, что онъ изъ презрѣнія къ ихъ познаніямъ, храбрости и силамъ, не слѣдуетъ правиламъ тактики, одобренной опытомъ и утвержденной наукою. Разсѣвать непріятеля нечаянною нападениемъ, а не поражениемъ, не значило, по ихъ мнѣнію, побѣждать. Тогда какъ въ Австріи боялись, что убитые въ противность правиламъ, непременно встанутъ, придутъ и возьмутъ Вѣну, въ Польшѣ неубитые въ противность тѣмъ же правиламъ не могли постигнуть, какимъ образомъ взята Варшава, когда они живы и только бѣжали въ разные стороны отъ внезапнаго ужаса.

Мнѣ кажется, что это ясно. Но чтобы еще яснѣе понять страшную силу ученыхъ суевѣрій и ихъ прямая послѣдствія, можно предположительно представить себѣ какой-нибудь простой маленькій случай, выходящій изъ правилъ самой ничтожной и всякому извѣстной науки. Положимъ, что вдругъ явился бы между нами Гомеръ, который бы написалъ на нашемъ языкѣ Илиаду, во сто разъ удивительнѣе греческой, но вопреки всѣмъ правиламъ принятой орфографіи, напримѣръ, строго придерживаясь общаго выговору и всенароднаго употребленія. Что сказали бы объ немъ грамматикѣ и всѣ тѣ, которые выучились писать вѣрно по правиламъ ихъ науки? Нѣтъ нималѣйшаго сомнѣнія, что его прокричали бы невѣждою, варваромъ, безграмотнымъ стиходѣемъ или сумасшедшимъ и вреднымъ человѣкомъ. Его не стали бы читать, его запретили бы въ классахъ, его не правляли бы и учили бы насмѣшливо азбукѣ. Онъ былъ бы совершенно правъ — изобрѣлъ бы самый короткий, вѣрный, и чудесный способъ изображать слова письмевами — явился бы факеломъ языка, рычагомъ мысли, настоящимъ благодѣтелемъ пишущихъ и читающихъ — слѣдующія поколѣнія признали бы его гениемъ и воздвигли бы ему монументы: тѣмъ не менѣе, напротивъ, еще тѣмъ болѣе, современники поносили бы и ругали бы его. Что тогда остается дѣлать гению, котораго со всѣхъ сторонъ огорчаютъ, умажаютъ, преслѣдуютъ? Если онъ дѣйствительно великъ, если онъ твердъ волею, непоколебимъ въ намѣреніяхъ, и непременно желаетъ достигнуть высоко задуманной цѣли,

онъ долженъ заширять мысли свои въ самомъ себѣ и мистифицировать. Безъ злаго умысла, добровольно, неизбежно, съ непонимающими его по предубѣжденію или по своимъ суевѣріямъ онъ будетъ обращаться какъ съ дѣтьми, которыхъ надо убѣждать шутками или игрушками, или какъ со слѣпцами, которымъ красный цвѣтъ нужно толковать горячею печкою, а желтый щелчкомъ въ носъ. Если онъ кромѣ-того надѣленъ избыткомъ жизненности, если не вся юность испарилась изъ старыхъ жилъ его, если въ немъ все-еще клокочетъ нервная и мускульная дѣятельность, источникъ гениальности, онъ естественно будетъ даже проказникомъ и станетъ утѣшать себя фарсами своего былого дѣтства. Въ характерѣ всѣхъ гениальныхъ людей давно замѣчено продолженіе дѣтскихъ чертъ, привычекъ, забавъ, до конца ихъ жизни. Одинъ изъ важныхъ посѣтителей Суворова рассказываетъ, что, бывъ у него въ деревнѣ, съ восторгомъ слушалъ онъ глубокомысленное и краснорѣчивое разсужденіе стараго героя о тогдашнемъ политическомъ состояніи Европы, какъ вдругъ великій человекъ запылъ ему пѣтухомъ надъ самымъ ухомъ. Гость не могъ выдержаться отъ замѣчанія о странномъ удовольствіи, которое столь знаменитый и такой разумный мужъ находить въ подобномъ шутовствѣ. — «Какой вы, fagotier, почтеннѣйшій графъ Александръ Васильевичъ! вскричалъ удивленный и негодующій посѣтитель: ну; какъ можно такіа умныя вещи перебивать такими пустяками? Я не вѣрилъ рассказамъ: но теперь самъ вижу, что вы любите проказничать.... запыть пѣтухомъ среди самыхъ серіозныхъ предметовъ.» — «Запылъ бы ты, братецъ, не пѣтухомъ, а курицей, отвѣчалъ ему Суворовъ, если бы на своемъ вѣку видѣлъ и испыталъ то, что мнѣ привелось видѣть и испытать.» Послѣ этого отвѣта, психологія біографовъ можетъ укалить себя отъ бесполезныхъ разъясненій. Характеръ Суворова и причины этого характера совершенно понятны.

Цѣльскіе Конфедераты были сильны и храбры, имѣли предводителей, хорошо знающихъ теорію военнаго искусства того времени, но не составляли собою благоустроенной и правильной арміи. Суворовъ понялъ мгновенно, что

нравственная сила дисциплинированного войска опаснѣе для нихъ числительнаго превосходства, что внезапное, непредвидѣнное нападеніе должно необходимо производить между ними замѣшательства, трудныя къ скорому исправленію, и что отступленіе губительно для этихъ отрядовъ, непривычныхъ къ стройнымъ движеніямъ и неуклонному повиновенію. Перейдя съ театра войны въ Польшу на берега Дуная, онъ нашелъ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, большое сходство между оттоманскими массами и конфедератскими отрядами: противъ нихъ тоже лучшими и вѣрнѣйшими средствами были внезапный ударъ—испугъ ихъ—отступленіе—и турецкая армія разсѣяна и уничтожена: потому-что въ отступленіи она потеряетъ все отъ безпорядка, а послѣ отступленія не соберется по недостатку въ дисциплинѣ.

И съ перваго шагу своего на Туртукай, въ общій турецкій войны, Суворовъ дѣйствовалъ внезапными наступленіями, въ которыхъ штыкъ и сабля — главные оружія успѣха. Въ Италіи примѣнилъ онъ тѣ же самыя начала къ борьбѣ съ французскими арміями, до извѣстной степени нуждавшимся также въ благоустройствѣ и строгой дисциплинѣ. Основаніемъ всѣхъ правилъ и соображеній его было возможное сбереженіе людей, избѣжаніе бесполезныхъ кровопролитій и необходимая для этого быстрота движеній, на которую хуже всего негодовали австрійскіе генералы и войска, привыкшіе къ медленности, флегмѣ и размышленію. Какъ система Суворова, такъ и характеръ его, и та гениальная проницательность ума, которая заранѣе видитъ и мгновенно устраняетъ всѣ случайности и нужды предпріятія, и могучая послѣдовательность его предначертаній, не предоставлявшая ничего слѣпому счастью, вполне ясны изъ собственноручныхъ его писемъ и донесеній, изъ диктованныхъ имъ плановъ, и изъ дневныхъ приказовъ его во арміямъ. Множество безцѣнныхъ этого роду документовъ обогащаютъ собою превосходное твореніе господина полковника Милютина, «Исторія войны Россіи съ Франціей въ 1799 году». Нужно прочесть нѣкоторые изъ нихъ по случаю вопросовъ, предложенныхъ нашимъ авторомъ.

Во время движенія на встрѣчу Магдональду, Суворовъ издалъ слѣдующее наставленіе войскамъ :

« 1) Непрiятеля поражать холоднымъ ружьемъ, штыками, саблями и пиками. Артиллерія стрѣляетъ по непрiятелю по своему разсмотрѣнію, почему она и по линіи не расписывается. Кавалеріи и казакамъ стараться непрiятелю во флангъ ворваться.

« 2) Въ атакѣ не задерживать. Когда непрiятель сколоцъ, срубленъ — то тотчасъ его преслѣдовать, и не давать ему времени ни собираться, ни стрѣвться. Если непрiятель будетъ сдаваться, то его щадить; только приказывать бросать оружіе. При атакѣ кричать, чтобы непрiятель сдавался, о чемъ и Русскія войска извѣстить. Ничего не щадить; не взирать на труды; преслѣдовать непрiятеля дено и ношно до-тѣхъ-поръ, пока истребленъ не будетъ.

« 3) Котлы и прочіе легкіе обозы, чтобы были не въ дальнемъ разстояніи при сближеніи къ непрiятелю, по разбитіи жъ его, чтобы можно было каша варить; а впрочемъ побѣдители должны быть довольны взятымъ въ ранцахъ хлѣбомъ и въ манеркахъ водою.

« Кавалерія должна о фуражѣ сама пецись.»

Суворовъ.

Когда генералъ Розенбергъ, увлеченный личною храбростію, вопреки положительному предписанію Суворова переправился черезъ По, чтобы постращать непрiятеля, или чтобы отвлечь его вниманіе, Суворовъ отдалъ по арміи очень замѣчательный приказъ, въ которомъ, для урока всѣмъ, изъявилъ свое неудовольствіе на подобныя движенія и сдѣлалъ косвенный выговоръ Розенбергу.

« Приказъ по соединенной арміи.

« Мѣстный въ его близости по обстоятельствамъ лучше судитъ нежели отдаленный; онъ проникаетъ въ сжегзсныя перемѣны теченія ихъ и потому направляетъ свои поступки по воинскимъ правиламъ. По слуху Валенца опорожнена; наря-

женъ для занятія ея только несильный отрядъ. Тотъ слухъ явился ложной; сіе отмѣнено; и вскорѣ повелѣно всѣмъ къ тамошней странѣ бывшимъ Россійскимъ войскамъ, соединиться къ арміи для большихъ операцій. Повелѣніе сіе получено, когда уже нѣкоторая часть передовыхъ отъ Борго-Франко переправилась чрезъ По на первой островъ: не токмо чтобы той части переправиться обратно, но въ послушаніе повелѣнія, весь сей корпусъ продолжалъ переправу на противный берегъ на одномъ паромѣ съ лодками, и безъ малѣйшаго разсмотрѣнія, оставя все благоразуміе, первопереправившимися баталіонами пошелъ быстро сбивать непріятельскіе пикеты, не рассчитая, что слѣдующихъ войскъ вазадѣ, черезъ переправу, едва одинъ баталіонъ часа черезъ полтора переправиться могъ. Малое число баталіоновъ обрѣли себя вдругъ противъ непріятельскаго несравненно превосходнѣе ихъ корпуса, умножающагося непрестанно отъ Александріи, гдѣ его всѣ силы были. Россіане едва 5 баталіоновъ имѣли и до 200 казаковъ, — какъ мужественный генералъ-маіоръ Милорадовичъ, отличившійся уже при Декко, видя стремленіе опасности, взявши въ руки знамя, ударилъ на штыкахъ, поразилъ и покололъ противустоящую непріятельскую пѣхоту и конницу, и рубя самъ сломалъ саблю; двѣ лошади подъ нимъ ранены. Ему многіе послѣдовали и наконецъ всѣ. Между тѣмъ разныя баталіоны переправляясь съзади соединились; сраженіе получало иной видъ; уже непріятель отступалъ; Россіане его храбро гнали и поражали; побѣда блистала... какъ съзади себя слышать въ барабанъ отбой и сборъ, якобы въ какой экзерциціи, что послѣднее и тамъ не нужно по исправности войска. Сія герон отступаютъ, преслѣдуемые непріятелемъ гораздо превосходнѣе ихъ, и строятся у сигнала: начинается пальба, съ прибавленіемъ изъ-за рѣки войскъ, — на которой множество гибнетъ людей. Ночь раздѣлила сражающихся: непріятель, потерявшій вѣное, отступилъ къ Александріи. Россіане переправились обратно черезъ рѣку По.

« Императорско-Королевскій корпусъ, стоявшій противъ Казале, для демонстрацій, переправилъ на противный берегъ, въ близости непріятеля, нѣсколько пѣхотныхъ ротъ, яко на жертву: по крайней осторожности, суда расплылись: ту пѣ-

хоту неприятель окружилъ большими силами и едва треть оной сдѣлалъ.

« Демонстраціи — игра юно-военныхъ; обыкновенно онѣ или пустыя, утруждающія войска, или наносящія имъ вредъ. Занятіе многихъ постовъ ихъ раздѣляетъ и даетъ способъ неприятелю имѣть надъ ними поверхность по подробности. Нужны разѣзды и обвѣстительные посты отъ конницы; развѣ въ ущельяхъ горъ пѣхота употреблена быть можетъ, и то съ великою осторожностію, чтобъ отрѣзана не была.

« Иначе, военный судъ разбирать будетъ !

« Мая 3 дня, 1799.

« М. Кастельново-ди-Скривіа. »

Какъ жестоко преслѣдовали и огорчали Суворова повсюду тогдашніе теоретики, даже и въ эпоху самаго полнаго развитія его славы, это доказываютъ усердныя и повторительныя просьбы его объ увольненіи отъ главнаго начальства надъ италіанскою арміею, гдѣ ему рѣшительно не давали ни власти ни средствъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Съ душевнымъ прискорбіемъ подозрѣвая въ немъ невѣжательство, они не довѣряли ни правиламъ ни уму ни же избраннаго героя, и требовали, чтобы онъ непремѣнно дѣйствовалъ по ихъ указкѣ и подъ ихъ руководствомъ. «Его римско-императорское величество», писалъ Суворовъ къ графу Разумовскому, послу нашему въ Вѣнѣ и другу перваго министра, барона Тугута, «желаетъ, чтобы, когда жь завтра баталію давать, я бы отнесся прежде въ Вѣну. Военныя обстоятельства мгновенно перемѣняются. Ничему для нихъ нѣтъ никогда вѣрнаго плана. Я не считалъ, ни быть на Тидонѣ и Требіи по слѣдамъ Анни-сбала, одинъ случай далъ намъ воспользоваться тамошними сокровищами, въ Миланѣ, куда намъ Вапріо и Кассеино ворота отворили. Фортуна имѣетъ голый затылокъ, а на лбу длинныя висячіе волосы. Летъ ея молніи. Не схвати за власы — уже она не возвратится.» Неголько Бридворный Военный Совѣтъ давалъ отъ себя, изъ Вѣны, нѣмало главно-командующаго, тайныя приказанія и наставленія австрійскимъ генераламъ, подвластнымъ Суворову,

но даже и самъ графъ Разузовскій, какъ другъ Тугута, имъ очарованный, волилъ ему преданный, посылалъ русскимъ начальникамъ предостереженія, между-тѣмъ какъ въ письмахъ своихъ къ нему старался всячески льстить его самолюбію. Нельзя кромѣ, благородіе и умѣе выразить справедливое негодованіе свое на такой непростительный поступокъ, какъ выразилъ его Суворовъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Разузовскому. «Совѣтую и вамъ, почтенный другъ, если случится вашему сіятельству въ чемъ нибудь есть къ войскамъ отпестись, чтобъ мнѣ о томъ, для «соображенія, какъ ихъ начальнику, сообщить изволили. «Вѣна въ воинскихъ операціяхъ не можетъ никогда, какъ я, свѣдуща быть. Не заводите другихъ гофкригсратовъ; и «одинъ всю мою вѣру и вѣрность крушить. Простите мнѣ «чистосердечіе.» Къ своему Государю угнетенный геній обращалъ въ то же время слѣдующія горестныя слова:

«Робость Вѣнскаго Кабинета, зависть ко мнѣ, какъ чужестранцу, интриги частныхъ, двуличныхъ начальниковъ, отягчающихся прямо въ гофкригсратъ, который до сего операціями правилъ, и безвластіе мое въ производствѣ сихъ прежде доклада на тысячи верстахъ, — принуждаютъ меня Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше просить объ отзывѣ моемъ, ежели сіе не переѣмнится. Я хочу мои кости положить въ своемъ отечествѣ и молить Бога за моего Государя.»

Вѣнскіе теоретики никакъ не хотѣли позволить Суворову довершить покореніе Італіи и препятствовали ему всѣми мѣрами уничтожить остатки французскихъ силъ въ пизуэской Ривіерѣ, надѣясь сами управиться съ ними, какъ скоро успѣютъ удалить опаснаго героя съ цопріща побѣды его. Новыя распоряженія, сдѣланныя мимо его Привернымъ Военнымъ Совѣтомъ, болѣе всѣхъ прежнихъ огорчили бѣднаго великаго человѣка. Открыто, за подписью императора Франца, присланы были ему, на другой день послѣ побѣды при Нови, самыя страшныя возраженія на планъ его дѣйствій и на его дальнѣйшія предположенія. Суворовъ почтительно изложилъ австрійскому монарху свои причи-

ны и уваженія, прибавилъ къ донесенію юному императору Францу:

«Весьма неудобно ослаблять армію нѣсколькими тысячами войска въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда намъ предстоитъ еще *упрочить за собою плоды вчерашней побѣды*, то-есть овладѣть Ривіерою Генуэзскою и прикрыть границы Піемонта покореніемъ Ницы, Конн и Фенестреллы. Для подобнаго предпріятія потребны немалыя силы, по обширности берега морскаго и по свойству горной страны. Я самъ, какъ вѣрный слуга, конечно желаю приобрѣсти Ривіеру Генуэзскую съ крайничъ, по возможности, сбереженіемъ людей. Важнѣйшею выгодою вчерашней побѣды считаю именно то, что она облегчитъ трудности предстоящаго намъ предпріятія и сохранитъ много крови. Равно и всѣ, доселѣ одержанныя мною побѣды и завоеваніе столь обширной страны, тѣмъ въ особенности меня радуютъ, что не стоили арміи значительныхъ потерь.»

Но къ графу Ростопчину, въ Петербургъ писалъ онъ откровенно и рѣзко о своемъ горѣ, о своемъ печальномъ положеніи среди этихъ происковъ, вспыхнувшихъ съ новою силою въ то самое время, когда непріятельская армія, совершенно разбитая, уходила передъ нимъ за Апеннины:

«Все мнѣ не мило. Присылаемые ежеминутно изъ госкриггера повелѣнія ослабѣваютъ мое здоровье и я здѣсь не могу продолжать службу. Хотятъ операціями править за тысячи верстъ; не знаютъ, что всякая минута на мѣстѣ заставляетъ меня переминыть. Меня дѣлаютъ экзекуторомъ какого-нибудь Двурядштейна и Тюрпина. Вотъ новое Вѣнскаго Кабинета распоряженіе, которое я ввѣрилъ оригиналомъ отправленному съ донесеніемъ къ Государю Императору, подполковнику Кушникову, изъ котораго вы усмотрите, могу ли я болѣе быть здѣсь.. Прошу ваше сіятельство доложить о семъ Его Императорскому Величеству, какъ равно и о томъ, что послѣ Генуэзской операціи буду просить объ отъѣздѣ формально, и уѣду отсюда. Болѣе писать слабость не дозволяетъ.»

Наконецъ теоретики выжили героя, побѣждающаго безъ

правиль, изъ Италіи. Они не могли простить ему фантастическихъ насмѣшекъ и порой рѣзкихъ отзывовъ объ ихъ прославленной мудрости. «Помилуй Богъ, говорилъ однажды Суворовъ: я не спорю; они умны, учены, храбры; однако жъ, безъ меня, ихъ бьютъ повсюду.» Онъ сталъ въ рѣшительно ненавистенъ. Побѣда осталась на ихъ сторонѣ. Суворову вѣлено, въ позднюю осень отправиться въ заваленную снѣгами Швейцарію, откуда между-тѣмъ тайно вывели войска эрцъ-герцога Карла, и дѣйствовать тамъ согласно съ ихъ предначертаніями. Не скрывая отъ Государя прошедшихъ скорбей ни опасеній за будущее, фельдмаршалъ чистосердечно высказалъ свое мнѣніе о планѣ будущей войны:

«Начало моихъ операцій будетъ и должно зависѣть единственно отъ обстоятельствъ времени, назначеніе которому Вашскій Гофкригсратъ дѣлаетъ по старинному навыку къ такому идеальнымъ политическимъ выметкамъ. Безпрерывныи, отъ того послѣдовавшіи военныя неудачи, помрачавшія славу Австрійскаго оружія, не научили его еще понинѣ той неоспоримой истины, что отъ одного иногда мгновенія разрѣшается жребій сраженія. Столь же мало послужило ему полезнымъ урокомъ и то, что быстрое, неослабленное и безъостановочное нанесеніе непріятелю удара за ударомъ, приводитъ его въ замѣшательство, лишаетъ его всѣхъ способовъ оправиться.... На случай предбудущихъ операцій, гдѣ потребно будетъ единственное содѣйствіе всѣхъ союзныхъ войскъ, не могу я скрыть предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ того опасенія, чтобы Эрцгерцога Карла и генерала Меласа, порекомендовавшаго Гофкригсрату, не отозвались неимѣніемъ особеннаго отъ него ни то повелѣнія. Столь же малого успѣха предвѣщая и пользы общаго дѣла отъ упоминаемыхъ въ тоу планѣ лежестрацій, когда Эрцгерцогъ своимъ безыгоднымъ демометраціямъ обратитъ лишь всю непріятельскую силу на насъ. Наконецъ осмѣливаюсь я довести, что для важнаго успѣха сего знаменитаго дѣла, лучше содержать соединенныя войска, а не побѣтныя какія либо операція, и что экспедиція моремъ на берега

Прованса уподобляется Английской неуспѣшной водѣ Тудонъ.»

Ободренный живѣйшимъ участіемъ Монарха, вполне оцѣнившаго его великія заслуги и справедливыя жалобы, Суворовъ въ избыткѣ признательности писалъ вторично Государю:

«Простите мнѣ всемилостивѣйше, что въ скорби сердца своего дерзнулъ я просить объ увольненіи меня отсюда въ благополучное отечество мое. Я пріобыкъ переносить съ пріятностію обиды, лично мнѣ наносимыя; но когда наглостію и дерзновенностію союзнаго, облагодѣтельствованнаго Кабинета, оскорблялась нѣкоторымъ образомъ слава и достоинство Монарха моего и небѣдоноснаго, мнѣ ввереннаго Его оружія, — тогда долгомъ поставлялъ я уклониться въ мирное жилище. Нынѣ же повсюду, гдѣ угодно будетъ Всевышнему преемъчъ мнѣею, посвящаю ее достославному служенію Вашему Императорскому Величеству. .. Ощущая всю цѣну величія Монаршихъ милостей, поведу я теперь храброе Вашего Императорскаго Величества воинство въ Швейцарію, куда Высочайшая Ваша воля путь мнѣ указываетъ, и тамо, на новомъ полѣ сраженія, поражу врага или умру со славою за отечество и Государя!...»

Необходимое дополненіе этой подлинной и вѣрной картины характера Суворова, его правилъ, и его положенія между завистливыми и раздраженными современниками составляетъ письмо его къ эрцъ-герцогу Карлу, въ высшей степени оригинальное и любопытное. Оно вышло изъ гордаго и смѣлаго пера уже въ то время, когда обманъ сдѣлался явнымъ; когда, по тайнымъ предписаніямъ изъ Вѣны, эрцъ-герцогъ совершенно уклонился съ своими силами изъ Швейцаріи, подѣ предлогомъ защиты наследственныхъ австрійскихъ владѣній, чтобы не оказывать помощи Суворову и всю тяжесть борьбы въ горахъ и сѣнкахъ возвалить на одни русскіе страды. Оно внушено благороднымъ негодованіемъ человека прямодушнаго, чест-

наго и увѣреннаго въ своемъ достоинствѣ, и писано на французскомъ языкѣ:

«Завтра двинусь я на зимнія квартиры между Иллеромъ и Лехомъ!! Наслѣдственныя владѣнія должны быть защищаемы завоеваніями безкорыстными; для этого нужно привлечь любовь народовъ справедливостію; а не покидать Нидерландовъ, не жертвовать двумя прекрасными арміями и Италію. Вамъ говорить это старшій солдатъ, который почти 60 лѣтъ несетъ уже ламку, который водилъ къ побѣдамъ войска Іосифа II и Франца II; который утвердилъ въ Галиціи владычество знаменитаго Дома Австрійскаго, который не любилъ болтовни Демосееновой, ни академиковъ, только путающихъ здравый смыслъ, ни Сената Аннибалова. Я не знаю зависти, демострацій, контрмаршей; вмѣсто этихъ ребячествъ — глазе-мѣръ, быстрота, натискъ: вотъ мои руководители!

«Если потеряно драгоценное время для освобожденія Швейцаріи, то можно скоро это вознаградить. Готовьтесь Ваше Высочество со всѣми своими силами (за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ отрядовъ) къ зимней кампаніи, краткой, но крѣпкой и упорной (*solide et nerveuse*); тогда увѣдомьте меня о своемъ планѣ, чтобы согласовать его съ моимъ; лишь только откроется первый удобный путь, я готовъ буду со всею своею арміею дѣйствовать за-одно съ Вашими Королевскими Высочествомъ, какъ единая душа и единое тѣло.

«Въ Италиі оставилъ я непріятельскихъ силъ не свыше 20,000; остальные теперь просто мужики; но къ будущей веснѣ также превратятся въ солдатъ. Теперь же, пока, можно навѣрное разбить какого нибудь Шампіона или Бонапарте.

«Пусть обѣ арміи служатъ обонимъ Императорамъ, коалиціи и цѣлой Европѣ, какъ доблестные герои! пусть готовится къ будущей весенней кампаніи. Иначе — будетъ опять Кампо-Форміо. Уже видите новый Римъ, слѣдующій по стопамъ древнаго: приобретая друзей, онъ вскорѣ удостоитъ и Германію титуломъ союзницы, также какъ Испанію, Голландію, и нѣсколько прежде Италію, съ тѣмъ чтобы въ свое время, при первомъ поводѣ, обратить ихъ въ подвластныхъ, а идѣущія государства — въ свои провинціи.

«Остаюсь на всю жизнь съ откровенностію, искренностію,
преданностію и глубочайшимъ уваженіемъ,

Вашего Королевскаго Высочества,

покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга:

Князь Италійскій графъ Александръ Суворовъ-Ремниискій.»

Весь Суворовъ — тутъ! И его нельзя не полюбить душевно послѣ этихъ немногихъ отрывковъ его подлинной рѣчи, которою онъ такъ чисто и живописно высказываетъ себя. Обширная корреспонденція его до-сихъ-поръ не собрана и не издана, но, изъ того что уже напечатано, можно было бы привести сотни мѣстъ, столь же характеристическихъ и полезныхъ для его личной исторіи. Любопытнѣе всего то, что человекъ, котораго современные судьи единогласно прокричали «невѣждой», является нерѣдко въ письмахъ своихъ, не только благовоспитаннымъ и образованнымъ, но даже въ примѣчательной степени ученымъ, знающимъ навѣрное столько же, если не болѣе, сколько они могли знать въ наукахъ, къ которымъ относились ихъ притязанія.

Что касается собственно до туртукайской экспедиціи Суворова, которая подала поводъ къ этому разсужденію, и до другихъ дѣйствій Суворова въ 1773 году на берегахъ Дуная, то мы боимся встрѣтиться съ слишкомъ большимъ числомъ чисто-военныхъ подробностей, которыми обилуетъ интересный трудъ господина Саковича, если послѣдуемъ за его изложеніемъ. Въ историческомъ отношеніи, туртукайская диспозиція замѣчательна тѣмъ, что тактика Суворова совершенно сходна съ тою, которую теперь приписываютъ повсюду Наполеону Бонапарте. По этой же тактикѣ дѣйствовалъ онъ и въ Италіи, и русскія войска не имѣли нужды учиться ей передъ сраженіемъ: они уже были совершенно знакомы съ нею. Въ народномъ преданіи туртукайская экспедиція особенно знаменита странвымъ донесеніемъ Суворова главнокомандующему графу Румянцову:

«Слава Богу! слава вамъ!

Туртукай взяли, и я — тамъ.»

Любители анекдотовъ и біографы Суворова не сомнѣваются нисколько въ подлинности этого стихотворнаго рапорта. Увѣряютъ, притомъ, будто Суворовъ былъ преданъ за это суду, но графъ Румянцевъ, замѣтивъ необыкновеннаго человѣка въ генералѣ, который такъ быстро овладѣваетъ непріятельскими позиціями и такъ коротко отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, рекомендовалъ его милосердію и вниманію Государыни. Господинъ подполковникъ Саковичъ имѣетъ основательныя причины считать всѣ эти данныя за подложныя. Генералъ-маіоръ Суворовъ состоялъ тогда подъ непосредственнымъ начальствомъ князя Салтыкова и не могъ имѣть прямыхъ письменныхъ сношеній съ главнокомандующимъ. Подлинный рапортъ Суворова не былъ представленъ Румянцову: князь Салтыковъ донесъ ему отъ себя объ успѣхѣ экспедиціи. Слѣдовательно, Румянцевъ, не имѣвшій другихъ причинъ къ неудовольствію на Суворова, не могъ ни отдавать его подъ судъ ни ходатайствовать въ его пользу у Императрицы. Въ дѣлахъ походной канцеляріи графа Румянцева-Задунайскаго нѣтъ никакого слѣда о преданіи суду туртукайскаго побѣдителя. Знаменитое двустихіе — плодъ фантазіи анекдотщиковъ. Однако же оно не лишено нѣкотораго основанія. Подлинное донесеніе генералъ-маіора Суворова князю Салтыкову о туртукайскомъ дѣлѣ, найденное въ бумагахъ походной канцеляріи, сочинено и написано въ чистой прозѣ, но содержаніемъ и краткостью очень сходно съ двустихіемъ. Вотъ оно: «Ваше сіятельство, мы побѣдили! Слава Богу, слава вамъ!»

о. с.

VII.

С М Ъ С Ъ.

В О С П О М И Н А Н И Я

СТРАНСТВУЮЩАГО ВРАЧА.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

По возвращеніи въ С.-Крусь мы были свидѣтелями сильнаго политическаго шума. Канарійское вачальство получило официальное увѣдомленіе о совершенномъ вѣнчаніи королевы Изабеллы и губернаторъ объявилъ народу и войску о востшествіи на престолъ юной повелительницы. Поденіе регента Эспартеро довершало важность этого радостнаго событія.

Въ это время года въ саронейскихъ городахъ была зима, т. е. отсутствіе солнца, холодъ и мракъ; почернѣлыя и сушія вѣтви деревъ покрыты инеемъ; на улицахъ тѣснились торжественныя толпы народа, дрожавшаго отъ мороза; кареты со скрипомъ катились по оледнѣвшей мостовой; модныя красавицы скрывали подъ складками теплой одежды изящество фигуръ и прелесть гибкаго стана; однимъ словомъ, все носило отпечатокъ грусти и скуки, все гармонировало съ трупомъ природы, съ состояніемъ оцепѣннѣнія и безчувственности, которое такъ похоже на смерть! Въ С.-Крусь, напротивъ, солнце сіяло въ безоблачномъ небѣ, и отражалось въ лазурномъ спектрономъ морѣ.

Тувальцы, оригинально драпированные въ легкія тунны, медленно пролазили по улицамъ, добродушно смущая на мѣ-

теръ ароматный дымъ сигаретки. Подъ этимъ благословеннымъ небомъ, всѣ жили и двигались свободно, не испытывая, нечувствуя ни хандры ни грусти, которыми мы обязаны жестокимъ зимамъ. Надъ разрушенными стѣнами нѣкоторыхъ садовъ внутри города, высокія алоэ сплетались остроконечными листьями съ золотыми плодами померанца, и изъ средины острыхъ листьевъ съ металлическимъ отблескомъ, возвышались смѣлые побѣги съ шаровидными плодами похожими на колокольчики китайскаго павильона.

Пріятное вліяніе теплаго климата, видъ народа, счастливаго даже въ бѣдности, общіе тропическихъ растеній, украшенныхъ цвѣтами и плодами, навели мою мысль на размышленія: я удивлялся тому, что политическія идеи могутъ находить отголосокъ въ странѣ, гдѣ образъ жизни развивается лѣнь и чувственность. Мнѣ казалось, что обитатели привилегированныхъ странъ, гдѣ трудъ не извурительнъ, человѣку суждено жить сердцемъ и чувствомъ, а не головою; а честолюбивыя побужденія свойственны только суровымъ странамъ, гдѣ трудъ есть страданіе. Къ несчастію дѣйствительность опровергала мои умозаключенія; народъ былъ весьма озабоченъ послѣдними политическими происшествіями.

Толковали только объ нихъ, во саѣ даже грезили о томъ, что дѣлалось въ заморской столицѣ; это было впрочемъ очень естественно; всякій хотѣлъ знать, — отмѣнить ли новое правительство постановленіе Эспартеро, клонившееся къ разоренію богатыхъ и бѣдныхъ владѣльцевъ на Канарскихъ островахъ.

Это обстоятельство объясняетъ тревожное состояніе народа въ настоящемъ положеніи дѣлъ, и радость его при извѣстіи объ удаленіи регента, котораго отъ души ненавидѣли и старшій и малый въ Санта-Крусѣ.

Торговля Teneriffa, какъ и прочихъ Канарскихъ острововъ, далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Съ нѣкотораго времени мореплаватели обходятъ берега, нѣкогда охотно посѣщаемые, и снабжаются въ другихъ мѣстахъ тѣми же самыми продуктами, которыми изобилуетъ архипелагъ.

Крѣпкія вина покупаются не въ большомъ количествѣ; ромъ, добываемый посредствомъ сжиганія древесныхъ породъ

вѣхъ дѣсовъ и сода изъ приморскихъ травъ продаются за безцѣнокъ.

Большіе вулканическіе пласты почти совершенно покрыты желтою и бѣлою мохообразною настилкою, рѣзко отдѣляющеюся отъ чернаго грунта скалы. Эти микроскопическіе наросты, выглядящіе голый камень, на которомъ рождаются, обратились въ рукахъ промышленниковъ въ драгоцѣнное красильное вещество. Въ двадцатыхъ годахъ, Англичане и Французы пріѣзжали въ Тенерифъ за этимъ каменояднымъ мохомъ и платили за него очень дорого; теперь же Англія получаетъ красильный лакмусъ, съ Ангольскаго берега, а во Франціи доказано, что всѣ альпійскія, пиренейскія и севернскія скалы источены этимъ продуктомъ органической природы.

Трудно опредѣлить съ которыхъ поръ стали употреблять въ краску эти тайнобрачныя растенія. Вѣроятно ихъ красильныя свойства были извѣстны въ древности. Можетъ быть этимъ самымъ мохомъ окрашивали на Канарскихъ островахъ, во времена царя Юбы, гетульскія порфирны, которыя также высоко цѣнились Римлянами какъ и тирскія; самое названіе Ригригагіае, данное небольшой группѣ острововъ произошло отъ имени этихъ растеній. Миѣніе это подтверждается тѣмъ, что красильныя раковины рѣже встрѣчаются здѣсь нежели въ странахъ, гдѣ Римляне пріобрѣтали любимыя яркія ткани; и слѣдовательно, очень вѣроятно, что на заводахъ острововъ Ригригагіае, употребляли въ дѣло другое вещество чѣмъ въ Тирѣ и Сидонѣ.

Когда канарскіе владѣльцы убѣдились въ томъ, что красильный мохъ не приноситъ имъ никакихъ выгодъ, они попытались замѣнить его чужеземнымъ продуктомъ и именно — кошенилемъ.

Какъ бы ни была дѣятельна и настойчива человѣческая промышленность, она никогда не сравнится съ могуществомъ производительныхъ силъ природы. Не смотря на всѣ усилія сздать новый источникъ обогащенія, владѣльцы до-сихъ-поръ не получили еще переломныхъ результатовъ; доходы острова отъ кошенили до-сихъ-поръ весьма незначительны, тогда какъ микроскопическая растительность обильно покрываю-

щам скалы, безъ помощи человека, заключаютъ въ себѣ ка изобиліи многоцѣнный продуктъ.

Бѣдность и нужда внушаютъ иногда канарскимъ жителямъ далеко не человѣколюбивыя чувства, я часто слыхалъ отъ людей, здѣшнихъ знатныхъ старожилонъ, что они сожалѣли о смутныхъ и кровавыхъ временахъ европейскихъ войнъ. Тогда Каварскіе острова были чѣмъ-то въ родѣ вольныхъ портовъ, куда приставали морскіе разбойники и корсары воюющихъ націй; экипажи судовъ, составленные изъ людей безнравственныхъ, получали хорошую плату, сорили деньги щедрою рукою во время пребыванія на островахъ и прекрасная страна была ежедневно свидѣтельницею увеселеній, которыя можетъ изобрѣсти только воображеніе паратовъ. Чтоже осталось однакожь послѣ этихъ мимолетныхъ дней изобилія, о которыхъ такъ сожалѣютъ островитяне? — Ничего, кромѣ бѣдности. Нѣкоторые алчные спекуляторы могли, конечно, приобрести большія суммы при такомъ удобномъ случаѣ, но общее благосостояніе оттого не увеличилось; а высшій классъ народа усвоилъ только самыя безнравственныя привычки; женщины стали пренебрегать трудомъ и прибѣгать къ помощи кокетства; онѣ безстыдно просятъ милостыню въ полномъ цвѣтѣ силъ и красоты. Нищенство — язва и бичъ Канарскихъ острововъ; можно сказать безъ преувеличенія, что двѣ трети народонаселенія жвуютъ подаяніемъ.

Однажды вечеромъ, гуляя по верхнимъ улицамъ Санта-Круса, я вышелъ изъ города и побрелъ по узкой тропинкѣ, извивающейся вдоль Лагунской дороги. Солнце скрывалось за горизонтомъ и обливало пурпуровымъ блескомъ большой канарскій островъ, подобныйъ золотому кораблю на темносинемъ морѣ. Въ воздухѣ было такъ тихо, что ни одна травка не колебалась; эвфорбія, листья которой, расположенные вѣтвобразно вокругъ одного стебля, имѣютъ видъ большого чаблеса; кактусы, вооруженныя иглами, остролиственныя драконы, все было безмолвно и неподвижно. Даже померанцевая зелень, преобладающая съ шумомъ при малѣйшемъ движеніи вѣтра, почти silenced надъ жалкими кустами, послѣ разбросанныхъ между скалъ. Ни одна птичка не пѣла, ни одно насекомое не кричало на травѣ, лишь вѣтеръ едва слышалось трещаніемъ

прыжокъ кузнечика или полетъ шелковой бабочки; потому что, не смотря на 20 градусовъ жару, въ это время была зима; насѣженны были еще рѣдки и хотя въ воздухѣ было тепло, но очень не многія осмѣливались вылетать изъ своихъ жилищъ при послѣднемъ мерцаніи дни.

— Вдругъ, на поворотѣ тропинки, я услышалъ смѣшанные голоса десятка женщинъ, возвращавшихся въ городъ. Онѣ шли одна за другой. Нѣкоторыя изъ нихъ несли на головахъ корзины и кушныи, размахивая съ каждымъ шагомъ рукою, для сохраненія равновѣсія. Я восторжился, чтобы дать дорогу этому маленькому каравану и старался вспомнить слова едва знакомаго мнѣ языка, желая отвѣчать какъ можно любезнѣе на дружескій поклонъ, котораго ожидалъ отъ этихъ женщинъ. Каково же было мое разочарованіе когда, вмѣсто привѣтствія, каждая изъ нихъ, проходя мимо меня, провѣнѣла, свѣжннѣ, звучнымъ голосомъ, обыкновенную докучливую просьбу горожанъ нашихъ: «Un quartillo senyor!» Это унижительное ищещество внушило мнѣ такое отвращеніе, что я отвернулся не удостоивъ даже взглядомъ безстыдныхъ попрошайекъ, но послѣдняя изъ нихъ стала просить меня съ такою настойчивостью, что я невольно поднялъ глаза и былъ удивленъ стройностью ея стана и красотою лица. Это была высокая, граціозная дѣвушка съ легкимъ бронзовымъ оттѣнкомъ въ лицѣ и черными блестящими глазами. На плечахъ просто и благородно была накинута мяткалевая мантилья неукорыщенной бѣлизны. Высокій лобъ доказывалъ присутствіе ума, а слегка сгорбленный носъ и тонкія губы обнаруживали рѣшительность характеръ.

Вмѣсто того, чтобы слѣдовать за своими подругами, послѣ обращенія ко мнѣ за милостыней, она остановилась и осматривала меня почти съ насмѣшливымъ выраженіемъ; озадаченный этой дерзостью, я сказалъ довольно колко:

— Развѣ ты Цыганка, что не стыдишься просить подавнн у всякаго прохожаго?

— Я не Цыганка, отвѣчала она, а просила у васъ картилью не имѣя въ немъ ни малѣйшей нужды; положивъ нѣсколько монетъ въ руку молодой дѣвушки, которая охотно приняла ихъ, я поспѣшно возвратился въ С.-Крусъ.

Канарскіе острова были извѣстны древнимъ, какъ мы ска-

зали о томъ; открытіе ихъ приписывали королю Юбѣ. Когда онъ въ первый разъ высадился на берега Архипелага, онъ нашелъ его необитаемымъ; кое-гдѣ только слѣды памятниковъ, мѣстами остатки развалинъ, доказывали, что нѣкогда здѣсь жили люди. Онъ назвалъ эту группу острововъ *счастливыми островами* и каждому изъ нихъ далъ особое наименованіе, сообразное съ физическими особенностями или обстоятельствами, предшествовавшими ихъ открытію. Самый большой островъ получилъ названіе *Канарія*, происходящее отъ слова *сапіа, собачій*, на томъ основаніи, что собачья порода, за отсутствіемъ людей чрезвычайно тамъ расплодилось. Эти обитатели острова отличались высокимъ ростомъ, тонкимъ складомъ, заостренною мордою, краснобурою шерстью, сверкающими глазами и превосходили всѣхъ прочихъ животныхъ силою и понятливостью. Нужны были чрезвычайныя усилія, чтобы схватить двухъ изъ нихъ, которые и были отвезены въ Римъ, подобно тому какъ полководцы Римской республики, въ доказательство побѣдъ, одержанныхъ ими въ дальнихъ краяхъ, привозили въ столицу плѣнныхъ рабовъ. Новѣйшіе мореходцы вновь отыскали эти острова, существованіе которыхъ открывали ученые среднихъ вѣковъ, въ 1334 году. Открытіе это сдѣлано однимъ французскимъ кораблемъ, разбитымъ бурей близъ береговъ; искатели приключеній, выброшенные на одинъ изъ острововъ, нашли возможность возвратиться въ Европу и дали объ нихъ первое достовѣрное извѣстіе. Но острова эти, бывшіе необитаемыми въ то время когда ихъ посетилъ король Юба, оказались населенными при появленіи новѣйшихъ мореплавателей. Невозможно опредѣлить съ точностью эпоху эмиграціи, которая дала начало этому народонаселенію и отъ какаго племени оно происходило.

Древніе антропологи, занимаясь распредѣленіемъ человеческихъ породъ по категоріямъ, принимали въ основаніе только ихъ физическія особенности, часто весьма неопредѣлительныя, и потому не рѣдко впадали въ грубыя ошибки. Новѣйшая же наука, болѣе проникательная, изучая нѣкоторыя слова, бывшія въ употребленіи у коренныхъ жителей К. острововъ, доказала, что она принадлежатъ языку берберскому, и теперь не пол-

вержене сомнѣнію, что Гуанчи происходятъ отъ племя, которыя населяютъ сѣверный Атласъ.

Гуанчи мужественно сопротивлялись Испанцамъ, и хотя остались побѣжденными въ неравной борьбѣ съ воинственными Европейцами, но выказали столько душевной энергіи, что были истинныя герои этой войны. Испанское оружіе уничтожило храброе племя; отъ него остались только муміи, обернутыя въ козьи кожи и благочестиво сохраняемыя въ неприступныхъ пещерахъ. Весьма немногіе изъ Гуанчей избавившись отъ убійства, постигшаго цѣлый народъ, скоро слились съ испанскимъ населеніемъ, и потому было бы бесполезно отыскивать какія измѣненія произошли отъ этого смѣшенія въ наружности побѣдителей. Я видѣлъ въ Оротавѣ семейства, которыя увѣрили, что предки ихъ были Гуанчи; ихъ доказательства довольно вѣроятны, но по наружному виду, они ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ каварскихъ обитателей. Такимъ образомъ, это умное, храброе и сильное племя подверглось одинаковой участи съ слабымъ и жалкимъ населеніемъ острова Кубы: и тѣ и другіе погибли отъ оружія испанскихъ завоевателей.

Подобно всѣмъ народамъ, павшимъ при защитѣ своей независимости, Гуанчи оставили по себѣ прекрасное воспоминаніе на Канарскихъ островахъ, въ особенности между народомъ, который во всѣхъ странахъ, инстинктивно расположенъ удивляться всякому геройскому сопротивленію. Вслѣдствіе этого, на Тенерифѣ происхождение отъ Гуанчей считается за большую честь.

Въ одну изъ прогулокъ по острову, я остановился однажды передъ большимъ пластомъ базальта, возвышавшагося надъ равниною какъ циклопская стѣна. Масса этого камня, отъ дѣйствія подземной теплоты истрескалась правильными фигурами и образовала такое множество щелей, что мрачная и обнаженная скала напоминала, громадностью разнѣровъ и странностью формъ, гигантскія произведенія Титановъ.

Перико, одинъ изъ нашихъ проводниковъ, красивый малый съ хватками гидальго, замѣтивъ, что я съ большимъ вниманіемъ рассматривалъ этотъ монументальный камень, подошелъ и вскричалъ съ энтузіазмомъ, не ожидая распросовъ: «сепоръ,

это остатокъ плотины, воздвигнутой Гуанчами. Вотомъ, ударя себя въ грудь, онъ проразилъ удаляясь: «я одинъ изъ потомковъ Гуанчей!»

Случается иногда, что острие плуга отрываетъ въ землѣ колоссальный остовъ какого-нибудь неизвестнаго животного, напримеръ морской коровы или кашалота, и посланно тотчасъ принимаютъ его за скелетъ одного изъ Гуанчей. Еще болѣе замѣчательно то, что во многихъ народныхъ пѣсняхъ восхваляется ихъ баснословная храбрость, такъ что, по истеченіи 300 лѣтъ, они остались въ памяти народной героини Энеи, которая должна бы была рассказывать потомкамъ только о ихъ пораженіи.

Однажды, о удивленіе! — я встрѣтился лицомъ къ лицу съ однимъ изъ школьныхъ товарищей, съ которымъ вѣсть учился медициной и въ одно время вышелъ изъ университета.

— Ты здѣсь, любезный П... носкакнулъ я.

— И очень радъ, что здѣсь, потому что тебя вижу, отивчалъ мнѣ товарищъ, протягивая руку.

— Чтожъ, развѣ ты прежде былъ не совсѣмъ доволенъ этимъ краемъ? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Хорошъ край, особенно для медика! Вообрази, другъ мой, что въ Испаніи мнѣ сказали: ступайте на Канарскіе острова, тамъ всего одинъ только докторъ и вы навѣрно проживете состояніе.

— Чтожъ, совѣтъ кажется былъ дѣльный.

— Удивительно дѣльный! Да на весь этотъ архипелагъ довольно одной четверти доктора! При средней годичной температурѣ въ 20 градусовъ тепла, при чистомъ воздухѣ и прекрасной ночвѣ, съ здоровою водою, какъ могутъ обогатиться здѣсь два доктора, какъ могутъ они добывать себѣ пропитаніе? По-крайней-мѣрѣ еслибъ я здѣсь былъ единственный медикъ, можно бы было еще изъ года въ годъ получить хоть нѣсколько тысячъ франковъ, увѣривъ какихъ-нибудь старухъ бабъ въ необходимости полечиться; но мой старый товарищъ схоронить самый tenerifскій пикъ, это вѣрно...

Гнѣвъ моего друга разсмѣшилъ меня; но такъ какъ въ его жалобахъ была серьезная сторона, то я продолжалъ этотъ странный разговоръ.

— Ты же во всем признаешься, продолжалъ я; есть же тутъ у насъ кое-какія мѣстные лихорадки, воспалительныя болѣзни, сыпи...

— Еслибъ эти болѣзни явились сюда, я и не думалъ бы роптать, отвѣчалъ онъ съ комическою грустью; но у насъ нѣтъ никакихъ мѣстныхъ болѣзней, а отъ постоянной ровной температуры нѣтъ почти воспаленій... Что же касается до дѣтскихъ болѣзней, то — обернись и посмотри на этихъ дѣтей, валяющихся на пескѣ, старшему изъ нихъ не болѣе осьми мѣсяцевъ! въ этомъ возрастѣ, въ это время года, въ Европѣ ихъ корчили бы въ пеленкахъ судороги, или по-крайней-мѣрѣ она бы страшно кашляла... Признаюсь тебѣ съ истиннымъ прискорбіемъ, здѣсь родится много дѣтей... но, вообрази, двое изъ 20 не умираютъ со дня рожденія до прорѣзыванія зубовъ...

— Скажи, однакожъ, отчего при такихъ благоприятныхъ условіяхъ для направленія здоровья, такъ мало людей съ разстроенными нервами пріѣзжаютъ сюда искать выздоровленія?

— Оттого что не знаютъ благодатныхъ свойствъ здѣшняго климата. Пожалуйста, по возвращеніи въ Европу, расскажи о немъ по больше чудесъ знатымъ людямъ... Обрати ихъ вниманіе особенно на то, что здѣсь долго не умираютъ... Если же они, умрутъ то мы набальзамируемъ ихъ съ какими искусствомъ, что они сами не повѣрятъ своей смерти... потому что мы отъяскали секретъ Гуанчей.

— Развѣ Гуанчи знали секретъ?

— Настоящій секретъ; самый простой, натуральнѣйшій способъ, который пристыдитъ вашихъ химиковъ. Я подозреваю, что онъ изобрѣтенъ какимъ-нибудь прѣвансальскимъ поварникомъ, выброшеннымъ послѣ кораблекрушенія на здѣшніе берега. Когда одинъ изъ гуанчскихъ предводителей умиралъ, они раскрывали ему животъ, набивали его тмъяномъ (*Chenopodium umbrosoides*), потомъ, наливали на вертѣль и подерживали надъ раскаленными углями до-тѣхъ-поръ пока онъ не иссушился совершенно; тогда его покрывали козьей шкурой, и поживляли въ сухой гротъ. Я видѣлъ до сорока мумій важныхъ особъ, выстроенныхъ въ рядъ въ одной подземной залѣ; президентъ держалъ въ рукѣ что-то въ родѣ жезла.

Было уже поздно и я раскланялся съ докторомъ П..., прося у него порученій во всѣ четыре части сѣтъ, такъ какъ на Канарскихъ островахъ намъ, медикамъ, нечего было дѣлать.

— Я бы попросилъ тебя прислать манильскихъ сигаръ, если бы контрабанда не доставляла ихъ сюда въ изобиліи. Могу дать одно только порученіе — если встрѣишь холеру въ Индіи, злокачественныя лихорадки на Явѣ, то пришли ихъ сюда, если Китайцы не подарятъ чего-нибудь лучше...

— Мы обнялись и расстались, я сѣлъ въ лодку, которая унесла меня далеко отъ страны, гдѣ климатъ чрезвычайно пріятенъ и полезенъ для здоровья, почва плодородна, а нищета чрезвычайна... даже во врачующемъ классѣ!

Дѣлать нечего, надо ѣхать далѣе!

Нѣсколько словъ о музыкальности.

Какъ много существуетъ на сѣтѣ такихъ общихъ мѣстъ и выраженій, которыя, отъ частаго употребленія, сдѣлались приторно, глупыми и досадными, каковы напр. жадобы на погоду, на колотье въ боку и головную боль и проч. и проч. Непослѣдную роль въ ряду этихъ общихъ мѣстъ играетъ, конечно, и выписанное въ началѣ статьи заглавіе. Сколько на разные лады и мотивы разлилось по бѣлому сѣту толковъ болѣе или менѣе разнообразныхъ, болѣе и менѣе объясняющихъ дѣло и все о той же истинѣ — музыкальности Петербурга, истинѣ, требующей впрочемъ нѣкотораго оправданія и кое-какихъ доказательствъ. Всѣ окончательно согласились въ томъ, что Петербургъ музыкаленъ не по частямъ, не въ представительствѣ одного какого-либо сословія и именно того, который слушаетъ оперу, а въ цѣломъ своемъ составѣ, въ мельчайшихъ частяхъ и подраздѣленіяхъ. За доказательствами ходить недалеко.

Сколько десятковъ шарманокъ шатается по городу на услуженіе музыкальнаго настроенія извѣстнаго класса любителей? Сколько странствующихъ, по дворамъ, музыкантовъ и сколько оркестровъ на городскихъ и загородныхъ лѣтнихъ гуляньяхъ? А блистательный, единственный въ мірѣ успѣхъ на здѣшней сценѣ итальянской оперы!.. Не разительное ли это доказатель-

ство того, что музыкальность или, лучше, страсть послушать музыки и насладиться ею до-сыта и даже, пожалуй, эстетически составляет исключительную принадлежность столицы, сравнительно съ остальными городами имперіи. Это ея живой интересъ, самое пылкое вождѣленіе.

Сядьте, напримѣръ весною, къ окну вашей квартиры (конечно если у васъ есть достаточно времени и окошко это выходитъ на мало-мальски чистый и нетѣсный дворъ большаго дома) и наблюдайте,—наблюдайте до-тѣхъ-поръ, пока хватить у васъ на это терпѣнья и силъ. Боже мой, сколько перебивать въ теченіи дня на вашемъ дворѣ различнаго родамузыки!...

Вотъ съ громомъ и свистомъ заиграла шарманка, сначала гдѣ-то вдаль, потомъ ближе и ближе и наконецъ передъ вашими глазами — уже на дворѣ. Впередъ плетется подъ тяжестью огромной шарманки небритый и оборванный человѣкъ, въ сопровожденіи также небритаго и оборваннаго старика, несущаго сложенные ширмы и красненькій ящикъ. Начинается представленіе съ того, какъ Петрушка ѣздитъ на лошаdkѣ и лечитъ своего паціента палкой и за такую услужливость похищается и жалобно пищитъ въ рукахъ какаго-то фрака съ огромными рогами на головѣ. Эта первая шарманка (въ итальянско-русскомъ вкусѣ) для стекающей публики занимательнѣе всѣхъ остальныхъ, даже можетъ-быть, и той, съ которою ходятъ два мальчика въ коротенькихъ пальто. Оба они несутъ какія-то палки, связанные длинной веревкой, а подъ мышками красную или зеленую связку.

Эта послѣдняя шарманка не много поиграетъ и смотрите!.. Мальчики скинули съ себя пальто и очутились въ блѣднорозовомъ и грязномъ трико, вѣроятно, съ цѣлю приблизиться къ природному цвѣту тѣла. Одинъ разостлалъ на землѣ коврикъ и со всего разбѣга дѣлаетъ различные *salta mortale*. Двое мужиковъ раздвинули палки, натянули канатъ и другой мальчикъ пошелъ по немъ, конечно не много фальшиво, не много съ перекачиваніями, но все таки посреди густой толпы зрителей, состоящихъ изъ дворянъ, кучеровъ, лакеевъ, нѣсколькихъ мужиковъ, зашедшихъ съ улицы и двухъ-трехъ имсарей, удостоившихъ своимъ ученымъ вниманіемъ это дешевое представленіе. Изъ трехъ оконъ полетѣло что-то бѣленькое и упавши

на мостовую дало знать своимъ стривистымъ звякъшемъ о за-
вернутыхъ въ нихъ мѣдныхъ пятакахъ и десятикопѣечникъ,
мальчишка помоложе пошелъ съ жестянымъ блюдечкомъ, ба-
жайшіе зрители ретируются, одинъ только дворникъ остался
на прежнемъ мѣстѣ, важно подбоченясь, засунувъ обѣ руки
за поясъ рубашки. Но мальчикъ прошелъ мимо и повелъ блю-
дечкомъ надъ своею головою, приглашая верхнихъ зри-
телей къ добродетному поощренію. Еще двѣ-три бумажки съ
мѣдными деньгами — и дворъ опустѣлъ, но ненадолго.

Заслышалась еще шарманка, но уже въ нѣмецкомъ вкусѣ
явился тщательно выбритый и прилично одѣтый старикъ, съ
полусономъ, который поставилъ шарманку на раскрытыя козлы,
вытащилъ изъ кармана какую-то бумагу и положилъ на
крышку своего инструмента. Шарманка заиграла, и артистъ,
высморкавшись, запѣлъ родную свою пѣсню, отчетливо,
аккуратно, по надобности, перевертывая листочки крошечной
тетрадки. Долго бы онъ еще услаждалъ себя (его почти ни-
кто не слушаетъ) любимыми мотивами, если бы не былъ про-
рванъ негармонирующимъ пѣніемъ соперниковъ — двухъ
оборванныхъ старухъ или ребятшекъ. Артистъ, кажется,
крѣпко осерчалъ: быстро свернулъ партитуру, еще быстрее
сироталъ ее за пазуху и какимъ-то неровнымъ, прерывистымъ
шагомъ удалился со сцены, оставивъ ее новымъ дѣлителемъ.
Эти, безъ церемоній, подобрали всѣ выброшенные деньги,
изъ которыхъ, можетъ быть, половина по всѣмъ правамъ,
брошена была музыкѣ.

Является шарманка въ парижскомъ вкусѣ, хотя двѣ зеле-
ныя женщины, сопровождающія ее и одѣты Тирольками. Обѣ
поютъ подъ звуки довольно-сноснаго инструмента, романскимъ
языкомъ, русскую пѣсню, какую-нибудь: я цыганъ моле-
децъ, ванька-танька и проч.; шарманщикъ поддѣваетъ вы-
рѣзнымъ теноромъ, и то только въ патетическихъ мѣстахъ
пѣсан или, лучше, гдѣ ему самому заблагоразсудится. Пѣсня
сѣвнилась полькой или вальсомъ, зеленыя пѣвицы замолчали;
только одна мѣрно ударяетъ металлической палочкой въ та-
ковую же треугольникъ. За полькой и вальсомъ русская пѣсня,
а за ней опять летятъ мѣдные гроши.... Тарельки уходятъ
плавающимъ шагомъ; за ними плетется, переваливаясь съ боку

на бокъ, шарманщикъ. И во время ушли еще, потому-что на соседнемъ дворѣ заслышались звуки многочисленнаго оркестра.

Но пройдетъ пяти-шести минутъ, какъ вдругъ раздастся въ ушѣ ужасный громъ десяти, двѣнадцати инструментовъ, между которыми есть пяти-шесть скрипокъ, два-три кларнета, флейты, мѣдные трубы и вѣчный спутникъ всякаго оркестра — солидный котрабасъ, помѣщающійся всегда нѣсколько поодаль. Во всея окнахъ высунулись слушатели, и начинаются разнаго страннаго отношенія между ними и музыкантами, рядъ какого-то замгиванья или лучше подразниванья: странствующій оркестръ сыгралъ уже польку, вальсъ — и хоть бы одна бумажка вылетѣла имъ на *спасибо*. Играется кадрили и полька третьей фигуры изъ трехъ оконъ полетѣла награда и слышалось кое-гдѣ въ квартирахъ шарканье ногами. Кадрили кончилась; музыканты перегламулись; скрипачъ, поднимавшій деньги показавъ ладонь, флейтистъ посмотрѣлъ на окна и увидѣвъ въ одномъ руку, державшую бумажку, а въ другомъ одобрительное киванье женской головы, — заигралъ вальс-вальсъ; его подхватили и всѣ остальные; опять полетѣли бумажки и довольный оркестръ заигралъ-было любимую польку, но крайній скрипачъ показавъ имъ только-что выброшенный двугривенный..... Флейта замолкла, двѣ скрипки также, котрабасъ всарабался на плеча, скрипки приоткрылись, всѣ мышки и всѣ оркестръ, въ-разсыпную, пошелся со двора на улицу.

Всюръ, одна за другою заиграли двѣ шарманки; одна безъ пѣсенъ и маленькая, другая тоже маленькая, но съ пѣснями или вѣрнѣе съ легонькимъ пращивомъ. Эта послѣдняя рѣзко отдѣлялась отъ предъидущихъ тѣмъ, что владѣтельница открыла крышку и его обступила толпа ребятишекъ, смотрѣтъ такъ-называемое *поирбеніе Наполеона*. Представлена зеркальная комната, и посерединѣ ея стоитъ ящикъ, изъ котораго время отъ времени выглядываетъ чья-то голова, лишь только приподнимается крышка. Вокругъ гроба стоитъ нѣсколько фигуръ; одна изъ нихъ вертится то въ право, то въ лѣво, другая подноситъ къ глазамъ, попеременно, каждую руку; третья раздвѣляетъ ротъ, поднимаетъ и опускаетъ голову, сидитъ на стулѣ;

и наконецъ четвертая съ страшно бѣгающими глазами, снимаетъ и надѣваетъ шляпу. За дѣтскою шарманною явилась большая, но безъ пѣсенъ и представленій, но за то со свистомъ, имѣющимъ сильную претензію на подражаніе соловью. Свистъ этотъ производитъ шарманщикъ дудочкой особаго устройства, приготовленной изъ пырея, которую онъ держитъ въ зубахъ и потомъ секретно прячетъ отъ зрителя за щекою, въ такомъ случаѣ значительно отдувающейся.

Вслѣдъ за соловьемъ раздаются на дворѣ тихіе и скромныя звуки гитары. Посмотрите внизъ: тамъ въ артистической позѣ, съ выдвинутой впередъ правой ногою и небрежно держа гитару стоить человекъ въ пальто, на распашку. Длинные, какъ смоль, волоса, такіе же бакенбарды и усы отъвѣняютъ смуглое, открытое лицо, дышащее отвагой и самопадѣянностію: судяи Калабриецъ въ лицѣ мирнаго пѣвца усладителя. Итальянецъ запѣлъ *Segreto* изъ *Ворджисъ*, со всѣми приемами опытнаго пѣвца выполняя бравурныя ноты. Финалъ вышелъ впрочемъ нѣсколько фальшивѣе и быстро смѣненъ серенадою изъ *Дон-Жуана*. Голова пѣвца заавигалась, затряслась, борода его то поднимется далеко вверхъ, выше линіи лба, то едва не ложится на правое и лѣвое плечо восторженнаго Итальянца. Хотя голосъ его и звенитъ фальцетомъ, но въ воображеніи многаго слушателя нарисовалась, можетъ-быть, картина многолюдной залы какаго-нибудь европейскаго театра; первый теноръ покрытъ громомъ рукоплесканій и едва не заезываетъ вѣнками изъ свѣжихъ цвѣтовъ, дамскими платками и перчатками. Эта великолѣпная картина быстро смѣнилась новою, менѣе утѣшительною и богатою: явилась въ разьигравшемся воображеніи грязная таверна бѣднаго городка; кругомъ стоить столы и пивныя бочки; багровыя лица окружили не мѣсто багроваго пѣвца, поющаго какую-то чудную но нестройную арію. Слушатели плачуть; онъ кончаетъ финалъ и, хвативъ залпомъ одну за другою три, поднесенныя ему почтателями, кружки, шатнулся къ пивной бочкѣ. Пока вы мечтаете такимъ образомъ, Итальянецъ уже успѣлъ пропѣть двѣ аріи и картинно спустилъ внизъ голову. Окружавшіе его мальчишки закрыли разинутые рты; изъ оконъ полетѣло пять, шесть бумажекъ, одна изъ нихъ развернулась и между каминами блес-

нула серебряная монета. Мальчишки бросились подбирать и, толкая другъ друга, поднесли деньги пѣвцу, который положилъ ихъ небрежно въ карманъ и отправился вонъ, со двора.

На сценѣ не замедлила явиться толпа ирѣзжихъ мальчиговъ, въ сѣреныхъ пальто, со скрипками и флейтами. и начала веселый вальсъ. Размечтавшійся слушатель представилъ себѣ, какъ эти же самые малютки, которые въ школѣ отдають заработаннымъ такимъ-образомъ деньги своему серьезному учителю, съ сигарой и буттербродами, вкушающему утренней кофе. И благотворительный мечтатель завернулъ въ бумажку гривенникъ и бросилъ на дворъ.

— Маленькій лошадка, сколько тебѣ лѣтъ? говорить уже новый артистъ, когда проиграла шарманка вступительную увертюру — какой-то вальсъ или мазурку.

И вы дѣйствительно видите на дворѣ маленькую лошадку; на лбу у ней торчатъ что-то длинное, не то кисть, не то букетъ; спина покрыта лоскуткомъ краснаго сукна, завязаннымъ подъ брюхомъ; грива переплетена въ маленькія косички, связанные красными и синими лентами. Лошадка эта выдвигаетъ впередъ ногу и три раза ударяетъ копытомъ въ землю.

— Тры?.. тры?.. спрашиваетъ хозяинъ.

Лошадка три раза киваетъ головой. Обступившіе зрители переглянулись между собою и улыбнулись, даже флегматическій дворникъ перевалился съ ноги на ногу и почесалъ затылокъ.

— Такъ! маленькій лошадка; умный лошадка... Ну скажи день, скажи ну!.. Овторникъ?..

Лошадка опустила-было голову, но артистъ дернулъ за поводья и животное отрицательно качнуло головой.

— Середа? допытывается онъ: нѣтъ, не середа!.. Ну чтожъ? Четвергъ, пятницу?

Лошадка отрицаетъ.

— Зуббодя? съ какимъ-то свистомъ и сильнымъ удареніемъ на это слово спросилъ артистъ. Лошадка опустила голову и готова была, какъ кажется, подтвердить.

— Какъ, зуббодя? *также* спрашиваетъ хозяинъ.

У зрителей что называется и ушки насакушались.

— Воскресенье! громко воскликнул вопрошавшій и лошада три или четыре раза утвердительно качнула головой.

— Ну, такъ, умныйи маленькій лошада, умныйи ты лошада. А свижи... ти... кто плянца здѣсь... кто больше вода вышлгъ?... Ну, гѣ гѣ, ну!...

Лошадка пошла прыгомъ толны, быстро отшатнувшись назадъ; одиъ тиковый халатъ, стоявшій впереди, даже срывался за толпу и только оди мальчишка остался на первомъ планѣ. Лошадка остановилась.

— Это? тико спросилъ хозяинъ.

Она проходитъ мимо и, остановившись слова, начала кланяться мальчишкѣ. Зрители тихе засмѣялись; во всѣхъ окнахъ засіяли также веселыя улыбки.

— Ну, глупыйи маленькій лошада... ну, гѣ гѣ!.. продолжалъ нѣмецъ, и ученица его опять вошла впередъ и какъ-разъ остановилась противъ мастераго въ синей сибиркѣ, который къ крайней досадѣ товарища, ушедшаго за толпу, остался впереди и, покачиваясь всѣмъ туловищемъ впередъ, что называется *удить рыбу*. Лошадка начала ему кланяться, при громкомъ всеобщемъ смѣхѣ ближайшихъ зрителей; изъ многихъ онекъ раздавался дѣтскій смѣхъ, нѣсколько похожій на раскаты грома, прерываемый какимъ то особымъ звукомъ въ родѣ то... дн отъ, гѣ, го, го, го...

Артистъ, довольныйи собою, поглядывъ лошаду и, собравъ порядочныйи кушъ, повелъ ее со двора въ сопровожденіи всѣхъ удивленныхъ мальчишекъ и взрослыхъ зрителей. Одиъ изъ послѣднихъ замѣтилъ даже кое-что и е представлени.

— Ишь, провалъ бы те вздѣлъ, каную знатную штуку передалъ.

— Нѣмецъ!... рѣшилъ шедшій съ нимъ рядомъ, какъ-то особенно понизивъ голосъ и съ нѣкоторымъ видомъ опытности.

— Разумѣется. Нашинской не возьмется за эту науку; по нашему медвѣдя на заднія лапы поставитъ; а то вишь еще обезьянъ, да собакъ учать плясать.

Лишь только проговорилъ онъ эти слова, какъ и дѣйствительно вышла изъ подъ воротъ новая шарманка, на крышкѣ которой сидѣла обезьяна въ треугольной шляпѣ, розовой курточкѣ и зеленыхъ панталонахъ. Шарманчикъ поставилъ до-

вольно высокой складной стуль и посадил обезьяну. Сыгравъ подьку и «вспомни любезная», онъ собралъ выброшенные деньги, обратился къ мартышкѣ и поставилъ ее на заднія лапы. Животное страшно трясется а все-таки обязано взять подаянную хозяйномъ сначала маленькую скрипку, потомъ два стаканчика, мѣдные тарелки, дудочку, наконецъ двѣ палочки. Обезьяна побила смычкомъ на скрипкѣ, постукала стаканчиками, тарелками и наконецъ бросила, вмѣсто одной, обѣ палки. Одна изъ нихъ была поймана, за то другая упала на землю; животное страшно качалось всѣмъ туловищемъ; хозяинъ далъ ей щепотку и посадивъ къ себѣ на плечи, пошелъ со двора.

Въ это время изъ-подъ воротъ явился новый шарманщикъ, ведя подь руку слѣпотаго старика въ бекешѣ. Старикъ несетъ подь мышкой кларнетъ, который и началъ вторить русской пѣснѣ съ какими-то жалобными и прерывающимися взвизгиваніями. Дворовыя собаки громко завыли, и дворникъ, желавшій насмѣяться родными напѣвами пѣсни: «вспомни моя любезная», отгонялъ собакъ. Наконецъ побѣжали на улицу, и только одинъ, его любимица — шерикъ, забила подь кадку и изрѣдка ворчала. Но лишь только патронъ ея, сложивъ на груди руки, началъ слушать «лучинушку» и покачивать головою, собака не вытерпѣла: выскочила изъ засады и поднявъ голову и вытатувъ шею, завыла еще громче и жалобнѣе прежняго..

Вслѣдъ за этою парюю музыкантовъ, явилась новая: пальто съ шарманкой въ бурнусѣ и соломенной шляпкѣ съ розанями и астрами. Вуаль закрываетъ половину лица женщины; остальная половина, т. е. ротъ и кончикъ носа открыты и успѣли уже возбудить любопытство въ зайтомъ подмастерьѣ, съ коленкоровымъ узелкомъ подь мышкою. Слушатель не обращаетъ вниманія на французскіе романсы, и только разсматриваетъ лицо пѣвицы, особенно верхнюю половину. Долго бы, можетъ быть, онъ смотрѣлъ на нее и не удовлетворилъ бы своему любопытству: — пальто очень хорошо рассчитало на эффектъ при такой тишинности и потому купило дочкѣ очень плотную и густую вуаль, и притомъ зеленого цвѣта. Но сильное движеніе лица отъ продолжительнаго и задуманнаго пѣнія; а можетъ-быть, вѣтеръ, внезапно ворвавшійся съ улицы; — поддали коротенькую вуаль и обнажила лицо пѣвицы, которая

быстро поправила неосторожную и неумѣстную шутку обстоятельствомъ. Но завитой флантъ уже повернулся на одной ножкѣ, прищелкнулъ языкомъ и, картинно перегибаясь, пошелъ подъ ворота.

— Эхъ, матушка!.. говорилъ онъ себѣ подъ носъ: да какая же ты.... рожа!...

И запѣлъ себѣ подъ носъ знакомую пѣсню: а ль пойду пойду косить, во зеленый лугъ.

Расчитанный шарманщикомъ эффектъ не удался; изъ оконъ выброшено только двѣ бумажки, да еще какой-то жилецъ плюнулъ и по неосторожности, прямо въ кадку съ дождевой водой.

Пока на дворѣ пѣла компанія Чухонцевъ, явилась шарманка съ собаками, которыхъ привела на веревочкѣ какая-то женщина. Собаки эти одѣты были въ разноцвѣтныя тряпки, между которыми съ трудомъ можно различить фракъ и сюртукъ и два женскихъ платья; собачки стали въ позицію и съ отрывистыми взвизгиваніями пляшутъ подъ звуки шарманки польку, вальсъ, ежеминутно толкая другъ друга. Дворовыя собаки уже заѣсъ не выли, но съ лаемъ бросались на танцующихъ, какъ бы завидуя странному искусству своихъ ученыхъ собратьевъ.

Но вотъ въѣхала на дворъ тощая кляча, влекущая на телегѣ какую-то громаду, покрытую зеленымъ сукномъ и привязанную къ экипажу толстыми ремнями. Громада эта качается изъ стороны въ сторону и какъ-будто готова свалиться; но дѣло кончается благополучнымъ исходомъ. Толстая баба (и непременно баба) остановила лошадь, схватила правою рукою за что-то, на боку зеленой громады, завертѣла и раздались звуки, но только, какъ хотите, не шарманки. Что-то ужасающее, что-то дико-негармоническое, что вотъ такъ и щелкаетъ и свиститъ въ вашемъ ухѣ. Посмотрите на окна: вѣдь только закоренѣлые любители всякой музыки, не претекдующіе, умѣренные, въ числѣ двухъ, трехъ-головъ слушаютъ, даже дворникъ продолжаетъ мести и хоть бы косымъ взглядомъ удостоилъ шарманку....

Еще нѣсколько сносите этого инструмента другая шарманка, похожая нѣсколько на стеклянный посудный шкель, только

съ тѣмъ различіемъ, что въ ней вмѣсто полочекъ для чашекъ и сливочника, видна высокая доска съ краснымъ сукномъ и какимъ-то арабескомъ. Принесла его загорѣлая дѣва, и также вертитъ на боку рукояткой; но звуки этого инструмента уже чрезвычайно тихи, хотя и не мелодическіе, похожіе не то на арфу, не то на балалайку, которую дѣлаетъ себѣ мастеровой мальчикъ изъ проволоки старыхъ подтяжекъ.

Пока эта дѣва играла, на дворѣ появился уже хиленькій, оборванный старичекъ со скрипкой, и дѣйствуетъ не столько смычкомъ, сколько руками, постоянно отнимающими несчастный инструментъ отъ небритаго подбородка. Старичекъ страшно кривляется и подплясываетъ; то присядетъ онъ къ землѣ и снова подскочитъ, то затынетъ и не кончитъ какую-то (впрочемъ веселую) пѣсню, то дико завизгнетъ и засоменитъ ногами, одѣтыми въ узенькіе панталоны. Звякнула одна только бумажка, старичекъ сгорбился, въ прискокку подбѣжалъ къ ней и поднялъ. Долго бы еще раздавались отрывистые звуки инструмента и продолжались судорожныя приплясыванья, еслибъ не пошелъ дождь и старичекъ не скрылся бы отъ него подъ воротами. Здѣсь что-то долго толковали съ нимъ деньщикъ и дворникъ, а какой-то черномазый мальчишка разглядывалъ попеременно и самодѣльную скрипку, и изорванный кое-гдѣ заплатанный сюртукъ старика.

Незамѣтно наступаетъ вечеръ, предшествуемый изрѣдка крикомъ разнощика съ яблоками. Вдругъ неожиданно разлаутся какіе-то нелѣпыя, непонятные крики... Крики эти или, пожалуй, пѣніе производитъ мальчишка, который выпустилъ изъ лукошка, накрытаго грязною тряпкою, мохнатаго барсука, плашмя повалившагося на землю, рѣзваго плясуна-медвѣженка, лисицу, которая бросается на собакъ, или просто ежа и даже тюленя. Въ послѣднемъ случаѣ онъ всегда поетъ слѣдующее:

Посмотрите господа!
 Поглядите на звѣря!
 На звѣря морскова
 Тюленя живова.
 Тюлька по морю ходилъ,
 Рыбку корюшку удилъ.

— Пожалуйте господа на посмотришь-то!... добавитъ еще уже совершенно другимъ голосомъ; и слова начинаетъ своимъ пѣсню, крѣпко держа на веревочкѣ своего зѣбра.

На дворѣ становится свѣжо, сыро и холодновато: пора уже притворить окна, но подождите! — Сейчасъ дѣнется позднѣй и послѣднѣй оркестръ изъ 3, 4 музыкантовъ-мальчишекъ, подъ руководствомъ и предводительствомъ пожилаго капелмейстера, изогнувшася подъ тяжестью неуклюжаго контрабаса.

И вотъ весною предметы для удовлетворенія музыкальной страсти! Тоже, но только въ гораздо большихъ размѣрахъ продолжается и лѣтомъ: на дачахъ и гуляньяхъ. Даже въ значительно опустѣвшемъ городѣ все еще ходятъ по дворамъ странствующіе музыканты и безчисленнаго рода и вида шарманки.

Дождливая, сырая осень и суровая зима нисколько не охлаждаетъ музыкальнаго настроенія жителей и они съ нетерпѣніемъ поджидаютъ появленія какого-нибудь оркестра, который не боится ни мороза, ни дождя; вѣдь бываетъ же иногда оттепель и ясный денекъ, не постоянно и дождикъ идетъ осенью; случается и благопріятная перемяжка; въ противномъ случаѣ неутомимыя шарманки, какъ-то особенно любящія дурную погоду, за неимѣніемъ оркестра исполняютъ ихъ обязанность и кое-какъ удовлетворяютъ невзыскательнымъ меломанамъ.

Но припомните еще и то обстоятельство, что конецъ осени и зима — время опернаго сезона. Быва ли даже и въ это время онъ могъ бы удовлетворить вполне любителей! И вотъ здѣсь-то окончательная повѣрка высказанныхъ доказательствъ, походный пунктъ, дальше котораго, вѣдется, и ходить не зачѣмъ: ничего разительнѣе и яснѣе не приберешь!

Провинціалъ, пріѣхавшій по дѣламъ въ столицу, между дѣломъ осмотрѣлъ всѣ ея достопримѣчательности, былъ даже въ пассажѣ. Явившись къ знакомымъ, онъ объявляетъ имъ самоуверенно, что осмотрѣлъ въ городѣ все замѣчательное и теперь съ спокойною совѣстію и вполне удовлетвореннымъ любопытствомъ ѣдетъ домой.

— Помилуйте, Степанъ Царамоничъ, говорятъ въ одинъ

голосъ всѣмъ знакомымъ: вамъ осталось послушать административную итальянскую оперу.

И начинаются возгласы: «Да это чудо!... прелесть!... нужно слышать самому, а пересказать словами невозможно!... Возьмите, непременно возьмите билетъ, — иначе вамъ будетъ и стыдно и грѣшно!..»

Бѣдный совершенно сбился съ толку и — во что бы ни стало — рѣшился взять билетъ. Но, какъ дорого достанется ему это удовольствіе, если онъ самъ собою и собственными средствами намѣревается привести желаніе знакомыхъ своихъ въ исполненіе! Если онъ хочетъ занять мѣсто подешевле и получше, то непременно долженъ встать какъ можно раньше, вприпрѣръ часовъ въ 7 утра, и быть свидѣтелемъ и непосредственнымъ участникомъ слѣдующей сцены, которая разыгрывается постоянно въ пятницу, между 9 и 10 часами утра, въ коридоръ Большаго-Театра.

Еще за часъ до раздачи билетовъ, — у известной зеленой двери театра непременно стоитъ уже нѣсколько человѣкъ, пришедшихъ за билетами. Одинъ прижался къ самой двери, въ уголъ; другой рядомъ съ нимъ, къ косяку; кругомъ ихъ стоятъ или прохаживаются еще нѣсколько человѣкъ. Всѣ двери театра закрыты и нѣтъ никакой возможности пробраться внутрь; а всего только 8 часовъ. Морозъ ерзательно щиплетъ уши и мелкою дробью пробѣгаетъ по кожѣ; къ тому же какъ на вѣдущъ со всѣхъ сторонъ обширной театральной площади, свирѣлый и морозный вѣтеръ. Народу постепенно становится все болѣе и болѣе, такъ-что около половины девятаго составила на площадкѣ сплошная тѣсная масса людей. Вся эта масса тѣснится въ плотную, ёжится и все это въ глубокомъ и серьезно-торжественномъ молчаніи, развѣ только нарушенномъ замѣчаніемъ остроносаго мелодца въ бараньемъ тулупѣ.

— Однако теплѣе стало, а то давѣча, хоть и долой бытъ отогрѣваться! И сказавъ это онъ немножко похлопалъ сапогами и сжалъ свои плечи.

Замѣчаніе нисколько не нарушило тишины и не нашло себѣ сочувствія, конечно высказаннаго, потому-что всѣмъ соглашалося, что морозу было градусовъ двадцать, если не больше. Всѣ стоящіе здѣсь какъ-то сурово и недоумчиво смотрятъ

другъ на друга, словно враги, готовые при первомъ же случаѣ вредить одинъ другому. Какой-то, конечно уже неопытный и небывалой господинъ, занявшій—было выгодную позицію у самыхъ дверей, повернулся бокомъ, чтобъ посмотреть афишку, только-что сейчасъ выставленную за рамкой. Сосѣд его обрадовался такому благопріятному случаю: протиснулъ лѣвое плечо и сдвинулъ новичка съ мѣста.

— Какъ это, однакожъ глупо! — замѣтилъ обиженный, и вызвалъ на устахъ и лицѣ противника легкую торжественную улыбку.

Какой-то господинъ въ бекешѣ вѣтерѣливо высказалъ желаніе узнать—много ли осталось времени и скоро ли отворить дверь. Рядомъ стоявшій толстякъ въ снотовой шубѣ полезъ въ карманъ, вытащилъ часы и къ крайней досадѣ, насторожившихъ уши сосѣдей объявилъ хриплымъ голосомъ, что еще только сорокъ минутъ девятаго. Бекеша поспѣшно выбралась изъ толпы и пошла за уголъ къ подъѣзду съ колоннами. Кучеръ и здѣсь не упустилъ случая сдѣлать замѣчаніе.

— Никакъ въ обходъ пошелъ? Съ подходомъ знать дѣло то повести хочегъ, да нѣтъ, ошибется.

— Кругомъ заперто! вѣдь только впускаютъ въ эту одну дверь, подтвердилъ слова кучера разговорившійся денщикъ.

— А мѣсто-то потерялъ!... пропищалъ мальчишка, бойко и невидимо протискавшійся почти къ самой двери, и робкими глазами повелъ вокругъ, какъ-будто боясь, чтобъ вотъ не вытолкали *взашей*.

Кучеръ презрительно оглянулъ его съ ногъ до головы, прищавилъ улыбку, денщикъ хотѣлъ что-то сказать, но по неизвѣстной причинѣ не рѣшился и только сильно покачалъ головой и погрозилъ смѣльчаку пальцомъ. Мальчишка уже давно сунулъ носъ въ рукавъ шубенки и прижался къ теплой снотовой шубѣ близъ-стоящаго барина.

— Однако народу-то набралось таки на порядкахъ; на прошлой недѣлѣ какъ-то поменьше было... Ага теперь представленіе то интереснѣе?

— Ужъ право рѣшительно не могу объяснить!... замѣтилъ прикащикъ.

Это замѣчаніе послужило поводомъ къ разговору епотовой шубы и двухъ трехъ-шинелей; переброшено было нѣсколько рѣзкихъ и чрезвычайно оригинальныхъ замѣчаній — объ ошерѣ вообще и о пѣвцахъ въ особенности. Остальная публика только слушала и, конечно, не принимала участія въ разговорѣ, который дѣлался все болѣе дружелюбнымъ и искреннимъ... Но будьте покойны, не надолго. Вотъ уже провезъ извозчикъ роковое давно ожидаемое лицо, появленіе котораго произвело новую суматоху, и прекратило дружелюбный разговоръ. Одинъ хотѣлъ было возобновить его вопросомъ, но двое другихъ не отвѣтили и между-тѣмъ продолжали жаться и отъяснять одинъ другаго, по возможности дальше назадъ или вправо.

Снова наступило молчаніе, уже послѣднее, гробовое молчаніе, — ясный признакъ надвигающейся роковой бури. Вотъ уже щолкнулъ замокъ въ двери; чья-то нога изнутри толкнула ее на сторону площади. Одинъ изъ стоявшихъ поближе ухватился за ручку и немного пріотворилъ дверь: — мальчишка и прикащикъ быстро проскочили во внутрь коррадора. Въ это время сильный напоръ заднихъ рядовъ захопнулъ дверь предъ самымъ носомъ епотовой шубы. Представьте же его положеніе!... Въ эту-то критическую, жаркую минуту пара ветерѣливыхъ и сильныхъ рукъ отхватила дверь — и вотъ теперь открылось торжественное зрѣлище... Двое разомъ гранули въ дверь — и завязли; одинъ изъ нихъ рванулся впередъ, зацѣпился капিশономъ за ручку, толпа прижала послѣдній и онъ разорвался на три части. Несчастный недогадался прибѣгнуть къ извѣстному, общепринятому обычаю: обернуть капিশонъ около шеи, а самую шинель надѣть непременно въ рукава. Наконецъ изорванному удалось пробраться впередъ и скрыться даже за второю дверью; за нимъ провскочилъ другой, третій; двое остальныхъ снова завязли и снова едва-едва распутались. Назали же просто, что называется *съ ступу толкутъ*; нѣсколько человекъ хохочутъ, другіе охаютъ, иной съ трудомъ отдувается и все-таки напираетъ.

Внутри коридора изъ огромной толпы, обступившей окошко, вырываются тихіе, отрывистые звуки и, по временамъ, слышатся крики: одному наступили на ногу — и онъ громко вскричалъ; другому сдвинула съ обѣихъ сторонъ грудь, которая съ трудомъ облегчилась болѣзненнымъ стономъ; третій былъ уже впереди и вотъ-вотъ готовъ ухватиться за мѣдный залуцругъ около окошка, чтобы такимъ-образомъ ближе подвинуться къ вождьенной цѣли, но вдругъ сильный напоръ спины и всего туловища того, который взялъ уже билетъ и пробирался назадъ, разрушилъ всѣ надежды, близкія уже къ благотельному концу. Съ ужасомъ увидѣлъ себя несчастный нечаянно всѣхъ, нежданно — негаданно; судорожно и сильно мехнулъ онъ рукой, горько улыбнулся, плюнулъ и пошелъ вонъ изъ коридора на платформу. Потъ градомъ льется съ его прекраснѣвшагося лица и съ лица виновника его бѣдствій, бессмысленно пробѣгающаго глазами лѣвшку.

Между-тѣмъ изъ толпы все еще вырываются новые крики. Одинъ удушливимъ голосомъ кричитъ далеко сзади:

— Позвольте, почтеннѣйшій,... послушайте!... будьте такъ добры, позвольте кресло... кресло въ десятомъ ряду.... потрудитесь передать: сдѣайте милость!...

Никто его не слышитъ, никто не обращаетъ вниманія на его убѣдительную просьбу, и тщетно протягивая онъ надъ головами передними свою дрожащую руку съ трехъ-рублевою бумажкою. Другой пустился было на невинную хитрость и тоже безуспѣшно.

На лѣстницѣ въ ложн стоитъ, какъ кажется, толпа наблюдателей, судя по ихъ спокойнымъ и насмѣшливымъ улыбкамъ. Да и есть же, впрочемъ, чему посмѣяться: у одного получившаго билетъ оборваны всѣ до одной пуговцы; другой въ суматохѣ забылъ захватить съ собой сдачу и, вспоминая объ ней на полпути, старается снова продараться впередъ.

Цѣлые полчаса продолжается эта баталія, но къ десяти часамъ ряды искателей билетовъ становятся гораздо рѣже и нѣтъ уже сильныхъ прогискиваній. За то посмотрите, сколько явилось сердитыхъ и недовольныхъ фнзіономій по поводу весьма простаго обстоятельства, что уже не оставалось въ кас-

съ билетовъ. Инойъ раза два или три подойдетъ къ окну, чтобы переспросить съзнаюна и какъ бы увѣриться, не ошиблись ли, можетъ быть, его уши или не вслушался хорошенько кассиръ въ его просьбу, убѣдительною, поморниѣшюю.

Нѣтъ! ужъ что не говори, а здѣсь руководитъ не мода и не слѣпое подражаніе, а высшее чувство, которое называлась прежде — любовью къ изящному, и которое такъ рѣзко и рельефно выражается въ тысячѣ петербургскихъ жителей, слушающихъ оперу и концерты.

С. МАКСИМОВЪ.

СМИТНСОНСКОЕ УЧРЕЖДЕНІЕ ВЪ ВАШИНГТОНѢ. — Въ собраніи американскихъ бібліотечарей, происходившемъ въ Нью-Йоркѣ 15, 16 и 17 сентября 1853 года, участвовало около восьмидесяти челоѣкъ, изъ тринадцати штатовъ Союза. Различныя бібліотеки, имѣвшія въ нихъ своихъ представителей, заключаютъ всѣ вмѣстѣ болѣе 800,000 томовъ *. Должность председателя занималъ профессоръ Джюэть, бібліотечарь смитсонскаго учрежденія въ Вашингтонѣ, которое, независимо отъ бібліотеки конгресса, есть единственное книгохранилище, находящееся въ непосредственномъ распоряженіи центрального правительства Штатовъ. Такъ какъ это учрежденіе, неоднократно присылавшее такіе богатые литературные подарки бібліотекамъ и ученымъ обществамъ Европы и Америки, до сихъ поръ мало извѣстно внѣ предѣловъ Сѣвероамериканскихъ штатовъ, то мы надѣемся доставить нѣкоторое удовольствіе своимъ читателямъ слѣдующимъ краткимъ очеркомъ его происхожденія, назначенія и дѣятельности.

Прежде всего, укажемъ на любопытный фактъ, что челоѣкъ, которому это учрежденіе обязано именемъ и средствами къ существованію, былъ не Американецъ, а Англичанинъ, и притомъ изъ самыхъ искреннихъ аристократовъ; мало того,

* По свѣдѣніямъ, напечатаннымъ въ Гейвардовомъ Gazetteer of the United States, въ началѣ 1853 года было въ Соединенныхъ-Штатахъ 10,199 публичныхъ бібліотекъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ штатамъ, университетамъ, коллегіямъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ, ученымъ обществамъ, общинамъ, и прочимъ; — во всѣхъ этихъ бібліотекахъ считалось 3,723,004 тома.

говорятъ и кажется основательно, что онъ никогда не бывалъ въ Америкѣ и питалъ глубокую ненависть къ республиканскому устройству Соединенныхъ Штатовъ. Джемсъ Смитсонъ былъ родственникъ герцога Нортумберлендскаго, и въ концѣ прешлага столѣтія учился въ Оксфордскомъ университетѣ, гдѣ обратилъ на себя общее вниманіе своею пламенною любовью къ наукамъ. Потомъ, въ путешествіяхъ своихъ онъ сошелся со многими европейскими учеными и до самой смерти продолжалъ съ ними переписываться. Постояннаго мѣстопробыванія онъ не имѣлъ, ни въ Англии, ни на материкѣ; никогда не былъ женатъ и никогда даже не заводился домою; а всѣ доходы съ материнскаго имѣнія и хорошее содержаніе, которое получалъ отъ отца, посвящалъ на ученія цѣли и путешествія, или копилъ для образованія капитала. Онъ умеръ въ Генуѣ, 27 іюня 1829 года, оставивъ чистый капиталъ въ 120,000 фунтовъ стерлинговъ (750,000 руб. сер.). Пользованіе процентами съ этого капитала онъ, духовнымъ завѣщаніемъ, предоставилъ племяннику, съ тѣмъ, чтобы по смерти его, капиталъ перешелъ въ собственность его дѣтей, если онѣ будутъ. Въ случаѣ же, продолжалъ онъ въ своемъ завѣщаніи, если сказанный племянникъ мой умретъ бездѣтенъ, или дѣти его умрутъ не достигши двадцати одного года, я отказываю все свое состояніе Сѣвероамериканскимъ-Соединеннымъ-Штатамъ, съ тѣмъ, чтобы въ Вашингтонѣ было основано учрежденіе подъ именемъ Смитсонова (Smithsonian institution), для содѣйствія успѣхамъ науки и распространенію ея между людьми.

Болѣе подробныхъ распоряженій завѣщателя на счетъ этого страннаго отказа Американцы не получали; имъ была только прислана изъ Европы, въ выпускѣ, эта статья завѣщанія. Однако въ 1836 году, когда племянникъ Смитсона умеръ бездѣтенъ, обѣ палаты Конгресса уполномочили президента Соединенныхъ-Штатовъ послать уполномоченнаго въ Англію, для предъявленія правъ республики въ Канцлерскомъ Судѣ, и для подписанія отъ ея имени обязательства въ томъ, что она распорядится наслѣдствомъ Смитсона согласно волѣ завѣщателя.

* Замѣчательно, что въ Сѣвероамериканскихъ штатахъ есть еще два столько же обширныя ученныя и благотворительныя учрежденія, основанныя иностранцами; одно Нѣмецъ Асторомъ, другое Французомъ Жир-

Въ сентябрѣ 1838 года Казначейство Соединенныхъ Штатовъ получило наследство Смита, все въ англійскихъ серебрахъ, въ суммѣ 515,169 долларовъ (684,375 руб. сер.). Но только восемь лѣтъ спустя, 10 августа 1846, утвержденъ наконецъ въ Американскомъ Конгрессѣ билль объ образованіи Смитагоуэнаго учрежденія. Въ этомъ актѣ было постановлено, между прочимъ, что верховный попечительный комитетъ учрежденія долженъ состоять изъ президента и вице-президента Штатовъ, государственныхъ секретарей, военнаго, морскаго и финансовъ, генераль-почтмейстера, государственнаго генераль-прокурора и вашингтонскаго мэра, которые должны сами избрать еще известное число почетныхъ членовъ. Самое управленіе учрежденія возложено, подъ надзоромъ комитета, на дирекцію состоящую изъ пятнадцати членовъ, между которыми находятся, по должности, вице-президентъ Штатовъ, председательствующій судья верховнаго суда и вашингтонскій мэръ. Остальные члены избираются частью изъ Сената, частью изъ палаты представителей.

Далѣе постановлено въ томъ же родѣ, чтобы государственное казначейство на полученные 515,169 долларовъ платило проценты, по шести на сто; накопившіеся же къ тому времени проценты, 242,159 долларовъ (321,562 рубля 50 коп. серебромъ) опредѣлено употребить на сооруженіе зданія, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ недостаточности этой суммы прибавить сколько потребуется изъ будущихъ процентовъ. Ежегодные проценты съ основнаго капитала и доходы изъ разныхъ другихъ источниковъ положено дѣлить на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна назначена на содержаніе библіотеки и музеевъ, а другая на изданіе книгъ, содѣйствіе ученымъ изслѣдованіямъ и вознагражденіе профессорамъ, приглашаемымъ читать публичныя лекціи.

Что касается изданія книгъ, Смитагоуэнаго учрежденіе до сихъ поръ издавало уже шесть томовъ своего весьма любопытнаго сборника «*Smithsonian contributions to Knowledge*». Каждый томъ этого сборника содержитъ отъ 4 до 500 страницъ, въ ромъ. Они, впрочемъ, въ Америкѣ нашли свои громадные состоянія, между тѣмъ какъ Смитагоуэна не имѣлъ въ Америкѣ ни одного личнаго значащаго и даже корреспондента.

челювѣтъ, и украшенъ многочисленными гравюрами и другими иллюстраціями. Въ первомъ томѣ помѣщено сочиненіе Скайлера и Девиса о древнихъ памятникахъ въ долинѣ Миссиссиппи, въ четвертомъ составленные миссіонеромъ Риггомъ грамматика и словарь Дакотскаго языка; остальные четыре тома заключаютъ тридцать четыре статьи извѣстнѣйшихъ американскихъ ученыхъ, по части астрономіи, физики и естественныхъ наукъ. Кроме этихъ «Contributions», Смитсонское учрежденіе напечатало и издавало до двѣнадцати отдѣльныхъ ученыхъ сочиненій, болѣе или менѣе замѣчательныхъ; въ томъ числѣ: профессора Дююета «отчетъ о публичныхъ бібліотекахъ въ Соединенныхъ Штатахъ», Берда «руководствѣ къ собранію и препарированію предметовъ относящихся къ естественнымъ наукамъ»; Слейверъ очень страннаго и любопытнаго нарѣчія, употребляемое Орегонскими индѣйцами; «Обозрѣніе успѣховъ химіи» составленное, по англійскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ сочиненіямъ, профессоромъ Бутомъ.

Большая часть изслѣдованій, содержащихся въ этихъ сочиненіяхъ, произведены по порученію или при содѣйствіи Смитсонскаго учрежденія, которое снабжало авторовъ средствами для путешествій и изысканій. Оно также много способствовало успѣхамъ метеорологин, производя метеорологическія наблюденія по всему американскому материку, слишкомъ на сто станціяхъ, которыя оно отчасти снабжало для того инструментами. Оно же щедрыми денежными пособіями поддерживаетъ морскія наблюденія, произвольныя лейтенантомъ Морі подъ руководствомъ Вашингтонской Обсерваторіи, и имъ же издаваемая «Sailing directions», также ежегодные отчеты, со множествомъ отличныхъ морскихъ картъ, издаваемые профессоромъ Александромъ Бетомъ, начальникомъ комиссіи изслѣденія сѣвероамериканскихъ береговъ.

Всѣ сочиненія, издаваемые Смитсонскимъ учрежденіемъ или чрезъ его содѣйствіе, — къ послѣднему разряду принадлежатъ великолѣпное изданіе Генри Скулькрафта «Исторія, нынѣшнее состояніе и будущность Индѣйскихъ племенъ» печатаемое дирекціей американскаго правительства, — посылаются этимъ учрежденіемъ бесплатно публичнымъ бібліотекамъ, академіямъ и ученымъ обществамъ Америки и Европы, и некоторымъ

заключеніемъ лицамъ, напримѣръ Гумбольду, Фарелю, Либиху, и другимъ. Въ 1853 году получена въ Европѣ четвертая присылка этого роду; по показанію американскаго консула въ Лейпцигѣ, партія состояла изъ 48 ящиковъ, заключавшихъ 1694 посылки, вѣсомъ всего 12,220 фунтовъ. Германія, со включеніемъ Австріи, получила 85 посылокъ, Бельгія 9, Голландія 12, Швеція 7, Норвегія и Исландія 5, Данія 7, Россія 15, Швейцарія 13, Великобританія, и Ирландія 99; Франція 55, Италия 36, Испанія 4, Португалія 1, Греція, Турція, Африка, Азія и Австралія, вмѣстѣ, 18, Южная Америка 16.

Перейдемъ къ коллекціямъ, находящимся въ зданіи Смитсоновскаго учрежденія въ Вашингтонѣ. Зданіе построено въ старомъ нормандскомъ стилѣ, изъ красноватаго песчанику, вѣдетъ 447 футовъ въ длину и 132 въ ширину, и украшено десятью башнями, изъ которыхъ одна вѣдетъ 145, другія 100 футовъ въ длину. Марушность его довольно величественна. Въ главной части его, въ нижнемъ этажѣ помѣщаются библіотеки и зала для аппаратовъ къ опытамъ по части естественныхъ наукъ. Въ восточномъ флангѣ находится зала для чтенія, которая можетъ вмѣстять до тысячи человекъ, а въ западномъ залы для публичныхъ лекцій, лабораторіи, и прочая.

Во второмъ этажѣ помѣщаются музеи. Въ нихъ находится въ настоящее время до 2500 экземпляровъ по части зоологій. Профессоръ Бердъ, завѣдующій этимъ отдѣленіемъ, дѣятельно занимается пополненіемъ этого собранія и составленіемъ другихъ коллекцій, которымъ должны въ скоромъ времени поступить въ музей естественныхъ наукъ. Въ аудиторіяхъ смитсоновскаго учрежденія были уже читаны лекціи по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, нѣкоторыми изъ известнѣйшихъ американскихъ ученыхъ: докторомъ Коксомъ, изъ Нью-Йорка (о мессіи), докторомъ Бѣдлеу, изъ Пенсильваніи (о логикѣ), докторомъ Моррисомъ, изъ Мериленда (объ энтомологіи), профессоромъ Фулеромъ, (изъ Массачюетса) объ исторіи англійскаго языка, профессоромъ Вилтономъ, изъ Массачюетса (о средневѣковой архитектурѣ), профессоромъ Гальдэнномъ, изъ Пенсильваніи (о механичѣскѣмъ языкѣ), профессоромъ Силингтонимъ старшимъ, изъ Коннектикута (о геологіи).

За исключеніемъ библіотеки и музея естественныхъ наукъ, всѣ остальные отдѣленія Смитсонскаго учрежденія находятся въ вѣдѣніи Вашингтонскаго профессора Генри, который заслуживаетъ благодарность соотечественниковъ и всѣхъ вообще ревнителей науки своими неутомимыми стараніями осуществлять двойственную цѣль завѣщателя, распространеніе знанія и содѣйствіе успѣхамъ наукъ. Дѣйствительно, должно удивляться всему, что уже совершенно этимъ учрежденіемъ при ограниченныхъ средствахъ, которыми оно располагаетъ, потому что всѣ доходы его составляютъ немного больше 25,000 долларовъ (33,750 рублей серебромъ).

Библиотека и другія собранія по предметамъ наукъ и искусствъ, вѣрены главному управленію профессора Джюэта. По постановленію, изданному за нѣсколько лѣтъ назадъ Конгрессомъ, издатель каждой новой книги, желающій пользоваться издательскимъ правомъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, обязанъ представить по экземпляру ея въ Смитсонское учрежденіе, въ Вашингтонскую Государственному канцелярію и въ библіотеку Конгресса. Однако, изъ свѣдѣній, представленныхъ г. Джюэтомъ въ собраніи библіотечарей, видно, что такихъ экземпляровъ представляется ежегодно около 450, между тѣмъ какъ, печатается въ Сѣверной Америкѣ книгъ на издательскихъ правахъ по-крайней-мѣрѣ втрое больше. Кромя сочиненій поступившихъ на основаніи этого закона, библіотека Смитсонскаго учрежденія приобрѣла въ 1852 году, пожертвованіями, отъ разныхъ лицъ 1481 книгу и 1935 брошюръ, покупила 641 книгу и 918 брошюръ. Всего умножилась она въ 1852 году 9800 нумерами, включая гравюры, географическія карты и музыкальныя произведенія; такъ что къ началу 1853 года состояло въ библіотекѣ 21,701 нумеръ. Въ этомъ отношеніи, только еще положено начало.

Г. Джюэтъ, въ рѣчи произнесенной имъ въ собраніи библіотечарей, изъявлялъ свое прискорбіе о томъ, что до сихъ поръ нельзя было съ точностью сообразоваться съ уставомъ учрежденія и употреблять половину доходовъ на пополненіе библіотеки. Въ 1852 году на покупку книгъ осталось только 1000 долларовъ, а въ 1853 еще меньше. Несмотря на эти неблагоприятныя обстоятельства, управленіе библіотеки не перестаетъ

усердно заниматься задачею, которую оно себѣ предложило, и которая заключается въ собираніи и обнародованіи статистическихъ свѣдѣній о библіотекахъ, въ распространеніи библиографическихъ познаній и въ развитіи и введеніи новой системы каталоговъ. Въ заключеніе своей рѣчи, г. Джюэть выражаетъ надежду, что скоро откроются новыя средства для умноженія Смитсонской библіотеки, потому что всѣ чувствуютъ потребность образованія большой центральной библіотеки.

При этомъ случаѣ, г. Джюэть сообщилъ еще нѣсколько свѣдѣній о придуманной имъ новой системѣ веденія каталоговъ. Всѣмъ извѣстно, какъ скоро старѣетъ и становится негоднымъ къ употребленію печатный каталогъ большой библіотеки, постоянно обогащаемой новыми приобретеніями. Дополненія къ каталогу скоро сами разрастаются въ огромные томы, и не успеешь окончить одного, какъ уже накопятся матерьялы для новаго дополненія. Наконецъ сводъ этихъ дополненій для изданія новаго каталога обходится тѣмъ дороже, чѣмъ богаче библіотека. Для устраненія этихъ затрудненій, траты времени и расходовъ, г. Джюэть предлагаетъ стереотипировать отдѣльно заглавіе каждой книги, и затѣмъ всѣ эти доски или клише хранить въ алфавитномъ порядкѣ, такъ чтобы ихъ легко было пересматривать и вставлять между ними дополнительные доски; такимъ образомъ передѣлка каталоговъ не будетъ требовать огромныхъ издержекъ, и новыя изданія ихъ можно будетъ печатать почти такъ же часто, какъ теперь печатаютъ дополненія. Выѣстъ съ тѣмъ эти же стереотипные клише могутъ служить для каталоговъ всѣхъ библіотекъ въ государствѣ. Стоятъ только всѣмъ библіотекамъ согласиться насчетъ веденія своихъ каталоговъ по одной системѣ, и затѣмъ составится одинъ общій каталогъ, въ которомъ заглавія книгъ, находящихся въ нѣсколькихъ библіотекахъ, разумѣется, будутъ стереотипироваться одинъ только разъ, и изъ котораго каждой библіотекѣ легко будетъ составлять свой частный каталогъ. Смитсонское учрежденіе вызвалось принять на себя расходы на стереотипированіе, по Варренскому способу и изъ вновь изобрѣтенной стереотипной массы, которая гораздо удобнѣе прежней; прочимъ библіотекамъ будутъ предстоять только издержка на бумагу и отпечатаніе. Конгрессъ Соединен-

ныхъ Штатовъ уже изъявилъ готовность стереотипировать такимъ образомъ каталогъ своей богатой библіотеки и отдать доски для основанія общаго каталога, предполагаемаго г. Давидомъ. Собраніе американскихъ библіотечарей приняло съ живѣйшею благодарностью это предложеніе Конгресса и единогласно приступило къ проекту своего почтеннаго президента.

ЗАМѢТКИ ПУТНИЧЕСТВУЮЩАГО ВОКРУГЪ СВѢТА.

Японія и Китай во французской литературѣ. — Золотистый коверъ въ бѣлыхъ зданияхъ. — Еще хрустальный дворецъ. — Угнетательныя облаваки. — Книжки безъ изюбка. — Астрономія въ гастрономіи. — Дуэль на булавахъ и борьба на перьяхъ. — Теорія приливовъ. — Бародагнэ и безбородно. — Читальная зала Британскаго Музея. — Населеніе Лондона. — Признательность географіи къ великимъ людямъ. — Музыкальная отада Американцевъ. — Словечко Россіи. — Искатели академическихъ креселъ. — Забытаго знаменитость. — Тринадцать за столомъ. — Искусственное разведеніе рыбы. — О'средотавъ къ извѣстному невробитнаго остояніа американскихъ народовъ. — Оманталый зѣбѣ. — Внѣзь оокритне паматіа на Аннѣвой дорогѣ. — Предохраненіе дерева отъ гадлости. — Искусственная слововая кость. — Метеорное желѣзо. — Добываніе цвѣтнаго шелку изъ черной. — Сбереженіе овощей. — Отпрытъ въ вавилонской исторіи. — Новости англійской и американской литературы.

Между новостями французской литературы, я нашелъ двѣ книги, которыя дали мнѣ возможность, не выходя изъ комнаты, взглянуть на жизнь двухъ народовъ, до-сихъ-поръ остающихся загадками для Европейцевъ. Книжки эти — *Le Japon. Histoire et description; rapport avec les Européens, etc.*, par Edouard Fraissinet (Парижъ, 2 тома) и *Voyage en Chine, par le capitaine Monfort* (Парижъ, 1 часть).

Тайнственная Японія, на которую съ сѣвера смотритъ Камчатка, а съ юга Китай, изолировала себя, законами и обычаями, отъ всего міра, живетъ эгоистическою жизнью, и изъ всѣхъ націй Земнаго Шара знаетъ только тотъ маленький, суровый, скупой, молчаливый народъ, который превращаетъ боченки сыру въ боченки золота». Только одици Голландцамъ позволено владѣть на берегахъ Японіи маленькою конторою, но и за нею надсматриваютъ — какъ за неприятельскою крѣпостью». Нынѣшняя резиденція, отведенная Голландцамъ, говорятъ г. Фрессинне: сущая тюрьма; да какъ и называть иначе жилище, если они не могутъ перешагнуть узкихъ его предѣловъ, назначенныхъ посреди моря?»

Разсмотрѣвъ критически, была ли Японія извѣстна древнимъ, авторъ упоминаетъ о путешествіяхъ Марко-Поло, долго возбуждавшихъ сомнѣнія, и доказываетъ, что *Ципангу*, о которомъ говоритъ этотъ Венеціанецъ, есть ни что другое, какъ нынѣшняя Японія.

«Но немногимъ извѣстно, замѣчаетъ г. Фрессине: что письма Марко-Поло и, въ особенности, его донесеніе съ острова *Ципангу*, прежде всего возбудили предположенія и надежды Христофора Колумба. Онъ предполагалъ, хотя ошибочно — какъ узнали впоследствии — что Китайская Имперія лежала въ *пятнадцати часахъ* — по тогдашнему выраженію, или въ 225 градусахъ по-нашему — отъ генуэзскаго меридіана. Но какъ поверхность Земнаго Шара составляетъ 360 градусовъ, или, выражаясь языкомъ Колумба — *двадцать четыре часа*, то казалось, что путь въ Китай можно сократить, если отправиться къ западу вмѣсто того, чтобъ идти на востокъ и огигать Африку. Если предположить, что и по этому новому пути надо было дѣлать лишніе обходы какъ и вокругъ Мыса Доброй Надежды, то разница все-таки оказывалась очень значительная: принимая окружность земли къ 9,000 франц. миль (около 36,000 верстъ), мореплаватель и при этомъ вычисленіи дошелъ бы до мѣста, сдѣлавъ 3,375 миль, тогда какъ иначе ему предстояло сдѣлать ихъ 5,625.»

Дѣйствительно, приставъ къ острову Гиспаньоль (нынѣшней Кубѣ), Колумбъ подумалъ, что это *Ципангу* Марко-Поло, Такимъ-образомъ, отыскивая Японію нашли Америку.

Въ 1543 году, Португальцы отправились изъ королевства Сіамъ въ Китай; буря забросила ихъ на островъ Танегасима — и они открыли Японію.

«Въ двѣнадцатый годъ *Тенбуна*, сказано въ японскихъ лѣтописяхъ: въ двадцатый день восьмага мѣсяца, въ царствованіе Микадо-Конора и Сіюгуна Іюсихара (въ октябрь 1543), иностранный корабль остановился близь города Когура, въ округѣ Низимура, на островѣ Танегасима. Экипажъ состоялъ изъ сотни человекъ, съ странными лицами. Языкъ ихъ непонятенъ и родина неизвѣстна. На кораблѣ есть Китаецъ, умѣющій писать. Въ двадцать-шестой день того же мѣсяца, корабль отвели на сѣверо-западную сторону острова, въ гавань

Акаоки. Танегасимскій губернаторъ собралъ подробныя справки о чужестранцахъ, при посредствѣ японскаго бонзы, который умѣетъ писать по-китайски. У двухъ начальниковъ корабля есть огнестрѣльное оружіе, и они первые научили Японцевъ стрѣлять, и также дѣлать порохъ и пушки.»

Съ этого дня, Португальцы стараются утвердиться въ Японіи, основываютъ конторы, свободно путешествуютъ, и можетъ быть, до-сихъ-поръ владѣли бы важною колоніей, если бы вслѣдъ за ними не явились миссіонеры, посѣившіе раздоръ между туземцами.... За португальскими мореплавателями и купцами потянулись монахи.... Въ 1559 году Японія заперла свои гавани, и теперь слово Португалецъ значить для Японца тоже, что ужасъ и кровавое преслѣдованіе.

Съ 1597 года, указомъ японскаго императора запрещено распространять *ученіе отцовъ* (то-есть іезуитовъ), которые разрушали храмы, оскорбляли бонзъ и открыто составляли заговоры противъ страны, принявшей ихъ такъ дружелюбно. Въ 1637, открыто покушеніе на жизнь императора, и въ этомъ гнусномъ замыслѣ замѣшаны были Португальцы, подстрекнутые іезуитами. Тогда новый указъ заперъ Японію для всѣхъ иностранцевъ, кромѣ Китайцевъ и Голландцевъ, и запретилъ Японцамъ выѣзжать изъ имперіи.

Въ 1640 году Португальцы еще разъ отправили посольство къ японскому императору; но при входѣ въ гавань Нангассаки, послы были задержаны и обезглавлены.

Испанцы, напрасно пытавшіеся заключить торговый трактатъ съ Японіей, завладѣли близъ Манилы японскою джоккой и потопили ее, въ отмщеніе за португальскихъ пословъ. Черезъ годъ, когда дѣло это повиданному уже было забыто, испанскій корабль «Madre de Dios» присталъ къ Нангассаки. Японскій императоръ приказалъ истребить его. Повелѣніе было исполнено — но стоило жизни тремъ тысячамъ Японцевъ.

Съ-этихъ-поръ одни Голландцы получили позволеніе осѣдаться въ Японіи. Ихъ поселили по островкѣ Детсмиъ, лежащемъ у входа въ гавань Нангассаки, и здѣсь-то возвышается ихъ контора, снабжаемая съѣстными припасами разъ въ годъ и защищаемая императорскимъ указомъ въ продолженіе двухъ вѣковъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Англичане пытались схватить Детсему, но всѣ ихъ старанія остались безплодны, а Голландцы удвоили свои предосторожности.

«Голландскія суда, назначаемыя въ факторію, отправляются обыкновенно изъ Батавіи. Каждый годъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, посылаются два корабля — императоръ не позволяетъ болѣе — плыть проливомъ Банка, Китайскимъ Моремъ, Формозскимъ Проливомъ, такимъ-образомъ проникаютъ въ Желтое Море, и, остановившись на островахъ Меаксима, направляются къ рейду Нангассаки.

«На высотѣ мыса Номо, экспедиція извѣщаетъ о себѣ японскую стражу, прибавивъ къ нидерландскому флагу секретное и условное знамя. Потомъ навстрѣчу ей посылаютъ лодку съ дѣсколькими офицерами, которые должны узнать имя каждаго корабля и капитана, и главные обстоятельства путешествія. Досмотрщикамъ дается подробная инструкція, составленная начальникомъ факторіи и подписанная губернаторомъ, въ которой сказано, какъ должны вновь-прибывшіе вести себя при выходѣ на берегъ и во время пребыванія въ странѣ.

«Другая инструкція, на французскомъ языкѣ, назначена для могущихъ прійти кораблей иностранныхъ націй, и сообщаетъ имъ приказаніе бросить якорь на нѣкоторомъ разстояніи отъ рейда.

«Послѣ этихъ первыхъ формальностей, множество лодокъ окружаютъ суда: на одной плутъ переводчики, на другой депутаты факторіи, которые, однакожъ, всходятъ на палубу не прежде, какъ капитанъ вручитъ свои письма и бумаги, и пошлетъ въ лодки обемпечивающій залогъ. Всѣ эти предосторожности приняты послѣ попытки лорда Пеллю, которая оставила кровавое впечатлѣніе въ Японцахъ.

«Какъ только голландскіе моряки вошли въ городъ, отъ нихъ отбрали пушки, ружья, пистолеты, бѣлое оружіе, военные ошарялы, паруса и снасти, даже руль. Всѣ эти вещи хранятся подъ секвестромъ до отхода корабля. Потомъ агенты, хорошо владѣющіе голландскимъ языкомъ, очень учтиво разспрашиваютъ экипажъ и пассажировъ, и предлагаютъ имъ тысячу свѣдѣннхъ вопросовъ, чтобы разставѣряться, да

вкрался ли между ними какой-нибудь иностранец — и не легко обмануть бдительность этихъ агентовъ.

«Докторъ Зибольдъ, мюнхенскій уроженецъ, посѣщавшій въ 1823 году японскій архипелагъ по порученію генералъ-губернатора Ванъ-деръ-Капеллена, говорилъ по-голландски съ нѣмецкимъ акцентомъ, который вскорѣ замѣтили Японцы. Но докторъ выпутался изъ затрудненія, объяснивъ имъ, что *Hoogduitscher* (Нѣмецъ) значитъ Германецъ Оберландовъ, а *Nederduitscher* (Голландецъ) — Германецъ Нидерландовъ; что тутъ разница только въ мѣстѣ жительства — на горахъ и въ равнинахъ, но что въ сущности это — одно и тоже племя. Объясненіе это, вынужденное обстоятельствами, успокоило переводчиковъ.

«Покойный король нидерландскій великодушно хотѣлъ отказаться отъ торговой монополіи Голландцевъ въ Японіи, и подѣлиться своими правами съ другими націями. Въ 1844, онъ, въ собственноручномъ письмѣ, предложилъ японскому императору отворить гавани для кораблей всѣхъ государствъ; но благородное предложеніе Вильгельма II осталось безъ успѣха. Дворъ Еёдо отвѣчалъ, что онъ оставитъ дѣла въ томъ видѣ, какъ они были прежде, и такимъ-образомъ Голландія поневолю остается привилегированною страню тамъ, куда ей хотѣлось бы созвать промышленность и торговлю всего свѣта».

Во второй части, г. Фрессинё распространяется о нравахъ и обычаяхъ этой таинственной земли; словомъ, книга его можетъ быть весьма полезна для тѣхъ, которые захотѣли бы поднять завѣсу, скрывающую отъ насъ отдаленныя страны Азіи.

Что Фрессинё сдѣлалъ для Японіи, то Жоржъ Белль сдѣлалъ для Китая, который издали кажется націей фарфоровыхъ вагоговъ, симметрически разставленныхъ на этажеркѣ изъ корней мандрагоры. Г. Белль привелъ въ порядокъ и рассказалъ частымъ французскимъ языкомъ то, что капитанъ Монфоръ, пять разъ ходившій на кораблѣ въ Китай, вносилъ въ свой дневникъ на грубомъ марсельскомъ нарѣчій. Съ такимъ проводникомъ какъ Монфоръ, мы можемъ осмотрѣть много куріозовъ, и на первый разъ зайдешъ въ мастерскую его пріятеля, Диконъ, перваго въ Кантонѣ артиста миниатюрной живописи.

«Для китайскихъ живописцевъ, говоритъ Монфоръ: составлены классическія руководства, въ которыхъ они почерпаютъ эскизы, сдѣланные просто перомъ, а иногда и раскрашенные, представляющіе людей, животныхъ, деревья, растенія, горы и зданія, въ различныхъ видахъ и положеніяхъ, разной величины, уменьшенные сообразно съ перспективой, въ которой хотятъ ихъ поставить,—и посредствомъ этихъ предметовъ, изображенныхъ въ учебникахъ, живописцы сочиняютъ картины. Такъ напримѣръ, чтобы нарисовать пейзажъ, они берутъ изъ образцовой книги горы, выбираютъ приличныя мѣсту деревья, прибавляютъ къ этому нѣсколько человѣческихъ лицъ и животныхъ, и по этому рецепту скорехонько получаютъ разнообразныя картины, изъ различнаго сочетанія однихъ и тѣхъ же предметовъ. Вотъ отчего на всѣхъ китайскихъ картинахъ, какой бы ни былъ ихъ сюжетъ, отдѣльныя фигуры—деревья, горы, люди — не представляютъ ничего новаго: вы уже видѣли ихъ тысячу разъ. У Лям-кои, какъ и въ другихъ мастерскихъ, есть мандарины, птички и образцовыя растенія, которыя онъ калькируетъ на прозрачной рисовой бумагѣ, такъ-что на всѣхъ рисункахъ, выставленныхъ въ его лавочкѣ, какъ и въ лавочкахъ достойныхъ его собратій, въ Кантонѣ и въ другихъ городахъ Средней Имперіи, видишь почти одни и тѣже предметы. Заслуга китайскаго живописца заключается въ большемъ или меньшемъ совершенствѣ калорита, которымъ онъ освѣщаетъ свои пошлыя сочиненія».

Теперь не угодно ли зайти въ китайскій театръ.

«На углу одной изъ улицъ, ведущихъ къ гавани, труппа странствующихъ комедіантовъ разбила подвижной театръ, и возвѣстила, что будетъ играть драму — *Несчастія Кіу-лина*, которая имѣла тогда современный интересъ и пользовалась большимъ уваженіемъ въ Китаѣ. Я много слышалъ о ней въ Кантонѣ, и очень желалъ посмотреть. Благодаря моему пріятелю Китайцу, который въ нѣсколько дней показалъ мнѣ всѣ удовольствія Средней Имперіи, я успѣлъ добыть въ театрѣ удобное мѣстечко, откуда могъ вполнѣ наслаждаться въсей. Ротъ ея содержаніе: Кіу-линъ, молодой офицеръ изъ полка *широовъ* (императорской стражи), влюбленъ безъ памяти въ дочь мандарина Сина и уже получилъ обѣщаніе, что она вый-

дѣтъ за него замужъ; но въ это время вспыхиваетъ война съ Англичанами, и увлекаетъ его на поле сраженія. Въ продолженіе войны онъ дѣлаетъ чудеса храбрости, мечтая о невѣстѣ, которая будетъ гордиться его подвигами; но въ жаркой схваткѣ, Кіу-линъ раненъ, да такъ опасно, что ему даютъ отставку. Онъ возвращается домой, пишетъ отцу своей возлюбленной, чтобы онъ поскорѣе устроилъ сговоръ, но ему не отвѣчаютъ на письмо. Тогда геройемъ овладѣваетъ безпокойство, и онъ, едва передвигая ноги, тащется къ дому Сина. Въ залахъ мандарина пиръ, музыка. Кіу-линъ спрашиваетъ у прислуги, что бы это значило; ему говорятъ, что хозяйская дочь выходитъ замужъ. — Кто же этотъ счастливецъ? спрашиваетъ Кіу-линъ. — Богачъ Трапки. — И затѣмъ перечисляютъ подарки, которые онъ привезъ невѣстѣ, ей отцу и братьямъ. Кіу-линъ не можетъ перенести рековой вѣсти, падаетъ безъ чувствъ — и умираетъ.

«Драма эта, выкроенная по европейскому фасону, была развѣтрена прекрасно. Китайскіе комики превосходны по естественности и краснорѣчію жестовъ и игрѣ физиономіи. Публика, собравшаяся въ театръ, очень хорошо знала пьесу, и однакомъ драма возбуждала неистовыя рукоплесканія. Признаюсь, не краснѣя, я вполнѣ раздѣлялъ ощущеніе моихъ сосѣдей, хотя не совсѣмъ понималъ пьесу».

Капитанъ Менфоръ проникаетъ всюду и изучаетъ народныя нравы. «Нигдѣ не потребляется столько алкоголя, говорить онъ: какъ въ Китаѣ. Жители его извлекаютъ водку изъ всего, кроме винограда, который здѣсь почти неизвѣстенъ. Плоды, огородные овощи, хлѣбъ, дикія ягоды, корни — все приносятъ дань его спортуозной жаждѣ, и не можетъ ее утолить. Приборы для дистиллированія, придуманные въ Китаѣ, очень заманчивы, и могли бы, при случаѣ, пригодиться для нашей промышленности. Кантонъ главный центръ фабрикаціи и сбыта этихъ огненныхъ навитковъ».

«Нѣкоторыя изъ заведеній, въ которыхъ Китаецъ украдкою удовлетворяетъ своей страсти къ водкѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія путешественника. Если въ грязныхъ закоулкахъ города гнѣздятся отвратительныя явнки, за то есть и роскошныя магазины, ни въ чемъ не уступающіе знаменитымъ

домашнимъ *Gin's-Palace*, въ которыхъ Джонъ-Буль упивается по теоріи воздержанія. Въ китайскомъ городѣ на всякомъ шагѣ встрѣчаются кухни подь открытымъ небомъ и холодіе продавцы съѣстныхъ припасовъ. Простонародье не пренебрегаетъ никакимъ изъ домашнихъ животныхъ для утоленія голода, и жаритъ на вертелѣ даже тѣ, на которыхъ мы не можемъ смотрѣть безъ отвращенія. Гавядина запрещена Китадцамъ религіей, потому-что быки назначены для земледѣльческихъ работъ. Однакожь законъ этотъ не слишкомъ строго соблюдается въ Кантонѣ. Послѣ мяса домашнихъ животныхъ, фундаментальная пища — рыба, которую Китадцы ѣдятъ во всѣхъ видахъ — живую и соленую, свѣжую и гнилую. Китаецъ падохъ на все, только бы наполнить эластическій желудокъ, и не взыскателевъ въ выборѣ. Такимъ-образомъ онъ пожираетъ множество *спондилей*, китайскихъ устрицъ, даже на другой или на третій день послѣ ловли, когда кадки, въ которыхъ онѣ хранятся, распространяють запахъ, невыносимый для европейскаго носа. «Желудокъ глупъ», гласитъ китайская мудрость — и Китаецъ ѣстъ что ни попало.

«На столахъ мандариновъ и богатыхъ негоціантовъ является тоже правило, по нѣсколько изысканнѣе. Здѣсь подаютъ супъ изъ птичьихъ гнѣздъ, салатъ изъ ясныхъ почекъ, рѣчную и озерную рыбу, корни водорослей, огурцы и нѣжные плоды. Для этихъ столовъ, торговцы постоянно держатъ въ садкахъ живую рыбу Ту-Кіанга, которая почитается самою вкусною въ Китаѣ; разводятъ въ садахъ капусту *не-тсам*, ямовый корень, который жарятъ подь пепломъ баніановой смоквы, бермудскій картофель, мандаринскіе апельсинны, доведенные въ Кантонѣ до невѣроятной сладости; выписываетъ изъ Чангъ-Тонга грушу, изъ Пе-че-ли ююбу, персики, абрикосы и тысячу другихъ плодовъ. Для этихъ же богатыхъ обѣдовъ разводятъ рѣдкіе, яркіе и душистые цвѣты; но вездѣ европейскій желудокъ приходитъ въ ужасъ, потому-что всѣ кушанья приготавливаются на рѣднномъ маслѣ».

И какъ мы заведи рѣчь о Востокѣ, то вотъ нѣсколько словъ о причинѣ желтоватаго колорита восточныхъ зданій, какъ объясняетъ ее аббатъ Мпшонъ, недавно воротившійся изъ цу-

тешествія въ Сирію и Палестину, гдѣ онъ, между прочимъ, занимался ботаникой и минералогіей.

«Изучая великолѣпныя аттическія барельефы, говоритъ аббатъ: я открылъ микроскопическое растеніе, и ему-то Пареенонъ и всѣ восточныя зданія обязаны своимъ превосходнымъ золотистымъ оттѣнкомъ. Извѣстно, сколько было предположеній объ этомъ колоритѣ мраморовъ Пареенона. Одни говорили, что храмъ первоначально былъ покрытъ живописью, отъ которой и осталась эта блѣдно-желтая краска: дѣйствительно, на стѣнахъ, и особенно въ ящикахъ плафона, еще видны слѣды живописи. Другіе думали, что само солнце лучами своими окрашивало мраморъ. Ни чуть не бывало: по всѣмъ греческимъ мраморамъ, какъ обдѣланнымъ рѣзцомъ и сложеннымъ въ зданіе, такъ и не оторваннымъ еще отъ горъ, тлется огромными полосами мохъ, съ недоступными зрѣнію органами, досихъ-поръ не описанный ботанистами. Многочисленные образчики этого мха, взятые мною съ Пареенона, древней ограды Соломонова храма и развалинъ Бальбека, уничтожаютъ всякое сомнѣніе, и вотъ наблюденія, которыя привели меня къ этому любопытному открытію.

«Барельефы Фидіаса особенно отличаются этимъ прекраснымъ золотистымъ оттѣнкомъ, придающимъ мрамору какую-то бархатность и мягкость, которую трудно изобразить. Но выдающіяся части фигуръ — носъ, пальцы на рукахъ, и проч., отломившись въ эпохи болѣе или менѣе отдаленныя отъ насъ, а между-тѣмъ на мѣстахъ перелома я замѣтилъ тотъ же желтый колоритъ, и они нисколько не отличались цвѣтомъ отъ не поврежденныхъ углубленій барельефовъ. Изъ этого я долженъ былъ заключить, что краска происходила не отъ живописи, потому-что части мрамора, ослѣпляющія бѣлизною, когда ихъ переломить, отъ времени желтѣютъ, какъ и все остальное. Я замѣтилъ также, что, по свойству всѣхъ мховъ, окрашиваніе проникало въ щели мрамора всякій разъ, какъ въ немъ показывалась гдѣ-нибудь трещина, такимъ-образомъ, что при поднятіи скорлупы мрамора, на двухъ внутреннихъ стѣнкахъ его оказывался одинъ и тотъ же цвѣтъ, и густота его уменьшалась соразмѣрно ширинѣ щели. Слѣдовательно, окрашиваніе это за-

вѣстѣе отъ развитія мховъ, которые обыкновенно стекаются по утесамъ и проникаютъ въ самыя незамѣтныя ихъ трещины.

«Послѣ того я началъ наблюдать дѣйствіе солнца на колонны зданія, и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Колонны, обращенныя къ югу, совершенно бѣлы съ той стороны, которая всего болѣе подвержена жгучимъ лучамъ солнца; потомъ онѣ мало-по-малу желтѣюгъ на сторонахъ, освѣщаемыхъ не столь палящимъ солнцемъ, и наконецъ, на той сторонѣ, которая почти не видитъ солнца, желтый оттѣнокъ уже является коричневымъ, и часто встрѣчаются длинныя полосы черного мха, какой растетъ, обыкновенно, на сырыхъ стѣнахъ.

«Обстоятельства эти привели меня къ слѣдующимъ заключеніямъ: такъ-какъ мраморъ, на сторонѣ почти не подверженной дѣйствію солнца, чернѣетъ, а извѣстно, что это окрашивание происходитъ отъ мховъ, называемыхъ *lepraria*; такъ-какъ мраморъ остается бѣлымъ тамъ, гдѣ его всего болѣе печетъ солнце, и желтизна его замѣтна только въ посредствующихъ частяхъ; то значитъ, что тутъ есть мохъ, который, при недостаткѣ сырости, не можетъ прозябать подъ палящимъ дѣйствіемъ солнца на передней сторонѣ колонны, и тѣмъ сильнѣе растетъ на частяхъ мрамора, защищенныхъ отъ солнца.

«Загадка моя была разрѣшена. Впослѣдствіи, я взялъ съ сѣверной стороны іерусалимской ограды нѣсколько кусковъ извести, и началъ скоблить ихъ лопаткой. Известковой мохъ прѣсталъ къ ней, и сообщилъ ей тотъ же золотистый оттѣнокъ, который былъ на камнѣ. Слѣдовательно, мраморъ желтѣетъ не отъ дѣйствія жара, потому-что на колоннахъ Пареиона, сторона, подверженная самымъ жаркимъ лучамъ солнца, остается бѣлою, а на іерусалимскихъ стѣнахъ я нашелъ тѣже цвѣта на сѣверной сторонѣ, никогда не согрѣваемой солнцемъ.»

Аббатъ Мишонъ далъ этому мху названіе *lepraria parthenotica*, и это-то маленькое, чрезвычайно тонкое растеніе покрываетъ мраморъ, обработанный человѣческою рукою, и сообщаетъ восточнымъ памятникамъ тотъ теплый колоритъ, котораго никогда не представляютъ наши европейскія монументы.

Но довольно о восточныхъ памятникахъ, сооруженныхъ изъ мрамора. Нашъ вѣкъ изобрѣлъ стеклянные, и одно изъ такихъ, зданій, назначенное для парижской всемірной выставки, уже

переросло деревня Елисейскихъ-Полей. Аркады его видны далеко; скоро начнутъ настилать стеклянную кровлю. Впрочемъ, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, Парижане какъ-то недовѣрчиво смотрятъ на это подражаніе первому хрустальному дворцу, и сомнѣваются, чтобы въ 1855 году состоялась турниръ промышленности, которая приуныла во Франціи. Впрочемъ *Moniteur universel*, въ видахъ успокоенія умовъ, уже обнародовала программу и главныя правила выставки. Она будетъ открыта 1 мая и закроется 31 октября 1855. Списки экспонентовъ должны быть представлены комиссіи не позже 30 ноября текущаго года. На выставку допускаются всѣ произведенія земледѣлія, промышленности и искусства, кромѣ животныхъ и растений въ живомъ состояніи, матерій гремучихъ и легко воспламеняющихся и, наконецъ, предметовъ, которые количествомъ своимъ перешли бы далѣе цѣля выставки. Предметы выставки составятъ два отдѣла: произведенія промышленности и произведенія искусства, и будутъ распределены по государствамъ, въ восемь группъ, подраздѣленныхъ на тридцать классовъ. Къ программѣ выставки прибавленъ документъ подъ названіемъ *Система классификаціи*, въ которомъ пояснено, чѣмъ отличается промышленность отъ искусства, и показаны границы между различными классами произведеній.

Покажѣтся, вѣрно только то, что выставка эта еще болѣе разовѣетъ шарлатанизмъ индустріальныхъ объявленій, которые прогуливаются по улицамъ Парижа въ видѣ ходячихъ афешъ, и занимаютъ цѣлыя страницы большихъ политическихъ журналовъ.

Объявленія эти — сущее наслажденіе: сквозь розовый колеръ ихъ, будущность человечества, въ отношеніи разныхъ недуговъ, представляется въ самомъ утѣшительномъ свѣтѣ.

Нить болѣе мизрени!... читаете вы въ газетахъ — и однакожь сколько слабыхъ женщинъ, и даже широкоплечихъ мужчинъ, страдаетъ этою несовсѣмъ пріятною болѣзью.

Нить болѣе зубной боли!... восклицаютъ двадцать знаменитыхъ дантистовъ, — хотя, болѣею частью, они вылечиваютъ больной зубъ — выдергивая его изъ челюсти.

Нить болѣе мозолей!... возвѣщаютъ операторы — и приглашаютъ танцорамъ и нетанцорамъ абонироваться по-надѣмъ

ны, по-нѣбось, или даже на годъ... Жюль Жанснъ повѣрялъ одному такому объявленію — и теперь прихрамываетъ.

Нѣтъ большіе мыслятъ голубы!... уже давно объявлялъ одинъ парижскій врачъ, и изобрѣлъ удивительную воду, по милости которой еще болѣе расплодилось нарцисовъ.... Но всѣ эти объявленія, и тысяча подобныхъ, должны преклониться передъ открытіемъ, о которомъ недавно сообщено въ англійской Morning-Chronicle.

Докторъ Уильямкинсъ нашелъ, что человѣкъ можетъ жить безъ внутренностей, и доказалъ это въ ученой запискѣ, разосланной къ лондонскимъ авторитетамъ по части медицины. Опытъ былъ сдѣланъ надъ больнымъ; операція совершенно удалась, но только больной — умеръ! Впрочемъ докторъ Уильямкинсъ, чтобы оправдать свою систему, напечаталъ письмо, въ которомъ утверждаетъ, что покойный умеръ бы гораздо скорѣе безъ операціи.

Въ ожиданіи, пока люди будутъ жить безъ желудка, одинъ парижскій пирожникъ изобрѣлъ, на случай пріѣзда англійскихъ желудковъ, новое печенье, подъ названіемъ *полудумства*, который затиналъ на-время всѣ возможные *сагарены*, *ришельё*, *мазарены*, и тому подобное. За-Ламаншскіе друзья Османовъ въ восторгѣ и пожираютъ луну съ чисто-британскимъ аппетитомъ.

Я узналъ объ этомъ изобрѣтеніи изъ Journal roué rigé, который зорко слѣдитъ за современностью, и не упускаетъ изъ виду ни одного примѣчательнаго событія, будетъ ли это широкъ на лицахъ и ромъ, или нѣжная корреспонденція, основанная на женской ревности и расчетѣ.

Недавно мадамъ Дошъ и мамзель Пажъ поссорились за какую-то роль—впрочемъ это было только предлогомъ—и завели въ журналахъ переписку, въ которой напоминали одна другой вещь самую непріятную — безжалостные годы.

Проза двухъ современныхъ Севинье наполнена столбцы журналовъ. Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ бюджетъ этой чернильной битвы.

Мамзель Пажъ изъясняла въ кисло-сладкихъ жалобахъ досаду на тяжёлую роль, и говорила, что она соперницѣ отдаде пре-

имущество развѣ только за опытность, которую она приобрѣла по праву старшинства лѣтъ.

Нападеніе было очень мѣтко. Мадамъ Дошъ слѣдовало бы отвѣтить, что для таланта нѣтъ возраста; но какая же женщина, задѣтая за чувствительную струну хронологіи, ограничитъ оборонительнымъ отраженіемъ удара?

Мадамъ Дошъ отразила булавку желѣзнымъ копьемъ.

— Если вы до-сихъ-поръ еще не приобрѣли опытности, мой другъ, то, значитъ, никогда не приобретете: на это нѣтъ у васъ средствъ! Драматическая наивность ваша уже насчитала двѣнадцать зимъ въ Парижѣ, кромѣ тѣхъ, которыя вы провели въ провинціи. Въ тысяча-восемьсотъ-сорокъ-второмъ году, васъ поощрили на путь парижскіе клакёры. Въ ваши годы уже не прорѣзывается зубъ мудрости.

И проч. и проч., въ томъ же тонѣ. Но газета Figaro сосчитала, что соперницамъ обѣимъ вмѣстѣ *шестьдесятъ-семь* лямъ, и предложила имъ раздѣлить эту сумму.

— Какъ! вскричала мамзель Пажъ, взглянувъ на цифру: ужаси Дошъ тридцать-девятый годъ?

Для предупрежденія подобныя недоразумѣній на будущее время, газета обѣщаетъ сдѣлать выписку изъ метрическихъ книгъ всѣхъ артистокъ, начиная съ мадамъ Тенаръ, которая признана всѣми за самую старую, до Селены Монталанъ, которая еще подростаетъ.

Между-тѣмъ какъ во французскихъ газетахъ изливали желчь двѣ театральныя амазонки, въ англійскихъ явилась довольно скандалѣзная полемика между лордомъ Дж. Росселемъ, біографомъ Томаса Мура, и Джемсомъ Крокеромъ. Поводомъ къ ней послужили нѣсколько отрывковъ изъ дневника поэта, издаанныхъ парламентскимъ воеводой. Извѣстно, что Муръ не могъ существовать скудными доходами съ своихъ прелестныхъ стихотвореній, и что протекція доставила ему мѣсто чиновника на Бермудскихъ Островахъ. Но какъ служба эта висколько не улучшила положенія Мура, то онъ и обратился къ своему лондонскому другу Крокеру, директору колоніальнаго департамента, съ просьбою, не прищеть ли онъ охотника, который бы купилъ у него эту должность за тысячу фунтовъ стерлинговъ. Россель собралъ всевозможные ключи Муровой корреспонден-

ціи, напечаталъ ихъ безъ всякой критики и осторожности, и такимъ-образомъ нѣсколько окомпрометировалъ Крокера, которому хотѣлось скрыть несовсѣмъ хорошую черту въ характерѣ поэта. Изъ этого возникла между Росселемъ и Крокеромъ переписка, гдѣ первый, съ свойственною ему запальчивостью, утверждаетъ, что не станетъ жертвовать истиной для пустыхъ приличій. Однакожъ истина требуетъ сказать, что вѣдь въ Англіи многія публичныя должности продаются, какъ призовыя лошади. Полемика эта надѣлала много толковъ въ англійскомъ обществѣ.

Впрочемъ понятія Англичанъ о приличіяхъ очень переменчивы. Недавно требовалось, чтобы мужчины брились, чтобы лицо ихъ было глаже фаянсовой тарелки; но теперь произошла сильная реакція, подъ названіемъ *moustache-movement*, которая вовсе горло требуетъ эманципаціи бородъ. Для рабочихъ и полисменовъ, борода можетъ служить предохранительнымъ средствомъ противъ холода, пыли, дыму, фабричныхъ испареній, и т. п., и въ этомъ смыслѣ, четыреста дублинскихъ полисменовъ просили позволенія отпустить бороду. Очень можетъ-статься, что борода сдѣлается въ парламентѣ эмблемою различныхъ партій, какъ нѣкогда алая и бѣлая роза. Однѣ газеты говорятъ: «Въ каждомъ, у котораго гладко-выбритый подбородокъ выглядываетъ изъ густыхъ бакенбардовъ, мы будемъ видѣть лѣнтяя, трутня; въ каждомъ длиннобородомъ — цолернаго, производительнаго человѣка, которому некогда безобразить бритвою свое лицо, достойное уваженія. Джентльменъ, брѣющійся каждое утро и дѣлающій проборъ на затылкѣ, теряетъ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, почти три года своей жизни, назначенной для болѣе-полезныхъ обязанностей.» Высшее общество, напротивъ, отвѣчаетъ, что борода между стоячими воротничками означаетъ вандала, визигота. Но какъ артисты всѣхъ родовъ, особенно послѣ путешествія на материкъ, присоединились къ породѣ бородатыхъ — по разнымъ эстетическимъ причинамъ, въ видахъ пользы искусства, то и многія дамы начали смотрѣть на бороду съ художнической точки зрѣнія. Однѣ нѣмецкіи артисты, котораго еще въ прошломъ году закидали на лондонскихъ улицахъ грязью, потому-что онъ ходилъ съ бородою, недавно женился на хоро-

шенькой ивстѣ. Молодая супруга даже упросила его пожертвовать несессеръ съ бритвами, кисточкой и мыломъ, для лотереи съ пользу какого-то женскаго пансіона. Фортепянистъ №, съ окладистой бородою, сдѣлался любимымъ дамскимъ учителемъ, и въ залу его собираются миленькія головки, на той самой улицѣ, гдѣ нерѣдко цѣлыя толпы ребятишекъ и даже взрослыхъ бѣгали за каждымъ, у кого не лоснился подбородокъ.

Безъ сомнѣнія, это moustache-movement вскорѣ разразится брошюрами, запестритъ въ газеткахъ, и прибавитъ еще едина названій къ каталогу новѣйшей литературы, и лишній пудъ тяжести на полки Британскаго Музея. Кстати о музеѣ.

Многочисленные посѣтителы библіотеки его давно жаловались, что въ этомъ хранилищѣ просвѣщенія очень мало свѣту. Жалобы ихъ приняты къ свѣдѣнію. Сначала предполагено было покрыть внутренній квадратный дворъ музея стеклянною крышею, чтобы такимъ-образомъ выиграть мѣсто. Но такое устройство повредило бы освѣженію воздуха и освѣщенію комнатъ, выходящихъ окнами на дворъ. Поэтому, теперь назначено выстроить на серединѣ просторнаго внутренняго двора зданіе, которое было бы ниже самаго музея, и не отнимало у него ни воздуха, ни свѣта. Залы этой довольно для трехъ или четырехъ сотъ читателей, и она будетъ сообщаться съ четырьмя окружающими ее сторонами главнаго зданія посредствомъ галлерей, такъ, что читателямъ будетъ очень удобно приходить и относить книги. Зала будетъ выстроена изъ желѣза, кирпича и стекла, и по вечерамъ освѣщаться газомъ, но снаружи зданія, для предупрежденія всякой опасности отъ огня. Просторную залу эту надѣются построить въ два года.

И какъ мы заговорили о книгахъ, то считаемъ долгомъ указать на «Types of Mankind and Ethnological Researches», Мертона, президента Филадельфійской академіи наукъ, собраннаго Петерсономъ, профессоромъ Агассизомъ и Учеромъ, и приведенныя въ систему Поттомъ и Глидономъ. Книга эта, обнимающая всѣ племена Земнаго Шара, украшена тремястами пятидесятью гравюрами на деревѣ, кромѣ того къ ней приложено множество литографированныхъ рисунковъ, картъ, геологическихъ, хронологическихъ и статистическихъ таблицъ и проч. Тутъ вы увидите древніе памятники, карты, статуи

нтуру и вѣдѣнія древнихъ и новѣйшихъ народовъ и племенъ; найдете древнюю и новую географію, естественную исторію, филологію, — словомъ науку о природѣ и человѣкѣ, съ новѣйшей точки зрѣнія.

Послѣ этого огромнаго труда, занявшаго толстый томъ, явилась брошюрка въ нѣсколько страничекъ—«Cheshire's Results of the Census», матеріалы для которой собирало множество головъ. Это — результаты народной переписи въ Англіи. Поверхность Лондона, какъ видно изъ этой брошюры, занимаетъ 78,029 акровъ или 122 англ. кв. миля. Жителей, при послѣдней ревизіи, было 2,362,236 душъ. Если собственно столицу, не считая предмѣстій, окружить стѣною, въ которой было бы четверо воротъ — одни ворота съ каждой стороны — и если бы понадобилось всему народонаселенію Лондона разомъ выйти изъ города; то жители, выбираясь въ каждыя изъ четырехъ воротъ — на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ — по четыре человѣка въ рядъ, составили бы четыре вереницы, каждую длиною въ семьдесятъ-пять англ. миль (около 110 верстъ), и на выходъ изъ города имъ надо было бы полтора дня! А если бы весь этотъ людъ пошелъ гуськомъ, по одному человѣку?... Предлагаю вставить эту задачу въ арифметическіе примѣры. Можно вообразить, какимъ цвѣтущимъ здоровьемъ должно наслаждаться это народонаселеніе, въ тѣсныхъ улицѣхъ и закоулкахъ, въ дыму и копоти, которые поднимаются изъ тысячи горновъ и садятся въ горло!

Какая разница между столицею Англіи и чистыми, просторными городами Сѣверо-Американскихъ Штатовъ! Все здѣсь размѣрено циркулемъ, правильно, и путешественнику не надо компаса, чтобы добираться въ городъ до своего жилища. А между-тѣмъ для городовъ Союза еще порядочно не придумано и названій.

Граждане Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ очень затрудняются выборомъ названій для своихъ городовъ, и чѣмъ больше возрастаетъ число послѣднихъ, тѣмъ труднѣе становится прибрать для нихъ имена. Со времени войны за независимость, вошло въ употребленіе называть ихъ въ честь знаменитыхъ Американцевъ; но какъ великихъ мужей было немного, то патріотическое соревнованіе произвело въ геогра-

фин Союза настоящій хаосъ. По словамъ *American Gazetteer*, кромѣ главнаго города республики, двадцать-семь графствъ и по-крайней-мѣрѣ полтораста городовъ, мѣстечекъ и селъ носятъ имя Вашингтона; къ этому надо прибавить еще одинъ Вашингтонъ-Голлау, Вашингтонъ-Гэйсъ, Вашингтонъ-Дэкъ, и подюжныи Вашингтонсвиллей. Въ память Франклина названо девятнадцать графствъ и сто-шестнадцать городовъ, не считая еще тридцати Франклинстоуновъ, Франклинсвиллей, и т. п. За этими двумя именами слѣдуютъ Джефферсонъ, котораго имя носятъ восемнадцать графствъ и тридцать-девять городовъ и проч., и Мадисонъ, доставившій названіе шестнадцати графствамъ и двадцати-шести, болѣе или менѣе значительнымъ, мѣстечкамъ. Сверхъ того есть множество Джексоновъ, Монро, Гаррисоновъ, Гамильтоновъ, Клинтоновъ, и проч. и проч. Знаменитости Стараго Свѣта также не забыты: въ Союзѣ насчитываютъ не менѣе тридцати-семи Мильтоновъ, три Мильтоновилля и одинъ Мильтонбургъ, семь Гэмленовъ и столько же Сидисевъ. Храбрый адмиралъ Блекъ сохранится въ память по милости Блексбурга и Блексвилля. Герой голландскаго флота Рейтеръ также получилъ дань уваженія. Рядомъ съ семьёю Нельсонами красуется такое число Наполеоновъ, между-тѣмъ какъ о Веллингтонѣ подумали только шесть разъ. Послѣ Мильтона, наибольшою популярностью между поэтами пользуется Байронъ, въ честь котораго названо десять городовъ и мѣстечекъ. Замѣчательно, что въ Америкѣ нѣтъ ни одного Шекспира, хотя встрѣчаются три Ромео и два Гамлета. Вообще, каждое достопамятное событіе, происходящее въ нашей части Свѣта, каждая любопытная личность, выплывающая на европейскую поверхность, привѣствуются по-ту-сторону Атлантическаго Океана сооруженіемъ какого-нибудь города. Тамъ уже есть почтовая станція Женя Ляндъ. Названія городовъ Стараго Свѣта тоже изобилуютъ въ Америкѣ; такъ встрѣтите вы двадцать-два Парижа, двадцать-одинъ Римъ, двадцать Вѣнъ, семнадцать Лиссабоновъ, восемь Берлиновъ, семь Капровъ, пять Кадиксовъ, четыре Мемфиса, Трои, Уттку, Иерусалимъ, Иерихонъ, Сиракузы, Пальмиру, Калькуту, Москву, Петербургъ, Гамбургъ, Брауншвейгъ, Ганноверъ, Франкфуртъ, и проч. и проч.; недостаетъ только Константинополя.

Вироятно, въ скоромъ времени явится еще городъ — *Жюльенъ*, въ честь знаменитаго капельмейстера, который теперь путешествуетъ съ своимъ оркестромъ по Соединеннымъ-Штатамъ, и даже затмилъ тамъ звѣзду госпожи Зонтагъ-Росси. Американцы встрѣчаютъ его съ восторгомъ, пишутъ стихи въ честь его фрака, галстука, и поднесли ему титулъ *великому лорда адмиралтейства на океанъ мелодіи*. Какаа сатира на европейскую холодность этотъ за-атлантическій энтузіазмъ!

Европейская музыкальность обращаетъ взоры только на Италію, на городокъ Пезаро, ожидая, не споетъ ли чего та-мошній лебедь. Но — увы! — Россіи молчатъ, даже не хотятъ ѣхать за Альпы.

Недавно, одиень туристъ-меломанъ посѣтилъ Россіи, причемъ, разумѣется, не преминулъ сказать, что Франція тоскуетъ объ его отсутствіи, и спросилъ, не пріѣдетъ ли маэстро въ Парижъ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ маэстро.

— Когда же, можемъ надѣяться?

— А когда Жиды кончатъ шабашъ.

Такъ Россіи называетъ музыку Галеви, Мейербера, и другихъ Израильтянъ-музыкантовъ.

Говоря о геніи, отдыхающемъ на лаврахъ, невольно вспоминаешь о Французской Академіи, которой члены засыпаютъ тотчасъ по произшествіи ихъ въ *безсмертные* (это ихъ титулъ). Теперь въ этомъ ученомъ сословіи стоятъ вакантными два кресла, послѣ недавней смерти Жё и Тиссо, засѣдавшихъ скорѣе по праву рожденія, нежели по праву таланта. Тиссо, говорятъ, перевелъ когда-то *Энеиду*, а Жё написалъ нѣсколько похвальныхъ словъ; достовѣрно только то, что оба они трудились для журналовъ *Minerve* и *Constitutionnel* (прежній, до-вероновскій). Говорятъ, будто въ кандидаты метить Жюль Жаненъ, имѣющій тысячу причинъ считаться представителемъ современной французской словесности; Понсаръ — украшеніе новѣйшей сцены; Жерюзё — ученый и остроумный историкъ французской литературы, и Маньенъ — тоже очень уважаемый писатель. Рассказываютъ, что когда Мишо объяснялъ Мегмету-Али, что значить Французская-Академія,; наша перебилъ его рѣчь, и сказалъ:

— Такъ насъ только сорокъ? А я думалъ, что Франція гораздо богаче отличными сочинителями.

Да, такъ богата, что даже не помѣстилась въ двухъ-стахъ сорока-девяти лицахъ *Литературнаго пантеона*, составленнаго изъ однихъ великановъ, включая сюда и.... карликовъ.

Господинъ Z..., считающій себя въ числѣ литераторовъ, остановилъ на улицѣ автора *Литературнаго пантеона*.

— Хорошо, любезный Надаръ, очень хорошо!

— А что?

— Помѣстили портреты рѣшительно всѣхъ литераторовъ, кромѣ моего.

— Ошибаетесь, любезный: вы-то и заключаете шестіе.

— Будто?

— Право. Посмотрите.... Видите-ли этого литератора... вонъ тамъ.... въ самомъ концѣ процессіи?

— Вижу даже двухъ или трехъ.

— Вы одинъ изъ трехъ.

— Но вѣдь это чуть замѣтныя человѣческія формы, затаннныя туманомъ....

— Конечно!

— Тѣни, образы безъ лицъ, которые ничего не означаютъ.

— Сюда-то вы и понали. Неблагодарный!

Литературный-пантеонъ этотъ рисуется теперь за стѣнами эстампныхъ и книжныхъ магазиновъ Парижа, особенно на бульварахъ, и толпа хохочетъ во весь ротъ на эту процессію знатенностей.

И такъ-какъ мы на бульварѣ, то вотъ маленькій случай изъ парижской жизни.

Двое молодыхъ людей завтракали въ ресторанѣ. Одинъ изъ нихъ былъ влюбленъ, но несчастливо, потому-что преимущество отдавалъ другому. Черезъ нѣсколько минутъ, входитъ въ ресторанъ пожилой господинъ съ бакенбардами, соперникъ несчастнаго влюбленнаго, садится за особый столъ, и велитъ подать дюжину устрицъ.

— Плохо! замѣтилъ молодой дѣвъ; тринадцать за столомъ!

1874 г. — 1875 г.

Господинъ въ бабенбардахъ услышалъ это замѣчаніе; савла-завлазъ сора, и дѣло чуть не дошло до дуэли.

Въ прошломъ мѣсяцѣ, я нашелъ въ ученыхъ журналахъ мно-го примѣчательныхъ открытій.

— Въ послѣднемъ засѣданіи конгресса ученыхъ обществъ, на который собралось въ Парижѣ болѣе сотни депутатовъ отъ разныхъ ученыхъ обществъ изъ департаментовъ, была читаема, между прочимъ, любопытные мемуары объ искусственномъ разведеніи рыбы во Франціи. Маркизъ де-Вибрѣ, имѣющій помѣстье въ Солеми, послѣ многочисленныхъ опытовъ надъ количествомъ и температурой воды, отъ которыхъ зависитъ оплодотвореніе икры, и надъ кормленіемъ и воспитаніемъ молодыхъ рыбокъ, успѣлъ въ два года выростить лососей, длиною въ четырнадцать, и форелей — отъ двадцати до двадцати-двухъ сантиметровъ. Послѣднія особенно удались, такъ-что г. Вибрѣ уже могъ спустить порядочное число ихъ въ рѣки, для возобновленія исчезнувшей породы. — Виконтъ де-Романѣ, также сазонскій помѣщикъ, дѣлалъ опыты надъ разведеніемъ угрей, и въ два года они выросли такъ, что ихъ уже можно было подавать къ столу. Г. Катрѣажъ замѣтилъ, что оплодотвореніе икры зависитъ отъ температуры воды, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, опыты не удавались именно потому, что вода была нѣсколькими градусами теплѣе или холоднѣе. — По мнѣнію г. Пеннибе, всего лучше для молодыхъ рыбокъ пища изъ животнаго царства и кровь, собираемая на бойняхъ.

— На юговосточной оконечности Калгуужунти, къ сѣверу отъ С.-Юсуса, воздвигнуто укрѣпленіе въ видѣ полукруга въ двѣсти футовъ въпоперечникъ, противъ котораго на югозападъ лежитъ фортъ такой же вышины. Въ Странгвельсѣ (County Wayne у ю Michigan) у сѣвернаго берега рѣки Детруа, построены также фортъ эллиптическаго вида, обнесенный на пространства полудесятины валомъ въ три фута высоты; этотъ фортъ водвигнутъ искусственнымъ образомъ посреди обширныхъ топей, по которымъ, по направленію къ форту, проведены двѣ правильныя плотины, поднятыя на 4 или 5 футовъ. Судя по мѣстнымъ устройствамъ, этотъ пунктъ служилъ совѣщательнымъ собраніемъ первоначальнымъ Индійцамъ; что же касается до мѣста обороны, то нельзя предположить, чтобы этотъ фортъ былъ настроенъ съ такой дѣлать,

по той причинѣ, что не видно и слѣдовъ тѣхъ деревянныхъ укрѣпленій, которыя обыкновенно встрѣчаются въ старинныхъ крѣпостяхъ. Вдоль теченія сѣвернаго рукава р. Клинтона, въ двухъ миляхъ отъ деревни Маршалъ, въ Прери-Рондъ у Колоснацо, въ Бруссе и Мазамбикути, находится тоже нѣсколько четверугольныхъ и продолговатыхъ укрѣпленій, большею частью обнесенныхъ неправильными валами, имѣющими въ окружности отъ 1 до 5 десятинъ (2—10 акровъ); въ этихъ фортахъ остались еще нѣкоторые слѣды крѣпостныхъ воротъ, изъ числа которыхъ многія были открыты на одномъ крутомъ холмѣ подлѣ р. Клинтона, въ 8 миляхъ отъ озера Сентъ-Клера. Между прочимъ, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, копали здѣсь могилу для какого-то миссіонера, вырыто было много человѣческихъ остововъ необыкновенной величины; но не возбуживши въ комъ ученаго интереса, они снова переданы были землѣ. При устьѣ рѣки Детруа открыто также нѣсколько старинныхъ укрѣпленій, и въ одномъ изъ нихъ близъ Бельфонтена, найдено нѣсколько кургановъ, по разрытіи которыхъ найдено было много человѣческихъ остововъ, обломковъ стрѣлъ, каменныхъ топоровъ и т. под., что побудило г. Блоа, редактора журнала *Michigan Gazetteer*, съ помощью ученаго друга предпринять подробное изслѣдованіе одного пирамидальнаго кургана, открытаго ими на уединенномъ холмѣ, окруженномъ на пространствѣ семи миль песчаной пустынею. Въ верхней части этого кургана открыто было ими множество черепицъ, глиняной посуды, частей человѣческихъ скелетовъ, въ томъ числѣ нѣсколько коренныхъ зубовъ, истлѣвшихъ до наружной скорлупы. Они разрыли курганъ этотъ на 4 фута отъ уровня земли, находя въ разныхъ частяхъ слоя много примѣси истлѣвшихъ человѣческихъ труповъ и, судя по скелетамъ, они насчитали шесть отдѣльныхъ тѣлъ, погребенныхъ здѣсь рядомъ или одно надъ другимъ. При этомъ у каждаго скелета найдены были куски стрѣлъ, копій, топоровъ и различныхъ другихъ каменныхъ издѣлій, которыя въ такой степени предалися уже гнилю, что съ трудомъ возможно было вообразить себѣ первоначальную форму; сверхъ того найдено было у каждаго остово по нѣскольку фунтовъ красной матеріи, вполнѣ сохранившей еще свою яркость. На футъ отъ основанія кургана встрѣтили

они слою угля въ три дюйма, подъ которымъ открыто еще шесть скелетовъ, сидящихъ въ одинъ рядъ, въ такомъ положеніи, что голени ихъ отстояли отъ таза на 4 дюйма, верхнія же части туловищъ опрокинуты были назадъ, головы ихъ обращены были къ сѣверу, а въ рукахъ держали они глиняные сосуды, такъ что въ этомъ видѣ они показались пьющими. Многія части скелетовъ предались уже глѣнию, но скулы и зубы были еще цѣлы и казались какъ-бы полированными; но оставы и формы череповъ не имѣютъ сходства съ устройствомъ головъ нынѣшнихъ Индійцевъ. Повидимому, предки ихъ имѣли большой и широкій ротъ, плоское и круглое лицо, глаза впалые, лобъ весь на низкій, расширяющійся къ затылку, что доказываетъ слабое уміе (такъ что по всему вѣроятію среди ихъ не было ни Минервы ни Венеры), черепъ ихъ необыкновенно толстъ. Вслѣдствіе этихъ признаковъ, изслѣдователи причисляли открытые ими скелеты къ африканскому племени. Самый большой изъ скелетовъ былъ величиною въ 5 футовъ и два дюйма; также и здѣсь кругомъ скелетовъ лежало много роговыхъ копій, стрѣлъ, кремней и кусковъ кварца въ видѣ ножей, которые были большею частію еще до такой степени остры, что ими можно было рѣзать фланель. Кромѣ открытаго въ землѣ одного сосуда, величиною съ небольшимъ въ ведро изъ перржавленнаго желѣза, ничего металлическаго не было болѣе открыто. Между различными вещами найденъ былъ также кусокъ огромной морской раковины, нѣсколько жемчужинъ и маленькихъ камешковъ, выточенныхъ изъ раковинъ; жемчужины эти были цилиндрическаго вида, длиною въ $\frac{3}{4}$, а толщиной въ $\frac{1}{2}$ дюйма, просверленные въ длину. Шесть такихъ жемчужинъ нашли во рту одного скелета; вѣроятно, ихъ считали талисманами для душъ усопшихъ. Остальные сосуды были до такой степени перебиты, раздавлены, подвержены глѣнию, что трудно было даже узнать ихъ форму; однако можно было заключить, что большая часть ихъ была величиною въ ведро, въ видѣ полуяйца, съ узкимъ отверстіемъ безъ ручекъ и съ зазубренными краями, внутри гладкіе, а снаружи украшенные различными фантастическими фигурами; масса ихъ состояла изъ глины съ примѣсью кварцоваго и другихъ сортовъ песку. Г. Блау полагаетъ, что эти сосуды

закапывались въ огнѣ и служили для приготовления пищи. Подобные сосуды были также во множествѣ открыты и въ Техинскомъ оверѣ, въ Охио и Новой-Англии. Шолкрафтъ упоминаетъ въ сочиненіи своемъ «Travels» о многихъ сосудахъ гораздо большаго объема, найденныхъ въ солончакахъ, близъ Иллинода въ глубинѣ 80 футовъ; они были сдѣланы изъ такой массы, которая весьма способна вынести самый сильный жаръ.

Наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вырыли въ глубинѣ 80 футовъ подобный же сосудъ, величиною въ 3 ведра. Итакъ изъ открытыхъ адѣосъ средствъ г. Блуа заключилъ слѣдующее:

1) Всѣ открытыя въ Америкѣ tumuli, воздвигнутыя искусствомъ рукъ человѣческихъ, представляютъ собою могилы древнихъ туземцевъ.

2) Въ бельфонтенскихъ же курганахъ покоятся прахъ двухъ совершенно различныхъ племенъ, въ такомъ порядкѣ, что въ верхнихъ слояхъ земли погребены трупы Индійцевъ, а въ нижнихъ — первоначальныхъ племенъ прямыхъ основателей этихъ могилъ, которые, по особенному устройству ихъ черепа и налорослости, должны быть другаго происхоженія.

3) Степень образованія первоначальныхъ поселенцевъ Америки, превосходящая въ этомъ Индійцевъ, мы можемъ заключить изъ бывшихъ у нихъ въ употребленіи каменныхъ ножей, топоровъ, оконечностей копій и стрѣлъ. Судя по прочности ихъ зубовъ, они вели жизнь животныхъ, потому-что по словамъ Плетена «по мѣрѣ порчи зубовъ и количеству употребляемаго мыла въ народѣ можно судить о степени его образованности». Употребляемые ими металлическіе и глиняные сосуды доказываютъ намъ техническія познанія этого народа, который умѣлъ изъ мѣди и цинка выдѣлывать жести и вообще произведенія роскоши. Къ сожалѣнію, этотъ образованный народъ встрѣталъ въ Индійцахъ — своихъ Гунновъ, Монголовъ, которые, прійдя изъ дальнихъ странъ, варварски погребли здѣсь все просвѣщеніе и накрыли прахъ несчастныхъ туземцевъ цѣлыми слоями земли.

4) Мексиканскія древности имѣютъ одинаковое происхожденіе съ открытыми въ долинѣ Миссониси, такъ-какъ макабкунтскій фортъ и курганы имѣютъ большое сходство съ укрѣпленіями, открытыми въ Маристѣ, Панткрехѣ и другихъ частяхъ Охио. — Точно также найденныя въ Бельфонтенѣ жем-

чуждым равновѣснѣмъ, по описанію Атветера, имѣютъ большое сходство съ открытыми въ одномъ курганѣ близъ Цинцинати.

5) Во времена этикъ неизвѣстныхъ намъ народовъ, Америка неизвѣстному была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; однако на пути образованія своего, это племя не успѣло достигнуть совершенства и могущества древнихъ Римлянъ и Ассиріянъ. — Заключение это покажется, можетъ-быть, оскорбительнымъ гордымъ философамъ, которые изъ историческаго развитія умственныхъ способностей человѣка, заключаютъ объ его успѣхахъ на поприщѣ литературы; но такое философское предположеніе не можетъ имѣть достаточнаго основанія, не должно быть оставлено въ забвеніи. Настоящіе жители Америки не достигли еще той степени просвѣщенія, чтобы съ пользою заниматься изслѣдованіемъ древностей нумизматики, которой предостоятъ еще, какъ и самой странѣ, блестящая будущность, и хотя здѣсь еще не найдено до-сихъ-поръ ни одного помпейскаго, ниневійскаго и греческаго идола, тѣмъ не менѣе страна эта хранитъ въ недрахъ своихъ богатѣйшее сокровище для любознательности человѣчества.

— Помархъ Фтіотиды и Фекиды А. Зигомала, донесъ греческому министерству внутреннихъ дѣлъ, что, посѣтивъ циклопическую крѣпость Кремасты-Лариссы, которая, по мнѣнію древнихъ поэтовъ и историковъ, была столицею Ахиллеова владѣнія, онъ открылъ между упавшими камнями крѣпостной башни окаменѣлаго дракона, или змѣя, изъ рода европейскихъ.

«Змѣй этотъ, говоритъ г. Зигомала: окаменѣлъ, сколько могу догадываться, въ потопѣ позднѣйшаго времени, нежели потопъ Палеоберій: такъ-какъ кромѣ головы и двухъ третей длины тѣла его, сохранилась цилиндрическая его фигура.

«Внутри первой полости желудка этого чудовищнаго змѣя существуютъ нѣкоторые органы, сросшіеся въ длину и улиткообразныя, которые — или часть пищеварительнаго канала, или кровеносныя сосуды змѣя. Последнее заключеніе мнѣ кажется вѣроятнѣйшимъ, какъ по анатомической мѣстности органовъ, такъ и по сохраненію ихъ.

«Я сказалъ выше, что змѣй этотъ окаменѣлъ въ потопѣ позднѣйшій потопъ Палеоберій. Мнѣніе это подтверждается

тѣмъ, что вся внѣшняя поверхность змѣя покрыта сталактитами, показывающими, что въ то время, какъ воды покрыли горы и поля Фессалии, змѣй находился внутри пещеры, бывшей убѣжищемъ его, гдѣ, задохшись отъ наводненія, покрылся сталактитами пещеры по спаденію воды. Это доказываетъ и поднятая голова змѣя, искавшаго спастись этими способомъ.

«Любопытно, что, въ-самомъ-дѣлѣ, какъ я узналъ отъ капитана Курумбы, стоявшаго съ войскомъ въ отдѣлѣ дима Кремасты-Лариссы, вблизи этой крѣпости есть пещера, весьма любопытная по своимъ сталактитамъ и по разительнымъ ихъ фигурамъ. Многіе изъ жителей этого дима, услышавъ о сдѣланномъ мною объясненіи окаменѣлаго дракона, утѣрили меня, что въ этихъ мѣстахъ горы водятся много змѣй, тащиною въ руку. А что чудовищные змѣи гнѣздились въ пещерахъ нашихъ, доказательствомъ тому служить драконова пещера Иты, которая поэтому, безъ сомнѣнія, получила в свое названіе.

«Итакъ, вѣроятно, открытій на вершинѣ циклонической крѣпости Кремасты-Лариссы змѣй окаменѣлъ въ потокъ Декаліоновъ, который, если смѣю высказать свою мысль, произошелъ спокойно, безъ вулканическихъ внезапныхъ порывовъ. Предлагаю эту мысль на обсужденіе геологовъ Европы, которые, если рѣшатся посѣтить эти мѣста Греческаго Королевства, послѣ открытія Палеоеврій монастыря Антипиды и окаменѣлости дракона Кремасты-Лариссы, могутъ надѣяться совершить великія геологическія открытія».

— Древній міръ безпрестанно воскресаетъ подъ заступою нашего пытливаго вѣка. Недавно между Римомъ и Неаполемъ проведенъ электрической телеграфъ, который идетъ вдоль Аппіевой дороги, проложенной еще во время древнихъ Римлянъ, такимъ-образомъ, что шести, служащія опорой проводнику, возвышаются во многихъ мѣстахъ среди развалинъ старинныхъ памятниковъ. Вдоль этой безконечной дороги, чужнымъ образомъ сохранившейся до нашихъ временъ, по правую сторону разстилаются зеленѣющіе дуга, принадлежащіе къ древнимъ загороднымъ домамъ, которые пересѣкаются въ разныхъ направленіяхъ знаменитыми водопроводами съ полуразвалившимися сводами. Далѣе, когда вы подниметесь на возвышеніе къ

подножію славнаго памятника *Cecilia Metella*, взорамъ нашимъ представится вновь-открытая часть этой дороги, идущая по прямому направленію къ Альпійскому хребту. По обѣимъ сторонамъ ея, немного выше, проложены двѣ тропинки, вдоль которыхъ разбросано безчисленное множество древнихъ надгробныхъ памятниковъ, и среди ихъ особенно отличается *Casale rotundo*, неуступающій въ архитектурѣ *Cecilia Metella*, но даже превосходящій его величиною. Здѣсь, въ развалинахъ лабиринта, подъ сводами древнихъ катакомбъ, простирающихся на 120 футовъ въ окружности, имѣеть помѣщеніе довольно большаго зала, обсаженнаго нѣсколькими масличными деревьями. Кругомъ этой хижины видны еще остатки карнизовъ богатой архитектуры на полуразрушенныхъ колоннахъ и аркахъ, подъ которыми когда-то развѣшаны были превосходныя люстры; вокругъ же всего строенія, у подножія большей части надгробныхъ памятниковъ, сохранились еще обычныя древнимъ скамьи. Изъ числа невагладившихся еще старинныхъ эпитафій, нѣкоторыя гласятъ о погребенныхъ здѣсь служителяхъ; мастеровыхъ, вольноотпущенникахъ, и вообще о лицахъ низкаго происхожденія, но притомъ магометанскаго и еврейскаго исповѣданія, что видно изъ самыхъ именъ, какъ напримѣръ: *Achiba*, *Baricha* и другихъ. Въ углубленіяхъ стѣнъ стоятъ еще кое-гдѣ древніе бюсты, изъ числа которыхъ лучшіе перевезены уже въ римскій музей; также сохранилось здѣсь еще нѣсколько старинныхъ мужскихъ и женскихъ статуй, въ тогахъ и пенлумахъ, но всѣ онѣ почти обезображены, съ отбитыми членами стоятъ прислонившись къ развалинамъ. Однимъ словомъ, вѣка привели здѣсь все въ опустошеніе, и уцѣлѣли однѣ груды обломанныхъ колоннъ, карнизовъ и фундаментовъ, среди которыхъ нрѣдка мелькаютъ жертвенники съ воздвигнутыми на нихъ идолами, по которымъ живописно вьются цвѣтуція растенія.

— Долго ли будутъ жить современныя намъ зданія — неизвѣстно. Вѣрно только то, что камень переживетъ доски и бревно, подверженныя тысячѣ атмосферическихъ вліаній. Впрочемъ, недавно придумали средство, для предохраненія дерева отъ гнилости. По увѣренію англійскихъ инженеровъ и архитекторовъ, продуктъ сухой перегонки каменноугольнаго легтя,

извѣщенной нафталиновѣ, оказывается отличнымъ для этого средствомъ. Но едва-ли еще не лучше дѣйствуютъ смѣсь изъ нафталина и смолянаго масла, получаемаго также при упомянутой перегонкѣ.

Инженеръ Бителъ предлагаетъ, для пропитыванія дерева смѣсь изъ нафталина и смолянаго масла, дерево предварительно высушивать въ особенно устроенной для того комнатѣ, куда проникаетъ токъ горячаго дыма. При этомъ дерево не только просушивается, но еще проникается продуктами горѣнія, содержащимися въ дымѣ и обладающими противогнилостнымъ свойствомъ. Затѣмъ оно погружается въ чаны, наполненные смѣсь изъ нафталина и смолянаго масла. Замѣчательно, что сосновые брусья усыхаютъ въ 10 — 12 дней по 8 фунтовъ на кубической футѣ дерева; но послѣ погруженія въ жидкость, вновь пріобрѣтаютъ прежній вѣсъ отъ пропитыванья. Бревна и пластинки для подрельсниковъ, приготовленные по способу Битела, выдержали 12 лѣтъ безъ всякаго поврежденія.

— На дублинской выставкѣ обратила на себя вниманіе зна токовъ композиція особаго рода, весьма близко подходившая видомъ и полнатурою къ лучшей слоновой кости. Въ отчетѣ присяжныхъ выставки этотъ составъ названъ protean stone.

Извѣстно, что смѣсь обожженнаго гипса съ водою твердѣетъ, потому-что безводная сѣрнокислая известь стремится переходить въ водную и поглотить количество воды, улетѣвшее изъ нея во время обжиганія. Если къ безводной извести при мѣшано воды болѣе того количества, которое можетъ соединиться съ нею химически, то остатокъ воды, находясь въ механической смѣси съ сѣрнокислою солью, дѣлаетъ ее непрозрачною, и масса, высыхая, дѣлается сыважистомою. Эта отвердѣвшая масса имѣетъ совершенно одинаковый составъ, съ естественнымъ гипсомъ, хотя отличается отъ него видомъ и физическими свойствами. Нѣкто Чевертонъ, обративъ вниманіе на упомянутыя обстоятельства, вздумалъ медленно соединять воду съ обожженнымъ гипсомъ, подвергая послѣдній извѣстному давленію: при этомъ получилась плотная, просвѣтляющаяся масса, съ кристаллическимъ сложеніемъ. Изобрѣтатель посѣпшилъ взять привилегію на свое открытіе.

Для приготовленія protean stone, медленно насыщают обожженный гипсъ водою, при чемъ, если былъ взятъ плотный алебастръ, то даютъ ему форму вещи, которую желаютъ изготовить, а если взятъ намельченный гипсъ — то прессуютъ его въ формѣ. Во всякомъ случаѣ, приготовляемая вещь подвергается въ теченіе сутокъ нагрѣванію отъ 100° до 140° по Реомюру, при чемъ изъ гипса отдѣляется вода, а масса, сохраняя данную ей форму, дѣлается хрупкою.

Если поверхность приготовляемой вещи должна просвѣчивать, то, прежде насыщенія гипса водою, она погружается въ деревянное масло или въ бѣлый густой лакъ, пока эти жидкости проникнутъ въ поверхностный слой гипса. Для сообщенія же предмету твердости, его погружаютъ на нѣсколько секундъ въ воду, нагрѣтую отъ 30° до 50° Реомюра, и повторяютъ это погруженіе чрезъ каждую четверть, часа до тѣхъ поръ, пока сѣрнислая известь насытится водою. Тогда масса получаетъ кристаллическій видъ и становится тверже алебастра. Окраска производится до погруженія вещи въ лакъ или смѣ. Растворъ краски дѣлается въ водѣ, и въ нее опускаютъ вещь, которую желаютъ окрасить. Если же желаютъ получить вещь пеструю, особенно при подражаніи мрамору и другимъ камнямъ, то краска наводится или набрызгивается кистью.

— Въ помѣстьѣ Вольфсмильѣ, отстоящемъ на одну милю отъ Торна, начали разработывать желѣзную руду, которою земля была покрыта такъ, что земледѣльческія орудія не могли проникнуть въ нее глубже, чѣмъ на 4 дюйма. Образцы этой руды попали въ руки извѣстнаго металлурга Карстена, который призналъ ихъ за метеорное желѣзо, т.-е. за вещество, упавшее на землю изъ воздуха.

По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что это вещество покрываетъ все пространство владѣнія Вольфсмиля и лежитъ отдѣльными массами, отъ 2 до 3 футовъ длиною, отъ 3 до 6 дюймовъ шириною и отъ 2 до 3 дюймовъ толщиною. Этими же веществомъ покрыты оба берега ручья, вдоль котораго оно лежитъ длиною полоскою въ 160 футовъ шириной. Можно положить, что все количество метеорнаго желѣза, находящагося въ этой мѣстности, простирается до 5 тысячъ кубическихкихъ футовъ и вѣситъ около 60 тысячъ пудовъ.

Суда по химическому составу, надо допустить, что вся эта масса желѣза упала изъ воздуха въ видѣ воздушныхъ камней или аэролитовъ. Но когда совершилось такое явленіе?

Рѣшеніе такого вопроса чрезвычайно затруднительно, хотя и находится въ «Космографіи» Себастіана Мюнстера свидѣтельство, что 9 января 1572 года, въ 9 часовъ вечера, разразилась надъ Торномъ страшная буря съ землетрясеніемъ, и что въ это время падали съ неба камни, вѣсомъ фунтовъ по десяти, убившіе множество людей.

Химическое разложеніе показало, что этотъ метеорный продуктъ состоитъ изъ 55 процентовъ желѣза и 45 процентовъ землистой примѣси. Первоначально онъ былъ въ плотномъ состояніи; время и атмосферныя вліянія превратили его въ рыхлую массу.

— Нѣкто Рупель во Франціи, занимающійся воспитаніемъ шелковичныхъ червей, вздумалъ кормить ихъ покрашенною пищею, въ то самое время, когда они начинаютъ свивать коконъ или куколку. Первый опытъ сдѣлалъ онъ съ индигомъ, посыпая этою краскою листья шелковицы, которыми питались черви. Животныя эти дали шелкъ довольно чистаго синяго цвѣта.

Первая удача ободрила Рупеля къ дальнѣйшимъ опытамъ: онъ сталъ искать вещество, которое заставило бы червей доставлять красный шелкъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ открылось, что растеніе *bigonia chica* даетъ вполне удовлетворительный результатъ. Искрошивъ это растеніе на мелкіе кусочки, Рупель перемѣшалъ ихъ съ шелковичными листьями—и черви, кормленные этой смѣсью, дали шелкъ превосходнаго краснаго цвѣта. Теперь Рупель продолжаетъ свои опыты, съ цѣлью получить шелкъ другихъ цвѣтовъ.

— Изобрѣтенный г. Массономъ способъ сберечь овощи болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе, и даже Петербургѣ, зимою, на многихъ столахъ супъ и соусы благоухали свѣжестью лѣтнихъ овощей, по милости этого французскаго гастронома-филантропа. Зелень сохраняется, по его системѣ, не горя ни цвѣта, ни запаха, ни вкуса. Но выгода новаго изобрѣтенія Массона имѣетъ еще то достоинство, что даетъ возможность имѣть очень большое количество овощей въ самомъ не-

значительномъ объемѣ, такъ-что весьма легко можно уложить въ боковой карманъ жилета запасъ турецкихъ бобовъ, брюссельской капусты и шпината для обѣда на полдюжины персонъ. Чтобы достигнуть до приготовленныхъ въ подобномъ видѣ овощей, Массонъ нашелъ средство сохранять всю питательную сочность растительныхъ веществъ, которую они теряютъ при обыкновенной ихъ сушкѣ, и для того онъ прибѣгнулъ къ особеннаго рода сушильнымъ печамъ, посредствомъ которыхъ совершается осушиваніе растительныхъ веществъ при постепенно увеличивающейся температурѣ, не превышающей однако 38° и 40° стоградуснаго термометра. Для уменьшенія же объема растительныхъ веществъ, изобрѣтатель употребилъ въ дѣло гидравлическій прессъ, который сдавливаетъ до невѣроятности подверженные его дѣйствию овощи. Изобрѣтеніе Массона въ особенности полезно для моряковъ. До-сихъ-поръ, на корабляхъ, отправлявшихся въ дальнія путешествія, употребляли въ пищу, кромѣ мяса, большею частью соленаго, одни только сухенные бобы и чечевицу. Такого рода пища способствуетъ къ развитію нѣкоторыхъ болѣзней у моряковъ, а новый способъ сбереженія овощей можетъ и помочь горю, и вмѣстѣ доставить гастрономическое удовольствіе мореплавателямъ.

—Изъ ученыхъ извѣстій мы считаемъ приличнымъ сообщить еще письмо мистера Раулинсона, изъ Багдада, къ издателю Athenaeum. Въ этомъ письмѣ мистеръ Раулинсонъ приводитъ въ систему всѣ историческія открытія, сдѣланныя въ развалинахъ Вавилона, и показываетъ, что вавилонская исторія мало-по-малу перестаетъ быть миеомъ и начинаетъ занимать ту страницу въ исторіи западной Азіи, которая до-сихъ-поръ была ощутительнымъ пробѣломъ.

«Я спѣшу сообщить вамъ — пишетъ мистеръ Раулинсонъ — открытія, сдѣланныя мною недавно въ вавилонской исторіи.

«Мистеръ Тэйлоръ, который въ продолженіе зны занимался отправленіемъ въ Британскій Музей находокъ, вырытыхъ въ южной Халдѣи подъ моимъ надзоромъ, выкопалъ недавно нѣсколько глиняныхъ цилиндровъ въ развалинахъ Умъ-Кира (древній Уръ Халдеевъ, лежащій на Евфратѣ, неподалеку отъ современнай арабской столицы Сукъ-сесъ-Шукъ). Два изъ

этихъ цилиндровъ были доставлены ко мнѣ, и я нашелъ, что на нихъ содержится записка всѣхъ работъ, исполненныхъ при *Набонидѣ* (последнемъ вавилонскомъ царѣ) въ южной Халдеѣ. Между прочимъ, въ этихъ надписяхъ говорится о возстановленіи храмовъ, выстроенныхъ за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ халдейскими монархами, и упоминается также объ открытіи вновь канала, выкопаннаго при *Набопалассарѣ* и *Небухаднетцарѣ* (Навуходоносорѣ). Самый важный фактъ, впрочемъ, открытый мною, состоитъ въ томъ, что старшій сынъ *Набониды* навывался *Бельшарезаромъ* *, и что онъ былъ допущенъ своимъ родителемъ къ участию въ управленіи. Это, безъ сомнѣнія— *Бельшатцаръ* (Валтазаръ). Такимъ-образомъ, мы находимъ ключъ къ разъясненію той важной исторической задачи, которая до-сихъ-поръ не могла быть рѣшена. Мы теперь понимаемъ, какъ *Бельшатцаръ*, соправитель своего отца, могъ быть правителемъ Вавилона въ то время, когда на этотъ городъ напали соединенныя силы Мидянъ и Персовъ, и какъ могъ *Бельшатцаръ* погибнуть при этой осадѣ. *Набонидъ*, сплывшій съ войскомъ на освобожденіе города, былъ разбитъ и принужденъ искать убѣжища въ сосѣдномъ городѣ *Борсиммѣ* (или *Борси-Намрудѣ*), гдѣ онъ скоро сдался на капитуляцію, которая, слѣдя Берозу, была довольно почетна и состояла въ томъ, что *Набонидъ* долженъ былъ удалиться въ *Карамидъ*.

«Такимъ-образомъ открытіе имени *Бельшарезара*, принадлежащаго сыну *Набониды*, дало намъ возможность повѣрить показанія достоверныхъ историковъ, Геродота и Бероза.

«Я думаю, что не будетъ бесполезно, если я приложу здѣсь записку о послѣднихъ вавилонскихъ монархахъ (слѣдующихъ за взятіемъ *Ниневіи*), открывающую для насъ эту часть исторіи. Изъ временъ *Набопалассара* есть нѣсколько надписей въ Британскомъ Музеѣ, найденныхъ при *Варкѣ*; но въ нихъ нѣтъ исто-

* Имя изображено тремя монограммами, — первая означаетъ бога *Белла* (Ваалъ), вторая *Шаръ*, царь, и третья представляетъ тотъ же знакъ, который оканчивается именемъ *Набопалассара*, *Небухаднетцара*, *Нергаль-Шарезера*, и проч. Если мы видимъ, что имя *Нергаль-Шарезера* сокращается въ *Нериллассара*, то на долгие удалится прообразы *Бельшарезера* въ *Бельшатцара* (Валтазаръ).

рическихъ годовъ. Памятникъ сына его *Небуходнетцара* (или *Набукудуруссура*, какъ его имя написано въ Вавилонѣ) весьма многочисленны. Плита, находящаяся въ Остѣ-индскомъ Музеѣ, даетъ подробное описаніе различныхъ работъ, произведенныхъ этимъ царемъ въ Вавилонѣ и Борсиппѣ. Дальнѣйшія подробности, относящіяся къ другимъ частямъ Вавилоніи, доставлены другимъ цилиндромъ, принадлежащимъ теперь сару Томасу Филипу. Матеріалы, существующіе въ музеяхъ Англіи, Франціи и Германіи, даютъ полное понятіе о домашней жизни *Небуходнетцара*, хотя, къ несчастью, еще ничего до-сихъ-поръ не открыто относительно его вѣдѣнныхъ войнъ. Можно впрочемъ надѣяться, что и этотъ недостатокъ скорѣ пополнится, Ассирійскимъ Обществомъ Отрывателей. Отъ сына *Небуходнетцара*, *Евиль-Меродоха*, мы имѣемъ, сколько мнѣ извѣстно, одинъ только памятникъ — вѣсы въ видѣ утки, доставленные въ Британскій Музей изъ Ницеви мистеромъ Лейардомъ. Множество кирпичей, носящихъ имя *Нерилмиссара*, зятя и наследника *Евиль-Меродоха*, найдены въ Вавилоніи французскимъ комитетомъ. Генезалогія его неизвѣстна; но онъ носилъ въ этихъ надписяхъ тотъ же титулъ *Рабъ-маи* (вѣроятно, главы маговъ), каковой пріадается ему и въ книгѣ Іереміи. Сынъ *Нерилмиссара*, *Лаборосорходъ*, царствовавшій только девять мѣсяцевъ, не оставилъ по себѣ никакихъ памятниковъ; но за то *Набонидъ*, послѣдній царь, который, по Берозу, завладѣлъ трономъ вслѣдствіе революціи въ Вавилонѣ, оставилъ по себѣ много памятниковъ. Стѣны Вавилона, находящіяся на берегу рѣки и выстроенныя этимъ царемъ, были совершенно открыты въ послѣднее время рѣкою, и на всѣхъ кирпичахъ, ихъ составлявшихъ, находится его имя и его титулъ. Плиты, относящіяся къ различнымъ періодамъ его царствованія и заключающія въ себѣ шестнадцать лѣтъ, найдены въ Борсиппѣ и Вавкѣ, а цилиндры и глиняныя боченки, найденныя недавно мистеромъ Тэйлоромъ среди развалинъ Ура, даютъ надежду доподлинно его домашнюю исторію. Старшій сынъ *Набонида* назывался, какъ я уже сказалъ, *Бельшарезаромъ* (*Бельшатцаромъ*); а что этотъ государь точно убитъ при паденіи Вавилона *Киромъ*, мы можемъ это подтвердить над-

писью Бизнтуна, въ которой говорится, что самозванецъ, произведшій возстаніе въ Вавилонѣ противъ Дарія Гистаспа, принялъ на себя имя, не *Бельшарезара*, но втораго сына *Набониды*, *Набукудуруссур*. Замѣчательно однакожь, что, тогда какъ ассирійскіе цилиндры и надписи исключительно посвящены внѣшнимъ войнамъ и побѣдамъ монарховъ, въ вавилонскихъ излагается только домашняя ихъ жизнь. Генеалогическихъ и историческихъ документовъ не было найдено ни въ Вавилонѣ, ни въ Халдеѣ, тогда какъ географическихъ, статистическихъ, жреческихъ и архитектурныхъ надписей весьма много.

Мы не будемъ далѣе слѣдовать за г. Раулинсономъ въ его длинномъ письмѣ, боясь утомить нашихъ читателей длинными и страннозвучащими именами царей, подающихъ теперь вервые признаки своего существованія изъ-за нѣсколькихъ тысячелѣтій. Мы привели этотъ отрывокъ только для того, чтобы показать, съ какими трудностями и изъ какихъ элементовъ возсоздается исторія государствъ, нѣкогда столь славныхъ и могущественныхъ, и въ которыхъ, можетъ-быть, совершались тотъ органическій процессъ передачи восточнаго образованія западу, который въ настоящее время составляетъ еще темныя, хотя и важный вопросъ въ исторіи.

Въ заключеніе скажемъ, что розысканія, объясняющія исторію Вавилона и Ассиріи, дѣятельно производятся въ настоящее время въ Халдеѣ, на обоихъ берегахъ Евфрата, мистеромъ Лостусомъ, въ Сенкерехъ и Вархъ, на счетъ Ассирійскаго Общества Отрывателей, и мистеромъ Тэйлоромъ, при Уг-Киръ, Абу-Шагрейнъ и Нававезъ, на счетъ Британскаго Музея. Мистеръ Раулинсонъ надѣется, что къ концу текущаго года соберется достаточное число матеріаловъ для классификаціи монарховъ халдейской династіи, отъ 1976 до 1518 г. до Р. X., съ такою же достовѣрностію, съ какою уже классифицированы монархи ассирійской династіи, отъ 1273 до 625; что въ скоромъ времени мы будемъ въ состояніи представить новые очерки западной Азіи за 20 столѣтій до Р. X., или прежде исхода Авраама изъ Халдеи, и что эти очерки будутъ гораздо опредѣленнѣе и полнѣе тѣхъ, которые мы имѣемъ о древней Египтѣ. Мистеръ Раулинсонъ ожидаетъ только послѣднихъ результатовъ трудовъ мистра Лостуса и Тэйлора, чтобы воз-

вернуться въ Англію съ плодами двухлѣтнихъ розысканій въ Ассиріи и Вавилоніи.

Въ англійской и американской литературѣ критическіе журналы указываютъ на одинъ порядочный романъ, двѣ-три хорошія біографіи и нѣсколько прекрасныхъ путешествій. Мы перечислимъ здѣсь только тѣ изъ этихъ явленій, которыя показались намъ болѣе замѣчательными. Начнемъ съ романа

Модъ Тальботъ, Гольма Ли въ 3 томахъ (Moude Talbot. By Holme Lee. 3 vols).

Имя Гольма Ли въ первый разъ является въ англійской литературѣ, говоритъ Athenaeum: и, по всей вѣроятности, псевдонимъ. Но дѣло не въ имени, а въ самомъ романѣ. Онъ обработанъ старательно, одна и та же мысль проведена въ немъ съ начала до конца, всѣ характеры романа развиваютъ одну идею. Сцена разсказа происходитъ по большей части въ окрестностяхъ какого-то мнѣшческаго, огромнаго мануфактурнаго города. Авторъ прочелъ *голубую книгу*, хорошо знакомъ съ статистикою, безъ сомнѣнія, посѣщалъ мануфактурныя мѣста; но, кажется, не шибко случая жить долго посреди ихъ промышленнаго населенія; въ его книгѣ нѣтъ того мѣстнаго колорита, который бы обличалъ въ авторѣ близкое и долгое знакомство съ предметами, о которыхъ онъ пишетъ. Но тѣмъ не менѣе замѣчательно глубокое чувство автора, его умѣнье разсказывать величественныя или трогательныя сцены, познаніе человѣческаго сердца.

Характеръ героини романа, *Модъ Тальботъ*, обработанъ авторомъ съ большею тщательностью и съ большимъ умѣньемъ, и совершенно закрываетъ собою всѣ второстепенные характеры, изъ которыхъ многіе только набросаны, не исключая и самаго характера Филиппа Варбуртона который можетъ быть названъ героемъ романа только потому, что на любви къ нему героини построена интрига всего разсказа.

Модъ Тальботъ принадлежитъ къ тѣмъ сильнымъ женскимъ характерамъ, отиѣченнымъ печатью строгой красоты, которые чувствуютъ глубоко, но всегда готовы скрыть свои чувства, если только они противорѣчатъ съ ихъ понятіемъ объ обязанностяхъ. *Модъ Тальботъ* прежде всего старается слѣзаться

достойною того знаменитаго имени Тальботовъ, которое она носить. Она весьма скромнаго мнѣнія о своихъ личныхъ достоинствахъ, но эта скромность еще рѣзче выдается, отгнѣная тѣмъ безграничнымъ удивленіемъ, которое она питаетъ къ длинному ряду своихъ предковъ. Этому удивленію она приносить въ жертву сильную привязанность, которая зажглась въ ея чистомъ, дѣвическомъ сердцѣ къ Филиппу Варбуртону, человѣку болѣе нежели достойному. Ея руки по своимъ личнымъ качествамъ, но фамилія котораго ведетъ свою родословную только со вчерашняго дня. Женская, чисто-женская страсть къ жертвамъ завладѣваетъ душою героини, и, подавляя глубокое и сильное чувство, Модъ Тальботъ открываетъ для себя въ жизни такой источникъ горестей, тяжелой борьбы и безрестанныхъ испытаній, въ который она никогда могла бы не заглядывать, еслибы не имѣла несчастія принадлежать къ роду Тальботовъ. Эта глубокая страсть человеческого сердца казаться дѣвушкою съ спартанскимъ мужествомъ, но которая гнѣять тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше исходу находятъ ея пламя, — эта тяжелая и горькая побѣда надъ собственнымъ сердцемъ, вознаграждающая рѣдкими минутами мечтательнаго восторга за цѣлые дни и ночи нестерпимыхъ страданій, гдѣ любовь и ревность, соперничая между собою, разрываетъ сердце бланной дѣвушки, — придаетъ какую-то особенную поэзію ея чистой личности, влущей безплодно въ мечтательной борьбѣ, и приобрѣтающей мало-по-малу тотъ повелительный и рѣзкій характеръ, который такъ былъ несвойственъ ея душѣ.

Создавъ такой характеръ для Модъ Тальботъ, авторъ поступилъ очень умно, что одарилъ ее долгою жизнью. Подобно всѣмъ сильнымъ натурамъ, Модъ долго не можетъ убѣдиться въ своемъ заблужденіи, долго не можетъ понять, что приноситъ въ жертву свое собственное счастье и счастье человѣка, горячо ее любившаго, призракамъ, потерявшимъ въ отношеніи къ ней всякое значеніе. Душа дѣвушки сильна, и нужны десятки лѣтъ самыхъ горькихъ опытовъ, чтобы мало-по-малу, ударъ за ударомъ, выгнать изъ нея убѣжденіе, запавшее туда въ первые годы дѣтства. Вотъ сцена перваго свиданія Модъ Тальботъ съ Филиппомъ Варбуртономъ, послѣ десятилѣтней разлуки, когда онъ, оставивъ ее, по-

лучше отказъ на свое пламенное предложеніе. Сердце Модъ во многомъ измѣнилось, много вынесло; но Филиппъ Варбуртонъ, преодолевъ свою страсть, не знаетъ ничего ни объ этихъ страданіяхъ, ни объ этихъ переменѣхъ. Онъ думаетъ, что дѣвушка никогда его не любила, и поведеніе его въ отношеніи къ ней просто и благородно.

«За обѣдомъ, Модъ и Варбуртонъ сидѣли другъ противъ друга, и во временахъ спокойно, но съ любопытствомъ глядѣли одинъ на другаго. Если Модъ часто обвиняла себя въ томъ, что нанесла такой сильный ударъ всему существованію своего отверженнаго обожателя, то въ эти минуты она могла освободить свою совѣсть отъ такого упрека. Варбуртонъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, достигшій важнаго значенія въ государствѣ, спокойный и самоувѣренный, не зналъ ничего о тѣхъ печалѣхъ и сожалѣніяхъ, которыя пробуждены были его появленіемъ. Достигнувъ теперь счастливыхъ дней славы и успѣха, Варбуртонъ сохранилъ все благородство своей физиономіи, которая такъ привлекала дѣвушку; но онъ не былъ уже тѣмъ жаркимъ обожателемъ, который, десять лѣтъ тому назадъ, въ такихъ пламенныхъ выраженіяхъ изливалъ свою страсть передъ нею. Присутствіе Модъ очевидно не возбуждало въ душѣ Варбуртона ни безпокойства, ни пламенныхъ ожиданій: онъ шутилъ и смѣялся съ младшей сестрою героини, какъ-будто разстался съ ними только вчера, и обѣдалъ съ тою свободою и съ тѣмъ удовольствіемъ, съ которыми обѣдаетъ сорокалѣтній человѣкъ. Показывая полную внимательность къ своей хорошенькой сосѣлкѣ, Варбуртонъ не пропускалъ въ тоже время ни одного движенія, ни одного взгляда Модъ. Онъ былъ удивленъ, что красота ея такъ скоро поблекла и, казалось, отыскивалъ причину блѣдности ея губъ и ледяной холодности ея глазъ. Ея роскошныя волосы все еще были хороши, хотя ужъ сдѣлались темнѣе; контуръ лица ея приобрѣлъ величественное выраженіе; Модъ все еще была прекрасна, но она утратила ту иѣжную и волнистую грацію, которыя очаровывали Филиппа назадъ тому десять лѣтъ. Онъ смотрѣлъ и удивлялся. Послѣ обѣда, Варбуртонъ уприсилъ младшую сестру пѣть и играть, а самъ, усѣвшись въ уголъ, упорно смотрѣлъ на Модъ, и на ея лицѣ во временахъ проглядывалъ чувствъ тоски и живого сожалѣнія.

— «Я могъ бы сдѣлать ее счастливою, еслибы она сама этого захотѣла, сказалъ наконецъ Варбуртонъ самъ себѣ, послѣ долгаго анализа лица блѣдой дѣвушки.

..... «Возвратившись въ свою комнату, Модъ Тальботъ не могла уже болѣе сохранять то самообладаніе, которое подвергнулось такой длинной и мучительной пыткѣ. Она бросилась на постель и, склонивъ голову на плечо своей сестры, проговорила, рыдая, что она будетъ не въ силахъ вынести еще разъ такую пытку, — и ни одного слова болѣе, которое могло бы высказать причину ея страданій, не вырвалось изъ ея слѣпыхъ и блѣдныхъ губъ.

«Младшая сестра, полагая, что Модъ овладѣла опять странная головная боль, которую она испытывала уже нѣскольکو времени, мочила ей виски одеколономъ и сидѣла возлѣ невѣстальная и молчаливая.»

По мнѣнію англійскихъ критиковъ, этотъ романъ возбуждаетъ общее вниманіе.

Теперь примемся за біографію. Вотъ одна изъ нихъ—автобіографія шотландскаго писателя, Гюга Мюллера:

Моя школа и мои школьные учителя, или исторія моего воспитанія. Эдинбургъ (My schools and my schoolmasters; or, the Story of my Educations. By Hugh Miller. Edinburgh).

Гюгъ Мюллеръ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые сами образовали себя и сами проложили себѣ дорогу въ свѣтъ, не замѣнивъ въ продолженіе всего этого пути ни чести, ни своему благородному призванію. Дѣдушка мистера Мюллера былъ *буканьеромъ* или, попросту, морскимъ разбойникомъ, отецъ—матросомъ, а Гюгъ Мюллеръ, родившійся въ отдаленномъ шотландскомъ графствѣ *Кромарти*, въ 1802 году, назначенъ былъ тоже сдѣлаться морякомъ. Въ мальчикѣ проявились съ первыхъ лѣтъ нѣсколько разбойничьихъ наклонностей дѣла, и онъ не задумался употребить силу своихъ мускуловъ для отраженія нападеній своего школьнаго учителя, но въ это же время онъ сдѣлался пожирателемъ книгъ, и таскалъ ихъ откуда пошло.

«Арабскія сказки», «Гуллаверова путешествіе», «Путешествія капитана Кука», «Удольскія таинства»—скоро перешли

въ его головѣ съ уроками учителей; кромѣ того душа его одарена была тонкимъ чутьемъ къ красотамъ природы. Онъ началъ подмѣчать привычки птицъ, оттѣнки цвѣтовъ и разбирательство мало-по-малу таинственный языкъ, которымъ говоритъ природа человѣческому сердцу. Родственники его, изъ которыхъ нѣкоторые сохраняли еще вполне обычай горцевъ, были люди съ замѣчательными характерами. При такой обстановкѣ, мальчику съ характеромъ и наблюдательностью Гюга Мюллера трудно было не встрѣчать на каждомъ шагу уроковъ, которые могли бы замѣнить съ избыткомъ школьныя тетради. Вотъ одинъ изъ этихъ уроковъ, полученный Мюллеромъ, когда онъ забрался въ *Дукотову пещеру*, которая во всемъ скалистомъ Кромартскомъ Графствѣ, гдѣ много такихъ пещеръ, славилась обиліемъ своихъ таинствъ и чудесъ.

«Въ одно прекрасное весеннее утро, я, вмѣстѣ съ моимъ не слишкомъ-то любопытнымъ другомъ, стоялъ на берегу, противоположномъ восточному мысу, который съ своимъ суровымъ гранитнымъ валомъ защищаетъ доступъ къ чудесамъ *Дукота*, а передъ нами, заманчиво завлекая насъ къ себѣ, растлилась зеленоватая влага моря. Намъ казалось слишкомъ странно быть такъ близко отъ пещеры и не видать ея. Море было въ самомъ большомъ отливѣ, и еслибы мы знали сущность приливовъ и отливовъ, то должны были бы отложить наши предпріятія до слѣдующей недѣли; но я зналъ только то, что мы съ дядей проходили здѣсь въ бродъ, и думалъ, что усѣю съ своимъ товарищемъ побывать въ пещерѣ и воротиться домой до начала прилива.

«Узкая и неровная отмель шла вокругъ скалистаго мыса, на который можно было взобраться только съ помощью рукъ и ногтей. Мы добрали до мыса и стали ползти на скалы; но чѣмъ далѣе мы пробирались, тѣмъ грознѣе открывались передъ нами пропасти, а вода подъ нами казалась синѣе и глубже. Мы достигли другаго конца мыса и стали обходить его по тропинкѣ, которая все становилась уже, а вода все синѣе, и остановились наконецъ на закраинѣ скалы, висѣвшей надъ моремъ на десять футовъ....

«Первыя минуты мы провели въ самомъ истинномъ восторгѣ

широкая пещера казалась намъ немотоючимъ востачивкомъ чудесъ, и мы, кромѣ того, находили на каждомъ шагѣ предметы достойные удивленія на откосахъ спускающихся пропастей и во впадинахъ прибрежныхъ скалъ. Въ подзучихъ низкихъ кустарникахъ мы видѣли свидѣтельство вліянія брызгъ моря на растенія; тутъ росла блѣдножелтая жимолость, которую мы видали прежде только въ садахъ. Въ глубокихъ впадинахъ отвѣсныхъ скалъ было много душистыхъ цвѣтовъ и травъ, съ которыми мы не были знакомы. При самомъ вхождѣ въ пещеру, гдѣ маленькій ручеекъ, едва вброураясь по мышкамъ, ниспадалъ каплями по обрывамъ скалы, мы открыли острую и горькую цыпготную траву съ миниатюрными крестообразными цвѣтами, которыми капитанъ Кукъ пользовался въ своемъ путешествіи; но больше всего занимали насъ сами пещеры, откуда вылетали разноцвѣтные голуби и куда манила насъ таинственная глубина, гдѣ растенія превращаются въ камни и вода становится мраморомъ. Въ весьма короткое время мы успѣли наломать нашими молотками множество сталактитовъ и окаменѣлаго моху, и наполнили этими драгоценностями наши карманы.»

Все казалось очаровательнымъ и волшебнымъ для смѣлыхъ дѣтей, забравшихся въ пещеру, гдѣ на каждомъ шагѣ представлялись имъ чудеса кристаллизаціи; самые обыкновенные предметы пріобрѣтали новый, странный оттѣнокъ въ этомъ нововѣ для дѣтей, очарованномъ мірѣ.

«Видъ блестящей поверхности моря, распростертаго въ безконечность, казался намъ необыкновеннымъ, потому-что мы смотрѣли на него изъ глубины пещеры, гдѣ насъ окружалъ полный мракъ; — внезапно пронесшіяся передъ нами коржія чайки, сверкашія своими бѣлыми крыльями въ солнечномъ сіяніи, — дельфины, плескавшіеся внизу, — даже голуби, появлявшіеся изъ мрака, когда попадали подъ солнечный лучъ, — все пріобрѣтало новый интересъ въ нашихъ глазахъ отъ особенности положенія, въ которомъ мы ихъ видѣли. Это были виньетки, поволоченныя лучами солнца, овраженныя въ черныя рамки. Долго мы не могли опомниться отъ удивленія, глядя на все, что окружало насъ.»

Мальчики такъ были отуманены обнаружившимъ имъ стран-

постоянны природы, что, когда, спустя часъ послѣ полудня, море перестало уже падать и начало снова подыматься на скалы,—явленіе это показалось имъ только одною изъ странностей волшебнаго мѣста, и они продолжали забавляться.

«Часы уходили за часами, тѣни вытягивались, а приливъ все росъ, да росъ. Солнце спустилось за скалы, въ пронастяхъ стало темно, мракъ въ пещерахъ удвоился; но на верхушкахъ скалъ еще горѣлъ красный лучъ вечера. Отблескъ зарн, гонимый мракомъ и освѣтившій еще на-минуту кусты жимолости и можжевельника, росшіе на самыхъ верхушкахъ скалъ, исчезъ совершенно. Все утонуло во мракѣ. Дельфины, плеснувшись еще разъ, ушли въ свои подводныя убѣжища; темный бакланъ, тяжело взмахивая крылами, пронесся въ свое гнѣздо; голуби, слетаясь со всѣхъ сторонъ, скоро исчезли въ своихъ пещерахъ, — все, что имѣло крылья, спѣшило домой; но ни у меня, ни у моего товарища не было крыльевъ. Мы дѣлали отчаянныя усилія, чтобы взобраться выше на скалы, но, достигнувъ мѣстъ, гдѣ только птицы вили свои гнѣзда, куда еще, вѣроятно, никто и никогда не взлѣзалъ, и откуда наше возвращеніе дѣлалось почти невозможнымъ—должны были остановиться. А такъ-какъ темнота все увеличивалась и каждый неосторожный шагъ могъ намъ стоить жизни, то мы впали въ совершенное отчаяніе.

— «Я бы не заботился о себѣ, сказалъ мой молоденькій товарищъ, заливаясь слезами: еслибъ только не моя бѣдная матушка; но что скажетъ матушка?»

— «Не заботься ни о чемъ, сказалъ я, самъ задыхаясь отъ тоски: вода спадетъ, и мы воротимся назадъ.

«Мы забрались вмѣстѣ въ неглубокую и сухую пещеру и, очистивъ небольшое мѣсто отъ большихъ камней, набрали сухой травы и устроили себѣ кое-какъ весьма беспокойную постель, на которой улеглись, прижавшись другъ къ другу. Облака, подобныя горамъ, темныя и грозящія бурей, поднялись надъ моремъ; края ихъ еще были окрашены уже скрывшимся солнцемъ, и въ нихъ видны были всѣ степени собирающагося гнѣва, — начиная отъ огненнокраснаго цвѣта до темнаго, и отъ темнаго до зловѣщаго чернаго. А когда мы не могли уже болѣе ихъ видѣть, то ихъ грозный говоръ долеталъ до на-

шихъ ушей. Свирѣпый вѣтеръ печально завывалъ и засвистѣлъ между скалами, и море, до-сихъ-поръ молчаливое, заревѣло и начало тяжело плескаться о скалы. Мы слышали, какъ дождь то усиливался то стихалъ, смотря по тому, подымался ли упалъ порывъ вѣтра, и какъ стучалъ онъ на поверхности нашей пещеры.

«Мой товарищъ, впрочемъ, имѣлъ дѣло только съ дѣйствительнымъ бѣдствіемъ, и, если принять въ соображеніе жестокость нашего ложа и холодъ ночи, спалъ довольно покойно; но я былъ несчастнѣе его, потому-что долженъ былъ бороться еще и съ воображаемыми ужасами.

«За мѣсяць передъ тѣмъ, тѣло утонувшаго матроса найдено было на берегу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ мы теперь лежали. Руки и ноги трупа были скорчены судорогами, обвислая кожа бѣлыла какъ намоченая кожа барана; всѣ члены распухли, а вмѣсто головы была какая-то безобразная куча тряпокъ. Я смотрѣлъ на трупъ съ дѣтскимъ любопытствомъ, и слишкомъ пристально для моего спокойствія; и теперь, хотя я не сдѣлалъ ни малѣйшаго вреда бѣдному матросу, онъ мучилъ меня въ эту ночь такъ, что если бы я былъ его убійцею, то онъ не могъ бы мучиться болѣе. Спалъ ли я или бодрствовалъ — онъ постоянно стоялъ передъ моими глазами. Если я дремалъ, то онъ подымался на берегу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его нашли, протягивалъ ко мнѣ послѣдніе пальцы и кивалъ мнѣ страшною головою. Я вздрагивалъ, просыпался и хватался за своего товарища, и вспоминалъ, что утопленникъ лежалъ въ точно такой травѣ и точно такихъ же прибрежныхъ кустарникахъ, какіе росли теперь въ двухъ шагахъ отъ насъ. Сосѣдство цѣлой шайки живыхъ разбойниковъ не могло внушать мнѣ столько ужаса, сколько я чувствовалъ отъ одного воспоминанія о мертвомъ матросѣ. Къ полуночи небо очистилось, вѣтеръ упалъ и мѣсяць, въ первой четверти, какъ глыба раскаленного желѣза, поднялся изъ моря.

«Мы опять принялись, пользуясь невѣрнымъ свѣтомъ, позвать по утесу, желая убѣдиться не спала ли вода и не открыла ли она намъ дороги домой; но нашли, что вода стояла на той же самой линіи, откуда заставила насъ убѣжать, и что

море во всей своей грозной полнотѣ обливало мысль, на который мы забрались. Мысль объ опасности нашего положенія наконецъ промелькнула въ моей головѣ. Мы были заключены не на одинъ приливъ, какъ мы думали сначала, но на цѣлую недѣлю. Мало было утѣшительнаго въ этой мысли, особенно когда она пришла намъ въ голову во время ужасовъ полночи. Я тоскливо глядѣлъ на море: оттуда только мы могли ожидать спасенія. Вдали, въ полумилѣ отъ берега, показался корабль. Я и мой товарищъ принялись прыгать, надѣясь, что матросы насъ услышатъ. Мы видѣли сѣроватую массу судна, когда оно проходило въ мѣсячныхъ лучахъ, но скоро оно снова скрылось въ мракъ, и въ ту самую минуту, какъ мы потеряли его изъ виду, до насъ долетѣлъ крикъ рулевого, мѣшавшійся съ плескомъ волнъ. Судно то, какъ мы послѣ узнали, было нагружено камнями, и не имѣло при себѣ лодки, а потому и не могло подать намъ помощи, еслыбы матросы слышали нашъ голосъ и захотѣли въ полночь плыть къ этой скалѣ. Мы принялись снова кричать, то порознь, то вмѣстѣ, но втораго отвѣта не было и, потерявъ всякую надежду, мы возвратились снова въ нашу пещеру и на нашу беспокойную постель... а приливъ росъ, да росъ и волны заплескивали все выше и выше.»

«Но такъ-какъ въ мѣсячномъ сіяніи утонувшій матросъ меня не такъ уже тревожилъ, то и я, въ свою очередь, уснулъ глубокимъ сномъ, и проснулся вмѣстѣ съ товарищемъ только отъ громкаго крика. Это, казалось, былъ сильный крикъ дюжины голосовъ, соединившихся вмѣстѣ. Потомъ послѣдовало молчаніе, за которымъ снова раздался крикъ и мы увидѣли наконецъ двѣ лодки, наполненныя людьми, приставленно глядѣвшими на скалы. Весь городокъ всполошился, узнавъ, что два мальчика убѣжали еще утромъ къ южнымъ скаламъ, и не воротились къ ночи.»

Нельзя не согласиться, что въ одинъ такой день человѣкъ пріобрѣтаетъ много опытности. Но къ природѣ присоединился и другой учитель, менѣе краснорѣчивый и блестящій, но менѣе понятный для души, одаренной поэзіей: этотъ учитель былъ для Мюллера—преданіе, которое такъ свято сохраняютъ и съ такимъ уваженіемъ передаютъ своимъ потомкамъ

всѣ жители горъ. Поэзія преданій, сохраняемая въ изустности, безъискусственнымъ разсказѣ, гораздо полнѣе нежели въ самыхъ звучныхъ стихахъ, привлекала къ себѣ душу мальчика. Вотъ что говорятъ самъ Гюгъ Мюллеръ объ этихъ преданіяхъ:

«Я видѣлъ, между прочимъ, двухъ человекъ, которые были при Келлоденѣ (Culloden) — одинъ на сторонѣ короля, другой на сторонѣ принца, и кромѣ того многихъ другихъ, бывшихъ издали свидѣтелями этой битвы. Я говорилъ съ одною старухой, которая, въ свою очередь, говорила со старикомъ, помнившимъ хорошо времена Карла и Іакова. Старшая тетка моей матери, мать моего двоюроднаго брата Жоржа, припомнила стараго *Джона Фидди*, девяностолѣтняго старика, а Джоновы буканьерскіе подвиги совершались не какъ не позже 1687 года.

«Я звалъ многихъ людей, помпившихъ уничтоженіе наследственности судейской власти, и выслушалъ множество исторій о различныхъ повѣшеніяхъ, совершившихся на окрестныхъ холмахъ, и даже о нѣсколькихъ казняхъ вѣдьмъ и колдуновъ, сожженныхъ на кострѣ. Я чувствовалъ странное наслажденіе, дѣля эти отрывки прошлаго, такъ непохожаго на настоящее, и особенно потому, что они передавались какъ личные воспоминанія, засвидѣтельствованныя тѣми самыми лицами, которые о нихъ говорили. Такіе разсказы имѣютъ необыкновенную, имъ только однимъ свойственную силу. Такъ, напримѣръ, все, что я читалъ въ множествѣ книгъ о сожженіи на кострахъ мнимыхъ чародѣевъ, не произвело на мою душу такого глубокаго впечатлѣнія, какъ разсказъ одной старой леди, которую въ 1722 году, когда она была еще ребенкомъ, нянька вынесла смотрѣть на страшную церемонію, совершавшуюся въ окрестностяхъ Дорноха, и которая, къ счастью, была уже послѣднею въ Шотландіи. Старая леди хорошо помнила молчаливую толпу, стоявшую въ нетерпѣливомъ ожиданіи, блескъ огня и несчастное существо, которое должно было играть главную роль въ этомъ зрѣлищѣ: это была какая-то полумертвая женщина, которая понимала такъ мало, что хотѣть съ нею дѣлать, что, стоя у огня, преспокойно грѣла руки...

«Воспоминанія моего дѣда о келлоденской битвѣ были воспоминаніями четырнадцатилѣтняго мальчика, смотрѣвшаго на

битву въ нѣкоторомъ разстояніи. День, въ который должна была совершиться эта битва, былъ туманенъ и холоденъ, и взобравшись на холмъ *Кромарти*, гдѣ уже собралось нѣсколько человекъ горожанъ, дѣлъ мой увидѣлъ большую равнину, совершенно закрытую туманомъ. Туманъ мало-по-малу разсѣлся; сначала показался одинъ холмъ, потомъ другой, а наконецъ и вся долина начала проглядывать оквозь дымъ тумана. Скоро бѣлое облако вылетѣло со стороны *Келлодена* и другое полетѣло ему навстрѣчу. Облака смѣшались и вѣтеръ помесъ ихъ на западъ; до слуха зрителей долетала стрельба изъ ружей, прерываемая грохотомъ артиллеріи. Скоро облака разсѣялись и улетѣли, удары изъ тяжелыхъ орудій прекратились, и жаркая ружейная перепалка раздалась по направлению къ *Ивернесу*. Но мое воображеніе, прислушиваясь къ этому простому и немногосложному разсказу очевидца, видѣло битву во множествѣ самыхъ разнообразныхъ формъ.

Дѣтство миповало и преданія должны были уступить мѣсто практической дѣятельности. Родственники и знакомые молодого человека не могли доставить ему другаго пути въ жизни, кромѣ того, который она сама набрали: Гюгъ поступаетъ въ ученіе къ своему дядѣ и дѣлается каменотесомъ. Но и здѣсь природная наблюдательность не оставляетъ его, и странное наслоеніе камней обращаетъ на себя вниманіе самоучки-геолога.

«Огромная александрійская бібліотека, со всѣми ея старыми томами древней литературы, со всѣмъ запасомъ учености, накопленной вѣками, была бѣднымъ собраніемъ въ сравненіи съ дивною книгой, которую раскрывала передо мною природа въ чудныхъ наслажденіяхъ шотландскихъ горъ. Кто, пробывъ хотя одинъ часъ въ этой пещерѣ, могъ бы не выйти еще изъ пещеръ геологомъ?»

Но тѣлесныя труды были несообразны съ организмомъ молодого человека, похожаго болѣе на мать, нежели на отца, «котораго никто и никогда не могъ свалить на землю». Болѣзненные признаки истощенія развились въ *Мюллерѣ* быстро и выразились, прежде всего, въ какомъ-то тупоуміи, равнодушіи къ жизни и къ опасностямъ, въ какомъ-то непрерывающемся полудремотномъ состояніи. Гюгъ долженъ былъ оставить себѣ другія занятія ..

Книга мистера Мюллера вся написана очень живо и интересно, и простота разсказа, иногда даже довольно грубая, тѣмъ болѣе обнаруживаетъ глубину и истинность мыслей.

Но вотъ еще біографія, разсказанная американскою писательницей Маріей Чильдъ, — біографія квакера *Исаака Гонпера*, списавшаго себѣ извѣстность во всей Америкѣ и скончавшагося только въ 1852 году (Isaak T. Horner: A. True Life. By L. Maria Child. Boston). — Писательница принадлежала къ дому Гонпера.

Исаакъ Гонперъ родился въ 1771 году, отъ весьма уважаемыхъ родителей, въ городкѣ Дентфордѣ. Отецъ Гонпера кая трудями рукъ своихъ, и расчистилъ 500 или 600 американскихъ акровъ дикой лѣсной земли. Кромѣ этой земли онъ еще владѣлъ небольшимъ домикомъ, гдѣ жена его занималась разведеніемъ куръ и гдѣ родился Исаакъ. Въ Исаакѣ рано развилась способности, и въ самой первой юности онъ показывалъ глубокое чувство честности. Онъ былъ весьма насмѣшливъ, потому-что быстро угадывалъ смѣшную сторону предметовъ, но въ его шуткахъ не было злости. На девятомъ году жизни онъ началъ ѣздить въ Филадельфію, куда возилъ на продажу хлѣбъ, овощи и другія произведенія отцовской фермы. Онъ былъ большой франтъ и съ удовольствіемъ поглядывалъ на свои сапоги, блестящіе какъ зеркало, и гордился тѣмъ, что на его платьѣ не было ни одного пятнышка. Онъ промывал кроликовъ на свой собственный счетъ, и на деньги, вырученные за нихъ, купилъ себѣ мѣдные пряжки къ чулкамъ и башмакамъ.

На шестнадцатомъ году онъ былъ отданъ въ ученіе къ дѣду, который былъ портнымъ въ Филадельфіи. Здѣсь Исаакъ обнаружилъ ту смѣлость, которою впоследствии всегда отличался. Дядя его отлучился какъ-то изъ дому и поручилъ своимъ работникамъ храбро защищать домъ, если на него нападутъ разбойники. Не надо забывать, что это происходило въ 1771 году, когда Сѣверо-Американскіе Штаты только-что начали выходить изъ дѣтства. Желая испытать вѣрность своихъ рабочихъ, дядя воротился ночью и попробовалъ сломать окно. Какъ только Исаакъ услышалъ шумъ, то тотчасъ-же схватилъ багоръ и приказалъ своимъ товарищамъ

отворить окно, какъ только онъ подастъ сигналъ. Приказаніе его было исполнено, и Исаакъ ударилъ багромъ съ такою силою, что пробилъ насквозь лядинъ кафтанъ и пригвоздилъ его къ забору. Въ другой разъ онъ показалъ свое сострадательное сердце и мужество. Старшій изъ работниковъ, гордясь своею физическою силою, часто поколачивалъ своихъ младшихъ и слабѣйшихъ товарищей, и однажды, совершенно безъ умысла, толкнулъ Гопвера. Исаакъ, давно искавшій случая придраться къ нему, сказалъ ему грозно:

«Если ты когда-нибудь еще это сдѣлаешь, то знай, что я тебя убью!»

Работникъ, надѣясь на свои силы, отвѣчалъ на оскорбленіе оскорбленіемъ, и Гопперъ, вооружившись тяжелымъ желѣзнымъ засовомъ, такъ ударилъ своего противника, что тотъ упалъ безъ чувствъ, не испустивъ ни малѣйшаго крика. Всѣ думали, что онъ умеръ, и только, спустя нѣсколько часовъ, онъ очнулся.

«Когда Исаакъ увидѣлъ своего противника на землѣ, блѣднаго и безжизненнаго, то глубокая тоска наполнила его душу. Онъ и впослѣдствіи содрогался всякій разъ отъ одной мысли, что могъ сдѣлаться убійцею въ минуту необузданнаго гнѣва. Это несчастное происшествіе сдѣлало на Исаака такое глубокое и торжественное впечатлѣніе, что съ-этихъ-поръ онъ принялся серьезно и самыми сильными средствами укрощать свой необузданный характеръ, и наконецъ такъ успѣлъ въ этомъ, что векоръ достигъ замѣчательной степени самообладанія.»

На двадцать-четвертомъ году своей жизни, онъ женился и съ-этихъ-поръ начинается длинный рядъ его дѣяній на пользу ближняго. Онъ поселился въ Филadelphію, такъ-какъ Пенсильванія лежитъ на границѣ невольничьихъ штатовъ, и цѣлыя толпы несчастныхъ уроженцевъ Африки проводились торговцами черезъ Филadelphію. Въ это время въ Америкѣ существовалъ странный законъ, состоявшій въ томъ, что если въ судъ являлись невольникъ и торговецъ—одинъ, доказывая свои права на свободу, а другой — права на невольника, то судья, присудившій невольнику свободу, не получалъ ничего въ вознагражденіе за свои труды, а присудившій невольника торговцу получалъ отъ пяти до десяти долларовъ,— вслѣдствіе

чего, конечно, происходило много несправедливостей. Гопперъ сдѣлался членомъ общества уничтоженія торговли и постояннымъ адвокатомъ всѣхъ негровъ передъ судомъ.

Въ біографіи Гоппера болѣе 500 страницъ посвящено разсказу различныхъ случаевъ, въ которыхъ Гопперъ является безстрашнымъ защитникомъ негровъ. Не разъ подвергалъ онъ жизнь свою опасности въ этихъ случаяхъ и не разъ наводились на него ружья и пистолеты. На рѣкахъ и въ лѣсахъ, на улицахъ и на поляхъ—онъ вездѣ являлся на своемъ истребительномъ пути. Онъ бралъ негровъ на поруки изъ тюрьмы часто вѣривалъ имъ изъ рукъ торговцевъ и ни одинъ негръ не обманулъ его довѣренности. Негры сами выходили изъ своихъ тайныхъ убѣжищъ и сдавались въ руки своимъ преслѣдователямъ, когда Гопперъ объявилъ, что законная защита дѣлалась невозможною. Негры, которыхъ онъ выкупалъ на свои деньги или на деньги своихъ друзей, всегда старались заработать и возратить эти деньги. Онъ отдавалъ женъ мужьямъ, дѣтей родителямъ и, посвятивъ всю свою жизнь другимъ, самъ остался бѣднякомъ.

Въ 1819 году въ обществѣ квакеровъ начались раздоры, которые впоследствии такъ усилились, что въ 1827 и 1828 годахъ въ этомъ обществѣ послѣдовало раздѣленіе. Искать Гопперъ присталъ къ той половинѣ, которая приняла названіе Гикситовъ, отъ имени своего предводителя.

Гопперъ посѣтилъ Англію и Ирландію и обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Онъ обладалъ большою физическою силой и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Онъ такъ походилъ на Наполеона, что Іосифъ Бонапартъ, увидѣвъ Гоппера, сказалъ, что если бы Гопперъ явился въ Парижъ, одѣтый въ историческое платье Наполеона, то былъ бы причиною волненія. У него не было другихъ враговъ, кромя торговцевъ и обладателей негровъ. Мистеръ Гаррисонъ, произнося надгробную рѣчь Гопперу, сказалъ, что онъ былъ глазами для слѣпыхъ, ногами для хромихъ, одѣвался въ платье справедливости, и т. п.»

Мы привели этотъ отрывокъ, заимствованный нами изъ The illustrated London News, желая познакомить нашихъ читателей съ характеромъ огромнаго отдѣла американской литературы Біографій въ Сѣверной-Америкѣ выходить болѣе, чѣмъ полде-

вишей и романовъ во Франціи — и, конечно, біографія самаго незначительнаго человѣка, написанная просто и вѣрно, поучительнѣе цѣлаго десятка водевилей.

Изъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ путешествій мы, на этотъ разъ, должны удовольствоваться только однимъ — Путешествіемъ *Гюга Бонелли* въ Бولیвію и по американскимъ пампасамъ.

Путешествіе въ Бولیвію и поѣздка черезъ пампасы въ Буэносъ — Аиресъ и пр., Гюга де Бенелли (Travels in Bolivia; with a Taug across the Pampas to Buenos-Ayres, etc. By L. Hudh de Bonelli, 2 vol).

Вестъ-индскіе острова, со всѣми странностями негрской цивилизаціи, были описаны нѣсколько разъ и гораздо полнѣе, нежели въ книгѣ мистера Бонелли; но мистеръ Бонелли обладаетъ талантомъ рассказывать живо и увлекательно. Не наскучая читателю жалобами на трудность путешествія, но рассказывая интересно всѣ эти трудности, авторъ невольно располагаетъ читателя въ свою пользу. Съ острововъ онъ перѣѣхалъ прямо на Панамскій Перешеекъ и, путешествуя черкомъ, то по лѣсамъ, то по болотамъ, наткнулся, наконецъ, на Тихій Океанъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Пезарро такъ неожиданно былъ вознагражденъ за всѣ трудности своего предпріятія. Побывавъ въ маленькомъ городкѣ Панамѣ, завернувъ въ Главквилъ и другія мѣста, Бонелли прибылъ наконецъ въ Лиму, а оттуда проѣхалъ въ Ла-Пазъ.

Въ народонаселеніи Ла-Паза высказывается нѣсколько католическихъ и индѣйскихъ оттѣнковъ. Праздники этого населенія описаны весьма живо мистеромъ Бонелли.

Мистеръ Бонелли обладаетъ даромъ рассказывать незначительныя происшествія живо и съ юморомъ. Вотъ, напримѣръ, разговоръ доктора съ почтмейстеромъ, полуиндѣйцемъ, получилищемъ.

«Докторъ. Гмъ! судя по вашей комплекціи, вамъ должно быть некуда дѣваться отъ здоровья? (Физиономія больного походила больше всего на мѣдный котель).»

«Почтмейстеръ (отвѣчаетъ дрожащимъ голосомъ). Я чувствую себя нехорошо, сеноръ.»

«Докторъ. А! засореніе печени! Нѣтъ аппетита? — жажда?...»

«Почтмейстеръ. Да, сеноръ.»

«Докторъ. Гмъ! должно быть....»

Здѣсь докторъ былъ прерванъ звонкимъ голосомъ жены почтмейстера, которая громко протестовала противъ симптомовъ болѣзни, объявленныхъ ей супругомъ, и сказала, что мужъ ея, напротивъ, «ѣстъ все, что попадаетъ ему подъ руку, а что касается до питья, то онъ, конечно, готовъ пить безъ просыну цѣлый мѣсяцъ».

Докторъ, озадаченный такимъ вмѣшательствомъ, скоро, однакожъ, оправился и строго прикрикнулъ на задорную даму: — Молчать, женщина!

Почтмейстеръ (которому очень понравились слова доктора). Молчать, женщина!

Докторъ. Гмъ! вы спите безпокойно?

Почтмейстеръ. Нѣтъ — да, севоръ.

Жена почтмейстера. Да онъ никогда не успѣетъ пожелать мнѣ доброй ночи и захрапѣть какъ кабанъ.

Докторъ. Молчать, женщина!

Почтмейстеръ. Молчать женщина!

При этихъ словахъ я вышелъ изъ комнаты и не могъ слышать окончанія занимательной сцены.

Мистеръ Бонелли путешествуетъ по маленькимъ городкамъ Боливии и описываетъ весьма интересно ихъ микроскопическую жизнь. Но вотъ онъ, наконецъ, и въ Хуквизаки, столицѣ Боливии.

«Первый замѣчательный предметъ, бросающійся въ глаза при входѣ въ городъ, есть *аламеда* или публичное гульбище. Оно окружено со всѣхъ сторонъ валомъ и содержитъ зоологическій садъ, состоящій не изъ живыхъ образчиковъ животныхъ и птицъ, но изъ такихъ, которые преспокойно стоятъ рядомъ на пьедесталахъ. Эти группы животныхъ забавляютъ иностранцевъ, не только странностью своего назначенія, но и тѣмъ невниманіемъ къ соразмѣрности, съ которою здѣсь сдѣланы разныя животныя: слонъ, кошка, попугай ли — одного и того же роста, да и сдѣланы такъ, что весьма похожи другъ на друга».

Но мы не имѣемъ времени слѣдить за мистеромъ Бонелли въ его интересномъ путешествіи черезъ пампасы до Буэнос-

Адреса и до провинціи Тукумана, о жемчужинах которой дѣлаютъ онъ весьма характеристическое замѣчаніе:

Жемчужины Тукумана необыкновенно благомысленны къ иностранцамъ. Едва только онѣ услышатъ о новобрывившемъ, какъ тотчасъ же посылаютъ къ нему слугъ съ фруктами, цвѣтами, лакомствами и съ приложеніемъ дружескихъ поздравленій и приглашеній. Если же прѣѣдетъ иностранецъ, то тукуманскія дамы сѣбѣ сами сдѣлаютъ ей визитъ. Въ самый вечеръ моего прѣѣзда было дано въ честь мою (?) нѣсколько серенадъ. Я началъ домъ въ предмѣстьѣ, съ прекраснымъ апельсиновымъ садомъ. Этотъ домъ стоялъ очень уединенно и многіе мои жугали, разсказывая безпрестанно о разбойникахъ и убійствахъ. Но это не помѣшало мнѣ наслаждаться въ моемъ уединеніи, плѣ и жизнѣ, проводя счастливые дни, вдаль отъ городского шума).

Изъ Монтевидео мистеръ Боделли возвратился домой. Нутанствіе его читается легко и свободно.

ЗАМѢТКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЖИТЕЛЯ.

Чѣмъ занять Петербургъ. — Увеселительный городокъ. — Благотворительность. — Исканіе спектакли. — Русскіе спектакли. — Французскіе спектакли. — Некрологъ. — Публикація лекцій М. С. Хетинскаго. — Новости въ будущемъ.

Чѣмъ занять ПЕТЕРБУРГЪ.

Но мнѣ, крошечному летописцу Петербургской жизни и общественныихъ удовольствій, говорить о великихъ событіяхъ, потрясающихъ въ настоящее время Европу и Азію и чуть не весь міръ. Недостаточно возвышенный строй фельетонной статьи моей не позволяетъ мнѣ передавать вамъ, читатель, приличнымъ образомъ великія доблести великихъ героевъ. Я могу только благоговѣнно осмотрѣть на общее движеніе, и могу удивляться тому прекрасному чувству, которое воздвигаетъ въ настоящую минуту дорогое мнѣ отечество, могу, наконецъ, и долженъ, съ гордостью сказать, что героевъ и общее олушешеніе соотечественниковъ нашия отражаетъ на всенми, отъ ривніа тысячъ воетъ въ ряды воиновъ до удивлительнѣйшихъ общественныихъ. Современный вопросъ—это олице, прекрасное свой животворный путь безразлично на все и

Т. СХХV. — Отд. VII. 6

сообщающее всему особый колоритъ и теплоту. Взгляните на литературу — тамъ являются новые дѣтели, которые исключительно посвящаютъ себя возвеличенію настоящихъ событій и героевъ; поэты и писатели, занимавшіеся доселѣ всереизведеніемъ жизни обыденной, измѣняютъ характеръ своей дѣятельности. Взгляните на искусства — и тамъ увидите новый, затрогивающій элементъ. Прислушайтесь къ разговорахъ — толкуютъ объ одномъ... объ этомъ одномъ говорятъ въ салонахъ, на улицѣ, въ театрѣ — словомъ весь Петербургъ занятъ теперь однимъ общимъ дѣломъ, которымъ занята и цѣлая Россія.

Читая мои настоящія замѣтки, вы убѣдитесь въ томъ, что я сказалъ выше; начну со Святой недѣли. Что дѣлалъ въ это время Петербургъ? Помолвившись и разговѣвшись, Петербургъ сталъ ходить и ѣздить, гнуть углы карточекъ (извѣстныхъ), расписываться, кланяться и поздравлять, принимать поклоны и поздравленія, желать, надѣяться, платить деньги... На этомъ нельзя не остановиться. Кто, скажите, не платитъ денегъ? Тотъ развѣ, кто не имѣетъ ихъ. Какъ интересно было бы прослѣдить исторію, на примѣръ, какого нибудь серебрянаго рубля. Вышелъ онъ, положимъ, на свѣтъ въ первый день праздника изъ портмонэ нѣкотораго прекраснаго джентельмена... Куда попалъ этотъ серебряный рубль? Перешелъ ли онъ непосредственно изъ великолѣпнаго портмонэ въ большую кожаную кошельку извозчика или побывалъ еще мимоходомъ въ чьемъ нибудь скромномъ кошелькѣ? Не лежалъ ли онъ просто въ карманѣ? Одинокъ ли онъ былъ въ этомъ карманѣ или окружали его мелочь, о которую стучался онъ съ негодованіемъ? Не завязывали ли его въ уголокъ носоваго платка? Не пришлось ли ему полежать въ ридикюльъ подлѣ обрызганнаго куска сахару и выкрашеннаго лица? Не дрожала ли чья нибудь рука, передавая его другой рукѣ? Не довелось ли ему, былингъ, стукнуться со всего размаха о грязный трактирный прилавокъ и попасть потомъ въ душный и темный ящикъ? Какъ понравилось ему новое общество въ этомъ мрачномъ ящикѣ? Радъ ли онъ былъ переселиться оттуда съ новымъ товарищемъ въ какой-то глубокой, глубокой карманъ, гдѣ придется ему полежать долго? Гдѣ побывалъ онъ, избравшись изъ се-

дошлой пропасти? Не подылевалъ ли его кто нибудь? Не занула ли на него чья нибудь слеза? Не попалъ ли онъ потомъ въ молочную лавочку, гдѣ окружили его незнакомымъ мѣдныя существа? Не тяжело ли было ему промучиться тутъ до вечера? Лучше ли было потомъ ему прыгать и толкаться съ товарищами въ карманѣ молодого чело-вѣка? Куда перемѣстили его изъ кармана? Не шлепнулся ли онъ просто въ грязь, откуда вытащила его сухая и желтая рука старухи? Долго ли прогостилъ онъ у старухи? Какимъ образомъ очутился онъ у краснощекой Охтенки? Хорошо ли ему было вертѣться на качеляхъ? Радужно ли принялъ его продавецъ пряниковъ и орѣховъ? Кому отдалъ его этотъ продавецъ? Какимъ путемъ добрался онъ съ Адмиралтейской площади до станціи желѣзной дороги? Съ кѣмъ онъ поѣхалъ въ Москву? Вороты ли оттуда? Нашелъ ли онъ, наконецъ, теплое и покойное мѣстечко, подъ покровительствомъ скряги, и улегся ли въ его сундукъ до тѣхъ перъ, пока умреть набившей сундукъ и налетѣть хищными птицами торопытые на-сѣдники... или суждено этому серебряному рублю никогда не испытать осѣдлости?... Какую бы разнообразную, правдивую, безконечную и интересную исторію могъ рассказать намъ серебряный рубль, еслибъ онъ говорилъ! Я—то какъ бы радъ былъ этому! Я бы сидѣлъ покойно дома да курилъ бы сигару, а онъ, серебрянный рубль, гулялъ бы по Петербургу и рассказы-валъ бы о томъ, что въ немъ дѣлается интереснаго. Прекрасная, но несбыточная мечта!... Продолжаю рассказъ свой; но, прошу замѣтить, сколько перенесъ я мученій для того, чтобы доставить, преимущественно вамъ, иногородный читатель, болѣе или менѣе удовольствіе видѣть и знать Петербургъ издавна, видѣть его, какъ у себя на ладони.. Не слышно ли много сказалъ я? увидите ли вы, въ самомъ дѣлѣ, Петербургъ такъ ясно, какъ будто бы онъ стоялъ у васъ на ладоши?... Сознаю, прибавилъ немножко; во всякомъ случаѣ, не стараюсь быть подробнымъ и яснымъ сколько сумѣю. Читайте послушать.

Увеселительный городокъ.

Изъ старыхъ досокъ, брезента, гвоздей, холста и веревокъ,

съ помощію здоровыхъ рукъ и нѣкотораго искусства, назначается дважды въ годъ на Адмиралтейской площади уменьшенный городокъ, висячій балаганими или подкочками. Выросъ этотъ городокъ, по обыкновенію, и крѣпъ на Свѣтѣ недѣля, изукрашена болѣе или менѣе живописными вывесками; пестрыми флагами, афишами, и сталъ нестройный поджаніемъ музыки звать охотниковъ повеселиться, поиграть орѣхи, покушать мороженого, покружить до тѣноты на качалыхъ головы, послушать барабаннаго бѣса, выстрѣловъ и трону, посмотреть пантомимы, рѣшительно ничего не извѣщающія, полюбоваться гибкостью и легкостью человѣческихъ вѣстей, и проч., и проч. Посмотрите, какъ заманчивы вывески, какъ много обѣщаютъ прибытія у входа объявленія. Помните любое объявленіе и повѣрьте тому, что сулитъ оно — непременно купите билетъ, вы непременно увидите въ бытъ... Долго ли вы тамъ просидите, что будете думать при выходѣ, повѣрьте ли другому объявленію — это вопросы второстепенные. Дѣло въ томъ, что объявленія заманчивы въ высшей степени и легковѣрныхъ много. Ну какъ, напримеръ, не соблазниться объявленіемъ балагана № 2: *Одессійскій циркъ подъ дирекцію г. В. Спозы. Въ продолженіи всей Свѣтой недѣли, на Адмиралтейской площади, съ балаганъ № 2, данъ будетъ большій представленіа, состоящій изъ козылхъ рисунковъ и большой военной пантомимы, подъ названіемъ: Переходъ Русскаго войска черезъ Дунай и взятіе крѣпости.* Какъ не увлечься желаніемъ заглянуть въ балаганъ № 2, когда прочтешь *Программъ переменнахъ главныхъ нумеровъ въ продолженіи всей Свѣтой недѣли*, что г. Гейнрихъ исполнитъ *гротесковія эзерціи!* Что это за гротесковыя эзерціи? — должно быть что нибудь очень хорошее! Дѣвица Паулина исполнитъ *лезъ съ дулмъ шарфами в Pas de guidande* — это вѣроятно что нибудь еще лучшее! А взгляните дальше: № 11 *Англійскій Scaph stave, волножированіе въ стремонахъ* — Дѣвица Августина — что же это? — что нибудь безподобное!... № 13 *Встрѣча съ Коталаки и человекъ ея съ г. Паганини на последней Парижской станции въ новозобрѣтенныхъ дилжансахъ*, — это должно полагать, что нибудь неподражаемое!... Конечно, не могу протѣяться искушенію, иду въ Одессійскій циркъ.

Девально пусто, девально грязно и девально темно. Оквочной вихорь подымает легкую пыль на аренѣ и кружить ее. Музыка печально востъ на устремленныхъ съ боку хоракъ. Сердце зрителя наполняется тоскливымъ ожиданіемъ, въ тремязкахъ слышеть небольшой топотъ ногами, на сценѣ раздаётся эхономъ. Черезъ нѣсколько минутъ на арену вытаскаваютъ лошадиннй скелеть, на который забиратся какъ-то мещанина съ бумажными цвѣтами на головь, въ сѣрвато-розовомъ трико и голубой тастяной юбкѣ, обшитой желтыми лентами и мишурною бахрамою. Машина, устроенная такимъ образомъ изъ лошадинаго скелета и вообравшійся на него женщины, пускается посредствомъ бича въ ходъ... Неужели въ одной части этой машины зритель долженъ признать Дѣвицу Паулину или Августину, исполняющихъ *pas de manèaux*, *pas de guirlande* и т. п. Или не представляетъ ли эта машина тотъ *неоизобрѣтенный диллижансъ*, въ которомъ *острѣталаася г-жа Каталани съ г. Паганини на послѣдней Парижской станціи?*

Недоумѣніе зрителя остается неразрѣшеннымъ навсегда! Ему никакъ не удастся различать Дѣвицу Паулину отъ Дѣвицы Августины, а Дѣвицу Августину отъ г. Бомбова, а г. Бомбова отъ диллижанса, и т. д. Да въ этомъ видѣ и нѣтъ надобности: деньги платятся при входѣ. Плохо только содержателю другаго цирка. г. Абенду. потому что къ нему уже никакъ не пойдеть бывавшій въ Олимпійскомъ циркѣ; но г. Абендъ утѣшаетъ себя мыслью, что онъ, въ свою очередь, залучитъ къ себѣ зрителей, выпустить ихъ достаточно опытными, и они не пойдуть къ г. Спези — расчесть вѣрныи.

Если цирки несовсѣмъ понравятся посѣтившему ихъ, то изъ этого недожно заключать, что ему точно такъ же не понравится Американскій театръ Эд. Размиса. Американскій театръ!... Названіе пробуждаетъ въ чловѣкѣ страшное количество любопытства, и рѣдно кто не поглядитъ на мимико-пластическо-воздушныя представленія Эд. Размиса. Представленія эти впрочемъ уже знакомы петербургской публикѣ, и о нихъ, какъ о старомъ, говорить нечего.

Гораздо лучше заглянуть въ балаганъ № 14; тамъ *компанія артистовъ, подъ управленіемъ Жана Флери*, представляетъ *Взятіе штурмомъ турецкой крепости*, большую пантому въ

4-я дѣйствіе, съ режисорами, пѣвцами, плясками и проч. Дѣйствіе 1-е—*Дискока*; дѣйствіе 2-е—*Посланныи*; дѣйствіе 3-е—*Вель за родину*; дѣйствіе 4-е—*Вѣліе крѣпости*. Всѣ дѣйствующія лица страдают простудою и кривятъ самымъ неистовымъ образомъ. *Салима*, дочь турецкаго пашы, и подруга ея, *мелодая Турчанка*, не говорятъ, и потому нельзя утвердительно сказать страдаютъ ли онѣ простудою. Нѣсколько чловѣкъ таскають другъ друга за волосы, что, при бенгальскомъ освѣщеніи, должно изображать *Вѣліе крѣпости* и завершить блистательное представленіе. Основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ, я полагаю, что литературная часть этого представленія принадлежитъ Жану Флеру. Онъ занимаетъ эффективѣйшую роль, на немъ испанскій костюмъ, вообще онъ *милый злодѣй* и, нѣтъ сомнѣнія, *Салима* и другія молодая Турчанка только передъ зрителями являются такими искренними подругами — за кулисами онѣ непримиримыя соперницы!

По чистотѣ, приличію и нѣкоторому смыслу въ представленіяхъ, балаганы гг. Раппо и Легата принадлежать къ числу лучшихъ.

Раппо давалъ большую военную пантомиму, въ которой есть хоть какаянибудь мысль. Костюмы очень опрятны. Есть очень ловкіе акробаты... Короче, тутъ видны нѣкоторая добросовѣстность и стараніе антрепренера, и зритель не испытываетъ крайней-мѣрѣ неприятнаго чувства разочарованія.

Почти то же самое можно сказать и о Легатѣ, у котораго, впрочемъ, составъ представленія разнообразнѣе. Сначала идетъ арлекинада съ нѣкоторыми *добавленіями*, потомъ представляется *Синопскій бой* и, наконецъ, большая аллегорическая живая картина съ фейерверкомъ, бенгальскимъ огнемъ и съ живою гирляндю изъ безчисленнаго множества Аннетъ, Катеринъ, Акулинь и т. д. Арлекинъ въ балаганѣ Легата довольно ловокъ и танцуетъ очень порядочно. Танцовщицы... но я слѣшкомъ уже пользуюсь терпѣніемъ снисходительнаго читателя, слишкомъ много говорю о балаганахъ. Правда, есть охотники до увеселеній этого рода; есть такъ-называемые *балаганисты*, да читатель-то мой не принадлежитъ къ нимъ и можетъ быть не знаетъ даже, что такое *балаганисты*. А не-

ду тѣмъ это одинъ изъ петербургскихъ тишювъ. Это тѣмъ довольно интересный, который, къ сожалѣнiю, мало по малу исчезаетъ въ настоящее время. Недавно еще балаганиство было много въ Петербургѣ. Къ Масляницѣ и Святой недѣлѣ они вырастали какъ грибы на Адмиралтейской площади и толпами перекочевывали изъ одного балагана въ другой. Каждая Коломбина, каждый Пьеро, Арлекинъ, Каландръ... были извѣстны въ то время балаганисту и пользовались его покровительствомъ. За кулисами балаганисть былъ какъ у себя дома: плотникъ и бутафоръ кланялись ему; Коломбина встрѣчала его съ уваженiемъ; антрепренеръ сорашивалъ его мнѣнiя насчетъ каждой новости; Арлекинъ приглашалъ въ свою уборную выкурить сигару... Но теперь балаганисты стираются съ лица Адмиралтейской площади. Ни что не прочно подъ луной! Сибываются времена — сибываются и обычаи; а жаль... Почему бы, наиримѣръ, не существовать въ Петербургѣ постоянно арлекинадѣ, русской народной арлекинадѣ?

Оставляю однакожъ предположенiя, арлекинаду, Коломбинъ и весь *увеселительный городокъ*, и скажу нѣсколько словъ о предметѣ далеко интереснѣйшемъ. Такимъ считаю я каждое, доброе дѣло Петербуржцевъ, и, надѣюсь, вы не станете сѣтовать, встрѣчая въ Забѣткахъ почти всегда слѣдующую рубрику.

Благотворительность.

Кромѣ тысячи пожертвованiй, о которыхъ уже сообщали вамъ газеты — и которыми по справедливости можетъ гордиться Россiя, въ Петербургѣ 16-го апрѣля устроенъ былъ благотворительнымъ обществомъ въ залѣ Дворянскаго собранiя *Таксирвальный вечеръ съ лотереєю аллеги, въ пользу вдовъ и сиротъ военныхъ, умершихъ въ нынѣшнюю войну.*

Мысль обезпечить или, по крайней-мѣрѣ, облегчить участь вдовы и дѣтей воина, положившаго животъ свой за отчизну — мысль прекрасная, и встрѣтила, весьма натурально, общее сочувствiе. Посѣтителей собралось много, и особенно прiятно было увидѣть въ числѣ ихъ многое множество малютокъ, которые открывали балъ. Какая мать отказалась бы доставить своему дитяти случай повеселиться съ сознаниемъ, что и онъ, маленькiй человечекъ, дѣлаетъ при этомъ добро другому тако-

рѣтъ ваше любопытство, и какому съ того вмѣсто, о чемъ не говорилъ въ прошлый разъ и о чемъ вообще говорить у насъ очень рѣдко.

НѢМЕЦКІЕ СПЕКТАКЛИ.

Въ нихъ столько особеннаго, столько непохожаго на спектакли русскіе и французскіе, что, нѣтъ сомнѣнія, читателю не безынтересно будетъ познакомиться съ ними. Выборъ пьесъ, ихъ литературное достоинство, исполненіе, публика... все, все носитъ на себѣ особый отпечатокъ.

Взглянемъ, напримѣръ, на бенефисъ г. Рейхардта. Спектакль состоялъ изъ новой драмы: *Künstlerleben, oder Ideal und Wirklichkeit*, г. Арнольда, небольшого водевиля: *Das Versprechen hinterm Heerd*, игры г. Лешетцкаго на фортепьяно и г. Франкенштейна на скрипкѣ, и танцевъ маленькой Аманды Берхольцъ, ученицы г. Пшю.

Драма въ трехъ актахъ и пяти картинахъ — произведеніе неорѣлое. Должно полагать, что автору не болѣе семнадцати лѣтъ; только при такомъ предположеніи становится понятно появленіе подобной драмы.

Стремленіе бѣднаго и, къ сожалѣнію, женатаго артиста къ славѣ; борьба его съ нуждою, неудачами, несправедливостью людей... и лавровый вѣнокъ по смерти — вотъ содержаніе драмы, содержаніе, какъ изволите сами усмотрѣть, очень, очень неновое. Характеры дѣйствующихъ лицъ... я рѣшительно затрудняюсь, что сказать о характерахъ, когда ихъ вовсе нѣтъ. Какіе то блѣдныя призраки двигаются взадъ и впередъ, говорятъ всѣ однимъ языкомъ, и языкомъ, надо замѣтить, весьма ненатуральнымъ; графъ, князь, княгиня, бѣдный фортепьянный учитель, бѣдная жена его, пертной, профессоръ вѣтеники, журналистъ и еще нѣсколько лицъ являются на сценѣ и убѣждаютъ зрителя, что написать драму, даже стихами, не мудро; но написать ее такъ, чтобы она имѣла какое-нибудь значеніе и возбуждала бы въ зрителѣ не одну зѣвоту — дѣло не легкое и удастся не всякому.

Объ искусствѣ артистовъ нѣмецкой труппы нельзя рѣшительно судить по исполненію плохой драмы; но можно однакожъ замѣтить слѣдующее: всѣ вообще нѣмецкіе артисты и артистки,

за исключеніемъ весьма немногихъ, подвержены пагубной слабости *рисоваться* на сценѣ, и больше другихъ страдаетъ этою слабостью г. Орловскій. Въ г. Орловскомъ есть дарованіе, и тѣмъ непростительнѣе ему до такой степени постоянно заботиться о болѣе или менѣе картинныхъ позахъ, что зрителю становится смѣшно и странно. Что это такое? Есть ли въ дѣйствительной жизни такіе джентльмены, какихъ представляетъ г. Орловскій? Хорошія манеры конечно необходимы артисту; но это не значитъ, что онъ долженъ *рисоваться* каждое мнѣвенье. Всѣ искусства идутъ впередъ и стараются какъ можно болѣе приблизиться къ природѣ, которая безъ сомнѣнія представляетъ намъ совершеннѣйшій образецъ прекраснаго. Почему же артистъ всѣми силами старается отдалиться отъ этого образца? Было время, когда на сценѣ и въ литературѣ являлись только герои, въ которыхъ, отъ языка до походки, ничего не было сходнаго съ обыкновенными смертными; но время это прошло давно, давно! Неужели остались еще въ Петербургѣ поборники напыщенныхъ фразъ, не естественности, словомъ того ложнаго направленія, какимъ восхищались, наши претцы? Если и найдутся такіе, то неужели артисты должны угождать ихъ вкусу, а не совершенствоваться? Смѣю увѣрить г. Орловскаго, что очень большая часть публики достаточно образована и не глядитъ на драматическое искусство глазами прешлаго столѣтія, слѣдовательно не удовлетворится позами и декламаціею. Въ доказательство этому я могу указать на любовь публики къ гг. Мору, Брюннгу, г-жѣ Лизѣ Гоферъ, и другимъ; игра этихъ артистовъ весьма проста и естественна, они говорятъ и ходятъ, какъ обыкновенные люди, и, между тѣмъ, игра ихъ нравится публикѣ.

Еслибъ я сталъ говорить о бенефисѣ г-жи Орловской, т.-е. о произведеніи нестоимой г-жи Бирхъ-Посейферъ: *Kofe und Kaffee*, о передѣланномъ съ французскаго водевилѣ: *Die Saft*, ослибъ я сталъ говорить о *Фаустѣ*... то, нѣтъ сомнѣнія, сивалъ бы тоже самое, съ прибавленіемъ развѣ того, что слывомъ уже отчаянные фарсы, какъ напримѣръ кувырканье со стуломъ черезъ голову, производятъ на зрителя весьма тяжелое и грустное впечатлѣніе... Прибавилъ бы къ этому еще то,

что г-жа Луиза Эллерсъ очень мило танцуетъ качучу... больше бы ничего не прибавилъ.

РУССКІЕ СПЕКТАКЛИ.

Здѣсь три капитальныя новости. Во первыхъ: новая опера; во вторыхъ: новая драма, и въ третьихъ: новый артистъ.

Русскій мужичекъ и Французскіе мародеры, эпизодъ изъ войны 1812 года — такъ называется новая большая комическая опера, съ трехъ дѣйствійхъ, текстъ г. Куликова, музыка г. Львова.

Либретто написано, какъ кажется, безъ особеннаго труда. Авторъ создалъ его по образу и подобию несмѣтнаго количества пьесъ, отливъ его въ извѣстную форму, употребивъ въ дѣло новыя имена дѣйствующихъ лицъ; но за всѣмъ тѣмъ пьеса имѣла успѣхъ, чему способствовали, конечно, направленіе ея, музыка и исполненіе.

Дѣйствіе первое: *Наканунъ вступленія въ Москву Наполеона*. Алексѣй Дмитріевичъ Матвѣевъ, жена его Анна Васильевна, дѣти Митя и Варя, и дворня, собираются уѣхать изъ Москвы, во избѣжаніе непріятнаго столкновенія съ Французами, и дѣйствительно всѣ уѣзжаютъ, за исключеніемъ Алексѣя Дмитріевича Матвѣева. Онъ остается подъ выдуманнѣмъ предлогомъ въ Москвѣ и поступаетъ въ военную службу. Русскій мужичекъ Петровъ поетъ:

Минетъ грозное ненастье,
Красно солнышко взойдетъ!

Во второмъ дѣйствіи: *Встрѣча въ лѣсу съ врагами*, семейство Матвѣева окружено мародерами; но русскій мужичекъ себѣ на умъ, онъ обманываетъ враговъ, даетъ знать отряду русскихъ партизановъ, въ числѣ которыхъ находится, какъ вы догадываетесь, самъ г. Матвѣевъ, и—мародеры разбиты, семейство спасено. Русскій мужичекъ поетъ:

Минетъ грозное ненастье,
Красно солнышко взойдетъ!

Дѣйствіе третье: *Русская хлѣбъ-соль*. Все кончилось благо-

получно, великодушные Русскіе не понимаютъ зла и радушно угощаютъ побѣжденныхъ враговъ. Русскій мужичекъ поетъ:

Красно солнышко взошло!

Музыка новой оперы очень понравилась, и замѣчательна, между прочимъ, отсутствіемъ треска и шума мѣдныхъ инструментовъ. Слава Богу! Съ легкой руки г. Верди уши меломановъ страдаютъ сильно и часто. Въ музыкѣ г. Львова нѣтъ этого недостатка. Арія Петрова очень хороша... но я не беру на себя произнести рѣшительный приговоръ произведенію нашего извѣстнаго композитора. Опера имѣла успѣхъ—вотъ все, что я могу сказать.

Г. Петровъ (въ роли Петрова), по обыкновенію, очень хорошъ. Сожалѣю искренно, что не могу сказать того же о г-жѣ Самойдовой. Разумѣется, водевильной пѣвицѣ немного трудно исполнять роли оперныя, и талантливая артистка наша вѣроятно чувствуетъ, въ какой степени совершенства она исполняетъ роль Анны Васильевны Матѣевой. Вообще артисты четырехъ труппъ нашихъ союкупными силами старались показать публикѣ все, по возможности, прекрасныя стороны новой оперы.

Оставляя музыку, я спѣшу сообщить вамъ нѣкоторыя сужденія о такъ давно желанной народной драмѣ г-на Потѣхина *Судъ людской — не Божій*.

Г. Потѣхинъ, авторъ очень хорошей повѣсти: *Тить Софронозъ Козонокъ*, пользуется нѣкоторою извѣстностью, какъ хорошо изучившій народный бытъ нашъ. Очень естественно, что появленіе его драмы съ такимъ заманчивымъ названіемъ, драмы, содержаніе которой взято изъ народнаго быта — возбудило общее любопытство.

Не знаю однакожъ почему, на первомъ представленіи этой пьесы (29 апрѣля, въ бенуазетѣ г. М. Максимова) публика была немногочисленна.

Я вижу нетерпѣніе читателя; вижу, какъ читательница мною нахмурилась и нѣсколько сурово требуетъ отъ меня отчета о новой драмѣ г. Потѣхина.

— Рассказывайте скорѣй содержаніе пьесы, а не толкуйте о томъ, сколько было публики въ театрѣ, съ какими истері-

иначе ожидали всѣ новденія новой драмы. Это случно, это спешносно...

Виновать, тысячу разъ виновать, если я не угождалъ вамъ; но жаль мнѣ хочется быть въ вашихъ глазахъ обстоятельнымъ фельетонистомъ, и смѣю предполагать, что ожиданіе и предубѣжденіе что-нибудь да означать. Еслибы г. Потѣкинъ не наикасалъ такой, напримѣръ, вещи, какъ *Титъ Софроносъ Козомокъ*, то отъ новой драмы жаль было бы требовать того, чего въ правѣ мы требовать отъ нѣскольکو уже извѣстнаго автора. Г. Потѣкинъ доказалъ, что у него есть талантъ, и это крошечное обстоятельство даетъ намъ право быть взыскательнѣе.

Николай Спиридонычъ, зажиточный крестьянинъ, старикъ строгихъ правилъ, немножко суровый, горячо любитъ единственную дочь свою Матрону и старается беречь ее пуше своего глаза. Но, поговорка не мимо молвится, поговорка говорить: Шила въ мѣникѣ не утанишь, а дѣдушки подъ замкомъ не удержишь. Въ деревнѣ есть развѣжъ паренъ Иванъ, и это-то молодецъ колонилъ сердце Матроны до такой степени, что Матронѣ бѣда отъ отца, если онъ узнаетъ. Иванъ бы не прочь жениться на Матронѣ, да Николай Спиридонычъ ни за что не выдаетъ своей дочери за сорванца и отчаяннаго гуляку, — нечего и думать. Признаться во всемъ — страхъ беретъ. Впрочемъ есть благодѣтельница Акулина Ивановна, баба бывалая, дѣвъ дворовыхъ; она беретъ удавить дѣла.

Попшелъ и Иванъ съ Акулиною Ивановною къ Николаю Спиридонычу, и объявили ему сущность дѣла. Николай Спиридонычъ на невѣрилъ ихъ:

— Врете, вороги... обмануть вы меня хотѣли...

Позвалъ Матрону:

— ...Сказывай всю правду...

Матрона бросилась въ ноги отцу и повинилась. Николай Спиридонычъ съ-сердцемъ, не подумавъ, проклялъ дочь и тогда только спохватился, какъ уже поздно было, т. е., когда Матрона, отъ природы робкая, сошла съ ума и убѣжала. Иванъ съ гора котѣлъ утѣнился. Николай Спиридонычъ тронутъ любовью Ивана и увидѣлъ, что заблуждался до-сихъ-поръ. Сталъ его негодовать парнемъ. Потому и старикъ, отецъ, и женихъ оторвались на богомолье въ Кіевъ. Матрона, между

тѣмъ отбѣжала отъ деревни на пятьдесятъ верстъ по дорогѣ къ Киеву и поселилась у крестьянки Дарьи. Богомольцы на возвратномъ пути встрѣтились съ Матреною, и эта встрѣча возвратила несчастной дѣвухкѣ расудокъ. Отецъ прощаетъ дочь и соглашается выдать ее за Ивана. Иванъ съ восторгомъ кидается къ своей нарѣченной; но она останавливаетъ его...

— Не подходн... не трогай, не твоя я!... Обѣтъ я положила на себя служить батюшкѣ до гробовой доски, коли простишь онъ меня, помилуетъ...

Иванъ, сначала, можетъ быть, подумалъ про себя: «Когда же это Матрена наложила на себя такой обѣтъ? Видѣ какъ проклиналъ ее отецъ, такъ она въ ту же минуту сошла съ ума. Потому хоть и бывала она временемъ покойна; но малѣйшій намекъ на случившееся повергалъ ее снова въ безуміе. Какъ же это она успѣла наложить на себя такой обѣтъ?» Такъ можетъ быть подумалъ про себя Иванъ; но дѣлать нечего, отъ жены надо отказаться. Онъ и говоритъ:

— На самого ворога хочу идти я, своей мочью хочу воеваться... Не надо мнѣ теперь ни жены, голубки... Ухъ, восторжно мнѣ одному, разгуляется моя душа, взыграетъ ревво сердце... Прощайте, люди добрые... Прощай, Матрешенья, прощай, Николай Спиридонычъ.

Сказалъ такъ Иванъ и хотеть уйти. Матрена говоритъ:

— Иванушка, голубчикъ, стой... Какъ батюшка редишь... на его волю отдала я свой зарокъ...

Иванъ спрашиваетъ:

— Такъ моя ты будешь... а я все Царевъ слуга... Какъ ли идти за солдата?...

— Все едино, сердечной мой... отвѣчаетъ Матрена.

— Такъ поиди ко мнѣ, моя лебедь бѣлая, моя солдатка конглядная... Батюшка, благослови!

Николай Спиридонычъ благословляетъ ихъ.

Вотъ содержаніе четырех-актной драмы г. Потѣкина. Читая, познакомившись съ содержаніемъ, найдете, что названіе пьесы, при всей его заманчивости, несомнѣнно неясно, самъ вамъ покажется, что драма сама по себѣ, а названіе само по себѣ, то считайте меня виновникомъ вашего недоразумѣнія. Произведеніе г. Потѣкина далеко выше общепринятого...

ства французскихъ мелодрамъ, пересаживаемыхъ на нашу почву. Въ немъ русскій духъ, въ немъ Русью пахнетъ, и развѣ только очень придирчивый критикъ скажетъ, что г. Потѣхинъ развилъ слишкомъ идеальную любовь, или что Николай Спиродомычъ по всей вѣроятности употребилъ бы въ дѣло другое оружіе, а врядъ ли бы проклялъ дочь. Найдутся и такіе, что станутъ увѣрять, будто Акулина Ивановна лицо неестественное, будто Матрена такъ много хнычетъ, что зрителю становится тяжело, словно онъ полтора часа пробылъ въ больницѣ. Нѣкоторые скажутъ можетъ быть, что Матрена въ продолженіе всей драмы страдаетъ преимущественно физически: болью подъ ложечкою и стѣсненіемъ въ груди. *Ахъ, тошно, тошношенько!* твердитъ она. Конечно жалко человѣка, если у него и зубы болятъ, но долженъ ли интересъ драмы опираться на физическое страданіе героя?... Я ничего не скажу подобнаго; драма г. Потѣхина очень хорошая драма, особенно въ чтеніи. И если молодой, какъ должно полагать, авторъ станетъ писать и писать, то безъ сомнѣнія напишетъ современемъ что нибудь замѣчательное. Во всякомъ случаѣ, появленіе такой драмы, какъ *Судъ людской* — не *Божій*, должно радовать. Намъ надо любить свое и изучать его, если, къ сожалѣнію, оно до сихъ поръ было намъ незнакомо. Мнѣ гораздо пріятнѣе сочувствовать простому горю или радости удалаго парня Ивана, чѣмъ неестественнымъ страданіямъ какого нибудь маркиза Люшевалы или слабонервной виконтессы Фу.

Разыграна драма была хорошо; но да позволено мнѣ будетъ сказать нѣсколько крошечныхъ замѣчаній.

Г-жа Читау занимала роль Матрены. Въ первомъ актѣ ничего особеннаго не представлялось ея дарованію; во второмъ она была очень хороша; въ четвертомъ же плаксивость, истерика и стenanія перешли границы блогоразумной умѣренности, и это, впервыхъ, мѣшало г-ну Мартынову (въ роли откупщика), чѣмъ болѣе что прекрасный артистъ этотъ нуждался иногда въ помощи суфлера, а во вторыхъ, зрителю становилось невыразимо тяжело. Прекрасная и талантливая артистка, конечно, не разсердится за правду, замѣчаніе наше относится къ другимъ режиссерамъ, въ которыхъ мы восхищались бы вполнѣ

нѣ г-жею Чытау, если бы она не знавала порою въ манерную плаксивость или плаксивую монотонность.

Г. Сафойловъ, этотъ прекрасный артистъ на сценѣ Александринскаго театра, къ удивленію былъ въ роли Ивана не гнѣвъ, что можно и должно было ожидать отъ него. Въ немъ не доставало русской размашистой удалы; Иванъ представился болѣе проварнымъ половымъ, а не удалымъ нарнемъ, въ котораго молодая кровь гуллетъ.

Г. Григорьевъ былъ очень хорошъ въ роли Егора Сергѣича; но рассказъ его о томъ, какъ онъ построилъ заводъ въ честь трехъ Французовъ, потерялъ комизмъ... Егоръ Сергѣичъ въ образѣ г. Григорьева вышелъ не хвастуномъ-поваромъ, а лямъ хотѣлъ представить его авторъ, а настоящимъ героемъ выномъ, который захватилъ бы пожалуй и десятокъ Французовъ.

Г-жа Ливская въ роли Акулины Ивановны была, какъ и всегда, неподражаемо хороша. Жаль только, что рассказъ ея о томъ, какъ Егоръ добылъ карты, нѣсколько длиненъ и въ которыхъ словъ нельзя было разслушать, потому, вѣроятно, что г-жа Ливская сидѣла очень далеко отъ авансцены.

Г-жа Орлова (въ роли Дарьи) была немножко вала и танула свои монологи.

Г. Бурдинъ, въ крошечной роли Павла, былъ очень хорошъ.

Г-жи Гранева и Подобѣдова, въ роляхъ крестьянскихъ двушекъ, явились барышнями.

Г-жа Рамазанова, въ роли знахарки Дементьевны, была г-жею Рамазановою.

Послѣ всѣхъ обращаюсь къ артисту, съ котораго должно было бы начать. Роль Николая Спиридоныча занималъ г. Леонидовъ. Артистъ этотъ недавно прѣхалъ къ намъ изъ Москвы и дебютировалъ въ «Бенвенуто Челлини», «Смерть Лягунова» и «Судъ людской — не Божій».

Въ первый дебютъ «Бенвенуто Челлини» г. Леонидовъ привалъ публикою весьма радушно, — аплодисментовъ и вызововъ было безчисленное множество. Въ первомъ актѣ г. Леонидовъ, повидному, робѣлъ нѣсколько, за что конечно на въ законъ судача не должно упрекать его: удержаніе въ публикѣ, рожаніе къ искусству — качества похвальныя. Въ третьемъ и четвертомъ актѣ г. Леонидовъ былъ очень хорошъ. Но, невольно

торопиться судить и потому пока довольно о г. Леонидовѣ. Нельзя не замѣтить, однакожъ, весьма важнаго достоинства въ г. Леонидовѣ—обдуманности въ игрѣ.

Если я скажу, что на Александринскомъ театрѣ давали *Смерть Ляпунова*, драму г. Гедеонова, въ которой роль Марини исполнила въ первый разъ г-жа Орлова; если я скажу, что въ комедіи: *Домашняя лова*, была безукоризненно хороша г-жа Ливская, несомнѣнъ ловокъ г. Степановъ, которому вообще мало удаются такъ называемыя *фрачные* роли, если я скажу, что въ этой комедіи г-жа Сосницкая играла какъ-то неохотно, словно изъ милости, а г. Мартыновъ былъ очень хорошъ — то о русскихъ спектакляхъ вы будете знать почти все, что можно было сказать о нихъ.

ФРАНЦУЗСКІЕ СПЕКТАКЛИ.

Извѣстная пѣсня извѣстнаго Берашже, съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями, превратилась въ довольно забавную пьеску, подъ названіемъ: *Le troisième Magi*. Благодаря искусству г. Верне и г-жи Миллэ, пьеска прошла очень живо и понравилась; не смотря на весьма избитое содержаніе. Если вы узнаете, что въ пьесѣ есть мужъ, есть жена, горничная и нѣкій молодой человекъ, попадающій въ каминь; если вы узнаете, что мужу кажется холодно и онъ приказываетъ затопить каминь а жевѣ жарко и она всѣми силами противится желанію своего супруга касательно топки камина; если вы узнаете, что горничная является здѣсь въ томъ выгодномъ свѣтѣ, въ какомъ являются горничныя въ тысячахъ водевиляхъ, то, не прочитывая даже извѣстной пѣсенки, легко и вѣрно можете составить идею о незамысловатомъ содержаніи пьесы.

Marie et Rose, произведеніе неутомимыхъ и неистощимыхъ водевильныхъ фабрикантовъ Анисэ-Буржуа и Мишеля-Массона, отличается обыкновенными качествами пьесъ, приготовляемыхъ для парижскихъ бульварныхъ театровъ. При составленіи такихъ пьесъ предполагается, что на свѣтѣ все возможно, и на этомъ основаніи нѣтъ такой нелѣпости, которую нельзя было бы допустить въ изготавливающеся произведеніе. Дѣйствующими лицами набираются люди, какихъ вы не увидите и никогда не увидите. Содержаніе путается самымъ отпа-

лянымъ образомъ и потомъ разрѣшается весьма смѣло и безцеремонно. Послѣ всего этого вы, конечно, не пожелаете знать, какимъ образомъ въ *Magie et Rose* собраны фокусы-покусы и въ какой мѣрѣ они правдоподобны. Въ этой пьесѣ играла московская артистка г-жа Амв.

Доложивъ вамъ о появленіи на сценѣ Михайловскаго театра комина изъ Москвы, г. Верне, брата извѣстнаго нашего артиста, я могу увѣрить васъ, что сколько-нибудь интересныя театральныя новости сообщены вамъ всѣ сполна. Миѣ остается только передать вамъ о событіи печальномъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Умеръ молодой и весьма полезный артистъ, Смирновъ 2-й. Онъ былъ воспитанникомъ Императорскаго театральнаго училища, въ 1842 году выпущенъ въ балетную труппу, считался очень хорошимъ танцоромъ и занималъ не разъ первыя роли въ балетахъ. Въ послѣдствіи онъ перешелъ въ число драматическихъ артистовъ и сдѣлался весьма хорошимъ и полезнымъ актеромъ на роли вторыхъ любовниковъ. Артисты наши потеряли въ немъ умнаго и благороднаго товарища.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ М. С. ХОТИНСКАГО.

Въ концѣ минувшаго января мы прочли въ здѣшнихъ газетахъ объявленіе о томъ, что по предложенію совѣта Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, извѣстный знатокъ физическихъ наукъ и членъ разныхъ ученыхъ обществъ, М. С. Хотинскій будетъ читать въ залѣ экономическаго общества публичныя популярныя лекціи: «Объ устройствѣ вселенной и о явленіяхъ въ ней происходящихъ», руководствуясь знаменитымъ твореніемъ Гумбольдта о Космосѣ. Чтеніе лекцій предполагалось ежемесячно по средамъ и первая назначена 27 января: всего же предполагалось прочесть въ нынѣшнюю зиму до 10 лекцій.

Въ среду 27 января публичнаго начала собираться въ залу Императорскаго В. Э. О. съ шести часовъ вечера, не смотря на то, что чтеніе было назначено въ восемь. Въ половинѣ восьмага обширная зала была такъ полна слушателями, что не только всѣ стулья (числомъ до 600) были заняты, но даже во всемъ про-

странствъ за стульями не оставалось ни одного свободнаго мѣста. Слушатели толпились и за дверями залы, въ сосѣднихъ комнатахъ и весьма многіе, прибывшіе къ назначенному сроку начала лекціи, должны были вернуться назадъ за недостаткомъ мѣста. Подобное стеченіе публики мы замѣтили только лѣтъ десять тому назадъ на публичныхъ лекціяхъ знаменитаго астронома Струве, читанныхъ въ залѣ Академіи Наукъ и на лекціяхъ профессора Кутурги, бывшихъ въ прошломъ году также въ домѣ экономическаго общества. Въ числѣ слушателей мы замѣтили множество дамъ, а также, съ особеннымъ удовольствіемъ, нѣсколько лицъ изъ купческаго сословія, въ которомъ нынѣ замѣтно развивается любовь къ наукѣ и сознаніе въ пользу просвѣщенія.

Ровно въ восемь часовъ лекторъ взошелъ на кафедру и былъ привѣтствованъ громкими и единодушными рукоплесканіями, вызванными какъ интересомъ предмета предстоящихъ лекцій, такъ и извѣстностью лектора, обогатившаго русскую литературу многими дѣльными трудами и распространившаго по всѣмъ краямъ обширной Россіи нѣсколько тысячъ экземпляровъ своихъ общепонятныхъ ученыхъ изданій. Вслѣдъ за рукоплесканіями настала глубокая тишина, среди которой лекторъ началъ свое чтеніе или, правильнѣе сказать, живой импровизированный рассказъ, потому что у него не было не только тетрадки или записной книжки, но даже и памятной записки. Презаривъ слушателей, что лекціи его будутъ имѣть характеръ по преимуществу популярный и далеки отъ претензіи на ученое значеніе, лекторъ въ бѣглыхъ очеркахъ представилъ картину природы, которой обладаніе и наслажденіе суждено человѣку Творцемъ всего созданнаго. Показавъ смыслъ и значеніе науки, онъ доказалъ что исходная точка и конечная дѣль всякаго знанія есть—Вышшая сила, Премудрость и Благодѣтельность. Эта религіозная идея, выраженная въ простыхъ словахъ, но строгологически и съ вдохновеннымъ жаромъ, заслужила громкій взрывъ рукоплесканій. Затѣмъ лекторъ познакомилъ своихъ слушателей съ порядкомъ, въ которомъ онъ будетъ излагать устройство мірозданія и при этомъ начерталъ великолѣпную картину звѣзднаго неба и его колоссальныхъ размѣровъ, возбуждавшую также общій восторгъ и рукоплесканія. Лекція бы-

ла заключена изложеніемъ понятія о душѣ человеческомъ, исчадіи Божественнаго дуновенія, содѣлывающемъ человека, по сказанію библейскаго лѣтописца, подобнымъ своему Создателю. — Лекторъ сошелъ съ кафедры среди новыхъ рукоплесканій и былъ окруженъ толпою, стремившеюся высказать ему свой восторгъ и благодарность.

Первая лекція господина Хотинскаго такъ заинтересовала всѣхъ, что навѣрное на вторую собралось бы еще болѣе публики, если бы то было возможно; но къ сожалѣнію ученый и краснорѣчивый лекторъ захворалъ черезъ два или три дня опасною болѣзнію, такъ, что вторая лекція прочтена только 2 апрѣля. Зала опять была переполнена слушателями, опять встрѣтившими и провожавшими лектора рукоплесканіями. На этотъ разъ рѣчь шла объ актѣ мірозданія. Затѣмъ онъ говорилъ о матеріи и силахъ существующихъ въ міровомъ пространствѣ и заключилъ лекцію прекраснымъ рассказомъ о вѣчно продолжающейся дѣятельности Всомогущаго Творческаго Духа Божія.

Третья и четвертая лекція (23 и 26 апрѣля) посвящены были разсмотрѣнію космической матеріи наполняющей міровое пространство и скопленіямъ ея, составляющимъ звѣзды или солнце, причемъ ученый лекторъ сообщилъ свѣдѣнія о числѣ и распредѣленіи этихъ свѣтилъ въ пространствѣ, присовокуплявъ результатъ собственныхъ изслѣдованій надъ числомъ и блескомъ звѣздъ видимыхъ въ С.-Петербургѣ. И эти двѣ лекціи одинаково интересныя имѣли успѣхъ подобно двумъ первымъ.

Вообще должно сказать, что господинъ Хотинскій, при обширной своей начтатности и разнообразныхъ познаніяхъ, обладаетъ даромъ выражать свои мысли краснорѣчиво и увлекательно, а въ иные моменты сходять на него истинное вдохновеніе. Этимъ объясняется огромный успѣхъ его лекцій, которыя безъ сомнѣнія прольютъ въ массу его слушателей много благотворнаго свѣта. Нельзя также не порадоваться истинно религіозному духу, которымъ проникнуты эти чтенія и который находятъ въ массѣ слушателей такое живое сочувствіе. — Мы слышали, что господинъ Хотинскій будетъ продолжать свои интересныя чтенія и будущей зимою.

Новости въ будущемъ.

У каждого человѣка есть слабости; фельетонистъ человѣкъ;

следовательно; и у него должны быть слабости. Какъ не быть! Разсказъ о погодѣ, о вскрытіи Невы, о веснѣ, о близости лѣта, о предстоящемъ удовольствіи дачной жизни, о самыхъ дачникахъ, насмѣшки надъ петербургскимъ лѣтомъ... Нѣтъ, страшно высчитывать всѣ собственныя слабости и особенно страшно потому, что исправить какъ-то трудно. Такъ кажется ясно видишь свои недостатки, такъ твердо общаешься самому себѣ исправить, такъ сильно пристыдишь себя, и что же?... При первомъ случаѣ, при первомъ недостаткѣ новостей, являются: странички о погодѣ, Невѣ, дачахъ, веснѣ и другіе крошечные фельетонные пороки. Это ужасно, а между тѣмъ справедливо, и вы не можете себѣ представить, какаихъ страшныхъ усилій стоило мнѣ удержаться отъ желанія поговорить съ вами о томъ, какъ хороша у насъ нынче весна, какъ Нева, *разломать свои ледныя окопы, заиграла подъ яркими вѣтвями, пожалуй, золотыми лучами весенняго солнца*; о томъ, что приближается время, когда въ городѣ будетъ жарко и душно, а по улицамъ потянутся возы съ мебелью, которая украситъ тысячу большихъ и маленькихъ дачъ; о томъ, наконецъ, какъ пріятно дышать свѣжимъ загороднымъ воздухомъ, какъ хорошо гулять по густымъ аллеямъ сада и слушать болѣе или менѣе восхитительные звуки музыки... Не говорить обо всемъ такъ трудно, такъ трудно... что я удивляюсь своему подвигу, и надѣюсь, что и вы удивляетесь этому не меньше моего. Впрочемъ новости есть.... Вотъ напримѣръ я могу предувѣдомить васъ, что на сценѣ Александринскаго театра появится скоро новая драма г. Григорьева 1-го: *За Вѣру, Царя и Отчизну*—содержаніе которой почерпнуто изъ современныхъ событій.

Потомъ могу сказать вамъ еще то, что Петербургская публика на дняхъ видѣла новаго артиста г. Рыбакова; объ искусствѣ и талантѣ его вы услышите въ будущій разъ. Въ будущемъ же номерѣ нашего журнала вы прочтете и о бенефисѣ г. Леонова. Думаю, что сказаннаго довольно, и я непременно остановился бы на этомъ, если бы передо мною не лежало двухъ новыхъ и весьма полезныхъ изданій. Во-первыхъ: *Библиотека Путешествій*, восемь томиковъ въ восемнадцатую долю листа, изданіе А. Плюшара, съ гравированными на стали рисунками и красивою оберткою.

Первые три тома содержатъ въ себѣ *Путешествіе по Японіи* извѣстнаго Ф. Зибольда, дополненное свидѣніями и извѣстіями изъ Кемфера, Фишера, Дѣфа, Шарльвау, графа Гогендорна, Крузенштерна, Тунберга, Титсенга, Варениуса и другихъ, въ очень хорошемъ переводѣ В. М. Строева.

Четвертый и пятый томы составляютъ сочиненіе г. К. Бюка: *Два года изъ жизни Русскаго моряка, описаніе кругосветнаго плаванія, совершеннаго въ 1840—1842 годахъ, на Россійскомъ транспортѣ «Або»*.

Въ шестомъ и седьмомъ томахъ заключаются *Разказы о кораблекрушеніяхъ* — переводъ В. М. Строева. Въ двухъ этихъ томкахъ двадцать шесть весьма интересныхъ разказовъ.

Восьмой томъ составляютъ *Эпизоды путешествія Бурчелла во внутренность Африки* — переводъ тоже В. М. Строева.

Всѣ восемь томиковъ, изданные въ нынѣшнемъ году, чрезвычайно интересны, написаны живымъ и легкимъ слогаемъ, и читаются съ большимъ удовольствіемъ. Польза этого изданія очевидна, и нельзя не порадоваться прекрасной мысли издателя. Нѣтъ сомнѣнія, что «Библіотека путешествій» разойдется въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ, тѣмъ болѣе что цѣна назначена довольно умеренная; первые восемь томиковъ стоятъ 12 р., съ пересылкою 14 р. сер. Такому сочиненію смѣло можно и должно пророчить успѣхъ.

Какъ мнѣ ни жаль прекратить пріятную бесѣду съ читателемъ; но я долженъ сдѣлать это. До слѣдующаго мѣсяца.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.

Неслыханная, невѣроятная, совершенно баснословная новость музыкальная есть нижеслѣдующая: нынѣшнею зимою и весною въ Петербургѣ не было ровно ничего новаго по части музыки. Были концерты, и прекрасные, премногочисленные, но сражаемые на домашнія музыкальныя средства и, болѣею частью, на благотворительные предметы. Ни одно великое музыкальное имя не раздавалось на благозвучныхъ берегахъ Невы, и впаденіе всего Великаго Поста, ни юды. Ни одна diva, ни одинъ го-

ній; не прилетѣвъ изъ-за моря на Невскій-Проектъ. Мадма-зель Клаусъ ѣхала — ѣхала — и не доѣхала. Женинъ Линдъ, выѣхавшая мадамъ Гольдшмитъ, была уже въ Берлинѣ, смотрѣла очень вѣжливо на петербургскую дорогу, и не рѣшилась: говорить, Англичано, чтобы нанести всевозможный вредъ Россіи, переманили ее въ лондонскую итальянскую оперу за страшную сумму. Враги наши готовы разорваться, лишь бы сдѣлать намъ досаду. Ничего! когда они разоратся, Женинъ Линдъ силою проберется къ намъ сивозъ эскадры лорда Непвра. Аполлинарій Контскій, правда, воротился въ Петербургъ во второй половинѣ Великаго-Поста, игралъ двѣ піесы въ одномъ благотворительномъ концертѣ, былъ встрѣченъ публикою съ живѣйшимъ энтузіазмомъ, но самъ не давалъ ни одного концерта. Мадамъ де-Лагранжъ, по пріѣздѣ изъ Москвы, объявила о своемъ «прощальномъ» концертѣ, но этотъ не состоялся; по причинѣ ея болѣзни. Уже на Фоминѣ дала она этотъ прощальный концертъ, который былъ сухъ и холоденъ въ сравненіи съ прежними ея явленіями. Словомъ, тишь такая, что Мендельсонъ-Бартольди непремѣнно положилъ бы ее на музыку, если бы дожидъ до такого беззвучнаго времени.

Извѣстный и любимый нашъ віолончелистъ Шубертъ далъ на Святой прекрасный концертъ въ Большомъ-Театрѣ вмѣстѣ съ Аполлинаріемъ Контскимъ. Публика была многочисленна и встрѣтила обоихъ артистовъ съ живѣйшимъ энтузіазмомъ. Мы давно не слышали Шуберта: талантъ его не только не пони-зился втеченіе времени, но, кажется, еще выигралъ многое въ силѣ, звучности и ловкости. Онъ игралъ чудесно. Удачный выборъ піесъ сообщилъ этому концерту особенную занима-тельность и сильное едушевленіе. Одною изъ занимательнѣй-шихъ піесъ была живая, умная, поющая фантазія на темы изъ «Гельгольъ и Гибеллиновъ», написанная господиномъ Шубертомъ для шести віолончелей. Эта фантазія произ-вела большой эффектъ: О Контскомъ говорить нечего. Онъ игралъ, между прочимъ, среди безконечныхъ рукоплесканій и визговъ, одну новую піесу свою, Les souvenirs de St.-Peters-bourg, которая безспорно займетъ мѣсто въ ряду прекраснѣй-шихъ произведеній его богатой, оригинальной фантазіи. Это со-вершенно — музыка нашего времени, страстная, огненная,

своисправная, невѣроятная. Публика показала ее превосходно. Исполненная съ тѣмъ могуществомъ игры и звука, съ тѣмъ глубокимъ выраженіемъ прекраснымъ вкусомъ, съ той баснословною чистотою, вѣрностью, ловкостью, которыя составляютъ отличительныя черты этого чуднаго скрипача, новая піеса Ковтскаго возбуждала сильнѣйшій восторгъ въ слушателяхъ. Нельзя также забыть русскія піесы госпожи Леоновой, особенно «Лихорадушку», А. С. Даргомыжскаго, которую эта артистка поетъ неподражаемо, съ подлинно русскою ухваткою: недоставало только сарафана и кокошника до полноты эффекта, которому много мѣшало парижское бархатное платье послѣдняго фасона. Успѣхъ госпожи Леоновой былъ самый блестящій, но, съ этимъ маленькимъ усовершенствованіемъ наружнаго вида, она произвела бы въ горячихъ сердцахъ русскихъ настоящій фуроръ.

О Женни Ландъ, герръ Релльштабъ, страшный музыкальный критикъ берлинскій, пишетъ, что голосъ ея потерялъ значительно свою соловьиною свѣжесть; но что, зато, въ умѣньшій пѣть, въ вокальномъ искусствѣ, она сдѣлала невѣроятные успѣхи.

О Листѣ писали во всѣхъ иностранныхъ газетахъ, что онъ отправляется въ Калифорнію — въ Австралію — въ Китай — въ Камчатку — навѣсть куда. Только недавно обнаружено опроверженіе этихъ странныхъ слуховъ, заимствованное изъ письма къ другу. Листъ пишетъ, что онъ и не думалъ о странствованіяхъ, живетъ преспокойно въ Веймарѣ, и, покажишь, не предвидитъ никакихъ поводовъ къ переменѣ своего положенія, которымъ совершенно доволенъ.

Композиторъ Шуманъ очень болѣвъ и нѣтъ надежды на его выздоровленіе.

Въ Парижѣ и Лондонѣ врутъ и бѣсуются отлично, но поютъ и играютъ плохо. Время совсѣмъ не удобно для музыки. Промышленность въ застоѣ. Торговля потрясена банкротствами. Денегъ нѣтъ. А нѣтъ денегъ, такъ нѣтъ и музыки. Почти всѣ артисты, наши знакомцы, нахоятся теперь въ Лондонѣ: Эрнстъ, Вібтанъ, Меррай, Навезъ, Невелло, Тамберликъ, Маріо, Гривъ, e tutti quanti. Итальянская опера отперлась только въ оперѣ въ Ковентъ-гарденѣ. О Театрѣ Коро-

левы ничего не пишутъ: видно, для другой итальянской труппы нѣтъ ни слушателей, ни подрачкковъ. Сеньора Медори занимаетъ мѣсто примадонны въ Вѣнѣ, гдѣ она имѣла въ «Норвѣ» колоссальный успѣхъ.

Въ началѣ апрѣля Сервѣ былъ въ Парижѣ; Віѣтанъ давалъ концерты въ Берлинѣ, гдѣ, если вѣрить французскимъ фельетонамъ, «публика несчетною толпою тѣснилась чтобы его слушать», а Женни Линдъ—въ Вѣнѣ. Нѣмецкія газеты увѣряютъ, что она не поѣдетъ въ Лондонъ; что, напротивъ, приняла предложеніе совершить вокальное путешествіе по Венгріи. Турколюбцы уговариваютъ ее отправиться оттуда въ Шумлу, гдѣ Омеръ-паша будетъ чрезвычайно радъ услышать шведскаго соловья. Блестящее общество пашей, эфендіевъ, лордовъ, маркизовъ, маршаловъ, адмираловъ и бозукъ-башевъ, готово встрѣтить и провожать ее со всѣми почестями франко-англо-магометанскаго дипломатизма.

М. М.

=

МОДЫ.

Женскія. — Весенняя мода въ Петербургѣ дебютируетъ на живописныхъ аллеяхъ Лѣтняго Сада, пока листья еще не совсѣмъ развернулись. Здѣсь-то, между блѣдно-зеленыхъ акацій и мраморныхъ статуй, вы увидите, отъ двухъ до четырехъ часовъ, всѣ эти блестящія матеріи, блонды и солону, которая цѣлые три мѣсяца будетъ нарядомъ темныхъ и бѣлокурыхъ головокъ.

Изъ множества разныхъ матерій, я замѣтила платье изъ клѣтчатаго античнаго моаре, синяго съ чернымъ, съ полосками шириною въ двѣ ладони (вообще, нынѣшнія матеріи отличаются чрезвычайно широкими полосами); другое — изъ жаконъ, съ продольными клѣтчатыми полосками; третье — изъ лиловаго glасé, и проч. и проч. Но это—для прогулокъ, болѣе или менѣе варядныхъ, гдѣ костюмъ подвергается строгой критикѣ. На дачѣ же, куда сквозь рѣшетчатую ограду, обвитую плющемъ, не проникаютъ ни пыль, ни взыскательность, вы, безъ сомнѣнія, будете носить платье изъ fil de chèvre: ничего

Т. СХХV. — Отд. VII.

1/8

не можетъ быть легче, красивѣе и — дешевле! Шляпа ваша, конечно, знаетъ, что для волаговъ нѣтъ установленной ширины, и что они должны соображаться съ таліей.

Шляпки малы попрежнему. Положимъ, что лѣтомъ не бываетъ вьюги, а солнце-то, а загаръ, отъ котораго не спасаетъ ни огуречное молоко, ни гигиеническій укусъ!

Шляпки изъ однихъ лентъ въ большомъ употребленіи. Для соломенныхъ изобрѣтены прехорошенькія кружева изъ соломы и волосу.

Модный Нострадамусъ предсказываетъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ будетъ множество цвѣтовъ на поляхъ.... шляпокъ,

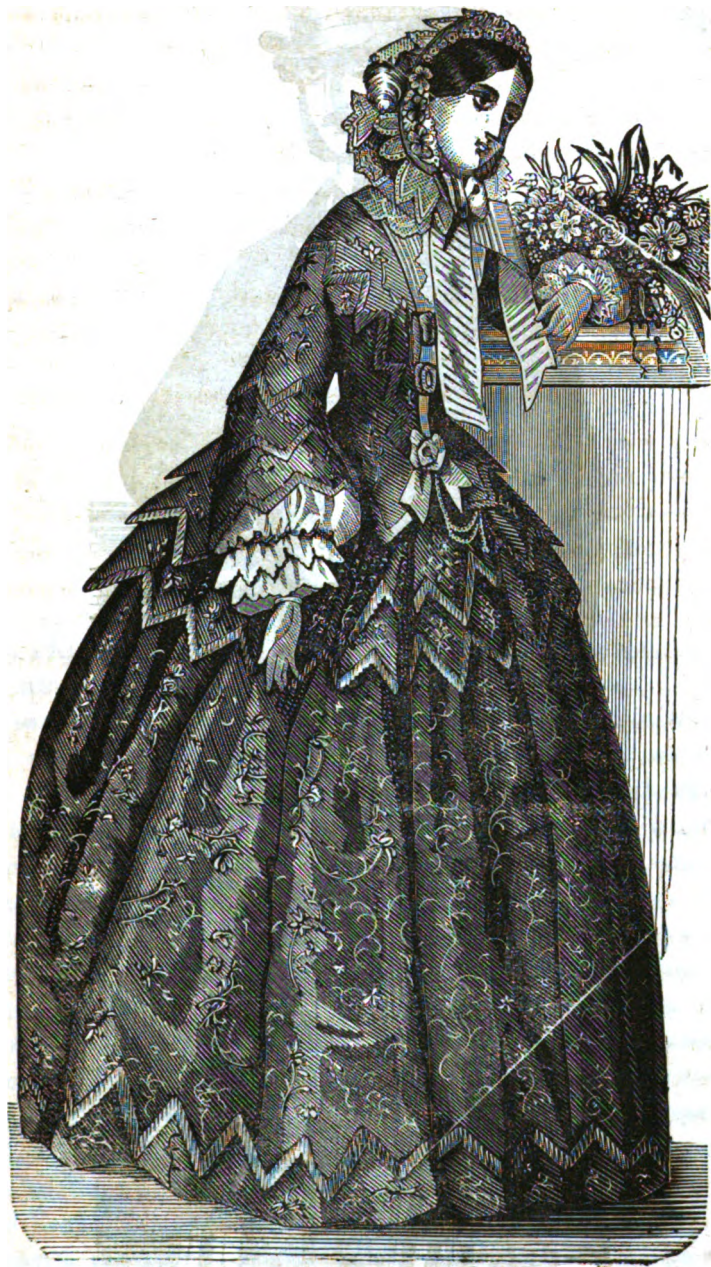
Fleurs de l'art que la nature envie.

Если у васъ есть шляпка, которую бы вы хотѣли возобновить, хоть для дачи (вѣдь мы живемъ въ экономическій вѣкъ) то совѣтую вамъ обратиться въ магазинъ *Am petit bonheur*, на Владимірской улицѣ (домъ Исаковой, № 46). Два-три дня — и вы не узнаете соломки, которая возродится съ новыми лентами, свѣжимъ тюлемъ или крепомъ.

Такъ-какъ ножка была дознана не въ одномъ стихотвореніи, и поэтъ, можетъ-быть, самъ не подозрѣвалъ, что отдаетъ порошокъ справедливости *Покровскому*, то уведомлю моихъ знакомыхъ, и знакомыхъ моихъ знакомыхъ, что этотъ покорнѣйшій слуга ногъ и ножекъ переѣхалъ навремя въ Караванную улицу (домъ Меншикова), гдѣ и продолжаетъ обувать ихъ въ привель и атласъ, отъ котораго не отказалася бы Сандрильона.

Мужскія. На приложенномъ политиважѣ, граверъ соединилъ, правда, несовсѣмъ гармонически относительно теоріи цвѣтовъ, черныи пиджакъ и клѣтчатыя брюки съ свѣтлымъ гладкимъ жилетомъ, — но это для того, чтобы не дѣлать цѣсколькихъ рисунковъ порознь. Впрочемъ, дѣло не въ цвѣтѣ, а въ нзящномъ, фасонѣ какой представленъ на гравюрѣ, и какой даютъ сукну и шелку опытыя ножницы Шевара (на Невскомъ-проспектѣ, домъ Глазунова). Мы уже говорили о немъ въ мартовской книжкѣ, и остаемся при убѣжденіи, что этотъ портной — находка для людей со вкусомъ.

=

ОЛИВЬЕ.

=

Разсказъ Жюль Сандо.

=

I.

Мы сѣли на опушкѣ аллея, подъ дубомъ, и Марію, помолчавъ нѣсколько минутъ, разсказалъ мнѣ слѣдующее:

Графъ Гастонъ де Вальгранъ — мнѣ другъ; дружба наша намъ ровесница и она до-сихъ-поръ не устарѣла ни на одинъ день. Мы родились почти въ одно время, выросли вмѣстѣ. Помѣстья наши рядомъ; отсюда видны башни егo замка и деревья все парка. Если ты, какъ я надѣюсь, проживешь у меня нѣсколько дней, то, навѣрное, познакомишься съ графомъ. Если бы ты зналъ его за десять лѣтъ, то убѣдился бы, что счастье существуетъ на землѣ. Молодой, прекрасной наружности, владѣлецъ независимаго состоянія, онъ вступилъ въ бракъ съ дѣвицею де С., которая также была въ полномъ блескѣ молодости и красоты. Это было одно изъ самыхъ счастливыхъ супружествъ. Они жили въ своемъ помѣстьѣ, благотворили своимъ крестьянамъ, и, казалось, не воображали, чтобы могли существовать безъ солнца и другія радости, кромѣ тѣхъ, которыя они вкушали подъ сѣнію своихъ рощей. Они какъ-будто были созданы другъ для друга... Это выраженіе вполне выражаетъ сходство ихъ наклонностей, согласіе ихъ чувствъ. Увѣряюте, будто предельность дружбы зависитъ отъ противоположности характеровъ:

не думаю, развѣ допустить, что прелесть дружбы состоитъ въ ссорѣ съ утра до вечера. Какъ бы-то ни было, но графъ и графиня, хотя и во всемъ соглашавшіеся между собою, никогда не надѣлали другъ другу. Только въ одномъ не сходились супруги: Гастонъ, подобно тебѣ, увлекался скептицизмомъ; графиня, напротивъ, была столько же набожна; она огорчалась образомъ мыслей своего мужа, но надѣялась обратить его, со временемъ, на истинный путь. Впрочемъ, ихъ разномысліе, проявившееся лишь нрѣдка, нисколько не возмущало спокойствія и счастья, которыми она наслаждалась. Все способствовало блаженству супруговъ: черезъ полтора года послѣ брака, у нихъ родился сынъ. Не могу описать ихъ восторга: надобно было видѣть, какъ супруги стояли надъ колыбелью, въ которой уже лепеталъ младенецъ.

Въ одинъ осенній вечеръ, я сидѣлъ возлѣ графини, на крыльцѣ ихъ замка. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, на лужайкѣ, Гастонъ игралъ съ своимъ сыномъ. Маленькому Оливье минуло три года; прекрасный ребенокъ, расцвѣталъ какъ цвѣтокъ, общалъ походитъ на отца, какъ дѣй капли воды. Это сходство, уже разительное, воспламеняло въ молодой графинѣ и любовь матери и нѣжность супруги. Улыбалась и зачухивалась, она безмолвно смотрѣла на милую картину, которая была передъ ея глазами. Вдругъ, бланое лицо ея померкло, и я увидѣлъ слезу, блиставшую на рѣсницахъ.

— Вы плачете? воскликнулъ я, схвативъ ее за руку: что съ вами?

— Я слишкомъ счастлива, сказала она: бываютъ минуты, когда мое счастье гнететь, пугаетъ меня. Вели справедливе; какъ говорятъ, что на землѣ нѣтъ прочаго счастья, то какия испытанія ожидаютъ меня?

Я старался успокоить графиню, и перечислялъ все, что должно было подкрѣпить ея упованіе: здоровье малютки, молодость мужа, независимость состоянія.

— Чего же вамъ опасаться? прибавилъ я; громъ не разражается на безоблачномъ небѣ.

— Правда, я безразсудна, возразила графиня разсѣянно: но что же мнѣ дѣлать? иногда и не въ силахъ одолѣть чувства страха.

Въ этотъ вечеръ, она была, противъ обыкновенія, встревожена, раздражена, взволнована. Она встала, подбѣжала къ сыну и привалила его къ лону, сирашывая лихорадочнымъ голосомъ: — Ты не боленъ? ты ничего не чувствуешь? — Робертъ былъ румяный и свѣжій, какъ букетъ цвѣтовъ, ожаженный майскою росою. Погода хиурилась; яркая молнія боредела небо. Я приписала раздраженіе графини вліанію агнессы, и усномонла тѣмъ. Когда я напомнилъ Гастону, что завтра мы должны отпавиться на охоту со многими нашими общими пріятелями, графиня побѣдила и умоляла мужа остаться дома. Такая просьба не была для меня новостью. Огнестрѣльное оружіе всегда внушало этой молодой женщинѣ нездоровый трепетъ, и сердце ея сжималось всякій разъ, когда мужъ бралъ ружье. Теперь она уговаривала его съ особенною настойчивостію. Существо вѣжное, слабое, она содрогалась отъ предчувствія ужаснаго несчастія. Гастонъ посмѣялся сначала страху жены, но потомъ уступилъ, а для совершеннаго ея усномонія далъ слово, что отнынь не будетъ болѣе охотиться. Графиня бросилась къ нему на шею, поблагодарила его съ чувствомъ, и была весела во весь остальной вечеръ.

II.

Дѣйствительно, на другой день, Гастонъ не явился въ условленное мѣсто. Охота была удачна и кончилась благополучно. Мы уговорились отобѣдать у меня. Въ то время, когда мы саживались за столъ, вошелъ графъ, держа за руку своего маленькаго сына, котораго любилъ вездѣ водить съ собою. Оливье привалилъ со всѣми почестями, подобающими его возрасту, его извѣстности и потинно-поразительной красотѣ. Съ граціей, съ извѣстностию аристократическихъ манеръ, онъ оседливалъ едлу и прѣвность здоровькѣ дѣтей, растущихъ на деревенскомъ воздухѣ. Всѣ на-перерывъ ласкали его, осмаривали другъ у друга его щеку. Молодая графиня нарядила своего малютку съ такою комеланостію, тайна которой извѣстна одишь матерямъ. Я и теперь вижу его бѣлокурые волосы, обнаженными частями его шею, его бѣлосвѣжую шею, и его большіе глаза, какъ-будто вырѣзанные изъ яркой лазури весенняго

леба. Оливье усѣлся между нами, и одушевлялъ своимъ присутствіемъ нашъ пиръ.

Послѣ обѣда, мы вышли на террасу, и, для забавы, стали стрѣлать стрижей, кружавшихся въ синемъ вечернемъ воздухѣ. Оливье молодецки хлопалъ въ ладоши при каждомъ выстрѣлѣ, и тотчасъ же бросался за птицею, которая, впрочемъ, никогда не падала. Стыдился нашей неловкости, Гастонъ до сихъ поръ бывшій зрителемъ, подошелъ ко мнѣ, и попросилъ у меня ружье. Я напомнилъ ему, шутя, обѣщанію, данное наканунѣ графинѣ; онъ отвѣчалъ, что ему позволено стрѣлать стрижей. — «Папа хочетъ стрѣлать! возвращай мамонку, гордый и радостный; папа убьетъ всѣхъ птичекъ». — Наступило глубокое молчаніе. Гастонъ, наклонивъ ружье и придевши палецъ къ крючку ружейнаго замка, слѣдилъ за полетомъ стрижей и караулилъ удобной минуты. Мы съ своей стороны, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ, будто отдохавшіе зестрящими, смиренно ожидали урока. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ графа, стоялъ Оливье, неподвижный, блѣдный отъ волненія. Испуганные стрижи разлетѣлись. Наконецъ появилась одна изъ нихъ, и, описавъ нѣсколько ловкихъ кружковъ, остановилась на мгновеніе надъ нашими головами. Гастонъ слѣдившій за нимъ, внезапно поднялъ ружье: раздался выстрѣлъ, Оливье упалъ.

Что произошло въ первую минуту ужаса, не могу выразить тебѣ. Для такихъ ужасныхъ сценъ нѣтъ словъ. Младенецъ лежалъ на травѣ, съ прострѣленною и окровавленною грудью. Весь зарядъ попалъ ему въ сердце; жизнь не могла развиться ни скорѣе и страшнѣе. Гастонъ, съ подлешимною улыбкою на губахъ, съ бессмысленнымъ, блуждающимъ взглядомъ, блѣдный какъ смерть, между тѣмъ какъ по лицу его катился потъ, вырвался, словно дикій звѣрь, изъ рукъ своихъ друзей; которые бросились къ нему, чтобы удержать его отъ самоубійства. Это было не отчаяніе, но бѣшенство, безуміе. Я самъ потерялъ голову: нидался то въ одну, то въ другую сторону и чувствовалъ, какъ померкался мой разумъ. Наконецъ я поднялъ бездыханное тѣло младенца, который, всталось, схватилъ головку ко мнѣ на грудь; отнесъ его въ свою комнату и тихонько положилъ на кровать, какъ будто боясь разбудить за-

лютку. Когда я веротнулась къ Гастону, онъ уже лишился чувствъ, и мы, воспользовавшись обморокомъ, успѣли удалить несчастнаго отца отъ мѣста ужаснаго событія. Одинъ изъ нашихъ друзей увезъ его въ своей каретѣ за нѣсколько миль, и вмѣстѣ съ другими товарищами обѣщаль блюсти здоровье больного. На мою долю выпала обязанность самая тяжелая. Графиня, не видя возвращенія сына, могла прійти сама. Я призвала на помощь всѣ свои силы и весь разумъ, вооружилась мужествомъ и отправилась въ замокъ Вальгранъ.

Я вошла черезъ саловую калитку, и только въ концѣ аллеи, передъ безмолвнымъ жилищемъ, гдѣ все еще дышало миромъ и счастьемъ, поняла, зачѣмъ пришла. Я остановилась; ноги мои подгибались; я чувствовалъ замирание въ груди и сердцѣ. Вечеръ былъ прелестный. Тихій, свѣжій вѣтеръ колебалъ верхушки деревь. Графиня, спокойная и веселая, прогуливалась по дорожкѣ передъ крыльцомъ. Проходя мимо одного окна, она взглянула на часы въ гостиной, и, обращаясь къ одному изъ слугъ, сказала:

— Жермена, графъ забылъ вѣроятно: уже поздно, ступай въ Ольву; боюсь, чтобы онъ не простудился.

Въ эту минуту я желалъ, чтобы земля разверзлась подъ моими ногами, или небо обрушилось на мою голову. Я хотѣлъ бѣжать, бѣжать на-край свѣта. Обернувшись, графиня увидѣла меня и подошла ко мнѣ, улыбалась. Она не замѣтила моего искаженнаго лица и думала, конечно, что Ольга и Гастонъ явились вольно за мною. Я прямо подошелъ къ ней и взялъ ее за руку. Я молчалъ. Она взглянула на меня, выдрогнула и поблѣднѣла, какъ саванъ.

— Мой мужъ?... мой сынъ?... спросила графиня.

— Графиня, сказалъ я наконецъ, вчера вы были правы. Вы были счастливѣйшею изъ женщинъ... теперь вы самая несчастная.

Она повторила: — Мой мужъ?... мой сынъ?...

— Вашъ мужъ живъ, отвѣчалъ я.

— Сынъ мой умеръ! проговорила она.

Я не отвѣчалъ. Она вскрикнула и схватила меня за руку:

— Не уходите! Вы меня обманываете, вы лжете.... Этого

быть не может! Онъ ушибся, играл, пелъ и все... но онъ живъ.... Вы ждете!...

Я плакала безмолвно; наконецъ не выдержала и зарыдала.

— Такъ это правда! правда! закричала графиня, ударя себя въ лице и въ грудь... сыночекъ мой умеръ! у меня убилъ сына!... Ведите же меня къ нему, прибавила она рѣшительно, я хочу его видѣть.

Этого-то я и страшилась; пытался удержать ее, но она ушла кака меня съ сверхъестественною силою.

— Я хочу видѣть моего сына!... Кто запретилъ мнѣ видѣть его, сказала она повелительнымъ голосомъ.

— Графиня, возразилъ я съ настоячивостію, даже и въ эту настоящую минуту, возлѣ вашего супруга; къ нему должны вы идти прежде всего. Когда я оставилъ Гастона, онъ былъ уже болѣзнь. Если вы не вооружитесь мужествомъ—онъ умретъ. Вы одинѣ можете спасти его. Если хотите, чтобы онъ жилъ, не медлите. Вамъ нельзя терять ни минуты.

Графиня, какъ я предвидѣлъ, съ живостью ухватилась за мою руку, которая представилась ей отчаянію.

— Да, сказала она, да, вы правы... Но, Господи, что же случилось?

И, не спрашивая, отъ чего Гастонъ не при сыночекъ, продолжала увлекать меня къ садовой калиткѣ. Прейдя нѣсколько шаговъ, она зашаталась; я отнесъ ее въ карету, ожидавшую меня у въѣзда въ паркъ.

Было уже за полночь, когда мы пріѣхали въ замокъ В..., гдѣ находился Гастонъ. Графиня знала лишь часть истины: она думала, что сынъ ея убитъ, упавъ съ террасы, а воспламенялъ его мужество, говоря ей о мужѣ.

— Вы набожны, сказалъ я ей; вы тверже его. Васъ поддерживаетъ Богъ.

Я былъ убѣжденъ, что несчастные супруги могли быть спасены только однимъ другимъ; я надѣялся, что ихъ отчаяніе утихнетъ во взаимномъ сокрушеніи, въ обоюдномъ удивленіи; но ошибался. Когда карета остановилась, я бросился въ комнату, окна которой блестяли во мракѣ ночи. Я хотѣлъ приготовить Гастона къ принятію жены: отворилъ дверь и вошелъ. Но графиня, оставшаяся въ экипажѣ, незырѣла; она

представляла за мною, и вошла почти въ одно время. Гастонъ сѣлъ на диванъ, мрачный, съ открытымъ ртомъ, съ бессмысленными глазами. Онъ вскочилъ, посмотрѣлъ на жену, отступилъ на два шага, страшно закричалъ и повалился на полъ. Спустя нѣсколько часовъ, на солнечномъ восходѣ, карета привезла въ замокъ Вальгранъ Гастона, безъ чувствъ лежашаго возлѣ меня, и тѣло младенца, которое мать, полупомѣшанная, укачивала на своихъ колѣнахъ.

III.

Довольно ли ужасовъ, мой другъ? А я сказалъ еще не все. Гастонъ очнулся, но не пробудился его разумъ. Помѣшательство его было тѣмъ ужаснѣе, что присутствіе жены не только не усмиряло его, но приводило въ бѣшенство, что оно незаметно въ немъ совнѣнія дѣйствительности, и что память перестала сопряженіе умственныхъ способностей. Онъ воображалъ, что, за убійство сына, приговоренъ къ смерти, что усаждать бѣжалъ въ ту минуту, когда его вѣли на казнь, и что жена хочетъ отдать его въ руки правосудія. Довольно спокойный при мнѣ, онъ дико вскрикивалъ, лишь только показывалась графиня. Тихо приходила она къ нему, заливаясь слезами, умоляла его; тихо старалась успокоить его нѣжными словами; поразенный ужасомъ, онъ мятаясь за мебель, или, вырвавшись изъ рукъ, которыя его удерживали, убѣгалъ, блѣдный, трепещущій, на чордакъ, откуда я съ трудомъ сводилъ его въ пещеру. Сначала я думалъ, что помѣшательство графа временное; но оно усиливалось съ каждымъ днемъ. Кремъ меня, Гастонъ никого неодоускалъ къ себѣ; только мое лице не возбуждало въ немъ недоувѣрчивости. Графиня должна была рѣшиться встравомать большаго своимъ присутствіемъ; она вдругъ потеряла и мужа и сына. Если бы не было Бога, Утѣшителя урученннхъ, несчастныхъ, Бога Малосердаго, осушающаго наши слезы, спрашиваю, что осталось бы алонолучной супружъ и матеръ?

Тутъ я убѣдился, что могутъ сдѣлать вѣра и христіанское смиреніе. Въ жестокихъ переворотахъ жизни, умствование непомогаетъ насколько; одна религія научаетъ насъ страдать. Да и что значить свѣдѣ и искусство, не писаносылаемыя на насъ свыше? Дѣло

темперамента: дубь противится, а дерево ломается. Графиня смирилась и подирѣпляла себя молитвою на обломкахъ своего счастья. Въ минуты сильнѣйшаго отчаянiя, она непронизисла ни одного слова, похожего на ропоть. Она узнала, поняла истинную причину смерти Оливье, но затаяла ужасную тайну въ душѣ своей, и никогда не упоминала о томъ. Только по чувству безпредѣльнаго состраданiя къ мужу, по ея усугубленной нѣжности къ нему, по трогательному униженiю ея, если можно такъ выразиться, передъ несчастiемъ бѣднаго безумца, я видѣлъ, что все ей было извѣстно. Когда Гастонъ, подавленный усталостiю, засыпалъ, — она прокрадывалась въ его комнату, становилась на кодѣни у изголовья и начинала тихо говорить съ нимъ. Такъ въ безмолвiи ночи, она разсыпала сокровища любви и грусти, которыми была переполнена душа ея: ей казалось, что Гастонъ, пробудясь и возвративъ утраченный расудокъ, заключить ее въ свои объятiя, умытья и будетъ плакать вмѣстѣ съ нею. Тщетная надежда! Непонятельство вступало въ свои права, лишь только больной просыпался, и несчастная, будучи принуждена бѣжать, исчезала какъ скорбная тѣнь.

Надлежало принять рѣшительныя мѣры: Я пригласилъ доктора Фура, изъ Нанта. Ты знаешь его; знаешь, что самыя любовныя качества ума и сердца соединяются въ этомъ претномъ старцѣ, съ основательнѣйшими познанiями. Онъ умѣетъ лечить не только недуги тѣлесные; но также и врачъ души, и я знаю не одну душу, обязанную ему своимъ здоревенiемъ. Графиня Вальгранъ питала къ нему безусловную довѣренность, чего онъ вполне заслуживалъ. Послѣ нѣсколькихъ дней наблюдений и размышленiй, докторъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— Недумаю, чтобы мозгъ несчастнаго молодого человека оправился когда-нибудь отъ жестокаго удара. Одинъ Богъ можетъ воскресить больнаго: наука безсильна: Безумiе, которое опирается на расудокъ, почти всегда неизлечимо. Такое помѣшательство можно сравнить съ заблужденiемъ, истекшимъ изъ истины; что за дѣло до нелѣпности заключенiя, если первыя посылки вѣрны: онъ поддерживаетъ его и служитъ ему какъ бы неодолимый оплотомъ. Однако мы все должны испытать для излеченiя, хотя бы и невозможнаго: Грасу-нашней

оставаться здѣсь. Присутствіе супруги, зрѣлище мѣсть, которыя такъ долго были свидѣтелями его счастья, дають пищу помѣшательству, раздражаютъ его. Его надобно удалить отсюда. Какъ скоро онъ почувствуетъ, что находится въ безопасности отъ мнимыхъ преслѣдованій, умственное раздраженіе его утихнетъ. Я ручаюсь, что, по выѣздѣ больного изъ Франціи, помѣшательство его, теперь изступленное, приметъ характеръ совершенно спокойный, съ тѣмъ условіемъ впрочемъ; чтобы его не растревляли. Остальное предоставимъ времени; подобно лекарству прописываемъ мы за неизмѣнимъ другихъ.

Таково было мѣніе доктора; такъ думалъ и я. Графиня согласилась съ нами.

— Но, прибавила она со слезами, если больной страшится меня, то я не могу сопровождать его ... Кто же приметъ на себя эту обязанность?

— Я, графиня, — былъ мой отвѣтъ.

На другой день, въ ночь безлунную и беззвѣздную, почтовая карета стояла у вѣзда въ паркѣ. Я увелъ Гастона; онъ безъ сопротивленія слѣдовалъ за мною. Все благопріятствовало таинственному удаленію больного: ночь была темная; слуги спали; графиня, по видимому, ничего не знала о нашемъ отъѣздѣ. Добравшись до выхода, Гастонъ бросился въ карету. Я хотѣлъ поспѣшить за нимъ, когда увидѣлъ въ темнотѣ его несчастную супругу. Она схватила у меня руку, и, несмотря на мое сопротивленіе, поцѣловала ее. Спустя минуту, лошади мчались насъ.

IV.

Какое путешествіе, мой другъ! Постарайся составить себѣ о немъ понятіе. Путь нашъ лежалъ въ Италію. Слова доктора сбылись: едва мы переѣхали за границу, какъ изступленное помѣшательство Гастона утихло. Сказать правду, онъ былъ помѣшанъ на одномъ предметѣ, а обо всемъ другомъ разсуждалъ здраво; но стоило мнѣ произнести имя его жены, и разсудокъ его помрачался. Мы перекочевывали изъ города въ городъ; я, въ належахъ разсѣять больного; онъ, повсюду неразлучный со своею душевною скорбію потому, что если иногда безуміе его засыпало, то неумолимая память не давала ему покою. Такимъ

образомъ, куда бы ни обращался несчастный, взглядъ не находилъ оны утѣшенія. Между тѣмъ, я свято исполнялъ обязанности, данине мною, передъ отъѣздомъ, графинѣ и доктору. Я писалъ имъ, извѣщая о бо всемъ. И они отвѣчали мнѣ пристойно. Черезъ два мѣсяца послѣ нашего отъѣзда, я получилъ, въ Генуѣ, письмо отъ графини. Повѣривъ ли? письмо оканчивалось воплемъ надежды. Для меня, это извѣстіе было то же, что для потерпѣвшаго кораблекрушеніе неожиданнѣйшій парусъ, заблѣвшійся на горизонтѣ. Докторъ прибавилъ отъ себя нѣсколько строкъ, въ подтверженіе благодатной вѣсти, и просилъ тщательно скрывать ее отъ Гастона. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, я получилъ, во Флоренціи, вдругъ два письма, одно отъ графини, другое отъ доктора. Первое письмо было гимнъ благоговѣйной признательности; я прочиталъ его на колѣняхъ и оросилъ слезами. Второе заключало въ себѣ наставленіе мнѣ на будущее время. «Отчаяннаго нѣтъ ничего, все можетъ уладиться, прибавлялъ старшій врачъ, показавъ мнѣ цѣль, къ которой надлежало стремиться; не забывайте только, что графъ не долженъ знать ничего, и что успѣхъ дѣла зависитъ отъ вашей скромности.»

Прошли мѣсяцы, годы, безъ малѣйшей переменъ въ состояніи нашего бѣднаго друга. Мы объѣхали почти всю Европу, побывали на Востокѣ; безуміе повсюду слѣдовало за Гастономъ, до подошвы горы Олимпъ, до береговъ Мертваго-Моря; онъ вездѣ видѣлъ тайныхъ друзей своей жены. Лишь только раскидывали палатку, какъ надо было снова сниматься.

— Помилуй, спрашивалъ я иногда у Гастона, какъ можешь ты воображать, чтобы твоя жена, кроткая, нѣжная, преданная до самоотверженія, желала твоей смерти, и преслѣдовала тебя съ такимъ ожесточеніемъ?

«Какъ я могу воображать! восклицалъ онъ; но въ своемъ ли ты умѣ, Маріо? Развѣ мать прощаетъ убійцу своего сына? Развѣ не я убилъ ея сына?..»

И онъ разражался порывами гнѣва, отчаянія, бѣшенства...

Я бы солгалъ, выставилъ бы себя лучше, нежели каковъ я на самомъ дѣлѣ, если бы сказалъ тебѣ, мой другъ, что никогда не взнемогалъ подлѣ бременемъ обязанности, которую возложилъ на себя. Бремя, повѣрь мнѣ, было тяжелое, и не разъ

я думалъ, что оно подавить меня. Самоотверженіе тѣхъ, которые ухаживали за прокаженными, кажется легкимъ и приятнымъ тому, кто жилъ въ сообществѣ помѣшаннаго. Бывали минуты, когда я спрашивалъ себя съ мучительнымъ безпокойствомъ, не помѣшадся ли я самъ, какъ то утверждалъ Гастонъ. Даже теперь я еще не вполне убѣжденъ, чтобы безуміе не превращалось, съ теченіемъ времени, въ болѣзнь заразительную.

Цѣлыя, получаемыя мною изъ отечества, поддерживали мою силу, возбуждали мое мужество. Письма добраго доктора дышали довѣренностію. Письма молодой графини, хотя все еще съ отбѣнкомъ грусти, уподоблялись тому грозовому небу, на которомъ солнце блещетъ сквозь облака: улыбка смѣшивалась въ нихъ со слезами, и простодушная радость высказывалась тамъ и здѣсь, подъ тоскою сожалѣнія. Прошло три года со времени нашего отъѣзда; еще годъ, и мы достигали предѣла несчастнаго испытанія; еще годъ, и, быть можетъ, Гастонъ ослепнетъ!

Последній годъ, хотя и не столь тревожный, какъ предшествующіе, былъ однако труденъ. Мы поселились въ одной небольшой деревнѣ, въ Германіи. Съ нѣкотораго времени, Гастонъ впалъ въ разслабленіе, не менѣе опасное припадкомъ бѣшенства. По цѣлымъ днямъ, по цѣлымъ недѣлямъ, онъ не произнесетъ ни слова. Когда я пытался исторгнуть его изъ оцѣмѣнія, онъ смотрѣлъ на меня потухшими глазами и улыбался безсмысленно. На всѣ мои слова, отвѣчалъ цинично: «Оливье умеръ, я убилъ его». Имя жены еще приводило его въ трепетъ, но какъ помѣшательство дѣйствовало теперь на изуродованную способность, то болѣной почти тотчасъ же впадалъ въ мрачную неподвижность. Ко всему равнодушный, онъ не зналъ и не старался узнать, куда я возилъ его: ему было вездѣ хорошо, лишь бы не быть во Франціи. Опасаясь худшихъ послѣдствій, я умолялъ доктора сократить столь продолжительное мученье; но неумолимый докторъ отвѣчалъ мнѣ: подождите!

V.

Наконецъ приближался великій день. Минуло четыре года,

какъ мы поиннули Францію. Однажды вечеромъ я сказалъ Гастону, что намъ надобно ѣхать.

— Зачѣмъ ѣхать? спросилъ онъ; намъ хорошо здѣсь, — оста-
немся.

— Нельзя, отвѣчалъ я: наше убѣжище открыто; я видѣлъ въ деревнѣ подозрительныхъ людей. Дѣло идетъ о твоей жи-
зни.

Удивительно! — несчастный дорожилъ жизнью. Богъ сіиому
безумію даруетъ встияктъ самосохраненія: Гастонъ всталъ и
послѣдовалъ за мною.

— Куда же ны теперь? спросилъ онъ меня, когда мы сѣли
въ карету.

— Въ Россію, отвѣчалъ я смѣло.

Онъ вздохнулъ, приложился головою къ подушкамъ и пе-
грузился въ обычное состояніе.

Почтовая карета мчалась, безъ остановки, три ночи и три
дня. Я замаска съѣстными припасами, чтобы не входить въ
гостиницы. Мы летѣли, какъ буря. Во весь путь Гастонъ не
предлагалъ мнѣ ни одного вопроса, даже не глядѣлъ на мѣ-
ста, черезъ которыя мы проѣзжали. Только одинъ разъ ска-
залъ онъ мнѣ: «холодно» и завернулся въ свой плащъ.

На четвертую ночь, въ сумрачную погоду, карета остано-
вилась передъ домомъ, въ которомъ нигдѣ не было видно свѣ-
та. Я пригласилъ Гастона выйти и повелъ его ошущую не-
длиннымъ корридорамъ. Когда я отворилъ дверь въ темную
комнату, онъ спросилъ:

— Гдѣ мы?

— Въ деревнѣ, подлѣ Москвою.

На вопросъ его, почему въ домѣ нѣтъ свѣта, я отвѣчалъ,
что, опасаясь преслѣдователей, я боялся возбудить подозрѣніе.
Довольный нонимъ отвѣтомъ и изнемогая отъ усталости, Гас-
тонъ легъ и вскорѣ заснулъ глубокимъ сномъ.

VI.

Давно уже разсвѣло, когда Гастонъ проснулся. Веселое осеннее
солнце врывалось въ его комнату полными лучами. Вѣтерокъ, на-
питанный запахомъ лѣсовъ, прокрадывался въ отворенное окно,
и доносилъ до больного благоуханныя испаренія, приятному и та-

неожиданному вліянню которыхъ подчинился онъ по какому-то безотчетному чувству. Глаза его, ослабленные яркимъ свѣтомъ, снова закрылись почти въ тоже мгновеніе; нѣсколько минутъ находился онъ въ томъ состояніи, которое нельзя назвать ни сномъ ни бдѣніемъ, ублаживаемыми нѣкогда привычными отголосками жизни. То были пѣсны настуковъ, веркванье двинуть голубей, отдаленный шумъ рѣчной плетины, ступи меланшица, и, гораздо ближе, веселые дѣтскіе крики, которые, будто радеть, взвивались въ звонкомъ и свѣжемъ утреннемъ воздухѣ. Весь этотъ шумъ, всѣ эти сельскія мелодіи смутно напоминали Гастону счастливіе дни молодости. Едва внятнымъ голосомъ произнесъ онъ имя сына и супруги, изъ глазъ его, наполнившихся слезами, выкатились, по спущеннымъ ресницамъ, слезы. Между тѣмъ тревожныя мысли, на минуту утихшія, снова забушевали въ его груди. Онъ вдругъ приподнялся на постели, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на окружавшую картину. Онъ былъ у себя дома, подъ кровлею предковъ, подъ тою кровлею, которая такъ долго пріосѣняла его счастье. Онъ узнавалъ послѣдовательно всѣ предметы: свои книги, свои картяны, свою мебель, свои обои, всѣ милыя бездѣлки, придающія жизнь мѣстамъ, нами населяемымъ. Онъ провелъ рукою по лбу, какъ человекъ, который спрашиваетъ себя, не нгрушка ли бнъ мечты: или она; но, обернувшись, увидѣлъ, у наголовья, свою жену и доктора, которые посматривали на него, улыбаясь.

— Ну, любезный мой графъ, сказала весело старикъ, оглядя насъ, намется, исправляется. А дѣло шло не на шутку, и мы, какъ Гезей, можемъ поквастаться, что видѣли враченье бѣрега.

— Ахъ, воскликнула графиня, вы, докторъ, спасли его!

— Я, графиня!... Извините, графъ самъ спасъ себя. Онъ не хотѣлъ умереть, и когда я подумалъ обо всѣхъ уважительныхъ причинахъ, по которымъ графъ долженъ любить жизнь, то нахожу, что мой большой поступилъ благоразумно.

— «Милый Гастонъ», продолжала графиня съ безпримѣрною любовью, какъ ты перепугалъ насъ, мой другъ! Въ бреду, ты насъ не узнавалъ меня... А теперь узнаешь, не правда ли? Ты даже не боишься меня? Это я, твоя жена, которая тебя любитъ, которая воскресла вмѣстѣ съ тобою....

— Однако посмотримъ, что говоритъ пуаэль, приближая докторъ, взявъ Гастона за руку.

«Что, докторъ? спросила молодая графиня.

— Пуаэль, графиня, утверждать смѣло, что меньше, нежели черезъ недѣлю, графъ будетъ на ногахъ, а покаместъ отъ ослѣпа подкрѣпиль бы себя бульономъ, поджареннымъ вашимъ бѣлымъ ручкою.

Въ эту минуту, вошелъ Жерменъ. Онъ приблизился къ постели своего барина и освѣдомился о его здоровьи, какъ будто видѣлъ графа наканунѣ. Гастонъ посматривалъ то на своего супругу, то на доктора. Ему казалось, что все это происходитъ во снѣ. Вдругъ онъ затрясся и сѣлъ на постель... онъ услышалъ дѣтскій голосокъ, лепетавшій подъ окномъ; графиня подошла къ окну, подняла стору и проговорила:

— Оливье, ступай сюда, поздоровайся съ цепенкой.

Отворилась дверь и въ комнату вбѣжалъ милосадный мальчикъ. Онъ вспрыгнулъ на постель, ухватился своими бѣлыми ручками за шею Гастона, и сказалъ:

— Здравствуй, папа....

Это былъ онъ, Оливье. Даже глазъ матери могъ бы обмануться. Да, это былъ тотъ самый Оливье, котораго мы видимъ въ тотъ роковой день, когда отецъ приводилъ его на мѣ. Тѣ же голубые и свѣтлые глаза, тотъ же свѣжій и улыбающійся ротикъ, тѣ же бѣлокурые и шелковистые волосы; возлѣ правой брови, то же родимое пятнышко, и, въ верхней части переносья, шелъ прозрачною кожей, та же голубая жила, шкоча на половину лазуреваго кольца. Неподвижный, видъ себя, не будучи въ состояннн произнести слова, Гастонъ пожимая мальчика глазами и дотрещивался до него жадными, трепещущими руками. Вдругъ, онъ раскрылъ нзъ, вбѣжавъ, разводилъ блузу ребенка, и, увидѣвъ бѣлую и гладкую, будто литье оловяной кости, грудь, на которой тѣтенька вскалъ свѣдѣть удара, по его мнѣнню смертельнаго, пораженный изумленіемъ, подавленнымъ столь сильными ощущеніями, упалъ безъ чувствъ, вмѣстѣ съ малюткою на рукахъ.

VII.

Когда Гастонъ пришелъ въ чувство, графиня и докторъ сидѣли у его изголовья; Оливье игралъ на постели, у ногъ его.

— О друзья мои, сказали наконецъ больные, что было со мной? что происходитъ вокругъ меня?

«Что было, мой любезный графъ? отвѣчалъ престарѣлый докторъ. Вы были очень больны. Болѣзнь ваша называется у нашей братии—врачей, воспаленіемъ мозговой оболочки, ни больше, ни меньше. Что происходитъ, сами видите. Съ адорацией возвратился къ вамъ разумокъ, а съ разумкомъ вы снова счастливы. Вотъ и все.

— Нина выздоровѣла, папа болѣе не болѣлъ... Какъ я радъ, говорилъ Оливье, разсматривая книжку съ картинками, которую Гастонъ привезъ некогда въ Нанта своему сестру.

«Воспаленіе мозговой оболочки!... повторилъ Гастонъ, какъ будто про себя.... Но, докторъ, стало я былъ помѣшанъ? прибавилъ онъ, устремивъ на старика тревожный взглядъ.

— Да, любезный графъ, говоря между нами, голова была у васъ не въ порядкѣ. Въ продолженіе шести недѣль вы, не оставляя постели, довольно постраниствовали съ вашимъ другомъ, Маріо.

«Шести недѣль! воскликнулъ Гастонъ. Мнѣ кажется, будто вѣки протекали съ того дня....

— Съ того дня, какъ ты заболѣлъ, докончила графиня. О, другъ мой, и для насъ эти шесть недѣль были вѣками тревогъ и печали.

«Шести недѣль! повторилъ Гастонъ.

— Полтора мѣсяца горячка съ бредомъ!.... Развѣ вы, графъ, недовольны? вскричалъ докторъ, смѣясь.

«Но какъ случилось все это? спросилъ Гастонъ съ первичнымъ любопытствомъ.

— Я припомню тебѣ, мой другъ, сказала мелодія графиня, продолжая вышивать узоръ, начатый за четыре года, и вслѣдствіи Гастону. Ты пошелъ обѣдать съ Оливье къ нашему любимому охотнику. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, погода предвѣщала грозу; ты уже страдалъ головою. После обѣда, который, говорятъ, былъ очень веселъ,...

«Черезъ-чуръ весель, замѣтилъ докторъ.

— Послѣ обѣда ты вышелъ на террасу, и тамъ твои друзья забавлялись сгнѣлкою въ лѣтчикѣхъ небесныхъ, Маріо удивляетъ, что лицо уже разгорѣлось у тебя.

«Графъ, прибавилъ докторъ, вынулъ, за десертомъ, лишнюю рюмку вуврейскаго.

— Не смотря на обѣщаніе, данное мнѣ наканунѣ, ты взялъ рюмку.... рюмку Маріо....

«Да, да, помню!... воскликнулъ Гастонъ, чувствующій пробужденію въ себѣ и разсудка и помѣнательства.... Я взялъ рюмку Маріо.... Оливье былъ въ двадцати шагахъ отъ меня, Я прицѣлился... раздался выстрѣлъ....

— И графъ упалъ, сказалъ докторъ хладнокровно; да, упалъ, будто пораженный ударомъ. И вотъ что значитъ выпить лишнюю рюмку вуврейскаго за десертомъ.

«И не послушаться жены, прибавила графиня. Вѣдь наказалъ тебя, мой другъ.

— А потомъ что случилось? спросилъ Гастонъ, отирая потъ, струившійся съ лица его.

«Что должно было случиться, замѣтилъ старый врачъ. Васъ принесли домой на носилкахъ. Посудите, каково было бѣдной графинѣ, которая опустила васъ здоровымъ и веселымъ. Спустя два часа, я сидѣлъ, какъ теперь, у вашего изголовья. Сказать откровенно, я не надѣялся спасти васъ. Развѣ вы не видите, мой молодой другъ, что значитъ вуврейское? Это воспаленіе мозговой оболочки въ бутылкѣ. На другой день, у васъ открылась горячка, обнаружилось самое страшное домыслительство, какое когда либо помрачало мозгъ любезнаго человѣка. Что за воображеніе! Что за необузданные порывы въ области фантазіи? Помните ли тѣ грезы, которыми вы подчлвкали насъ?

— О, ужасныя грезы, докторъ! вскричалъ Гастонъ, закрывъ лицо руками.

«Да, другъ, сказалъ докторъ; да, грезы ужасны.... Но взгляните на этого молодца, прибавилъ онъ, указывая на Оливье; похоже ли, чтобы весь ружейный зарядъ попалъ ему въ грудь? А ваша добрая, шальная супруга!... дождетесь еще развѣ

нибудь примѣта, что она хотѣла передать васъ въ руки правосудія?

— Лицо Гастона прояснилось мгновенно. Призраки, мучившіе его четыре года, разсѣялись, увеселъ съ собою и кровавое прищипываніе дѣлительности. Онъ заключилъ въ свои объятія жону и сына, орошалъ ихъ слезами, осыпалъ поцѣлуями.

— Я вошелъ въ эту минуу. Передъ тѣмъ я только что скошилъ свою густую бороду, которую отростилъ во время путешествія, и которая, еще накануне, придавала мнѣ видъ вѣдальнаго бандита. Нѣсколько взмаховъ бритвы помолодили меня четырьмя годами. Я былъ одѣтъ такъ же, какъ и въ тотъ день, когда Гастонъ обѣдалъ у меня. Увидѣвъ меня, онъ смутился; но я притворился, что ничего не замѣчаю, поздравилъ его съ выздоровленіемъ, и посмѣялся надъ нашими странствованіями, которыя такъ дешево стоили намъ.

— Привыкъ, прибавилъ я, — я полагаю, что голова у тебя крѣпче. Когда ты будешь обѣдать у меня, клянусь, крошѣ воды, ничего не подамъ тебѣ.

Фатимъ я расцѣловала Оливье, съ которыми подружился еще утромъ.

— Ты знаешь его? спросилъ Гастонъ у своего сына.

— Это добрый другъ напѣвныя, отвѣчалъ смѣло милый ребенокъ, не забывшій своего урока.

Такъ называлъ меня нѣкогда Оливье. Мать, которую въпрямь Гастонъ заставилъ задрогнуть, едва могла скрыть свои радости: она подбѣжала къ Оливье и поцѣловала его.

— Ну, возгласилъ докторъ, довольно ощущеній въ одинъ день! Графу нужно отдохнуть. Прошу покорно стретироваться и оставить моего больного въ покоѣ....

Мы вышли вмѣстѣ съ докторомъ.

— Спасенъ! онъ спасенъ!....

И мы обидлись со слезами.

— Маленька, спросила Оливье, дергая графиню за платье, такъ ли я говорилъ какъ надо?

— Такъ, такъ, мое милое, потерянное и найденное сокровище; такъ, ангелъ отлетѣвшій и возвращенный мнѣ Богомъ? воскликнула графиня, приподнимъ малютку на руки.

VIII.

Гастонъ былъ дѣйствительно спасенъ. Спусти мѣсяцъ, онъ вступилъ въ колею счастливой жизни. Всѣ, его окружавшіе, друзья, знакомые, слуги, участвовали въ наивной хитрости, которая возвратила разумъ несчастному. Поддерживая, продолжать его заблужденіе, было нашимъ востоявшимся стараніемъ, нашимъ единственнымъ помысломъ. Даже Оливье, благодаря бдительности матери, благодаря какому-то удивительному инстинкту, старался всѣми движеніями, всѣми жестами, всѣми звуками голоса, всѣми словами усыплять нѣжность взысканнаго. Четыре года сѣтованія и вдовство оставили глубокіе слѣды на лицѣ графини; но самъ Гастонъ приблизился до такой степени, что и не думалъ удивляться этому; при томъ, блѣдность молодой женщины, ея неблескія черты, ея глаза, спаленныя слезами, объяснялись безсонными ночами, которыя она должна была проводить у изголовья своего мужа.

Но по мѣрѣ того, какъ въ Гастонѣ воскресали силы и: здоровье молодости, тайная тоска не давала ему покоя. Неопредѣленное чувство дѣйствительности, преслѣдующее жеромъ грезъ, уже начинало прокрадываться подъ обаяніе, которому онъ предавался. Не смотря на нашу заботливость, внезапный проблескъ озарялъ мракъ пропасти, въ которой улеглись четыре года ужаса и отчаянія: склонясь надъ бездною, Гастонъ устремлялъ туда устрешенный взглядъ, и спрашивалъ себя, точно ли горячка и бредъ породили тѣ чудовища, которыя гнѣздились тамъ.

Давно изъявлялъ Гастонъ желаніе навѣстить меня. Мы, под разными предлогами, удерживали его. Однажды утромъ, онъ вышелъ одинъ и направился къ моему небольшому помѣстью. Войдя на террасу, онъ остановился на роковомъ мѣстѣ и не пошелъ далѣе.

Съ этого дня его расположеніе духа, недавно спокойное и веселое, стало неровнымъ и почти шорливостымъ. Съ нимъ случались припадки мрачной меланхоли, которой ничто не могло разсѣять, и въ эти минуты его раздражало присутствіе Оливье. Иногда онъ недовѣрчиво поглядывалъ на ребенка; иногда любовался имъ въ упоеніи счастія; но, въ этотъ же

меньше счастья, проявлялась для тѣхъ, которые были его свидѣтелями, грустная сторона, почти столько же тяжкая, какъ и безуміе. Мы страшились ясновидѣнія Гастона и страдали отъ его заблужденія. Мы чувствовали, что исцѣленіе его только тогда будетъ совершеннымъ, когда онъ выдержитъ рожовой пребожстѣ истины; но докторъ полагалъ, что надобно подождать. Да и какая рука дерзнула бы сорвать повязку съ глазъ несчастнаго отца?

Наконецъ Гастонъ замѣтилъ, что жена его уходила всякій вечеръ, иногда одна, чаще съ Оливье, не сказавъ куда.

Однажды вечеромъ, лишь только мать и сынъ вышли, Гастонъ рѣшился слѣдовать за ними издали. Послѣ часа ходьбы, на окраинѣ холма, онъ потерялъ ихъ изъ виду на поворотѣ тропинки, и, даже взойдя на пригорокъ, тщетно искалъ ихъ глазами. Рѣшившись ждать, онъ сѣлъ у невысокой стѣны, увитой плющемъ и поросшей мохомъ; но черезъ нѣсколько минутъ замѣтилъ, что эта стѣна служила оградой сельскому кладбищу. Онъ вошелъ за ограду, и, подвигаясь медленно, рассматривалъ скромныя могилы, почти всѣ утопавшія въ зелени и цвѣтахъ. Онъ уже хотѣлъ вернуться, какъ вдругъ, на углу кладбища, увидѣлъ, полузакрытую кустами ковшею жимолости и розъ, мраморную доску, осѣненную крестомъ, на которомъ, въ эту минуту, играли послѣдніе лучи солнца. Онъ приблизился и прочелъ слѣдующую надпись:

Оливье де Вальгранъ,
скончавшійся
2 сентября 1840 года,
трехъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ
отъ рожденія.

Милосъ за твоего родителя, о мое милосъ дитя!

IX.

- Гастонъ молчалъ все.

Онъ упалъ на колѣни и долго лежалъ, припавъ головою къ могилѣ.

Когда онъ поднялъ голову, жена и сынъ стояли передъ нимъ, будто два ангела-хранителя.

— Богъ возвратилъ намъ его, мой другъ, сказала преемница, устремляя Оливье въ объятія отца.

— Богъ милосердъ, оживилъ Гастонъ и прижалъ сына къ своему сердцу.

Теперь, прибавилъ Маріо, оканчивая своей престою разговоръ, Гастонъ питаетъ неноклебимую вѣру въ безпретѣльную благодать Провидѣнія.

ШВЕЦЫ.

Очеркъ.

Къ числу необходимыхъ промышленниковъ, составляющихъ насущную потребность въ крестьянской жизни, принадлежатъ едвали не болѣе всѣхъ *шведы*, которыхъ можно также обозначать именемъ *деревянныхъ* или, даже лучше, *русскихъ* *портняжъ*. Не вдаваясь слишкомъ далеко въ объясненіе причинъ, по которымъ бы можно было узнать всю степень важности и значенія этого ремесла, мы хотимъ представить простую и интересную картину его проявленія и предварить тѣмъ, кто не знаетъ подробностей быта простолюднана, что примѣтъ въ немъ ближнимъ слѣдствіемъ появленія шведовъ* бывають слѣдующія обстоятельства:

Рѣдкій мужичекъ не имѣетъ на дворѣ у себя пары двѣ и даже три барановъ и овецъ, составляющихъ предметъ почти почтительной любви и благорасположенія хозяекъ—бабъ, которыхъ называютъ этихъ животныхъ многими ласкательными именами, каковы напр. *бляшка*, *яловыцка* и даже *ляка*. Въ продолженіе долгаго дѣла, эти бляшки до того *закужляются*, что къ осени потребуютъ новой *спряжки*, какъ бы въ-замену

* Въ большей части Костромской губерніи, обязанность шведовъ исполняютъ жители одного изъ самыхъ промышленныхъ и шведолюбимыхъ ея уѣздовъ — Галицкаго, который сотнями высылаетъ плотниковъ, пильщиковъ, каменщиковъ и печниковъ въ Петербургъ и Москву и столько же разбрасываетъ промышленниковъ по своей губерніи въ видѣ *шведовъ* *портняжъ*, *шведовъ*, *шведовъ* съ мерзломъ и сухаремъ *рыбю*. — Надъ, этого уѣзда, къ концу осени, небольшія кучки шведовъ плетутся по проселкамъ и большимъ почтовымъ дорогамъ, иногда чрезвычайно отдаленныхъ уѣздовъ, *рыбю*, напр. сѣверный край Кологривскато, по рѣкѣ Межѣ и Унжѣ, *Волжскій*, *Макарьевскій*, иногда Солигаличскій, *Вудский* и *Чухломскій*.

шерстью, которая производится въ Валленомъ-лесту. Въ любой крестьянской избѣ, въ началѣ ноября или въ концѣ октября, непременно уже стирывается олдующая семейная картина; вой бабы, начиная съ большуки и оканчивая десятипятной дельсонской, сидятъ въ куму или заднемъ углѣ избы, подъ податками и держатъ на колѣняхъ мохнатого барана или овну-длеску. Ближе поминутно вздрагиваетъ и шалобно кричитъ подъ быльниши, особаго устройства, ножницами и кенъ бы ждотъ не дожждотся, когда кончатся эти невыносимыя пытка, хотя и приправляемая ласкательствами мучительницъ. А между-тѣмъ огромный фрезомъ постепенно наполняется этою пустою валлою, которая наконецъ кладется и въ лукошки, за помин-тѣмъ другой подобной посуды. Одновременно окончанію подобной операціи, являются въ деревняхъ мѣстные шерстобиты или соломотѣи. Эти промышленники сортируютъ шерсть на два отдѣла: та, которая по-длиннѣе и по-мягче назначается для каштановъ и струною соломотѣи превращается въ мочку. Остальная шерсть — густая и жесткая, преимущественно со спи-ны и боковъ животнаго, пойдетъ въ продажу и въ рукахъ ма-карлевскаго и холмогровскаго саллыщима превратится въ сапоги, которые нѣкой бережливый хозяинъ четыре зимы носитъ и не мнѣситъ, особенно, если догадается подсосюзить ихъ кожей. Первый, лучший сортъ шерсти, превращенной въ мочку, тотчасъ по уходѣ шерстобитовъ, вяжется бабами и пригото-вленныя нити употребляются или для бабыихъ чулковъ, или для верякокъ или же наконецъ на ткацкомъ станкѣ является су-жонъ-сѣрмагой для помесъ и каштановъ. Можетъ-быть, въ то-же самое время, какъ бабы исполняютъ свои обяванности, му-жикъ-большакъ съ сыновьями творить распорядокъ въ подде-лицѣ или гдѣ-нибудь на дворѣ и рѣжетъ яловницъ и барановъ, чтобы послѣ, снявши съ нихъ шкуру, вытѣть овчины для по-душуба или даме, пожалуй, и для тулуна. Устроивши такимъ образомъ дѣло, мужичиу оетается поджидать прихода шведовъ, которые не замедлятъ явиться въ деревнѣ, въ середнѣ или концѣ ноября.

Не трудно узнать догадливому взгляду то ремесло, которымъ занимается эти мужички-путники, только-что сейчасъ вы-шедши съ проселка на большую дорогу и потянувшіеся къ

видящейся вдали черной массой деревьев. Почти-что всеякія очитыя шубы туго на-туго подпоясаны красными или синими кушаками и надѣты на коротенькій полушубокъ. На спинѣ каждаго изъ нихъ крѣпко привязанъ небольшой кожаный мѣшокъ, укрѣпленный на груди крестъ на-крестъ выжженными ремнями. Внизу ремней, изъ-за кушака, торчатъ огромныя ножницы; по нимъ-то и по мѣшку наведи искумино, что путники идутъ совсѣмъ не въ Соловки или Питеръ: иначе мѣшокъ былъ бы побольше и не кожаный, да и сами его непременно были бы привязаны пары двѣ или три комки лаптей и, по-крайней-мѣрѣ, хоть одна пара сапогъ. У этихъ, напротивъ, даже вмѣсто толстой и суковатой кожжеванной палки видны въ рукахъ палочки дубовыя, коротенькія, но ирѣзканъ и четырехугольной формѣ которыхъ не трудно различить самодѣльный аршинъ. Почти всѣ они немного сутулы и ступаютъ неровнымъ шагомъ, а не съ переваломъ, какъ дѣлуютъ это плотники. Изъ-подъ теплой шапки, опущенной у нѣкихъ баранкомъ, а у другихъ и просто коначьимъ мѣшкомъ, смотрятъ насмѣшливыя глаза и открытая физиономія, не совы, какъ у каменщика и печника, а такая же смѣлая, какъ и у знаго ярославца — итербургскаго лавочника. Впереди этой толпы идетъ парнишко-ученикъ, который отъ снуки гонитъ покомъ лаптишекъ валяшіеся на дорогѣ комки.

Въ полуверстѣ отъ путниковъ показались черныя кѣтуки-бани, предвозвѣстницы начинающагося жилья. Всѣ они, по обыкновенію, обсыпаны большими кучами льняныхъ сѣрпысь, — слѣдовъ недавней бабьей работы. Утро только-что встало: въ деревнѣ все тихо, и только скрипъ колодца, да далекое мычанье коровы попеременно нарушаютъ тишину. Изъ деревенныхъ трубъ показался черный дымъ и прямые столбы встали къ далекому небу.

— Вонъ онъ, — Починокъ-то!.. Давно ужъ мы тутъ ищемъ, а все тебя, молодца, ищемъ; принимай добрыхъ людей, да давай имъ работу—во льготу!... заговорилъ одинъ изъ шенцовъ, слегка улыбувшись и переглянувшись съ товарищами.

— Тереха не утерпѣлъ; съ поваранку началъ беледрисы подводить. Что-то будетъ, какъ на работу-то нарвется? — всѣхъ напогвѣшитъ; — замѣтилъ другой швецъ обстряку, вски-

презрительному лицу во всякой шведской компании. — Говорилъ бы ты дѣло-то: путное что-нибудь, — какъ дѣла поведемъ, вотъ теперь въ чемъ главная причина.

— Какъ поведемъ? вѣстимо, какъ поведемъ; нечего тутъ и раздумывать, коли въ деревнѣ весь народъ, почтиай, на званьи. И то молвить не одни, чай, лаптишки, ходючи сюда. Важную зиму, поизмыгали. Вонъ дядя Степанъ сѣдныи понабралъ, а все, смотри, сюда же лезеть. Такъ ли, дядя Степанъ, а баю?

— Такъ, такъ Тереха; нѣча грѣха тавтъ: скоро двадцать змигъ минеть, какъ въ Починкѣ работу беру.

— Да что тутъ толковать, толкнемся къ соцкому Минитѣ и дѣло въ шляпѣ, поди всѣхъ барановъ перерѣзалъ, да и ошачь-то ужъ давно востригъ. Эй, вы, люди добрые, нѣтъ ли шмиса? выходи сюда, кто тамъ шмисъ-то остался, не всѣ, чай, комерли, — говорилъ Тереха, уже подъ волоховымъ ономъ избы соцкаго, раза три постукавъ своимъ деревяннымъ аршиномъ въ доску-подокошницу.

Черезъ четверть часа высунулось бабье лице, запачканное мукою и, всмотрѣвшись въ путниковъ, улыбнулось.

— Ай, редимые: Тереха, Степанъ, Петруха, Ванюшка!.. войдите ребята въ избу, на дворѣ студено что-то стало. Какъ жалете-можете? — спросила хозяйка, когда шведы, помелавшись образамъ, сѣли на лавку.

— Твоими молитвами, ничего... живемъ по-маленьку: ни шатко, ни валко, ни на сторону. Гдѣ-жъ у тебя большакъ-то?

— Да еще третѣводни уѣхалъ къ барину въ городъ, осю-морю, еще не бывалъ, балъ, что долго не будетъ мѣшкать. А мезодацы-то въ баню ушли — лезъ треплютъ. Большакъ-ребятъ въ Петеръ опустивли. Гришу въ плотники, а Иванъ, знамо, въ печники спарядился.

— Нѣшто ты, тетя Матрена, Ванюху-то оженила? Кажись у тебя только одна невѣстка и была Аграфена.

— Какъ же, кормилецъ, и Иванушку женили, около Лукерьи женили. Хорошая дѣвка попалась и къ работѣ пріобычна и дѣла сполняетъ куды баско. Да и то молвить, изъ хорошаго дому вѣдь пошла: — потрусовскаго старосты Деметья дочка.

— А принесла ты вещь работы, тетка Матрона? — спрашивал, пойдя, теперь и молодцамъ полушубки надо снрядить. А ны, признаться, на васъ только и надежду полагаю.

Пока тетка Матрона ходила въ голбець*, извоны устья разболочились и развязать свои мѣшки. Вскорѣ потесенно оды за другамъ показавось изъ этихъ мѣшковъ: утюги, наперки, кусочки свяго воску, обглоданный мѣлъ, наколонецъ сушеный цилиндрикъ самодѣльной работы, назначенный для будагона, а игольникъ съ большими и маленькими иглами. Остались въ мѣшкѣ, можетъ-быть, только нижнее бѣлье, праздничный чистый платокъ на шею, да новыя шерстяныя ошкѣ порцалы. Хозяйка принесла сырыя овчины, извинилась, что не успѣла просушить ихъ за отсутствіемъ большака.

— Чего-жъ у тебя молодуха-то смотритъ? — знамо, гдѣ теплѣ старымъ костюмъ съ этими дѣломъ вожаться, поди ужъ ладшны цюлкають. Ну да ладно, — речъ топлева, а дѣла же не кутрое, — снрядить сами...

И Тереха съ ученикомъ-парнишкой злился просушкою овчины: оны развѣсилъ ихъ на шестѣ передъ печкой, и фелелью рѣзъ снималъ, чтобы вытягивать руками, а въ нѣкоторыя мѣстахъ, для сравниванія морщинъ, ухватывался даже зубами; потомъ опять вѣшалъ и пробовалъ иголкой въ тѣхъ мѣстахъ, которымъ казался ему просокнувшими. Кончивши это дѣло, оны наметалъ, намеленной ниткой, прошивокъ и началъ кроить, увѣренный, что просушенная овчина уже свободно будетъ пропускать толстую иглу и самыя руки его не будутъ потѣть, а следовательно и затруднять работу. Въ то же самое время и остальные шведы Степанъ и Петруха кроили сермягу, принесенную хозяйкою съ подволоки, гдѣ висѣла она для просушки сама. Обрѣзки отъ овчинъ и армяка, мальчишка-ученикъ не забиралъ въ то время съ полу и клалъ въ хозяйскія сумы. Это поступало уже, по общепринятому обычаю, въ собственность

* Голбець называютъ въ казѣ небольшой чуланъ, съ землянымъ поломъ, строящійся обыкновенно около печи, подъ полатами, сейчасъ вѣдьво при входѣ. Отсюда ведетъ ходъ и въ подпольцу. Въ голбцѣ ставится домашняя провизія, принесенная изъ погреба и назначаемая на завтрашнее потребленіе, и кладутся такія вещи, которыя должны быть всегда подъ рукою: топоръ, лапти, косарь, свитець, талки и проч. и проч.

шведовъ, вонъ между этими обрубками попадались и такіе кусочки, изъ шестерыхъ, шука, можно составить цѣлую спинну, а чего добраго и придѣлать рукава на руки любого швабны.

Принесенныя молодцы принесли всѣ какія привесены были вещи: нищи; оставалось только называть шить; не дѣле это не соскочилось, потому-что подошла пора обѣда. Швецы поодѣ брали все, что было на столѣ, на которомъ вскорѣ очутилась ограниченная чашка со щами. Старшая повѣстка поволела жуть, не ушла за хлѣбомъ за переборку; молодуха, не замѣтивъ этого, поволела въ другой разъ. Шутникъ Тереха, слѣдившій за ними, не утерпѣлъ и тутъ, чтобы не отстутить своему завѣтному шутку: пусть-де шескуются ребята. Онъ взялъ изъ соломинки цѣлую ложку соли и размѣшалъ ее въ чашкѣ уже въ то время, когда всѣ ушли за столъ.

— Чтой-то, молодецъ, ничто ты не видалъ, что я послѣдній заѣлъ молодуха.

— А я, признаться думалъ, что ужъ тутъ такой обычай заведенъ въ новомъ хозяйствѣ, чтобы всѣ солили, отвѣтилъ Тереха и самодовольно улыбнулся, замѣтивъ, что обѣ поодѣла хосини переглянулись.

— Всѣ то вы, кажись, ребята такіе сорванцы, прости мени Господи; вонъ хоть-бы зимусь и въ нашей деревнѣ: ниши не галлицкіе ребята были и Калиной еще и парня-то звали. Шилъ онъ у дяди Егора тулупъ, да и заставилъ его раздѣться всего. Ишь такъ-то, багеть, и мѣрку неловко снимать. Тотъ я легъ на столъ: больно, вишь, онъ простъ у насъ куды, простъ, Матвѣй-отъ, — и не въ-догадку ему, что Калина шутки шутить. Эвотъ и мурызны его вдоль спины-то, да такъ вѣдо больно, что Матвѣевы ребята *поволели* Калину, да и вонъ нечъ зобы.

— И не вѣто бываетъ, кормилка, коли хочешь знать; вѣдъ подаровъ и поговорка про нашего брата ходить: шведцы-портнер...

— Ну, ну, Тереха — видно мели Емеля — твоя недѣла; чѣмъ ужъ, братецъ ты мой, не всяко слово въ строку мети, нужно и разумъ знать, перебилъ остряка Стопанъ, все время наблюдавшій молчаніе. Видно, что онъ давно уже оставилъ шутки и идетъ дѣло серьезно.

— И, — дядя Петръ! — смалкивай, знай, нечетка, — гдѣ

рассягъ кудлю! — видишь видъ молодница не знаетъ, вѣтъ сего-часовъ-то нашлахъ. Вотъ хоть бы, примѣромъ, теремича, слыхала про Васю да Протаса? а нѣтъ, — такъ нишкните: Жили вышь ты, кормилка моя, два брата подгородные, теще шавцы, какъ бы и мы со Степаномъ; да и ввали-то нѣтъ по-прошению: сивой Власть, да гвѣдой Протась. Наклевалось имъ дѣланно, куды хорошо: у мужика богатаго, что денъги помолкомъ мететь и лопатой въ кузовья загребаетъ. И все бы хорошо, да педимечка махонькая состояла, — голова-то вышь была словно жбанъ вышней, — звонъ большой, а браги нѣту, — тоже, какъ бы вотъ и ты не рассказала, тоже смѣтка-то къ каблучкамъ, знать, принята была. Принималъ онъ этихъ молодцовъ шубу сивую себя, а овчинъ-то далъ чуть ли не на двѣ, Власть и Протась, надо вамъ молвить, знали хорошо, на какую онъ ногу хромаетъ и всю его придурь словно по писаному читал. Сговорились промежъ себя, да и задумали, въ доброй часъ сказать, въ худой промолчать, не путное дѣло. Э! думаютъ про себя, куда кривая не выведетъ, сегодня-де ухну, хоть удрѣ и будутъ бока пухнуть.

— Слушай, хозяйничъ, молвилъ Протась, какъ ты сивыишь, догонитъ Власть, коли завернусь въ эту шубу, да вбѣжишь по бѣгу, аль не догонитъ?

— Нѣтъ, догонитъ! — басть тотъ, а самъ ухмыляется, любя вышь на петѣху на такую.

— Ань не догонитъ, хозяйничъ; на что хошь на-споръ пойдю, не догонитъ.

— Цепребуи, брякнулъ тотъ съ-дуру, что съ дубу.

Завернулоя Протась, да дѣру задалъ такую, что любо, да два, — видно патки засверкали. А мужикъ-то стоитъ, равняя ротъ, да лобуется: вышь потѣха-то больно разбираться:

— Гляди-жо, гляди, ребята, чуть-чуть не догонитъ; вотъ какъ за лѣсъ забѣжитъ, — поравняются... и поймаешь, безарѣмѣнно поймаешь.

— Ишь тебѣ ласбо, Тереха, — замѣтила большуха: нѣшто христіанское дѣло затѣвали, — своего брата обидать?

— Да и то молвить, тетунка Матрена, была молодцу — не укора, а мало-ли непутныхъ-то дѣловъ на бѣломъ свѣтѣ; овѣтилъ Степанъ.

— У вашихъ ребятъ руки не болятъ!... Спасибо хозяйкамъ за хлѣбъ, за соль, да за щи съ квасомъ, а за кану-те вѣсенку свою, говорилъ Терехъ, молясь образамъ.

Когда убрано было все со стола, швецы снова сѣли за работу; бабы тоже поразобрали съ полокъ свои кепылы и свашно было въ избѣ, какъ зашумѣли на полу веретена, обвиваясь новыми нитками.

— Ты все какой деревни, молодецъ? начала мелодуха.

— Да ты у кого спрашиваешь-то? сказалъ Степанъ.

— Вѣстимо кто по-шустрѣй, да и по-зубастѣй всѣхъ?... объявила тетка Матрена.

— Я-то, откуда? да все откуда-жъ. Больно мелода, — много будешь знать, мало станешь спать. Скажи-ко маѣ лучше: аа: чѣмъ мужа-то въ Питеръ пустила? Неладное дѣло въ вашей сторонѣ ведется: дуракъ вашъ мужикъ, не тѣмъ будь помануть. Женится, да и лезетъ въ Питеръ, словно угорѣлый, какъ-будто мало народу-то тамъ и безъ нашего брата-маланан; сидѣлъ бы дома да журилъ жену.

— Ишь ты, какой сытъ, прости меня Господи, замѣтала мелодуха, видимо сочувствуя шутнику Терехъ. Я бы тебѣ косицы-то понырнула, коли - бъ была ожной у тебя; сталъ бы ты у меня по жердочкѣ ходить... Да молвышь ли ты, какъ зовутъ-то тебя?

— Меня-то? Терешой, Терешой, голубка востроглазая, и паронь-то я галицкой ѣршь, вонъ и Петруха тоже ѣршь. да и мы все тутъ, почитай, ѣрши.

— А родня вы промежъ собой?

— Да какъ родня? — когда моя бабушка родилась, вонъ Петрушкинъ дѣдушко онучки сушилъ. Кто у насъ не родня? Коли въ поѣзжанахъ былъ, такъ и свой, — вотъ какъ въ вашей сторонѣ ведется, да поди и въ вашей также?

— А ты нѣшто женатъ? продолжала востылячивая допрошница.

— Нѣтъ, еще. Вотъ ужъ коли домокъ путемъ заведу: а вѣдь въ нашемъ ремеслѣ изъ-за хлѣба на квасъ не заработаешь; а теперь все и хозяйство, что вотъ есть на себѣ; во дворѣ скотины — тараканъ да жуковница, а и мѣдной-то посуды всего одна жуковница.

— Въ такія-то бесѣды пролетѣло время до сумерекъ. Швацкы оставили работу; двое изъ нихъ Степанъ и Петруха лежали на лавкѣ, подложивъ полушубки подъ голову; старшая невестка занялась головою тещи, которая сначала, садясь ногой противъ окаянника, щурила глаза, а вскорѣ и сама въ изъясненіи Терени, въ это время, подобно къ младшей невесткѣ, которая вытирала горшокъ, и стала балагурить.

Изба приняла тетя тихій и спокойный видъ, который бываетъ въ самую золотую пору крестьянской жизни и который обозначается ивѣтнымъ названіемъ — сумерничанья. Тышина въ избѣ дошла до такой степени, что не только слышно мурлыканье когъ въ печуркѣ*, но даже какъ баранъ и овца жевали свою жвачку въ подполнцѣ. Это затишье внезапно нарушалось ни хрипѣніемъ большака, который былъ въ отсутствіи, ни визгомъ *монюшка* — неугомоннаго ребенка, котораго еще не было въ домѣ.

Когда уже довольно смерлось, — ономылся отъ забытаго Степанъ, растолкавъ Петруху, толкнувъ въ бокъ ученика и переспросилъ *сельму*. Старшая невестка принесла изъ голца* трепотій *осмильцъ*, значительно почернѣвшій отъ частаго употребленія и близости искръ и поставила его подлѣ лавки, изъявъ которой тотчасъ же вытащила лапашъ, жалтумъ до половинны водою. Ученикъ-парнишка изщепалъ цѣлое полѣно для лучины и выскѣкъ огня.

Опоя началась работа, приправляемая разсказами Терени. Началъ онъ съ шутокъ и долго болталъ мелодухѣ сказку *ореблаво быка*, да о томъ, что *ногъ осми да были баранъ, да овца; поставили они отокъ сѣнца, — не качать ли де сказку влать ее конца*. Но, видно, не найдя сочувствія къ нолобавнѣ разсказамъ, онъ началъ загадывать бабамъ загадки.

— Ну, Марья Семеновна, отгони загадку и не хитрую, а загади Тереха, обратившись къ младшей невесткѣ, слушай! Ни

* Не лишнее припомнить то, что на печь водеть съ полу лѣска, называемая общинъ именемъ *приступокъ*; между этими-то приступками и находятса *печурки*, небольшія, въ видѣ окошекъ, углубленія, куда вкладуся варяжка для просушки, оушки и проч. Здѣсь же обыкновенно *сидятъ* и кошки. Верхняя доска приступковъ, за которую *вѣшнѣ держатся* ручки, чтобы забраться на печь, называется *причеленка*.

иго, не таловъ, иванъ Ермаковъ; сѣвъ да поѣхали, сѣвны, правы иль осоны.

..Задумались бабы всѣ до одной; молодуха-бабо сунулась съ судорогомъ, да не туда пошла. Тереха улыбулся и пошегалъ голорой; что ни говорили бабы, все не то, даже Степанъ вралъ, лошадь-было спомаръ, да и ошь не пострашилъ. Неробрани; наконецъ все, что понадалось на глаза, но къ несчастію забылъ да агоршокъ-д испортил все дѣло.

— Ну еще, продолжалъ разговарившійся загадчикъ, две словы, два лежать, одинъ ходитъ, другой водитъ.

— Дверь! съ радости закричала большуха.

Тереха, между тѣмъ, подѣхалъ съ новыми загадками; и ошва началъ прежнее переглядываніе бабъ, пока наконецъ, чтобал, что называется позавить ихъ, не поведъ ошвою чик *Дшпера*, аш иштыкану. Ховайки въ одинъ гомосъ закричали: «заперстокъ» и даже дошло до того, что старшая невѣстка вынула изъ кармана, который привязанъ былъ у ней на челъ, съ подлѣ лѣваго боку, это орудіе и поназда его Терехѣ.

..Нерпомонный шуаникъ разсказалъ уже настоящую сказку; предсказъ бабъ, что это бывальщина и случилась ошь; кака по: несчастію. Какъ бы то ни была, но разсказанная сказка воодушевляла не только бабъ, но даже и остальныхъ шисционъ; и въ которыхъ каждый сказалъ бабамъ также но бывальщинѣ. Невѣстки только слушали, дивились диковинкамъ и искренно шдрныя разсказываемоу; одна только вещь — замѣтила, что шсва — ш быль, а сказка — лешъ; но тотчасъ же разсказала про лѣшую, которую сама знала, когда, еще бывшая молодой; хей; мьва бѣлае на рѣкѣ.

— Сидитъ водяница на колодѣ и такая-то большущая, да ражад, а волосицы, почитай, что на до нить стелются, а водаго, кормилицы вы мои, такъ и леть, такъ и леть съ молоденького, Водянула, а родители вы мои, и — обамѣва, а подмижки затрясла. Слышу, вотъ какъ хотъ я васъ теперь сѣвину: захлопала водяница въ ладоши, да совой и заухала. Какъ добѣжала до дому, кормилицы мои? — и не помню, словно кто пришибъ мнѣ память-то. Ужъ опосля мнѣ, какъ ошондлосъ, разсказывали, что сядшеница да призываетъ, такъ инда перепуталась я водяницы-то....

— Бываетъ, Матрона Селифонтьевна, бывають; вотъ видъ и недалеко ходишь: бродишь ину пору по лѣсу за грабани, али что.... ходишь, ходишь, а все въ одной березѣ приходишь. Приходишь: ну вотъ какъ вотъ я видишь и береза та и муравейникъ тутъ, около.... вонъ и налку еще бросилъ на муравейникъ—то, ну и та.... тово.... тутъ, поддержалъ старуку Степанъ. Да чево бабушка, вотъ у меня пара *домовинок* и дворъ стоитъ; пришелъ разъ, коло Покрова, сивко стоитъ, хотъ бы што.... а заврасал кобыла, что у благочинного купилъ, въ мылѣ. Въ мылѣ, слышь, Матрона Селифонтьевна, словно кто на ней цѣлую ночь ѣздилъ. Чте не говори, а *домовикъ* это ѣздитъ, *домовникъ* это и въ лѣсу тебя обходитъ..

— Охъ! что и баать, кормилецъ, кому какъ не сиу, *домовнику* зетому.... Я ужъ какъ изъ старомо дому перебиралъ, кирпичикъ изъ чела въ печи выломилъ, да въ конникъ* и положила, вотъ тебѣ грѣхъ молвить, — а не хочу и танъ, — положила. Ну.... и ничего, коровушка, благодаря Бога, живутъ, овечки тоже; вонъ и гайдуку, почитай, что кашиную нечъ гриву заплетають. Подбереть зѣдакъ знаешь кесичи и ренойничкомъ поивукасятъ; таково-то нидо любѣ, да прима.

Между-тѣмъ время, незаметно, подошло къ ужину и молодая хозяйка, вразрывши на столъ, пригласила швецовъ.

— Садись и ты, Терентій Иванычъ, поужинай чѣмъ Богъ послалъ, чай ужъ води попреглодался маленько.

— Да у насъ Марья Семеновна, коли приежятся свѣтлы, такъ не ужинають, отвѣчалъ Тереха, потягивался, а насильственная улыбка такъ и прыгаетъ по его рябому лицу.

— Чтой-то ты баешь, не ужинають? да какъ же ложатся-то?

— Какъ? а поѣдятъ маленько, — да мылкы и ложатся!...

Поработали швцы и послѣ ужина, вплоть до того времени, какъ завѣя вторые пѣтухи. Одинъ только Тереха, кончая

* Конникъ называется родъ ящика, устроеннаго подъ лавкой, въ ѣвонъ заднемъ углу. Ящикъ этотъ закрывается задвижкой, свободно двигающейся въ обѣ стороны. Въ конникъ, обыкновенно забирають, куръ *инко*; лѣтомъ сидятъ онѣ на дворѣ на *насыдалѣ*, устроенномъ изъ жердей гдѣ нибудь въ углу. Въ конникъ кладутъ также менты, топоры, но только въ другое отдѣленіе, отгороженное, отъ *мурнаго*, *домовинок*.

незамѣтно полушубокъ и намѣстивши еще рукава на хвостикъ, завалялся вмѣстѣ съ прочими на полати.

На другой день прѣдвѣлъ и самъ хозяинъ — сощій, въ то время, когда шведы спали ему два полушубка, два армяка, теплую шапку и цѣлую овчинную шубу. Хозяинъ прѣдвѣлялъ предвѣдную, прошелся раза два по избѣ, заставивъ бабъ поглядѣть ладно ли смѣто, не малъ ли воротникъ и не имѣтъ ли ему подъ мышками. Оставшись довольнымъ, онъ рассчиталъ шведовъ по заведеннымъ цѣнамъ: отсчиталъ два рубля за два полушубка, рубль двадцать копѣекъ за два армяка; семидесятъ копѣекъ за шубу и пятьдесятъ копѣекъ за новую теплую шапку.

— Слушай-но, Степанъ Михѣичъ, заговорилъ сощій, доставивъ изъ *стасецъ*, ** бутылъ водки и угощая шведовъ; давно меня задоръ пробиралъ спросить тебя: куды подвѣался иаринскій-то Матюха? еще такой цѣсни гораздѣй былъ пѣтъ, чѣт твой яну пору Терентій.

— Экъ! загубилъ онъ свою душу, какъ естъ загубилъ не за дѣлажу. И нѣтъ, чтобы завязать что-ли *хрушко* сталъ; еще это куды бы ни шло, а то какъ бы тебѣ мовантъ?... Задурилъ....

— Да чѣго задурилъ? перебилъ Терентій. Баквальство вини въ немъ завелось, хозяинъ; форсъ—оуъ этотъ проклятый его и подгуливалъ. На руку не чистъ больно сталъ!.... вотъ оно что!.... такъ мы его и не беремъ по этой причинѣ. Вини онъ накую *еднова* штуку удралъ у Игнатовскихъ. Надѣлъ тебѣ мовантъ, онъ шубежкой тогда поносился, а у и армячешко, презматься, съ плечъ ужъ полезъ; а все чикиремъ—то вотъ этимъ не въ нѣру потѣшался. Пошалъ онъ,

* Разумѣется ассигнаціями. За починку платять по 50 коп., за вставку двухъ новыхъ рукавовъ 10 коп., за шаровары 10 коп., за шубу маленькую 20 коп., съ мучеромъ, за баквальство, берутъ, за шаровары, рубль.

** *Стасецъ* или посудный ящикъ, небольшой, съ двумя полочками, существуетъ только у замѣточныхъ, которые держатъ и водку постоянно, и самоваръ и другую необходимую для чая принадлежность: чайникъ и чашки. Тутъ же лежатъ и ключи отъ ябаровъ и погреба. У бѣдныхъ крестьянъ ставецъ этотъ замѣняется простымъ *заласкомъ*, устраиваемымъ за переборкою, около печи; тогда здѣсь уже ставится какой дѣбулъ кисель, колебунки, сулой (аппетитная жидкость для приправы къ оваленому киселю), и проч.

внѣкъ, къ Мигнетовскимъ, думаетъ: наши ребята туда намъ не дѣла, коли что и сдѣлаю, — не увидятъ. Поизвѣдало; дѣла ему, примѣрно, работу; свалалъ себя нубу ночью, да и сѣкъ показалъ. Самъ еще намъ и дѣломъ-то звать показался; в сошла было съ рукъ. А вотъ на другомъ, такъ словно на мду обломился. И случилось—то это дѣло непутное тоже коло нашей деревни: купилъ, вишь, лопковскій мельникъ Дементій ячменю хорошаго, а Матюха на ту пору работалъ у него, да в заочевалъ, примѣрно. Встаетъ Дементій мельникъ по утру, да и спохватился ячменю-то; совался мужицъ туда и сюда: всъ закулки пенсинарилъ. Нѣтъ ячменю, словно помелою по вымѣлъ; пропалъ совсѣмъ и съ мѣшкомъ и съ порозочкой.

— Не видалъ, басть, Матюха, куда ячмень подѣвался?

А тотъ, словно правый, за работой сидитъ и затку еще в ту пору изергивалъ.

— Нѣтъ, Дементій Андреечъ, не видалъ; слышалъ, признался, въ просонкахъ, словно твой Жучко на него лаялъ, а не видалъ и грѣха де на душу брать не хочу, не видалъ. Ну заперся, слышь, заперся, словно.... и ни вѣсть что! Да ужъ по веснѣ узнали кто грѣху была причастенъ: самъ по Матюха и привезъ къ Дементію. А ячмень-отъ была во вѣннисконь, а вагорсконь, еще и у барына-то, у безвѣскаго купилъ. Пошла про Саву худая слава: мѣ его не беремъ, одному жолать — не повадно, да всѣ ужъ и знаютъ; а нѣтъ, такъ и ны подкузьминъ. Посовался Матюха туды да суды: видалъ дѣло — дрань, не выгораетъ; такъ онъ во веснѣ и свилуе, спорно темеръ по дну. Бають ребята, что въ Рыбное поглатуся въ бурлачину; ну ужъ тамъ, знамо, удокертъ — пародъ, вь кланди назаца зъ рать, заразъ ташнутъ.

Только что вышли швецы отъ соцкаго и показались, в полущубкахъ на распячку, среди улицы, почти надъ всѣмъ оконъ досельщались прищипанія. Между громкими бабын криками, особенно рѣче всѣмъ раздалася одной.

— Нишни-ко те, ребята, что и то солдатка-то болыо вѣ знаетъ? спросилъ Степанъ. Нѣшто много работы у тебя?

— Цоякъ * есть, полущубокъ, кормилицы....

* Женское верхнее платье въ видѣ полу-армяки, безъ рукавовъ, которое шьется всегда самими бабын, потому что работа чрезвычайна проста.

— Ишь вѣдь горлодериха эдакая! Бабыю работу называетъ— поньку шить; вѣшто у самой-то руки отвалились? Поди-ко, Терентій; учи ее, глупую, уму-разуму, да втемляй ей хо-рошенько, чтобъ вдругорядъ не навязывала бы чего не слѣдуетъ; спей ей полушубокъ-то да и приходи къ намъ, — распорядился старикъ Степанъ, видимо обвиненный и принявшій предложеніе шить поньку за насмѣшку.

Компанія швецовъ раздѣлилась; всѣ они разбрелись по разнымъ избамъ и въ одиночку; одинъ Степанъ вдвоемъ, съ ученикомъ. Тереха, между тѣмъ, явился къ солдаткѣ.

— Кошку бьютъ, невѣсткѣ намѣки даютъ; поньку-то ты шей сама: ваше это дѣло, бабье, а вотъ, коли полушубокъ есть, такъ стачаемъ. Давай, гдѣ онъ у тебя тутъ?

— Ишь вѣдь какъ ты разчуфырился, словно и невѣсть что обидное молвила; я и сама, коли хошь, такъ слачи дамъ.

— Слачи мнѣ твоей не надо, береги про себя; а мы не то, что съ бабой, и съ волкомъ справлялись! говорил Терентій уже не тѣмъ шутивымъ голосомъ, а такимъ, какой былъ бы даже въ-пору и самому старiku Степану.

— Знаешь ли ты, тетка, какъ я волка надулъ? продолжалъ онъ, садясь за работу. Шелъ, вишь, я по полю, отсѣда не видать, бѣжитъ сѣрый по лѣсу, да ухмыляется.

— Здравствуй, швецъ-молодецъ! дай я тебя съѣмъ!

— Дай, говорю, запрежь хвостъ тебѣ аршиномъ смѣряю. Взялъ я его хвостиче кужлавый, намоталъ крѣпко на руку, да и лудилъ я его аршиномъ по спицѣ, вѣда самому больно стало.

— А все мнѣ тебя, швецъ-молодецъ, съѣсть хочется. Цѣлый день, баесть, рыщу, животь подвело!

— Нѣтъ, говорю, моя кости неломки: зубы не возьмутъ. Поди, вонъ баранъ ходитъ по горамъ, авось можетъ послаще будеть.

— Просто вѣдь сѣрый-то, хоть бы вотъ и ты, тетка Лукерья. Такъ что ли тебя величаютъ? Да ты, смотри, не обидься!

— Меня-то? Офросинья меня зовутъ.

— Ну, вотъ, тетка Офросинья, у меня тоже бабушку звали Офросиньей, и сестра была Офросинья. Такъ объ чемъ, биншь, я тебѣ молвилъ?

— Баранъ тамъ, что ли по горамъ.

— Тамъ вотъ, видишь, пришелъ онъ къ барану и тоже исподпрашилъ, сѣрый шутъ. — «Вставай, баесть, баранъ, подъ гору, а я какъ-разъ тебѣ въ глотку вскочу.» Распятилъ сѣрый пасть, а баранъ какъ мурызнетъ его въ лобъ рогамъ, такъ что мой волкъ *смеремѣкосиши*. * Всѣ, слышь, зубы во рту вышибъ и ѣсть ужъ нечѣмъ стало. Опомнился сѣрый, да запоздалъ маленько: швецъ-то, поджавши ноги, строну строчилъ, а баранъ сѣно жевалъ въ подполщѣ.

— А вдругорядъ ты понекъ не сули!... Эдакъ и сараи ны нашему брату шить доведется, заключилъ свою рѣчь Терентій у новой хозяйки.

Такимъ образомъ, переходя изъ избы въ избу, изъ деревни въ деревню; сообщая, въ компаніи и въ одиночку, особакомъ, смотря по количеству наличной работы, шведцы проходили на чужой сторонѣ далеко за зимній Николу. Остаюся всего недѣля до Рождества Христова; лѣсное дѣло, нужно провести этотъ праздникъ въ кругу домашнихъ, по обычаю и по завѣтной мысли.

И вотъ шведцы уговорились сойтись въ первомъ питейномъ ближайшаго села, чтобы раздѣлить съобща и поровну свои заработанныя деньги и опять выѣсть держать путь на родину. Степанъ, какъ предводитель и самый старшій между товарищами, производилъ дѣлежъ; досталось каждому, выѣсть съ заработанными имъ самими деньгами, около пятнадцати рублей серебромъ: Степану немного побольше, потому, что онъ ходилъ съ ученикомъ.

Немедленно совершены были слитки или такъ-называемыя замой; товарищи поздравили другъ-друга съ прибылью. Ученику-парничку куплены были двѣ бутылки мѣду и пряники. Тѣмъ бы дѣло и кончилось, еслибъ Тереха не ухватился къ нимъ похмѣлемъ и не спросилъ себѣ кое-чего покрѣпче, и не въ посудинѣ-то побольше. Петруха въ отставкѣ и тоже съ спасибо угостилъ товарища. Черезъ полчаса Тереха уже стался въ присядку по уродливому поху *кабана* и *шквал*

* Въставъ выраженье, означившее: спускаю; мурызнуха — дѣлать больно.

пьяныя и нескладныя пѣсни. Собралась народу много, желая посмотреть, какъ-де шведы запоёй творять, пляшуть и пѣсни галицкія поютъ. Петруха достала у цѣловальника балабайку и тринкаль на ней для большаго задору Терехи. Дѣло кончилось тѣмъ, что мужики-зрители предъстались удаальствомъ галицкаго ерша и начали его подчивать. Богъ вѣсть, чтобы дальше было, еслибъ не стояла на сторожѣ бравская дружба и опытная старость въ лицѣ старика Степана. Онъ кое-какъ уговорилъ товарищей идти, послѣ многихъ ругательствъ Терехи и ушдрательствъ въ руками и ногами Петрухи. Степанъ хладнокровно перенесъ всѣ обиды, держась пословицы: пьяному море по кобна; не самъ говорить, а хмѣль за него распорядокъ творить.

— Что жъ ты не пилъ, дядя Степанъ? а вѣдь знатную дитку удрали! ннда мужики тутошныя потчивать начали,—говорилъ очнувшійся на другой день Тереха.

— Куды ужъ мнѣ съ своєю старостью, да съ немоготою тагадѣя за вами? Бывало, братъ, время, тягивалъ я куды *дѣско*; такъ что не то, чтобы тебя, а вотъ и Петруху бы *заидки* * дздя: штофъ *ошарашимъ*,—словно ни въ чѣмъ не бывалъ; еще досуху въ придачу попросишь.... только ухмыляешься, да пѣсенки попѣваешь. Нонѣ не то стало: хватишь стадашка три для куражу, да отъ холоду, ну.... и удовлетворенъ съ почтеніемъ. Вамъ, ребята, хорошо, пока вотъ молодухъ-то де заведи; тогда, вѣстимо, другую пѣсню затынешь.

Такъ совершаетъ шведъ свою нехитрую работу, перемѣжая ее прибаутками и присказками. Мужикъ любитъ его за такія олоуженія и не прочь, въ длинный и скучный зимній вечеръ, послушать его веселыхъ разсказовъ: на то и сказка придумана, чтобы добрыхъ людей потѣшать. Иной разъ и страшно дѣлается, и чуется привычному уху, какъ

По селамъ ткутъ,
По деревнямъ ткутъ.
Одна баба-яга
Костяная нога
Помеломъ нѣтеть

* Существо. имя отъ глагола завидовать,—нѣстное выраженіе.

Вдоль по улицѣ.
 Захотѣлось ей
 Все бѣ по Ванькинымъ
 Да по Машиннымъ,
 Все бѣ по косточкамъ
 По ребяческимъ
 Покататися
 Позавалатися.

И вспомнить, можетъ быть, мужичекъ то благодатное время, когда бабушка напѣвала ему своимъ дрожащимъ, старушечьимъ голосомъ ту же присказку. И головой она качаетъ и голосъ ея какъ-то страшень сталъ. Страшно сдѣлалось и ребенку: завернулся онъ въ бабушкину плахту, только видя его головѣнка: крѣпко бонтся ребенокъ буки. Смотрятъ его испуганные глазки на старуху; слезинки такъ и прыгаютъ по разгорѣвшимся щекамъ; долго глядѣлъ онъ на морщинистое лицо расквашены и вдругъ заплакалъ, да такъ громко заплакалъ, что самой бабушкѣ страшно стало.

Мало этихъ рассказовъ, — швецъ, за отсутствіемъ большака, наколетъ, пожалуй, и дровъ и воды натаскаетъ въ избу; самъ и лучины нащиплетъ. Хоть и поведетъ онъ на будущую зиму тѣ же обычныя прибаутки, какими тѣшилъ и за прошлый годъ, но вѣдь и то сказать, ну пору и старое годится, коли хорошо, да потѣшно. Такъ разсуждая, мужичекъ любитъ своихъ швецовъ-прибауточниковъ и всегда принимаетъ ихъ радушно и для угощенья ихъ ничѣмъ не скупится. Въ свою очередь, и деревенскіе ребята любятъ швецовъ и ни въ чемъ не отстаютъ отъ старшихъ: поить ихъ виномъ, уступаютъ первое мѣсто на *супрядкахъ**, подводив лишь только белендрасы, чтобы и имъ было любо, да и дѣвкамъ потѣшно.

Вотъ почему швецъ, хотя и шабашить въ субботу и ничего не работаетъ въ праздникъ, но за то всегда найдетъ въ праздникъ теплый уголь и горячіе щи въ любой деревенской избѣ. Впрочемъ, это и не такъ необходимо, потому-что холостые ребята утромъ добываютъ въ селѣ, а вечеромъ уже непременно до вторыхъ пѣтуховъ, сидятъ на *посѣдкахъ*. У же-

* Собранія дѣвушекъ осенью съ 1 ноября до 23 декабря, для пригото-
 ленія пряжи.

матого швецъ своею компаніа; онъ или въ избѣ на полатахъ или на крыльцѣ кабака *судачитъ* съ словоохотливыми мужичками о хозяйственныхъ дѣлахъ; каково-то Богъ дастъ на будущій годъ лѣто; будетъ ли урожай, да мало что-то снѣгу намала: не померала бы овинь.

Праздникъ Рождества швецъ уже непременно встрѣчаетъ заутреней въ сельской церкви своего прихода. И если итѣ, послѣ праздникова, работъ по сосѣдству, онъ, смотришь, коняется около дѣму: новыя драпки на крышу положить; дворъ швецъ выстелеть, если есть запасная солома; лаптишки точать, веревки вѣсть; себя и своихъ обшиваетъ, бабъ умурзуму учить, однимъ словомъ исполняетъ все, что требуется по хозяйству. Тамъ посмотришь весной: — онъ обновляетъ телегу, снаряжаетъ соху или косулю, *клететь* косы, закупаетъ серпы и незамѣтно входитъ въ сферу жизни семьянина-накаря. Чарикаетъ его лопатка по кось, гдѣ-нибудь на лугахъ; изогнулъ онъ свою спину на пашнѣ и подрѣзаетъ серпомъ высокую рожь и пшеницу. Наступитъ осень, — и повезъ швецъ-прибауточникъ дѣльнѣй ворохъ *сноповъ* на свою скрипячемъ *андрець* * въ овинь. На другой день онъ или стоитъ на *запашникахъ* ** и, высунувъ изъ *садила* *** голову, кладетъ снопы на *колосницы* ****, для просушки, или хлопаетъ

* *Андрецель*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Костромской губерніи, называется такая телега, которая устранивается во-первыхъ отъ него назадъ, такъ что безземля-валки, правая и лѣвая, лежатъ на землѣ; а во-вторыхъ она бываетъ двухъ-колесная (часто впрочемъ и четырехъ-колесная, но тогда она совершенно похеза на телегу). Все различіе въ томъ, что напередѣ и назадъ андрецъ ставится родъ лѣсенокъ, для удобнаго и большаго помѣщенія сноповъ; а потому и бона андрецъ гораздо выше тележныхъ.

** *Запашники* называются, въ овинѣ, доски или лавочки около стѣнъ, устранимыя для предосторожности отъ искръ, могущихъ зацѣпиться въ снопы. На запашникахъ обыкновенно остается много зерна, который и очищаются метелкой въ лукошки.

*** *Садило* — окно овина, въ которое принимаются снопы.

**** *Колосницами* называютъ бревна, не плотно положенныя вѣстоѣ, такъ что остаются свободныя промежутки для прохода живаго жару. На нихъ-то и кладутъ снопы для просушки. Колосницы эти раздѣляютъ овинь на двѣ части: для нижней или для дѣмы они служатъ какъ бы потолкомъ, а для верхней, гдѣ лежатъ снопы, — поломъ.

молотиломъ*, по высушеннымъ и разбрасываемъ по полю** колосьямъ. А можетъ быть всѣтъ оны, на своемъ любимомъ гнѣдкѣ, въ палоски*** уже обыкновенную и готовую пердлинку.****

Однимъ словомъ, весною, лѣтомъ и въ началѣ осени, швецъ ни въ чемъ не отстаётъ отъ любимаго своего сосѣда жулика — не швеца. Но лѣтъ только прооблететь весь листъ съ чернухи, что растетъ подъ самыми окнами его избы и ощутишь скворечникъ, что придѣлала бабуны — ребятишки, на лѣтнемъ шестѣ, подлѣ амбара, оны уже чувтъ близость любимой работы. Кончится въ хозяйствѣ канутиница*****, перебѣтаетъ собранный хлѣбъ, смотришь на дворъ подошибла уже и сосны Казанская: заволокло внесетъ всю улицу; валить вѣръ въ избу, лишь только отворить баба дверь или волоковое окно; а грачи и вороны такъ и гоншатъ, чтобы съѣсть поближе къ трубамъ, на крышѣ. Пришло время ребятамъ обновы шить въ праздникку, шубенку какую или армячишко, — чтобы и назву заручка была. И вотъ дня три или четыре ходитъ швецъ по сѣвдямъ до самой Казанской; а тамъ, смотришь, шедла ч-

* Молотило — вѣдъ известное орудіе для молотбы хлѣба, состоитъ изъ длинной палки или ручки, и собственно колотила или тѣлеса — большой въ аршинъ длиною палки, которая прирѣпляется къ ручкѣ ремнемъ и гвоздями.

** Токъ или ладова — гладкое мѣсто, на которое разбрасываютъ уже высушенные и освобожденные отъ земли снопы. Токъ звать притолывается сѣдл. образомъ: намечаютъ прямоугольный мѣсточекъ земли, который проходить косулей или сохой; дѣрѣзъ, оставшіеся швыкъ всей аериди, уносятъ; оставшіеся коренья вырѣзуютъ старой косой; котель, прѣготовленное тѣмъ же образомъ мѣсто, будущую ладову, осаживаютъ, т. е. убиваютъ огромной колотушкой, или, чаще всего, проѣзжаютъ, на лошади, огромнымъ цилиндромъ, камешнымъ и окованнымъ желѣзнымъ листомъ. Э тѣмъ абсолютно разъ поминаютъ и дѣло кончается: — остается обработать топоромъ края ладовы, называемые берегами.

*** Палосня — амбаръ, около овны, устраиваемый для выхлѣвты соломы.

**** Вымолотая мякина называется пердлинкой. Она чаще всѣмъ выдѣляется въ стога, которые служатъ притомъ для совъ и пугачей, а также и для мышей или полевоекъ.

***** Канутицею называется, какъ всякому известно, время рубки канусты, бывающее обыкновенно не позже 1-го октября.

рѣвъ дѣй или три онъ началъ приготовляться и къ дальней дороге.

Для за два хозяйка подготовитъ прежнихъ товарищей и значить имъ время зайти за нимъ. Съ вечера, накануне, хозяйка хозяйка приготовитъ пухляку; одешенку, какая понаберется по скорости, лепешку какую-нибудь съ тверогомъ, ящичь въ крутую. Сдѣлаетъ, на другой день, замоу съ ребятишками-спутниками и снова поплелась швецъ, но ухабистой дорогѣ, на знакомыя селенія: — шутки творить, работу спорить.

Вотъ вся не хитрая жизнь и работа галичскихъ шведовъ! Не прежде, чѣмъ сдѣлается онъ независимымъ человекомъ, ему предостанетъ еще много испытаній, начиная съ той поры, какъ онъ, парничкой, разстанется съ родной избой и тѣй, когда кончить ученье, т. е. сдѣлается рабочникомъ, — подмастерьемъ. Вотъ какъ обыкновенно дѣлается: это дѣло не въ силахъ отцу прокормить большую семью, или проще, — зашавлялся у разнаго мужичка парничко, ладу съ нимъ не стало. — а вѣдь надо сдѣлать изъ него путное дѣло. Выдѣрстетъ бабасемъ, ни семъ въ прокъ, да и себѣ только масть. Думаетъ, думаетъ отецъ и ума не приберетъ, — какъ бы извернуть съ блаженнымъ дѣтищемъ? Дажетъ на далаги: — сонъ не беретъ! — то и дѣло перевертывается съ боку на бокъ: — только далаги скрипятъ. На давку дѣ сядетъ, закусилъ ключокъ бороды и голову повѣсилъ, а самъ искоса поглядываетъ и на жену — большуху и на баловника — парничку, который вотъ только-что сейчасъ всѣхъ куръ, буракомъ съ бабками, перешугалъ изъ коника. Выбѣжали куры посередь избы и закудахтали, — такъ что насили сама уняла. Съли за ужинъ; ничего большакъ не ѣсть и, словно, не глядѣлъ бы ни на что. Легъ онъ спать, — опять таже дума лезетъ въ голову: въ Питеръ, въ Нижное, въ Москву пустить: — баловаться еще лучше станеть безъ родительскаго смотрѣнья; наконецъ кое-какъ рѣшилъ помѣстать балуна около своей деревни, держась по словицъ: дальше моря, — менше горя.

Всталъ большакъ цоутру, — ухмылдется, таже что и бабасемъ либо стало. Домало, домало вчера, — думаетъ она, — словно и ни вѣсть что приключилось. Бурей тажею смотреть, — ища и словечка боялась промолвить: задѣлать туза, другой

расть не сунулся. А самъ рѣшительно сѣлъ на расперятомъ мужа: надѣлъ онъ полубубокъ, платкомъ и кушакомъ туга да туга подвязался; надѣлъ на убо шавку-треуху, а самъ ужимается и хотъ бы словеско промолвилъ: беретъ нетерпежь бабу, и только бы только спросить, куда де собрался, — а бора, ляметь старьй, ни за что ланветъ. Пошелъ большакъ къ двори и только за скобку:...

— Облать ждите! таково-то громко промолвилъ, ища дуна въ патка залѣзла и повернулъ назада. Обогнулъ вомъ и бурмистринъ овинъ и земскаго клѣтъ назади оставилъ, и свою баню прошель. Ну, знамо, куда какъ не въ Дѣмнино!... рѣшила большуха, слѣдывшая за путешествіемъ мужа.

И дѣйствительно, — вотъ что случилось: пришелъ большакъ прямо въ шнечову избу, что хозяиномъ всегда ходитъ и ученность беретъ на выучку.

— А я къ тебѣ, дядя Степанъ.

— Милости просимъ! что тебѣ надѣть, дядя Митай?

— Не возмешь ли парнишку на выучку? Я бѣ Ванюшку свое: — во бы какъ радъ отпустить, — и дядя Митай показавъ рукою на сердце.

— Да ты какъ его хочешь пустить? — работника, самъ знаешь, я не держу: одинъ за всѣмъ смотрю; а въ ученъе, я ужъ взялъ, признательно, одного молодца. Самъ и упросилъ, самъ и выбралъ изъ всей деревни, — что ни на есть смирену. Вишь новѣ я не пойду далеко-то, — хочю коло своихъ походить.

— Яви милость, дядя Степанъ, — не откажи! уважь просьбу-то! Заставь со старухой вѣчно Бога молить. А ужъ въ другомъ-чомъ мы не постоимъ: что хошь возьми, только научи парнишку уму-разуму. Вѣстимо, какъ у васъ тамъ ведется, — по томъ и дадимъ.

— Да какъ у насъ ведется?... на сколько зимъ-то ты хочешь отдать?

— Твое дѣло, дядя Степанъ, твое дѣло; на сколько зимъ отдадимъ: во-какъ!... говоримъ обрадованный отецъ, а самъ-то ужимается. Подефилъ къ Степану и пока гладитъ, что у него нодь бокомъ мурьянелъ и шавку съ мѣста на мѣсто перева-каивать; словомъ, додурьилъ на радость Митай. Обѣ едомъ

только и толкъ, ведь — новымъ царщишку, а о зимакъ на то д
времь.

— Беремъ, разятнаго на три зимы, заговорилъ Степанъ, — да
волн тупъ молодакъ, да несдоре толку-то набирается, ну, — ч
нотъ зимъ живеть, Дольше и не держимъ, да и въ заводъ нѣту
этого. Одвѣать-то его, — самъ чтоли ставешь?

— Гдѣ самому? ты ужъ одѣны!

— Ну, а заручку? дашь что ли какую!

— Знамо дѣло, дядя Степанъ, масла дамъ, яницъ... коли ма-
дытъ, суненой черники, — всего, чего хощь, дамимъ.

— Яницъ-то не надобе, — своихъ много, а вотъ кабы меду
прислазь, — важно бы было!

— Ладно, ладно, — меду большущій буракъ... нитокъ,.. хол-
ста, води, хочешь?

— Не мѣшасть и это. Ну, а какъ науку кончить, — мнѣ зиму
долженъ олужить, безъ платежа, — на *свѣсобо*. Одеженьку, все
нѣтъ есть сошью, а ученье кончить: тулупъ бараній, шапку
доме отъ себя дамимъ. Ладно ли? а ладно, — такъ приводи
утрѣ Ванюшку и дѣло шито!

На томъ и порѣшили!

Привелъ Митяй домой, на радостяхъ, — словно сейчасъ
ожившася: в весело таково смотреть и за обѣдомъ съ ливкой
маверстакъ вчерашній ужинъ. Потомъ немного повозился на
дверь; разболосл, легъ на палаги, свѣсилъ съ бруса голову
и повелъ такія рѣчи:

— Спишь, Офимья, аль нѣту? да гдѣ Ванюшка-то?

— Нѣтъ, не силю, пахтанье пахтаю!

— *Шлакы* * считаю! вонъ вечеръ Грышка Базкинъ всего
облушилъ: два десятка *змѣды* ** выигралъ.

Отвѣчала два голоса на хозяйскій позывъ.

— Утрѣ въ ученье идешь! рѣшительнымъ голосомъ прохоло-
жалъ отецъ. Съ дѣмнскимъ Степаномъ сговорился на три,
либо на пять зимъ. Обѣщаль шубу сшить.... только меду бу-
ракъ попросилъ, да холста, да нитокъ пять *посомъ*. Шабантъ,

* Мѣстное названіе *бабокъ*, у которыхъ есть и другое имя *козоники*.

** Такъ называются три бабки *видотъ*; — не въ трехъ гнѣздъ составившася
конь; цѣна гнѣзду $\frac{1}{3}$ коп. ассигн.

Ванюшка, баловствамъ твоимъ непутнымъ: садись за иглу, авось толку-то побольше будетъ. Приготовь ему, matka, подушубокъ, портянки; лаптишки-то самъ пособири, кація тамъ есть у тебя, да еще что придется... Шлявовъ, смотри, не бери, путеглавый, иъвогда будетъ баловствомъ заниматься. Слыши...

На другой день мальчишка, со всѣми прибавленіями, былъ уже въ швецовой избѣ, хоть и не дальше пяти, семи верстъ отъ своей деревни. Вечеромъ, при огнѣ, онъ уже получилъ работу — задачу: наложить заплатку на старѣй козашей армякъ. Учитель усадилъ его на лавку, научилъ власть ноги и швецка—наладничкомъ, держать иглу и вошить нитку. Деломъ занялся парнишка съ непривычной работой, наконецъ одолелъ и отдалъ хозяину.

— Ишь ты какихъ косуль накrapалъ!... сказалъ тотъ отобрительнымъ видомъ и насмѣшливою улыбочкою, разсмотрѣвъ жуда какъ плохо заштокованную прорѣху. Ну да ладно, — в первыхъ порахъ и то печено, — коли есть иъчево; опосля свѣжешь, коли въ толкъ будешь брать, да слушаться. Бачотъ видъ старикки: тупо сковано, — не паточный, глупо рождено, — не учиншъ, а коли смѣтка есть — пойдеть дѣло въ конь: ниша работа не хитрая, — мало-мало всякая баба не умѣеть. Главы причина, — не балуйся, да не повѣсничай: запрещъ гозоритъ. Дештую работу сполнай безуарѣчно, какъ по швасиному; а и шабаншъ, что хошь дѣлай: только чтобъ миѣ не было тошно. Вотъ какъ по нашему! Ужъ я человекъ вотъ какой уродакъ: нишъ ко миѣ литье обычай, да потрафляй, — въ ченъ тебѣ потрафлять надать, — и жить въ миру будемъ, не обижду тебя и отцу твоему угодамъ. А коли супротивность какая выдетъ, да дѣло волкомъ въ лѣсъ глядѣть станеть, ну, ошано, пѣши и себя, да на свою спину; я тебѣ толкомъ запрещъ гозорю. Ешь у теца ире вашего брата штуна, не одного тебя въ люди выведла, — заключилъ наставникъ и показалъ ремennую платку. Платка эта составляетъ также необходимую принадлежность всякаго швецка, который имѣеть учениковъ. Онъ и носилъ ее всегда съ собою, въ завѣтной кожаной сумѣ. Устроится

* Или въ лодѣ; швецкое обыкновение удободать уладу старикъ работъ въ конь.

этого труда чрезвычайно оригинально: это длинный, тонкий ий комовой мѣшочекъ, туго набитый кудлою и валистый, на концѣ, довольно большаго кускомъ вату. Очевидную пользу он швецъ понимаетъ еще по тому обстоятельству, что иногда приходится ему сидѣть далеко за полночь, при сѣвнѣй работѣ. Ясно, что непривычный ученикъ задремлетъ или даже просто прикурнетъ подъ тѣломъ. Иглою въ бокъ или кудломъ не достанешь иной разъ, а пѣткой этой какъ разъ пробудишь.—Да и те сказать: пѣть—не муна, впередъ муна.

Сначала трудно бываетъ привыкать парнички къ новому житю въ чужомъ домѣ, да еще и въ ученикѣ. Это не то, что дома: здѣсь встанешь утромъ спозаранку въ такую пору, что дома и бабушка-то только-только встанетъ; умоешься, ноги дровъ намоешь, натаскай нѣтъ въ избу, если не успѣлъ сдѣлать съ вечера. Тамъ, немного погоди, за водой ступай на колодезь, что посередѣ улицы, да такой крутой, насилу раскатываешь; воду-то принеси въ избу; глядишь баба заломается и тебѣ велеть вытѣчь, печку выгрести, овецъ загнать въ *изгородь**, чтобы не бѣгали по двору; а *самы*-отъ коней велеть напоить: усѣйкай, знай, пошешелываться. Трудно парнички на первыхъ порахъ, если нѣтъ заручнаго: и радъ онъ, крѣпко радъ, когда подойдетъ суббота и побѣжить онъ въ свою деревню, чтобы «за всю прошлую недѣлю выспаться, въ бабки поиграть, да и колубунки домашнія какъ-то повкусить и слобить Строчковскихъ; а кажихъ нѣтъ такой бы и мужи-те сѣлчанъ, и овара не дрожжать, и масла нашего клалить».—Разумѣется, если у швеца дивизионовъ двое живутъ:—нѣтъ и работа не въ работу.—За родой попомощь, — въ сѣвнѣи прежде поиграють; овецъ загнать велеть: попробуютъ—не свезетъ ли какал; а лошадей пѣть и ждуть не дождутся. Прежде чѣмъ доведутъ ихъ до колоды, смотряны — скачутъ два базовивка рылкомъ на сыномъ; а сами смотреть не увидать бы хозяинъ. Замѣтилъ онъ,—на допросъ позоветъ, кто дѣлу зачинщикъ? поклепятъ ребята одинъ на другаго. Не удастся штука:—вздереть хозяинъ обонхъ, и тутъ

* *Изгородью* называютъ ту часть двора, которую отдѣляютъ деревянною рѣшеткой, а иногда и перегородкой нѣтъ досокъ. Сюда загоняютъ, т. е. запереть овецъ, коровъ, телятъ; сѣвнѣи иной разъ выдѣлывать, потому что двери не сложены, а рѣшетчаты.

ничего,—на людяхъ и смерти красна. НеЙдутъ въ сѣдцы, не смѣются оба, да еще и сюръ заводутъ в тѣнь; ного больше высвѣтъ, кому больше розогъ далъ; а цѣлѣй вѣнникъ испрѣшалъ, что лежалъ въ углу подлѣ кристушковъ.

Кончатся зима, а съ нею и швецовы работы,—ученикъ уходить домой на цѣлую весну и лѣто. Глядишь, а парнишко уже и *рубецъ** накладываетъ прямо; такъ приладить заплату, что и бабѣ *завидки* возьмутъ. Пошелъ парнишко, въ кучѣ собѣскихъ ребятъ и дѣвоцъ, за грибами и ягодами лѣтомъ, играть къ городку посередь деревенской улицы, или въ лавту, глинибудь на дугу. Осень придетъ:—топить онъ отцовскій овинъ и печеть въ *ямъ*** картофелшны; капусту рубить дома—ѣтъ не наѣтся сладкихъ кочерыжекъ, — живетъ даже вслучить. Да и то сказать, скоро опять въ чужіе люди придется идти: запасъ нехудое дѣло.

Черезъ три, четыре зимы ученикъ уже дѣлается настоящимъ швецомъ—работникомъ. Ничто уже не отобьется отъ его привычныхъ рукъ,—никая тамъ хитрая выкройка, хоть бы даже придумалъ ее и самъ заказчикъ. Иной задасть такую задачу, что и самъ—отъ въ толкъ не возьметъ: хочется итъ ему положить на карманъ красную кожу съ зубчиками, да такъ, чтобы было красиво и всякая бѣ дѣвка замѣтила. Разомъ смениеть молодець—работникъ: и тюленьимъ ремешкомъ обложить и пуговики красивенькія подобрать и петельки ровнѣшія сдѣлаетъ, — угождать во всемъ пріятелю; поневолѣ тотъ учиться догальнаго мастера въ нѣтейномъ. Иному барскому кучеру захочется, къ новой красной рубахѣ, сдѣлать широкія шаровары изъ влосу, да такіа широкія, что вотъ шелъ бы онъ, словно барка по Волгѣ на всѣхъ парусахъ. И тутъ швецъ не ударитъ въ грязь лицомъ и подведеть такую штуку, что дѣлую недѣлю барской кучеръ будетъ ходить по двору, да ухмы-

* На языкѣ швецовъ *рубецъ* означаетъ *шовъ*, равно какъ прошивомъ звать зашитки вѣломъ: *оторочить* — обшить; *подкодычатъ* — подшить что-нибудь жесткое и плотное, и проч.

** *Ямю*, какъ сказано, называется углубленіе, сдѣланное въ нижней части овина и достаточнo широкое для того, чтобы разложить картофель и просушить снопы.

латься: — пусть-де дѣвки страдаютъ не его удалству, да по-
тлякамъ *.

Первою мыслью молодого швеца, по окончаніи условнаго
срока ученія, — учредить свое мастерство и ходить особнякомъ
отъ хозяина; конечно, въ такомъ только случаѣ, если онъ не
обязанъ отслужить учителю *на спасибо*. Но вѣдь и этотъ же
срокъ имѣеть конецъ. Какъ бы то ни было, задуманное пред-
пріятіе на слѣдующую же осень приводится въ исполненіе; но
почтѣ всегда кончается неудачно. Поговорка ли, какую сами
же швецы про себя сочинили, да еще и хвастаются: что мы-де
швецы — нортные, воры вятные, день съ иглой, а ночь
съ *обротью* **, ищемъ поймать лошадь о трехъ ногахъ, а мо-
жетъ быть и такое разсужденіе хозяевъ: «что поди-де еще
къ новому-то молодцу привыкай, да на какого нарвешся, иной
только взбудоражить все въ домѣ: и невѣстокъ перессорить,
коли добро это заведется въ хозяйствѣ; а чего добраго и штуку
какую станеть: вѣдь есть же сорванцовъ-то на бѣломъ свѣтѣ,
въ душу не влѣзешь, чужая душа — потемки, а грѣхъ да бѣда
на комъ не живеть». Вслѣдствіе такого разсужденія, мужичекъ
кажъ-то тугъ и неповѣдливъ на пріемъ незнакомаго швеца и
любить держаться, *по знати*, за старыкъ:

Попробуетъ новичекъ, да на томъ и порѣшится, чтобъ ир-
кать на будущую зиму товарищей, — не возьмутъ. ам. съ собою.
Куда ближе обратиться, какъ не къ учителю: онъ познако-
мится, мужички поприглядятся, — а ужъ тамъ, коли Богъ по-
можетъ, можно и самому учениковъ понабрать и хозяйстве
по путному обставить.

И нигда, можно положительно сказать, вѣтъ такого единя
душія и товарищества, какъ въ шведовскихъ компаніяхъ; нигда
такъ не оправдывается и не приводится въ исполненіе заваж-
ная поговорка: одинъ и въ домѣ бѣдуетъ, а семеро и въ полѣ
воюютъ, какъ въ этомъ небольшемъ классѣ промышленниковъ.
Ходить они вѣстѣ; деньги дѣлать поровну, безобидно, такъ

* Престеперодное названіе *узватки*, по такой, которая исключительно
задумана съ цѣлю *побавалить* — покрасоваться.

** Или лучше *уздой*. Все ихъ различіе состоитъ въ томъ, что *узда* ре-
менная, а *обротъ* — конопляная или веревочная; по большей части онъ
служить *недоудкомъ*, т. е. *уздой безъ удилъ*.

что въ зиму достанется каждому иногда свыше пятидесяти руб. асс.; никогда не пользуются заслуженною славою хороших людей и мастеровъ, чтобы отбить у другой компаніи изъ работу: только выѣхавъ въ окно пары двѣ овчяныхъ ремешковъ,—и пройдутъ ребята мимо этой деревни въ свою, знаменную. Не спорить и о томъ, если перебить иной швецъ работу по сосѣдству, и засидеть тамъ, гдѣ другой сидѣлъ въ прошлую зиму: тутъ весь народъ знаетъ другъ друга и самъ извѣщать, если запоздалъ, прозѣвалъ урочное время, да и куда слава на твою честь легла. Въ этомъ обиходномъ братствѣ могутъ спорить со швецами одни, можетъ быть, земляки—плотники питерскіе; но объ этихъ рѣчь неслѣ.

С. МАКСИМОВЪ.

КВАРТИРНАЯ ХОЗЯЙКА НОВОГО ЧИТАТЕЛЯ.

(Очеркъ первый).

Анна Ивановна была вдова, но вдова такая, что заткнула-бы за поясъ любую красавицу. Въ настоящую минуту, больше чѣмъ когда-нибудь, я завидую тѣмъ даровитымъ писателямъ, которые съ такимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ умѣютъ описать созданный ими идеалъ красоты. Это тысячъ разъ ропщу на тебя, о, моя скромная и неповоротливая муза! Зачѣмъ не могу я съ достоюющею тщательностью представить здѣсь наружность прекрасной Анны Ивановны! Зачѣмъ нѣтъ въ перѣ моемъ достаточной болѣзненности для обстоятельнаго и вѣрнаго описанія глазъ, волосъ, рта и носа, похвощи, голоса и проч., всего, что было пафосно въ Аннѣ Ивановнѣ! Зачѣмъ не могу я чернилами превратить въ аркію краски!... Но, къ чему послужать вѣкъ мѣдѣ существованія—невозможное всегда останется невозможнымъ. Единственное средство помочь бѣдѣ—сгнѣдующее: Снисходительный читатель! старикъ или молодежь—все равно—замшируйся и воображай себя красавицу по своему вкусу; когда мысленному взору твоему представится прелестная женщина, то знай, что именно такова была Анна Ивановна. Очень хорошо. Теперь, безъ сомнѣнія, весьма естественнымъ покажется то обстоятельство, что у Анны Ивановны было много поклонниковъ. Анна Ивановна, надо отдать ей справед-

неодарность, мастерски дѣйствовала своимъ поблдоноснымъ оружіемъ. Никто, казалось, не сумѣлъ бы удачнѣе ея выбрать себѣ цѣнныя платья, шляпку, галстучекъ и другія вспомога-тельные средства, болѣе или менѣе увеличивающія природныя достоинства. Всякая квартирная хозяйка, конечно, старается употребить въ дѣло все, что только можетъ возвысить цѣну отдаваемой ею квартиры. Такъ: если судьба дала одной, на-примеръ, очень хорошіе глаза, то ужъ она такъ щедро стрѣ-даетъ имъ въ нанимающаго, что онъ поневолѣ прикинетъ лиш-нихъ рубля два, три серебромъ въ мѣсяцъ. Анну Ивановну, судьба наградила красотой, и, слѣдовательно, дѣла ея шли хо-рошо. Цѣны на ея комнаты стояли постоянно довольно высо-кія. Придетъ, бывало, нанимать квартиру какой-нибудь госпо-динъ (женщинъ сначала Анна Ивановна не пускала къ себѣ — почему: ато объяснится ниже), ну, такъ придетъ какой-ни-будь господинъ...

— Здѣсь отдается комната съ мебелью и прислугою?

— Здѣсь — говоритъ Анна Ивановна, выставляя свое очаровательное личико изъ-за плеча кухарки Дарьи, и ужъ при-шедшій нанимать квартиру, будь онъ величайшій изъ филосо-фовъ, часто перемѣняющихъ свое жительство, начинаетъ таять въ ущербъ своимъ собственнымъ выгодамъ. Если, положимъ, онъ до того благоразуменъ, что устоитъ противу искушенія и тутъ же не найметъ комнаты по-весьма дорогой цѣнѣ, то по-крайней-мѣрѣ, это ужъ непременно, онъ проговоритъ очень долго съ прекрасною хозяйкою и черезъ нѣсколько дней все-таки явится къ ней и останется побѣжденнымъ. Да иначе и быть не можетъ. Анна Ивановна очаруетъ хоть кого.

— Какую вамъ угодно комнату, большую или маленькую? спрашиваетъ она у вошедшаго, выстрѣливъ въ него нѣсколь-кими всеобъѣдающими взглядами. Нанимающій, застѣгнутый въ-распlochъ, растеряется, и не знаетъ, что ему отвѣчать этой удивительной квартирной хозяйкѣ. Онъ стоитъ, одурѣвъ, подъ выстрѣлами и не замѣчаетъ, что съ каждою минутою цѣна на квартиру подымается.

— Впрочемъ большую, — говоритъ Анна Ивановна: — по-жалуйте, я вамъ покажу!

Будущій жилецъ идетъ за хозяйкою; красота Анны Иванов-

ны сдѣлала на него впечатлѣніе. Смущеніе нанимающаго и цѣна на комнату увеличиваются.

— Вотъ для васъ очень хорошенькая комната, здѣсь два года жилъ у меня князь... прекрасный молодой человѣкъ. Тут привыкъ къ квартирѣ, что просто плакалъ, когда пришлось ему ѣхать отсюда — онъ получилъ наслѣдство. Да привязался, и мнѣ очень, очень жаль.

— Невинная, простая душа! думаетъ нанимающій, воспринимая на Анну Ивановну: — она не подозреваетъ, что этотъ князь не о квартирѣ плакалъ. О, скромность! ты всегдашняя скитница истинной красоты!...

— Нравится ли вамъ эта комната?... рядомъ, вотъ на-право, живетъ чиновникъ, а эта дверь ко мнѣ, т. е. запертая дверь, — прибавляетъ Анна Ивановна, потупляя свои бойкіе глаза.

— У меня всегда тихо: дѣвушка вычиститъ утромъ сапоги и платье, самоваръ подастъ, ну, тамъ, въ булочную можеть сходить... или, когда нужно, въ лавочку... лѣстница по вечерамъ освѣщена, квартира суха и тепла: я даже зимой отворю форточку...

Не скоро соберется плѣненный наниматель съ силами и спросить: а какъ цѣна?

— Эта комната ходила у меня всегда за двадцать - пять рублей, но вамъ я готова уступить за двадцать, если только вы намѣрены быть моимъ постояннымъ жильцомъ, я очень дорожу хорошими жильцами.

Не безпокойтесь: Анна Ивановна знаетъ, что въ каждомъ человѣкѣ гнѣздится большій или мѣньшій червячекъ сомнобія, котораго пошевелить ни въ какомъ случаѣ не лишнее. Если случалось, что нанимающій квартиру, не смотря на неотразимую прелесть хозяйки, не могъ заплатить двадцати рублей за большую комнату, въ которой жилъ князь, Анна Ивановна также любезно показывала ему крошечную комнатку, въ которой жилъ три года одинъ небогатый, но пренималый молодой человѣкъ — художникъ, женившійся въ послѣдствіи на дочери богатаго генерала.

— Вотъ вамъ маленькій покойчикъ; я отдамъ его за двадцать рублей и дѣлаю это только для васъ: — художникъ и жилъ мнѣ пятнадцать.

Если нанимающий рѣшился сказать: нельзя-ли десять рублей? то Анна Ивановна закрывала на мгновение свои глаза, жонкикала круглыми плечиками и, устремивъ потомъ на вопрошающаго глубоке пронзительный взглядъ, полный очарованія, говорила:

— Право, не могу... У меня вчера смотрѣли эту комнату и давали мнѣ двѣнадцать рублей; но я поупрямилась, откровенно сказать, не понравилось мнѣ лицо... Я готова потерять, лишь бы жилецъ былъ хорошій. Уступаю вамъ и впередъ ручаюсь, что вы будете довольны своей квартирой...

— Да я бы радъ, — отвѣчаетъ нанимающій: — только цѣна-то немного высока, я плачу десять рублей, у меня вдвое почти больше этой комната... правда, холодна немного..

— Ну, вотъ видите! Дешевле, конечно, можно найти, тамъ не будутъ тѣхъ удобствъ, а адъёв все, что вамъ угодно: и тепло, и чисто, и ходъ... все, все... Не скупитесь!

О, боги! Она будетъ думать, что я скупъ, что я подверженъ такой гнусной слабости — помилуйте, на что это похоже.

— Извольте задатокъ!

Анна Ивановна беретъ деньги; протягиваетъ свою хорошенькую ручку новому жильцу, и говорить:

— Надѣюсь, мы не будемъ съ вами ссориться.

Да возможно ли ссориться съ тобою, прекрасная женщина? думаетъ новый жилецъ. Да какой же это варваръ могъ бы поссориться съ тобою? У кого языкъ повернется сказать тебѣ что-нибудь непріятное?!

— У меня жильцовъ немного, — говорить Анна Ивановна: И я съ вами право какъ съ родными... Я ужъ иначе не могу...

— Это и прекрасно! замѣчаетъ новый жилецъ: — я самъ не люблю шуму и ссоръ, и мнѣ очень пріятно, что попалъ къ такой милой хозяйшкѣ...

— Благодарю васъ...

— Право такъ!

— А когда вамъ угодно будетъ переѣхать? спрашиваетъ Анна Ивановна.

— Завтра, — отвѣчаетъ жилецъ.

— Очень рада, милости просимъ, все будетъ готово; до свиданія.

И когда выйдетъ жилецъ изъ своей будущей квартиры, голуба его наполнится такимъ множествомъ прекрасныхъ картинъ, что о непомерно-дорогой цѣнѣ и помину нѣтъ. И старикъ новый жилецъ удивляется, что это за олухи жили до-сихъ-пор у Анны Ивановны! Вотъ хоть бы этотъ князь, расставившійся с нею для какого-то наследства, или художникъ, женившійся и генеральской дочери. Экъ чему обрадовались! Ногваломъ Богъ знаетъ зачѣмъ, а, такъ сказать, подъ носомъ у себя не замѣтила драгоценный перлъ. О, слѣпцы!... Такъ ли бы слѣдвало имъ поступить? Такъ ли распорядился бы я на ихъ мѣстѣ! Конечно не такъ! И тутъ жилецъ начнетъ заниматься постройкою воздушныхъ замковъ, до которыхъ, впрочемъ, ни нѣтъ, ни читателю нѣтъ никакого дѣла, о которыхъ не думала ни и Анна Ивановна. Получивъ задатокъ отъ новаго жильца, она говорила Дарья:

— Ну, что-то будетъ! кажется глупъ, какъ дерево, а, можетъ быть, и добрый человекъ; или же:

— Нечего сказать, сквалыга порядочный, а туда же хлѣстъ—глаза щурить и флинтать. Цѣну, впрочемъ, хорошаю далъ; будетъ ли исправно платить?...

— Да какъ же не платить! замѣчаетъ Дарья:—не замѣтитъ, такъ и дверь указать можно.

— Что? спрашивала потомъ Анна Ивановна, обращаясь къ обычнымъ своимъ занятіямъ: — Плѣшивый ушелъ?

— Ушелъ, ну его...

— А что?

— Да надоѣлъ такъ, что мочи нѣтъ.

— Хи, хи, хи! прошу покорно... ну, а тотъ, цѣдушекъ-то, рыженькій, ушелъ?

— Куда ему уйти... подсвѣчникъ свой чистить, да чашечку ванную жуть... Вотъ скаредъ-то, Анна Ивановна, не приведи Богъ... вотъ ужъ, можно сказать, въ крещенскій морозъ ему напросишься. Вчера понадобилась мнѣ спичка, ему же самоваръ ставила... вотъ, прихожу я къ нему—пожалуйте, молъ, спичку мнѣ.—Какую тебѣ спичку? говорить: магазинъ, говорить, али лавочка что ли у меня для васъ?—Да это, говорю, вамъ же само-

шить хочу поставить, да свички, мошь, всё вышли: старуха обѣщалась принести, да вотъ что-то нейдетъ.—То-то нейдетъ, говоритъ, на! — и кинулъ мнѣ одну свичку. Ахъ ты, думаю-себѣ, и свички-то вишь жаль стало ему, жиномуру.

— Экой противный!

— Ужь нечего сказать! я, говорить, не смотрю ни на что; я, говорить, объ моей старости думаю... другой, говорить, разматаетъ свои денежки, а тамъ, какъ старость-то скрючить его, такъ онъ, говорить, и сѣлъ на бобахъ... А нало, говорить, дѣлать какъ муравей дѣлаетъ, запасать, говорить, себѣ на зиму...

— Да что Дарья, никакъ онъ никогда и не обѣдаетъ...

— Почитай что никогда, все цеклеванный жусть... Вотъ только развѣ, какъ пойдетъ изъ дому да въ гостяхъ гдѣ нибудь... А то завсегда, около трехъ часовъ то, завалится спать да и проснитъ до шести или до семи... Встанетъ да и говоритъ: ахъ, говорить, какъ я просналъ; поставь, говорить, мнѣ самоварчикъ. Я ужъ, говорить, не пойду обѣдать, лѣнь одолѣла, да и позавтракалъ, говорить, я давеча плотно... А какое позавтракалъ, булки вчерашней кусокъ сгрызъ... Эдакой скаредъ, просто отродясь такого не видывала!

— А говорила ты бѣлому-то о деньгахъ?

— Говорила, Анна Ивановна.

— Что жъ онъ?

— Да, говорить, попроси обождать маненько. Вотъ, говорить, на дняхъ получу жалованье, такъ заплачу.

— Обождать!... все обождать, а хозяинъ-то небось не ждетъ за мной... ну, онъ жилецъ-то впрочемъ хороший.

— Очень хороший, Анна Ивановна, вѣрный, постоянный жилецъ, да и не прихотливый.

— Ну, ты ему сказала бы, что хозяйка за вами мошь ждетъ, она знаетъ мошь, что отдадите...

— Слушаю-сь, скажу... А вчера, умора да и только, спрашивалъ меня... нѣтъ, ужъ не скажу.

— О чемъ, о чемъ, Дарьюшка, говори?

— Да такъ, шутками-сь.

— О чемъ жъ, говори?

— Спрашиваетъ меня, что, говорить, Даша, барыня твоя и въ кого не влюблена? — Не знаю, говорю...

— Ну?..

— Ну, потомъ говорить: твоя, говорить, барыня — красвица...

— Ну, ты врешь, Даша...

— Вотъ съ мѣста не сойти, сказалъ такъ.

— Что же ты?

— Чтожъ я?.. Я говорю — это правда... и, окромѣ того, говорю, добрая... Я вотъ, говорю, шестой годъ у нихъ служу.

— Неужъ-то сказала: шестой годъ?

— Вотъ съ мѣста не сойти, такъ сказала.

— Ну молодецъ! Не даромъ же я тебѣ платье кисейное приготовила подарить, щеголяй да служи мнѣ вѣрно.

— Ужъ будете довольны, покорно благодарю.

— Вотъ бы намъ теперь большую то комнату отдать поскарѣ... ты дворнику-то посулила на водку?

— Посулила, Анна Ивановна.

— Что же онъ?

— Да ужъ будьте, говорить, покойны, я постараюсь.

— Ну хорошо.

— Дворникъ-то сказывалъ еще, что у нихъ во второмъ этажѣ опорожнилась квартира... вотъ бы, говорить, твоей барыни взять, не застоялись бы комнаты безъ жильцовъ, шесть оконъ на лицо, и хозяйни-то, говорить, уступилъ бы для нашей милости.

— Ну тамъ посмотримъ послѣ... сбѣгай-ка въ лавку, да возьми сливockъ, кофею захотѣлось...

— Сію минуточку...

— Да постой, пройди за одно къ прачкѣ: что она маншета не несетъ мнѣ...

— Слушаю-съ.

Дарья уходитъ, а Анна Ивановна отправляется въ комнаты *плшиваго* и *бѣлаго*, съ тѣмъ, чтобы убѣдиться, чисто ли выметены онѣ, вездѣ ли Дарья вытерла пыль, и проч. и проч., вѣдь:

Глазъ хозяйки всюду нуженъ!

— Все чисто — говорить самой себѣ Анна Ивановна, осма-

травяная комнату *пльшиваю* — все въ порядкѣ, продолжаетъ заботливая хозяйка — на столахъ (ихъ два: письменный и передиванный) пыль вытерта.. вытерта пыль и на комодѣ.. что это у него на комодѣ?... Зеркало очень хорошо... А вѣдь прическа эта идетъ мнѣ, право идетъ... гмъ! Лизанета Федоровна скоро ловиеть отъ зависти.. какъ ей досадно, я думаю, что Богъ далъ мнѣ такую счастливую наружность.. это что?.. Каково? Пльшивъ какъ ладонь, а туда же помаду покупать... да и какая прекрасная помада.. что-то по французски написано... какъ у меня сухи волосы... попробуемъ... пльшивому на цѣлую жизнь хватить и половины... пусть думаетъ на Дарью; да она, я полагаю, не упустила случая... Сахарница жесткая, и не заперта... Отличный сахаръ, сипеватый и крѣпокъ какъ камень... рифинать... самый лучший рифинать.. Ба!.. Духи! Ахъ какъ люблю духи! Какъ пріятно, когда хорошо пахнетъ...

Но не станемъ подсматривать долбе. Анна Ивановна осмотрѣла очень внимательно комнату *пльшиваю*, смѣялась много надъ какими-то картинками. Осмотрѣла комнату *блѣаю*, пила кофе и кушала пеперменты, подвергнушіеся ей подъ руку во время осмотра

Въ хлопотахъ по хозяйству время проходило скоро, и не успѣла Анна Ивановна оглянуться, какъ наступилъ обѣденный часъ, а тамъ, вотъ ужъ и жильцы стали собираться.

— Здравствуйте, Захаръ Васильевичъ, какъ поживаете? сказала квартирная хозяйка, случайно встрѣчая одного изъ своихъ жильцовъ, того самаго, что назывался *блѣмь*.

— Слава Богу! какъ ваше здоровье? отвѣчалъ Захаръ Васильевичъ и немного сконфузился, такъ какъ за нимъ состояла шаленская недомыя.

— Сдѣлайте милость, повременште нѣсколько—прибавили ошъ—мнѣ такъ совѣстно. Сегодня просилъ эяскутора, да говорить: вѣтъ казначейства еще не привезли денегъ. Будьте увѣрены, Анна Ивановна, что какъ только получу...

— Э! позвольте, Захаръ Васильичъ. Ничего! подожду.. Я вѣдь васъ знаю.

— Благодарю васъ покорно!

— Я сердита на васъ совѣмъ за другое...

— За что же, Анна Ивановна?

— Отгадайте!

— Не могу придумать... за что же?

— А за то, что вы никогда не заглянете ко мнѣ.

— Ахъ, помилуйте, вы такъ добры... я право.

— Нечего отговариваться—виноваты, вы не добрый жилецъ, хозяйки своей и знать не хотите.. впрочемъ, я можетъ быть дурно дѣлаю, что говорю вамъ такъ... можетъ быть, у васъ есть какой-нибудь предметъ сердца, къ которому вы и относитесь всегда...

— У меня? Предметъ сердца?.. Помилуйте, Анна Ивановна! Вы, можно сказать, страшно заблуждаетесь...

— Да, вы всё мужчины таковы, вы всегда обманываете насъ, бѣдныхъ женщинъ... Вамъ ничего не значитъ увлечь опытное сердце, поиграть имъ и потомъ бросить какъ негодную вещь или какъ цвѣтокъ, который бросаетъ человѣкъ въ какую-нибудь страшную пучину...

Элегія квартирной хозяйки поставила въ тупикъ Захара Васильевича, и онъ въ замѣнательствѣ предложилъ ей заглянуть въ его *убогое* жилище.

— Неудобно ли вамъ сюда, на диванчикъ... Скажите ради Бога, Анна Ивановна, за что вы считаете меня способнымъ обманывать?

— Я считаю васъ мужчиною!

— Но, Боже мой, отчего вы такъ дурно глядите на мужчинъ?

— Чѣмъ же дурно? Развѣ не видимъ мы на каждомъ шагѣ ужасные примѣры тому, какъ жестоко и безжалостно поступаете вы, мужчины, съ нами, бѣдными женщинами.

— Смѣю васъ увѣрить, Анна Ивановна, я неспособенъ поступать безжалостно съ женщинами.. напротивъ даже—я готовъ скорѣе самъ страдать и... и... если признаться откровенно...

— Какъ?... стало быть, я не ошиблась?..

— Да.. быть можетъ; но зачѣмъ я буду говорить... вы не любите мужчинъ... вы готовы можетъ быть осмѣять чувство...

— Нѣтъ, позвольте, Захаръ Васильичъ... Вы жестоко ошибаетесь, будьте откровенны со мною, — я всегда пойму васъ и готова даже посовѣтовать... впрочемъ, это можетъ быть секретъ...

— Ахъ!...

Анна Ивановна опустила глаза и перестала дышать, отчего на лицѣ появилась краска.

— Ахъ!... повторилъ Захаръ Васильевичъ. Анна Ивановна стрѣльнула въ него самымъ убійственнымъ взглядомъ.

— Я васъ не понимаю, Захаръ Васильичъ — я, можетъ быть, и не должна васъ понимать.

— Нѣтъ, Анна Ивановна, вы должны меня понять. . это необходимо для моего счастья.

— Не я право.. не знаю, что вы хотите сказать этимъ?...

— Что я хочу сказать этимъ .. О, Господи!... Какое ужасное положеніе!... Анна Ивановна! Вы не станете сердиться на меня?...

— Почему же сердиться?... нѣтъ.. но я не понимаю...

— Я люблю...

— Ахъ!

— Анна Ивановна!...

— Ахъ! Миѣ дурно... Ахъ! свѣтъ помутился въ глазахъ моихъ... ахъ!

— Анна Ивановна!...

— Захаръ Васильичъ... милый Захаръ Васильичъ!... шептала квартирная хозяйка — сердце мое давно принадлежитъ вамъ....

— Позвольте, Анна Ивановна, позвольте, ради Бога, выслушайте меня...

— Тсъ! молчите пожалуйста, молчите... васъ могутъ услышать... О! какъ сладко быть любимой!..

— Не, умоляю васъ, Анна Ивановна, выслушайте меня...

— Тсъ, молчите; приходите ко мнѣ. пить чай... Я жду васъ!

И Анна Ивановна порхнула изъ комнаты какъ птичка, оставивъ Захара Васильевича въ совершенномъ недоумѣніи. Кто бы подумалъ, что повидимому совершенно невинная ложь Дарьи могла породить такое ужасное quiproquo! Захаръ Васильевичъ спрашивалъ у Дарьи, скоро ли придетъ къ ея хозяйкѣ Лизавета Федоровна, отчего она такъ рѣдко бываетъ у ней; говорилъ: какая красавица эта Лизавета Федоровна, и тому подобное. Сверхъ всего этого, Захаръ Васильевичъ далъ Дарьѣ двугривенникъ, и это то послѣднее обстоятельство и подвигло признательную ку-

харку къ извѣстной уже читателю лжи. Анна Ивановна была женщина пылкого и рѣшительнаго нрава. Захаръ Васильевичъ былъ мягокъ и доврчивъ... Ну, вотъ и все; такимъ-то образомъ завязался узелъ, по выраженію Захара Васильевича, который нелегко теперь развязать. Плохое дѣло. Можно бы конечно поступить такъ, какъ поступилъ Александръ Великій; но будетъ ли это слишкомъ круто? Анна Ивановна женщина смелая. Какъ быть? Приходится развязывать узелъ осторожно, исподволь, а иначе только запутаешь его больше! До чѣмъ оставалось довольно времени, и Захаръ Васильевичъ посвятилъ его на обстоятельное обсужденіе замѣчательнаго казуса. Захаръ Васильевичъ наскоро одѣлся и, написавъ крошечную записочку, робко кликнулъ Дарью.

— Что прикажете?

— Даша! сдѣлай мнѣ милость, отдай эту записочку Аннѣ Ивановнѣ.

— Для васъ, извольте, Захаръ Васильичъ — отвѣчала Дарья, улыбаясь многозначительно — я ужъ сегодня брякнула словечко... писулька-то ваша пройдетъ какъ по маслу...

— Что ты говоришь?.. я тебя рѣшительно не понимаю...

— Да что и понимать?.. дѣло ясное, сказано: едѣваю все для васъ, будьте спокойны... А вы куда же сами?

— Такъ, пройдуся... къ знакомому надо зайти... Я приду позже...

— Ну, ладно, ладно... ужъ мы смѣкаемъ.

— Ну, прощай, Даша, сдѣлай же милость, сейчасъ отдай записку своей барынь...

— Ужъ не беспокойтесь... сказано: все сдѣлаю!... Гуляйте себѣ, а мы вамъ тѣмъ временемъ и отвѣтъ приготовимъ хорошенькій.

— Прощай.

— Благополучнаго пути.

— Помни же!

— Будьте спокойны... Захаръ Васильевичъ ушелъ, а Дарья явилась къ Аннѣ Ивановнѣ.

— Вотъ записка къ вамъ...

— Отъ кого? спросила Анна Ивановна.

— Отъ того... отъ блага! отвѣчала Дарья.

— Хорошо... ступай себя... ступай, я говорю, ольшанин?

— Слышу, слышу... Дарья выпала: проворчавъ сквозь зубы: — слышу... ты врозитай-ка нисульку, да тогда и гони... видишь больно прутка...

Анна Ивановна не слышала назидательнаго ворчанья своей кухарки, руки ея дрожали, раскрывая записочку, сердце хотѣло выпрыгнуть изъ шель корсета... Ахъ этотъ Захаръ Васильевичъ! какой оаъ, право! Вѣдь ужъ все извѣстно ему, нѣтъ, мало, записочку еще написалъ. И о чемъ, кажется, писать? Какой плутишка! — Такъ думала квартирная хозяйка и, наконецъ, прелестные глазки ея устремились на посланіе любимаго жильца, и увидѣли слѣдующее:

Милостивая государыня,

Анна Ивановна.

Какъ благородный человѣкъ, считаю долгомъ объяснить вамъ заблужденіе, въ которое вы впали, и которое, такъ сказать, вышло въ слѣдствіе недоразумѣній. Прекрасное сердце ваше не должно принадлежать мнѣ, такъ какъ мое сердце, нѣкоторымъ образомъ, несвободно, а почему оно несвободно — это моя тайна. Началъ я говорить вамъ съ тѣмъ, чтобы вы, по добротѣ своей, помогли мнѣ, и объяснили Лизаветѣ Федоровнѣ мое ужасное положеніе. Прошу въ заключеніе сего не сердиться на меня, потому что человѣкъ не властенъ въ своемъ сердцѣ. За симъ имѣю честь пребыть всегда покорнѣйшій вамъ и къ услугамъ готовый

Захаръ Вертильниковъ.

Если вода прососетъ въ плотинѣ дырку, то плотина, безъ сомнѣнія, потеряетъ свое значеніе; вода размоетъ маленькую дырку въ огромное отверстіе и надѣлаетъ бѣды не мало.—Письмо Захара Васильевича представляло, повидимому, очень хорошую плотину, но упоминаніе о Лизаветѣ Федоровнѣ оказалось дыроу; черезъ которую преимущественно суждено было прорваться гнѣву Анны Ивановны, и бурнымъ потокомъ ударить въ зломполучнаго Вертильникова. Сравненіе весьма удачное!

— А! сказала поблѣднѣвъ Анна Ивановна — сердце твое, извертъ, не свободно!... Передать Лизаветѣ Федоровнѣ твое ужасное

ное позволеніе?.. Какъ?.. Кто же я такая? За кого же ты принимаешь меня, злодѣй!.. Благородный человѣкъ?.. Хорошъ благородный человѣкъ!.. Ты думаешь, что за квартиру платишь мнѣ по пятнадцати рублей, такъ тебѣ все можно?.. Денегъ обождать?.. Какъ же, стану я ждать! Эткихъ професантъ много наберется!.. Каждый вѣдываетъ обманать бѣдную женщину, потому что она беззащитная вдова?!.. О! не на такую, братъ, веназь, я сама къ частному пойду, онъ меня знаетъ. Я должна платить хозяйну, а за жильцами стану ждать? Какъ бы не такъ... Дарья! Дарья!

— Что прикажете?

— Поди къ этому голышу да скажи: барыня моя денегъ за квартиру просить...

— Да онъ, Анна Ивановна, вѣдь ужъ заплатилъ...

— Кто заплатилъ?

— Да вѣтушокъ-то...

— Развѣ я тебѣ о немъ говорю? Ты ступай къ твоему вѣрному-то и постоянному жильцу, къ этому бѣлому, скажи ему, чтобъ сію же минуту денегъ прислалъ, а нѣтъ, такъ съ квартиры долой, и къ частному пойду жаловаться... Ну, чего стоимъ, ступай, тебѣ я говорю или нѣтъ?

— Да я все въ толкъ не возьму, о комъ вы говорите-то... У меня ннда голова закружилась.... Я ужъ, съ перенемоху-то, подумала, что вы о Захарѣ Васильчѣ...

— Да объ немъ же тебѣ и говорятъ.... иди сейчасъ къ нему...

— Да ихъ-съ нѣтъ дома, сейчасъ вышли...

— Вышелъ?... А! вышелъ! Видно чуяло сердце недоброе.. Видишь... вышелъ!... блудливъ, какъ кошка, а трусливъ, какъ заяцъ... Ступай... когда придетъ домой — скажи мнѣ...

— Слушаю-съ...

— Ступай вонъ... или ты грубить мнѣ хочешь... ступай вонъ...

— Я, помилуйте, Анна Ивановна... я, кажется, никогда словъ не сказала дурнаго... Опрічь своего усердія...

— Ступай вонъ... знать ничего не хочу... вонъ...

Дарья, озадаченная гнѣвомъ своей хозяйки, повисла въ куклю, раздумывая: чтобы это значило? Съ чего такъ распе-

дѣлаетъ Анна Ивановна? Звала къ себѣ чай пить, а тутъ, вдругъ, жаловаться къ частному и деть и на меня кричить!... Что онъ ей написалъ?... Что за притча така?.. И, размышляя такимъ образомъ, старательная кухарка стала добросовѣстно чистить кесеры.

Анна Ивановна, между тѣмъ, въ сильномъ волненіи вертѣлась на диванѣ и говорила:

— Вотъ оно, положенье-то вдовье... каждый можетъ обидѣть!.. и эта противная, Лизавета Федоровна какая-нибудь, пошла жаловаться ему... и онъ пишетъ мнѣ, когда я... О, Боже мой, Боже!... до какого униженія дожила я!... И что я написала короче въ этомъ бѣлобрысомъ?... Да съ чего онъ взялъ написать такое письмо?... Развѣ я сказала ему что-нибудь?..

И дѣлая подобныя вопросы Анна Ивановна всѣми силами старалась увѣрить себя, что она рѣшительно не поддавала даже никакому поводу къ такому объясненію, что она вообще мало говорила съ Вертильниковымъ, а сегодня такъ и не видѣла его вовсе.

— Съ какой же стати онъ пишетъ мнѣ такой вздоръ?... Что онъ, съ ума сошелъ, что ли? Я его проучу, я ему покажу, что значитъ оскорблять бѣдную женщину. . Нѣтъ, я не была у него, я ему ничего не говорила, рѣшительно ничего... это ему пришло въ голову... по-крайней-мѣрѣ, я должна такъ говорить... Да и дѣло тутъ не въ письмѣ... письмо въ сторону... Главное: зачѣмъ онъ денегъ не платитъ, вотъ о чемъ рѣчь... Я не могу ждать это лѣтъ!... Мнѣ такого жильца не надо!... Я найду и получше!... Можетъ отправляться къ своей возлюбленной Лизаветѣ Федоровнѣ... Сердце не свободно! скажите пожалуйста, какъ это трогательно!... Сердце не свободно! Объясните Лизаветѣ Федоровнѣ! Прошу покорно! Написать это женицѣ, которая... Ахъ, стыдно вспомнить... Я не могу его видѣть... Пусть очисти квартиру... Правда, пятнадцать рублей не великій дать за эту комнату... Сердце не свободно! это ужасно!..

Читатель легко пойметъ затруднительное положеніе прекрасной квартирной хозяйки, и, вѣроятно, не осудитъ ее строго за небольшое количество желчи, которое стало называться теперь ежедневно на поверга Захара Васильевича. Но осудитъ никто помочью и Вертильникова за то, что недостало у него терпѣнія

выносить болѣе или менѣе злобныя выгоды квартирной лезайки, и онъ переѣхалъ къ Лизаветѣ Федоровнѣ. Еще нешто нибѣмъ мы права порицать Лизавету Федоровну за тѣ отказны объ Аннѣ Ивановнѣ, какія уодѣлалъ Захаръ Васильевичъ, да и не одинъ онъ, а многіе. И очень естественно, въ свѣдѣствѣ воухъ этихъ обстоятельствъ, между двумя квартирными хозяйками загорѣлась неугасимая вражда. Анна Ивановна была право несправдливо Лизавету Федоровну, потерявъ порожненіе какъ въ домашнемъ отношеніи, такъ и въ сердечномъ. Лизавета Федоровна торжествовала. Захаръ Васильевичъ отадыгалъ. Бѣдная, бѣдная Анна Ивановна, не кому было за себя заступиться!... Пѣтушокъ частилъ свой подсвѣчникъ и наиввалъ: *Матушка голубушка*, а плѣшивый, во врежнему, надобдалъ гордой Дарья, и оба они не знали горькаго положенія своей хозяйки. Правда, они были свидѣтелями неударжимой злобы, съ какой Анна Ивановна требовала съ Захара Васильевича какія-то пять рублей серебромъ, которыя тотъ ни подъ какиимъ видомъ не хотѣлъ платить ей.. Но, вѣдь такія сцены повторялись съ каждымъ жильцомъ, оставляющимъ квартиру. Такъ поступаютъ очень многія квартирные хозяйки. Жильцы несколько не удивились, когда услышали въ коридорѣ звонокій и дряжущій отъ гнѣва голосъ Анны Ивановны. Пѣтушокъ, правда, пріотворилъ нѣсколько свою дверь и, уткнувъ носъ, однимъ глазомъ подсматривалъ.. Но онъ все-таки не повалъ сущности дѣла. Онъ видѣлъ, какъ извожникъ потащилъ чемоданъ Вертильникова, бритвенную шкатулку, сѣмюваръ, клятку съ чижикомъ, и шапную картонку. Онъ видѣлъ, какъ самъ Вертильниковъ вышелъ изъ комнаты и какъ Анна Ивановна задретѣла на него козыремъ въ коридорѣ. Рыженкій только улыбулся, подумавъ: поидеть потѣха! И пошла потѣха дѣйствительно.

— Позвольте, милостивый государь! сказала квартирная лезайка покидающему ее жильцу.—Такъ не дѣлаютъ порядочные люди! Да-съ! такъ не поступаютъ! Вы должны были предупредить меня заблаговременно, а не уѣзжать въ тихомолку, какъ какой-нибудь....

— Какъ кто? спросилъ грозно Вертильниковъ — Какъ кто? Ну, позвольте сказать.. Что? прикусили язычокъ.... Развѣ я

не властежь переждать съ вашей дражной квартирницей, когда мнѣ вадумается? Развѣ я не заплатилъ вамъ всѣхъ денегъ спомна? Чего жъ вамъ еще отъ меня?

Анна Ивановна поблѣднѣла и задрожала. Губы ея посинѣли нѣскольکو, а въ глазахъ выступили слезы.

— Вы пользуетесь моимъ беззащитнымъ положеніемъ—сказала она, задыхаясь отъ злобы. Вы полагаете, что бѣдную женщину можно обидѣть всякому... Нѣтъ, сударь, не на такую напали. Извольте заплатить, за недѣлю слишкомъ придется съ васъ пять рублей серебромъ...

— За какую недѣлю? что вы? помилуйте... съ чего вы это выдумали, чтобъ я сталъ платить, Богъ знаетъ, за что, пять рублей серебромъ... или вы считать неумѣете? я прожилъ у васъ три дня, по молтацнику въ день, выходитъ полтора рубля.

— А! вы такъ считали? такъ позвольте вамъ замѣтить, что вы сломали стулъ, прожгли въ нѣсколькихъ мѣстахъ бархатъ на диванѣ, разбили...

— Что я разбилъ?

— Да вы сами знаете, что разбили...

— Ничего не знаю, вы сочиняете.

— Я сочиняю?.. извините... это вы сочинитель... вы сочиняете письма... самыя отвратительныя, самыя глупыя...

— Если пошло на правду, то замѣчу вамъ, что вы поступали гораздо хуже, вы вѣшаетесь на шею къ жильцамъ, да дерете съ нихъ въ три дорога.

— Какъ вы смѣете?.. Дарья! Дарья!.. Сходи за управляющимъ, сходи въ кварталъ... Ахъ, я умру!.. Подавитесь вы съ вашими деньгами... не надо мнѣ ихъ... не разбогатѣете, не бойсь, сиротскимъ добромъ... Дарю вамъ на свѣчку. Идите къ своей милой Лизаветѣ Федоровнѣ—она вамъ протретъ глаза...

— Вы свои-то протрите, да не забываетесь... помните, что вы смѣете дѣло съ порядочнымъ человѣкомъ....

— Извольте вѣхать, извольте... проваливайтесь..

— Ъду, ъду, не беспокойтесь, цалуйте съ своей пустою квартирною...

Вертильниковъ ушелъ, хлопнувъ дверью. Пѣтушокъ улыбающа, поглядывая однимъ глазкомъ, а Анна Ивановна гордо валяла

кала въ норичѣ безопальной злобы... Въ эту минуту, нѣтъ-только что захлопнувшейся за Вертальниковымъ двери, выставлялся высокая и блѣдная фигура съ большими черными усами.

— Здѣсь отдаются комнаты? спросила фигура. Анна Ивановна, въ нѣкоторомъ смущеніи и отирая слезы, отвѣчала:

— Здѣсь.

— Вы сами хозяйка?

— Да-съ.

— Иниакъ я заглянулъ къ вамъ не во время?..

— Нѣтъ-съ, ничего... я немножко расстроилась...

— Вы кажется плакали?..

— Да-съ... у меня съѣхалъ сейчасъ одинъ жилецъ...

— Какъ, вы плакали о жильцѣ...

— Да-съ... немножко... онъ тамъ долго прожилъ у меня... да и такой прекрасный жилецъ... можно сказать, какъ къ родному привыкла... Вотъ вамъ комната, если понравится... Онъ здѣсь и жилъ... такъ право жаль... онъ былъ недорозъ... родныхъ никого нѣтъ... ну, что же дѣлать? не отходимъ отъ постели...

— Да вы, значить, предобренькая хозяйка...

— Помилуйте, да какая же порядочная женщина не станетъ заботиться о своихъ жильцахъ?

— А мужъ то вашъ гдѣ? Какъ цѣна?..

— Я вдова... Восемнадцать рублей...

— Ого! дороговъко!..

— Ходила по двадцати, уступаю вамъ, для того только, чтобъ пустою не осталась... мебель очень хорошая, прислуга... ходъ, сами видѣли, чистенькій... у меня всегда тихо, покойно...

— Гмъ, что же это вы замужъ не выходите? а?

— Гдѣ ужъ мнѣ!.. Я старушка.

— Э! что вы, что вы?.. Ну-съ, какъ же?.. пятнадцать дамъ...

— Право нельзя... И что вамъ значить три рубля серебромъ въ мѣсяцъ? за то ужъ будете покойны... и, надѣюсь, довольны...

— Да ужъ при такой милой хозяйкѣ какъ не быть довольнымъ?

— Помилуйте!.. когда же вамъ угодно будетъ переѣхать?..

— Да по мѣѣ догь сейнась! Только ужь уступите по нягладцаи... денгги вѣршиа... и жалець я постояндий... я не люблю мѣнать квартиру. Мнѣ коли понравилось гдѣ, тамъ ужь ничѣмъ не выкивещь...

— Мнѣ очень пріятно...

— Ну, такъ по рукамъ, что ли?

— Дѣлать нечего, навольте!

— Вотъ и прекрасно... навольте впередъ за мѣлоць.

— Благодарю васъ покорно.

— Какая у васъ хорошенькая ручка!..

— Пемилуйте...

— Я человекъ откровенный... старый солдатъ... скажу вамъ напрямикъ... вы чудно хороши... ну вотъ вы ужь и наморщились... не хорошо, не хорошо... вамъ не пріешло сердиться, да вы, я думаю, и во всю жизнь-то вашу ни на кого не сердились...

— Не знаю-сь.

— Да ужь это видно по вашимъ глазкамъ... я вѣдь старый воробей, меня на мянши не проведешь... Ну-сь, промну любить да жаловать... Андрей Ивановъ Кадусевъ... въ отставкѣ... арешниаю кой-какими дозодшниками... холоствъ... весь тутъ, какъ видите, безъ всякихъ хитростей... до свиданія, моя прелествая ковалюшка... до свиданія!.. до вечера!

— До пріятнаго свиданія.

— У! душка, душка! твердилъ господинъ съ черными усами, спускаясь съ лѣстницы — это просто ананасиць, а не ковалка, такъ бы и съѣлъ... глазенки то, глазенки такъ и бѣгаютъ, такъ и бѣгаютъ во всѣ стороны... чудо какая хорошенькая!.. Мракъ грусти и досады, начинавшій одолгивать душу Ивановну, разстался, она почувствовала себя очень хорошо, словно гора съ плечъ свалилась. Въ пріятномъ расположеніи духа, она ласково улыбулась и кивнула головкою на вѣзлонъ всадниковаго въ дверь пѣтушка.

— И горе и радости! сказали рыженькій человечекъ и большого роста, массивный назвоніе пѣтушка. Одною оправдана... а тутъ, глядь, судьба другого послала на ульщеніе... А вѣдь тотъ-то, что убилъ, рассердилъ васъ? а?

— Да, ужь не доворите, такой дубовый... и неблагородный...

и такъ страшно, — вся претензія вышла за то, что я немножко рѣзко отвѣтила на его глупое приваніе... Эхъ, не стоить и говорить.

— Какъ? Такъ онъ вамъ въ любви приваніе?..

— Да... Ну, Богъ съ нимъ, не хочу и вспоминать... такой дерзкій... видно, что никогда въ порядочномъ обществѣ не жилъ...

— Вотъ то-то, Анна Ивановна! я вамъ говорилъ, что онъ фанфаронъ, такъ вы со мною спорили...

— Да помилуйте, кто бы могъ подумать?..

— Какъ не подумать.... Ужъ я, повѣрьте, не ошибусь, нѣтъ, никакъ не ошибусь!....

— Что же это вы все дома сидите?—спазала Анна Ивановна, желая переменить предметъ непріятнаго ей разговора — не ужто вамъ не случно?

— Нисколько.... копаюсь себѣ, а не то сплю.... иногда и гитарѣ побранчишь.... только я всегда боюсь — не безпокою ли васъ....

— Напротивъ, мнѣ очень пріятно; я такъ люблю музыку... Я вообще люблю веселиться.. .

— А! Вы меня обижаете, я нѣтъ претензію застаюте васъ плакать подъ звуки моей гитары....

— Эхъ куда хватить! подумала Анна Ивановна и залукъ сказала: — До пріятнаго свиданія. Пѣтушокъ произнесъ: Мос нечтеніе. Скрылся въ свою каморку и, мурлыкая, принялся облизать за подовѣчникъ. Анна Ивановна повидалась и съ другимъ жильцомъ, поболтала съ нимъ весьма любезно и вошла въ свою комнату, уже совершенно покойная и довольная.

На другой день прибылъ новый постоялецъ. Положеніе этого жильца вообще очень хорошо. Новый жилецъ весьма пользуется особеннымъ расположеніемъ квартирной хозяйки до-тѣхъ-поръ, пока его узнаютъ вдоль и поперекъ; тогда онъ получаетъ нѣвѣстное прованіе и уже пользуется расположеніемъ или равнодушіемъ хозяйки наравнѣ съ другими. Бываютъ и такіе жильцы—это случается конечно не часто, это не алячшіе—бываютъ и такіе жильцы, что съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ большія права и сильнѣйшее расположеніе квартирной хозяйки. Такъ: они пьютъ чай у хозяйки, уходятъ и

вечеромъ, объѣдаютъ у нея, ходять почти всегда въ neglige, слегка покривкаиваютъ на кухарку, пишутъ отиѣтки вновь прибывшимъ и выбывшимъ и, словомъ, мало-по-малу хозяйничаютъ. Андрей Ивановичъ Кадуевъ попалъ именно въ разрядъ этихъ счастливицевъ. Какъ онъ достигъ этого — мнѣ неизвѣстно; но только положительно могу увѣрить васъ, онъ скоро, очень скоро, приобрѣлъ значеніе. Если Аннѣ Ивановнѣ случалось отлучиться куда-нибудь, Кадуевъ имѣлъ право отдать въ наемъ комнату, и взять даже задатокъ съ жильца. Андрей Ивановичъ выѣзжалъ съ своей хозяйкой за городъ, ходилъ съ нею въ гостинный дворъ и къ кое-кому изъ знакомыхъ. По всей вѣроятности, этими мелкими услугами и угодливіостью онъ и заслужилъ особенную довѣренность и расположеніе квартирной хозяйки.

Однажды, когда Кадуевъ уѣхалъ куда-то на цѣлый день, Анна Ивановна сильно задумалась надъ верхнимъ ящичкомъ своего комода. Тутъ хранилась длинная исторія прошлаго времени. Вотъ, наприимѣръ, эту чашку подарилъ Аннѣ Ивановнѣ первый ея жилецъ, это случилось давно — въ первый годъ вдовства, и какъ живо помнитъ Анна Ивановна этотъ пріятный день: точно онъ былъ вчера! Вотъ браслетъ — подарокъ одного почтеннаго старичка; воспоминанія о немъ вызываютъ улыбку на губы Анны Ивановны, она словно видитъ передъ собою уморительное лицо стараго жильца!... Вотъ лорнетъ—его подарилъ Аннѣ Ивановнѣ одинъ пренесносный господинъ, воображавшій, что всѣ женщины въ мірѣ должны преклоняться передъ его великолѣпною особою. Анна Ивановна постаралась доказать ему противное,... Впрочемъ, онъ былъ очень хорошій жилецъ — платилъ исправно и былъ рѣдко дома. Миленькое колечко съ незабудкою — колечко само по себѣ дрянн, ничего не стоитъ, но какъ дорого оно Аннѣ Ивановнѣ! какъ сладко самое воспоминаніе о подарившемъ его!... Гдѣ-то онъ теперь? Куда теперь закинула его судьба? Кто знаетъ, можетъ-быть, онъ уже женатъ; можетъ-быть, любитъся дорогою подругою жизни, давнымъ-давно забылъ о петербургской квартирной хозяйкѣ!.... Вотъ куча серебряныхъ и золотыхъ ложекъ и ложечекъ, чашекъ, красивыхъ флакончиковъ

и множество разныхъ бездѣлокъ.... все это подарки жильцовъ, но всѣ они безъ особеннаго значенія и не имѣютъ цѣны въ глазахъ замечавшейся Анны Ивановны; между ними видятся великолѣпныя серьги — подарокъ Андрея Ивановича.... Ахъ, прошлое, прошлое, не вернешь тебя!.... Впрочемъ что жъ, грѣхъ пожаловаться, Анна Ивановна не страдаетъ особенно и въ настоящее время. Она еще очень хороша, она попрежнему получаетъ подарки отъ жильцовъ; но.... зачѣмъ же это ко втирается тутъ? зачѣмъ нельзя обойтись безъ него? зачѣмъ должно сказать непременно?... но Анна Ивановна вспоминаетъ о прошломъ, вспоминаетъ часто? Правда, человѣкъ вообще очень любить свое прошлое: — дурное представляется ему лучшимъ, потому-что оно прошло, хорошее — потому-что оно было. Однакожъ чаще обращается къ воспоминаніямъ тотъ, у кого немного порядочнаго въ настоящемъ и кто не смѣло заглядываетъ въ будущее. Правда еще и то, что мы весьма мало цѣнимъ настоящее. Андрей Ивановичъ Кадуевъ, напримеръ, получилъ особенную цѣну въ глазахъ Анны Ивановны тогда уже, когда уѣхалъ навсегда изъ Петербурга. Я не рассказываю подробно объ этомъ происшествіи, потому-что оно не представляетъ ничего особеннаго и касается болѣе Кадуева, чѣмъ Анны Ивановны. Кадуевъ ли, или кто другой, на Кавказъ ли поѣхалъ онъ, или въ Царевониколаевскъ, или куда въ другое мѣсто — это вѣдь въ сущности рѣшительно все равно; дѣло въ томъ, что Анна Ивановна осталась опять одна и что она постарѣла немножко.

Время летитъ чудовищно-быстро и женщины никакъ не могутъ привыкнуть къ его полету: онѣ всегда опаздываютъ—отъ этого-то и встрѣчаемъ мы у нихъ постоянную ошибку въ счетѣ годовъ: ничего нѣтъ удивительнаго! Анна Ивановна, къ немалому огорченію, стала замѣчать, что румянецъ покинулъ ея щеки, что волосы стали какъ-то тоньше и рѣже, старыя платья дѣлались узки.... плохо, ахъ, какъ плохо! Квартиры и вздорожали, жильцовъ ли стало меньше.... только доходы значительно уменьшились.

— Надо попробовать со столомъ — рѣшила Анна Ивановна: это говорятъ прибыльно. Конечно, неприятно возиться цѣлый день на кухнѣ, кухарку одну нельзя оставить — кругомъ обо-

ручкѣ — неприятно, говорю, цѣлый день на кунѣ вознѣтся, ручки покраснѣютъ и потеряютъ нѣжность отъ жару; некрашено вымачиваться въ мукѣ и маслѣ; отвратительно вознѣтся съ сырою говядиною; но какъ быть?... Живи такъ, какъ живется, а не такъ, какъ хочется.

Анна Ивановна попробовала — было сначала стряпать въ перчаткахъ — оказалось невозможно. Что дѣлать? Прощай красивыя ручки! Кожа стала лупиться на лицѣ, глаза и голова заболѣли.... Эхъ, куда трудно начинать непривычное дѣло! Не разъ заплакала тихонько Анна Ивановна, прежде чѣмъ свѣклась съ своимъ новымъ положеніемъ. Немного досталось ей и барыша, покуда не познакомилась она поближе съ дѣломъ. Сначала надо было оградить себя отъ воровства кухарки, потомъ уже пошла Анна Ивановна и дальше, то-есть начала готовить обѣдъ изъ ничего. Правда, жильцы стали ронять, да на нихъ нечего обращать вниманія: они всегда и всѣмъ не довольны. Они назовутъ, небойсь, заплатитъ хозяйкѣ дешевле — почему же хозяйкѣ самой не позаботиться, такъ или иначе, о своихъ выгодахъ? Да и что за жильцы стали вдругъ — смѣшно посравнить ихъ съ прежними: подарковъ нѣтъ и въ поминѣ, а если и случаются, то такіе, что, право, совѣстно показать кому-нибудь. Вотъ какъ, на примѣръ, одинъ подарилъ Аннѣ Ивановнѣ старыя подносы, или вонъ другой оставилъ ей на память сломанный шандаль, въ который нѣтъ никакой возможности поставить свѣчу — срамъ да и только! Что это за времена настаютъ?!.. Анна Ивановна рѣшительно не понимаетъ — отчего это все такъ перемѣнилось.... Кажется ей, что не только люди, но и зеркала-то стали не тѣ, какія были — удивительная вещь!.... Анна Ивановна ломаетъ себѣ голову надъ разгадкою всѣхъ этихъ странныхъ обстоятельствъ и ни разу не подумаетъ, что сама-то она больно измѣнилась. Какъ можно подумать объ этомъ!...

Бопрежнему, Анна Ивановна, съ пріятною улыбкою, показываетъ занимающему комнату, и комната эта, надо замѣтить, далеко чище и лучше прежнихъ; бопрежнему, Анна Ивановна говоритъ, что тутъ жилъ три года одинъ князь, который плакалъ при выѣздѣ; но, странное дѣло, занимающій улыбается,

коварѣйшимъ образомъ и прямо приступаетъ къ вопросу о цѣнѣ.

— Ходила по двадцати-пяти, для васъ могу уступить и пятнадцать, отвѣчаетъ Анна Ивановна (замѣтите: съ двадцати-пяти прямо на пятнадцать), только потому уступаю, что дорожу хорошимъ жемчужомъ.

— Ого! говорить нанимающій: экъ вы дернули! За такую маленькую комнату пятнадцать рублей? Нѣтъ, больно дорого платите, матушка.

Какъ это слово *матушка* деретъ ухо Анны Ивановны! но она, скрѣпя сердце, продолжаетъ улыбаться.

— Какъ же ваша цѣна?

— Да рубликовъ восемь дамъ....

— Но, помилуйте, вѣдь посмотрите—мебель какая, холъ во парадной лѣстницѣ....

— Вижу, вижу, матушка.... потому-то я и даю хорошую цѣну.

— За эту цѣну я не могу отдать квартиры! Двѣнадцать... уголно?...

— Десять! ни гроша больше!

— Сами посудите....

— Ну, какъ хотите.... прощайте.... пустая простоятъ....

— Дѣлать нечего, извольте.

— Вотъ вамъ задатокъ.

И ужъ ручки не пожметъ новый жилецъ: онъ бонится замарать перчатку. О, какъ грустно!

Прежде Анна Ивановна пускала къ себѣ только жильцовъ, жилищъ — никогда, и имѣла на это свои причины.

— Женщины, думала она (замѣтите: такъ думала Анна Ивановна, а не я), женщины, во-первыхъ, сидятъ больше дома, что для квартирной хозяйки, какъ извѣстно каждому, весьма непріятно; во-вторыхъ, женщины любятъ подмѣтнуть за тѣмъ, что дѣлается около нихъ и потолковать объ этомъ, слѣдовательно—заведутся сплетни; наконецъ, съ женщинами можно столпнуться на весьма щекотливомъ предметѣ (на какомъ, напримѣръ, столкнулась Анна Ивановна съ Анзаветою Федоровной); во всѣмъ этомъ и во многихъ другихъ причинахъ, лучше не пускать къ себѣ женщинъ!

Такъ Анна Ивановна прежде и распоряжалась; но теперь, когда дѣла приняли другой оборотъ, когда комнаты за-частую оставались пусты, надо было измѣнить прекрасное правило. Крайность можетъ принудить человѣка ко многому. Впрочемъ, умная квартирная хозяйка, какова была Анна Ивановна, и въ такомъ крайнемъ положеніи выберетъ изъ худшаго лучшее, то-есть отдастъ комнату, если уже непремѣнно надо отдать, жилищѣ хорошенькой: хорошенькія всегда добрѣе. Голосъ собственнаго самолюбія квартирной хозяйки, безъ сомнѣнія, нѣсколько вооружался сначала противъ такого нововведенія; но мало-по-малу онъ смирался и уступалъ необходимости.

Тяжело бывало Аннѣ Ивановнѣ иногда. Вотъ хоть бы на гуляньѣ, молодые жильцы и жилицы разбѣжались—Богъ знаетъ куда, а съ Анною Ивановною остался этотъ противный старичишка, да еще посмѣивается.

— Вотъ, говорить, разлетѣлась наша молодежь и мы старики одни остались, плетемся себѣ помаленьку.... Давайте-ка мнѣ руку, Анна Ивановна, чай ноги-то у васъ приустила, да и побаливаютъ. Я по себѣ сужу, ужъ и не говорите мнѣ, самъ знаю, что значить—какъ за четвертый десятокъ перевалится...

И съ ужасомъ вспоминаетъ Анна Ивановна, что ей дѣйствительно пятый десятокъ пошелъ. Съ ужасомъ вспоминаетъ она, что уже никогда не будетъ у ней больше колючка съ незабудкой. Ахъ, какъ скоро прошла эта чудная молодость. И что же осталось отъ ней у Анны Ивановны?... Воспоминанія!... Да какъ же случилось, что Анна Ивановна не успѣла выйдти второй разъ замужъ? Вѣдь она все говорила: «успѣю еще!» Какъ же это такъ?... Отчегожъ не успѣла она нашить себѣ копѣйку на черный день? Что будетъ съ нею, какъ застигнетъ ее вдругъ болѣзнь? Кто станетъ ухаживать за больною и бѣдною старухой? Кто подастъ ей пить въ минуту томительной жажды? Кто поправитъ подушку подъ горячую голову бѣдной старушки?... Да будетъ ли еще у ней подушка? Будетъ ли у ней теплый уголь, будетъ ли у нея кусокъ хлѣба?.....

Я ставлю много точекъ, потому-что много страшныхъ вопросовъ поднялось передъ испуганнымъ воображеніемъ когда-то прекрасной, бойкой и беззаботной Анны Ивановны. Долго не спала она, воротаясь съ гулянья, долго раздумывала о своемъ

положеніи. И осмѣянный когда-то рыженькій пѣтушокъ, что толковалъ о запасѣ на зиму и берегъ копѣенку, предсказалъ теперь Аннѣ Ивановнѣ благоразумнымъ старичкомъ... Какъ ни коротко было повидимому будущее Анны Ивановны, но оно пугало ее теперь сильно. И ночь эта, весьма не покойная, была первымъ звѣномъ длинной цѣпи мучительныхъ безсонныхъ ночей, которыя окончательно замѣнили Анну Ивановну, физически и морально. Здоровье ея стало очень плохо; заботы и старость навели много морщинъ, сильно подогнули ноги и превратили густую и длинную косу въ мышинный хвостикъ. Стала старушка копить и беречь копѣику, трястись надъ кускомъ сахару и вселать къ себѣ отращеніе въ каждомъ, кто почему-либо сталкивался съ нею. Не давала уже Анна Ивановна дворникамъ на водку, а только бранилась съ ними, не дарила она кухаркѣ кисейнаго платя за радостную вѣсточку и вѣрную службу. Не было у нея ни пѣтушковъ, ни плѣшивыхъ, ни бѣлыхъ. Посила она сама не красивое прозвище: скареда... Читатель припоминаетъ, конечно, что и прежде Анна Ивановна не отказывалась отъ денегъ; но тогда каждый добытый грошъ тратился на наряды и удовольствія. И какъ это несправедливо: я увѣренъ, что много найдется охотниковъ осудить скупую и жадную старуху и оправдать поступки Анны Ивановны въ молодости. Правда: пріятно видѣть хорошенькую и молодую женщину, которая любезничаетъ съ вами, протягиваетъ вамъ мидеяскую ручку и заставляетъ васъ такимъ-образомъ заплатить лишнее, съ тѣмъ, чтобы купить на ваши деньги шляпку, увеличивающую еще болѣе ея красоту — ни слова противъ этого! Нехорошо смотрѣть на исхудалое и желтое лицо старухи, покрытое морщинами, не пріятно слышать, какъ она торгуется съ вами за каждую копѣику, которую она сирячетъ дрожащими руками въ свой звѣтный зарецъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды и несчастья не умереть съ голоду — дѣйствительно не пріятно, я не спорю и противъ этого. Но кто же изъ двухъ, по справедливости, заслуживаетъ вашего участія и снисхожденія къ своимъ слабостямъ?... Признаюсь откровенно, еслибъ мнѣ задали такой вопросъ, я бы затруднился отвѣтомъ. Жалко и бѣдной старушки... жалко и молоденькой... И случись у меня много денегъ, я бы не сталъ торговаться ни съ той, ни съ другой.

Дѣло, впрочемъ, идетъ не обо мнѣ, а объ Аннѣ Ивановнѣ. Что съ нею? спросить любопытный читатель: важна ли она самѣ довольно денегъ? Успоковлась ли бѣднѣшка наконецъ?... Гдѣ устроилась!... Смерть пришла прежде. Этимъ и оканчивается моя скучная исторія.

Для чего навѣсана она? могутъ спросить меня. Какое намъ дѣло до того, какъ жила какая-то Анна Ивановна, какъ влюблялась и торговалась, сиражиничала и ворчала, какъ любезничала съ новыми жильцами и обманывала ихъ, какъ обманывала убажанныхъ и гибнѣла на нихъ?... Кчему все это? Кому интересно знать мелкую жизнь какой-нибудь квартирной хозяйки, со всеми ея дразгами? Зачѣмъ писать объ этомъ?

Загнѣвъ, отвѣчу я, что жизнь каждого человѣка, какъ бы она ни была мелка и ничтожна, представляетъ намъ всегда хоть небольшую частичку поученія.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

ЗАМѢТКИ ПУТЕШЕСТВУЮЩАГО ВОКРУГЪ СВѢТА.

Почтовое устройство въ Турціи. Почтовая контора и почтмейстеръ; приходъ почты и сортировка писемъ; вещи непонятны для Европейца. — Альпійскіе ледники и восхожденіе на Галенштокъ. — Китайскіе агробаты. — Итальянская и Большая Опера въ Парижѣ. — Образцовая гостиница въ американской вузѣ. — Вѣтхій рынокъ въ столицѣ мѣди. — Охота на льва. — Будущія выставки въ Мюнхенѣ. — Каталогъ Бодленевой бібліотеки. — Академія наукъ въ Салъ-Франциско.

Почтовое управленіе въ Турціи очень просто. Корреспонденція и путешественники отправляются не иначе, какъ на маленькихъ вьючныхъ лошадяхъ, которыя смѣняются по главнымъ дорогамъ на станціяхъ. Письма перекидываются въ тучкахъ черезъ лошадь, и вочту провожаетъ Татаридъ, или нѣсколько вооруженныхъ кавассовъ. Лошади идутъ, обыкновенно, шагомъ или маленькой рысцой, такъ что въ корреспонденціи между различными частями Имперіи нельзя и ожидать скорости. Письма изъ Константинополя въ большіе придунайскіе города доходятъ обыкновенно въ восемь дней, а въ Боснію и сѣверозападную Румилію—особенно зимомъ, когда дороги превращаются въ болото—корреспонденція приходитъ не рѣдше какъ на двадцатья сутки. Если же принять въ ра-

счесть, что въ Турціи еще не имѣютъ понятія о правильной раздачѣ писемъ, и что письмо зачастую валается по нѣсколькимъ дней въ почтамтѣ, прежде чѣмъ дойдетъ по адресу; можно сказать безъ преувеличенія, что посланный письмо въ Вадю на, Систовы, Никополя, Рушука или Шумалы, долженъ ждать по-крайней-мѣрѣ три недѣли, пока получить отвѣтъ отъ своего константинопольскаго пріятеля. Первый изъ этихъ городовъ лежитъ въ четырехъстахъ шестидесяти, а послѣдній — въ двухъстахъ пятидесяти англ. миляхъ отъ столицы, и странно, что такая разница въ разстояніи не дѣлаетъ почти никакой разницы во времени, употребленномъ на пересылку. Притомъ же турецкій почтамтъ беретъ на себя отправку корреспонденціи только внутри владѣній султана; поэтому, если пишутъ въ другія государства, то должны имѣть въ Константинополѣ или на границѣ агента, который бы принималъ письма и отправлялъ ихъ далѣе. Почтмейстеръ въ каждомъ городѣ наблюдаетъ не только за почтамтомъ, но и за верховными лошалями, необходимыми для курьеровъ и путешественниковъ; въ лошадяхъ, правда, нѣтъ недостатка, также какъ въ почтальонахъ, которые провожаютъ лошадь до слѣдующей стціи и приводятъ ее обратно.

Какъ ни далеко отъ совершенства такое устройство для Европейца, привыкшаго ежедневно получать письма изъ всѣхъ частей свѣта, однакожъ удовлетворяетъ потребностямъ страны, въ которой нѣтъ общихъ интересовъ, торговля почти не существуетъ и только горсть всего народонаселенія умѣетъ читать или писать. Почтамтъ помѣщается въ маленькомъ деревянномъ строеніи, одноэтажномъ или двухъэтажномъ; въ послѣднемъ случаѣ, нижній этажъ служитъ конюшней, а верхній жильемъ. Передъ дверью, ведущею въ покои, виситъ записка, — что соблюдается въ каждомъ турецкомъ домѣ, котораго хозяинъ имѣетъ претензію на титулъ чиновнаго или богатаго человѣка. Вы отдергиваете портьеру и входите въ просторную комнату, съ стереотипнымъ вдоль всей стѣны диваномъ, на которомъ сидитъ лородный, старый, бородатый Турокъ, съ заспанными глазами, поджавъ ноги, какъ портьеръ, и потягивая дымокъ изъ длиннаго чубука. Возлѣ дивана стоитъ нѣсколько коробочекъ, въ каждой по одному или

во два письма; посерединѣ комнаты — *монголь* (жаровня); а въ дальнемъ углу трещить камелекъ, впрочемъ это бы-ваетъ не всегда. Отъ времени до времени въ комнату входятъ пріятель или знакомый хозяина, снимаетъ туфли, садится по извѣстной модѣ, беретъ трубку и, пустивъ сквозь кольца любеку двѣ-три фразы, убирается во-своиса. По закатѣ солнца, присутствіе кончается, камелекъ и жаровня гаснутъ, и почтмейстеръ торопится — сколько позволяетъ ему долгопольный халатъ и туфли — въ другую часть города, гдѣ его Фатима процѣптаетъ въ тиши затворничества, или къ друзьямъ, у которыхъ онъ будетъ курить до-гѣхъ-поръ, пока сонъ не прогонитъ его домой. Такова всегдашняя рутинна турецкаго почтамта и обычная жизнь турецкаго почтмейстера. Наконецъ наступаетъ день прихода почты изъ Константинополя. Лица, ожидающія оттуда писемъ, начинаютъ являться въ почтамтъ; чиновникъ отвѣчаетъ, съ невозмутимымъ удовольствіемъ, что почта еще не приходила: дороги плохи; кавассы и суруджи замѣшкались на станціяхъ за трубкою.... да развѣ не все равно, прочесть ли письмо сегодня или завтра? Наконецъ, вдали показались почтовые лошади, и шагкомъ тянутся къ почтовому дому. Между-тѣмъ молва о приходѣ почты ужъ распространилась по городу. Солдаты убадомляютъ офицеровъ, офицеры — нашей, наши посылаютъ нарочныхъ, френги отправляются лично, и весь этотъ потокъ наводняетъ единственную комнату почтмейстера. Чиновникъ видитъ, что ретироваться нѣтъ никакой возможности, предается своей судьбѣ, вытаскиваетъ на сцену пачки писемъ, завернутыхъ въ толстѣйшую бумагу, и вскрываетъ ихъ въ присутствіи густой толпы.

Начинается сортировка. Въ числѣ приведшихъ за письмами по-крайней-мѣрѣ десятокъ Ахметовъ, столько же Мегметовъ, столько же Алиевъ, и у каждого изъ нихъ есть по дюжину родственниковъ-тесокъ въ Имперіи. Ни у одного изъ этихъ господъ нѣтъ фамиліи, и они различаются только цвѣтомъ бороды, длиною носа, или какою-нибудь другою особенностью фizioноміи — косыми глазами, бородавкой, и т. п. Очень понятно, что если два, три или четыре Ахмета и Мустафы схожи какъ капли воды, то почтмейстеру очень трудно раздѣлить письма по назначенію, потому-что въ околodкѣ можетъ

оказаться сотня людей съ этими же именами, не отличающими друга от друга ни бороною, ни бровями. Прибавьте къ этому, что каждый Али, Ахметъ или Мустафа требуетъ, чтобы ему перемѣнно выдали всѣ письма съ этими громкими адресами, и не хочетъ слышать, что, можетъ-быть, они принадлежатъ другому Али, Ахмету, и т. п.; дайте, что часто приходится по дюжины связокъ, въ каждой по триста писемъ, и что ихъ не кому ни вскрывать, ни раздавать, кромѣ несчастнаго почтмейстера — и вы не удивитесь, что въ эту минуту бритая голова его идетъ кругомъ. При входѣ въ комнату, когда уже началась раздача корреспонденціи, сначала вы не замѣтите его, но продержитесь сквозъ толпу и вы увидите, какъ проворно этотъ господинъ развязываетъ пачки, свалится разобравъ адреса въ огромныя очки и, послѣ тщетныхъ стараній привести письма въ порядокъ, вынырнеть себѣ въ жилетъ, другія подъ подушку дивана, и отъ безпрестаннаго шума и прилива окружающихъ, смущается до того, что уже не въ состояніи разсортировать письма по алфавитному, энциклопедическому или другому какому-нибудь туземному порядку. Многія письма падаютъ на полъ, и лежатъ тамъ до-тѣхъ-поръ, пока ихъ не подниметъ кто-нибудь и не доставитъ по адресу. Наконецъ, изъ густой толпы отдѣляется какой-нибудь Мустафа Алиевичъ или Мегметъ Ахметовичъ, который уже десять минутъ увѣрялъ во все горло, что письмо по всѣмъ признакамъ слѣдуетъ ему, хватаетъ со стола коробку писемъ, при громкихъ одобреніяхъ присутствующихъ, и уноситъ въ уголъ комнаты, сопровождаемый толпою, не обращая ни малѣйшаго вниманія на крики почтмейстера, который грозитъ жаловаться на такое самовольство и самоуправство. Такъ проходятъ еще нѣсколько минутъ въ брани и сортировкѣ; наконецъ почтмейстеръ вскакиваетъ съ дивана, бросаетъ въ сторону чубукъ и, не теряя времени на то, чтобы надѣть туфли, бѣжитъ изъ комнатъ, съ твердымъ намѣреніемъ схватить аднознаго за воротъ и отнять коробку. Счастливаго мгновенія для присутствующихъ! Они бросаются на письма, завладѣваютъ пачками, и уносятъ по разнымъ направленіямъ — кто на дѣстину, кто на дворъ, чтобы тамъ отъ дачего-дѣлать разбирать и пересчитывать письма. Потомъ, когда каждый выбралъ то, что ему

дѣйствительно слѣдовало или только, просто, понравилось, лишнее бросаютъ въ корзину, для тѣхъ, которые придутъ послѣ, чтобы начать тотъ же дѣлежъ, пока почтмейстеръ не приберетъ остатки въ вѣрное мѣстечко. Иныя письма, можетъ-быть, точно достались по праву собственности, но большая часть загуляла, а нѣкоторыя провалились въ полощья щели, или долго еще будутъ лежать за подушками дивана.

Между-тѣмъ суматоха унялась, и почтмейстеръ весело возвращается на цѣлую недѣлю къ любимому чубуку, и будетъ сидѣть за нимъ, смотря на кончикъ носа. Отъ времени до времени кейфъ этотъ прерывается приходомъ кого-нибудь съ письмомъ для отправки. Если это иностранецъ, не знающій турецки, то съ него требуютъ по-крайней-мѣрѣ треть лишнихъ вѣсовыхъ противу установленной таксы; разумѣется, что иностранецъ расплачивается безъ всякаго возраженія, а почтмейстеръ самодовольно улыбается себѣ въ бороду, и еще проситъ *бакшиши*, такъ сказать «на водку». Если у путешественника есть заграницею друзья, которые, можетъ-быть, нѣсколько мѣсяцевъ не слыхали о немъ и готовы заплатить какія угодно деньги за пару строчекъ, и если путешественникъ знаетъ, что судьба письма зависитъ отъ прихоти почтмейстера, то вручаетъ ему деньги, не только безпрекословно, но еще съ величайшимъ удовольствіемъ.

Разумѣется, что въ главномъ почтамтѣ, въ Константинополѣ, больше порядка, однакожъ и тамъ встрѣчаются вещи, удивительныя для Европейца; такъ напримѣръ, всѣ почтовые чиновники работаютъ на диванѣ, съ неразлучною трубкой. Причина дурнаго устройства почтъ въ Турціи заключается преимущественно въ томъ, что правительство отдаетъ письменныя почты на откупъ съ аукціона, и откупщикъ обязывается отправлять корреспонденцію. Прогоняныя деньги, правда, невелики—копѣекъ по тринадцать серебромъ съ лошади за часъ или за двѣнадцать верстъ, но вѣсовыя за письма очень можно было бы убавить, безъ ущерба откупщикамъ. Но турецкое правительство, стараясь чтобы спекулянты охотнѣе снимали откупъ, ласкаетъ ихъ высокою цѣной за пересылку, и какъ контрактъ заключается на извѣстный срокъ, то откупщикъ, раз-

умѣется, куеть желѣзо пока оно горячо, и для соотрашенія расходовъ, исполняетъ свою обязанность съ крайнею небрежностью. Послѣдній контрактъ заключенъ на три года, изъ которыхъ два уже кончились.

— Восхожденія на альпійскіе ледники, почти всегда сопряжены съ опасностями, постоянно возбуждали вниманіе въ читателяхъ путешествій. Поэтому считаемъ не лишнимъ представить здѣсь рассказъ г. Эд. Десора, взошедшаго на вершану Галенштока, одного изъ самыхъ живописныхъ пунктовъ гористой Швейцаріи.

«Альпы бернского Оберланда, говорятъ г. Десоръ: отличаются отъ всѣхъ горъ земнаго шара особенными, только въ одномъ свойственными формами: остроугольными очертаніями и часто разорванными, угловатыми образами ихъ свидѣтельствуютъ, что горы эти возникли вслѣдствіе сильныхъ потрясеній. Напрасно искать здѣсь ровную вершину Юры или скругленные верхи Вогезскихъ Горъ, или гигантскій и, однакожь, правильный куполъ Оверна. Характеръ бернскихъ высотъ не имѣетъ подобнаго себѣ, но въ тоже время онъ чрезвычайно живописны.

«Посѣщавшіе Оберландъ и наблюдавшіе сколько-нибудь со вниманіемъ форму его горъ, безъ сомнѣнія, замѣтили между безчисленными, смѣло брошенными вершинами гору, отличающуюся отъ всѣхъ прочихъ своею круглою формою, и похожую на великолѣпный снѣговой куполъ. Гора эта — *Галенштокъ*, которую хорошо видно съ *Майенванда*, и еще лучше съ вершины *Зейдельгорва*. Она господствуетъ надъ прекраснымъ ледникомъ *Роны*, на высшемъ пунктѣ цѣпи, отдѣляющей *Галенъ* отъ кантона *Ури*. Мнѣ уже давно приходило на умъ, что бы могло быть причиною такой необыкновенной формы горы, — *форчы*, которая нигдѣ не повторяется на протяженіи всей цѣпи; но какъ я не могъ добраться ни до какого результата, то и обратился къ опытнымъ проводникамъ съ предложеніемъ, не отважатся ли кто-нибудь изъ нихъ взойти на *Галенштокъ*, страшный не столько по высотѣ своей, или крутизнѣ, сколько по необыкновенной формѣ.

«Извѣстный проводникъ *Яковъ Лентольдъ* обратилъ мое вниманіе въ особенности на ледяной скатъ, длиною тысячи въ

три фута въ , по которому можно взбираться не иначе , какъ пробывая на каждомъ шагу ступени желѣзомъ. Но къ несчастію, говорилъ Лейтольдъ, въ первый теплый день вся эта лѣстница могла растаять, прежде чѣмъ мы успѣли бы воротиться, и въ такомъ случаѣ не легко было бы, спускаясь, прорубить новые уступы. Впрочемъ, смѣлый проводникъ надѣялся, что въ августѣ, когда снѣгъ окрѣпнетъ, восхожденіе на гору — еще вещь возможная. Но Лейтольдъ не могъ принять участія въ этомъ предпріятіи: онъ умеръ вскорѣ послѣ нашего совѣщанія, и исполненіе плана приостановилось до-тѣхъ-поръ, пока нѣкоторыя наблюденія Агассиза надъ ледниками не представили случая осуществить это почти забытое намѣреніе.

«Мы уже съ мѣсяцъ прожили на ледникѣ Аара, и бивачили въ хижинѣ, построенной Дольфусомъ-Оссѣ на лѣвомъ краю ледника и нѣвѣстной всѣмъ туристамъ подъ названіемъ *Дольфусова павильона*. Во все это время мы постоянно занимались наблюденіями надъ распространеніемъ ледника, надъ всѣми измѣненіями его, происходившими отъ вліянія атмосферы. На горѣ были высѣчены въ нѣсколько рядовъ ступени, по которымъ можно было ежедневно судить о переизмѣнѣ мѣста; кромѣ того, на краю и концѣ ледника разставлено множество разныхъ сигналевъ, которые бы дополнили собою наблюденія, незадолго передъ тѣмъ сдѣланныя Агассизомъ. Работы эти возбуждали наше усердіе, и были такъ занимательны, что намъ и въ голову не приходило жаловаться на труды. Мы отложили экскурсію и восхожденіе на вершину горы до другаго времени и не думали оставлять свое мѣсто; но внезапная и сильная буря, какія иногда бываютъ въ высоко-лежащихъ долинахъ, вдругъ свесла крышу съ нашей хижины, и мы проснулись утромъ, полусхороненные подъ снѣгомъ. Оставалось ретироваться, и не безъ труда мы добрались до гринзелской гостиницы; но едва пришли туда, какъ погода опять сдѣлалась прекрасная, и за бурей, которая бушевала цѣлый день, наступилъ очаровательный тихій вечеръ. Впрочемъ, снѣгу пало столько, что мы не могли тотчасъ же опять приняться за прерванные наблюденія, и воспользовались этимъ временемъ чтобы взойти на Галенштокъ. Дольфусы, отецъ и сынъ, приняли мое предложеніе; инструменты, взятые нами, были упакованы;

хозяйник снабдил насъ пищею на дорогу, а Дольфусъ взялъ съ собою кусокъ цѣвтной матеріи, чтобы сдѣлать изъ нея шапки и водрузить на вершинѣ Галенштока.

«На слѣдующее утро, въ 3 часа (18 августа), мы тронулись въ путь. Общество наше состояло изъ восьми человѣкъ: двухъ Дольфусовъ, меня и пяти проводниковъ. Оставшіеся путешественники провожали насъ изъ гостиницы съ самыми искренними напутствіями; двое изъ нихъ съ удовольствіемъ пошли бы съ нами, еслибъ ихъ не удержали молодые еурупты; впрочемъ они общались остаться еще на день въ гостиницѣ, чтобы встрѣтить насъ, когда мы веротимся, и пожелаая намъ счастливаго пути.

«Въ 4 часа мы взобрались на вершину Гримселя, гдѣ лежитъ Мертвое озеро. Небо было безоблачно, крии горы Розы казались будто пылали отъ сильной утренней зари, между тѣмъ какъ внутри цѣпи поднимался прозрачный паръ, который такъ прекрасно изобразила несравненная вѣсть Калама на картинѣ «гора Роза», восхищающей посѣтителемъ помпательскаго музея.

«Вскорѣ передъ нами сталъ Галенштокъ, съ огренившимъ изломомъ и длинными навѣсами снѣгу, болѣе чѣмъ когдалибо подстрекнувшій наше любопытство и вѣсть о тѣхъ свѣдѣніяхъ въ успѣхъ нашего предпріятія. На краю одного такого навѣса мы остановились, чтобы условиться, какой выбрать путь, и, согласившись въ мнѣніяхъ, пошли внизъ по легкому скату, который однакожъ на верхней сторонѣ рожекаго ледника отъкрутъ; намъ должно было идти держась одному за другое, съ величайшею осторожностію, потому что недавно-заманшіи снѣгъ легко могъ увлечь насъ въ пропасть. Достигнувъ ледника, мы ступили на Галенштокъ, и пошли звизжаками къ самой низкой сторонѣ окраины. Снѣгъ до того замерзъ, что едва поддавался подъ нашими шагами. Къ 10 часамъ мы уже дошли до углубленія, которое назвали Галензаттелемъ. Высота здѣсь составляла около десяти тысячъ футовъ. Видъ съ этого пункта поразительный: съ одной стороны — массивъ цѣпи Финстераагорна съ глубокими долинами, съ другой — верхняя часть долины Реальпа, ведущая черезъ Андореттъ къ Фураѣ. У нашихъ ногъ простирались величественныя снѣжные поля, примыкающія къ рожекому леднику. Но въ особн-

ности поразила наше вниманіе самъ Галенштокъ, котораго профиль мы увидѣли теперь. Трудно найти что-нибудь противуположище двухъ сторонъ этой горы, которая къ ронской долинѣ представляется умѣренною отлогостью, а на востокъ, къ Реальну, образуетъ почти вертикальную стѣну, до того скалистую и червую, что люди, не одаренные топографическимъ тактомъ, никакъ не узнали бы тутъ Галенштока. Этотъ контрастъ и объяснилъ намъ загадку. Очевидно, что окраина, на которой мы находились, непрерывно продолжалась вплоть до купола Галенштока, между-тѣмъ какъ другая, параллельная ей, но невысокая и видная только на нѣкоторыхъ пунктахъ, простиралась подъ снѣговой кровлей. Пространство между обѣими окраинами составляетъ, такъ сказать, хранилище для снѣгу, который накапливается здѣсь въ огромной массѣ и, совершенно наполнивъ собою вмѣстилище и покрывъ скалы, придаетъ горѣ, если смотрѣть на нее издали, видъ купола. Говори орографически, въ строеніи Галенштока нѣтъ ничего необыкновеннаго; массы, какъ и окружающая его вершина, состоятъ изъ выдающихся окраинъ, и правильные и округленные очерки его съ ронской стороны суть только результатъ этого огромнаго накопленія снѣгу.

«Достигнувъ такимъ-образомъ главной цѣли нашей экскурсіи, мы, кажется, могли бы остановиться. На день былъ прекрасный, вершина горы смотрѣла на насъ такъ близко! Намъ хотѣлось измѣрить ея высоту по состоянію барометра и водрузить на ней знамя....

«Въ 11 часовъ мы пошли къ высочайшему пункту, и достигли отлогого ската, которой велъ вдоль покатости; при этомъ мы постоянно шли въ извѣстномъ отдаленіи отъ края, потому что замѣтили еще прежде, что на главной окраинѣ снѣгъ во многихъ мѣстахъ казался повисшимъ черезъ гору. Восхожденіе на вершину было очень легко, и веселое общество наше походило скорѣе на школьничковъ, нежели на естествоиспытателей, поднявшихся еще на дѣвственную гору, покрытую снѣгомъ.

«Я далъ Дольфусу младшему ступить первому на вершину и водрузить знамя тамъ, гдѣ еще ни разу не оставляла слѣда человѣческая нога. Это было торжественное мгновеніе, и для

него, и для всѣхъ насъ, не только потому, что мы взошли на гору, доселѣ считавшуюся неприступною — съ нашей стороны тутъ еще не было особенной заслуги — но скорѣе оттого, что передъ нашими глазами развернулась великолѣпная панорама. Стоя на такомъ высокомъ пунктѣ, чувствуешь себя какъ-будто ослѣпленнымъ и не ищешь никакой другой награды за труды и опасности, которымъ подвергалъ себя. Впечатлѣніе, производимое цѣлью Альповъ, разсматриваемыхъ съ этой высоты — неизобразимо.

«Впрочемъ, съ художнической точки зрѣнія, должно замѣтить, что прелесть этихъ горъ заключается скорѣе въ деталяхъ ландшафта, столь близкихъ глазамъ; нежели въ протяженіи панорамы. Видъ величаваго хаоса остроугольных очертаній вершинъ рядомъ съ обрывами, глубокими долинами, разорванными цѣпями горъ, потомъ утесами, которыя встаютъ въ вѣнкѣ облаковъ изъ безпредѣльныхъ сѣтловыхъ равнинъ, и проч. — чисто волшебный! Самый опытный глазъ напрасно сталъ бы искать здѣсь первобытнаго сдѣланія предметовъ. Противуположности свѣта и тѣней еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе. Глубокія разсѣлины долины Аара и другихъ, не столь печальныхъ, гдѣ рѣка Роба вытекаетъ изъ ледниковъ; нѣсколько далѣе — гигантскіе Альпы съ крутыми боками и треснувшими вершинами — все это напоминало какъ прекраснѣйшія минуты нашей альпійской жизни; между прочимъ, Штрекгоря, на вершинѣ котораго мы еще замѣтимъ шесты, служившіе въ 1842 году древками флагамъ, которые повѣсилъ я съ моимъ другомъ Эшеромъ; и еще подальше, вправо, три верхушки Веттергорна, гдѣ мы были за годъ вѣрелъ тѣмъ и гдѣ на одной — названной Розенгорномъ — еще были видны слѣды нашего восхожденія. Впрочемъ, мы постоянно брали съ собою однихъ и тѣхъ же проводниковъ, и легко могли перечислить всѣ приключенія своей скитальческой жизни — отъ восхожденія на Юнгфрау до восхожденія на Галенштокъ. Оградилъ воспоминанія!

Мы пробыли съ часъ времени на вершинѣ и сдѣлали нѣсколько наблюденій. Состояніе барометра было 0м, 488. Термометръ колебался между 0 и — 2° C. Въ тихую погоду температура эта была бы очень спосна, но при сильномъ вѣтрѣ мы

порядкомъ прозябли, такъ что рѣшительно не могли рисовать, и напрасно старались зажечь лампу, которою должны были пользоваться при дальѣйшихъ своихъ наблюденіяхъ. Поэтому, разсудили мы воротиться и поспѣшили въ гостиницу, доказать ожидавшимъ насъ, что взобраться на такую неприступную гору, какою считали они Голенштокъ — еще далеко не геройскій подвигъ.

«Было около часу, когда мы пустились въ обратный путь. Снѣгъ на солнечной сторонѣ покатостей сдѣлался такъ мягокъ, что мы вязнули въ немъ по лодыжку. На другой сторонѣ дорога была не довольно поката, чтобы скатиться по ней, и намъ оставалось — по словамъ проводниковъ — «взять лошадей вмѣсто саней»: такъ выражаются проводники, когда берутъ они туристовъ за ноги и сбѣгаютъ съ ними съ горы.

«Достигнувъ того мѣста, гдѣ, казалось намъ, снѣгъ ровно перевисъ черезъ скалы, мы старались идти по своимъ слѣдамъ, и держаться того самаго пути, по которому поднимались утромъ. Общество наше слѣдовало гуськомъ, и проводникъ Жанъ былъ колонновожатымъ. Мы уже радовались счастливому концу своей экскурсіи и удивленію, которое возбуждать въ туристахъ и оберландскихъ проводникахъ знамя, водруженное нами на вершинѣ неприступнаго Галенштока, какъ вдругъ, вижу, передо мной образовалась въ горѣ трещина и раздвинулась въ длину съ быстротою молніи. Гора разверзлась, и вся верхняя поверхность снѣга рухнула съ ужаснымъ шумомъ въ бездну.... Никогда не забуду этой драмы, хоть она продолжалась всего нѣсколько мгновеній! Трещина, задѣвшая мою лѣвую ногу, скользнула подъ ноги проводнику; онъ тотчасъ бросился въ сторону, чтобы устоять тверже. Ни малѣйшаго крику, ни одного слова не раздалось во время этой сцены.. Но когда я обернулся, чтобы спросить своихъ спутниковъ, то увидѣлъ только испуганныя лица... Одного изъ насъ неоставало; въ двухъ шагахъ отъ меня висѣла черезъ обрывъ палка; тотъ, кому она принадлежала, обрушился вмѣстѣ съ горою. Дальше отецъ, немного отставшій отъ насъ, сначала не понялъ причины общаго безпокойства, уговаривалъ насъ идти осторожнѣе, и только теперь замѣтилъ, что изъ нашего общества убылъ одинъ товарищъ: его сынъ! Но въ минуту этого от-

Т. СХХV. — Отд. VII. 14

крыла, цась схватилъ густой снѣжный вихрь, облако изъ мельчайшей снѣжной пыли. Трудно сказать, что чувствовали мы въ такомъ положеніи. Каждую секунду мы ждали, что, послѣ первой трещины, образуются въ горѣ другія и увлекутъ насъ въ пропасть... Мало-по-малу, однакожъ, снѣжный вихрь прояснилъ, такъ что мы начали различать смутные очерки. Трещинъ болѣе не показывалось, и въ насъ блеснулъ лучъ надежды. Я воротился къ краю пропасти, легъ на снѣгъ, впереди обвязавъ себя, для предосторожности, поясомъ, чтобы проводникъ могъ удержать меня въ случаѣ, если и эти глыба снѣгу обрушится. Невозможно изобразить, съ какимъ печальнымъ страхомъ старикъ Дольфусъ смотрѣлъ на всѣ мои движенія и спрашивалъ, не вижу ли я какихъ-нибудь слѣдовъ его сына. Сначала я видѣлъ только огромную массу снѣга, которая двигалась подо мной въ глубинѣ болѣе тысячи футовъ. Глыба эта оборвалась, и каталась въ долину Горшена, по-ту сторону Реальпа. Черезъ нѣсколько секундъ, однакожъ, между обдаками снѣжной пыли, почти вертикально подо мной, показался мнѣ какой-то черный предметъ, лежавшій на нутти, по которому падала лавина. Не Дольфусъ ли это? Но я не могъ вѣрить своимъ глазамъ и опредѣлительно отвѣчать на вопросы проводника. Вскорѣ, однакожъ, сомнѣніе разсѣялось: я узналъ шляпу своего друга. Теперь представился другой вопросъ: умеръ онъ или живъ? — и какъ ни хотѣлось мнѣ успокоить родительское сердце отрадною вѣстью, я не рѣшился думать, чтобы эта масса снѣгу не раздавила несчастнаго, если онъ еще не убитъ во время паденія. Но непостижимо было, какимъ-образомъ, вмѣстѣ того чтобы улетѣть вмѣстѣ съ лавиной, онъ остался такъ близко отъ края — всего въ какихъ-нибудь семидесяти футахъ подъ нами. Черезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно что-то зашевелилось...

«Онъ не умеръ!»

«Можно понять впечатлѣніе, произведенное этимъ открытіемъ. Едва вскричалъ я: «онъ живъ!» — какъ Веренъ, любимый проводникъ Дольфуса, бросился съ вершины ската. Мы закричали отъ ужаса, но къ счастью смѣльчакъ упалъ на снѣговую лавину въ тридцати футахъ отъ вершины, и какъ снѣгъ былъ рыхлый, то онъ завязъ въ немъ, такъ-что только съ трудомъ

и послѣ долгаго времени могъ выбраться изъ сугроба. Между-тѣмъ и молодой Дольфусъ началъ мало-по-малу приходивъ въ себя послѣ оцѣпенѣнія, причиненнаго паденіемъ, осматривался во всѣ стороны, и когда замѣтилъ меня, то естественно, прежде всего подумалъ объ отцѣ. Увѣреніе, что отецъ живъ и что ни съ кѣмъ изъ насъ не случилось несчастія, ободрило молодаго Дольфуса. Онъ пытался привстать, и тутъ-то замѣтилъ, что повредилъ себѣ правое плечо и не можетъ имъ владѣть. Переломилъ онъ руку или только вывихнулъ — онъ и самъ не зналъ хорошенько, но кричалъ намъ, что это не бѣда, если только всѣ цѣлы. Но какъ Дольфусъ удержался въ своемъ паденіи? Въмѣсто того, чтобъ отыскивать причины, скажемъ лучше, что его спасла благодать Провидѣнія.

«Теперь оставалось важная задача: придумать, какимъ бы средствомъ вывести Дольфуса изъ безпомощнаго положенія. Во всякомъ случаѣ мы рѣшились не сходить съ мѣста, пока не спасемъ товарища. Къ сожалѣнію, проводники наши, привыкшіе къ опасностямъ, теперь совершенно сбились съ толку. Спускаться по слѣдамъ лавины не было возможности. Дольфусъ былъ непремѣнно унесенъ этою глыбой, но между нимъ и нами стояла вертикальная стѣна, вышиною въ тридцать футовъ, а потомъ шла крутая покатость, футовъ около сорока — всего семьдесятъ футовъ разстоянія.

«Тогда одинъ изъ проводниковъ былъ спущенъ по канату на тридцать футовъ, до того мѣста, гдѣ находился его товарищъ Верепъ, помогъ ему выкоробаться изъ снѣгу, и они начали спускаться вавосемъ еще на сорокъ футовъ: фокусъ этотъ, на который способны и рѣшаются только самые ловкіе охотники на сернь, состоитъ въ томъ, чтобы попадать ногою именно на то мѣсто, гдѣ снѣгъ можетъ выдержать тяжесть человѣческаго тѣла.

«Такъ добрались они наконецъ до Дольфуса, отрыли его изъ лавины, и тутъ съ сожалѣніемъ увидѣли, что онъ не могъ владѣть не только плечомъ, но и ногою. Могъ ли человѣкъ въ такомъ состояніи взбираться по скату, который въ иныхъ мѣстахъ возвышался на семьдесятъ футовъ? Идти назадъ было невозможно, идти наверхъ нѣсколько легче. Но два молодца работали такъ искусно, что имъ удалось донести Дольфуса на

вершину противоположной покатости. Здѣсь они обвязали его веревкой, и мы встали наверхъ, стараясь, чтобы она скользила, какъ по блоку, по палкѣ, которую нарочно для этого положили на краю обрыва. Тѣмъ же порядкомъ были вытащены и оба проводника.

«Много прошло длинныхъ и печальныхъ часовъ, пока наконецъ мы отыскали того, кого считали погубшимъ. Между-тѣмъ солнце уже замѣтно закатилось за Ааргорнъ. Старикъ Дольеуст освидѣтельствовалъ сына, и нашелъ, что онъ не только не переломилъ руки, но и ногу свихнулъ очень легко. Хотѣли было послать за ближайшимъ лекаремъ, но больной просилъ чтобы не беспокоились, и проводники посадили его на носилки и повесили на плечахъ до Галлензаттеля. Здѣсь мы подѣлились пищею, и только теперь совершенно увѣрились въ своей безопасности.

«Многимъ читателямъ покажется, можетъ-быть, странно и даже смѣшно, если я скажу, что, по минованіи опасности, мы, твердые мужчины плакали какъ дѣти....»

— Послѣдніе смуты въ Китаѣ, кажется, поселили въ дѣти Средняго Имперія страсть къ путешествіямъ. Говорятъ, что многочисленное семейство Китайцевъ собирается прѣхать въ Парижъ на постоянное жительство и, вѣроятно, послужитъ зерномъ китайской колоніи. Такимъ-образомъ, въ Парижъ прибавится къ англійскому, итальянскому, испанскому, нѣмецкому и другимъ кварталамъ, новый—китайскій. Но въ ожиданіи, пока столица Франціи дойдетъ до этого совершенства, сюда прибыли, на первый разъ, двѣ труппы китайскихъ фигларовъ, которые превзошли своимъ искусствомъ все, что было видано доселѣ. Труппы эти играютъ поочередно каждый вечеръ на театрѣ Сен-мартенскихъ Воротахъ. Въ главѣ ихъ стоитъ карликъ, ростомъ въ аршинъ, двадцати-девяти лѣтъ отъ роду. Онъ носитъ жиденькія бакенбарды, подстриженные по-китайски; голова у него, разумѣется, выбрита какъ зеркало, и аффиша гласитъ, что родители держали его двѣнадцать лѣтъ въ горшкѣ, пока естественное растяженіе тѣла не разбило глиняную или фарфоровую оболочку. Этотъ маленькій мандаринъ, называемый *карликомъ съ береговъ Жемчужной рѣки*, управляетъ труппою изъ девяти фигларовъ, изъ которыхъ большія

часть народъ рослый и сильный. Послѣ поднятія занавѣса, маленкій дѣржеръ выступаетъ съ девятью подчиненными ему артистами, дѣлаетъ поклонъ публикѣ, и начинается комическая сцена. Карликъ садится на высокій стулъ посерединѣ сцены; соотечественники начинаютъ раскланиваться ему, работая руками и ногами, то становятся на колѣни, то падаютъ ничкомъ, и произносятъ при этомъ какіе-то отрывистые звуки, — вѣроятно, на-китайскомъ языкѣ. Церемонія эта продолжается минутъ пять; потомъ общество удаляется, и артисты выступаютъ на сцену по-одиначкѣ. Увы! европейскіе наши фокусники не изобрѣли ничего новаго! У Китайцевъ тоже есть свой клоушъ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, съ быстрыми, живыми глазами — на сколько могутъ быть быстры узбекскіе китайскіе глазки — который не только пріятный острякъ, хоть зрители не совсемъ-то понимаютъ его китайскихъ каламбуровъ, но и чрезвычайно ловкій гаеръ. Непостижимо, съ какою ловкостью онъ перекидываетъ по два и по три шара: это не руки, а магниты, за которыми шары слѣдятъ по всѣмъ направленіямъ, и падаютъ сверху на раскрытую ладонь, какъ пуля въ песокъ. Также ловко артистъ этотъ кувыркается съ дюжиной тарелокъ въ рукахъ, подъ мышками, во рту, между колѣнъ — и потомъ показываетъ зрителямъ всѣ тарелки совершенно цѣлыя, безъ малѣйшей трещинки. Товарищъ его, Ар-Коу, здоровый мужчина, съ огромной косою, перекидываетъ ее черезъ шесть, горизонтально поддерживаемый съ обѣихъ концовъ двумя Китайцами, и потомъ поднимается и опускается по собственной косѣ, какъ водяная ищерица въ фонтанѣ. Конгъ - Монгъ прикрѣпляетъ нѣсколько просверленныхъ китайскихъ и ветвь къ концу соломинки, которая, разумѣется, при этомъ не можетъ держаться вертикально, и гнется; однакожъ Китаецъ умѣетъ придать соломинкѣ твердость, и сдѣлавъ свой фокусъ - покусъ, становитъ соломинку себѣ на носъ, потомъ разрываетъ ее вдоль въ присутствіи зрителей, чтобы показать, что въ стеблѣ не продѣто никакакой проволоки, и опять становитъ ее на носъ, и держитъ разорванную въ вертикальномъ положеніи. Но прыжки и кувырканья этого Китаица превосходятъ всякое вѣроятіе. Въ Наполеоновомъ циркѣ также есть искусные акробаты, изъ которыхъ одинъ, хоть не Китаецъ, становится го-

ловую на шесть, и въ этомъ положеніи вертится около своей оси, безъ всякой помощи рукъ; другой берется руками за шесть и нѣсколько разъ перекидывается черезъ него всѣмъ тѣломъ, такъ что оно описываетъ кругъ, центръ котораго палка. Но Китайцы еще ловче. Одинъ скачетъ на плечи другому — разумѣется, безъ помощи рукъ — и этого толчка довольно, чтобы они перекувырнулись назадъ и покатались колесомъ. Но всѣ эти фокусы блѣднѣютъ передъ англійскимъ Вильгельмомъ Теллемъ. На сцену вертикально ставятъ доску, длинной, шириной и формой похожую на тѣ, какія употребляются для глаженья бѣлья; одинъ изъ артистовъ прислоняется къ ней спиною, и Гонгъ-Монгъ, на разстояніи восьми или десяти шаговъ отъ доски, бросаетъ въ нее столовые ножи, которые всѣ пролетаютъ какъ разъ возлѣ колѣнъ, шеи, плечъ и головы живой мишени и попадаютъ доску, не задѣвъ за тѣло; потомъ Китаецъ протягиваетъ по доскѣ руку, и пять ножей пролетаютъ между пальцами. Все это дѣлается такъ спокойно и съ такою увѣренностью съ обѣихъ сторонъ, что публикѣ вовсе не страшно за актеровъ. Вѣроятно, вскорѣ найдется какой-нибудь праздный искатель сильныхъ ощущеній, въ родѣ Англичанина, который путешествовалъ за звѣриномъ Амбурга, и будетъ присутствовать при всѣхъ представленіяхъ кятайской труппы, въ надеждѣ, что когда-нибудь Гонгъ-Монгъ промахнется и ранитъ ножомъ своего товарища.

Въ Гипподромѣ выдѣлываетъ такія же штуки другое общество Китайцевъ; но съ прошлаго года, когда Гипподромъ вздумалъ мистифировать публику бумажными львами вмѣсто живыхъ, публикѣ кажется, что нынѣшніе Китайцы сдѣлавы изъ папье-маше, и оттого она неохотно посѣщаетъ здѣшнія представленія. Въ Наполеоновомъ циркѣ тоже есть экзотическіе артисты — два молодые слона, которые ходятъ на заднихъ лапахъ, какъ ученые собаки, кувыркаются, танцуютъ, словомъ, продолжаютъ восхищать своею эластическою ловкостью, о которой, если вспомните, уже говорено въ «Замѣткахъ путешественнаго вокругъ свѣта», въ апрѣльской книжкѣ.

На прочихъ парижскихъ театрахъ нѣтъ ничего особенно-замѣчательнаго въ настоящую минуту. Итальянская опера опустила занавѣсъ 13 мая. Говорятъ, что директоръ нажалъ въ

ныѣшній сезонъ сто-тысячь франковъ, хотя въ театрѣ зачастую было много пустыхъ мѣстъ. Впрочемъ, пока директори итальянской оперы въ Парижѣ принуждены будутъ платить артистамъ огромныя суммы, напримѣръ по двѣ тысячи фр: за вечеръ госпожѣ Альбони, шестидеять-тысячь за сезонъ Фреэццоллини, по-крайней-мѣрѣ по столько же Маріо и Гордони; — ни одна дирекція не удержится. Тѣмъ не менѣе, однакожъ; уже заключено нѣсколько ангажментовъ на слѣдующій сезонъ: Фреэццоллини, забывшая свой голосъ въ Италіи, останеся и на будущую зиму; еще ангажированы Бозио, пѣвица Большой-Оперы, и Испанка Гассье, которая очень нравилась у себя на родинѣ и въ Марсели; о пѣвцахъ еще ничего неизвѣстно. Финансы Большой-Оперы идутъ все хуже и хуже; недочетъ — въ восемьсотъ-тысячь франковъ! Не смотря на то, что дирекція ежегодно получаетъ въ пособіе отъ правительства шестьсотъ-тысячь франковъ, въ прошломъ мѣсяцѣ не могла выдать жалованья восьми артистамъ; по этой причинѣ, мадамъ Бозио оставила сцену, а Крувелли не соглашась пѣть до тѣхъ-поръ, пока правительство не обязалось выплатить ей пятьдесятъ-тысячь франковъ будущей зимою. Нынѣшнему директору охотно дали бы отставку, но едва ли кто хочетъ замѣнить его, а потому онъ оставленъ на прождемъ основаніи. Рассказываютъ, что предполагаемая выставка и новая опера Мейербергера *Африканка* поправятъ дѣла театра въ будущемъ году; но еще вопросъ, поставитъ ли Мейербергъ свое произведеніе. Говорятъ, что на слѣдующій сезонъ будетъ ангажированъ первѣйшій современный нѣмецкій бассъ, Форшесъ, который, недавно проѣзжая черезъ Лондонъ, пѣлъ съ блистательнымъ успѣхомъ на одномъ вечерѣ.

— Мѣсяца три тому, въ Парижѣ заговорили объ американскихъ гостинницахъ, которыя, по своему устройству и порядку, представляютъ всѣ удобства для путешественниковъ, и уже хотѣли основать общество на акціяхъ, чтобы доставить пріѣзжающимъ въ столицу Франціи возможность жить со всѣми удобствами, не бросая огромныхъ денегъ. Но проектъ этотъ не состоялся по неимѣнію капиталовъ. Теперь, кажется, явились охотники учредить гостинницу въ американскомъ вкусѣ, и газета *Illustration*, принимающая въ этомъ дѣлѣ ревностное

участіе, представляетъ описаніе гостиницы, которая послужитъ образцомъ для парижскаго каравансарая.

Гостиница эта находится посреди великой артеріи Нью-Йорка, называемой Бредвай, на углу улицъ Мерсеръ и Сприагъ, въ самой многолюдной части главнаго города Союза, и занимаетъ поверхность въ *шесть тысячъ квадр. метровъ*.

Архитекторъ построилъ три фасада, въ благородномъ и строгомъ стилѣ, подходящемъ къ коринтскому ордену. Главный фасадъ по улицѣ Бредвай, длиною въ двѣсти семьдесятъ пять футовъ, высѣченъ изъ бѣлаго мрамора, который вскрывается, какъ-будто насыпанный драгоценными камнями: это уже свойство американскаго мрамора, и если онъ негодится для скульптора, то какъ нельзя лучше можетъ быть употребленъ для архитектурныхъ потребностей. Эта поразительная масса мрамора представляетъ великолѣпный видъ, на которомъ пріятно отдыхаютъ глаза послѣ однообразнаго колорита домовъ, построенныхъ во вкусѣ Людовика XIII, изъ коричневаго камня и краснаго кирпича, каковы почти всѣ частныя дома въ Нью-Йоркѣ. Два другіе фасада — изъ плитняка, и длиннѣйшій изъ нихъ, по улицѣ Мерсеръ, имѣетъ двѣсти семьдесятъ пять футовъ.

Главный входъ въ гостиницу находится по серединѣ фасада съ улицы Бредвай; кромѣ того есть еще четыре подъѣзда, и два изъ изъ нихъ назначены исключительно для дамъ, живущихъ въ гостиницѣ, для ихъ семействъ и посѣтителей. Другія двое дверей отворяются только для прислуги и торговцевъ; но въ случаѣ пожара, онѣ могутъ служить выходомъ для служащихъ при гостиницѣ.

Зданіе въ пять этажей, не считая подвального. Средняя вышина каждаго этажа отъ пяти до трехъ метровъ.

Войдемъ въ гостиницу главною дверью, съ улицы Бредвай, и послѣдуемъ за проводникомъ.

Сначала — стѣны, въ двѣсти футовъ длиною: стѣны оштукатурены въ итальянскомъ вкусѣ; полъ выложенъ мозаикой изъ разноцвѣтнаго мрамора. Направо — зала, назначенная исключительно для мужчинъ, и возлѣ нея кабинетъ для чтенія, въ которомъ разложены на столахъ и кюпитрахъ всѣ журналы Соединенныхъ-Штатовъ и европейскіе; потомъ — по-

чтовая контора, при которой состоитъ особое служащее лицо; далѣе — контора гостинницы, то-есть комната ея хозяевъ: въ этомъ центральномъ пунктѣ сходятся всѣ приказанія путешественниковъ, остановившихся въ гостинницѣ, и здѣсь распределяются различныя обязанности прислуги. Здѣсь, по обѣимъ стѣнамъ комнаты сидятъ на скамейкахъ лакеи, готовые, при малѣйшемъ звукѣ колокольчика, бѣжать къ каждому изъ гостей (*boarders*), кому они нужны. Здѣсь также находится листъ, на которомъ каждый изъ прїѣзжающихъ записываетъ свое имя. Здѣсь также вы увидите замысловато-придуманную доску, на которой написаны, на мѣдномъ подвижномъ кружкѣ, номера всѣхъ комнатъ гостинницы, соединенныя желѣзною проволокой съ ручкой, которая виситъ у камня въ каждой комнатѣ и, будучи тронута постояльцемъ, передаетъ посредствомъ электричества, въ контору извѣстія, что гостю нуженъ слуга — и требованіе это исполняется въ ту же минуту. На стѣнахъ конторы развѣшены безчисленные адреса, афиши, необходимыя для каждаго путешественника свѣдѣнія — объ отправленіи пароходовъ, желѣзныхъ дорогахъ, diligencсахъ, и другихъ способахъ локомоціи.

Теперь войдемъ въ большую залу, назначенную исключительно для прїѣзжихъ мужчинъ и ихъ посѣтителей. Возлѣ нея комната для куренья; стѣны расписаны фресковою живописью и украшены огромными зеркалами въ золотыхъ рамахъ. Вдоль одной изъ стѣнъ тавится громадный буфетъ изъ рѣзнаго дерева, выложенный бѣлымъ мраморомъ, гдѣ вы можете получить все, что вамъ угодно — шеря, клереть (бургонское), портвейнъ, шампанское, коньякъ, пиво, эль, портеръ, всевозможные ликеры, и знаменитые американскіе напитки — *sher-gu-cobblers*, *mint juleps*, *brandy cock-tails*, и проч.

Въ одномъ углу этой комнаты, хозяева гостинницы учредили электрической телеграфъ, имѣющій сообщеніе со всѣми городами Соединенныхъ-Штатовъ, такъ-что путешественникъ можетъ въ самое короткое время послать депешу и получить отвѣтъ. Такъ напримѣръ негодіантъ изъ Новаго-Орлеана можетъ отдать приказъ своему корреспонденту закупить нѣсколько тысячъ токовъ хлопчатой бумаги, по такой-то

нѣ — и черезъ двадцать минутъ получить отвѣтъ, исполнено ли сего приказаніе.

Полы во всѣхъ покояхъ подвального этажа выложены ир-моромъ, и зимою нагрѣваются множествомъ теплопроводныхъ трубъ.

Поднимаемся въ первый этажъ.

У площадки великолѣпной гѣстяницы начинаются корридоры; главный изъ нихъ вмѣстѣ въ длину полтора ста футовъ. Направо — двѣ столовыя; въ каждой можетъ помѣститься до трехъ сотъ человѣкъ. Все здѣсь исполняется съ удивительнымъ порядкомъ. Столъ накрытъ, кувертъ подается въ одно мгновеніе, и, вмѣсто блюдъ и канфорокъ, на скатерти видны только цвѣты, плоды и свѣчи. Прислуживаютъ совершенно по-русски: передъ каждымъ гостемъ лежитъ обѣденная карті, напечатанная на веленовой бумагѣ, остается только выбрать любимыя блюда — и они являются по первому требованію, безъ малѣйшаго шума, и разговоръ обѣдающихъ не прерывается топотомъ бѣгающей прислуги, потому-что вся комната устлана коврами. Чтобы показать разнообразіе блюдъ, возьмемъ, на выдержку, карту 27 апрѣля — и читатели будутъ въ состояніи судить по ней о богатствѣ американской кухни.

Супы. — Зеленая черспаха, тапіока, вермишель.

Рыба. — Лососина съ каперсами, осетрина съ голландскимъ соусомъ.

Первая кушанья. — Филей изъ дичи съ соусомъ Robert, пирожки съ бульономъ, воль-о-ванъ изъ телятины съ рисомъ, итальянскія макароны, свиныя ноги, начиненныя фисташками, медвѣжьій филей жареный на вертелѣ, цыплята à la маренго.

Жаркое. — Ростбифъ, баранина, каплуны, филадельфійская пулярда, фазаны, дикія утки.

Зелень. — Картофель вареный и тертый, сахарный горохъ, брюссельская капуста à la reine, бѣлыя бобы соте, кардоны съ бульономъ.

Салатъ. — Селлерей и свекла, латукъ и яйца.

Пирожное. — Шарлоттъ по-русски, кампотъ изъ грушъ, кампотъ изъ абанасовъ, яичница суфлѣ.

Десертъ. — Груши, яблоки, индаль; орѣхи, винныя ягоды, наломъ, честеръ, грюеръ.

Мороженое лимонное и ванильное.

Кромѣ того, на столѣ разставлены огурчики, зеленыя оливки, анчоусовое масло, красная капуста въ укусѣ, и проч. и проч.

Прислуга одѣта однообразно, но не въ либрѣ: фракъ, жилетъ и панталоны чернаго цвѣта, и бѣлыя бумажныя перчатки, перемѣняемыя по нѣскольку разъ въ день.

Надѣво отъ столовыхъ—двѣ залы, гдѣ пьютъ чай, и потомъ четыре большія гостинныя для дамъ, и другіе покои, расположенныя такъ, чтобы въ нихъ могли помѣщаться цѣлыя семейства. Всѣ покои меблированы изящно и богато, мебель обита лѣонскимъ шелкомъ, на полу пушистыя ковры, бархатныя и штофныя диваны и стулья, и позолота, сверкающая при газовомъ освѣщеніи. Есть покои, въ которыхъ берется за сутки только *десяти долларовъ* (около 250 р. сер.) Легко сказать!

Второй и третій этажи расположены также для семействъ, то-есть что около гостиной и столовой группируются комнаты для мужа, жены и дѣтей. Въ четвертомъ и пятомъ этажахъ помѣщается общая спальня для мужчинъ, то-есть рядъ номеровъ, состоящихъ изъ алькова и маленькой гостиной. Корридоры, покои и комнаты освѣжаются вентиляторами и освѣщены газомъ.

Всѣхъ спаленъ до *восемисотъ*, но можно дать ночлегъ и *тысячь* человѣкъ.

При каждой отдѣльной квартирѣ есть особая ванна и прочія принадлежности, устроенныя по-англійски. Кромѣ того, въ каждомъ этажѣ есть общая ванна. Возлѣ каждого туалетнаго стола находятся два крана, одинъ для горячей воды, другой для холодной, которая поднимается въ верхній этажъ посредствомъ трехъ паровыхъ машинъ, безпрестанно дѣйствующихъ въ подвальномъ этажѣ. Свинцовыя трубы этихъ проводниковъ вѣсятъ сто-двадцать-пять тысячъ фунтовъ!

Вся гостинница освѣщена газомъ, приготовляемымъ рядомъ съ нею въ особомъ завсеніи, устроенномъ собственно для нея. Всѣхъ рожковъ до трехъ тысячъ.

Въ зимнее время, гостинница нагрѣвается паромъ, который расходится посредствомъ чугуновыхъ проводниковъ.

Теперь зайдѣмъ въ прачешную, главнѣйшую примѣчательность гостиницы. Все бѣлье этого огромнаго каравансера моется и гладится дома, но первый процессъ исполняется не женщинами, а паровою машиной, которая, подъ надзоромъ двохъ мужчинъ, стираетъ и полощетъ до шести тысячъ штукъ въ сутки. Грязное бѣлье приѣзжаго, сланное въ прачешную, возвращается къ нему черезъ полчаса бѣлымъ какъ снѣгъ, и при такомъ быстромъ превращеніи оно нисколько не страдаетъ отъ вальковъ, которыми разбивали бы его во Франціи.

Кухня раздѣляется на нѣсколько частей: одна для завтраковъ — находится возлѣ самой столовой, то-есть въ первомъ этажѣ. Большая кухня устроена въ подвальномъ этажѣ. Варятъ, обыкновенно, паромъ; но рагу и жаркое приготовляются на угольяхъ. Хлѣбъ, пирожное и всѣ роды печеній дѣлаются дома.

Мы уже сказали о богатствѣ мебелировки; прибавимъ только, что во всемъ домѣ, отъ перваго этажа до пятаго, ноги ходятъ по коврамъ. Даже коридоры устланы коврами.

На мебелировку гостиницы истрачено полтора мильона франковъ.

Цѣна за полныя квартиры измѣняется, смотря по этажамъ и расположенію комнатъ, отъ десяти до пятидесяти франковъ въ сутки, считая въ этой суммѣ за ванну, освѣщеніе и прислугу. За кушанье берется по 7 фр. 50 сент. съ человѣка.

Если путешественникъ занимаетъ только одну комнату, въ какомъ бы этажѣ ни была она (приѣхавшіе равнѣе, разумѣется, получаютъ лучшіе номера), то платитъ за квартиру, кушанье, отопленіе и газовое освѣщеніе только двѣнадцать съ половиною франковъ въ сутки.

При гостиницѣ состоятъ двѣсти тридцать человѣкъ прислуги, по лѣтомъ къ нимъ прибавляется еще сто человѣкъ. Ежедневный расходъ на содержаніе гостиницы простирается до шести тысячъ франковъ въ сутки. Въ ней живутъ, среднимъ числомъ, отъ пяти до шестисотъ человѣкъ; лѣтомъ же число доходитъ до восьмисотъ.

По фаслу улицы Мерсеръ находятя конюшни, въ которыхъ могутъ помѣститься полтора ста лошадей и сорокъ экипажей.

Земля, на которой построена эта огромная гостинница, стоила два миллиона долларовъ; постройка дома обошлась во столько же, такъ-что на это образцовое помѣщеніе для путешественниковъ четыре владѣльца его издержали около двадцати, а съ внутреннею отдѣлкой — до двадцати-двухъ миллионовъ франковъ.

— Тампль, какъ Биржа, совершенно особый міръ въ парижскомъ мірѣ — съ своими нравами, языкомъ, постоянными посѣтителями, съ своею исторіей, своимъ почитателями и врагами. Рынокъ этотъ — послѣднее прибрѣжище бѣдняка, утѣшеніе нуждающихся. Знаменитость его — европейская, которой завидуютъ Ліонъ, Марсель, Руанъ и другіе большіе города Франціи. Спросите у кого угодно, гдѣ Тампль — у лавочника, у прохожаго, у перваго уличнаго мальчишки — и вамъ каждый укажетъ путь къ этому базару лохмотьевъ, каравансараю стоптанныхъ сапоговъ, старыхъ шляпъ и свѣжихъ лентъ, жилищу хитрости, честности, богатства, обмана, нищеты, ловкости, скопившихся подъ почернѣвшимъ сараемъ, котораго четыре фасада смотрятъ на ротонду и улицу Тампль, и улицы Персе и Дюпти-Туаръ.

Различныя отдѣленія Тампля, прорѣзанныя множествомъ переулковъ для проходящихъ, содержатъ въ себѣ тысячу во-семьсотъ восемьдесятъ восемь мѣстъ, между которыми девять-сотъ — большихъ. *Черный лѣсъ* (La forêt Noire) — одно изъ четырехъ главныхъ отдѣленій рынка.

Въ прежнее время, торговецъ могъ забирать сколько угодно мѣстъ, но теперь дается не болѣе двухъ. Участки эти отдаются въ наемъ по тридцати-три су за недѣлю (около 45 к. сер.), изъ которыхъ двадцать восемь поступаютъ въ доходъ города, а пять раздаются двѣнадцати сторожамъ, которые день и ночь дежурятъ на рынокѣ. Тампль доставляетъ ежегодно городу сто тридцать тысячъ франковъ дохода.

Не всѣ мѣста одинаково хороши для торговли. Лавочки, выходящія на улицу, счастливѣе тѣхъ, которыя внутри Тампля. Двѣ площадки по правую сторону центрального пассажа называются *красною линіей*, а по лѣвую — *черною*.

Первая площадка, самая знаменитая, потому-что тутъ продаются предметы роскоши, известна подъ громкимъ именемъ

Пале-Ройялль. Здѣсь вы увидите молодежькихъ, милонидныхъ торговкохъ, и — что очень замѣчательно — учтивыхъ даже съ тѣми, которые торгуются, ничего не покупая. Товары здѣшніе извѣстны похъ названіемъ *пустяковъ*: моды, мытыя перчатки, цѣфты, ленты, бархатъ, платья, поддѣльные ювелирные вещи, костюмы и разныя театральныя принадлежности. Здѣсь закупаютъ актрисы, которымъ надо играть новыя роли, и первые любовники бульварныхъ театровъ запасаются мытыми перчатками, по десяти су за пару, и по пятнадцати — за первый сортъ, *nes plus ultra* изящества. Новыя дамскія шляпки по шести, пяти — даже по три франка; подержаную можно купить за десять су; но цѣны на чепцы держатся еще довольно высоко: около франка. Въ Пале-Ройялль запасается гризетка, скопившая нѣсколько франковъ, чтобы пріодѣться въ Пасху или Троицынъ-день; сюла же пріѣзжаютъ, иногда, и знатныя, но бережливыя дамы, одѣваться хорошо, не бросаая денегъ.

Далѣе, площадка называемая *пасильономъ Флоры*. Здѣсь уже нѣтъ блестящихъ *пустяковъ*; пріятное смѣняется полезнымъ: вы видите груды матрацовъ, одѣялъ, подушекъ, бѣлья, занавѣсокъ и скромныхъ кисейныхъ платьевъ.

На третьей площадкѣ пріютились старая мебель, лохмотья, ржавыя таганы, ключи безъ замковъ и замки безъ ключей, гвозди, беззубыя пилы, скобки — словомъ все, что крючокъ трапичника вытащилъ изъ мусору безчисленныхъ закоулковъ столицы.

Но гораздо замѣчательнѣе этой площадки четвертая, прозванная *чернымъ льсомъ*, отъ мрачнаго ли виду черной обуви, которая составляетъ здѣсь главную статью торговли, или, можетъ-быть, оттого, что здѣсь за-частую обкрадываютъ, какі въ льсу.

Опушка *чернаго льса*, по улицѣ Дюнти-Туаръ, представляетъ огромную линію лоскутныхъ лавокъ, пересѣкаемую въ двухъ-трехъ мѣстахъ ларями, на нѣкоторыхъ продаютъ чепданы и разныя вещи для дороги.

Въ Тамплѣ — какъ на Биржѣ, въ театрѣ, въ каждомъ ремесленномъ цехѣ — есть свой особый языкъ; такъ напримѣръ,

пистоль значить десять франковъ, *полупистоль* — пять фр., *точка* — франкъ, *полточка* — полфранка, *кружокъ* — су.

Есть разные способы скрывать отъ профановъ крайнюю цѣну, ниже которой не можетъ продать торговка или прикащикъ. Самый употребительный способъ — слѣдующій: берутъ какое-нибудь слово, въ которомъ десять различныхъ буквъ соотвѣтствовали бы десяти цифрамъ, напримѣръ слово *comptagne*. Буква *C* представляетъ цифру 1, и т. д.

с о м р а г н і е — w.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 — 0.

Если на вещи написано *c. o. a. W*, это значить, что крайняя цѣна 12 фр. 50 сент.

На рынкѣ Тампля употребляется дюжина такихъ словъ.

Иногда обозначаетъ цѣну цифрами, и въ такомъ случаѣ считаются среднія цифры; напримѣръ, 8132 значить 13 фр.

Площадка между Тамплемъ и Ротондой называется *плитю* (*Carreau*): эта Биржа ветошного рынка, съ своими патронами и маклерами, и своимъ итальянскимъ рестораномъ подъ вивѣскою «Слова».

Искусство покупать въ Тамплѣ дешево требуетъ особаго такта, который приобрѣтается только опытомъ. Знающій человекъ можетъ одѣться здѣсь съ головы до ногъ — за два франка. Вотъ и расчетъ: лѣтнія панталоны — 50 сент.; блуза — 55 сент.; подержанные башмаки — 25 сент.; фуражка — 20; рубашка на обмѣнъ — 50, — и того 2 франка.

Люди съ претензіями на чистые воротнички найдутъ ихъ всѣхъ сортовъ — острые, тупые, круглые, четырехугольные, грандіозные, скромные. За обмѣнъ грязнаго воротничка на мытый взимается 1 су. Трое воротничковъ, безъ обмѣну — 2 су.

Справочныя цѣны эти не фантазія, но приведены съ строжайшею истиной. Не думайте, впрочемъ, что въ Тамплѣ приходятъ какъ въ магазинъ, подъ вивѣскою *prix fixe*; нѣтъ, здѣсь должно торговаться, торговаться до поту лица, и искусство покупать здѣсь, какъ мы уже сказали, требуетъ большой опытности. Торговецъ запрашиваетъ за вещь сорокъ франковъ — и уступаетъ ее за пять. Онъ основываетъ заирость не

на качества товара, но на потребности, которую повидному чувствуетъ въ немъ покупатель. Если вы входите въ лавочку тампльскаго торговца безъ приглашенія, по собственной охотѣ, — «хорошо!» думаетъ онъ: «или ему понравился товаръ, или онъ боится, чтобъ его не привѣтили. Притомъ, если онъ входитъ такъ бойко — значить, у него есть деньги». И за такимъ соображеніемъ слѣдуетъ немовѣрный запросъ.

Если же, напротивъ, прохожій проникаетъ въ лавочку, чтобы только отвязаться отъ заикателя, лавочникъ старается прельстить дешевой, и охотно сбавляетъ цѣну, особенно въ глухое время.

Каждый опытный покупатель долженъ играть роль равнодушнаго: аксіома Тампля.

Непостижимо, съ какою вѣрностью глазъ торговли въ одну секунду угадываетъ слабую сторону одежды прохожаго. Какая тонкость и, часто, сколько колкости въ шуткахъ, жестяхъ, приемахъ торговки! Въ искусствѣ заикать покупателей, мужчины далеко отстали отъ женщинъ.

Если которая-нибудь изъ нихъ кричитъ прохожему: «У насъ, сударь, прекрасныя пальто! самыя модныя! Купите!» — будьте увѣрены, что пальто прохожаго на три вершка выше или ниже, шире или уже моды.

Если она прибавитъ: «новыя, сударь! *теплыя*», знакъ, что пальто прохожаго обносились, или что бѣдняжка дрогнетъ зимою въ бумажной матеріи.

Но прохожій не останавливается передъ лавочкой, и тутъ-то начинается мщеніе. Лучше всего терпѣть и не возражать, а не то его заглушатъ насмѣшками. Жаловаться мирному судѣ здѣшняго квартала, то-есть смотрителю рынка, напрасно, потому-что слѣдъ преступленія скоро простываетъ, и челобитчикъ же оказывается виноватымъ. Смотритель рынка живетъ въ центральномъ пунктѣ четырехъ площадокъ; оттула глазъ его наблюдаетъ за всѣмъ, и если отъ него ускользнутъ импровизованныя дерзости, за то большія ссоры всегда получаютъ справедливое воздаяніе.

Нѣкоторые предметы туалета въ Тамплѣ не имѣютъ никакой цѣны, напримѣръ черный фракъ, потому-что рабочій классъ спрашиваетъ его очень рѣдко. Здѣсь можно купить

очень порядочный черный фракъ за четыре, или за пять франковъ. Бѣлые жилеты продаются не дороже десяти су. Въ одной лавочкѣ свалены горами исключительно парики, всѣхъ возможныхъ формъ, цѣною отъ полутора франка до ста франковъ. Лавочка эта очень хорошо знакома актерамъ. Тамнльскія цвѣточницы продаютъ самую свѣжую гирлянду за полфранка. Цѣна новому корсету измѣняется отъ полутора франка до двухъ франковъ. Женскіе чулки продаются по 12, 10 и даже 6 су за пару.

Цѣны эти, взятые на выдержку, могутъ дать понятіе о дешевизнѣ некоторыхъ предметовъ на этомъ огромномъ парижскомъ базарѣ.

Но рядомъ съ холстинковымъ платьемъ въ 15 су, вы увидите шелковое въ 200 фр., кружева въ 600 фр., и настоящій кашмиръ, за который надо заплатить не одинъ билетъ въ 1,000 франковъ, потому-что у Тампля есть свои богатые покупатели, какъ есть и покупатели-нищіе. Войдите въ лавочку Вель, купите занавѣски за десять франковъ, и, если угодно, онъ поведетъ васъ въ свои обширные магазины улицы Дюпти-Туаръ, гдѣ можно истратить 50,000 фр. Здѣсь вы увидите все, что только можетъ выдумать роскошь: великолѣпныя ковры, роскошныя столовыя часы, огромныя зеркала, грандіозную мебель. Говорятъ, что Вель купилъ большую часть мебели при аукціонной продажѣ замковъ орлеанской фамиліи. Да, въ Тамплѣ есть свои бабы, и первые между нами — обобщикъ Вель, и портней ноль вывѣской *Золотого яблока*. Онъ держитъ сотню работниковъ, занимаетъ шесть участковъ на площади, закупаетъ сукна разомъ на 40,000 франковъ, и снабжаетъ готовымъ платьемъ почти всѣхъ мелкихъ торговцевъ. Есть также продавецъ лентъ, занимающій семнадцать мѣстъ на рынкѣ.

Самое главное мѣсто въ Тамплѣ — *Ретонда*.

Торгъ начинается съ шести часовъ, лѣтомъ, и въ сорокъ минутъ съ самаго — зимою; кончается, лѣтомъ, въ восемь часовъ, и зимою въ шесть. Открытіе биржи возвѣщается звономъ колокольнича въ одиннадцать часовъ; закрывается онъ въ два часа.

Роконда Тампля — большой домъ, овальной формы, съ ко-

лоннами, составляющими перистиль. Снаружи ротонда замата разными лавочками; внутри живут портные, сапожники, шляпники, занимающіеся передѣлкою старья, скупщики, бабышники, и тому подобный людъ — болѣе тысячи душъ, между которыми по-крайней-мѣрѣ двадцать процентовъ принадлежатъ Нормандіи.

Почти надъ каждой лавочкой красуется надпись: *Отправляетъ въ провинцію и за-границу*—и выѣска иногда говоритъ правду; такъ наприимѣръ, одинъ торговецъ условился съ мэрами всѣхъ общинъ Франціи одѣвать, по сходной цѣнѣ, національную гвардію — солдатъ, офицеровъ, барабашниковъ и пожарныхъ. Онъ ведетъ огромныя дѣла, дѣлаетъ огромный кредитъ — и оттого ему нѣтъ соперниковъ.

Другой торговецъ долго снабжалъ аммуниціей армію Сулука, и — если вѣрить сплетнѣ — лишился этой привилегіи по слѣдующему случаю.

Сулукъ заказалъ ему обмундировать съ ногъ до головы свой батальонъ, по образцу линейныхъ полковъ временъ имперіи. Подрядчикъ доставилъ свіе мундиры, бѣлые брюки, черныя штіблеты и кивера съ маленькою четырехъугольною арматурой изъ желтой жести. Обмундировка чрезвычайно понравилась Фаустиву, и разъ, когда его владѣнія посѣтилъ какой-то французскій путешественникъ, онъ вздумалъ показать ему свое войско. Начался смотръ. Но едва выступилъ на сцену образцовый батальонъ, Французъ покатился со смѣху. Въмѣсто арматуры, онъ увидѣлъ на киверахъ жестяныя пластинки съ надписью: *Sardines à l'huile, à la Rochelle*. Ловкій поставщикъ украсилъ кивера Сулуковыхъ воиновъ остатками коробочекъ, въ которыхъ привозятся сардинки. Сулукъ пришегъ въ негодованіе, и съ-тѣхъ-поръ прекратилъ всякія сношенія съ Тамплемъ.

Въ Ротондѣ и окружающихъ ее погребахъ гнѣзятся мелкіе ростовщики, ссужающіе деньгами на короткій срокъ. Невозможно вообразить, какіе огромные проценты берутъ они съ бѣдныхъ торговцевъ! Обыкновенный курсъ здѣшнихъ займовъ—400 процентовъ. Иные ростовщики ссужаютъ деньгами на недѣлю, но большая часть — на сутки. 5 франковъ, занятые по утру, приносятъ къ вечеру 10 су прибыли, или въ недѣлю — 3 фр.

50 сант. Но тяжесть этихъ процентовъ , падающая повидимо-му на торговку, обрушивается косвенно на публику.

Вотъ отчего въ матрацѣ, проданномъ за 10 или 12 франковъ, гораздо болѣе кроличьей и собачьей шерсти , или даже крошенной бахромы старыхъ шалей, нежели настоящаго волосу. Порядочно набиты только два угла, обращенные къ публикѣ: это казовый конецъ. Одинъ изъ этихъ угловъ распарываютъ, и имъ-то увлекаютъ покупателя.

Вотъ отчего красивый сивій сюртукъ, купленный за шесть франковъ, побывъ разъ подъ дождемъ, дѣлается похожъ на пестрое платье арлекина. Щетка, помоченная въ краску, дала одинъ общій цвѣтъ равнымъ частямъ одежды.

Когда опытный человекъ покупаетъ фракъ или сюртукъ, то считаетъ первымъ дѣломъ разсмотрѣть воротникъ , обшлага, отвороты , локти, — словомъ, всѣ мѣста , которыя скоро протираются и по которымъ онъ можетъ судить о возрастѣ и условіяхъ долговѣчности своего предполагаемаго приобрѣтенія. Но если торговецъ знаетъ свое дѣло *ex professo* , то онъ уже навелъ, въ ущербъ матеріи, искусственный ворсъ на рукавахъ, воротникѣ, и прочемъ, и покупатель не увидитъ ни зги. Мѣста очень выношенные смачиваютъ растворомъ гуммиарабика и посыпаютъ потомъ суконнымъ порошкомъ. Остается только, для полноты очарованія , показать *звонъ сукна* , по которому судятъ объ его достоинствѣ: звонъ этотъ — веркъ искусства опытнаго торговца.

Общее правило для покупателей Тампля: остерегаться въ особенности новыхъ вещей. Истина эта такъ хорошо извѣстна торговкамъ, что онѣ, сдѣлавъ новое платье изъ легонькой шелковой матеріи, нарочно надѣваютъ его два-три раза и потомъ продаютъ за подержанное — дороже нежели продали бы новое. Почему? Потому-что никто не купитъ новаго шелковаго платья за тридцать франковъ.

И какъ часто глупость покупателя заставляетъ хатрить парижскаго торговца!

Но нигдѣ такъ не обманываютъ, какъ *черномъ льсу*. Здѣсь продаютъ за три съ половиною франка превосходные лакированные башмаки... съ приклееными подошвами; здѣсь же дѣлаютъ подошву изъ картузной бумаги , оклеенной только вчу-

три и снаружи кожей. Если надо, чтобъ башмаки имѣли видъ подержанныхъ, то соскабливаютъ нутро старыхъ башмаковъ, мѣшаютъ пыль съ водою, и этою смѣсью покрываютъ наружную сторону подошвы. Здѣсь также можно купить башмаки за пять су, но не бывало примѣровъ, чтобы подошва этого рода выдержала болѣе пятнадцати шаговъ на мостовой. Словоиъ, обувь — самая плачевная статья тамблскаго рынка, и въ черномъ лѣсу хорошее существуетъ въ видѣ рѣдкаго исключенія.

Тамбль беретъ дань отсюда: у богача, и нищаго, въ канавкахъ и знатныхъ домахъ, у банкировъ и въ больницахъ. Старое пальто, которое господинъ отдаетъ лакею, перейдетъ, черезъ руки торговца ветошью, въ Тамбль и оттуда явится на спинѣ разнощика аффишъ, пріодѣтаго поправничному.

Крошечный башмачокъ знатной дамы будетъ пріобрѣтенъ фигуранткой бульварной сцены. Ничѣмъ не спасти его отъ Тамбля; бросьте обувь на улицу — отсюда она еще скорѣе явится въ Тамбль; потеряйте ботинки въ Перпиньянѣ или Марсели — вы почувтаете на рынокѣ, отъ котораго возмущается сердце: у Тамбля вездѣ есть свои коммиссіонеры.

Назадъ тому шесть мѣсяцевъ, хорошенькая гризетка бросила за окно розовую ленточку — и, не подозрѣвая того, опять купила ее вчера. Правда, что розовая ленточка окрашена теперь въ черный цвѣтъ: прежде — она слышала веселый смѣхъ подъ наметомъ рощи, теперь — видитъ слезы надъ свѣжею могилой.

Если только доскутокъ не преданъ огню, онъ непремѣнно слѣдается добычей Тамбля. Какая бы ни была продажа съ аукціона — послѣ смерти, банкротства, просрочки — Тамбль всюду протягиваетъ свои когти, и захватываетъ собственность. Обноска пробираются на этотъ рынокъ сотнею извѣстныхъ путей: горничная, придверникъ, трапичникъ, трактирный слуга, странцій, воръ, насгѣдникъ, бѣднякъ, мѣняющій старую шляпу на корку хлѣба или стаканъ водки — всѣ эти люди снабжаютъ биржу лохмотьевъ.

Около Тамбля, какъ около планеты, таятся мириады мелкихъ спутниковъ.

Прежде всего, торговка огнемъ, которая каждое утро шаркаетъ, са однихъ су, камфорку.

Потомъ, дѣятельную роль играютъ бродячіе трактирщики. Голодъ и жажда находятъ здѣсь утромъ чашку кофе съ молокомъ и сахарнымъ пескомъ — за 1 су; въ два часа, тарелку супу и кусокъ рисоваго пирога съ сахаромъ — за 2 или за 3 су.

Часть Парижа и его окрестностей, въ районѣ тридцати лье, запасается товарами въ Тамплѣ, или постоянно, или въ экстренныхъ случаяхъ. Торговля Тампля производится на чистыхъ деньгахъ, и, съ этой стороны, ему завидуютъ многіе магазины.

— Знаменитый охотникъ на львовъ, Жюль Жераръ, который одинъ-одинехонекъ выходилъ на поединокъ съ грознымъ животнымъ — и оставался побѣдителемъ, нынче издавалъ интересныя записки о своихъ подвигахъ, подъ названіемъ *La Chasse au lion*. Жераръ, молодой человекъ, маленькаго роста, худенькій, съ пріятнымъ лицомъ, извѣстный во всей Европѣ и особенно въ Африкѣ подъ названіемъ «убивателя львовъ», совершилъ подвигъ, на который никто не рѣшался, ни до ни послѣ него: онъ нападалъ одинъ, лицомъ къ лицу, на ужасное животное, которое часто выходило побѣдителемъ изъ битвы съ четырьмя или пятьюстами человекъ, унося въ себѣ пули, нисколько не вредившія его здоровью. Вотъ съ какимъ непріятелемъ схватывался Жераръ, и не одинъ разъ, не два, не десять, не двѣнадцать: онъ насчитываетъ до тридцати львиныхъ кожъ, сдѣлавшихся его трофеями.

Убить льва въ десяти шагахъ — дѣло, повидимому, очень простое, если судить о породѣ по животнымъ, которыя выроста, облѣнились и оглупѣли въ звѣринцахъ: съ хладнокровіемъ хорошимъ карабиномъ и вѣрнымъ глазомъ это, кажется, не удивительный подвигъ — и, въ десять лѣтъ, Жераръ доказалъ по-крайней-мѣрѣ двадцатью пятью примѣрами, что и льва можно убить, какъ зайца или бекаса. Но знаете ли, какая дилемма этой битвы? «Одно изъ двухъ — говоритъ Жераръ — или мгновенно убить льва, или же, прежде чѣмъ вы прицѣлились, вы уже лежите на спинѣ, подъ животомъ льва, который держитъ васъ въ могучихъ когтяхъ.» У льва есть только два мѣста, въ которыя можно мѣтить съ увѣренностью: голова и сердце. Попадая въ другія части тѣла, пули только увеличиваютъ его ярость и чудовищную силу. Лобъ возмужалого льва шири-

ною въ футъ, но цѣлить отъ этого не легче, потому-что левъ, если только онъ бѣжитъ прямо на человѣка, — очень хорошо видитъ оружіе и замѣчаетъ всѣ движенія. Онъ ждетъ перваго выстрѣла, и когда прицѣлится, садится на заднія лапы и потомъ ложится по-кошачьи, такъ-что пуля можетъ попасть только въ верхнюю часть головы. Если же охотникъ обходитъ льва — разумѣется, съ наведеннымъ карабиномъ — левъ тоже поворачивается, не перемѣняя своего положенія. Значитъ надо подойти къ нему на два или на три шага, найти високъ, прицѣлиться вѣрно и быстро, выстрѣлить и убить — иначе вы уже не существуете, прежде нежели успѣли вскрикнуть.

Но такъ охотятся на льва только ночью; впрочемъ, до Жерара никто не рѣшался въ Африкѣ на подобную охоту, и даже не считали ее возможною. И то сказать, Арабы — большіе трусы. Левъ лѣнивъ, любитъ поспать, и обращаетъ ночь въ день. При восходѣ солнца онъ удаляется въ свое логовище, между ребрами горъ, переваривать свою пищу; ночью, аппетитъ его пробуждается, и онъ идетъ въ сосѣднія деревни, чтобы захватить тамъ на ужинъ барана, быка или даже лошадь, которую онъ уноситъ бѣгомъ въ пасты, и часто очень далеко. Иные львы — гастрономы, и убиваютъ по нѣскольку быковъ, чтобы только напиться ихъ крови. Поэтому, охотнику на льва, надо сперва изучить нравъ и привычки животнаго, узнать гдѣ его логовище, и къ ночи забраться гдѣ-нибудь около него въ засаду. Часто проходитъ по нѣскольку ночей въ напрасныхъ ожиданіяхъ, посреди ущелій, населенныхъ разбойниками; но потомъ, въ одну прекрасную ночь, когда охотникъ уже утомился, — ему слышится скрипъ сломанныхъ вѣтвей въ чащѣ: шумъ приближается, потомъ въ чащѣ сверкаютъ два блестящіе глаза — и является левъ. Прежде всего левъ удивляется, что такое слабое существо осмѣливается загораживать ему дорогу, потомъ — становится въ оборонительное положеніе. Тогда-то охотнику надо имѣть вѣрный глазъ, стальные нервы и твердое сердце.

Если человѣкъ встрѣтится со львомъ ночью, внезапно и безъ оружія, или не успѣлъ оборониться — онъ погибъ неминуемо. Особенно смѣлъ и силенъ *черный левъ* — одна изъ трехъ пародъ, водящихся въ Алжирѣ: отъ него уже не

жде помилованія. Замѣчаніе это, повѣренное множествомъ трагическихъ случаевъ, опровергаетъ общее мнѣніе, будто левъ не нападаетъ на человѣка. Страхъ, неизбѣжный при такой встрѣчѣ, увеличиваетъ грозящую опасность. Охотнику остается только одно средство — бѣжать. Абдъ-эль-Кадеръ, въ интересной статьѣ о нравахъ льва, помѣщенной при второмъ изданіи книги генерала Домъ *Сагарскія лошади*, живописно представляетъ циркумвалаціонныя линіи, которыя описываетъ ужасное животное, безпрестанно приближаясь къ человѣку, пока схватить и пожреть добычу. Эмиръ рассказываетъ также, что ночнымъ мародерамъ удавалось иногда спастись помощью дерзости и присутствія духа, если только они кричали льву: «Кто ты? Чего хочешь? Иди своей дорогой: я такой же воръ, какъ ты!»—и тому подобныя восклицанія. Но сомнительно, чтобы это краснорѣчіе могло дѣйствовать на чернаго льва. Нѣкоторые путешественники, ѣхавшіе на ослѣ или лошади, встрѣчаясь со львомъ, отдѣлывались тѣмъ, что предоставляли ему своего бѣгуна. Левъ, довольный этимъ знакомъ уваженія, принималъ дань и не трогалъ человѣка. Но, еще разъ, опасно подвергнуться такой встрѣчѣ, все равно — верхомъ или пѣшкомъ, и Арабъ, знающій эту истину, ни за что не пустится одинъ въ ночное путешествіе.

Но все сказанное здѣсь можетъ дать очень недостаточное понятіе объ опасностяхъ, которымъ добровольно подвергалъ себя Жераръ, изъ любви къ сильнымъ ощущеніямъ, находившей повѣзію и наслажденіе въ долгихъ, безмолвныхъ ночахъ, посреди такихъ пустынь, куда и самый смѣлый человѣкъ не рѣшился бы ступить при дневномъ свѣтѣ. Охотясь для собственнаго удовольствія, Жераръ оказалъ въ тоже время большую услугу арабскому племени, освободивъ его отъ разорительнаго гостя. Левъ живетъ не мало — отъ тридцати до сорока лѣтъ; притомъ же у него славный аппетитъ, онъ рѣдко ѣстъ початый кусокъ, и предоставляетъ остатки своего обѣда шакаламъ и другимъ животнымъ низшаго разбору, которые слѣдятъ за нимъ въ его экспедиціяхъ, какъ акула за кораблемъ или коршунъ за караваномъ. Левъ убиваетъ или истребляетъ ежегодно лошадей, муловъ, быковъ, верблюдовъ и барановъ *тысячъ на шесть франковъ*. Если положить, что онъ живетъ, среднимъ

числомъ, тридцать-пять лѣтъ, то каждый левъ стоитъ Арабамъ *двѣсти-десять тысячъ франковъ*. Слѣдовательно, содержащія тридцати лвовъ, которые водятся теперь въ Константинопольской провинціи, обходятся Арабамъ ежегодно во сто-восемьдесят тысячъ франковъ. Дорогонько! Правительство беретъ только по пяти франковъ подати, а лву надо платить пятьдесятъ.

Жераръ — охотникъ благородный : онъ никогда не убивалъ льва, загнавъ его въ глубокую яму, и не стрѣлялъ съ вершины дерева, какъ боязливые Арабы. Онъ даже не позволяетъ себѣ охотиться въ засадѣ и заманивать львадохлымъ или живымъ бараномъ, чтобы лучше цѣлить. Жераръ слишкомъ уважаетъ свое геройское занятіе, чтобы унижаться до такихъ средствъ : онъ хочетъ бороться, но не умерщвлять — и въ подобной-то дуэли двадцать-пять разъ выходилъ побѣдителемъ. Всегда ли будетъ ему удаваться, и не пора ли положить карабинъ на мягкіе и пышные трофеи? Но Жераръ слишкомъ честолюбивъ и хочетъ умереть подъ когтями и въ пасти льва.

Если туристы въ палевыхъ перчаткахъ печатаютъ свои путевыя впечатлѣнія, гдѣ только говорится о дымѣ паровозовъ, тракахъ, шляпкахъ, концертахъ, то Жераръ имѣлъ полное право издать *Охоту на льва*, которую написалъ онъ карабиномъ, прежде нежели взялся за перо, и похождения этого новаго Гerkулеса читаются охотнѣе моднаго французскаго романа.

— Въ нынѣшнемъ году въ Мюнхенѣ будутъ открыты двѣ выставки — всеобщая нѣмецкая выставка живописи и промышленная, въ родѣ всемірной лондонской, но только въ меньшихъ размѣрахъ. Приготовленія къ первой подвигаются впередъ, тихонько, но твердымъ шагомъ. Предпріятіе это имѣетъ самую радужную опору въ Вѣнѣ, гдѣ, также какъ въ Дрезденѣ, Франкфуртѣ, Мюнхенѣ и Дюссельдорфѣ уже созываются коммисіи для разбора произведеній, назначаемыхъ для выставки. Баварское правительство разрѣшило на баварскихъ желѣзныхъ дорогахъ безденежный провозъ предметовъ, посылаемыхъ на выставку ; есть надежда, что и другія нѣмецкія государства сдѣлаютъ тоже. Мюнхенская коммисія пріасяжныхъ художниковъ рѣшила передать главный надзоръ за дѣлами выставки, то-есть вскрытіе, размѣщеніе, упаковку и продажу произведеній — особымъ комитетамъ. Впрочемъ,

для избѣжанія недоразумѣній, всѣ нѣмціе художники будутъ приглашены въ августѣ мѣсяцѣ въ Мюнхенъ, для обсужденія всѣхъ предметовъ, которые могутъ касаться ихъ и выставки. Органомъ картинной выставки будетъ *Нѣмецкій художественный листокъ*, издаваемый въ Берлинѣ. — Число экспонентовъ промышленной выставки возрастаетъ съ каждымъ днемъ: къ 1-му мая уже записались 6,000 человекъ, такъ что мюнхенская выставка явится самою большою изъ всѣхъ, бывшихъ послѣ лондонской. Изъ одной Австріи уже обѣщано 1,400 предметовъ. Квартыры въ окрестностяхъ хрустальнаго дворца невѣроятно вздорожали, особенно меблированныя комнаты для холостыхъ. Самое зданіе выставки уже возвышается во всемъ великолѣпнѣ. Видѣвшіе лондонскій хрустальный дворецъ утверждаютъ, что мюнхенскій гораздо выше — въ эстетическомъ отношеніи. Машины, которыя обѣщано послать на выставку, займутъ поверхность въ двадцать тысячъ квадрат. футовъ, такъ что для нихъ оказалось необходимымъ построить добавочное зданіе. Предметы будутъ развѣщены двѣнадцатью параллельными колоннами, по государствамъ, откуда они доставлены. Внутри хрустальнаго дворца хотятъ поставить три великолѣпные фонтана — одинъ подъ трансептомъ и два въ главномъ корпусѣ. Скульпторъ Дебъ уже приготовилъ модель фонтана Данаудъ. По доставленіи всѣхъ предметовъ, будетъ напечатанъ каталогъ выставки.

— Бодлеянова библіотека (Bodleian Library), при Оксфордскомъ университетѣ, есть одна изъ богатѣйшихъ коллекцій, не только въ Англіи, но и во всей Европѣ. Основателемъ этой библіотеки былъ сэръ Томасъ Бодлей, посланникъ королевы Елисаветы въ Голландію и Данію, который истратилъ все свое состояніе на покупку рѣдкихъ книгъ и рукописей, и, подаривъ свое пріобрѣтеніе университету, до самой смерти своей имѣлъ непосредственное наблюденіе надъ этимъ книгохранилищемъ и внесъ значительныя суммы на содержаніе библіотекарей. По Эдвардсову «Statistical View of the principal Libraries of Europe and America», въ Бодлеяновой библіотекѣ находится 218,300 печатныхъ сочиненій, въ томъ числѣ много весьма рѣдкихъ, и единственное собраніе рукописей, которымъ собственно и обязана она своею знаменитостію. Безспорно, что изданіе ка-

талого такой библиотеки — заслуга для науки, и составил его, г. Коксъ заслуживаетъ благодарности ученаго міра. Въ прошломъ году вышла въ Оксфордѣ первая часть этого каталога подъ заглавіемъ «*Catalogus codicum manuscriptorum bibliothecae Bodleianae*». Въ ней содержатся: 1) Описаніе рукописей, числомъ 244, которыя Вильямъ Гербертъ, графъ Пемброкъ, купилъ въ 1629 у знаменитаго Венеціанца Баррокіуса и подарилъ университету; и извѣстія 2) о 29 рукописяхъ, также изъ библиотеки Баррокіуса, подаренныхъ Оливеромъ Кромвелемъ; 3) о 29 рукописяхъ, сперва принадлежавшихъ сэру Томасу Ре; 4) о 93 рукописяхъ, пожертвованныхъ кентербрійскимъ епископомъ Ладомъ; 5) о 54 рукописяхъ, изъ библиотеки ученаго изслѣдователя древностей Зельдена; 6) о 200 рукописей, добытыхъ изъ разныхъ источниковъ; 7) о бумагахъ, оставшихся послѣ Исаака Казабона; 8) о бумагахъ Іоганна-Эриста Грабе; 9) о бумагахъ Жерарда Ленгбѣна; 10) о бумагахъ Жака Сентъ-Амана, и наконецъ 11) извѣстіе о двухъ рукописяхъ, подаренныхъ университету оксфордскимъ епископомъ Джономъ Феллемъ. Каталогъ не ограничивается, какъ многіа изданія этого рода, одною переченью заглавій: ученый издатель большею частью показавъ содержаніе рукописей, напечатанныхъ впослѣдствіи, а въ тѣхъ, которыя существуютъ во многихъ спискахъ, рачительно привелъ варианты текстовъ. Кромѣ греческихъ рукописей, занимающихъ болѣе половины перваго тома, при бумагахъ Казабона, Грабе, Ленгбѣна и Сентъ-Амана приведено нѣсколько важныхъ документовъ, въ томъ числѣ тринадцать собственноручныхъ писемъ французскаго короля Генриха IV къ сэру Джону Норрею, главнокомандующему англійскими вспомогательными войсками съ 1592 по 1594 годъ; два письма Вильгельма Нассаусскаго, принца оранскаго, съ іюня по августъ 1571, и письмо испанскаго посланника въ Лондонъ къ Маріи Стюартъ, отъ 23 ноября 1570.

— Въ городѣ Санъ-Франциско, которому вѣтъ и пяти лѣтъ отъ роду, основана въ прошломъ году академія наукъ, подъ названіемъ «*Colifornia Academy of Natural Sciences*», и недавно явился ежемѣсячный учено-литературный журналъ «*The Pioneer, or California Montly-Magazine*». Кромѣ этого журнала, въ Санъ-Франциско выходятъ тринадцать ежедневныхъ и вѣ-

сколько еженедѣльныхъ газетъ. Новая академія уже успѣла отличиться любопытнымъ открытіемъ: одинъ изъ ея членовъ, докторъ Гиббонсъ, прочелъ въ засѣданіи 13 іюня 1853, что онъ нашелъ рыбу, которая мечетъ не икру, но живыхъ дѣтенышей, и указалъ на пять различныхъ видовъ этой новой рыбы. Что донесеніе это — не пухъ, подтверждается статьею профессора Агассиза, помѣщенной въ ноябрьскомъ номерѣ «Sullinan's journal», гдѣ онъ упоминаетъ о двухъ такихъ породахъ рыбы, и называетъ ее *Embrioticus*. Но докторъ Гиббонсъ, справедливо приписывающій себѣ честь открытія, протестуетъ противъ этого названія, и живорожденную рыбу просто причисляетъ къ разряду *Labroides*.

ЗАМѢТКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЖИТЕЛЯ.

Петербургъ лѣтомъ. — Мелкіе промышленники. — Находчивость русскаго мужика. — Лѣтній Садъ. — Переименованіе Исаіевскаго моста. — Освященіе новой часовни. — Колпачо. — Равнодушіе къ великимъ людямъ. — Какъ должно полагаться на нянюшекъ. — Дебютъ Рыбакова. — Нѣсколько словъ о Максимовѣ и Самойловой. — Леонидовъ въ новой роли. — О Жулевой и Санойловой. — Дебютъ Клиновскаго. — Возобновленная опера Обера. — Новая опера Адама. — Исполненіе ея на нашей сценѣ. — О суагерской будкѣ и Марковецкомъ. — Бенефисъ Стеналовой. — Бенефисъ Тетара и Невилля. — Новая французскія пьесы. — Поездка въ Павловскъ. — Путешествіе къ Излеру. — Прогулка по морю. — Екатеринагофъ и проч.

Послѣдняя барка, безтолково, но усердно нагруженная диванами, креслами, столами, стульями, цвѣточными горшками и, присматривающею за всѣмъ этимъ, ключницею или кухаркою, отвалила. Послѣдній возъ и мужичекъ съ рогожею на плечахъ миновали заставу. Все, чему суждено наслаждаться въ этомъ году загородною жизнью и, можетъ-быть, познакомиться съ ревматизмомъ, флюсомъ и тому подобными простудными неприятностями, размѣстилось уже по болѣе или менѣ живописнымъ окрестностямъ Петербурга. Все, что должно пропитаться запахомъ клея и масляной краски, продолжаетъ двигаться по городскимъ улицамъ, прикрываясь зонтиками и злобно подтрунивая надъ дачниками. Наступаетъ лѣто,—это ясно, не смотря на пасмурное небо (извинитѣ за крошечную остроту) и дождь

обильно и непрерывно обливающій Петербургцевъ. Наступленіе лѣта доказывается и тѣмъ еще, что театры почти пусты, Невскій проспектъ принялъ довольно унылый видъ, а г. Излеръ то и дѣло рассылаетъ краснорѣчивыя объявленія, въ которыхъ, увы! почти всегда есть *въ слухъ неблагоприятной погоды* и т. д.

Въ то время, какъ обитатели Павловска подъ прикрытіемъ зонтиковъ пробираются въ воксалъ послушать Гунгля, а Парголовцы, Полюстровцы и проч. сидятъ у оконъ и ждутъ хорошей погоды; въ то время, какъ дачники у Лѣснаго Института и на Каменномъ Острову пьютъ кофе и морщатся передъ каминомъ; въ то время, какъ оркестръ подъ управленіемъ какого-то г. Лунда разыгрываетъ увертюры и польки въ пустой залѣ заведенія Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ; въ то время, однимъ словомъ, дакъ все стараются по возможности отататься у домашнего очага, — одинъ безсемейный странствователь, непостоянный житель города и дачъ, посетитель всѣхъ гуляній, театровъ и любитель природы — добровольно отказывается отъ удобства и покоя и съ самоотверженіемъ кочуетъ для васъ, милостивые государи и милостивыя государыни!... Кто этотъ необыкновенный смертный?... Кто это съ такимъ удивительнымъ великодушіемъ готовъ побывать вездѣ, послушать и посмотреть все, даже прочитать все и рассказать потомъ всѣмъ? Кто онъ, достойный по-крайней-мѣрѣ громкой извѣстности?.. Скромность не позволяетъ мнѣ сказать вамъ, что удивительный смертный этотъ никто иной, какъ фельетонистъ... И вѣдь, надо замѣтить, ничего не хочетъ фельетонистъ, кромѣ вашего вниманія: сидите себѣ покойно передъ каминомъ или у окна, продолжайте курить сигару или папиросу и слушайте.

Что дѣлается въ городѣ?

Въ городѣ, по обыкновенію, строятъ, перестраиваютъ, чистятъ и красятъ. Набережныя и Невскій проспектъ опустѣли. Экипажи показываются рѣже. Ворота и окна пестрѣютъ билетами объ отдачѣ квартиръ. Утромъ на улицахъ раздается пастушескій рожокъ (городская идиллія) и мычатъ коровы. Въ полдень дворы наполняются мелкими промышленника-

ми: то слухъ вашъ пораζεται звуками не въ ладъ наигрывающаго оркестра странствующихъ музыкантовъ, то завоетъ печальная шарманка съ пискливымъ кларнетомъ, то отставной служивый очарывисто и глухо, словно въ пустую бочку, крикнетъ — башмаковъ не надо-ль, башмаковъ!

За нимъ баба, пискливымъ голосомъ, прокричитъ — свѣжи яйца, свѣжи яйца! Тамъ точильщикъ затаиветъ — ножи, ножницы точить! За тѣмъ вы услышите странные, носовые звуки: гребни, гребенки! Потомъ: окуни, ерши, сига живые! Сахарна морожено! Цвѣты-цвѣточки... и разнохарактернымъ предложеніямъ нѣтъ конца. Половина ихъ — гласъ воіющаго въ пустынь. Какъ ни громко кричитъ иной разнощикъ—нѣтъ ему удачи. Что дѣлать—товаръ такой!... Тогда бѣднякъ подымается на выдумки. Хитеръ Нѣмецъ — да и русскій мужичекъ себѣ на умѣ. Вотъ хоть бы Дмитрій Филимоновъ, Тверитянинъ, — давно уже продаетъ онъ въ Питерѣ клюкву. Плохо шла торговля, а капиталу нѣтъ другимъ товаромъ завестись. Какъ быть? Раскинулъ Филимоновъ умомъ-разумомъ и говоритъ: — Нѣтъ, братъ, врешь—это не рука — надать такъ умудриться, чтобъ и клюкву у тебя-ать покупали. Стану-ко я шутки шутить да припѣвать—авось и клюковка моя пойдетъ. Такъ Филимоновъ и сдѣлалъ. Тотъ же товаръ остался у него, да не преждему продастъ его.

По ягуду по клюкву,
 По Владимірску по крупну;
 А вотъ стборнаю, холоднаю,
 Студѣнаю, ядренаю.
 Вотъ дѣвушки брали,
 Молодушки вабирали,
 Башмачки растеряли;
 Съ кочки на кочку скакали —
 Всѣ подолики перервали.
 По ягуду по клюкву,
 По Владимірску по крупну!
 А кто моей клюковки пожуетъ,
 Тотъ лишній годикъ проживетъ.
 А кто моей клюковки хватить,
 Тотъ денежки платитъ.
 По ягуду по клюкву.

По Владимірску по крупу!
 Вотъ прѣехала клюква изъ городу Можая.
 Всѣхъ господъ, господа, уважаю!...

Эдакія да бабашки,—брали красныя дѣвушки Наташки. Вотъ такъ клюква!... Самая Владимірская крупна, господа!...

Чѣмъ плоха выдумка Филимонова? Чѣмъ плоха его поэтическая способность? Будто не случилось вамъ читать (въ печати) многое далеко хуже этого? Мнѣ случилось не разъ... во, чтобъ гусей не раздражить!... Пусть себѣ на здоровье сочиняютъ и печатаютъ. Пусть Филимоновъ разбогатеетъ отъ своего сочиненія и клюквы!

Какъ хорошо распустились деревья въ Лѣтнемъ саду. Да и не въ одномъ Лѣтнемъ саду они распустились, — маленькій садикъ передъ Александринскимъ театромъ также позеленѣлъ, позеленѣлъ Адмиралтейскій бульваръ, Таврическій садъ, Петровский паркъ, Александровскій.... Трава поднялась высоко, сирени разцвѣли, вообще очень хорошо и очень пріятно!

Въ Лѣтнемъ саду публика нѣсколько позамѣнилась, наряды гуляющихъ дамъ не такъ свѣжи, не такъ изящны; джентльмены менѣе ловки, дѣти грязнѣе: но это нисколько не отнимаетъ у Лѣтняго сада его собственной красоты и достоинства.

Года проходятъ за годами, деревья разрастаются и становятся красивѣе. Статуи съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ, а нѣкоторые съ сарказмомъ, глядятъ на гуляющія мимо нихъ поколѣнія и, еслибъ могли, стали бы качать головою и говорить:

— Охъ, какъ измѣнилось все—и люди и наряды, и нравы... вотъ и послѣдній обычай исчезъ: не стоятъ въ Духовъ день красавицы вдоль широкихъ аллей живыми шпалерами, не приходятъ молодые женихи выбрать себѣ подругу по сердцу... т.-е. коли хотите, женихи приходятъ и теперь, да не такъ они приходятъ, какъ прежде; выбираютъ они подружки по сердцу—тоже иначе... О! гдѣ вы прекрасныя, потому что давно прошедшія, времена?... Гдѣ вы красавицы съ лазоревыми очами, съ русою косою чуть не до пяты и съ алымъ румянцемъ во всю щеку? Чай и косточекъ вашихъ не осталось! Чай съ землею смѣшались!...

Но, виноватъ, опять виноватъ! Сохрани Богъ, если прекрас-

ная читательница призадумается, сохрани Богъ, если глаза ея отуманятся хоть на мгновение: я тогда просто заплачу.

Дальше отъ воспоминаній, дальше отъ Лѣтняго сада. Пойдемте по набережной, станемъ глядѣть на Неву... Посмотрите какъ хороша она, посмотрите какъ красиво подымается и растетъ Александровскій паркъ—и вѣдь онъ, говорятъ, потянется дальше и дальше, туда къ Петровскому, онъ соединится съ нимъ... Вгляните на Биржу — не новый, но чудный видъ!.. неужели только то и хорошо, что ново?... Впрочемъ если хотите новости — такъ вотъ вамъ: Новый мостъ, на новомъ мѣстѣ. Отъ Адмиралтейскаго бульвара онъ ведетъ прямо на Биржу — за такое сообщеніе благодарятъ какъ нельзя искреннѣе торговые люди: польза очевидна.

Пойдемте далѣе. Бульваръ пусть,—правда, попадаетея кой-кто, но мы съ вами поспѣшимъ на Благовѣщенскую набережную и, безъ сомнѣнія, очень скоро достигнемъ Благовѣщенскаго моста. Здѣсь мы остановимся, здѣсь есть на что взглянуть. Не говоря уже о великолѣпномъ мостѣ, съ которымъ вы конечно очень хорошо знакомы, приглашаю васъ полюбоваться прелестною новою часовнею.

9-го мая, часовня эта, ровно черезъ годъ по заложеніи ея, явилась новымъ украшеніемъ и безъ того уже великолѣпной нашей столицы и была освящена. Нельзя не удивляться изящности и гармоніи рисунка, по которому построена эта часовня; нельзя не отдать справедливоста рукамъ, воздвигнувшимъ ее такъ скоро и такъ искусно. Внутри часовни поставленъ мозаичный образъ св. Николая Чудотворца, произведеніе русскихъ художниковъ, какъ видно изъ надписи: *Русская мозаическая студія въ Римѣ, въ 1854 году*. Входъ въ часовню — арка съ рѣзною вызолоченною рѣшеткою; боковыя арки закрыты цѣльными зеркальными стеклами. На наружной сторонѣ, обращенной къ Васильевскому Острову — образъ св. Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, писанный академикомъ Завьяловымъ. Надъ входомъ надпись: *Благословенъ грядый во имя Господне*.

Въ воскресенье, въ день освященія новой часовни, погода стояла превосходная и охотниковъ полюбоваться замѣчательнымъ произведеніемъ русской архитектуры — нашлось много,

не смотря на то, что въ то же время много народу уѣхало и въ Колпино. Тамъ, какъ вамъ извѣстно, 9-го мая ежегодно совершается религиозное торжество, при многочисленномъ стеченіи богомольцевъ. Железная дорога, значительно облегчая сообщеніе, позволяетъ въ настоящее время большому числу петербургскихъ жителей побывать въ Колпинѣ — и Петербуржцы какъ нельзя лучше пользуются такимъ удобствомъ.

Но, возвращаясь въ Петербургъ и, какъ ни душно въ немъ какъ ни пусто, — постараюсь отыскать тамъ какія-нибудь новости... Охъ, какъ тяжело это, еслибъ вы знали, какъ тяжело! О чемъ рассказывать вамъ? Вездѣ пусто. На Невскомъ проспектѣ, и тамъ даже, почти, пусто. Пассажъ, вѣроятно, въ самомъ непродолжительномъ времени поростетъ высокой травой, подъ которою заглохнутъ всѣ его магазины и кофейни... впрочемъ, можетъ-быть, этого и не случится. Случается иногда то, чего никто не ожидаетъ... Напримеръ: кто бы могъ ожидать, что какой-нибудь Баязетъ Эсенди станетъ рядомъ съ графиней Люціею де-Ламермуръ, и эта послѣдняя не отскочитъ въ ужасъ отъ своего сесѣда, не упадетъ въ обморокъ, даже не отвернется съ презрѣніемъ отъ кровожаднаго мусульманина, а доврчиво и совершенно спокойно будетъ глядѣть ему въ глаза?... Quelle horreur!... Страшно подумать! — Кто могъ бы предположить, что потомство поставитъ на одні доски—французскаго поэта и Кузьму Рощина?... Кто могъ бы предугадать, что Беатриче ди-Тенда съ своею дочерью будутъ терпѣливо выносить неспрошенные взгляды, Конфуція съ одной стороны и Абакалана — съ другой?... Кто бы могъ предвидѣть, что великаго адмирала Макабеля — съѣсть моль?... Само собою разумѣется, никто не погубитъ въ возможность подобныхъ нелѣпостей. А между-тѣмъ, уаѣраю васъ, все сказанное мною совершается въ настоящее время, не возбуждая ни въ комъ ни удивленія ни, даже, любопытства.

— Да, другъ Гераціо, говоритъ Гамлетъ: есть на свѣтѣ многое, о чемъ не снилось самымъ мудрецамъ!...

Вы повторили бы, нѣтъ сомнѣній, слова Гамлета, еслибъ завернули когда-нибудь въ кабинетъ восковыхъ фигуръ Прищипе. Чего, чего нѣтъ въ этомъ кабинетѣ! Увидите тамъ и Христофора Колумба, набитаго сѣномъ, и человѣческой черепъ и... и..

дачу герцога Веллингтона... и... все увидите, кромѣ посѣтителей!... Удивительное дѣло: никто не хочетъ смотрѣть на великихъ людей. Кабинетъ продается, это извѣстно мнѣ; но купить ли его кто-нибудь — этого не рѣшилъ бы, я думаю, и самъ Конфуцій.

Отъ великихъ людей обратимся къ маленькимъ, къ тѣмъ, которые весело рѣзвятся и бѣгаютъ по крошечному садикъ передъ Александринскимъ театромъ. Садикъ этотъ замѣчательнъ особенно въ томъ отношеніи, что сюда стекается безчиленное множество дѣтей, а слѣдовательно, немало и нянюшекъ. Дѣти играютъ и бѣгаютъ, а нянюшки, не бѣгать же имъ, садятся и толкуютъ себѣ, на свободѣ, о томъ о семъ, а больше о господахъ, — неистощимый и весьма интересный разговор!

— Что васъ давненько невидать было? — спрашиваетъ почившая няня молодую.

— Да мы — отвѣчаетъ молодая — на новую фатеру порѣзжались.

— На новую фатеру?... а въ какія страны?

— Ко Владимірской... большущую танерича наняли...

— Что же такъ?... Аль самъ-агъ расторговался?

— Да-съ, танерича, слава Богу, другое заведеніе пойдетъ... только вотъ развѣ сама-то станетъ трястись... онъ-то добрый...

— А она лиха?

— Скуповата.

— Ишь ты, прости Господи, а еще барыня называется!... а жалованье какое получаете?....

— Что наше жалованье!.. обнаковенно, самое пустое жалованье — пять въ мѣсяцъ да отсыпной кофій и сахаръ.. перебиваемся изо дня въ день...

— Черезъ пень да въ колоду... Плохое ноничъ житье, нѣтъ ужъ этого стариннаго приволья. Я вотъ, какъ молодая-то была, жила у своихъ, у енарала-то Поджилова, померши, — что эта за мистъ была!.. А теперь вотъ мотасяся, на гробъ себѣ не сколотишь... Ну да я что, я, положимъ, ужъ свой вѣкъ кончаю, а вѣдь вамъ, слава те Господи, можно бы найтить мѣсто почище святаго...

— Да гдѣ его найдешь? Трудно нониче..

Т. СХХV. — Отд. VII.

— Чго труднаго!.. вы бы мнѣ только адресу оставили свою... да я вамъ такое мѣстечко нашла бы, что и умирать не наде...

— Съ моимъ бы удовольствіемъ... признаться, очень мало получаю, да и дѣтокъ-то трое: просто голову сияли, набалованы, — слово скажи, сейчасъ матери перенесуть.

— Эка штука!.. Да вамъ бы въ магазю идтить.. шить чай умѣете?...

— Такъ, т. е. назъ простаго рукодѣля — умѣю.

— Такъ чего жъ лучше... недѣлю отработалъ, а съ субботы по крайности человекъ слободень... а тутъ вѣдь, небось, и праздниковъ не знаете?

— Какія ужъ намъ праздники!

— Вотъ поди же! что же вамъ убиваться-то естакимъ манеромъ — вѣдь по-ту-пору то и жисть, пока молодость есть да здорovie... нѣтъ, вы плюньте, да бросьте, ну его, что вамъ манураться ни за грошъ.

— Я бы хотѣла.

— Гдѣжъ вы живете-то, у Владимірской, въ чьемъ домѣ?...

— Противъ самой-то церкви, большой домъ съ балкономъ, булочная внизу...

— А! знаю, знаю... ну а тамъ въ какомъ номерѣ спросить?

— Въ пятомъ... нянюшку Лизавету спросите...

— Будьте спокойны... Эва! никакъ вашъ пострѣленокъ-то шлепнулся...

— Ахъ, Господи! И въ правду, мой... ну, будетъ таперь шуму, вишь все лицо ободралъ о песокъ... экъ его угораздило... прощайте, матушка, будьте здоровы...

— Прощайте, на-дняхъ заверну къ вамъ...

— Милости просимъ.

Пожилая няня скоро находитъ другую знакомку и говоритъ ей:

— Ну что? какъ поживаете?

— Благодаримъ покорно-съ, по немножку...

— А у меня радостная вѣсточка есть для васъ.

— Какая?

— Мѣсто открывается... и какое мѣсто, т. е. просто, вѣкъ станете жить и поминать меня... Вотъ сейчасъ, видѣлам, говорила я съ дѣвущкой... такая дурища, отходить, а что за го-

спода, такъ лучше отца и матери... у Владимірской живутъ... трое дѣтей, — умницы и строго содержатся, навѣкъ-то почитай и дѣлать нечего...

— Очень бы рада была и, даже, повѣрьте, на счетъ благодарности могла бы...

— Устроимъ все, адресу свою только оставьте... а не тутъ, такъ въ одной магазинѣ мѣсто открывается... у самой-то мадамы дочь, — жалованье тоже очень хорошее...

— Я очень благодарна буду...

— Извольте, извольте... просили меня...

И нѣтъ конца этимъ разговорамъ, не видать какъ и время проходить, не замѣтишь какъ ребенокъ себѣ носъ расквасить; гдѣ усмотрѣть за дитятею, до того ли! о! маменьки, маменьки!.. Впрочемъ, это совершенно не мое дѣло, — пусть садикъ остается биржею нянюшекъ, пусть дѣти рѣзвятся себѣ на здоровье.

РУССКІЕ СПЕКТАКЛИ.

Я расскажу вамъ, и это будетъ вчетверо интереснѣе, о дебютѣ г. Рыбакова. Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ, — и г. Рыбаковъ доказалъ, что сдѣлать этотъ шагъ весьма не трудно. Онъ въ роли Гамлета, выбранной имъ для перваго дебюта на сценѣ Александринскаго театра, отличался такъ, что каждому зрителю, если онъ только не досадовалъ, была возможность падохотаться до слезы. Пересказывать подробно, до какой степени г. Рыбаковъ искажалъ свою роль — у меня, право, нѣтъ охоты. Довольно будетъ, если я скажу вамъ, что дебютантъ не заботился о самомъ простомъ смыслѣ своихъ монологовъ и не только не понималъ, но, увы! и не выучилъ своей роли. Зачѣмъ г. Рыбаковъ игралъ здѣсь — это остается для меня совершенно непонятною загадкою. Надо предполагать, онъ побился съ кѣмъ-нибудь о закладъ, что и въ Петербургѣ найдется очень много охотниковъ аплодировать самому нечѣпкому исполненію роли Гамлета. Если предположеніе такое справедливо, то, поздравляю г. Рыбакова: онъ выигралъ закладъ.... Фактъ весьма печальный! Если вызывзютъ по нѣскольку разъ актера очевидно бездарнаго и аплодируютъ ему самымъ оглушительнымъ образомъ — чего долженъ ожидать артистъ

хорошій? Если аплодируютъ неистовому и бессмысленному крику и исковерканнымъ стихамъ — какая мысль должна придти въ голову молодого, только-что начинающаго артиста?...

Не стану больше говорить и о г. Рыбаковѣ, онъ, кажется, уѣхалъ, — счастливой дороги.

Говоря объ исполненіи Гамлета, трудно не упомянуть объ артистѣ, который въ настоящее время неподражаемъ въ этой роли. Вы, безъ сомнѣнія, уже слышали о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ на публику г. Максимовъ 1-й въ роли Гамлета; но о добросовѣстномъ трудѣ даровитаго артиста, объ истинной заслугѣ, можно и должно говорить не одинъ разъ. Недавно, и именно во вторникъ 25 мая, давали Гамлета и, увѣряю васъ, г. Максимовъ былъ до того хорошъ, что едва ли возможно что-нибудь лучшее. Въ игрѣ г. Максимова, я говорю о роли Гамлета, такъ много глубокой обдуманности, такъ много ума и таланта, чувства и простоты, что ее нельзя смотрѣть безъ увлеченія. До-сихъ-поръ Гамлетъ являлся постоянно какимъ-то страннымъ героемъ и драма Шекспира сильно смахивала на пресловутыя произведенія Расина и Корнея, которыя, право, далеко ниже своей извѣстности. Г. Максимовъ смѣло снялъ Гамлета съ героическихъ ходуль и представилъ его тѣмъ смертнымъ, какимъ понималъ его и самъ Шекспиръ: шагъ въ драматическомъ искусствѣ, за который нельзя не поблагодарить прекраснаго артиста.

Быть или не быть, сцена съ Офеліей, сцена съ матерью, слова: *Когда и старость падаетъ такъ страшно, что-жъ юности осталось?*... сцена съ Полоніемъ.... переданы г. Максимовымъ въ совершенствѣ. Короче: всю роль свою, отъ начала до конца, онъ ведетъ безукоризненно хорошо, и если найдется кто-нибудь съ непремѣннымъ желаніемъ отыскать пятнышко и въ солнцѣ, то онъ можетъ сказать развѣ то только, что въ игрѣ г. Максимова видѣнъ мѣстами недостатокъ силы — воцъ, кажется, единственный недостатокъ — да еще какъ-то не удалась сцена, въ которой Гамлетъ дерется на рапирахъ съ Лаврентомъ. Жаль также, это впрочемъ не относится уже къ г. Максиму, жаль, говорю я, что не всѣ остальные дѣйствующія лица пьесы соотвѣтствуютъ, хоть немного, прекрасному исполненію главной роли. Самая Офелія (г-жи Самойлова и Жуле-

ва) увы! далека, очень далека отъ совершенства. Въ игрѣ г-жи Жулевой еще проглядываетъ хоть немного чувства.... Г-жа Самойлова же, напротивъ, старается, повидимому, отличиться только пѣніемъ и платьями, оказывая, въ тоже время къ каждому слову сэра Шекспира и его переводчика несовершеннѣйшее равнодушіе. Этимъ простымъ способомъ возбуждается въ зрителѣ зѣвота.... и только! Еще одно слово г. Максимоу — и о Гамлетѣ довольно: въ сценѣ Гамлета съ матерью является тѣнь отца, — такъ дѣлалось при Шекспирѣ, это правда; но тогда, должно замѣтить, была другая публика, которая болѣе нашей вѣрила въ чудесность и на которую, слѣдовательно, появленіе тѣни дѣйствовало особеннымъ образомъ. Въ наше время чуть ли это не лишнее. Все фантастическое потеряло кредитъ и каждый видитъ г. Брянцова, а не страдающую тѣнь Гамлетова отца. Зритель въ странномъ положеніи: онъ видитъ то, что представляется разстроенному воображенію Гамлета и чего не видитъ Гертруда, которая, слава Богу, здорова. Съ другой стороны, Гамлетъ слышитъ слова тѣни, которыхъ не слышатъ ни зритель, ни Гертруда: нѣсколько запутанно. Почему же зритель *видитъ* вмѣстѣ съ Гамлетомъ тѣнь его отца, а не *слышитъ*, вмѣстѣ съ нимъ, словъ ея? Въ первомъ дѣйствіи элементъ фантастическій допущенъ какъ явленіе возможное, и тамъ сверхъестественное очевидно всѣмъ — тутъ дѣло просто; но тѣнь, являясь одному Гамлету и оставаясь незримою для Гертруды, не должна ли остаться незримою и для публики?

Изъ новостей Александринскаго театра, которыхъ было, какъ водится лѣтомъ, немного, мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о г. Леонидовѣ, о молодомъ дебиантѣ г. Климовскомъ и о бенефисѣ г. Леонова.

Кромѣ упомянутыхъ мною ролей *Бенвенуто Челлини*, въ переводной драмѣ того же названія, *Ляпунова*, въ драмѣ «Смерть Ляпунова» и *Николая Спиридоныча*, въ драмѣ «Судъ людской не Божій»—г. Леонидовъ сыгралъ еще роль *Графа*, въ переводной драмѣ «Окно во второмъ этажѣ». Новая роль эта, роль, такъ-называемая, *фрачная*, исполнена г. Леонидовымъ очень удачно. Жаль только, что движенія и манера говорить нѣсколько были у г. Леонидова рѣзки и отрывисты, что не-

совсѣмъ шло къ характеру графа, чловѣка спокойнаго и хорошо обдумывающаго каждый свой шагъ. Г. Леонидову слѣдуетъ обратить побольше вниманія на свою манеру говорить: она вредитъ тому впечатлѣнію, какое производитъ вообще его обдуманная и талантливая игра. Рѣзкій тонъ, словно г. Леонидовъ сердится, и излишнее выколачиванье словъ, какъ-будто онъ боится, что его не услышать и не поймутъ, неприятно дѣйствуютъ на зрителя. Замѣчанія мои, надѣюсь, ни сколько не оскорбятъ г. Леонидова, ибо — повторяю при этомъ — въ немъ есть дарованіе, горячая любовь къ искусству и пониманье дѣла: ему слѣдовательно легко избѣжать замѣчаній.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о г-жѣ Жулевой, занимавшей роль Анжелки, и г. Самойловъ, въ роли полѣсовщика. Первая была довольно слаба; борьба чувства съ долгомъ, чувства матери и раскаяніе въ своемъ проступкѣ — передавы г жею Жулевой очень вяло, не смотря на очевидное стремленіе ея къ афектаціи. Г. Самойловъ, по обыкновенію, мастерски исполнилъ небольшую роль полѣсовщика. Роль эта въ составѣ драмы совершенно лишняя, Богъ знаетъ зачѣмъ приклеенная; но, благодаря превосходной игрѣ г. Самойлова, зритель снисходительно смотритъ на авторскій промахъ и съ удовольствіемъ выслушиваетъ *тайну полѣсовщика*. Досадно только становится на ту часть публки, которая привыкла сочувствовать исключительно громкому вою и раздражающему слухъ крику. Публика эта, преимущественно наполняющая раскъ и мѣста за креслами, привыкла къ сильнымъ ощущеніямъ и на нее простой и истинный драматизмъ дѣйствуетъ какъ-то странно — она смѣется. Легко понять какъ артисту должно быть неприятно такое сочувствіе, какъ оно мѣшаетъ игрѣ, какъ расхолаживаетъ его увлеченіе. Впрочемъ, долженъ ли артистъ думать о райкѣ?... Есть, можетъ быть, такіе, что и думаютъ; но ужъ конечно г. Самойловъ не принадлежитъ къ числу ихъ — въ этомъ можно поручиться.

О дебютѣ г. Климовскаго сказать можно немногое: это молодой, очень молодой артистъ на маленькія роли. Голосъ у него небольшой, но довольно пріятный. Для перваго дебюта онъ сыгралъ, очень удовлетворительно, роль *Василія Горюна въ водевилѣ «Ямщики, или какъ гуляетъ староста Семснъ Ивановичъ»*. По-

томъ, онъ явился въ роли начальника чондаровъ въ оперѣ Обера «Влюбленная Баядерка». Опера эта, уже знакомая петербургской публикѣ, была дана, въ первый разъ по возобновленіи, въ бенефисъ г. Леонова. О достоинствахъ оперы говорить нечего, такъ какъ они давно уже оцѣнены. Роль Олифура исполнилъ очень хорошо г. Петровъ, неизвѣстнаго — довольно слабо г. Булоховъ, Нинки — весьма слабо г-жа Лаврова; г-жа Ршардъ, въ роли Золос, и Суровщикова, въ роли Фатьмы, танцовали прекрасно, особенно первая. Танцовщица эта имѣетъ полное право стать на ряду съ европейскими знаменитостями и даже многихъ оставить позади себя. Дай Богъ успѣха! Дай Богъ чтобы похвалы не вскружили прежде времени голову молодой танцовщицы и придали ей охоту къ труду, а не къ опочиванью на раннихъ лаврахъ — какъ это случалось со многими.

Въ бенефисъ г. Леонова шла еще новая французская комическая оперетка Адольфа Адана: — *Нюрнбергская кукла*. Музыка очень легка и граціозна. Содержаніе — произведеніе гг. Левана и Артура Боплана въ переводѣ г. Куликова — нелѣпо до крайности. Вотъ оно, судите сами:

Корнеліусъ, игрушечный мастеръ (г. Петровъ) *повиднлся* — это ясно доказывается тѣмъ, что онъ, Корнеліусъ, возниѣлъ непремѣнное желаніе и надежду оживить, посредствомъ магіи, одну изъ своихъ куколъ и женить на ней своего сына Донотана (г. Марковецкій), малаго съ *придурью*. Кукла готова и диво свершится въ первое ненастье — такъ повелѣваетъ магія: прекрасно, подождемъ! У Корнеліуса въ домѣ живетъ племянникъ, онъ же и подмастерье, Миллеръ (г. Леоновъ), молодой человѣкъ, который никогда не прочь отъ стакана добраго вина, хорошаго обѣда или ужина, и не откажется поволочиться за хорошенькой дѣвочкой, какова, на примѣръ, Берта, цвѣточница (г-жа Самойлова). Миллеръ готовъ даже жениться на Бертѣ. Но это еще впереди, а покуда онъ собирается отправиться съ нею въ маскарадъ и потанцовать на славу. Надо вамъ замѣтить, что почтенный Корнеліусъ не совсѣмъ справедливо воспользовался правами дядюшки и, прибавъ къ рукавъ нѣкоторое достояніе Миллера, держитъ въ рукахъ и его

собственную особу. Но какъ ни строгъ дялюшка, племянничекъ находить случай повнѣть и повеселиться. И вотъ, однажды, въ отсутствіе своего патрона, Миллеръ нарядился чертомъ — такъ ему ввдумалось — и поджидаетъ Берту. Берта пришла, но каково положеніе! она употребила свои деньги на доброе дѣло и лишилась, такимъ-образомъ, костюма, а слѣдовательно и возможности ѣхать на балъ.... Бѣда да и только! По счастью, Миллеру приходитъ прекрасная мысль — нарядить свою возможную въ платьѣ дялюшкиной куклы. Великолѣпная мысль въ одну минуту исполнена и молодые люди могли бы теперь спокойно отправиться на балъ, еслибъ въ эту минуту, къ новому огорченію ихъ и ужасу, не воротился дялюшка. Берта бѣжитъ въ мастерскую, а племянникъ въ попыткахъ гнѣзеть въ каминъ. Одна бѣда другую накликаетъ: на дворѣ поднялась непогода и Корнелиусъ рѣшается приступить немедленно къ исполненію давно задуманнаго плана. Донотанъ затапливаетъ каминъ, а Корнелиусъ начинаетъ заклинанія. Вслѣдствіе того и другаго, изъ каминна появляется очень скоро дьяволъ и съ удовольствіемъ соглашается исполнить желаніе игрушечнаго мастера. Кукла принесена и по волѣ дьявола начинаетъ шевелить руками, ходить, танцуетъ и обнаруживаетъ даже аппетитъ. Да здравствуетъ магія! Дьяволъ исчезаетъ на минуту для хозяйственныхъ распоряженій касательно ужина. Въ его отсутствіе прекрасная кукла начинаетъ куралесить, весьма сильно доказывая, что она чертова кукла и что, слѣдовательно, Донотану жениться на ней — не рука. Самъ папенька убѣжденъ въ этомъ и рѣшается уничтожить свое произведеніе. Явившійся дьяволъ узнаетъ отъ Корнелиуса, что кукла разбита въ дребезги. Въ ужасѣ, племянникъ сбрасываетъ маску и укоряетъ дялюшку въ убійствѣ Берты, прекрасной цвѣточницы. Какъ быть? Корнелиусъ долженъ возвратитъ племяннику его богатство или, въ противномъ случаѣ, отвѣчать за преступленіе. Само-собою разумѣется, онъ выбираетъ первое, а Миллеръ, и это также очень естественно, женится на Бертѣ, которая успѣла переодѣться и, слава Богу, не погибла... Честь и слава гг. Левану, Артуру Воплану и ихъ достойному переводчику — Куликову!..

Г-жа Самойлова и пѣла и играла очень хорошо. На се нѣсть,

я; право, навсегда бы отказался отъ драмы — Богъ съ ней! Лучше съ успѣхомъ занимать роли по средствамъ, чѣмъ... *какія-нибудь драматическія*. Гг. Петровъ и Леоновъ исполнили также свое дѣло очень хорошо. Г. Марковецкій... Г-жу Марковецкому слѣдовало бы кстатѣ шепнуть нѣсколько словъ по секрету. Крошечное замѣчанье, которое послужить, можетъ-быть, въ пользу и другимъ, не касается собственно исполненной имъ роли въ опереткѣ, нѣтъ—оно вызвано общимъ и постояннымъ недостаткомъ г-на Марковецкаго.

Дѣло въ томъ, что вообще всѣ артисты и артистки (артисты въ особенности) преимущественно держатся середины сцены. Такъ, положимъ, и должно быть по самому устройству театра — если артистъ не въ серединѣ, то изъ боковыхъ ложъ не видно его — противъ этого я и не спорю. Но, къ сожалѣнію, непрѣмное условіе быть на серединѣ сцены очевидно употребляется многими во зло и скромная будна суфлера играетъ, явнымъ образомъ, роль сильнѣйшаго магнита. Къ ней, къ этой будочкѣ, стремятся перѣдко многіе изъ артистовъ, на нее, на эту будочку, возлагаютъ всю свою надежду многіе изъ артистовъ и особенно часто г. Марковецкій (о другихъ когда-нибудь послѣ). Такая склонность къ суфлерской будкѣ влечетъ за собою тысячу самыхъ неспрїятныхъ послѣдствій. Во-первыхъ: публикѣ приходится, невольно прослушивать два раза одну и ту же роль — разъ отъ суфлера, другой отъ г. Марковецкаго; во-вторыхъ: г. Марковецкому очень трудно обдумать исполненіе роли, если онъ ея не знаетъ — что и замѣтно; въ-третьихъ: это доказываетъ, нѣкоторымъ образомъ, небрежность артиста, нелюбовь его къ искусству и неуваженіе къ публикѣ — качества не совсѣмъ-то похвальные въ каждомъ и, особенно, въ молодомъ артистѣ, которому должно еще трудиться и долго и много; въ-четвертыхъ: это связываетъ всѣ движенія артиста и г. Марковецкій, конечно, чувствуетъ самъ, какъ онъ неловокъ, потому именно, что ухо его вѣчно приковано къ суфлерской будкѣ; въ-пятыхъ... но будетъ и этого. Г. Марковецкій, вѣроятно, не станетъ сердиться за правду и постарается поддержать достойнымъ образомъ хощее мнѣніе и постоянное вниманіе къ нему здѣшней публики. Грѣшно было бы ему поступить иначе !..

Чуть-было не забыть сказать, что въ бенефисъ г-жи Степановой давали всѣмъ хорошо знакомую оперу М. И. Глики «Жизнь за Царя» и дивертисементъ, составленный изъ танцевъ и пѣнья. Я, къ сожалѣнiю, не могу ничего сказать объ этомъ спектаклѣ по той простой причинѣ, что мнѣ не удалось его видѣть. Я былъ въ этотъ вечеръ въ Михайловскомъ театрѣ, о которомъ и пойдетъ теперь рѣчь. Не пугайтесь: она не будетъ длиною, не смотря на то, что новыхъ пьесъ на французской сценѣ поставлено довольно много.

ФРАНЦУЗСКІЕ СПЕКТАКЛИ.

Публики въ Михайловскомъ театрѣ, какъ и въ другихъ, бываетъ лѣтомъ весьма мало—и этому, конечно, никто не удивится. Даже новыя пьесы не производятъ желаемого дѣйствiя и развигрываются передъ малочисленнымъ собранiемъ отъявленныхъ театраловъ. Тѣмъ, распустившимся уже въ настоящее время, деревья, благоуханiе цвѣтовъ, свѣжій воздухъ, красивая мѣстность, рѣка, озеро, даже прудъ.— все это, воля ваша, имѣетъ свои достоинства и привлекательность, а потому пустота театровъ лѣтомъ понятна.

Какъ бы то ни было, спектакли идутъ своимъ чередомъ и вы, если угодно, можете, оставаясь на дачѣ, познакомиться съ ними.

Во-первыхъ: бенефисъ г. Тетара. Давали: *Romulus* — комедию Александра Дюма-сына. Двое ученыхъ: одинъ философъ Вольфъ (г. Тетаръ), а другой астрономъ Целестусъ (г. Варлэ) живутъ вмѣстѣ. У одного изъ нихъ, а именно Целестуса, есть прехорошенькая сестра Марта (г-жа Мальвина), которую Вольфъ любить давно, самъ того не сознавая. Можетъ-быть, онъ никогда бы не призналъ въ себѣ нефилософскаго чувства и ужъ, разумѣется, никакъ не открылъ бы его Мартѣ, еслибъ совершенно случайное обстоятельство не явилось на помощь его ученой застѣчивости. Дѣло вышло, извольте видѣть, такое: однажды въ квартирѣ ученыхъ оказывается, Богъ вѣсть откуда, корзина, а въ корзинѣ—наворожденное дитя. Очень хорошо. Теперь вопросъ—чье это дитя? Бургомистръ сваливаетъ весь грѣхъ на Марту, хотя ему не слѣдовало бы заблуждаться, ибо дитя это ему съ родни по дочери, вступившей тайно въ бракъ съ какимъ-то изгнанникомъ. Истинный другъ познается въ несча-

сти. Чтобъ спасти честь молодой дѣвушки, Вольфъ предлагаетъ ей свою руку. Такое самопожертвованіе, ясно, можетъ быть только вълѣдствіе любви. Марта понимаетъ это очень хорошо, понимаетъ это и самъ почтенный философъ. Подъ конецъ пьесы открывается невинность Марты и, стало быть, Вольфъ можетъ отказаться отъ женитьбы, на которую рѣшился онъ только изъ великодушія. Но вотъ въ томъ-то и штука, что тутъ очевидно замѣшалась любовь — и философъ не отказывается.

Г-жа Мальвина и гг. Тетаръ и Варлэ — превосходно исполнили свои роли; что же касается до г. Невилля, занимавшаго роль бургомистра Бабенгаузена, то ему не мѣшало бы воздержаться нѣсколько отъ излишнихъ фарсовъ: способность карикатурить не доказываетъ еще дарованья, а скорѣе отсутствіе его.

Для начала спектакля шелъ довольно забавный фарсъ: *Le télégraphe électrique*, разыгранный очень живо гг. Верлэ, Пешена, г-жею Лемсиль и др. У нѣкоего Бигорно, живущаго въ Парижѣ, есть племянница Клара, рука которъ давно обѣщана директору лонскаго телеграфа Канетту. Молодой человѣкъ Тиволи, влюбленный въ Клару, служитъ чиновникомъ при парижскомъ телеграфѣ и рѣшается воспользоваться своимъ положеніемъ. Всѣ любезныя посланія отъ г. Бигорно къ Канетту и обратно, передѣлываетъ Тиволи по своему усмотрѣнію и, благодаря его стараніямъ, друзья ссорятся, а самъ онъ, какъ это водится обыкновенно, къ концу пьесы женится на Кларѣ. Въ пьесѣ многое множество хитросплетеній, но она не составляетъ сущности содержанія и потому я пропускаю ихъ. Публика смѣется и, стало быть, довольна.

Въ *Colombine-Somnambule* г-жа Мила и г. Тетаръ танцуютъ премило польку, которая очень понравилась публикѣ.

Въ водевилѣ *Adrien le souveur* отличался бенефициантъ. Крошечника Адриена принимаютъ за сына герцога де-Бюфора, — на этомъ *quiproquo* основана вся пьеса. Г. Тетаръ игралъ хорошо и потому незамысловатый водевилъ этотъ кажется понравился зрителямъ. О вкусахъ не спорятъ и слѣдовательно положимъ, что водевилъ хорошъ.

Бенефисъ г. Невилля состоялъ изъ четырехъ новыхъ пьесъ и одной старой. Старая пьеса *Le troisième mari* дава была въ началѣ спектакля и разыграна прекрасно г-жами Мила и Маль-

вила и гг. Тетаръ и Верне. — Les erreurs du bel-âge — водевилъ гг. Ксаэве, Варела и Дюмутъ—очень забавенъ и произведить въ публикѣ неударжимый смѣхъ. Jacquot ou dix têtes dans un bonnet, водевилъ, написанный собственно для г. Невилъ, который передразниваетъ парижскихъ комиковъ — не имѣеть, по моему мнѣнію, на нашей сценѣ особеннаго значенія, такъ какъ весьма немногіе изъ зрителей могутъ судить о сходствѣ подражанія съ оригиналами. Въ Парижѣ, говорятъ, г. Невилъ имѣлъ большой успѣхъ въ этой пьесѣ на сценѣ театра Variétés, — очень вѣроятно.

Чтобы кончить о бенефисѣ г. Невилъ, скажу что комедія-водевилъ Une soubrette de qualité неправдоподобна въ высшей степени и одолжена нѣкоторымъ успѣхомъ только игрѣ г. Невилъ и Дешана и г-жи Мила. О фарсъ «M-e Gibou et m-e Pochet ou le thé chez la gavadeuse», гдѣ гг. Тетаръ и Невилъ занимаютъ женскія роли и танцуютъ съ половыми щетками польку-фротеска (отъ глагола: froter — *натирать*) — говорить не считаю нужнымъ. Такихъ пьесъ можно бы и не давать — никто ратно, я полагаю, не потерялъ бы отъ этого.

Изъ новыхъ пьесъ слѣдуетъ упомянуть объ очень недурной комедіи-водевилѣ въ 2-хъ дѣйствіяхъ: L'impertinent, произведеніи гг. Баара и Делада. Роландъ де-Фижакъ (г. Мондидь), отчаянный шалунъ, волокита и дуэлистъ, дорого платится за похождения своей бурной молодости: ему выкололи глазъ, ранили руку и ногу. Это впрочемъ нисколько не мѣшаетъ Генриеттѣ де-Комонъ (г-жа Вольнисъ) любить отчаяннаго кутилу. На ея бѣду Роландъ собирается жениться на Алиѣ (г-жа Мальвина), внучкѣ г-на де-Людимара (г. Невилъ). Между-тѣмъ у Алины есть уже избранный — племянникъ г-жи де-Комонъ, Гекторъ (г. Дюшанъ), молодой человекъ весьма пылкаго нрава, который во что бы ни стало хочетъ убить своего соперника, убить, конечно, на дуэли. Роландъ рассказываетъ, въ поученіе молодому забіякѣ, свои собственныя похождения и дѣло кончается тѣмъ, что Гекторъ женится на Алиѣ, а Роландъ на Генриеттѣ. Пьеса нѣсколько растянута, но небольшой недостатокъ этотъ, при увлекательной игрѣ г. Мондидь и г-жи Вольнисъ, почти не замѣчается. Пьеса эта шла превосходно и очень понравилась публикѣ.

Еслибъ я не боялся раскучить читателя, я бы могъ рассказать еще о нѣкоторыхъ новыхъ французскихъ пьесахъ, такъ напримѣръ: о комедіи-водевилѣ: *Les malheurs heureux*, о комедіи: *Chasse au lion* и др... но на этотъ разъ довольно; не скажу даже ничего о Нѣмцахъ — о нихъ при слѣдующемъ свиданіи (загородныя гулянья.)

Теперь оставляю Петербургъ и приглашаю васъ за городъ. Вообразите, что погода очень хороша, что на небѣ нѣтъ ни одного сѣраго облачка, что солнце во всей своей красотѣ освѣщаетъ и грѣетъ міръ Божій. Вообразите, что вы съѣли въ вагонѣ и, окруженные самымъ отборнымъ и пріятнымъ обществомъ прекрасныхъ дамъ и остроумныхъ джентльменовъ, отправляетесь въ Павловскъ. Короткое время, нужное для переѣзда туда изъ Петербурга, проходить, виновато, пролетаетъ незаметно. Почтенная дама, искусно прикрывая свой, единственный впрочемъ, недостатокъ—глухоту, жалуется на непріятный шумъ отъ поѣзда, который мѣшаетъ ей слышать интересный рассказъ господина благородной наружности о занимательномъ путешествіи его на Востокъ. Молодой джентльменъ съ блѣдыми лицомъ и большими черными глазами, живописно завернувшись въ плащъ, подбитый бархатомъ, бомбардируетъ взглядомъ неопытное сердечко прелестной блондинки. Блондинка эта ѣдетъ, съ своею маменькой, посмотрѣть въ первый разъ павловскій вокзалъ и послушать Гунгля и, нѣтъ сомнѣнія, ей будетъ тамъ очень весело. Вопросъ: успѣетъ ли молодой джентльменъ съ черными глазами завоевать крѣпость въ короткое время переѣзда? Вотъ интересная дама въ траурѣ: это неутѣшная вдова и если она не сожгла себя тотчасъ по кончинѣ своего супруга, то потому только, что это не принято у насъ. Но, все равно: вдова считаетъ себя умершею, всѣ удовольствія ей опостыли; для нея собственно не существуетъ никакой разницы между свиданіемъ въ одиночествѣ и посѣщеніемъ публичныхъ гульбищъ. Она могла бы остаться дома, но, такъ ужъ и быть, поѣхала въ Павловскъ. Худенькій господинъ пріютился за полночьскою сосѣдкою — это мужъ и жена. Трогательная картина: жена обмахивается носовымъ платочкомъ, а мужъ за нею, какъ за каменною стѣною, безвечно дремлетъ, ходъ шумокъ поѣзда и разговора, вдрагивая только при гром-

комъ чиханіи своего vis-à-vis. Разговоръ завязался очень интересный:

— Милостивый государь! — говоритъ одинъ господинъ въ соломенной фуражкѣ — позвольте еще вашего табачку.

— Милостивый государь! — отвѣчаетъ ему господинъ въ сѣрой шляпѣ. — Вы мнѣ надоѣли, не прошло десяти минутъ, а вы ужъ десятый разъ нюхаете мой табакъ.

— Помилуйте-съ, извините что обезножкомлѣ.

Окружающее общество улыбается. Какой-то дамѣ сдѣлалась дурно.

— Что съ нею? отчего? — спрашиваютъ многіе съ участіемъ.

— Любимая собачка задохлась въ сакъ-воляжѣ — это ужасно! Вотъ что значить не исполнять предписанныхъ правилъ!

— Ахъ! вскрикиваетъ въ испугѣ молодая особа въ лиловой шляпкѣ — мертвое тѣло! Выкиньте, выкиньте его!...

Общая суматоха, во время которой поѣздъ прибываетъ на станцію Царскаго-Села. Нѣсколько новыхъ пассажировъ увеличиваютъ разнообразіе общества и вносятъ новый элементъ разговора. Дѣло идетъ о будущихъ скачкахъ вообще и объ англійскихъ скакунахъ въ особенности. Говорятъ и о погодѣ—и это очень естественно, потому-что накрапываетъ дождь. Какъ жаль, придется сидѣть въ воксалѣ! Народу ѣдетъ много, будетъ душно въ залахъ. Вотъ и Павловскъ, какъ скоро пройдетъ время въ пріятномъ обществѣ и интересныхъ разговорахъ. Вотъ и Гунгль: послушайте какую прелестную польку играетъ онъ — какъ весело въ Павловскѣ! Пусть дождь льетъ себѣ какъ изъ ведра, пусть черныя тучи заволокли небо, пусть деревья гнутся и трещать отъ сильнаго вѣтра. Это не помѣшаетъ никому толкаться въ залахъ воксала и слушать Гунгля. Молодой джентельменъ съ черными глазами станетъ продолжать начатое имъ дѣло. Неутѣшная вдова встрѣтитъ, можетъ-быть, кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ. Всѣмъ будетъ хорошо и весело—это непремѣнное условіе всѣхъ петербургскихъ загородныхъ гуляній.

У Иалера, на примѣръ, на Искусственныхъ Минеральныхъ Водахъ, надѣюсь, никто не пожалуется на скуку. Самыя афиши уже располагаютъ человѣка къ удовольствію. Потомъ оркестръ подъ управленіемъ Луида, — развѣ не пометь г. Луидъ дари-

жировать такъ же искусно, какъ дѣлалъ это прежде г. Гунгль! Представленія г. Рапо, въ случаѣ хорошей погоды. Воздушное путешествіе г. Регенти... Положимъ даже, что онъ никогда не полетитъ, но самые сборы весьма интересны!.. Еще оркестръ!.. Да помиуйте, неужели всего этого мало, неужели для такихъ наслажденій не стоитъ проѣхать въ Новую Деревню? Если у васъ нѣтъ своего экипажа, — къ услугамъ вашимъ общественная карета. Удобная машина, я говорю о каретѣ, перевезетъ васъ, въ многочисленномъ обществѣ, въ какія-нибудь полтора часа и стоить это: пятнадцать копѣекъ! — Необыкновенно дешево, если принять въ расчетъ предстоящія удовольствія и удовольствія самаго путешествія.

А поѣздка по морю, т.-е. по заливу на восточный кронштадтскій рейдъ! А Екатерингофъ, гдѣ за входъ, кажется, ничего не платится! А Петровскій паркъ, съ *вновь устроенною палаткою*! А курсъ леченія минеральными водами въ Александровскомъ паркѣ, съ прогулкою утромъ отъ 6½ до 10 часовъ и съ оркестромъ музыки!..

Если вы, читатель мой, проводите лѣто гдѣ нибудь далеко отъ Петербурга, въ своей деревнѣ, то, я увѣренъ, при чтеніи моихъ замѣтокъ о здѣшнихъ загородныхъ гуляньяхъ, вамъ загруснетъ. Рыбная ловля подъ зеленымъ кустикомъ, преслѣдованіе кулика по болотамъ или зайца по широкимъ полямъ, сѣнокосъ, прогулки и собираніе грибовъ въ темномъ бору, чудное раннее утро, великолѣпный закатъ солнца, ароматы сѣна и цвѣтовъ и даже поучительная бесѣда съ сосѣдомъ объ англійскихъ плугахъ... все это покажется вамъ ничтожнымъ и скучнымъ. Вы захотите въ Петербургъ, въ Павловскъ, въ Новую Деревню... непременно! Если же этого не случится, если вы только улыбнетесь на мое тщетное усиліе пѣнить васъ, я дѣйствительно стараюсь объ этомъ, если вы найдете, что въ вашей деревнѣ лучше чѣмъ въ Новой Деревнѣ... то вина *моя* — и пусть всѣ петербургскія окрестности называютъ меня плохимъ фельетонистомъ. Пусть дождь льетъ каждый разъ, какъ только я вадумаю выѣхать за городскую черту. Пусть недостойная лира моя разобьется въ дребезги! Я виноватъ кругомъ!!

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

МОДЫ.

При нынѣшней погодѣ, когда ртуть поднимается въ тѣни до двадцати-семи градусовъ, когда ни маркизы на окнахъ, ни даже близость рѣки не спасаютъ отъ жара, — мода одѣлась въ ткани, самыя свѣтлыя, прозрачныя, легкія — я сказала бы, какъ воздухъ, если бъ онѣ не были легче теперешняго воздуха, не освѣженнаго ни одной грозюю.

Въ такую пору господствуютъ только барезжъ, фуляръ, кисей и прелестный жаконъ съ широкими полосами, какъ на шелковыхъ платьяхъ, напримѣръ лиловый съ бѣлымъ, и друг.

Волапы болѣе и болѣе входятъ въ милость: ихъ бываетъ по три, четыре, даже по пяти на платьѣ. Грустно сознаться, но женщина въ такомъ платьѣ очень похожа на колокольчикъ.

Форма мантилій очень разнообразна: *жисси*, *шеврѣзъ*, *фонтанжъ*, и проч.: прелестныя созданія Делилла изъ кружевъ, блондъ и рюшу.

Фасонъ шляпокъ не измѣнился: это я повторила уже восемь мѣсяцевъ сряду — въ морозномъ декабрѣ и знойномъ юнѣ; но теперь я даже готова заключить съ ними перемиріе — на лѣто, во-первыхъ потому, что уборка изъ блондъ и цвѣтовъ чрезвычайно мила; во-вторыхъ, что шляпки сдѣлались гораздо легче — то-есть не имѣютъ рѣшительно никакого вѣсу, невѣсомыя — съ-тѣхъ-поръ какъ каркасъ дѣлаютъ изъ тюля, а не изъ соломки, какъ бывало прежде; въ-третьихъ, что рюшъ, которымъ обшиваются поля сверху и снизу, чудесно идетъ къ лицу, въ то же время какъ цвѣтъ его много выигрываетъ отъ блондъ и цвѣтовъ.... Кажется, достоинствъ этихъ очень довольно, чтобы простить важный недостатокъ. Пусть только модистки прибавятъ поля на одинъ палецъ, даже на два — и тогда шляпки эти будутъ совершенствомъ. Впрочемъ, кто же изъ насъ рѣшится провозвести эту реформу, не боясь прослыть антикомъ, нинсвійской древностью?

La Mode assujettit le sage à sa formule;

La suivre est un devoir, la fuir un ridicule.

Это — самое утѣшительное правило.

=

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТО-ДВАДЦАТЬ-ПЯТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

	стр.	
Мечты и действительность. Соч. автора «Наслѣдства»		✓
Часть вторая.....	1	✓
Тоже. Часть третья.....	105	✓
Записки купца Жаркова. Статья вторая.....	82	✓
Тоже. Статья третья.....	184	✓

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Записки мистра Желтоплуша. Романъ Теккерея. Часть первая.....	4	✓
Тоже. Часть вторая и послѣдняя.....	59	✓
Сусанна Дюшмэнъ. Романъ Людвига Ульбаха. Часть первая.	112	✓

III. — IV.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Воспоминанія о ловлѣ звѣрей въ Сибирь. Статья третья и послѣдняя. С. Черепанова.....	1	✓
Изъ Парижа въ Черногорье. Путевыя замѣтки К. Мармье. Статья третья и послѣдняя.....	33	✓
Путешествіе въ Луристанъ и въ Аравистанъ. Статья первая.	117	

V.

КРИТИКА.

✓ Дѣйствія Суворова въ Турціи, въ тысяча семь-сотъ-семь-десять третьемъ году. Составилъ генеральнаго штаба подполковникъ <i>Саковичъ</i> . Спб., 1853 года. <i>О. Сенковскаго</i>	1
---	---

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Апрѣль, 1854. Новыя книги.....	1
Старыя книги.....	1
Май, 1854. Новыя книги.....	1

VII.

СМѢСЬ.

М а й.

✓ Воспоминанія странствующаго врача. <i>С. Максимова</i>	1
Смитсонское учрежденіе въ Вашингтонѣ.....	25
Замѣтки путешественнаго вокругъ свѣта: — Японія и Китай во французской литературѣ. — Золотистый колоритъ восточныхъ зданій. — Еще хрустальный дворець. — Утѣшительныя объявленія. — Жизнь ратоборство на перьяхъ. — Теорія приличій. — Бородатые и безбородые. — Читальная зала Британскаго Музея. — Населеніе Лондона. — Признательность географіи къ великимъ людямъ. — Музыкальная отрада Американцевъ. — Словечко Россіи. — Искатели академическихъ кресель. — Забытая знаменитость. — Тринадцать за столомъ. — Искусственное разведеніе рыбы. —	

О средствахъ къ познанію первобытнаго состоянія американскихъ народовъ. — Окаменѣлый змѣй. — Вновь открытые памятники на Аппіевой дорогѣ. — Предохраненіе дерева отъ гнилости. — Искусственная слоно-
вая кость. — Метеорное желѣзо. — Добываніе цвѣт-
наго шелку изъ червей. — Сбереженіе овощей. —
Открытія въ вавилонской исторіи. — Новѣсти англій-
ской и американской литературы..... 32

Замѣтки петербургскаго жителя: — Чѣмъ занять Петер-
бургъ. — Увеселительный городокъ — Благотвори-
тельность. — Нѣмецкіе спектакли. — Русскіе спек-
такли. — Французскіе спектакли. — Некрологъ. —
Публичныя лекціи М. С. Хотинскаго. — Новѣсти въ
будущемъ..... 81

Музыкальныя новѣсти. *М. М.*..... 102

Моды..... 105

І ю н ъ.

Оливье. Разсказъ *Жюль Сандо*..... 107 ✓

Швецъ. Очеркъ *С. Максимова*..... 126 ✓

Квартирная хозяйка моего пріятеля (Очеркъ первый). *Пе-
тербургскаго жителя*..... 152 ✓

Замѣтки путешественнаго вокругъ свѣта: — Почтовое
устройство въ Турціи. — Почтовая контора и почмей-
стеръ; приходъ почты и сортировка писемъ; вещи
непопятныя для Европейца. — Альпійскіе ледники и
восхожденіе на Галенштокъ. — Китайскіе акробаты. —
Итальянская и Большая Опера въ Парижѣ. — Образ-
цова гостиница въ американскомъ вкусѣ. — Ветш-
ный рынокъ въ столицѣ моды. — Охота на льва. —
Будущія выставки въ Минхенѣ. — Каталогъ Бодле-
новой библіотеки. — Академія наукъ въ Санъ-Франсиско. 177

Замѣтки петербургскаго жителя: — Петербургъ лѣтомъ. —
Мелкіе промышленники. — Находчивость русскаго му-
жичка. — Лѣтній садъ. — Перемѣщеніе Исаіевскаго
моста. — Освященіе новой часовни. — Колпино. —
Равнодушіе къ великимъ людямъ. — Какъ должно по-

лагаться на нянюшекъ. — Дебютъ Рыбакова. — Не-
сколько словъ о Максимовъ и Самойловъ. — Леони-
довъ въ новой роли. — О Жулевой и Самойловъ. —
Дебюты Климовскаго. — Возобновленная опера Обе-
ра. — Новая опера Адана. — Исполненіе ея на нашей
сценѣ. — О суфлерской будкѣ и Марковецкомъ. —
Бенефисъ Степановой. — Бенефисы: Тетара и Невил-
ля. — Новыя французскія пьесы. — Поѣздка въ Пав-
ловскъ. — Путешествіе къ Измеру. — Прогулка по
морю. — Екатеринбургъ..... 213
Моды..... 234

APR 2 1937

